

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

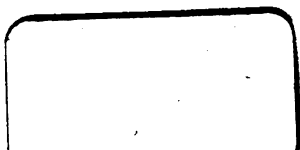
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЯ РОС
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕ

—
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА.

1862.

SOLOV'EV
"ISTOR. ROSSII"

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

"3-4"

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

Slav 728-1.9

Harvard College Library
Riant Collection
Gift of J. Randolph Coolidge
and Archibald Cary Coolidge
Feb. 28, 1900.

(Печатано съ изданія 1857 года съ добавленіями).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 31 Января, 1862 года.

Ценсоръ И. Безсожыкинъ.

Г Л А В А I.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ОТЪ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I-ГО ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА ТОРОЩЕЦКАГО.

(1054—1228).

Значеніе князя. Титуль. Посаженіе князя. Кругъ его дѣятельности. Доходы княжескіе. Бытъ князей. Отношенія къ дружинѣ. Дружина старшая и младшая. Войско земское. Вооруженіе. Образъ веденія войнъ. Число войскъ. Богатыри. Земля и волость. Города старшіе и младшіе. Новгородъ и Псковъ. Вѣче; Особенности Новгородскаго быта. Внѣшній видъ города. Пожары. Народонаселеніе города. Погосты и станы. Слободы. Сельское народонаселеніе. Количество городовъ въ областяхъ. Препятствія къ увеличенію народонаселенія. Торговля. Монетная система. Искусство. Домашній бытъ. Борьба язычества съ христіанствомъ. Распространеніе христіанства. Церковное управленіе. Матеріальное благосостояніе церкви. Дѣятельность духовенства. Монашество. Законодательство. Народное право. Религіозность. Дувѣріе. Семейная нравственность. Состояніе нравственности вообще. Грамотность. Сочиненія св. Θεодосія Печерскаго, митрополита Никитора, епископа Симона, митрополита Ювина, новача Кирака, епископа Луки Жидята, Кирилла Туровскаго. Безыменные поученія. Поученіе Владиміра Мономаха. Путешествіе игумена Данила. Посланіе Данила Заточника. Поэтическія произведенія. Слово о Полку Игореву. Пѣсни. Лѣтопись.

При обзорѣннн перваго періода нашей исторіи мы видѣли, какъ племена соединились подъ властію одного общаго главы или князя, призваннаго сѣверными племенами изъ чужаго рода. Достоинство князей Русской земли остается исключительно въ этомъ призванномъ родѣ; въ X-мъ вѣдѣ Новгородцы говорили Святославу, что если онъ не дастъ имъ князя изъ своихъ сыновей, то они выберутъ себѣ князя изъ другаго рода; но послѣ мы не слышимъ нигдѣ подобныхъ словъ. Члены Рюрикова рода носятъ исключительно названіе князей; оно принадлежитъ всѣмъ имъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ

какомъ случаѣ. Это званіе князя, приобретаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни отъ какихъ другихъ условій, равняетъ между собою всѣхъ Рюриковичей, они прежде всего братья между собою. Особенное значеніе, связанное съ княжескимъ родомъ, ясно выражается въ лѣтописи: въ 1151 году Кіевляне не могли помѣшать непріятелямъ переправиться черезъ Днѣпръ по Зарубскому броду, потому, говоритъ лѣтописецъ, что князя тутъ не было, а боярина не всѣ слушаютъ. «Не крѣпко бьются дружина и Половцы, если съ ними не ѣдимъ мы сами», говорятъ князья въ 1125 году. Когда Галицкій бояринъ Владиславъ похитилъ княжеское достоинство, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ ради княженія нашелъ зло племени своему и дѣтямъ своимъ, ибо ни одинъ князь не призрѣлъ дѣтей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору, князь за преступленіе не могъ быть лишень жизни, какъ бояринъ, а наказывался только отнятіемъ волости¹. Олегъ Святославичъ не хотѣлъ позволить, чтобъ его судили епископъ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашаютъ его въ Кіевъ: «пріѣзжай, говорятъ они, посовѣтуемся о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцевъ нашихъ и предъ людьми городскими.» Олегъ отвѣчаетъ: «неприлично судить меня епископу, либо игуменамъ, либо смердамъ». Изъ этихъ словъ опять видно, что все остальное народонаселеніе (исключая духовенство), въ отношеніи къ князю носило названіе смердовъ, простыхъ людей, не исключая и дружины, бояръ, ибо Олегъ и мужей отцовскихъ и людей городскихъ означаетъ общимъ именемъ смердовъ. — Въ этомъ же значеніи слово смерды смѣняется выраженіемъ: черныя люди; такъ сѣверскіе князья, во время знаменитаго похода на Половцевъ, говорятъ: «если побѣдимъ, и сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ намъ будетъ ихъ выдать».

Князь былъ общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова рода. Старшій въ родѣ князь назывался Великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя, обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ нѣчто похвалы. Ярославъ I-й называется великимъ княземъ Русскимъ

здѣсь слово: Русскій, однозначно съ всероссійскій, князь всея Руси, потому что Ярославъ, по смерти брата Мстислава, владѣлъ, за исключеніемъ Полоцка, всеми Русскими волостями. После Ярослава названіемъ великаго князя величается сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, но все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни, и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе: «Великій князь» употреблялось иногда просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постоянного, опредѣленнаго смысла². Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе: «Великій Князь», то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III-го и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе употребляется одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III-го³. Великими Князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III-го, первый съ достаточнымъ правомъ; второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: «великій» поставлено позади собственныхъ именъ ихъ⁴; также неразъ поставлено оно позади имени Всеволода III-го, но одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя Рязанскаго⁵.

Мы видѣли, каковы были отношенія старшаго князя къ младшимъ; видѣли, что старшій, если онъ былъ только названнымъ, а не настоящимъ отцемъ для младшихъ, распоряжался обыкновенно съ вѣдома, совѣта и по договору съ послѣдними: отсюда понятно, что когда князь избавлялся отъ родичей, становился единовластителемъ, то вмѣстѣ онъ дѣлался чрезъ это и самовластителемъ въ странѣ; вотъ почему слово «самовластецъ» въ лѣтописи употребляется въ значеніи «единовластецъ»; такъ сказано про Ярослава I-го, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластецъ въ Русской землѣ; когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ своихъ съ сѣвера, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ это, желая быть самовластцемъ

во всей Суздальской землѣ. Для означенія высшей власти, также изъ большей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: «Царь, царскій»; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: «Дай мнѣ посадить сына въ Перемыславль, а ты сяди царствуй въ Кіевѣ», т. е. «а ты владыкѣ Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому». Говоря объ епископѣ Теодорѣ, летописецъ прибавляетъ, что Богъ сналъ людей своими рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда послѣ Рутскаго сраженія воины Изяславовы, увидѣвши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то летописецъ говоритъ, что они величали Изяслава какъ Царя. Давидъ Заточникъ пишетъ къ Юрію Долгорукому: «Помилуй меня, сынъ Великаго Царя Владиміра⁶!» Жена Смоленскаго князя Романа причитаетъ надъ гробомъ его: «Царь мой благій, кроткій, смиренный!» Употребляются выраженія: «самодержецъ» и Греческое: «кирь⁷.» Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: «господимъ», или чаще просто: «князь», иногда то и другое вмѣстѣ.

При спорности правъ, при неопредѣленности отношеній, новый старшій князь иногда нуждался въ признаніи и редицей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія⁸; отъ нихъ ото всѣхъ приходили къ нему послы съ зовомъ идти на столъ. Первымъ знакомъ признанія Князя владычущимъ въ известной волости было посаженіе его на столъ; этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполне княземъ и потому къ выраженію: «зоякляжился» прибавляется: «и сѣлъ на столъ⁹.» Это посаженіе происходило въ главной городской церкви, въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софій. Для указанія того, что князь сядися на столъ по законному преемству, принадлежать къ роду княжескому и не изгой въ этомъ родѣ, употреблялось выраженіе: «сѣлъ на столъ отца и дѣда¹⁰.» Признаніе князя сопровождалось присягою, цѣлованіемъ креста: «Ты нашъ князь!» говорили присягавшіе. Когда родовое право князя было оспорено, когда его признанію предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, измѣнить или поддерживать которое считалось нужнымъ, то являлся радъ, уговоръ:

такъ видимъ уговоръ о мѣнѣхъ съ Ольговичами, Игоремъ и Святославомъ по смерти старшаго брата ихъ Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича братъ его Ростиславъ былъ по-семенъ въ Кіевѣ съ уговоромъ, чтобъ почиталъ дядю своего Вячеслава какъ отца; радъ и цѣлованіе креста назывались утвержденіемъ. Ряды по тогдашнимъ отношеніямъ бывали тройніе: съ братьею, дружиною, горожанамъ ¹¹.

Князь и въ описываемый періодъ времени, какъ прежде, заботился о строе земскомъ, о ратяхъ и объ уставѣ земскомъ. Онъ сносился съ иностранными государями, отправлялъ и принималъ пословъ, велъ войну и заключалъ миръ. О походѣ иногда самъ князь объявлялъ народу на вѣчѣ; мы видѣли, какъ во время усобицы Изяслава Мстиславича съ дядею Юриемъ Кіевляне сначала не могли рѣшиться поднять рукъ на сына Монохова, старшаго въ племени, послѣ чего Изяславъ долженъ былъ ограничиться одними охотниками, людьми себѣ преданными; въ Новгородѣ замѣчаемъ такіа же явленія; вообще народонаселеніе очень неохотно брало участіе въ княжескихъ усобицахъ. Князья обыкновенно сами предводительствовали войскомъ, рѣдко посылали его съ воеводами; кромѣ личной отваги, собственной охоты къ бою, мы видѣли и другую причину тому: безъ князя полки бились вяло, боярина не всѣ слушались, тогда какъ значеніе воеводы тѣсно соединялось съ значеніемъ князя. Старшему, большому князю считалось неприличнымъ предводительствовать малымъ отрядомъ: такъ однажды Берендѣи схватили за поводъ коня у Кіевского князя Гльба Юрьевича, и сказали ему: «Князь, не ѣзди; тебѣ прилично ѣздить въ большомъ полку, когда соберешься съ братьею, а теперь пошли кого-нибудь другаго изъ братьи ²²». Для молодыхъ князей считалось почетомъ ѣздить съ передовымъ полкомъ, потому что для этого требовалась особенная отвага ²³. Право рядить полки передъ битвою принадлежало старшему въ войскѣ князю ²⁴, и сохранялось еще преданіе, что добрый князь долженъ первый начинать битву; въ старину маленькаго Святослава перваго заставили бросить копье въ Древлянъ, въ описываемое время Изяславъ Мстиславичъ и Андрей Боголюбскій первые вѣзжали въ непріятельскіе полки.

Князю принадлежало право изданія судебныхъ уставовъ: послѣ Ярославъ сыновья его—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ съ пятью боярами (Тысяцкими) собрались для сдѣланія нѣкоторыхъ измѣненій въ судебномъ уставѣ отцовскомъ; Владиміръ Мономахъ съ боярами установилъ законъ о рѣзахъ или процентахъ; здѣсь можно видѣть разницу въ княжескихъ отношеніяхъ, когда старшимъ былъ братъ и когда былъ отецъ остальнымъ князьямъ: Изяславъ для перемѣны въ уставѣ собирается съ братьями, а Мономахъ не имѣетъ нужды созывать сыновей, которые во всякомъ случаѣ обязаны принять уставъ отцовскій, при немъ видимъ только Иванка Чудиновича, Черниговскаго боярина (Олгова мужа), быть можетъ присланнаго принять участіе въ дѣлѣ отъ имени своего князя. Князю по прежнему принадлежалъ судъ и расправа; во время болѣзненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономахъ между другими занятіями князя помѣщаетъ управленіе людей; лѣтописецъ, хвала Князя Давыда Смоленскаго, говоритъ, что онъ казнилъ злыхъ, какъ подобаетъ творить царямъ. Для этого управленія, суда и расправы князья объѣзжали свою волость, что называлось ѣздить, быть на полюдьи¹⁵. Князь изъ числа приближенныхъ къ себѣ людей и слугъ назначалъ для отправленія разныхъ должностей, въ посадники, тиуны, и т. п.; онъ налагалъ подати.

Доходы казны княжеской состояли по прежнему въ даняхъ. Мы видѣли, что покоренныя племена были обложены данью: нѣкоторые платили мѣхами съ дыма или обитаемаго жилища, нѣкоторые по шлагу отъ рада; встрѣчаемъ извѣстія, что и во времена лѣтописца подчиненное народонаселеніе платило дань, возило повозы князьямъ, что послѣдніе посылали мужей своихъ по областямъ для сбора дани: такъ Янъ Вышатичъ приходилъ за этимъ отъ князя Святослава на Бѣлоозеро; такъ Олегъ Святославичъ, овладѣвъ землею Муромскою и Ростовскою, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава епископѣ Смоленской (1150 г.) говорится, что въ погостахъ каждый платитъ свою дань и передмѣръ, также платятъ и стужники, по силѣ, кто что можетъ, и съ княжества Смоленскаго сходило дани болѣе 3000 гривенъ; кромѣ дани въ грамотѣ Ростиславовой упо-

находятся *полюдье* и *погородье*¹⁶. Известно также, что Киевский князь получал дань изъ Новгородъ¹⁷. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговля, суды, для старшаго князя дары отъ младшихъ, наконецъ доходы съ частной собственности, земель, Князьми принадлежавшихъ. Эта частная собственность вѣроятно произошла въслѣдствіе перваго занятія, населенія земель пустыхъ, никому не принадлежавшихъ; потомъ средствомъ пріобрѣтенія была купля: о купленныхъ князьми слободахъ прямо свидѣтельствуется летопись подъ 1158 годомъ¹⁸; наконецъ источникомъ пріобрѣтенія могло служить отнятіе земель у провинившихся бояръ и другихъ людей: когда, напримеръ, одинъ князь изгонялъ изъ волости другаго, то отбиралъ у бояръ послѣдняго ихъ имущество. При общемъ родовомъ владѣніи князя, разумѣется, имѣли частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ: отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянныя; можно думать также, что въ описываемое время, при общемъ родовомъ владѣніи, князя не уговаривались, какъ послѣ, не пріобрѣтать земель куплею въ чужихъ волостяхъ. На земляхъ, принадлежавшихъ князьми въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную же собственность: такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ Суздальскимъ; такъ Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, получилъ отъ дѣда или отца въ частную собственность земли или доходы въ Суздальской области¹⁹; такъ Ярополкъ Изяславичъ, княжившій въ Туровѣ и на Волыни, имѣлъ разныя частныя волости, даже около Кіева, и отдалъ ихъ всѣ при жизни въ Печерскій монастырь.

Земли, составлявшія частную собственность князей, были населены челядью; здѣсь-то на этихъ земляхъ князя устроили себѣ дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро. На Путыльскомъ дворѣ Святослава Ольговича было семь сотъ чело-вѣкъ рабовъ, кладовыя (скотницы), погреба (бретьяницы), въ которыхъ стояло пять сотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина;

въ сельцѣ у Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду и всякаго тяжелаго товара, желѣза и мѣди, на гумнѣ было 900 стоговъ. Большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подъ Новгородомъ Сѣверскимъ непріатели взяли у Ольговичей 3000 кобылъ и 4000 коней. Значеніе этихъ земель, дворовъ, запасовъ для князей показывается ихъ названіе: ж и з н ѣ. «Братья! говоритъ Святославъ Ольговичъ Давыдовичамъ: землю вы мою повоовали, стада мои и братнія взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!» Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о Черниговскихъ князьяхъ: «Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходятъ; такъ пойдѣмъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь».

Взглянемъ теперь на жизнь князя Русскаго въ описываемое время, отъ дня рожденія до смерти. При рожденіи младенца въ семьѣ княжеской давалось ему одно имя Славянское, или Варяжское, которое называлось княжи м ѣ и менемъ, а при св. крещеніи другое по Греческимъ святцамъ; первое употреблялось преимущественно; оба давались въ честь кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ, живыхъ или умершихъ²⁰; этотъ обычай употреблялся относительно младенцевъ обоюго пола²¹. Есть извѣстіе, что при самомъ рожденіи князю назначалась волость, городъ²²; давалась ли эта волость изъ частной собственности князя-отца, или новорожденный считался княземъ этой волости, города и мѣнялъ его въ послѣдствіи по общему племениному и родовому распорядку, — рѣшить нельзя. Восприемниками при купели бывали князья-родичи²³. Лѣтъ двухъ, трехъ, четырехъ надъ младенцемъ мужскаго пола совершался обрядъ — постриги, то есть первое стриженіе волосъ, сопровождаемое церковнымъ благословеніемъ, посаженіемъ малютки на коня и пирами въ отцовскомъ домѣ; иногда постриги дѣлались въ именины постригаемаго, иногда постригали двухъ князей разомъ. Для воспитанія князей употреблялись по прежнему кормильцы; о воспитаніи князей встрѣчается въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе подъ 1198 годомъ: «родилась дочь у Ростислава Рюриковича, и назвали ее Евфросиньей, прозваніемъ Изморагдъ, то есть дорогой камень; пріѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) и тетка ея Передслава, взяли ее къ дѣду и бабкѣ, и такъ воспитана она была въ Кіевѣ на Горахъ». Участвовали въ походахъ и разсы-

зались не волостямъ князя очень рано, иногда пяти, семи лѣтъ. Женили князя сыновей своихъ также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ²⁴, дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ; вотъ описаніе свадьбы дочери Всеволода III. Верхуславы, выходявшей за Ростислава Рюриковича, княжившаго въ Бѣлгородѣ: «Послалъ князь Рюрикъ Глѣба, князя Туровскаго, шурина своего съ женою, Славна Тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честію; ѣхалъ онъ за милою своею дочерью до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода: только осьми лѣтъ; великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою, и иныхъ бояръ съ женами. Князь Рюрикъ съ своей стороны, съигралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси, пировали на ней слишкомъ 20 князей; своихъ же своей далъ много даровъ и городъ Брягинъ; Якова свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато». — Изъ этого извѣстія, какъ изъ многихъ другихъ²⁵, мы видимъ, что браки устраивались родителями братующихся; видимъ, что лица, употреблявшіяся для переговоровъ, посылаемыя за невѣстою отъ женихова отца, и провожавшія невѣсту со стороны ея отца, назывались сватами; отецъ невѣсты снабжалъ ее золотомъ и серебромъ, давалъ за нею или по ней, что ясно указываетъ на приданое, тогда какъ свекоръ давалъ снохѣ дары и городъ для ея содержанія; что княгини имѣли города, видно и изъ другихъ мѣстъ лѣтописи²⁶; въ нѣкоторыхъ небогатыхъ волостяхъ упоминаются у княгинь только села²⁷; княжны, невыходившія замужъ, остававшіяся въ волостяхъ отцовскихъ или братнихъ, имѣли также села²⁸.

Князья вступали въ бракъ преимущественно въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства, въ шестой и пятой степени свойства²⁹; вступали въ родственные союзы съ соседними владѣтельными домами: Скандинавскими, Англо-Саксонскими, Польскимъ, Чешскимъ, Венгерскимъ, Византійскими,

очень часто съ ханами Половецкими ²⁰; иногда наши князья брали женъ изъ прикавказскаго народа Ясовъ ²¹; наконецъ женились на дочеряхъ бояръ (Новгородскихъ) и даже выдавали дочерей своихъ за бояръ ²². Мы видѣли, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкаго были незаконные сыновья, которыхъ отцы ничѣмъ ни хотѣли отличать отъ законныхъ ²³. Если князья въ первый разъ женились рано, то во второй бракъ вступали иногда очень поздно: такъ Всеволодъ III-й женился вторично снвнкомъ 60 лѣтъ. Встрѣчаемъ извѣстiя о разводахъ князей по случаю болѣзни жены и желанiя постричься въ монахи ²⁴.

О занятiяхъ взрослого князя, сидѣвшаго на столѣ, можно получить понятiе изъ словъ Мономаха къ сыновьямъ: «Не будьте лѣнны ни на что доброе: прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на постели: такъ дѣлавалъ мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною, или людей оправливать (творить судъ и расправу), или на охоту ѣхать, или такъ поѣхать куда, или спать лечь: для спанья время отъ Бога присуждено — полдень». — Охота составляла любимое препровожденiе времени князей; по словамъ Мономаха, онъ визалъ руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медвѣдя, на волка (лютатаго звѣря); охотились и на зайцевъ ²⁵, ловили ихъ тенетами; Мономахъ говоритъ, что онъ самъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и ястребахъ. Князья отправлялись на охоту на долгое время ²⁶, забирали съ собою женъ и дружину; охотились въ лодкахъ по Днѣпру, изъ Кiева ходили внизъ по этой рѣкѣ до устья Тясмина (до границъ Кiевской и Херсонской губернiи ²⁷); Игорь Святославичъ въ плѣну у Половцовъ утѣшался ястребиною охотою; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ.

Изъ лѣтописныхъ извѣстiй видно, что князья три раза въ день садились за столъ: завтракали, обѣдали, ужинали ²⁸; часъ завтрака, обѣда, и ужина опредѣлить нельзя, можно видѣть только, что обѣдали прежде полуденъ; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что вставали до свѣту и скоро послѣ того завтракали: при они-

самим Липецкой битвы говорится, что князь Юрій прѣбывалъ во Владиміръ о полудни, а битва началась въ обѣдную пору (въ обѣдъ годъ) ³⁹; въ поддень уже ложились спать. Князья по прежнему любили пировать съ дружиною. Кромѣ дружины они угощали иногда священниковъ: такъ летописецъ говоритъ, что князь Борисъ Юрьевичъ угощалъ въ Бѣлгородѣ на сѣнницѣ дружину и священниковъ; Ростиславъ Мстиславичъ въ великій постъ, каждую субботу и воскресенье сажалъ за обѣдомъ у себя 12 чернцовъ съ тринадцатымъ игуменомъ, а въ Лазареву субботу сзывалъ на обѣдъ всѣхъ монаховъ Кіевскихъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей; въ обыкновенное время угощалъ Печерскую братію по постнымъ днямъ, середамъ и пятницамъ; въ летописи называется это утѣшеніемъ ⁴⁰. Большіе пиры задавали князья при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ: накрестинахъ, постригахъ, именинахъ, свадьбахъ, по случаю пріѣзда другихъ князей, при чемъ гость и хозяинъ взаимно угощали и дарили другъ друга, по случаю восшествія на престолъ: такъ въ Никоновскомъ спискѣ читаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ, сѣдши въ Кіевѣ, учредилъ свѣтлый пиръ, поставилъ по улицамъ вино, медъ, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видѣли, что князья иногда сзывали къ себѣ на обѣдъ всѣхъ гражданъ и граждане давали обѣды князьямъ; князья пировали также у частныхъ людей: такъ Юрій Долгорукій передъ смертію пилъ у Осеника Петра. Большіе пиры задавали князья по случаю духовныхъ торжествъ, освященія церквей: такъ Святославъ Всеволодовичъ по освященіи Васильевской церкви въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ, созвалъ на пиръ духовный митрополита, епископовъ, игуменовъ, весь святительскій чинъ, Кіевлянъ ⁴¹. На пирахъ у князей обыкновенно играла музыка ⁴². Хоронили князей немедленно послѣ смерти, если не было никакихъ особенныхъ препятствій; такъ напримѣръ Юрій Долгорукій умеръ 15 Мая въ среду на ночь, а похоронили его на другой день въ четвергъ. Родственники, бояре, слуги умершаго князя надѣвали черное платье и черныя шапки; когда везли тѣло князя, то перелъ гробомъ вели коня и несли стягъ (знамя); у гроба становили копьѣ ⁴³; послѣ похоронъ князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищимъ: такъ Ростиславъ Мстиславичъ по смерти дяди Вячеслава роздалъ все его движи-

ное ииѣніе, себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословеніе⁴⁴. Ярославъ Галицкій самъ передъ смертію роздалъ ииѣніе по монастырямъ и нищимъ. Рождественники, бояре, слуги и народъ плакались надъ гробомъ князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца состояла въ слѣдующемъ: онъ былъ храбръ на рати, почиталъ, снабжалъ, утѣшалъ духовенство, раздавалъ щедрую милостивую бѣднымъ, любилъ и уважалъ дружину, ииѣнія не щадилъ для нея; особенною заслугою выставляется также вѣрность клятвѣ, соблюденіе тѣлесной чистоты, правосудіе, строгость къ злымъ людямъ, безстрашіе предъ сильными, обижающими слабыхъ. Объ одеждѣ князей можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ извѣстному Святославу Сборнику: здѣсь Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, представлены въ кафтанахъ немного ниже колѣна; кафтанъ у Святослава зеленый и сверхъ него корзно синее съ краснымъ подбоемъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною запоною съ золотыми отводами; у синовеи кафтаны малиноваго цвѣта и золотыя пояса съ четырьмя концами. Воротники, рукава у молодыхъ князей, подолъ у Ярославова кафтана и края Святославова корзиа наведены золотомъ; подолъ Святославова и Глѣбова кафтановъ красный; у маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоихъ востроносые. На молодыхъ князьяхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленоватымъ подбоемъ (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шапку); на Святославѣ шапка не такъ высокая, желтоватаго цвѣта, съ синими наушниками и темнокрасною опушкою; на маленькомъ Ярославѣ синяя, не очень высокая. Святославъ и Романъ съ усами безъ бородъ. На княгинѣ покрывало, завязанное подъ бороною; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами, съ широкою желтою полосою на подолѣ и съ золотымъ поясомъ, видны рукава нижней одежды съ золотыми поручами; башмаки золотые.

Отношенія князя къ дружинѣ оставались, въ главныхъ чертахъ, прежнія. При Ярославѣ произошелъ новый наборъ дружины; но при сыновьяхъ его уже начались усобицы, перемѣщенія князей изъ одной волости въ другую; легко понять, какъ такой

порядокъ вещей долженъ былъ дѣйствовать на положеніе дружины. Дружинники должны были или переѣзжать вмѣстѣ съ князьями изъ одной волости въ другую, или, оставаясь въ прежней, вступая въ службу новаго князя, ждать, что старая дружина послѣдняя, которая пріѣдетъ съ нимъ изъ прежней волости, займетъ первое мѣсто: въ княженіе Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видимъ ясныя указанія лѣтописца на подобныя отношенія старой и новой дружины при перемѣнѣ князей. Таково было непріятное положеніе дружины и при безспорныхъ смѣнахъ князей; но каково же было ея положеніе при борьбахъ, усобицахъ, когда одинъ князь силою выгонялъ другаго изъ волости? Тогда дружина побѣжденнаго князя по необходимости должна была ѣхать съ нимъ изъ прежняго города въ другой какой-нибудь, уступая мѣсто дружинѣ побѣдителя. Такимъ образомъ вслѣдствіе перемѣненій княжескихъ и дружина не могла получить осѣдлости. Отъ 1051 до 1228 года мы встрѣчаемъ въ лѣтописи полтораста именъ дружинниковъ; изъ этого числа не наберемъ и пятнадцати такихъ, которыхъ отчества указывали бы намъ, что это сыновья прежде извѣстныхъ лицъ, да и здѣсь изслѣдователи руководствуются, по большей части, одними предположеніями: вѣроятно, можетъ быть, что такой-то Лазаревичъ былъ сынъ извѣстнаго прежде Лазаря. Потомъ, изъ этого количества именъ мы наберемъ едва шесть примѣровъ, чтобъ дружинникъ служилъ послѣ отца сыну, и съ другой стороны не болѣе шести примѣровъ, чтобъ дружинники оставались въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ; наконецъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ примѣровъ наследственности сана Тысацкаго въ однихъ родахъ ¹⁶.

Понятно, что при такой неосѣдлости дружинѣ трудно было во все это время вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія къ волостямъ, получить важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ замлевлдѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наследственно правительственными должностями; бояре по прежнему оставались боярами князей, а не боярами княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или другаго князя, но не изъ выгодъ сословныхъ. Дѣйствія дружины имѣли значеніе, силу, когда ея выгоды совпадали съ выгодами города,

волости; такъ случилось въ Киевѣ по смерти Всеволода Ольговича; въ Ростовской области по смерти Боголюбскаго; здѣсь, во второмъ примѣрѣ, бояре дѣйствуютъ противъ младшихъ Юрьевичей въ пользу Ростиславичей; по согласію съ Ростовцами, но дѣло рѣшается не въ ихъ пользу вслѣдствіе особыхъ отношеній новыхъ городовъ. При этомъ надобно замѣтить также, что съ самаго начала у насъ на Руси вслѣдствіе размноженія членовъ княжескаго рода, управленіе сколько-нибудь значительными волостями и городами переходитъ къ князьямъ-родичамъ, а не къ боярамъ, которые по этому самому теряютъ возможность приобрести важное значеніе въ качествѣ областныхъ правителей: это важное значеніе остается за князьями же.—Исключеніе составляютъ Галицкіе бояре: Галицкая волость, ставши особымъ владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярославовомъ, по этому самому не перемѣняла князей своихъ; съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ племени Ростиславичей, потому что Владиміру удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ; единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Вслѣдствіе этого боярамъ Галицкимъ была возможность установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и областныхъ правителей: вотъ почему вліяніе дружины въ Галичѣ на дѣла страны оказывается такимъ исключительнымъ; сколько-нибудь сильнаго участія городовъ въ событіяхъ происходившихъ по смерти Романа Великаго, не замѣчаемъ, хотя народонаселеніе ихъ вообще питало привязанность къ молодому Данилу. Прибавимъ сюда еще вліяніе быта сосѣднихъ Галичу государствъ, Польскаго и Венгерскаго.

Но если такъ частъ и такъ необходимъ былъ переходъ дружины изъ одной волости въ другую и отъ одного князя къ другому, то легко понять, что не было возможности для точнаго опредѣленія отношеній ея къ князю; дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ службу другаго: каждый князь принималъ его съ радостію, ибо каждый нуждался въ храбрыхъ дружинникахъ; переходъ былъ легокъ для дружинника и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что Русская земля сохраняла свое единство, равно какъ и родъ кня-

лескій, слѣд. дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это несколько ни Русской земли, ни реду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень рѣдко случалось, чтобъ всѣ они находились въ мирѣ и добромъ согласіи между собою, а при первой усобицѣ дружинникамъ открывался свободный путь для перехода отъ одного враждебнаго князя къ другому: такъ въ силу обстоятельствъ обычай перехода скоро долженъ былъ превратиться въ право, и послѣ въ княжескихъ договорахъ мы увидимъ, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинниковъ: «А боярамъ между нами и слугамъ вольнымъ—воля.» Существовало ли такое условіе въ княжескихъ договорахъ описываемаго времени, или подразумевалось, какъ естественное и необходимое, и явилось только послѣ при ослабленіи родовой связи между князьями, обособленіи княжествъ—рѣшить нельзя по неимѣнію княжескихъ договорныхъ грамотъ изъ описываемаго періода, мы знаемъ одно только, что такія грамоты существовали въ это время. Хорошій князь, по современнымъ понятіямъ, не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего ни шадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя; жилъ онъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея ниѣмъ, ни тая думъ своихъ, намѣреній: «Князь! говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу: тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей брати.» А Владиміру Мстиславичу дружина говоритъ: «Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали.» Изъ тона лѣтописи видно, что несправилось, когда князь имѣлъ одного любимца, которому открывалъ свои думы, скрывая ихъ отъ остальной дружины: такъ разсказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ говоритъ: «Святославъ посовѣтовался къ княгиней, да съ Кочкаремъ, любимцемъ своимъ, а лучший мужамъ думы своей не объявилъ.» Князь почти все время свое проводилъ съ дружиною: съ нею думу думалъ, на охоту ходилъ, пировалъ; въ житіи св. Феодосія читаемъ, что когда князь Изяславъ хотѣлъ ѣхать къ преподобному, то распускалъ стѣхъ бояръ по домамъ, и являлся въ монастырь съ однимъ ма-

лымъ отрономъ: это рассказывается, какъ исключение изъ обычая. При такихъ близкихъ отношеніяхъ бояръ къ князю естественно ожидать, что совѣты ихъ и внушенія не оставались безъ слѣдствій въ распряхъ и усобицахъ княжескихъ: въ дѣлѣ ослѣпленія Василька лѣтописецъ прямо обвиняетъ извѣстныхъ бояръ Давыдовыхъ; не разъ попадаетъ извѣстіе, что князь поступалъ дурно, послушавшихъ злыхъ совѣтниковъ; если дружинникъ по неудовольствію оставалъ одного князя и переходилъ къ другому, то конечно не могъ содѣйствовать примѣни между ними: Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя двоихъ бояръ, братьевъ Бориславичей, озлобивъ, по выраженію лѣтописца, потому что холопы ихъ покрали княжескихъ коней изъ стада; Бориславичи перешли къ Давыду Ростиславичу и начали ссорить его съ Мстиславомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что при княжескихъ договорахъ и бояре цѣловали крестъ—добра хотѣтъ между князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ.

По прежнему встрѣчаемъ различіе между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что онъ созвалъ дружину свою старѣйшую и объявилъ ей объ этомъ. Всеволодъ Ш-й послалъ сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: «Братъ! если тебя привела дружина старѣйшая, то ступай въ Ростовъ.» Но старѣйшая дружина въ этомъ же самомъ рассказѣ переводится словомъ: бояре. Въ противоположность старшей встрѣчаемъ названіе младшая дружина; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ брату Владиміру: «Ступай впередъ на Бѣлгородъ, а мы вѣсь отпускаемъ съ тобою дружину свою младшую»; младшая дружина называется также просто: молодь, молодые, молодые люди, продолжаетъ носить названіе гридей, гридьбы. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, совѣтниками; но встрѣчаемъ извѣстіе, что иногда князья созываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину свою⁴⁷. Въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его дѣмъ, дворецъ, это такъ называемые отроки, дѣтскіе, насини, которые естественно раздѣлялись опять на старшихъ и младшихъ, или мѣвшихъ. Такимъ образомъ дружина состояла изъ трехъ частей: бояръ,

три дьбы: пашыковъ; ижеишець говоритъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, прїимавши въ Ростовъ, собралъ бояръ, градъбу и пашыковъ; и всю дружину. Третьей отдѣлъ дружины, служныя, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, на обзвѣръ начинають носить названіе двора, дворникъ⁴⁸; естественно впрочемъ ожидать, что въ противоположность городовымъ полкамъ люди именныя дворникъ разумѣлось и вси дружина, все княжеское войско. Бояре имѣли свои дома въ столичномъ городѣ княжескомъ, имѣли свои села⁴⁹; какого рода были эти села, кромѣ отчасти получали ли дружинники помѣстья отъ князей—ничего неизвѣстно. Кромѣ столичнаго города дружина (преимущественно, думъемъ; младшая) жила также по другимъ городамъ, гдѣ отряды ея составляли засады или гарнизоны⁵⁰, жила и по селамъ своимъ; послѣ каждого похода дружина распускалась. Княжескіе слуги жили при дворѣ; но могли также чередоваться службою, имѣя на сторонѣ свои дома. Бояре имѣли около себя въ походѣ свою службу, своихъ отроковъ⁵¹.

Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ; что же касается до посадниковъ, то они могли быть назначаемы и изъ дворянъ⁵². Тіуны княжескіе и боярскіе имѣютъ вѣднее значеніе. Изъ должностей служебныхъ въ домѣ, дворѣ княжескомъ встрѣчаемъ названіе: ключниковъ; на ихъ должность указываетъ слѣдующее извѣстіе: когда Ростиславъ Мстиславичъ похоронилъ дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояръ послѣдстваго, тіуновъ и ключниковъ, велѣлъ привести передъ себя все имѣніе покойнаго князя. Покладивши, по всемъ вѣрностямъ, соотвѣтствовалъ новгородскому спальнику. Званія Кошмаръ⁵³, Стольникъ, Мечешома⁵⁴, объясняются изъ самыхъ словъ. Упоминаются мечники; кощени, которыхъ, производя отъ слова кошь, можно приять за обозную прислугу; упоминаются съдельники, названіе которыхъ указываетъ на ихъ занятіе; и кощени и съдельники находились при войскѣ во время похода⁵⁵; съдельники жили, какъ видно, цѣлыми семействами въ известныхъ мѣстахъ⁵⁶. Въ Новгородской летописи подъ 1181 годомъ встрѣчаемъ названіе: кметство для лучникъ ратниковъ, ибо это названіе въ вѣкторникъ свѣдѣніяхъ переводится чрезъ: муш добровѣннито. Монамахъ говоритъ, что онъ былъ въ военъ жизни нагаръхъ дѣшею Половочникъ, и иныхъ кметій молодыхъ пятнадцать.

По прежнему находимъ въ лѣтописи ясныя указанія на различіе между дружиною и полками, собираемыми изъ остальнаго народонаселенія, городского и сельскаго; дружина отличается отъ полка. Вячеславъ Владиміровичъ говоритъ племяннику Изяславу: «Дружина моя и полкъ мой будутъ у насъ съ тобою общіе;» Ярославъ Галицкій говоритъ Кіевскому боярину объ отцѣ своемъ: «Полкъ его и дружина его у меня ⁵⁷;» хотя, разумѣется, слово: «полкъ» сохраняетъ и свое общее значеніе войска, точно также какъ и дружина; и, съ другой стороны, полкъ имѣетъ значеніе извѣстнаго отдѣла въ войскѣ. Кіевскіе полки рѣзко отличаются отъ княжескихъ дружинъ въ рассказѣ о битвѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ подъ Кіевомъ: «Вячеславъ и Изяславъ, не входя въ городъ, раскинули станъ передъ Золотыми воротами: Изяславъ Давыдовичъ сталъ между Золотыми воротами и Жидовскими, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ, а между князьями стали Кіевляне на коняхъ и пѣши;» тутъ же говорится, что Вячеславъ и племянники его послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ. На участіе сельскаго народонаселенія въ походахъ указываютъ прямо извѣстія лѣтописи о сборахъ Мономаха и Святополка на Половцевъ; дружина говорила, что весною не время идти въ походъ, ибо для этого нужно отнять поселянъ (смердовъ) и лошадей ихъ отъ полевыхъ работъ; Мономахъ отвѣчалъ на это: «странно мнѣ, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а объ томъ не подумаете, какъ весною начнетъ поселянинъ пахать лошадыю, и прійдетъ Половчинъ, ударитъ поселянина стрѣлою, а лошадь его возьметъ себѣ.» Если бы кто-нибудь задалъ вопросъ: какъ участвовали поселяне въ походахъ, для чего собственно употреблялись здѣсь они и лошади ихъ?—то на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта по недостатку свидѣтельствъ; приведемъ только одно извѣстіе, что во время войны Мстислава Торопецкаго со младшими сыновьями Всеволода III-го, послѣдніе погнали на войну и «изъ поселей,» какъ сказано въ лѣтописи. Въ лѣтописи же читаемъ, что Изяславъ Мстиславичъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ на вѣчь объявлялъ о походѣ; было ли это постояннымъ обычаемъ — утверждать нельзя. Какъ выходили граждане на войну, это видно также изъ словъ бояръ Изяславовыхъ, которые

звали Киевлянъ въ походъ отъ имени князя: «товерь, братья Киевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть ѣдетъ въ лодкѣ.» Изъ этого и изъ многихъ другихъ извѣстій видно, что ополченіе состояло изъ конницы (копѣйщиковъ) и пѣхоты (стрѣльцовъ); встрѣчаемъ названія: кони поводиые, т. е. употребляемыя подъ верхъ, и товарныя, обозныя, также кони сумныя; стрѣльцы обыкновенно завязывали дѣло, когда главная масса войска, копѣйщики, еще не вступали въ битву. Во время похода оружіе возли на возахъ⁵⁸; оружіе состояло изъ брони, шлемовъ, щитовъ, мечей; копій, сабель, стрѣлъ, кіевъ, сулицъ, ножей — засапожниковъ, рогатинъ, осѣвновъ и топоровъ, товєры бывали съ паворовою: въ Слєвѣ о полку Игорєву щиты называются Красными (Черменными); шлемы были съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ или личиною въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запоною у шєи⁵⁹. Употреблялись знамена, или стєги, также трубы и бубны. Не только оружіе возли на возахъ, но и сами ратники ѣхали на нихъ же; кромѣ возовъ съ оружіемъ должно думать, что войско сопровождало обозы съ съѣстными припасами: по крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что иногда припасы эти возли на лодкахъ по рѣкамъ⁶⁰; но есть также и не одно извѣстіе, что князья, вступая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ: это называлось ѣхать въ за житіє, а люди, посылаемые для такого сбора — зажитниками. Въ ожиданіи битвы ратники надѣвали брони; но предъ Липецкою битвою Мстиславъ Удалой далъ Новгородцамъ на выборъ: сражаться на коняхъ или пѣшикомъ; тѣ отвѣчали, что не хотятъ помирать на лошадахъ, но хотятъ битьса пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакѣ, и, сбросивъ съ себя юрты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля. Князья устраивали войско, говорили рѣчи; войска располагались по прежнему тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; но въ описываемое время упоминается и передовой полкъ, или передъ⁶¹, упоминается и сторожевой полкъ, или сторожєе, который давалъ знать главному полку о мѣстѣ пребыванія и движеніи непріятеля. При бѣгствѣ непріятеля, побѣдители бро-

свалить на станъ его, одирали мертвыхъ; о дѣлѣхъ добрыхъ встрѣчаемъ одно извѣстіе, что Мстиславъ Удалой, изгнавъ дѣнь на Чуди, двѣ части яа отдалъ Новгородцамъ, третью дворянамъ своимъ. Встрѣчаемъ извѣстіе объ укрѣпленныхъ станахъ: такъ крадь Липецкою битвою младшіе Всеволодовичи обвили свой станъ плетнемъ и масовали кольцевъ; былъ обычай также оторазиваться засѣками: такъ сказано объ Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, что онъ сталъ подъ своими лѣсами, засѣкшись отъ непріятеля; въ станахъ заходились шатры и полстницы: въ разсказѣ о взятіи Рязанскихъ князей Всеволодомъ ІІІ говорителъ, что Великій Князь, повдорѣвавшись съ ними, велѣлъ съѣсть имъ въ шатры, а самъ съѣлъ въ полстницѣ; также въ разсказѣ объ убіеніи Рязанскихъ князей родичами читаемъ, что убійца Глебъ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Половцевъ въ полстницѣ близъ шатра, гдѣ должны были пировать жертвы его.

И въ описываемое время войска переправлялись иногда порѣкамъ; такъ подъ 1185 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Святославъ Всеволодовичъ плылъ въ лодкахъ Десною изъ Новгорода Свкероматъ въ Черниговъ; встрѣчаемъ даже извѣстіе о рѣчной битвѣ на Днѣпрѣ между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія, когда Изяславъ дивно исхитрилъ лодки, по выраженію летописца: видны были одни только весла, а гребцовъ было не видать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этихъ крышкахъ въ броняхъ и стрѣляли, кормчихъ было два, одинъ на носу, другой на кормѣ, и куда хотѣли, туда и шли, не оборачивая лодокъ. Походы преимущественно совершались зимою: это будетъ понятно, если вспомнимъ состояніе страны, покрытой множествомъ рѣкъ и болотъ, черезъ которыя зима прокладывала ледяные мосты и такимъ образомъ облегчала путь; князья обыкновенно сѣвшили окончить походъ до того времени, какъ начнутъ таять снѣга и разливаться рѣки. (Кромѣ затруднительности дорогъ противъ не зимнихъ походовъ могли говорить также причины, приводимыя дружиною Мономаху противъ осенняго похода на Половцевъ: нужно было отрывать земледѣльцевъ отъ работъ въ полѣ. Пространство пути считали дѣями, наприм., подъ 1187 годомъ Рюрикъ Ростиславичъ говоритъ Ярославу Черниговскому: «вѣсть ны правая есть, азь вѣки Половцевѣя восе за полдне, ты мене дѣя поиди до полудня, а азъ»

тобѣдѣмъ. Бѣду десять днѣвъ». Или подѣ 1159 годомъ: «Брѣдншесѣ по шюмъ (Изяславъ Давидовичъ) за Десну, Святослава оба и Ширинъ, а отагдѣне за динше и не обрѣше его.» Новгородскыя лѣтописи, выходящи на встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, одны «три динщи, другіе динще отъ Новгорода.» — Упоминаются взятіа городовъ по шюмъ (присутюмъ) и взятіа на шитъ (сожженіе, разграбленіе; пѣкъ, истребленіе жителей): нѣтъ права думать, чтобы тамъ, гдѣ упоминается взятіе на шитъ, вперемѣно прежде было взятіе присутюмъ. При осадахъ городовъ почти никогда не упоминается о лѣшникахъ, отъобитныхъ орудіяхъ, подкопѣхъ; обыкновенно говорится, что городъ обступали и бились съ осаждающими у веротъ. Разъ говорится въ Новгородской лѣтописи подѣ 1065 годомъ, что Всеславъ Положскій приходилъ подѣ Цесовъ, и много трудился, и горокаши прибавъ; но Псковская лѣтопись неопредѣленнаго составленія, и притомъ означенное выраженіе у Псковскаго лѣтописца суровѣе. Осады продолжались отъ двухъ днѣй до десяти недѣль, болѣе продолжительныхъ осадъ не видимъ⁶². Изъ ста съ чѣмъ-нибудь случаетъ, гдѣ говорится о нападѣніяхъ на города, одны только разъ упоминается о взятіи конемъ, разъ двадцать девять о взятіи на шитъ, онустоиленіи городовъ, разъ сорокъ о сдачѣ, и просто о занятіи городовъ, при чѣмъ раза три употребляется выраженіе, что города были заняты взаимно, изъ бѣдонъ; разъ семь осажденные должны были принимать условія осаждающихъ, разъ пять говорится просто о мирѣ, послѣдовавшемъ за осадю, наконецъ разъ двадцать пять упоминаются осады неудачныя. — Здѣсь, разумеется, намъ было бы очень важно знать число войскъ во время походовъ и осадъ; къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ очень скудныя извѣстія въ лѣтописяхъ; подѣ 1172 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о битвѣ Русскихъ съ Половцами: у половчанъ, сказано, было 900 коней, а у Русей 90; но число коней не означаетъ числа всего войска, ибо коней сказано, что побѣдивши Половцевъ (900 коней), Русскіе взяли у нихъ въ дѣль 1,500 человекъ, другихъ перебили, а нѣкоторые убѣжали. Изъ словъ цѣлаго разсказа можно отдалъ нѣкоторыя собранія: прежде говорится, что когда Русскіе, перебивши Половчанъ сторожей, спросили у нихъ: «Много ли вашихъ коней», до тѣхъ отвѣчали, что 7,000; Русскіе кони противъ

этого семитысячнаго отряда, разбили его, и когда спросили у вѣннхъ: много ли еще вѣннхъ назади, то тѣ отвѣчали: «теперь большой полкъ идетъ;» — и въ этомъ—то большомъ полку насчитывалось 900 копій, следовательно полкъ, насчитывавшій въ себѣ 900 копій, имѣлъ всѣхъ ратниковъ въ себѣ гораздо болѣе 7,000, ибо относился къ семитысячному отряду, какъ большой полкъ. Русскій полкъ, состоявшій изъ 90 копій, считали маленькимъ отрядомъ, такъ что старшему князю неприлично было имъ предводительствовать. Когда Великій князь Святославъ Изяславичъ въ 1093 году объявилъ Киевоишиъ боярамъ, что у него 800 своихъ отроковъ, которые могутъ стать противъ Половцевъ, то бояре отвѣчали: «Если бы ты набралъ и 8,000, то не дурно было бы, потому что наша земля оскудѣла». Это извѣстіе о 800 (по нѣкоторымъ спискамъ 500) отроковъ можетъ указывать намъ на число собственной служби княжеской, которую должно отдѣлять отъ другихъ составныхъ частей дружины— бояръ и гридей. Когда Мономахъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль передъ Олегомъ, то у него не было и ста человекъ дружины—но это было послѣ бѣдственнаго сраженія съ Половцами, гдѣ Мономахъ такъ много потерялъ своего войска; Игоревичи перебили въ Галичѣ 500 бояръ. Великій Новгородъ во второй половинѣ XII вѣка могъ выставить 20,000 войска³³; сѣверная Русь—области: Новгородская, Ростовская съ Белоозеромъ, Муромская и Рязанская могли выставить 50,000³⁴; на Липецкой битвѣ изъ войска младшихъ Всеволодовичей погибло 9,233 человека, взято въ плѣнъ только 60 человекъ, но были кромѣ того и спасшіеся бѣгствомъ, нѣкоторые потонули въ рѣкахъ. Если сѣверная Русь могла выставить 50,000 войска, то южная Русь, относительно болѣе населенная, могла выставить и большее число войска. Здѣсь, разумѣется, не должно упускать изъ вниманія того, происходили ли войны соединенными силами нѣсколькихъ княжествъ, или два князя боролись съ одними собственными силами: если мы предположимъ, что южная Русь могла выставить болѣе 50,000 войска, то мы должны раздѣлить это количество на шесть частей по областямъ (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Киевская), а если борьба шла между князьями одной изъ этихъ областей, напр., между Черниговскимъ и Сѣверскимъ, то мы не можемъ

предположить, чтобы каждый из них мог вывести в поле больше 5,000 войска. Но, сь другой стороны, должно замѣтить также, что во всѣхъ почти войнахъ принимали участіе толпы дикихъ Половцевъ и своихъ Черныхъ Клобуковъ, такъ, напр., на помощь Всеволоду Ольговичу, въ 1127 году, пришло 7,000 Половцевъ; на помощь Изяславу Давидовичу пришло 20,000 Половцевъ. Наконецъ въ Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1135 году Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій шлъ въ своемъ войскѣ Нѣмцевъ; на югъ подъ 1419 годомъ упоминаются также Нѣмцы въ Русскомъ войскѣ.

И въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстіе о богатыряхъ; въ этотъ періодъ, какъ видно, человѣкъ, благодаря физической силѣ, могъ выдѣлиться, приобрести особенное значеніе, и давать побѣду тому или другому князю; къ богатырямъ, какъ видно, питали особенное уваженіе, называли ихъ людьми Божіими. Замѣчательнъ разсказъ лѣтописи подъ 1148 годомъ о богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ. Этотъ богатырь жилъ въ Переяславлѣ княземъ у князя Мстислава Изяславича въ то время, когда сынъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ, хотѣлъ въ расплохъ напасть на Переяславль. Узнавши о приближеніи Глѣба, князь Мстиславъ отправился немедленно къ Демьяну, и сказалъ ему: «человѣкъ Божій! теперь время Божіей помощи и Пречистой Богородицы и твоего мужества и крѣпости.» Демьянъ тотчасъ же сѣлъ на коня съ слугою своимъ Тарасомъ и пятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвѣстно куда. Богатырь выѣхалъ изъ города, встрѣтилъ князя Глѣба Юрьевича на полѣ у посада, съ яростію напалъ на его войско и многихъ убилъ нещадно. Князь Глѣбъ испугался, побѣжалъ назадъ, а Демьяну Куденевичу послалъ сказать: «Я приходилъ на любовь и на миръ, а не на рать». — Но скоро Глѣбъ съ Половцами пришелъ опять къ Переяславлю, Демьянъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ доспѣховъ, перебилъ много непріятелей, но самъ былъ пострѣленъ во многихъ мѣстахъ отъ Половцевъ и въ изнеможеніи возвратился въ городъ. Князь Мстиславъ пришелъ къ нему, принесъ много даровъ, обѣщалъ дать волости; богатырь отвѣчалъ ему: «О суета человѣческая! кто, будучи мертвъ, желаетъ даровъ тлѣнныхъ и власти погибающей!» Съ этими словами Демьянъ уступилъ вѣчнымъ сномъ, и былъ по немъ плачь великій во всемъ

городъ. — Въ разсказѣ о Липецкой битвѣ упоминаются также богатыри, бывшіе на сторонѣ Мстислава Торонецкаго. Въ разсказахъ о Калкской битвѣ говорится, что тутъ пало 80 храбровъ или богатырей.

Обратимся теперь къ народонаселенію городскому и сельскому. Русская земля въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т. е. всѣ Русскія владѣнія, раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или волостей: Русская земля (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Кіевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово волость, власть означало и княженіе (власть), и княжество (владѣніе, область). Между словами: волость и земля можно впрочемъ замѣтить различіе: земля имѣла чисто географическое значеніе, тогда какъ волость содержитъ въ себѣ всегда значеніе о зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города; въ этомъ смыслѣ названіе волости носятъ окружная земля въ противоположность городу, и жители ея въ противоположность горожанамъ; Новгородская земля есть Новгородія, земля, обитаемая Новгородцами, какъ Польская земля есть Польша, Чешская земля—Богемія; Новгородская же волость означаетъ земли, подвѣдомственныя, подчиненныя Новгороду Великому. Первоначально, до призванія Рюрика, лѣтописецъ указываетъ намъ племена, независимыя другъ отъ друга: это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженіе; встречаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напр., Деревская земля; слѣд. можно думать, что первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія: такъ земля Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ и Кривичей, земля Полоцкая землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская Кривичей и Радимичей, Кіевская Полянъ, Древлянъ, и Дреговичей, Черниговская Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемѣна названій, исчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь уже другое, а не прежнее племенное. Не смотря впрочемъ на то, что явилось новое могущественное начало, власть

княжеская, подъ вліаніемъ которой несомнѣнно совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной, прежнее значеніе древнихъ главныхъ городовъ не утратилось для окружнаго народонаселенія, чему, разумѣется, прежде всего способствовала первоначальная неопредѣленность отношеній городского народонаселенія къ князьямъ, неопредѣленность, преимущественно зависѣвшая отъ родовыхъ княжескихъ отношеній, отъ частаго перехода князей изъ одной волости въ другую: при спорности правъ княжескихъ относительно наследства, при усобицахъ, отсутствіи князей, волости необходимо должны были смотрѣть на главные, старшіе города, сообразоваться съ ихъ рѣшеніемъ. Отсюда главные, древніе, старшіе города въ волости удерживаютъ относительно послѣдней, относительно младшихъ городовъ или пригородовъ значеніе властей, называются властями: «Новгородцы изначала, и Смоленяне, и Кіевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положить, на томъ пригороды ставятъ,» говоритъ лѣтописецъ. Такихъ мѣстъ лѣтописи, изъ которыхъ можно было бы узнать объ отношеніяхъ младшихъ городовъ въ волости къ старшимъ очень мало; тутъ же въ разсказѣ лѣтописца подъ 1175 г. видимъ, что Ростовцы считаютъ себя въ правѣ посадить посадника въ пригородѣ своемъ Владимирѣ, и Владимирцы потомъ, утѣсенные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ жителямъ старшихъ городовъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Лѣтописецъ Новгородскій сообщаетъ намъ также нѣсколько скудныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ своимъ пригородамъ, преимущественно Пскову и Ладогѣ. Мы не можемъ искать первоначальныхъ пригородныхъ отношеній Пскова къ Новгороду въ дорюриковское время: Псковъ былъ городомъ совсѣмъ другаго племени, племени Кривичей; мы не знаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Изборска или Словенска (какъ онъ называется въ Псковской лѣтописи), стольнаго города Труворова; но какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права предполагать зависимости Изборскихъ Кривичей отъ Славянъ Новгородскихъ во время призванія князей, и думать, что позднѣйшая зависимость Пскова отъ Новгорода была слѣдствіемъ этой давней зависимости. Весь Бѣлозерская, подобно Кривичамъ

Изборскимъ, участвовала въ призваніи князей, среди нея утѣдлъ свой столъ второй братъ Рюриковъ, Синеусъ, и однако и томъ Бѣлозерскъ отошелъ отъ Новгорода къ области друга княжества. Поэтому съ достовѣрностію можно положить, чъ зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время князей вслѣдствіе княжескихъ отношеній. Братья Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрикъ принялъ оди всю ихъ волость; слѣдовательно, страна Изборскихъ Кривиче вмѣстѣ со Псковомъ, подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику утвердившему столъ свой въ Новгородѣ, который поэтому сталъ главнымъ городомъ, правительственнымъ средоточіемъ во всѣхъ странѣхъ, признававшей своимъ княземъ Рюрика. Вотъ гдѣ должно искать начала зависимости Пскова отъ Новгорода, и лучше сказать, отъ власти, пребывающей въ Новгородѣ: князь Новгородскій былъ вмѣстѣ и княземъ Псковскимъ, и назначалъ во Псковъ своего посадника: отсюда обычай брать Пскову всегда посадника изъ Новгорода. Въ 1132 году, по случаю сильнаго смуты вслѣдствіе отъѣзда князя Всеволода Мстиславича въ южнѣ Переяславль, Псковичи и Ладожане пришли въ Новгородъ и здѣ получили для себя посадниковъ. Въ 1136 году Новгородцы вздумавши передаться Ольговичамъ, призвали Псковичей Ладожанъ. Это извѣстіе показываетъ, что старшіе города и рѣшали иногда важныхъ дѣлъ безъ вѣдома пригородовъ, говоримъ и иногда, потому что при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній не имѣемъ права изъ одного или двухъ извѣстій заключать, что такъ необходимо всегда было. Подъ 1148 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій князь Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавши въ Новгородъ, созвалъ вѣче, на которомъ сошлись Новгородцы и Псковичи: пришли ли Псковичи и и этотъ разъ нарочно, по случаю пріѣзда Великаго князя, или сошлись на вѣче Псковичи, бывшіе тогда по своимъ дѣламъ и Новгородѣ—рѣшить нельзя. Неопредѣленность этихъ отношеній видна уже изъ того, что иногда являются Псковичи и Ладожане, иногда оди Псковичи, о жителяхъ другихъ пригородовъ и встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминовенія. Та же неопредѣленность въ отношеніяхъ старшихъ городовъ къ младшимъ и въ землѣ Ростовской: по смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала до великаго

обращаются на совѣщаніе къ Владимиру, и рѣшаютъ призвать и ихъ; дружина Владимирская, по приказанію Ростовцевъ, присылается также къ дружинѣ означенныхъ городовъ, но осмелое народонаселеніе Владимирское противится, не желая вѣряться Ростовцамъ, которые грозятъ распорядиться Владимиромъ, какъ своимъ пригородомъ; потому Владимирцы, пришедшии Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ Ростиславлю и Суздальцамъ вмѣстѣ, а не къ однимъ Ростовцамъ, что такъ какъ на совѣщаніе собираются Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, Владимирцы, а объ другихъ городахъ не упоминается.

Мы видимъ, что лѣтописецъ жителей старыхъ городовъ называетъ властями, которые какъ на думу на вѣче сходятся, и рѣшеніе ихъ принимаютъ жители младшихъ городовъ или пригородовъ; лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Новгородцахъ наравнѣ съ Бѣляничанами, Смольничанами, Полочанями.

Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ вѣче является въ среднѣвѣковномъ характерѣ, неопредѣленными формами. Слово: вѣче означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ, всякіе переговоры, а не означало именно народное собраніе, народную думу. Мы видимъ, что князья сами созываютъ вѣче, имѣя что-нибудь объявить гражданамъ, обыкновенно вѣча созываются князьями для объявленія войны, похода князьями. Созывалось вѣче обыкновенно по звону колокола, шума и выраженіе съзвонить вѣче; собиралось оно на извѣстныхъ мѣстахъ, удобныхъ для многочисленнаго стеченія народа, напр., въ Новгородѣ на дворѣ Ярославовомъ, въ Кіевѣ на площади у св. Софій. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видимъ, что князь собираетъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ, представителей городского народонаселенія; но тогда, когда родовой бытъ ослабѣлъ, и старцы потеряли свое представительство, то мѣсто собранія старцевъ естественно заняло общенародное собраніе или вѣче; мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно заняло замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: такъ В. Кривъ Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дружину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, въ другомъ, что Кіевляне съѣли у св. Софій; въ обоихъ гово-

рится, что сошлось многое множество народа, селились все Кивляне отъ мала до велика. Видимъ, что вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города, наприм., послѣ потери князя, когда граждане оставлены самимъ себѣ, какъ то случилось съ Владимирцами на Воляни въ 1097 г.; въ крайней опасности, какъ, напр., когда въ томъ же году Ростиславичи послали сказать тѣмъ же Владимирцамъ, что они должны выдать злодѣевъ; наустившихъ князя Давида ослѣпить Василька. Въ последнее время Новгородскаго быта встрѣчаемъ извѣстіе о *большомъ* вѣче: значить было *малое*. Наконецъ вѣчемъ называется всякое собраніе недовольныхъ гражданъ противъ князя или другаго какого-нибудь лица. На такія вѣча, начали смотрѣть послѣ, какъ на заговоры и возстанія, когда въ сѣверо-восточной Руси точнѣе опредѣлились отношенія; Новгородцы въ глазахъ сѣверо-восточнаго народонаселенія являются въ чниками—*крамолами*, вѣче принимаетъ значеніе *крамола*, волненія народнаго. Но иначе смотрѣли на это въ описываемое время, при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній: въ 1209 году самъ Всеволодъ III-й далъ Новгородцамъ позволеніе управиться съ людьми, заслужившими ихъ негодованіе, и лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что В. князь отдалъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю любить добрыхъ и казнить злыхъ. Ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній вызвала постоянное столкновеніе: Князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на каждое самоуправство вѣча, какъ на мятежь, похищеніе правъ своихъ; когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане спрашивали: «за что срадится князь, развѣ мы его оскорбили, вѣдь мы казнили своихъ братьевъ?» Такія столкновенія между двумя сопоставленными властями вели необходимо къ опредѣленію отношеній, но мы видѣли сильныя препятствія къ этому опредѣленію въ княжескихъ родовыхъ отношеніяхъ, усобицахъ, которыя поддерживали прежнее значеніе старшихъ городовъ, предоставляя имъ право голоса, давая возможность, особенно Новгороду, выбирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу, вслѣдствіе борьбы сторонъ.

Мы вывели неопредѣленность отношеній между властями въ старшихъ городахъ вообще и въ Новгородѣ Великомъ въ особенности изъ извѣстныхъ обстоятельствъ времени. Но есть свидѣтельство, что Новгородъ пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава I-го; какаго же рода была эта грамота? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ наследующіе Великія князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ: главное, основное изъ этихъ правъ есть право сопоставлять съ княземъ посадника; посмотримъ, можно ли уступку этого права отпестить во временамъ Ярослава I-го.

Главною обязанностію князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи, при исполненіи которой онъ соображался съ законами, имѣющими силу въ городѣ. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жилъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы обычай и всѣ отношенія своей родины, и умѣлъ бы вмѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья сѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей—Кіевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья пришельцы не имѣли понятія объ обычаяхъ Новгородскихъ, точно такъ какъ Новгородцы не знали обычаевъ другихъ Русскихъ областей; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были происходить безпрестанныя недоразумѣнія. Для отвращенія такихъ неудобствъ Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, знакомаго со всѣми обычаями и отношеніями страны: «А безъ посадника ти, княже, не судити.»

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, было право назначать правителей по волостямъ. Но мы видѣли, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое перемѣненіе князей съ одного стола на другой; каждый приводилъ изъ прежней волости дружину, которая отстраняла старыхъ бояръ, и возбуждала неудовольствіе народа, поступая съ новыми согражданами, какъ съ чужими, спѣша обогатиться на ихъ счетъ. Въ Новгородѣ это неудобство было еще чувствительнѣе, ибо сѣна князей происходила чаще; отсюда второе главное условіе, чтобъ князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гра-

жданъ Новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли раздавать должности исключительно своимъ приверженцамъ, то сюда присоединилось необходимое условіе, чтобъ князь не раздавалъ волостей безъ посадника: «А безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати.» Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права: и здѣсь князья—пришельцы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: «А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти.»

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательными глазами смотрѣлъ на все, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича: отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался во-первыхъ не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей, во-вторыхъ не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: «А безъ вины ти, княже мужа, безъ вины не лишити волости, а грамотъ ти не посужати». Но посадникъ былъ лице, необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.—Если теперь сопоставленіе съ княземъ посадника есть главная отмѣна Новгородскаго быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но изъ обзора событій мы видимъ, что посадникъ съ такимъ характеромъ является въ Новгородѣ гораздо позднѣе: Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ Новгородскій былъ тоже самое, что въ послѣдствіи намѣстникъ—бояринъ, присылаемый

В. княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже князь, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ, какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не туземный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго: возможность существованія посадника при князѣ доказываетъ намъ примѣръ Полоцка ⁸⁷. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ городовымъ? Если главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобъ замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, то посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ. Если Князь смѣнялся вслѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя? Смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? необходимо было избирать посадника городомъ. Впрочемъ и послѣ, когда въ городѣ находился князь, назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ-подъ его вліянія: князь избиралъ посадника вмѣстѣ съ городомъ ⁸⁸. Если посадникъ сперва былъ назначаемъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ городовымъ, то онъ смѣнялся по волѣ города, смотря по обстоятельствамъ: мы видѣли, что посадники постоянно смѣняются вслѣдствіе смѣны князей, вслѣдствіе торжества той или другой стороны, при чемъ иногда старые посадники вступаютъ снова въ должность настоящихъ, или степенныхъ. Одинъ только разъ встрѣтили мы указаніе, что при избраніи въ посадники, при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, обращалось вниманіе на старшинство: такъ въ 1211 году Твердиславъ уступилъ посадничество Дмитрію Якуначу, потому что послѣдній былъ старше его. Иногда видимъ, что посадникъ, сверженный въ Новгородѣ, шелъ посадничать

въ пригородъ⁶⁹, при чемъ случалось, что пригорожане не принимали его, опять, вѣроятно, по отношеніямъ своимъ къ городскимъ партіямъ⁷⁰; но при этомъ легко замѣтить, что посадники избираются обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга боярскихъ фамилій. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ городского объясняется примѣромъ тысяцкаго. Тысяцкій существуетъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ: въ Новгородѣ же и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Если право сопоставлять съ княземъ посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, произошло во времена позднѣйшія, то нельзя отнести ко временамъ Ярослава I-го и другихъ условій, встрѣчаемыхъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ съ Великими князьями, напр.: «Изъ Суздальской земли тебѣ Новгорода не рядить и волостей не раздавать,» или: «А на Низу, князь, Новгородца не судить,» ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ Великихъ князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій, и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава I-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ они упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ зато, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно, наложилъ новую пошлину, и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, вслѣдствіе сего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Въ 1339 году, когда Великій князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханска-

го запроса, то они отвѣчали: «того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошнѣ и по Ярославовымъ грамотамъ». Вотъ всѣ случаи, гдѣ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ. Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, можно заключать, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій, и точно въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава I. Въ одной только Степенной книгѣ сказано, что Ярославъ I далъ Новгородцамъ позволеніе брать изъ его племени себѣ князя, какого захотятъ ⁷¹. Но во-первыхъ, Новгородцы никогда не упоминаютъ объ этомъ правѣ, полученномъ ими отъ Ярослава I-го, напр, когда они не хотѣли принять къ себѣ Святополкова сына на мѣсто любимаго ими Мстислава, то имъ прежде всего слѣдовало бы указать на это право, но они молчатъ объ немъ, а указываютъ другія причины, именно уходъ Святополка отъ нихъ и распоряженіе Великаго князя Всеволода. Во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ читаемъ, что Новгородцы освобождены прежними князьями, прадѣдами князей, а не Ярославомъ ⁷², что потомъ подтверждается и въ самой Степенной книгѣ. Соображая всѣ обстоятельства, можно съ вѣроятностію положить, что особенности въ быту Новгорода произошли мало по малу, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій, а не вслѣдствіе пожалованія Ярославова, о которомъ, кромѣ Степенной книги, не знаетъ ни одна лѣтопись ⁷³.

Что касается до внѣшняго вида Русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую, главную, существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; въ послѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами: отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (внѣшній) и городъ наружный (окольный ⁷⁴, кромный), внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній острога; поселенія расположенныя около главнаго города или дѣтинца, назывались передгородіемъ ⁷⁵. Стѣны бывали каменныя и деревянныя (преимущественно) съ дощатыми заборами ⁷⁶, башнями (вѣжами), и воротами, которыя носили названія или по положенію въ извѣстную сторону, напр.,

Восточныя, или по украшеніямъ, напр., Золотыя, Серебряныя, или по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилегали, по ихъ народонаселенію, напр., въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія, или по церквамъ, которыя находились въ башняхъ надъ воротами или, быть можетъ даже, по образамъ, или наконецъ по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, напр., Водяные въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, выводящія къ рѣкѣ и т. п. Упоминаются два вала, и мѣсто находящееся между ними носитъ названіе болонья ⁷⁷. Передгородіе раздѣлялось на концы ⁷⁸, концы на улицы. Городское строеніе было тогда исключительно деревянное; церкви были каменные и деревянные; что касается до количества церквей въ городахъ, то въ Новгородѣ съ 1054 года по 1229-й построено было 69 церквей, изъ которыхъ 15 были навѣрно деревянные, ибо о нихъ или прямо сказано такъ, или сказано, что они были срублены; изъ остальныхъ о нѣкоторыхъ прямо сказано, что они были каменные, о другихъ же ничего не сказано; въ число 69 включены и церкви монастырскія; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей въ Новгородѣ, это количество церквей во второмъ по богатству (послѣ Кіева) Русскомъ городѣ можетъ дать намъ приблизительное понятіе о количествѣ церквей въ Кіевѣ ⁷⁹. Изъ городскихъ построекъ лѣтописи упоминаютъ о мостахъ, деревянныхъ, которые разбирались; Новгородская лѣтопись упоминаетъ о построеніи мостовъ черезъ Волховъ; въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ въ 1115 г. Изъ общественныхъ зданій въ городѣ памятники упоминаютъ о тюрьмахъ или погребахъ: о постройкѣ ихъ узнаемъ во-первыхъ то, что у нихъ были окна (не большія, оконцы): дружина Изяславова совѣтовала этому князю позвать заточеннаго Всеслава Полоцкаго къ оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобожденіе Игоря Ольговича изъ тюрьмы, лѣтописецъ говоритъ, что В. князь Изяславъ приказалъ «надъ нимъ порубѣ розоимати, и тако выйша изъ поруба вельми больнаго и несоша у келью.» Въ Степенной книгѣ, прѣ описаніи чудесъ Св. Бориса и Глѣба, читаемъ, что В. князь Святополкъ Изяславичъ посадилъ двухъ челоувѣкъ въ тюрьму безъ изслѣдованія вины ихъ, по клеветѣ, и посадивши, позабылъ объ нихъ. Они молились Св. Борису и Глѣбу, и въ одну ночь — «дверемъ сущимъ погребнымъ заключеннымъ, лѣтвицы же внѣ лежащи

исчислены, — одинъ изъ узниковъ чудеснымъ образомъ освободился отъ оковъ, и явившись въ церковь, разсказалъ всѣмъ объ этомъ; отправились къ тюремѣ — «и видѣша ключи неврѣнны и замокъ, лѣствицу жъ, по ней же восходятъ и исходятъ, какъ лежашу.» Каждый городъ имѣлъ торговыя площади, торги, ярговища; изъ лѣтописи извѣстно, что торги производились по пятницамъ ^{во}.

Вслѣдствіе почти исключительно деревяннаго строенія въ городахъ пожары должны были быть опустошительны: въ Новгородѣ отъ 1054 до 1228 года упоминается одиннадцать большихъ пожаровъ: въ 1097 году погорѣло Зарѣчье (онъ-полъ) и Бѣлицы; въ 1102 году погорѣли хоромы отъ ручья мимо Славна до церкви Св. Иліи; въ 1113 погорѣлъ онъ-полъ и городъ Мронный; въ 1139 погорѣлъ торговый полъ, при чемъ сгорѣло 10 церквей; въ 1144 погорѣлъ холмъ; въ 1152 погорѣлъ весь торгъ съ осьмью церквами и девятою Варяжскою, т. е. Латинскою; въ 1175 сгорѣли три церкви; въ 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ съ пятью церквами; въ 1181 двѣ церкви и много дворовъ; въ 1194 году лѣтомъ въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ сгорѣлся одинъ дворъ на Ярышевѣ улицѣ, и всталъ пожаръ сильный: сгорѣло три церкви; потомъ перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорѣло еще 10 дворовъ; въ концѣ недѣли еще сильный пожаръ: сгорѣло семь церквей и дома большіе, послѣ чего каждый день загоралось мѣстахъ въ шести и больше, такъ что люди не смѣли жить (жировать) въ домахъ, а жили по полямъ; потомъ погорѣло Городище и Людинъ конецъ; пожары продолжались отъ Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня; въ томъ же году погорѣла Ладога и Руса. Въ 1211 году сгорѣло въ Новгородѣ 15 церквей и 4,300 дворовъ; въ 1217 погорѣло все Зарѣчье, кто вбѣжалъ въ каменные церкви съ имѣніемъ и тѣ всѣ сгорѣли со всѣмъ добромъ своимъ, въ Варяжской божищѣ сгорѣлъ весь товаръ Нѣмецкихъ купцовъ, церквей сгорѣло 15 деревянныхъ, а у каменныхъ сгорѣли верхи и притворы. — Изъ другихъ городовъ упоминается подъ 1183 г. сильный пожаръ во Владимирѣ Клязменскомъ: сгорѣлъ почти весь городъ съ 32-ю церквами; въ 1192 году сгорѣла половина города съ 14 церквами; въ 1198 году опять сильный пожаръ въ томъ же городѣ: сгорѣло 16 церквей, и почти половина города; въ 1211 году по-

горѣлъ Ростовъ едва не весь съ 15 церквами; въ 1221 г. погорѣлъ весь Ярославль съ 17 церквами; въ 1227 погорѣлъ опять Владимиръ съ 27 церквами, въ слѣдующемъ году новый пожаръ: сгорѣли княжіе хоромы и двѣ церкви. Въ 1124 году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, однихъ церквей погорѣло около шести сотъ (?). Въ 1183 году погорѣлъ весь Городенъ отъ молніи.

Мы сказали о внѣшнемъ видѣ Русскаго города въ описываемое время; теперь должны обратить вниманіе на его народонаселеніе. Мы видѣли, что въ городахъ жила дружина съ своими различными подраздѣленіями; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, такъ напр., явственно различается дружина Кіевскихъ князей и Кіевляне, Владимирская дружина и Владимирцы; на вѣчахъ Кіевляне отдѣляются отъ дружины. Изъ кого же состояла эта масса собственно городского народонаселенія, и какъ дѣлилась она? Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленниковъ, людей промышленныхъ разнаго рода; о купцахъ не нужно приводить извѣстій: они такъ часто встрѣчаются въ лѣтописи; Ростовцы называютъ жителей Владимира каменьщиками, въ Новгородѣ упоминается серебряникъ вѣсець⁸¹; въ Вышгородѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиною⁸²; очень вѣроятно, что и въ описываемое время, какъ впоследствии, люди, занимающіеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вмѣстѣ на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшинъ: названіе концевъ Новгородскихъ Плотницкій, Гончарскій могутъ указывать на это⁸³. Встрѣчаемъ извѣстія о смердахъ въ городахъ: думаемъ, что здѣсь должно разумѣть подъ смердами простыхъ людей, черныхъ, чернь, или даже вообще всѣхъ горожанъ въ противоположность дружинѣ; такъ подъ 1152 годомъ читаемъ, что Иванъ Берладникъ осадилъ Галицкій городъ Ушицу, куда вошла засада князя Ярослава и билась крѣпко, но смерды стали перескакивать черезъ стѣнныя забрала къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человекъ; здѣсь смерды, жители Ушицы противопоставляются засадѣ, дружинѣ княжеской: послѣдняя билась крѣпко противъ Берладника, а смерды перебѣгали къ нему. Какъ послѣ, такъ и теперь, собственно городское народонаселеніе дѣлилось на сотни, ибо кроме прямыхъ извѣстій⁸⁴, продолжаемъ встрѣчать названіе соцкихъ съ

важны значеніемъ; понятно, какое близкое отношеніе къ собственно городскому народонаселенію долженъ былъ имѣть Тысящій и въ мирное и въ военное время. И такъ начальствующими лицами въ городѣ были: въ стольномъ: князь, державшій надъ себя тиуна, въ нестольномъ—посадникъ, державшій также вѣрство подлѣ себя тиуна; тысящій, сощкіе, десащкіе, старосты шещевъ, улицъ, старосты для отдѣльныхъ промысловъ; изъ лицъ, употреблявшихся при управленіи и судѣ встрѣчаемъ наемныя подвойскихъ, биричей, ябедниковъ: биричей и подвойныхъ князь Изяславъ Мстиславичъ посылалъ въ Новгородъ кличь народъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ⁸⁵. Особыхъ шевачиковъ для сохраненія порядка въ городѣ, какъ видно, не было; въ лѣтописи подъ 1115 годомъ, при описаніи торжества перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба, читаемъ, что Мономахъ, видя какъ толпы народа, налегая со всѣхъ сторонъ, мѣшаютъ шествію, приказалъ разметать народу деньги, чтобъ оны отхлынулъ въ сторону. Кромѣ туземнаго народонаселенія въ некоторыхъ торговыхъ городахъ, преимущественно въ Кіевѣ и Новгородѣ, видимъ иноземное народонаселеніе, постоянное и временное (насельницы⁸⁶). Въ Новгородѣ живутъ Нѣмецкіе купцы, имѣютъ свою особую церковь (божницу Варяжскую), въ Кіевѣ постоянно, или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время, живутъ Жидовъ, живущихъ особымъ кварталомъ или улицею, отъ чего и ворота носятъ названіе Жидовскихъ; Лядскіе ворота въ Кіевѣ указываютъ на Польскій кварталъ или улицу; Латина упоминается въ числѣ Кіевского народонаселенія подъ 1174 годомъ.

Изъ волостнаго раздѣленія намъ извѣстно по прежнему раздѣленію на погосты; встрѣчаемъ извѣстіе и о станахъ: такъ говорится, что Всеволодъ III ѣхалъ за своею дочерью до трехъ становъ; не знаемъ, имѣлъ ли уже въ это время станъ значеніе извѣстнаго правительственнаго средоточія, или еще означалъ только станцію; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что значеніе стана совершенно совпадаетъ съ значеніемъ погоста, какъ оно объяснено выше: оба, и погостъ и станъ изъ мѣстъ временной обстановки правителя сдѣлались постояннымъ правительственнымъ средоточіемъ. Кромѣ городовъ населенныя мѣста въ волости носятъ названіе слободъ (свободъ) и селъ; названіе слобо-

ды носило вновь заведенное поселеніе, пользующееся поэтому нѣкоторою особенностію, нѣкоторыми льготами, свободою отъ извѣстныхъ повинностей; изъ современныхъ источниковъ извѣстно, что слободы, наравнѣ съ селами, могли быть въ частномъ владѣніи, могли пріобрѣтаться покупкою⁸⁷. Сельское народонаселеніе, въ противоположность городокому, вообще называется смердами; но мы имѣемъ полное право раздѣлять сельское народонаселеніе на свободное, и не свободное, находящееся въ частной собственности князя, бояръ и другихъ людей, ибо вслѣдствіе извѣстій о селахъ съ челядью, рабами; сказанное о положеніи наймитовъ и холопей въ эпоху до смерти Ярослава I-го должно относиться и къ описываемому времени; замѣтимъ только въ Новгородской лѣтописи выраженіе одерень въ смыслѣ полнаго холопа, что прежде выражалось словомъ обельный, обель⁸⁸.—Кромѣ описанныхъ слоевъ народонаселенія, въ юговосточныхъ предѣлахъ Русскихъ владѣній, по границамъ княжествъ Кіевскаго, Переяславскаго, Черниговскаго, мы видимъ инородное народонаселеніе, слышущее подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, и подъ частными названіями Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ: мы видѣли ихъ значеніе, дѣятельность въ событіяхъ описываемаго времени; изъ лѣтописи видно, что они находились подъ властію своихъ князьковъ, какимъ былъ, наприм. извѣстный Кондудѣй; видно также, что образъ жизни ихъ былъ полукочевой, полуосѣдлый; лѣтомъ, по всей вѣроятности, они выходили въ пограничныя степи съ вежами и стадами своими: такъ въ 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; но зимою жили въ городахъ, которые кромѣ того были имъ нужны для укрытія семействъ на случай непріятельскаго нападенія; такъ они говорятъ Мстиславу Изяславичу: «если дашь намъ по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону.» Святославъ Ольговичъ ждался, что у него города пустыя, живутъ въ нихъ псаря да Половцы: можно думать, что подъ Половцами онъ разумѣетъ не дикихъ, но своихъ поганыхъ, Черныхъ Клобуковъ; Торческій князь Чурнай жилъ въ своемъ городѣ. Постоянное названіе: поганые показываетъ ясно, что Черные Клобуки не были Христіанами; на это уже указываетъ многоженство, ибо сказано, что у Чурная было двѣ жены, хотя, разумѣется, нѣко-

изъ Черныхъ Клобуковъ и могли креститься. Кромѣ Черныхъ Клобуковъ и на югѣ и на сѣверѣ упоминаются Бродники, какъ въроятнѣйшимъ, сбродныя и бродачія шайки въ родѣ бродячихъ козаковъ.

О числѣ населенія Русскихъ городовъ и волостей въ настоящее время нѣтъ показаній въ источникахъ. О числѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ²². Но во-первыхъ, нельзя предполагать, чтобъ всѣ имена мѣстностей попались въ лѣтописяхъ; особенно этого нельзя сказать о княжествахъ, далекихъ отъ главной сцены дѣйствія — Полоцкомъ, Смоленскомъ, Рязанскомъ, Новгородскомъ, Суздальскомъ; во-вторыхъ, нельзя опредѣлить изъ лѣтописи — упоминаемая мѣстность городъ или село? Въ Киевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Волынскомъ столько же, въ Галицкомъ около 40; въ Туровскомъ болѣе 10; въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и землею Ричей около 70; въ Рязанскомъ около 15; въ Переяславскомъ около 40; въ Суздальскомъ около 20; въ Смоленскомъ около 8; въ Полоцкомъ около 16; въ Новгородскомъ около 15, слѣд. во всѣхъ Русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ. Мы знаемъ, что князья тяготились малочисленностію жителей въ волостяхъ своихъ и старались населять ихъ, перезымая отовсюду народъ; но, разумѣется, однимъ изъ главныхъ средствъ къ населенію было населеніе плѣнниками и рабами купленными: такъ князь Ярополкъ перевелъ народонаселеніе цѣлаго города (Друцка) изъ непріятельской волости въ свою; въ всѣхъ княжескихъ видимъ народонаселеніе изъ челяди, рабовъ.

Но подлѣ старанія князей умножать народонаселеніе видимъ препятствія для этого умноженія; препятствія были политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодь, морь). Слѣдственно междоусобныхъ войнъ если мы въ періодъ времени отъ 1055 до 1228 года вычислимъ года, въ которые велись войны, и въ которые ихъ не было, то первыхъ найдемъ 80, а вторыхъ 93, тринадцатю годами больше²³, слѣд. круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду. Это грустное впечатлѣніе

ослабляется представлениемъ объ огромности Русской государственной области и въ то время, и выводами, что усобицы не были повсемѣстныя; такъ оказывается, что Кіевское княжество въ продолженіе означеннаго времени, было мѣстомъ усобицъ не болѣе 23 разъ, Черниговское не болѣе 20, Волынское 15, Галицкое до смерти Романовой не болѣе 6, Туровское 4, Полоцкое 18, Смоленское 6, Рязанское 7, Суздальское 11, Новгородское 12²¹. Но если вредъ, который терпѣли Русскія волости отъ усобицъ, значительно уменьшается въ нашихъ глазахъ послѣ означенныхъ выводовъ, то, съ другой стороны, мы не должны впадать въ крайность, и уже слишкомъ уменьшать этотъ вредъ. Такъ нѣкоторые изслѣдователи²² замѣчаютъ, что «войска обыкновенно было не много; жители путей должны были, разумѣется, доставлять ему продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи,—а больше взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными.» — Положимъ, что войска Русскаго было не много; но не должно забывать, что съ Русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы Половцевъ, славныхъ своими грабительствами; быть можетъ кромѣ продовольствія, съ сельскаго народонаселенія и нечего было болѣе взять, но враждебное войско брало въ плѣнъ самихъ жителей—въ этомъ состояла главная добыча, били стариковъ, жгли жилища; по тогдашнимъ понятіямъ воевать значило опустошать, жечь, грабить, брать въ плѣнъ; Мстиславъ Мстиславичъ, посылая въ 1216 году Новгородцевъ въ зажитіе въ свою Торопецкую волость, наказываетъ: «ступайте въ зажитіе, только головъ (людскихъ) не берите.» Если войску нужно было наказывать, чтобъ оно не брало плѣнниковъ въ союзной странѣ, то понятно, какъ оно поступало въ волости непріятельской. Несправедливо также замѣчаніе, что князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа, что они хотѣли владѣть тѣми городами, на которые нападали, слѣд. не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. — Князья воевали другъ съ другомъ, но войско ихъ, преимущественно Половцы, воевали противъ народа, потому что другаго образа веденія войны не понимало; Олегъ Святославичъ добывался Черниговской волости, но, добывшись ея, позволилъ союзникамъ своимъ Половцамъ опустошать эту волость; въ 1160 году Половцы,

дремлюще Изяславомъ Давидовичемъ на Смоленскую волость, былъ оттуда больше 10,000 пленныхъ, не считая убитыхъ; сынъ Изяслава Мстиславича на Ростовскую землю (1149 г.) былъ послѣдней 7,000 жителей.

Дрѣвь постояннаго участія въ усобицахъ княжескихъ, Полянъ и сами по себѣ нерѣдко пустошили Русскія волости; лѣтъ указываетъ 37 значительнѣйшихъ Половецкихъ нападений, но видно были другія, незаписанныя подробно по порядку Черниговское и Переяславское княжество страшно страдали; Святославъ Ольговичъ Черниговскій говоритъ, что у него дѣла пустыя, живутъ въ нихъ только псаря да Половцы; Владимиръ Глѣбовичъ Переяславскій говоритъ, что его волость пустошь Половцевъ; Кіевскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чуды, особенно въ послѣднее время; въ первые 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о Литовскихъ нашествіяхъ; но до насъ не дошло Полоцкія лѣтописи, и потому о сильныхъ опустошеніяхъ, какія Полоцкое княжество терпѣло отъ Литвы, можемъ судить только по извѣстіямъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Слова о Полку Игоревѣ; можно думать также, что Рязанское и Муромское княжество страдало также отъ Половцевъ и другихъ окружныхъ варваровъ; особенно всѣхъ и относительно усобицъ и относительно варварскихъ нападений было княжество Ростовское или Суздальское, явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія: это обстоятельство не только содѣйствовало сохраненію народонаселенія въ Суздальской области, но могло также побуждать къ переселенію въ нее народа изъ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстъ. Если изъ 93 мирныхъ лѣтъ относительно усобицъ, считаемъ 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій Половецкихъ и Литовскихъ, то немного останется времени, въ которое кажда-нибудь волость не терпѣла бы отъ опустошеній.

При бѣдствіяхъ политическихъ упоминаются и бѣдствія физическія—голодъ, моръ. Относительно юга, обильной хлѣбомъ Мавроссія мы не можемъ встрѣчать въ лѣтописи частныхъ жалобъ наурожаи; встрѣчаемъ извѣстіе о неурожаѣ мимоходомъ, напр. въ 1193 году Кіевскій князь Святославъ говоритъ, что нельзя идти въ походъ на Половцевъ, потому что жито не родилось;

разумѣется голодъ могъ происходить, когда нашествія иноплемениковъ или усобицы прекращали полевныя работы, но это не самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо неприятели билъ жителей, уводилъ ихъ въ плѣнь. Относительно Ростовской области лѣтописецъ упоминаетъ о неурожаѣ подь 1076 годомъ. Чаше страдала отъ голода Новгородская область: подь 1127 годомъ читаемъ, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дни, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ, осмина ржи стоила полгривны; въ слѣдующемъ году также голодъ: люто было, говоритъ лѣтописецъ: осмина ржи стоила гривну, и ѣли люди листъ липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду, наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города, отъ смрада нельзя было выйти изъ дому, печаль, бѣда на всѣхъ! отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ, одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Подь 1137 годомъ все лѣто большая осминка продавалась по семи рѣзань; эта дороговизна произошла вслѣдствіе прекращенія подвозовъ изъ окрестныхъ земель—Суздальской, Смоленской, Полоцкой—ясный знакъ, что Новгородъ не могъ пробавляться своимъ хлѣбомъ. Въ 1161 году все лѣто стояла ясная погода, жито погорѣло, а осенью морозъ побилъ яровое, зима была теплая съ дождемъ, вслѣдствіе чего покупали малую кадку по семи кунъ: великая скорбь была въ людяхъ и нужда, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1170 году кадъ ржи продавалась въ Новгородъ по 4 гривны, а хлѣбъ по двѣ ногаты, медъ по 10 кунъ пудъ; какъ видно впрочемъ эта дороговизна произошла вслѣдствіе опустошенія волости войсками Боголюбскаго и прекращенія торговыхъ связей съ Суздальскою землею. Въ 1188 году покупали хлѣбъ по 2 ногаты, а кадъ ржи по 6 гривенъ; наконецъ въ 1215 году сильный голодъ и моръ вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и того, что князь Ярославъ оставилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Такимъ образомъ отъ 1054 до 1228 года лѣтописецъ упоминаетъ только семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. О сильной смертности лѣтопись упоминаетъ подь 1092 годомъ на югѣ: въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую современники приписали ударамъ мертвецовъ (навья), ѣздившихъ по воздуху; язва эта началась отъ

Друка; лѣтомъ стояла ясная погода, боры и болота загорались самъ, и на всемъ югѣ много умирало народу отъ различныхъ болезней: продавцы гробовъ (должно быть въ Кіевѣ) сказывали, что продали отъ Филиппова дня до масленицы 7,000 гробовъ. Новгородскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ и скотскихъ падежѣ въ своемъ городѣ подъ 1158 годомъ; погибло много людей, лошадей и рогатаго скота, такъ что отъ сирада князя было пройти до торгу сквозь городъ, ни по рву, ни на пазу; подъ 1203 годомъ упоминается также о сильномъ конскомъ падежѣ въ Новгородѣ и по селамъ. Суздальскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильной смертности подъ 1187 годомъ: не было ни одного двора безъ больного, а на много дворѣ некому было и юды подать. О врачебныхъ пособіяхъ при этихъ случаяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій, хотя лѣкаря были въ Россіи: въ Русской Правдѣ упоминается о платѣ лѣкарю; въ житіи св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ Армянинъ, которому стоило только взглянуть на больного, чтобъ узнать день и часъ смерти его; св. Агапиту лѣчилъ бѣдныхъ травами, изъ которыхъ приготовлялъ себѣ кушанье; Армянинъ, взглянувши на эти травы, назвалъ ихъ Александрійскими, причемъ святой посмѣялся невѣжеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича Черниговскаго былъ искусный лѣкарь, именемъ Петръ, родомъ изъ Сиріи. Мы видѣли, что разбитаго параличемъ Владимірка Галицкаго положили въ укропъ; но что такое укропъ? трава ли этого имени, или теплая ванна? ибо теплая вода называется также укропомъ⁹⁴.

Таковы были пособія и препятствія къ умноженію народонаселенія на обширной сѣверовосточной равнинѣ, относительно пространства своего очень скудно населенной. По смерти Ярослава I-го границы Русскихъ владѣній не распространялись болѣе на западъ, югъ и юговостокъ; усобицы препятствовали распространенію на счетъ Венгріи, Польши, Литвы; напротивъ, Русь должна была уступить свои владѣнія въ при-Балтійскихъ областяхъ Нѣмцамъ; на югъ и юговостокъ усобицы и Половцы мѣшали распространенію; видимъ и здѣсь потери, ибо Тмутаракань не принадлежитъ болѣе Руси; оставалась только одна сторона, сѣверовостокъ, куда можно было распространяться безпрепятственно: отъ разрозненной, дикой Чуди не могло быть

сильнаго сопротивленія; притомъ же сѣверовосточная Русс волость, Суздальская, по известнымъ причинамъ, была споо нѣ всехъ другихъ къ наступательнымъ движеніямъ, а съ дру стороны, Новгородцевъ манила на сѣверовостокъ выгодная м: съ туземцами и богатый ясакъ серебромъ и мѣхами. Таки образомъ мы видимъ Русскія владѣнія по сѣверной Двинѣ, Киа Новгородскіе отряды доходятъ до Уральскаго хребта. Но должны замѣтить, что съ большою осторожностію должно го рить объ обширной Новгородской области отъ Финскаго зали до Уральскихъ горъ, ибо избіеніе Новгородскихъ сборщикк ясака за Волокомъ и Ядрѣвъ походъ на Югру показывае всю непрочность тамошнихъ отношеній; при томъ же не о Новгородцы имѣли владѣнія за Волокомъ: не забудемъ, что та были и Суздальскіе смерды (подданные), что Устюгъ принад жаль Ростовскимъ князьямъ. Вѣрно одно, что Новгородская лонія Вятка, хотя изначала независимая отъ митрополін, являет въ прикамской области, и что Суздальскіе князья, построеніе Нижняго Новгорода въ землѣ Мордовской, закрѣпляютъ за с бою устье Оки; слѣдовательно относительно границъ госуда ственной области, описываемое время характеризуется потеря на западъ и югъ, и приобрѣтеніями на сѣверъ и востокъ: и указываетъ на главный путь историческаго движенія.

Сосредоточенію народонаселенія въ известныхъ мѣстахъ се собствовала выгода этихъ мѣсть относительно торговли. Вели кимъ торговымъ путемъ сѣверовосточной равнины былъ водн путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, отсюда самыми важны торговыми городами на Руси должны были явиться города, нах дившіеся на двухъ концахъ этого пути — Новгородъ, склад товаровъ сѣверныхъ, и Кіевъ складка товаровъ южныхъ. Но городскіе купцы сами производили заграничную торговлю странами, лежащими по берегамъ Балтійскаго моря: такъ и видѣли, что въ 1142 году Шведы напали на гостей, возвраща шихся изъ-за моря; то же самое доказывается и свидѣтельства ииностранными⁹⁵; иностранные купцы, съ другой стороны, жи постоянно въ Новгородѣ; до насъ дошелъ договоръ Новгоро цевъ съ Нѣмцами и Готландцами, заключенный при князѣ Яр славѣ Владиміровичѣ около 1195 года⁹⁶. Изъ этого договор равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ извѣстій¹

еще нѣтъ довольно подробное понятіе объ иностранной торговлѣ изъ Новгородѣ. Нѣмецкіе купцы, прїѣзжавшіе торговать сюда, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухонутныхъ купцовъ; на это раздѣленіе указываетъ и наша лѣтопись, говоря, что Варяги приходили и горою (сухими путемъ, 1201 г.). Какъ князь и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ; зимніе ѣхали осенью, вѣроятно по послѣднему пути, и зимовали въ Новгородѣ; весною они отѣзжали за море, и на сѣвѣ имъ ѣхали лѣтніе. По упомянутому договору, если убьютъ Новгородскаго посла, заложника или пона за моремъ, и Нѣмецкаго Новгородца, то 20 гривенъ серебра за голову, если же убьютъ купца, то 10 гривенъ. Если мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за безчестіе старыми кунами. Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то 6 гривенъ за рану старыми кунами. Если убьютъ жену или дочь мужа, то князю 40 гривенъ старыми кунами, а столько же обиженной. Если кто сорветъ съ чужой жены плетень головной уборъ и явится простоволосая, то 6 гривенъ за безчестіе. Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидетели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, тѣмъ и къ присягѣ и свою правду возьмутъ. Если Варягъ на Русь, или Русинъ на Варягъ станетъ искать денегъ и должникъ встретя, то при 12 свидѣтеляхъ идетъ къ присягѣ и возьметъ свое. Нѣмецъ въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой землѣ не держать въ тюрьму, но брать свое у виноватаго. Кто рабу похититъ насиліемъ, но не обезчеститъ, за обиду гривна; если обезчеститъ, то свободна себѣ.

Приглашая къ себѣ иностранныхъ гостей, сами отправляясь за море для торговли, и любя пріобрѣтать чужое серебро, а не отсылать своего за иностранные товары, Новгородцы должны были стараться скупать въ другихъ странахъ товары, которые потомъ могли съ выгодною сбывать гостямъ забалтійскимъ. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на сѣверовостокъ, вѣребту Уральскому; получая тамъ ясакъ мѣхами, имѣвшими большую цѣнность въ ихъ заграничной торговлѣ; но области собственно Русскія, внутреннія были также богаты мѣхами и другими сырыми произведеніями, а въ Кіевѣ была складка товаровъ греческихъ, которые Новгородцы могли скупать тамъ, и продавать съ выгодною отпускать въ сѣверозападную Европу. Вотъ

почему мы видѣли, что Новгородцы жилали въ большомъ числѣ въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь или божица св. Михаила, которая, какъ видно, была около торговой площади ¹⁰⁷. Много Новгородскихъ купцовъ бывало всегда и въ Суздальскихъ волостяхъ; Михаилъ Черниговскій, отправляясь изъ Новгорода, выговариваетъ, чтобъ Новгородцы пускали къ нему гостей въ Черниговъ.

О важности греческой торговли, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, намъ ненужно много распространяться, послѣ того, что было сказано объ ней при обзорѣннн начальнаго періода: извѣстный путешественникъ, жидъ Веніаминъ Тудельскій нашелъ Русскихъ купцовъ и въ Константинополѣ, и въ Александріи ¹⁰⁸. Но любопытно, что лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о пребываніи греческихъ купцовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ясно говоритъ о пребываніи купцовъ западныхъ, Латинскихъ; очень вѣроятно, что Греки сами рѣдко пускались на опасное плаваніе по Днѣпру черезъ степи, довольствуясь продажей своихъ товаровъ Русскимъ купцамъ въ Константинополѣ; Веніаминъ Тудельскій говоритъ о Византійцахъ, что они любятъ наслаждаться удовольствіями пить и ѣсть, сидя каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ снѣговницею своею ¹⁰⁹. Изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшагося надъ трупомъ Андрея Боголюбскаго, узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили иногда и во Владимиръ Залѣскій ¹¹⁰, но Плато-Карпинъ также говоритъ, что въ Кіевъ и послѣ Монгольскаго нашествія прїѣзжали купцы изъ Константинополя, однакоже эти купцы оказываются Италіанцами ¹¹¹. Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ жилали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вьны ¹¹². Нельзя предполагать, чтобъ въ описываемое время пресѣклись торговыя сношенія съ востокомъ: подъ 1184 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что князь наши, отправившись въ походъ на Половцевъ, встрѣтили на дорогѣ купцовъ, вхавшихъ изъ земли Половецкой. Мы не думаемъ, чтобъ здѣсь непременно нужно было предполагать Русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Половцами: купцы эти легко могли быть иностранные изъ восточныхъ земель, шедшіе въ Кіевъ, черезъ Половецкія степи. Наконецъ путешественники XIII вѣка указываютъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей города, служившіе средоточіемъ торговли между Россією и Востокомъ:

мръ Беведитъ, спутникъ Плато-Карпини, говоритъ, что въ
 градъ Оривасъ въ старину, до раззоренія его Татарами, стека-
 лись Русскіе, Аланскіе и Козарскіе; Рубрукисъ говоритъ,
 что Сладайъ, городу лежащему на южномъ берегу Тавриды,
 сѣнь Савоше, приставтъ все купцы, идущіе изъ Турціи въ
 сѣверныя страны, и наоборотъ сюда же сходятся купцы, идущіе
 изъ Россіи и сѣверныхъ странъ въ Турцію. Кромѣ Новгород-
 скихъ и Кіевлянъ заграничную торговлю производили также жи-
 тель Смоленска, Полоцка и Витебска; объ ихъ торговлѣ мы узна-
 емъ изъ договора Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича
 съ Шведъ и Готскимъ берегомъ въ 1229 году¹⁰⁷. Изъ словъ
 договора видно, что доброе согласіе между Смольянами и Нѣм-
 цами было нарушено по какому-то случаю, и для избѣжанія
 дальшаго разлюбья, чтобъ Русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на
 Готскомъ берегѣ, и Нѣмецкимъ въ Смоленской волости любо-
 во и добросердье во вѣки стояло, написана была правда, до-
 говоръ. Условились: за убійство вольнаго челоуька платить 10
 гривенъ серебра, а за холопа гривну, за побой холопу гривну
 и за поврежденіе частей тѣла 5 гривенъ серебра, за выши-
 бивъ зубъ 3 гривны; за ударъ деревомъ до крови 1½ гривны,
 схватить по лицу, схватить за волосы, ударить батогомъ —
 платить безъ четверти гривну серебра, за рану безъ поврежденія
 заплатить 1½ гривенъ серебра; священнику и послу платится
 за всякую обиду. Виноватаго можно посадить въ колодку,
 иду на железъ только въ томъ случаѣ, когда не будетъ по
 ни зорукы¹⁰⁸. Долги выплачиваются прежде иностранцамъ;
 иностранецъ не можетъ выставить свидѣлемъ одного или дво-
 юхъ своихъ единоземцевъ; истецъ не имѣетъ права прину-
 дить ответчика къ испытанію желѣзомъ или вызвать на поеди-
 нокъ; если кто застанетъ иностранца у своей жены, то беретъ
 выкупъ 10 гривенъ серебра; тоже платится за насиліе свобо-
 ды женщины, которая не была прежде замѣчена въ развратѣ.
 Если скоро Волошскій тиунъ услышитъ, что Нѣмецкій гость пріѣ-
 халъ въ Волокъ (между Двиною и Днѣпромъ), то немедленно
 приказъ Волочанамъ, чтобъ перевезли гостей съ товарами
 и озабочивсь о ихъ безопасности, потому что много вреда тер-
 ятъ Смольяне отъ поганыхъ (Литовцевъ); Нѣмцамъ кидать
 жребіе, кому идти напередъ, если же между ними случится Рус-

оный гость, то ему идти назадъ. Приехали въ городъ, Немецкый гость долженъ дати князю поставъ полотна, а тушу Волоцкому рукавицы перстатия готскія (дирчатки); въ случаѣ гибели товара при перевозѣ платаютъ всѣ Волочане. Торгуютъ и иностраннныя купцы базо всякаго пренятата; безпренятатвенно же могутъ отъѣхать съ товаромъ своимъ и въ другой городъ. Товаръ, взятый и вынесенный изъ двора, не возвращается. Истецъ не можетъ принудить отвѣтника идти на чужой судъ, только къ князю Смоленскому; къ иностранцу нельзя приставити сторожа, не заплативъ прежде старшину; если кто объявитъ притязаніе на иностранннй товаръ, то не можетъ схватити его силою, но долженъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ по законамъ страны. За взвѣшивание товара платится въсовщаку съ 24 кудовъ кунъ Смоленская. При покупкѣ драгонннхъ медалонъ Немецъ платитъ въсовщаку за гривну золота ногату, за гривну серебра двѣ векши, за серебряннй сосудъ отъ гривны куну, при продажѣ не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну Смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ хранится одна капль въ церкви Богородицы на горѣ, а другая въ Немецкой церкви Богородицы; съ этимъ вѣсомъ и Волочане свѣдѣриютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами. Иностранцы торгуютъ безмытно; они не обязаны ѣздити на войну вмѣстѣ съ туземцами; но если захотятъ — могутъ; если иностранецъ поймаетъ вора у своего товара, то можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Иностранцы не платятъ судныхъ пошлинъ ни у князя, ни у туземца, ни на судѣ добрыхъ мужей. Епископъ Рижскій, Магистръ Ордена и всѣ волостели Рижской земли дали Двину вольную отъ устья до верха, по водѣ и по берегу, всякому гостю Рижскому и Немецкому, ходящему внизъ и вверхъ. Если случится съ нимъ какая бѣда, то вольно ему привезти свой товаръ къ берегу, и если приметъ людей въ помощь, то не брать съ него больше того, сколько сулилъ при наймѣ.

О торговлѣ Смоленской во внутреннихъ Русскихъ областяхъ узнаемъ изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1216 годомъ о заключеніи княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ пятнадцати Смоленскихъ купцовъ, зашедшихъ для торговли въ его волость. О приходѣ купцовъ иностранныхъ и Русскихъ во Владимиръ Задѣльскій при Андрей Боголюбскомъ узнаемъ изъ словъ Кузмы

Дале, лавочного; вода грубая, свѣтло, густа. Прозрима,
 воды съѣбемости; ушаски; Русской: саранчи; на: лавоч-
 ной: урвѣ: было; полоніе: Русской: осударственнай: области
 въ: Барбарю: и: Асиоті, что, при: отсутствіи: морскихъ: обход-
 ных: путей, давало: ей: важное: торговое: значеніе; усвоеніе
 древней: деятельности; отворить: Намондских: городов, по-
 нѣмолы: была: обратъ: свое: значеніе; на: востокъ: и: вѣдъ
 ных: въ: гнѣмъ: торговля: сноросіа; увеличеніе: киретста
 и: мѣстны: и: моръ: развѣдкіе: того, что: Омандинская
 торговля: почитаетъ: свой: прискій: Варанскій: характеръ;
 тогда: возникли: пути: сообщенія; стареніе: князей: о: торговлѣ;
 и: морской: торговлѣ: и: на: удлинены: вообще: характеръ: на-
 торговля; торговность: относительно: моря, увеличіе, рас-
 ственіе: на: иностранцамъ, готовность: уступать: для: разна
 ных: въ: слѣд: за: своим: благопріятствіемъ: для: торговли
 и: торговства: мы: должны: упомянуть: о: престоидкѣ, ко-
 торъ: и: пріималъ: она: въ: оидышемое: время: встречалъ: мѣст-
 ные: торговцы: съ: иностранцами, вездѣ: чего: пріималъ
 своим: сноросіа: конъ: въ: 1184: году: князь: Новгородскій
 князь: въ: торгъ: въ: Двин¹⁹; въ: 1188: году: Новгородскій
 князь: поддержалъ: год: за: участіе: отъ: Намондъ: за: моремъ, за
 князь: Новгорода: весной: не: пустил: ни: одного: иль: своихъ: ку-
 ных: за: море; Варагскіа: послы: не: дали: и: отпустили: ихъ: безъ
 выкупа; въ: 1201: году: Варагскіа: отпустили: безъ: мѣры: за: море,
 князь: пріималъ: Вараги: своимъ: путемъ: на: миръ, и: тутъ: Нам-
 ондскіа: дали: иль: миръ: на: всей: своей: волѣ²¹. Только: три: на-
 мѣст: сража: съ: иностранцами; если: приаомитъ: сюда: емо
 ное: о: нападеніи: Шведовъ: на: торговля: суда, и: князья: въ
 торговлѣ, те: увидимъ, что: съ: этой: стороны: пренятствій: для
 князья: было: не: много. Гораздо: больша: пренятствій: для: князья:
 и: Греческой: торговли: Киевскіа: представляли: Половцы; гра-
 ные: торговля: суда: во: Днѣпру; мы: видели, какъ: иногда: князья:
 и: князья: и: дружинами: принуждены: были: вступать:
 князья: Греческой; Метиславъ: Изяславичъ: жаловался, что:
 князья: отняли: у: Руси: все: торговые: пути. Пренятствіемъ: для
 князья: внутренней: и: внешней: служили: также: внутренніа:
 князья: и: князья: во: время: двудневнаго: грабежа: вой-
 ны: Боголюбскаго, когда, по: словамъ: летописца, не: было: ни-

кому пошалося въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія пострадали также купцы иностранцы; потому Ярославъ Изяславичъ въ 1174 году взялъ большія дани (непродажъ) со всехъ Кіевлянъ, не полагая чуждому и гостю; въ 1203 году, Половци съ Гирянами взяли Кіевъ, огромно пограбили его, а у ижеземныхъ гостей взяли целовину товара; адсь хотя и видныя некоторое снисхожденіе къ иностраннымъ купцамъ, однако послѣдніе не могли легко забыть своей потери. Новгородскіе купцы горѣли вследствие оскорбленій, сопряженныхъ съ разными князьями, Кіевскими и Суздальскими: въ 1161 году, Ростиславъ Мстиславичъ усматривая, что омыъ его схваченъ въ Новгородѣ, велѣлъ передъ хватать Новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и посадить ихъ въ Пересѣченскій погребокъ, гдѣ въ одну ночь умерло изъ нихъ 14 человекъ, послѣ чего Ростиславъ велѣлъ выпустить остальныхъ изъ тюрьмы и развести по городамъ; о захватываніи Новгородскихъ купцовъ по Суздальскимъ волостямъ вступаютъ известія разъ семь; въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ въ Торжкѣ Новгородцевъ и купцовъ больше 2000. Совобразивши все эти пренятствія и сличивши число известій объ нихъ съ числомъ лѣтъ описаннаго періода времени, мы должны придти къ тому заключенію, что вообще пренятствій для торговли было не много.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о монетной системѣ. Общимъ названіемъ, соответствующимъ теперешнему нашему деньгу, было кунъ, которое замѣтно вступило въ начальномъ періодѣ названіе скотъ. Высшею монетною единицею была гривна—кусокъ металла въ известной формѣ, рѣзанный известному вѣсу, носившему тоже самое названіе—гривной. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно изъ слѣдующаго, хотя позднѣйшаго. (впрочемъ не очень) известія: въ 1288 году Волынской князь Владиміръ Васильковичъ велѣлъ серебряныя блюда, золотыя и серебряныя кубки передъ своими глазами рубить и перемалывать въ гривны. Кроме гривонъ существовала еще серебряная монета—сребреники; о ея существованіи есть ясное свидѣтельство лѣтописемъ подъ 1115 годомъ: «Поуведе Володимеръ рѣжючи наволоки, орници, бѣлы, разметати народу, еже сребреники метати»¹¹². О существованіи ко-

монетъ денегъ итд. всякая судимость иностранцевъ и
 итд.; въ одномъ прологе врано говорится: «куны сн
 черда куней¹⁴⁴». Въ доказательство пронамаго, что
 кунами и бѣлымъ розунами монеты металлическія, золо-
 тыя серебряныя, приводятъ слѣдующее мѣсто въ летописи
 1466 годовъ: «дворъ же князь разграбиа безчисленное
 количество злата и серебра, кунями и бѣлымъ». Приводя все это
 мѣсто къ слѣдующему выводу, полагаютъ, что кунями
 и бѣлымъ есть необходимое дополнение и объясненіе къ: злата
 и серебра. Но во 1) мы знаемъ, что лѣтописецъ употребляетъ
 термины очень свободную, вслѣдствіе чего кунями и
 бѣлымъ монеты стоятъ совершенно независимо отъ злата и
 серебра; во 2) бѣлымъ означаетъ шкуръ, кожу известнаго жи-
 вого или, какъ думаютъ некоторые, ткань особаго рода:
 въ 1415 годовъ говорится, что Мономахъ велѣлъ разать
 и сбросать шероу; и тутъ же бѣлымъ ясно отличается отъ се-
 ребра монеты, отъ серебрянниковъ; въ 3) въ приведенномъ
 мѣстѣ Князьевичей описокъ имѣеть: споромъ (ширами) вывс-
 бѣлымъ, вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право при-
 нять подъ именемъ кунъ деньги вообще, а подъ именемъ
 бѣлыхъ. Именемъ еще известіе, впрочемъ позднѣйшее: въ
 1471 году Даниилъ Романовичъ Галицкій велѣлъ взять дань на
 князяхъ «черныя куны и бѣлыя серебро.» Ясно, что здѣсь
 бѣлымъ и серебро должны быть принимаемы совершенно
 равно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять,
 что бѣлымъ означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, по
 своему дѣлу, въ соотвѣтствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло
 серебро, какъ читается въ некоторыхъ спискахъ. — Что касает-
 ся стога, то подъ 1460 годовъ въ лѣтописи встрѣчаемъ
 мѣсто тѣмъ: «много ала соворина Половци, взяша думъ боля

итд. итд. въ описываемое время была главнымъ средствомъ
 для князей богатствъ на Русь, ибо не встрѣчаемъ болѣе извѣ-
 стныхъ походовъ въ Грецію или на Востокъ, о разгра-
 бѣ богатыхъ городовъ и народовъ. Умноженіе богатствъ при
 этомъ происходило съ болѣе образованными народами обнаружилось
 въ стремленіи къ украшенію жизни, къ искусству. Искусство

прежде всего служилъ религіи: чѣсто, съ подробностями описываясь гласно о постройкѣ церкви. Въ концѣ XII вѣка извѣстенъ былъ олегемъ къ постройкѣ андреевской церкви въ Переславль; гдѣ сначала была Матронева церковь съ Переславль церковь Святыхъ Михаила, уславивши ее великою красотой; но въ разное время, доживъ эту церковь, онъ заложилъ другую на городскомъ мѣстѣ, во имя Святыхъ Феодора, иголь третью, Св. Андрея у церкви отъ веротъ строеніе бывше¹⁴, чѣсто не было преина Рѣон, заложилъ вокругъ города стѣну каменную, однимъ словомъ, украсилъ городъ Переславль зданіями церковными разными дружины. Въ 1145 году соединенные князья построили въ Вышгородѣ каменную церковь, куда перебрали изъ деревни мощи Св. Бориса и Глеба, надъ ракою которыхъ поставили теремъ серебряный. На отвѣръ, какъ строилъ и украсилъ церковь, славилъ Андрей Боголюбскій; главнѣйшимъ изъ нихъ его ровности осталась здѣсь Богородичная церковь во Владимірѣ Залѣскомъ, построенная въ 1158 г., вся изъ балачи каменнаго привезеннаго водою изъ Болгаріи; новѣйшіе исследованія утверждаютъ извѣстію¹⁵, что церковь эта построена завладѣніи художниками, присланными Андреемъ отъ Императора Фридриха I-го. Въ этой церкви славны знаменитыя иконы Богородицы принесенныя изъ Царьграда; въ нее, по словамъ летописца, Андрей везъ много тридцати гривенъ золота, кроме серебряныхъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Въ 1164 г., при Всеволодѣ III-мъ, эта церковь была обновлена после большого пожара; при Всеволодѣ же построены во Владимірѣ Дмитріевъ Соборъ славно украшенный иконами и писаніемъ. Въ 1184 г. обновлена была Богородичная церковь въ Суздали, которая славна гласно, славна отъ остроты и безмярдныи по мѣсто оловомъ отъ верху до комаръ (наружныхъ сводовъ) и по веротъ; Чудное дѣло говорить при этомъ летописецъ: Великий Исакъ не искалъ мастеровъ у Нѣмцевъ, а нашолъ ихъ въ службахъ при Богородичной Владимірской церкви и чѣсто собственныи; они обумали и олове дѣлать, и покрывать, и по стѣну шить. Здѣсь летописецъ прямо говоритъ, что Великий Исакъ не искалъ мастеровъ между Нѣмцами, а между другими мастерами (Греческихъ), кроме западныхъ Нѣмецкихъ, на стѣ

сказав, что предоступили зданія, церкви Боголюбскаго была
 соборнаго постройена. Но поновленная такая обрешена: цер-
 квя много простояла: въ 1223 году князь Юрій Всеволодо-
 вичъ уринуждову бысть снамъ ее, потому что казала разру-
 шитъ отъ старости; и верхъ обвалился; постройка она была
 Владиміръ Мономакъ. Упомянутая зинае церковь Св. Миха-
 ила Переяславль упала въ 1122 году, не простоявши и 50
 лѣтъ; Строили церкви и каменная очень скоро; такъ, наприм.,
 въ Новгородѣ въ 1179 году заложилъ кировъ Благовещенія
 Святаго, а кончили 25-го августа; въ 1196 году заложилъ
 князь Св. Варяга въ апрѣль, а кончили 8-го іюля, въ 1198
 году Русь заложилъ кировъ Преображенія 21-го мая, а кон-
 чили 31-го іюля; въ томъ же году въ Подгородѣ начали строить
 кировъ Преображенія 8-го іюня, а кончили въ сентябрѣ; въ
 1204, заложилъ кировъ каменную малую Св. Трехъ Островъ,
 кончили ее въ 4 дни. Снаружи церкви покрывалась оловомъ;
 а въ алт. главы золотились; внутри украшались иконами, стѣн-
 ными росписью, серебряными панциндами; иконы украшались
 золотомъ и синимъ ⁴¹⁶, дорогими каменьями и жемчугомъ. Въ
 1205, иконописцевъ упоминается Св. Алимій Печерскій,
 бывшійся своему искусству у Преческихъ пасторовъ, прихо-
 дилъ для расписыванія церкви въ Печерегахъ; монастырь
 Давидовъ, отъ великаго также и мозаикомъ ⁴¹⁷. Подъ 1200 го-
 да упоминается о строеніи каменной стѣны подъ церковью
 Михаила у Давира, въ Видубечи; строителемъ былъ Милошъ
 въ Петръ, котораго Великій князь Рюрикъ избралъ мисиду
 или триколинн, какъ сказано въ летописи.

Материальное благосостояніе, замощавше въ главныхъ горо-
 дахъ Руси въ преимуществу отъ торговли, и побуждавшее къ
 строенію болше или менше прочныхъ, украшенныхъ зданій
 каменныхъ, преимущественно церковей, должно было, раз-
 суждая, дѣйствовать и на удобство частной, домашней жизни
 нашихъ людей означеннаго времени; въ ожиданіи объ этой
 сторонѣ жизни до насъ дошли чрезвычайно скудные извѣстія;
 но, что были очень богатые люди, въ домахъ которыхъ мо-
 жно было много порабить, таковы были, наприм., Миронкинн
 въ Новгородѣ, у котораго народъ въ 1209 году князь безчислен-
 но собиралъ, оставилъ раздали по зубу, по три гривны по

всему городу, но другіе побрали еще тайкомъ, и отъ того многіе разбогатыли; какъ ни толковать это мѣсто, все выходитъ, что каждый Новгородецъ получилъ по три гривны. Но мы не знаемъ, въ какихъ удобствахъ жителей выказывали свое богатство богачи Новгородскіе и другихъ городовъ; у нихъ были сады, много челяди-рабовъ, большія стада; разумеется, дома ихъ были обширнѣе, но о расположеніи и украшеніи домовъ мы ничего не знаемъ. И общественныя зданія, церкви строились невручнѣе, нѣкоторыя сами падали, другія должно было разбирать и строить снова; undoubtedly, что частныя зданія не могли долго сохраняться, будучи преимущественно, если не исключительно построены изъ дерева, и нѣтъ основанія думать, чтобъ они разнились отъ построекъ предшествовавшаго времени. Простота постройки, дешезавая матеріала, лѣса, который былъ въ такомъ изобиліи, простота и малочисленность того, что мы называемъ мебелью, должны были много помогать народу въ перенесеніи бѣдотвѣй отъ усобицъ и непріятельскихъ нашествій: деньги, немногія дорогія вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести съ собою; укрывшись въ ближайшемъ лѣсу, или городѣ во время бѣды, возвращались назадъ по уходѣ непріятеля, и легко опять обстроивались. Такое отсутствіе прочности жилищъ кнѣзствъ съ простотою быта содѣйствовали той легкости, съ какою жители нѣмыхъ городовъ переселялись въ другія мѣста, цѣлыя города бѣжали отъ непріятеля и затворялись въ другихъ городахъ, иногда имѣвъ переведеніи цѣлыя города изъ одной области въ другую; Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Гремлю; такимъ образомъ наши деревянные города представляли переходъ отъ земли Половца и Теркина къ каменнымъ городамъ западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, не смотря на свою окаяность, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, невручнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова, вездѣ былъ просторъ, вездѣ были одинакія удобства для поселенія, вездѣ тяготѣлись малонаместію, были реди переселенцамъ: отсюда понятно, почему не только въ снѣгимаемое время, но и гораздо послѣе мы замѣчаемъ легкость, съ которою Русскіе люди переселялись изъ одного мѣста въ другое, легко имъ было при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ разбрестись розно.

Мы знаем, что относительно постройки, расположения жилищ и мебели почти ничего нельзя прибавить противъ того, что было сказано о древнѣйшемъ періодѣ; видимъ, что князья сѣдали и являлись съ дружиною на стѣнницахъ; встрѣчались на возахъ въ значеніи маленькой скамьи или стула, доставляемаго гостямъ¹¹⁹. Касательно одежды встрѣчаемъ извѣстіе о острочкахъ, петляхъ и кораняхъ, о шапкахъ (клобукахъ), которые не снимались ни въ комнатахъ, ни даже въ церкви¹²⁰. Изъ договора съ Нанцами узнаемъ объ употребленіи рукавицъ перстатыхъ, т. е. перчатокъ, покупаемыхъ, какъ видно у иностранцевъ, отъ употребленія рукавицъ перстатыхъ имѣть право заключать и объ употребленіи простыхъ, Русскихъ рукавицъ. Изъ мужскихъ украшеній упоминаются золотыя цѣпи¹²¹; изъ женскихъ одежды упоминаются попои или повоинники, изъ украшеній ожерелья и серьги серебряныя¹²². Изъ материаловъ употреблявшихся на одежды, упоминается полотно или ситца¹²³, аксамитъ¹²⁴, упоминаются одежды боярскія съ шитыми золотомъ ошляками¹²⁵; подъ 1183 годомъ летописецъ, говоря о пожарѣ во Владимирѣ Златѣскомъ, прибавляетъ: погорѣла и Соборная церковь Св. Богородицы Златоверхая, со шитыми пятью верхами золотыми, и со всеми узорочьями, которыя шиты въ ней внутри и вѣнъ, панникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными безъ числа, съ одеждами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, которыя на праздникъ развѣшивали въ три веревки отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, и отъ Богородицы до владычныхъ стѣн въ двѣ же веревки¹²⁶. Здѣсь прежде всего можно разумѣть подъ этими одеждами (портами) облаченія священно-служительскія; но по другимъ извѣстіямъ, мы знаемъ обычай вѣшать свое дорогое платье въ церквахъ и носить его съ собою¹²⁷; впрочемъ очень вѣроятно, что изъ этихъ облаченій перешли и священно-служительскія облаченія. Касательно украшеній и вообще роскоши, замѣчательна приписка, находящаяся въ нѣкоторыхъ летописяхъ: «Васъ молю, князь Христовъ съ любовію, говоритъ летописецъ, приклоните уши разумно, послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали Русскую землю, и чужія земли брали подъ себя. Тѣ князья не собирали много имѣній, имѣніяхъ вирь и продажъ не налагали на людей, но гдѣ

приходилось взять правую яру; то брали и отдавали дружини на оружіе. А дружина этии кормилась, воевала чужія страны и бившись, говорила: «Братья, потанемъ по своимъ князь и м Русской землѣ!» Не говорили: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ не радили женъ своихъ въ золотые обручи, по ходили жем ихъ въ серебрѣ»¹⁴⁷.

Таково было матеріальное состояніе Русскаго общества в описываемое время; теперь обратимся къ нравственному его состоянію, при чемъ, разумеется, прежде всего должны будемъ обратиться къ состоянію религіи и церкви. Мы видимъ¹⁴⁸, что въ началѣ христіанство принялось скоро въ Кіевъ, на югъ; гдѣ было уже и прежде давно знакомо; но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверъ и востокъ. Первые епископы Ростовскіе, Теодоръ и Иларіонъ принужденны были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ; преемникъ ихъ, Св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, въ которыхъ онъ надвѣялъ удобнѣе вселить новое ученіе, — и замученъ былъ взрослыми язычниками. Язычество на Финскомъ сѣверѣ не довольствовалося оборонительною войною противъ христіанства, но иногда предпринимало и наступательную въ лицѣ волхвовъ своихъ: однажды въ Ростовской области сдѣялся голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля, и начали говорить: «Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ;» они пошли по Волгѣ, и въ каждомъ потостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: «вотъ эти жито держать, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха.» Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечомъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забывая живніе ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человекъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину; Бѣлоозерцы рассказали ему, что вотъ два кудесника вобили много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, пришли и къ намъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: «выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя;» — но тѣ не послушались!

Тогда Янъ самъ пошелъ въ цннѣ свѣтила: безъ оружія; но отруки сказали ему: «че ходи безъ оружія, оковорать тебя,» и Янъ велѣлъ отрукамъ взять оружіе. Съ 12-ю отруками пошелъ Янъ въ лѣсъ, и съ топоромъ въ рукахъ отправился право къ волхвамъ; изъ среди окружавшей ихъ толпы вышелъ къ нему три чоловѣка и скафала: «Идеши ты на явную смерть, не ходи лучше!» Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ, и шель дальше къ остальнымъ; тѣ было ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тильюгъ, приказавши отрукамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побивали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Валозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «Если вы не перехватите этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ.» Валозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: «За что вы загубили столько душъ?».—«За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ живое добро; если потребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выйдемъ жито, рыбу или что иное.» Янъ сказалъ имъ на это: «Все это ложь; сотворилъ Богъ чоловѣка отъ земли, составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; и ничего другаго въ немъ нѣтъ, да и ничего другаго о себѣ чоловѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ.» Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: «Намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать.» Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: «Что вамъ боги ваши говорятъ?» Волхвы отвѣчали: «Стать намъ предъ Святославомъ.» Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянный отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: «Что вамъ ваши боги говорятъ?» Тѣ отвѣчали: «Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя.»—«Правду сказали вамъ ваши боги,» отвѣчалъ имъ Янъ; тогда волхвы начали говорить: «Если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ, если же убьешь, то большую печаль примешь и зло.» Онъ сказалъ имъ на это: «Если я отпущу васъ, то зло имѣ будетъ отъ Бога,» и потомъ обратившись къ лодочникамъ, сказалъ

ннъ: «У кого изъ васъ она убила родныхъ?» Одинъ отъвѣчалъ: «у меня убила мать,» другой: «у меня сестру,» третій: «у меня дочь.» «Ну такъ носите за своихъ,» сказала имъ Ягь. Дочериники скватила волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Ягь пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взялъ на дубѣ и сдѣлалъ трупы волхвовъ. Азтенисоцъ прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстiе, что въ его время волхвовани преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій разсказъ лѣтописца: всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ прельстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ, и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ по суку. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ, и ставши, сказалъ: «Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту.» Жители раздѣлились на двое: Князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ пошли къ волхву, и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву, и спросилъ у него: «Знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?»—«Все знаю,» отвѣчалъ волхвъ,—«А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ: что будетъ нынче?» «Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса.» Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесница, а люди, видя его мертвымъ, разошлись. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ, но скоро погибъ.—Изъ этихъ разсказовъ видно, что волхвы вставали и имѣли успѣхъ преимущественно на сѣверѣ, въ странахъ Финскихъ; такъ встали волхвы въ Ярославлѣ, въ странѣ Финскаго племени Меря; въ Чудѣ, издавна славную своими волхвами, ходилъ гадать Новгородецъ; въ Ростовѣ Св. Авраамій низвергнулъ послѣдняго каменнаго идола Велеса¹¹⁹; въ Муромѣ искорененіе дѣмчества яриписывается князю Константину¹²⁰. Изъ Славянскихъ племенъ повѣнне другихъ приняли христіанство Вятичи, удаленные въ наче-

ль отъ главныкъ короуь, въ вѣдствіе чего послѣ всѣхъ явленій они подчинились Русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились и христіанству: во второй половинѣ XI вѣка окончался у нихъ мученическою смертію проповѣдникъ христіанства, Св. Кукша, монахъ Кіевонечерскій; въ XII вѣкѣ, по словамъ лѣтописца, Вятичи еще сохранили языческіе обичаи, сожигали жертвенцавъ и проч¹²¹. Что на югѣ, въ Кіевѣ христіанство было крѣпче утверждено, чѣмъ на сѣверѣ, доказываетъ рассказъ лѣтописца о волхвѣ, который было явился въ Кіевѣ, но не имѣлъ здѣсь такого успѣха, какъ ему подобныя на сѣверѣ; этотъ волхвъ проповѣдовалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны помѣняются мѣстами своими: Греческая земля станетъ на мѣстѣ Русской, а Русская на мѣстѣ Греческой. Люди несмысленныя, говоритъ лѣтописецъ, слушали его, но вѣрныя насмѣхались надъ нимъ, говоря: «бѣсъ играетъ тобою тебѣ же на погибу,» что и сбылось: въ одну ночь пропалъ волхвъ безъ вѣсти. Въ какихъ слояхъ общества крѣпче было утверждена новая религія, въ какихъ слабѣе, можно видѣть изъ рассказа о Новгородскомъ волхвѣ: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселеніе, простые люди пошли къ волхву.

Не смотря однако на всѣ эти препятствія, христіанство распространялось постоянно по областямъ, подчиненнымъ Руси; если въ началѣ описываемаго времени все нисшее народонаселеніе Новгорода стало на сторону волхва, то въ концѣ, именно въ 1227 году въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ. Не смотря на то, что и въ Ростовской области Финское язычество составляло сильный отпоръ христіанству, проповѣдники послѣдняго шли далѣе на сѣверъ: въ 1147 г. преподобный Герасимъ, монахъ Кіевского Глушинскаго монастыря, проповѣдовалъ христіанство въ окрестностяхъ нынѣшней Вологды¹²²; Новгородскіе выселенцы приносили съ собою свою вѣру въ область Сѣверной Двины и Камы; мы видѣли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Русская церковь не могла успѣшно бороться съ Римскою въ Ливоніи; не за то подъ 1227 годомъ читаемъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ множество Корель¹²³.

Касательно управленія своего церковь Русская по прежнему зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, который постав-

лая для нея митрополитовъ, произносилъ окончательный приговоръ въ двлахъ церковникъ и на судъ его не было апелляціи. Известія о митрополитахъ Русскихъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чуждымъ, Греческимъ происхожденіемъ, много препятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одною изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Переяславлѣ ¹²⁴: предлагали же послѣ патріарху Іеремію быть Московскимъ патріархомъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ по причинѣ его чуженародности. Изъ шестнадцати митрополитовъ ¹²⁵, бывшихъ въ это время, замѣчательны: Іоаннъ II-й (1080—1089), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что былъ онъ хитръ и вѣдливъ и ученю, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ со всякимъ, богатымъ и убогимъ, смиренъ и кротокъ, молчаливъ и вмѣстѣ рѣчистъ, когда нужно было книгами святыни утѣшать печальныхъ: такого не было прежде на Руси, да и не будетъ, заключаетъ лѣтописецъ свою похвалу. 2) Никифоръ (1107—1121) замѣчательный своими посланіями къ Владиміру Мономаху. 3) Климентъ Смолятичъ, книжникъ и философъ, какого не бывало въ Русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видѣли примѣръ поставленія митрополита изъ Русскихъ Русскими епископами, независимо отъ Византійскаго патріарха; въ описываемый періодъ примѣръ этотъ повторился въ 1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ поставилъ митрополитомъ Клима или Климента, родомъ изъ Смоленска, отличавшагося, какъ мы видѣли, ученостію. Думаютъ, что поводомъ къ такому явленію могли быть замѣшательства, происходившія въ то время на патріаршемъ Византійскомъ престолѣ и неудовольствіе князя на бывшаго предъ тѣмъ митрополита Михаила, самовольно уѣхавшаго въ Грецію ¹²⁶. Какъ бы то ни было, между собравшимися для посвященія Клима въ Кіевѣ епископами обнаружилось сильное сопротивленіе желанію князя; они были не прочь отъ поставленія Русскаго митрополита, но требовали, чтобъ Клима взялъ благословеніе у Константинопольскаго патріарха; они говорили ему: «нѣтъ того въ законѣ, чтобъ ставить епископамъ митрополита безъ патріарха, а ставить патріархъ митрополита; не станемъ мы тебѣ кланяться, не станемъ служить съ тобою, потому

что ты не взялъ благословенія у св. Софїи и отъ патріарха; если же исправился, благословишься у патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся: мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, что не слѣдуетъ намъ безъ митрополита у св. Софїи служить ¹⁰⁰. Тогда Онуфрій, епископъ Черниговскій, предложилъ средство къ соглашенію епископовъ, а именно, предложилъ поставить новаго митрополита главою св. Клиента, по примѣру Грековъ, которые ставили рукою св. Іоанна. Епископы согласились, и Климиъ былъ посвященъ. Одинъ только Нифонтъ Новгородскій упорствовалъ до конца, за что терпѣлъ гоненіе отъ Изяслава, и отъ патріарха получалъ грамоты, гдѣ тотъ прославлялъ его и причиталъ къ святымъ; и въ нашей лѣтописи Нифонтъ называется поборникомъ всей Русской земли ¹⁰¹. Вообще лѣтописецъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ сторону Нифонта противъ Изяслава новаго введенія; быть можетъ здѣсь замѣшались и другія отношенія: лѣтописецъ говоритъ, что Нифонтъ былъ друженъ съ Святославомъ Ольговичемъ; понятно, что въ самомъ Новгородѣ сторона, приверженная къ Мстиславичамъ, непріязненно смотрѣла на Нифонта, и лѣтописецъ даетъ знать, что многіе здѣсь говорили про него дурно ¹⁰². — Когда, по смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получилъ старшинство, то сторона, стоявшая за право патріарха, восторжествовала, Климиъ былъ свергнутъ и на его мѣсто былъ присланъ изъ Царяграда митрополитъ Константинъ I-й. Первымъ дѣломъ новаго митрополита было проклясть память покойнаго князя Изяслава; но этотъ поступокъ не остался безъ вредныхъ слѣдствій для Русской церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ доставилъ Кіевскій столъ дядѣ Ростиславу, то требовалъ непремѣнно сверженія Константина за то, что послѣдній клялъ отца его; съ своей стороны дядя его, Ростиславъ не хотѣлъ возстановить Климиа, какъ неправильно избраннаго; наконецъ, для прекращенія смуты, князья положили свести обоихъ митрополитовъ и послать къ патріарху за третьимъ; патріархъ исполнилъ ихъ желаніе и прислалъ новаго митрополита, Грека Θεодора.

Не смотря на возстановленіе права патріарха присылать въ Кіевъ отъ себя митрополита, великіе князья не отказывались отъ права принимать только такихъ митрополитовъ, которые

были имъ угодны. Такъ въ 1164 году В. князь Ростиславъ Мстиславичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патріархомъ безъ его воли; много труда и даровъ стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна; есть извѣстіе, что Великій князь отвѣчалъ императорскому послу: «Если патріархъ безъ нашего вѣдома впередъ поставитъ въ Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановимъ однажды навсегда—избирать и ставить митрополитовъ епископамъ Русскимъ съ повелѣніи Великаго князя ¹⁴⁰». Послѣ неудачной попытки освободить Русскаго митрополита изъ-подъ власти Константинопольскаго патріарха, видимъ неудачную попытку къ освобожденію сѣверной Руси отъ церковнаго вліянія южной, къ освобожденію Владимирскаго епископа изъ-подъ власти Кіевскаго митрополита. Въ лѣтописи ¹⁴¹ встрѣчаемъ извѣстіе, что Андрей Боголюбскій хотѣлъ имѣть для Владимира Залѣскаго особаго митрополита, и просилъ объ этомъ Константинопольскаго патріарха, но тотъ не согласился. Князь покорился рѣшенію патріарха, но не хотѣлъ покориться ему епископъ Феодоръ, не хотѣлъ подчиниться Кіевскому митрополиту, на томъ основаніи, что онъ поставился въ Константинополь, отъ самого патріарха ¹⁴², и когда князь Андрей сталъ уговаривать его ятти въ Кіевъ для полученія благословенія отъ митрополита, то Феодоръ затворилъ церкви во Владимирѣ. Андрей послалъ его насильно въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Константинъ II-й, Грекъ рѣшилъ неслыханною строгостію задавить попытку сѣвернаго духовенства къ отложенію отъ Кіева: Феодора обвинили всѣми винами и наказали страшнымъ образомъ. Вотъ самый разсказъ лѣтописца объ этомъ: «Въ 1172 году сотворилъ Богъ и Св. Богородица новое чудо въ городѣ Владимирѣ: изгналъ Богъ и Св. Богородица Владимирская злаго, пронырливаго и гордаго льстеца, лживаго владыку Феодорца, изъ Владимира отъ Св. Богородицы церкви Златоверхой, и отъ всей земли Ростовской. Нечестивецъ этотъ не захотѣлъ послушаться христіюлюбиваго князя Андрея, приказывавшаго ему идти ставиться къ митрополиту, въ Кіевъ, не захотѣлъ, но, лучше сказать, Богъ не захотѣлъ его и Св. Богородица, потому что когда Богъ захочетъ наказать человѣка, то отнимаетъ у него умъ. Князь былъ къ нему расположенъ, хотѣлъ ему добра, а онъ не только не захотѣлъ

отъ митрополита, но в церкви всё во Владимирѣ
 перагъ и ключи церковные взадъ, и не было ни звона, ни
 ни до всему городу, въ соборной церкви, въ которой чу-
 ственъ Матерь Божія,—и ту церковь дерзнулъ затворить,
 да захватить Бога и Св. Богородицу, что въ тотъ же день
 въ лугахъ. Много вострадали люди отъ него: одни лишались
 рукъ, дружія, копей, другіе обращены были въ рабство, зато-
 ны, разграблены, и не только простые люди, но и монахи,
 священны, іеран; немилостивый былъ мучитель: однимъ головы
 рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ, и языки вы-
 выжигалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво,
 да исторгнуть отъ нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ
 и злодѣй. Князь Андрей послалъ его къ митрополиту въ Кіевъ,
 митрополитъ Константинъ обвинилъ его всеми видами, велѣлъ
 вести на Цесій островъ, гдѣ ему отрубали языкъ, какъ злодѣю
 руку, руку правую отсѣлалъ и глаза выкололи, потому что
 онъ прогнѣвалъ на Св. Богородицу.... Безъ покаянія пробылъ
 въ до послѣдняго мадыханія. Такъ почитаютъ бѣсы почитаютъ
 ихъ: они довели его до атого, вознесли мысль его до об-
 лаковъ, устроили въ немъ втораго Сатанила, и свели его въ
 облакъ. Вида Богъ, озабоченіе кроткихъ людей своихъ Ростов-
 ской земли, погубляющихъ отъ злѣроднаго Теодорца, посѣтилъ,
 и людей своихъ, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою
 милостивою царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея.
 и написалъ для того, чтобъ впередъ другіе не насакивали
 святительскій санъ, но пусть удостоиваются его только тѣ,
 ко Богъ воззоветъ¹⁴².—Изъ приведеннаго мѣста лѣтописи
 видно, что лежатъ въ основѣ обвиненія: бѣсы вознесли мысль
 Теодора до облаковъ и устроили въ немъ втораго Сатанила.
 и нависали это, говорится въ заключеніи, дабы впередъ не-
 кто смѣлъ насакивать на святительскій санъ. Во сколько
 обвиненій Теодора преувеличены тѣми, которые могли же-
 лать обвинить его всеми видами—теперь рѣшить трудно; для
 насъ это явленіе особенно замѣчательно какъ попытка епи-
 скопальной Руси отодолѣться отъ Кіевского митрополита.
 и попытка эта не удалась: митрополитъ Кіевскій продолжалъ
 управлять епископствомъ во всей епархіи Русской церкви, кото-
 рой было 15 въ описываемое время¹⁴³; но какъ В. князя Кі-

евскіе позволили Константинопольскому патриарху прислать къ нимъ митрополитовъ только съ ихъ согласіемъ, такъ и князья другихъ волостей не позволили Киевскому митрополиту начать епископовъ въ ихъ города по собственному произволу: такъ, наприм., когда въ 1183 году митрополитъ Шимонъ поставилъ епископомъ въ Ростовъ Грека Николая, то Всеволодъ III-й не принялъ его и послалъ сказать митрополиту: «Не избрали его люди земли нашей, но ели ты его поставилъ, то и держи его гдѣ хочешь, а мнѣ оставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Св. Снаса на Борогостовъ¹¹⁸³». Митрополитъ сперва отказался оставить Луку, но послѣ принужденъ былъ уступить волю Всеволода и Киевскаго князя Святослава, и посвятилъ его въ епископа Суздальской земли, а своего Николая Грека послалъ въ Полоцкъ; къ Премакамъ, какъ видно, не были вообще очень расположены, что замѣчаемъ изъ отзыва лѣтописца о Черниговскомъ епископѣ Антоніи: «онъ говорилъ это на словахъ, а въ сердцѣ затѣялъ обманъ, потому что былъ родомъ Грекъ». — Такимъ образомъ избраніе епископовъ не принадлежало исключительно митрополиту; но какъ же происходило это избраніе? въ Новгородѣ, при избраніи епископа, въ совѣщаніи участвовали: князь, игумены, Софьяны (люди принадлежавшіе къ ведомству Софійскаго собора), бѣлое духовенство (попы); въ случаѣ несогласія бросали жребій, и избраннаго такимъ образомъ послали къ митрополиту на поставленіе; вотъ лѣтописный разсказъ объ избраніи владыки Мартирія¹¹⁸⁴: «Преставился Гавріиль, архіепископъ Новгородскій; Новгородци, съ княземъ Ярославомъ, съ игуменами, Софьянами и съ попами стали разсуждать, кого бы послать на его мѣсто: одни хотѣли поставить Митрополита, другіе Мартирія, третьи Грека, начался споръ, для прекращенія которыхъ положили въ Софійской церкви на престолахъ три жребія, и послали съ вѣча слышца вынуть ихъ; вышло Мартирію, на которомъ немедленно послали въ Русь, привели и посадили во дворъ Св. Софій, а къ митрополиту послали сказать: «портить намъ владыку». Митрополитъ прислалъ за нимъ съ великою честью, и пошелъ Мартирій въ Киевъ съ лучшими людьми, былъ принятъ съ любовью княземъ Святославомъ и митрополитомъ, и посвященъ въ епископа». Въ другихъ областяхъ выборы

писанъ, божественъ, евангеліе, евангеліе, евангеліе: такъ читася въ
 снѣдальницѣхъ на соборѣхъ Великого князя Владиміра, Великого
 князя Ярослава, евангеліе, на его мѣсто отца своего духовнаго
 отца Арсения, митрополита Вадубицкаго¹¹⁷. Какъ старалось иногда
 князь избравши епископа, указываетъ мѣсто изъ писаннаго
 Остроумна въ Печерскую монаху Поликарпу: «и
 послалъ митрополитъ Ростиславъ, Берхуславъ, хочеть поста-
 вить епископа, или въ Новгородъ на Антоніево мѣсто,
 или Смоленскъ на Лазарьво мѣсто, или въ Юрьевъ на Алек-
 сандра мѣсто: и писеть, что если попадебится для этого раздать
 выслу: гривень, серебра: то не пожалеть¹¹⁸». Какъ при
 жизни епископовъ явилъ влияние то народъ, то князь, такъ
 послѣ ихъ смерти народъ или неудовольствіе князя могли быть
 причиною изгнания и изгнания епископовъ; мы видѣли при-
 томъ князь дважды въ Новгородѣ простой народъ выгналъ вла-
 стью Арсения, тогда, когда дверь долго стояла теплая погода;
 и писеть епископъ Арсенію, что Арсеній выпроводилъ пред-
 ставителя своего, владиміра Антонія въ монастырь, а самъ съѣлъ
 епископство, захвативши князя: это обвиненіе указываетъ на
 то, что князь при избраніи епископа даже въ Новгородѣ,
 епископъ епископъ Вологодъ III-й не хочеть принять еписко-
 пства Николая, потому что не избрали его люди земли Суздаль-
 ской; Ростиславъ Ростиславичъ въ своей грамотѣ говоритъ, что
 въ прѣдѣхъ епископа въ Смоленскъ, обдумавъ съ людьми сво-
 ими: въ 1159 году Ростовцы и Суздальцы выгнали своего епи-
 скопа Давыда¹¹⁹; но по другимъ извѣстіямъ, виновникомъ изг-
 нанія былъ князь Андрей Боголюбскій¹²⁰, который возвратилъ
 епископа изгнаннаго, и снова изгналъ.

Кроме права рукополагать епископовъ, митрополитъ имѣлъ
 право суда и расправы надъ ними: въ 1055 г. Новгородскій
 епископъ Давыдъ Шедтау по ложному доносу на него, осужденъ
 былъ митрополитомъ Евпримомъ, и три года содержался въ Ки-
 евѣ оправданъ¹²¹; Ростовскій епископъ Несторъ, оклеветан-
 ный своими же долашными, писеть князю на время епархіи мит-
 рополитомъ Константиномъ¹²²; наконецъ мы видѣли поведеніе
 епископа епископа Владимірова епископа Теодора;
 епископа епископа, напр., при оставленіи Климъ Смоля-
 чичъ въ митрополитѣ, князь обвинилъ на поводу епископа и не-

равныхъ толковъ, созывалось соборы съ Кіевъ. Пресе въ снѣ-
 сывающее время была: ересь Павліанъ изъ Богомиловъ, кото-
 рую пытался распространить на Русь монахъ: Адріанъ еще въ
 1004 году: Адріанъ, заключенный въ темницу, отказался отъ
 своего ученія; но въ 1123 году поименно была возобновлена на-
 кимъ-то Дмитромъ, который однако былъ скоро сосланъ въ
 заточеніе¹⁵²; въ 1149 году явился въ Кіевъ изъ Константино-
 поля еретикъ Мартинъ, изложивъ свое ученіе въ особой книгѣ,
 носившей названіе «Правда». Семь лѣтъ распространялъ
 Мартинъ свое ученіе въ Кіевъ, успѣвъ привлечь на свою сто-
 рону не только множество простаго народа, но и многихъ изъ
 духовенства, пока наконецъ Кіевскій соборъ въ 1157 году не
 осудилъ его ученіе; Константинопольскій Соборъ подтвердилъ
 рѣшеніе Кіевскаго, и еретикъ былъ сосланъ въ Царьградъ.
 Мы упоминали уже о епископѣ Леонѣ, игуменомъ Ростовцани
 и Суздальцани; въ сѣверной лѣтописи, подъ 1159 годомъ, при-
 чиною изгнанія приводится то, что онъ разорилъ священни-
 ковъ умноженіемъ зеривей¹⁵³. Подъ 1162 г., тотъ же лѣтопи-
 сецъ говоритъ о началѣ ереси Леонтиніанской: по его разсказу,
 епископъ Леонъ не по правдѣ поставленъ епископомъ въ Суз-
 даль, потому что прежній Суздальскій епископъ Несторъ былъ
 еще живъ. Леонъ сталъ учить, что не должно ѣсть мяса въ го-
 сподскіе праздники, если они случатся въ среду, или пятницу,
 ни въ Рождество Господне, ни въ Крещеніе; по этому случаю
 былъ сильный споръ¹⁵⁴ предъ княземъ Андреемъ и всѣми людь-
 ми; Леона переспорили, но онъ отпрямился въ Константинополь
 для рѣшенія дѣла; здѣсь опровергъ его Адріанъ, Епископъ Бол-
 гарскій предъ императоромъ Мануиломъ, причемъ Леонъ началъ
 было говорить противъ самого императора, слуги котораго уда-
 рили Леона въ шею и хотѣли было утопить въ рѣкѣ; свидѣте-
 лями всего этого были послы—Кіевскій, Суздальскій, Перея-
 славскій и Черниговскій. Иначе разсказываетъ дѣло южная
 лѣтопись¹⁵⁵ подъ 1162 годомъ: по ея словамъ князь Андрей
 Боголюбскій выгналъ Епископа Леона вѣстѣ съ братьями сво-
 ими и боярами отцовскими, желая быть самовластцемъ, потомъ
 епископа возвратилъ, покаялся въ грѣхъ своемъ, возвратилъ
 впрочемъ въ Ростовъ, а не въ Суздаль, и держалъ его четыре
 мѣсяца на епископѣи; но мѣсяцъ сталъ просить у него позволенія

не могла оправдать и не защищать от Святого Воскрес-
 сьдана. Искья Святини; епископъ не позволилъ ему этого, и
 (взвѣсивъ, взорично) пришелъ въ Черниговъ къ Святославу
 (князю); потъ утѣшилъ его и отпустилъ въ Кіевъ къ Ростис-
 лаву. Не-звѣтъ дѣло не кончилось: не за долго до взятія Кі-
 евоу княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, Печерскій игуменъ Поли-
 каръ съ братіею пожелалъ есть смръ, масло, мѣда и молоко
 какъ господскіе правдини, если случатся въ середу или пят-
 ницу. На это согласился Святославъ, князь Черниговскій и дру-
 гичаши и епископы, но митрополитъ запрещалъ и были по
 тому случаю большіе споры и распри. Тогда Великій князь
 Ярославъ Владимировичъ пожелалъ созвать соборъ изъ всехъ епи-
 скопъ, игуменовъ, спященниковъ и ученыхъ монаховъ, и
 явилъ ихъ до пасхотороста. На соборѣ мнѣнія раздѣлились:
 одни держались митрополита, между прочими два епископа, Ан-
 тоній Черниговскій и Антоній Переяславскій, другіе Поликарпа;
 большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни
 явилъ, отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого
 дѣла, и что пожелать такъ имъ нечего зависить отъ митро-
 полита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; нѣкоторые напо-
 мнили думали, что надобно отослать дѣло на рѣшенье патриарха.
 Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу, что надобно свер-
 гнуть митрополита, избрать Русскимъ епископомъ новаго, и по-
 томъ рассмотреть дѣло безпристрастно на соборѣ, представляя,
 что зависимость отъ патриарха Константинопольскаго тѣмъ же
 вредна для Руск. Но князь Мстиславъ, зная уже нерасполо-
 жене въ себя многими князьями, и боясь, съ другой стороны,
 раздражить и епископовъ, оставилъ дѣло безъ рѣшенія; но когда
 не согласные съ митрополитомъ епископы разсѣлись, тогда
 проведать съ двумя Антоніями, Черниговскимъ и Переяслав-
 скимъ осудилъ Поликарпа на заточеніе; а князь Святославъ
 Владимировичъ Черниговскій выгналъ изъ своего города епи-
 скопа Антонія¹²⁷. Давобытно, что сѣверный летописецъ во-
 шли и снустоношия Кіева войсками Боголюбскаго видить на-
 шие за грѣхи Кіевлянъ, особенно за неправду митрополита,
 который запретилъ Поликарпа¹²⁸.

Важнѣйшее матеріальнаго благосостоянія церкви, источни-
 комъ для содержанія митрополита и епископовъ служила: 1) Де-

судья, короторъ опредѣляи: итѣмъ: и мѣтъ: а также: до двѣдѣтъ: гни
 главныя церкви въ оныхъ, вѣдѣвать: такожде: Св. Владиміръ
 опредѣляе въ полѣну: Кіевской: Богородичной: церкви: десятую
 часть: прирѣдъ: и: доходовъ: своихъ; а: князь: Ярополкъ: Мстисла-
 вичъ: Подыркою: и:тѣмъ: оубо: гонитъ, что: оны: давалъ: Десяти-
 ну: отъ: всего: своего: имѣніа: св. Богородицы; (на: базѣ: тогдаго: обра-
 дѣ: оубо, имено: ли: въ: Кіевскую: Богородицкую: церковь: давалъ:
 оны: десятину ¹⁶⁰, по:тому: что: полѣ: оа, Богородицой: мѣтъ: разум-
 ытѣся: и: монастырь: Печорскій, какъ: разумѣется: оны: содѣла, а:
 рассказъ: о: щедрости: того: же: Ярополка ¹⁶⁰. Андрей: Боголюб-
 скій: даде: Богородицой: Владимірской: церкви: десятины: въ: со-
 дахъ: своихъ: и: торгъ: десятинъ ¹⁶¹, 2) Подвѣдшими: имѣніа: Кіевскіа:
 ской: Десятиной: церкви: причисляемъ: городъ: Пелешскій ¹⁶²; Анд-
 рей: Боголюбскій: даде: Владимірской: Богородицкой: церкви: по-
 родъ: Гороховецъ ¹⁶³, и:рѣтъ: того: даде: слободу: и: село; а: городъ:
 биде: не: одинъ: это: село: какъ: изъ: лѣтописи ¹⁶⁴, какъ: іа: на:
 писемъ: епископа: Владимірскаго: Симона: къ: Кіевскому: архіепископу:
 Полкару: «Кто: же: знаетъ, что: у: мѣря: ерѣшавъ: еписко-
 ска: Симона, соборная: церковь: во: Владиміръ: — красота: ерѣтъ:
 города: да: другая: въ: Суздалѣ, которую: самъ: построилъ? Слѣдѣ:
 у: нѣтъ: городовъ: и: селъ? и: десятину: собираютъ: по: всей: той: зем-
 лѣ, и: всю: эту: землю: владеетъ: наша: худоба: по: всей: и: обратъ:
 по:стаемъ: эти: доходы: или: не: на: одного: митрополита: и: еписко-
 па, но: также: на: поддержаніе: и: украшеніе: самихъ: церквей,
 на: содержаніе: клира, бѣльницъ, богодѣльнъ ¹⁶⁵, училищъ. 3) Судья:
 духовныя: пошлѣны; 4) Стѣвенныя: пошлѣны: взимаемыя:
 за: поставленіе: священно: и: церковнослужителей. Относительно:
 содержанія: и:сего: духовенства: до: насъ: не: дошло: никакихъ:
 извѣстій; мы: видимъ, что: Ярополкъ: І-й, строя: церковь: повсюду:
 назначилъ: содержаніе: духовенству; должно: думать, что: и: въ:
 предѣлахъ: князя: и: частныя: люди, строя: церковь, назначали:
 извѣстныя: имуществы: или: доходы: на: ея: содержаніе: и: причта. Это:
 всего: лучше: можно: видѣть: изъ: уставной: грамоты: Подгородскаго:
 князя: Всеволода: Мстиславича, дающей: церкви: Св. Іоанна: Пред-
 тѣни: на: Опокахъ ¹⁶⁶. Въ: этой: грамотѣ: князь: Всеволодъ: гово-
 ритъ, что: оны: поставилъ: церковь: Св. Іоанна: на: Патрицїа: вѣ-
 ридѣ, снабдилъ: ее: книгами: многоцѣнными: и: золотыми: кнѣгами,
 приставилъ: поповъ, дьякона: и: дьяка, на: церковное: управленіе:

во что даша, а вѣсъ воцаной, съ оставленіемъ только
 шельма себе, а въ Торжѣхъ даша воцаной, по двана Са. Слѣ-
 салювима, Са. Іоанну. Даша этого доцаного вѣсу пощъ, дѣ-
 шъ, а въ сторожа, получаютъ свои оброки (головое жало-
 цы). При этой церкви Са. Іоанна устроена была торговая
 изба; а князь Всеволодъ говоритъ въ грамотахъ: «Я поставилъ
 Ивану, крестъ старостъ отъ житыхъ людей, а отъ черныхъ
 купцовъ, съ куднохъ двохъ старостъ, пусть управляютъ
 купецъ, а дѣла Ивановскими, и торговыми, и гостинными, и
 съ торговитъ, а посадники и бояре Новгородскіе ни во что
 вѣрское не дѣтдуются. А кто захочетъ вложиться въ Ива-
 новское кудноство, долженъ дать кудцамъ пощымъ (старымъ
 купецъ обидны) вкѣду пятьдесятъ гривень серебра, а Тисяц-
 нѣ сѣмь Илское, а часть этой сумми кудим должны положить
 купецъ, и купецъ. Вѣсъ воцаной долженъ всегда находиться
 въ Торжѣ Са. Іоанна; а вѣшаютъ старосты Ивановскіе, двое
 купецъ, а добрыхъ людей, не пощымъ кудцамъ старо-
 стѣхъ, а вѣсу не вѣситъ Ивановскаго. Потомъ опреде-
 лены въ грамотѣ данина вѣсовыхъ пощымъ съ гостей—Ня-
 шихъ, Полоцкихъ и Смоленскихъ, Новоторжскихъ и Новго-
 родскихъ. Ивановскій гость платилъ больше всѣхъ, Полоцкій и
 Смоленскій меньше, Новоторжскій еще меньше, свой Новго-
 родскій данина всѣхъ.

Дана грамота, данной церкви Іоанна Предтеча, Всеволодъ
 въ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ св. Владмира,
 Новгородскій вѣрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней
 вѣрочемъ: «созвахъ есмь 10 сотскихъ и старосту Болеслава и
 Миронку и старосту Иванскаго Васяту, и цагамамъ есмь
 вѣрочемъ, и съ своею кнѣжкою и съ своимъ бояры и со де-
 шъ сотскими и съ старостами. Далъ есмь судъ и мѣрила въ
 Торжѣ св. Софїи и епископу и старостѣ Иванскому и всему
 купецу, мѣрила торговая, скалы воцанья, пуды медовые и
 рублю, рублю, и докотъ Иванскій и свой оброкъ купецъ
 Иванскій; а доцу Иванскому руская пѣсь съ Борисоглѣбскимъ
 купецъ; а сторожу Иванскому русской порочницы пятно, да де-
 шъ доцаной соли. Домъ св. Софїи владыкамъ строити съ сот-
 стѣхъ, а старостамъ и доцанамъ докладывая владыки или кто
 нашого роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св.

Ивана. Торговая вся вѣсы, мѣрила. . . . епископу бжюсти божь пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животь его на трое; треть живота св. Софїи, а другая треть св. Ивану, а третія треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныя люди: игумень, игуменїя, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а и кто въ крыдоси: попадаѣя, чернецъ, черница, колонникъ, (пришлецъ), свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, едвица, пущеникъ, задушный человекъ, изгойской (изгой трои): поповъ сынъ грамотъ не умѣеть, холопъ изъ холопства выпутится, купецъ одолаесть; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣеть. . . . А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтямъ прелюбодѣнная часть въ животь. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третїей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота дать урочная часть по оскуду; а изъ мала живота какъ рабочичищу часть, коня да доспѣхъ и покрутъ.»

Къ 1137 году относится Уставъ, данный княземъ Святославомъ Ольговичемъ Новгородскому Софїйскому собору; въ началѣ его князь Святославъ ссылается на пращѣдовъ и дѣдовъ своихъ, которые установили брать епископамъ десятину отъ даней, вирь и продажъ, отъ всего, что входитъ въ княжой дворъ¹⁰⁰. Къ 1150 году относятся уставныя грамоты Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данныя епископїи Смоленской¹⁰¹. Вслѣдствїе давняго соединенїя Смоленской волости съ Переяславскою подъ властію одного князя церковь Смоленская находилась подъ вѣдомствомъ епископа Переяславскаго. Это соединенїе должно было имѣть въ послѣдствїи большїя невыгоды уже по самому отдаленїю Смоленской волости отъ Переяславской, отрѣзываемыхъ другъ отъ друга почти всегда враждебною волостію Черниговскою; уже сынъ Мономаха, Мстиславъ имѣлъ намѣренїе учредить въ Смоленскѣ особую епископїю; понятно, что сынъ его, Смоленскїй князь Ростиславъ спѣшилъ привести въ исполненїе мысль отцовскую. Ростиславъ говоритъ въ началѣ грамоты, что онъ устанавливаетъ епископїю, посовѣтовавшись съ людьми своими, по повелѣнїю отца своего святаго, и для содержанїя епископа съ клиросомъ даетъ церкви Св. Богородицы и епископу прощениковъ съ медомъ, кунами,

дана и продажами, съ запрещеніемъ судить ихъ кому либо другому кромѣ епископа; даетъ церкви и епископу десятину отъ ихъ даней Смоленскихъ, что сходится въ нихъ истыхъ кулъ, отъ продажи, виру и, кромѣ полюды. Сверхъ того князь далъ много сель, съ изгоями и съ землею; судъ церковный ут-верждаетъ исключительно за епископомъ. Въ концѣ грамоты Ростиславъ говоритъ, что если кто захочетъ по зависти приложить къ Смоленскую епископію къ Переяславской, то князь имѣетъ право отнять все данное на содержаніе епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никакихъ несообразностей, не могущая слѣдовательно подать поводъ ни къ какимъ заподозриваніямъ, служить лучшимъ доказательствомъ въ пользу церковныхъ уставовъ Владимира Св. и Ярослава I-го, потому что, подобно имъ, заключаетъ въ себя много судовъ церковныхъ, принадлежавшихъ епископу. Выше замѣчено, что необходимо отвести начало церковнаго суда къ временамъ введенія христіанства въ Русь, необходимо отнестись къ первымъ уставамъ объ немъ ко временамъ Владимира и Ярослава, хотя бы и не въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ; что же касается до признанія и употребленія этихъ уставовъ въ описываемое время, т. е. отъ 1054 до 1228 года, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Руководствомъ, конечно при церковномъ управленіи и судахъ былъ принятъ уже съ самаго начала Номоканонъ, которымъ руководствовались и церковь Греческая. Должно думать, что онъ употреблялся въ описываемое время и въ Греческомъ подлинникѣ, потому что епископы и некоторые епископы были изъ Грековъ, — и въ славянскомъ переводѣ, ибо есть свидѣтельства изъ XVI вѣка о существованіи тогда харатейныхъ Славянскихъ кормчихъ, писанныхъ при Ярославѣ I-мъ и сынѣ его Изяславѣ¹⁹⁶. — Что же касается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободнымъ отъ гражданскаго суда, службы и податей граждан-

Мы видѣли важное значеніе духовенства въ первыя времена введенія христіанской вѣры въ Русь, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касавшемся народа въ странѣ; въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось: духовенство принимаетъ сильное участіе въ со-

бытіяхъ, въ примиреніяхъ князей, въ утищеніи народныхъ встаній; мы видѣли, что послѣ ослабленія Василька Кіевля отправили къ Мономаху митрополита Николая, который уговорилъ князя помириться съ Святополкомъ; Мономахъ послушался митрополита, ибо чтилъ санъ святительскій, говоритъ лѣтписецъ. Игуменъ Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ. Вячеславъ употребилъ митрополита для переговоровъ съ тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ. Бѣлгородскій епископъ Феодимъ и Печерскій игуменъ Феодосій были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и Черниговскими князьями. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ дать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, Ивана Бердника, на вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: «грѣхъ тебѣ, поцѣловавши Ивану крестъ, держать его въ тѣнѣ нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство,» — и Юрій послушался митрополита. Когда Венгры завладѣли Галичемъ митрополитъ поднималъ князей отнять Русскую волость у ихъ племенниковъ. Митрополитъ Никифоръ для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III-мъ, велъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему Роману Володиміровичу, при чемъ сказалъ: «Князья! мы приставлены въ Русскую землю отъ Бога удерживать васъ отъ кровопролитія.» Тотъ же митрополитъ помирилъ послѣ Рюрика съ Романомъ. Тимофей духовникъ Мстислава Торопецкаго, помирилъ этого князя съ Ярополкомъ. Въ Новгородѣ архіепископъ не разъ является укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Въ тотъ вѣкъ когда понятія о народномъ правѣ были слабы, и не стыдилось убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, посланцы обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ менѣе можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану.

Въ людяхъ описываемаго времени не трудно замѣтить уваженіе къ монашеству; уваженіе приобрѣли по праву древніе Русскіе иноки, особенно иноки Печерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полуязыческомъ еще, въ которомъ новыя, луч-

внѣтїа, принесенныя христіанствомъ встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли особое, высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія провозвѣщывалась не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ: въ стѣнахъ монастыря — одинъ бѣтъ черезъ дѣш просвиру, носить власяницу, никогда не ляжетъ опять, не вздремнетъ иногда сиди, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плеча въ землю, чтобъ убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобъ заглушить въ себѣ востылюбивые помысли, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входи въ монастырскіе вѣрота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь притягивалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнесся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, обрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Θεодосій поддержалъ и усиливъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновение съ В. княземъ Изяславомъ: послѣдній, вида, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на Печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на Антонія и за расположение его къ Всеславу Полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ. Не смотря однако на такія непріязненныя отношенія Изяслава къ монастырю, Θεодосій взялъ сторону этого князя противъ брата его Святослава; когда Черниговскій князь отнялъ столъ у старшаго брата, и всѣ признали право сильнаго, одинъ игуменъ Печерскій не призналъ этого права, въ одномъ Печерскомъ монастырѣ на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ

уваженіемъ слушалъ увѣщанія Θεодосія. Не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ въ Печерскомъ игуменъ своего ходатая: обиженный въ судѣ шелъ съ жалобою къ Θεодосію, и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло. У себя въ кельѣ Θεодосій ходилъ за больнымъ, разслабленнымъ инокомъ, а ночью, когда все успокоивалось, отправлялся въ Жидовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры. Но кромѣ Антонія и Θεодосія Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, епископовъ, лѣтописцевъ; св. Кукша, св. Леонтій, св. Исаія были его постриженниками: постриженникъ же его Никонъ, убѣгая гнѣва Изяславова, ушелъ въ Тмутаракань, служившій убѣжищемъ для всякаго рода изгнанниковъ, и князей, и монаховъ. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмутаракани, о монахахъ не имѣли тамъ понятія; дикій народъ объять былъ изумленіемъ, когда увидалъ иноческіе подвиги Никона, толпами сходились смотрѣть на дивнаго человека, и скоро подчинился его вліянію: скоро³мы видимъ этого Никона въ члѣнѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ княземъ. — Послѣ этого неудивительно читать намъ въ памятникахъ XII вѣка слѣдующія слова: «Подвиги св. монаховъ сіяють чудесами больше мірской власти, и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняють главу свою предъ монахами.» Епископъ Симонъ пишетъ къ Печерскому иноку Поликарпу: «Смотри, какъ уважають тебѣ здѣсь и князья, и бояре, и всѣ друзья твои¹⁷¹.»

Монастыри распространялись и по другимъ городамъ: упоминаются монастыри въ Туровѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Владимірѣ Волинскомъ, въ княжествѣ Галицкомъ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ Великомъ. Основаны были и женскіе монастыри: въ 1086 году В. князь Всеволодъ Ярославичъ построилъ въ кievѣ монастырь Андреевскій, гдѣ постриглась дочь его дѣвица—Янка; она собрала около себя много монахинь и жила съ ними по монастырскому чину¹⁷². Предслава, дочь Полоцкаго князя Георгія Всеславича¹⁷³ въ молодости ушла въ монастырь, гдѣ уже была монахинею тетка ея, жена Романа Всеславича, постриглась здѣсь подъ именемъ Евросиніи, сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ голубцѣ, гдѣ проводила время въ списываніи книгъ; продавала ихъ и выручаемыя деньги раздавала нищимъ, потому

основала свой монастырь при церкви св. Спаса, гдѣ постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двухъ княженицъ; наконецъ захотѣла видѣть Іерусалимъ, гдѣ и скончалась въ Русскомъ Богородичномъ монастырѣ ¹⁷⁴. Но не одни княжны и вдовныя княгини постригались въ полномъ здоровьѣ; встрѣчаемъ и князя, произвольно оставившаго волость и постригшагося въ Киевопечерскомъ монастырѣ: то былъ извѣстный уже намъ по лѣтописи Сватоша, или Святославъ — Николай Давидовичъ Черниговскій. Три года пробылъ онъ въ поварнѣ монастырской, работая на братію, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ при трапезѣ, наконецъ перешелъ на службу при трапезѣ. По окончаніи искуса перешелъ жить въ свою келлію, при которой развелъ садъ, и никогда во всю жизнь не видали его празднымъ, но всегда имѣлъ онъ въ рукахъ какое-нибудь дѣло; питался онъ постоянно одною монастырскою пищею ¹⁷⁵.

Для содержанія своего монастыря уже въ то время имѣли недвижимыя имущества, такъ, наприм, князь Ярополкъ Изяславичъ далъ Киевопечерскому монастырю три волости ¹⁷⁶; дочь его дала пять селъ и съ челядью; Ефремъ епископъ Суздальскій далъ тому же монастырю дворъ въ Суздаль съ церковію св. Димитрія и съ селами ¹⁷⁷. До насъ дошла въ подлинникъ грамота В. князя Мстислава Владиміровича (1128 — 1132 г.) Новгородскому Юріеву монастырю на волость съ данами, вирами и продажами и на некоторую часть княжескихъ доходовъ ¹⁷⁸. Отъ конца XII вѣка дошла до насъ подлинная вкладная грамота преподобнаго Варлама Хутынского монастырю на земли, рыбныя и птичьи ловли ¹⁷⁹. Должно думать, что всякій постригавшійся, если имѣлъ состояніе, приносилъ какой-нибудь вкладъ въ монастырь движимымъ или недвижимымъ имуществомъ; кромѣ того и другіе небогатыя люди давали въ монастыри деньги и разныя другія цѣнныя вещи; раздавать милостыню по монастырямъ было въ обычкѣ у князей: Глѣбъ Всеславичъ Полоцкій далъ Киевопечерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 золота, по его смерти жена его дала 100 гривенъ серебра и 50 золота. Монахи въ монастыряхъ удерживали при себѣ имущество, отъ чего были монахи богатые и бѣдные: такъ, напримѣръ, въ Патерикѣ разсказывается, что когда умеръ одинъ инокъ, по имени Аванасій, то никто

изъ братіи не хотѣлъ похоронить его, потому что онъ былъ бѣдѣнъ; тамъ же читаемъ, что инокъ Ѳеодоръ вступилъ въ монастырь, раздавши все свое имѣніе нищимъ, но потомъ сталъ жалѣть о розданномъ: тогда другой инокъ Василій сказалъ ему: «Если ты хочешь имѣнія, то возьми все, что у меня есть.» Третій инокъ Арефа имѣлъ много богатства въ своей келліи, и никогда ничего не подавалъ нищимъ.

Относительно управленія встрѣчаемъ извѣстія объ игуменахъ (архимандритахъ), экономахъ и неларяхъ ¹⁸⁰. Избраніе игуменовъ зависѣло отъ братіи, при чемъ иногда происходили возстанія и насильственные смѣны игуменовъ. Иногда монахи выбирали себѣ въ игумены изъ блага духовенства; подъ 1112 годомъ читаемъ въ лѣтописи: «Братія Кіевопечерскаго монастыря, оставшись безъ игумена, собрались и нарекли себѣ игуменомъ Прохора священника (попина); объявили объ этомъ митрополиту и князю Святополку, и князь съ радостію велѣлъ митрополиту поставить Прохора.» Подъ 1182 годомъ встрѣчаемъ слѣдующій рассказъ: «Умеръ блаженный архимандритъ, игумень Печерскій Поликарпъ, и былъ по смерти его мятежъ въ монастырь: никакъ не могли избрать себѣ игумена, и братія очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть безъ пастуха. Во вторникъ ударили братья въ било, сошлись въ церковь, начали молиться св. Богородицѣ — и чудо! въ одинъ голосъ сказали всѣ: «пошлемъ къ попу Василью на Щековицу, чтобъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ Печерскаго монастыря.» Пришли къ Василью, поклонились и сказали ему: «мы вся братья и черноризцы кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцемъ игуменомъ.» Попъ Василій изумился, поклонился имъ и сказалъ: «Отцы и братья! мысль о постриженіи была у меня; но съ какой же стати вы придумали выбрать меня себѣ въ игумены?» Много спорилъ онъ съ ними, наконецъ согласился, и монахи повели его въ монастырь. Касательно отношенія Кіево-Печерскаго монастыря къ В. князю Кіевскому, замѣчательны слова св. Ѳеодосія, сказанныя имъ предъ кончиною князю Святославу: «Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.» Но въ некоторыхъ рукописныхъ патерикахъ прибавлено: «и да не

обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни нинъ никто же отъ клерикъ Сѣвѣйскихъ, но точію завѣдаетъ имъ твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоему.» Согласно съ этимъ есть преданіе, что Андрей Боголюбскій утвердилъ независимость Печерскаго монастыря отъ Кіевскаго митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигіею княжескою и патриаршею¹⁸¹.

Говоря о нравственномъ состояніи общества, необходимо обратитъ вниманіе на юридическія понятія, господствовавшія въ немъ въ извѣстное время. Къ уставамъ, явившимся безспорно въ описываемое время на Руси, принадлежитъ во-первыхъ, измѣненіе, сдѣланное сыновьями Ярослава I-го въ Правдѣ отца ихъ относительно мести за убійство: въ Правдѣ говорится, что трое Ярославичей, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались вмѣстѣ съ мужами своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, но опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться суда Ярославова: такимъ образомъ родовая месть, самоуправство, остатокъ прежней родовой особы, перестаетъ существовать на Руси юридически въ началѣ второй половины XI вѣка; но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общества къ другому, случайно, въ ссорѣ, дракѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считается уголовнымъ преступленіемъ, убійца такого рода продолжаетъ по прежнему считаться полноправнымъ членомъ общества; только разбойника, однакоже всѣмъ опаснаго, общество не хочетъ держать у себя, но отдаетъ князю на потокъ со всѣмъ семействомъ. Такимъ образомъ убійство перваго рода не влекло болѣе за собою ни частной, ни общественной мести, наказанія; что убійства такого рода были перѣдки, доказательствомъ служить обычай соединяться для платежа виры, вкладываться въ дикую вирю¹⁸². Какъ новость, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о поединкѣ, въ значеніи судебного доказательства. Къ описываемому же времени относится ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ, по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволили себѣ по этому предмету Жиды въ княженіе Святослава. Большіе росты бывають обыкновенно слѣдствіемъ неустроенности въ возвращеніи капитала, неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ странѣ. Относительно послѣдняго мы

встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ громкія жалобы; мы видѣли главную причину этого явленія въ частыхъ перемѣненіяхъ княжескихъ изъ одной волости въ другую: съ описываемаго времени, со времени господства родовыхъ княжескихъ отношеній, дружинники или челядинцы княжескіе привыкли смотрѣть на отправленіе правительственной или судейской должности, какъ на кормленіе, слѣд. привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничѣмъ сказаны съ волостію, гдѣ были пришельцами; для уясненія себѣ этихъ отношеній мы должны представить себѣ стариннаго дружинника, отправляющаго правосудіе за князя, въ видѣ стариннаго ратника, стоящаго на постое. При Всеволодѣ Ярославичѣ лѣтописецъ жалуется на разореніе земли вслѣдствіе дурнаго состоянія правосудія; при Святополкѣ не имѣемъ права ожидать лучшаго; подъ 1138 годомъ читаемъ, что была пагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ Сулы рѣки) частію отъ Половцевъ, частію отъ своихъ посадниковъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ тиуны разорили Кіевъ и Вышгородъ; при Ростиславичахъ на сѣверѣ посадники, поставленные изъ южнорусскихъ дѣтскихъ, разорили Владимирскую волость; лучшимъ доказательствомъ дурнаго состоянія правосудія на Руси въ описываемое время служить понятіе, какое имѣли современники о тиунѣ: въ словѣ Данила Заточника читаемъ: «не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тиунъ его какъ огонь, и рядовичи его какъ искры¹⁸³». Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника: какая судьба ожидаетъ тиуна на томъ свѣтѣ? тиунъ несправедливо судить, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучить¹⁸⁴? Названіе должностнаго лица ябедникъ приняло также дурное значеніе. Не умѣя или не желая объяснить такое дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много!

Мѣриломъ нравственнаго состоянія общества могутъ служить также понятія о народномъ правѣ. Мы видѣли, что вести войну значило причинять непріятельской волости какъ можно больше вреда — жечь, грабить, бить, отводить въ плѣнъ; если плѣнные непріятельскіе ратники отягощали движеніе войска, были опасны при новыхъ встрѣчахъ съ врагомъ, то ихъ уби-

ми⁹⁸; иногда князья послѣ войны уговаривались возвратити имъ взятое съ обѣихъ сторонъ⁹⁹, но есть примѣръ, что князь послѣ войны уводитъ жителей цѣлаго города, или взятого, и селит ихъ въ своей волости¹⁰⁰. Въ способъ ведения войны у себя, въ русскихъ областяхъ и въ чужихъ странахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, не виднѣтъ никакой разницы. При заключеніи мира употреблялась клятва—крестное цѣлованіе, утвержденіе ладожское и отновское, по словамъ князей¹⁰¹, и грамоты съ крестными мѣрами назывались потому крестными. Нарушенія клятвы встрѣчаются часто, особенно были знамениты ими два князя: Владиміръ Галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ; твердостью въ клятвѣ славился Мономахъ; но и онъ разъ позволилъ уговорить себя нарушить клятву относительно Половецкихъ хановъ на томъ основаніи, что поганые тоже безпрестанно нарушаютъ клятву; сынъ Мономаха Мстиславъ, не смотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь раскаявался въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Яроslаву Черниговскому; изъ позднѣйшихъ князей за твердое сохраненіе клятвы лѣтовисецъ хвалитъ Глебъ Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестныхъ грамотъ¹⁰². Мы упоминали, что послы отправлялись часто духовныя лица, какъ подвергавшіяся большей опасности: но Всеволодъ III не усумнился задержать священниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ Святославомъ Черниговскимъ; Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь голову и бороду послу Боголюбскаго; Изяславу послу, Петру Бориславичу, не дали въ Галичѣ ни повозки, ни корма, и онъ боялся дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Владимірка; впрочемъ было признано, что убивать посла не слѣдуетъ: когда Владиміры (на Волынѣ) хотѣли убить священника, присланнаго отъ Игоревичей Галицкихъ, то пріятель послѣднихъ стали говорить, что не подобаетъ убить посла¹⁰³. Христіанство, разумѣется, дѣйствовало и здѣсь благотворно: Игорь Сѣверскій признается, что отдавъ на шить городъ Глебовъ, не пощадивши христіанъ, онъ сдѣлалъ великій грѣхъ, за который Богъ отомстил ему клятвомъ у Половцевъ; Мономахъ, заключилъ миръ съ Глебъ Мнискимъ, не желая, чтобъ кровь христіанская проливалась въ великій постъ; по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ¹⁰⁴; Всеволодъ Ольговичъ, исполнившись страха

Божія, по словамъ летописца, не хотеть возъвестити поше-
рой въ Порекландъ, чтобъ взять этотъ городъ; такую же сво-
бодность обнаруживаютъ Ростиславичи въ борьбѣ съ Юрьев-
вичами послѣ Липецкой битвы.

Повсюду, и между князьями и между простыми людьми видима
борьбу новыхъ лучшихъ, христіанскихъ понятий и стремленій
со страстями, слабо обуздываемыми въ новорожденномъ общес-
твѣ, и съ прежними языческими обычаями. Въ жизни многихъ
князей замѣчается сильное религиозное направленіе: Мономахъ
былъ религиозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ
только дѣтямъ: по словамъ летописца, онъ всею душою любилъ
Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храни заповѣди Божіи, и имѣ-
въ всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ и щедеренъ,
данъ былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ летописецъ,
что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ
удерживаться отъ слезъ. Мы видѣли иносечіе: подвиги Святосла-
ва Давыдовича Черниговскаго, религиозное направленіе Ростисла-
ва Мстиславича, христіанскую кончину Ярославъ Галицкаго.
Но у некоторыхъ благочестіе ограничивалось только
внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, и когда дѣло шло объ удовле-
твореніи страстимъ, то на заповѣди религіи и на служителей
ей обращали мало вниманія: братъ Мономаха, Ростиславъ не
усумнялся умертвить св. инока Григорія за обличеніе; Святос-
лополкъ Изяславичъ былъ благочестивъ, уважалъ монастырь Кие-
вопечерскій и его иноковъ; но когда дѣло шло объ удовлетвори-
ніи корыстолюбія, то мучилъ этихъ самыхъ монаховъ, гналъ
игумена за обличенія; сынъ его Мстиславъ умертвилъ св. Феодора
и Василія. Владимірко Галицкій, нарушившись надъ клят-
вою, сказавши: «что мнѣ сдѣлаеть этотъ маленькій крестикъ?»
пошелъ въ церковь къ вечернѣ; не щадя сокровищъ для сооруже-
нія и украшеній церкви, не считали за грѣхъ жечь и грабить
церкви въ волостяхъ непріятельскихъ. Въ слѣдъ за людьми, ко-
торые шли въ монастырь для борьбы со страстями, шли туда же
люди для удовлетворенія страстимъ своимъ: въ духовныхъ по-
сланіяхъ XII вѣка встрѣчаемъ сильныя укоры монахамъ, кото-
рые милуютъ свое тѣло, перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ
праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ, и дол-
жны сидѣть за нею, ищутъ надъ старѣйшими взять свою волю, со-

присяжники на Бога: ради, но для того, чтобы рассуждать о нем, не для простыни спора, да бесстыдных нападеи на монаха и клира¹⁰². Монахи церкви вооружаются против князя давати въ монастыряхъ мира, на которое обзавишася князь и жидичини¹⁰³. Споръ, такъ сильно и долго занимавший русское общество, споръ о томъ, что есть въ извѣстные времена принадлежать также къ характеристическимъ явленіямъ имъ.

Оборужавши противъ уклоненій отъ правила христіанской цркви, церковь должна была вооружаться противъ старыхъ языческихъ вѣнчій и обычаевъ, которые были еще такъ живы въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ княжескомъ слое. Мы видели, какъ въ Новгородѣ весь простой народъ стоялъ къ волку, и только князь съ дружиною сталъ къ епископу; встрѣчю извѣстіе, что въ означенное время римляне приносятъ жертвы бѣсамъ (т. е. признавъ божество); болотамъ и колодинамъ, что были люди, которые несли камни, что простой народъ не бранъ для браны благословеннаго, считая это обрядомъ, установленнымъ только княземъ и бояремъ, и довольствуясь однимъ языческимъ обрядомъ алкопаніа, что жидичини носили большихъ дѣтей къ волку, и если землеман охлажденіе любви въ мужъ, то омывали въ свое водое, и эту воду давали пить жужу¹⁰⁴. Особенно было нечестно память о древней религіи изъ народныхъ вѣнчій, пляска, пляска, игра, которые были языческаго происхожденія; вотъ почему церковь вначалѣ такъ сильно старалась вооружаться противъ старыхъ увеселеній: «развѣ ми не посягаемъ, говорить лѣтонисецъ¹⁰⁵, когда во встрѣчу вѣрующа Божіа кто встрѣтитъ черноризца на дорогѣ, то возвращаетъ бжеадъ; развѣ это не значить посягнуть по-язычески? Вадъ вѣсе водится по дьяволу наученію; другіе и чиханью вѣрующа будго бы оно бывшеть на здоровье головъ. Мовни этии дьяви дьяволъ оталекаетъ насъ отъ Бога, трубами, окомородами, гуслии, русальями. На играицахъ видимъ множество людемъ какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбгаются чертъ на дѣло, отъ дьявола замилешное, а чертъи стоятъ при: съ часъ молитвы мало найдешъ народу въ церкви». — Изъ этихъ словъ лѣтонисца видно, что любимымъ народнымъ зрѣнцемъ въ это время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встречаемъ въ источникахъ похвалу двумъ князьямъ за соблюдение телесной чистоты: о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что онъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, да о Святославѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ сохранялъ чистоту телесную. Въ летописяхъ до насъ спискахъ летописей говорится о Святославѣ Изяславичѣ, что онъ выдалъ дѣтей отъ наложницы; въ Татищевскомъ сводѣ летописей находимъ другіе подобные примѣры ¹⁹⁶. Живіе къ старинѣ въ родѣ было просвѣщенное востокъ какъ добродѣтель, уклоненія отъ которой подлерживалъ: они были уворизнанъ; но мы видали, что эти уклоненія были не Видимъ нѣсколько примѣровъ непослушанія волѣ отцовъ: примѣръ Андрея Боголюбскаго, ушедшаго, безъ отцовскаго гласія, съ юга на сѣверъ; примѣръ Олега Святославича Черниговскаго, который безъ отцовскаго вѣдома, прѣскалъ въ Мславу Давыдовичу ¹⁹⁷; примѣръ Константина Всеволодовича, казавшагося выполнять отцовскую волю относительно Полощи. Относительно важнаго вопроса о положеніи женщинъ въ древнѣ Русскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ очень скудную матерію въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени. Видимъ, что княгини имѣли свое имущество, движимое и недвижимое, распоряжались имъ по произволу, какъ напримѣръ въ распоряженіи жена князя Глѣба Всеславича Полоцкаго, едкая свои деньги и волости Кіевопечерскому монастырю; жена Стополаки Изяславича рождаетъ по смерти его большое богатство по монастырямъ, церквамъ и нищимъ. Объ уваженіи, какою пользовались женщинамъ родственниками, свидѣтельствуетъ примѣръ Мономаха, который послушался увѣщаній матушки своей при чемъ летописецъ говоритъ: «преклонился онъ на молкнигинину, потому что почиталъ ее какъ мать.» Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей среди гражданъ, можемъ видѣть изъ описанія кончины княгини Маріи, жены Всеволода Ш-го: «Постриглаоь Великая княгиня въ монашескій чинъ, въ монастырь Св. Богородицы, котора сама построила, и проводилъ ее до монастыря самъ Великий князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Георгій, да Верхуслава, жена Ростислава Рюриковича, которая прѣжажи тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Іоаннъ, духовни

и книги: Симеонъ, и другіе ученики и чернцы вси, и бѣре
 чени д: Саврѣи; и чернцы изъ оубла монастырей, и германе
 ршии превратили: ок се словени многими до монастыря, потому что
 робши до: всакихъ плещ добра. Въ: оубла же мѣсца она умерла, и
 рождала надъ нѣю: Василій князь, и синъ ою Юрій влекалъ и
 она хотѣла убитися, потому что былъ любимъ ою¹²². О вл
 ршии книгши на собити, какъ собитницѣ мумой своихъ, указам
 ршии: о: вѣснѣ о погубилъ князь Савтослава Весполодонца съ
 ршии: вѣснѣи подъ 1480: годонъ: Савтославъ, сказанъ въ: г
 ршии: и: князь на Давидъ Ростиславича, пососѣтованихъ том
 ршии: съ книгшии да оя любимецѣ своихъ Кошаронъ, и на дво
 ршии: своей думи дучини мумамъ своимъ. Изъ: отыма дѣто
 ршии: вѣснѣи: можно: усмотрѣть, что такой погубокъ Савто
 ршии: вѣснѣи: возбуждалъ всеобщее негодованіе въ обществѣ, являлся
 ршии: вѣснѣи: изъ: принятата обичая соотвѣтаться обо всемъ съ
 ршии: дружиною. О: вл: и: книги на дѣла можетъ указывать также
 ршии: вѣснѣи: вѣснѣи: нѣсто въ: письма епископа Симона къ чер
 ршии: вѣснѣи: Полкварну о томъ, что книгаи Вархуслава старается до
 ршии: вѣснѣи: Полкварну епископство, но малъ надорекъ. Но въ
 ршии: вѣснѣи: не могутъ дать намъ понятіа объ отношеніяхъ обо
 ршии: вѣснѣи: а: книгаи: мѣстцямъ въ: обществѣ; ибо книгаи: и: во
 ршии: вѣснѣи: нѣсто: семействъ: книгаи: точно такое же важное значеніе
 ршии: вѣснѣи: въ: Московскомъ: государствѣ, гдѣ: однако, въ: дѣснѣи:хъ
 ршии: вѣснѣи: обществѣ, женщина жила въ: удаленіи отъ: мужчини. Въ
 ршии: вѣснѣи: отношеніи: важно для: насъ: свидѣтельство, приложенное
 ршии: вѣснѣи: оубла, оубла: обичая: устривать въ: монастыряхъ: шри, куда: соби
 ршии: вѣснѣи: ршии: и: женщинаи, также: вопросъ: черноризца: Іакови
 ршии: вѣснѣи: и: Ювану, —: позволтъ ли на: шри: дѣловаться съ
 ршии: вѣснѣи: женщинаи. Мономахъ, въ: поставленіи: дѣтамъ, писаетъ и: от
 ршии: вѣснѣи: мужа къ: жемъ, онъ: говоритъ: «Женъ: своихъ: любите,
 ршии: вѣснѣи: но: не: давайте: имъ: власти: надъ: собою.» Но: въ: какомъ: отноше
 ршии: вѣснѣи: ни: находилось: это: правило, навлеченное изъ: известнаго: пос
 ршии: вѣснѣи: мѣснѣи: Аносталомскаго, къ: обичая, ршии: нѣсто: можно. Какъ: хрсти
 ршии: вѣснѣи: книгаи: понятіа: содѣйствовали: возвышенію: женщины, показыва
 ршии: вѣснѣи: етъ: вопросъ: известнаго: Кирика и: отвѣтъ: на: него: епископа: Ни
 ршии: вѣснѣи: оубла¹²³: Кирикъ: спрашиваетъ: «Если: случится, что: жемскій
 ршии: вѣснѣи: шри: будетъ: вшигъ: въ: платьѣ: священническое, то: можно: ли
 ршии: вѣснѣи: шри: служать: въ: этомъ: платьѣ?» Нѣсонтъ: отвѣчаетъ:
 ршии: вѣснѣи: «Можно: развѣ: женщина: погана?»

Что же касается вообще до особенностей нравственности в это-
 енное время на Руси; то, призывая къ особенному вниманію
 обстоятельства и особенности нравственности друиныхъ европейскихъ
 христіанскихъ народовъ въ сносительное сравненіе, которыхъ
 не можетъ произнести очень строгого приговора древнему Рус-
 скому обществу до тридцатыхъ годовъ XIII-го вѣка. Въ это
 время на первомъ планѣ видны княжескія усобицы, не имевші
 ли исключеній, преславыя погубившія семейство въ князе
 усобицахъ? Убіеніе Ярополка Мстиславича, похитленіе Василька,
 братоубійство между Рязанскими князьями, убіеніе Игоря Оль-
 говича Кіевляниномъ, убіеніе Андрея Боголюбскаго приближенны-
 ми къ нему людьми, возмущеніе Игоревичей Галицкими бѣже-
 рами, ослѣпленіе (по вѣнгу зрѣлостію, мнимой) Ростисла-
 вичей во Владимірѣ Васильскомъ. Важное дѣло, когда князья
 постоянно возмущались, что они братья, и потому обязаны жить
 дружно, а не враждовать, защищать Русскую землю отъ вра-
 говъ, а не проливать кровь христіанскую въ усобицахъ. Пусть
 намъ смилуютъ, что слова были въ разладѣ съ дѣломъ; мы отвѣ-
 тимъ, что и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются
 съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ; когда ихъ восторжало и сами
 князья, и духовенство, и народъ, отзывавшійся призыва-
 тельно участвію въ усобицахъ; если эти слова не могли прекратить усоб-
 ицы, то, по крайней мѣрѣ, могли смягчать ихъ; важное дѣло
 когда притѣсненный князь могъ грозить притѣснителю напоминаніемъ,
 что поведеніе его похоже на поведеніе Святослава
 Окаяннаго; важное дѣло, когда князья ужасались и плакали объ
 ослѣпленіи Василька, говоря, что такого зла не бывало въ Рус-
 ской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ ихъ; очень важно,
 когда Изяславъ Мстиславичъ жалуется на Кіевлянъ за убійство
 Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйдти отъ мщенія.
 Отношенія между княземъ, дружиною и городовыми наро-
 денаселеніемъ были вообще довольно мягки, сильно могли
 быть, разумеется, при тогдашней неопредѣленности: «Если уй-
 дешь самъ, говоритъ Игорь Славяскій съ братиею, а чернижъ
 людей оставишь, то грѣхъ будетъ намъ предъ Богомъ.¹⁰⁰»
 Впрочемъ при внимательномъ изученіи летописи можно усмотрѣть
 большую жесткость въ нравахъ на востокъ и сѣверо-вос-
 токъ отъ Двинска, вообще замѣченъ большую жесткость въ

известная племена Славославцев Черниговскихъ, еще обильнѣе въ языкѣ. языкъ Славославцевъ, которая утвердилась на западнѣею вознукъ, въ области Муромской и Рязанской, заимать на северо-востоку большую жесткость въ слагахъ словъ, въ самыхъ выраженіяхъ.

Мы видали, какъ вѣстѣ съ христіанствою пришла въ Русь грамотность, и пришла въ яркомъ: почва вышла удобная; въ описанное время мы не видимъ препятствій къ распространенію грамотности, напротивъ видимъ обстоятельства благопріятствующія; языкъ съ Византією настоянная; оттуда приходятъ переводчики и переводы; Греческія царовны выходятъ замужъ и нашихъ князей, наши князья выходятъ за Греческихъ царевнъ, путешествуютъ въ Константинополь, въ Иерусалимъ, какъ напр.: Анна Всеволодка, Св. Евроскія Полоцкая; путешествуютъ въ Иерусалимъ духовныя лица, пріятые люди; страхъ въ вѣдомости такъ усилилась, что духовенство начало вооружаться противъ насъ, прямо запрещая отправляться въ Иерусалимъ, увѣщывая вести христіанскую жизнь на вѣсть заботливо, накладывая даже оштрафованіе на дерзкихъ обывъ идти въ Иерусалимъ: эти обывы, говорило духовенство, губятъ землю нашу. Частымъ и яснымъ сношеніемъ съ Польшею и Венгерією отрывали въ Русь доступъ и Латинскому языку. Не забудемъ, что просвѣжденіе было тѣсно соединено съ религіемъ: кто больше читалъ, тотъ, значило, былъ больше утверждёнъ въ вѣрѣ; отсюда религіозное направленіе, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремленіе къ распространенію грамотности, пріобрѣтенію книгъ. Сыновья и внуки Ярослава I воздѣловали его ревность къ распространенію книжнаго ученія. Сынъ его Святославъ собиралъ книги, которыми наполнял свои избы; изъ этихъ книгъ до насъ два сборника ²⁰¹. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучилъ сидя дома, какъ выражается сынъ его, Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время странствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности; Мономахъ говоритъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій. Святославъ (Святоша) Давыдовичъ со-

сбиралъ книги, которыя подарилъ Киевопечерскому монастырю; по его побужденію внокъ Феодосій перевелъ съ Греческаго посланіе Діака, папы Римскаго къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому ¹⁰³. Въ сводѣ лѣтописей Татищева, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться, часто встрѣчаемъ извѣстія объ образованности князей, напр., о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ Греческій языкъ и книги охотно читалъ, о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать, и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ ¹⁰⁴; о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ, что онъ многихъ людей понуждалъ къ ученію, устроилъ училища, въ которыхъ содержалъ учителей, Греческихъ и Латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; на это онъ издержалъ все свое имѣніе, такъ что по смерти его ничего не осталось въ казнѣ, и Смольяне похоронили его на свой счетъ ¹⁰⁵. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ также свободно, какъ по-Русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранныя языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, а монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ ¹⁰⁶. О Константинѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бѣсѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги ¹⁰⁷; а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, покупалъ много старинныхъ книгъ Греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на Русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились; однихъ Греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ кушалъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ ¹⁰⁷.

Если при Владимірѣ и Ярославѣ посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквяхъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время; имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ

при церквахъ, дворахъ епископскихъ, и заводимыхъ князьми на свой счетъ; также извѣстіе, что въ этихъ училищахъ учили Греческому языку, ибо для утверженія въ вѣрѣ необходимо было распространять переводы духовныхъ книгъ съ Греческаго языка; училища эти служили и для образованія священниковъ, на что прямо указываетъ приведенное извѣстіе о цѣли училища, устроеннаго въ Смоленскѣ княземъ Романомъ Ростиславичемъ; встрѣчаемъ также извѣстіе объ училищахъ на Волыни ²⁰⁰. Что духовенство описываемаго времени ясно понимало необходимость образованія для своего сословія, видно изъ слѣдующихъ словъ одного духовнаго лица XII-го вѣка: «Если властели мира сего и люди, занятые заботами житейскими обнаруживаютъ сильную охоту къ чтенію, то тѣмъ больше нужно учиться намъ, и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ ²⁰¹». Этими словами всего лучше подтверждаются приведенныя извѣстія о любви къ чтенію и вообще образованности князей.

Какіе же дошли до насъ памятники этой образованности? Мы видѣли, что уже при Ярославѣ I-мъ Русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія, видѣли этотъ первый опытъ, сдѣланный первымъ нашимъ митрополитомъ изъ Русскихъ, Иларіономъ; при означенныхъ выше благопріятныхъ условіяхъ для грамотности въ описываемое время, имѣемъ право ожидать большаго числа подобныхъ памятниковъ; и дѣйствительно до насъ дошелъ рядъ сочиненій религіознаго содержанія, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ духовнымъ лицамъ эпохи. Большая часть ихъ составляютъ поученія, обращенныя къ одному какому-нибудь лицу по извѣстному случаю, или къ цѣлому народу, къ цѣлой паствѣ. Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ св. Θεодосія Печерскаго на вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблать ихъ мясо? Θεодосій отвѣчаетъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное жидовство. Потомъ Θεодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. — На вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ Латинской или Варяжской Θεодосій отвѣчалъ:

Вѣра ихъ зла и законъ ихъ не чистъ: они иконъ не цѣлуютъ, въ постъ мясо ѣдятъ, на опреснокахъ служатъ; христіанамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно ни браться съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ, если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите. Латины Евангеліе и Апостолъ имѣютъ, иконы святыхъ и въ церковь ходятъ, но вѣра ихъ и законъ не чисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю обезчестили, потому что по всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ Латинской, Армянской, Сарацинской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ домашнимъ, но и къ чужимъ: еретика и Латинина помилуй и отъ бѣды избавь и мзды отъ Бога не лишись. Если встрѣтишь иновѣрниковъ, спорящихъ съ вѣрными, то помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двовѣрный? Развѣ ты не слыхалъ, что написано: единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе? — Посланіе митрополита Никифора къ Великому князю Владиміру Мономаху ²¹⁰ важно для насъ во 1) по отзывамъ о поведеніи Мономаха; во 2) по высказывающимся въ немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской, митрополита къ князю. Посланіе написано во время Великаго поста, когда, по словамъ митрополита уставъ церковный и правило есть говорить и князьямъ что-нибудь полезное. Митрополитъ разсматриваетъ различныя виды грѣховъ, и не находитъ, въ которомъ бы изъ нихъ можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить въ похвалу поста, потому что онъ благочестіемъ воспитанъ и постомъ воздоенъ, потому что воздержаніе его во время поста всѣ видятъ и чудятся. «Что говорить такому князю, продолжаетъ Никифоръ, который больше на сырой землѣ спитъ, дому бѣгаетъ, платье свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя сиротинскую ²¹¹ носятъ одежду, и только по нуждѣ, входя въ городъ, облачается въ одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другимъ любить готовить обѣдамъ обильныя, а самъ служитъ гостямъ, рабо-

гасте своими руками, подаванію его доходить даже и до шолатей; другіе насыщаются и упиваются, а самъ князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь малою князю и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его упиваются, руки его ко всемъ простерты, никогда не прячетъ онъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота, или серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста.» — Наконецъ митрополитъ находитъ возможность преподать наставленіе князю, находитъ въ немъ слабую сторону: «Кажется мнѣ, князь мой, говоритъ онъ, что не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстыи слухъ твой входятъ стрѣлы. Такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательно, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ, всѣхъ помани и отпусти, да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдается.... Только не опечался, князь, словомъ моимъ: не подумай, что кто нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобой, и потому я написалъ это тебѣ! нѣтъ: такъ просто я пишу къ тебѣ для напоминанія, въ которомъ нуждаются владыки земные; многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены.» — Здѣсь мы видимъ уже обычай печалованія, который былъ въ употребленіи у нашего духовенства въ продолженіе древней исторіи нашей; замѣтимъ также обращеніе митрополита къ князю: «къ тебѣ, добная глава наша и всей христіанской земли, слово се есть: его же Богъ издалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавѣ, отъ царское и княжское крови смѣсивѣ.» Другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху было написано въ отвѣтъ на вопросъ В. князя: какъ отвергнуты были Латины отъ св. соборной и правовѣрной церкви? митрополитъ приводитъ 20 причинъ уклоненія западной церкви отъ восточной²¹². Въ заключеніи митрополитъ говоритъ Мономаху: «прочитай это, князь, и не разъ, но два раза и больше, самъ и сыновья твои. Князьямъ, какъ отъ Бога избраннымъ и призваннымъ на правовѣрную вѣру, надобно разумѣть слова Христовы и поспованіе церковное твердое, на свѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ.» Одинаково съ этимъ посланіемъ содер-

жанія посланіе митрополита Іоанна къ архієпископу Римскому объ оупрѣсновахъ ³¹³.

Посланіе Симона, епископа Владимирскаго и Суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, важно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, которыми и воспользовались мы въ своемъ мѣстѣ ³¹⁴. Сочинитель посланія, Симонъ, былъ сначала монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, потомъ игуменомъ Владимирскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря, наконецъ въ 1215 году поставленъ епископомъ на Владимирскую и Суздальскую епархію. Поликарпъ былъ также монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, и страдалъ честолюбіемъ, для укрощенія котораго Симонъ и написалъ ему упомянутое посланіе ³¹⁵. «Братъ! начинаеть Симонъ свое посланіе: сѣдши въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи самъ въ себѣ: человекъ! не оставилъ ли ты мѣръ и родителей по плоти? пришелъ ты сюда на спасеніе, а поступаешь не по духовному. Зачѣмъ ты назвался чернцомъ? Въдъ черное платье не избавить тебя отъ мукъ. Смотри, какъ уважають тебя здѣсь и князья, и бояре и всѣ друзья твои, говорятъ: счастливецъ! возненавидѣлъ мѣръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая одного небеснаго. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мнѣ за тебя: тѣ, которые насъ здѣсь ублажаютъ, получаютъ царство небесное, а мы будемъ мучиться. Возстань, братъ, возстань и попейся мысленно о своей душѣ! Не будь одинъ день кротокъ, а другой яръ и золъ; а то немного помолчишь, и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лживъ: подъ предлогомъ немощи тѣлесной не отлучайся собранія церковнаго: какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла; все дѣлаемое наединѣ, въ кельи ничтожно; двѣнадцать псалмовъ, прочтенные наединѣ не стоятъ одного «Господи помилуй», прочитаго въ церкви.—Надобно было тебѣ подумать, зачѣмъ захотѣлъ ты выйти изъ святаго, блаженнаго, честнаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго? Думаю, братъ, что Богъ побудилъ тебя къ тому, не терпя твоей гордости, и извергнулъ тебя, какъ нѣкогда сатану съ отступными силами, потому что не захотѣлъ ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Анкиндину, игумену Печерскому. Печерскій монастырь—море, не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасиваетъ вонъ.

Горе тебѣ, что написалъ ко мнѣ о своей досадѣ: погубилъ ты свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ хочешь спастись? Будь ти постыжкъ и нищъ, не спи по ночамъ, но если досады не можешь спести — не получишь спасенія. — Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочетъ поставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юріевъ; пишетъ: не пожалѣю и тыскчи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвѣчалъ: дочь моя Анастасія! дѣло небогоугодное хочешь сдѣлать: если бы онъ пробылъ въ монастырѣ неосходно съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвась во всемъ, то не только обденся бы въ свѣтительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы. Ты хочешь быть епископомъ? хорошо; но прочти посланіе апостола Павла къ Тимоееву, и подумай, таковъ ли ты, какинъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ достоинъ этого сана, то я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи, во Владимиръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій, но я не согласился, видя твое малодушіе. Совершенство состоитъ не въ томъ, чтобъ быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ, чтобъ исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Отъ того изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю Русскую землю; прочти старую лѣтопись Ростовскую, въ ней найдешь, что ихъ было больше тридцати, а если считать всѣхъ до меня грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же теперь, какова слава этого монастыря? постыдившись покайся, и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы съ радостію оставилъ епископство, и сталъ работать игумену, но самъ знаешь, чтѣ меня удерживаетъ. Всѣ знаютъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона соборная церковь, красота всему городу Владимиру, а другая Суздальская церковь, которую самъ построилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ, и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость; но передъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ только хворостиною пришлось торчать за воротами, или сѣромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираемому людемъ.

По указаніямъ на обычаи и нравы замѣчательно посланіе митрополита Іоанна (по вѣстимъ вѣроятностямъ стараго) черноризца Іакову, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся дисциплины церковной²¹⁶. «Не надобно, говоритъ митрополитъ, сообщаться и служить съ звѣродцами и съ тѣми, которые служатъ на оубрѣснокахъ; но вѣсть съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочетъ убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ, но блюдите, чтобы не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно изъ двухъ золъ выбирать меньшее. — Если, какъ ты говоришь, нѣкоторые въ Русской землѣ не приобщаются въ великій постъ, ѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ вселчески отвращать отъ этого; если же будутъ упорствовать, то не давать имъ св. причащенія и смотрѣть на нихъ, какъ на иноземцевъ и противниковъ вѣры. Также должно поступать и съ тѣми, которые держатъ и двѣ жены, и которые занимаются волхвованіемъ; ослушниковъ должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увѣщать. — Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобы Русскіи князья, выходя замужъ за иновѣрныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на оубрѣснокахъ, т. е. въ страны католическія. — Митрополитъ приказываетъ всеми силами направлять на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсанъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ-христіанъ жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ, которые волею, для торговли, ходятъ къ поганымъ и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ нечистое; противъ тѣхъ, которые часто въ монастыряхъ пиръ устраиваютъ, созываютъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, и стараются превзойти другъ друга въ томъ, кто лучше устроитъ пиръ. Эта ревность не по Богу, говоритъ митрополитъ, но отъ лукаваго происходитъ.

Въ томъ же родѣ вопросы черноризца Кирика, предложенные Новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ съ ихъ отвѣтами²¹⁷. Изъ этого памятника узнаемъ объ обычаяхъ ходить на поклоненіе св. мѣстамъ; Кирикъ удерживалъ нѣкоторыхъ отъ этого, и спрашивалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ? —

Очень хорошо, былъ отвѣтъ: надо въ дѣла. — Вопросъ: если реду и рожаницъ рѣжутъ хлѣбы и сыры и медъ? въ отвѣтъ читаемъ: «горе пьющимъ рожаницъ». Вотрѣчаемъ вѣстие объ обычѣ оглашать предъ крещеніемъ Булгарина, Половчина, Чудина въ продолженіе 40 дней, а Славянина въ продолженіе 8 дней; такимъ образомъ узнаемъ, что во время Кириково продолжалось крещеніе Славянъ. Понятія времени выражаются въ слѣдующемъ правилѣ: но захожденіи солнца не надобно хоронить мертвеца, хоронитъ его когда еще солнце высоко, потому что послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія. Относительно нравовъ узнаемъ, что нѣкоторые явля или съ наложницами. Узнаемъ объ обычѣ женщины обнимать тѣло свое водою и эту воду давать пить мужьямъ, если видятъ, что послѣдніе перестаютъ любить ихъ; на такихъ налагается оштрафъ, равно какъ и на тѣхъ, которыя дѣтей своихъ носятъ къ Латинскому священнику на молитву, или носятъ большыхъ дѣтей къ волхвамъ.

Теперь обратимся въ поученіямъ, обращеннымъ къ цѣлому народу. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе св. Феодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ: «Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казни накуи-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междуособная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнить Богъ смертию, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями».... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: «Не поганскими ли поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свиню или коня мясото, то возвращается. Суевѣрію по дьявольскому наученію предаются! Другіе чихалью вѣрують, будто бываетъ на здравіе гавѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхвованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рвонманіемъ, приладами, воровствомъ, лжею, завистию, клеветою, трубами, скomoroxами, гуслими, софлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падки къ пьянству, блуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ смѣяться или шептаться?.... На праздники большихъ ирровъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела храни-

теля отклонимъ отъ себя, злаго бѣса привлечемъ къ себѣ; Духъ Святый отъ пьянства далеко, адъ близко....» Какъ языческіе обычай принимались къ христіанскимъ, видно изъ поученія, приписываемаго также св. Феодосію: «Для обѣда двѣ молитвы: одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не вѣльно приставлять къ кутьѣ, также лицъ класть на кутью. Тронарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христось, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, потомъ чествуется хозяинъ»: Дошло до насъ также нѣсколько поученій св. Феодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря; въ одномъ изъ нихъ святыи говоритъ: «Если бы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадаю, чтобъ никто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молить Бога, чтобъ сподобилъ собрать плодъ; если же видитъ, что нива терніемъ поросла, то что едятъ! Сколько лѣтъ минуло, и никого не вижу, кто бѣ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись?» Поученіе митрополита Русскаго Никифора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ—Грекъ, не знавшій Русскаго языка, не произнеслъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ. «Не дамъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. Великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе». Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства. Замѣчательно по своей простотѣ, вполне соответствующей состоянію паствы, къ которой было обращено, поученіе Луки Жидаты, епископа Новгородскаго, умершаго въ 1060 году: «Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и св. Духа, какъ научили Апостолы, утвердили св. отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукъ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣдѣ и къ вечернѣ; и въ своей кѣлти прежде Богу поклонись, а

потомъ уже спать ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божиимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молитесь Бога всею мыслию, да отдастъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человекомъ, и больше съ братьею, и не будь у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобъ тебя Богъ не ввергнулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не спорь другихъ, чтобъ не назвали тебя сыномъ дьявола, помри, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи; да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы. Вспомните бѣсовскихъ (москолуудства) вамъ, братія, нелѣпо творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не сѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя унованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что можетъ быть завтра будете сиротъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человека и родителей своихъ, не клянитесь Божиимъ именемъ, и другаго не заклинайте, и не проклинаяте. Судите по правдѣ, взятку не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, князя чтите, рабы повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевети; блуда не твори ни съ рабою, ни съ кѣмъ другимъ, не пей не во время, и всегда пейте съ умеренностію, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не ѣште вечнастаго, святые дни чтите; Богъ же мира со всеми вами аминь» (*12). — Повторяемъ: слово это драгоценно для историка, вотому что вполне обрисовываетъ общество, къ которому обращено для поученія; при этомъ замѣтимъ также, что въ поученіи Луки Жидаты выражается и общій духъ Новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ Новгородскихъ памятникахъ; какъ въ лѣтописи Новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній; для насъ одинъ слогъ поученія Жидаты мо-

жетъ служить доказательствомъ, что оно написано въ Новгородѣ.

Другимъ характеромъ отличаются поученія южнаго владыки, Кирилла Туровскаго²¹⁰, какъ вообще памятники южнорусской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія: иной рѣчи требовалъ Новгородецъ отъ своего владыки, иной южный Русинъ отъ своего. Содержаніе слова Жидаты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частію представляютъ краснорѣчивыя представленія священныхъ событій, празднуемыхъ церковію въ тотъ день, въ который говорится слово; цѣль словъ его показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его: отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ видимъ одинакое распространеніе, оживленіе событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ; въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событій, явленій, такъ что изучая внимательно сочиненія древняго владыки Туровскаго, не трудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ югозападной Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидаты отличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго отличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.

Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Кирилла первое мѣсто занимаютъ десять словъ, сказанныхъ въ десять воскресныхъ дней, начиная отъ недѣли вай до Троицына дня включительно. Въ первомъ уже словѣ (въ недѣлю вай) мы знакомимся вполне съ образомъ изложенія сочинителя: «Днесъ Христосъ отъ Виеаніи въ Іерусалимъ входитъ, всѣдши на жребя ося, да совершится пророчество Захаріино. Уразумѣвая это пророчество, станемъ веселиться; души святыхъ дщери вышняго Іерусалима нарица-

вѣтъ, жребя же—это вѣровавшіе язычники, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрубили отъ лести дьявольской.... Нынѣ Апостолы на жребя ризы свои возложили, на которыхъ сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вѣсталище св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути одни—ризы своя, а другіе вѣтви древесныя; добрый правый путь міродержителямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ: посплавши этотъ путь милостынею и неалобіемъ, безъ труда они входятъ въ царство небесное; ломающіе же древесныя вѣтви суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами своимъ путь равняютъ и къ Богу приходятъ....» и проч. Окончаніе слова замѣчательно, потому что показываетъ главную цѣль всѣхъ словъ Кирилловыхъ: «сокративши слово, пѣснями какъ цвѣтами святую церковь увѣчаемъ и праздники украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличаемъ». Роскошная весенняя природа юга дала много цвѣтовъ Кириллу въ словѣ на Фомино воскресенье: «теперь весна красуется, оживляя земное естество; вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву рождаетъ. Весна есть красная вѣтра Христова, которая крещеніемъ возрождаетъ человѣческое естество; вѣтры—грѣхотвореній помыслы, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, душеполезные плоды приносятъ; земля же естества нашего принявъ какъ сѣмя слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божиимъ, духъ спасенія рождаетъ. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа: агнцы—это кроткіе люди отъ язычниковъ, а юнцы кумиропослужители невѣрныхъ странъ, которые Христовымъ вочеловѣченіемъ и Апостольскимъ ученіемъ и чудесами къ святой церкви возвратившись, сосутъ млеко-ученія; а учителя Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, всѣхъ волковъ и агнецъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудятся, плододавца

Христа призываютъ; были мы прежде какъ дрова дубравная, плодовъ немущія, а нынѣ привилась Христова вѣтра къ нашему невѣрью, и держась корня Іесеова, искуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго пакыбытія о Христѣ ожидаемъ, и святители, трудясь о церкви, отъ Христа нады ожидаютъ. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ воловъ къ духовному ярму приводя, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ погружая, и проводя бразду покаянія, всыная сѣмя духовное, надеждами будущихъ благъ веселятся», и проч.

Слово въ недѣлю мирноспидскую напоминаетъ совершенно церковныя пѣсни и стихиры, воемыя и читаемыя въ послѣдніе дни Страстной седмицы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ одни и тѣ же почти выраженія; таково въ началѣ плачь Богородицы: «тварь соболѣзнуеть ми, Сыну! твоего зрящи безъ правды умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мой, свѣте и творче тваримъ», и проч. Или далѣе слова Іосифа Пилату представляютъ не иное что, какъ распространеніе церковной пѣсни: «прїидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго». Слово оканчивается похвалою Іосифу, замѣчательною по обычной въ древнемъ краснорѣчїи формѣ: «Кому уподоблю этого праведника? небомъ ли тебя назову: но ты былъ свѣтлѣ неба богочестїемъ: потому что во время страсти Христовой небо помрачилось и свѣтъ свой скрыло, а ты, радуясь, на своихъ рукахъ Бога носилъ. Землю ли тебя благоцвѣтущею назову? Но ты явился честїе земли: потому что она въ то время отъ страха потрясалась, а ты вмѣстѣ съ Никодимомъ весело Божїе тѣло плащаницею обвивъ положилъ», и проч.—Слово въ недѣлю разслабленнаго представляетъ самый лучший образецъ слога Кириллова; въ жалобѣ разслабленнаго на свои страданія видимъ эту образность, какою обыкновенно отличаются писатели — земляки нашего оратора: «мертвымъ ли себя назову, говорить разслабленный; но чрево мое нищи желаетъ, и языкъ отъ жажды изсыхаетъ. Живымъ ли себя почиту? но не только встать съ одра, даже и подвинуть себя не могу: ноги мои не ходять, руки не только что ничего недѣлають, но и осязать ими я себя не могу; я непогребенный мертвецъ, одръ мой гробъ мой; мертвый между живыми и живой между мертвецами, потому что какъ живой питаюсь, и какъ мертвый ничего не дѣлаю; мучусь я какъ въ адѣ отъ безстыдно поноши—

щихъ меня; сѣихъ я юношамъ, утѣряющимъ мною другъ друга, а старцамъ лежу притчею къ наказанію; всѣ мною глумятся, и я отъ того двойнѣ страдаю. Внутри терзаетъ меня болѣзнь, внѣ оскорбляюсь досадами укоряющихъ меня; слюни плюющихъ на меня покрываютъ тѣло мое, голодъ пуще болѣзни одолеваетъ меня; потому что если и найду пищу, то не могу рукою положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобъ накормили меня, и дѣлюсь бѣднымъ кускомъ моимъ съ питающими меня, стою со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить меня» и проч.—Таковъ же и отвѣтъ Христа: «какъ ты говоришь: человекъ не имамъ? Я ради тебя сдѣлался человекомъ; тебя ради оставилъ скипетры горняго царства, и нижнимъ служа, обхожу: не пришелъ я, да мнѣ послужать, но да послужу другимъ. Тебя ради, будучи безплотнымъ, плотію облекся, да испѣлю душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради невидимый Ангельскимъ силамъ явился всѣмъ человекамъ, ибо не хочу презрѣть моего образа, лежащаго въ тѣни, но хочу спасти его и въ разумъ истинный привести, а ты говоришь: человекъ не имамъ? Я сдѣлался человекомъ, да сотворю человека Богомъ, ибо сказалъ: боги будутъ и сына вышняго всѣ, и кто другой вѣрнѣе меня служить тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ—небо влагою, земля плодомъ; солнце служитъ свѣтомъ и теплотою, луна съ звѣздами ночь обвѣтываетъ; для тебя облака дождемъ землю навоютъ, и земля всякую траву сѣмянистую и деревья плодовитыя на твою службу возвращаетъ; тебя ради рѣки рыбу носить, и пустыни звѣрей питаютъ, а ты говоришь: человекъ не имамъ» и проч. Слово въ недѣлю пятую по Пасхѣ содержитъ въ себѣ уврѣкъ народу за нехождение въ церковь для слушанія словъ епископа: «я, друзья и братья, надѣялся, что съ каждою недѣлею все больше и больше будетъ собираться народу въ церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше: если бы и свѣе что-нибудь говорилъ вамъ, то хорошо бы дѣлали, если бы не приходили, но я возвѣщаю вамъ Владычье и противляю вамъ грамоту Христову.» — Кириллу же Туровскому приписывается слово о состояніи души по разлученіи съ тѣломъ; затѣмъ сочинитель, исчисляя мытарства, седьмымъ изъ нихъ полагаетъ: «буе слово, срамное словесіе, безстудная словеса и плас-

ніе, еже въ пиру и на свадьбахъ, и въ павечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ»; пятнадцатымъ: «всяка ересь, и дѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ подазъ и въ цитцы граи, ворожю, и еже басни бають и въ гусли гудуть.»

Отъ описываемаго времени дощли до насъ еще нѣкоторыя любопытныя поученія, неизвѣстно какой области и какому лицу принадлежащія. Здѣсь, между прочимъ, видимъ, какъ церковь вооружалась противъ явленій, бывшихъ слѣдствіемъ родовыхъ отношеній княжескихъ, и какъ изначала содѣйствовала утвержденію отношеній государственныхъ; сочинитель слова обращается къ дружинѣ княжеской съ слѣдующими словами: «если начнете добромелательствовать другимъ князьямъ отъ своего, то подобны будете замужной женщинѣ, невѣрной своему мужу.» Но тутъ встрѣчаемъ увѣщаніе къ храбрости, вполне согласное съ понатіями времени: «сынъ! когда на рать съ княземъ идешь, то съ храбрыми напередѣ ѣди: этимъ и роду своему чести добудешь, и себѣ доброе имя. Что можетъ быть лучше того, какъ умереть передъ княземъ!» — О волхвахъ: «Волхвовъ же, чада моя, блюдитесь.» О священникахъ: «если возьмете чернеца въ свой домъ или много причетника и захотите его угостить, то больше трехъ чашъ не нудьте его, но дайте ему волю: если самъ напьется, то самъ за то и отвѣчаетъ; нельзя слугъ Божіихъ до срама упоить, но съ поклономъ должно отпускать, взявши благословеніе у нихъ.» — О рабахъ: «сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготовю, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и поканіе, а старыхъ на свободу отпускайте.... Если холона своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтчишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозюю и ласкою. Если рабы и рабни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лезы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ дозюю, а больше 30 ранъ не велимъ.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ раги добрыми помощниками»²⁸⁰. О средствахъ, какія употребляли

проводники, средствахъ, напомивающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда респектные проводники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи св. Авраамія Смоленскаго: «Такъ бо бѣ (Авраамій) благодатию Христовою утѣшая приходящія и плѣна ихъ души и смель, якоже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему иди притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча, и много озлобленіе нашь возложи. И оттолъ вниде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста; и ту начаша болѣ приходити и ученіе его множайше быти. Написаже двѣ иконъ, одну страшный судъ втораго притѣствія, а другую—испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣгати. И ко всѣмъ приходящимъ оною страшнаго дня не престая о томъ глаголя, и почитая великаго онаго и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ерема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ. И вниде сатана въ сердце безчинныхъ, воздвиже нашь; и начаша ови клеветати къ епископу, ниин же хулити и дсажати, ови еретика нарецати и, а ниин глаголаху нашь глубинныя книги почитаетъ, ниин же къ женамъ прекладающе, новове же зѣлюще и глаголюще: уже наша дѣти всѣ обратилъ естъ; реку тако: никто же еще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градъ. Собрашася же всѣ отъ мала и до велика весь градъ нашь: ниин глаголють заточити, а ниин на стѣнѣ ту пригвоздити и заженци, а друзи потонити и проведеше сквозь градъ, всѣмъ же собравшимся на дворъ епископъ, игуменомъ же и попомъ и черноризцемъ, княземъ и бояромъ.....

Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное знаменитѣйшимъ изъ князей описываемаго времени, Владиміромъ Мономахомъ, для дѣтей своихъ; оно обнимаетъ обязанности чловѣка вообще и князя религіозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ домоостровъ, которые мы увидимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: «страхъ имѣйте Божій въ сердцахъ, и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру,» — такъ начинается Мономахъ свое поученіе. Потому онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ поученіе: по окончаніи усобицы съ Давидомъ Игоревичемъ на Витичевскомъ сѣзѣ-

дѣ, побѣжалъ онъ на сѣверъ въ Ростовскую область, и будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей Галицкихъ, которые не хотѣли исполнять общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: «ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и водость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себя, а ты себя.» Мономахъ велѣлъ отвѣчать: «сердитесь сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе.» — Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтирь и попалъ на мѣсто: «вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?» и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ совращаться съ праваго пути и во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, который не дастъ погибнуть человѣку, творящему волю его. Выписавши изъ псалмовъ тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также наставленіе изъ Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: «триа добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради, не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжки: это не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди, такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божію.... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, и получаетъ прощеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать безлѣтницу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: «Господи помилуй!» если другихъ молитвъ не умѣете, эта молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротъ, сами оправдывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить человека. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни приказывайте убивать. Въ разговорѣ, чтобы вы ни говорили, никогда не кланитесь Богомъ: вѣтъ въ этомъ ни

ной нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловатьъ къ братьѣ, поцѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши, берегитесь, чтобъ не погубить души своей. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не удаляйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имайте горести въ сердцахъ и умѣ, говорите: всѣ мы смертны, нинѣ живи, а завтра въ гробѣ; все, что ты, Господи, далъ намъ, не наше, а твое, поручилъ намъ на малое число дней; въ землю ничего не зрите: это большой грѣхъ. Старыхъ чти какъ отцовъ, молодыхъ какъ братью. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтобъ гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; шпы, ѣдѣ, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; расхордившись всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не снимайте съ себя: отъ лѣни чловѣкъ внезапно погибаетъ. Сперегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ этихъ порокахъ и души и тѣло погубаютъ. Если случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то не дайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ, ни чужихъ, ни въ селахъ ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напоите, накормите нищаго; особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, простой или знатный чловѣкъ, или посолъ; если не можете чѣмъ инымъ одарить его, то угостите хорошо: странствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о чловѣкѣ. Больнаго навѣстите, и къ мертвому ступайте, потому что мы всѣ смертны; чловѣка не пропустите не вздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Женъ своихъ любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на постели....»

Въ заключеніе Мономахъ рассказываетъ дѣтамъ о своихъ трудахъ: этимъ важнымъ для историка рассказомъ мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ.

Мы встречаемъ извѣстія о страсти къ паломничеству, къ путешествіямъ во св. землю, распространившейся въ описываемое

время между Русскими людьми; до насъ дошло описаніе одного изъ такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Данииломъ²²¹. Это описаніе особенно замѣчательно отсутствіемъ духа нецерковности относительно Латинскихъ христіанъ, обладавшихъ тогда Іерусалимомъ. Король Балдуинъ обладалъ Русскаго игумена, который за это распустилъ объ немъ добрую славу по своей землѣ: «позвалъ мя бѣше добръ и любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не гордится. Язъ рекохъ ему: княже мой господине! молю ти ся Бога дѣла и князей дѣла Русьскихъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробъ святомъ отъ всея Русьския земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла со мною мужа своего.... Богъ тѣму послухъ и св. гробъ Господень, яко во всѣхъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ князей Русьскихъ и княгинь, и дѣтей ихъ, и епископъ и игуменъ, и бояръ, и дѣтей монахъ духовныхъ. И о семъ похваляю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имени князей Русьскихъ [написать въ лавръ св. Саввы, и нынѣ помниаются имена ихъ въ ектеніяхъ и съ женами, и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаилъ Святополкъ, Василій Владиміръ, Давыдъ Святославичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій-Святославъ, Глебъ-Мѣнскоя, и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ князей Русьскихъ и бояръ, и отпѣхомъ литургію за князей Русьскихъ, и за вся хрестьяне 50 литургій, и за усопшія литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ се съ вѣрою и любовію благословенъ отъ Бога и отъ св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣла, братіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубости моея. Да не будетъ въ похваленъ написанъ се мене ради, но гроба Господня ради кто съ любовію почтеть, да мзду приметъ отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ. Аминь.» — Данилъ встрѣтилъ въ Іерусалимѣ многихъ Русскихъ паломниковъ—Новгородцевъ и Кіевлянъ.

Къ описываемому времени относится сочиненіе другаго Данила, такъ называемое Посланіе Данила заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому²²². Изъ самаго умилюстивительнаго посланія этого можно узнать только то, что молодой еще человекъ, неизвѣстно какого происхожденія и званія, разгнѣвалъ князя и былъ заточенъ на озеро Лаче; въ посланіи Да-

шилъ ничего не говоритъ о книгѣ своей; но по сильнѣнъ выход-
 нѣхъ претивъ приближенныхъ къ князю людей и женщинъ мож-
 но догадываться, что онъ ихъ разговорамъ приписывалъ свое не-
 счастье. Какъ видно, въ послѣдствіи сочиненіе это было извѣст-
 но грамотнѣнъ людямъ^{***} и цѣнилось, благодаря украшеніямъ
 слога, которыя правились въ старину; самъ Данилъ, какъ вид-
 но изъ его словъ, считалъ себя мудрецомъ; выписывъ несколь-
 ко строкъ, чтобъ имѣть понятіе объ этой мудрости. «Вострубимъ,
 братія, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и
 почнемъ бити серебряныя органы, и возведемъ мудрости своа....
 Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на агны; но возри
 на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине,
 на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни съютъ, ни въ житницу
 собирають, но уповаютъ на милость Божию; такъ и мы, княже
 господине, жалаемъ твоея милости: зане, господине, кому Бо-
 гомово, а мнѣ горе лютое; кому Балозеро, а мнѣ черныя
 шолы; кому Лачъ озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки....
 Княже мой, господине мой! забави мя отъ нищеты сіа, яко серну
 отъ топота, яко птицу отъ кащки, яко утя отъ ногтей носимаго
 стреба, яко оцу отъ устъ двовыхъ. Азъ бо есмь, княже го-
 сподине, яко древо при пути: мнози посякають его и на огнь
 вешють: такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь
 страхомъ грозы твоеа.... Весна бо украшаетъ цвѣты землю, а
 ты, княже господине, оживляеши вся человекы своею милостью,
 сироты и вдови, отъ вельможъ погружаеши.... Видѣхъ ведикъ
 зѣръ, а главы не имѣють: тако и добрыя нолки безъ добраго
 князя погибають. Гусыи бо строятся персты, тѣло основается
 клами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: такъ и градъ
 нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть
 всѣмъ: слуги бо мнози отпа и матери лишаются и къ нему при-
 бѣгаютъ. Добру бо господину служба, дослужитея свободы; а злу
 господину служба, дослужитея большія работы. Зане князь щедръ,
 аки рѣка безъ береговъ текуще всквозъ дубравы, манюшона не
 можно человекы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣ-
 ка, великъ брегъ именуе каменны: польза нити, ни коца недо-
 лти. А бояринъ щедръ, аки владець сладокъ; а скупъ бояринъ
 аки владець солонъ. Не вийди себѣ двора близъ княжа дворе;
 не держи села близъ княжи села: тѣмъ бо его яко огнь трене-

тицею наладенъ, а радощи его яко искры; аще отъ огня устрежишися, но отъ искры не можешь устредися жлешии поргъ. Княже господине мой! не дщи хлѣба лица мудра, ни воанеси до облакъ богатаго безумна, несмысленца: лицъ бо мудръ, яко злато въ калии сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки наволочитое зголозье, соломы наткано. Господине мой! не зри виѣшная моя, но зри внутреная: азъ бо одѣнїемъ есмь скуденъ, не разумомъ облененъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслию яко орелъ паряи по воздуху. Но пестями сосуды скудельничьи подъ потокомъ капля языка моего, да навапнють ти сладчайшии меду словеса устъ моихъ.... Не море тонить корабль, но вѣтри, и не огнь творить разженіе желѣзу, но подыманіе мѣшное: также и князь не самъ впадаетъ въ многіи въ вещи злїи, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думъцею князь висока стола додумаетца, а съ ликимъ думъцею думаетъ, а малого стола лишень будетъ.... Не мужъ въ мужехъ, кѣмъ свои жена владѣють; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити.... Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская, мїрскии нитомъ, ослѣвленіе уму, начальница всякой злобѣ.... Азъ ни за море ходилъ, ни отъ философовъ научился, но быхъ яко падаи пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морьскїа, а не отъ своего разума, но отъ Божїа промысла.» — Къ Посланїю прибавлено слѣдующее извѣстіе: «сїи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточенїи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба ножре, и ята, бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сїе написанїе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенїа.»

Древнѣйшія произведенїа народнои фантазиї относятся ко временамъ Владимїра св.; содержанїе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшїй интересъ для народа. Въ описываемое время продолжалась та же борьба, и по прежнему служила главнымъ содержанїемъ пѣсенъ и сказанїй; богатырей сибїили князья; самымъ славнымъ, самымъ народнымъ именемъ въ борьбѣ съ погаными было имя Мовомаха; не могло быть, чтобъ походы добраго страдальца за Русскую землю на поганыхъ не

слушали о содержаніи народных повѣстныхъ сказаній; следы этихъ сказаній находимъ въ началѣ Воишской лѣтвѣнны: «во смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолевша всѣхъ поганьскыиъ языкомъ, ұна мудростью ходаща по зановидешъ Божіимъ: устремилъ бо-ся бже на поганья яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губилъ яко и коркодилъ, и впрохажаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Меномаху, погубившему поганья Измалтны, рекомыя Половци, нагнавшю отрока въ Обезы за желѣзныя врата. Сърчанови же оставишю у Дону, рыбюю оживишю; тогда Володимерь Меномаха пилъ золотымъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ вою и зогнавши окаяныи Агаряны. По смерти же Володимерь, оставишю у Сыръчана единому гудцѣ же, Ореви, посла и въ Обезы, рекъ: Володимерь умерлъ есть, а веротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пои же ему писни Половецкия; оже ти не воскочеть, дай ему поухати зелья, именнъ свганъ. Оному же не воскочѣшию обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавишю и восслаковшию, рче: да лучше естъ на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти. И приде во свою землю, отъ него редившися Концану, вже ошесе Сулу, пѣиъ ходя, котель нося на плечеву.»

Но въ цѣлости дошло до насъ поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ Сѣверскихъ князей, Игоря Святославича съ братьемъ на Половцевъ, Олове о полку Игоревъ. Особенности доблести этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ поганями, ихъ великодушіе, по которому они не заботили покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная следовательно народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконецъ удивительное описаніе Игоря изъ плѣна²²⁴ — все это должно было возбуждать оный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ упрощеннаго, поэтическаго описанія; самыя подробности похода, какъ они сохранились въ лѣтвѣнскъ, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необ-

кадность существования Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей южной Руси: старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Кіевскомъ, слѣд. бѣдствіе Сѣверскихъ князей должно было найдти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей на Половцевъ, но хочетъ предпослать ему старыя слова, ограничиваясь однако былыми и недавнѣйшаго времени, именно начиная со времени Владимира Мономаха или, какъ онъ называетъ его, Владимира Старого, въ противоположность другимъ, младшимъ Владимірамъ. Эти былыны позднѣйшаго времени, начиная со времени Владимира Мономаха, онъ противопоставляетъ всѣмъ, сочиненнымъ по замыслу Бояна. Кто бы ни былъ этотъ Боянъ, сочинитель ли старыхъ русскихъ пѣсенъ, истинный или мнимый, или даже Гомеръ, какъ думаютъ некоторые²²⁵, очевидно вольно то, что сочинитель Слова о полку Игореву противопоставляетъ свое сочиненіе сочиненіямъ Бояна, противопоставляетъ по времени, не хочетъ заноситься въ отдаленныя вѣка, къ отдаленнымъ событіямъ, воспомытымъ Бояномъ, илѣ, что очень кажется намъ страннымъ, противопоставляя былинну замыслу, противопоставляя слово, разсказъ объ истинномъ происшествіи безъ малѣйшаго ототупленія отъ него, — вѣсни, сочинителемъ которой позволялъ себѣ большую свободу, хотя бы воспѣвалъ действительное событіе, действительно существовавшее лице; «не лѣномъ ны баяеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ, Игоря Святославича! начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замыслу Бояна. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше цѣловъ творити, то растакашеться мыслію по древу, сѣрмиъ водкомъ по земли, шизамъ орломъ подъ облады.»

И такъ, продолжаетъ сочинитель слова, начнемъ, братія, повѣсть эту отъ старого Владимира и дойдѣмъ до младшаго Игоря, «который преподасъ умъ крѣпестію, изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и цавель свои храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую» — послѣ этого не-

непосредственно слѣдуютъ слова: «тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидѣлъ, что всѣ воины его прикрыты тьмою.» — Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ, ибо сочинитель обѣщалъ начать повѣсть отъ стараго Владимира; мы необходимо должны предположить здѣсь рассказы о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами, и потомъ естественный переходъ къ походу Игоря на поганыхъ; очень вѣроятно, что приведенное нами выше поэтическое сказаніе о походахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи по его смерти, находилось между этими сказаніями, которыми началъ свою повѣсть сочинитель Слова о полку Игореву.

Последній вѣренъ своему обѣщанію рассказывать по близинамъ: рассказъ его совершенно одинаковъ съ рассказомъ лѣтописца, лишнего въ немъ одни только поэтическія украшенія; что же касается подробностей, то ихъ гораздо больше въ лѣтописи. Любопытно, что въ Словѣ гораздо больше превозносятся похвалами Всеволодъ Святославичъ, чѣмъ Игорь, старшій братъ; въ битвѣ на первомъ планѣ поставленъ Всеволодъ: этотъ рассказъ сочинителя Слова отличается отъ рассказа лѣтописнаго; но такое предпочтеніе Всеволода объясняется словами лѣтописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляетъ, что этотъ князь превосходилъ всехъ Ольговичей доблестію. Особенно же замѣчательны для насъ слова автора объ усобицахъ княжескихъ: въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ усобицы, происходившія вълѣдствіе лишенія волостей Олега Святославича: «тогда земля свѣлась и росла усобицами, погибала жизнь Дажбогова внука, въ княжихъ крацолахъ вѣтъ человѣческой сократилась. Тогда по Русской землѣ редко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вероны, дѣла между собою труны, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу.» Въ другомъ мѣстѣ: «сказалъ братъ брату: «это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большее, начали сами на себя ковать крамолу: а пораженіе со всехъ сторонъ приходило съ побѣдами на землю Русскую.» Описывая общее горе на Руси, когда слышали здѣсь объ истребленіи полковъ Игоревыхъ, сочинитель Слова опять начинаетъ говорить объ усобицахъ: «встоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской землѣ; а князья сами на себя

бранолю новамъ, а поганые, навъжали на русскую землю, брали дань по бѣлѣ отъ двора.» Въ этомъ отношеніи замѣчательна также жалоба стараго Святослава Кіевскаго, когда онъ узналъ о бѣдѣ Сѣверскихъ князей: «все зло мнѣ происходитъ отъ иняжаго непособія; благопріятное время отъ него упущено.... Великій князь Всеволодъ (III)! чтобъ тебѣ перелетѣть сюда издалека, отцовскаго золотого стола поблюсти! Въдѣ ты можешь Волгу раскромить, а Донъ племени вычерпать; если бы ты былъ здѣсь, то была бы у насъ Половецкая раба не погаты, а рабъ по резани.» Сочинитель, отъ имени Святослава, обращается также и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ помощи Русской землѣ и мести поганымъ за обиду Игореву. Обращаясь къ племени Все-славову, князьямъ Полоцкимъ, онъ упрекаетъ ихъ какъ зачинщиковъ усобицъ, которыя дали возможность поганымъ нанадать на Русскую землю: здѣсь разумѣется первая усобица по смерти Ярослава, начатая Всеславомъ Полоцкимъ. «Охъ!» прибавляетъ сочинитель: «стонать Русской землѣ, припоминани первую годину и первыхъ князей: того стараго Владимира (Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ²²⁶.»

Въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ изъ лицъ историческихъ описываемаго времени является дѣйствующимъ Новгородецъ Василій Буслаевъ²²⁷. Пѣсня²²⁸ въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину Новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую Русскую. «Въ славномъ великомъ Новгородѣ жилъ Буслая до дѣвности лѣтъ; съ Новгородомъ жилъ, не перечисля, съ мужиками Новгородскими воперекъ словечка не геваривалъ. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амедея Тимошеевна, да сынъ молодой, Василій Буслаевичъ. Этотъ-то Василій представася въ вѣснѣ образцемъ и предводителемъ Новгородской буйной молодежи, славной походами своими на сѣверъ, ходившей всюду безъ Новгородскаго слова, не дававшей покоя ни своимъ, ни чужимъ. Василій сталъ водится съ пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный сталъ буйствовать во улцямъ, бить, уродовать предложихъ. Пошлан жалобы на молодаго булана; Новгородци одлаке не попытались его взять и наказать; мадъ нимъ была другая власть, къ которой и обратился городъ съ жалобой—власть старухи-матери: къ ней не садские, богатые мужики Новгородские принесли великую жало-

(ри буйство сына; она стала шурить, бранить Василия; шурба
 приобладалась ему, и г'нь задумала набрать себя дружиню: три
 цы молодцевъ, чтобъ съ ними буйствовать безнаказанно; онъ
 цингуль вычл: «кто хочетъ пить и ѣсть готовое, идемъ къ
 Братъ на широкій дворъ, пей и ѣшь готовое, носи платье раз-
 шитое.» Охотникомъ нашавсь, собралось ихъ двадцать девять
 цинтъ. Приняли они въ братчину Никольщину, Василий за-
 цинтъ за каждаго брата по пяти рублей, за себя пятьдесятъ
 цинтъ, и церковный староста принялъ ихъ въ братчину; вече-
 цинтъ началось потѣха, котормя лѣтошесецъ называетъ отъ б'са
 цинтъшесинимъ дѣломъ: стали бороться, а въ иномъ кругу на
 цинтъ биться, и отъ кулачваго бою дошло дѣло до большой
 цинтъ: Именцкіе кушны, въ договоръ съ Новгородцами, обо-
 цинтъсывали свой дворъ относительно обычной Новгородской
 цинтъ — драки; не даромъ въ Новгородѣ ходило преданіе,
 цинтъ Порунъ, когда его тащили въ Волховъ черезъ большой
 цинтъ, бросилъ свою палку и сказалъ: «пусть Новгородцы
 цинтъ меня поминуютъ!» Этою палкою и теперь безумные
 цинтъются, утѣху творить б'самъ, прибавляетъ лѣтошесецъ.
 Василий вмѣшался въ драку и кто-то его очень неловко за-
 цинтъ; онъ закричалъ своимъ, что его бьютъ, дружина выска-
 цинтъ, и началась схватка: «скоро они улицу очистили, прибли-
 цинтъ много до смерти, вдвое, втрое перековеркали, руки, ноги
 цинтъронали.» Буслаевичъ, видя, что его взяла, вызываетъ на бой
 цинтъ Новгородъ, заключаетъ съ жителями его условіе, что если
 цинтъ съ дружиною побьютъ Новгородцевъ, то послѣдніе платятъ
 цинтъ дань по смерти, а если Новгородцы побьютъ его, то онъ
 цинтъ обязанъ давать имъ дань. «Началась у нихъ драка-бой великая.
 цинтъ десь до вечера — Буслаевичъ съ дружиною начинается
 цинтъ; Новгородцы, видя, что дѣло плохо, обращаются опять
 цинтъ съ просьбою въ подарками въ матери Буслаевича, и материнскія
 цинтъ платятся во всей силѣ: того, кто вызвалъ на бой цинтъ
 Новгородъ и побѣдилъ, того одна материнская служанка беретъ
 цинтъ вѣдъ руни и тащить на дворъ родительскій, гдѣ мать велитъ
 цинтъ засереть его въ глубочикъ погребахъ, за желзными дверями,
 цинтъ в булатными замками. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ
 цинтъ, Новгородцы одоливаютъ дружиню Буслаевича; побѣжден-
 цинтъ, уводя служанку матери Василиевой, шедшую на Волховъ

за водою, просить ее, чтобъ она не подала ихъ, освободила ихъ предводителю. Служанка исполняетъ просьбу, открываетъ погребъ, гдѣ сидѣлъ Василій, и тотъ, возвратившись къ своимъ, даетъ имъ побѣду: «у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у низкихъ молодцовъ думушки прибило» и: «ужъ мужики (Новгородцы) покорилися, покорилися и помирилися.»

Слѣдовалась и другая пѣсня о томъ же Буславѣ, какъ онъ задумалъ молиться⁴³³. Буславичъ приходитъ къ матери, какъ вышло около ея увивается, просить благословеніе великое идти въ Іерусалимъ градъ со всею дружиною храброю. Мать въ отвѣтъ говоритъ ему любовитными слова, резко очерчивающими эпоху: «если ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дамъ благословенія великаго, не носи Василья сыра земля.» Буславичъ пошелъ съ дружиною въ Іерусалимъ, на дорогѣ встрѣчаетъ гостей корабельщиковъ, и на вопросъ ихъ, куда погуливаютъ, отвѣчаетъ также очень замѣчательными словами: «Гой еси вы гости корабельщики! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подѣ старость надо душу спасти.» Василій прѣзжаетъ въ Іерусалимъ: «пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя Василья Буславевича; и обѣдню съ панихидою служилъ по родимому своему батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, что съ молоду бито много, граблено.» Буславичу не суждено было возвратиться домой изъ этого путешествія: не вѣруя ни въ сонъ, ни въ чохъ, вѣруя только въ свой червленый вязъ, онъ пренебрегъ предостереженіемъ не скакать вдоль заколдованнаго камня, и убилоа подѣ нимъ. Такимъ образомъ разгульная жизнь Новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель Новгородскихъ умкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени.

Изъ историческихъ лицъ описываемаго времени является дѣйствующимъ въ старинныхъ пѣсняхъ Новгородскій сотскій, Ставръ съ женою. Лѣтопись подѣ 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на Новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заключилъ; изъ лѣтописнаго извѣ-

можно помнить, что Ставра былъ виноватъ въ томъ же, въ
и другіе злодеянія съ нимъ виѣсть бояре Новгородские,
иногда въ гробѣхъ дажики—то двухъ гражданъ; но пѣсня при-
неть другую вину, именно хвастовство Ставра своими богат-
ствами, предъ которыми онъ не во что ставилъ богатство и ве-
щаміе великокняжеское: «Что это за крѣпость въ Києвѣ, у
князя Владимира? у меня де, Ставра боярина, широкой дворъ
и двухъ города Києва: — а дворъ у меня на семи верстахъ, а
дворъ, садланы блудубовы, покрыты гридня сѣдны боброя,
иногда въ гридняхъ черныхъ соболей, пель, середя одного
иногда, брюки да пробон по бумагу зачочны.» Здѣсь въ этомъ
описаніи убранства Ставрова дома для насъ любопытно то, что
описанія состоятъ въ дорогихъ металахъ и дорогихъ ве-
щахъ: другаго ничего фантазія рассказчика не могла предста-
вить. — Лѣтопись Новгородская подъ 1167 годомъ упоминаетъ
о князѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь св.
Іоанна и Глѣба. Пѣсня знаетъ о богатомъ гостѣ Новгородскомъ
Садкѣ, который принесши отъ Волги поклонъ брату ея Ильме-
ну, получилъ отъ послѣдняго чудеснымъ образомъ въ подарокъ
каменное сокровище, такъ что Садко могъ выкупить весь това-
ръ въ Новгородѣ: здѣсь виѣсто удалаго предводителя вольницы
иногда богатаго кунда, который, подливши на братовщину,
исплатилъ не силою своею, но богатствомъ: такимъ образомъ и
другая сторона Новгородской жизни оставила по себѣ память въ
описаніяхъ народной фантазіи. Сходство пѣсеннаго Садка
и лѣтописнымъ заключается въ томъ, что и въ пѣсни богатый
иногда охотникъ строить церкви. Благочестіе Садки не осталось
безъ награды: другая пѣсня говоритъ, какъ Садко, находясь во
вѣсти морскаго царя, спасся отъ бѣды совѣтами св. Николая.
Въ книжничьихъ, сочиненія которыхъ неизвѣстны, упомина-
ется въ лѣтописяхъ подъ 1205 годомъ, въ Галичѣ, Тимошей пре-
щадный книжникъ, родомъ изъ Києва; этого Тимошей притчами
говорилъ противъ мучителя Галичанъ, Венгерскаго воеводы Бе-
нѣдикта «яко въ послѣдняя времена трамъ имени наречется ан-
гелъ.»

Но если взглянуть о важникъ событіяхъ и лицахъ знаменитыхъ,
иногда почему бы то ни было изъ среды современниковъ,
иногда въ народѣ и передается изъ вѣка въ вѣкъ въ укра-

женныхъ повѣствованійхъ; если при условіи грамотности пишутъ люди, которые въ украшенной рѣчи передаютъ нѣкоторыя известія о какомъ-нибудь важномъ событіи, но позволяютъ никакихъ уклоненій, замысловатыхъ поэтическихъ, невозможныхъ уже по самой близости событія всѣмъ известнаго, при чемъ очевидно желаніе высказать господствующую мысль, господствующую потребность времени, какова была въ описываемую эпоху потребность превращенія княжескихъ усобицъ, княжескаго посольствъ другъ другу, потребность, столь ясно высказавшаяся въ Словѣ о полку Игореву; если народу, въ самомъ младенческомъ состояніи, врождено стремленіе знать свое прошлое, объяснить себѣ, какъ произошло то общество, въ которомъ живетъ; если религіозное уваженіе къ отцамъ требуетъ сохраненія памяти объ нихъ; если это врожденное человѣку уваженіе заставляетъ находить въ преданіяхъ старины живое поученіе, если всѣ народы съ величайшимъ наслажденіемъ прислушиваются къ сказаніямъ о дѣлахъ предковъ; если эти сказанія, при отсутствіи грамотности, передаются устно, а при зачаткахъ грамотности первыя записываются; если таковъ общій законъ жизни народовъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ жизни Русскаго народа было иначе, и отодвигать появленіе лѣтописей какъ можно далѣе отъ времени появленія христіанства грамотностію, тѣмъ болѣе, что съ Византією были частыя, и посредственныя связи, Византія служила образцомъ во все относящемся къ гражданственности, и Византія представляла образецъ лѣтописей, съ которыми можно было познакомиться даже и въ славянскихъ переводахъ.

Сказавши, что Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ письменности, мы уже рѣшили вопросъ относительно формы, въ какой должны были явиться у насъ первыя памятники собственно историческаго содержанія: они должны были явиться въ видѣ лѣтописей (хроники, аналовъ), погоднаго записыванія известій о событіяхъ, безъ всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выраженія: сухое, краткое записываніе никакъ не могутъ идти въ общихъ признакахъ для отдѣленія лѣтописей: лѣтописныя известія отличаются сухостію, украшенностію, краткостію и обидіемъ, вслѣдствіе различныхъ условій — мѣстныхъ, личныхъ, случайныхъ и постоянныхъ

...указавъ въ послѣдствіи. Теперь же слѣдуетъ спросить: не
 ли на Русь долженъ былъ первоначально занять земле-
 вѣдъ-сообщитѣль, составленіемъ лѣтописей? Мы видали, что если
 въ князьяхъ, а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ, были охотники
 писать и читать книги, то это были только охотники, тогда
 на Русь существовало сословіе, которое грамотность бы-
 лъ обязанностію, и которое очень хорошо сознавало эту обязан-
 ность, сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли
 въ своемъ досугѣ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ;
 князь: всѣ средства, потому что при тогдашнемъ положеніи
 вещей, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать
 всѣмъ важнымъ событіямъ во всей ихъ подробности и пріобрѣтать
 отъ другихъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ по-
 томъ приходилъ князь прежде всего сообщить о замѣчатель-
 ныхъ предпріятіяхъ, испросить благословенія на него, въ мона-
 хѣ прежде всего являлся съ вѣстіемъ объ окончаніи предпріятія;
 князь лица отправлялись обыкновенно посланни, слѣд. имъ
 въ другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; имѣлъ
 же думать, что духовныя лица отправлялись посланни, участ-
 вали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ
 достоинству, негущаго отвратить отъ нихъ опасность, сколько
 въ виду большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и
 власти въ этомъ дѣлѣ, столькоже и въ слѣдствіе гра-
 мотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ:
 что для чего бы Смоленскій князь поручилъ священнику Ю-
 рию заключеніе договора съ Рязанью? Должно думать, что ду-
 ховныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дѣлаками,
 были секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ
 еще, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обык-
 новенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства: прибавимъ нахо-
 димъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень
 рано самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска,
 будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными
 лицами къ князьямъ, могли сообщать вѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ
 могли ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже со-
 ображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное
 право заключить, что первая лѣтопись наша вышла изъ рукъ
 духовныхъ лицъ, а если къ тому въ самой лѣтописи мы видимъ

всѣмъ дошедшимъ до насъ, что они составлены въ монастырѣ; те обывающіе усвоились на этомъ, и не искаютъ другаго какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составленія первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, краткихъ записокъ²⁰⁰.

Зная, что дошедшая до насъ первоначальная лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства, мы должны теперь обратиться къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ эта лѣтопись?

Лѣтопись дошла до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самый древній не ранѣе XIV вѣка; изъ всѣхъ этихъ списковъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно лѣтнихъ возмозовъ, слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ мы замѣчаемъ, что въ нихъ начальная лѣтопись о Русской землѣ, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другаго списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ недостаетъ подъ известными годами такихъ событій, какія находимъ въ другихъ. Отсюда рождается первый, главный для историка вопросъ: какъ пользоваться этими подробностями, этими лишними извѣстіями, которые находятся въ однихъ, преимущественно позднѣйшихъ сборникахъ; и недостаютъ въ другихъ. Критика историческая прошедшаго столѣтія рѣшила этотъ вопросъ такъ, что должно пользоваться только извѣстіями, находящимися въ древнихъ спискахъ, и считать прибавочныя извѣстія позднихъ сборниковъ за позднѣйшія сочиненія, вымыслы. Но въ наше время, при возмужалости исторической критики, такимъ приговоромъ удовольствоваться нельзя. Одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности извѣстій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, наиримѣръ XVII-го вѣка, могъ пользоваться списками древнѣйшими, для насъ потерянными; слѣдовательно всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергаемо критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію сборника. Обычныя старинныя выраженія, что составитель позднѣйшаго, наприим., Никоновскаго сборника выдумалъ то или другое извѣстіе, не находящееся въ древ-

характерныхъ свѣдѣнъ, но имѣетъ для насъ теперь иное значеніе: можно подозревать грамоту, или извѣстіе какое-либо, если они говорятъ въ пользу лица, или сословія, или какое-либо близкое отношеніе къ составителю сборника, но и то тогда только, когда эта грамота, или извѣстія будутъ заключать въ себѣ другіе подозрительные признаки; легко замѣтить извѣстія, которые на себѣ слѣды народной фантазіи, и замесливое просторечіе составителемъ лѣтописи въ рядъ событій достоверныхъ: за это впрочемъ историкъ долженъ быть только благодаренъ составителю сборника, а не упрекать его самого въ выдумку; никто не обязываетъ вѣрить догадкѣ стариннаго грамотея, а тотъ старается объяснить названія извѣстныхъ мѣстностей, и этого придумываетъ рядъ небывалыхъ лицъ и событій. Но историкъ не имѣетъ права сказать, чтобы составитель позднѣйшаго русскаго сборника выдумалъ событіе, случившееся за много времени назадъ, событіе, не имѣющее ни съ чѣмъ связи, событіе, не объясняющееся, наиримѣръ, что въ XI-мъ вѣкѣ, въ такомъ-то году, приходили Печенѣги на Русскую землю, что Асхъ и Диръ ходили на Болгаръ, что въ такомъ-то году крестилъ ханъ Печенѣжскій, что въ такомъ-то году поймали разбойника; подозрительность относительно подобныхъ извѣстій не должна служить не въ пользу критика. Но освобожденіе отъ разсудка относительно извѣстій позднѣйшихъ списковъ, которые цѣтъ въ древнѣйшихъ, значительно уменьшаетъ взглядъ историка на лѣтописи. Разсматривая начальную нашу лѣтопись, и позднѣйшія списки, такъ и позднѣйшія, болѣе позднѣйшія, мы прежде всего должны различать извѣстія Кіевскія и Новгородскія, ибо одновременно съ начальною южною, или Кіевскою лѣтописью мы должны положить и начальную сѣверную, или Новгородскую; извѣстія обѣихъ соединены въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы такъ называемый Софійскій, Никоновскій и др.

Такъ, наиримѣръ, Кіевская начальная лѣтопись не знаетъ, что брали дань Варяги съ сѣверныхъ племенъ; составитель Софійскаго списка, пользовавшійся начальною Новгородскою лѣтописью, знаетъ: «отъ мужа по бѣлѣ веверицѣ» Счетъ годовъ въ Никоновскомъ спискѣ, оканчивающійся Владиміромъ Ярославичемъ, обличаетъ Новгородское составленіе; извѣстіе о Ва-

днѣ также. — Южный начальный лѣтописецъ не знаетъ, и были посажены двое сыновей Владиміровыхъ — Станиславъ Судиславъ; Новгородскій знаетъ: Станиславъ въ Смоленскѣ, Сдиславъ въ Псковѣ. Подъ 991 годомъ явственна вставка Новгородскаго преданія о Перунѣ: «Крестився Володимеръ, и въ Фотія Патріарха у Царьградскаго перваго Митрополита Кіе Леона, а Новугороду Архіепискупа Якима Корсунянина . прииде къ Новугороду Архіепискупъ Якимъ, и требище разоу и Перуна постъче и повелъ въврещи въ Волховъ, и повязави ужи, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе, и въ время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, о мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его Волховъ. Онъ же плыва сквозъ великій мостъ, верже палицю съ и рече: на семъ мя поминають Новгородскіе дѣти, ею же и ны безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда и кому же нигдѣ же переняти его: иде Пидьблянинъ рано на рѣхотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыта еси ѣлъ и пил а нынча поплочи прочъ; плы изъ свѣта некощное.» — По 1034 годомъ въ Софійскомъ и Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ явственно Новгородское извѣстіе: «Великій князь Ярославъ и въ Новгородъ, и посади сына своего Володимера въ Новѣгород и епискупа Жиряту; и людемъ написа грамоту, рекъ: «по с грамотѣ дадите дань.» Баше же хромоногъ, но умомъ сверше и храборъ на рати, и христіанъ, чтяше самъ книги.» Извѣст о походѣ Улѣба на Желѣзные Ворота, встрѣчающееся въ позднѣйшихъ спискахъ, есть извѣстіе чисто Новгородское, и потому его нѣтъ въ Кіевской лѣтописи, равно какъ извѣстіе о епископѣ Лукѣ Жидатѣ и проч. Когда написана первоначальная Новгородская лѣтопись — на это есть указаніе: въ Софійскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ спискахъ собственно Новгородской лѣтописи, подъ 1030 г. встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Того лѣта преставися архіепискупъ Ноугородскій Акимъ: баше учникъ его Ефремъ, же ны учааше.» На основаніи этого извѣстія имѣемъ полное право отнести составленіе Новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку. Такимъ образомъ объясняетъ часть дополненій, внесенныхъ въ начальную Кіевскую лѣтопись составителями позднихъ списковъ; эти дополненія взяты изъ лѣ

Новгородской. Но въ позднѣйшихъ спискахъ мы встрѣчаемъ такіе дополненія, которыя никакъ не могли быть заимствованы изъ северной, Новгородской лѣтописи, ибо содержать въ себѣ извѣстія о событіяхъ южныхъ, Киевскихъ. Такъ, напр., въ началѣ Игорова княженія слѣдующе мѣсто: «И бы у него вдова, именемъ Свентелдъ, и прелучи Угляни, и възложи на нихъ дань Игорь и вѣсть Свентелду, и не владычатся единъ годъ, именемъ Пересыченъ, и сѣдъ около его три зѣта, и едва бы и. И быша сѣдше Угляни по Дивстру внизъ; и по семъ прѣдоша межн во Дивстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду, инаше же по чернѣ куфъ отъ дыма, и рѣша дружина Игорева: «се дагъ еси одному мужу много»²²¹.» Не могли быть взяты изъ Новгородской лѣтописи дополнительные извѣстія о Печенѣжскихъ набѣгахъ, находящіяся въ Никоновскомъ спискѣ подъ 990, 991, 1001 годами, извѣстія краткія, но имѣющія никакого значенія для позднѣйшаго лѣтописца; также извѣстія о крещеніи Болгарскихъ и Печенѣжскихъ князей, о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками²²². Такимъ образомъ должно заключить, что начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ.

Одѣлавши эти предварительныя заключенія, обратимся къ разсмотрѣнію начальной лѣтописи. Съ первыхъ строкъ ея виднѣтъ уже источникъ и образецъ — лѣтопись Византійская: Русскій лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть точно также, какъ и лѣтописецъ Византійскій, исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству троихъ сыновей Ноевыхъ; это исчисленіе взято изъ Русскаго лѣтописца, Георгія Амартола; но Русскій лѣтописецъ вставилъ въ него: подлѣ Иллирїи (Илюрикъ) Словене, и потомъ въ концѣ исчисленіе северныхъ рѣкъ и народовъ, причемъ Карпатскія горы называются Кавкаскіими, или Угорскими. Включивши въ число семидесяти двухъ народовъ и народъ Славянскій, отъ племени Асетова, лѣтописецъ указываетъ первоначальное жилище Славянъ на Дунаѣ, и потомъ выселеніе ихъ на северъ и сѣверо-востокъ, сперва добровольное, потомъ вынужденное притѣсненіями враговъ, Волховъ; для опредѣленія этихъ Волховъ, по понятіямъ лѣтописца, можно пользоваться другимъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится о нашествїи Венгровъ

на Дунайскія страны: «Принялъ отъ восточна (Угры): и усе-
днися теревъ горы задкѣи д докона воевати на двануцѣхъ
Волка и Славѣи. Сѣмху бо ту время Словѣи, и Волхъа и
дѣи землю Словѣнску; посемъ же Угри прогнаша Волхъа
наадѣвѣна землю, и сѣдоша съ Словѣи, покорѣвѣи я подь о
М такъ Вангры застѣи Волхоръ вмѣстѣ съ Славѣи. Въ р-
сказѣ о поселеніи Славянскихъ племенъ въ широчней Россіи
дѣтъ бытъ и судьбѣ, татчасъ видно, что сосѣдствѣ лѣтопис-
дѣтѣи Кіева, принадлежатъ къ племени Полѣи; это имя
на первомъ мѣстѣ, имъ особенно занимается лѣтописецъ, и
намъ больше всего знаетъ, его нравственность провозгласитъ
удѣръ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Лѣтописецъ знаетъ,
въ отдаленныя времена, когда еще Полѣи жили особо, отдѣ-
льными родами до горамъ Кіевскимъ²²², уже шель путь изъ Ск-
динавіи въ Грецію, по Дибвиру и свѣршымъ рѣкамъ озери
области; на первыхъ страницахъ лѣтописи уже дается уразумѣ-
значеніе географическаго положенія Европейской Россіи, и
ченіе водныхъ путей. Послѣ извѣстія о морѣ Понтскомъ или Е-
скомъ, въ лѣтописи вставлено сказаніе о путешествіи Апост-
Андрея на сѣверъ до Новгорода; понятно, что сказаніе это
гло явиться (только во времена христіанскія, когда узнали,
Апостоль Андрей проповѣдовалъ въ Скнеи; вставка начне-
тѣя словами; «яко же рѣша»²²³.

За вставкою о путешествіи Апостола Андрея слѣдуетъ р-
сказъ о построеніи города Кіева. Во время лѣтописца состав-
дось уже обычное объясненіе мѣстныхъ названій именами дѣи
будто бы тутъ жившихъ, явились братья Кій, Щекъ, Хоривъ
сестрою Лыбедью для объясненія названій Кіева, горъ Щекод-
цы и Хоревницы и рѣчи Лыбеди. Лѣтописецъ сообщаетъ на-
два преданія о Кіѣ: одно мы должны назвать собственно толи-
вѣиетъ; были во времена лѣтописца люди, которые, основыва-
на выраженіи: «Кіевъ перевозъ», толковали, что Кій было и
перевозчика; лѣтописецъ отвергаетъ это сухое толкованіе; и
принимаетъ преданіе о Кіѣ-князѣ, который ходилъ въ Цар-
градъ, приналъ большую честь отъ цара, и на возвратномъ пу-
основалъ на Дунаѣ маленькій городокъ Кіевецъ. — Но здѣ-
для насъ очень важно выраженіе лѣтописца: «якоже сказаютъ
Здѣсь видѣиъ источникъ, которымъ пользовался лѣтописецъ»

принимая участие в Киз-и-месе, званном
 роду его; по совету всех братьев, принимает на
 себя команду Поляки: «и по сихъ братьяхъ держати начала родъ
 Поляки въ Поляхъ;» потомъ, чтобъ показать особую
 предосторожность племенъ, прибавляетъ: «въ Древанскихъ овецъ,
 Драговичи свое» и т. д.; — т. е. въ Древаняхъ, у Древанитъ
 и Драговичи близкое племя, а Драговичи держатъ овецъ. Но мы
 знаемъ, какъ относително важна заключеніе оваломъ владѣ-
 ній владѣнъ Киз и его рода; источники его относительно
 восточныхъ и Дравитскихъ племенъ еще болѣе скудны, и
 поэтомуже Переславль Буздячскаго читаемъ: «а Дравиты
 и Драговичи собѣ мать (мачиха), а Славене собѣ Номо-
 гичи, а Полячане такожъ безъ кизей» и проч.

Извѣстны о разселеніи племенъ Славянскихъ, о народахъ
 ихъ, которые въ это время платили дань Русь, лѣтописецъ
 знаетъ извѣстія о нашествіи разныхъ степныхъ народовъ съ
 юга на Славянъ — единственные событія въ жизни послѣ-
 днихъ; здѣсь источниками служатъ для него отчасти Греческія
 писанія, отчасти туземныя, Славянскія преданія и пословицы.
 Изъ Византійскихъ источниковъ онъ знаетъ, что Угры
 явились при царѣ Иракліи и ходили на Хозроя царя Пер-
 сійскаго; изъ Славянскихъ преданій знаетъ онъ о притѣсненіи
 ихъ, которыя Дульбскія женщины подвергались отъ Аваровъ;
 изъ пословицъ: погибоша аки Обръ, заключаетъ о гибели
 народа безъ племени и наследка. — Потомъ лѣтописецъ
 переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ племенъ Славян-
 скихъ. Свѣдѣніе объ этомъ предметѣ, разумѣется, онъ могъ по-
 лучить изъ разныхъ преданій и писанъ; но онъ самъ указываетъ
 другой, вѣрный источникъ: старинныя нравы и обычаи пле-
 менъ, сохранившіеся въ его время: «это дѣлаютъ Вятичи и
 др.» прибавляетъ онъ, говоря о древнихъ языческихъ похо-
 денныхъ обрядахъ; должно замѣтить и здѣсь, что о сѣверныхъ,
 северныхъ племенахъ лѣтописецъ знаетъ мало, говоритъ неоп-
 рѣделенно, вообще: «си же творяху обычаи Кривичи, прочіи
 сѣверніи.» Подлѣ описанія Славянскихъ нравовъ и обычаевъ
 находится описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ
 изъ Греческой хроники Георгія (Амартола). Извѣстія о до-
 историческомъ бытѣ восточныхъ Славянъ оканчиваются извѣстіемъ

о притвореніяхъ, которыми подвергались Поляне отъ Дривини и другихъ сиротскихъ племенъ, и потому повѣстіи о нихъ стави Козарь, которые принудили Полянъ платити себе дань; здѣсь вочлазаетъ сказаніе о дань по мечу съ дань, сказаніе отъ жидовъ мощнѣйшее, сочиненное уже въ то время, когда Козари были подъ ударомъ Русскихъ князей: «Нашли Козари Молитъ, видящихъ по вѣнъ горамъ въ лѣсахъ, и сказали Козари: платите намъ дань. Поляно, ведумовши, дали по мечу отъ дань; немощи оту дань Козари къ князю своему и старейшимъ, и сказали имъ: вотъ имъ нашли дань новуу. — Ты спросилъ мнѣ; откуда вы это взяли? Въ лѣву, на горахъ, надъ рѣкою Дятаровскою, отвѣтали они. Старцы Козарские сказали тогда: не добра эта дань, князь! имъ достались оя оружіемъ, которое состоитъ только съ одной стороны, саблями, а у этихъ оружіе обору дострое, мечъ; будутъ они брать дань на честь нма другихъ странъ.» Тамъ и случилось, прибавляетъ лѣтописецъ: владѣютъ Козарями Русскіе и до сего времени.

Вотъ все, что находимъ въ лѣтописи о до-руриковскомъ времени: картина, повидимому, очень скудная въ подробностяхъ; но мы не имѣемъ никакого права предположить, что лѣтописецъ угадалъ отъ насъ что-нибудь, что онъ зналъ больше, чѣмъ онъ только записалъ, следовательно и въ самой дѣйствительности исторіи не долженъ искать ничего больше; и въ самомъ дѣлѣ какихъ еще нужно болѣе подробностей? живеть каждый особе своимъ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владѣеть родомъ своимъ; когда изгнаны завоеватели, то родъ встаетъ на родъ, и начинаются усобицы; лѣтописецъ упоминаетъ огородахъ; но тутъ же и даетъ знать, какъ мы должны представлять себѣ эти горда, ихъ отношенія между собою и къ остальному народонаселенію: жители ихъ пануть землю, присутствіе городовъ не мешаетъ людямъ жить въ лѣсу подобно звѣрямъ, убивать другъ друга, похищать дѣвицъ; вотъ весь бытъ, и что еще сказать объ немъ кромѣ того, что сказано у лѣтописца? Разсказъ его ясенъ и полонъ. Племена воюютъ другъ съ другомъ, сильнѣйшія обижаютъ слабѣйшіхъ; но что представляютъ подробности этихъ усобицъ, и можно ли надѣяться найти ихъ въ лѣтописи? Но лѣтописецъ записалъ преданія о движеніяхъ варварскихъ народовъ изъ Азіи, о внезапномъ исчезновеніи, смѣнѣ одного дру

и, притягательности, которыми подвергались от них населяющая их, но слабы по причине разлѣченія своего: тогдашнихъ явленій въ жизни племенъ, населявшихъ южную и юго-восточную равнину Европы, летописецъ Русскій продолжаетъ и въ этомъ отношеніи историческую древность. Переименованіе престола по свѣдѣнію слѣдамъ, какъ они сохранились во времена Иова; наконецъ записано сказаніе о происхожденіи отъ Иова, главнаго города всей Русской земли, сказаніе, составленное по общему закону, чрезъ объявленіе ипотамъ названій Иовами лицъ.

Послѣ сказанія о Коварной дамѣ начинается собственная лѣтопись, т. е. погодное зависываніе событій. Съ какого же времени летописецъ начинаетъ свою лѣтопись? Она начинается въ 852 г. по Р. Х. «Съ царствованія Михаила, императора Греческаго, является впервые названіе Русской земли: объ этомъ не узнали, продолжаетъ летописецъ потому, что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ Греческомъ; по этому-то отсюда начнемъ и числа положимъ.»

По образцу Греческаго летописца, и нашъ начинаетъ перечисленіе: отъ Адама до потопа столько-то лѣтъ; отъ потопа до Авраама столько-то, и т. д., доходитъ до царя Михаила, и отъ него переходитъ къ Русской Исторіи: «отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, княже отъде въ Кіевъ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополчъ княжи лѣтъ 8; а Володимерь лѣтъ 37, а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тамъ же отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85; а отъ смерти Ярослава до смерти Сягополча лѣтъ 60.» Любопытно мѣсто Филоновскаго списка, гдѣ время призванія князей означено такъ: «при Михаилѣ и Василіѣ царемъ при Фотіи патриархѣ придеши Фавене» и проч. Мотивъ важно означеніе смерти Сягополча Фавявича—знакъ, что лѣтопись составлена во время между смертію Сягополча и смертію преемника его, Владимира Моурмаха.

Послѣ означеннаго исчисленія слѣдуютъ годъ 858 годомъ и лѣтъ изъ Греческой, или Болгарской лѣтописи о крещеніи Бол-

гарь; подъ слѣдующимъ 859 годомъ известіе: «Ижеку дашь Дуа релъ-саморья на Чуды и на Словенскы, на Мери и на чюдкѣ Кривичкы; а Кошари ижеку на Поланскы и на Северскы, и на Витичкы, ижеку по бжю и заверши отъ даша.» Любопытное выраженіе: «и жиху» даше: «приндони Варизи» и тому подобн. По прошествіи двухъ лѣтъ помыкъ отъ извѣстія о даша помѣщено известіе объ изгнаніи Варяговъ и призваніи князей; по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ призваніи управитъ Рюриковѣ братья, по прошествіи двухъ лѣтъ по смерти Рюрика Олегъ оставляетъ Новгородъ. Здѣсь очень любопытенъ также сплошной разсказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздѣлѣ городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ.

Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что известія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ известіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: «Рюрику же князю въ Новгородѣ — въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 — иде Аскольдъ и Диръ на Греки» и проч.

Къ этому первоначальному сказанію ввести съ предисловіемъ о до-рюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: «О повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть.»

Начальный Кіевскій летописецъ почти ничего не знаетъ о подробностяхъ призванія, о событіяхъ княженія Рюрика: преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесены въ повѣстныя списки изъ начальной Новгородской. Повѣстие о походѣ Олега на югъ и утвержденіи въ Кіевѣ очевидно взято изъ устныхъ преданій, въ которыхъ Олегъ являлся первымъ собирателемъ племенъ, первымъ учредителемъ наряда: къ его времени относились всѣ древнѣе уставы, наприм., дань Новгородская. Событія раздѣлены по годамъ: на каждый годъ по походу на одно изъ племенъ; потомъ известія о дѣятельности Олега прекращаются въ продолженіи 17 лѣтъ; подъ 863 годомъ помѣщено известіе о бракѣ Игоря на Ольгѣ; замѣтимъ, что летописцу нужно было помѣстить это

известіе пошло по ображеніямъ съ мазовитовъ Олега — сына при смерти отцовъ. Подъ 907 годомъ помѣщено известіе о походе Олега на Грековъ. Извѣстнѣй характеръ россійскъ о походе Олега въ ясло указываетъ на источникъ — устныя народныя сказанія, при чемъ въ лѣтнемъ поелъ не запыты лнкую смивку двухъ извѣстій: она облачается повтореніемъ одного и того же извѣстія о данн споря по 12 гривенъ на человека, а потомъ по 12 гривенъ на камень.

Подъ 911 годомъ помѣщено извѣстіе о кометѣ, востое оченно изъ Греческой или Болгарской лѣтописи; подъ 912 годомъ договоръ съ Греками. Неоспорныя свидѣтельства Греческихъ источниковъ о договорахъ, заключаемыхъ Имперією съ разными варварскими народами, свидѣтельства о договорахъ, именно заключенныхъ съ Русью, соотвѣтствіе послѣднихъ договорамъ договорамъ, заключеннымъ съ другими народами, необходимость, какую чувствовало Греческое правительство урядиться съ Русскими княземъ относительно того, какъ поступать въ случаяхъ столкновенія Русскихъ съ подданными Имперіи въ Константинополѣ, случаяхъ, не могшихъ быть рѣдкими, полное соотвѣтствіе содержанія договоровъ обстоятельствамъ времени, наконецъ языкъ, во многихъ мѣстахъ темный, показывающій ясное слѣды перевода съ Греческаго, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ подлинности договоровъ — Олега, Игоря, Святослава¹²³. По всѣмъ вѣроятностямъ до лѣтописца дошелъ переводъ, современнѣй подлиннику; переводъ этотъ долженъ былъ храниться въ Кіевѣ у князей, и храниться тщательно, потому что торговля сношенія Русскихъ съ Византією были предметомъ первой важности для Руси и князей ея, а нѣтъ сомнѣнія, что и въ послѣдствіи поступали съ Русскими въ Константинополѣ на основаніи древнихъ договоровъ; странно думать, что Имперіи вообще заботились мало о сохраненіи и исполненіи договоровъ: Норманскіе пираты, быть можетъ, мало заботились объ этомъ, но уже показано было прежде, что Русскіе князья не могли оставаться Норманскими пиратами, и гдѣ доказательство, что они мало заботились объ ихъ исполненіи и сохраненіи? Послѣ заключенія Олега договора Игорь пошелъ на Грековъ: но гдѣ доказательства, что онъ пошелъ невнуденный и нарушилъ договоръ со стороны Грековъ? Когда послѣдніе обмывали ему, что

будетъ пленитъ, столько же, сколько и дали Олегу, то онъ уже
 климатъ съ нами миръ; имѣемъ право думать, что походъ былъ
 именно и предпринятъ для того, чтобъ возстановить прежнія от-
 ношенія. Святославъ завоевалъ Болгарію по договору съ Грече-
 ками же, и потомъ велъ противъ нихъ войну оборонительную;
 походъ Владиміра тѣсно связанъ въ лѣтописи съ дѣйствіемъ
 принять христіанство; Ярославъ послалъ сына на Грековъ именно
 потому, что въ Константинополѣ обидѣли Русскихъ купцовъ;
 следовательно не выполнили договора. Надобно замѣтить, что
 у насъ вообще походы древнихъ Русскихъ князей на Византию
 представляются чѣмъ-то безпрерывнымъ, обычнымъ, тогда какъ
 всѣхъ ихъ было только шесть.

Записать преданіе о смерти Олеговой, лѣтописецъ вставляетъ
 известія о волхвахъ, являвшихся у другихъ народовъ; вставляетъ
 понятная по тому интересу, который возбуждали волхвы между
 современниками лѣтописца. Долговременное княженіе Игоря;
 отъ котораго дошло очень мало преданій, пополняется известі-
 ями изъ Греческой и Болгарской лѣтописи. Известіе о первомъ
 походѣ Игоря на Грековъ взято изъ тѣхъ же источниковъ;
 известіе о второмъ изъ туземныхъ преданій; изъ нихъ же взято
 оправданіе въ неудачѣ перваго похода; очевиденъ тотъ же са-
 мый источникъ въ известіяхъ о смерти Игоря, о мести Ольги, о
 ея распоряженіяхъ, о крещеніи, которое описано исключительно
 по туземнымъ преданіямъ безъ всякаго соображенія съ Грече-
 скими источниками; это доказываетъ имя императора, при ко-
 торомъ крестился, Ольга, Цимскій, и годъ событія. Еще въ
 княженіе Игоря, 943 годомъ оканчиваются выписки изъ Грече-
 ской или Болгарской лѣтописи о тамошнихъ событіяхъ, и съ
 этихъ поръ очевидно исключительное пользованіе туземными
 устными преданіями. Уже выше было замѣчено, когда должно
 было окончательно образоваться преданіе о провоздѣнкахъ
 разныхъ вѣръ при Владимірѣ; здѣсь замѣтимъ любопытное по-
 казаніе: во времена лѣтописца жили люди, которые помнили
 крещеніе земли Русской; не смотря на то, во времена же лѣто-
 писца уже существовали различныя противорѣчивыя преданія
 объ этомъ событіи, о мѣстѣ крещенія Владимірова; утверждая,
 что Владиміръ, крестился въ Корсуни, лѣтописецъ прибавляетъ:
 «Ср же не обмануше право глаголють, ако крестился еси въ

Князь; или же рече Васильи; друзи же мнози скажутъ;» такъ въ одномъ дошедшемъ до насъ житіи Владимира сказано; что этотъ князь предпринималъ походъ на Корсукъ, на третій годъ по принятіи крещенія. Замѣтимъ явную ошибку въ началѣ княженія Святполкова: тотчасъ послѣ извѣстія о смерти Владиміровой, послѣ заглавія: о убіеніи Борисѣвъ, читаемъ: «Святполкъ же сѣде Кіевъ по отцѣ своемъ, и съзва Кыяны, и нача дати имъ ивъвѣ;» — а послѣ извѣстія о смерти Святослава Древлянскаго, читаемъ опять: «Святполкъ же оцанний нача княжити Кіевъ. Сосвавъ люди, нача дати овѣмъ корана, а другыиъ кудами, и раздая множество.» Очевидно, что объ убіеніи св. Бориса и Глѣба вставлено особое сказаніе въ лѣтописи: это доказываетъ особое заглавіе; замѣтимъ, что вследствие сильнѣйшаго развитія церковной литературы, въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи мы встречаемъ распространенныя сказанія не только объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, но также и о страданіи первомучениковъ Русскихъ, Варяговъ Теодора и Іоанна. Въ разныхъ сказаніяхъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ замѣчаются разногласія; такъ въ сказаніи, вставленномъ въ лѣтопись, читается, что св. Глѣбъ вѣхалъ наъ Мурема, полагаи, что умирающій отецъ зоветъ его къ себѣ, а въ другихъ сказаніяхъ говорится, что Глѣбъ, во время кончины св. Владимира, находился въ Кіевѣ, а не въ Муремѣ, и увнѣвъ, что Святполкъ послалъ убійцъ на Бориса, отправился тайно вверхъ по Днѣпру, но былъ настигнутъ убійцами надъ Смоленскомъ. Противъ перваго извѣстія приводятъ, что въ 43 днѣ, протекшіе между убіеніемъ Бориса 24-го іюля и Глѣба 5-го сентября не могли умѣститься всѣ событія, разсказанныя въ этомъ извѣстіи, что гонецъ, посланный отъ Святполка въ Муремъ, не могъ возвратиться къ своему князю съ вѣстію, что Глѣбъ отправился ранѣе первыхъ чиселъ сентября, и если Святполкъ, по этой вѣсти, отправилъ убійцъ вверхъ по Днѣпру, то какъ они успѣли проплыть въ три или четыре днѣ около 650 верстъ? Но, во-первыхъ, изъ сказанія вовсе не видно, чтобъ Святполкъ послалъ убійцъ тогда только, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ отправился; въ ожиданіи, что Глѣбъ отправится по извѣстному пути, онъ могъ послать убійцъ гораздо прежде. Во-вторыхъ, въ сказаніи нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній. Замѣтимъ также, что въ сказаніи, помѣщен-

номъ въ лѣтописи, нѣтъ никакихъ противорѣчій, нѣтъ словъ Борисовыхъ «яко узрю лице брата моего меньшаго Глаго, яко же Юсифъ-Венѣдича.» Во всякомъ случаѣ видно, что и о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Владиміра, ходила такая же разпорѣчивая преданія, какъ и о событіяхъ, сопровождавшихъ крещеніе Русі. Съ другой стороны замѣтить, что въ извѣстіяхъ о первыхъ событіяхъ княженія Ярослава можно видѣть сличеніи извѣстій изъ начальной Кіевской лѣтописи съ извѣстиями изъ начальной Новгородской, такъ что нѣсто, начинающееся послѣ словъ: «обладающе ими,» и оканчивающееся словами: «И иде на Овѣтополькѣ; слышавъ же Овѣтополькѣ идуща Ярослава, пристрой безъ числа вои, Руси и Печенѣгъ, и иде противу Любчу, онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обѣ оу» — можно считать вставкою изъ Новгородской лѣтописи; во-первыхъ потому, что это нѣсто содержитъ извѣстіе собственно о Новгородскомъ событіи; во-вторыхъ потому, что въ рассказъ надъ слѣдующимъ годомъ опять повторяется: «И иде Ярославъ, и стагна противу обѣ полъ Днѣпра».

Между извѣстіями о княженіи Ярослава, подъ 1034 годомъ, въ рассказѣ о началѣ Кіевского монастыря, встрѣчаемъ первое указаніе на автора извѣстій, на время его жизни: «Феодосіеви же живущю въ монастыри, и правящю добродетельное житіе и чернечское правило, и приймащю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженія моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зовется Печерскій; а ѿ Феодосіеви житія пакы скажемъ.» Подъ 1064 годомъ встрѣчаемъ новое указаніе, что съ XI-го вѣка извѣстія записаны очевидцемъ событій, тогда какъ прежде повсюду встрѣчаемъ явные слѣды устныхъ преданій²⁰⁷. Рассказывая, между прочими дурными предвѣщаніями, что рыбаки вытащили изъ рѣки Сѣтомли урода, лѣтописецъ прибавляетъ: «его же позоровахомъ до вечера.» — Такимъ образомъ во второй половинѣ XI-го вѣка открываемъ мы слѣды автора извѣстій начальной Кіевской лѣтописи, какъ въ томъ же вѣкѣ, но ранѣе, открыли слѣдъ составителя начальной Новгородской лѣтописи.

Съ этихъ поръ, какъ ясно обозначился очевидецъ при записываніи событій, встрѣчаемъ и числовыя показанія событій, на-

ар., подъ 1000 годовъ: «Придеша Половци первое на Русскую землю послать, Всеволодъ же киде противу ихъ, мѣсана есрѣни въ 2 день». Этого придеши яв не встречаемъ при описаніи снѣжкѣ важныхъ событій, кромѣ дна кончить княжескихъ, и те шившая съ христіанскаго времени. Что съ этихъ поръ лѣтописецъ есть очевидецъ или современникъ событій, доказывается подробностями, которые легко отличить отъ подробностей предыдущихъ народныхъ сказаній: легко познать, какого рода подробности въ сказаніи о поети Ольгиной, напримеръ, и какого рода подробности въ известіи о побѣдѣ Половцовъ въ 1067 году и ея свидѣніяхъ. Мы видали, что подъ 1051 годовъ лѣтописецъ обещалъ описать сказаніе о житіи св. Феодосія, «а о Феодосіевѣ житіи ныкъ сламомъ:» теперь подъ 1074 годовъ, по случаю известія о смерти св. Феодосія, лѣтописецъ действительно сообщаетъ свидѣнія о его житіи: намъ онъ преводилъ поеть, какъ училъ братію постытѣся, о вѣствующемъ состояніи монастыря при Феодосіи, о томъ, какъ братія жила въ любви, какъ меньшіе поварались старшинѣ, не смѣя предъ ними говорить, что яже знаменено съ цѣлю покарать противоземлюность такого поведенія съ событіемъ, случившимся по смерти Феодосія, относительно игумена Степана, — о великихъ подвижникахъ, какіе были при Феодосіи, и обращеніи съ ними послѣдняго, о Даміанѣ чудотворцѣ и другихъ; здѣсь, въ разказѣ о жизни св. Исакія, встречаемъ слѣдующія слова: «И нѣа многа повѣдаю о немъ, а другое и самовидцѣ быхъ». Подъ 1091 годовъ встречаемъ разказъ объ открытіи мощей св. Феодосія, въ которомъ повѣствователь гово ритъ о себѣ, какъ о главномъ дѣйствителѣ, и въ заключеніи называетъ себя рабомъ и ученикомъ Феодосія. Подъ 1093 годовъ, въ благочестивомъ размышленіи о Божіихъ наказаніяхъ, встречаемъ слова. «Се бо азъ грѣшникъ и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни». Подъ 1096, въ разказѣ о нашествіи Половцовъ на Печерскій монастырь, читаемъ: «И придеша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ во великѣмъ починающимъ по заутренн... намъ же бѣжанимъ задомъ монастыря». Подъ тѣмъ же годовъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ называемомъ Лавровтѣевскомъ, находится позднѣйшая вставка поученія Мономаха къ дѣтямъ, пропущеннаго съ писмомъ его къ Олегу Святославичу; встав-

ка достоящая, потому что названный епископомъ летописецъ современникъ Мономаха, вероятно могъ имѣть въ рукахъ оба эти памятника и сопоставить ихъ въ своемъ изложении, но не могъ сопоставить ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ исходятъ къ г. Доростъевскому свиску, ибо здѣсь они вставлены между излаганіями, которыя не могутъ быть раздѣлены, а именно: описаніи пошестью Половцевъ, летописецъ начинаетъ говорить о происхожденіи рязнѣкь варяжскихъ дарадавъ: «а Имямазъ родъ 12 сына, отъ нихъ же суть Торимени, и Носотван, и Торли, и Кумали, рязнѣ Половци, иже исходятъ отъ пустынь, и по свиску 8 колѣнь къ кончине свѣка вандуть, заключеніи въ гора Алкокси-дромъ Македонскимъ, нечестия челоуки». За этимъ непосредственно долженъ слѣдовать рассказъ летописца о мѣдахъ, заклученныхъ въ гору, о которыхъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гирата Боговина, тогда какъ между этими рассказами и послѣдними приведенными словами: «счастіе челоукамъ» вставлено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу. Но здесь неостанавливаетъ еще одно обстоятельство: покончивши рассказъ о войнѣ Мстислава Владиміровича Новгородскаго съ дядею Олегомъ Свиродлавичемъ: «И нося къ Омгори (Мстиславъ), глагола: не бѣгай никаже, но поиди къ брату олею съ мечемъ, не динати ти Русьскыя земли; и азъ поидамъ къ олю мѣдѣмъ о вобѣ. Олегъ же обшачася тако отвориши,» — летописецъ прибавляетъ: «Мстиславъ же възвративое вонати Суждалю, оттуду воемъ Новгороду въ свой градъ, молитвами предоданаго епископа Нимиты.» Странно, что Кіевскій летописецъ сдѣлалъ эту прибавку; тогда какъ мы знаемъ обычай Новгородскаго летописца приписывать успѣхъ дѣла молитвамъ современнаго событію владыки, напр., подъ 1169 г.: «И къ вечеру побѣди а Князь Романъ съ Новгородци смелою крестною и св. Богородицы и молитвами благоувернаго владыки Иліѣ.» Можно возразить однако, что упомянутый здѣсь владыка Нимита былъ знаменитый своею святостію икоу: Кіевонечерскій; это и можно побудить Кіевского летописца, ижека Печерскаго монастыря, приписать побѣду Мстислава молитвамъ св. Нимиты; но съ другой стороны, трудно предположить, чтобъ это событіе не было подробно рассказано въ Новгородской летописи, когда преданіе о славной войнѣ Мстислава и Новгородцевъ съ Олегомъ пере-

даше: «...раде-де-доть-азь Новгородъ: въ 1246 году Новгородъ, поспешителъ, какъ-ахъ-вранкъ-блжше на Куляши. Ка-
 раше, праше-заше, оуднѣ этого разсказа отъ остальныхъ
 дѣл. Новгородской летописи: идиши и подъ означены въ концѣ²⁰⁰.
 «Наша-сладушнши 1097 годонъ встрѣаеиъ вставочный раз-
 сазъ-объ-осажденіи Василька. Нашли²⁰¹, что слога этого раз-
 сазъ-авторично-отличаетъ отъ слога цѣлой летописи, въ ко-
 торой не замѣчается выраженій, подобныхъ слѣдующему, напр.,
 «блжши-же-раздѣлиши на три доли, и обина Угры аки въ
 дѣ, аки-и-саколь-обиваетъ-галиць»; замѣтили, что подобныя
 выраженія-проситъ въ Слово о Полку Игореву; но они проситъ
 дѣль-его-сочиненіе, а въ Волинскую летопись, которая имено
 дѣлается подобнымъ слогомъ, в которой первая часть, до смер-
 ти Рюрика Волынского, не дошла до насъ, кромѣ этого отрывка
 объ-осажденіи Василька; это происшествіе собственно Волы-
 нское, дѣлается важнымъ дѣліеиъ преимущественно на судьбу Во-
 лыни, и потому должноствованіе бытъ въ подробности описано
 зрѣ-де; летописецъ, составлявшій свою летопись въ Кіевѣ, не
 могъ-надѣсятъ: «И по-ту-ночь-ведоша-и-Бѣлгороду, иже-градъ
 лязъ у Кіева-яко-10-верстъ-въ-дале.» Авторъ сказанія являетъ
 себя дѣл-авторичнымъ-лицомъ въ разсказѣ, открываетъ свое имя,
 праше-длова-днши-Давида-Игоревича, который называетъ его
 зрѣиом-кнзю-Василька. Вставка этого мѣста изъ Волинской
 летописи-авторична, еще потому, что послѣ него опять повторя-
 ютъ-вранчія-идѣстія-по-порядку-годовъ, изъ-летописи, въ-ко-
 торую-вставленъ-упомннутый-разсказъ-о-Василькѣ. Подъ 1106
 годомъ-дѣлаетъ: «Преставися Янъ, старецъ добрый, живъ-лѣтъ
 90, въ-старостѣ-мощннъ; живѣ-по-закону-Божью, не-хужій-бѣ
 враннхъ-праведнннъ, отъ-него-же-и-азъ-много-словеса-слы-
 шалъ, о-же-и-внсахъ-въ-летописавнн-семъ-отъ-него-же-слы-
 шалъ.» Наконецъ-послѣ-1140-года-встрѣаеиъ-слѣдующую-при-
 писку: «Другменъ-Самвостръ-святаго-Михаила-написалъ-книги
 си-летописецъ, надѣся-отъ-Бога-милость-пріати, при-кнзѣ-Во-
 лыммери, княжаню-ему-Кіевѣ, а-мнѣ-въ-то-время-игуменацю
 у-святаго-Михаила, въ-6624, идишкѣ-9-лѣта; а-иже-четь-книги
 си, та-будн-ми-въ-молитвахъ.» — Такимъ-образомъ-въ-началѣ
 XII-вѣка-мы-встрѣаеиъ-ясное-свидѣтельство-объ-известномъ
 Самвострѣ-Видубецкомъ, который-говоритъ-о-себѣ, что-онъ

написалъ лѣтописецъ. Возрастъ этого Сильвестра несколько не пречатствовалъ бы признать его перышъ соотвѣствующимъ лѣтописной Киевской лѣтописи, отнести къ нему крестовіе годъ 1064 годомъ; будучи ребенкомъ, лѣтъ 7, онъ могъ ходить смотрѣть урода, вытасеннаго рыбаками, и случай этотъ могъ сохраниться живо въ его памяти. Но есть преданіе, которое принимается за составленіе древней Киевской лѣтописи вѣкомъ Киево-печерскаго монастыря, преподобному Нестору; въ пользу этого преданія свидѣлствуютъ сама притиска Сильвестра, ибо на ея основаніи гораздо естественнѣе было бы объявить Сильвестра лѣтописцемъ, а не предполагать другаго, Нестора; известіе подъ 1064 годомъ можетъ относиться столько же и къ Нестору, сколько и къ Сильвестру; но за то нѣста встрѣченныя нами въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ, о кончинѣ Феодосія, объ открытіи мощей его, о нападеніи Половцевъ на монастырь прямо свидѣлствуютъ о лѣтописцѣ—инокѣ Киевопечерскаго монастыря. Для соглашенія известій о Несторѣ лѣтописцѣ съ свидѣтельствомъ Сильвестра, написаннаго въ 1116 году лѣтописецъ, предполагаютъ, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи. Въ 1116 году Сильвестръ могъ переписать лѣтопись, оконченную въ 1110 году, и продолжать записываніе событій дальнѣйшихъ годовъ²⁴⁰. Но относительно Нестора являются новыя возраженія: упоминаютъ на поразительныя разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ сказаніемъ о убійствѣ Бориса и Глѣба, и известіями, помѣщенными въ лѣтописи, на разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ житіемъ св. Феодосія и тѣмъ известіемъ о св. Феодосіи и объ авторѣ житія его, какія находятся въ лѣтописи. Такъ какъ безъ крайнихъ натяжекъ нѣтъ возможности согласить эти разнорѣчія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась большому измѣненіямъ и дополненіямъ, или что не Несторъ, а другой кто либо составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись²⁴¹. Но для насъ нѣтъ еще рѣшительныхъ доказательствъ, которыя могли бы заставить предпочесть второе положеніе первому. Для насъ важно то, что со второй половины XI вѣка въ Киевѣ мы замѣчаемъ ясныя признаки лѣтописца—очевидна событій, что еще прежде открываемъ сады Новгородскаго лѣто-

Сказано, что в конце 12-го века отприслали известія, обличающія Владиміра лютинскаго, что докладѣ до насъ списки Владиміра лютинскаго представляютъ сборники, составленные изъ Владиміра, Новгородской и Волынской лютинской, что, по свидѣтельству Владимірскаго епископа Симона въ посланіи его къ папѣ Понтиферу, существовала еще старая лютинская Ростовская; въ которой нельзя было найти имени воишь свидѣтелей, принадлежавшихъ къ монахамъ Киевопечерскимъ, что древнѣшіе списки лютинской лютинской представляютъ лютинскую содржанную, поименованія которой должно искать въ известіяхъ, содержащихся въ недржавныхъ спискахъ, напримѣръ, въ Никоновскомъ и другихъ; известія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, но именуемы недржавными составителями лютинской; выраженія въ родѣ такихъ: «это известіе Никоновскаго епископа выдумано, потому что его нѣтъ въ харатейномъ Нестора» — не имѣютъ большаго смысла въ наукѣ; тотъ же самый выводъ должно распространять и на известія, находящіяся въ Татищевскомъ свѣдѣніи лютинской, ибо противъ ихъ достоверности употреблена то же самое выраженіе: выдумано, потому что этого нѣтъ въ древнѣшихъ спискахъ.

Послѣ приписки Сильвестра и древнѣшіе списки больше или меньше расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ. Все они отличаются въ себѣ лютинскую общую всероссійскую, или лучше сказать; княжескую лютинскую, ибо главное, почти исключительное содержаніе ея составляютъ отношенія Рюрика княжескаго рода; но и въ лютинской XII-го и начала XIII-го века, такъ въ разсмотрѣнной лютинской XI-го века, въ некоторыхъ известіяхъ, легко замѣтить, что они принадлежатъ то Киевопечерскому, то Черниговскому, то Полоцкому, то Суздальскому лютинскому; въ концѣ же XII-го века известія Киевскаго лютинскаго постепенно прекращаются, и у насъ остаются двѣ лютинскія, одна, какъ написанная на Волыни, а другая на северѣ, въ Суздальской землѣ; впрочемъ еще прежде, съ постепеннаго отдѣленія северной Руси отъ южной, съ княженія Всеволода III-го, замѣчательны и постепенное, такъ сказать сплошное отдѣленіе северной лютинской отъ южной²⁴². Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ лютинской событій XII-го века, въ которыхъ опять видимъ ясныя признаки лютинскаго — очевидца, современника событій, или при-

знаки истинных летописей. Подъ 1114 годомъ въ Новгородскомъ списке читася: «Въ се же лето Мстиславъ заложилъ Новгородъ болю первого. Въ се же лето заложена бысть Ладога каменіемъ на кристѣ, Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Приидиши ми въ Ладогу, повѣдана ми Ладожане: яко сѣдѣсти, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глаза стеклянны, и малы и великии, проворотани, а другіе подѣ Вѣлховѣ берутъ, емо выполоскиваетъ вода, отъ нихъ же взехъ болѣста; суть же различни. Сему же ми оя дивляше, рекоща ми: се же дивно; и еще мужи старіи ходиша за Югру и за Самоудъ, яко видѣше сами на полунощныхъ странахъ, оуде туче, и въ той тучи оуде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастши и расходятся по землѣ, и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней, и възрастаетъ и расходятся по землѣ. Сему же ми естъ дослухъ посадникъ Павелъ Ладожскій и всѣ Ладожане.» Здѣсь ясно, что летописецъ былъ современникъ постройки каменной крѣпости въ Ладогѣ, ибо имѣлъ разговоръ съ посадникомъ Павломъ, ее построившимъ; но откуда родомъ былъ этотъ летописецъ, гдѣ писалъ, изъ какой летописи это извѣстіе занесено въ Ипатьевскій списокъ—этого рѣшить нельзя; замѣтимъ, что въ Новгородской летописи заложене Ладожской крѣпости помѣщено двумя годами позднѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ списке.—Подъ 1151 годомъ: «И рече (Изяславъ Мстиславичъ) слово то, ако же и переже слышахомъ: не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.» Очевиденъ современникъ событій и человекъ, имѣвшій случай разговаривать съ княземъ. Подъ 1161 годомъ: «Бысть брань крѣдца... и тако страшно бѣ зрѣти яко второму врѣществу быти.» Подъ 1174 годомъ: «На утрѣ же въ субботу поидехомъ съ Володимиромъ изъ Вышегорода.» Подъ 1187 годомъ: «И на ту осень бысть зима зла велика, тако же въ нашу память не бывало николи же.» Подъ 1199 годомъ, въ рассказѣ о построеніи стѣны у Выдубецкаго монастыря: «Въ тое же время благоволи Богъ... и вдохнувъ мысль благу во богопріятное сердце Великому князю Рюрикowi... тѣ же съ радостію приимъ, акы благодный рабъ вѣрный, потщася немедленно сугубити дѣломъ... Но о Христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашей грубости писаніе приимъ, акы даръ словесенъ на похвалене добродѣтелей.» Здѣсь очевиденъ

и востранешныя событія и меназъ. Выдубовскаго монастыря; но первая рѣчь принадлежитъ ли ему и записанію, предмудрыхъ событій, или разсказъ о востранешныхъ событіяхъ отъ дальнѣйшей замѣтки, и вставленъ въ лѣтопись какъ замѣчательное риторическое произведеніе. Есть предетіе, изъ котораго можно вывести отрицательно, что лѣтописецъ не принадлежалъ къ братіи Киевопечерскаго монастыря: въ Лавр. спискѣ подъ 1128: «Дрешиа церковь Дмитрія Печерниа, и марконоша ю Петра, съ архомъ великимъ и направо.»

Разность лѣтописцевъ — одного Черниговскаго, а другаго Киевскаго или, по древней мѣрѣ, принадлежащаго къ сторонѣ Монашеской, видна въ разсказѣ объ изгнаніи Ольговичей изъ Киева и вступленіи туда Изяслава Мстиславича подъ 1146 году въ Инатлевскомъ спискѣ: сначала намѣренію изгнать Ольговича называється постоянно совѣтомъ злымъ, вложеннымъ отъ дьявола; а потомъ говорится о томъ же самомъ событіи, т. е. объ изгнаніи Ольговича и торжествѣ Изяслава Мстиславича: «Са же естъ десобіемъ Божиимъ, и силою Честнаго Хреста, и заступленіемъ Св. Михаила, и молитвами Св. Богородици.» Потомъ опять слышеть голосъ другаго, вѣрнаго лѣтописца, упоминающаго Давыдовичей: за то, что они не хотѣли возвать съ Мстиславичемъ, огневивать свободу Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): «Лукавий и пронырливый дьяволъ, не хотѣй добра межи братьемъ, хотѣй приложити зло къ злу, и даюжа имъ (Давыдовичамъ) мысль не выскати брата Игоря, ни поидуты отомства и о хрестѣ утверженіа, ни божественнаго любве, акоже бѣ лѣво жити брати единомыслено унутъ, блудити отечества своего.» По всему видно, что лѣтописецъ стоялъ за Ольговичей; Киевскій лѣтописецъ не могъ бы принимать такого дерзкаго участія въ дѣлахъ Святослава Ольговича, не могъ бы, говоря о приходѣ союзниковъ къ послѣднему, выразиться, что это случилось Божиимъ милосердіемъ; не могъ сказать, что Святославъ Божиимъ милосердіемъ погналъ Изяслава Давыдовича, и бывшую съ нимъ Киевскую дружину; слышеть изъ словъ разныхъ лѣтописей въ этомъ разсказѣ одна; лѣтописецъ Ольговича говоритъ о несприличныхъ словахъ Изяслава Давыдовича, о дождѣ его на Святослава Ольговича, о ранихъ: лѣтописецъ Святослава и любвеи подъ архомъ — все дѣло кончить

не переставать думать о томъ же самомъ происшествіи новымъ раз-
 сномъ, очевидно Киевскаго летописца: «Издася Мстиславъ
 и Володимиръ Давыдовичъ послаша брата своего Изяслава и
 Шварона, а сами не жель адоста.» Ясно также, что первое
 извѣстіе о Москвѣ принадлежитъ не Киевокому летописцу,
 Черниговскому или Сѣверскому, который такъ герцо держитъ
 сторону Святослава Ольговича и знаетъ о его донжонихъ та-
 кія подробности; Киевскаго летописца, являющагося враждебнаго Ол-
 говичамъ, не могли занимать и даже не могли быть ему извѣст-
 ны подробности нирова, которые давалъ Юрій Суздальскій Свя-
 тославу, не могла занимать смерть Сѣверскаго боярина, добраго
 старца Петра Ильича ²⁴². Рассказъ подъ 1150 годомъ въ Ипать-
 евскомъ спискѣ о Полоцкихъ происшествіяхъ, по своимъ под-
 робностямъ и видѣть отрывочности, ибо вообще летописи
 очень скудна относительно Полоцкихъ событій, облачаетъ
 вставку изъ Полоцкаго летописца. Примѣты сѣвернаго, Суздальскаго
 летописца также ясны; напр., рассказъ о переходѣ Ростис-
 лава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича въ Лавренті-
 евскомъ спискѣ отличается отъ рассказа о томъ же событіи въ
 Ипатьевскомъ: въ первомъ нестунюкъ Ростислава выставляется
 съ хорошей стороны, ни слова не упомянуто о ссорѣ его съ от-
 цемъ; первый очевидно принадлежитъ Суздальскому летописцу
 второй Киевскому. Различенъ рассказъ сѣвернаго и южнаго лѣ-
 тописца о походѣ Изяслава Мстиславича на Ростовскую об-
 ласть; о мирѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году, объ епископѣ
 Леошѣ и князѣ Андрѣ; объ отношеніяхъ Ростиславичей къ Ан-
 дрею Боголюбскому; въ описаніи похода рати Андреевой на Нов-
 городъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ читается: «Новгородцы же
 затворившася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бяхуться
 крѣпко съ города, и мнози избива отъ нашихъ,» очевидно
 Суздальскій летописецъ; но и въ Ипатьевскомъ спискѣ встав-
 лено также Суздальское сказаніе, ибо и здѣсь читаемъ: «се же
 бить за наша грѣхи.» Объ убійствѣ Андрѣ Боголюбскаго въ
 обоихъ спискахъ вставлено Суздальское сказаніе съ варианта-
 ми; но въ Лаврентіевскомъ между прочимъ попадаются слѣду-
 ющія слова въ обращеніи къ Андрею: «молися поминovati кня-
 зя нашего и господина Всеволода, своего же приющаго брата» —
 явное указаніе на время и мѣсто написанія редакціи. Рассказъ

смерти Андрюши принадлежатъ описаніе смерти
 князя великаго Владимирову любушину: «отрѣченъ есмь
 отъ Ростома слушавши словъ людей своихъ хотѣвшихъ не
 быти, занемлю граду сѣну.» Подъ 1160 описанъ Владимир-
 оублаженскій, або въ рассказъ о войнѣ Всеволода III съ Ра-
 стиславомъ, употреблено выраженіе: «наши сторожи, наши по-
 шари.» Подъ 1185 г. въ рассказъ о постыженіи Евлевона Луки,
 «привозитъ обращаетъ къ нему съ такими словами: «Милостивое
 сердце твое отадо, за люди хрестьянскыя, за князи и за
 епископы Ростомаку;» отсюда ясно также, что писано это уже по
 смерти епископа Луки. Подъ тѣмъ же годомъ любонитовъ въ
 Дмитревскомъ списокѣ рассказъ о подвигахъ князя Пересла-
 вича великаго, Владиміра Глубочича, рассказъ, обличающій съ-
 вѣрнаго лѣтописца, приверженнаго къ племени Юрія Долгору-
 бича: у Суздальскаго лѣтописца вся честь победы надъ Полов-
 чами приписана Владиміру Глубочичу; у Кіевского дѣло расска-
 зано иначе. Любонитовъ также разогласилъ въ рассказѣ Суз-
 дальскаго (Давр. спис.) и Кіевского (Ипатьев. спис.) лѣтопи-
 сцевъ о войнѣ Всеволода III и Рюрика Ростиславича съ Ольго-
 дружи: Суздальскій во всемъ оправдываетъ Всеволода, Кіевскій
 Рюрика. Подъ 1227 годомъ читаемъ: «Постыженъ бысть епи-
 скопъ Митрофанъ въ богохранимѣмъ градѣ Володимирѣ, въ
 святей святей Богородици, Оумдалю и Володимирѣ, Пересла-
 вича, сунуо ту благородному князю Гюргю и съ дѣтии сво-
 ими, и братома его Святославу, Іосну, и всеми бодромъ и ино-
 вѣтцѣмъ народа; приключи и мѣи грѣшному ту быти.»
 Мы знаемъ, что лѣтописецъ, известный подъ именемъ Несторо-
 вой съ предѣлителями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до
 насъ, есть лѣтописецъ всероссійскій; ей, по содержанию, противо-
 рѣчны лѣтописцы мѣстные: Волынскія и Новгородскія. Мы
 признаемъ связаніе Василія объ ослѣвленіи князя Василія Гере-
 бинскаго за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи;
 вѣроятъ не дошла до насъ, дошла вторая половина, начинающая-
 ся съ 1204 года, съ заглавіемъ: «Начало княженія Великаго
 князя Романа, самодержца быша всей Руской земли; князи Ге-
 рибинскы;» по вѣсто того, тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ:
 «о смерти же великаго князя Романа,» послѣ чего слѣдуетъ
 описаніе этой князи, описаніе его съ Мономахомъ; потѣмъ съ

1202 года называется резань о сирѣтѣхъ, вѣрскоднѣшии
 во смерти Романа. Притѣту лѣтописца совершенною ослѣпид
 событій, можно отыскать подъ 1226 годомъ въ разсказѣ о бори
 ба Мстислава Торопецкаго съ Венграми: «Мстиславъ же вѣдѣ
 хавъ прѣтѣву съ полки, вѣдѣмъ же поворезавшимъ насъ, вѣдѣ
 ша Угре въ ставы своя.»—Начальной Новгородской лѣтописи
 не дошло до насъ въ чистотѣ; въ извѣстныхъ имъ спискахъ не
 вѣдѣтѣ изъ нея находится уже въ смѣщеніи съ начальною Кіев
 свою лѣтописью: въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ Синодаль
 номъ спискѣ не достаеъ первыхъ пятнадцати тетрадей. Друго
 списокъ, такъ называемыя Толстовскій, начинается любецки
 имъ мѣстомъ, очевидно принадлежащимъ позднѣйшему соста
 вителю, соединявшему Новгородскую начальную лѣтопись с
 Кіевскою: «Временникъ, еже нарицаеъ лѣтописанію князей
 земля Рускія, како избра Богъ страну нашу на послѣднее вре
 мя, и грады почаша (бывати) по мѣстамъ, прѣже Новгородска
 волость и потомъ Кіевская, и о поставленіи Кіева, како во им
 (Кіа?) назваеъ Кіевъ. Якоже древле царь Римъ, именовася во им
 его градъ Римъ, и наки Антиохъ, и бысть Антиохія, и наки Се
 левъ, бысть Селевкия, и наки Александръ, бысть Александрі
 во имя его. И не многа мѣста тако прозвани быша грады ти и
 имена царевъ тѣхъ и князь тѣхъ. Яко въ нашей странѣ прозванъ
 бысть градъ великій Кіевъ во имя Кіа, его же древле нарицають
 перевозника бывша, инѣ же яко и ловы дѣяша около града сво
 его. Великъ бо естъ промыслъ Божій, еже яви въ послѣдняя вре
 мена! Куда же древле погани жриху бѣсомъ на горахъ, туда же
 нынѣ церкви святыя стоятъ златоверхія каменозданныя, и моча
 стьрелеисполнени черноризцевъ, безпрестанно славящихъ Бог
 въ молитвахъ и въ бдѣніи, въ постѣ, въ слезахъ, и жже ради ме
 лѣтвѣ мѣръ стоитъ: Аще бы кто къ святымъ прибѣгаетъ церквамъ
 тѣмъ велику пользу приметь, души же и тѣлу. Мы же на послѣд
 нее возвратимся. О началѣ Русьскыя земля и о князехъ
 како и откуда быша.» За этимъ слѣдуетъ не разъ приведен
 ное мѣсто о древнихъ князяхъ и дружинѣ съ увѣщаніемъ со
 врекнѣнникамъ подражать имъ: «Васъ молю, стадо Христово, е
 любемъ, прилежанте умеса ваша разумно; како быша древн
 князи и мужи ихъ и проч.» Здѣсь можно предположить, что перво
 заглавіе: «Временникъ, еже нарицаеъ лѣтописаніе князей»

«...и Русіи» — а следующее за нимъ разсужденіе о источнѣ: го-
 рднѣ принадлежить воздѣланному соображенію; а второе за-
 дача: «О началѣ Русьской земли и о князяхъ» — съ разсужде-
 ній сарматскихъ князьяхъ взято нѣтъ ли изъ древнѣйшаго лѣтопи-
 сѣ — каково, Новгородскаго или Кіевскаго — рѣшить трудно.
 Исходное о древнихъ князьяхъ и боярахъ сводится къ: «...
 Младостѣ, брѣгнѣ возлюбленная моя, оставиши отъ величїя твое-
 гора: доводи будите уроки вашнии. Дно и Паволъ явнеть;
 нрво днѣ, то днѣ, ему же урокъ, то урокъ; ни кому же до-
 днѣ творнше, мнѣстнншо пѣвтуше, страннѣлюбнше въ страсѣ
 брннѣ и правотрнн свое спасеніе создвннше, да и адѣ добре
 дннншѣ, и тамѣ вѣчнѣй жизни причастнншн будемѣ. Семе тѣ
 нннн. Мнѣ же отъ начала Русьской земли до сего лѣта и всѣ
 верду явннтно до скажемѣ, отъ Михаїла Царя до Алѣксандра
 Мнѣстннн.» — Выше было указано на принѣту перваго лѣтописца
 Новгородскаго, учоника Еремѣева; принѣту другаго пооднѣ-
 ннше составннша нашеднѣмѣ подѣ годѣмѣ 1144: «Въ томѣ лѣто
 писанн на пономѣ архїепископѣ Свнѣтѣй Ннѣонѣтѣ.»

Въ связи съ вопросомъ о Новгородской лѣтописи находится
 вопросъ о такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, упоминаемой
 въ первомъ томѣ Исторїи Россійской Татищева. Нѣтъ сомнѣнїя,
 что составитель ея пользовался начальной Новгородскою лѣто-
 писью, которая не дошла до насъ, и которую онъ приписываетъ
 имени Новгородскому епископу Іоакиму — на каковъ осно-
 ванїи, рѣшить нельзя; быть можетъ онъ основался только на слѣ-
 дующемъ мѣстѣ разсказа о крещенїи Новгородцевъ: «Мыже сто-
 ямѣ на торговой странѣ, ходимѣ по торжищамѣ и улицамѣ,
 рнхѣмѣ люди слнѣе мѣжахѣмѣ»²⁴⁴.

Исследовавши составъ нашихъ лѣтописей въ томъ видѣ, въ
 которомъ онѣ дошли до насъ, скажемъ нѣсколько словъ объ об-
 щемъ ихъ характерѣ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особеннос-
 тяхъ. Лѣтописѣ вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятель-
 ство, разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея
 характеръ. Лѣтописецъ — духовное лице ищетъ въ описывае-
 мыхъ имъ событїяхъ религіозно-нравственнаго смысла, пред-
 лагаетъ читателямъ свой трудъ какъ религіозно-нравственное
 поученїе: отсюда высокое религіозное значенїе этого труда въ
 глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его;

Сильвестръ въ своей притиски говорить, что онъ написалъ лѣтописецъ; надѣясь принять милость отъ Бога, следовательно написаніе лѣтописи оказалось подвигомъ религиознымъ, угоднымъ Богу. Говоря въ началѣ о событіяхъ древней исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, повѣдующихъ закономъ Божіимъ, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только въ разсказѣ объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія; непослушаніе язычника Святослава святой матери подаетъ поводъ къ тому поводу: «Онъ же не послушалъ матери, творяще пороки поганскіе, не ведая, аще кто матере не послушаетъ, въ бѣду упадесть; яко же рече: аще кто отцу или матери не послушаетъ, смертюдю умреть.» Такимъ образомъ бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ ея непослушанія матери. Смерть св. Ольги доставляетъ поводъ и другому размышленію о славѣ и блаженствѣ праведниковъ. При томъ же встречаемъ благочестивыхъ размышленій до разсказа предательства Влуда: «О злая лѣсть человѣчская! Се есть съвѣтъ зель, шие свещеваютъ на кровопролитыя; то суть неустовѣныше прѣшше отъ князи или отъ господина своего четь, ли дарти мыслитъ о гавѣ князя своего на погубленье, горьше суть бысовѣ таковыи.» Олѣгополкъ Окаянный съ самаго разсказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: «Отъ грѣховнаго бо корени зель плодъ бываетъ.» Противоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанина также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ Владиміровъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости дьявола, который не предвидѣлъ скорого торжества истинной вѣры. При извѣстіи о началѣ книжнаго ученія лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: «Сякъ ли разданномъ²⁴⁶ на ученю книгамъ, събысться пророчество на Русь ствѣи земли, глаголющее: во оны днѣи услышать глусіи словеса книжна, и асенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Се бо не бѣша предсказана словеса книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, яко же рече Пророкъ: помилую, егоже аще помилую,» и преч. За извѣстіемъ о смерти Владиміра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во вре-

...Владимира, да бже еще прѣтвѣтъ: въ лнху спл-
 «Давно же есть се, велико добра створилъ Русьскій зем-
 прѣствѣ ю. Мы же крестыне суще, не владѣемъ почести
 оного вѣзданы. Аще бы онъ не креститъ бы насъ, то
 были быхомъ къ предѣси дьяволу, а не же и пророчески
 догинути. Да аще быхомъ итѣи потданы и молбы прѣ-
 Богу закъ, въ день преставленья его, и вѣда бы Богъ
 даже къ нему, пресладалъ бы и: намъ бо достати закъ
 полнѣ, понеже тѣмъ Бога незнаемъ.» Мы уже прѣжде
 о похвалѣ князюму учюю, акасиной въ лѣтописи
 о роду князѣстїа о реалности князя Ярослава къ нему.

По смерти Ярослава, даянїа, стояща на первомъ планѣ въ
 дѣлѣхъ, суть отношенїа княжескїа, усобицы и вѣтомъ кнѣз-
 ственныхъ варваровъ, Половцевъ. Пометно, что лѣтописецъ,
 вѣстѣ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное
 и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ
 на усобицу какъ на слѣдствїе дьявольскаго внушенїа, и кнѣз-
 ственныя вноуменїа, пораженїа отъ нихъ суть наказанїа Бо-
 да грѣхъ усобицы: «Наводитъ бо Богъ во гнѣву своему вно-
 уменїа на землю, и тако сиромашниимъ имъ вѣтомашнїи къ
 Богу; усобная же рать бызаетъ отъ соблазна дьявола» 221.
 Видѣтъ, какъ часто князѣа преступали клятвы, давши другъ
 другу, отъ чего и происходили усобицы; по двумъ основанїямъ,
 политическому и политическому, лѣтописецъ долженъ былъ сильно
 бороться противъ клятвенныхъ преступленїй, которыя вѣстѣ были
 преступленїями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣло-
 ванїемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу Полов-
 цю и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всеслава въ
 тюрьму. Но Всеславъ освободился изъ заключенїа въ слѣдствїе
 дѣланїа Изяслава; по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: «Се
 де Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловалъ крестъ,
 ади (Всеслава); тѣмъ же наведе Богъ поганїа, сего же изъ набави
 крестъ честный, въ день бо Вѣздвїженья Всеславъ вздохнувъ
 даде: «о кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, забави мѣ
 изъ рѣа сего.» Богъ же показа силу крестную на показанье зем-
 лѣ Русьскїй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловаше
 да; аще ли преступитъ кто, то и здѣ приметь казнь, и на при-
 дучемъ вѣцѣ казнь вѣчную.»—Начало усобицы между Яросла-

защити, почитаю Исаю и вольными братьями, преступлений
 виновды отцовской, даетъ случай лѣтописцу сказать грозное
 слово: «Въздвигна дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ...
 Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо ис-
 перва преступина сынове Хамове на землю Сиеову, и по 400
 лѣтъ отмщенье пріяша отъ Бога; отъ племени бо Сиеова суть
 Еврѣи, же избивше Хананѣйско племя, восприяша свои жребии и
 свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія
 убійство; не добро бо есть преступати предѣла чужего». Смерть
 Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу
 случай распространиться въ похвалу братолюбію: «По истинѣ аще
 что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семь етеро согрѣшенъ,
 отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не же-
 лая большее волости, ни имѣнья хотя болаша, но за братню обиду».
 Говоря о мести Василья Теробовльскаго, сперва на невинныхъ
 жителяхъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Иго-
 ревича, лѣтописецъ прибавляетъ: «Се же второе ищенье створи-
 его же не бише лѣпо створити, дабы Богъ отмстникъ былъ, и
 възложить было на Бога ищенье свое. «Въ разсказѣ о борьбахъ и
 счетахъ книжескихъ лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ
 младшихъ: никогда не находимъ оправданія послѣднимъ, не разъ
 находимъ упрекъ имъ; такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается про-
 тивъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя;
 на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками,
 лѣтописецъ прибавляетъ: «Богу наказавшю книзей креста чест-
 наго не преступати и старѣйшаго брата чтити». Мы видѣли, что
 по привязанности лѣтописца къ тому или къ другому князю можно
 опредѣлить, къ какой волости принадлежитъ лѣтописецъ; у сѣ-
 вернаго лѣтописца замѣчаемъ особенную привязанность къ сво-
 имъ князьямъ, потомкамъ Юрія Долгорукаго, особенное уваже-
 ніе ко власти, стараніе внушить къ ней уваженіе. Здѣсь видимъ
 почти постоянное величаніе князя именемъ и отчествомъ съ при-
 бавленіемъ: Великій князь, часто съ прибавленіемъ: благо-
 вѣрный, христолюбивый; здѣсь встрѣчаемъ упоминновеніе о
 семейныхъ торжествахъ князей, напримѣръ, о постригахъ, до-
 ставлявшихъ великую радость цѣлому городу. Особенно въ этомъ
 отношеніи замѣчательно описаніе отъезда князя Константина
 Всеволодовича въ Новгородъ въ 1206 году. Уваженіе ко власти,

какое открытій лѣтописецъ старается внушить, высказано лишь подъ 1175 годомъ, по поводу смерти Андрея Юрьевича; потомъ по случаю смерти Всеволода Юрьевича въ 1212 году. Записавши у сѣвернаго лѣтописца и особенную привязанность къ князьямъ своимъ. Понятно, что въ самомъ уже началѣ вступленія у сѣвернаго лѣтописца мало сочувствія къ Новгородцамъ: по случаю похода Андреевой рати въ 1169 году онъ упрекаетъ Новгородцевъ въ частомъ нарушеніи клятвъ, въ гордости, хотя и соглашается, что быть Новгородскій получилъ начало свое издавна, отъ пращуровъ княжескихъ, но никакъ не хочетъ уступить Новгородцамъ права нарушать клятвы и выгонять князей. Подъ 1186 годомъ нерасположеніе лѣтописца къ Новгородскому быту также ясно высказывается: «Въ се же лѣто выгнаша Новгородца Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мстислава поимати събѣ княжить Новугороду: такъ бо бѣ ихъ обычай». Подъ 1178 годомъ, по поводу взятія и опустошенія Торжка Всеволодомъ III, лѣтописецъ распространяется противъ клятвopреступленій: «Взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на пѣтъ и товаръ взяша, и городъ пожгоша весь за Новгородскую неправду, оже по дни цѣлуютъ крестъ честный, и преступаютъ. Тѣмже Пророкомъ глаголетъ намъ» и проч.

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно, какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: «Вистъ плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье безаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ непусти поганымъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнить ны на кажемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнушеся всномянемъся отъ злаго пути своего». Подобное разсужденіе повторяется и въ послѣдствіи. Таково же возрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: «Богъ бо казнить рабы своя многими различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казнями, хрестьянину бо многими напастями внити въ царство небесное, согрѣшихомъ, казнями есмы, яко ствоихомъ, тако и пріяхомъ, но кажетъ ны добръ Господь нашъ. Но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ Богъ; ю буди!»²⁴⁷ Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ; по свидѣтельству лѣ-

тогдѣ князь Ярополкъ Монаховичъ молился: «Господи Боже мой! приими молитву мою, и дещи ми смерть, яко же дѣлаша братома моиша Борису и Глебѣ, отъ чашы руну, яко мною грѣши вся своєю кровью». Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: «Ся же князь избрании Божій бѣ: отъ рожества и до сверщенія мужьства бѣсть ему бѣдъ зла, ея же бѣдъши просяхуть на ся святіи Ангеломъ и святіи Отца у Бога: кто бо поспраметъ бѣдъною темъ, якоже книги глаголють, тѣло его мучится, а душа его спасается. Такоже и тѣ во истину святій Святославъ, Божій угодникъ избраный въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на землѣ, но да ему царство небесное». Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказъ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мотиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей перадъ бѣгъвою: «Братья! ничтоже имете во умѣ своємъ, аще выши умерети за хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вышита кровь нашу съ мученикъ». Лѣтописецъ держится того же мнѣнія, даже относительно хрестіанскихъ воиновъ другихъ кочевъданий, наприм., крестоносцевъ²⁴⁶. Успѣхъ, забавленіе отъ опасности приписывается обыкновенно послѣ милости Божіей: молитвъ святыхъ, также молитвъ предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда, наприм., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: «И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его». Мы видѣли съ какимъ неудовольствіемъ лѣтописецъ отзывается о народныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ видны были остатки язычества.

Разсмотрѣвши религіозныя, нравственныя и политическія понятія лѣтописца, обратимся къ его понятіямъ научнымъ. Вотъ его разсужденіе о происхожденіи Половцевъ въ образцѣхъ этнографическихъ, историческихъ и географическихъ понятій: «Ишьян бо суть си отъ пустыне Нитривьские, межю востокомъ и сѣверомъ; ишьян же суть ихъ колѣнъ 4 Торкъмени и Печеръзи, Торци, Половци. Меводій же свидѣтельствуєть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣганъ суть, егда и сѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣже въ пустыню, а 4 и сѣче. Друзія же глаголють: сыны Аммоновы. Се же иѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацины отъ Ивманла творяться Сарини,

превращены или сами себя превратили, рече: Сарнии еси. Тѣмже Давидъ и Волгарь суть отъ дочери Лотова, иже зачата отъ ея своею, тѣмже нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди Исмаилъ, отъ нихъ же суть Торьмонни, и Печентзи, и Торци, и Бушани, рече: Половци, иже исходятъ отъ пустынь и по сихъ станахъ въ концы вѣка изыдутъ, заклепани въ горѣ Александръ Македоньскыи, нечистыя челоувки, якоже сказаетъ еси въ Мосодій Матарійскыи: и взиде на восточныя страны до моря, и рече: Солнце мѣсто, и видѣ ту челоувки нечистые, ея племени Асотова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядоху скверную аску, вошары и мухы, котки, змѣи, и шертвецъ не погребяху, во ядоху и жельския изворогы и скоты вся нечистыя; сѣдѣвъ Александръ убоиен, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокия; и Богу повелѣваю, ступишася о нихъ горы полунощныя, тѣмже не ступишася о нихъ горы на 12 локоть и ту створишася зрѣна вѣдѣна, и повезашася сунклитоу, и аще хотять огня зрѣти, не възмогутъ и жѣщи; вещь бо сунклитова сице есть: ащегы нежеть вѣщени его, ни жельзо его приметъ; въ послѣднемъ же днѣ по сихъ изыдутъ 8 колѣвъ отъ пустыни Етривьскыя, изыдутъ и си севернии язмы, аже суть въ горахъ полунощныхъ, повозавяю Болію». О другихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ начальнаго лѣтописца творено было выше въ своемъ мѣстѣ; теперъ же взглянемъ на основныя лѣтописца о разныхъ физическихъ явленіяхъ: каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мѣрѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1063 году шель Волховъ въ Новгородѣ наидъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году «бысть знаменье на западѣ, звѣзда прелелика, буть имущи аки кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнцѣ, и пребысть за 7 дній, се же проявляше не на добро: во семъ бо быша усобицы много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляющи кровопролитье. Въ си же времена бысть дѣтища ввержень въ Сѣчь, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же изворовахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, башеть

бо сица: на лицѣ ому срании удесе, много шелеи лависи: срании ради. Предъ симъ же временемъ и солнце прогнѣшило, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть; его же невогласи глаголютъ сица даему оущю. Се же бываетъ сица знаменья не на добро, ны бо по сему разумѣмъ». Слѣдуетъ исчисленіе необыкновенныхъ явленій, видѣнныхъ въ разныхъ странахъ, и предсказанныхъ народныи бѣдствіи; это исчисленіе лѣтоисчислѣнъ означиваетъ слѣдующими словами: «Знаменья бо въ небесахъ, или звѣздахъ, ли солнца, ли птицами, ли естеромъ чимъ, не благо бывають: по знаменья сица на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ». Подъ 1091 годомъ читаемъ: «Бысть Всеволоду лови дѣюще звѣрныи за Вышгородомъ, замостившимъ тенета и клычаномъ клыкнувшимъ, спадѣ презблинѣ змиѣ отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша». Подъ 1102: «Бысть знаменье на небеси, мѣсяца Генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы отъ луны полны свѣтѣюща. Въ тоже лѣто бысть знаменье въ лунѣ, мѣсяца Феврала въ 5-й день. Тогоже мѣсяца въ 7-й день бысть знаменье въ солнци; огородилося быше солнце въ три дуги, и быша другыя дуги хребты къ собѣ. И си видяще знаменья, благовѣрнии человекы со вѣдихашься моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро». Подъ 1104 г: «Стояше солнце въ крузѣ, а посреди круга крестъ, а спереди креста солнце, а виѣ круга оба полы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогама на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца Феврала въ 4, 5 и 6 день, въ дне по три дни, а въ ночь въ лунѣ по три ночи». Подъ 1110: «Въ 11-й день Феврала мѣсяца явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погромѣ въ часъ (1-й нощи). Подъ 1141 годомъ: «Дивно знаменье бысть на небеси и страшно: быша три солнца сіюща межи собою, а столпи 3 отъ земли до небесе, надо всѣми горѣ быше акы дуга мѣсяць особѣ стояче». Подъ 1203 годомъ: «Бысть во одну ночь, въ пятый часъ нощи, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромемъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человекомъ зраче, акы кровь прольма на снѣгу; и видѣна же

дѣла вѣщаніе вѣщаніе бысть на небеси, отторгиху бо ся звѣзды, и вѣщаніе, и вѣщаніе видѣху я яко кончину». Подъ 1186 года описаніе солнечнаго затмѣнія: «Мѣсяца Мая въ 1-й день, въ среду на четверги, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть вѣща, яко и звѣзды видѣти, человекомъ въ очю яко зелено было, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ ротъ его яко угль жаровъ нехожаше: страшно бы видѣти человекомъ знаменье Божье». Описавъ солнечное затмѣніе въ 1113 году, предвозвѣстившее по тогдашнему мнѣнію смерть Великаго князя Олговича, летописецъ прибавляетъ: «Се же бывають знаменія не на добро, бывають знаменья въ солнци и въ луиѣ или звѣздами на во всей землѣ, не въ которой либо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видѣть». Подъ 1143 годомъ читаемъ описаніе бури: «Бысть буря велика, ака же не была николиже, около Котельничъ, и розноси хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гумень, и просто рещи, яко рать взяла, и не остаея у клѣтокъ ничтоже; и нѣщии малъшоша бровѣ у болотѣ, занесены бурей». Подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: «Бысть знаменіе за Дѣпиромъ, въ Кіевской волости: летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остаея по слѣду его знаменіе въ образѣ змѣя великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидося. Въ томе лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской стороны, коневн до черевн, на великъ день». Подъ 1161 годомъ: «Бысть знаменіе въ луиѣ страшно и дивно: идаше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе по малу, дождеже вся погнѣе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица и мушн, едино зелено, а другое желто, и поореди ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и единому ею яко кровь идаше изъ главы, а другому было акы млеко течаше; сему же рекоша старіи люди: не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть — еже бысть» (убитъ былъ Изяславъ Давыдовичъ).—Подъ 1195: «Тоеже зими, по Федоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеся земля по всей области Кіевской и по Кіеву: корькни каменныя и деревяныя колебахуся, и вси людіе видаше, отъ страху не можаху стояти, овн падаху ници, ннн же трепетаху. И рекоша игумени блаженн: се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомъ оста-

ли отъ злого пути своего; вѣн же молвакуть другъ по другу сѣ знаменія не на добро бывають, но на надеіе мнѣти, и кровопролитіе, и на мтежь мнѣхъ въ Русской землѣ, сѣмъ сбмѣтся» (усобица Мономаховичей съ Ольговичами).

Изложивъ общія черты нашей древней лѣтописи, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ изложенія, которыми она отличается различными мѣстными лѣтописемъ. До насъ отъ описаннаго времени дошли двѣ лѣтописи сѣверныя — Новгородская и Суздальская, и двѣ южныя — Кіевская, съ явными вставками изъ Черниговской, Подоцкой и, вѣроятно, другихъ лѣтописей и Волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостію сухостію разсказа; такое изложеніе происходитъ, во-первыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчи Новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчается также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже догваривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга можно сказать, что дѣло служить у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: «тому есмь радъ, оже ви моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ». — Рѣчь южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробности, живостію, образностію, можно сказать, художественностію; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что Новгородская лѣтопись относится къ южной-Кіевской и Волынской какъ поученіе Луки Жидаты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа Суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы Новгородскихъ рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись — Кіевская и Волынская относятся къ сѣверной Суздальской, какъ Слово о полку Игореву относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ.

Г Л А В А II.

ОТЪ СМЕРТИ ИСТИСЛАВА ТОРОНЕЦКАГО ДО ОПУСТОШЕНІЯ РУСИ ТАТАРАМИ.

(1228—1240).

Событія Новгородскія. Война Суздальскихъ князей съ Черниговомъ. Бражда Новгородца со Полоземъ. Войны съ Моравою, Босгарани, Понциани и Литвою. Усобица въ Смоленскѣ. Дѣятельность Данила Романовича Галицкаго. Участіе его въ польскихъ дѣлахъ. Тевтонскій орденъ. Батмеево шествіе. Свидѣнія о Татарахъ.

Отношенія Новгородскія, столкновенія здѣсь князей сѣверныхъ съ южными грозили было во второй разъ нарушить покой на сѣверѣ. Мы видали ²⁴³, что въ 1228 году Новгородцы, не довольные Ярославомъ Всеволодовичемъ, призвали къ себѣ вторично Михаила Черниговскаго: послѣдній былъ шуриномъ Великому князю Юрію Владимірскому, который въ первый разъ посадилъ его въ Новгородъ; Ярославу стали говорить, что и теперь Михаилъ посаженъ въ Новгородъ по старанію Юрія; Ярославъ возмущенъ наговорамъ: въ самомъ дѣлѣ могъ ли Владимірскій князь спокойно видѣть, что младшій братъ его, князь Переяслава-Залѣскаго, усиливается на счетъ Новгорода, не имѣлъ ли Юрій важныхъ причинъ мѣшать этому усиленію? Какъ бы то ни было, Ярославъ сталъ сердиться на старшаго брата, и, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ него, поссорилъ съ дядею и троюмъ Константиновичей Ростовскихъ — Василья, Всеволода и Владимира. Юрій, узнавши объ этомъ, спѣшилъ предупредить усобицу, и въ 1229 году повѣстилъ всѣхъ родичамъ, чтобъ съѣхались къ нему во Владиміръ на сеймъ; Ярославъ сначала это хотѣлъ было вѣхать, но узнавъ, что племянники возмущены, от-

правился и самъ во Владимиръ. Здѣсь Юрію удалось уладить двѣ всѣ родичи поклонились ему, называя отцомъ себя и господномъ, весело отпраздновали Рождество Богородицы, получили подарки сами и бояре ихъ, и развѣхались довольные по волостямъ своимъ²⁵⁰. Ярославъ, обезпеченный со стороны старшаго брата, сталъ готовиться къ войнѣ съ Михаиломъ; тогда во Владимиръ явилось посольство изъ южной Руси отъ князя Кіевскаго — Владиміра Рюриковича и Черниговскаго — Михаила обоихъ близкихъ свойственниковъ Великаго князя Юрія, (который въ томъ же 1230 году женилъ сына своего Всеволода на дочери Владиміра Кіевскаго); пріѣхалъ самъ митрополитъ Кириллъ съ Черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ: новое могущественное значеніе сѣверной Руси уже не въ первый разъ заставляетъ митрополитовъ отправляться туда и стараться, чтобы обѣ половины Руси были въ политическомъ единеніи, которое условливало и единеніе церковное. Митрополитъ достигъ цѣли своей поѣздки: Ярославъ послушался старшаго брата Юрія, отъ своего митрополита, и заключилъ миръ съ Михаиломъ²⁵¹. Следствіемъ мира было то, что, какъ мы видѣли, Михаилъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставя тамъ сына своего Ростислава, и Новгородцы не могли дожидаться его съ войскомъ, чтобы идти вѣстѣ на Ярослава. Но опять новыя волненія въ Новгородѣ, торжества стороны Суздальской, изгнаніе Ростислава, бѣгство приверженцевъ Михаиловыхъ къ нему въ Черниговъ, и утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ, могли снова возбудить вражду Суздаля съ Черниговомъ; сюда присоединилась еще другая причина вражды къ которой не могъ быть нечувствителемъ и самъ Великій князь Юрій: въ 1232 году, Михаилъ Черниговскій, вмѣстѣ съ Владиміромъ Кіевскимъ двинулись на Волынскихъ князей — Давидка и Василька Романовичей, бывшихъ въ близкомъ свойствѣ съ Юріемъ Владимірскимъ, ибо дочь послѣдняго была за Василькомъ²⁵². Какъ бы то ни было, но въ томъ же 1232 году Великій князь Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами вступилъ въ Черниговскія волости; самъ Юрій возвратился не доходя Серенска²⁵³; но Ярославъ съ Новгородскимъ войскомъ взялъ и штурмъ Серенскъ, осадилъ было и Месальскъ, но отступилъ безъ успѣха и безъ мира, истребивши только много хлѣба во владѣніяхъ врага своего.

Давидовича, какъ: ты видѣли, жале много Новгородцевъ, сдѣлалихъ имъ, бѣжавшихъ воудство переѣхавъ сторуны Ярославской. Враждъ Володимиръ умеръ; но у него остался сынъ, князь: нѣтъ съ нѣтъ другими изгнашниками, подговоривши Ярославича князя Святослава, явился въ предѣлахъ Новгородскихъ; но Святославъ, увидавши, что товарищи его обманули своимъ прителемъ въ Новгородѣ, что тамъ нѣтъ никакой помощи къ усѣху, уѣхалъ назадъ; тогда Новгородскіе изгнашники бросились во Псковъ и получили здѣсь усѣхъ, благодаре, вѣроятно, недавней враждѣ Псковичей съ Ярославомъ: отсѣкати мнѣштина послѣдняго, Вячеслава, прибили его, выгнали въ оковы; смута вставала и въ Новгородѣ: вѣроятно здѣсь поднималась враждебная Ярославу сторона, пользуясь отсѣченіемъ князя; но прѣпадъ Ярослава утишалъ волненіе; князь дѣлъ схватить Псковичей, бывшихъ въ Новгородѣ, посадилъ ихъ на Городищѣ въ Грядницѣ, и послалъ во Псковъ объявить прѣдателямъ: «Мужа моего отпустите, а тѣмъ путь покажите дри, пусть идуть, откуда пришли.» Но Псковичи не послушались, стали крикно за изгнашниковъ, и велѣли отвѣчать Ярославу и Новгородчанамъ: «вышлите къ нимъ жонъ ихъ и все имѣннѣ, когда имъ отпустимъ Вячеслава, или мы себя, а вы себя.» Тамъ прошло все лѣто безъ мира. Но Псковичи не могли жить дѣла въ враждѣ съ Новгородомъ; когда Ярославъ не велѣлъ идуть къ нимъ купцовъ, и берковецъ соли сталъ продаваться въ 7 гривенъ, то они отпустили Вячеслава, а князь отпустилъ дѣлнхъ жонъ Новгородскихъ изгнашниковъ, но мира все еще не было; наконецъ имомъ явились Псковскіе послы въ Новгородъ, поклонились Ярославу, сказали ему: «ты нашъ князь», и стали просить у него себя въ князя сына его Феодора; Ярославъ не далъ имъ сына, но далъ шурина, князя Юрія²²⁴; Псковичи дали Юрія, а изгнашникамъ Новгородскимъ показали отъ себя путь, а тѣ отправились къ Немцамъ въ Оденне.

Таковы были внутреннія событія на сѣверѣ. Извѣст В. ки. Имперскій продолжалъ борьбу съ Мордвою, которая въ 1229 году, приходамъ съ княземъ своимъ Пургасемъ къ Нижнему Новгороду, но жители отбѣдись отъ нея; варягамъ удалось взять селенъ Басородичий монастырь, да загородную церковь. Между сѣмомъ Мордвою шла усобица; въ томъ же году сынъ Рус-

скаго присяжника Пуреша напалъ съ Полявцами на Пургаса, избилъ всю его Мордву и Русь²²², и самъ Пургасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Подъ 1232 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ на Мордву сына великокняжескаго Всеволода съ князьми Рязанскими и Муромскими: Русские пожгли неприступскія села и перебили Мордвы много. — Съ Болгарами подѣлъ трехлѣтняго мира въ 1224 году началась опять вражда; въ чемъ она обнаруживалась, неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1230 г. Болгары опять поклонились Великому князю Юрию, и заключили миръ, разбѣжавшись плѣнными и заложниками. — На сѣверо-западѣ Новгородцы боролись съ Нѣмцами и Литвою. Мы видимъ, что изгнанники Новгородскіе, Борисъ Нѣгочевичъ и другіе, будучи принуждены выѣхать изъ Пскова, удалились къ Нѣмцамъ въ Оденпе, разумѣется, не на добро своей родины; тамъ же у Нѣмцевъ жилъ изгнанный князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Владиміра Псковскаго. Въ 1233 г. эти изгнанники — Ярославъ и Новгородцы вмѣстѣ съ Нѣмцами ворвались нечаянно въ Русскія владѣнія и захватили Изборскъ; но Псковичи отняли назадъ у нихъ этотъ городъ. Въ томъ же году Нѣмцы опять показали въ Новгородскихъ владѣніяхъ²²³; князя Ярослава не было въ то время въ Новгородѣ; но скоро онъ пришелъ съ сильными полками Переяславскими, чтобъ отомстить Нѣмцамъ за обиды. Время было удобное дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: Новгородъ и Псковъ въ соединеніи подѣ однимъ княземъ, а между тѣмъ Ливонія лишилась своего великаго Алберта, умершаго въ 1229 году. Магистръ Ордена Волквинъ, которому тяжка была зависимость отъ Алберта, рѣшился воспользоваться его смертію, чтобъ высвободить себя изъ-подъ зависимости отъ преемника Албертова, которымъ былъ назначенъ Николай изъ Магдебурга. Съ этою цѣлю онъ рѣшился соединить свой орденъ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который процвѣталъ тогда подѣ начальствомъ магистра Германа Фонъ-Валца; но Германъ отклонилъ на этотъ разъ предложеніе Волквина, и такимъ образомъ орденъ Ливонскій былъ пока предоставленъ собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для отпора Русскимъ; еслибъ только послѣдніе могли сообщить постоянство своимъ движеніямъ. Въ 1234 году князь Ярославъ съ своими полками и Новгородскими, выступилъ на Нѣмцевъ, подѣ Юрьевъ и сталъ по

далеко от города, отпустивъ людей свѣжѣ восвать опреставую
 страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда:
 «свѣжать въ закитіе.» Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева,
 другіе изъ Оденне; но Русскіе побѣди ихъ; нѣсколько лучшихъ
 Нѣмцовъ пало въ битвѣ, но больше погибало ихъ на рѣкѣ, когда
 подъ ними обломился ледъ; Русскіе, воспользовавшись побѣдою,
 опустошили ихъ землю, истребили хлѣбъ; тогда Нѣмцы покло-
 нились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на всей
 своей правдѣ. Последніе слова могутъ вести къ тому заклю-
 ченію, что тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для
 себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань,
 которая послѣ послужила Іоанну IV-му поводомъ лишить Ливонію
 независимости. Этотъ походъ Ярослава былъ, вѣроятно,
 одною изъ главнѣхъ причинъ, почему Волквинъ возобновлялъ
 стараніе о соединеніи обоихъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 году
 Германъ Фонъ-Залца, чтобъ разузнать состояніе дѣлъ въ Ливоніи,
 отразилъ туда Эрнарда Фонъ-Неуенбургъ, командора
 Алтенбургскаго, и Арнольда Фонъ-Неуендорфъ, командора
 Негельсвендскаго. Они возвратились и привели съ собою
 троихъ депутатовъ отъ Ливонскихъ рыцарей. Лудвигъ Фонъ-
 Оттингентъ, намѣстникъ Великаго Магистра въ Пруссіи, собралъ
 канцлугу въ Марбургъ, гдѣ Ливонскіе рыцари обстоятельно бы-
 ли допрашиваемы объ ихъ правилахъ, образѣ жизни, владѣніяхъ
 и притязаніяхъ; потомъ спрошены были командиры, посланные
 въ Ливонію. Эрнардъ Фонъ-Неуенбургъ представлялъ поведе-
 ніе рыцарей Меча вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описалъ
 ихъ людьми упрямыми и крайольвыми, не любящими подчиня-
 ться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной
 корысти, а не общаго блага, — «я эти, прибавилъ онъ, указывая
 пальцемъ на присутствующихъ рыцарей Ливонскихъ, да еще
 четверо мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ»²⁵⁷. Арнольдъ Фонъ-
 Неуендорфъ подтвердилъ слова своего товарища, послѣ чего
 неудивительно было, что когда стали собирать голоса — при-
 нять ли Меченосцевъ въ соединеніе? то сначала воцарилось все-
 общее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили — дожидаться
 прибытія Великаго Магистра. Не медлить скоро нельзя стало
 болѣе: въ 1236 году²⁵⁸ Магистръ Волквинъ сдѣлалъ опустоши-
 тельный набѣгъ на Литву, но скоро былъ окруженъ истребно-

лешкири: головами враговъ и догнубъ: се вѣдѣтъ оцѣнить: войсковыя Псковской страдѣ изъ 200 человекъ сопровождалъ Магистръ въ этомъ несчастномъ походѣ: изъ десяти одинъ возвратился домой. Тогда остальные Меченосцы отиравали нога въ Римъ: представить папѣ безпомощное состояніе ордена, черни Ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Телтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость этого соединенія, и оно воспослѣдовало въ 1237 году: первымъ провинціальнымъ магистромъ Ливонскимъ былъ назначенъ Германъ Балкъ, известный уже своими подвигами въ Пруссіи.

Литва по прежнему продолжала свои набѣги: въ 1229 году она опустошила страну по озеру Салигеру и рѣкѣ Поля, въ нынѣшнемъ Демьянскомъ уездѣ Новгородской губерніи²⁸, Новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полонъ. Въ 1234 году Литовцы явились внезапно передъ Русою и захватили посаду до самаго торгу; но жители и застава (гарнизонъ) успѣли вооружиться: огнищане и градба, кунцы и гости ударили на Литву, выгнали ее изъ посады, и продолжали бой на поляхъ; Литовцы отступили. Князь Ярославъ, узнавши объ этомъ, двинулся на враговъ съ конницею и пѣхотою, которая ѣхала въ насадахъ по рѣкѣ Ловати; но у Муравьяна²⁹ князь долженъ былъ отпустить пѣхоту назадъ, потому что у ней не осталось хлѣба, а самъ продолжалъ путь съ одною конницею: въ Торонецкой волости на Дубровнѣ встрѣтилъ онъ Литовцевъ и разбилъ ихъ; побѣжденные потеряли 300 лошадей, весь товаръ, и побѣжали въ лѣсъ, побросавши оружіе, щиты, сѣки, а нѣкоторые тутъ и костью нади; Новгородцы потеряли 10 человекъ убитыми.

Изъ событій въ другихъ княжествахъ литовцы упоминаетъ объ усобицѣ въ Смоленскѣ: по смерти Мстислава Давыдовича (1230 г.) стоялъ этотъ, по родовымъ счетамъ, долженъ былъ перейти въ третья поколѣніе Ростиславичей, именно достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но Смоленяне почему-то не хотѣли имѣть его своимъ княземъ; тогда Святославъ въ 1232 г., съ помощію Полоцкаго, взялъ Смоленскъ на шты, перебилъ его жителей, съѣлъ враждебныхъ, и сѣлъ на столѣ.

Подвиги Мстислава Торонецкаго не принесли никакой общественной пользы для южной Руси; но до смерти Мстислава

судьба дела съ другого князя, котораго характеръ вродѣ былъ способенъ доставить ей прочную и великую будущность, — если только будущность южной Руси могла зависѣть отъ личности одного князя; этотъ князь былъ молодой Данилъ, сынъ Романа Великаго. Съ блестящимъ мужествомъ, славолубіемъ, наследственнымъ въ племени Изяславовомъ, Данилъ соединялъ способность къ обширнымъ государственнымъ замысламъ и къ государственной распорядительности; съ твердостью, умнѣемъ неизменно стремился къ разъ предполагаемой цѣли онъ соединялъ мягкость въ поведеніи, разборчивость въ средствахъ, въ чемъ походилъ на прадеда своего Изяслава, и рѣзко отличался отъ отца своего, Романа. Начиная разсказъ о подвигахъ Даниловыхъ, летописецъ имѣлъ полное право сказать: «начнемъ разсказывать о безчисленныхъ ратахъ, великихъ трудахъ, частыхъ войнахъ, многихъ крамолахъ, частыхъ возстаніяхъ, многихъ мятежахъ;» имѣлъ полное право сказать, что сыновьямъ Романовымъ измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всѣхъ сторонъ врагами: въ Галичъ королевичъ Венгерскій и непріязненные бояре; въ Пинскѣ князь Ростиславъ, злобившійся на Данила за отнятіе Чарторыйска и вѣсть сыновей; въ Кіевѣ Владиміръ Рюриковичъ, наследовавшій вражду отца своего къ Роману Великому и сыновьямъ послѣднимъ; князья Черниговскіе не хотѣли также забыть притязаній племени своего на Галичъ, и злой обиды, полученной тамъ. Тщотливо митрополитъ Кириллъ, котораго мы уже въ третій разъ застаемъ въ святомъ дѣлѣ миротворства, и котораго летописецъ величаетъ преблаженнымъ и святымъ, старался отвратить усобицу: Ростиславъ Пинскій не переставалъ клеветать на Данила и подвигать другихъ князей, и вотъ Владиміръ Кіевскій собралъ войско; «отецъ Даниловъ постригъ отца моего,» говорилъ онъ, и была у него въ сердцѣ боязнь великая, прибавляетъ летописецъ: значить Владиміръ боялся, что молодой Данилъ пойдетъ по слѣдамъ отца своего, и плохо придется отъ него соседямъ. Владиміръ посадилъ и Половецкаго хана Котяна на коня, всѣхъ Половцовъ, и вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ осадилъ Канайецъ; съ рати осаждающихъ были: Куряны (житеди Курска), Пиняне, Новгородци (Сѣверскіе), Туровцы. Данилъ видѣлъ, что ладья ему противиться такой рати, тѣмъ болѣе, что

въ Галичѣ королевичъ и главный совѣтникъ его, бояринъ Судиславъ были въ союзѣ съ Кіевскимъ княземъ: онъ началъ тайные переговоры, чтобъ выиграть время и раздѣлить союзниковъ, что и удалось ему относительно Половецкаго хана Котана: «Въ тышка!» послалъ сказать Даниилъ Половчнину: «разстрой войну, прими меня въ любовь къ себѣ.» Котанъ отдалася отъ союзниковъ, опустошилъ Галицкую землю, и ушелъ враздѣль себя въ степи; остальные союзники, не успѣвши взять Кампанецъ, также отступили въ свои владѣнія. А между тѣмъ Даниилъ спѣшилъ въ Польшу за помощью, и получивши ее, предпринимая съ своей стороны наступательное движеніе, пошелъ къ Кіеву; на дорогѣ встрѣтили его послы отъ Кіевского и Черниговскаго князей, и заключили миръ.

Въ слѣдующемъ 1229 году успѣхъ ждалъ Даниила на другой сторонѣ, въ Галичѣ: когда онъ былъ въ Угровскѣ, то преданные ему Галичане прислали сказать ему: «Ступай скорѣ къ намъ: Судиславъ ушелъ въ Познѣе, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ.» Даниилъ немедленно съ небольшою дружиною пошелъ къ этому городу, а тысяцкаго своего Дамьяна послалъ на Судислава; на третьи сутки въ ночь подошелъ Даниилъ къ Галичу, гдѣ успѣлъ уже затвориться Судиславъ, ускользнувшій отъ Дамьяна; Волынцамъ удалось только захватить отъ двора подлѣ Галича, гдѣ они нашли много вина, овощей, корма всякаго, копій, стрѣлъ. Даниилъ стоялъ противъ города, на другой берегу Днѣстра: Галичане и Венгры вывзжали и бились влѣду; но къ вечеру ледъ поднялся, рѣка наводнилась, и враждебный Даниилу бояринъ Семьюнко, (котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ лисицею, по краснотѣ лица), зажегъ мостъ. Въ это время явился къ Даниилу Дамьянъ со многими Галицкими боярами, принявшими сторону сына Романова, у котораго такимъ образомъ набралась многочисленная рать. Даниилъ очень обрадовался ей, жалѣлъ только, что мостъ зажженъ и не почему перейти Днѣстра; но когда побѣхалъ онъ посмотреть на мѣсто то увидалъ, что конецъ моста погасъ, и переправа возможной радости была большая, и на другой же день все войско перешло Днѣстръ и отступило Галичъ съ четырехъ сторонъ; осажденные не могли держаться долѣе и сдали городъ, при чемъ королевичъ достался въ плѣнъ Даниилу; но тотъ вспомнилъ преж-

явно любовь къ себѣ отца его Андрея, и отпустилъ его къ послѣднему; изъ бояръ Галицкихъ съ королевичемъ пошелъ только одинъ Судиславъ, въ котораго народъ бросалъ камнями, крича: «войтъ изъ города, мятежникъ земскій!» Но Судиславъ ошивалъ отомстить народу новымъ мятежомъ: прѣѣхавши въ Венгрію, онъ не переставалъ твердить королю и королевичу: «ступайте на Галичъ, возьмите землю Русокою; если же не войдете, то они уириются на васъ.» Андрей послушался, собралъ большое войско и объявлялъ походъ: «Не останется въ Галичѣ камень на камень, говорилъ онъ: никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки.» Но какъ скоро вступилъ онъ въ Карпаты, то пошелъ сильный дождь, лошади тонули, люди едва могли спастись на высокихъ мѣстахъ. Не смотря на то, король шелъ дальше и осадилъ Галичъ, для защиты котораго Данилъ оставилъ извѣстнаго намъ тысяцкаго Дамьяна. Этотъ воевода не испугался высокомернато вызова королевскаго, и не сдалъ города; Андрею же нельзя было долѣе оставаться подъ Галичемъ, потому что въ войскахъ его открылась страшная болѣзнь: кожа падала у Венгровъ съ ногъ какъ обувь. Король снялъ осаду; Галичане напали на отсталыхъ, и много перебили и побрали въ пѣль; еще больше умерло на дорогѣ отъ болѣзни.

Данилъ избавился отъ враговъ вѣршихъ, но лѣтписоецъ опять начинаетъ разказъ свой злощастными словами: «Скажемъ многій потекъ, великія лѣта, безчисленныя рати.» Бояре Галицкіе, привалившіе къ крамоламъ, находившіе свою выгоду въ безпорядкѣ, въ возможности переходить отъ одного князя къ другому, не могли сносить спокойно установленіе наряда, утвержденіе сына Романова на столѣ отцовскомъ. Они стали сноситься съ давнимъ врагомъ Романовичей, Александромъ Бѣльскимъ, какъ бы убить Данила и взять къ себѣ въ князья его, Александра. Однажды заговорщики сидѣли вмѣстѣ и совѣтовались, какъ бы отънять дворъ княжескій и такимъ образомъ погубить Данила: въ это время братъ его Василько выходитъ къ нимъ и въ шутку бросается съ обнаженнымъ мечемъ на одного слугу, вырываетъ питье у другаго; заговорщики испугались, думая, что Василько поступаетъ такъ съ невѣрніемъ, открывши ихъ замыселъ, и бросились бѣжать. Данилъ съ братомъ никакъ не могли догадаться, отъ чего побѣжали бояре, какъ одинъ

назъ остернущихъ, Фидлицъ, сталъ звать къ себѣ Данила да црѣвъ Данила поѣхалъ, во на дорогѣ вѣнчалъ его, послалъ отъ ты савкаго Давида: «црѣвъ; затѣмъ алой, сказалъ ему воеводѣ: Фидлицъ съ Александромъ Бѣльзскимъ, согласились убить тебя. Данилъ возвратился въ Галичь, и послалъ сказать брату Васильку во Владимиръ, чтобъ шелъ на Александра; Василько выгналъ Александра въ Перемышль, взялъ Бѣльзъ, а отдельничаго своего Ивана Михайловича послалъ захватить бояръ, которыхъ и взято было 28 человекъ; но Данилъ не хотѣлъ поступать по примѣру отца, и простилъ кремольниковъ. Воеводичиѣ однако не помогло, а только еще усилило дерзость бояръ: одиѣ назъ этихъ безбожниковъ, по выраженію лѣтописца, звали на пирю князю лице виномъ: Данилъ старѣлъ и это оскорбленіе. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія Александра Бѣльзскаго, который засѣлъ въ Перемышль съ своими Галицкими соумышленниками. Изъ всей дружины у Данила осталось только 18 отроковъ, на которыхъ можно было надеяться; онъ созвалъ ихъ на вѣче вмѣстѣ съ Давидомъ Тысящникомъ и спросилъ: «хотите ли оставаться мнѣ вѣрными и идти со мною на враговъ моихъ?» Тѣ отвѣчали: «Вѣрны мы Богу и тебѣ, господину нашему, ступай съ Божією помощію;» а оцаій Микула приближалъ при этомъ: «Господи! не раздвигайи вѣчь, меду не вѣсть.» Старый дядька Данила, Мірославъ пришелъ къ нему на помощь еще немного отроковъ, и съ такою-то небольшою дружиною Данилъ выступилъ къ Перемышлю; на дорогѣ впрочемъ присоединились къ нему и повѣршиѣ бояре, показывая только видъ вѣрности. Александръ, узнавши о приближеніи Данила, бросилъ все свое имѣніе, и убѣжалъ въ Венгрію, гдѣ вмѣстѣ съ Судиславомъ сталъ опять поднимать короля на Данила: король послушался и съ двумя сыновьями выступилъ къ Ярославлю, гдѣ заперся воевода Даниловъ, Давидъ Вышатичъ, который отбывался цѣлый день отъ Венгровъ, и отбѣгся. Но у Давида была теща, большая пріятельница Судиславу, который звалъ ее не иначе какъ матерью: она стала страшнѣе звать и успѣла напугать его; тиетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, мужъ крѣпкій и храбрый, угоняивалъ не одаратьома тиетно переметчикъ, пріѣхавшій изъ полковъ Венгерскихъ, говорилъ Давиду, что ослабленныѣ Венгры не въ состояніи захватитъ

города — Давыд сдалъ Ярославъ, только слагъ вывелъ рать съ сѣмъ войскомъ. Взявши Ярославъ, король пошелъ къ Галичу; а между тѣмъ отступление отъ Данила боярина Каянъ, убѣжавшаго съ Голыхъ Горъ къ королю, послужило знаменъ къ измѣнѣ всѣхъ остальныхъ бояръ Галицкихъ. Отпавши Галичъ у Данила, король перешелъ гоноръ въ дѣдовскую волюсть его, и осадилъ Владимиръ Волынскій; король Андрей, по словамъ лѣтописца, удивленъ былъ видомъ этого города, многочисленностію ратниковъ, которыхъ оружіе и щиты блистали какъ солнце: «такого города не находилъ я и въ Нѣмецкихъ земляхъ,» сказалъ онъ. И начальникъ въ городѣ былъ названный — старый дядька Даниловъ, Мѣрославъ: «Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, говоритъ лѣтописецъ: въ старину онъ былъ храбръ, а тутъ смутился умомъ, и заключилъ миръ съ королемъ, безъ совѣта съ своими князьями — Даниломъ и Василькомъ, обязался уступить Бѣльзъ и Червень Александру.» Сильно упрекали за это Романовичи Мѣрослава: «зачѣмъ мирился, иди такое большое войско?» старикъ отрицался, что не уступилъ Венграмъ Червеня. Какъ бы то ни было, король достигъ своей цѣли, посадилъ опять сына въ Галичъ, и ушелъ было въ Венгрію, но скоро опять сынъ его Андрей поднялъ рать на Данила: съ королевичемъ былъ Александръ Бѣльзскій, Глебъ Зереньевичъ, князья Болховскіе²⁶¹ и множество Венгровъ. Соперники — королевичъ и Данилъ видѣлись на рѣкѣ Вельбъ²⁶², но не уладились: изъ словъ лѣтописца видно, что виною этого была гордость Данила, слишкомъ понадевавшася на свою силу²⁶³. На другой день Данилъ перешелъ рѣку у Шумска и далъ кровопролитную битву Венграмъ, при чемъ воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгоднымъ положеніемъ на высокихъ горахъ, но Данилъ отвѣчалъ словами писанія: «медлай на брань страшливу душу имать,» и спустилъ полки свои внизъ на непріятеля; оба брата приняли дѣятельное участіе въ битвѣ, подвергаясь страшной опасности; но дружина Данилова не отвѣчала храбрости князя своего и въ концѣ дѣла обратилась въ бѣгство; впрочемъ уронъ, претерпѣнный Венграмъ былъ такъ великъ, что они не смѣли преслѣдовать непріятеля и отступили въ Галичъ; Данилъ съ успѣхомъ продолжалъ войну до конца года, ибриломъ его успѣха служить то, что занятый врагъ Ро-

наговоря, Александръ Бѣлзскій перешелъ отъ королевича на другую сторону, прислалъ сказать ему: «сагодишесъ мнѣ быть оудѣ, кромѣ вась;» и братья приняли его съ любовію. Въ слѣдующемъ 1232 году королевичъ и Судиславъ выступили противъ Данила повсюду Діанши; Даниль пошелъ въ Кіевъ, привелъ отуда на помощь князя Владиміра Рюриковича, Изяслава, котораго считают обыкновенно Владиміровичемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго²⁴, Половцевъ, и выступилъ противъ Венгровъ, и торые послѣ нерѣшительной битвы должны были возвратиться назадъ; Изяславъ, въ самомъ началѣ похода, отступилъ отъ Данила, и вмѣстѣ того, чтобъ помогать ему, онустошилъ е же волость. Слѣдующій 1233 годъ былъ счастливъ для Данила Глебъ Зерембичъ перешелъ на его сторону, послѣ чего Даниль и Василько немедленно отправились въ Галичу, гдѣ бы встрѣчены бѣльшею частію бояръ: ясно, что переходъ Галицы произошедь съ согласіемъ нѣмой стороны боярской; Даниль занялъ всю волость, роздалъ города боярамъ и воеводамъ (какъ видно съ этимъ условіемъ они и призвали его, не надѣясь помочь того же отъ Венгровъ), и осадилъ королевича съ Діаншемъ и Судиславомъ въ Галичѣ. 9 недѣль стоялъ Даниль у города, гдѣ осажденные изнемогли отъ недостатка пищи, и дождалися только льду на Днѣстрѣ, чтобъ идти на приступъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Судиславъ придумалъ средство ослабить осаждающихъ: онъ послалъ сказать Александру Бѣльскому «дамъ тебѣ Галичъ, только отступи отъ брата;» Александръ врельстился обещаніемъ, и отступилъ. Но это вѣрломство повредило нисколько Данилу: скоро королевичъ умеръ, и Галичане прислали звать Данила на его мѣсто; Судиславу удаляйтя въ Венгрію, но Александръ Бѣльскій былъ схваченъ на дорогѣ въ Кіевъ.

Даниль утвердился опять въ Галичѣ; но ему суждено бы имлада не имѣть покоя: вражда встала на востоцкѣ между Момоховичами и Ольговичами, и Даниль вступилъ съ нѣм. Въ 1231 году Владиміръ Кіевскій, угрожаемый Михаиломъ Черниговскимъ, прислалъ звать на помощь Данила, и тотъ взялъ по егому случаю въ Кіевъ; Владиміръ уступилъ ему нѣтъ Русскія земли часть Торчесна, которую Даниль тогда же отдалъ дядѣ Могиславу Торонеккаго, нурьматъ ороннѣ, сказать нѣ

чаде дѣло: отцы своего возмъта и держали съотъ городъ. Но
 послѣднѣ Венгровъ имало Данила изъ Кіева. Въ 1233 г.,
 Владиміръ опять прислалъ звать его на помощь, потому что Ми-
 хайло сталъ у Кіева; Данилъ, споспѣшней темеръ въ Галичѣ со
 оверома Венгровъ, лѣзъ къ Дибру и заставлялъ Млякка: уд-
 антъ-а. На удовольствіе ованннхъ втнхъ, Мемонаховичи перешли
 Дибру, стали нусовннхъ Черкасовскую волость, забравъ ге-
 реда по Деснѣ, ннхонцы осадилн Черннголь, поставилн тарана,
 а бѣла изъ него стѣну камнани, а камнн были въ цодѣхъ тол-
 ко челоуванъ чотнрехъ силъннхъ; но Мнхайлу удалось обмѣ-
 нуть осаднваннхъ, внйти изъ города и побѣдъ Галнчкю по-
 нн²⁴⁴. Мемонаховичи — Данилъ и Владиміръ возвратнлись къ
 Кіеву, истомленнне продолжателноу войною, которую вѣлн
 отъ Крещенна до Вознесенна, и Данилъ уже собрался ндти де-
 шей лѣсноу стороною, какъ арншла вѣсть, что Изяславъ съ Пе-
 ловцнми вѣоетъ Русекую землю. Владиміръ сталъ проснтъ Да-
 ннла помочъ ему н прннѣтъ поганыхъ, старшй дядька Мірославъ
 прнслъ за Владиміра, и Данилъ, не смотря на нннеможеніе по-
 ннхъ своихъ, отправленъ въ новшй походъ. У Звоннгорода встрѣ-
 тнлись онн съ зарнрарнми: Владиміръ и Мірославъ стам темеръ
 уговарнвать Данила возвратнтся, но уже онъ не захотѣлъ:
 «Воннхъ, говорнлъ онъ, вышедши разъ на брань, долженъ нн
 побѣднтъ, нн пасть; прѣжде я самъ вамъ отговарнвалъ ндти къ
 походѣ, а темеръ внжу, что нн трусы; развѣ я вамъ не говорнлъ,
 что не слѣдуетъ выходнтъ усталнхъ полканъ протнвъ овѣннхъ?
 а темеръ чего испугалнсь, ступайте!» Овча была люта, Данилъ
 погналъ Половцнхъ, но поверялъ конн, и вѣда, что всѣ другіе бѣ-
 гутъ, побѣжалъ и самъ; а Владиміръ и Мірославъ со многнми
 другнми бойрнми были вѣты въ нлѣнъ. Данилъ прнбѣжалъ къ
 Галнчѣ, н, по ложноу вѣстн, что Изяславъ съ Половцнми у Вла-
 днннра, отправнлъ всѣ свои полкн съ братонъ Васнльконъ на
 помощь этому герцу; но какъ скорѣ бойре Галнчкю увидалн,
 что князь оселся бѣзъ полковъ, то подннла крѣмелу, и Данилъ
 прннужденъ былъ увѣзть въ Венгрію. Цѣль этой позадн состо-
 ннл, какъ вндно, въ томъ, чтобы убѣднтъ новало короля Бѣлу
 IV не ннщнтся въ Галнчѣ дѣла и дать время Романовнчанъ
 управнтся съ праганн едннволеоннннн²⁴⁵. Владиміръ Рурн-
 ковнчъ освободнлся изъ Половчаннаго пѣнн, но не могъ зннть

Діана ²²⁷, где сидять уже Изяславъ, а сдвинуть его; Михаилъ Черниговскій занялъ мѣсто тѣмъ Даниломъ; война обрѣтается у Романовичей осталась опять одна. Волынъ.

Одвѣдующіе годъ прошлы, какъ слѣдуетъ сидять, въ беспрерывной борьбѣ: враги Романовичей предприняли наступательное движеніе на ихъ волость, отправили войска съ князьями Всеволодовскими къ Каменцу; но бояре Даниловы, съ помощію Торковъ, поразили ихъ, и звали въ пятый князю Всеволодовскій Михаилъ и Изяславъ стали тогда присылать къ Данилу съ угрозою: «отдай нашу братью ²²⁸, а не то ярадемъ на тебя войною!» Данилъ не исполнилъ ихъ требованій, и они явились на него Ляховъ, Русь и Половцевъ. Но Польскій князь, узнавши о разбитіи своего отряда у Червеля, побѣжалъ назадъ, потопивши много войска въ рѣкѣ Вепрь; Половцы же пришли не для того, чтобъ битися съ Даниломъ, а чтобъ опустошить Галицкую волость, принадлежавшую союзнику ихъ Михаилу. Тогда Романовичи, въ свою очередь, предприняли наступательное движеніе на Михаила; два раза мирились, и въ послѣдній разъ Михаилъ уступилъ Данилу Перемышль. Между тѣмъ въ Кіевѣ произошла перемѣна: князь Переяславля Залѣскаго и Новгородца Волыного, Ярославъ Всеволодовичъ, рѣшился воспользоваться слабостью юга, и утвердиться въ Олеговой столицѣ, какъ утвердился въ Рюриковой; съ другой стороны, усиленіе врага его Михаила Черниговскаго и вообще усиленіе Ольговичей на счетъ Мономаховичей могло также побудить Ярослава вѣнзаться въ дѣла юга, но, разумѣется, онъ вѣнзался въ дѣло не для того только, чтобы дать перевѣсъ Мономаховичамъ надъ Ольговичами, какъ дѣлывалъ Мстиславъ Торопецкій: оставя въ Новгородѣ сына Александра, взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, 100 человекъ Новоторжанъ, полки Переяславскіе и Ростовскую помощь отъ племянниковъ, Ярославъ двинулся къ югу, опустошилъ область Черниговскую и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Но страшныя вѣсти съ свѣрзвестіемъ о Татарскомъ нашествіи не позволили Ярославу долго оставаться въ Кіевѣ ²²⁹. Удавленіемъ Ярослава спѣшилъ воспользоваться Михаилъ Черниговскій: онъ занялъ в Кіевѣ, отдавши Галичъ сыну своему Ростиславу, и отпавши Перемышль у Данила, съ котораго надѣялся легко теперь управиться, но обманулся въ наде-

ра, потому что немъ только Данилаъ научилъ вѣсть, что Родина съ дружиною обратилъ на Днѣпу, то немалая полчища предъ стѣнами Галича и сталъ говорить его жителямъ: «Где-городскіе! до какихъ веръ хотите вы торгѣть державу дипломатическихъ князей?» Та закричали въ отвѣтъ: «Вотъ нашъ князь. Богомъ данный!» и вступилъ къ Данилау, какъ дѣти росну, какъ пчелы къ мяткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, но выраженіемъ дѣтиснца. Епископъ Артеміи и дворскій Іереміи оспорили удерживали жителей отъ сдачи; но види, что могутъ болѣе удержать, явились къ Данилау со слезами на члахъ, съ össлѣбленнымъ лицемъ, обаяливая губы, но невольничали ему: «Правда, князь Данила! прими городъ.» Данилаъ шалъ въ свой городъ, и въ знакъ побѣды поставилъ хоругвь на да. Намѣстникъ воротамъ, а на другое утро пришла ему вѣсть, что Ростиславъ возвратился было къ Галичу, но увидяши, что городъ уже занятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Тогда бодро, лашемъ послѣдней надежды, пришли къ Данилау, усади ему въ ноги князь просить милости, говоря: «виноваты, что много князя криали.» Данилаъ отвѣчалъ: «Милую васъ, только смотрите, правдъ этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было.»

Татары были внутренніа дѣла въ югозападной Руси до Татарнаго нашествія; касательно внѣшнихъ ми видѣли столкновѣніа Мазашкою и Венгрією по поводу Галича. Въ Польшѣ въ это время происходили событіа, имѣвшія послѣ важное вліяніе на судьбу восточной Европы. Послѣ того какъ Владиславъ Ласкопий, принужденный уступить Краковъ Лешку Казимировичу²²⁰, возвратился въ свою отчину, встала усобица между нимъ лашаникомъ его, сыномъ Оттоновичемъ Владиславомъ, обыкновенно называемымъ Одоичемъ (Оттоновичемъ); эта усобица пре обхватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, съ другой стороны, большому ослабленію власти княжеской и усиленію власти прелатовъ и вельможъ. Въ 1227 году Владиславъ Одоичъ нанесъ страшное пораженіе Ласкопному князю почти весь его владѣніа; тогда на помощь Ласкопному князю противъ Одоича князь — Лешко Краковскій, братъ его сирады Мазовскій и Князь Генрихъ Бреславскій²²¹, а на сторону Одоича сталъ зять его (женинъ братъ), Святополкъ, князь Поморскій. Святополкъ и Одоичъ напали нечаянно на вра-

забвникъ мнѣсей, и широкимъ вѣхъ, при чьей помощи Грановскій лишился жизни. Тогда братъ его, Конрадъ Мазовскій призвалъ на помощь противъ Одонича Даниила и Васильки, постоянныхъ союзниковъ покойнаго Лешка; Романовичи пошли вмѣстѣ съ Конрадомъ и осадили Калышъ. Даниилъ хотѣлъ непременно взять городъ, но Поляки не шли биться, не смотря на то, что Конрадъ, любя Русскій бой, понуждалъ ихъ идти вмѣстѣ съ Русью. Между тѣмъ осажденные, видя приготовленія Данииловыхъ машинъ къ приступу, послали просить Конрада, чтобы прислалъ къ нимъ двухъ мужей своихъ для переговоровъ; однимъ изъ послѣднихъ, Пакославъ, сказалъ Даниилу: «Переодѣнься и иди вмѣстѣ съ нами на переговоры». Даниилъ сперва не хотѣлъ ѣхать, но братъ Василько уговорилъ его: «ступай, послушай ихъ вѣхо»; потому что Конрадъ не вѣрилъ одному изъ послѣднихъ, Мезиу. Даниилъ, идя вмѣстѣ Пакославовъ, сталъ позади повозъ, и слушалъ, что осажденные говорили съ забралъ вельможамъ Конрадовичъ: «Скажите вотъ что Великому князю Конраду, показывали имъ граждане: этотъ городъ не твой ли, и мы развѣ чужіе, ваши же братья, что жъ надъ нами не скалитесь? если насъ Русь захватитъ, то какую славу Конрадъ получитъ? Если Русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставитъ? не Романовичамъ ли однимъ? а свою честь утратитъ; ничто брату твоему служимъ, а завтра будемъ твоимъ; не дай славы Руси, не погуби нашего города.» Пакославъ отвѣчалъ имъ на это: «Конрадъ-то бы и радъ насъ помиловать; да Даниилъ очень лютъ, не хочетъ отойти прочь, не выйдя города; да вотъ онъ и самъ стоитъ, поговорите съ нимъ,» прибавилъ онъ смѣясь и указывая на Даниила. Князь снѣлъ съ себя шлемъ, а граждане закричали ему: «Смилуйся, мирись.» Романовичи много смѣялся и долго разговаривалъ съ ними, потомъ велѣлъ имъ двухъ человекъ, пошелъ къ Конраду, и тотъ заключилъ съ нимъ миръ. Русскіе послали множество челяди и боярынь; и тутъ Русь и Поляки заключили между собою условіе и утвердили его клятвою: если впередъ будетъ между ними война, то не воевать Полякамъ Русской челяди, а Руси Польской. Послѣ этого Романовичи возвратились домой съ честью и славой: ни одинъ другой князь не входилъ такъ глубоко въ землю Польскую, кромѣ Владимира Великаго, который землю крестилъ, говоритъ лѣто-

судить. Мы уже видели, что Конрадъ снѣдѣлъ Ренансваннъ-ландграфу, соединившись съ нимъ врагами; Даліишь за его наветы на графа Липовскаго звали Мандола и Руссигро, Извалава Ноппруденскаго (Ностероленскаго).

Далѣе Конрадъ знаменитъ въ исторіи Восточной Европы нѣтъ кромѣ сѣбѣ, имѣющего важное вліяніе на послѣдующія судьбы ея. Въ то время, когда западные Русскія области терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ Литвы, волости Польскія, прорусское Мазовія, терпѣли еще больше отъ набѣговъ единственною ей Пруссіею. Конрадъ доведенъ былъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не имѣлъ никакихъ средствъ вести не только наступательной, но и оборонительной войны съ варварами: далѣе уже, какъ повиновались ему подданные на войнѣ. Однажды княгиня Пруссіею пришла къ нему требовать лошадей и платя; Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, и не ждалъ тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такомъ обстоятельствѣ? Вспомнилъ къ себѣ на пирѣ знаменитѣльницу немку свою съ женою, и, во время пира, велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать Пруссіею. Но не всегда же можно было удовлетворять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ. Въ это время въ Мазовіи рыцари Мала усѣбною дѣйствовали противъ турсовцевъ. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарскій орденъ на границѣ своихъ владѣній, для постоянной борьбы съ Пруссіею; орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова Ордена, и Конрадъ далъ ему во владѣніе замекъ Добрынь. Пруссы, сдѣлавъ о немъ врагъ, нѣсколько разъ подступали къ замку, взяли его неогля, но за то нагнали такой страхъ, что четверо, или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыни, а никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги Добрыньскихъ рыцарей плохая надежда, и потому обратился къ другому, болѣе знаменитому своему храброму ордену. Въ 1192 году, во время послѣднихъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, Тевтонскій орденъ рыцарей Бюгеродцы получилъ окончательное утвержденіе. Новые рыцари носили черную туннику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обмундированныхъ монашескихъ обрядовъ они обязывались ходить за больными и биться съ вра-

самыя строгія; только Панацы и звать старика дворянинаго роду
 нитья прозо на катушение въ орденъ. Уставъ его былъ строгий
 рыцаря: жданъ въста, спали на твердыхъ ложахъ, или спудуш
 пинцу за общую трапезой, не могли, безъ позволенія начальни
 кова, выходить изъ дому, писать и печатать письма; не смѣли
 ничего держать подъ замкомъ, чтобъ не шептъ и мысли объ от
 дальной собственности, не смѣли разговаривать съ женщиной.
 Каждый годовою вступавшаго брата встрѣчали суровыми словами:
 «Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ своею во
 весело; нашъ уставъ — когда хочешь есть, то долженъ посты
 ться, когда хочешь поститься, тогда долженъ есть; когда хо
 чешь идти спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодр
 ствовать, долженъ идти спать. Для Ордену ты долженъ отрешиться
 отъ отца, отъ матери, отъ брата и сестры, и въ награду за это
 Орденъ дастъ тебѣ хлебъ, воду да рубище.»

Къ этому — то Ордену обратился Конрадъ Мазовецкій съ прось
 бою о помощи противъ Пруссовъ. Тевтонскіе рыцари были сла
 выи своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуще
 ствомъ, которое приобрѣли въ даръ отъ государей въ раз
 ныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя
 долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согла
 саться на предложеніе Конрада. Оно обещало имъ новое по
 прище, новое средство продлить существованіе Ордену, которое
 условливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами Кресто
 ста Христова. Въ 1225 году послы Конрада предложили Магн
 стру Ордену, Герману Фонъ Зальда землю Хельмскую или
 Кульмскую (тогда Culmburgis) съ обязанностию защищать Поль
 скія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фри
 дрихъ II предоставлялъ Ордену владѣніе Кульмскою землю и великія
 странами, которыя онъ отниметъ впередъ у Пруссовъ, но въ видѣ
 имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ Мазовецкихъ
 князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ Ордену пер
 выи областной Магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ
 отрядомъ рыцарей; въ 1230 году послѣдовало окончательное ут
 вержденіе условій съ Конрадомъ, и Орденъ началъ свою дѣятель
 ность на новой почвѣ.

Пруссія была раздѣлена на одиннадцать областей, несвязан
 ныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жи

восточных областей могли безнаказанно опустошать владѣнія
 Орденъ, слабѣе отъ распада, усобицы и внутреннего нестроения,
 Орденъ, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому со-
 единенному, дружному предпріятію; ихъ нападенія на Польшу
 предвѣщали разбойничьи наезды; при оборонѣ собственной
 земли, они не могли выставить также общаго, дружнаго сопро-
 тивленія; каждая область, каждое племя боролось поодиначкѣ
 съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное брат-
 ерство, которое существовало съ цѣлю постоянной, неуспяной
 войны, и которое обладало всеми средствами къ этой борь-
 бѣ на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисци-
 плина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ
 было релігіозное одушевленіе; потери Ордена были для него
 действительно велики; послѣ cadaго пораженія онъ возставалъ съ
 еще грозными силами, потому что ряды погибшихъ братьевъ
 скоро замѣнялись новыми подвижниками, стекавшимися со
 всѣхъ сторонъ, чтобъ пролить кровь свою въ священной борьбѣ,
 подъ славною хоругвию Дѣвы Маріи и св. Георгія. Противъ су-
 ммаго дикаря Западная Европа выставила столь же суроваго
 дикаря, но со всеми преимуществами образованности. Въренье
 не увѣнчалось на сторонѣ Ордена; но Орденъ дорого заплатилъ
 за этотъ успѣхъ. Первое занятіе Прусскихъ земель Нѣмцами
 совершилось довольно быстро; городки старшинъ Прусскихъ
 легли передъ рыцарями, и замки послѣднихъ строились без-
 разсудительно: что шагъ впередъ, то новая твердыня. Но однимъ
 расширеніемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ Орденъ не
 ограничивался; льготами привлекались Нѣмецкіе колонисты въ
 разстроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ
 помогать Ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ
 нѣ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; ту-
 манцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣ-
 жать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу но-
 выхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди Пруссовъ,
 Орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ
 Германию съ тѣмъ, чтобъ эти молодые люди, возвратясь потомъ
 в родину, содѣйствовали распространенію христіанства и Нѣ-
 мцкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Не смотря
 однако на эти средства, Пруссы, озлобленные жестокими при-

тѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обходоначіемъ бѣдителей, пять разъ возставали противъ послѣднихъ и противъ новой вѣры, принятой неволею. Въ первое изъ этихъ возстаній только двѣ области, прежде всѣхъ занятія Нѣмцами, остались вѣрны Ордену; въ другихъ же областяхъ Пруссіи рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, и такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ. Казалось, Орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе, по причинамъ выше изложеннымъ: Орденъ нельзя было окончательно обезсилить отсутствіемъ его владѣній, ибо онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изъ всей Европы. А Пруссія? Благодаря покровленію и подкрѣпленію извнѣ, отъ князей Литовскихъ, она умѣла одновременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и одновременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя — дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ! И точно, когда Орденъ началъ свое наступательное движеніе, борьба приняла прежній характеръ: каждая область снова защищалась отдѣльно, и, разумѣется, въ такой особности, не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей. Наконецъ продолжительное знаменство съ христіанствомъ, съ высшею образованностію принесенное должно было произвести среди Пруссіи свое дѣйствіе: смотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ — поработителямъ, нѣкоторые изъ Пруссіи, разумѣется, лучшіе, не могли не замѣтить въ восходствѣ вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія лучшей человѣкъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ своимъ: такъ начала обнаруживаться слабость въ самой основѣ сопротивленія со стороны Пруссіи въ религіозномъ одушевленіи. Второе возстаніе было послѣднимъ обнаруженіемъ силъ Пруссіи народности; третье возстаніе случившееся въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало только, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ чуждѣ вспыхнувши вслѣдствіе личныхъ, своекорыстныхъ побужденій одного человѣка, оно тотчасъ же потухло; четвертое и пя-

возстание носила такой же характеръ; при этомъ жители одной Прусской области, Самбин, вида, что все лучшіе люди примать Ордену, положили истребить сперва ихъ, и потомъ уже бросили на Немцевъ; они выбрали себя въ предводители одного молодого человека, но тотъ принялъ это званіе для того только, чтобъ удобнѣе предать главныхъ враговъ въ руки рыцарей. Если были признаки безсилія Пруссовъ, а между тѣмъ рыцари не отдыхали на лаврахъ, неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и, послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы, достигли завоеваніе Пруссіи²⁷⁸.

Такимъ образомъ, благодаря Конраду Мазовецкому, Пруссія и даже нѣкоторыя изъ старыхъ Славянскихъ земель уступлены были въ пользу Нѣмецкой народности. О непосредственномъ столкновеніи новыхъ завоевателей съ Русью лѣтописецъ оставилъ намъ не полный и смутный рассказъ подъ 1235 годомъ: по его словамъ Данилъ сказалъ: «не годится держать нашу отчину престовымъ рыцарямъ» — и пошелъ съ братомъ на нихъ въ силѣ силкой, взялъ городъ, захватилъ въ плѣнъ старшину Бруно, ратниковъ и возвратился во Владиміръ. Данилъ хотѣлъ было также принять участіе въ войнѣ Императора Фридриха II-го съ Австрійскимъ герцогемъ Фридрихомъ Воинственнымъ, помогать поспѣвшему, но былъ остановленъ въ этомъ намѣреніи королемъ Венгерскимъ. Кромѣ того лѣтопись упоминаетъ о войнахъ съ Литвою и Ятвягами: въ 1229 году, во время отсутствія Романовича въ Польшу на помощь Конраду, жители Бреста съ княземъ Владиміромъ Пяскимъ истребили толпу Литовцевъ. Надъ Ятвягами Романовичи одержали побѣду въ 1226 году. Половцы до прежнего участвуютъ въ княжескихъ усобицахъ, но о походахъ на нихъ не слышно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ сѣверной и южной Руси, когда въ другой разъ услышали о Татарахъ. Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наслѣдовалъ сынъ его Угедей (Октай); старшій сынъ Чингиса-Джучи, назначенный владѣльцемъ странъ, лежащей между Яикомъ и Днѣпромъ, Кипчака, прежнихъ кочевьевъ Половецкихъ, умеръ при жизни отца, и Чингисъ отдалъ Кипчакъ сыну его Батыю (Бату). Еще подъ 1229 годомъ наши лѣтописи упоминаютъ, что Саксины и Половцы прибѣжали къ низовьямъ Волги къ Болгарамъ, гонимые Татарами, прибѣ-

лади и сторожа Болгарскіе, разбитые послѣдними на рѣкѣ Янѣ. Въ 1236 году 300,000 Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, вошедъ въ землю Болгарскую, сожгли славный городъ Великій, истребили всѣхъ жителей, опустошили всю землю; толпы Болгаръ избѣжавшихъ истребленія и плѣна, явились въ предѣлахъ Русскихъ и просили князя Юрія дать имъ здѣсь мѣсто для поселенія. Юрій обрадовался и указалъ развести ихъ по городамъ новгородскимъ и другимъ ²⁷². Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною востока явились въ Рязанскихъ предѣлахъ и Татары; ставши на одномъ изъ притоковъ Суры ²⁷³, Батый послалъ жену чаредѣй и съ нею двухъ мужей къ князьямъ Рязанскимъ требовать десятины отъ всего—отъ князей, простыхъ людей и коней, десятины отъ ковей бѣлыхъ, десятины отъ воронихъ, бурыхъ, рыжихъ пѣгихъ; князья Рязанскіе, Юрій Игоревичъ съ двумя племянниками Ингваревичами Олегомъ и Романомъ, также князья Муромскій и Пронскій, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на встрѣчу въ Воронежъ, и объявили имъ: «кого никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше.» Между тѣмъ они послали во Владимиръ къ князю Юрію объявить о мѣждѣ, и просить помощи, но Юрій не исполнилъ ихъ просьбы, хотѣлъ одинъ обороняться. Услыхавши отвѣтъ князей Рязанскихъ, Татары двинулись дальше, и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступомъ и сожгли, истребивши жителей. Князя Юрія удалось имъ выманить обманомъ изъ города; они повели его къ Пронску, гдѣ была у него жена, выманили же обманомъ, убили обоихъ, опустошили всю землю Рязанскую, двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дожидался ихъ сынъ Великаго Князя Юрія, Всеволодъ съ бѣглецомъ Рязанскимъ, княземъ Романомъ Ингваревичемъ и воеводою Еремѣемъ Глѣбовичемъ: изъ слѣдъ крѣпкой сѣчи великокняжеское войско потерпѣло пораженіе, въ числѣ убитыхъ былъ князь Романъ и воевода Еремѣй, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владимиръ съ малою дружиною. Татары шли дальше, взяли Москву, гдѣ убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владиміра Юрьевича и отправились съ нимъ ко Владимиру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей, Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ, а самъ съ тремя племянниками Константиничами, поѣхалъ на Волгу и сталъ на рѣкѣ Сити; и

онъ, оставивъ здѣсь воеводу Жирослава Михайловича, онъ отправился по окрестнымъ волостямъ собирать ратныхъ людей, ожидая и братьевъ — Ярослава и Святослава. 3-го февраля Татарами, безчисленными какъ саранча, подступили ко Владимиру, и подъѣхавши къ Золотымъ воротамъ съ плѣннымъ своимъ, княземъ Владиміромъ Московскимъ, стали спрашивать у жителей: «Великій князь Юрій въ городъ ли?» Владимирцы вместо отвѣта пустили въ нихъ стрѣлы, Татары отплакали имъ тѣмъ же, потомъ закричали: «не стрѣляйте,» и когда стрельба прекратилась, подвели поближе къ воротамъ и показали имъ Владиміра, спрашивая: «узнаете ли вашего княжича?» Татары, бояре и весь народъ зашатались, увидавши Владиміра гдѣнаго, похудалаго. Возбужденные этимъ видомъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ хотѣли было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ Татарами, но были удержаны воеводою Осладюковичемъ. Между тѣмъ Татары, урядивши, гдѣ ставить имъ около Владиміра, пошли сперва къ Суздалю, сожгли его, и, возвратившись опять ко Владимиру, начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, и въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти приготовления, поняли, что города не отстоятъ, и начали готовиться къ оборонѣ; 7-го февраля Татары приступили къ городу, до обѣда сожгли Новый городъ и запалили его, послѣ чего князья Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бросились бѣжать въ старый или Печерный городъ; князь Всеволодъ, думая умиловать Батю, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ рубить передъ собою. Между тѣмъ епископъ Митрофанъ, великая Книгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и простыхъ людей заперлись въ городничной церкви на полатяхъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около церкви и въ самую церковь, и зажгли ее: всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра Татары поѣхали дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ: одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе на Волгу и на Городецъ, поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича Мерскаго;

иние пошли къ Переяславию, взяли его, взяли другіе города Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына Ярославова; до самаго Торжка не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы не воевали, въ одинъ февраль мѣсяцъ взяли четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и негостовъ.

Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владимира и гибели семейства; онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехъ тысячнымъ отрядомъ разузнать о неприятелѣ; Дорожъ прибѣжалъ назадъ и объявлялъ, что Татары уже обошли Русское войско кругомъ. Тогда князь съѣлъ на кони и вѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками выступилъ противъ враговъ 4-го марта 1238 года; послѣ злой сраженія Русскіе полки побѣжали предъ иноплеменниками, при чемъ князь Юрій былъ убитъ и множество войска его погибло, а Василий Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татарамъ очень хотѣлось, чтобъ Василько принялъ ихъ обычаи и воевалъ вѣстѣ съ ними; но Ростовскій князь не вѣлъ ни пиля, чтобъ не осквернить себя пищею поганныхъ, укоризнами отвѣчалъ на ихъ убѣжденія и раздосадованные варвары наконецъ убили его ²⁷⁵. Лѣтописецъ очень хвалитъ этого князя: былъ онъ красивъ лицомъ, имѣлъ ясный и вѣстѣ грозный взглядъ, былъ необыкновенно храбръ и отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; бояринъ, который ему служилъ, хлѣбъ его вѣлъ, чашу пиля и даръ бралъ, тотъ бояринъ никакъ не могъ быть у другихъ князей: такъ Василько любилъ своихъ слугъ. — Отъ Сити Татары пошли къ югозпаду, осадили Торжекъ, били въ него пороками двѣ недѣли и наконецъ взяли 23-го марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли Селигерскимъ путемъ посѣкая людей какъ трава, но, не дошедши ста верстѣ до Новгорода, остановились ²⁷⁶, боялись, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приближенія весенняго времени разлива рѣкъ, таянія болотъ, и пошли къ юговостоку, на степи. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ княжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой Василий, жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: «хотѣлъ князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животъ свой за него; и здѣсь славу; и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ». Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взойшли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане

взались съ ними покамнѣ, а другіе вышли изъ города, нанали на татарскіе помки и убили 4000 неприятелей, ноа сами всѣ не помки истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось съ княземъ Василюмъ, неизвестно: одни говорятъ, что онъ утопулъ въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ летописецъ, Татары не смѣли называть Козельскъ настоящимъ его именемъ; а зывали злымъ городомъ.

По взятіи Козельска Батый отправился въ степи, въ землю Половецкую и разбилъ здѣсь хана Котина, который съ 40000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія. Въ слѣдующемъ 1239 году Татарскія толпы снова явились на сѣверовостокъ, взяли землю Мордовскую, повооевали по Славьмъ, пожгли городъ Гороховець, принадлежавшій Владимірской Богородичной церкви. Вѣсть о новомъ ихъ нашествіи дала такой ужасъ, что жители городовъ и селъ бѣжали, сами не зная куда. На этотъ разъ впрочемъ Татары не шли далѣе Славьмы на сѣверовостокъ; но за то путемъ Половецкимъ явились въ предѣлахъ южной Руси, взяли и сожгли Переяславль важный, половину жителей истребили, другихъ повели въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска и на Черниговъ; на помощь осажденнымъ явился двоюродный братъ Михаила, Мстиславъ Глѣбовичъ, но потерпѣлъ поражение, и убѣжалъ въ Венгрію: Черниговъ былъ взятъ и сожженъ, но епископъ былъ пощажень; такъ уже обозначилось обыкновеніе Татаръ—уважать религію каждаго народа и ея служителей. По взятіи Чернигова племянникъ Батия, сынъ Угедея, Менгу-Ханъ пріѣхалъ къ Песочному Городку на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева, чтобъ посмотреть на этотъ городъ; по словамъ летописца, Татаринъ удивился красотѣ и величеству Кіева, и отправилъ пословъ къ князю Михаилу и гражданамъ склонять ихъ къ сдачѣ; но тѣ не послушались и послы были убиты. Михаилъ однако не дождался осады, и бѣжалъ въ Венгрію; не смотря на опасность, красота и величество Кіева привлекали еще князей къ этому городу, и на мѣсто Михаила явился изъ Смоленска внукъ Давидовъ, Ростиславъ Мстиславичъ; но старшій по родовой лѣтвицѣ четверюродный братъ его, Даниилъ Галицкій не позволялъ ему долго оставаться въ Кіевѣ: онъ схватилъ Ростис-

слава, и взялъ Кіевъ себя; самъ однако не остался въ немъ, поручилъ оборонять его отъ Татаръ тысяцкому Дмитрію. Между тѣмъ во время бѣгства Михайлова въ Венгрію жена его (сестра Данилова) и бояре были захвачены княземъ Ярославомъ⁸⁷⁷, который овладѣлъ также Каменцомъ. Услыхавъ объ этомъ, Данилъ послалъ сказать ему: «отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михайлъ на обоихъ насъ зло мыслить.» Ярославъ исполнилъ Данилову просьбу, отправилъ Черниговскую княгиню къ брату, а между тѣмъ дѣла мужа ея шли неудачно въ Венгрію: король не захотѣлъ выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогналъ его отъ себя; Михайлъ съ сыномъ отправились тогда въ Польшу къ дядѣ своему Конраду. Но и здѣсь, какъ видно, они не могли получить помощи и потому должны были смиреннѣе предъ Романовичами, послали сказать имъ: «Много разъ грѣшили мы предъ вами, много надѣлали вамъ вреда, и обѣщанія своихъ не исполняли; когда и хотѣли жить въ дружбѣ съ вами, то невѣрные Галичане не допускали насъ до этого; но теперь клянемся, что никогда не будемъ враждовать съ вами». Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою къ Михайлу и привели его самого къ себѣ изъ Польши; мало того, обѣщали отдать ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу отдали Луцкъ; но Михайлъ, боясь Татаръ, не смѣлъ идти въ Кіевъ, и ходилъ по волюсти Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, медовъ и овецъ.

Боязнь Михайлова была основательна: въ 1240 году явился Батый подъ Кіевомъ: окружила городъ и остолпила сила Татарская, по выраженію лѣтописца; Кіевлянамъ нельзя было слышать другъ друга отъ скрипа телѣгъ Татарскихъ, рева въ блудовъ, ржанія лошадей. Батый поставилъ пороки подлѣ и вротъ Лядскихъ, потому что около этого мѣста были дебри; пороки били безпрестанно день и ночь, и выбили наконецъ стѣны тогда граждане взошли на остатокъ укрѣпленій и все продолжали защищаться; тысяцкій Дмитрій былъ раненъ, Татары овладѣли и послѣдними стѣнами и расположились провести на остатокъ дня и ночь. Но въ ночь граждане выстроили новыя дубовыя укрѣпленія около Богородичной церкви, и Татары на другой день нужно было брать ихъ опять съ кровопролитнымъ бою. Граждане спѣшили спастись съ мнѣніемъ своимъ на цер

ви, но стѣны церковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончателно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря; раненаго Дмитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Вѣсть о гибели Кіева послужила знакомъ къ отъѣзду князей — Михаила въ Польшу къ Конраду, Данила въ Венгрію. Узнавши объ этомъ, Батый двинулся на Волинь; подошедши къ городу Ладыжину на Бугъ ²⁷⁸, онъ поставилъ противъ него 12 пороковъ — и не могъ разбить стѣнъ; тогда льстивыми словами началъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ, тѣ повѣрили его обѣщаніямъ, сдались и были всѣ истреблены. Потомъ взятъ былъ Каменецъ, Владимиръ, Галичъ и много другихъ городовъ, обойденъ одинъ Кременецъ по своей неприступности. Тогда плѣнный тысяцкій Дмитрій, вида гибель земли Русской, сталъ говорить Батыю: «Будетъ тебѣ здѣсь воевать, время идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее». Батый послушался и направилъ путь къ Венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи Татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, страшные рассказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ, распространялись по Германіи и далѣе на западъ. Рассказывали, что Татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за ними, сами они вышли прямо изъ ада и потому наружностію не похожи на другихъ людей. Императоръ Фридрихъ II-й разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ: «Время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятеля». Но воззваніе доблестнаго Гогенштауфена не достигло цѣли: въ Германіи не тронулись на при-

звѣвъ ко всеобщему вооруженію, ибо этому мѣшала борьба Императора съ Папою и происшедшее отъ этой борьбы разъединеніе; Германія ждала враговъ въ бездѣйственномъ страхѣ, и одни Славянскія государства должны были взять на себя борьбу съ Татарами.

Весною 1241 года Батый перешелъ Карпаты и поразилъ Венгерскаго короля на рѣкѣ Солоной (Сайо); король убѣжалъ въ Австрію, и владѣнія его были опустошены. Еще прежде, другой отрядъ Татаръ опустошилъ волость Сендомирскую; потомъ Татары перешли Вислицу, поразили двухъ Польскихъ князей, и въ концѣ апрѣля вторглись въ Нижнюю Силезію. Здѣшній герцогъ Генрихъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу у Лигница, палъ въ битвѣ, и уже Татарамъ открытъ былъ путь чрезъ Лузацкія долины къ Эльбѣ во внутренность Германіи, какъ день спустя послѣ Лигницкой битвы передъ ними явились полки Чешскаго короля Вячеслава. Татары не рѣшились вступить во вторичную битву, и пошли назадъ въ Венгрію; на этомъ пути опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Ольмюца потерпѣли пораженіе отъ Чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга, и удалились поспѣшно въ Венгрію. Отсюда въ томъ же году они попытались вторгнуться въ Австрію, но здѣсь загородило имъ дорогу большое ополченіе подъ начальствомъ короля Чешскаго Вячеслава, герцоговъ Австрійскаго и Каринтійскаго; Татары опять не рѣшились вступить въ битву, и скоро отхлынули на востокъ²⁷⁰. Западная Европа была спасена; но сосѣдняя съ степями Русь, Европейская Украина надолго подпала вліянію Татаръ. Чтобы въ послѣдствіи вѣрнѣе опредѣлить степень этого вліянія, мы должны теперь познакомиться съ нравами и бытомъ этихъ послѣднихъ Азіатскихъ владыкъ восточной Европейской равнины. Мы будемъ пользоваться извѣстіями западныхъ путешественниковъ, сводя ихъ съ восточными извѣстіями намъ доступными.

По этимъ извѣстіямъ, наружностію своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей: большее, чѣмъ у другихъ племятъ разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ—вотъ отличительныя черты ихъ наружности. — Женъ Татаринъ нѣмѣтъ столько, сколько можетъ содержать, женятся не разбирая родства, не берутъ за себя только

вать, дочь и сестру отъ одной матери; женъ покупаютъ дорогою цѣною у родителей послѣднихъ. Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; на верху находится отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что по срединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Нѣкоторые изъ этихъ юртъ легко разбираются и опять складываются, нѣкоторые же не могутъ разбираться и возятся на телѣгахъ какъ есть, и куда бы ни пошелъ Татары, на войну или такъ куда-нибудь, всюду возятъ ихъ за собою. Главное богатство ихъ состоитъ въ скотѣ, верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ; у нихъ столько скота, сколько нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ. — Вѣрятъ въ одного Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастья и бѣдствій. Но этому Богу они не молятся и не чествуютъ его, а приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами кладутъ изображеніе сосцовъ, считая ихъ охранителями стадъ. Боготворятъ также умершихъ хановъ своихъ, изображеніямъ которыхъ приносятъ жертвы, и творятъ поклонны, смотря на югъ; обожаютъ солнце, луну, воду и землю. Держатся разныхъ суевѣрныхъ преданій, напр., считаютъ грѣхомъ дотронуться ножемъ до огня, бичемъ до стрѣлы, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напитокъ и т. п. Молнію считаютъ огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба, и могущимъ оплодотворять женщинъ. Вѣрятъ въ будущую жизнь, но думаютъ, что и по смерти будутъ вести такую же жизнь, какъ и здѣсь на землѣ. Сильно вѣрятъ гаданіямъ и чарамъ; думаютъ, на примѣръ, что огонь все очищаетъ, и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами ихъ проводятъ сперва между двухъ огней, чтобъ они не могли принести хану какого-нибудь зла. — Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары. Бранятся они рѣдко между собою и никогда не дерутся; воровъ у нихъ нѣтъ, и потому юрты и кибитки ихъ не запираются; другъ съ другомъ общителен, помогаютъ въ нуждѣ; воздержны и терпѣливы: случится день, два не поѣсть—ничего: ноютъ и играютъ, какъ будто бы сытно пообе-

дали, легко переносят также холодъ и жаръ; жены ихъ цѣломудренны на дѣлѣ, но нѣкоторыя не воздержны на непристойныя слова. Любить пить, но и въ пьяномъ видѣ не бранятся и не дерутся. — Описавъ добрыя качества Татаръ, западный путешественникъ, Миноритъ Іоаннъ Пано-Карпини переходитъ къ дурнымъ: прежде всего поразила его въ нихъ непоимѣрная гордость, презрѣніе ко всемъ другимъ народамъ: мы видѣли, говоритъ онъ, при дворѣ ханскомъ Великаго князя Русскаго Ярослава, сына царя Грузинскаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ особъ— и ни одному изъ нихъ не было воздаваемо должной почести: приставленные къ нимъ Татары, люди незначительные, всегда брали передъ ними первое мѣсто. Татары сколько обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скуны, свирѣпы: убить человѣка имъ ничего не стоитъ, наконецъ очень неопрятны. По законамъ Чингисъ-Хана смертная казнь назначалась за 14 преступленій: за супружескую невѣрность, воровство, убійство и между прочимъ за то, если кто убьетъ животное не по принятому обычаю. Между дѣтьми отъ жены и наложницы нѣтъ у нихъ различія; однако наследникомъ престола считался младшій сынъ, котораго мать была знатнѣе по происхожденію своему всѣхъ другихъ ханшъ; младшій сынъ считался охранителемъ домашняго очага, онъ поддерживалъ семью въ случаѣ, если старшіе будутъ убиты на войнѣ. Мужчины ничѣмъ не занимались кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки: дѣти съ двухъ или трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ и стрѣлять въ цѣль. Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ какъ мужчины, носятъ луки и стрѣлы; на женщинахъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы. — Вообще женщины пользовались уваженіемъ, шадить ихъ по возможности было закономъ; ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регентство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣла и жена его или жены, даже магометанинъ Узбекъ садился по пятницамъ на золотомъ тронѣ, окруженный справа и слѣва женами. Касательно военнаго устройства Чингисъ-Ханъ опредѣлилъ, чтобъ надъ каждымъ десятью человѣками былъ одинъ начальникъ, десятникъ,

надъ десятию десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятию сотниками тысячникъ; надъ десятию тысячниками особый начальникъ, а число войска ему подчиненнаго называлось тьмою²²¹; сторожевые отряды назывались караулами. Бѣглецы съ поля битвы, (если только бѣгство не было всеобщимъ), всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбре были, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣднѣе умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были засты въ мѣстѣ, а товарищи ихъ не освободили, то послѣднѣе также умерщвлялись. Каждый Татаринъ долженъ имѣть лукъ, кочанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобъ защищать осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣютъ кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей также защищенныхъ; нѣкоторые дѣлаютъ брони для себя и для лошадей изъ кожи, нѣкоторые вооружаются также копьями; щиты у нихъ хворостяные. Вступая въ непріятельскую землю, Татары посылаютъ передовыя отряды, которые ничего не опустошаютъ, но стараются только убивать людей или обратить ихъ въ бѣгство; за ними слѣдуетъ цѣлое войско, которое, наоборотъ, истребляетъ все на пути своемъ. Если встрѣтится большая рѣка, то переправляются сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанными къ лошадинымъ хвостамъ. Завидя непріятеля, передовой отрядъ бросаетъ въ него по три или четыре стрѣлы, и если замѣчаетъ, что не можетъ одолѣть его въ схваткѣ, обращается въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующаго непріятеля въ засаду; на войнѣ это самый хитрый народъ, и не мудрено: больше сорока лѣтъ ведутъ они безпрестанныя войны. Вожди не вступаютъ въ битву, но стоятъ далеко отъ непріятелей, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадахъ, иногда сажаютъ на лошадей чучелъ, чтобъ казалось больше войска. Прямо противъ непріятеля высылаютъ отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы самыхъ храбрыхъ людей посылаютъ на право и налѣво въ дальнемъ разстояніи, чтобъ послѣ неожиданно обхватить врага. Если послѣдній крѣпко бьется, то обращаются въ бѣгство, и въ бѣгствѣ бьютъ стрѣлами преслѣдующаго непріятеля. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но стараются сперва перебить и вереранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и потомъ уже схватываются съ ослабленнымъ такимъ образомъ

непрітелемъ. При осадѣ крѣпостей разбиваютъ стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ, и не перестаютъ бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхаютъ, потому что одинъ отрядъ смѣняетъ другой; бросаютъ на крыши домовъ жиръ убитыхъ людей и потому Греческій огонь⁸⁸³, который отъ того лучше горитъ; отводятъ рѣки отъ городовъ, или, наоборотъ, наводняютъ послѣдніе, дѣлаютъ подкопы, наконецъ, огораживаютъ свой станъ, чтобъ быть безопасными отъ стрѣльбы непрітелей и долгимъ облежаніемъ принуждаютъ послѣднихъ къ сдачѣ. При этомъ они стараются сперва обѣщаніями уговорить гражданъ къ сдачѣ, и когда тѣ согласятся, то говорятъ имъ: «Выходите, чтобъ по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ,» и когда всѣ жители выйдутъ изъ города, то спрашиваютъ, кто между ними знаетъ какое-нибудь искусство? и тѣхъ сохраняютъ, остальныхъ же убиваютъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ выбираютъ въ рабы, но при этомъ лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады. По приказанію Чингисъ-Хана не должно щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады — сожалѣніе. Миръ заключаютъ они только съ тѣми народами, которые соглашаются признать ихъ господство, потому что Чингисъ-Ханъ завѣщалъ имъ покорить по возможности всѣ народы. Условія, на которыхъ Татары принимаютъ къ себѣ въ подданство какой-нибудь народъ, суть слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому востребованію, потомъ давать десятину отъ всего, отъ людей и отъ вещей, берутъ они десятого отрока и дѣвицу, которыхъ отводятъ въ свои кочевья и держатъ въ рабствѣ, остальныхъ жителей перечисляютъ для сбора подати. Требуютъ также, чтобъ князья подчиненныхъ странъ являлись безъ замедленія въ Орду и привозили богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, сотникамъ, однимъ словомъ, всѣмъ имѣющимъ какое-нибудь значеніе: нѣкоторые изъ этихъ князей лишаются жизни въ Ордѣ; нѣкоторые возвращаются, но оставляютъ въ заложникахъ сыновей или братьевъ, и принимаютъ въ свои земли баскаковъ, которымъ какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны повиноваться, въ противномъ случаѣ, по донесенію баскаковъ, является толпа Татаръ, которая истребляетъ ослушниковъ, опустошаетъ ихъ го-

родъ или страну; не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій Татаринъ, если случится ему прїѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней какъ господинъ ³⁸³, требуетъ все, чего только захочетъ, и получаетъ. — Во время пребыванія въ Ордѣ у Великаго хана, Плато-Карпини замѣтилъ необыкновенную терпимость послѣднаго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ: въ самомъ семействѣ хана были христіане; на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ христіанскихъ духовныхъ Греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви, поощравшейся передъ большею его милостію. Другой западный путешественникъ, миноритъ Рубруквисъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва христіанскіе Несторіанскіе духовные, потомъ муллы магометанскіе, наконецъ языческіе жрецы. Рубруквисъ описываетъ также любопытный споръ, происходившій, по ханскому приказанію, между проповѣдниками трехъ религій — Христіанской, Магометанской и Языческой; Рубруквисъ, защищавшій христіанство противъ языческаго жреца, позванъ былъ послѣ того къ хану, который сказалъ ему: «Мы, Татары, вѣруемъ во единаго Бога, Которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукъ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ кодуновъ, мы дѣлаемъ то, что они намъ говорятъ и живемъ въ мирѣ». По уставу Чингисъ-Хана и Октая, подтвержденному въ послѣдствіи, служители всѣхъ религій были освобождены отъ платежа дани ³⁸⁴.

Г Л А В А III.

ОТЪ БАТЫЕВА НАШЕСТВІЯ ДО БОРЬБЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

(1240—1276).

Ярославъ Всеволодовичъ на Сѣверѣ Его походы къ Татарамъ и смерть. Войны съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями. Дѣятельность Александра Ярославича Невского. Михаилъ Ярославичъ, князь Московскій. Отношенія между сыновьями Ярослава — Александромъ и Андреемъ. Андрей изгнанъ. Александръ Великій княземъ. Ссора Александра съ Новгородомъ. Татарская перепись. Движеніе противъ Татаръ. Смерть Александра Невского. Внѣшнія войны. Ярославъ Тверской великимъ княземъ. Отношенія его къ Новгороду. Княженіе Василія Ярославича Костромскаго. Ослаба отъ нашествія Татарскаго. Продолженіе борьбы съ Литвою и Нѣмцами. Событія въ разныхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Боюре. Событія въ юго-западной Руси.

Узнавши о гибели Великаго князя, старшій по немъ братъ, Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владимиръ: онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся отъ истребленія людей, утѣшилъ ихъ, и, какъ старшій, началъ распоряжаться волостями: брату Святославу отдалъ Суздаль, другому Ивану Стародубъ сѣверный⁴⁸⁵. При этомъ распоряженіи волостями, видимъ господство отчинности: Переяславль, прежняя волость Ярославова, остается за нимъ; Ростовъ, старшій столъ послѣ Владимира, остается постоянно въ племени Константиновомъ; и здѣсь видимъ тоже самое явленіе: по смерти Старшаго Константиновича Василька, старшая волость Ростовская не переходитъ къ брату его Владимиру, который остается на прежнемъ столѣ своемъ въ Угличѣ, Ростовская волость переходитъ къ сыновьямъ Василька, изъ которыхъ старшій Борисъ остался въ Ростовѣ, а младшій Глебъ сѣлъ на Бѣль-озерѣ; Ярославль остается за сыномъ убитаго Всеволода, Василюемъ.

Татары²⁰⁰ оставляли въ покое только тѣ народы, которые признавали надъ собою власть ихъ; противиться имъ не было средствъ у Владимірскаго князя: мы видѣли, какой ужасъ напалъ на жителей при вѣсти о вторичномъ появленіи Татаръ въ Русскихъ предѣлахъ; надобно было покориться, надобно было изъявить эту покорность лично передъ ханомъ — и Ярославъ отправился въ Орду къ Батюю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги; Батый, по словамъ летописца, принялъ Ярослава съ честью, и отпуская, сказалъ ему: «будь ты старшій между всеми князьями въ Русскомъ народѣ». Въ слѣдъ за Ярославомъ отправились къ Батюю и всѣ родичи его, а сынъ великокняжескій Константинъ поѣхалъ дальше, къ Великому хану; но присутствіемъ сына не удовольствовались: въ 1245 г., Константинъ возвратился въ Русь, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться въ Татарію, гдѣ въ августъ 1246 года былъ свидѣтелемъ воцаренія Куюка, сына Угедеева. Извѣстный уже намъ путешественникъ, монахъ Плато-Карпини встрѣтился съ Ярославомъ въ Ордѣ; не велика была, по его словамъ, честь, которою пользовался здѣсь старшій князь Русскій; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее мѣсто передъ всеми другими владѣльцами²⁰⁷. Тотъ же путешественникъ оставилъ намъ нѣкоторыя подробности и о смерти Великаго князя, послѣдовавшей въ 1246 году; Ярослава позвали къ матери Великаго хана, которая, какъ бы желая оказать честь Русскому князю, дала ему вѣсть и пить изъ собственныхъ рукъ; но, возвратившись отъ ханши, Ярославъ заболѣлъ, и чрезъ семь дней умеръ, при чемъ тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, почему всѣ и думали, что ханша отравила его, дабы Татары могли свободнѣе владѣть Русью; доказательствомъ служить еще и то, прибавляетъ Плато-Карпини, что ханша нослѣшила отправить посла въ Россію къ сыну Ярославову Александру, съ обѣщаніемъ дать ему отцовское наследство, если пріѣдетъ къ ней; но Александръ не поѣхалъ. — Догадка Плато-Карпини о причинѣ отравленія Ярославова не вѣроятна, ибо смерть одного Ярослава не перемѣняла дѣлъ на свѣрѣ, слѣдовательно не могла быть полезна для Татаръ, которымъ надобно было истребить всѣхъ князей для того, чтобъ свободно владѣть Россією. Извѣстія нашихъ летописей проли-

всѣтъ новій, хотя не ясный свѣтъ на событіе: по этимъ извѣстїямъ виною смерти Ярославовой была крамола еѣе соотечественниковъ, именно какого-то Федора Яруновича, который оклеветалъ Великаго князя: не трудно предположить, чтобъ Яруновичъ дѣйствовалъ здѣсь лично отъ себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава въ Ордѣ была явленіемъ, одинакимъ съ смертію другихъ князей Русскихъ тамъ же, была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ.

Въ то время, какъ на востокъ Русскіе князья принуждены были ѣздить съ поклономъ къ ханамъ степныхъ варваровъ, на западѣ шла борьба съ сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде Татаръ. Тотчасъ по занятїи старшаго стола, въ 1239 году Ярославъ долженъ былъ выступить противъ Литвы, которая воевала уже въ окрестностяхъ Смоленска; Великій князь побѣдилъ Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя, потомъ урядилъ Смольнянъ, посадивши у нихъ княземъ Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой съ большою добычею и честію. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; съ двухъ другихъ сторонъ нападаютъ на сѣверо-западную Русь враги не менѣе опасные: Шведы и Ливонскіе рыцари. Владимірскимъ князьямъ нельзя было оборонять ее постоянно отъ всѣхъ этихъ враговъ: у нихъ было много дѣла у себя, на востокъ, въ слѣдствіе утвержденія новаго порядка вещей, безпрестанныхъ усобицъ для усиленія одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ, и Татарскихъ отношеній. Тогда Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со Шведами, а Псковъ, бѣдный средствами Псковъ, долженъ былъ вести борьбу съ двумя самыми опасными врагами, Литвою и Нѣмцами, при внутреннемъ неурядкѣ, при частомъ отсутствїи князя, при ссорахъ съ старшимъ братомъ своимъ, Новгородомъ Великимъ.

Самымъ сильнымъ ударамъ съ трехъ сторонъ Новгородъ и Псковъ подверглись съ 1240 года; они выдержали ихъ, и этимъ преимущественно обижаны были сыну Великаго князя Ярослава, Александру, который сталъ княжить у нихъ одинъ послѣ отца съ 1236 года²⁸⁸. Въ Швеціи борьба между Готскимъ и Шведскимъ владѣтельными домами, кончившаяся въ 1222 году,

услыла власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наследственно дестеинствомъ ярла. Могуцственный представитель этой фамилии, Биргеръ, побуждаемый павскими посланіями, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ скоро пришла въ Новгородъ вѣсть, что Шведы явились въ устьѣ Ижоры и хотятъ идти на Ладогу, то Александръ не сталъ дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы Новгородской волости, съ небольшою дружиною выступилъ противъ непріятеля, и 15-го июля нанесъ ему пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе Невскаго. Самъ Александръ рассказывалъ послѣ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ дружины своей: одинъ изъ нихъ Гаврило Олексичъ прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ кономъ въ воду, но вышелъ невредимъ, и опять поѣхалъ биться съ воеводою Шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ, этотъ воевода остался на мѣстѣ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, та же участь постигла и епископа²³³. Другой Новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ удивилъ также всѣхъ своею силою и храбростію, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія. Якуновичу въ храбрости не уступалъ княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ Шведскіе ряды. Четвертый Новгородецъ Миша пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и погубилъ три изъ нихъ; пятый, отрокъ княжескій Савва, пробился до большого златоверхаго шатра Биргерова и подскѣкъ у него столпъ, шатеръ повалился и паденіе его сильно обрадовало Новгородцевъ въ битвѣ; шестой, слуга княжескій Ратмиръ бился пѣшъ, былъ ооруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и палъ отъ множества ранъ; всѣхъ убитыхъ со стороны Новгородской было не болѣе 20 человекъ. Зная, какой характеръ носила эта борьба, съ какимъ намѣреніемъ приходили Шведы, мы поймемъ то религіозное значеніе, которое имѣла Невская побѣда для Новгорода и остальной Руси; это значеніе ясно видно въ особенномъ сказаніи о подвигахъ Александра: здѣсь Шведы не иначе называются какъ Рямлянами, — прямое указаніе на религіозное различіе, во имя котораго предпринята была война. Побѣда была одержана непосредственною помощію свыше: былъ старшина въ землѣ Ижор-

свой, именемъ Палгусій, которому было поручено сторожить неприятеля на морѣ; Палгусій былъ ирещемъ и носилъ христіанское имя Флиппа, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ; Палгусій жилъ богоугодно, держалъ строгій постъ по середамъ и пятнамъ и сподобился видѣнія: однажды пробылъ всю ночь безъ сна, и при восходѣ солнечномъ вдругъ слышитъ сильный шумъ на морѣ, и видитъ, что гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насады стоятъ св. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ, гребцы сидятъ какъ будто мглою одѣты, и слышитъ онъ, что Борисъ говоритъ Глѣбу: «Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему Великому князю Александру Ярославичу.» Палгусій рассказалъ потомъ видѣніе Александру, и тотъ запретилъ ему больше никому не рассказывать объ немъ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ челѣ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, ибо Александръ шелъ по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ: въ самый годъ Новгородской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, разсорившись съ жителями. А между тѣмъ Нѣмцы, опять съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, взяли Изборскъ; Псковичи вышли къ нимъ на встрѣчу, и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича³⁰⁰, а Нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили къ Пскову, пожгли посады, окрестныя села и цѣлую неделю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить всѣ ихъ требованія и дали дѣтей своихъ въ заложники: въ Псковѣ началъ владѣть вмѣстѣ съ Нѣмцами какой-то Твердило Ивановичъ, который и подвелъ враговъ, какъ утверждаетъ лѣтописецъ; мы уже видѣли во враждѣ сторонъ причину таинхъ измѣнъ. Приверженцы противной стороны бѣжали въ Новгородъ, который остался безъ князя, а между тѣмъ Нѣмцы не довольствовались Псковомъ: вмѣстѣ съ Чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей, и намѣреваясь стать твердою ногою въ Новгородской волости, построили крѣпость въ Копорьѣ погостъ; по берегамъ Луги побрали всѣхъ лошадей и скоть; по селамъ нельзя было земли пахать, да и вѣчѣмъ; по дорогамъ въ тридцати верстахъ отъ Новгорода неприятель былъ кунцовъ. Тогда Новгородцы послали въ Низовую землю къ Ярославу за княземъ, и тотъ далъ имъ другаго сына своего Андрея; но надобенъ былъ Александръ, а не Андрей: Нов-

геральды подумали, и отправили опять владѣнку съ боярами за Александромъ; Ярославъ далъ имъ его опять, на какихъ условіяхъ, не извѣстно, но, вѣроятно, не на всей волѣ Новгородской: мы увидимъ послѣ самовластіе Александра въ Новгородѣ; жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ.

Приѣхавши въ Новгородъ въ 1241 году, Александръ немедленно пошелъ на Нѣмцевъ къ Копорью, взялъ крѣпость, гарнизонъ Нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ Вожанъ и Чудь перевѣшалъ. Но нельзя было такъ скоро освободить Псковъ; только въ слѣдующемъ 1242 году, Александръ выступилъ ко Пскову и взялъ его, при чемъ погибло семьдесятъ рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ, шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены, какъ говоритъ Нѣмецкій лѣтописецъ²⁰¹. Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую землю, во владѣнія Ордена; войско послѣдняго встрѣтило одинъ взъ Русскихъ отрядовъ и разбило его на голову; когда бѣглецы принесли Александру вѣсть объ этомъ пораженіи, то онъ отступилъ къ Псковскому озеру, и сталъ дожидаться непріятеля на льду его, который былъ еще крѣпокъ 5-го апрѣля. На солнечномъ восходѣ началась знаменитая битва, слышущая въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ледоваго побоища. Нѣмцы и Чудь пробились свиньею (острою колонною) сквозь Русскіе полки и погнали уже бѣгущихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу; была злая сѣча, говоритъ лѣтописецъ, льда на озерѣ стало не видно, все покрылось кровію; Русскіе гнали Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ, убили у нихъ 500 чловѣкъ, а Чуди безчисленное множество, взяли въ плѣнъ 50 рыцарей. «Нѣмцы,» говоритъ лѣтописецъ, хвалились: «возьмемъ князя Александра руками, а теперъ ихъ самихъ Богъ предалъ ему въ руки.» Когда Александръ возвращался во Псковъ послѣ побѣды, то плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ; весь Псковъ вышелъ на встрѣчу къ своему избавителю, игумены и священники со крестами. «О Псковичи! (говоритъ авторъ повѣсти о Великомъ князѣ Александрѣ), если забудете это и отступите отъ рода Великаго князя Александра Ярославича, то похожи будете на Жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пу-

стынь, а они забили всѣхъ благодѣиинъ Его; если кто изъ сличихъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ придетъ въ печали жить къ вамъ во Псковъ, и не примете его, не почтете, то назоветесь вторые Жиды.» — Послѣ этого славнаго похода Александръ долженъ былъ ѣхать во Владимиръ, вродаться съ отцемъ, отправляющимся въ Орду; въ его отсутствіе Нѣмцы прислали съ поклономъ въ Новгородъ, послы ихъ говорили: «что зашли мы мечомъ, Вотъ, Лугу, Псковъ, Леттолу, отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ, тѣмъ развѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите;» отпустили также заложниковъ Псковскихъ и помирились.

Но оставалась еще Литва: въ 1245 году толпы Литовцевъ явились около Торжка и Бѣжецка: въ Торжкѣ въ это время сидѣлъ возвратившійся вѣроятно послѣ мира изъ Ливоніи князь Ярославъ Владиміровичъ; онъ погнался было съ Новоторжцами за Литвою, но потерпѣлъ поражение, потерялъ всѣхъ лошадей; потомъ, Новоторжцы и Ярославъ погнались опять вмѣстѣ съ Тверичами и Дмитровцами: на этотъ разъ Литовцы были разбиты подъ Торонцомъ и князья ихъ вбѣжали въ городъ. Но утромъ на другой день приспѣлъ Александръ съ Новгородцами, взялъ Торонецъ, отнялъ у Литовцевъ весь плѣнъ и перебилъ князей ихъ, больше осьми человекъ. Новгородскіе полки возвратились отъ Торонца; но Александръ съ однимъ дворомъ своимъ погнался опять за Литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Жизца^{***}, не оставилъ въ живыхъ ни одного человекъ, побилъ и остатки князей. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда взявши сына, возвращался назадъ, какъ вдругъ наткнулся опять на толпу Литовцевъ подлѣ Усвята: Александръ ударилъ на непрітелей, и снова разбилъ ихъ.

Такъ были отбиты со славою всѣ три врага сѣверо западной Руси; Александръ не могъ долго оставаться здѣсь, ибо дѣла на востокъ перемѣнились со смертію отца его. Послѣ Ярослава старшинство и столъ Владимірскій наследовалъ по старинѣ братъ его Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на удѣлахъ^{***}, данныхъ имъ покойнымъ Великимъ княземъ. Еще въ 1242 г. Невскій ѣздилъ въ Орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: «мнѣ покоришь Богъ многіе народы, не ужели ты одинъ не хочешь покориться моею

державъ? если хочешь собрать землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего.» Литови-
 овецъ говоритъ, что ханъ, увидавши Александра, сказалъ своимъ
 вельможамъ: «Все, что мнѣ ни говорили объ немъ, все правда:
 дѣтъ подобнаго этому князю.» По смерти отца, Александръ от-
 правился къ Батюю вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ; съ береговъ
 Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарію; а между тѣмъ, въ
 отсутствіе старшихъ ²³⁴ Ярославичей, въ Руси произошла ва-
 жная перемѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ,
 по прозванію Хоробритъ, князь Московскій ²³⁵, отпалъ у дяди
 Святослава Великаго княженію, и самъ заступилъ его мѣсто. Это
 явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный
 произволъ, полное невниманіе ко всякому родовому праву, ис-
 ключительное преобладаніе права сильнаго: Михаилъ не былъ
 даже и старшимъ сыномъ отъ старшаго брата. Михаилъ скоро
 погибъ въ битвѣ съ Литовцами, еще до возвращенія старшихъ
 братьевъ изъ Орды, гдѣ Александръ былъ утвержденъ на столѣ
 Кіевскомъ и Новгородскомъ, удерживая также на сѣверовостокѣ,
 какъ отчину, Переяславъ-Залѣсскій, Андрей же получилъ вели-
 кое княженіе Владимирское. Изгнанный дядя Святославъ вздыгъ
 въ Орду; неизвѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія ве-
 лико княжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что
 не получилъ его и скоро умеръ (въ 1252 г.). Оставался князь,
 который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое кня-
 женіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина Ростов-
 скаго; старшаго изъ сыновей Воеволода III-го; но кто могъ ду-
 мать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ Московскій
 не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на
 право дяди? Ярославичи были сильнѣе Углицкаго князя: этого
 было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ.

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ; есть извѣ-
 стіе ²³⁶, что Александръ съ Андреемъ имѣли въ Ордѣ большой
 споръ, кому быть во Владиміръ, кому въ Кіевъ, и ханъ отдалъ
 Кіевъ Александру, а Владиміръ Андрею, основываясь на завѣ-
 щаніи покойнаго Великаго князя Ярослава. Что же могло заста-
 вить Ярослава завѣщать старшему Александру Кіевъ, а млад-
 шему Андрею Владиміръ? Быть можетъ, особенная любовь къ
 Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ такъ

же, что Ярославъ, желая удержать и южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному удержать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда какъ летопись говоритъ прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ есть средство согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на свѣрѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить Владимироуи столъ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ — Кіевъ и Русскую землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владимиръ получилъ первенство надъ Кіевомъ относительно старшинства, давно уже Кіевскіе князья не могли быть безъ Владимирскихъ; теперь особенно, когда южная Русь была опустошена, когда Кіевъ представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя въ правѣ сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хищника правъ своихъ (1249 г.). — Какъ бы то ни было, Андрей два года спокойно сидѣлъ во Владимірѣ; Александръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ²⁹⁷, хотѣлъ идти въ Кіевъ, но былъ удержанъ Новгородцами, представившими ему опасность отъ Татаръ на югѣ. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Данииломъ Галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился на Донъ²⁹⁸, къ сыну Батыеву, Сартаку съ жалобой на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ²⁹⁹. Александръ получилъ старшинство, и толпы Татаръ, подъ начальствомъ Неврюя вторгнулись въ землю Суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: «Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться, и наводить другъ на друга Татаръ: лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружить съ Татарами и служить имъ.» Собравши войско, онъ вышелъ противъ Неврюя, но былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ, и удалился въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честію. Та-

пришли Переяславъ, захватили здѣсь семейство Ярославъ, брата Андрея^{***}, убили его во саду, повѣсили жителей и взяли шведъ въ Орду. Александръ прѣхалъ княжить во Владимиръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирилъ его съ ханомъ, и далъ въ удѣлъ Суздаль.¹⁰¹

Но скоро началась у Александра вражда съ другимъ братомъ, Ярославомъ, княжившимъ въ Твери. Вслѣдствіе появленія на северѣ отдаленныхъ отчинъ, удѣловъ, между князьями необходимо обнаруживается стремленіе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ же Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 г. онъ отправился княжить во Псковъ, (а по другимъ извѣстіямъ въ Лядогу) гдѣ приняли его съ большою честью; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, а въ Новгородѣ не въ были довольны Великимъ княземъ Александромъ, вместо втораго княжили теперь здѣсь сынъ его Василій, и вотъ въ 1255 году Новгородцы выгнали Василя, и перевели къ себѣ изъ Пскова Ярослава Тверскаго. Но Василій не думалъ уступать дядѣ въ борьбѣ, и засѣвши, по обычаю, въ Торжкѣ, дождался отъ своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ явился съ покровнымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ, и присоединивъ къ себѣ сына съ Невоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ прѣзрениемъ: «Отупай, князь! говорилъ онъ: братъ твой Ярославъ бѣжалъ». Не смотря однако на бѣгство князя, Новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру и выстроили два поля, военныя и пѣшія, при чемъ въ первый разъ высказались двѣ словесныя партіи: меньшіе люди, собравши вѣче у Св. Николы, сказали: «Братья! а что какъ князь скажетъ: выдайте мнѣ враговъ моихъ!» Въ отвѣтъ всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы стать всѣмъ за одно,—либо животь, либо смерть за правду Новгородскую, за свою отчину. Но лучшіе люди думали иначе: имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей шѣ, и Михалко, сынъ послѣдняго посадника, внукъ Твердиславовъ, предводитель стороны лучшихъ людей, уже побѣжалъ

изъ города къ Св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ онъ да съ своимъ полкомъ ударитъ на меньшихъ. Посадникомъ это время на мѣсто Твердиславова сына Степана (умершаго 1243 году) былъ Ананія, который, желая добра Михаилу, и слава за нимъ тайно; но вѣсть о замыслѣ Михаиловомъ и разнеслась между черными людьми и они погнажи было граби его дворъ, но были удержаны посадникомъ: «Братья, говоримъ Ананія: если хотите убить Михаила, то убейте прежде и насъ!» Онъ не зналъ, что лучшіе люди уже порѣшили съими его самого и посадничество отдать Михаилу. Между тѣмъ и солъ Александровъ явился на вѣче и объявилъ народу во княжескую: «выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите я вамъ не князь, ѣду на городъ ратью.» Новгородцы отъишли къ нему съ отвѣтомъ владыку и тысяцкаго: «Ступай, кня на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, на Ананію и всѣхъ му Новгородскихъ перестань сердиться.» Но князь не послушалъ просьбъ владыки и тысяцкаго; тогда Новгородцы сказали: «е братья, князь согласился съ нашими вмѣнниками, то Богъ и судья и Св. Софія, а князь безъ грѣха»,— и стоялъ весь по три дня за свою правду, а на четвертый день Александръ и смель объявить новое условіе: «Если Ананія не будетъ посадникомъ, то помирюсь съ вами.» Это требованіе было исполнено Ананія свергнутъ, его мѣсто занялъ Михаило Степановъ и Василій Александровичъ опять сталъ княжить въ Новгородѣ.

Черезъ годъ (1257 г.) злая вѣсть, что Татары хотятъ ижжигать тамги и десятины на Новгородъ онять смутила его жителей. Первая перепись Татарская для сбора дани должна бы происходить еще въ началѣ княженія Ярослава; Плано-Карпинъ говоритъ, что во время пребыванія его въ Россіи ханы-Кули и Батый прислали сюда баскакомъ одного Сарацина, который каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватилъ всѣхъ не женатыхъ мужчинъ, и женщинъ, и имѣвшихъ законныхъ мужей, также всѣхъ нищихъ, остальные же перечислилъ, по обычаю Татарскому, и обложилъ данью каждый человекъ мужескаго пола, какого-бы возраста и сословія ни былъ, обязанъ былъ платить по мѣху медвѣжьей, бѣловому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не могъ заплатить, того отводили въ рабство. Въ 1255 году умеръ Батый

ду владѣвалъ сынъ его Суртакъ, или Сертакъ, скоро умеръ, и Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге или Берке. По воцареніи этого новаго хана въ 1257 году, по Русскимъ вѣстиямъ, происходила вторая перепись: пріѣхали численники, считали всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, полагали десятыковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не считали только игуменовъ, чернецовъ, священниковъ и клириковъ. Подобная же перепись происходила одновременно во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Татарамъ, и вездѣ служители всѣхъ религій, исключая Еврейскихъ раввиновъ, были освобождены отъ подати. Въ Новгородѣ послѣ вѣсти о переписи все это продолжалось смутеніе; а зимою убили посадника Михаила; «если бы кто добро другу дѣлалъ, прибавляетъ летописецъ, то добро бы и было, а кто копаеть подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее попадаетъ.» Въ слѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Новгородъ Великій князь съ Татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; Новгородцы не согласились, дали дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани, слѣдовательно противъ воли отцовской, и выѣхалъ во Псковъ, какъ только отецъ пріѣхалъ въ Новгородъ; Александръ выгналъ его оттуда и отправилъ въ Суздальскую область, а совѣтниковъ его наказалъ жестоко. Волненія не прекращались въ Новгородѣ: тою же зимою убили Мишу, быть можетъ того самого, который такъ славно бился со Шведами при Невѣ; посадничество дано было Михаилу Федоровичу, выведенному изъ Ладоги. Цѣлый слѣдующій годъ однако прошелъ безъ слуховъ о требованіяхъ Татарскихъ; но въ 1259 г., пріѣхалъ съ Низу (изъ Суздальской области) Михайла Пинециничъ съ ложнымъ посольствомъ: «если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ Новгородцамъ, то уже полки Татарскіе въ Низовой землѣ.» Новгородцы испугались, и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ оканчивавшіеся Татари сыроядцы съ женами, то опять всталъ сильный мятежъ; Татари испугались и начали говорить Александру: «дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ», и князь велѣхъ ихъ стеречь по ночамъ сыну посадничьему со всѣми дѣтьми боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: «Дайте намъ число, или побѣжимъ прочъ», говорили они. Но въ Новгородѣ и въ

этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, высказались двѣ враждебныя сословныя партіи: одни граждане никакъ не хотѣли дѣлать числа: «Умремъ честію за Св. Союзу и за дома Ангальскіе», говорили они; но другіе требовали согласія на переносъ, и на конецъ осилили, когда Александръ съ Татарами съѣхали уѣздъ съ Городища. И начали ѣздить окантные Татары по уѣздамъ переписывая дома христіанскіе. Взявши число, Татары уѣхали въ слѣдъ за ними отправился и князь Александръ, оставивши въ Новгородѣ сына Дмитрія.

Въ Новгородѣ стало тихо; но поднялись волненія на востокъ; въ землѣ Ростовской: здѣсь въ 1262 году, народъ былъ вынужденъ изъ терпѣнія насиліями Татарскихъ откупщиковъ дѣла поднялись вѣча и выгнали откупщиковъ изъ Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля; въ послѣднемъ городѣ убитъ былъ въ это время отступникъ Изосимъ, который принявъ магометанство въ угоду Татарскому баскаку и хуже иноковъ мучилъ угнеталъ своихъ прежнихъ согражданъ. Понявши что въ Ордѣ не могли спокойно снести этого событія, и поиде Татарскіе уже посланы были плѣнить христіанъ: тогда Александръ, чтобъ отмогъ людей отъ бѣды, отправился въ четвертый разъ въ Орду; какъ видно, онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ благодаря, быть можетъ, Персидской войнѣ, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже послѣднимъ дѣломъ Александра: больной поѣхалъ онъ изъ Орды, проведши тамъ всю зиму, и на дорогѣ, въ Городцѣ Волжскомъ умеръ 14-го ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе отдавая животъ свой и за правовѣрную вѣру.» Соблюденіе Русской земли отъ бѣды на востокъ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго. Знакомъ этой памяти и славы служитъ особое сказаніе о подвигахъ Александровыхъ, дошедшее до насъ вмѣстѣ съ лѣтописями, написанное современникомъ и, какъ видно, человекомъ близкимъ къ князю. Великій князь Александръ Ярославичъ, говоритъ авторъ сказанія, побѣждалъ вездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣжденъ; приходилъ въ Новгородъ отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ

Александра и, возвратясь въ свою землю, разсказывалъ: «прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ цари, ни въ князьяхъ князи»; такой же отзывъ сдѣлалъ объ немъ и ханъ. Когда Александръ послѣ отцовою смерти прѣхалъ во Владимиръ, то былъ грозенъ прѣздъ его, промчалась вѣсть о немъ до самыхъ устій Волги, и жены Моавитскія начали страдать дѣтей своихъ: «молчи, Великій князь Александръ идетъ!» Однажды явились къ нему послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру! «слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя: по этому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ двоихъ хитрейшихъ— Галда и Гемонта, да послушаешь ученія нашего.» Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до седьмаго Вселенскаго Собора, прибавивъ: «все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ¹⁰¹». Идя по слѣдамъ отцовскимъ, Александръ передавалъ много золота и серебра въ Орду на выкупъ плѣнныхъ. Митрополитъ Кириллъ былъ во Владимирѣ, когда узналъ о смерти Александра; онъ такъ объявилъ объ этомъ народу: «дѣти мои милые! знайте, что зашло солнце земли Русской,» и всѣ люди завонили въ отвѣтъ: «уже погибаетъ!»

Занимаясь по смерти отца преимущественно отношеніями Ординскими, Александръ долженъ былъ слѣдить и за обыкновенною борьбою на западѣ, въ которой прежде принималъ такое славное участіе. Мы видѣли, что Михаилъ Московскій не долго пользовался стариннымъ столомъ, отнятымъ у дяди, и налъ въ битвѣ съ Литвою; но другіе Ярославичи отомстили за его смерть, поразивши Литву изъ Зубцова (1249 году); около этого же времени Псковичи потерпѣли поражение отъ Литвы на Кудени; въ 1253 году Литва явилась въ области Новгородской; но князь Василій съ Новгородцами нагнали ее у Торонца, разбили, отняли полонъ. Въ 1258 г., пришла Литва съ Полочанами къ Смоленску и взяла городъ Войшину¹⁰⁴ на щитъ; послѣ этого Литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ на встрѣчу, но потерпѣли поражение и городъ ихъ много пострадалъ; годъ 1262 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о мирѣ Новгородцевъ съ Литвою. — Шведы и Датчане съ Финнами пришли въ 1256 году и стали чинить городъ на Наровѣ; Новгородцы, си-

дѣвнiе въ это время безъ князя, послали въ Суздальскую землю къ Александру, за полками; разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море³⁰⁵. На зиму пріѣхалъ въ Новгородъ князь Александръ и отправился въ походъ — куда, някто не зналъ; думали что князь идетъ на Чудь, но онъ отъ Копорья пошелъ на Ямъ; путь былъ трудный, войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мстели; не смотря на то Русскіе вошли въ непріятельскую землю и опустошили ее. — Послѣ мира 1242 года Нѣмцы десять лѣтъ не поднимались на Русь; только въ 1253 году, ободренные удачными войнами съ Литвою, они нарушили договоръ, пришли под Псковъ и сожгли посадъ, но самихъ ихъ много Псковичи били говорить лѣтописецъ. Видно впрочемъ, что осада крѣпости тянулась до тѣхъ вѣръ, пока пришелъ полкъ Новгородскій на выручку; тогда Нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Въ Новгородѣ въ это время было покойно, и потому рѣшились не довольствоваться освобожденіемъ Пскова, а идти пустошить Ливонію: пошли за Нарову и положили пусты Нѣмецкую волость Корелы также ей много зла надѣлали. Псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили Нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ на встрѣчу. Тогда Нѣмцы послали во Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всеи воля Новгородской и Псковской, и помирились. Въ 1262 г. собрались князья идти къ старой отчинѣ своей, къ Юрьеву Ливонскому. Этотъ походъ замѣчательнъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ видимъ Русскихъ князей въ союзѣ съ Литовскими для наступательнаго движенія противъ Нѣмцевъ. Русскіе князья — братъ Невскаго, Ярославъ и сынъ Дмитрій съ Миндовгомъ Литовскимъ, Тройнатомъ Жиудскимъ и Тевтивиломъ Полоцкимъ уговорились ударить вмѣстѣ на Орденъ. Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но тщетно дожидая Русскихъ и возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла Литва, явились Русскіе полки и осадили Юрьевъ; Нѣмцы сильно укрѣпили его: «былъ городъ Юрьевъ твердъ, говоритъ лѣтописецъ, въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ и оборону себѣ пристроили на городъ крѣпкую». Посадъ былъ взятъ приступомъ, сожженъ; Русскіе набрали много полону и товара всякаго, но крѣпости взять не могли и ушли назадъ.

Византийскій летописецъ прибавляетъ, что Русскіе оставили Юрь-
евъ, слыша о приближеніи Магистра Вернера Фонтъ-Брейтгаузена,
и что Магистръ, во ихъ слѣдѣхъ, вторгнулся въ Русскія владѣ-
нія, опустошилъ ихъ, но боязнь принудила его возвратиться ³⁰⁶.

Прежній Великій князь Андрей Ярославичъ на долго пережилъ
брака своего: онъ умеръ весною 1264 года. Сохранилось извѣ-
стіе ³⁰⁷, что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ за-
нять столъ Владимірокій, но что братъ его Ярославъ перенесъ
дело на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе
подтверждается тѣмъ, что въ летописяхъ вступленіе Ярослава
на великокняжескій престолъ означено не тотчасъ по смерти
Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году.
Неизвѣстно, гдѣ Новгородскій князь пребываніе, въ отчичномъ ли
городѣ Порядславѣ Залѣсскомъ ³⁰⁸ или во Владимірѣ, по край-
ней мѣрѣ погребенъ былъ въ последнемъ; братъ же его Яро-
славъ, какъ видно, жилъ то въ Твери ³⁰⁹, то во Владимірѣ, то
въ Новгородѣ, и былъ похороненъ въ Твери ³¹⁰. — Смерть Нев-
скаго повела прежде всего къ перемѣнѣ въ Новгородѣ; сынъ его
Димитрій былъ изгнанъ; мы видѣли, что посадникъ Ананія былъ
сверженъ по требованію Александра, и на его мѣсто поставленъ
Михалко Степановичъ — необходимо угодный В. князю; но Ми-
халко былъ убитъ меньшими людьми, постоянно не ладившими
съ Александромъ, слѣдовательно и посадника, ими избраннаго,
Михаила Федоровича мы не имѣемъ права считать въ числѣ при-
верженцевъ послѣдняго. По этому не удивительно встрѣтить въ
лѣтописи извѣстіе, что Новгородцы изгнали Димитрія Алексан-
дровича, по совѣту съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, и по-
слали въ Тверь сына посадникова и лучшихъ бояръ звать Яро-
слава къ себѣ на столъ: вспомнимъ, что и прежде Ярославъ
былъ позванъ въ Новгородъ вслѣдствіе желанія меньшихъ лю-
дей, которые такъ сильно послѣ того противились Александру.
Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей пол-
нотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложен-
ныя князю условія древними ³¹¹: быть можетъ они были предло-
жены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также въ
условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись ³¹²; не смотря
на то Новгородцы не долго нажили въ мирѣ и съ новымъ кня-
земъ. Первая размолвка произошла по поводу Псковичей, кото-

рые посадили у себя княземъ Довмонта Литовскаго, тогда князи прежде сидѣли у нихъ князь Ярославъ, Святославъ ²¹³; въ 1266 году Ярославъ пришолъ въ Новгородъ съ полками Нѣмецкими, чтобъ идти на Псковичей и Довмонта, уже славнаго по дѣланіямъ своимъ за Русскую землю; Новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: «Прежде перевѣдайся съ нами а потомъ уже поѣзжай во Псковъ.» Ярославъ отослалъ полки свои назадъ. Намѣстникомъ Ярославовымъ въ Новгородъ сидѣлъ племянникъ его, Юрій Андреевичъ ²¹⁴; но въ 1269 году приходилъ туда самъ В. князь и сталъ жаловаться: «мужи мои и братья мои и ваши побиты въ войнѣ съ Нѣмцами;» князь складывалъ всю вину на трехъ гражданъ — Жирослава Давидовича Михаила Мишинича и Юрія Сбыславича, желая лишить ихъ вѣдностей. Но Новгородцы были за нихъ; князь въ сердцахъ, собрался выѣхать изъ города: жители стали кланяться ему: «князь! перестань сердиться на Жирослава, Михаила и Юрія, и отъ насъ не ѣзди,» потому что миръ съ Нѣмцами былъ еще не прочтенъ. Ярославъ не послушался и уѣхалъ; но они послали за нимъ владыку и лучшихъ мужей и воротили его съ Бронницъ; чтобъ угодить ему, выбрали тысяцкаго Ратибора Клуковича по его волѣ, а посадникомъ на мѣсто Михаила Федоровича, умершаго въ 1268 году, былъ избранъ тогда же еще сынъ извѣстнаго Анапнія, Павша.

Новгородцы хотѣли мира съ Ярославомъ изъ страха передъ Нѣмцами только, и когда этотъ страхъ прошелъ, то въ слѣдующемъ же 1270 году всталъ мятежъ въ городѣ: начали выгонять князя, собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, убили пріятеля княжескаго Иванка, а другіе пріятеля Ярославовы, и между ними тысяцкій Ратиборъ скрылись къ князю на Городище; Новгородцы разграбили ихъ дома, хоромы разнесли, а къ князю послали грамоту съ жалобою, что отнять Волховъ гогольними ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взять дворъ Алексея Морткинича, взято серебро на Нинифоръ Манускиничъ, на Романа Болдыжевичъ, на Варсоломея; кромѣ того, выводятся иноземцы, которые живутъ въ Новгородѣ. Ярославъ, не смотря на всѣ свои старанія, долженъ былъ выѣхать, и Новгородцы послали за Димитріемъ Александровичемъ, но ошиблись въ расчетъ: Димитрій отказался ѣхать къ нимъ, сказавши: «не хочу взять стола

передъ дядею.» Новгородцы приушыли, особенно когда узнали, что Ярославъ конитъ полки на нихъ, мало того, послалъ къ хану ихъ прежняго тысяцкаго Ратибора просить помощи на Новгородъ; Ратиборъ говорилъ хану: «Новгородцы тебя не слушаютъ; мы просили у нихъ дани для тебя, а ени насъ выгнали, другихъ убили, дома наши разграбили и Ярослава обезчестили.» Ханъ повѣрилъ и отправилъ уже войско къ Ярославу. Въ такой крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ южной, старой Руси, но роднымъ братомъ В. князя, Васильемъ Ярославичемъ Костромскимъ: этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ: какъ князь Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимирское, но даже независимости его княжества Костромскаго. Василій послалъ сказать Новгородцамъ: «кланяюсь св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ: слышалъ я, что Ярославъ идетъ на Новгородъ со всею своею силою, Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смолнянами; жаль мнѣ своей отчины.» Но Василій не ограничился однимъ сожалѣніемъ: самъ поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, а Ярославъ виноватъ, и возвратилъ съ дороги Татарскую рать. Между тѣмъ Новгородцы поставили острогъ около города, шибніе свое вывезли въ крѣпость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь городъ вышелъ съ оружіемъ отъ мала до велика. Ярославъ узнавъ объ этомъ, засѣлъ въ Русь, а въ Новгородъ послалъ съ мирными предложеніями: «объщаюсь впередъ не дѣлать ничего того, за что на меня сердитесь, всѣ князья въ томъ за меня поручатся.» Новгородцы отвѣчали: «князь! ты вздумалъ зло на св. Софію, такъ ступай: а мы изомремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хотимъ.» Новгородцы могли такъ разговаривать: къ Ярославу Татары не приходили, а къ нимъ собралась вся ихъ волость: Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане, пошли всѣ къ устью Шелони²¹⁵, и стояли недѣлю на бродѣ, а полкъ Ярославовъ по другую сторону рѣки. Дѣло впрочемъ не дошло до битвы, потому что явился новый посредникъ: прислалъ митрополитъ грамоту, въ которой писалъ: мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русской землѣ; вамъ надобно слушаться Бога и меня:

крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго, а за то ручаюсь; если же вы крестъ цѣловали не держати его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвѣчаю передъ Богомъ.» Митрополичья грамота подѣйствовала³¹⁶, и когда Ярославъ опять прислалъ въ Новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы помирились съ нимъ на всей своей волѣ, посадили его опять у себя на столѣ и привели къ кресту. Зимой Ярославъ отправился во Владимиръ, а оттуда въ Орду, оставя въ Новгородѣ намѣстникомъ Андрея Вратиславича, а во Псковѣ князя Айгуста Литовскаго.

Въ 1272 году Ярославъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. По старому порядку вещей Великое княжество перешло къ брату его Василию Костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперникъ, и такимъ образомъ Новгородцы получили право выбора: послы Василия Костромскаго и племянника его, Дмитрія Переяславскаго въ одно время съѣхались въ Новгородъ оба князя просили себѣ этого стола. Казалось, что выборъ будетъ легокъ для Новгородцевъ: благодарность заставляла ихъ избрать Василия, недавно избавившаго ихъ отъ страшной опасности. Не смотря на то, они посадили у себя Дмитрія. Есть извѣстіе³¹⁷, объясняющее причину такого поступка: Василий требовалъ уничтоженія грамотъ брата своего, слѣдовательно Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако новый Великій князь не думалъ уступать своихъ правъ: съ Татарами и племянникомъ своимъ, княземъ Тверскимъ Святославомъ онъ повоювалъ волости Новгородскія, взялъ Торжекъ, пожегъ хоромы, посадилъ своего тиуна, торговля съ низовою землею прекратилась, купцовъ Новгородскихъ перехватывали тамъ, и хлѣбъ сильно вздорожалъ въ городѣ. Зимой 1273 года князь Дмитрій съ Новгородцами пошелъ въ Тверь, а къ Василию послали сказать: «возврати волости Новгородскія и помирись съ нами;» но Василий не хотѣлъ мириться, тогда въ Новгородѣ возмутились люди и захотѣли Василия; Дмитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно уѣхалъ въ свой Переяславль, и Василий сѣлъ на столѣ Новгородскомъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ Великій князь наказалъ своихъ противниковъ въ числѣ которыхъ былъ тысяцкій³¹⁸; судя по обстоятельствамъ съ вѣроятностію можно положить, что прежнія требованія Ва

слия относительно грамотъ были исполнены. Перемиѣна князя повлекла и перемиѣну посадника: еще до прѣзда Васильева отвали посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиличу, (вѣроятно сыну убитаго прежде Миши); Павша бѣжалъ сперва къ Дмитрію, но потомъ раздумалъ и воѣхалъ съ поклономъ къ Василю, который, какъ видно, принялъ его милостиво, потому что какъ скоро Василій утвердился въ Новгородѣ, то отняли посадничество у Михаила, и отдали опять Павшѣ, выведши его изъ Костромы; но въ слѣдующемъ же 1274 году, Павша умеръ, и Михаилъ сталъ опять посадникомъ. Въ 1276 году умеръ Великій князь Василій и погребенъ въ своей отчинѣ, Костромѣ; съ нимъ прекратилось первое поколѣніе потомства Ярослава Всеволодовича и старшинство со столомъ Владимірскимъ перешло по старинѣ къ старшему сыну Невскаго, Дмитрію Александровичу Переяславскому. Такимъ образомъ, при ослабленіи родовой связи и общности владѣнія, при образованіи удѣловъ, отдѣльныхъ отчинъ, и при необходимомъ слѣдующемъ отсюда стремленіи каждаго Великаго князя усилить свое собственное княжество, при чемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій—усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси, выпалъ сперва Твери, но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василя воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской, едва получилъ великокняжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охудалъ въ братѣ, подобно ему привелъ Татаръ на Новгородцевъ, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ Татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, онъ умеръ бездѣтенъ, и очередь перешла къ Переяславлю—Залѣсскому.

Касательно Ордынскихъ отношеній по смерти Невскаго, въ 1266 году кончилось первое, самое тяжкое двадцатипятилѣтіе Татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берге, и была ослаба Руси отъ насилія Татарскаго; Берге былъ первый ханъ, который принялъ Магометанство, и потому неудивительно читать въ лѣтописяхъ, что какой-то Изосимъ принялъ исламъ въ угодность Татарскому баскаку. Берге наследовалъ Менгу-Тимуръ, внукъ Батяя отъ втораго сына его Тутукана,

Въ 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и въ Новгородѣ. — На западъ по прежнему шла борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы вслѣдствіе которыхъ въ 1266 г. приближалъ во Псковъ одинъ изъ Литовскихъ князей, именемъ Довмонтъ, съ дружиною и съ цѣлымъ родомъ, принявъ крещеніе подъ именемъ Тимофея, былъ посаженъ Псковитянами на столѣ св. Всеволода: здѣсь въ первый разъ видимъ то явленіе, что Русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князья Литвина вмѣсто Рюриковича, явленіе любопытное потому что оно объясняетъ намъ тогдашнія понятія и отношенія; объясняетъ древнее призваніе самого Рюрика, объясняетъ чуждость, съ какою и другіе западные Русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династии князей Литовскихъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: Довмонтъ своими доблестями, своею ревностію по новой вѣрѣ и новымъ отечествѣ наномнилъ Руси лучшихъ князей ея изъ рода Рюрикова—Мстиславовъ, Александръ Невскаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Псковичи провозгласили его княземъ, Довмонтъ, взявши три девяносто дружины, отправился на Литовскую землю, и повоевалъ свое прежнее отечество, плѣнилъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и съ большимъ полономъ возвращался во Псковъ. Переправившись черезъ Двину и отъѣхавъ верстѣ пять отъ берега, онъ сталъ шатрами на бору, разставилъ сторожей по рѣкѣ, отпустилъ два девяноста ратныхъ съ полономъ во Псковъ, а самъ остался съ однимъ девяностомъ ожидая за собою погони Гердена и другихъ князей не было дома, когда Довмонтъ пустошилъ ихъ землю; возвратившись, они погнались съ 700 человѣкъ въ слѣдъ за нимъ, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а Псковичей изсѣчь мечами. Стража, разставленная Довмонтомъ на берегу Двины, приближала и объявила ему, что Литва уже переправилась черезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ своей дружинѣ: «братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ! слышалъ я о мужествѣ вашемъ во всѣхъ сторонахъ; теперь передъ нами, братья, живость и смерть: братья мужи Псковичи! потянемъ за св. Троицу, и за свое отечество.» Поѣхалъ князь Довмонтъ съ Псковичами на Литву и однимъ девяностомъ семь сотъ побѣдилъ. Въ слѣдующемъ 1267 году Новгородцы съ Довмонтомъ и Псковичами хо-

дили на Литву и много повоевали; въ 1275 году Русскіе князья ходили на Литву вмѣстѣ съ Татарами, и возвратились съ большею добычею. Въ 1268 году Новгородцы собрались было опять на Литву; но на дорогѣ раздумали и пошли за Нарову къ Раковору (Везенбергъ), много земли попустили, но города не взяли, и, потерявши 7 человекъ, возвратились домой; но скоро потомъ рѣшились предпринять походъ поважнѣе, и, подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго, звать его изъ Переяслава съ полками; послали и къ Великому князю Ярославу, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда Новгородцы съсказали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить пороки на Владычнемъ дворѣ. Нѣмцы—Рижане, Феллинцы, Юрьевцы, услыхавши о такихъ сборахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: «намъ съ вами миръ, перевѣдывайтесь съ Датчанами—Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ;» — и точно поцѣловали крестъ; Новгородцы однако этимъ неудовольствовались, послали въ Ливонію привести къ кресту всѣхъ пискуповъ и Божіихъ дворянъ (рыцарей), и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонть съ Псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ вошли они въ Нѣмецкую землю и начали опустошать ее по обычаю: въ одномъ мѣстѣ Русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество Чуди; три дня стояли полки передъ пещерою и никакъ не могли добраться до Чуди; наконецъ одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ нее воду: этимъ средствомъ Чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, и была перебита. Отъ пещеры Русскіе пошли дальше къ Раковору, но когда достигли рѣки Кеголы, 18 февраля, то вдругъ увидали передъ собою полки Нѣмецкіе, которые стояли какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся земля Нѣмецкая, обманувши Новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе однако не испугались, пошли къ Нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: Псковичи стали по правую руку; князь Дмитрій Александровичъ

съ Переяславцами и съ сыномъ Великаго князя Святославомъ, стали по правую же руку повыше; по лѣвую сталъ другой сынъ В. князя, Михаилъ съ Тверичами, а Новгородцы стали въ лице жельзному полку противъ великой свиньи, и въ такомъ порядкѣ схватились съ Нѣмцами. Было побоище страшное, говорить лѣтописецъ, какого не видали ни отцы, ни дѣды; Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ вплоть до города Раковора; но дорого стоила имъ эта побѣда: посадникъ съ тринадцатью знаменитѣйшими гражданами полегли на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа: иные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало неприятелей — видно изъ того, что конница Русская не могла пробираться по ихъ трупамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться свиньею въ обозъ Новгородскій; князь Димитрій хотѣлъ немедленно напасть на нихъ, но другіе князья его удержали: « время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ. » Такимъ образомъ оба войска остановились другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобъ начать снова битву; но когда разсвѣло, то Нѣмецкихъ полковъ уже не было болѣе видно; они бѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на костяхъ (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избіенныхъ братій, честно отдавшихъ животъ свой, по выраженію лѣтописца. Но Довмонтъ съ Псковичами хотѣли воспользоваться побѣдою, опустошили Ливонію до самого моря, и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. Латвны (Нѣмцы) собравши остатокъ силъ, спѣшили отомстить Псковичамъ: пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько Псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что-нибудь важное; ихъ было только 800 человекъ; но Довмонтъ погнался за ними съ 60 человекъ дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 году Магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою: 10 дней стояли Нѣмцы подъ городомъ, и съ урономъ принуждены были отступить; между тѣмъ явились Новгородцы на помощь и погнались за неприятелемъ, который успѣлъ однако уйти за рѣку, и оттуда заключилъ миръ на всей волѣ Новгородской. Оставалось покончить съ Датчанами Ревельскими, и въ томъ же году самъ В. князь Ярославъ послалъ сына Святослава

въ Низовую землю собирать полки; собрался всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій Владимирскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вѣсть хотѣли выступить на Колывань. Датчаво испугались и призвали просить мира: «клааняемся на всей вашей волѣ, Нарови всей отступаемся, только крови не проливайте.» Новгородцы подумали и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

До сихъ поръ мы преимущественно обращали вниманіе на преемство Великихъ князей Владимирскихъ и отношенія ихъ къ родичамъ; теперь взглянемъ на отношенія князей въ другихъ волостяхъ сѣверовосточной Руси. Лѣтописецъ не говоритъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, лишенный Владимирскаго стола, и сынъ его Димитрій, ибо прежній удѣлъ ихъ Суздаль отданъ былъ Невскимъ брату своему Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владимира; мы видимъ послѣ, что этотъ Димитрій помогаетъ Невскому въ войнѣ противъ Новгорода; наконецъ подъ 1269 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Димитрія и погребеніи его въ Юрьевъ—знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ, который держалъ отецъ его Святославъ по смерти Всеволода III, слѣдовательно Юрьевъ, какъ неотъемлемая вотчина, осталась за Святославомъ и тогда, когда онъ получилъ отъ брата Ярослава Суздаль. По смерти Андрея Ярославича остались сыновья—Юрій и Михайла; перваго мы видѣли въ Новгородѣ.—Въ 1249 г. умеръ послѣдній сынъ Константина Всеволодовича, Владимиръ Углицкій, оставивъ двоихъ сыновей—Андрея и Романа, изъ которыхъ Андрей умеръ въ 1261 г. Въ одинъ годъ съ Владиміромъ умеръ племянникъ его Василій Всеволодовичъ Ярославскій, не оставивъ сыновей, вслѣдствіе чего произошло любопытное явленіе: прежде, въ старой Руси волости не считались собственностію отдѣльныхъ князей, но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, то волость его не переходила даже и къ сыновьямъ, но къ старшему въ родѣ или племени; на сѣверѣ мы видимъ, что волости начинаютъ переходить прямо къ сыновьямъ, исключая одной старшей волости Владимирской; но мало этого; понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія такъ утвердилось, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя, вслѣдствіе чего дочь Василя Всеволодовича начала княжить въ Ярославѣ съ

матерью, которая стала искать ей жениха. Въ это время Смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича: Глѣбъ, котораго мы видали союзникомъ Ярослава Ярославича противъ Новгорода, Михаилъ и Теодоръ; по словамъ лѣтописца, Глѣбъ и Михаилъ обидѣли Теодора, давши ему одинъ только Можайскъ; этого—Теодора Можайскаго вдова Василя Всеволодовича выбрала и мужья своей дочери, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей Смоленскихъ получилъ въ приданое за женою волость Суздальскихъ Юрьевичей. Въ житіи князя Теодора находимъ слѣдующія дополнителныя извѣстія: отъ первой жены, княгини Ярославской, онъ имѣлъ сына Михаила; во время отсутствія князя въ Орду, жена его умерла, и теща съ боярами, провозгласивъ княземъ молодаго Михаила, не впустили въ городъ Теодора, когда онъ пріѣхалъ изъ Орды. Теодоръ отправился назадъ въ Орду, тамъ женился на ханской дочери, прижилъ съ нею двоихъ сыновей — Давида и Константина, и услышавъ о смерти старшаго своего сына, Михаила, возвратился въ Ярославль, гдѣ утвердился съ ханскою помощію.

Изъ князей Муромскихъ упоминается Ярославъ, по случаю брака Ростовскаго князя Бориса Васильевича на его дочери. Въ Рязани княжилъ Олегъ Ингваревичъ, внукъ Игоревъ, правнукъ Глѣбовъ, оставившій (1258 г.) столъ сыну Роману. Въ 1276 году на Романа донесли хану Менгу-Тимуру, будто онъ хулитъ хана и ругается върѣ Татарской; ханъ напустилъ на Романа Татаръ, которые стали принуждать его къ своей върѣ; тотъ отрекся, и когда стали его бить, то онъ продолжалъ восхвалять Христіанство и бранить въру Татарскую; тогда разъяренные Татары отрѣзали ему языкъ, заткнули ротъ платкомъ и изрѣзавши всего по составамъ, отняли наконецъ голову и взоткнули на копье. Разказавши смерть Романову, лѣтописецъ обращается къ Русскимъ князьямъ и увѣщаетъ ихъ не плѣняться суетною славою свѣта сего, не обижать другъ друга, не лукавствовать между собою, не похищать чужаго, не обижать меньшихъ родичей. Неизвѣстно, кто оклеветалъ Романа.

Изъ бояръ при князьяхъ сѣверовосточной Руси упоминается Жидиславъ, воевода князя Ярослава Ярославича, котораго Татары убили въ Переяславль въ 1252 году; именемъ своимъ онъ

иногда въ прежнихъ сказаніяхъ на сѣверѣ **Жидиславъ** или **Ярославъ**. У князя **Василія Костромскаго** упоминается воевода **Семенъ**, опустошавшій въ 1272 году **Новгородскую** волость; можно думать, что это одно лицо съ знаменитымъ въ послѣдствіи **Семеномъ Топилевичемъ**.

Обратимся теперь къ югозападной Руси.

Плано-Карпинъ, проѣхавшій чрезъ древнюю собственную Русь (**Кіевскую** область) въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ **Литовцами**, которые начали опустошать теперь и **Приднѣпровье**, благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита или взята въ плѣнь **Татарами**; **Кіевъ** послѣ **Батыева** опустошенія сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти, жители находились въ страшномъ рабствѣ; по окрестностямъ путешественники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ. Такимъ образомъ Русь находилась между двумя страшными врагами, **Татарами** съ востока, и **Литвою** съ запада, которые не замедлятъ вступить въ борьбу за нее. Но у нея оставался еще знаменитый князь, подъ знаменемъ котораго она могла еще съ успѣхомъ отстаивать свою независимость, хотя и тутъ, разумѣется, собственная Русь не могла играть попрежнему первенствующей роли, **Кіевъ** уже прежде потерялъ свое первенствующее значеніе, перешедшее теперь къ богатой области **Прикарпатской**, отчинъ знаменитаго правнука **Изяслава Мстиславича**. Но къ этой волости перешло также роковое преимущество **Кіевского** княжества быть предметомъ усобицъ между **Мономаховичами** и **Ольговичами**: не смотря на **Татарское** опустошеніе, за **Галичь** продолжали бороться двое представителей обѣихъ враждебныхъ линій—**Данилъ Романовичъ Мономаховичъ** и **Михаилъ Всеволодовичъ Ольговичъ**.

Данилъ еще до взятія **Кіева** **Батыемъ** поѣхалъ въ **Венгрію**; но былъ дурно принятъ королемъ, который отказался выдать дочь свою за его сына. **Данилъ** выѣхалъ изъ **Венгріи**, но встрѣтивъ на дорогѣ толпы народа, спасавшагося бѣгствомъ отъ **Татаръ**, долженъ былъ возвратиться назадъ; потомъ услыжавъ, что братъ, жена и дѣти снасились въ **Польшу**, отправился и самъ ту-

да же на дорогѣ ссорились съ семействомъ и вѣстѣ съ женою поѣхалъ къ Кондратову сыну Болдославу, который дель ему: въ время Вмигородъ, гдѣ Даниль и пребылъ до тѣхъ поръ, пока узналъ, что Татары вышли изъ его волости. Обстоятельство, что Даниль уѣхалъ въ Венгрію только съ однимъ сыномъ Львомъ, оставивши семейство въ Галичѣ, заставляетъ думать, что онъ не бѣжалъ предъ Татарами, а ѣздилъ для сватовства и заключенія союза съ королемъ противъ Татаръ. Въ Галичѣ ждалъ Данила прежнія непріятности: когда онъ подѣхалъ къ городу Дрогичину, то намѣстникъ тамошній не позволилъ ему войти въ городъ; другіе города были опустошены: изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада гниющихъ труповъ; во Владимирѣ не осталось ни одного живаго человѣка; Богородичный Соборъ и другія церкви были наполнены трупами. Между тѣмъ и Михаилъ Черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ возвратились изъ Польши, гдѣ также срывались отъ Татаръ, и проѣхавши мимо Владимира къ Пинску, не давши знать Романовичамъ о своемъ пріѣздѣ, чѣмъ явно выказывали вражду свою къ нимъ; изъ Пинска Михаилъ отправился въ Кіевъ и жилъ подъ этимъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ поѣхалъ княжить въ Черниговъ. Когда такимъ образомъ Черниговскіе обнаруживали непріязнь свою къ Романовичамъ, послѣдніе должны были бороться со внутренними врагами. Бояре Галицкіе, по словамъ лѣтописца, называли Данила своимъ княземъ, а между тѣмъ сами держали всю землю; главными изъ нихъ были въ это время Доброславъ Судычъ, поповъ внукъ и Григорій Васильевичъ²¹⁹: первый взялъ себѣ Бакоту²²⁰ и все Понизье, а другой хотѣлъ овладѣть Горною стороною Перемышльскою, и былъ мятежъ болашой въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Даниль послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: «я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать Черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости Галицкимъ, а Коломыцкую соль отписать на меня.» «Хорошо, отвѣчалъ Доброславъ такъ и будетъ сдѣлано;» но въ это самое время вошли къ нему Лазарь Домажирячъ и Иворъ Молдбожичъ, два беззаконника отъ племени смердыго, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ: они не клонились Доброславу до земли; Яковъ удивился и спросилъ «за что это они такъ тебѣ низко кланяются?» За то, что я отдалъ

ннѣ Колочиню,» отвѣчала Доброслава:—«Какъ же ты смѣла вѣдѣвать безъ княжескаго приказа? сказала Яковъ: великій князь дерзаетъ эту Колочиню⁴²¹ на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?»—«Что жъ мнѣ говорить?» отвѣчала: сказалъ Доброславъ: другаго ничего Яковъ не могъ отъ него добиться. Къ счастью Данила оба боярина Доброславъ и Григорій скоро пересторились; Доброславу не хотѣлось видѣть товарища, и потому онъ прислалъ къ князю съ доносомъ на Григорія, и оба потомъ явились съ навѣтами другъ на друга къ Данилу, который былъ особенно оскорбленъ гордостью Доброслава: этотъ бояринъ привалъ къ князю въ одной сорочкѣ, закинувъ вверхъ голову, въ сопровожденіи толпы Галичанъ, шедшихъ у его стремени: Романовичи увидали, что оба боярина лгутъ, оба не хотятъ ходить по волѣ княжеской, и потому велѣли схватить обоихъ, потомъ отправили печатника Кирилла въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ и успокоить землю, въ чемъ Кирилла и успѣлъ.

Но только что установилось спокойствіе внутреннее, какъ Романовичи должны были приняться за оружіе для отраженія враговъ внѣшнихъ: въ 1241 году Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій, собравши князей Болховскихъ и Галичанъ себѣ преданныхъ, осадилъ Кирилла въ Бакотѣ; послѣ битвы у городскихъ воротъ Ростиславъ потребовалъ свиданія съ печатникомъ, надѣясь склонить его на свою сторону, но Кирилла отвѣчалъ ему: «такъ-то ты благодаримъ людей своихъ за ихъ добро? ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ отцемъ король Венгерскій, и какъ тогда приняли тебя господа мои, твои дядя! отца твоего въ великой чести держали и Кіевъ ему обѣщали, тебѣ Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Ярославовыхъ рукъ освободили». Много умныхъ рѣчей говорилъ Кирилла, но Ростиславъ не послушался; тогда Печатникъ принялся за другое средство подѣйствительнаго, и вышелъ на Черниговскаго князя съ пѣхотой: тотъ не рѣшился вступить въ битву, и ушелъ за Днѣпръ. Данила, услышавши, что Ростиславъ приходилъ на Бокоту съ князьями Болховскими, пошелъ немедленно на послѣднихъ, потому что эти князья также отплатили ему злою неблагодарностью за добро: когда онъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго, то князья Болховскіе пріѣзжали также въ Польшу отъ

Татарь; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ бѣгъ бити: «это особенныя князья, а не твои ратники,» говорилъ онъ Даниилу, который вступился за нихъ; Галицкій князь хотѣлъ было даже битися за нихъ съ Болеславомъ, наслу брата онъ Василько умолилъ послѣдняго не трогать Болховскихъ, которые обѣщались служить Полякамъ. Но теперь они забыли все это, Даниилъ безъ милости опустошалъ ихъ землю, оставленную Татарями въ цѣлости для того, чтобъ жители съѣли на нихъ пшеницу и просо; семь городовъ ихъ взялъ Даниилъ и сжегъ. И Ростиславъ Черниговскій не думалъ еще отставать отъ своихъ враждебныхъ намѣреній: соединившись съ измѣнникомъ Данииловымъ, бояриномъ Владиславомъ и съ Рязанскимъ изгнанникомъ братоубійцею, княземъ Константиномъ Владимировичемъ, овладѣлъ Галичемъ, но былъ скоро выгнанъ оттуда Романовичами, спасенъ былъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія только вѣстивъ что Татары вышли изъ Венгрии и идутъ на землю Галицкую. Константинъ съ крамольнымъ владыкою Перемышльскимъ такъ принужденъ былъ бѣжать передъ дворецкимъ Данииловымъ, Андреемъ; Андрей настигъ и разграбилъ гордыхъ слугъ владыкиныхъ, разодралъ тулы ихъ бобровыя, прибицы (опушки у шапоновъ подлѣ лба) волчьи и барсуковые; тутъ же попался въ плѣнъ славный пѣвецъ Митуса, который прежде по гордости не хотѣлъ служить князю Даниилу. Черезъ три года (въ 1245) Ростиславъ женившійся между тѣмъ на дочери короля Венгерскаго, пришелъ съ тестовымъ войскомъ опять на волость Даниила, разбилъ бѣгъ послѣдняго, но былъ выгнанъ самимъ Данииломъ.

Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ съ полками Венгерскими и Польскими вошелъ въ послѣдній разъ въ землю Галицкую и осадилъ Ярославль. Во время сильныхъ боевъ передъ городомъ Венгры и Поляки укрѣпили свой лагерь, чтобъ не терпѣть никакого вреда отъ осажденныхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы осадныя машины. Ростиславъ хвастался передъ войскомъ своимъ: «Еслибъ я зналъ только, гдѣ Даниилъ и Василько, то поѣхалъ бы на нихъ съ десятью человеками.» Онъ устроилъ воинскую игру передъ городомъ, и, сражаясь съ какою-то Воршемъ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо; примѣта была не на добро, замѣчаетъ летописецъ. Даниилъ и Василько, услышавши о его приходѣ, помолились Богу и сталъ

собрать войска. На рѣкѣ Сажѣ произошла послѣдняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами; передъ сраженіемъ, говоритъ летописецъ, пролетѣла надъ полкомъ стая птицъ хищныхъ, орловъ и вороновъ, и стали птицы играть, клоняться и плавать по воздуху—знаменіе было на добро. Первый началъ на полки Ростиславовы дворецкій Андрей; когда съ обѣихъ сторонъ переломали копья, то послышался трескъ, какъ отъ грома, и много съ обѣихъ сторонъ попададо всадниковъ съ коней своихъ; Данилъ послалъ къ Андрею 20 отборныхъ мужей на помощь; но тѣ испугались и прибѣжали назадъ къ Сану, оставя храбраго Дворскаго среди враговъ съ малою дружиною. Между тѣмъ Поляки, поднявши страшный крикъ, поя Кирилешъ (Кириеленсонъ), двинулись на Василька; съ ними былъ самъ Ростиславъ, а въ заднемъ полку стоялъ съ хоругвию извѣстный Венгерскій воевода Филя; онъ по прежнему хвастался и укорялъ Русь: «Русскіе, говорилъ онъ своимъ, горячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя, стоитъ намъ только выдержать ихъ первый натискъ.» Данилъ бросился на выручку брата, попался было въ плѣнъ, вырвался, выѣхалъ изъ полковъ, но потомъ возвратился опять, ударилъ на Филю, смаялъ полкъ его, разодралъ хоругвь пополамъ: увидавши это Ростиславъ побѣждалъ, а за нимъ и всѣ Венгры. Мы оставили Василька, ожидавшаго нападенія Поляковъ, которые кричали другъ другу: «Позоимъ длинныя бороды,»—«Джете, прокричалъ имъ въ отвѣтъ Василько: «Богъ помощникъ намъ,»—и съ этими словами пришпоривъ коня, двинулся къ нимъ на встрѣчу: Поляки не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. Данилъ, гоня Венгровъ и Русь Ростислаеву черезъ глубокую дебрь, сильно тужилъ, не зная что дѣлается съ братомъ, какъ вдругъ увидалъ хоругвь его и самого князя, гонящаго Поляковъ; Данилъ остановился на мигъ противъ города и подождалъ брата, съ которымъ сталъ совѣтоваться—продолжать ли преслѣдованіе? Василько отговорилъ его гнаться дальше. Пораженіе непрітелей было полное: множество Венгровъ и Поляковъ было побито и взято въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился гордый Филя, схваченный Андреемъ Дворскимъ и знаменитый измѣнникъ Галицкій, бояринъ Владиславъ: оба казнены были въ тотъ же день вмѣстѣ съ многими другими Венгерскими плѣнниками²²².

Ярославская побѣда окончательно утверждала Даниила I столѣ Галицкомъ: съ этихъ поръ никто изъ Русскихъ князей уже не беспокоилъ его болѣе своимъ соперничествомъ; Венгры также оставили свои притязанія; должны были успокоиться и внутренніе враги наряда, бояре, не имѣя болѣе возможности крѣмолать, не находя соперниковъ сыну Романову. Но сколько съевень былъ для Даниила 1249 годъ, столько же тяжекъ слѣдующій 1250: отъ Татаръ пришло грозное слово: «дай Галич!» И глубокой грусти оба Романовича стали думать: что дѣлать? И чистомъ полѣ не было возможности сопротивляться Татарамъ: городовъ не успѣли укрѣпить; наконецъ Даниилъ сказалъ: «Я отдамъ польотчины моей, лучше поѣду самъ къ Батыю ***». Даниилъ отправился въ путь, пріѣхалъ въ опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Дмитрій Ейковичъ, посланный туда В. княземъ Ярославомъ Суздальскимъ; въ Кіевѣ Даниилъ остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ братію, попросилъ ихъ отслужить молебень, чтобъ Богъ помиловалъ его, и поплылъ по Днепру въ сильной тоскѣ, вида перелъ собою бѣду грозную. Въ Переяславѣ, стольномъ городѣ праѣда своего Мономаха, онъ уже встрѣтилъ Татаръ; упомянутые выше западные путешественники рассказываютъ о тяжкомъ впечатлѣніи, которое произвело на нихъ первое знакомство съ Татарамъ, показавшимися имъ какими-то демонами; такое же тяжкое впечатлѣніе произвели Татары и на Даниила, по свидѣтельству летописца: варварскіе обряды, суевѣрія внушали глубокое отвращеніе сыну Романову съ ужасомъ думалъ онъ, что всѣ приходящіе къ хану подчиненные владѣльцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу, умершимъ, находящимся въ адѣ предкамъ ихъ ханскимъ. Въ черныхъ мысляхъ пріѣхалъ Даниилъ на Волгу, въ Орду Батыеву, и первая вѣст услышанная имъ здѣсь, не могла его утѣшить: пришелъ къ нему слуга В. князя Ярослава Суздальскаго и сказалъ: «Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться.» — «Дьяволъ говоритъ твоими устами, отвѣчалъ ему на это Даниилъ: да заградитъ ихъ Богъ.» Къ счастью Батый не потребовалъ отъ него исполненія суевѣрныхъ обрядовъ: когда Даниилъ, при входѣ въ веж поклонился по Татарскому обычаю, то Батый встрѣтилъ его слезами: «Данило! зачѣмъ такъ долго не приходилъ; но все хоро

«Что тебѣ пришло? вѣдь не черное молоко, наше питье, любимый кумысъ!» — «До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Данилъ: не тебѣ, если велишь, буду пить.» — «Ты уже нашъ Татаринъ, продолжалъ Батый, пей наше питье.» Данилъ выпилъ, поклонился по ихъ обычаю, и сказавши хану что слѣдовало о дѣлахъ своихъ, попросилъ позволенія идти къ ханшѣ; Батый сказалъ: «Иди.» Князь пошелъ поклониться ханшѣ; потомъ Батый прислалъ къ нему вѣла, велѣвши сказать: «не привыкли вы пить молока, пей вино.» Сѣверный лѣтописецъ, довольный относительно уваженіемъ, какимъ пользовались наши князья въ Ордѣ, повторяетъ постоянно, что они принимались тамъ съ честью; но южный, разказавши о принятіи Данила ханомъ, выражается горькими жалобами: «О злое зла честь Татарская! Данилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою землею, Кіевомъ, Владимиромъ и Галичемъ: а теперь сидитъ на колыняхъ, и холопомъ называется, данн хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь Татарская! Отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ Половецкую землю и воевалъ на инья всѣ страны: и такого отца сынъ не принялъ чести, кто жъ другой послѣ того получить отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ я лести ихъ нѣтъ конца!» Пробывши двадцать пять дней въ Ордѣ, Данилъ достигъ цѣли своей поѣздки: ханъ оставилъ за нимъ всѣ его земли. Пріѣхавши въ Русь, онъ былъ встрѣченъ братомъ и сыновьями, и былъ плачь объ его обидѣ, говоритъ лѣтописецъ, но еще больше радовались, что увидѣли его опять здоровымъ.

Данилъ могъ немного утѣшиться немедленнымъ полезнымъ слѣдствіемъ своей поѣздки къ хану: король Венгерскій, испуганный не столько Ярославскою побѣдою, сколько благосклонностію Батыя къ Данилу, тотчасъ же прислалъ къ послѣднему съ предложеніемъ мира и родственнаго союза, который прежде отвергнулъ. Данилъ изъявилъ сперва сомнѣніе въ искренности короля; но митрополитъ Кириллъ съѣздилъ въ Венгрію и уладилъ дѣло: Левъ Даниловичъ женился на дочери королевской, и Данилъ отдалъ королю плѣнниковъ Венгерскихъ, взятыхъ при Ярославі. Но чѣмъ спокойнѣе было княженіе Данила внутри, тѣмъ славнѣе становился онъ между сосѣдними государями Европейскими, тѣмъ тягостнѣе была для него злая честь Татарская,

и онъ сталъ искать средствъ къ сверженію ихъ. Съ одними средствами Галича и Волыни не лзя было и думать объ этомъ; сломить могущество Татаръ, отбросить ихъ въ степи можно было только съ помощію новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощію союза всей Европы, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ не лзя было думать безъ главы Римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденіе; князь Русскій могъ быть принять въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына Римской церкви—и вотъ Даніилъ завязалъ сношеніе съ Папою Иннокентіемъ IV о соединеніи церковей. Легко понять, какъ обрадовался папа предложеніямъ Галицкаго князя; письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галицкой Руси. Онъ отправилъ Доминиканскаго монаха Алексѣя съ товарищемъ для безотлучнаго иребыванія при дворѣ Даніила, поручилъ архіепископу Прусскому и Эстонскому легатство на Русь, позволилъ Русскому духовенству совершать службу на заковашенныхъ просвирахъ, призналъ законнымъ бракъ Даніилова брата Василька на одной изъ родственницъ, уступилъ требованію Даніила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ приобрѣтать имѣній въ Русскихъ областяхъ безъ позволенія князя. Но съ самаго уже начала обнаружилось, что связь съ Римомъ не будетъ продолжительна: время крестовыхъ походовъ прошло, папа не имѣлъ уже прежняго значенія, не могъ своими буллами подвинуть цѣлой Европы противъ востока: въ 1253 году онъ писалъ ко всѣмъ Христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи Татарскихъ набѣговъ на земли христіанскія и проповѣдованіи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія; тоже въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ Христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, и также безуспѣшно. Въмѣсто помощи противъ Татаръ, папа предлагалъ Даніилу королевскій титулъ въ награду за соединеніе съ Римскою церковію. Но Даніила не могъ прельстить королевскій титулъ: «Рать Татарская не перестаетъ: какъ я могу принять вънецъ прежде чѣмъ ты подашь мнѣ помощь?» приказывалъ отвѣчать онъ папѣ. Въ 1254 году, когда онъ былъ въ Краковѣ у князя Болеслава, туда же явились и послы папскіе съ

короною, требуя свиданія съ Данииломъ; тотъ отдѣлался на этотъ разъ, велѣвши сказать имъ, что негодится ему съ ними видѣться въ чужой землѣ. На слѣдующій годъ послы явились опять съ короною и съ обѣщаніемъ помощи; Даниилъ, не полагаясь на пустякія обѣщанія, не хотѣлъ сперва и тутъ принимать короны, но былъ уговоренъ матерью своею и князьями Польскими, которые говорили ему: «прими только вѣнецъ, а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганныхъ»; съ другой стороны папа проклиналъ тѣхъ, которые хулили православную вѣру Греческую и обѣщаль созвать соборъ для разсужденія объ общемъ соединеніи церквей. Даниилъ короновался въ Дрогичинѣ; но событіе это осталось безъ слѣдствій; видя, что отъ папы не дождаться помощи, Даниилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV-го ²²²; впрочемъ титулъ королевскій остался навсегда за княземъ Галицкимъ,

Предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, Даниилъ не хотѣлъ однако отказаться отъ мысли о сопротивленіи Татарамъ: укрѣплялъ города и не позволялъ баскакамъ утверждаться въ низовьяхъ Днѣстровскихъ. Ближайшимъ сосѣдомъ Данииловымъ въ Приднѣпровьи былъ баскакъ Куремса, не могшій внушить большаго страха Галицкому князю, такъ что въ 1257 году послѣдній рѣшился предпринять наступательное движеніе противъ Татаръ, и побралъ всѣ Русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе ²²³. Въ 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями, самъ Куремса не могъ взять Луцка, потому что сильный вѣтеръ относилъ отъ города каменья, бросаемые Татарами изъ машинъ. Но въ 1260 вмѣсто Куремсы явился другой баскакъ, Бурундай, съ которымъ не такъ легко было управиться: Бурундай прислалъ сказать Даниилу: «я иду на Литву: если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ». Опечаленный Даниилъ съль думать съ братомъ и сыномъ: они хорошо знали, что если Даниилъ самъ поѣдетъ къ Бурундаю, то неворотится съ добромъ за явную войну съ Куремсою, и потому рѣшили, что Василько поѣдетъ за брата. Василько отправился, на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, разбилъ ихъ и привезъ сайгатъ (трофей) къ Бурундаю: это понравилось Татарину, онъ похвалилъ Василька, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву и послѣ войны отпустилъ домой. Но

этимъ дѣло не кончилось: въ слѣдующемъ 1261 году Бурундай опять прислалъ сказать Романиновичамъ: «если вы мирно со мною то встрѣтите меня, а кто не встрѣтитъ, тотъ мнѣ врагъ». Оняты поѣхалъ къ нему Василько, взявши съ собою племянника Льва и владыку Холмскаго Ивана (на Руси узнали уже, что Монголы уважають служителей всѣхъ религій); Татаринъ встрѣтилъ ихъ сильною бранью, такъ что владыка Иванъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха; наконецъ Бурундай сказалъ Васильку: «Если вы со мною мирны, то разметите всѣ свои города.» Надобно было исполнить приказаніе: Левъ разметалъ Давидовъ²²⁶, Истожекъ²²⁷, послалъ и Львовъ разметать, а Василько послалъ разрушить укрѣпленія Кременца и Луцка. Владыка Иванъ отправленъ былъ ими къ Данилу съ вѣстію о гнѣвѣ Бурундая. Данилъ испугался и уѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію: а между тѣмъ Бурундай вмѣстѣ съ Василькомъ пріѣхалъ къ Владимиру, и приказалъ разрушить городскія укрѣпленія. Василько видѣлъ, что такія обширныя укрѣпленія нельзя скоро разрушить, и потому велѣлъ зажечь ихъ, и горѣли они цѣлую ночь; сжегши свой городъ, Василько на другой день долженъ былъ угощать Бурундая въ беззащитномъ Владимирѣ; но Татарину и этого было мало: онъ потребовалъ, чтобъ рвы городскіе были раскопаны, и это было исполнено. Изъ Владимира Бурундай и Василько пріѣхали къ Холму, любимому городу короля Данила; городъ былъ затворенъ, въ немъ сидѣли бояре и люди добрые съ пороками и самострѣлами, такъ что взять его не было никакой надежды у Бурундая, и онъ сталъ говорить Васильку: «это городъ брата твоего, ступай, скажи гражданамъ, чтобъ сдались;» Василько поѣхалъ, а при немъ три Татарины, и толмачъ, знавшій Русскій языкъ—слушать что Василько будетъ говорить съ Холмовцами. Но Василько догадался, какъ сдѣлать: набралъ въ руки камней, и подѣхавши къ стѣнамъ началъ кричать главнымъ боярамъ: «Константинъ холопъ и ты другой холопъ, Лука Иванычъ! это городъ брата моего, сдавайтесь!» и сказавши это три раза ударилъ камнемъ объ землю, давая этимъ знать, чтобъ не сдавались, а бились съ Татарами. Константинъ, стоя на забралахъ, увидалъ знакъ, понималъ его смыслъ, и отвѣчалъ Васильку: «Ступай прочь, если не хочешь, чтобъ ударили тебя камнемъ въ лице, ты уже не братъ

прежде, предъ ему. Татари, бывшіе съ Василькомъ, рассказали Рудняну отъ Кн. Константина, и тотъ, не смѣя приступитъ къ Кому, отправился пустошить Подлипу, а оттуда возвратился въ Русь. Такимъ образомъ Данилъ, обманутый слабостью Куремъ, рано началъ дѣйствовать противъ Татаръ, и заплатилъ за предвременноую смѣлость городами Галицкими и Волыскими; съ другой стороны Данилъ не ошибся относительно выбора лучшаго средства сопротивленія противъ степныхъ полчищъ, именно укрѣпленія городовъ: наиболее укрѣпленный Холмъ оставилъ цѣль; должно замѣтить впрочемъ, что предъ этимъ городомъ былъ одинъ баскакъ съ своимъ отрядомъ, конечно и Холмъ не могъ бы устоять противъ тѣхъ полчищъ, которыя приводилъ Батый на Русь.

- Но если Данилъ не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ Востокомъ, зато онъ вознагражденъ былъ счастливою борьбою съ Европейскими своими сосѣдями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ борьба съ Литвою, среди которой произошли важныя перемѣны, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбы югозападной Руси. До сихъ поръ Литовцы, подобно соплеменникамъ своимъ Пруссамъ и ярагъ сдѣланы, новиновались многимъ князьямъ; такое раздѣленіе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными войсками и опустошать сосѣднія страны, препятствовало единству, востановленію въ движеніяхъ, не могло сообщать этимъ движеніямъ завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было единовластіе; и вотъ въ то время, какъ Пруссы гибнутъ отъ меча Нѣмецкихъ рыцарей или теряютъ свою народность, раздѣленіе разъединенія, среди Литовцевъ, значительно усиленнаго боя сомнѣнія бѣглецами Прусскими, являются князья, которые начинаютъ стремиться къ единовластію; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Миндовгъ. Характеръ Миндовга ручался за успѣхъ дѣла въ обществѣ варварскомъ: этотъ князь былъ жестокъ, хитръ, не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣйство не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Изъ разсказа Плато-Карпини мы видѣли, что Литовцы по волю княжества Батыева, безнаказанно опустошали Русскія области; но въ 1246 году, возвращаясь съ набѣга на окрестности Пересовницы, они были настигнуты у Пинска обоими Романови-

чани, и поражены на голову; въ слѣдующемъ году встрѣченіе извѣстіе о новомъ пораженіи ихъ отъ князей—Галицкаго и Владимскаго. Въ 1252 году Миндовгъ отправилъ лядю своего Выкннта и двоихъ племянниковъ—Тевтивила и Едивида воевать въ Смоленску; онъ сказалъ имъ: «Что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ.» Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга: онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобъ захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья однако во время убили о намѣреніяхъ Миндовга, и убѣжали къ Даниилу, за котораго была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовгъ послалъ сказать Даниилу, чтобъ тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даниилъ не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для обезсилія Литвы: посовѣтовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ Польскимъ: «Время теперь Христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы. Поляки обѣщались идти съ нимъ вѣсть на войну, и не исполнили обѣщанія. Тогда Романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкннта къ Ятвягамъ въ Жмудь и къ Нѣмцамъ въ Ригу; Выкннту удалось серебромъ и дарами уговорить Ятвяговъ и половину Жмуди подняться на Миндовга; Нѣмцы также прислали сказать Даниилу: «для тебѣ помирись мы съ Выкннтомъ, хотя онъ погубилъ много нашихъ братьевъ,» и обѣщались также идти на помощь къ изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ, Романовичи выступили въ походъ: Даниилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову, побрали много городовъ и возвратились домой потомъ отправилъ Даниилъ Тевтивила съ Русью и Половцами воевать Миндовгову землю; но Нѣмцы не двигались, и Тевтивила самъ отправился въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе: это подвѣствовало вазо, и Орденъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидалъ, что не можетъ противиться въ одно время двумъ врагамъ—и Романовичамъ и Ордену, и потому принялъ за другія средства: онъ послалъ тайно къ Магистру Ордена, Андрею Фонъ Штукланду съ богатыми дарами и съ слѣдующимъ предложеніемъ: «если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь.» Андрей принялъ дары и отвѣчалъ, что ни

таетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ помогать ему дѣлахъ верь, пока онъ не приметъ крещенія. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ Магистромъ, и за роскошнымъ обѣдомъ было улажено все дѣло²²⁰. Миндовгъ крестился²²¹, и пана былъ въ восторгѣ: онъ принялъ Литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство св. Петра²²⁰, писалъ къ Ливонскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго²²¹, поручилъ епископу Кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ²²², писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа²²²; но Миндовгъ принялъ Христіанство точно также, какъ Прусссы принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ: «Крещеніе его было ольство, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на охоту, и зацѣпъ перебѣжитъ дорогу, то ужь ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ.» Какъ бы то ни было, Миндовгу удалось устранить опасность, грозившую ему отъ Ордена, и Тевтивилъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги въ Жмудъ къ дядѣ своему Выкынту; онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ, Жмудн, вспомогательнаго Русскаго отряда, присланнаго ему Даниломъ, и выступилъ противъ Миндовга, на помощь къ которому явился Нѣмцы. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ 1252 году; въ слѣдующемъ 1253 самъ Даниилъ принялъ въ ней участіе, опустошилъ область Новгородскую (Новогрудекскую); потомъ Василько съ племянникомъ Романомъ Даниловичемъ взялъ Городень, а сынъ Миндовговъ за то опустошилъ окрестности Турійска. Но этотъ набѣгъ не могъ перевѣснить успѣховъ Русской рати, и Миндовгъ прислалъ къ Даниилу съ предложеніемъ мира и руки своей дочери для Шварна, сына Даниилова; Литовскій князь впрочемъ и тутъ нашелъ средство заставить Даниила благосклоннѣе выслушать его предложенія: въ одно время съ Миндовговыми послами явился къ Даниилу Тевтивилъ и объявилъ, что Миндовгъ подкупилъ Ятвяговъ, и тѣ не хотятъ больше воевать съ нимъ. Даниилъ разсердился на Ятвяговъ, но дѣлать было нечего. Почти два года послѣ того не встрѣчаемъ извѣстій о дѣлахъ Литовскихъ; въ концѣ 1255 года лѣтописецъ рассказываетъ о мирѣ между Данииломъ

и сыномъ Миндовговымъ, Воишелкомъ, низемъ Новгородскимъ (Новогрудскимъ); характеръ и жизнь этого Воишелка очень замѣчательны для насъ, потому что подобныя явленія всего лучше показываютъ состояніе нравовъ въ извѣстный вѣкъ, въ извѣстномъ обществѣ. Жестоко былъ и Миндовга, но безчеловѣчъ Воишелка превосходило всякое вѣроятіе; наивнѣй расказы о немъ тописца наводятъ ужасъ: «Воишелкъ сталъ княжить въ Новгородъ, будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много; убивалъ всякій день по три, по четыре человека; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого такъ и развеселится.» И вдругъ пронеслась вѣсть, что Воишелкъ Христіанинъ; мало того: онъ оставляетъ княженіе свое и постригается въ монахи. Этотъ-то Воишелкъ явился въ 1265 году къ королю Даниилу посредникомъ мира между нимъ и отцомъ своимъ Миндовгомъ; условія были такъ выгодны, что нельзя было не принять ихъ: Шваръ Даниловичъ получалъ руку Миндовговой дочери, а старшій братъ его Романъ получалъ Новогрудекъ отъ Миндовга, да Слонимъ съ Волковийскомъ и другими городами отъ Воишелка, съ обязанностію впрочемъ признавать надъ собою власть Миндовга. При заключеніи этого мира Воишелкъ просилъ Даниила дать ему возможность пробраться на Аевскую гору, и Даниилъ выхлопоталъ для него свободный путь чрезъ Венгерскія владѣнія; но смуты, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ заставили Воишелка возвратиться назадъ изъ Болгаріи, послѣ чего онъ построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманъ между Литвою и Новогрудкомъ.

Такимъ образомъ южнымъ Мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ было Литвою; но за то Ими славячи Полоцкіе должны были уступить свои волости князю Литовскимъ. Последнимъ Полоцкимъ княземъ является въ нашихъ летописяхъ Брячиславъ, котораго имя записано подъ 1229 годомъ по случаю брака Александра Невского на его дочери; и потомъ (1262 г.) Полоцкимъ княземъ является уже Литва Тевтивилъ, племянникъ Миндовговъ отъ сестры³⁴. Но и Романъ Даниловичу трудно было княжить въ своей новой волости, среди родственниковъ подобныхъ Воишелку: подъ 1260 годомъ встрѣчаемъ на вѣстіе, что король Даниилъ и братъ его Василько все

зани Литву, ища Романа Даниловича, схваченнаго Воишелкомъ Тевтоняномъ; чѣмъ кончилось дѣло, какъ освободился Романъ — неизвестно; известно только то, что въ 1262 году Миндовгъ, желая отомстить Васильку, который вмѣстѣ съ Татарами воевалъ его землю, послалъ на Волынь двѣ рати, набравшія добычи; но одну изъ нихъ Василько нагналъ у города Небла²²²; Литовцы стояли у озера, и, увидавши неприятеля, съѣли въ три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударилъ на нихъ и побѣдилъ, при чемъ не осталось изъ нихъ ни одного человѣка; одни погибли отъ меча, другіе потонули въ озерѣ. Василько отъправилъ сайгата къ брату своему Давиду, который былъ тогда на дорогѣ въ Венгрію и сильно тосковалъ по братѣ и молодомъ племянникѣ Владимірѣ, зная, что они пошли въ походъ, какъ вдругъ одинъ изъ слугъ началъ говорить: «Господинъ! казіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, и кони съ ними въ поводахъ». Король вскочилъ съ радостію и сказалъ: «Слава тебѣ, Господи! это Василько побѣдилъ Литву!» Посланный подѣхалъ и привелъ сайгата: коней въ сѣдлахъ, щиты, сулицы, шлемы. Эта война Романовичей съ Литвою была послѣднею при жизни Миндовга. Въ то время, какъ сынъ его Воишелкъ жилъ въ монастырѣ, Миндовгъ ждалъ случая отвергнуть новую вѣру и прервать связь съ Орденомъ или, лучше сказать, зависимость отъ него; онъ долго выказывалъ себя предъ рыцарями ревностнымъ Христіанномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ Ордена; уступилъ послѣдному значительныя земли, мало того, завѣщалъ ему всю Литву въ случаѣ своей безпотомственной смерти, а между тѣмъ толпы Литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и нустошили тамъ Орденскія владѣнія; отрядъ Тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для Ордена: Литовцы одержали блистательную побѣду и отирали ногами ее сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ. Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ водненію Пруссовъ, подстрекуемыхъ, какъ говорятъ, Миндовгомъ; а въ 1260 г., въ условленный день, вспыхнуло повсемѣстное возстаніе. Миндовгъ еще медлялъ, все выжидалъ, наконецъ, вида, что часъ пробѣжалъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію

и страшно опустошилъ ее. Съ другой стороны его войско счастливо воевало Польскія владѣнія, убило одного князя, взяло въ плѣнъ другаго; съ Литовскимъ войскомъ въ этомъ походѣ находился Рязанскій выходецъ Евстафій, сынъ известнаго намъ братоубійцы князя Константина; сынъ, какъ видно, былъ похожъ на отца, потому что лѣтописецъ называетъ Евстафія окающимъ и беззаконнымъ. Такіе успѣхи не могли быть перевѣшены неудачею, которую Литовцы въ послѣднее время потерпѣли отъ Василька Волинскаго, и лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ началъ сильно гордиться и не признавалъ себя никого равнымъ. Въ 1262 году умерла у него жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ Нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: «сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней»; но когда та пріѣхала, то онъ сталъ говорить ей: «сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобы другая дѣтей ея не мучила», — и женился на свояченицѣ. Мужъ послѣдней, Довмонтъ, озлобившись за это на Миндовга, сталъ думать, какъ бы убить его, но открыто сдѣлать этого не могъ; потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонтъ сталъ искать себѣ союзника и нашелъ его въ племянникѣ Миндовговомъ отъ сестры, Тренятѣ, князѣ Жмудскомъ. Въ 1263 году Миндовгъ послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ, на князя Романа Брянскаго, и Довмонтъ находился также въ этомъ ополченіи; усмотря удобное время, онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому не можетъ продолжать походъ; возвратившись назадъ, онъ немедленно отправился ко двору Миндовга, засталъ его врасплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе прежняго ряда съ Довмонтомъ, сталъ княжить въ Литвѣ, на мѣстѣ Миндовга, и въ Жмуди, и послалъ сказать брату своему, Тевтивилу Полоцкому: «пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово»; но дѣлежъ повелъ къ ссорѣ между братьями: Тевтивилъ сталъ думать, какъ бы убить Тренату, а Тренята какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила; бояринъ послѣдняго, Прокопій Полочанинъ донесъ Тренятѣ о замыслахъ своего князя, тотъ предупредилъ брата, убилъ его и сталъ княжить одинъ, но не долго на княжилъ: четверо конюшихъ Миндовговыхъ составили заговоръ отомстить убійцамъ прежняго князя

ного, и убили Трениу, когда тотъ шелъ въ баню. Тогда началъ дѣйствовать единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воишелкъ: когда онъ узналъ о смерти отца своего, он испугался, и ушелъ изъ Литвы въ Пинскъ; но когда узналъ, что Трениа убитъ, то съ Пинскимъ войскомъ отправился въ Новогрудкъ, и взявши здѣсь другіе полки, пошелъ въ Литву, гдѣ былъ принятъ съ радостію отцовскими приверженцами. Воишелкъ сталъ княжить и, какъ бы желая привести въ заблужденіе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать тихо также, какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новогрудкѣ: онъ сталъ княжить во всей землѣ Литовской, говорить летописецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались». Воишелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича Волинскаго, котораго онъ называлъ отцомъ своимъ и господиномъ; вмѣстѣ съ Шварномъ, приведшимъ въ Литву сильное войско, Воишелкъ пошелъ на своихъ враговъ, города ихъ побралъ, самихъ перебилъ; въ числѣ убитыхъ находился и Рязанскій изгнанникъ—Евстаѳій Константиновичъ.

Такимъ образомъ отношенія Литовскія при жизни Данила вышлись съ явною выгодною для Руси: Миндовга не было болѣе, а сынъ его Воишелкъ, обязанный утвержденіемъ своимъ въ Литвѣ Русскому войску, призналъ зависимость свою отъ брата Данилова, ибо таково значеніе словъ, что онъ называлъ Василька отцомъ и господиномъ. Съ такимъ же успѣхомъ шла борьба и съ другимъ сосѣднимъ варварскимъ народомъ—Ятвягами: въ 1248 году Ятвяги потерпѣли сильное пораженіе отъ Василька Романовича при Дрогичинѣ, потеряли сорокъ князьковъ своихъ. Въ 1251 году отправились на Ятвяговъ оба Романовича съ Поляками и Половцами, перешли болота и вошли въ страну ихъ, при чемъ Поляки не утерпѣли, зажгли первую весь; Романовичи сильно разсердились на нихъ за это, потому что пожаръ далъ вѣсть варварамъ о рати; Ятвяги собрались всею землею, и, какъ видно, зная о гнѣвѣ Данила на Поляковъ, прислали сказать ему: «оставь намъ Поляковъ, а самъ ступай съ миромъ изъ земли нашей»; Данилъ не согласился. Ночью Ятвяги напали на укрепленный станъ Польскій и готовились проломить острогъ, но

Польскій князь Семовитъ послалъ просить стрѣльцовъ у Ромыновичей на помощь; Русскіе князья насилу отпустили стрѣльцовъ, все еще сердясь на Поляковъ. Стрѣльцамъ удалось отнять Ятвяговъ отъ острога, хотя во всю ночь не было отъ нихъ покоя. На другой день Даниилъ двинулся впередъ, а братъ его Василько съ Семовитомъ остался на мѣстѣ, имѣя позади отрядъ Половецкій; Ятвяги ударили на послѣдній, обратили его въ бѣгство, отняли хоругвь и схватились потомъ съ Василькомъ и Семовитомъ; сѣча была лютая и съ обѣихъ сторонъ падало много народу: извѣстный намъ Андрей Дворскій, крѣпкій сердцемъ, большой тѣломъ, поскакалъ было по привычкѣ на непріятеля, и не могъ удержать копья въ слабыхъ рукахъ, и едва не лишился жизни; Василько послалъ къ брату за помощью, и возвращеніе Даниила дало перевѣсъ Русскимъ. Земля непріятельская была пожжена и поплѣнена, много князей ея побито; но споспѣшь къ Ятвягамъ пришли на помощь Пруссы и Борты^{***}; Русскіе Поляки сошли съ коней и пѣшкомъ двинулись на встрѣчу и врагамъ: щиты ихъ сіяли какъ зари, шлемы какъ солнце восходящее, копья казались густымъ тростникомъ, а князь Даниилъ развѣзжалъ на конѣ среди полковъ и радилъ войско. Тогда Пруссы сказали Ятвягамъ: «можете ли дерево поддержать съ лицами и дерзнуть на эту рать?» Ятвяги отступили; Даниилъ также возвратился въ свою землю, избавивши отъ плѣна много христіанъ, которые плѣли побѣдителямъ славныя пѣсни какъ видно эти пѣсни имѣли вліяніе и на разсказъ лѣтописца.

Черезъ три года (въ 1255 году) Даниилъ съ сыномъ Львомъ и Польскимъ княземъ Семовитомъ отправился опять на Ятвяговъ; молодой Левъ Даниловичъ, узнавши, что одинъ изъ князей Ятвяжскихъ, Стекинтъ укрѣпился (осѣкся) съ своими въ лѣсу, пошелъ на него, убилъ самого Стекинта, ранилъ брата его, обратилъ въ бѣгство остальныхъ Ятвяговъ, и принесъ къ отцу оружіе Стекинтово и брата его, обличая тѣмъ свою побѣду: имъ ролю была большая радость. Ятвяги прислали просить мира, обещаясь быть въ подданствѣ у Даниила: но это возбудило зависть Поляковъ и они стали благопріятствовать поганымъ; узнавъ объ этомъ, Даниилъ велѣлъ пустошить землю Ятвяжскую, причемъ истребленъ былъ весь домъ Стекинтовъ, такъ что и теперь говорить лѣтописецъ, пусто на этомъ мѣстѣ. Въ 1256 году Даниилъ

иицъ съ сыновьями: Львомъ, Шварномъ, Романомъ, который
 княжилъ тогда въ Новогрудкѣ, съ двумя изъ остальныхъ Изяс-
 лавичей Полоцкихъ (Минскихъ) ²²⁷ и съ Семовитомъ Польскимъ
 наполнилъ Ятвяжскія болота своими многочисленными полками.
 Князья Русскіе и Польскіе собрали совѣтъ и сказали Данилу:
 «ты король, голова всѣмъ полкамъ: если кого-нибудь изъ насъ
 пошлешь напередъ, то другіе не будутъ слушаться; а тыратный
 чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя побоятся и посты-
 дятся; ступай самъ напередъ». Данилъ, устроивши полки, повѣ-
 халъ самъ напередъ, съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ
 отроковъ, передъ собою пустилъ стрѣльцовъ, а другіе стрѣльцы
 шли по обѣимъ сторонамъ дороги; Дворскій ѣхалъ за королемъ,
 къ которому присоединились потомъ и сыновья его Левъ и Ро-
 манъ. Узнавши, что Ятвяги дожидались непрітелей въ веси При-
 вищѣ, Данилъ послалъ сказать Дворскому: «Какъ скоро уви-
 димъ, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами,
 распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать какъ можно ско-
 рѣе;» но посланный, молодой отрокъ, не понялъ приказанія и
 передалъ его совершенно иначе Дворскому; это подвергло коро-
 ля и сыновей его страшной опасности, потому что надѣясь на
 подкрѣпленіе отъ Дворскаго, они ударили на весь, крича: «Бѣги!
 бѣги!» Ятвяги точно дрогнули сначала и побѣжали, но потомъ
 остановились посерединѣ веси, и Данилу со Львомъ стоило
 большихъ усилій обратить ихъ вторично въ бѣгство; Дворскій
 пріѣхалъ уже тогда когда одержана была полная побѣда, слѣд-
 ствіемъ которой было обычное опустошеніе страны. На другой
 день Ятвяги прислали просить мира, и предлагали заложниковъ,
 чтобъ только Русскіе не убивали ихъ плѣнныхъ. Неизвѣстно,
 какое слѣдствіе имѣло это предложеніе: лѣтописецъ говоритъ,
 что Данилъ, возвратившись съ честію и славою домой, собирав-
 ся опять идти на Ятвяговъ, но тѣ успѣшили отправить къ нему
 пословъ съ данью и съ обѣщаніемъ служить ему и строить го-
 рода въ землѣ своей, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей сво-
 ихъ въ заложники. Такъ Данилъ достигъ того, что началъ отецъ
 его, Романъ Великій: тотъ заставлялъ дикарей расчищать землю
 подъ пашни, Данилъ заставилъ ихъ строить города въ землѣ
 своей; торжество Галицкаго князя надъ Ятвягами было торже-
 ствомъ гражданственности надъ варварствомъ въ восточной Ев-

ропъ, а торжество это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ описываемое время цивилизующее племя само находилось подъ гнетомъ азиатскихъ варваровъ. Въ 1257 году Данилъ послалъ боярши своего взять дань съ Ятвяговъ черными кунницами, бѣлками и серебромъ; часть дани послана была Польскому воеводѣ: пусть узнаетъ вся земля Польская, что Ятвяги платятъ дань королю Данилу.

Но не одною счастливою борьбою съ варварами знаменитъ былъ король Данилъ въ сосѣднихъ государствахъ; борьба съ варварами не мѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ этихъ государствъ, возвысить и здѣсь значеніе Руси. Въ Польшѣ борьба между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его, Владиславомъ Одоничемъ кончилась въ 1231 году смертію Ласконогаго, вслѣдствіе чего Одоничъ сталъ единовластителемъ Великой Польши. Но усобица началась съ другой стороны: по смерти Лешка братъ его, Конрадъ Мазовецкій спѣшилъ взять въ свои руки управленіе его волостями — Краковомъ и Сендомиромъ въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнимъ племянникомъ своимъ Болеславомъ; но мать и вельможи послѣдняго предложили эту опеку герцогу Силезскому, Генриху I-му; отсюда война между Генрихомъ и Конрадомъ, въ которой Конрадъ остался побѣдителемъ и удержалъ за собою опеку надъ Болеславомъ Крѣковскимъ. Когда Болеславъ, возмужавъ, потребовалъ отъ дяди очищенія отцовскихъ владѣній, то Конрадъ захватилъ его и плѣнъ; но племянникъ успѣлъ убѣжать изъ заключенія, и опять обратился съ просьбою о помощи къ Генриху Силезскому; тотъ вступился въ дѣло и помогъ Болеславу Лешковичу противъ дяди но за эту помощь взялъ себѣ Краковъ и часть Сендомирской волости. Съ такимъ же успѣхомъ кончилъ Генрихъ и войну съ великопольскимъ княземъ Владиславомъ Одоничемъ въ 1234 году Одоничъ долженъ былъ уступить Силезскому герцогу все свои земли, лежащія къ югу отъ Варты. Благодаря этимъ успѣхамъ Генриха Силезскаго, самая старшая линія Пястовъ усилилась надъ всѣми остальными линіями. Но, пролагая, съ одной стороны путь своему потомству къ усиленію себя на счетъ всѣхъ остальныхъ родичей и къ собранію земли Польской, Генрихъ съ другой стороны, сильно содѣйствовалъ преобладанію Нѣмецкой и родности надъ Славянскою въ областяхъ Польскихъ. Не ра

замѣчали мы, какъ наши Русскіе князья тяготились малонаселенностію земли своей и старались отовсюда призывать въ нее колонистовъ; та же самая потребность чувствовалась и въ другихъ земляхъ Славянскихъ; монастыри, получившіе большія земли во владѣніе, искали средствъ разчистить свои лѣса, населить, обработать пустоши: для этого они стали перезывать къ себѣ Нѣмецкихъ колонистовъ. Князья перезывали ихъ частію съ той же цѣлію, частію селили ихъ въ старыхъ городахъ и основывали для нихъ новые, дабы посредствомъ нихъ усилить промыслы, торговлю, и такимъ образомъ увеличить свои доходы; остальные землевладѣльцы послѣдовали примѣру духовенства и князей, и вотъ Нѣмцы распространяются по всѣмъ западно-славянскимъ землямъ. Примѣръ къ выводу Нѣмецкихъ колонистовъ въ Польскія владѣнія должна была подать, по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ, Силезія. Родоначальникъ Силезскихъ князей, Владиславъ II-й, по изгнаніи своемъ съ старшаго стола нашель дружественный пріемъ въ Германію; сыновья его, рожденные отъ Нѣмецкой принцессы, были здѣсь воспитаны, и съ помощію императора Фридриха Барбаруссы получили отъ дядей волость въ родной землѣ — Силезію. Это все повело къ тѣснѣйшей связи ихъ съ Германіею. Съ другой стороны дѣйствовала церковь: монастыри, наполненные Нѣмецкими монахами и монахинями, рыцарскіе Ордена, получившіе себѣ земли отъ щедрости князей, стали, съ позволенія послѣднихъ, вызывать въ свои владѣнія Нѣмецкихъ колонистовъ; скоро города начали также наполняться Нѣмцами, причѣмъ важно было то, что послѣдніе сохраняли вполнѣ свою народность, судились и рядились своимъ правомъ. Особенную склонность къ Нѣмцамъ обнаружилъ Генрихъ I-й Силезскій, и легко понять, какое значеніе для всей Польши должна была имѣть эта склонность, когда Генрихъ сталъ самымъ сильнымъ изъ ея владѣтелей²²⁸. Генрихъ умеръ въ 1238 году, оставя сыну своему Генриху II-му Благочестивому княжество, которое превосходило величиною владѣнія всѣхъ остальныхъ Пястовъ; новпаденіе Монголовъ, въ битвѣ съ которыми палъ Генрихъ Благочестивый, воспрепятствовало усиленію Силезіи на счетъ другихъ Польскихъ областей: владѣнія Генриха раздѣлились между тремя его сыновьями; старшій изъ нихъ Болеславъ, которому достался Краковъ и часть Великой Польши, безпорядо-

чнымъ поведеніемъ и наследственною въ своемъ родѣ любовью къ Нѣмцамъ вооружилъ противъ себя вельможъ, которые провозгласили своимъ княземъ Болеслава Лешкова сына, а жители великой Польши передались сыновьямъ стараго своего князя Владислава Одонича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславомъ Генриховичемъ и его родными братьями, при чемъ соперники обращались къ Нѣмецкимъ князьямъ, и платили за помощь частію своихъ владѣній, а между тѣмъ прелаты, пользуясь недалководидною щедростію князей и ихъ ослабленіемъ вслѣдствіе усобицъ, все болѣе и болѣе усиливали свое значеніе, и въ Польшѣ повторились явленія, о которыхъ началъ уже забывать дальнѣйшій западъ: въ 1258 году Болеславъ Генриховичъ принужденъ былъ въ одеждѣ кающагося, босыми ногами отправиться въ Бреславскую церковь Іоанна Крестителя, чтобъ избавиться отъ проклятія, надъ нимъ тяготѣвшаго.

Мы видѣли, что слабостію Силезіи воспользовался Болеславъ (Стыдливый), сынъ Лешка (Бѣлаго) для возвращенія своей отчины, стола Краковскаго; но прежде утвержденія своего здѣсь, онъ долженъ былъ выдержать войну съ дядею, Конрадомъ Мазовецкимъ. Даниилъ Галицкій снова находился въ союзѣ съ послѣднимъ, и потому въ 1245 году встрѣчаемъ извѣстіе о войнѣ его съ Болеславомъ Лешковичемъ: въ первый походъ, вошедши въ Польшу четырьмя дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рѣкъ Вислы и Сана; во второй походъ осадили Люблинъ, и сняли осаду только тогда, когда Люблинцы дали слово не помогать Болеславу³³. Слѣдствіемъ этихъ войнъ было то, что въ битвѣ подъ Ярославлемъ, Поляки Болеславы находились въ войскѣ Ростислава Черниговскаго, а Романовичи, слышавъ приходъ послѣдняго, послали сказать Конраду: «взъеза тебя пришли на насъ Лахи Болеславы, потому что мы помогали тебѣ,» — и Конрадъ послалъ имъ вспомогательный отрядъ, который не успѣлъ однако принять участія въ битвѣ. Въ 1247 году умеръ Конрадъ, славный, предобрый, по выраженію лѣтописца, и Даниилъ съ Василькомъ жалѣли объ немъ; еще при жизни своей онъ раздѣлилъ Мазовію между двумя сыновьями: Казимиромъ и Болеславомъ; послѣдній умеръ вскорѣ послѣ отца, и, по просьбамъ князя Даниила, отдалъ свою волю младшему брату Семовиту, за которымъ была племянница

Данилова, дочь Александра Вельзскаго; дружескія отношенія между Даниломъ и Семовитомъ не прерывались до самой смерти послѣдняго; съ Болеславомъ Краковскимъ Галицкій князь находился также въ мирѣ.

Ярославскою битвою кончились, какъ мы видѣли, враждебныя отношенія къ Венгріи и за союзомъ родственнымъ скоро послѣдовалъ политическій, когда по смерти послѣдняго Австрійскаго герцога Фридриха, за владѣнія его возникла упорная борьба между королями Чешскимъ и Венгерскимъ; послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ Данилу, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому сынъ Данила, Романъ женился на сестрѣ покойнаго герцога Гертрудѣ и въ приданое бралъ Австрію. Слѣдствіемъ этого договора была война Данила съ Чехами. Въ 1254 году, Данилъ предпринялъ походъ въ землю Опавскую (Троппау) сколько для короля Венгерскаго, говоритъ лѣтописецъ, столько же и для славы, потому что ни одинъ князь Русскій, ни Святославъ Храбрый, ни Владимиръ Святый не воевали земли Чешской. Данилъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ, женатымъ на дочери Венгерскаго короля; союзники, приближаясь къ Опавѣ, отправили къ городу сторожевой отрядъ изъ Поляковъ, который былъ разбитъ Чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на Поляковъ, и Данилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе: «Чего вы испугались? говорилъ онъ имъ: развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? развѣ вы не знали, что вышли на мужчинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? если воинъ убитъ на рати, то какое тутъ чудо? другіе и дома умираютъ безъ славы, а эти со славою умерли; укрѣпите сердца ваши и ступайте бодро впередъ.» Но тщетно Данилъ уговаривалъ Поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не согласились; Данилъ сильно горевалъ, тѣмъ болѣе, что большая часть его войска съ сыномъ Львомъ отправилась другимъ путемъ и неизвѣстно гдѣ находилась; наконецъ пришелъ Левъ Даниловичъ, и началась осада, которая однако не имѣла успѣха по причинѣ глазной болѣзни Даниловой; взять былъ только ближній городъ Насилье (Носсельтъ). Опустошивши въ концѣ всю землю Опавскую, Данилъ и Болеславъ возвратились домой.

Даниилъ по уговору съ королемъ Венгерскимъ, опустошилъ Чешскія владѣнія, но король не исполнилъ своихъ обѣщаній данныхъ Роману, и оставилъ его въ городѣ Нейбургѣ, подѣ Вѣны, безовсякой помощи; Чешскій Король Оттокаръ осадилъ Нейбургъ, и не будучи въ состояніи взять его силою, прислалъ сказать Роману: «Ты мнѣ родня и своякъ (Оттокаръ былъ женатъ на Маргаритѣ, другой сестрѣ Австрійскаго герцога Фридриха) оставь Венгерскаго короля, и мы раздѣлимъ съ тобою пополамъ Австрію; король тебѣ много обѣщаетъ, и ничего не сдѣлаетъ; а я тебѣ говорю правду и поставлю свидѣтелей — папу и 12 епископовъ.» Романъ отвѣчалъ: «Не могу имѣть съ тобою никакого дѣла, потому что стыдно будетъ мнѣ и грѣхъ вопреки обѣщаніямъ покинуть короля Венгерскаго,» — и послалъ обѣявить послѣдному о предложеніи Оттокара, проса немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ; хотѣлъ Австрію для себя, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгріи, и не посылалъ ему помощи, а между тѣмъ осажденные терпѣли сильный голодъ въ Нейбургѣ: одна женщина тайкомъ прокрадывалась въ Вѣну, и покупала тамъ съѣстные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, воспользовавшись доброхотствомъ какого-то Веренгера Просвѣла, выбрался изъ города, и уѣхалъ въ Галицію. Въ 1260 году Даниилъ опять соединилъ полки свои съ войскомъ Бѣлы противъ Оттокара Богемскаго; но союзники были разбиты послѣднимъ при рѣкѣ Моравѣ³⁴⁰, и Даниилъ долженъ былъ отказать отъ надежды видѣть сына своего на престолѣ Австрійскомъ, тѣмъ болѣе, что Татарскія отношенія занимали тогда все его вниманіе.

Король Даниилъ не долго пережилъ разрушеніе своихъ надеждъ на успѣшную борьбу съ Татарами; онъ умеръ между 1264 — 1266 годомъ; такимъ образомъ почти въ одно время восточная Европа лишилась троихъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ Руси сѣверной не стало Александра Невскаго, въ южной Даниила, въ Литвѣ Миндовга. Не трудно замѣтить сходство въ дѣятельности обоихъ князей Русскихъ — Невскаго и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западѣ и оба должны были поникнуть предъ Монголами, при чемъ неудача предпріятій Данииловыхъ служить самымъ лучшимъ

объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставить съ выгодной стороны проникательность и осторожность сына Всеволода III-го; легко замѣтить, какъ оба князя—представители — одной сѣверной, другой — южной Руси, представители двухъ долго враждебныхъ ливій Мономахова племени, остаются вѣрны каждый своей странѣ и своему племени по личному характеру своему, не смотря на известное сходство въ характерѣ ихъ дѣятельности. Даниилъ сдѣлалъ для южной Руси все, что можно было ожидать отъ него при тѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, которымъ могъ быть въ уронецъ только князь, талантливый подобно Даниилу и, подобно Даниилу, испытанный бѣдствіями съ ранней молодости, съ ранней молодости не знавшій покоя. Крѣпости скрыты по приказанію Татарскаго баскака, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія Монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо; Литва и Ятвяги въ зависимости, среди сосѣднихъ христіанскихъ государствъ Русь получила важное мѣсто съ признаннымъ необходимымъ вліаніемъ, чему много способствовало то, что главная сцена дѣйствія перенесена была съ востока изъ области Днѣпровской, на западъ, въ область Днѣстровскую. Но кромѣ подвиговъ внѣшнихъ Даниилъ прославился особенно внутреннею распорядительностію: послѣ Монгольскаго опустошенія успѣлъ привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. При этомъ должно замѣтить однако, что Даниилъ, населяя города свои, наполнилъ ихъ Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами²²¹, что не могло не имѣть вліанія на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даниила мысль Романа Великаго была приведена въ исполненіе: Галицкая земля перешла прямо къ сыновьямъ Данииловымъ, Льву, Мстиславу и Шварну, (Романъ больше не упоминается), а дядя ихъ Василько остался княжить по прежнему на Волини. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властію одного изъ сыновей Данииловыхъ: въ 1268 году Войшелкъ снова заключился въ монастырь, отдавъ всѣ свои владѣнія зятю Шварну. Послѣдній боясь, какъ видно, возобновленія внутреннихъ волненій въ Литвѣ въ пользу князей природныхъ, уговаривалъ Войшелка покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: «Много согрѣшилъ я предъ

Богомъ и передъ людьми; ты княжи, а земля тебѣ безопечной. Жива въ Угровскомъ Даниловѣ монастырѣ, Воишелкъ говорилъ: «Вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господин мой отецъ князь Василько, буду ими утѣшаться». Но онъ долго утѣшался: Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы свои вызвали Воишелку изъ монастыря для управленія дѣлами княжества; это возбудило вражду въ братѣ Шварновомъ, Левѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наследникомъ брату въ Литвѣ, а Воишелкъ не склонился на его желаніе. Между обоими князями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь Волинскій предложилъ имъ съѣхаты вмѣстѣ для примиренія. Воишелкъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владимиръ Волинскій, гдѣ Маркольдъ, родомъ Нѣмецъ, стрый совѣтникъ короля Данила, позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдали весело, много пили, и Василько, послѣ обѣда, поѣхалъ къ себѣ домой спать, а Воишелкъ поѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣло не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелку и сталъ говорить ему: «Кумъ! попьемъ-ча еще!» Тотъ согласился, и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, отъ брани дошло до драки, и Воишелкъ былъ убитъ Львомъ. Последній хотѣлъ было воспользоваться смертію Воишелка, пріобрѣсти себѣ Литву; но онъ не получилъ уснѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ единоплеменнаго князя²⁴². Такъ порвано было въ самомъ началѣ широкое соединеніе Литвы и Русью. — Съ Поляками, именно съ Болеславомъ Краковскимъ началась война скоро по смерти Даниловой; въ ней Русскіе потерпѣли пораженіе вслѣдствіе неосторожности Шварна, который не послушавшись совѣта стараго дяди Василька, не дождался полковъ Волинскихъ и ударилъ одинъ на соединенныхъ враговъ, тогда какъ Василько именно говорилъ: «Не бойте сначала съ Поляками, но отпустите ихъ въ свою землю, когда пойдутъ, раздѣлившись, тогда нападайте». Въ 1271 году умеръ Василько Волинскій, оставивъ столъ свой сыну Владимиру. Кропотомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются трое князей Пинскихъ: Фодоръ, Демадъ и Юрій Владиміровичи, въ союзѣ съ Василькомъ Волинскимъ (1262 г. Изяславъ князь Свислочьскій (1256); Глебъ Ростиславичъ Станскій.

Обратися теперь къ другимъ княжествамъ южной Руси, на восточномъ берегу Днѣпра. Мы оставили Михаила Черниговскаго въ Кіевѣ, гдѣ онъ жилъ подъ городомъ на островѣ. Узнавши, что король Венгерскій выдалъ наконецъ дочь свою за его сына Ростислава, онъ поѣхалъ въ Венгрію, но не получилъ почетнаго приѣма ни отъ свата, ни отъ сына, и, разсердившись на Ростислава, поѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда къ Батюю просить себя ярлыка на это княжество. Приѣхавши въ Орду, онъ никакъ не хотѣлъ обратившись на югъ поклониться изображенію умершаго Чингисъ-Хана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться изображенію мертваго человѣка. Напрасно князь Борисъ Ростовскій уговаривалъ его со слезами исполнить обрядъ, а бояре Ростовскіе обѣщались принять на себя за него епитимью и со всюю своею областю: Михаилъ оставался непреклоннымъ, тѣмъ болѣе, что бояринъ его Феодоръ напоминалъ ему увѣщанія дуклинника не губить души идолопоклонствомъ. Михаилъ умеръ мучительною смертію; лѣтопись называетъ палачемъ его Русскаго отступника—Путивльца Домана; бояринъ Феодоръ былъ также убитъ ²⁴² (1264 г.). Въ Черниговѣ началъ княжить Андрей Всеволодовичъ, какъ видно, братъ Михайловъ. — Изъ другихъ Черниговскихъ князей упоминается Романъ Брянскій, который въ 1264 году поразилъ Литовское войско, нападшее на его волость ²⁴³. Подъ 1241 годомъ упоминается князь Рыльскій Мстиславъ, убитый Татарами. Въ одной лѣтописи ²⁴⁴ подъ 1245 годомъ упоминается о смерти князя Андрей Мстиславича, убитаго Батиемъ; Плато-Карпини называетъ его княземъ Черниговскимъ ²⁴⁵.

ГЛАВА IV.

БОРЬБА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

(1276—1304).

Исчезновеніе прежнихъ понятій о правѣ старшинства. Великій князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усиленію. Возстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго съ помощію Орды. Вліяніе боярина Семена Топилевича. Союзъ князей противъ Дмитрія. Осторожность Свѣричьихъ князей. Раздѣленіе Орды, и Дмитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ. Убіеніе Семена Топилевича. Новая усобица. Торжество Андрея. Безуспѣшный съездъ князей. Князь Переяславскій Иванъ Дмитріевичъ отказываетъ свою волость князю Даниилу Александровичу Московскому. Смерть Андрея. Событія въ другихъ северныхъ княжествахъ. Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Нѣмцамъ и Литвѣ. Дѣла на югозападѣ.

Мы достигли того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; Великіе князья показываютъ ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область Владимирскую, старается увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаютъ понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждого Великаго князя заботиться только о самомъ себѣ, то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на Великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ родовыхъ отношеній.

Князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій, присоединивши къ своей отчинѣ область Владимирскую, началъ тѣмъ

же, тѣмъ начинаемъ его предшественники, — стремленіемъ усилиться на счетъ Новгорода, который, по смерти Василія, поспѣшилъ признать его своимъ княземъ. Въ 1279 году онъ, по словамъ лѣтописца, выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить для себя крѣпость Копорье, пошелъ и самъ срубилъ ее; въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ туда вторично съ посадникомъ Михаиломъ, съ лучшими гражданами; заложилъ въ Копорье крѣпость каменную. Въ томъ же году посадникъ Михаилъ Мишиничъ, возведенный въ это достоинство при Василіи, былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ возведенъ Семень Михайловичъ, неизвѣстно сынъ какого изъ прежде бывшихъ посадниковъ—Михалка Степановича или Михаила Ѳеодоровича. Лѣтопись говоритъ, что у Мишинича отнято было посадничество княземъ и Новгородцами вмѣстѣ—все показывало слѣдовательно согласіе города съ Димитріемъ; но въ слѣдующемъ 1281 году вдругъ встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ Великаго князя съ Новгородцами. Очень вѣроятно⁴⁷, что ссора эта произошла по поводу Копорья, на который Димитрій хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось Новгородцамъ. Какъ бы то ни было, когда Новгородцы отправили къ Димитрію Владыку съ мольбою, то онъ не послушалъ его, пришелъ съ войскомъ на волость Новгородскую и сильно опустошилъ ее, послѣ чего заключенъ былъ миръ, какъ видно, на всей волѣ Великаго князя. Быть можетъ этотъ поступокъ Димитрія, обличавшій стремленіе его усилить себя на счетъ другихъ, послужилъ Андрею Александровичу Городецкому знакомъ къ возстанію на старшаго брата; быть можетъ онъ хотѣлъ подражать дядѣ своему Василю Ярославичу, который посредствомъ хана не позволилъ брату своему Ярославу усилиться окончательно на счетъ Новгорода; впрочемъ лѣтописцы указываютъ на бояръ Андреевыхъ, и особенно на одного изъ нихъ, Семена Тонилевича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Мы видѣли у князя Василія Костромскаго воеводу Семена, который водилъ полки своего князя противъ Димитрія и Новгородцевъ. Очень вѣроятно, что вслѣдствіе этихъ отношеній къ Димитрію, Семень, по смерти Василія, перешелъ не къ Переяславскому князю, а къ Городецкому Андрею: тѣмъ болѣе, что Кострома, по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею. Этотъ-то Семень началъ вооружать своего новаго

князя противъ Димитрія, и вотъ Андрей отправляется съ Орду князя спешившикомъ себѣ и помощникомъ Осмена Тонилевича и другихъ многихъ, говорить летописецъ.

.. Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получилъ ярыкъ въ Владимиръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его къ тому силой, при чемъ все князья, ближніе и дальніе родственники, соединились съ Андреемъ противъ Димитрія. Мы не станемъ предполагать, что Димитрій дурно обходился съ ними, пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь: для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ Великому князю Владимірскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу Владимірскую область. Димитрій, видя союзъ князей и Татарскіе полки противъ себя, повѣхалъ къ Новгороду, желая засѣсть въ своемъ Копорьѣ, но на озерѣ Ильменѣ встрѣтилъ полки Новгородскіе: Новгородцы показали князю путь, самого не схватили, но взяли двухъ дочерей его воеводу въ заложники: «Отпустимъ ихъ тогда, сказали они Димитрію, когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья.» Но дружина эта не думала оставлять крѣпости, потому что ею начальствовалъ зять Димитрія, знаменитый Довмонтъ Псковской: онъ нечаянно напалъ на Ладогу, и высвободилъ оттуда ивѣнне Димитріево; когда Новгородскіе полки подошли къ Копорью, то дружина великокняжеская не могла долѣе здѣсь держаться, и, получивъ безпрятственный выходъ, оставила крѣпость, которую разрыли Новгородцы²⁴⁸. Между тѣмъ Димитрій отправился за море, а Татары, пришедшіе съ Андреемъ, ища Димитрія, разсыпавшись по всей землѣ, опустошили все около Муромъ, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери, до самого Торжка и далѣе къ Новгороду. Андрей съѣлъ во Владимирѣ, угостилъ богатымъ пиромъ, одарилъ князей Ордынскихъ и, отпустивъ ихъ домой, повѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ честно посаженъ на столъ. Но скоро пришла къ нему сюда вѣсть, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ наемными войсками²⁴⁹, засѣлъ въ своемъ Переяславлѣ, укрѣпляется тамъ и собираетъ полки. Андрей немедленно выѣхалъ изъ Новгорода во Владимиръ, оттуда въ Городецъ, а изъ Городца повѣхалъ въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тонилевичемъ, жаловаться на брата хану Тудай-

Исгу, брату и преемнику Исгу-Тамурову, доносить, что Димитрій не хочет повиноваться Татарамъ, платить имъ дани; а между тѣмъ, въ его отсутствіе, князья: Святославъ Ярославичъ Турецкой, Данилъ Александровичъ Московскій и Новгородцы двинулись на Димитрія: союзъ также замѣчательный! Враждебная войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно, на какихъ условіяхъ. Становится замѣтнымъ, какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся (1281—1283 г.).

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками Татарскими; Димитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ, въ степяхъ, раскинулась другая Орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда Ногайская. Повелитель ея, Ногай, князь рода Джучіева и полководецъ со временъ Берге, изъ соперничества съ ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Димитрія, и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ былъ уступить, возвратилъ брату Владимиръ. Какъ же Димитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое Переяславскихъ бояръ, Антонъ и Теофанъ, явились въ Кострому, схватили нечаянно Семена Тонилевича, и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Семень отвѣчалъ: «Напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины». — «Ты видѣлъ Ордынскаго Царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя» — продолжали Переяславскіе бояре. — «Ничего не знаю,» отвѣчалъ Семень: «если хотите знать подробности объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.» — «Если ты не расскажешь намъ о всѣхъ замыслахъ своего князя, продолжали Димитріевы бояре, то мы убьемъ тебя.» — «А гдѣ же клятва которою клялся вашъ князь моему, отвѣчалъ Семень; клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?» — Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя — убили Семена Тонилевича.

Легко было предвидѣть, что убійство Семена не потушитъ вражды между братьями: Андрей сильно тужилъ о своемъ бояринѣ, и началъ ссылаться съ Новгородцами; въ Торжкѣ (въ 1284 г.) они обмѣнялись клятвою стоять другъ за друга противъ Дмитрія. Но послѣдній былъ силенъ. Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и его Татарами, опустошать волости Новгородскія. Послѣ этого Андрей обратился къ Татарамъ и привелъ на Дмитрія какого-то царевича изъ Орды: но когда Татары разсыпались на грабежа, то Дмитрій собралъ большую рать и ударилъ на нихъ; царевичъ убѣжалъ въ Орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, Городецкій князь долженъ былъ опять уступить; Новгородцы приняли къ себѣ Дмитрія, конечно не на всей своей волѣ; есть извѣстіе о наказаніи людей ему непріязненныхъ²⁵⁰; посадникъ Семенъ Михайловичъ отправлявшій свою должность во все время дружбы Новгорода съ Андреемъ и потому необходимо пріятнымъ послѣднему, былъ свергнутъ при торжествѣ Дмитрія: его мѣсто заступилъ Андрей Климовичъ; но Семенъ не отбѣлся отъ нимъ лишеніемъ посадничества: въ 1287 году всталъ на него весь Новгородъ по напрасну (безъ исправы), говоритъ летописецъ: пошли на него изъ всѣхъ концовъ, какъ сильная рать, каждый съ оружіемъ, пришли на дворъ къ нему, взяли весь домъ съ шумомъ; Семенъ прибѣжалъ къ Владыкѣ, а Владыка проводилъ его въ Софійскую церковь, гдѣ онъ и пробылъ въ безопасностъ и до другаго дня, пока смятеніе утихло. Семенъ чрезъ нѣсколько дней умеръ; но и Андрей Климовичъ не долго посадничалъ: въ 1288 г., онъ былъ свергнутъ, и на его мѣсто возведенъ братъ прежде бывшаго посадника Юрій Мишиничъ; а Ладожское посадничество отдано было Матвѣю Семеновичу, какъ видно сыну Семена Михайловича. Неизвѣстно, въ связи ли съ этими перемѣнами было убіеніе Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на Владычнемъ дворѣ; Новгородцы звонили вѣче у Св. Софійи и у Св. Николы, откуда пошли вооруженные, взяли улицу Прусскую, дома разграбили, улицу всю пожгли. Въ слѣдующемъ году крамольники пограбили торгъ; на другой день Новгородцы собрались на вѣче и сбросили двухъ крамольниковъ съ мосту.

Между тѣмъ Дмитрій, смиривъ брата и Новгородцевъ, хотѣлъ какъ видно, раздѣлаться и съ тѣми княжествами, которые

помогали Андрею противъ него: въ 1288 году Димитрій вместе съ Ростовскимъ княземъ и Новгородцами пошелъ на Тверскаго князя Михаила Ярославича, наследовавшаго брату своему Святославу, неизвестно когда умершему; но Михаилъ встрѣтилъ Димитрія съ полками у Кашина, и дѣло кончилось безъ боя — миромъ. Неизвѣстны подробности, какъ Димитрій поступилъ съ другими князьями: извѣстно только то, что въ 1292 году отправились жаловаться на него въ Орду князья: Андрей Городецкій, Димитрій Ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ Михаилъ Глѣбовичъ Бѣлозерскій, тестъ послѣдняго, Феодоръ Ростиславичъ Ярославскій съ Ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ. Въ Ордѣ Волжской Тудай-Менгу былъ свергнутъ четырьмя племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро, въ свою очередь, были истреблены сыномъ Менгу-Тимура, Тохтою или Токтаемъ. Тохта, выслушавъ жалобы князей, хотѣлъ сначала послать въ Русь за Димитріемъ; но потомъ раздумалъ и отправилъ туда большое войско. Переяславцы, узнавши о приближеніи Татаръ, всѣ разбѣжались, и Димитрій долженъ былъ бѣжать изъ своего города сперва на Волокъ, а оттуда во Псковъ; Татары же съ Андреемъ Городецкимъ и Феодоромъ Ярославскимъ, взяли Владимиръ, разграбили Богородичную церковь, взяли потомъ 14 другихъ городовъ и опустошили всю землю. Тверь наполнилась бѣглецами со всѣхъ сторонъ, которые уговаривались не пускать Татаръ дальше и биться съ ними; но Татары хотѣли идти съ Волока къ Новгороду и Пскову; тогда Новгородцы послали къ предводителю ихъ Дуденю богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назадъ въ степи. Союзники — Андрей Городецкій и Феодоръ Ярославскій подѣлили между собою волости: Андрей взял себѣ Владимиръ и Новгородъ, Феодоръ Переяславль, сына Димитріева, Ивана вывели въ Кострому. По удаленіи Татаръ, Димитрій хотѣлъ было пробраться изъ Пскова въ Тверь, ибо Михаилъ не нарушилъ съ нимъ мира и не показанъ въ числѣ жалобщиковъ на него: самъ Димитрій уснѣлъ проѣхать въ Тверь, но обозъ его былъ захваченъ Андреемъ и Новгородцами съ новымъ посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ, заступившимъ мѣсто Юрія Мишинича, какъ видно, вслѣдствіе торжества Городецкаго князя; Димитрій принужденъ былъ просить

авра у брата, который принялъ предложеніе: какъ видно, взяли Владимиръ, Андрей уступилъ старшему брату опять Переяславль, ибо встрѣчаемъ извѣстію, что Федоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, вѣроятно съ досады, что долженъ былъ отступить отъ своего приобритенія, и послѣ виднѣ въ Переяславль сынъ Дмитріева¹¹; Волокъ возвращенъ Новгородцамъ. Но Дмитрій не достигъ своей отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокъ, и 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переяславлѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата, и потому, при тогдашнихъ отношеніяхъ не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что и прежде Андрей былъ въ союзѣ съ княземъ Федоромъ Ярославскимъ: союзъ остался ненарушимымъ и теперь; на ихъ же сторонѣ стоялъ князь Константинъ Ростовскій; но противъ этихъ трехъ князей образовался другой союзъ также изъ трехъ князей: Михаила Тверскаго, Данила Московскаго и Ивана Переяславскаго, который впрочемъ былъ въ это время въ Ордѣ и поручилъ защищать свою волость двумъ первымъ. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, князья собрались во Владимиръ для окончанія своихъ споровъ, но чуть-чуть дѣло не дошло до кровопролитія; владыка Симеонъ отвратилъ его, но не надолго: въ томъ же годъ Андрей, собравши большое войско, пошелъ къ Переяславлю; и Данилъ Московскій и Михаилъ Тверской заступили ему дорогу битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. Въ 1301 году князья опять съѣхались въ Дмитровъ: Андрей и Данилъ уладили свои дѣла, но Иванъ Переяславскій и Михаилъ Тверской разъѣхались въ распрѣ—знакъ, что на этихъ новыхъ сѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ интересахъ, и уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году произошло событіе важное по своимъ слѣдствіямъ, и подавшее непосредственный поводъ къ новой борьбѣ между князьями: князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій умеръ бездѣтнымъ: кому же должна была достаться его отчина, старшій удѣлъ въ племени Ярослава Всеволодовича? По старинѣ Великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностію по общему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ, по древнему выраженію. Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы какъ на частнымъ

дворянство, и каждый князь, какъ частный собственникъ, принадлежалъ отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Дмитриевичъ завѣщаваетъ Переяславль князю старшаго дяди Андрея младшему Даниилу Московскому. Легко понять, какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего края на счетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличилась цѣлою областью другого княжества! ²²² Великій князь Андрей не хотѣлъ позволить Даниилу воспользоваться завѣщаніемъ племянника и тотчасъ по смерти Ивана отправилъ въ Переяславль своихъ намѣстниковъ; но Даниилъ не думалъ уступить: онъ выгналъ на мѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ; Андрей отправился въ Орду, вѣроятно жаловаться хану. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даниилъ Александровичъ Московскій; старшій сынъ его Юрій былъ совершенно въ уровень своему времени: пріобрѣтать и усиливаться во чтобы то ни стало было главною его цѣлю, и когда Андрей возвратился изъ Орды въ ярмаки ханскими, то Юрій не уступилъ ему Переяславль ²²³, жители котораго хотѣли непремѣнно имѣть его своимъ княземъ и, доставшись отцу его по завѣщанію, не толковали никакъ нѣкогда Кіевляне, что не хотятъ доставаться по наследству. Въ 1304 году умеръ Андрей; смерть его служила знакомъ къ борьбѣ между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невскаго, обратимся къ событіямъ, происходившимъ въ другихъ княжествахъ. Въ Ростовѣ, по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.), взялъ опять перевѣсъ старый обычай: здѣсь сталъ княжить братъ покойнаго, Глебъ Васильковичъ Бѣлозерскій. Но Глебъ умеръ въ идущемъ же 1278 году: онъ съ молодости, говоритъ летописецъ, служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ нихъ отъ плѣна; ему наследовалъ въ Ростовѣ племянникъ отъ старшаго брата, Дмитрій Борисовичъ, на Бѣлозерѣ остался княжить сынъ покойнаго Глеба, Михаилъ. Дмитрій Борисовичъ, въ обычай времени, захотѣлъ усилиться на счетъ этого младшаго двоюроднаго брата, и отнялъ у него волости съ грѣхомъ и неправдою, по выраженію летописца; отъ двоюроднаго брата Дмитрій скоро (1281 г.) перешелъ къ родному, Константину Борисовичу, княжившему съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ; была

между ними кривола и вражда великая, говоритъ летописецъ: быть можетъ эта вражда произошла въ слѣдствіе смерти Угличкаго князя Романа Владиміровича (1279 г.), не оставившаго наследниковъ. Напрасно старался примирить ихъ Владика Игнатій: Константинъ долженъ былъ выехать изъ Ростова, а Дмитрій сталъ собирать войско и укрѣплять городъ, боясь нападенія отъ брата. Тогда Владика Игнатій отправился къ Великому князю Дмитрію Александровичу и упросилъ его пріѣхать в Ростовъ: тотъ пріѣхалъ и помирилъ братьевъ. Въ 1287 годъ братья раздѣлились: старшій Дмитрій остался въ Ростовѣ, младшій Константинъ съѣлъ въ Угличѣ. Въ 1294 году умеръ князь Дмитрій Борисовичъ Ростовскій, мѣсто его занялъ братъ Константинъ Борисовичъ, оставивъ въ Угличѣ сына своего Александра. — Изъ другихъ князей племени Всеволода III упоминается подъ 1281 годомъ внукъ его князь Михаилъ Ивановичъ Стародубскій, дядя сыновьямъ Невскаго, но не могшій быть старшимъ ни по праву, потому, что не былъ отчинникомъ, ни по силѣ. — Подъ 1278 годомъ упоминается внукъ Ярослава Всеволодовича Давидъ Константиновичъ, князь Галицкій и Дмитровскій, онъ умеръ въ 1290 году. — Изъ князей Суздальскихъ, сыновей Андрея Ярославича, Юрій Андреевичъ умеръ въ 1279 году, и его мѣсто занялъ братъ его Михаилъ. — Въ Рязани княжилъ Ѳеодоръ сынъ убитаго въ Ордѣ Романа; онъ умеръ въ 1294 году, и мѣсто его заступилъ братъ, Константинъ Романовичъ; третій Романовичъ, Ярославъ, князь Пронскій, умеръ въ 1299 году. Въ 1277 году умеръ Смоленскій князь Глѣбъ Ростиславичъ; мѣсто его занялъ братъ Михаилъ Ростиславичъ, но и этотъ умеръ въ слѣдующемъ 1279 году; тогда Смоленскъ перешелъ къ третьему Ростиславичу, Ѳеодору Ярославскому; соединеніе двухъ княжествъ — Смоленскаго и Ярославскаго могло бы повести важнымъ слѣдствіямъ для сѣверной Руси при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибъ географическое разъединеніе этихъ княжествъ въ самомъ началѣ не положило препятствія ихъ политическому соединенію; племянникъ Ѳеодора отъ старшаго брата Александръ Глѣбовичъ овладѣлъ Смоленскомъ подъ дядею: послѣдній въ 1298 году съ большимъ войскомъ пошелъ на Александра, долго стоялъ подъ Смоленскомъ и бился крѣпко, взять городъ не могъ и возвратился въ Ярославль безъ успѣхъ.

Смоленское княжество удержало свою независимость; но въ 1301 году, видя въ себѣ усобицу между Александромъ Смоленскимъ и Андреемъ Вяземскимъ: Александръ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Романомъ, осадилъ Дорогобужъ и людямъ много сдѣлавъ, отнявши у нихъ воду, но Андрей Вяземскій подошлъ на помощь къ Дорогобужчанамъ, и Александръ, разбитый, потерявши сына, долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить отъ города.— На судьбу обоихъ княжествъ, и Рязанскаго и Смоленскаго, въ описываемое время начало оказывать влияние сосѣднее имъ обоемъ оединное княжество на сѣверѣ, Московское, гдѣ, какъ мы видѣли, княжилъ третій, младшій сынъ Невскаго, Даниилъ, сперва бывшій въ союзѣ съ братомъ Андреемъ противъ старшаго Дмитрія, потомъ, когда Андрей сталъ В. княземъ, вооружившійся противъ него вмѣстѣ съ князьями Тверскимъ и Переяславскимъ. Кромя этого любознательнаго поведенія и пріобрѣтенія по завѣщанію племянника, Переяславскаго княжества, Даниилъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что въ 1301 году явился съ войскомъ у Переяслава Рязанскаго, одолевъ тамошняго князя Константина Романовича, перебилъ много бояръ и простыхъ людей, и наконецъ взялъ въ плѣнъ самого князя Константина какою-то хитростію, вслѣдствіе измысливъ бояръ Рязанскихъ; Даниилъ, по словамъ летописца¹⁵⁴, держалъ плѣнника своего въ чести, хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его въ Рязань. Сынъ Данииловъ, Юрій, въ самый годъ отцовской смерти отправился съ братьями на другое сосѣднее княжество, Можайское: городъ взялъ, князя Святослава Глѣбовича привелъ плѣннымъ въ Москву. Такъ уже первые Московскіе князья начинаютъ собирать Русскую землю. — Въ Новгородѣ, послѣ торжества Андреева надъ братомъ, княжилъ сынъ В. князя Борисъ Андреевичъ; посадникъ Андрей былъ смѣненъ братомъ Семеномъ Ивановичемъ, неизвестно въ которомъ году; но въ 1303 году Семена смѣнилъ опять Андрей. Въ послѣдніе годы отношенія Новгорода къ В. князю Андрею, какъ видно, перемѣнились: до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Михаиломъ Тверскимъ, въ которомъ этотъ князь, объявляя о союзѣ своемъ съ Данииломъ Московскимъ и Иваномъ Переяславскимъ, обязываетъ Новгородцевъ, чтобъ они помогали ему въ случаѣ притѣсненія отъ В. князя Андрея или отъ

Татарина, или отъ него-либудъ другого; Новгородцы, съ своѣмъ севѣромъ, обвиняють Михаила, чтобъ онъ, въ случаѣ обиды Новгороду, защищалъ его вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ⁴⁴⁵.

Касательно вѣнскихъ отношеній въ описываемое время мы видимъ, что Татары опустошали сѣверную Русь, помогая враждующимъ князьямъ, какъ прежде Половцы вустошили южную. Въ 1277 году Русскіе князья: Андрей Городецкій, Глебъ Ростовскій съ сыномъ и племянникомъ, Федоръ Ярославскій, будучи въ Ордѣ у хана Менгу-Тимура, должны были вмѣстѣ съ ними отправиться въ походъ противъ Ясая, взяли нѣкъ городъ Дудинскъ, и возвратились съ честію и дарами отъ хана. Въ слѣдующемъ году Федоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глеба Ростовскаго, ходили опять съ Татарами на войну. Въ томъ же году Татары приходили на Рязань, и надѣлавши много зла, возвратились домой. Черезъ десять лѣтъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о нападеніи Татаръ на Рязань и Муромъ. Въ 1293 году были также для Твери царевичъ Татарскій; въ Ростовъ въ 1290 г. жители встали въчемъ на Татаръ и разграбили ихъ.—На западѣ продолжалась прежняя борьба: Новгородцевъ со Шведями, Новгородцевъ и Псковичей съ Невидями и Литвою. Въ 1283 году Шведы вошли Невой въ озеро Ладожское, перебили Новгородцевъ — Обонѣжскихъ купцовъ, Ладожане пришли къ нимъ на встрѣчу и бились, но счастливо ли, неизвѣстно; въ слѣдующемъ году такое же новое покушеніе Шведовъ, хотѣвшихъ взять дань на Корель; но на этотъ разъ Новгородцы и Ладожане встрѣтились враговъ въ устьѣ Невы, побили ихъ и заставили бѣжать. Въ 1292 году пришли Шведы въ числѣ 800 человекъ—400 пошла на Корелу, 400 на Ижору, но Ижора перебила своихъ, а Корела своихъ. Это были покушенія неважныя; но въ 1293 году Шведы обнаружили намѣреніе стать твердою ногою въ Новгородскихъ владѣніяхъ, и построили городъ на Корельской землѣ; небольшое Новгородское войско съ Смоленскимъ княземъ Романомъ Глебовичемъ подошло къ городу, но должно было отступить отъ него по причинѣ оттопели и недостатка въ кономъ кормѣ; въ 1295 году Шведы построили другой городъ на Корельской же землѣ, но этотъ городъ Новгородцы раскопали истребивши гарнизонъ Шведскій. Шведы однако не отстали отъ

своего намеренія и въ 1390 году вошли въ Новгородъ съ большою силою, привели мастеровъ изъ своей земли и изъ Италіи, и поставили городъ при устьѣ Охты, утвердили его твердостью по сказанію, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ верою и назвали въ похвалу Вѣи цюмъ земли (Ландскрона); маршалъ Торкель Кнутсонъ, правившій Швеціею въ малолѣтство кароли Биргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны, и оставилъ въ ней сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ. Противъ такой опасности нужно было вооружиться всими силами, и вотъ въ слѣдующемъ году самъ Великій князь Андрей съ полками Низовыми и Новгородскими подступилъ къ Ландскронѣ: городъ былъ взятъ, раскопанъ, гарнизонъ частію истребленъ, частію отведенъ въ неволю, Шведамъ не удалось утвердиться въ Новгородскихъ владѣніяхъ; также неудачна была и попытка Датчанъ изъ Ревала поставить городъ на Русской сторонѣ Нарвы въ 1294 году: Новгородцы пожгли городъ, и въ 1303 году заключенъ былъ миръ, за которымъ Новгородскіе послали тамъ въ Данію.—Псковъ продолжалъ бороться съ Ливонскимъ Орденомъ; въ 1298 году Довмонтъ въ другой разъ отбылъ отъ него Намцавъ; это былъ послѣдній его подвигъ: въ 1299 году онъ умеръ, много пострадавши (потрудившись) за св. Софію и за св. Троицу (т. е. за Новгородъ и за Псковъ)—лучшая похвала князю отъ лѣтописца: Ливонскій выходецъ сравнялся съ Мономахомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Довмонтъ былъ милостивъ безмѣрно, священниковъ любилъ, церкви украшалъ, нищихъ милочалъ, всѣ праздники честно проводилъ, за сиротъ, вдовъ и всякихъ обиженныхъ заступался. Непріятельскія дѣйствія Литвы противъ Новгородской области ограничились въ описываемое время однимъ опустошеніемъ береговъ Ловати въ 1285 году; но въ слѣдующемъ году Литовцы напали на Олещину, церковную волость Тверскаго Владыки: Тверичи, Москвичи, Волочане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи, соединились, догнали разбойниковъ, побили ихъ, отняли добычу, взяли въ плѣнъ князя. Съ Финскими племенами продолжалась борьба съ прежнимъ характеромъ: въ 1292 году Новгородскіе молодцы ходили съ княжными воеводами воевать Еискую (Ямъ) землю, и похвалявши ее, пришли въ поздорову; но въ описываемое время одно изъ ближайшихъ Финскихъ племенъ, Корела, даило

платившее дань Новгороду и еще до Татаръ покрещенные, стало возмущаться. Еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ собирався идти на Корелу: но на этотъ разъ Новгородцы упростили его не ходить. Подъ 1278 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Дмитрій Александровичъ съ Новгородцами и со всею Низовскою землею казнилъ Корелянъ и взялъ землю ихъ на щить.

Князей югозападной Руси — Льва Даниловича Галицкаго и двоюроднаго брата его, Владимира Васильковича Волинскаго, занимали, преимущественно отношенія Польскія, Литовскія и Татарскія. Съ Болеславомъ Лешковичемъ Краковскимъ они помирились, и даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ Генриховичемъ Бреславскимъ (Силезскимъ). Мы видѣли, что Мазовія, по смерти Конрада, раздѣлилась между двумя его сыновьями, сначала между Казимиромъ и Болеславомъ, потомъ, по смерти послѣдняго, между Казимиромъ и Семовитомъ. Казимиръ, умершій въ 1267 году, оставилъ свою часть пяти сыновьямъ: Лешку Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казимиру; Семовитъ оставилъ свою часть двумъ сыновьямъ, Болеславу и Конраду. Съ послѣднимъ у Волинскаго князя было враждебное столкновение по поводу Ятвяговъ: эти дикари взволновались было снова по смерти Данила, но воеводы сыновей его, Льва и Мстислава, и племянника Владимира заставили ихъ смириться; въ 1279 году былъ сильный голодъ по всей землѣ Русской и Польской, у Литвы и Ятвяговъ; послы Ятвяжскіе пріѣхали къ князю Владимиру Волинскому и стали ему говорить: «Господинъ Князь Владимиръ! пріѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье; господинъ! не помори насъ, а перекорми, пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ, серебро». Владимиръ сжалился и послалъ къ нимъ жито изъ Бреста въ лодкахъ по Вугу съ людьми добрыми, кому вѣрилъ. Волинцы изъ Буга вошли въ Наревъ, поплыли по этой рѣкѣ, но когда остановились ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), то всѣ были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владимиръ стал доискиваться, кто это сдѣлалъ, и послалъ сказать Конраду: «Нудъ твоимъ городомъ перебиты мои люди: либо ты приказалъ

ихъ убить, либо кто другой; ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ, объяви мнѣ.» — Конрадъ-заперся: «Самъ не близъ и другаго никого не знаю.» Но дядя его, Болеславъ Краковскій, бывший въ ссорѣ съ племянникомъ, послалъ сказать Владимиру: «Конрадъ лжетъ, самъ избилъ твоихъ людей, перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, смой свой нозоръ.» Владимиръ послушался и послалъ на Конрада войско, которое опустошило земля по сю сторону Вислы, и взяло много плѣну; Конрадъ прислалъ просить-мира у Владимира, тотъ согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владимиръ возвратилъ Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездѣтнаго Болеслава Краковскаго, послѣдовавшая въ 1279 году, подала поводъ къ новымъ смутамъ. Болеславу наследовалъ старшій изъ двоюродныхъ племянниковъ, Лешко Черный, князь Мазовецкій — Сераджскій, сынъ Казимира Конрадовича, и это преемство утверждено было избраніемъ Краковской шляхты^{***}. Левъ Даниловичъ Галицкій, неуспѣвши получить Литвы послѣ брата, захотѣлъ попытаться, не успѣетъ ли овладѣть наследствомъ Болеслава Краковскаго, но бодрѣ сильные, но выраженію лѣтописца, не дали ему земли. Тогда Левъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть нѣкоторыми порубежными городами, и послалъ просить войска у хана Ногая; тотъ исполнилъ его просьбу, и Левъ, съ Татарскими полками и сыномъ Юріемъ, вступилъ въ Польскія владѣнія, а братъ его Мстиславъ съ сыномъ Даниломъ, и двоюродный братъ Владимиръ Волинскій пошли туда же неволею Татарскою. Левъ шелъ къ Кракову съ гордостью великою, говоритъ лѣтописецъ, но возвратился съ великимъ безчестіемъ, потому что при Гонячѣ, въ двухъ миляхъ отъ Сендомира, Поляки поразили его на голову, а въ слѣдующемъ 1281 году Лешко отплатилъ ему вторженіемъ въ Галицкую область, гдѣ взялъ городъ Переворескъ (Пршеворскъ), и сжегъ его, перебивши всѣхъ жителей. Съ другой стороны Поляки вошли въ Волинскія владѣнія у Бреста, взяли десять селъ; и пошли назадъ; но жители Бреста, съ воеводою Титомъ, въ числѣ 70 человекъ ударили на 200 Поляковъ, убили у нихъ 80 человекъ, другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все пограбленное. — Скоро встала усобица между Семовитовичами Мазовецкими — известнымъ намъ Конрадомъ и братомъ его Болесла-

вомъ. Конрадъ обратился съ просьбою о помощи къ Владиміру Васильковичу Волынскому; тотъ принявъ къ сердцу его обиду и со слезами отвѣчалъ его послу: «Скажи брату: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь,» — и дѣйствительно сталъ собираться на Болеслава; послалъ и къ племяннику Юрію Львовичу Холмскому за помощію, и тотъ отвѣчалъ: «Дядюшка! съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, не некогда: ѣду въ Суздаль жениться, а съ собою беру не многихъ людей: такъ всѣ мои люди и бояре Богу на руки да тебѣ, когда тебѣ будетъ угодно, тогда съ ними и ступай.» Владиміръ собралъ рать и выступилъ къ Бресту, но прежде отправилъ къ Конраду посла, который, опасаясь невѣрныхъ бояръ послѣдняго, сказалъ при нихъ князю: «Братъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать съ радостію бы помогъ тебѣ, да нельзя: Татары мѣшаютъ.» Ска-
завши это, посолъ взялъ Конрада за руку и сильно пожалъ ее; князь догадался, вышелъ съ нимъ вонъ, и посолъ началъ опять говорить: «Братъ велѣлъ тебѣ сказать: приготовляйся самъ и лодки приготовь на Вислѣ, рать у тебя будетъ завтра.» Конрадъ сильно обрадовался, велѣлъ поскорѣе готовить лодки и самъ приготовился; рать Волынская пришла, перевезлась черезъ Ви-
слу, и пошла вмѣстѣ съ Конрадомъ во владѣнія Болеслава, гдѣ осадили городъ Гостинный. Конрадъ, ѣздя по полкамъ, началъ говорить: «Братья моя, милая Русь! ступайте, бейтесь дружице! Поляки двинулись подъ стѣны, другіе стали неподвижно, обере-
гая товарищей отъ внезапнаго нападенія Поляковъ. Осажденные сивали на Русскихъ каменя, какъ градъ сильный, но тѣ ловко отстрѣливались; дѣло дошло и до ноцій, и Поляки начали ва-
латься со стѣнъ, какъ снопы, наконецъ городъ былъ взятъ; по-
бѣдители захватили въ немъ много всякаго добра и плѣнныхъ, остальныхъ перебили, городъ сожгли, и возвратились домой съ побѣдою и честью великою, потерявши только двухъ человѣкъ убитыми, но и тѣ были убиты не подъ городомъ, а въ наѣздѣ; одинъ былъ родомъ Пруссъ, а другой придворный слуга князя Владиміра, любимый его сынъ боярскій, Рахъ Михайловичъ. Ког-
да войска шли мимо Сохичева (Сохонинъ), то князь Болеславъ выѣхалъ изъ этого города, чтобъ поймать кого-нибудь изъ не-
пріятелей въ разгонѣ; князь Владиміръ наказывалъ своимъ во-
водѣмъ не распускать войска, а идти всѣмъ вмѣстѣ къ городу;

не тридцать человекъ отдѣлились отъ войска и поѣхали въ лѣсъ ловить челвды, которая скрылась тамъ изъ селъ; въ это время Болеславъ ударилъ на нихъ; всѣ разбѣжались, не побѣжали только двое—Рахъ съ Пруссомъ: послѣдній пустился на самого Болеслава, и былъ убитъ окружавшими князя; Рахъ убилъ знатнаго боярина Болеславова, но также заплатилъ жизнью за свой подвигъ; они умерли мужественно, говорить летописецъ, оставили по себѣ славу будущимъ вѣкамъ. Въ 1282 году два хана—Ногай и Телебуга пошли на Венгровъ съ огромнымъ войскомъ, велѣли идти съ собою и Русскимъ князьямъ. Пользуясь этимъ, Болеславъ напалъ съ небольшою дружиною на Русскія границы, взялъ нѣсколько селъ, и пошелъ назадъ, величаясь, какъ будто бы всю землю завоевалъ. Левъ Даниловичъ, возвратясь, изъ похода, послалъ сказать Владимиру Васильковичу: Братъ! смоемъ съ себя позоръ, наведи Литву на Болеслава.» Владимиръ послалъ за Литвою и получилъ отвѣтъ: «Владимиръ, добрый князь, правдивый! можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы.» Левъ и Владимиръ, собравши полки, пошли къ Бресту, дожидаясь Литвы, но Литва не пришла къ сроку, и князья отпустили однихъ своихъ воеводъ, которые повоевали Болеславу землю, взяли безчисленное множество челвды, скота, коней. Послѣ пришли Литовцы къ Бресту, и стали говорить Владимиру: «Ты насъ поднялъ, такъ веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли.» Князь сталъ думать, куда ихъ вести? своя рать ушла уже далеко, рѣки разливаются, и вспомнилъ, что Лешко Краковскій посылалъ Люблинцевъ, которые взяли одно пограничное Волынское село; Владимиръ нѣсколько разъ ему напоминалъ, чтобъ онъ возвратилъ плѣнныхъ, но Лешко не возвратилъ, и за это теперь Владимиръ послалъ на него Литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество плѣнныхъ. Скоро возвратились и Русскіе воеводы изъ Польскаго похода съ большою добычею; но Болеславъ все не переставалъ враждовать; Владимиръ съ племянникомъ Юріемъ опять собрали войско, опять привели Литву; Русскіе и Литовцы взяли у Болеслава Сокачевъ и возвратились назадъ съ большою добычею.

Съ Литовскимъ княземъ Тройденомъ Владимиръ Васильковичъ воевалъ цѣлый 1274 годъ мелкою войною; потомъ Тройденъ взялъ городъ Дросичинъ у Льва Даниловича; Левъ послалъ къ

хану Менгу-Тимуру за помощью, Татары пришли, а это значило, что все Русские князья должны идти с ними вместе, и пошли на Литву—Левъ, Мстиславъ, Владиміръ, Романъ Брянскій съ сыномъ Олегомъ, Глебъ Смоленскій, князья Пинскіе и Троровскіе. Левъ съ Татарами пришелъ прежде всѣхъ къ Новогрудку, и не дожидаясь другихъ князей, взялъ окольный городъ; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что безъ нихъ началъ дѣло; въ этихъ сердцахъ они и пошли дальше и возвратились отъ Новогрудка; Волинскій князь звалъ тестя своего, Романа Брянскаго захватить къ нему во Владиміръ: «Господинъ батюшка! прѣзжай, побудешь въ своемъ домѣ и дочери своей здоровье увидишь.» Романъ отвѣчалъ: «Сынъ Владиміръ! не могу отъ своего войска уѣхать, хожу и землѣ ратной, кто проводитъ войско мое домой? Пусть вместе меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ.»—Въ 1276 году толпы Пруссковъ спасаясь отъ притѣсненій Ордена, явились къ Литовскому князю съ просьбою о помѣщеніи: Тройденъ одну часть ихъ посадилъ въ Гроднѣ, а другую въ Слонимѣ. Владиміру и Льву это соседство показалось опаснымъ; они послали рать свою къ Слониму и взяли Пруссковъ. За это Тройденъ послалъ воевать около Каменца (Литовскаго); Владиміръ отомстилъ ему взятіемъ Турійска Нѣманскаго. Борьба на этотъ разъ кончилась, и лѣтписецъ говоритъ, что оба князя—Тройде въ Владиміръ начали жить въ большой любви. Но послѣдній, какъ видно, не полагался на долговременность этого мира, и сталъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Брестомъ. Въ этомъ раздумьи онъ взялъ книги пророческія и разогнулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради могама я... и созиждутъ пустыни вѣчныя, запустѣвшая прежде, воздвигнути города пусты, заустѣвшая отъ рода.» Владиміръ, говоритъ лѣтписецъ, уразумѣлъ къ себѣ милость Божію, и началъ искать мѣста, гдѣ бы поставить городъ, для чего послалъ мужа искуснаго, именемъ Алесу, съ туземцами на челнахъ вверхъ по рѣкѣ Лоснѣ; Алесу нашелъ удобное мѣсто и объявилъ объ этомъ князю, который самъ отправился на берега Лосны и заложилъ городъ, названный Каменцомъ, потому что почва была каменистая²⁵⁷.

На этотъ разъ Татары не дали Русскимъ и Литовскимъ князьямъ пожить въ мирѣ; въ 1277 году Ногай прислалъ въ Рускія

«называть грамоту: «Вы все мнѣ жалуетесь на Литву, такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою, ступайте съ нимъ на своихъ враговъ.» Замою пошли Русскіе князья — Мстиславъ, Владиміръ и Юрій Давыдовичъ на Литву къ Новогрудку; но когда пришли они въ Бресту, то получили вѣсть, что Татары опередили ихъ; тогда князья стали думать: «что намъ идти къ Новогрудку? тамъ Татары все уже завоевали; пойдѣмъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту» — и пошли къ Гродну. Минувши Волковыскъ, они остановились ночевать, и тутъ Мстиславъ съ Юріемъ, тайкомъ отъ Владиміра, послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ съ воеводою Тюймою воевать окрестную страну. Тѣ повоевавши, расположились также на ночлегъ, вдалекѣ отъ главной рати, сторожей не разставляли и доспѣхи сняли. Тогда одинъ переметчикъ убѣжалъ отъ нихъ прямо въ городъ, и объявилъ жителямъ: «тамъ-то и тамъ-то на селѣ люди лежатъ безо всякаго порядка.» Пруссы и Борты выѣхали изъ города и ударили на сонныхъ Русскихъ: половину избили, другую повели плѣнными въ городъ, а Тюйму повезли на саняхъ, потому что былъ тяжело раненъ. На другой день, когда главная рать подошла къ городу, приближалъ къ ней одинъ изъ посланныхъ съ Тюймою, нагъ и босъ, и объявилъ о пораженіи своихъ; князья погоревавши, начали промышлять, какъ бы взять городъ: передъ нимъ стояла высокая каменная башня, гдѣ заверлись Пруссы и стрѣльбою своею никакъ не давали приблизиться къ городу; Русскіе по этому приступили сперва къ башнѣ и взяли ее; тогда страхъ началъ на горожанъ; они стояли какъ мертвые на забралахъ, потому что вся ихъ надежда была на башню, стали рядиться съ осаждающими и порѣшили на томъ, что Русскіе не будутъ брать города, за что осажденные выдали имъ всѣхъ бояръ, взятыхъ въ плѣнъ ночью.

Татары же водили Русскихъ князей и на Поляновъ въ 1287 году: Телебуга послалъ звать съ собою въ походъ всѣхъ князей Волынскихъ и задвинровскихъ. Князья, каждый на границѣ своей волости, встрѣчали хана съ нажитыми и дарами; они боялись, что Татары перебьютъ ихъ и города возьмутъ себѣ. Этого не случилось, но наполнили Татарскимъ въ городахъ и по волостямъ не было конца. Телебуга, отпразднвшись въ Польшу, оставилъ около Владиміра отрядъ Татаръ кормить любимыхъ коней

своихъ; эти Татары опустошили всю землю Владимирокую, не давали никому выйти изъ города за съѣстными припасами: кто выйдетъ, тотъ непременно будетъ или убитъ, или схваченъ, или ограбленъ, и отъ того въ городѣ Владимирѣ померло людей безчисленное множество. Пробывши десять дней въ Польшѣ, Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галицкомъ княжествѣ на двѣ недѣли, и опустошилъ его точно также какъ Татары его опустошили Волинское.

Въ то время еще, когда Телебуга былъ на Волини, тамошній князь Владиміръ, уже давно страдавшій тяжкою болѣзнію (гниеніемъ нижней челюсти), почувствовалъ, что становится ему гораздо хуже, и послалъ сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу Луцкому: «Браты! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ; такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города, по смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ». Послалъ также сказать и другому двоюродному брату Льву и племяннику Юрію: «Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города». Левъ отвѣчалъ Владиміру: «и хорошо сдѣлалъ, что отдалъ; мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ далъ бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время». Потомъ Мстиславъ послалъ сказать брату Льву и племяннику: «Братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ». Левъ не отвѣчалъ на это ни слова. Телебуга пошелъ въ Польшу со всеми князьями и съ Владиміромъ; но послѣдній долженъ былъ воротиться съ дороги, потому что жалко было смотрѣть на него. Пробывъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ: «Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль²²⁸, потому что погань эта (Татары) сильно мнѣ опротивляла; я чело-вѣкъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать, пусть вмѣсто меня остается здѣсь епископъ Маркъ». Князь повѣхалъ въ Любомль съ княгиней и слугами придворными, изъ Любомля въ Брестъ, а изъ Бреста въ Каменецъ (Литовскій), гдѣ и слегъ въ постель, говоря княгинѣ и слугамъ: «Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль». Черезъ нѣсколько дней пріѣхали къ нему слуги, бывшіе въ Польшѣ на войнѣ съ Татарамъ; онъ

сталъ спрашивать ихъ о Телобугѣ, пошелъ ли онъ назадъ изъ Польши? тѣ отвѣчали, что пошелъ; — «А братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы ли?» тѣ отвѣчали, что всѣ здоровы, бояре и слуги, при чемъ сказали, что Мстиславъ уже роздаетъ своимъ боярамъ города и села Волынскія. Владиміръ очень разсердился и сталъ говорить: «Я лежу боленъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни; я еще живъ, а онъ уже роздаетъ города мои и села; могъ бы подождать, когда умру.» И отправилъ посла къ Мстиславу съ жалобою: «Братъ! вѣдь ты меня ни наполому взялъ, ни копьемъ дебилъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ — что такъ со мною поступаешь! ты мнѣ братъ, но вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ, и племянникъ Юрій; изъ васъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти, а пока живъ тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдалъ тебѣ землю за гордость брата Лева и племянника Юрія». Мстиславъ спѣшилъ успокоить больного: «Братъ и господинъ! велѣлъ онъ отвѣчать ему: земля Божія и твоя и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобъ ты, господинъ, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя.» Эта рѣчь была любва Владиміру, онъ успокоился и поѣхалъ въ Рай-городъ⁴⁴; здѣсь онъ началъ говорить княгинѣ: «Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю какъ дочь родную; Богъ, за грѣхи мои, не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ». За Мстиславомъ послали, и когда онъ пріѣхалъ, то Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ и сталъ его спрашивать про походъ; Мстиславъ рассказалъ ему все по порядку, какъ было, и когда пришелъ къ себѣ на подворье, то Владиміръ послалъ епископа и двухъ бояръ сказать ему: «Братъ! я за тѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей и объ ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писати». Мстиславъ отвѣчалъ: «Братъ и господинъ! Я развѣ хотѣлъ нести твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ изъ Польши объявить, что отказываешь мнѣ свою землю; — если хочешь грамоты писати, то ищи

какъ Богу любо и тебѣ». Епископъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Владиміръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной отказалъ Мстиславу всю свою землю и города; въ другой отказалъ жемъ своей городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь Апостольскій съ селами же. «А княгиня моя, сказано въ концѣ грамоты, захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ видъ не смотрѣть вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти».

Когда грамоты были написаны, Владиміръ послалъ сказать Мстиславу: «цѣлуй крестъ на томъ, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь». Мстиславъ поцѣловавъ крестъ, послѣ чего поѣхалъ во Владиміръ, въ Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане, Русскіе и Нѣмцы; передъ ними прочли Владимірову духовную, въ которой отказана была вся земля Мстиславу, и епископъ благословилъ послѣдняго крестомъ воздвизальнымъ на княженіе; Мстиславъ уже хотѣлъ начать послѣ этого княжить, но опять былъ остановленъ больнымъ Владиміромъ, который велѣлъ ему подождать до своей кончины. Мстиславъ отправился въ свою Луцкую волость, а Владиміръ изъ Рая переехалъ въ Любомль, гдѣ лежалъ больной всю зиму, разсылая слугъ своихъ на охоту, потому что былъ страстный охотникъ и храбрый: завидитъ вопри или медвѣдя—не станетъ дожидаться слугъ, самъ убьетъ всякаго звѣря. Но больному князю не дали успокоиться; какъ наступило лѣто, прислалъ къ нему Конрадъ Сомовитовичъ Мазовецкій: «Братъ и господинъ! велѣлъ сказать ему Конрадъ: ты былъ мнѣ вмѣсто отца, держалъ подъ своею рукою своею милостью; тобою я княжилъ и города свои держалъ, отъ братьевъ отступился и былъ грозенъ; а теперь, господинъ! слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу: такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вмѣстѣ съ мѣнѣмъ, чтобы онъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты». Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада, послалъ къ Мстиславу, и тотъ обѣщался не давать въ обиду Мазовецкаго князя и если случится, голову свою за него сломить. Мстиславу хотѣлось также видѣться лично съ Конрадомъ; тотъ согласился съ

радостью, заикалъ сперва къ Владиміру, въ Любомль, гдѣ горько плакалъ, увидѣвши, какъ болѣзнь истожила красивое тѣло князя Волынскаго; оттуда поѣхалъ къ Мстиславу, который встрѣтилъ его съ боярами и слугами своими, и принялъ съ честью и любовью подъ свою руку, сказавши: «Какъ тебя брата мой Владиміръ честилъ и дарилъ, такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидитъ». Потомъ князья начали веселиться: Мстиславъ одарилъ Конрада конями красивыми въ сѣдлахъ дивныхъ, платьемъ дорогимъ и другими дарами многими, и такъ съ честью отпустилъ его.

За Конрадомъ явился къ больному Владиміру другой гость: прислалъ князь Юрій Львовичъ посла своего сказать дядѣ: «Господинъ дядюшка! Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя какъ отца; чтобъ тебѣ жальнѣе за мою службу? теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ — Бѣльзъ, Червень и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ^{***}; бью челомъ Богу и тебѣ: дай мнѣ, господинъ дядюшка, Брестъ». Владиміръ велѣлъ отвѣчать ему: «Племянникъ! не дамъ: самъ знаешь, что я не двурѣчявъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ: далъ ему всю землю и всѣ города, и грамоты написалъ». Отправивши съѣтнимъ отвѣтомъ Юрьева посла, Владиміръ отрядилъ къ брату Мстиславу вѣрнаго слугу своего Ратьшу съ такимъ наказомъ: «Прислалъ ко мнѣ племянникъ Юрій просить Бреста, но я не далъ ему ни города, ни села,» и взявши изъ-подъ постели клокъ соломы, прибавилъ: «не давай и такого клокка соломы никому послѣ моей смерти». Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Ты мнѣ и братъ, ты мнѣ и отецъ Данило Король, когда принялъ меня подъ свои руки: что ни велишь мнѣ, все съ радостью исполню». Но этимъ дѣломъ не кончилось: чрезъ нѣсколько времени вошли слуги и объявили больному: «Владыка, господинъ, пріѣхалъ». — «Какой владыка?» спросилъ Владиміръ: — «Перемышльскій Мемновъ, отъ брата твоего Льва пріѣхалъ.» — Догадался Владиміръ, за чѣмъ пріѣхалъ владыка, но дѣлать нечего, велѣлъ позвать: владыка вошелъ, поклонился князю до земли, примолвивъ: «Братья твои вѣдуются», сѣлъ и началъ править носолство: «Братья твои велѣли тебѣ сказать, господинъ: дядя твой Данило Король;

а мой отецъ возмѣтъ въ Холмѣ у св. Богородицы, а снискала отъ братья мои и твои, Романъ и Швартъ, и вѣкъ кости туть лежатъ; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь гласиши, чтобъ тебѣ, братецъ, не погасить свѣча надъ гробомъ дяди своего и братьи своей, дать бы тебѣ своей городъ Брестъ? То бы твоя свѣча была». Владимиръ, говоритъ лѣтописецъ, разумѣе всѣя притчи и темныя слова, и началъ съ епископомъ длинный разговоръ отъ книгъ, потому что былъ книжникъ большой и епископъ, какого не было во всей землѣ, да и во нынѣ не будетъ; наконецъ отпустилъ епископа къ брату съ такими словами: «Братъ Левъ! что ты думаешь, что я уже изъ ума выжилъ и не пойму твоей хитрости? мало тебѣ твоей земли, что еще Брестъ захотѣлъ, когда самъ три княженъ держишь: Галицкое, Перемышльское и Бѣльское, и того все мало? мой отецъ, а твой дядя лежатъ у св. Богородицы во Владимирѣ, а много ль ты надъ нимъ свѣчь поставилъ? какой городъ далъ, чтобъ свѣча была? сперва просилъ ты живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь; не дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣе я твою хитрость, не дамъ».

Волость свою Владимиръ отдалъ брату; что же касалось дѣла князя итѣя, то еще будучи на ногахъ, роздалъ его бѣднымъ золото, серебро, камни драгоценныя, новса отцовеніе и свои, золотыя и серебряныя, все роздалъ; блюда большія серебряныя, кубки золотыя и серебряныя самъ предъ глазами своими побилъ и полилъ въ гривны, полилъ и монасты, большія золотыя бабки и матери своей, и разослалъ милостыню по всей землѣ; и стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого лошадей нѣтъ, кто потерялъ ихъ во время Телебугина нашествія. Владимиръ умеръ въ 1268 году, послѣ двадцатилѣтняго княженія. Княгиня и слуги придворныя обмыли тѣло, обвили бархатомъ съ кружевами, крестъ сѣдують короניתъ царей, и, положивши на сани, (10-го декабря) повезли во Владимиръ; граждане отъ мала до велика съ громкимъ плачемъ проводили своего господина. Привезши во Владимиръ вечеромъ того же дня, на другой день покоронали въ соборной Богородичной церкви, при чемъ княгиня причитала: «Царь мой добрый, крѣтій, смиренный, правдивый! въ предъду повезли тебя въ крещенъ Иваномъ, великими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ пріималъ ты отъ сред-

иную жизнь, но не видела я, чтобъ ты отомстилъ мнѣ зломъ за зло;» а бояре причитали: «хорошо бѣ намъ было съ тобой умереть: какъ дядь твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, перевозилъ ты дяду своему и наследовалъ путь его; а ужь теперь не лзя намъ больше тебя видѣть: солнце наше зашло и остался мы въ обиду³⁰¹». Тутъ плакали надъ нимъ вельможество Владимировъ, мужичины, женщины и дѣти, Нязицы, Суземники, Новгородцы; Жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, ведомые въ плѣнъ Вавилонскій.

Мстиславъ, прѣхавши носъ пехоронъ, и поплакавши надъ братнимъ гробомъ, опѣшилъ разослать засады (гарнизоны) по всѣмъ городамъ, боясь Льва и Юрия. Страхъ его не былъ напрасенъ: на югъ не все такъ охотно исполняли завѣщанія умершей своей какъ на северъ, и Мстиславу дали знать, что Юрьевы дружина уже сидитъ въ трехъ городахъ: Брестъ, Каменецъ (Литовскомъ) и Бѣльскъ³⁰². Еще во время болѣзни Владимировой дитя Бреста помялось признать своимъ княземъ Юрия, и тотъ тотчасъ носъ дядиной смерти, прѣхалъ въ Брестъ и сталъ здѣсь княжить. Но бояре Мстиславовы, старше Луцкіе и новше Владимірскіе, начали говорить своему князю: «Господишь! племянникъ осрамилъ тебя, отнялъ те, что далъ тебѣ Богъ, братъ, жолтва отцовская и дѣдовская; можемъ и съ дѣтьми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города—Бѣлицъ и Червень, а потомъ пойдемъ къ Бресту.» Мстиславъ отвѣчалъ: «не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную; а исправлю дѣло Богомъ и благословеніемъ брата своего Владиміра,» — и послалъ сказать племяннику: «Племянникъ! добро бы ти не былъ самъ на томъ пути и ничего не слышалъ: а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города воѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владиміръ, замъ объ этомъ объявляли; если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? теперь объяви мнѣ: самъ ли ты съѣлъ въ Брестѣ свою волю, или по приказанію отца своего? не на мнѣ будетъ кровь, а на виноватомъ; а пошлю за Татарами, а ты сиди покажуй, не пойдемъ добромъ, такъ зломъ пойдемъ.» Потомъ отправилъ спешенно Владимірскаго къ брату Льву сказать ему: «Жаждуется Богу и тебѣ, потому что ты мнѣ больше всехъ по Богъ,

братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею, или твоей силъ въ Брестъ, или по твоему приказанію? если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я пошлю за Татарами и самъ собираю войско; какъ меня Богъ съ вами разсудитъ. Левъ испугался, потому что еще у него не сошла оскоминца послѣ Телебушина нашествія, говоритъ лѣтписецъ, и велѣлъ отвѣчать брату: «Сынъ мой это сдѣлалъ безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не безпокойся, я пошелъ къ нему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Бреста.» И действительно не послалъ сказать Юрію: «Ступай вонъ изъ города, не погуби земли: братъ послалъ за Татарами; если же не пойдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отряну тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься». Юрій повѣхалъ изъ Бреста, съ большими позоромъ, взявши съ собою главныхъ крамольниковъ, которыхъ поклялся не выдавать дядѣ, пограбивши все дома дядины, и не осталось камня на камнѣ ни въ Брестѣ, ни въ Каменцѣ, ни въ Бѣльскѣ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Брестъ и наказалъ его жителей тѣмъ, что заставилъ ихъ содержать ловчихъ княжескихъ, и тѣмъ, что извѣстіе о крамолѣ ихъ велѣлъ внести въ лѣтонисъ.

Покончивъ такъ удачно съ родственниками, Мстиславъ былъ одинаково счастливъ и въ отношеніяхъ Литовскихъ: двое тамошнихъ князей отдали ему свой городъ Волковыйскъ, чтобъ только былъ съ ними въ мирѣ. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: въ то время, когда Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій былъ въ Луцкѣ у Мстислава, въ Любомль къ больному Владиміру пріѣхалъ Ляхъ изъ Люблина и объявилъ, что ищетъ Конрада, потому что Лешко Черный Краковскій умеръ, и Люблинцы послали за Конрадомъ, хотятъ, чтобъ онъ княжилъ въ Краковѣ. Владиміръ велѣлъ дать гонцу свѣжую лошадь, и онъ нагналъ Конрада во Владимиръ; тотъ сильно обрадовался Краковскому княженію, и взявши у Владиміра воеводу Волинскаго Дуная, чтобъ было почетнѣе пріѣхать въ Люблинъ, немедленно отправился туда, но нашелъ ворота городскія запертыми. Остановившись въ монастырѣ, онъ послалъ сказать гражданамъ: «Зачѣмъ же вы привели меня, когда теперь городъ передо мною затворили?» Тѣ отвѣчали: «Мы тебя не приводили и не послали за тобою, голова намъ Краковъ: тамъ во-

свободы наши и бояре большіе; если станешь княжить въ Краковѣ, то и мы будемъ твои.» Послѣ этого вдругъ разнеслась вѣсть, что рать идетъ Литовская къ городу: Конрадъ переполошился, и вбѣжалъ въ башню къ монахамъ; но оказалось, что рать была не Литовская, а Русская: приселъ ее князь Юрій Львовичъ, хотѣвшій овладѣть Люблиномъ, но граждане не приняли и его, стояли вооруженные на стѣнахъ и кричали ему: «князь! плохо заданъ, рать съ тобою мала, придетъ Ляховъ много, позоръ твой будетъ большой.» Юрій долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ окрестностей Краковскихъ, и отправился назадъ съ добычею; поѣхалъ назадъ и Конрадъ Мозовецкій, взявши съ собою позоръ великій, такъ что лучше было бы ему умереть, говорить летописецъ.

Шляхта Краковская позвала къ себѣ на престолъ старшаго брата его, Болеслава Семовитовича; но княженіе Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде въ Польшѣ на княжескія отношенія обнаруживали сильное вліяніе вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословіе, не туземное, какъ въ Европѣ западной такъ называемое среднее сословіе, выступившее тогда на сцену вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, но иностранное, Нѣмецкое. Нѣмцы Краковскіе, Сепдомирскіе и изъ другихъ городовъ, которымъ не понравился новый князь Болеславъ, обратили свои взоры на Генриха IV-го, князя Силезскаго—Вратиславскаго (Бреславскаго), Пяста, но совершенно оуѣмеченнаго, который сочинялъ Нѣмецкія любовныя пѣсни (Minnelieder) и былъ вассаломъ Нѣмецкаго императора. Генрихъ принялъ предложеніе Краковскихъ гражданъ, часть шляхты приняла также его сторону и онъ усилъ выгнать Болеслава. Но тотъ не думалъ еще уступать ему: онъ собралъ войско и призвалъ на помощь роднаго брата Конрада и двоюроднаго Владислава Локетка, собственно законнаго наследника Кракову по родномъ братѣ своемъ, Лешкѣ Черномъ. Мазовецкіе князья пошли на Генриха, и тотъ выѣхалъ въ Бреславль, поручивши охранять Краковскую крѣпость Нѣмцамъ, лучшимъ мужамъ своимъ, задобривъ ихъ обѣщаніями даровъ и волостей и оставя имъ много съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы объявляли, что сложатъ за него свои головы, а крѣпости не сдадутъ, и сдержали слово: Болеславъ вошелъ

въ городъ (пещеръ), но крѣпости взять не могъ; при этомъ графъ даве отказался биться съ крѣпостнымъ гарнизономъ, говоря: «кто будетъ княжить въ Краковѣ, тотъ намъ и князь.» Цѣлою дѣло стояли Мазовецкіе князья надъ крѣпостью; наконецъ на помощь къ нимъ явился Левъ Даниловичъ Галицкій, сталъ вѣднѣ около крѣпости, страдалъ гарнизонъ, но приступать къ нему не лзя было: вся она была каменная, утверждена порочами и самострѣлами, большими и малыми которые новорычывались во всѣ стороны. Видя невозможность взять крѣпость, Левъ послалъ войско въ Силезію къ Бреславу, пустошить наследственную волость Генрихову, и Галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакое другое войско до нея не входило тамъ глѣбоко въ эту область. Удовольствовавшись этимъ, Левъ окончилъ походъ и поѣхалъ на свиданіе къ Чешскому королю Вячеславу; очень вѣроятно, что при этомъ свиданіи была рѣчь и уговоръ на счетъ Краковскаго княжества, ибо когда по смерти Генриха Силезскаго (1290 г.), за Краковъ подняли вражду Пршемиславъ Великопольскій, внукъ Владислава Одонича, съ Владиславомъ Локеткомъ Мазовецкимъ, Краковцы послали къ Вячеславу съ предложеніемъ ему короны, и Вячеславъ согласился принять ее. Ни Пршемиславъ Великопольскій, ни Владиславъ Локетекъ Мазовецкій не хотѣли сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу чужеземца, слѣдствіемъ чего была усобица: кому изъ нихъ помогали Русскіе князья. — Левъ и Мстиславъ Даниловичи — неизвѣстно, извѣстно только то, что они, во время этой усобицы входили въ Сендомирскую землю и опустошили ее²⁶³. Наконецъ, по смерти Пршемислава, Вячеславу Чешскому удалось утвердиться въ Краковѣ: Пясты, княжившіе въ другихъ Польскихъ областяхъ, должны были признать свою зависимость отъ него, какъ отъ короля всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ Императора Нѣмецкаго (1300)²⁶⁴.

Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются еще другіе князья изъ другихъ племенъ: такъ подъ 1289 годомъ упоминается Юрій, князь Пороскій, служившій Волынскимъ князьямъ — Владиміру и потомъ Мстиславу; подъ 1292 годомъ помѣщены извѣстія о смерти Пиискаго князя Юрія Владиміровича, и Стопанскаго²⁶⁵ князя Ивана Глѣбовича, послѣ котораго сталъ княжить сынъ его Владиміръ.

Изъ князей на восточной сторонѣ Днѣпра мы встрѣтили еще Романа Брѣвскаго съ сыномъ Олегомъ; этотъ Романъ известенъ не по одной борьбѣ своей съ Литвою: въ 1286 году онъ прихотился подъ Смоленскъ, пошесть окрестности, посадъ, приступалъ къ крѣпости, но не взявши ее, ушелъ прочь. Изъ другихъ Черниговскихъ Ольговичей упоминается Олегъ князь Рылскій и Волгорскій, и Святославъ, князь Липецкій, по поводу слѣдующаго происшествія. Былъ въ Курскѣ ханскій баскакъ, именемъ Ахматъ, сынъ Темировъ; онъ откупалъ въ Орду всѣя дани Курскаго княжества, и тяжело было отъ него и князьямъ, и чернымъ людямъ; мало того—онъ построилъ себѣ двѣ большія слободы во владѣніяхъ князя Олега Рылскаго и Волгорскаго и князя Святослава Липецкаго. Олегъ и Святославъ были родственники между собою, но, какъ обыкновенно тогда водилось, то жили въ мирѣ, то воевали другъ съ другомъ; напали на нихъ на Ахматовы слободы, враждовали съ нимъ, и опять мирились, такъ что въ Орду ничего объ этомъ не знали. Но скоро князь-нимъ не лзя стало болѣе терпѣть у себя этихъ слободъ, которыхъ народонаселеніе увеличилось бѣглецами отовсюду, и окрестнымъ жителямъ стало отъ нихъ уже слишкомъ тяжело. Олегъ и Святославъ начали думать, какъ помочь злу, и рѣшили, чтобъ Олегъ шелъ съ жалобою въ Орду, къ Телебугѣ. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу князей, велѣлъ имъ разорить слободы, и жителей ихъ вывести въ свою волость; князья исполнили приказъ ханскій. Тогда Ахматъ, видя, что Телебуга принялъ сторону Русскихъ князей, обратился съ жалобою на нихъ къ сопернику Телебугину, Ногаю: «князь Олегъ и родственникъ его, князь Святославъ, говорили онъ Ногаю, именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники, и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединныхъ: ты пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловить, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, то я солгалъ, а Олегъ правъ.» Ногай сдѣлалъ по Ахматову, послалъ звать къ себѣ Олега, и тотъ не пошелъ: онъ боялся, что хотя самъ онъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его и князь Святославъ Липецкій грабили; къ этому можно прибавить также, что пойти къ Ногаю, признать надъ со-

бою его судъ и власть, значило разсердить Телебугу. Сокольникъ возвратился и объявилъ Ногаю, что Ахмать правъ, а Олегъ съ Святославъ разбойничаютъ и не слушаются хана. Ногай разсердился и послалъ вмѣстѣ съ Ахматомъ войско для опустошенія волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли къ городу Ворголу въ генварь мѣсяцъ, въ сильную стужу; Олегъ, услыхавъ о Ногаевой рати, бросился бѣжать въ Орду къ своему хану Телебугѣ съ женою и дѣтьми, а Святославъ побѣжалъ въ Рязанское княжество, въ лѣса Воронежскіе; бояре Олеговы побѣжали было въ слѣдъ за своимъ княземъ, но были перехвачены Татарами, въ числѣ одиннадцати человекъ. Двадцать дней стояли Татары въ Рыльскомъ и Липецкомъ княжествахъ, воюя повсюду, и складывая добычу въ слободахъ Ахматовыхъ, которыя наполнились людьми и скотомъ и всякимъ богатствомъ. Въ числѣ плѣнниковъ находились и купцы иностранные, Нѣмецкіе и Цареградскіе, которыхъ привели закованныхъ въ желѣза Нѣмецкія; но Татары, узнавши что они купцы, освободили ихъ, и отдали имъ всѣ товары, сказавши: «Вы купцы торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ рассказывайте всюду, что бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ.» Бояръ Олеговыхъ Ахмать велѣлъ перебить и трупы ихъ развѣшивать по деревьямъ, а въ слободахъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ.

Въ слѣдующемъ году по веснѣ случилось обоимъ братьямъ Ахматовымъ идти изъ одной слободы въ другую, а съ ними шло 35 человекъ Русскихъ слугъ ихъ. Липецкій князь Святославъ, услыхавъ объ этомъ, подостерегъ ихъ съ своими боярами и дружиною, ударилъ нечаянно, убилъ 25 человекъ Русскихъ да двухъ Татаръ, а братья Ахматовы успѣли убѣжать въ слободу; Святославъ преслѣдовалъ ихъ и туда, но слобожане встрѣтили его съ оружіемъ и съ обѣихъ сторонъ пало много людей въ бою. Братья Ахматовы побоялись однако оставаться долѣе въ слободѣ, и побѣжали въ Курскъ къ брату, а за ними разбѣжались и всѣ остальные слобожане. Ахмать прислалъ къ Святославу съ миромъ, но тотъ убилъ посла. Въ это время возвратился изъ Орды отъ Телебуги князь Олегъ Рыльскій, сдѣлалъ поминки по боярамъ своимъ и всѣмъ побитымъ, послѣ чего послалъ сказать Святославу: «что это ты братъ сдѣлалъ! правду нашу погубилъ»

наложилъ на себя и на меня имя разбойниче, знаешь обычай Татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любить, ступай въ Орду, отвѣчай.» Святославъ велѣлъ сказать ему на это: «Изъ чего ты хлопчешь? какое тебѣ до меня дѣло? я самъ знаю про себя; что хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ, не человѣка я обидѣлъ, а звѣря; врагамъ своимъ отомстилъ; не буду отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопійцевъ избилъ.» Олегъ послалъ опять сказать ему: «мы цѣловали съ тобою крестъ, что ходить намъ по одной думѣ обонимъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобъ послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Нюгаю на исправу, такъ какъ тебя со мною Богъ разсудить.» Объявивши войну Святославу, Олегъ отправился въ Орду, пришелъ оттуда съ толпою Татаръ и убилъ Святослава. Мѣсто послѣд-наго занялъ братъ его Александръ; онъ не могъ стерпѣть, чтобы не отомстить за брата, пошелъ въ Орду съ богатыми дарами, и взявши отъ хана войско, убилъ князя Олега Рыльского съ двумя сыновьями. Лѣтописецъ говоритъ о своемъ разсказѣ, что въ немъ пропущено много подробностей, потому что и малая эта повѣсть можетъ исторгнуть слезы у разумнаго человѣка.

ГЛАВА V.

БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ, ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЮАНА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ.

(1304—1344).

Соперничество между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским. Борьба за Переяславль. Юрий увеличивает свою власть Наступательными движениями Твери на Москву. Борьба Новгорода с Михаилом. Юрий женится на сестре ханской и воюет с Михаилом, который побждает его. Жена Юрия умирает в плену Тверском. Вызов Михаила в Орду и убийство его. Юрий получает ярлык на великое княжение. Дмитрий Михайлович Тверской усиливается против него в Орде. Дмитрий убивает Юрия и сам убит по ханскому приказу. Хан отдает великое княжение брату Дмитрию Александру Михайловичу. События в других княжествах. Продолжение борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова с Ливонскими Немецами. Набег Литвы. Война Новгородцев с Устюжанами. Иоанн Данилович Калита князь в Москву. Митрополит Петр утверждает свой престол в Москву. Истребление Татар в Твери. Калита с Татарами опустошает Тверское княжество. Александр спасается сперва в Псков, а потом в Литву. Он мирится с ханом и возвращается в Тверь. Возобновление борьбы между Александром и Калитою. Александр вынуждается в Орду и укрывается там. Московский князь принимает к своей власти. Судьба Ростова и Твери. События в других северных княжествах. События в Новгороде и Пскове. Смерть Калиты и его духовная грамота. Усиление Литвы на запад. Поляки овладевают Галичем. События на восточной стороне Днэпра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому¹⁸⁷, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович Московский правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства. Но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий Московский был также силен, если еще не сильнее Михаила Тверского, и потому считал себя в праве быть

ему соперникомъ. Когда Михаилъ отправился въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій поѣхалъ туда же. Когда онъ былъ во Владимирѣ, митрополитъ Максимъ уговаривалъ его не ходить въ Орду, не спорить съ Михаиломъ, ставилъ себя и Тверскую книгу, и вѣсть Михаилу, поруками, что Михаилъ дастъ ему волости, какія только онъ захочетъ ²⁶⁶. Юрій отвѣчалъ: «Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія.» Онъ оставилъ въ Москвѣ брата своего Ивана, а другаго Бориса отправилъ въ Кострому: но здѣсь Борисъ былъ схваченъ Тверскими боярами, которые хотѣли перехватить и самого Юрія на дорогѣ, но тотъ пробрался другимъ путемъ. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иванъ Даниловичъ переехалъ изъ Москвы сюда оборонять отцовское пріобрѣтеніе отъ Тверичей. Ему дали тайно вѣсть изъ Твери, что хотятъ оттуда придти внезапно подъ Переяславль съ войскомъ, и дѣйствительно подъ городомъ скоро явились Тверскіе полки подъ начальствомъ боярина Акинея ²⁶⁷. Этотъ Акиней былъ прежде бояриномъ у Великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, по смерти котораго вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву; но туда же пришелъ тогда на службу знаменитый Кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1,700 человекъ; Московскіе князья обрадовались такому слугѣ и дали ему первое мѣсто между своими боярами. Новитимъ оскорбился Акиней, отѣхалъ къ Михаилу Тверскому и теперь спѣшилъ отомстить Даниловичамъ Московскимъ за свое безчестье. Онъ три дня держалъ Ивана въ осадѣ; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ изъ Москвы, зашелъ Тверичамъ въ тылъ, Иванъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, и непріятель потерпѣлъ совершенное пораженіе; Родіонъ собственноручно убилъ Акинея, взоткнулъ голову его на копьѣ, и поднесъ князю Ивану съ такими словами: «Вотъ, господинъ, моего измѣнника, а моего мѣстника голова!» ²⁷⁰.

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшился споръ между князьями другимъ образомъ: когда Юрій пріѣхалъ въ Орду, то князья Татарскіе сказали ему: «Если ты дашь выходу (данн) больше князя Михаила Тверскаго, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе. Юрій обѣщалъ дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше, Юрій отказался и Михаилъ получилъ ярлыкъ ²⁷¹.

Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды, и узнавъ о смерти боярина своего Акинеа, пошелъ на Юрія; чѣмъ кончилась эта война, на какихъ условіяхъ помирились соперники, неизвѣстно, но извѣстно, что послѣ этого Юрій Московскій началъ стремиться къ усиленію своей волости, не разбирая средствъ; онъ убилъ Рязанскаго князя, плѣннаго отцемъ его Даниломъ, и удержалъ за собою Коломну, и въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ братьевъ Юріевыхъ изъ Москвы въ Тверь. Черезъ два года (1308) Михаилъ опять пошелъ къ Москвѣ, бился подъ ея стѣнами, надѣлалъ много зла, но ушелъ, не взявши города. Подъ 1312 годомъ находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила Тверскаго, Дмитрій отправился въ походъ на Нижній Новгородъ, на князя Юрія, но во Владимирѣ былъ удержанъ отъ своего намѣренія митрополитомъ Петромъ, и распустилъ войско²⁷².

До сихъ поръ мы видѣли наступательныя движенія на Москву со стороны Твери; но въ 1313 году дѣла перемѣнились: ханъ Тохта умеръ, престолъ ханскій занялъ молодой племянникъ его Узбекъ, и Михаилъ спѣшилъ въ Орду взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобъ съ помощію Московскаго князя избавиться отъ притѣсненій Тверскаго. Уже давно сѣверные князья, по примѣру родоначальника своего, Всеволода III, стремились привести Новгородъ въ свою волю, и только соперничеству между ними послѣдній былъ обязанъ продленіемъ своего быта. Когда по смерти Андрея Александровича, оба князя соперника — и Московскій и Тверской отправились въ Орду, Тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ своего князя; но послѣдніе не были приняты Новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжокъ на случай нападенія Тверичей; Тверскіе полки дѣйствительно явились у Торжка, но не рѣшились напасть, потому что Новгородцы собрали всю свою землю противъ нихъ; наконецъ положено было, что Новгородцы на свободѣ будутъ дожидаться ханскаго рѣшенія, признаютъ своимъ княземъ того изъ соперниковъ, кто привезетъ ярлыкъ на Владимирское княжество. Ярлыкъ привезъ Михаилъ, и Новгородцы въ 1308 году посадили его у себя на столѣ, на обычныхъ условіяхъ²⁷³. Однако въ самомъ началѣ мы уже встрѣчаемъ повторительныя дого-

ворныя грамоты Новгородцевъ съ Михайломъ, и въ ихъ числѣ находится слѣдующая жалоба Новгородцевъ на двоихъ волостелей²⁷⁴: «Князь Великій Андрей и весь Новгородъ дали Федору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ вѣлъ хлѣбъ; а какъ пошла рать, то онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ, Новгородскаго и Псковскаго поклона не послушалъ, да еще прѣхавши въ село, Новгородскую волость вусту положилъ, братью нашу испродалъ. Тебѣ, князь, не кормить его Новгородскимъ хлѣбомъ, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадимъ. Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелю, а онъ Корелю всю истерялъ и за Нѣмцевъ загналъ, да и на Новгородъ бралъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ будешь въ Новгородъ у отца своего владыки и у своихъ мужей, то намъ съ нимъ судъ передъ тобою, Господинъ, и теперь серебра не вели ему брать. И тебѣ, Господинъ, Новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его, пусть выйдить изъ Новгородской волости, а за села его деньги отдадимъ.» Четыре года прошли впрочемъ мирно; на пятый встала ссора: Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ, Бѣжецкъ со всѣми волостями и остановилъ подвозъ хлѣба, что всего хуже было для Новгородцевъ; весною, въ распутье, отправили они владыку Давыда въ Тверь, и тотъ успѣлъ заключить миръ: Михаилъ отворилъ ворота для обезовъ, и прислалъ опять своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, взявши съ него за миръ 1,500 гривенъ серебра. Легко догадаться, что Тверские намѣстники не стали воздержитѣ послѣ этого, было отъ нихъ Новгородцамъ много обидъ и нужды, и вотъ въ 1314 году, въ отсутствіе Михаила, Новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ сначала князя Федора Ржевскаго, который перехваталъ Тверскихъ намѣстниковъ, и пошелъ съ Новгородскими полками къ Волгѣ, куда на встрѣчу вышелъ къ нему сынъ Михайловъ Дмитрій съ Тверскою ратью. Битвы впрочемъ не было: простоявши до морозовъ у Волги, Новгородцы заключили миръ съ Дмитриемъ и послали въ другой разъ въ Москву звать къ себѣ князя Юрія на всей волѣ Новгородской; Юрій на этотъ разъ прѣхалъ самъ вмѣстѣ съ братомъ Леонасіемъ, и ради были Новгородцы своему хотѣнію, говорятъ ихъ лѣтописецъ.

Не долго радовались Новгородцы: ханъ прислалъ звать Юри въ Орду, и тотъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ послами Новгородскими ⁸⁷⁶, оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія; тогда же пришла вѣсть, что Михаилъ идетъ въ Русь, ведетъ съ собою Татаръ. Новгородцы не могли теперъ ждать отъ него милости, и рѣшились защищаться силою: князь Аѳанасій вышелъ съ полками къ Торжку, и стоялъ здѣсь шесть недѣль, чтобъ перенять вѣсть; вѣсть пришла, что Михаилъ со всею Низовою землею и Татарами идетъ на Новгородъ. На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ битвы, и битва была злая: Новгородцы потеряли много мужей добрыхъ, бояръ и купцовъ, и потерпѣли совершенное пораженіе: князь Аѳанасій съ остаткомъ рати затворился въ Торжкѣ, куда побѣдитель прислалъ сказать Новгородцамъ: «Выдайте мнѣ Аѳанасія и Феодора Ржевскаго, такъ я съ вами миръ заключу». Новгородцы отвѣчали: «Не выдаемъ Аѳанасія, но помремъ всеъ честно за св. Софію!» Михаилъ прислалъ опять, требовалъ выдачи по крайней мѣрѣ одного Феодора Ржевскаго; Новгородцы сперва не соглашались, но потомъ по неволѣ выдали его, кромѣ того заплатили Михаилу 50,000 гривенъ серебра ⁸⁷⁶ (по другимъ извѣстіямъ только 5000) ⁸⁷⁷, и заключили миръ. Но Михаилъ, не смотря на мирное постановленіе, призвавши къ себѣ князя Аѳанасія и бояръ Новгородскихъ, перехваталъ ихъ и отправилъ заложниками въ Тверь, на жителей Торжка наложилъ окупъ, сколько кто могъ заплатить за себя, отобралъ у нихъ все оружіе, и тогда отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, гдѣ посадничество давно было Семену Климовичу; но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Дмитріевичу. Заключенъ былъ договоръ: «Что сталося между княземъ и Новгородомъ какое разоранье, что въ эту замѣтню взято въ княжой волости, или у намѣстниковъ или у пословъ, или гостинный товаръ, или купеческій, или въ церквахъ, или у котораго боярина, и по всей волости, то все князь отложилъ; а что взято Новгородскаго товара по всей волости, того всего Новгороду не номинать. Которымъ села или люди Новгородскіе заложились въ эту замѣтню за князя и за княгиню, или за дѣтей ихъ и бояръ, или кто купилъ села — тотъ возьметъ свои деньги, а села отойдутъ къ Новгороду, по прежней грамотѣ владыки Феоктиста, что утвердилъ въ Твери. Что

что холоду по всей волости Новгородской, то пойдетъ къ Новгороду, безъ окупа. Князю Великому Михаилу и боярамъ его не наводить рати на Новгородъ ни за что, гостя не задерживать въ Суздальской землѣ, нигдѣ; а за все это взять князю у Новгорода 12,000 серебра, а что взято у заложниковъ, то пойдетъ въ счетъ этихъ 12,000; брать эти деньги въ Низовый вѣсъ, въ четыре срока; а когда князь все серебро возьметъ, то всѣхъ заложниковъ долженъ отпустить. Нелюбе князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова и отъ всѣхъ пригородовъ, и недругамъ своимъ мстить не будетъ; Новгороду держать княженье безъ обиды, а князю Великому держать Новгородъ безъ обиды, по старинѣ; снать снлъ князь Великій Михаилъ на Феоктистовой грамотѣ, которую утвердилъ съ владыкою и послами Новгородскими въ Твери. Если Новгородъ заплатитъ все серебро, 12,000, то Великій князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты, одну, которая утверждена была въ Городцѣ, на Волгѣ, и другую Новоторжскую, что утвердили въ Торжкѣ.»

Договоръ не былъ исполненъ; Новгородцы отправили пословъ къ хану жаловаться на Михаила, но Тверичи поймали пословъ и привели ихъ въ Тверь; въ 1316 году намѣстники Михайловы вѣхали изъ Новгорода, по другимъ извѣстіямъ, были выгнаны²⁷⁰, и Михаилъ отправился къ Новгороду со всею Низовскою землю, а Новгородцы сдѣлали острогъ около города по обѣ стороны, и къ нимъ на помощь сошлась вся волость: Псковичи, Ладжане, Рушане, Корела, Ижора, Вожане, схватили какого-то Игната Бѣска, били его навѣчь, и сбросили съ моста въ Волховъ, подозревая, что онъ держитъ перевѣтъ къ Михаилу, но правда ли это — Богъ одинъ знаетъ, по замѣчанію лѣтописца; тогда же убить былъ и Данилко Писцовъ своимъ холопомъ, который довелъ горожанамъ, что господинъ посылалъ его съ грамотами къ князю Михаилу. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ и сталъ въ 50 верстахъ отъ города²⁸⁰; но собственная болѣзнь, веръ на лошадей, вѣсти о враждебныхъ намѣреніяхъ Юрія Московскаго заставили его отступить²⁸¹, и отступление было гибельно: Тверскіе ратники заблудились въ озерахъ и болотахъ, начали мереть отъ голода, ѣли конину, оружіе свое пожгли или побросали, и пришли пѣшкомъ домой. Въ надеждѣ, что эта бѣда сдѣлаетъ Михаила уступчивымъ, Новгородцы, въ слѣдующемъ

1317 году, отправили къ нему владыку Давыда съ мольбою отпустить на окупъ Новгородскихъ заложниковъ; но Михаилъ не послушалъ просьбы архіепископской; ему какъ видно нужно было имѣть въ рукахъ Новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ Московскимъ.

Юрій не даромъ жилъ въ Ордѣ; онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михайловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его, Кончакѣ, которую при крещеніи назвали Агаеію. Ханскій зять возвратился въ Русь съ сильными послами Татарскими, изъ которыхъ главнымъ былъ Кавгады; одинъ Татаринъ отправился въ Новгородъ звать на Михаилъ его жителей; но послѣдніе, еще не зная, гдѣ князь Юрій, заключили съ Михаиломъ договоръ въ Торжкѣ, по которому обязались не вступаться ни за одного изъ соперниковъ, послѣ чего Тверской князь, собравши войско, и снесшись съ другими князьями, пошелъ къ Костромѣ на встрѣчу Юрію; долго соперники стояли на берегу Волги, наконецъ заключили договоръ, въ содержаніи котораго источники разногласятъ: по однимъ извѣстіямъ Юрій уступилъ великое княженіе Михаилу³⁸², по другимъ, наоборотъ, Михаилъ уступилъ его Юрію³⁸³. Какъ бы то ни было, дѣло этимъ не кончилось; Михаилъ возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять этотъ городъ, ожидая, какъ видно, къ себѣ врага, и дѣйствительно Юрій остался въ Костромѣ, собирая отовсюда войска. Когда пришли къ нему князья Суздальскіе и другіе, то онъ двинулся изъ Костромы къ Ростову, изъ Ростова пошелъ къ Переяславлю, изъ Переяслава къ Дмитрову, изъ Дмитрова къ Клину; а Новгородцы уже дожидались его въ Торжкѣ. Наконецъ войска Юріевы пошли въ Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ѣздили въ Тверь къ Михаилу, съ лестію, по выраженію летописца, но мира не было, и въ 40 верстахъ отъ Твери при селѣ Бортенево произошло сильное сраженіе, въ которомъ Михаилъ остался побѣдителемъ; Юрій съ небольшою дружиною успѣлъ убѣжать въ Новгородъ, но жена его, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Кавгадый, видя торжество Тверскаго князя, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и бѣжать въ станъ, а на другой день послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями, и поѣхалъ къ нему въ Тверь. Михаилъ принялъ его съ честію, и Татары стали гово-

рять ему: «Мы съ этихъ поръ твои, да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боишься хана опалы, что такое дѣло сдѣлали и много крови пролили.» Князь Михаилю повѣрилъ имъ, одарилъ и отпустилъ съ честію.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги, и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ съ владыкою своимъ Давыдомъ: понятно, что Новгородъ долженъ былъ вступить за Юрія, не ожидая себя добра отъ усиленія Михаилова. Тверской князь вышелъ къ неврѣителю навстрѣчу, но битвы не было: заключили договоръ, по которому оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры; Михаилю обязался также освободить жену Юріеву и брата; Новгородцы заключили съ нимъ особый договоръ, какъ съ постороннимъ владѣльцемъ ³⁸⁴ (1317 г.). Но жена Юріева не возвратилась въ Москву: она умерла въ Твери и пронесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ былъ выгоденъ Юрію и опасенъ для Михаила въ Ордѣ, и когда Тверской князь отправилъ въ Москву посла Александра Марковича съ мирными предложеніями, то Юрій убилъ посла и поѣхалъ въ Орду съ Кавгадыемъ, со многими князьями, боярами и Новгородцами.

Начальникомъ всего зла лѣтописецъ называетъ Кавгадыя: по Кавгадыеву совѣту Юрій пошелъ въ Орду, Кавгадый наклеветалъ хану на Михаила, и разсерженный Узбекъ велѣлъ схватить сына Михаилова, Константина, посланнаго отцемъ передъ собою въ Орду; ханъ велѣлъ было умерить голодомъ молодого князя, но нѣкоторые вельможи замѣтили ему, что если онъ умертвить сына, то отецъ никогда не явится въ Орду, и Узбекъ приказалъ выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то онъ боялся присутствія Михаилова въ Ордѣ, и послалъ толпу Татаръ перехватить его на дорогѣ и убить; но это не удалось; чтобъ воспрепятствовать другимъ способомъ пріѣзду Михаилову, Кавгадый сталъ говорить хану, что Тверской князь никогда не пріѣдетъ въ Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войско. Но въ Августѣ 1318 года Михаилю отправился въ Орду, и когда былъ во Владимірѣ, то явился туда къ нему посолъ изъ Орды, именемъ Ахмыль и сказалъ ему: «Зоветь тебя ханъ, поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяць; если же не пріѣдешь къ сроку, то уже назначена рать на тебя и

на города твои: Кавгадый обнесъ тебя передъ ханомъ, сказали, что не бывать тебѣ въ Ордѣ.» Бояре стали говорить Михаилу: «Одинъ сынъ твой въ Ордѣ, пошли еще другаго.» Сыновья его, Димитрій и Александръ также говорили ему: «Батюшка! не ѣзди въ Орду самъ, но пошли кого-нибудь изъ насъ, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнѣвъ его пройдетъ.» Михаилъ отвѣчалъ имъ: «Ханъ зоветъ не васъ, и никого другаго, а моею головою хочеть; не поѣду, такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ избито; послѣ когда-нибудь надобно жем умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души.» Давши рядъ сыновьямъ, раздѣливъ имъ отчину свою, написавши грамоту, Михаилъ отправился въ Орду, настигъ хана на устьяхъ Дона, по обычаю отнесъ подарки всѣмъ князьямъ ордынскимъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца жилъ спокойно; ханъ далъ ему пристава, чтобъ никто не смѣлъ обижать его. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о дѣлѣ и сказалъ князьямъ своимъ: «Вы мнѣ говорили на князя Михаила: такъ разсудите его съ Московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто правъ и кто виноватъ.» Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему грамоты обвинительныя: «Ты былъ гордъ и непокорливъ хану нашему, ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ Папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ.» Михаилъ защищался; но судьи стояли явно за Юрія и Кавгадыя при чемъ послѣдній былъ вмѣстѣ и обвинителемъ и судьей. Въ другой разъ Михаила привели на судъ уже связаннаго; потомъ отобрали у него платье, отогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на шею тяжелую колоду, и повели за ханомъ, который ѣхалъ на охоту; по ночамъ руки у Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевортывалъ листы. Орда остановилась за рѣкою Терекомъ, на рѣкѣ Сеვენцъ, подъ городомъ Дедаковымъ, недалеко отъ Дербента. На дорогѣ отроки говорили Михаилу: «Князь! проводники и лошади готовы бѣги въ горы, спаси жизнь свою.» Михаилъ отказался: «Если одинъ спасусь, говорилъ онъ, а людей своихъ оставляю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава?» Уже двадцать четыре дня Михаилъ

терпѣлъ всякую нужду, какъ однажды Кавгадый велѣлъ приве-
сти его на торгъ, созвалъ всѣхъ землевладельцевъ, велѣлъ поста-
вить князя передъ собою на колѣна, величался и говорилъ много
досадныхъ словъ Михаилу, потомъ сказалъ ему: «Знай, Михайло!
таковъ ханскій обычай: если ханъ разсердится на кого и нѣтъ
родственниковъ своихъ, то также велитъ держать его въ коло-
дкѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то возвращаетъ ему пре-
жнюю честь; такъ и тебя завтра или послѣ завтра освободятъ
отъ всей этой тяжести, и въ большей чести будешь;» — послѣ
чего обратился къ сторожамъ, прибавилъ: «Зачѣмъ не снимете
съ него колоды?» тѣ отвѣчали: «Завтра или послѣ завтра счи-
немъ, какъ ты говоришь.» — «Ну, по крайней мѣрѣ, поддержите
володу, чтобъ не отдавила ему плечъ,» сказалъ на это Кавгадый,
и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колоду. Наругавшись
такимъ образомъ надъ Михаиломъ, Кавгадый велѣлъ отвести его
и прочь; но тотъ захотѣлъ отдохнуть и велѣлъ отрокамъ ²⁸⁶ своимъ
подать себѣ стулъ; около него собралась большая толпа Грековъ,
Нѣмцевъ, Литвы и Руси: тогда одинъ изъ приближенныхъ ска-
залъ ему: «Господниъ князь! видишь, сколько народа стоитъ и
смотритъ на позоръ твой, а прежде они слышали, что былъ ты
княземъ въ землѣ своей; пошелъ бы ты въ свою вежу». Михаилъ
всталъ и пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ на глазахъ его были все-
гда слезы, потому что онъ предугадывалъ свою участь. Прошелъ
еще день, и Михаилъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ
со словами правило къ причащенію, исповѣдался, призвалъ сына
своего Константина, чтобъ объявить ему послѣднюю свою волю,
потомъ сказалъ: «Дайте мнѣ псалтирь, очень тяжело у меня на
душѣ». Открылся псаломъ: «Сердце мое смутится во мнѣ, и страхъ
смертныи придетъ на мя». — «Что значитъ этотъ псаломъ!» спро-
силъ князь у священниковъ; тѣ, чтобъ не смутить его еще боль-
ше, указали ему на другой псаломъ: «Возверзи на Господа пе-
чаль свою, и той ты пронятаешь и не дастъ во вѣки смятенія пра-
ведному». Когда Михаилъ пересталъ читать и согнулъ книгу,
вдругъ вскочилъ отрокъ въ вежу, блѣдный, и едва могъ выгово-
рять: «Господниъ князь! идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій
Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ!» Ми-
хаилъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: «Знаю, зачѣмъ
идутъ, убить меня;» и послалъ сына своего Константина къ

ханшѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійць, а сами сошли съ лошадей на торгу, потому что торгъ былъ близко отъ вежи на перелетъ камня. Убійцы вскочили въ вежу, разогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась; не смотря на то Михаилъ вскочилъ на ноги, но тогда бросилось на него множество убійць, повалили на землю и били пятами нещадно, наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце²⁸⁶. Вежу разграбили Русь и Татары, тѣло мученика бросили нагое. Когда Юрію и Кавгадыю дали знать, что Михаилъ уже убитъ, то они пріѣхали къ тѣлу, и Кавгадый съ сердцемъ сказалъ Юрію: «Старшій братъ тебѣ вмѣсто отца; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое?» Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло, потомъ положили его на доску, доску привязали къ телѣгѣ и перевезли въ городъ Маджары²⁸⁷; здѣсь гости, знавшіе покойника хотѣли прикрыть тѣло его дорогими тканями, и поставить въ церкви, съ честію, со свѣчами, но бояре Московскіе не дали имъ и поглядѣть на покойника, и съ бранью поставили его въ хлѣвъ за сторожами; изъ Маджаръ повезли тѣло въ Русь, привезли въ Москву и похоронили въ Спасскомъ монастырѣ. Изъ бояръ и слугъ Михайловыхъ спаслись только тѣ, которымъ удалось убѣжать къ ханшѣ; другихъ же ограбили до нага, били какъ злодѣевъ и заковали въ желѣза (1319 г.).

Въ 1320 году Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на Великое княженіе и привелъ съ собою молодого князя Тверскаго Константина и бояръ его въ видѣ плѣнниковъ; мать и братья Константиновы, узнавши о кончинѣ Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія, чтобъ отпустилъ тѣло въ Тверь; Юрій исполнилъ ихъ просьбу не прежде, какъ сынъ Михайловъ Александръ явился къ нему во Владимиръ и заключилъ миръ, вѣроятно на условіяхъ, предписанныхъ Московскимъ княземъ. Въ томъ же году Юрій отправилъ въ Новгородъ брата своего Аванасія и ходилъ войною на Рязанскаго князя Ивана, съ которымъ заключилъ миръ, а подъ слѣдующимъ годомъ встречаемъ извѣстіе о сборахъ Юрія на Тверскихъ князей; но войны не было: князь Дмитрій Михайловичъ отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ

Московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать похъ нимъ Великаго княженія. Двѣ тысячи рублей взяты были для хана; но Юрій не пошелъ съ ними на встрѣчу къ Татарскому послу, отправился въ Новгородъ, куда призывали его для дѣлъ ратныхъ. Этими воспользовался Дмитрій Тверской, побѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на Великое княженіе; есть извѣстіе, что онъ объяснилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгады, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Дмитрію далъ великое княженіе, узнавши отъ него, что Юрій собираетъ дань для хана и удерживаетъ ее у себя²⁰⁰. Последнее извѣстіе гнѣвъ вѣроитѣ, что находится въ прямой связи съ приведеннымъ выше извѣстіемъ лѣтописи объ удержаніи Тверскаго выхода Юріемъ; въ связи съ извѣстіемъ о гнѣвѣ ханскомъ на Юрія находится также извѣстіе о Татарскомъ послѣ Ахмылѣ, который сдѣлалъ много зла Низовской землѣ, много избилъ Христіанъ, а другихъ повелъ рабами въ Орду. Какъ бы то ни было впрочемъ, Тверь взяла перевѣсъ; Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и усердно просилъ Новгородцевъ, чтобъ проводили его: но на дорогѣ, на рѣкѣ Урдомѣ²⁰¹, онъ былъ захваченъ въ расплохъ братомъ Дмитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, самъ же онъ едва спасся во Псковъ, откуда опять пріѣхалъ въ Новгородъ, ходилъ съ Новгородцами на берега Невы, потомъ въ Заволочье, и оттуда уже отправился въ Орду по Камѣ, будучи позванъ посломъ ханскимъ, въ 1324 году. Дмитрій Тверской не хотѣлъ пускать соперника одного въ Орду, и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; лѣтописецъ говоритъ, что Дмитрій убилъ Юрія, понадеявшись на благоволеніе ханское. Узбекъ однако сильно осердился на это самоуправство, долго думалъ, наконецъ велѣлъ убить Дмитрія (1325 г.); но Великое княженіе отдалъ брату его Александру; такимъ образомъ Тверь не терпала ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Дмитрія; въ третій разъ первенство и сила перешли къ ея князю.

Взглянемъ теперь, что происходило въ другихъ княжествахъ во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. Въ годъ смерти Великаго князя Андрея Александровича (1304) вспыхнулъ мятежъ въ Костромѣ: простые люди собрали вѣче на

бояръ, и двое изъ послѣднихъ были убиты; въ слѣдующемъ году въ Нижнемъ Новгородѣ черные люди избили бояръ князя Андрея Александровича; но въ томъ же году возвратился изъ Орды князь Михаилъ Андреевичъ и перебилъ всѣхъ вѣчниковъ, которые умертвили бояръ. Здѣсь представляется вопросъ: кто былъ этотъ князь Михаилъ Андреевичъ? До сихъ поръ утверждено было мнѣнiе, что всѣ князья Суздальскіе происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невского, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константиинъ—Димитрій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ, что послѣ Андрея Ярославича осталось двое сыновей—Юрій и Михаилъ³⁰⁰. Юрій умеръ въ 1279 году, и вмѣсто него садится въ Суздаль братъ его Михаилъ³⁰¹; потомъ лѣтопись упоминаетъ о смерти сына Михайлова, Василя въ 1309 году³⁰²; потомъ встрѣчаемъ Александра и Константина Васильевичей Суздальскихъ, которыхъ легки принять за дѣтей Василя Михайловича. И дѣйствительно въ большей части родословныхъ эти князья показаны происходящими отъ Андрея Ярославича. Но вотъ подъ 1364 годомъ читаемъ въ лѣтописи извѣстiе о кончинѣ князя Андрея Константиновича Суздальскаго, и этотъ князь называется потомкомъ не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невского, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константиинъ³⁰³. Въ извѣстiи о кончинѣ брата Андреева, Димитрія Константиновича, повторена та же родословная. Эта послѣдняя родословная объявлена ошибочною, утверждено, что князь Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, у котораго дѣтей не было, кромѣ Бориса, умершаго при жизни отца. Но на чемъ же основано такое утвержденiе? Основываются на томъ³⁰⁴, что по смерти Андрея Александровича, бояре, не имѣя государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому. Но еслибъ Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, то бояре послѣдняго могли по разнымъ причинамъ отъѣхать къ Михаилу Тверскому, имѣя за собою право отъѣзда. Мы привели извѣстiя лѣтописи объ избіенiи бояръ черными людьми въ Нижнемъ Новгородѣ и о наказанiи мятежниковъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ; но если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре послѣдняго являлись въ его княжествѣ и распоряжались такъ, что

возбуждаютъ противъ себя черныхъ людей? Это показываетъ, съ другой стороны, что не всѣ бояре Андрея Александровича отъѣхали въ Тверь; часть ихъ, и, можетъ быть, большая, дожидалась въ Няннемъ прибытія князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. И такъ отъѣздъ бояръ не причина признавать Михаила Андреевича сыномъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другія указанія, подтверждающія родословную летописи: Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ прародителемъ, и послѣ Александра начинается развѣтвленіе рода на двѣ отрасли: отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья Суздальскіе-Шуйскіе, и отрасль Данила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари Московскіе: «Учинились мы на отчинѣ прародителей нашихъ, царемъ и Великимъ княземъ на Россійскомъ государствѣ, которое даровалъ Богъ прародителю нашему Рюряку, и потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, до прародителя нашего Великаго князя Александра Ярославича Невскаго на Россійскомъ Государствѣ были прародители мои, а потомъ на Суздальскій удѣлъ отдѣлились, не отнятіемъ, не по неволѣ, но какъ обыкновенно большіе братья на большія мѣста садилась³⁰⁵». Динія Андрея Александровича отдѣлилась на Суздальскій удѣлъ, какъ обыкновенно большіе братья саживались на большія мѣста: въ самомъ дѣлѣ Андрей Александровичъ былъ большой братъ Данилу Александровичу, и Суздаль былъ большое мѣсто отчасти Московы. — И такъ вопросъ о происхожденіи князей Суздальскихъ Нижегородскихъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Въ Ростовѣ въ 1309 году умеръ князь Константинъ Борисовичъ и мѣсто его заступилъ сынъ Василій; другаго, Александра мы видимъ въ Угличѣ; подъ 1320 годомъ упоминается о смерти сына его, Юрія Александровича. Въ Ярославлѣ въ 1321 году умеръ князь Давыдъ, сынъ Феодора Ростиславича Чернаго, Смоленскаго; мѣсто его занялъ сынъ, Василій Давыдовичъ. Въ Галичѣ упоминается подъ 1310 годомъ князь Василій Константиновичъ, внукъ Ярослава Всеволодовича, княжившій, какъ видно, до брата своемъ, Давыдъ. Въ Стародубѣ, по смерти внука Все-

волода III-го, Михаила Ивановича, княжилъ сынъ его Иванъ умершій въ 1315 году; мѣсто покойнаго заступилъ сынъ его Федоръ Ивановичъ. Въ Рязани послѣ Константина Романовича убитаго въ Москвѣ, княжилъ сынъ его Василій, который былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 году; въ 1320 году видимъ въ Рязани двоюроднаго брата Василюва, князя Ивана Ярославича, противъ котораго предпринималъ походъ Юрій Московскій. Въ 1313 году умеръ князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій, оставивъ двоихъ сыновей, Василю и Ивана.

Касательно внѣшнихъ отношеній упоминается подъ 1308 годомъ о нашествіи Татаръ на Рязань, имѣвшемъ, какъ видно, связь съ убіеніемъ тамошняго князя Василю Константиновича въ Ордѣ. Въ 1318 году приходилъ изъ Орды лютый посолъ именемъ Ковча, убилъ 120 человекъ у Костромы, потомъ пошелъ и весь Ростовъ повоевалъ ратію. Въ 1320 г. посолъ Байдера много зла надѣлалъ во Владимирѣ; въ 1321 г. Татаринъ Тайнчаръ былъ тяжекъ Кашину; въ 1322 году посолъ Ахмыл надѣлалъ много зла Низовымъ городамъ, Ярославль взял и повелъ много плѣнниковъ въ Орду²⁰⁶. — На сѣверозападѣ продолжалась старая борьба — у Новгорода со Шведами, у Пскова съ Ливонскими Нѣмцами. Въ 1310 году Новгородцы въ лодяхъ и дойвахъ вошли въ Ладожское озеро, въ рѣку Узерву, и построили на порогѣ новый городъ, разрушивши старый²⁰⁷. Въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ князя Дмитрія Романовича Смоленскаго, они отправились войною за море, въ Шведскія владѣнія, въ Финляндію (Емь); перѣхавши море, повоевали сначала берега Купецкой рѣки, села пожгли, людей побрали въ плѣнъ, скоть побили; потомъ взяли всю Черную рѣку, по ней подплыли къ городу Ваная, городъ взяли и сожгли; Шведы заперлись въ внутренней крѣпости или дѣтинцѣ, построенномъ на высокой неприступной скалѣ, и прислали къ Новгородцамъ съ поклономъ просить мира, но тѣ мира не дали, и стояли трое сутокъ подъ городомъ, опустошая окрестную страну: села большія пожгли, хлѣбъ весь потравили, а изъ скота не оставили ни рога; потомъ пошли взяли мѣста по рѣкамъ Кавгалъ и Пернѣ, выплыли этии рѣками въ море и возвратились въ Новгородъ все здоровы²⁰⁸. Шведы отомстили Новгородцамъ сожженіемъ Ладоги въ 1313 году. Мы уже видѣли попытки Корелы отложиться

отъ Новгорода и подлѣтки Шведовъ утвердиться въ Корельской землѣ; видѣли и причину неудовольствія Корелы въ жалобѣ Новгородцевъ на княжескаго намѣстника, Бориса Константиновича, который своими притѣсненіями заставлялъ Корелянъ бѣжать къ Шведамъ; въ 1314 году встрѣчаемъ новое извѣстіе о возстаніи Корелянъ: они перебили Русскихъ, находившихся въ Корельскомъ городѣ, и ввели къ себѣ Шведовъ; Новгородцы однако не долго позволяли Корелѣ оставаться за Шведами: въ томъ же году пошли они съ намѣстникомъ Великаго князя Михаила Ярославича, Ѳедоромъ къ городу, и перебили въ немъ всѣхъ Шведовъ и перевѣтчиковъ Корелянъ. Черезъ два года непріятельскія дѣйствія возобновились: Шведы въ 1317 году вошли въ Ладожское озеро и побили много Обонѣжскихъ купцовъ; а въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились за море, и много воевали: взяли Або и находившійся не далеко отъ него епископскій замокъ. Въ 1322 году Шведы опять пришли драться къ Корельскому городку, но не могли взять его; вслѣдъ за этимъ Новгородцы съ В. К. Юріемъ пошли къ Выборгу и били его 6-ю пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ въ городѣ и взяли въ плѣнъ, изъ плѣнниковъ — однихъ перевѣшали, другихъ отправили въ Суздальскую землю (на Низъ), потеряли нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей. Надобно было ждаты мести отъ Шведовъ, и Новгородцы въ 1323 году укрѣпили востокъ Невы изъ Ладожскаго озера, поставили городъ на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ); но вмѣсто рати явились послы Шведскіе съ мирными предложеніями, и заключенъ былъ миръ вѣчный по старинѣ. Юрій съ Новгородцами уступилъ Шведамъ три Корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепа³⁹⁹. Подъ 1320 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи съ Норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходилъ на Норвежцевъ, которые разбили суда какого-то Игната Молигина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востокъ князья заняты усобицами, тамъ идетъ важный вопросъ о томъ, какому княжеству переселить всѣ остальные и собрать землю Русскую; Новгородъ занятъ также этими усобицами и борьбою со Шведами; притомъ же у него со Псковомъ начинаются непріятности, переходящія иногда въ открытую вражду, причины которой въ лѣтописи не выказаны ясно. Стремленіе Пскова вый-

ти възводъ оуби старшаго брата своего Новгородца мы замѣчаемъ съ самаго начала: послѣ это стремленіе все болѣе и болѣе усиливается; Новгородцы, разумѣется, не могли смотрѣть на это равнодушно, и не могли близко принимать къ сердцу затруднительное положеніе младшихъ братьевъ: отсюда жалобы послѣднихъ на холодность Новгородцевъ, оставленіе безъ помощи, что еще болѣе усиливало размолвку; при томъ же, не имѣя возможности давать чувствовать Псковичамъ своегосподство въ политическомъ отношеніи, Новгородцы сильно давали чувствовать ее въ церковномъ, вслѣдствіе того, что Псковъ былъ подвѣдомственъ ихъ владыкѣ: отсюда новыя непріятности и стремленія Псковичей отложиться отъ Новгородскаго владыки, получить для себя особаго епископа⁴⁰⁰. Когда князья Русскіе призвали в Псковъ, то граждане принимали ихъ съ честью, отъ всего сердца⁴⁰¹; но эти князья не могли ходить съ Псковичами на Нѣмцевъ или отсиживаться въ осаду отъ нихъ: такъ были во Псковѣ въ необходимости на короткое время — князь Дмитрій Александровичъ и Юрій Даниловичъ. Не видя помощи отъ Русскихъ князей, Псковитяне принуждены бывали посылать за Литовскими. Въ 1322 году Нѣмцы, во время мира, перебили Псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ, опустошили часть Псковской волости; Псковичи послали въ Литву, за княземъ Давыдомъ, пошли съ нимъ за Нарову и опустошили землю до самаго Ревеля. Въ мартѣ 1323 года пришли Нѣмцы подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня и ушли съ позоромъ, но въ маѣ явились опять, загордившись, въ силѣ тяжелой безбога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и многими замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника; стояли у города 18 дней, били стѣны машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы. Въ это время много гонцовъ гоняло изъ Пскова къ Великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со многою печалію и тугою, потому что очень тяжело было въ то время Пскову, какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давыдъ съ дружиною, ударилъ вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ, прогналъ ихъ зорьку Великую, машины отнял, городки зажегъ, и побѣждалъ Нѣмцы со стыдомъ; а князь Великій Юрій и Новгородцы не могли, прибавляетъ Псковской лѣтописецъ.

Дановцы въ 1323 году напали на страну по рѣкѣ Ловати, но были прогнаны Новгородцами.—Мы видѣли волненія среди Коля, видѣли и прежде возстанія Финскихъ племенъ въ Двинской области противъ Новгородцевъ; въ 1323 году началась у поморскихъ вражда съ Устюжанами, которые перехватили Новгородцевъ, ходившихъ на Югру и ограбили ихъ. Задвинскія дани и торговля была главнымъ источникомъ богатства для Новгородцевъ, и потому они не могли оставить этого дѣла безъ вниманія: въ слѣдующемъ же году, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ они пошли въ Заволочье, и взяли Устюгъ на щить; когда они шли на Двинѣ, то князья Устюжскіе прислали къ Юрію и Новгородцамъ просить мира и заключили его на старинныхъ условіяхъ. Въ чемъ состояли эти старинныя условія, мы не знаемъ; знаемъ только то, что еще въ 1220 году, Великій князь Юрій Всеволодовичъ, собирая войско на Болгарь, велѣлъ Ростовскому князю взять также и полки Устюжскіе; изъ этого извѣстія можно только заключить о зависимости Устюга отъ Ростовскихъ князей.

Таковы были отношенія сѣверной Руси къ сосѣднимъ народамъ въ первую половину борьбы между Тверью и Москвою, до смерти Дмитрія Тверскаго и Юрія Московскаго. Дмитрію наизволялъ, какъ мы видѣли, братъ его Александръ Михайловичъ, в-арыкомъ и на Великое княженіе, Юрію также братъ — Юрій Даниловичъ Калита, остальные братья котораго — Александръ, Аванасій, Борисъ умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, слѣдовательно, княжилъ одинъ въ Московской волости; какъ видно, онъ управлялъ Москвою гораздо прежде смерти Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ, то въ Новгородѣ, а такъ какъ онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо Юрій убитъ въ 1325 году, а митрополитъ Петръ умеръ въ 1326. Еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и перешелъ на жительство во Владимиръ. Послѣдній городъ былъ столицей Великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, но каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ: такое пребываніе митрополита во Владимирѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу нѣдъ столица болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно,

какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, и единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ, мало того, способствовало его возростанію и обогащенію, ибо въ него со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ святаго мужа былъ для Москвы такъ же драгоцененъ, какъ и пребываніе живаго святаго: выборъ Петра казался внушеніемъ Божиимъ, и новый митрополитъ Теоностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дощечку чудотворца. Петръ, увѣщевая Калиту построить въ Москвѣ каменную церковь Богоматери, говорилъ: «Если меня, сына послушаешься, храмъ Пречистой Богородицы построишь, и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители стануть въ немъ жить, и подчинитъ онъ себя всѣмъ остальнымъ городамъ». Другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія, и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но въ то время, какъ Московскій князь утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола пріобрѣталъ такія важныя выгоды, Александръ Тверской необдуманнѣмъ поступкомъ погубилъ себя и все княжество свое. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именованъ Шевкаль (Чол-ханъ) или Шелканъ, котораго называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, въ обыкновенію всѣхъ пословъ Татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкаль хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей Татарскихъ посаждать по другимъ Русскимъ городамъ, и Христіанъ привести въ Татарскую вѣру. Трудно допустить, чтобъ этотъ слухъ былъ основателенъ: Татары изначала отличались въротерпимостію, и по принятіи Магометанства не были равнителами новой религіи. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкаль, покровительствовалъ Христіанамъ въ Ка-

онъ, позволилъ католическому монаху Іонъ Валевсу обращать въ Христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ мы видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія Московскаго и позволилъ ей креститься⁴⁰². Еще страннѣе былъ слухъ, что Шевкаль хотѣлъ самъ съѣсть на великомъ княженіи въ Твери, а другіе города раздать своимъ Татарамъ. Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеневъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то Александръ съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарамъ, бились цѣлый день, и къ вечеру одолѣли. Шевкаль бросился въ старый домъ князя Миканга, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ и Татары погибли въ пламени; купцы старые Ордынскіе и новые пришедшіе съ Шевкаломъ, были истреблены, не смотря на то, что не вступали въ бой съ Русскими: однихъ изъ нихъ перебили, другихъ перетопили, иныхъ сожгли на кострахъ.

Но въ такъ называемой Тверской лѣтописи Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе и безъ упоминовенія о замыслѣ Шевкала относительно вѣры: Шевкаль, говорится въ этой лѣтописи, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра со двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Не смотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15-го августа: дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на покой; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи, и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ⁴⁰³.

Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участи Шевкаловой, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за Московскимъ княземъ, но, по другимъ извѣстіямъ, Калита поѣхалъ самъ въ Орду тотчасъ послѣ Тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 Татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя Суздальскаго, Калита вошелъ въ Тверскую волость, по ханскому приказу; Татары пожгли города и села, людей повели въ плѣнъ, и, просто сказать, положили цуству всю землю Русскую, но выраженію лѣтописца; но спаслась Москва, отчина Калиты,

да Новгородъ, который далъ Татарскимъ воеводамъ 2,000 се-
ребра и множество даровъ. Александръ, послышавъ о прибли-
женіи Татаръ, хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не
захотѣли подвергать себя опасности изъ-за сына Михайлова, и
приняли намѣстниковъ Калиты; тогда Александръ бѣжалъ во
Псковъ, а братья его нашли убѣжище въ Ладогѣ. Въ слѣдую-
щемъ 1328 году Калита и Тверской князь Константинъ Ми-
хайловичъ поѣхали въ Орду; Новгородцы отправили туда также
своего посла; Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ, Констан-
тину Михайловичу далъ Тверь и отпустилъ ихъ съ приказомъ ис-
кать князя Александра. И вотъ во Псковъ явились послы отъ кня-
зей Московскаго, Тверскаго, Суздальскаго и отъ Новгородцевъ
уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку; по-
слы говорили ему отъ имени князей: «Царь Узбекъ всѣмъ намъ
велѣлъ искать тебя и прислать къ нему въ Орду; ступай къ не-
му, чтобъ намъ всѣмъ не пострадать отъ него изъ-за тебя одно-
го; лучше тебѣ за всѣхъ пострадать, чѣмъ намъ всѣмъ изъ-за
тебя одного попустошить всю землю.» Александръ отвѣчалъ:
«Точно мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ стра-
дать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ
не дурно было бы другъ за друга и братъ за брата стоять, а Та-
тарамъ не выдавать, и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать
Русскую землю и православное Христіанство.» Александръ хотѣлъ
ѣхать въ Орду, но Псковитяне не пустили его, говоря:
«Не ѣзди, господинъ, въ Орду; чтобъ съ тобою не случилось,
умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ.» Надобно было
дѣйствовать силою, но сѣверные князья не любили дѣйствовать
силою тамъ, гдѣ успѣхъ былъ не вѣренъ; они разсуждали: «Пско-
вичи крѣпко взялись защищать Александра, обѣщались всѣ
умереть за него, а близко ихъ Нѣмцы, тѣ подадутъ имъ помощь.»
Придумали другое средство, и придумалъ его Калита, по сви-
дѣтельству Псковскаго лѣтописца: уговорили митрополита Тео-
гноста проклясть и отлучить отъ церкви князя Александра и
весь Псковъ, если они не исполнятъ требованіе князей. Сред-
ство подѣйствовало, Александръ сказалъ Псковичамъ: «Братья
мои и друзья мои! не будь на васъ проклятiя ради меня; ѣду
вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе,
только цѣлуйте крестъ, что не выдадите княгини моей.» Пско-

дичи поцѣловали крестъ и отпустили Александра въ Литву, хотя очень горьки были имъ его проводы: тогда, говорить лѣтописецъ, была во Псковѣ туга и печаль и молва многая по князю Александрѣ, который добротой и любовію своею пришелся по сердцу Псковичамъ. По отъѣздѣ Александра послы Псковскіе отправились къ Великому князю Московскому и сказали ему: «Князь Александръ изъ Пскова поѣхалъ прочь; а тебѣ господину своему князю Великому весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и попы и чернецы и черницы, и сироты и вдовы и жены и малыя дѣти.» Услыхавъ, что Александръ уѣхалъ изъ Пскова, Кадита заключилъ съ Псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, послѣ чего митрополитъ Феогностъ съ Новгородскимъ владыкою благословили посадника и весь Псковъ (1329 г.).

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и когда гроза приутихла, возвратился къ женѣ въ Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіи. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери: Псковъ, по формамъ своего быта, не могъ быть наследственнымъ княжествомъ для сыновей его; относительно же родной области онъ зналъ старыя обычаи, по которымъ дѣти изгнаннаго князя не могли надѣяться на наследство; по словамъ лѣтописи, Александръ разсуждалъ такъ: «Если умру здѣсь, то что будетъ съ дѣтьми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ: такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества.» Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Федора попытаться, нельзя ли какъ-нибудь умилостивить хана, и узнавши, что есть надежда на успѣхъ, въ 1337 году отправился самъ къ Узбеку: «Я сдѣлалъ много зла тебѣ,» сказалъ онъ хану, «но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, будучи готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ.» Узбекъ сказалъ на это окружавшимъ: «Князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти,» и позволилъ ему занять Тверской столъ; князь Константинъ Михайловичъ, волею или неволею, уступилъ княжество старшему брату.

Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью: скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что Тверской князь не могъ поладить съ

Московскимъ, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видимъ, что бояре Тверскіе отъезжаютъ отъ Александра къ Московскому князю⁴⁰⁴. Споръ могъ кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага: въ 1339 году онъ отправился съ двумя сыновьями въ Орду, и въ слѣдъ за этимъ Александръ получилъ приказъ явиться туда же: зовъ этотъ послѣдовалъ думою Калиты, говоритъ лѣтопись⁴⁰⁵. Александръ уже зналъ, что кто-то оклеветалъ его предъ ханомъ, который опять очень сердитъ на него, и потому отправилъ передъ собою сына Ѳедора, а за нимъ уже отправился самъ по новому зову изъ Орды. Ѳедоръ Александровичъ встрѣтилъ отца и объявилъ ему, что дѣла идутъ плохо; проживши мѣсяцъ въ Ордѣ, Александръ узналъ отъ Татаръ пріятелей своихъ, что участь его рѣшена. Узбекъ опредѣлилъ ему смерть, назначилъ и день казни. Въ этотъ день, 29 октября, Александръ всталъ рано, помолился, и видя, что время проходитъ, послалъ къ ханшѣ за вѣстями, сѣлъ и самъ на коня и поѣхалъ по знакомымъ разузнавать о своей участи, но вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, что она рѣшена, что онъ долженъ ждать въ этотъ самый день смерти, дома ждалъ его посланный отъ ханши съ тою же вѣстію. Александръ сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался, причастился; то же самое сдѣлали и сынъ его Ѳедоръ и бояре, потому что никто изъ нихъ не думалъ остаться въ живыхъ. Ждали послѣ того не долго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцъ; Александръ вышелъ самъ къ нимъ на встрѣчу— и былъ рознятъ по составамъ вмѣстѣ съ сыномъ. Калита еще прежде уѣхалъ изъ Орды, съ великимъ пожалованіемъ и съ честью; сыновья его возвратились послѣ смерти Александровой, пріѣхали въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, по словамъ лѣтописи. Тверской столъ перешелъ къ брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется собираемъ и возстановителемъ Тверской волости послѣ Татарскаго опустошенія⁴⁰⁶.

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предуга-

дывали они, то и случилось: Московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, снѣвши воспользоваться этою силою, чтобы примыслить сколько можно больше къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій: три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ опричинна въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы; ни одинъ изъ Константиновичей Ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, ни одинъ слѣдовательно не могъ усилить свой наследственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старшій изъ городовъ сѣверныхъ долженъ былъ испытать тяжкія насилія отъ младшаго изъ пригородовъ: отнялись отъ князей Ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава! говорить лѣтописецъ⁴⁰⁷. Присланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ отъ князя Ивана Даниловича, какъ воевода какой-нибудь, вельможа Василій Кочева, и другой съ нимъ Миняй. Наложили они великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало Ростовцевъ должны были передавать Москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но кромѣ того принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина Ростовскаго, Аверкія, Москвичи стремилавъ повѣсили и послѣ такого поруганія чуть жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ Ростовскаго княжества въ другія страны. — Мы не знаемъ, по какому случаю, вслѣдствіе какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ позволилъ себѣ Калита такіе поступки въ Ростовскомъ княжествѣ; должно полагать, что Ростовскимъ княземъ въ это время былъ Василій Константиновичъ⁴⁰⁸. Со стороны утѣсненныхъ князей не обошлось безъ сопротивленія: такъ Московскій князь встрѣтилъ врага въ зятѣ овоемъ, Василіи Давыдовичѣ Ярославскомъ, внуку Феодора Ростиславича Чернаго; Василій, какъ видно, дѣйствовалъ заодно съ Александромъ Тверскимъ и помогалъ ему въ Ордѣ, ибо есть извѣстіе, что Калита посылалъ перехватить его на дорогѣ къ хану; но Ярославскій князь отбился отъ Московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человекъ, до-

стигъ Орды, благополучно возвратился оттуда, и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій Московскихъ: Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву: насиліе очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ. — Изъ другихъ князей упоминаются: князь Александръ Васильевичъ Суздальскій, помогавшій Калитѣ опустошать Тверскія волости; Александръ умеръ въ 1332 году, его мѣсто занялъ братъ его, Константинъ Васильевичъ, участвовавшій въ походѣ подъ Смоленскъ. Стародубскій князь Ѳеодоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Ордѣ въ 1329 году. Мы видѣли, что Галичъ и Дмитровъ достались брату Александра Невскаго, Константину Ярославичу, у котораго упоминаются сыновья — Давыдъ, князь Галицкій и Дмитровскій и Василій, послѣ котораго видимъ раздѣленіе волости, ибо подъ 1333 годомъ говорится о смерти князя Бориса Дмитровскаго, а подъ 1334 годомъ о смерти Ѳеодора Галицкаго. Упоминается князь Романчукъ Бѣлозерскій. Подъ 1338 годомъ упоминается князь Иванъ Ярославичъ Юрьевскій: это должно быть потомокъ Святослава Всеволодовича. — Объ убіеніи князя Ивана Ярославича Рязанскаго въ летописи упомянуто въ разсказѣ о походѣ Татаръ съ Калитою на Тверь; сынъ и преемникъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ Коротополь, возвращаясь въ 1340 году изъ Орды, встрѣтилъ родственника своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, отправлявшагося туда же съ данью или выходомъ, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль Рязанскій и тамъ велѣлъ убить; явленіе это объясняется тѣмъ, что старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одни знать Орду, т. е. собирать дань и отвозить ее къ хану. — Въ Смоленскѣ княжилъ Иванъ Александровичъ; какъ видно, надѣясь на отдаленность своего княжества, онъ не хотѣлъ подчиняться хану и возить выходъ въ Орду, и потому Узбекъ въ 1340 году послалъ войско къ Смоленску, куда велѣлъ также идти и всѣмъ князьямъ Русскимъ: Рязанскому, Суздальскому, Ростовскому, Юрьевскому, Друцкому, Ѳоминскому и Мордовскимъ князьямъ; Московскій Великій Князь самъ не пошелъ, но отправилъ свое войско подъ начальствомъ двоихъ воеводъ — Алек-

сидра Ивановича и Федора Акинеевича. Эта рать пожгла посады Смоленскіе, пограбила села и волости; нѣсколько дней посюла подъ Смоленскомъ и пошла назадъ: Татары пошли въ Орду съ большимъ полономъ и богатствомъ, а Русскіе князья возвратились домой здоровы и цѣлы.

Новгородцы, освобожденные Московскимъ княземъ отъ нашествія Тверскаго, не могли доброжелательствовать наследникамъ Михайловымъ; они признали своимъ княземъ Дмитрія, потомъ Александра Михайловича¹⁰⁰, когда онъ возвратился съ ярлыкомъ изъ Орды: но не приняли къ себѣ Александра послѣ убійства Шевкалова, взяли намѣстниковъ Московскаго князя и стояли за послѣдняго противъ Александра и Псковичей. Но Калита скоро показалъ Новгородцамъ, что переимѣнилось только имя, и что значеніе Твери, относительно Новгорода, перешло къ Москвѣ. Что же теперь спасетъ Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ спасти его какой-нибудь другой городъ, Москвѣ враждебный: слѣдовательно Новгородцы должны искать враговъ Московскимъ князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ Московскаго, то что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться въ Москвѣ, или искать соперника Московскому князю въ Литвѣ. Но Московскимъ князьямъ нужны были еще прежде всего деньги, чтобъ, съ одной стороны, задаривать хана, съ другой, закупать какъ можно больше селъ и городовъ въ другихъ княжествахъ; вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранить свой прежній бытъ, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ Великихъ князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита завпросилъ у Новгородцевъ серебра Закамскаго, старинной дани Печерской, и за отказъ взялъ Торжекъ, Бѣжецкій Верхъ, а въ слѣдующемъ году пришелъ въ Торжекъ со всеми князьями Низовскими и Рязанскими, и началъ опустошать Новгородскія волости. Новгородцы отправили пословъ звать Великаго князя въ Новгородъ, но онъ ихъ не послушалъ, и, не давши награды, поѣхалъ прочь. Новгородцы отправили за нимъ новыхъ пословъ, съ владыкою Василюемъ, которые нашли Калиту въ Переяславлѣ, давали ему пять сотъ рублей, только бы отсту-

пился отъ слободы, которую построилъ на Новгородской землѣ; много угаживалъ его владыка, чтобъ помирился, но онъ не послушался его. Любопытно, что тотчасъ во возвращеніи изъ своего неусыпнаго посольства къ Калитѣ, владыка Василій отправился во Псковъ, гдѣ уже Новгородскіе архіепископы не бывали семь лѣтъ; во Псковѣ княжилъ въ это время врагъ Московскаго князя, Александръ Тверской, у котораго владыка Василій окрестилъ сына Михаила; можно думать, что все это происходило вслѣдствіе размолвки Новгорода съ Калитою. Александръ и Псковичи находились въ тѣсной связи съ Литвою, и вотъ подъ тѣмъ же 1333 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говорить, что вложилъ Богъ въ сердце князю Нариманту-Глѣбу, сыну Великаго князя Литовскаго Гедимина, прислать въ Новгородъ съ прозьбою позволить ему поклониться Св. Софїи; Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно прїѣхалъ, принять былъ съ честью, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, и получилъ пригороды — Ладогу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ Корельскою землею и половину Конорья въ отчину и дѣдину. По другимъ извѣстіямъ, Новгородцы еще прежде уговорились объ этомъ съ Наримантомъ¹⁰. Какъ бы то ни было, уговоръ этотъ былъ исполненъ тогда, когда Новгороду сталъ нуженъ союзъ Литвы противъ Московскаго князя. На слѣдующій годъ Калита принялъ съ любовію пословъ Новгородскихъ и самъ ѣздилъ въ Новгородъ; не извѣстно, что было причиною такой перемѣны: Новгородцы ли уступили всѣмъ требованіямъ Калиты, или послѣдній смягчилъ свои требованія, опасаясь связи Новгородцевъ съ литвою и Александромъ Псковскимъ? можно думать также, что миръ заключенъ былъ не безъ участія митрополита, у котораго передъ тѣмъ былъ владыка Василій. Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи причины явленій не показаны; но по всему видно, что Калита не могъ долго сносить пребыванія Александра Тверскаго во Псковѣ. Въ 1335 году Калита собрался съ Новгородцами и со всею Низовскою землею идти на Псковъ, но почему-то походъ былъ отложенъ, хотя Псковичамъ и не дали мира; намѣреніе слѣдовательно воевать съ ними не было оставлено, и Московскій князь продолжалъ ласкать Новгородцевъ: въ томъ же году онъ позвалъ къ себѣ въ Москву на честь владыку, посадника, тысяцкаго, знатнѣйшихъ бояръ, и самъ гово-

рять летописецъ, бывши въ Москвѣ, много чести видѣли. Но въ тотъ самый 1337 годъ, когда Александръ Тверской отправился изъ Понова въ Орду и помирился съ ханомъ, Калита вдругъ, забывши крестное цѣлованіе послалъ рать свою на Двину за Волокъ, ибо заволочкія владѣнія и доходы Новгородцевъ всего больше должны были соблазнить Московскаго князя; но предпріятіе не удалось: Московскія войска были посрамлены и поражены, какъ выражается летописецъ; имѣли ли какую-нибудь связь эти два событія — поѣздка Александра въ Орду и разрывъ Калиты съ Новгородомъ — не извѣстно. Новгородцы могли надѣяться, что возстановленію Александра на отцовскомъ столѣ и новая борьба его съ Калитою помѣшаютъ послѣдному тѣснить ихъ; но Московскій князь не терялъ времени, и Александръ погибъ въ Ордѣ. Новгородцы отправили къ Великому князю пословъ съ выходомъ, но Калита послалъ къ нимъ своихъ просить другаго выхода: «Дайте мнѣ еще царевъ запросъ, чего у меня царь запросилъ». Новгородцы отвѣчали: «этого у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлени Новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ». Калита велѣлъ своимъ наместникамъ выѣхать изъ Новгорода, и не было ему съ нимъ мира.

Прежде, когда было много князей — соперниковъ, перемѣнявшихъ охотно волости свои, Новгородъ рѣдко оставался долгое время безъ князя: на смѣну одного спѣшилъ другой; но теперь, когда князья усѣлись неподвижно каждый въ своей наследственной волости, въ Новгородѣ вмѣсто князя видимъ уже бояръ наместниковъ великокняжескихъ, которые выѣзжаютъ при первой размовкѣ Новгородцевъ съ Великимъ княземъ, и Новгородъ предоставляется самому себѣ. Вслѣдствіе этого новаго порядка вещей, стороны, партіи княжескія должны были исчезнуть: канія могли быть княжескія партіи въ Новгородѣ во время Калиты, когда Новгородъ могъ имѣть дѣло только съ однимъ Великимъ княземъ, который разъ, много два пріѣдетъ въ Новгородъ на самое короткое время? Тверской партіи не могло быть, потому что ни Михайлъ, ни сыновья его не жили въ Новгородѣ, не могло быть и вслѣдствіе постоянно враждебныхъ отношеній; Великимъ князьямъ и не нужно теперь имѣть въ Новгородѣ приверженную къ себѣ сторону, ихъ цѣль рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока имъ нужно брать съ него

какъ можно больше денегъ; они знаютъ, что Новгородъ будетъ ихъ, если они будутъ сильны, сильнѣе всѣхъ другихъ, но извѣстное расположеніе Новгородцевъ не дастъ имъ этой силы. Любопытно, что съ описываемаго времени лѣтописецъ Новгородскій становится видимо равнодушенъ къ сѣнѣ посадниковъ, начинаетъ часто пропускать ихъ; мы уже прежде упоминали объ этихъ пропускахъ. Подъ 1315 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о врученіи посадничества Семену Климовичу и послѣ того до самаго 1331 года нѣтъ ни слова о посадникахъ въ лѣтописи; въ этомъ году встрѣчаемъ извѣстіе о посадникѣ Вареоломѣѣ; но подъ слѣдующимъ 1332 годомъ говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, при чемъ пограбили дворъ Семена Судокова, а у брата его Ксенофонта села пограбили; но Захаръ не долго былъ посадникомъ: въ томъ же году онъ былъ сверженъ и на его мѣсто избранъ Матвѣй. Подъ 1335 годомъ упоминается новый посадникъ Федоръ Даниловичъ, неизвѣстно когда и на чье мѣсто избранный. Прежде еще подъ 1327 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, во время котораго народъ пограбилъ и пожегъ дворъ Евстафія Дворанища; потомъ, подъ 1335 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ, во время которой едва не дошло до кровопролитія: по обѣимъ сторонамъ Волхова граждане стояли съ оружіемъ, но потомъ сошлись въ любовь. Что касается до принятаго на кормленіе Литовскаго князя Нариманта, то Новгородцы съ самаго начала увидали ненадежность этихъ союзовъ съ Литвою: въ 1338 году, когда Новгородцы вели войну со Шведами, Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не пріѣхалъ, даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставилъ только своихъ на мѣстниковъ.

По извѣстіямъ Новгородской лѣтописи, Псковичи взявши къ себѣ въ князя Александра Тверскаго, признали въ то же самое время зависимость свою отъ Литвы: естественно Псковъ долженъ былъ употребить это средство, чтобъ защитить себя въ случаѣ новаго движенія сѣверовосточныхъ Русскихъ князей по настоянію Калиты и по приказу ханскому. Имѣя особаго князя, Псковичи хотѣли получить полную независимость отъ Новгорода, хотѣли имѣть и особаго епископа. Въ 1331 году новонз-

Бравный Новгородскій владыка Василій отправился для посвященія своего на Волинь, гдѣ находился тогда митрополитъ Θεогность. Но въ то же время къ митрополиту явились послы изъ Пскова, отъ князя Александра вмѣстѣ съ послами отъ Гедимина и всѣхъ другихъ князей Литовскихъ; они привели съ собою монаха Арсенія, прося митрополита чтобъ поставилъ его владыкою во Псковъ; но Θεогность отказалъ имъ въ просьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ при этомъ: «Псковичи хотѣли поставить себѣ Арсенія на владычество, но осрамились, пошли прочь ни съ чѣмъ отъ митрополита изъ Волинской земли; они Новгородъ считали за ничто уже; вознеслись высокоуміемъ своимъ, но Богъ и св. Софія низлагаютъ всегда высокоумящихъ, потому что Псковичи измѣнили крестному цѣлованію къ Новгороду, посадили къ себѣ князя Александра изъ Литовской руки.» Мы видѣли, что въ 1333 году было сближеніе Новгорода со Псковомъ и его княземъ, вслѣдствіе разрыва Новгородцевъ съ княземъ Московскимъ; но потомъ когда въ 1335 году Новгородцы помирились съ Калитою, то снова началась вражда съ Псковомъ; въ 1337 году, владыка Василій поѣхалъ во Псковъ для своихъ святительскихъ дѣлъ, на подъядъ, какъ тогда выражались; но Псковичи суда ему не дали; и онъ поѣхалъ прочь, проклявши ихъ.

Еще въ 1316 и 1323 году источники западные упоминаютъ о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Норвегією; въ 1326 году заключенъ былъ миръ между ними на 10 лѣтъ. Въ 1337 году у Новгородцевъ началась война со Шведами, опять по поводу Корель, которые подвели Шведовъ, побили Новгородскихъ и Ладожскихъ купцовъ и всѣхъ христіанъ, находившихся въ ихъ землѣ, а сами убѣжали въ Выборгъ, и выходя оттуда, били Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы съ посадникомъ Феодоромъ Даниловичемъ отправились въ Неву, и стояли подъ Орѣшкомъ, пересылаясь съ Шведскимъ воеводою Стеномъ; но переговоры кончились ничѣмъ; Новгородцы возвратились домой; а Шведы съ Корелою много воевали по Обонъжью, а потомъ сожгли посадъ у Ладоги. Мстить имъ за это ходили молодцы Новгородскіе съ воеводами: они повоевали Шведскую Корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлѣбъ пожгли, скотъ изрубилъ, и пришли домой все здоровы

съ половецъ. По ихъ удаленіи Шведы вышли изъ Выборга, воевали Телдогу⁴¹¹, и оттуда вошли на Вотскую землю, здѣсь ничего не взяли, потому что жители преостереглись; Копоряне напали на нихъ въ небольшомъ числѣ и разбили. Послѣ этого пришли послы въ Новгородъ изъ Выборга, отъ воеводы Петрика, и объявили, что Шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ ее своевольно Стенъ воевода. Новгородцы отправили въ Выборгъ своихъ пословъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ Шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 году Новгородцы отправили двоихъ пословъ, да еще третьяго отъ владыки, за море, къ Шведскому князю и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ; о Корелѣ же сказали такъ: «Если наши побѣгутъ къ вамъ, то съките ихъ и въжайте; если и ваши прибѣгутъ къ намъ, то и мы съ ними будемъ дѣлать то же самое, чтобъ изъ-за нихъ ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тѣхъ не выдадимъ, потому что они покрещены въ нашу вѣру, да и мало ихъ осталось, всѣ вомерли гнѣвомъ Божиимъ.» На западѣ волновались Корелы, на сѣверо-востокѣ, въ Двинской области Финскія племена также не хотѣли быть спокойны: подъ 1329 годомъ опять встречаемъ извѣстіе, что Новгородцы, шедшіе въ Югру, были перебиты Устюжскими князьями. — Въ 1326 году пріѣзжали въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ Гедимина, Воинъ, князь Полоцкій, Василій, князь Минскій, и князь Федоръ Святославичъ; они заключили миръ съ Новгородцами и Нѣмцами. Но въ 1335 году, не смотря на этотъ миръ и не смотря на то, что Литовскій князь Наримантъ кормился на пригородахъ Новгородскихъ, Литва повоевала Новотожорскую волость; Великій князь былъ въ это время въ Торжкѣ, и немедленно послалъ свое войско въ Литву; оно сожгло города Литовскіе — Освяченъ⁴¹², Рясну и много другихъ.

Подъ 1329 годомъ лѣтописи упоминаетъ объ убіеніи въ Дерптѣ Новгородскаго посла, мужа честнаго, Ивана Сыпа: но о слѣдствіяхъ этого убійства не говоритъ ничего. И въ Псковской лѣтописи съ 1323 до 1341 года мы не встречаемъ извѣстій о войнѣ съ орденомъ Ливонскимъ. Причина была та, что уже давно

еще съ конца XIII вѣка въ Ливоніи происходили усобицы. Мы видѣли, что главнѣйшій дѣятель при утвержденіи Нѣмецкаго владѣтельства въ Ливоніи, былъ епископъ Рижскій, но старшію котораго былъ учрежденъ рыцарскій Орденъ, необходимо становившійся въ служебное отношеніе къ Рижской церкви. Но миръ не могъ долго сохраняться между двумя учрежденіями, изъ которыхъ у одного были матеріальныя средства, право снѣжъ, меча, у другаго же одни права историческія и духовныя; первое не могло долго подчиняться послѣдному; но епископы также не хотѣли уступитъ магистрамъ Ордена своего первенствующаго положенія, и слѣдствіемъ этого была усобица. Особенно разгорѣлась она при магистрѣ Бруно и архіепископѣ Іоаннѣ Фонъ-денъ-Фехтѣ, при чемъ, не имѣя достаточно собственныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ рыцарями, епископъ и Рижане призвали себя на помощь Литовцевъ язычниковъ! Началась ожесточенная война; въ теченіе 18 мѣсяцевъ дано было девять битвъ, большую часть которыхъ выиграла рыцари; но въ 1298 году Литовскій князь Витинесъ вторгнулся въ Ливонію, встрѣтился съ юфскомъ рыцарей на рѣкѣ Аа, и нанесъ имъ страшное пораженіе: магистръ Бруно, 60 рыцарей и множество простаго войска полегли въ битвѣ; ободренныя побѣдою, войска Рижскія и Литовцы осадили Орденскую крѣпость Неумюль, но потерпѣли подъ нею пораженіе отъ Тевтонскихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь своимъ Ливонскимъ собратіямъ. Не видя возможности одолѣть Орденъ матеріальными средствами, епископы Ливонскіе обратились къ другимъ: въ это время, т. е. въ началѣ XIV вѣка вниманіе западной Европы обращено было на страшный процессъ Крамовыхъ рыцарей; Великій магистръ ихъ уже былъ въ окончѣхъ вѣстѣ съ братіями, находящимися во Франціи, и не наивѣрность Филиппа Красиваго грозила печальнымъ окончаніемъ процесса. Это подало надежду Ливонскимъ епископамъ, что подобная же участь можетъ постигнуть и Нѣмецкій Орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Въ 1308 году они подали папѣ обвинительный актъ, въ которомъ приписывали Ордену не успѣхъ въ обращеніи Литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семигаліи, когда тѣ были уже христіанами и проч.; нашлось обвиненіе и въ родѣ тѣхъ, которыя тяготѣли надъ несчастными Тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получалъ рану въ

битвѣ, то остальные товарищи добивали его и сожигали тѣло по обычаю язычниковъ. Папа Климентъ V нарядилъ комиссію мѣстъ для изслѣдованія справедливости жалобъ; дѣло кончилось ничѣмъ; епископы не удовлетворились такимъ окончаніемъ его и когда король Польскій завелъ споръ съ Орденомъ о землѣ Неморской, когда архіепископъ Гнзевскій, епископы Куявскій, Плоцкій и Познанскій встали противъ Ордена, то архіепископъ Рижскій соединился съ ними, въ надеждѣ, что такое сильное возстаніе достигнетъ наконецъ своей цѣли — низложенія Ордена. Всего больше архіепископъ и Рижане настаивали на томъ, что князья Литовскіе и народъ ихъ давно были бы христіанами и католиками, еслибъ не препятствовали тому рыцари — обманомъ, имѣвшее на своей сторонѣ вѣроятность: еслибъ въ самомъ дѣлѣ Литва приняла христіанство, то Орденъ, котораго цѣль было обращеніе язычниковъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Не смотря однако на всѣ старанія епископовъ, Великій магистръ фонъ Беефартъ выигралъ въ Авиньонѣ дѣло въ пользу Ордена, который былъ оправданъ во всѣхъ вводимыхъ на него обвиненіяхъ: самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу Ордена послужило представленное Беефартомъ папѣ оригинальное письмо архіепископа и Рижанъ къ Литовскому князю съ просьбою напасть на владѣнія Ордена. Но дѣло, рѣшенное въ Авиньонѣ, далеко было до окончанія своего въ Ливоніи, потому что при такой долгой борьбѣ за самые существенные интересы ненависть съ обѣихъ сторонъ достигла высшей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись въ надеждѣ повредить Ордену процессомъ у папы, Рижане обратились опять къ прежнему средству и вошли въ сношенія съ Литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда магистръ Ливонскій Ебергартъ фонъ Монреимъ рѣшился окончить дѣло орудіемъ и, собравши большое войско, осадилъ Ригу. Около года длилась осада; но наконецъ Рижане, терпя сильный голодъ, заперли мѣра, и получили его на тяжкихъ условіяхъ: лучшіе граждане должны были явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра положить всѣ свои привилегіи. Потомъ, велѣвши засыпать части городскихъ рововъ и понизить валы, магистръ заложилъ новую крѣпость, которая должна была сдерживать безпокойное народонаселеніе.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ Московскій князь Юаннъ Даниловичъ сталъ Великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей Русской землѣ и перестали Татари воевать ⁴¹³ ее. Таково было непосредственное слѣдствіе усиленія одного княжества, Московскаго, на счетъ всѣхъ другихъ; въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую землю отъ воровъ (татей ⁴¹⁴) — видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя на счетъ всѣхъ другихъ, что вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя на счетъ другихъ съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ, началась давно: Михаилъ Хоробритъ Московскій, Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Андрей Городецкій показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двухъ княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Данилѣ, началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества, и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества, далъ имъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской земли ⁴¹⁵.

Калита умеръ 31 марта 1341 года, не успѣвъ окончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ. До насъ дошли двѣ его духовныя грамоты ⁴¹⁶: между тремя сыновьями и женою подѣлялъ онъ свое движимое и недвижимое имѣніе: старшему Семену отдано 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примисли Юрія Даниловича — Можайскъ и Коломна; второму сыну Ивану 23 города и селенія, изъ нихъ главный Звенигородъ и Руза; третьему Андрею 21 городъ и селеніе, изъ нихъ вѣзвѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми оная 26. Такимъ образомъ величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству: самый старшій и матеріально сильнѣе, при томъ города его значительнѣе, наприм, Можайскъ былъ особымъ княжествомъ; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимирскую съ Переяславлемъ ⁴¹⁷.

Въ то самое время какъ на сѣверовостокѣ Русская земля собиралась около Москвы, такое же сбирание Русскихъ волостей въ одно цѣлое происходило и на югозападѣ. Давно уже можно было ожидать, что дѣло собранія старой, югозападной Руси предназначено князьямъ Галицко-Волинскимъ, потомкамъ Романа Великаго. Случайныя обстоятельства были въ пользу этихъ князей, въ пользу скорого собранія югозападной Руси: въ старшемъ сынѣ Романовомъ съ блестящею храбростію соединился ясный смыслъ, государственное пониманіе, отношенія его къ брату Васильку Волинскому представляютъ образецъ братской любви и согласія. Волости не дробятся, ибо сынъ Василька, Владиміръ, умирая бездѣтнымъ, отказываетъ Волинь сыну Данилову, Мстиславу; мало того, при сынѣ Льва, Юріи, видимъ соединеніе Галича и Волини подъ одну власть; при внукѣ этого Юріа, Юріи II-мъ видимъ также соединеніе обѣихъ волостей, потому что этотъ князь ишетъ свои грамоты то во Львовѣ, то во Владиміръ. Не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, югозападная Русь не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей изъ племени Романа Великаго; мы не знаемъ никакихъ подробностей о княженіи внуковъ Даниловыхъ, мы знаемъ только имена ихъ и титулы, какъ они сохранились въ грамотахъ ихъ къ Нѣмецкому Ордену: читаемъ въ этихъ грамотахъ имя Юріа, который называетъ себя королемъ Русскимъ и княземъ Владимірскимъ; въ другой грамотѣ находимъ имена сыновей его, Андрея и Льва, наконецъ есть позднѣйшія грамоты отъ Андреева сына Юріа, князя всей Малой Россіи ⁴¹⁶. Эти грамоты важны для насъ еще въ другомъ отношеніи: они показываютъ, что въ Галичѣ и на Волини бояре и дружина сохранили по прежнему своеважное значеніе, ибо грамоты написаны не отъ имени одного князя, но также отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины вообще ⁴¹⁷; въ числѣ бароновъ (боаръ) упоминается и епископъ Галицкій; послѣдняя грамота Юріа II-го относится къ 1335 году. Но въ то время, какъ югозападная Русь не воспользовалась благопріятными обстоятельствами, и замесняла въ старинѣ своей, сосѣдніа государства, Литовское и Польское успѣли усилиться внутри единовластіемъ и приобрѣли такимъ образомъ возможность дѣйствовать наступательно на Русь. Мы видѣли, что по смерти Миндовговой предположенное соеди-

веніе Руси съ Литвою не состоялось: Литовцы, послѣ убіенія Воишелова, выбрали себѣ князя изъ своего народа. При этомъ князь и его преемникахъ продолжалось и окончилось начатое еще прежде утвержденіе Литовскаго господства въ Русскихъ княжествахъ — Полоцкомъ, Туровскомъ и отчасти Волынскомъ. Въ 1315 г., послѣдовала перемѣна въ династіи князей Литовскихъ, произведенная знаменитымъ Гедиминномъ. Прямѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наводнены источники Литовской и Малероссійской исторіи, служатъ извѣстія о происхожденіи Гедимина: одни ⁴²⁰ говорятъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ Великаго князя Витенеса, въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго убилъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другіе утверждаютъ ⁴²¹, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ престолъ Литовскій по смерти отца, пораженнаго громомъ. ⁴²²

Въ самомъ началѣ княженія Гедимина уже упоминается о столкновеніяхъ его съ князьями Русскими, Галицкими и Волынскими; ищемъ принять извѣстіе, что эти князья хотѣли, сообщая съ Нѣмецкимъ Ордемомъ, сдержать опасныя стремленія Литовскаго владѣльца и первые начали противъ него наступательное движеніе. Но за вѣрность дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ борьбы историкъ ручаться уже не можетъ; по однимъ свидѣтельствамъ въ 1320 году Гедиминъ предпринялъ походъ на Владимиръ-Волынской, гдѣ княжилъ Владиміръ Владиміровичъ, подъ предводительствомъ котораго граждане оказали упорное сопротивленіе; наконецъ князь Владиміръ палъ, и столичный городъ его отворилъ ворота побѣдителю, причемъ въ войскѣ Гедиминовомъ Литва занимала незначительную часть, большинство же состояло изъ Русскихъ — Полочанъ, жителей Новгородка, Гродна ⁴²³. Такимъ образомъ по однимъ извѣстіямъ, Владимірское княжество завоевано Гедиминномъ; но по другимъ ⁴²⁴, Владиміръ, Луцкъ и воевода Волынская досталась Любарту, сыну Гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, принялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владимиромъ, взятъ былъ Любартомъ въ приданое за женою; а по другимъ извѣстіямъ, въ Луцкѣ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи князя Владимірскаго, бросилъ свой столичный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ, гдѣ у него были родственники. Луцкъ поддался Гедиминову, и бояре, собранные со всей

Волини, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежнія права, обычаи, вѣру. На слѣдующій 1321 годъ ⁴⁰⁰ Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой-то князь Станиславъ; на помощь къ нему пришелъ Олегъ, князь Переяславскій, Святославъ и Василій, князья Брянскіе и, вмѣстѣ съ ними, бѣжавшіи изъ Волини князь Левъ. Надъ рѣкою Ирпеньемъ сошлись непріятели — и Гедиминъ побѣдилъ; князья Олегъ и Левъ были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Брянскъ съ тамошними князьями. Бѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ граждане, не видя ни откуда помощи, обратились на вѣче и рѣшили поддаться Литовскому князю, который съ триумфомъ въѣхалъ въ Золотые ворота. Другіе города Русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старыи порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Намѣстникомъ въ Кіевъ былъ назначенъ Миндовгъ, князь Гольшанскій. Новгородская летопись подъ 1331 годомъ упоминаетъ о Кіевскомъ князѣ Фѣдорѣ, который, вмѣстѣ съ Татарскимъ баскакомъ, гнался, какъ разбойникъ, за Новгородскимъ владыкою Василіемъ, шедшимъ отъ митрополита изъ Волини; Новгородцы, провожавшіе владыку, остереглись, и Фѣдоръ не посмѣлъ напасть на нихъ ⁴⁰¹.

Какъ бы то ни было, переворотъ, произведенный на сѣверѣ своими князьями, потомками св. Владиміра, былъ произведенъ и югѣ княземъ Литовскимъ, который, тѣмъ или другимъ способомъ собралъ Русскую землю подъ одну власть. Гедиминъ умеръ въ 1339 году, оставивъ семерыхъ сыновей — Монвида, князя Керачевского и Слонимскаго, который скоро послѣдовалъ за отцемъ въ могилу; Нариманта—Глѣба, князя Туровскаго и Пинскаго, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедиминъ оставилъ Олгерда, который женившись на дочери князя Витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; кромѣ Олгерда, отъ Ольги Гедиминъ имѣлъ другаго сына, Кейстута, князя Трокскаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны Русской, онъ оставилъ Любарта — Владиміра, князя Волинскаго, Коріата Михаила, князя Новгородскаго, наконецъ Евнутія, князя Виленскаго. Послѣдній, не смотря на то, что былъ самый младшій, получилъ однако стольный городъ отцовскій, быть можетъ, по стараніямъ матери своей

но двое старшихъ Гедиминовичей—Олгердъ и Кейстутъ отняли у Евнутія старшій столъ. Олгердъ и Кейстутъ жили между собою очень дружно, говорить лѣтописецъ западной Руси⁴²⁷, а князь Великій Евнутіи, державшій старшинство, не полюбился имъ, и стоворились они между собою, какъ бы Евнутія изъ Вильны выгнать. Сговорившись положили срокъ, въ который день взять Вильну подъ братомъ Евнутіемъ. Князь Олгердъ изъ Витебска не успѣлъ къ тому сроку, а князь Кейстутъ одинъ напалъ на Вильну и прорвался въ городъ; Великій князь Евнутіи спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ ноги и попался въ плѣнъ. Привезли его къ брату Кейстуту: тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца сказать Олгерду, чтобъ шелъ скорѣе въ Вильну, и что Евнутіи уже въ ихъ рукахъ. Когда Олгердъ пришелъ, то Кейстутъ сказалъ ему: «Тебѣ слѣдуетъ быть Великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно». И посадилъ его на Великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнутію далъ Изяславъ. Потомъ уговорились оба князя между собою, чтобъ всей братии слушаться князя Олгерда; условились что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлить по поламъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Олгердъ и Кейстутъ поклялись, и сдержали клятву. Такъ рассказываетъ лѣтописецъ Литовскій; Московскій же лѣтописецъ говорить, что Олгердъ и Кейстутъ напали внезапно въ Вильнѣ на двухъ братьевъ, Нариманта и Евнутія; жители города испугались, и Наримантъ бѣжалъ въ Орау, а Евнутіи сперва во Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву, къ преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ⁴²⁸ (1346 г.).

Но въ то время, какъ единовластіе утверждалось въ восточной Руси, благодаря князьямъ Московскимъ, и въ западной вслѣдствіе подчиненія ея князьямъ Литовскимъ, въ Польшѣ также утвердилось оно послѣ великихъ смутъ, происходившихъ въ этой странѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Мы видѣли, что въ 1300 году въ Краковѣ утвердился чужой князь, Вячеславъ, король Чешскій. Но по смерти Вячеслава, Владиславу Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ и успокоить Польшу (1319 г.). Правленіе Локетка особенно замѣча-

тельно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому что король, имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ; такимъ образомъ при Локеткѣ положено начало той шляхетской воли и власти, которыя имѣли такое сильное вліяніе на будущую судьбу Польши, были главною причиною ея паденія. Тщетно синь и преемникъ Владислава Локетка, Казимиръ Великій старался обуздать эту волю и власть, и защищать иносшее народонаселеніе: онъ не могъ произвести никакой перемѣны въ этомъ отношеніи⁴⁴. Въ исторіи югозападной Руси Казимиръ Великій замѣчательнѣе тѣмъ, что ему удалось присоединить къ Польшѣ Королевство Галицкое. Какъ видно, потомство Романа Великаго въ мужескомъ колѣнѣ пресѣклось смертію Юрія II-го, и преемникомъ послѣдняго въ Галичѣ мы видимъ племянника его отъ сестры Маріи, Болеслава, князя Мазовецкаго. Но Болеславъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе новыхъ подданныхъ: онъ угнѣталъ ихъ тяжкими податями, насилывалъ ихъ женъ и дочерей, окружилъ себя Поляками, Чехами, Нѣмцами, раздавалъ имъ должности мимо туземцевъ, наконецъ старался ввести латинство. Галичане отравили его ядомъ; тогда Казимиръ Великій, пользуясь несогласіемъ бояръ относительно выбора князя, въ два похода успѣлъ овладѣть княжествомъ Мстислава Торопецкаго и Данила Романовича (1340 г.).

На восточной сторонѣ Днѣпра замѣчательны для насъ событія, происходившія въ княжествѣ Брянскомъ; замѣчательны они по соответствію событіямъ, которыя видимъ въ другихъ княжествахъ Русскихъ въ описываемое время: вездѣ князья обнаруживаютъ одинакія стремленія — усилиться во чтобы то ни стало на счетъ другихъ, и вездѣ борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохраненія, принимаетъ суровый характеръ, сопровождается кровавыми явленіями. Подъ 1309 годомъ летописецъ говоритъ, что князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ племянника своего, князя Василія изъ Брянска, и самъ сѣлъ на его мѣсто. Василій ушелъ въ Орду жаловаться хану на дядю, и въ слѣдующемъ году пришелъ подъ Брянскъ съ Татарскимъ войскомъ. Въ городѣ всталъ сильный мятежъ. Въ это время находился здѣсь митрополитъ Петръ, который сталъ уговаривать

Святослава подѣлиться властью съ племянникомъ, или, оставивши ему все, бѣжать изъ города, а не биться. Но Святославъ надѣялся на свою силу и на мужество; былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, очень храбръ и потому не послушался митрополита, отвѣчалъ ему: «Господи! Бряццы меня не пустятъ, они хотятъ за меня головы свои сложить». Святославъ не хотѣлъ даже защищаться въ стѣнахъ города, но вышелъ на полдень пути отъ Брянска и сразился съ Татарами. Последніе, по обычаю, сначала поирачили воздухъ стрѣлами, потомъ, когда дѣло дошло до копій и сабель, то Бряццы — крамольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, выдали князя Святослава, бросили стяги и побѣжали; Святославъ остался только съ однимъ дворомъ своимъ, бился долго, наконецъ былъ убитъ. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви и тамъ спасся отъ Татаръ. Князь Василій, овладѣвши Брянскомъ, не терялъ времени и случая: въ томъ же году ходилъ съ Татарами къ Корочеву, и убилъ тамошняго князя Святослава Мстиславича. Смерть Василя Брянскаго поимѣнена подъ 1314 годомъ; въ 1333 упоминается о походѣ князя Дмитрія Брянскаго на Смоленскъ съ Татарами: бились много и заключили миръ¹³⁰. Въ 1340 году Бряццы, злые крамольники, по выраженію лѣтописца, сошлись въчемъ и убили князя своего Гдѣба Святославича, не смотря на увѣщанія митрополита Феогноста. — Въ Корочевскомъ княжествѣ князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василюемъ Пантелеичемъ, въ 1339 году.

Г Л А В А VI.

СОБЫТІЯ ВЪ КНЯЖЕНІЕ СЫНОВЕЙ ІОАННА КАЛИТЫ.

(1341—1362).

Симеонъ Гордый; подручническія отношенія князей къ нему. Походы Симеона на Смоленскъ и Новгородъ. Волненія въ Новгородъ, Твери и Рязани. Событія въ Ярославль и Муромъ. Дѣла Татарскія и Литовскія. Ольгердъ и борьба его съ Тевтонскимъ орденомъ. Войны Пскова съ Литовскими Пѣцанги, Новгорода съ Шведами. Договоръ В. К. Симеона съ братьями. Черная смерть. Кончина и погребеніе Симеона Гордаго. Соперничество преемника его Іоанна съ Суздальскимъ княземъ. Война съ Рязанью. Судьба Московскаго Тмыцкаго, Алексѣя Петровича Хвоста. Усобицы въ Муромъ, Твери и Новгородъ. Отношенія къ Орду и Литвѣ. Смерть В. К. Іоанна. Торжество сына его Дмитрія надъ Суздальскимъ княземъ Московскіе бояре.

По смерти Калиты всѣ Русскіе князья отправились въ Орду; но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ Московскимъ княземъ было невозможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Симеона, Великимъ княземъ Владимирскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ; но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось; они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками: «всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Симеона», говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемену, что сынъ Калиты заставилъ ихъ ее почувствовать, доказательствомъ служитъ прозваніе Гордаго, которое они ему дали. Есть извѣстіе⁴²¹, что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ Татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними

настоящими отношеніями; знали, къ чему поведетъ такая поспѣшность.

Какъ бы то ни было, князья повиновались Симеону; Тверь не узнала болѣе о берѣбѣ: князь ея Всеволодъ Александровичъ казался отъ мести за отца своего сыну Калиты, и отдалъ за Симеона Московскаго сестру свою Марію въ 1346 году, а въ 1349 году племянникъ Александровъ Михайлъ, сынъ Великаго князя Тверскаго, Василя Михайловича, женился на дочери Симеоновой. Въ 1351 году лѣтопись упоминаетъ о походѣ Симеона съ двумя братьями — Иваномъ и Андреемъ на Смоленскъ, послы Смоленскіе встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили миръ; причины похода и условія мира неизвѣстны⁴²². — Въ то время, какъ Симеонъ, по смерти отца своего, находился въ Орды, Новгородскіе молодцы, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, воевали и пожгли Устюжну; жители послѣдней нагнали ихъ и отняли добычу; но потомъ молодцы эти повоевали Бѣлозерскую волость. Мы видимъ, что Калита купилъ Бѣлозерскъ; Симеонъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ городъ уже какъ на свою собственность; когда онъ возвратился изъ Орды, то первымъ его дѣломъ было послать въ Торжокъ за сборомъ дани, и чѣмъ сборщики стали притѣснять жителей. Новоторжцы попросили помощи у Новгородцевъ, и тѣ отправили войско, которое внезапно овладѣло Торжкомъ, схватило великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани, перековало ихъ съ жнами и дѣтьми, укрѣпило городъ, а Новгородцы между тѣмъ послали въ Москву сказать Симеону: «Ты еще не съѣлъ у насъ княженіи, а уже бояре твои насильничаютъ.» Новоторжцы, изъ мести Великаго князя, послали сказать Новгородцамъ, что они сѣли на коней и спѣшили къ нимъ на помощь; но Новгородская не захотѣла выступить въ походъ. Тогда Новоторжская чернь, вида, что изъ Новгорода рать не приходитъ, встала на бояръ, говоря: «Зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватили княжихъ людей, и намъ теперь приходится за это погибать!» Черные люди вооружились, наѣли бродяги, пошли на дворы, гдѣ содержались Московскіе плѣнники, пободили ихъ; а Новгородцевъ выпроводили изъ города, погнавъ бросились на своихъ бояръ, дома ихъ разграбили, хоромы сжигали, села опустошили, одного боярина Семена Внучка

убили на вѣчь, остальные убѣжали въ Новгородъ. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ съездъ всѣмъ князьямъ Русскимъ — Симеонъ Гордый шелъ въ походъ на Новгородъ; съ нимъ вѣстовъ отъ вилсы и митрополитъ Феогностъ. Новгородцы, узнавъ, что великій князь въ Торжкѣ со всею землею Низовскою, начали бирать всю свою волость къ себѣ въ городъ, но сперва пожелали кончить дѣло миромъ: владыку Василия отправили битымъ челомъ къ митрополиту, а тысяцкаго съ боярами къ Великому князю. Симеонъ согласился на миръ по старымъ грамотамъ Новгородскимъ, но взялъ за это черный боръ по всей волости и 1000 рублей съ Торжка; послѣ чего отпустилъ намѣстника въ Новгородъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Симеонъ кромѣ денегъ еще требовалъ еще неслыханнаго до тѣхъ поръ униженія отъ словъ Новгородскихъ; прозваніе: Гордый побуждаетъ въ этомъ свидѣтельству⁴²². Только въ 1347 году Симеонъ, по званію владыки Василія, пріѣзжавшаго за тѣмъ въ Москву, отправилъ въ Новгородъ, гдѣ сѣлъ на столъ и пребылъ три недѣли.

Сторонъ княжескихъ теперь не могло быть болѣе въ Новгородѣ, ибо не льзя стало болѣе выбирать изъ многихъ князей существованіе сильныхъ сторонъ боярскихъ очевидно изъ сказовъ лѣтописца о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода. Подъ 1313 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о смерти посадника Варемея, сына Юрія Мишинича; мѣсто его заступилъ прежній посадникъ Федоръ Дамиловичъ. Вскорѣ послѣ этого Лука Варемичъ, какъ видно сынъ умершаго посадника, противъ воли Новгорода, не взявши благословенія ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячихъ холопей, пошелъ за Волокъ на Двину, поставилъ городокъ Орлецъ, и, набравши Емчанъ⁴²³, остошилъ всю землю заволоцкую по Двинѣ, взялъ всѣ погоски на щить; потомъ, отпустивши сына своего Овицифора на Вышь, выхалъ воевать только съ двумя стами человекъ, и былъ убитъ Заволочанами. Когда пришла въ Новгородъ вѣсть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андрюшку, да на посадника Федора Дамиловича, пограбили ихъ дома и села, обидѣли ихъ въ убійствѣ Луки. Федоръ и Андрюшка убѣжали въ Вепорье и сидѣли тамъ всю зиму до Великаго поста, когда возвратился съ Ваги Овицифоръ и сталъ битъ на нихъ челомъ Новгороду: «Федоръ и Андрюшка заслади убить моего отца,» —

Ферилъ онъ. Владыка и Новгородъ послали архимандрита съ боярами въ Копорье привести оттуда обывшихъ; Ѳедоръ и Андрей прѣехали и объявили: «не думали мы на брата своего Луку, чтобъ его убить, не засылали на него.» Тогда Оницѣоръ вмѣстѣ съ Матвѣемъ ⁴³³ собрали вѣче у св. Софїи, а Ѳедоръ и Андрей собрали другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Оницѣоръ и Матвѣй послали было на это вѣче владыку, но не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, были разбиты, Матвѣй Коска (Козка) съ сыномъ попались въ руки враговъ, а Оницѣоръ убѣжалъ съ своими пособниками. Это случилось утромъ; послѣ обѣда вооружился весь городъ, раздѣлившись на двѣ стороны: однако владыка Василій съ великокняжескимъ наместникомъ Борисомъ помирили гражданъ: крестъ былъ возвеличить, а дьяволъ посрамленъ, говоритъ лѣтописецъ. Послѣ этого, какъ видно, посадникомъ былъ избранъ Евстаѣй Дворянинецъ; въ 1345 г., онъ былъ лишень посадничества, которое было отдано упомянутому выше Матвѣю Вареломѣвичу, по всѣмъ вѣроятностямъ дядѣ Оницѣорову, сыну покойнаго посадника Вареломея: «Божією благодатію, говоритъ лѣтописецъ, не было ссоры между ними», т. е. между старымъ и новымъ посадникомъ. Потомъ, какъ видно, Матвѣй опять скоро былъ свергнутъ и замѣщенъ Дворянинцемъ, по смерти котораго видимъ въ 1348 году посадникомъ опять Ѳедора Даниловича. Въ 1350 году Ѳедоръ Даниловичъ былъ свергнутъ, и посадничество отдано извѣстному Оницѣору Лукиничу; но этимъ дѣло не кончилось: скоро Ѳедоръ выгнали съ тремя братьями, пограбили дома ихъ и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Псковъ, а потомъ въ Копорье.

Въ остальныхъ княжествахъ происходили волненія другаго рода. Въ Твери до 1346 года княжилъ Константинъ Михайловичъ. Стремясь, подобно всѣмъ князьямъ усилить себя на счетъ судитей, онъ началъ тѣснить вдову брата своего Александра, Анастасію и сына его, Всеволода Александровича, князя Холмскаго, силою захватывалъ бояръ и слугъ ихъ ⁴³⁴. Всеволодъ не могъ сносить этихъ притѣсненій, и ушелъ въ Москву къ Симеону; потомъ въ томъ же 1346 г., и Константинъ, и Всеволодъ прѣехали въ Орду, гдѣ Константинъ умеръ, а Всеволодъ выхлопоталъ у хана ярлыкъ на княженіе, не смотря на то, что у него

оставался еще дядя, Василий Михайловичъ, князь Кашиинскій. Последний, услыхавъ о обратной смерти, сѣвшилъ также въ Орду, но зная, что туда не захѣлъ ѣздить съ пустыми руками, взявъ дань съ племянниковои Холмской волости, и отправился; Всеволодъ, узнавши о поступкѣ дяди и о поѣздкѣ его въ Орду, выѣхалъ оттуда къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ ханскимъ посланцемъ и ограбилъ его, вслѣдствіе чего Василий долженъ былъ возвратиться въ свою отчину — Кашиинъ. Понятно, что вражда между дядею и племянникомъ не кончилась этимъ, а только началась: «была между ними ссора, говоритъ лѣтописецъ, а люди Тверскимъ тягость, и многіе люди Тверскіе отъ такого нестроения разошлись; вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролитія». Однако любопытно, что кровопролитія не было: не любили его сѣверные князья, старались копить дѣло какими-нибудь другими средствами. Въ 1349 году епископу Феодору удалось помирить князей: Всеволодъ уступилъ Тверь дядѣ, и оба укрѣпились между собою крестнымъ договоромъ, поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ, и вотъ когда узнали, что князья помирились, то пошли къ нимъ отовсюду люди въ города ихъ и волости, народонаселеніе умножилось, и въ Тверичи сильно радовались. Но радовались они не долго: только что Василий получилъ ярлыкъ изъ Орды, какъ началъ опять сердиться на племянника, припоминая, какъ тотъ ограбилъ его на дорогѣ въ Орду; средства къ угнѣтенію племянника употреблены были и Василиемъ тѣже самыя, какія прежде употреблялъ Константинъ: онъ сталъ притеснять бояръ и слугъ Холмскаго князя. Но подобныя явленія происходили не въ одномъ Тверскомъ княжествѣ: мы видѣли, что Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ Коротополь убилъ родственника своего Александра Михайловича Пронскаго. Въ 1342 году сынъ убитаго Александръ Ярославъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ и выгналъ самаго Коротопола изъ Переяслава Рязанскаго ⁴²⁷; потомъ встрѣчаемъ известіе, что Коротополь былъ убитъ — неизвѣстно, гдѣ, кѣмъ и какъ, а годъ 1344 годомъ упоминается о смерти Ярослава Пронскаго. — Годъ 1349 годомъ упоминается о смерти Рязанскаго князя Василия Александровича, какъ видно, брата Ярославова, послѣ чего видимъ въ Рязани княземъ знаменитаго Олега Юанновича. Въ 1344 году умерли князья — Ва

дній Давыдовичъ Ярославскій и Василій Муромскій; преемникъ послѣдняго, Юрій Ярославичъ обновилъ отчину свою Муромъ, давшій издавна, со временъ первыхъ князей; Юрій поставилъ дворъ свой въ этомъ городѣ, его примѣру послѣдовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

Въ Орду въ 1340 году умеръ Ханъ Узбекъ; старшій сынъ и преемникъ его, Тинбекъ (Исанбегъ) былъ убитъ въ 1342 году младшимъ братомъ своимъ Чанибекомъ. Пять разъ ходилъ Симоновъ Московскій въ Орду, и всякій разъ возвращался оттуда со многою честію и пожалованіемъ, по выраженію лѣтописца: Татарскихъ опустошеніяхъ, насиліяхъ баскаковъ и пословъ слышно и въ княженіе Симеона, какъ въ княженіе отца его; только разъ подъ 1347 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о приходѣ Ордынскаго князя Темира подъ городъ Алексинъ: Татары взяли посадъ и возвратились въ Орду съ большой добычею. Съ отношеніями Татарскими при Симеонѣ соединились Литовскіе князья и видѣли, что въ то самое время, какъ на сѣверовостокъ усилились Московскіе князья и стали собирать Русскую землю, на западъ тоже самое дѣло совершено было князьями Литовскими; но какъ скоро обѣ половины Руси собрались въ два сильныя тѣла, то и вступили въ борьбу между собою; Гедиминъ захватилъ подчиненіемъ себя волости югозападной Руси; сынъ его Олгердъ, спокойный съ этой стороны, обратилъ вниманіе на сѣверовосточную. Олгердъ, по отзыву нашего лѣтописца, былъ человекъ уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ, вина, пива, меду и никакого хмѣльнаго напитка не употреблялъ, и отъ этого приобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоювалъ и увеличилъ свое княжество⁴²⁸. Въ 1341 году Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, пожегъ посадъ, на города взять не могъ⁴²⁹. Онъ видѣли, что Евнуцій, братъ Олгердовъ, нашелъ убійцу въ Москвѣ у Симеона. Но литовскіе князья, подобно соперникамъ своимъ, князьямъ Московскимъ, отличаются большою гордостью въ своемъ поведеніи, не любятъ рѣшительныхъ сраженій, открытой борьбы, гдѣ въ одной битвѣ можно потерять брачное многолѣтними трудами. Олгердъ, коварству котораго и является лѣтописецъ, вздумалъ погубить Московское княже-

ство посредствомъ Татаръ, для чего въ 1349 году отправилъ брата своего Кориада къ Чангбеку просить у него помощи Симеона. Тотъ, ушавши объ этомъ, немедленно послалъ съ зать хану: «Олгердъ опустошилъ твои улусы (югозападные Рускія волости) и вывелъ ихъ въ плѣнь, теперь тоже хочетъ съдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, разбогатѣвши, вооружится и на тебя самого». Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ справедливость словъ Симеоновыхъ, задежалъ Кориада и выдалъ его Московскому князю. Олгердъ пресмирѣлъ на время, и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами челобитьемъ, прося освободить брата: Симеонъ исполнилъ просьбу. Мало того, оба брата, Олгердъ и Любарть, женатые и прежде на княжнахъ Русскихъ, и овдовѣвшіе, въ одинъ годъ приехали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любарть племянницу, княжну Ростовскую, а Олгердъ свояченицу княжну Тверскую. Симеонъ спросился митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, вѣроятно имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для православной югозападной Руси, г. Любарть Волынской боролся съ Казимиромъ Польскимъ, угнѣтвшимъ православіе⁴⁴⁰.—Съ Новгородомъ также было у Олгерда враждебное столкновение въ 1346 году: Литовскій князь вошелъ въ Новгородскіе предѣлы со всею братьею и со всею Литовскою землею, сталъ на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее Пшаги, послалъ объявить Новгородцамъ: «Хочу съ вами видѣться: бранилъ меня посадникъ вашъ, Евстаеій Дворянинецъ, называюсь имъ», — послѣ чего опустошилъ страну по рѣкамъ Шелони и Луги, и пошелъ домой; Новгородцы вышли было противъ него на Лугу, но возвратились къ себѣ въ городъ, собрали вѣче и убили посадника своего Дворянинца, крича ему: «Изъ-за тебя опустошили нашу волость».

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда дѣйствовать нерѣшительно противъ сѣверо-восточной Руси: онъ сдерживался на западѣ опасною борьбою съ Нѣмецкимъ Орденемъ, влияние котораго на судьбы восточной Европы становится такимъ образомъ еще важнѣе. Мы видѣли, что торжествомъ своимъ надъ Пруссамъ Орденъ былъ обязанъ преимущественно не раздѣленію на многія независимыя племена, не могшія поточивъ выставить завоевателямъ дружнаго сопротивленія. Но борьба и

решающаго характера, когда рыцари, окончивъ завоеваніе Пруссіи, обратились на Литву, ибо здѣсь, благодаря стремленіямъ Швидовга и его преемниковъ, они должны были имѣть дѣло съ объединенными силами цѣлой страны, силами, которыя постоянно увеличивались, сначала толпами Пруссовъ, которыя бѣжали отъ него Нѣмцевъ, потомъ Русскими волостями, входившими въ составъ Великаго княжества Литовскаго. Послѣдніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго вѣка протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на Литовскія области и Литовцевъ на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на Литовскомъ берегу Нѣмана. Неудачны были рѣчные походы рыцарей по Нѣману; огромная барка ихъ, сдѣланная въ видѣ пловучаго острожка, съела на мель и была сожжена Литовцами; одинаково неудачны были и походы сухопутные; взятіе Литовскихъ крѣпостей стоило Ордену много трудовъ и крови. Въ 1336 году прибылъ въ Пруссію маркграфъ Брандебургскій, графъ Геннебергскій и графъ Намурскій съ многочисленными войсками, чтобъ помогать Ордену въ войнѣ съ язычниками. Магистръ Ордена воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся вмѣстѣ съ союзниками на Литву и осадилъ Пунэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ острожкѣ укрылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всемъ имуществомъ. Въ Христіанскомъ ополченіи было много военныхъ машинъ, которыя такъ успешно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долге и, не смотря на то, рѣшились лучше погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдать ся врагу; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ была уже раскачена таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда Литвины перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, огромноденный среди крѣпости, зажгли его, и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга; большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, при видѣ входящихъ непріятелей. Нѣмцы без-

препятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ Литвинны бросались сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ сдержал свое слово: онъ бился еще съ частью отчаянныхъ храброецовъ и когда всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ скрывалъ жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1345 г., когда Великимъ магистромъ Ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арабергъ. Новый магистръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ болѣе усиліями, съ болѣе ожесточеніемъ. Арабергъ проникъ въ Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности, потомъ встретился съ Литовскими и Русскими полками Олгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчь, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Слѣдствіемъ побѣды было новое опустошеніе Литовскихъ областей. Но Олгердъ не долго заставилъ ждать мести: онъ вторгнулся съ братьями въ предѣлы Орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, какъ было настигнуто Великимъ магистромъ: произошелъ новая злая битва, и опять Литовцы потерпѣли пораженіе. Съ такимъ-то опаснымъ врагомъ долженъ былъ бороться Олгердъ на Западѣ.

Прекращеніе внутренней борьбы дало возможность Ливонскому Ордену возобновить свои нападенія на Псковъ. Въ 1341 году безъ объявленія войны, Нѣмцы убили Псковскихъ пословъ Псковичи отомстили имъ опустошеніемъ Ливонскихъ областей, видя, что скоро должно ожидать сильнаго нападенія, начали кланяться Новгородцамъ, чтобъ тѣ дали имъ намѣстника и помощь; Новгородцы не дали ни того, ни другаго, а между тѣмъ Нѣмцы пришли со всею силою, поставили городокъ на Псковской землѣ⁴⁴¹. Псковичи начали мелкую войну, ѣздили воевать Нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца: двое удалцовъ—Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, подговоривши 60 человекъ Порѣчанъ⁴⁴², послали спросить Островичей⁴⁴³: «Хотите ли ѣхать воевать Латыгору?» Островичи согласились и назначили срокъ когда собраться всѣмъ вмѣстѣ на княземъ селѣ—Изгойхъ. Порѣчане выѣхали въ назначенное мѣсто и время; но Островичи

соединилъ, а между тѣмъ Нѣмецкіи отряды, состоявшіе болѣе чѣмъ изъ 200 человекъ, пошли опустошать Псковскую область; 60 человекъ Псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться съ Нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до полудня; потерявъ Додошча и Солосича и еще семь человекъ своихъ, утомившись и отступили; очень было имъ тогда притужно, говорить летописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились Островичи съ посадникомъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили съ свѣжими силами на Нѣмцевъ, однихъ убили, другіе потонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ группами, бросились бѣжать, покинувши мертвыхъ. Потомъ 50 молодыхъ Псковичей сговорились идти на Нѣмцевъ подъ начальствомъ Каложи Карпа Даниловича, и въ то же самое время Нѣмцы перѣехали Нарову рѣку и стали воевать Псковскія села ю берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними на Кушели, гдѣ села на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на прилѣтѣ 20 Нѣмцевъ, а остальныхъ побѣжали прочь со стыдомъ, бросивши все, что пограбили. Зимой 1342 года Володша Стрѣльничъ поднялъ Псковичей воевать Нѣмецкія села; поѣхали по льду, по льду, и услыжавъ, что Нѣмцы воюютъ село Псковское Рѣмду, отправились туда и поразили ихъ.

Еще при самомъ началѣ непріятельскихъ дѣйствій, Псковичи, видя, что ни откуда нѣтъ помощи, послали въ Витебскъ, къ Литовскому князю Олгерду, велѣли сказать ему: «Братья наши Изборскіи насъ покинули, не помогаютъ намъ; помоги намъ ты, господинь!» Олгердъ не оставилъ Псковскаго слова безъ вниманія, и пріѣхавъ во Псковъ самъ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, волками Литовскими и Русскими. Воевода Олгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу добывать язика и наткнулся на сильную рать Нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человекъ своей дружины, Юрій прибѣгалъ въ Изборскъ, и на другой день явились подъ этимъ городомъ Нѣмцы, «загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога, съ поками, городами и со многими замышленіемъ, и оступили городъ Изборскъ, хотя плѣнить домъ св. Николы.» Тяжко было то время Изборску, послали жители его гонца во Псковъ «со ногою тугою и печалію»; но князь Олгердъ и Кейстутъ и мужи

идъ. Литовци отреклись идти вратами Нѣмецкой силы; Олгердъ говорилъ Псковичамъ: «Сидите въ городѣ, насажайтесь, бойтесь съ Нѣмцами, и если только не будетъ у васъ крамоли, то ничто вамъ не сдѣлаютъ. А если мнѣ пойти съ своею силою на великую ихъ силу, то сколько тамъ падеть мертвыхъ, и кто знаетъ чей будетъ верхъ? Если, Богъ дастъ, и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу, а какая будетъ изъ этого польза?»⁴⁴⁴. Пять дней стояли Нѣмцы подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому не могъ долго держаться. Послѣ этого Псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и съѣсть у нихъ во Псковѣ на княженіи; Олгердъ отвѣчалъ: «Я уже крещенъ, я уже христіанинъ, въ другой разъ креститься не хочу, и садиться у васъ на княженіе не хочу.» Онъ согласился только на то, чтобъ сынъ его Андрей крестился и остался княжить въ Псковѣ⁴⁴⁵. Но увѣжая изъ Пскова, Олгердъ и Кейстутъ истребили въ Псковской области хлѣбъ и травы, такъ что зимою у жителей пало много лошадей и скота отъ безкормицы. Тогда Псковичи, видя что помощи нѣтъ ни откуда, помирились съ Новгородомъ. Иначе разсказываетъ дѣло Новгородскій лѣтописецъ: въ началѣ войны, по его словамъ Псковскіе послы пріѣхали въ Новгородъ съ поклономъ: «Идетъ на насъ рать Нѣмецкая, говорили они, кланяемся вамъ, господамъ своимъ, обороните насъ». Новгородцы, не медля ни мале, запечатали всѣ общины⁴⁴⁶, и выступили въ походъ, кто въ великую пятницу, а кто въ субботу. Но когда они дошли до селъ Мелетова⁴⁴⁷, пріѣхали опять послы Псковскіе и объявили: «Кланяемся вамъ: рати на насъ нѣтъ; пришли Нѣмцы, но они ставятъ городъ на рубежѣ на своей землѣ». Новгородцы сначала хотѣли продолжать путь, но потомъ послушались просьбы пословъ и возвратились домой.

Въ маѣ 1343 года Псковичи, уговорившись съ Изборянами, подняли всю область Псковскую и поѣхали воевать Нѣмецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они непріятельскія селы около Медвѣжьей головы (Оденпе), не слѣзая съ лошадей, воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы, собравши силу, погнавши въ слѣдъ за ними и догнали не далеко отъ Новаго Городка (Ней-

(русские) Нямцы; на Маломъ Борку ⁴⁴⁰. Стали Псковичи на
 войну, помолились: Св. Троице, святымъ князьямъ своимъ —
 Ярославу и Тимовою (Давидову), преставились другъ съ другомъ
 и сказали: «Не опозоримъ отцовъ, потянемъ за Св. Троицу и за
 Св. князей, за свое отечество!» Была съча большая, и Богъ по-
 соби Псковичамъ, побили они Нямцовъ и стали на костяхъ, по-
 сранили 17 человекъ убитыми; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ
 разошались отъ безсонницы и погибли, блуждая по лѣсу; иные
 прочее выжили послѣ рати. Между тѣмъ, еще при самомъ на-
 чалѣ битвы, Руда, священникъ Борисоглѣбскій, пригналъ въ Из-
 борскъ и распустилъ лихую вѣсть, что всѣхъ Псковичей и Из-
 борчанъ Нямцы побили; ту же вѣсть перенесъ и во Псковъ. Здѣсь
 поднялся плачь и вопль, какого никогда прежде не бывало; от-
 ридали гонимъ въ Новгородъ Оуму, старосту поповскаго, ска-
 зать тамъ: «Псковичи всѣ побиты, а вы Новгородцы, братья на-
 ши, ступайте скорѣе, чтобъ Нямцы не взяли прежде васъ горо-
 да». Омятывавшись однако немного, послали провѣдать, точно
 ли правду сказалъ Руда, и нашли, что Псковичи, которыхъ счи-
 тали мертвыми, своейно сняты въ станъ подъ Изборскомъ. Силь-
 ная радость сдѣлала горе, когда пришла во Псковъ эта добрая
 вѣсть. — Лѣтъ шесть потомъ не было слышно о Нямцахъ; но
 въ 1348 году, когда войско Псковское находилось въ Новгород-
 скихъ областяхъ, помогая Новгороду въ войнѣ со Шведами,
 Нямцы начали жечь Псковскія села, а весной 1349 года отрядъ
 ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ во Псковѣ
 Литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ Ням-
 цовъ и былъ убитъ при первой стычкѣ: была тогда во Псковѣ
 скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и по-
 ложили его въ церкви Св. Троицы. Въ томъ же году Нямцы поста-
 вили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою, Псковичи подняли всю
 свою область и поѣхали — одни въ лодкахъ, другіе на лошадяхъ,
 двинулись къ новому городку, обступили и зажгли его; Нямцы и
 Чудь, которые въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались
 изъ крѣпости, и были побиты Псковичами. Во всѣхъ этихъ вой-
 нѣхъ не упоминается о князѣ Андрѣе Олгердовичѣ: онъ не жилъ
 самъ во Псковѣ, а держалъ намѣстника. Пока этимъ намѣстни-
 комъ былъ храбрый и любимый Юрій Витовтовичъ Псковичи мол-
 чали; но, послѣ смерти его, они послали сказать Андрѣю: «Тебѣ

было, князь, сидѣть самому во Нюновѣ на кнѣзствѣ; а наместниками Пскова не держать: когда тебѣ не угодно сидѣть у насъ, въ другомъ мѣстѣ владѣннѣ, то наместниковъ твоихъ не держати. Этимъ поступкомъ Нюновичи наваникали на себя своихъ враговъ: Олгердь и Андрей немедленно захватили въ свои владѣннѣ всехъ купцовъ Псковскихъ, товаръ у нихъ отняли, самихъ отпустили только тогда, когда они заплатили оккупъ; кромѣ того Андрей изъ Полоцка поведовалъ Псковскія села; Нюновичи отомстили ему тѣмъ же.

— Въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду произошла важная перемена вслѣдствіе войны Шведской. Еще во время малолѣтства короля Магнуса Бриксона собрана была въ Швеціи десятизна для крестоваго похода на Русскихъ — язычниковъ, какъ величались они въ павскихъ булахахъ. Въ 1348 году Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣчу отъ имени короля: «Прившлите на съѣздъ своихъ епископовъ, а я прешлю своихъ, пусть они переговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру, если же наша лучше, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ все какъ одинъ человекъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою.» Владыка Василій, посадникъ Федоръ Даниловичъ, тысяцкий Аврамъ и все Новгородцы, подумавши, велѣли отвѣчать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху, потому что мы приняли отъ Грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида; то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ» и послали къ нему Аврама тысяцкого съ боярами. Но Магнусъ отвѣчалъ посламъ: «Обиды нѣтъ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете; такъ иду на васъ со всею моею силою;» — и отпустивши пословъ съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить Ижорчанъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рати пустилъ, всемъ попавшимся въ его руки Русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ Латинство. Но Русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли, говоритъ Шведская хроника⁴¹⁹; Новгородцы отправили противъ несправедливаго и злого намъ Овидифора Лукича съ малою дружиною; но Овидифо-

перу удалось съ шведскою войскою пройти воевать съ своего войска перебить 500 человекъ Шведовъ, другихъ взять въ плѣны, и послать переправить. Между тѣмъ посадникъ Ондора Даниловичъ съ наместникомъ воеводою воеводою, со всемъ войскомъ Новгородскимъ и Псковичами двинулся къ Ладогѣ, пославши сказать Великому князю Симеону: «Приходи, князь, къ намъ, оборонимъ свою отчину, идти не насъ король Шведский, нарушители крестное слово». Симеонъ отвѣчалъ: «Съ радостію иду, не держатъ меня дѣла ханскія.» Спустя нѣсколько времени ¹¹⁰, Симеонъ выступилъ въ походъ, но, дошедши до Сита ¹¹¹, возвратился назадъ въ Москву: гонецъ привезъ ему вѣстие, что ханъ: выдалъ ему Олгердова брата, Коріада; тогда Московскіе послы повелѣлъ Новгороду брата Симеоновъ Юаннъ. Этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, но въ Ладогу, къ Новгородскому войску не отправился, а между тѣмъ королю удалось овладѣть Оршанкомъ, гдѣ онъ захватилъ и пословъ Новгородскихъ, Аврама Кривошанскаго съ товарищами. Удовольствовавшись взятіемъ Оршанки, Магнусъ оставилъ въ немъ наместниковъ, а самъ отправился въ Швецію; князь Юаннъ, услышавъ о взятіи Оршанки, также пошелъ назадъ въ Москву, и Новгородцы съ Псковичами одни отправились осенью къ Оршанку, и взяли его. Не идучи къ Оршанку, Новгородцы, по выраженію летописца, дали жалованье Пскову, опредѣлили: посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не судить, ни судить: отъ владыки судить во Псковѣ Псковичу, изъ Новгорода Псковитянь на судъ не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни Софьянами, ни извѣтниками, ни баричами, и зовали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду ¹¹². Впрочемъ есть вѣстие ¹¹³, что Псковитяне плохо отблагодарили Новгородцевъ за это жалованье: они не хотѣли долго стоять подъ Оршанкомъ, и когда Новгородцы просили, чтобъ они ушли по крайней мѣрѣ ночью, то Псковичи не хотѣли исполнить и этой просьбы, но вышли изъ стана нарочно въ полдень, съ громкою музыкою. Черезъ годъ Магнусъ принималъ опять къ Русскимъ берегамъ, переночевалъ подъ Конорьемъ, и узнавши о приближеніи Новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море, гдѣ ждала его дружина, потребовавшая много Шведской рати въ устьѣ рѣки Нарома, а Новгородцы пошли къ Выбергу, пожгли окрестности, побили и разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ гонима, по-

договоръ въ Дерпгѣ заключили: платиликъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ ¹⁴⁴.

Опасная борьба шла на западныхъ границахъ; внутри разныхъ княжествъ происходила возмущеніи, усобицы княжескія, заставлявшія народъ выселиться изъ родной стороны; но Московское княжество было спокойно и при Симеонѣ, пока при отцѣ его; народъ не терпѣлъ ни отъ Татаръ, ни отъ усобицъ. Симеонъ жилъ мирно съ братьями, до насъ дошелъ любопытный договоръ его съ ними ¹⁴⁵. Договоръ начинается такъ: «Я, князь Великій Симеонъ Іоанновичъ всея Руси съ своими братьями младшими, съ княземъ Иваномъ и княземъ Андреемъ цѣловали между собою крестъ у отцовскаго гроба. Быть намъ заодно до смерти, брата старшаго имѣть и чтить въ отцово мѣсто; а тебѣ, Господинъ, князь Великій, безъ насъ не доканчивать ни съ кѣмъ». Вся эти выраженія, съ перваго разу, напоминаютъ старину, но въ старину князья не иначе называли другъ друга какъ: братъ, отецъ, сынъ; въ договорѣ же Симеона младшіе братья обещая, что будутъ держать старшаго въ отцово мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или не умѣютъ назвать его: отчего постоянно называютъ: «Господинъ, князь Великій!» Любопытно также, что братья всего больше толкуютъ о собственности, о своихъ участкахъ, младшіе выговариваютъ, чтобъ старшій братъ не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; также: «кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто впередъ что прикупать или примыслить чужое въ своимъ волостямъ, то все блудно, не обидѣть».

Если въ княженіе Симеона Русь не новытала ни кровавыхъ усобицъ, ни Татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 году явилась страшная язва—Черная смерть; въ 1353 году она поразила въ Москвѣ митрополита Феогноста, самого Великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея. Симеонъ умеръ еще очень молодой, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отдалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе жень, по смерти которой все это переходило къ брату Симеонову, Великому князю Іоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились теперь въ одинъ; и такимъ образомъ сила Великаго князя Іоанна увеличивалась вдвое. Мы видѣли, что третій сынъ Калиты, Андрей умеръ въ

одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился у него сынъ Владимиръ, получившій только одинъ удѣлъ отцовскій⁴⁰⁷. Въ завѣщаніи Симеона любовнико слѣдующее наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается осѣдность бояръ, вслѣдствіе новаго порядка вещей, явленіе старшихъ отцовскихъ бояръ, хранителей правительственныхъ предѣловъ, добрыхъ совѣтниковъ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде: «По отца нашего благословенію, что приказалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братья, жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые стануть васъ сворить; слушайте отца нашего, владыки Алексѣя, да старшихъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пишу вамъ это слово для того, чтобъ не перестала память родителей нашихъ и наша, чтобъ свѣча не угасла».

У брата Симеонова Іоанна явился соперникъ въ исканіи Великаго княженія Владимирскаго—то былъ Константинъ Васильевичъ, князь Суздальскій. Если мы предположимъ, что Константинъ происходилъ отъ Андрея Ярославича, а не Александровича, и былъ такимъ образомъ дядею сыновьямъ Калиты, то и тогда онъ не имѣлъ права на старшинство, ибо взялъ бы его не по отчичью и не по дѣдиню: ни отецъ, ни дѣдъ его не были Великими князьями⁴⁰⁸. Константинъ Суздальскій искалъ Великаго княженія не по старымъ правамъ, но по новымъ понятіямъ и отношеніямъ, по которымъ всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ. Объ отвагѣ Константина свидѣтельствуешь лѣтопись, говоря, что онъ княжилъ честно и грозно, оборонялъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ, при чемъ подъ сильными князьями нельзя разумѣть другихъ, кромѣ Московскихъ. Если Константинъ не могъ быть богатъ собственною казною, чтобъ перекупить ярлыкъ у Московскаго князя, то могъ получить денежную помощь изъ Новгорода, жители котораго, вѣрнѣе сказать Калитою, смиренныя Симеономъ не могли надѣяться добра отъ сильной Москвы, и старались, чтобъ великое княженіе перешло къ другому князю преемнику: узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего въ Оуду просить Великаго княженія Константину Суздальскому. Но все ихъ старанія были напрасны: ханъ выдалъ ярлыкъ Іоанну Московскому. Впрочемъ оспотала и Су-

адельский князь, из Новгородинъ не обратилъ вниманія на предѣлъ: Константинъ помирился съ Юванномъ передъ своимъ отъѣздомъ въ 1354 году; съ Новгородомъ у Московскаго князя полтора года не было мира.

Въ годъ смерти Симоновой Рязанцы взяли Лопасю, захватили здѣсь намѣстника Александра Михайловича, отвели въ Рязань и держали тамъ въ большомъ томленіи, пока не выкупили его изъ Москвы. Лопасня, принадлежавшая къ удѣлу малолѣтняго Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, и шесть другихъ мѣстъ были потеряны; во этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими пріобрѣтеніями въ Рязанской области⁴⁵⁵.

Внутри Московскаго княжества въ правленіе Ювана произошло слѣдующее замѣчательное событіе. Мы уже нѣтъ случай говорить, что при осѣдлости князей и бояре ихъ должны были пріобрѣсти большее значеніе въ княжествѣ; большее значеніе долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, получившій возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сразу безъ смѣны, могла даже явиться наследственность должности въ одномъ родѣ⁴⁵⁶. Но при такихъ обстоятельствахъ власти тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городскому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, потому могла быть опасна и самой власти княжеской. Въ описываемое время должность Московскаго тысяцкаго отправлялъ бояринъ Алексій Петровичъ Хвостъ. При Симеонѣ Гордомъ онъ поднялъ крамолу противъ Великаго князя, былъ изгнанъ, лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата: Симеонъ, Юваннъ и Андрей поклялись не принимать къ себѣ въ службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; Юваннъ особенно поклялся не отдавать Алексію Петровичу той части его имѣнія, которую онъ, Юваннъ получилъ отъ брата своего, Великаго князя Симоона⁴⁵⁷; — и не смотря на все это Алексій Петровичъ является тысяцкимъ въ княженіе Юванна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано во время заутрени, тѣло Алексія Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти: никто не видалъ, какъ совершилось убійство; но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей; обидою всѣмъ думоръ, князь погребъ Андрей Боголюб-

силъ отъ Кучковичей¹⁰². Сильный мятежъ всталъ въ городѣ въмѣстѣе этого убійства, и большіе бояре Московскіе отъѣхали въ Рязань съ женою и дѣтьми; но въ слѣдующемъ году Великій князь переезжалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ — Микамла и зятя его Василія Васильевича.

Въ другихъ княжествахъ продолжались прежнія явленія. Въ Муромской волости въ 1354 году князь Федоръ Глибовичъ, собравши большое войско, пошелъ къ Мурому на тамошняго князя Юрія Ярославича, выгналъ его и самъ сѣлъ на его мѣсто. Муромцы были ему рады и пошли съ нимъ въ Орду; но спустя недѣлю по отъѣздѣ Федора пришелъ въ Муромъ прежній князь Юрій, собралъ остальныхъ жителей Мурома и пошелъ также въ Орду судиться съ Федоромъ. По суду ханскому Муромское княжество досталось Федору Глибовичу; Юрій былъ выданъ сопернику, который посадилъ его въ крѣпкую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. — Въ Твери продолжалась вражда между дядею Василиемъ Михайловичемъ и племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Въ 1357 году митрополитъ Алексій привѣлъ въ Владимиръ, и туда явился къ нему князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобою на дядю. По митрополитичью слову, Василій Михайловичъ, заключилъ договоръ съ Великимъ княземъ Московскимъ, также пріѣхалъ въ Владимиръ судиться съ племянникомъ предъ митрополитомъ, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ владика Тверской Федоръ; много было между князьями споровъ, глаголанія, какъ говорятъ лѣтописецъ, но конечный миръ и любовь не состоялись. Московскій князь, какъ видно, держалъ сторону дяди, Василія, потому что когда потомъ оба соперника отправлялись въ Орду, и Всеволодъ хотѣлъ пробраться туда черезъ Переяславль, то наместники Московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Не мудрено, что и въ Ордѣ дѣло было рѣшено также въ пользу дяди; здѣсь ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Василю; и было, по словамъ лѣтописца, Всеволоду отъ дяди томленіе большое, много потерпѣлись и бояре и слуги Холмскаго князя, и чуждые люди.

Но успѣхи Александра были могущественный союзникъ, Олегъ, князь Литовскій, женою на родней сестрѣ его. Неизвестно, какииъ образомъ удалось Всеволоду уѣхать въ Лит-

бу; но когда онъ возвратился оттуда въ 1360 году, то Василій уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины.—Изъ друрикъ иже-зей летопись упоминаетъ подъ 1354 годомъ о смерти Дмитрія Федоровича Стародубскаго, которому наследовалъ братъ его, Иванъ Федоровичъ. Въ 1359 г., умеръ Смоленскій князь Иванъ Александровичъ, и его мѣсто заступилъ сынъ его Святославъ.

Въ Новгородѣ въ 1354 году посадникъ Опицѣоръ Лукничъ добровольно отказался отъ своей должности, и на его мѣсто былъ избранъ Александръ, братъ убитаго Дворянина. Но потомъ въ 1359 году упоминается уже другой посадникъ, Адрианъ Захарычъ, у котораго въ этомъ году было отнято посадничество, но не всѣмъ городомъ, а только однимъ Славенскимъ концомъ; на мѣсто Адриана былъ избранъ Сильвестръ Лентевичъ. Но другія части города не согласились на это избраніе, и на Ярославовъ дворъ произошла сѣча, потому что жители Славенскаго конца явились въ доспѣхахъ и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, бояръ многихъ били и грабили, одного убили до смерти. Это повело къ новой усобицѣ: Софійская сторона вооружилась, чтобъ отомстить за безчестье братьевъ своихъ, а Славенская по необходимости, чтобъ защищать имѣніе и головы свои; три дня враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, Славенцы переметали уже мостъ, какъ пришли два Владыки — старый Моисей изъ монастыря, гдѣ жилъ на покой, и новый Алексѣй, съ архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народъ, говоря: «Дети! не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣсту этому пустоты, не сходитесь на бой.» Толпы послушались и разошлись; но села Селивестровы были опустошены, взяли много селъ и у другихъ Славенцевъ, при чемъ погибло много и невиноватыхъ; посадникомъ былъ избранъ Никита Матѣемъч¹⁰⁰, какъ видно, сынъ прежняго посадника Матвѣя.

Въ Ордѣ ханъ Чавибекъ былъ убитъ въ 1357 году сыномъ своимъ Бердибекомъ; Русскій летописецъ говоритъ объ убійствѣ, что онъ былъ очень добръ къ христіанству, и при немъ была большая льгота землѣ Русской. Въ этомъ же году летописецъ упоминаетъ о Татарскомъ послѣ Комака, отъ котораго была большая истома князьямъ Русскимъ. Бердибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Кулюю, Куша Черрусомъ. Въ 1358 году сынъ

Бардубеннъ Маматкою, пришедши въ Рязанскую землю, прислали въ Москву къ Великому князю съ предложениемъ установить твердую границу между Московскимъ и Рязанскимъ княжествами; но Великій князь не пустилъ Маматкою въ свою отчину. — Опаснѣе былъ врагъ на Западѣ: подъ 1356 годомъ летописецъ говоритъ, что Литовцы овладѣли Ржевою⁴⁶⁶; въ тотъ же осенній годъ Олгердъ приходилъ подъ Брянскъ и подъ Смоленскъ, и вѣнчалъ сына у князя Василя Смоленскаго⁴⁶⁷. Этотъ Василій въ томъ же году пришелъ изъ Орды съ ярлыкомъ на Брянскъ, утвердился здѣсь, но скоро умеръ; послѣ его смерти, по словамъ летописца, былъ въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, смута великая и опустошеніе города, послѣ чего сталъ владѣть Брянскомъ Великій князь Литовскій. Въ 1358 году войско Тверское и Можайское отняло Ржеву у Литовцевъ; въ 1359 году Смоленяне воевали Бѣлзю⁴⁶⁸. Но Олгердъ не любилъ отдавать назадъ разъ что-нибудь взятое: въ томъ же году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, сынъ его Андрей взял опять Ржеву, и въ 1360 году самъ Олгердъ призжалъ смотрѣть этотъ городъ, вѣрно боясь, чтобы Русскіе въ другой разъ не отняли его у Литвы. Но къ счастью для слабыхъ княжествъ — Смоленскаго и Тверскаго, Олгердъ постоянно сдерживался на западъ Тевтонскимъ Орденомъ: борьба съ рыцарями шла одинаково не удачно для Литвы и при наследникѣ Арсберга, Вилрихѣ фонѣ Книпродѣ. Въ 1360 году Олгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго Патрикій сошлись съ Великимъ Магистромъ на границахъ Литовскихъ: битва продолжалась цѣлый день, и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву: его свалили съ коня, Патрикій ринулся въ середину непріятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, подмался и отбивался до тѣхъ поръ, пока подошелъ отрядъ Литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстутъ отъѣхалъ въ Мерсенбургъ, столицу Ордена и засадили въ тѣскую тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража, и не пускала въ палатку никого, кромѣ слуги приносящаго пищу; леопольдъ-слуга, прибавленный къ Магистру, отличившійся своею храбростію, былъ родомъ Литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Вмодельный разговоръ съ Кейстутомъ въ родномъ языкѣ, замѣтка и знаменитые подвиги Литовскихъ

го богатыря разбудили въ немъ давно уснувшую любовь къ своему отечеству: онъ далъ средство Койлоту уйти изъ заключенія и достигъ двора зятя своего, князя Мазовскаго. Койлоту не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивши рыцарямъ: онъ взялъ у нихъ два замка и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ Орденскими отрядами, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея и опять началъ готовиться ко вторженію въ Пруссію. Изъ 1362 или 1363 году отнесать побѣду Олгерда надъ Татарами при Синихъ водахъ, слѣдствіемъ которой было очищеніе Подолія отъ Татаръ.

У Новгорода со Шведами, а у Пскова съ Ливонскимъ Орденемъ войны не было въ княженіе Іоанна; встрѣчаемъ только извѣстіе о двукратномъ походѣ Псковичей къ Полоцку⁴⁰⁷.

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ Московскій, кроткій, тихій и милостивый князь, по словамъ лѣтописца. Іоаннъ умеръ еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Дмитрія и Ивана, и малолѣтнаго племянника, Владимира Андреевича. Слѣдовательно Московское княжество по смерти Іоанна находилось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, раздѣлялось на три участка, а именно: старшій сынъ Іоанна, Дмитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, младшій Иванъ участокъ отца своего, а двоюродный ихъ братъ, Владимиръ удержалъ волость отца своего, Андрея. Но Иванъ скоро умеръ (1365 г.), и Дмитрій опять соединилъ два участка, при которыхъ владѣлъ еще Владимирскою великокняжескою областію, съ прикупами дѣдовскими; Владимиръ Андреевичъ имѣлъ только одинъ участокъ отцовскій, борьба между братьями была по этому не возможна, и Владимиръ долженъ былъ подчиняться распоряженіямъ Дмитрія, какъ увидимъ въ послѣдствіи⁴⁰⁸.

Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И действительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и не доставали одного Московскаго, то ханъ отдалъ великокняжескую Владимирскую область князю Суздальскому, который получилъ ее не по отчизнѣ и не по дѣдинѣ, не вторгась въ татарскую, следовательно безо всякаго права. Еще замѣчательнѣе замѣть то, что добычу хана ярыкъ не старшій изъ Суздальскихъ князей: — Андрей

Константиновичъ, но младшій — Дмитрій. Андрей, по словамъ летописца, не захотѣлъ взять ярмыка; есть преданіе, будто онъ говорилъ: «слѣдѣвалось ярмыка — потратить только деньги, а потомъ, когда вырастетъ законный наследникъ, Дмитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, при томъ должно нарушить клятву, данную: отцу его»⁴⁶⁹. Дмитрій Константиновичъ думалъ иначе: онъ поѣхалъ во Владимиръ, и, чтобъ упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великодержавной. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей, князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степенъ, и начали стараться добыть ярмыкъ своему князю. Малютка Дмитрій отправился въ Орду; но тамъ не лезя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другаго: Неврусь былъ свергнутъ и убитъ Зайцкиимъ ханомъ Хидыремъ (Хидрбегъ), Хидыръ былъ убитъ сыномъ своимъ Темиръ-Ходжею, наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами; Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярмыкъ малолѣтнему ихъ князю. Есть извѣстіе⁴⁷⁰, что за Дмитрія Московскаго хлопотали въ Ордѣ также родственники его, князья Ростовскіе и Тверскіе, вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на Владимирскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослого. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей своихъ, Дмитрія, Ивана и Владимира, и выступили съ ними на Дмитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться Московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе Владимирское (1362 г.)

Такимъ образомъ бояре Московскіе, упрочивъ первенство за молодымъ княземъ своимъ, оправдали отзывъ объ нихъ Симеона Гордого. Но кто же были эти бояре, которые, во выраженію Симеона, отцу его добра хотѣли? Мы видимъ, что еще къ Юрію Давыдовичу въ Москву пришелъ служить изъ южной Руси бояринъ, Родіонъ Несторовичъ. Въ 1340 году Великій князь Юзачъ Давыдовичъ Калита отправилъ рать свою подъ Смоленскъ съ двумя полками: Александромъ Ивановичемъ и Валеромъ Акимовичемъ. Послѣдній долженъ быть сынъ знаменитаго Акимы, который въ наудольговію на Родіона, отъѣхалъ въ Тверь, а по-

гидъ при Переяславлѣ: сивовъи Акиноа могли перейти оуть изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ упоминаетъ шередъ тѣмъ объ отъѣздѣ многихъ Тверскихъ бояръ въ Москву, а что у Акиноа были два сына — Федоръ и Иванъ — это мы знаемъ также изъ лѣтописи ⁴⁷¹. Въ 1348 году вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ ходилъ въ Новгородъ воеводою изъ Москвы Иванъ Акиноевичъ. Наконецъ мы видѣли дѣйствующимъ въ Ростовѣ боярина Василя Кочеву. При Симеонѣ Гордомъ намѣстниками его въ Торжкѣ были Михаилъ Давыдовичъ и Иванъ Рыбникъ, да сборщикъ податей Борисъ Семеновъ. Вознамѣрившись жениться на княжнѣ Тверской, Симеонъ послалъ за невѣстою Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокова. Вскорѣ послѣ этого, по очень важному дѣлу, Симеонъ отправилъ въ Орду Федора Глѣбовича (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: князя Федора Глѣбовича, слѣдов. Муромскаго) и съ нимъ киличеевъ или мечниковъ — Федора Шубачеева и Аминя. Въ 1352 году Симеонъ отправилъ въ Константинополь послами Дементія Давыдова и Юрія Воробьева; мы видѣли уже прежде одного Давыдовича — Михаила намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ 1353 году намѣстникомъ Серпуховскаго князя въ Лопаснѣ былъ Михаилъ Александровичъ, тогда какъ прежде мы видѣли Александра воеводою при Калитѣ. Большими боярами въ Москвѣ при Юаннѣ Юанновичѣ были, какъ мы видѣли, Михаилъ и зять его Василій Васильевичъ, безспорно тысяцкій, родъ котораго производится отъ Протасія, вѣрѣвашаго въ Москву съ княземъ Даниломъ Александровичемъ, и бывшаго здѣсь тысяцкимъ. Сынъ его Василій, отецъ нашего Василя, по родословнымъ книгамъ, былъ также тысяцкимъ: отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода съ Алексѣемъ Петровичемъ Хвостомъ; дѣдъ нашего Василя называется Протасіемъ въ родословныхъ книгахъ, въ лѣтописи же Вельяминомъ; могло быть, что онъ имѣлъ два имени по обычаю того времени. Въ духовной Калиты упоминается Борисъ Ворковъ, который служилъ Великому князю и за это получилъ отъ него село въ Ростовской области. Свидѣтелями договора между Великимъ княземъ Симеономъ и братьями его были: Василій... тысяцкій, Михаилъ Александровичъ,.... Васильевичъ, Василій Фокатьевичъ, Аминъ Окольниковъ.... Иванъ Михайловичъ ⁴⁷². Дьякомъ при Юаннѣ Калитѣ былъ Кострома, при сынѣ его Юаннѣ Нестерко.

Г Л А В А VII.

КНИЖЕНІЕ ДМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

(1362 — 1389).

Сладствія уселенія Москвы для другихъ княжествъ. Св. Алексѣй и св. Сергій. Вторая борьба Москвы съ Тверью. Война Рязанская. Торжество Московскаго князя надъ Тверскими. Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда. Борьба Москвы съ Ордою. Пораженіе Русскихъ на рѣкѣ Пляшѣ. Поклада ихъ на Воиъ. Куликовская битва. Наместникъ Тохтамыша. Смерть В. князя въ Орду. Война съ Рязанью. Событія въ Нижнемъ Новгородѣ. Отношенія В. князя Дмитрія къ двоюродному брату Владимиру Андреевичу. Уничтоженіе сана Тысяцкаго и судьба боярина Тышанинова. Отношенія Москвы къ Новгороду. Войны Пскова съ Ливонскими Князьями. Событія въ Литвѣ. Смерть В. князя Дмитрія и его заступаніе. Значеніе княженія Дмитріева. Московскіе бодрѣ.

Предсмертная смерть Іоанна и малолѣтство сына его вмѣсто вѣра, какого, повидимому, должно было ожидать отъ нихъ для Московскаго княжества, послужила только для того, чтобъ показать всю силу послѣдняго: благодаря этой силѣ, скоплен- ной дядою, дядею и отцемъ, одиннадцатилѣтній Дмитрій Мос- ковскій получилъ первенство между всеми князьями североза- падной Руси. Мы видимъ, что бояре Московскіе купили ярлыкъ для своего князя у одного изъ хановъ-совершниковъ — Мюрида; но когда въ 1363 году, во время пребыванія молодого Дмитрія во Владимирѣ, явился туда къ нему посолъ изъ Мамаевой Орды, отъ хана Абдула съ ярлыкомъ на великое княженіе Владимир- ское, то Великій князь принялъ и этого посла съ честью и про- щальными дарами. Эторазсердилъ Мюрида, который, чтобъ отом- щиться Дмитрію Московскому, прислалъ съ княземъ Иваномъ Бѣлосерскимъ новый ярлыкъ на Владимиръ Дмитрію Суздаль- скану. Тотъ обрадовался и съѣхъ въ другой разъ во Владимиръ, но сидѣлъ только двѣнадцать дней, потому что Дмитрій Мос-

ковскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгналъ изъ Владимира, осадилъ въ Суздаль, опустошилъ окрестности этого города, и взялъ наконецъ надъ его княземъ свою волю, по выраженію лѣтописца. Но если торжество Москвы надъ Тверью при Калитѣ сопровождалось бѣдою для другихъ княжествъ, то и торжество внука Калитина надъ соперникомъ его, княземъ Суздальскимъ, имѣло такія же слѣдствія: подъ тѣмъ же 1363 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Дмитрій Московскій взялъ свою волю надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ ⁴⁷², а князя Ивана Ѳедоровича Стародубскаго и Дмитрія Галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Изгнанники удалились къ Дмитрію Константиновичу Суздальскому; но время удачныхъ союзовъ многихъ младшихъ князей противъ Великаго прошло: Суздальскій князь, два раза уже испытывъ силу Москвы, не хотѣлъ начинать борьбы въ третій разъ; и потомъ, когда въ 1365 году, ему снова вынесли изъ Орды ярлыкъ на Владимиръ, онъ отказался навсегда отъ своихъ притязаній въ пользу Московскаго князя съ тѣмъ, чтобъ тотъ помогъ ему управиться съ младшимъ братомъ, а въ 1366 году выдалъ дочь свою за Дмитрія Московскаго.

Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей: молодой братъ Дмитрія Московскаго, Иванъ; Ростовскій князь Константинъ; Тверскіе — Семенъ Константиновичъ, Всеволодъ, Андрей и Владиміръ Александровичи; Андрей Константиновичъ Суздальскій. Между оставшимися въ живыхъ князьями начались споры за выморочные удѣлы; древній Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратилъ свое значеніе; старшіе князья жили и погребались не въ Суздаль и не въ Городицъ, а въ Новгородъ-Нижегъ, уже тогда значительномъ по своей торговлѣ, благодаря выгодному положенію; старшіи изъ Константиновичей Андрей княжилъ въ Нижнемъ, предоставивъ Суздаль младшему Дмитрію; но по смерти Андрея Нижникъ овладѣлъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ; Дмитрій, не будучи въ силахъ снѣтъ отнять у брата Нижній, послалъ просить помощи въ Москву. Дмитрій Московскій (четырнадцати-лѣтній) отправилъ къ Константиновичамъ посланца съ увѣщаніемъ помириться и податиться вотчинно; но Борисъ не послушался. Тогда Москва употребила другую силу:

миролюбивыя: Афанасій, епископъ Нижегородскій и Герасимъ, митрополиту Суздальскому владими Алексоа, и въ то же время посланы отъ Московскаго князя явились въ Нижнему предлюбивый Сергій, митрополитъ Вологодскій; оны позоваъ Бориса Константиновича въ Москву; и когда тотъ не получалъ, то Сергій, по ирешену митрополита и Вологдаго князя Московскаго, затворилъ все царствъ въ Нижнемъ. Послеъ этого присланы были изъ Москвы помы на помощь Дмитрію Константиновичу, и когда послѣдній приблизился съ нами в свою ратью къ Нижнему, то Борисъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ долонами и вооруженіемъ, уступая ему заковаченную волость. Дмитрій помирился съ нимъ, занялъ себя Нижній, а брату отдалъ Городецъ.

Въ Твери князь Василій Михайловичъ началъ оныть войну съ племянниками Александровичами: въ 1363 году оны пошелъ было съ войскомъ на Михаила Александровича, князя Микулинскаго, но скоро помирился съ нимъ. Смерть князя Семена Константиновича дала новый поводъ въ борьбу, потому что Семень откозала удыкъ своей двоюродному брату Михаилу Александровичу ямю дяди: Василія и родмаго брата Еремѣя Константиновича. Въ 1366 году Василій и Еремѣй начали споръ, который былъ отданъ на рѣшенію Тверскаго владими Василія: Василій судилъ князей по благословенію и повелѣнію митрополита, и оправдалъ князя Михаила Александровича. Но этотъ князь былъ самый дѣловый и смѣлый изъ всѣхъ потомковъ св. Михаила, и потому не могъ дружить съ Москвою способемъ терпѣть насилія отъ могущей столицей Москвы. Подъ 1367 годомъ летописецъ говоритъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Московскій заважилъ у себя каменныи Кремль, и всѣхъ князей Русскихъ приводилъ подъ свою волю, поимгнулъ и на князя Михаила Александровича Тверскаго: Михаилъ рѣшился на борьбу, но, разумѣется, оны не могъ противиться Москвѣ собственными силами и потому обратился къ царю своему, Олгерду Литовскому, а следовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою мы должны смотрѣть собственно какъ на борьбу Московскаго князя съ Литовскими по повелю Тверскаго князя. Михаилъ ухажалъ въ Литву; этимъ воспользовались князья Василій и Еремѣй, чтобъ съ помощью Москвы ивлокнуть северника; прежде всего они позоваъ владими Василія въ Москву: онъ судилъ въ истрепалити; завизъ же по правдѣ рѣшилъ споръ

объ удаля Семена Константиновича? За это рѣшеніе великій Великій повелѣ большіе убытки (протерьъ великъ) въ Москвитинѣмъ жителямъ Твери испытали также большую бѣду: князь Василій и сыномъ Михаиломъ, съ княземъ Еремѣемъ, со всюю силою Мединскою и съ полками Московскими пріѣхалъ въ Тверь, этихъ людей мучилъ и грабилъ безъ милости; преступалъ и ея крѣпости, но не могъ ее взять, опустошилъ только волости, села, и много народу переведено было тогда въ плѣнъ великимъ Московскими и Волоцкими, которые пожгли и поплѣнили по ея сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежавшихъ царю кн. св. Спаса. Изъ этихъ словъ летописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василю, но Михаилу; когда произошло эта перемена, мы не знаемъ; быть можетъ она-то и повела къ враждебнымъ столкновѣніямъ Михаила съ Москвою.

Въ томъ же году Михаилъ пришелъ назадъ съ полками Литовскими, захватилъ въ плѣнъ женъ — Еремѣеву и Василюеву бояръ и слугъ ихъ, и отправился съ своею ратію и Литовцами къ Кашляну. Но на дорогѣ, въ селѣ Андреевскомъ ждали его посланцы отъ дяди и отъ Тверскаго епископа Василя; Богъ, по самъ вамъ летописца, утишилъ ярость Михаилу, и онъ помирился съ дядею, а потомъ помирился и съ двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ и съ Московскимъ княземъ Дмитріемъ. Но еще годъ и кончился, какъ Еремѣй сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и Михаилу Александровичу, и уѣхалъ въ Москву. Въ 1368 годъ Великій князь Дмитрій и митрополитъ Алексій вызвали ласково въ себя въ Москву князя Михаила на третейскій судъ; послѣ этого суда Тверскаго князя схватили вѣзеть со всеми боярами и посадили въ заключеніе, но вдругъ узнали о неожиданномъ пріѣздѣ трехъ князей Ордынскихъ. Этотъ пріѣздъ напугалъ враговъ Михаила, и они выпустили его на свободу, заставивши отъ казаться отъ Городка ⁴⁷⁴, части удаля Семена Константиновича гдѣ Великій князь Дмитрій посадилъ наместника своего вѣзеть съ княземъ Еремѣемъ. Понятно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ ея князя ⁴⁷⁵, который съвѣшилъ предупредить его, пославши сильное войско на его вѣлость. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву, и сталъ управлять ея слезами Олгерда, чтобъ тотъ оборонилъ его, посылалъ войскомъ въ Москву, отогналъ Дмитрія; научалъ и острую свою управленію

и въ мѣстахъ, а тѣмъ рѣшитель исполнитъ и въ пряслахъ, тамъ болше; а въ мѣстахъ съ 1363 года всоручаемъ на вѣстнахъ кражденихъ столѣтнихъ Литвы съ Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говоритъ литовинецъ, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышлетъ походы, на что собираетъ большое войско; этою-то хитростію онъ и забралъ города и земли, и помыслилъ многія страны; воевалъ онъ не столько силою, сколько мудростію. Тамъ же на этотъ разъ Дмитрій Московскій узналъ о замыслахъ Олгердовыхъ, когда уже тѣтъ стоялъ на границѣ, съ братомъ Кейстугомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями, другими князьями Литовскими, Михаиломъ Тверскимъ и полками Смоленскими. Великій князь разослалъ по всемъ городамъ грамоты для сбора войска, но ратники не успѣли придти изъ дальнихъ мѣстъ, и Дмитрій могъ выслать противъ Олгерда въ защиту только сторожевой полкъ изъ Москвитей, Коломенцевъ и Дмитровцевъ, подъ начальствомъ своего воеводы Дмитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата, Владимира Андреевича — Акинѣя Федоровича Шубы. Между тѣмъ Олгердъ уже воевалъ зарубежныя мѣста, т. е. жегъ, грабилъ, сѣкъ; встрѣтился съ княземъ Семеномъ Дмитриевичемъ Стародубскимъ — Крапивою и убилъ его, потомъ въ Оболенскѣ убилъ князя Константина Юрьевича, наконецъ 21 ноября на рѣкѣ Троснѣ встрѣтилъ Московскій сторожевой полкъ и разбилъ его: князья, воеводы и бояре все погибли ⁴⁷⁸. Узнавши здѣсь, что Дмитрій не успѣлъ собрать большого войска и заперся въ Москвѣ, Олгердъ быстро пошелъ къ этому городу, гдѣ Дмитрій велѣлъ пожечь посады, и камъ съ митрополитомъ, двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ, со всеми боярами и со всеми людьми затворился въ новомъ Кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Олгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ мѣстѣ безчисленное множество народа, погналъ съ собою и весь скотъ. Впервые по прошествіи сорока лѣтъ, то есть начиная отъ перваго года княженія Калиты, Московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. Михаилъ Тверской былъ отомщенъ, Дмитрій принужденъ былъ уступить ему Городецъ и всѣ части удѣла Семена Константиновича; дядя его, Василий Кашинскій, умеръ еще прежде похода Олгердова, оста-

внѣ здѣсь своей осыну Михаилу, который въ садишнцнхъ 1368 г., уже прѣвѣшалъ въ Москву живоватьсѣ впереволѣту Анжкоиѣ на владыку своего Василя.

Олгердь не могъ стоять болѣе трехъ дней подъ Москвою, потому что на западѣ Къицы не давали ему отдыха. Еще въ 1362 году они взяли Ковно, а въ 1369 году въ нѣдѣ отъ этого города заложили замокъ Готтесвердеръ. Олгердь и Кейстутъ воспышали взять его, но принуждены были снова отдать Нѣмцнмъ. Въ 1370 году сильное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жгуди, Руси и Татаръ, подъ предводительствомъ Олгерда, Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта; вторгнулось въ Пруссію, гдѣ Великій Магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудавою, и поразилъ на голову. Въ это время, Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска, вмѣстѣ съ Волочанами, воевали Смоленскія волости, вѣроятно мстя ихъ князю за союзъ съ Олгердомъ; потомъ Димитрій послалъ рать къ Брянску, наконецъ въ августѣ 1370 году послалъ объявить войну Михаилу Тверскому, который, по обычаю, спѣшила уйти въ Литву, а Московскія войска, по обычаю, опустошили Тверскую волость. Но это была только еще часть рати; скоро самъ Великій князь Димитрій явился въ Тверскихъ владѣніяхъ съ большою силою, взялъ и пожегъ города — Зубцовъ, Микулинъ, пожегъ также всѣ волости и села, а людей много множество вывелъ въ свою землю со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Сильно опечалился и оскорбился Михаилъ, когда пришло къ нему въ Литву извѣстіе о страшномъ опустошеніи Тверской волости. Отъ Олгерда нельзя было надѣяться помощи въ настоящую минуту, потому что онъ завязъ былъ Нѣмецкими дѣлами, и вотъ Михаилъ вздумалъ попытаться, нельзя ли поборотъ Димитрія старымъ средствомъ — Ордою; онъ поѣхалъ туда, но пріятель изъ Москвы далъ ему вѣсть, что повсюду на дорогахъ расставлены заставы Московскія, чтобъ перехватить его. Михаилъ возвратился опять въ Литву, опять сталъ кланяться Олгерду, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Зимою, въ Рождественскій постъ Олгердь двинулся на Москву съ братомъ Кейстутомъ, съ Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ. Они подошли къ Волоку-Дамскому, пожгли посадъ, окрестности, но, просто-

еще три дня медь городема⁴⁷⁷, не ожидая что и пошел дальше на
 Москву, лагерю осадилъ 6 декабря. В. князь Дмитрій и на
 этотъ разъ заперся въ Кремль Московскомъ; но братъ его Вла-
 димиръ Андреевичъ стоялъ въ Переяславль, собирая силу; къ не-
 му на помощь пришелъ князь Владимиръ Дмитриевичъ Промскій
 и цески Олега Ивановича Рязанскаго. Олгердь испугался, ус-
 лыхавъ о оборотѣ въ Переяславль, и сталъ просить мира, пред-
 лагая выдать дочь свою за князя Владимира Андреевича; но В.
 князь Дмитрій вмѣсто вѣчнаго мира согласился только на не-
 ремирие до Петрова дня. Олгердь двинулся назадъ, и шелъ съ
 большою осторожностію, озираясь на всѣ стороны, боясь за се-
 бою погони.

Михаилъ Тверской возвратился въ Тверь, также помирившись
 съ Дмитріемъ; но испугъ Олгерда и желаніе Литовскаго князя
 породиться съ Московскимъ, показывали ему, что надобно ис-
 скать помощи въ другой сторонѣ: весною 1371 года онъ испол-
 нилъ прежнее свое намѣреніе, отправился въ Орду, и возвра-
 тился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе Владимирское
 и съ посломъ ханскимъ Сарыхожою. Но Дмитрій Московскій
 во всѣмъ городамъ взялъ присягу съ бояръ и черныхъ людей не
 передаваться Тверскому князю и не пускать его на Владимир-
 ское княженіе, а самъ съ братомъ Владимиромъ сталъ съ вой-
 сками въ Переяславль. Владимирцы, исполняя присягу, не пусти-
 ли къ себѣ Михаила, и когда Сарыхожа послалъ звать Дмит-
 рія во Владимиръ къ ярлыку, то Московскій князь велѣлъ от-
 вѣчать ему: «Къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе Влади-
 мирское не пущу; а тебѣ послу путь чистъ.» Сарыхожа сначала
 не хотѣлъ ѣхать къ Дмитрію, но потомъ вельстился дарами и,
 отдавши ярлыкъ Михаилу, поѣхалъ изъ Мологи въ Москву, а
 Михаилъ, недовольный оборотомъ дѣла, повоевалъ Кострому,
 Мологу, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ⁴⁷⁸, и возвратясь въ Тверь, от-
 правилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа
 шировалъ въ Москвѣ у Дмитрія, набралъ у него много даровъ,
 и возвратясь въ Орду, началъ расхваливать Московскаго князя,
 его добрый нравъ и смиреніе. Вѣроятно обнадеженный Сарыхо-
 жою въ добромъ приѣмѣ, Дмитрій самъ рѣшился отправиться
 къ Орду, чтобъ положить конецъ проискамъ Михаиловымъ. Ми-
 трополитъ Алексій проводилъ его до Оки, и давъ благословеніе

не путь, возвратился въ Москву, куда въ это время прислали послы Луговокіе обручать Олгердаву дочь Елену за князя Владиміра Андреевича.

Въ Ордь Московскій князь успѣлъ задобрить и Моман и жиды, и хангы, и всѣхъ князей, пожалованъ былъ опять великимъ княженіемъ Владимірскимъ, и отлученъ съ большою честью; въ Тверскому князю ханъ послалъ сказать: «Мы тебя дали великимъ княженіе, давали и войско, чтобъ посадить тебя на немъ; но твое войско нашего не взялъ, говорилъ, что сидишь одною своею силой; такъ сиди теперь съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ помощи не жди.» Молодой Тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордь 10,000 рублей; Димитрій Московскій заплатилъ эти деньги и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ на дворѣ митрополитъ—емъ до тѣхъ поръ, пока отецъ выкупилъ его. Для насъ здѣсь важно то, что Тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордь 10,000 рублей, а Московскій имѣлъ средства выкупить его—борьба была неравная! Такимъ образомъ, говоритъ лѣтописецъ, великій князь Димитрій твердо укрѣпилъ подъ собою великое княженіе, а враговъ своихъ посрамилъ. Но одного посрамленія было мало: въ Бѣжецкомъ Верхѣ Тверской князь держалъ своего намѣстника, и Димитрій отправилъ туда войско: намѣстникъ Михайловъ былъ убитъ, Тверскія волости пограблены; но война Рязанская помѣшала Тверской. Мы видѣли, что во время втораго намѣстствія Олгердова князь Пронскій въ стѣ съ Рязанскими полками приходилъ на помощь войску Московскому, собиравшемуся въ Перемышль; но послѣ доброе еогласіе между Москвою и Рязанью было нарушено, неизвестно но какимъ причинамъ, и въ 1371 году, въ декабрь, Великій князь отправилъ на Олега Рязанскаго воеводу своего, Димитрія Михайловича Волинскаго съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большее войско и вышелъ на встрѣчу Московскимъ полкамъ⁴⁷⁹, при чемъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ другу: «Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни коней, ни сабель, ни стрѣлъ, берите только ремни, да веревки, чѣмъ вязать боязливыхъ и слабыхъ Москвичей.» Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Рязанцы люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельныя, вознесшись умомъ и возгордѣвшися ве-

итаніемъ, помыслили въ високоуміи своемъ полуумные люди-
не, какъ чудища.» Господь низложилъ гордыхъ, продолжаетъ
итописецъ: въ злой сѣтъ Рязанцы пали какъ снопы, и самъ
князь Олегъ едва спасся бѣгствомъ съ небольшою дружиною⁴⁶⁰.
Мы видѣли, что въ Рязани шла постоянная вражда между двумя
княжескими линиями, Рязанскою и Пронскою; эта борьба помо-
гла Москвѣ, точно такъ какъ въ Твери помогали ей усобицы
между князьями Тверскими и Кашиинскими. Какъ только князь
Владимиръ Дмитріевичъ Пронскій узналъ о бѣдѣ Олеговой, то
пошелъ въ Рязань и сѣлъ здѣсь на княженіи; но Олегъ скоро
изгналъ его, взявъ въ плѣнъ и привелъ въ свою волю.

По окончаніи войны Рязанской, въ 1372 году, началась опять
война Тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось сно-
ва заключить союзъ съ Литвою, и въ надеждѣ на него онъ на-
чалъ наступательное движеніе, послалъ племянника своего Ди-
митрія Еремѣевича съ войскомъ къ городу Кистмѣ⁴⁶¹, воеводы
котораго были схвачены и приведены въ Тверь. Тотчасъ послѣ
этого князь Михаилъ Васильевичъ Кашиинскій отправилъ посла
въ Москву, заключилъ миръ съ княземъ Дмитріемъ и сложилъ
крестное цѣлованіе къ князю Михаилу. Тверской князь не
удовольствовался Кистмою: онъ пошелъ самъ къ Дмитрову,
взялъ съ города окупъ, посады, волости и села пожегъ, бояръ
и людей побралъ въ плѣнъ. Въ то же время онъ подвелъ тайно
водъ Переяславль рать Литовскую — Олгердова брата Кейсту-
га съ сыномъ Витовтомъ, Андрея Олгердовича Полоцкаго и
Дмитрія Друцкаго. Переяславль имѣлъ участь Дмитрова;
князь раздѣлил ее и Кашиинъ, котораго князь принужденъ
былъ подчиниться Михаилу и опять цѣловать ему крестъ. Отъ
Кашиина союзники пошли къ Торжку, взяли его и Тверской
князь посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Но въ Петровъ
вѣсть явились въ Торжокъ Новгородцы, укрѣпились съ Ново-
городцами крестнымъ цѣлованіемъ, послали намѣстниковъ Ми-
хайловыхъ изъ города, а купцовъ Тверскихъ и другихъ людей
веграбили и побили, послѣ чего укрѣпили городъ и сѣли въ
немъ дожидаться прихода Михайлова. 31 мая пришелъ Михаилъ
водъ Торжокъ, и послалъ сказать гражданамъ, чтобъ выдали
ему тѣхъ, которые били и грабили Тверичей, и чтобъ приняли
ручь его намѣстниковъ, послѣ чего онъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Новгородцы не согласились и вышли на бой: первый встрѣтил Тверичей на Подолѣ Александръ Абакумовичъ, и палъ костью за св. Спаса и за обиду Новгородскую, трое товарищей его были также убиты и Новгородцы потерпѣли совершенное поражение: одни побѣжали въ поле по Новгородской дорогѣ, другіе заперлись въ крѣпости (городѣ) Торжокской. Но Тверичи скоро зажгли посадъ, сильный вѣтеръ потянулъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу; несчастные Новгородцы побросались оттуда съ женами и дѣтьми прямо въ руки врагамъ, иные сгорѣли, другіе задохнулись въ церкви св. Спаса или перетонули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвицы, вида себя раздѣтыми до нага, отъ стыда сами бросались въ рѣку; Тверичи до нага обдирали всѣхъ, даже чернецовъ и черницъ, иконныхъ окладовъ и всякаго серебра много побрали, чего и поганые не дѣлаютъ, заключаетъ лѣтописецъ: кто изъ оставшихся въ живыхъ не поплачетъ, вида, сколько людей приняло горькую смерть, святыя церкви пожжены, городъ весь пустъ? и отъ поганыхъ никогда не бывало такого зла; убитыхъ, погорѣлыхъ, утопшихъ наметали пять скудельницъ, а иные сгорѣли безъ остатка, другіе потонули, и безъ вѣсти поплыли внизъ по Тверць.

Истребивши Торжокъ, Михаилъ отправился для соединенія съ Олгердомъ, который стоялъ у Любутска ⁴⁸². На этотъ разъ Дмитрій приготовился, встрѣтилъ съ сильнымъ войскомъ Олгерда у Любутска и разбилъ сторожевой полкъ Литовскій. Все войско Литовское переполошилось, самъ Олгердъ побѣжалъ и остановился за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, который не допустилъ неприятелей до битвы; много дней Литва и Москвичи стояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга, наконецъ заключили миръ и разошлись. Миръ, или, лучше сказать перемиріе, было заключено на короткій срокъ: отъ 31 іюля по 26 октября (отъ Спожина заговѣнья до Дмитріева дня). Договоръ заключенъ отъ имени Олгерда, Кейстута и Смоленскаго Великаго князя Святослава Ивановича; въ него включены также: князь Михаилъ Тверской, Дмитрій Брянскій и тѣ князья, которые будутъ въ имени Олгерда и Святослава Смоленскаго; трое князей Рязанскихъ, которые одинаково называются великими ⁴⁸³, находятся на сторонѣ Дмитрія Московскаго. Олгердъ поручился, что Михаилъ Тверской возвратитъ все пограбленное имъ въ волос

къ Московскихъ, и сведеть оттуда своихъ намѣстниковъ и волостей. Если Михаилъ въ перемирный срокъ станетъ грабить волости Дмитрія, то послѣдній воленъ раздѣлываться съ нимъ, а Литовскіе князья за него не вступятся. Дмитрій предоставитъ себѣ также право покончить съ Михаиломъ посредствомъ дана: «А что пошли во Орду къ царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Божіи волѣ и въ царевой: какъ повелитъ, такъ мы и будемъ дѣлать, а то отъ насъ не въ измѣну».

Раздоры между княземъ Тверскимъ и Кашинскимъ не допустили до продолжительнаго мира, ибо если князь Тверской отъ притѣсненій Москвы находилъ защиту въ Литвѣ, то слабый князь Кашинскій отъ притѣсненій Твери искалъ постоянно защиты въ Москвѣ. Подъ 1373 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Михаилъ Васильевичъ Кашинскій сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Тверскому, и уѣхалъ въ Москву, а изъ Москвы отправился въ Орду, откуда возвратился въ Кашинъ неизвестно съ чѣмъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ, а сынъ его Василий, по совѣту бабки и бояръ, пріѣхалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу съ челобитьемъ, и отдался въ его волю; за этимъ примиреніемъ послѣдовало и примиреніе Тверскаго князя съ Московскимъ. Дмитрій отпустилъ изъ Москвы сына Михаила Ивана, приведеннаго, какъ мы видѣли, имъ изъ Орды⁴⁸⁴; а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великокняжескихъ. Но на слѣдующій годъ молодой Кашинскій князь Василій Михайловичъ побѣжалъ изъ Твери въ Москву; за то теперь и Тверской князь нашелъ внутри самой Москвы враговъ Дмитрію. По поводу насильственной смерти тысяцкаго Алексѣя Петровича мы упоминали о важномъ и опасномъ значеніи этого сановника. Въ 1374 г. умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, и В. князь не назначилъ другаго на его мѣсто, которое по всемъ вѣроятностямъ надѣялся занять сынъ покойнаго, Иванъ. Обманутый въ этой надеждѣ, онъ стоворился съ другимъ недовольнымъ, Некоматомъ Сурожаниномъ, то есть купцомъ, торгующимъ дорожными южными товарами, и въ 1375 году бѣжали оба къ Тверскому князю, со многою речью и лъстивыми словами, и отъ этого загорѣлся огонь, по выраженію летописца. Михаилъ Александровичъ, повѣривъ лъстивымъ словамъ Московскихъ бѣглецовъ, отправилъ Вельяминова

съ Некоматомъ къ хану, а самъ побѣхалъ въ Литву, гдѣ пробывши малое время, возвратился въ Тверь; скоро возвратился изъ Орды и Некомать съ ханскимъ посломъ и ярлыкомъ Михаилу на великое княженіе Владимирское, и на великую погибель христіанскую, говоритъ лѣтописецъ. Тогда Михаилъ, увѣренный, какъ видно, въ помощи и съ востока, и съ запада послалъ объявить войну Дмитрію Московскому, и въ то же время отправилъ намѣстниковъ въ Торжокъ и рать въ Угличъ.

Но помощь не приходила къ нему ни съ востока, ни съ запада, а между тѣмъ Дмитрій собрался со всею силою и двинулся къ Волоку-Ламскому, куда пришли къ нему князья: тестя его Дмитрій Константиновичъ Суздальскій съ двумя братьями и сыномъ, двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, трое князей Ростовскихъ, князь Смоленскій, двое князей Ярославскихъ, князь Бѣлозерскій, Кашинскій, Моложскій, Стародубскій, Брянскій, Новосильскій, Оболенскій и Торусскій. По словамъ лѣтописца, всѣ эти князья сильно сердились на Михаила Тверскаго за то, что онъ прежде нѣсколько разъ приводилъ Литву, надѣлавшую столько зла христіанамъ, а теперь соединился съ Мамаемъ; но съ другой стороны, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ князей были подручники Дмитрія и не могли послушаться его приказанія, нѣкоторые же были только по имени князьями извѣстныхъ волостей, какъ, на примѣръ, князь Стародубскій, а Бѣлозерскъ былъ купленъ еще Калитою. — Всѣ эти князья двинулись изъ Волока къ Твери, и стали воевать, взяли Микулинъ, поплѣнили и пожгли окружныя мѣста, наконецъ осадили Тверь, гдѣ заперся князь Михаилъ. Обнесши весь городъ тыномъ, наведя два большихъ моста на Волгѣ, Дмитрій послалъ за Новгородцами; тѣ, желая почтить Великаго князя и вмѣстѣ отомстить Тверичамъ за Торжокское пораженіе, собрались въ три дня, пришли къ Твери и много надѣлали зла. Тогда осаждающіе приступили со всеми силами къ городу: приставили туры, приметали приметь около всей крѣпости, зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы; но осажденные хотя съ большимъ трудомъ потушили пожаръ, и когда Дмитріева рать не много отступила отъ крѣпости, то Михаилъ сдѣлалъ изъ нея удачную вылазку, постѣкъ туры, другіе пожегъ, и побилъ много людей у осаждающихъ. Но этотъ успѣхъ не принесъ ему поль-

ш: волость его была опустошена въ конецъ, города Зубцовъ, Выгородъ и Городокъ (Старица) взяты; онъ все ждалъ помощи изъ Литвы и отъ хана; Литовскіе полки пришли, но услыхавъ, никакая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ владыку Евфимія и большихъ бояръ своихъ къ Димитрію просить мира, отдаваясь во всю волю Московскаго князя⁴⁹⁵, и тотъ заключилъ съ нимъ миръ, котораго условія дошли до насъ. Независимый В. князь Тверской, соперникъ Московскаго по Владимирскому Великому княженію, не утрачивая своего названія Великій князь, обязывается считать себя младшимъ братомъ Димитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣднѣго, удѣльному Владиміру Андреевичу. Обязанности младшѣго брата къ старшему опредѣлены: когда Великій князь Московскій или братъ его выступятъ въ походъ, то и Тверской князь обязанъ садиться на коня; если пошлютъ воеводъ, то онъ обязанъ послать своихъ воеводъ. Михаилъ обязался не искать ни Москвы, ни Великаго княженія Московскаго, ни Новгорода, обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ и племянниковъ; обязался не искать самъ Великаго княженія Владимирскаго и не принимать его отъ Татаръ, за что Димитрій, съ своей стороны, обѣщался не принимать Твери отъ Татаръ; но онъ вытребовалъ, чтобъ княжество Кашинское было независимо отъ Тверскаго, условіе важное, выгодное для Москвы, тяжкое для Тверскаго княжества, которое обезсиливалось раздробленіемъ на двѣ волости независимыя: «Въ Кашинъ тебѣ не ступаться, и что потянуло къ Кашину, то вѣдаетъ вотчичъ низъ Василій, и выходомъ не надобно Кашину тянуть къ Твери; князя Василя тебѣ не обижать; а будешь обижать, то стану те оборонять.» Также важное условіе постановлено относительно Татаръ: «Будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами—это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли выходъ—это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это зависитъ также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ или тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдёмъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ.» Михаилъ отказался отъ союза съ Олгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, мало того, обязался воевать съ Литвою, если она нападетъ на Московскаго или на Смоленскаго князя. Съ Великимъ

Новгородомъ и Торжкомъ Тверской князь обязался жить по старинѣ и въ мирѣ, и возвратить всѣ церковныя вещи, пограбленныя въ Торжкѣ во время его взятія, также все пограбленное послѣ мира 1373 года. Право отъѣзда отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ сель въ прежнихъ волостяхъ утверждено за боярами и слугами вольными, за исключеніемъ Ивана Васильевича Вельяминова и Нѣкомата, села которыхъ удержалъ Московскій князь за собою. Замѣчательно, что при затрудненіяхъ въ сѣбномъ судѣ дѣла Москвитянъ и Тверичей положено отдавать на рѣшеніе Великаго князя Рязанскаго Олега⁴⁸⁹.

Такъ счастливо для Москвы кончилась борьба съ Тверью, т. е. съ Литвою, по поводу Твери. Въ томъ же году Олгердь попустилъ Смоленскую волость за то, что князь ея воевалъ противъ Михаила Тверскаго; съ другой стороны Татары опустошили волости Нижегородскую и Новосильскую за тоже самое; но Московскій князь оставался въ покоѣ, и въ 1376 году послалъ Владиміра Андреевича съ войскомъ ко Ржеву; Серпуховской князь, по обычаю, пожегъ посадъ, но простоявъ три дня подъ крѣпостью, возвратился назадъ. Тверской князь не думалъ разрывать союза съ Литвою: еще въ 1375 г. въ Тверь приведена была дочь Кейстута Марья, окрещена и выдана замужъ за сына В. князя Михаила, Ивана. Но союзъ этотъ былъ бесполезенъ для Тверскаго князя, ибо въ 1377 году умеръ Олгердь, постригшись передъ смертью въ монахи, при чемъ мірское православное имя Александра перемѣнилъ на имя Алексѣя. Еще прежде умеръ братъ его князь Волинскій Любартъ, который всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Поляками, стремившимися овладѣть и Волинью, какъ овладѣли Галичемъ. Великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайло, въ православіи Яковъ, и дядя Кейстутъ, князь Троцкій, присягнувъ племяннику. Но Ягайло, подобно дядѣ Евнутію, взялъ старшинство не по праву мимо старшаго брата Вингольта Андрея, рожденнаго отъ первой жены Олгердовой Андрей, княжившій въ Полоцкѣ, объявилъ было свои притязанія на старшинство, но не получивъ ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ уступить Ягайлу, лишился своей волости, и бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ жители посадили его на княженіе, съ согласія Великаго князя Дмитрія, къ которому Андрей ѣздилъ въ Москву. Дмитрій хотѣлъ воспользоваться этою смутю, и въ 1379 годъ

Андрей Олгердовичъ, вмѣстѣ съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ и Московскимъ воеводою, Димитріемъ Михайловичемъ Волинскимъ, отправились на Литовскія владѣнія, взяли города Трубчевскъ и Стародубъ, повоевали много становъ и волостей, и возвратились съ большимъ богатствомъ домой; братъ Андрея, Димитрій Олгердовичъ, князь Трубчевскій не сопротивлялся Московскимъ полкамъ: онъ вышелъ изъ города съ семействомъ и боярами, побѣжалъ въ Москву и вступилъ въ службу Великаго князя, или, какъ выражается лѣтописецъ, урядился въ рядъ и крѣпость взялъ; Димитрій принялъ его съ честію, любовію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами.

За этою смутю, которая доставила Московскому князю двухъ вѣрныхъ слугъ между сыновьями Олгердовыми, послѣдовала другая, болѣе опасная для Литвы, болѣе выгодная для враговъ ея. Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ твердаго характера, вслѣдствіе чего подвергался вліянію окружавшихъ его. Самымъ приближеннымъ изъ нихъ былъ Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ лѣтописецъ⁴⁸⁷: былъ у Великаго князя Олгерда паробокъ, крѣпостной холопъ, звали его Войдыллою; сначала былъ онъ хлѣбникомъ, полюбился Великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю слать и пить подавать, а наконѣцъ далъ ему держать городъ Лиду. Силенъ былъ Войдылло при Олгердѣ; еще сильнѣе сталъ при Ягайлѣ, который даже отдалъ за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ Олгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ, отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллою и послѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этой цѣлію онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него Нѣмецкихъ рыцарей. Куно Либштейнъ, командоръ Остеродскій, кумъ Кейстута, послалъ сказать послѣднему: «Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ отнять у тебя волости.» Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, послалъ сказать сыну своему Витовту: «Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ Нѣмцами на наше лихо.» Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ

душа въ душу, знаетъ всё его думы. Скоро однако правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по изгнаніи Андрея Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута, Андрей, прозвищемъ Горбатый. Ягайлу или Войдыллу хотѣлось отнять эту волость у Кейстutowича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу: но Полочане, старыя вѣчники, никакъ не согласились на эту перемѣну и съ позоромъ выгнали отъ себя Скиригайла. Великій князь выслалъ противъ нихъ сильное войско, съ которымъ соединились и Нѣмцы; но Полочане не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся Нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно отразили всѣ приступы⁴⁶⁸. Старикъ Кейстутъ, услышавъ о Полоцкихъ происшествіяхъ, опять сталъ жаловаться сыну своему Витовту на Ягайла⁴⁶⁹: «За Войдылла отдалъ мою племянницу, уговорился съ Нѣмцами на мое лихо; а вотъ теперь съ кѣмъ мы воевали? съ Нѣмцами? а онъ съ ними заодно добываетъ Полоцка.» Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совсѣмъ вѣритъ коварству Ягайла, и выѣхалъ въ Дрогичинъ, откуда скоро отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣній сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ ею, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ семействомъ, захватилъ всѣ грамоты, и между прочимъ послѣдній договоръ Ягайла съ Нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродна въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: «Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лице; написали на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дотронулся ни до имѣнья его, ни до стадъ, и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малой стражей; отчину его—Витепскъ и Крево, и всѣ мѣста, что отецъ его держалъ, все отдаю ему, и ни во что его не вступаю; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать: берегъ свою голову.» Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не вооружится противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ чего со всѣми родными и имѣніемъ отправился въ Витепскъ.

Кейстутъ сталъ Великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Олгердова Іуліанія и дѣти

ей не могли спокойно видѣть, что столь великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника Полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады смутамъ въ Литвѣ. Но пока Кейстутъ жилъ въ Виднѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться тѣмъ болѣе, что Ягайла трудно было уговорить на какое-нибудь отважное предпріятіе. Только когда Кейстутъ велѣлъ повѣсить плѣнника своего Войдылла, Ягайло позволилъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время старый Кейстутъ велъ войну съ племянникомъ Димитріемъ Олгердовичемъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстута тогда не было, и овладѣлъ городомъ; та же участь постигла и Троки. Кейстутъ собралъ большое войско и соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложилъ Троки; противъ него стоялъ Ягайло съ своими союзниками, Нѣмцами. Но Олгердовъ сынъ побоялся рѣшить дѣло оружіемъ, и предпочелъ коварство. Онъ началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцемъ, для чего просилъ обоихъ князей пріѣхать къ нему въ станъ, и князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что съ ними не случится ничего дурнаго. Въ надеждѣ на эту клятву, Кейстутъ и Витовтъ пріѣхали въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но вмѣсто того были схвачены, и Кейстутъ былъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, которые сковали его, отвезли въ Крево, заперли въ тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовтъ былъ также отвезенъ вмѣстѣ съ женою Анною въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. И выздоровѣвши, Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣщала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя служанками; наконецъ она получила отъ Ягайла для одной себя позволеніе ѣхать въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла проститься съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ слѣдовало ожидать, долѣе обыкновеннаго: въ это время Витовтъ переодѣвался въ платье одной изъ женниныхъ служанокъ, Елены, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ вышедши съ женою изъ тюрьмы и спустившись со стѣны, нашелъ лошадей, высланныхъ изъ Волковыйска, отъ тамошняго тіуна, въ короткое время достигъ Слонима, оттуда

отправился въ Брестъ, и на пятый день былъ уже въ Плоцкѣ. Елена, не вставала съ постели, такъ хорошо представляла большаго князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Она поплатилась жизнію за свое самоотверженіе.

Эти смуты отняли у Литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы, и дали послѣдней возможность безпрепятственно управиться съ Татарами. Дмитрій выросъ въ неповиновеніи хану, два раза младенцемъ ходилъ (онъ отнимать Владимирское княженіе у Дмитрія Суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество Московское постоянно усиливалось, его князья еще со времененъ Калиты привыкли располагать полками князей подручныхъ, убѣждались все болѣе и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ смуть и усобицъ, и ничтожные ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свергаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать страхъ. Отъ страха передъ Татарами началъ отвыкать Русскій народъ и потому, что со временъ Калиты пересталъ испытывать ихъ нашествія и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепеть отцовъ предъ именемъ Татарскимъ; Московскій князь, находившійся въ цвѣтъ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ это новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Дмитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дяди и отецъ его, малюткою съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ старшинство между Русскими князьями, послѣ до тридцатилѣтняго возраста не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдержалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ Татаръ.

Мы видѣли, что въ началѣ княженія Дмитріева Орда дѣлилась между двумя Ханамъ—Мюридомъ (Амуратомъ) и Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго управлялъ темникъ Мамай. Но кромѣ нихъ въ древней странѣ Болгарской утвердился третій Ханъ Пуладъ—Темиръ, а въ странѣ Мордовской князь Тогай. Послѣдній въ 1365 году напалъ нечаянно на Переяславль Рязанскій, взялъ, сжегъ его, поплѣнилъ окрестныя волости и села, и уже съ большою добычею возвращался въ степь, какъ былъ на-

стигнуть князьями—Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, Владиміромъ Фронскимъ и Титомъ Козельскимъ: былъ между ними бой лютый, пало много мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ, но Русскіе князья наконецъ одолѣли, и Тогай едва убѣжалъ съ небольшою дружиною⁴⁰⁰. Въ 1367 году Булатъ или Пуладъ—Темиръ началъ на Нижегородскія владѣнія, но прогнанъ былъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ за рѣку Пьяну съ большимъ урономъ, прибѣжалъ въ Золотую Орду, и былъ тамъ убитъ Ханомъ Азизомъ, или Озизомъ, преемникомъ Мюридовымъ. Въ 1370 году Димитрій Константиновичъ съ братомъ Борисомъ, сыномъ Василіемъ и ханскимъ посломъ Ачихожею (Хаджи Ходжа) ходилъ войною на Болгарскаго князя Асана; тотъ встрѣтилъ ихъ съ че- добитъемъ и дарами, они дары взяли, но посадили на княженіе Салтаца, Бакова сына. Въ 1373 году Татары изъ Орды Мамаевой опустошили Рязанское княжество; Великій князь Московскій все лѣто простоялъ на берегу Оки (куда пришелъ къ нему и Владиміръ Андреевичъ)⁴⁰¹, и не пустилъ Татаръ на свою сторону. Спротивленіе Татарамъ и даже наступательное движеніе на нихъ обнаруживалось повсюду; въ 1374 году Нижегородцы перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1500 Татаръ; старшаго посла—Сарайку съ дружиною заперли въ крѣпости. На слѣдующій годъ князь Димитрій Константиновичъ приказалъ развести плѣнниковъ по разнымъ мѣстамъ, но Сарайка съ товарищами своими вырвался, убѣжалъ на архіерейскій дворъ, зажегъ его и началъ отбиваться отъ Нижегородцевъ, многихъ перебилъ и переранилъ; наконецъ народъ одолѣлъ Татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ. Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега рѣви Киши, притока Суры, и мѣста за рѣкою Пьяною⁴⁰². Мы упоминали уже о нападеніи Татаръ на Нижегородское и Новосильское княжество за помощь, оказанную ихъ князьями Димитрію Московскому противъ Михаила Тверскаго, послѣ чего Московскій князь ходилъ съ войскомъ за Оку, оберегая землю свою отъ Татаръ. Еще въ XII и XIII вѣкѣ мы видѣли стремленіе сѣверовосточной Руси къ естественному распространенію своему на востокъ внизъ по Волгѣ, на счетъ Болгаръ, Мордвы и другихъ туземныхъ племенъ; стремленіе это было надолго остановлено Татарскимъ нашествіемъ и внутренними движеніями, которыя имѣли слѣдствіемъ усиленіе Московскаго княжества; те-

перь же, какъ скоро съверовосточная Русь снова усилилась единовластіемъ, а Татарское владичество ослабло, опять начинается наступательное движеніе Русскихъ на древнюю Болгарскую землю. По окончаніи борьбы съ Литвою и Тверью, весной 1376 года Великій князь послалъ воеводу своего Димитрія Михайловича Волинскаго на Болгарь; съ Волинскимъ отправились двое молодыхъ князей Нижегородскихъ—Василій и Иванъ Дмитріевичи, и подступили подъ Казань. Казанцы вышли противъ нихъ изъ города, стрѣляя изъ луковъ и самострѣловъ, другіе производили какой-то громъ, чтобъ испугать Русскихъ, а нѣкоторые выѣхали на верблюдахъ, чтобъ переполошить лошадей. Но всѣ эти хитрости неудались: Русскіе вогнали непріятеля въ городъ, и князья Казанскіе Асанъ и Магометъ—Солтанъ принуждены были добить челомъ Великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрію Московскому, тысячу Нижегородскому, три тысячи воеводамъ и ратнымъ людямъ; кромѣ того лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе посадили въ Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенниковъ.

Въ 1377 году въ Москву пришла вѣсть, что въ странахъ по-сурскихъ явился новый царевичъ Татарскій, Арапша, перебѣжавшій за Волгу съ береговъ Яика и Аральскаго моря. Димитрій Московскій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь къ тестю своему, Димитрію Нижегородскому; но объ Арапшѣ долго не было вѣсти, и Великій князь возвратился въ Москву, оставивши воеводу своихъ съ полками Владимирскими, Переяславскими, Юрьевскими, Муромскими и Ярославскими, съ которыми соединилось и Нижегородское войско подъ начальствомъ своего молодаго князя, Ивана. Собралась большая рать и двинулась за рѣку Пяну, гдѣ воеводы получили вѣсть, что Арапша далеко, на рѣкѣ Волчьи Воды, притокѣ Дона. Князья и воеводы Русскіе обрадовались и не обращали уже болѣе вниманія на другія приходившія къ нимъ вѣсти: кто можетъ стать противъ насъ? говорили они, — и стали ѣздить въ простомъ платьѣ (охабняхъ и сарафанахъ), а доспѣхи свои покляли на телѣги и въ сумы, рогатины, сулицы и копья не были приготовлены, ниныя не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильныя жары, и ратники разъѣзжали спустивши платье съ плечь, растегнувши пет-

ли, растрепавшись точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ, напивались до пьяна, и хвастались, что одинъ изъ ихъ выѣдетъ на сто Татаръ. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались, да ковы другъ противъ друга строили⁴³³. Въ это время Мордовскіе князья подвели тайно Арапшу, который, раздѣливъ свою рать на пять полковъ, втораго августа нечаянно ударилъ со всѣхъ сторонъ на Русское войско; послѣднее не имѣло возможности сопротивляться, и побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянгъ; князь Иванъ Дмитріевичъ Нижегородскій утонулъ при переправѣ вмѣстѣ со множествомъ бояръ, слугъ и простыхъ ратниковъ, другіе были перебиты Татарами. Арапша явился передъ Нижнимъ, откуда князь Дмитрій Константиновичъ выбѣжалъ въ Суздаль, а жители разбѣжались на судахъ по Волгѣ къ Городцу. Татары перехватили тѣхъ, которые не успѣли спастись, сожгли городъ, опустошили окрестности и ушли назадъ; въ томъ же году Арапша пограбилъ и мѣста за Сурою (Засурье), потомъ перебилъ Русскихъ гостей; пришелъ нечаянно на Рязань, взялъ ее, при чемъ самъ князь Олегъ, изстрѣленный, едва вырвался изъ рукъ Татарскихъ. Надѣясь, что послѣ Пьянскаго пораженія Нижегородское княжество осталось безъ защиты, и Мордва захотѣла попытать счастья противъ Русскихъ: приплыла нечаянно по Волгѣ въ Нижегородскій уѣздъ, и пограбила то, что осталось отъ Татаръ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ее у рѣки Пьяны, и поразилъ: одни потонули, другіе были побиты. Но оба князя, и Московскій и Нижегородскій, не хотѣли этимъ ограничиться, и зимою, не смотря на страшные морозы, Нижегородское войско подъ начальствомъ князей — Бориса Константиновича и Семена Дмитріевича, и Московское подъ начальствомъ воеводы Свибла вошла въ Мордовскую землю, и «сотворило ее пусто⁴³⁴,» по выраженію летописца; плѣнниковъ, приведенныхъ въ Нижній, казнили смертію, травили псами на льду на Волгѣ. Въ слѣдующемъ 1378 году Татары явились опять нечаянно передъ Нижнимъ; князя не было тогда въ городѣ, а жители разбѣжались за Волгу. Пріѣхавши къ Нижнему изъ Городца, князь Дмитрій Константиновичъ увидалъ, что нельзя отстоять города отъ Татаръ, и потому послалъ къ нимъ окупъ; но Татары не взяли окупа и сожгли Нижній, потомъ повоевали весь уѣздъ и

Березовое поле. Управившись съ Димитріемъ Нижегородскимъ Мамай отправилъ князя Бегича съ большимъ войскомъ на Димитрія Московскаго. Но тотъ узналъ о приближеніи непріятеля, собралъ силу и выступилъ за Оку въ землю Рязанскую, гдѣ встретился съ Бегичемъ на берегахъ рѣки Вожи ⁴⁰⁵. 11-го августа къ вечеру Татары переправились черезъ эту рѣку, и съ крикомъ помчались на Русскіе полки, которые храбро ихъ встрѣтили: с одной стороны ударилъ на нихъ князь Пронскій Данилъ, а другой Московскій окольникій Тимофей, а самъ Великій князь Димитрій ударилъ на нихъ въ лице. Татары не выдержали, и бросали копья и бросились бѣжать за рѣку, при чемъ множество ихъ перетонуло и было перебито. Ночь помѣшала врсѣлѣ довать Татаръ, а на другое утро былъ сильный туманъ, такъ что только къ обѣду Русскіе могли двинуться впередъ и напали в степи весь обозъ непріятельскій. Мамай собралъ остатки своей рати и въ сентябрѣ ударилъ на Рязанскую землю; князь Олегъ никакъ не ожидая нападенія послѣ Вожской битвы, бросилъ городъ и перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а Татары взяли городъ Дубокъ и Переяславль Рязанскій, сожгли ихъ и опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

Борьба была открытая; послѣ Вожской битвы Московскій князь не могъ надѣяться, что Мамай ограничится мѣстію на Рязанской области. До сихъ поръ смуты и раздѣленіе въ Ордѣ внушали смѣлость Московскому князю не обращать большаго вниманія на ярлыки ханскіе; Димитрій былъ свидѣтелемъ ослабленія Орды в самой Ордѣ; лучшимъ доказательствомъ этого ослабленія было то, что Мамай долженъ былъ отказаться отъ прежней дани, каку получали ханы изъ Россіи во время Чанибека, и удовольствоваться меньшимъ ея количествомъ; мы видѣли, до какой самонадѣянности дошли Русскіе воеводы и ратники передъ Пьянскимъ пораженіемъ; эта самонадѣянность была наказана, однако битва Вожская снова убѣдила Русскихъ въ возможности побѣждать Татаръ. Но отношенія должны были измѣниться, когда Мамай правившій до сихъ поръ именемъ хановъ—Абдула и потомъ Магомеда, избавился наконецъ отъ послѣдняго и провозгласилъ себя ханомъ, тенерь онъ имѣлъ возможность двинуть всю Ордю для наказанія Московскаго князя, котораго нельзя было смирить однимъ отрядомъ: времена Андрея Ярославича прошли; чтобы

снова поработить Россію, нужно было повторить Батыево нашествіе. Говорятъ, что Вожское пораженіе привело въ ярость Мамай, и онъ не хотѣлъ успокоиться, до тѣхъ поръ, пока не отойдетъ Дмитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамай говорили ему: «Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли навѣть Генуезцовъ, Черкесъ, Ясовъ и другіе народы.» Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то лѣтомъ 1380 года онъ перевезся за Волгу и сталъ кочевать при устьѣ рѣки Воронежа. Ягайло Литовскій, который имѣлъ много причинъ не доброжелательствовать Московскому князю, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ, и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1 сентября. Узнавши объ этомъ, Дмитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска; послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ — Ростовскимъ, Ярославскимъ, Бѣлозерскимъ; есть извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ⁴⁰⁰. Не соединился съ Москвою одинъ потомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ Рязанскій: болѣе другихъ князей Русскихъ онъ былъ настрашенъ Татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ неочень значительнаго отряда Татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Дмитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ Татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамай, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ, будто Олегъ и Ягайло разсуждали такъ: какъ скоро князь Дмитрій услышитъ о нашествіи Мамай и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ или на Двину, а мы сядемъ въ Москвѣ и во Владимирѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ съ большими дарами и упросимъ, чтобъ возвратился домой, а сами, съ его согласія, раздѣлимъ Московское княжество на двѣ части — одну къ Вильнѣ, а другую къ Рязани, и возьмемъ на нихъ ярмки и для потомства нашего.»

Но Дмитрій не думалъ бѣжать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собираться въ Коломну

къ 15 августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамаю. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, В. князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный св. пустынноикомъ Сергіемъ, о которомъ было уже разъ упомянуто въ рассказѣ о Нижегородскихъ событіяхъ; Сергій благословилъ Димитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ и оба отличались въ міру своимъ мужествомъ. — Оставя въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ воеводу Федора Андреевича, Димитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси—150,000 человекъ! Кромѣ князей воеводами были: у Коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у Владимирскаго Тимоѳей Валуевичъ, у Костромскаго Иванъ Родіоновичъ, у Переяславскаго Андрей Серкизовичъ; пришли и два князя иноплемennыхъ, два Олгердовича: Андрей и Димитрій. Вѣсть о сильномъ вооруженіи Московскаго князя должно быть достигла Мамаю, и онъ попытался было сначала кончить дѣло миромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую Великіе князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

20 августа Великій князь выступилъ изъ Коломны, и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Оку, при устьѣ Лопастны⁴⁰⁷, осведомляясь о движеніяхъ непріятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, пріѣхалъ и большой воевода Московскій Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ, съ остальными полками. Тогда, видя всѣ полки свои въ сборѣ, Димитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку: въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1 сентября) переправилось войско, въ понедѣльникъ перѣхалъ самъ Великій князь съ дворомъ своимъ, и шестаго сентября достигли Дона. Тутъ приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ святаго старца идти на Татаръ: «чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица».

ца,» писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать: одни говорили: «Ступай, князь, за Довъ;» а другіе: «Не ходи, потому что раговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы.» Димитрій принялъ первое мнѣніе, и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Довъ: утромъ на другой день, 8 сентября на солнечномъ восходе, былъ густой туманъ, и когда въ третьемъ часу просвѣтлѣло, то Русскіе полки строились уже за Довомъ, при устьѣ Неридвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спустились съ холма, на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая Русская рать уже лежала какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолевать. Но въ засаду въ лѣсу стояли еще свѣжіе Русскіе полки подъ начальствомъ князя Владимира Андреевича и извѣстнаго уже намъ воеводы Московскаго, Димитрія Михайловича Волинскаго Боброка. Владимиръ, видя пораженіе Русскихъ, началъ говорить Волинскому: «Долго ль намъ здѣсь стоять, какаа отъ насъ польза? смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!» Но Волинскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лице Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ переѣнился: «Теперь пора!» сказалъ Волинскій — и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы: Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ и обратился въ бѣгство: Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи^{***} и овладѣли всѣмъ ихъ становъ.

Возвратившись съ погони, князь Владимиръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы: всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было Великаго князя Димитрія; Владимиръ сталъ спрашивать: не видалъ ли кто его? одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ,

что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ Великій князь раненый пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами утѣшивать, чтобъ всѣ искали Великаго князя, обѣщавъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго передъ началомъ битвы Великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣвъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей Бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія, наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли Великаго князя, едва дышащаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поспежалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ разпозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны⁴⁰⁰.

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побойща подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между Европейскими и Азіатскими овленіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ Римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь Франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ Азіатцевъ, но восточная ея половина на долго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX-го вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтора ста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть—и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азією; она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носитъ одинакій съ ними характеръ,

характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкнове-
 ния Европы съ Азією, долженствовавшаго рѣшить великій въ
 исторіи человечества вопросъ — которой изъ этихъ частей свѣ-
 та восторжествовать надъ другою?

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы;
 собственно въ Русской Исторіи она служила освященіемъ ново-
 му порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-
 востокѣ. Полторацта лѣтъ назадъ Татарскія полчища встрѣти-
 лись впервые съ Русскими князьями въ степи, на берегахъ Кал-
 ки: здѣсь была въ сборѣ южная Русь, которая носила преимущ-
 ественно названіе Руси, здѣсь было много храбрыхъ князей и
 богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ
 Мстиславичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ рас-
 пры (кото ру) съ братьею, и погубилъ войска. На сѣверѣ испол-
 нилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья-
 князья стали подручниками старшаго, Великаго князя, и ко-
 гда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона,
 то не было между ними никакихъ которъ и побѣда осталась за
 Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, кото-
 рыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Когда, говоритъ
 преданіе, Великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ жи-
 выхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ
 ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ
 битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ
 и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго по-
 казанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе жи-
 выхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое Бѣлозерскихъ и двое
 Тарусскихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ
 были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказа-
 нійхъ о Мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, пред-
 ставляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ дру-
 гой представляется какъ событіе плачевное, жалость. Была на
 Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль
 большая по убитыхъ отъ Мамаея на Дону; оскудѣла совершенно
 вся земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ,
 и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ Русской. Это
 оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ
 Куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на Московскаго князя, но былъ оставленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Заяицкій Тохтамышъ, потомокъ Орды, старшаго сына Джучіева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтамышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каеву къ Генуезцамъ, которые убили его. Тохтамышъ, овладѣвши золотою Ордою, отправилъ къ Московскому и другимъ князьямъ Русскимъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи. Князья приняли пословъ съ честью и отправили своихъ пословъ въ Орду съ дарами для новаго хана. Въ 1381 году Тохтамышъ отправилъ къ Великому князю посла Ахкозю, который называется въ летописи царевичемъ, съ семьюстами Татаръ; но Ахкози, доѣхавши до Нижняго Новгорода, возвратился назадъ, не смѣлъ вѣхать въ Москву; онъ послалъ было туда нѣсколько человекъ изъ своихъ Татаръ, но и тѣ не осмѣлились вѣхать въ Москву. Тохтамышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ, который напалъ на Татаръ послѣ Куликовской битвы; онъ велѣлъ пограбить Русскихъ гостей въ Болгаріи, перехватить ихъ суда, а самъ внезапно съ большимъ войскомъ перевезся черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобъ въ Русской землѣ не узнали о его походѣ. Эта скрытность и поспѣшность Тохтамыша показываютъ всего лучше переѣзду въ Татарскихъ отношеніяхъ, слѣдствіе Куликовской битвы: ханъ надѣется имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на Московскаго князя, боится встрѣтить его войско въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость—орудіе слабаго, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси.

Нижегородскій князь, узнавши о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двоихъ сыновей своихъ Василя и Семена, которые едва могли нагнать хана на границахъ Рязанскихъ. Здѣсь же встрѣтилъ Тохтамыша и князь Олегъ Рязанскій, упросилъ его не воевать Рязанской области, обвелъ его около нея и указалъ броды на Окѣ. Дмитрій Московскій, узнавши о приближеніи Татаръ, хотѣлъ было выйти къ нимъ на встрѣчу; но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго числа войска и Великій князь уѣхалъ сперва въ Переяславль, а потомъ въ Кострому со-

спирать шапки. Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ, гдѣ безъ князя встало сильное волненіе: одни жители хотѣли бѣжать, а другіе хотѣли запереться въ Кремль. Начались распри, отъ распрей дошло до разбоя и грабежа: кто хотѣлъ бѣжать вонъ изъ города, тѣхъ не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Кавриана, ни великую княгиню Евдокію, ни большихъ бояръ: во вѣсѣхъ воротахъ Кремлевскихъ стояли обнаженными оружіемъ, а со стѣнъ метали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ города, насилу наконецъ согласились выпустить митрополита и Великую княгиню.

Мятежъ утихъ, когда явился въ Москвѣ Антовскій князь Остей, котораго летописецъ называетъ внукомъ Олгердовымъ. Остей принялъ начальство, укрѣпилъ Кремль и затворился въ немъ съ Москвичами. 23 августа (1382 г.) показались передовые Татарскіе отряды; они подъѣхали къ Кремлю и спросили: «Въ городѣ ли Великій князь Дмитрій?» имъ отвѣчали, что нѣтъ. Тогда они объѣхали вокругъ всего Кремля, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ: все вокругъ было чисто, потому что сами граждане выжгли посады, и неоставили ни одного тына или дерева, боясь примета къ городу. Между тѣмъ внутри Кремля добрые люди молились день и ночь, а другіе вытаскивали изъ погребовъ боярскихъ воды и начали пить; хмѣль ободрилъ ихъ, и они стали хвастаться: «Нечего намъ бояться Татаръ, городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзные; Татары долго не простоятъ подъ городомъ, потому что имъ будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны княжескаго войска, скоро побѣгутъ въ стѣнь.» Нѣкоторые вошли на стѣны, и начали вславно ругаться надъ Татарами; тѣ грозили имъ издали саблями....

На другой день, 24 числа, подошелъ къ Кремлю самъ Тохтамышъ, и началась осада. Татары пускали стрѣлы какъ дождь, стрѣляли безъ промаха, и много падало осажденныхъ въ городѣ на стѣнныхъ забралахъ; непріятель подѣлалъ уже лѣстницы и вѣлъ на стѣны; но граждане лили на него изъ котловъ горячую воду, кидали камнями, стрѣляли изъ самострѣловъ, пороковъ, пюфяковъ (ружей) и пушекъ, которыя здѣсь въ первый разъ упоминаются. Одинъ купецъ суконникъ, именемъ Адамъ, стоявшій надъ Фроловскими воротами, пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ одного знатнаго князя Татарскаго, о которомъ очень

жалъ Тохтамышъ. Три дня уже бились Татары подъ Кремлемъ, и не было надежды взять его силою; тогда ханъ вздумалъ употребить хитрость: на четвертый день подѣлали къ стѣнамъ большіе князья Ордынскіе и съ ними двое князей Нижегородскихъ, Василій и Семенъ, шуры Великаго князя Дмитрія; они стали говорить осажденнымъ: «Царь хочетъ жаловать васъ, своихъ людей и улусниковъ, потому что вы не виноваты: не на васъ пришелъ царь, а на князя Дмитрія, отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его съ княземъ Остеемъ и поднесли нечестивыя большіе дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дастъ миръ и любовь.» Нижегородскіе князья дали Москвитинамъ клятву, что Ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отворили Кремлевскіе ворота, и вышли лучшіе люди со княземъ Остеемъ, со крестами и съ дарами. Но Татары сперва взяли къ себѣ тайкомъ въ ставъ князя Остея и убили его; потомъ подошли къ воротамъ и начали безъ милости рубить дубовое строеніе, ворвались въ Кремль, всѣхъ жителей побили или понабили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имѣніе частныхъ людей, пожгли и книги, которыхъ множество отовсюду было снесено въ Кремль. Эта бѣда случилась 26-го августа.

Взявши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать свою къ Владимиру и Переяславлю; другіе отряды взяли Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Рузу, Дмитровъ; волости и села понабили; Переяславль былъ сожженъ, но многіе жители его успѣли спастись въ лодкахъ на озеро. В. князь Дмитрій съ семействомъ своимъ укрылся въ Костромѣ; митрополитъ Кирианъ въ Твери. Тверской князь Михаилъ послалъ къ Тохтамышу кн. Ивана своего съ честію и съ большими дарами, за что ханъ послалъ къ нему свое жалованье, ярлыкъ и не тронулъ Тверскихъ владѣній. Между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ близъ Волока съ большою силою; одинъ изъ Тохтамышевыхъ отрядовъ, не зная объ этомъ, подѣлакъ къ нему и былъ разбитъ; испуганные Татары прибѣжали къ своему хану съ вѣстію о большомъ Русскомъ войскѣ,—и тогда опять ясно обнаружилась рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ, обнаружилось слѣдствіе Куликовской битвы: едва успѣлъ узнать Тохтамышъ, что Великій князь стоитъ въ Костромѣ, а братъ его Владиміръ у Волока, какъ тотчасъ стаянулъ къ себѣ всѣ свои

войска, и пошелъ назадъ, взявши на дорогѣ Коломну и опустошивши Рязанскую землю. По уходѣ Татаръ Великій князь и братья его Владиміръ возвратились въ свою опустошенную отчину, поплакали и велѣли хоронить убитыхъ: Дмитрій давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по рублю, и издержалъ на это 300 рублей, следовательно погребено было 24,000 человекъ⁵⁰⁰.

Бѣдою Москвы спашилъ воспользоваться Тверской князь Михаилъ Александровичъ; вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ онъ поѣхалъ въ Орду, и поѣхалъ не прямою дорогою (не прямикомъ), но околицами, опасаясь и таясь отъ Великаго князя Дмитрія: онъ хотѣлъ искать себѣ Великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго. Это заставило Великаго князя отправить въ Орду сына своего Василія съ старшими боярами вѣрными и лучшими, тягаться съ Михаиломъ о великомъ княженіи. Весною 1383 года отправился Василій въ Орду, и лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Тохтамыша съ добрыми рѣчами и съ пожалованіемъ. Но за эти добрыя рѣчи и пожалованіе надобно было дорого заплатить: былъ во Владиміръ лютый посолъ отъ Тохтамыша, именемъ Адашъ, и была дань великая по всему княженію Московскому, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ Орду, говоритъ лѣтописецъ подъ 1384 годомъ. Къ такимъ уступкамъ Великій князь приневоленъ былъ не одною невозможностію опять вступить въ открытую борьбу съ Ордою послѣ недавнихъ раззореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8000 окупа, и только въ концѣ 1385 года молодой князь успѣлъ снастись бѣгствомъ изъ плѣна. Послѣ этого мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Московскаго князя къ Тохтамышу; лѣтопись упоминаетъ только о двукратномъ нашествіи Татаръ на Рязанскія земли.

Не одни отношенія Татарскія занимали Дмитрія послѣ Куликовской битвы. Союзникъ, Мамаевъ, Олегъ Рязанскій, зналъ, что ему нечего ожидать добра отъ Московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію Московскихъ войскъ чрезъ свою землю⁵⁰¹, самъ убѣжалъ въ Литву. Дмитрій послалъ было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержать ее противъ Олега, и поэтому помирился съ послѣднимъ. Договоръ дошелъ до насъ⁵⁰²:

Олегу, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Дмитрія и равнымъ Московскому удѣльному князю — Владимиру Андреевичу; опредѣлены границы между обоими княжествами⁶⁰², при чемъ Олегъ уступилъ Дмитрію три мѣста; Мещера, купленная княземъ Московскимъ, остается за нимъ; упоминается о мѣстахъ Татарскихъ, которые оба князя, и Московскій и Рязанскій, взяли за себя; Олегъ обязался разорвать союзъ съ Литвою, и находится съ нею въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ и Великій князь Московскій; точно также и съ Ордою и со всеми Русскими князьями. — Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру Дмитрія Нижегородскаго, вышелъ на встрѣчу къ хану съ челобитьемъ и обвелъ Татаръ мимо своей области; но слѣдствія этого поступка для Олега были ничья, чѣмъ для князя Нижегородскаго: прежде всего Татары на возвратномъ пути опустошили Рязанское княжество; но едва Тохтамышъ выступилъ изъ Рязанскихъ предѣловъ, какъ Московскіе полки явились въ волостяхъ Олега, и разорили то, что не было тронута Татарами: злыму стало и Татарской рати, говоритъ лѣтописецъ. Олегъ, собравшись съ силами, отомстилъ за это въ 1385 году: онъ напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ ее; Дмитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владимира Андреевича. Но Москвитяне потерѣли поражение, потеряли много бояръ и воеводъ. Дмитрій сталъ хлопотать о мирѣ, отправлялъ къ Рязанскому князю пословъ, но никто не могъ умолить Олега; наконецъ, по просьбѣ Великаго князя, отправился въ Рязань Троицкій игумень, Св. Сергій. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви; князь Олегъ перемѣнилъ свирѣпость свою на кротость, утихъ и умиллся душою; устыдился такого святаго мужа, и заключилъ съ Московскимъ княземъ вѣчный миръ. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Дмитрія.

Въ 1383 году умеръ Дмитрій Константиновичъ Нижегородскій; Тохтамышъ отдалъ ярлыкъ на Нижній по старинѣ брату его Борису; но племянники, сыновья Дмитрія, вооружились, по новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Дмитрія Московскаго, принудили его къ уступкѣ Нижняго. Лѣтописецъ гово-

верить, будто Борисъ пророчилъ Flemingъ, что они будутъ плакать отъ враговъ своихъ. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ, въ послѣдствіи.

Съ именемъ Дмитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Мы видѣли, что Великіе князья Тверской и Рязанскій въ договорахъ съ Великимъ княземъ Московскимъ, приравняются къ Владиміру Андреевичу, и потому для насъ очень любопытно знать отношенія послѣдняго къ старшему двоюродному брату. Къ счастью, до насъ дошли три договорныхъ грамоты, заключенныя между ними. Первая написана въ 1362 году⁵⁰⁴. Братья обзываются жить такъ, какъ жили отцы ихъ съ старшимъ своимъ братомъ, Великимъ княземъ Симеономъ; Симеонову договорную грамоту съ братьями мы знаемъ, но въ ней нѣтъ такихъ любопытныхъ мѣстъ, какія находимъ въ грамотѣ Дмитрія и Владиміра, напримѣръ: «Тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженіе мое великое честно и грозно; тебѣ брату моему младшему служить мнѣ безъ ослушанья по уговору (по згадцѣ), какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ: а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ.» Владиміръ обзывается не искать подъ Дмитріемъ удѣла Симеонова: этимъ вводится новый обычай, по которому уморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ Великому князю, безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярамъ. Не смотря на допущеніе перехода бояръ отъ Великаго князя къ удѣльному и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: «Если случится мнѣ отпущать своихъ воеводъ изъ Великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вмѣстѣ со мною. Если захочешь кого-нибудь изъ бояръ оставить при себѣ, то ты долженъ мнѣ объ этомъ доложить, и мы рѣшимъ вмѣстѣ—кому остаться и кому ѣхать.» Въ 1371 г., былъ заключенъ второй договоръ⁵⁰⁵, по которому Владиміръ обязался не искать Московской княжны Дмитріевой и Великаго княженія Владимірскаго не только подъ Дмитріемъ, но и подъ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Дмитріевой считать старшаго сына его, а своего

алеманика старшимъ братомъ и слушать ему. Мы видѣли, что еще въ первомъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ Великій князь выговаривалъ себѣ право наказывать Владиміровыхъ бояръ въ известномъ случаѣ. Въ 1389 году Дмитрій закаталъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя намъ и неизвестно, чѣмъ именно бояре Владиміровы навлекли на себя гибель Великаго князя; послѣдній велѣлъ схватить старшихъ изъ нихъ и развести по разнымъ городамъ, гдѣ держали ихъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ. О непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны Владиміра сохранилось извѣстіе: онъ захватилъ нѣсколько деревень великокняжескихъ⁵⁰⁶. Ссора впрочемъ была непродолжительна, и братья заключили третій договоръ⁵⁰⁷. Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены отношенія Владиміра къ семейству старшаго двоюроднаго брата. Дмитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцемъ Владиміру старшій сынъ Великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, т. е. равнымъ, а меньшіе сыновья младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ договоръ сходенъ съ первымъ; замѣтимъ только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами: Дмитрій говоритъ Владиміру: «Ты мнѣ человекомъ добилъ чрезъ отца моего Алексѣя митрополита всея Руси, и тебя пожаловалъ, далъ тебѣ Лужу и Боровскъ.»

Строго началъ поступать Великій князь Московскій съ боярами удѣльнаго князя; злая участь постигла и Московскаго боярина, дерзнувшаго возстать противъ своего князя. Мы упоминали объ уничтоженіи сана тысяцкаго въ Москвѣ и о поведеніи Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина; мы видѣли, что Некоматъ возвратился изъ Орды въ Тверь съ ханскимъ ярлыкомъ для князя Михаила; но Вельяминовъ остался въ Ордѣ, какъ видно, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ Московскихъ. Лѣтописецъ говоритъ глухо: «Много нѣчто нестроенія бысть. Въ битвѣ на Вождѣ Русскіе поймали какого-то попа, шедшаго съ Татарами изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали ядовитые коренья, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться въ Руси; но слѣды его были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ Поля, гдѣ теперь

рутенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ первого сановника въ княжествѣ; летописецъ говоритъ: «Бѣ множество народа стояща, и мнози прослезнишася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его.» Какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что летописецъ, говоря о смерти послѣдняго тысяцкаго приводитъ его родословную. Родной братъ казненнаго Ивана Николай былъ женатъ на родной сестрѣ Великой княгини Московской, дочери Дмитрія Константиновича Нижегородскаго, и Великій князь, въ своихъ грамотахъ, называетъ Василя Вельяминова тысяцкаго дядею⁵⁰⁸. Даже и послѣ, не смотря на изгнѣну и казнь Ивана Вельяминова, родъ его не потерялъ своего значенія: послѣдній сынъ Донскаго Константинъ былъ крещенъ Марьєю, вдовою Василя Вельяминова тысяцкаго.

Если Калита и Симеонъ Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу Московскую, то еще большой грозы должны были ждать Новгородцы отъ снѣлаго внука Калитина. По смерти Юрия Московскаго желаніе ихъ исполнилось было: Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, за отца котораго они и прежде такъ хлопотали въ Орду, съѣзъ на Великомъ княженіи во Владимирѣ и немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы посадили ихъ у себя и судъ дали, уговорившись съ княземъ. Неизвѣстно, когда Новгородъ призналъ своимъ княземъ Дмитрія Московскаго; только подъ 1366 годомъ летописецъ упоминаетъ прямо уже о ссорѣ Новгорода съ Великимъ княземъ. Причиною этой ссоры были разбои Новгородской вольницы. Еще въ 1360 году, въ княженіе Дмитрія Константиновича, Новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила тамъ множество Татаръ и разграбила ихъ богатства. Жукотинскіе князья жаловались хану, и тотъ велѣлъ Русскимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено тремя князьями—Суздальскимъ, Нижегородскимъ и Ростовскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Кострому. Подъ 1364 годомъ Новгородскій летописецъ говоритъ, что пріѣхали съ Югры дѣти боярскіе и молодые люди съ воеводами — Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою: воевали они по рѣкѣ Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; Двинане стали противъ нихъ

волокнѣ, но были разбиты⁵⁹. Въ 1366 году пошли опять на Новгород молодые люди на Волгу, безъ Новгородскаго слова съ тремя воеводами: Осипомъ Варсолоименемъ, Василиемъ Олдоровичемъ, Александромъ Абакуновичемъ; много бусурманъ побили подъ Нижнимъ, и въ томъ же году возвратились по здорю. Но Великій князь разорвалъ за это миръ съ Новгородцами велѣлъ сказать имъ: «Зачѣмъ вы ходили на Волгу, и гостей ваших пограбили?» Новгородцы отвѣчали: «Ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, били только бусурманъ; и ты нелюбье отложи отъ насъ.» Въ Вологдѣ слуги Московскаго князя задержали Новгородца Василя Даниловича Машкова съ сыномъ, и Прокопья Кіева, шедшихъ съ Двины; но рати не было: Новгородцы отправили пословъ къ Дмитрію и заключили миръ, вслѣдствіе чего Великій князь прислалъ своего намѣстника въ Новгородъ. Къ этому времени долженъ отнестись дошедшій до насъ договоръ Новгородцевъ съ Великимъ княземъ Дмитріемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ: князья обязались помогать Новгороду въ войнѣ съ Литвою, Тверью и Нѣмцами, а Новгородцы обязались помогать князьямъ въ войнѣ съ Литвою и Тверью; Дмитрій обязался также, въ случаѣ войны, или самъ быть въ Новгородѣ, или послать туда брата Владиміра, и до окончанія войны Новгородца не метать, исключая того случая, когда непріятель нападетъ на собственныя его области⁶⁰. Вслѣдствіе этого договора въ 1364 году, во время войны съ Нѣмцами, князь Владиміръ Андреевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Но тогда борьба между Московскимъ и Тверскимъ княземъ была еще далека до окончанія; ханъ не былъ расподожень и Дмитрію; Михаилъ домогался ярлыка въ Ордѣ, и Новгородцы заключили съ Тверскимъ княземъ обычный договоръ, съ условіемъ: «Вynesутъ тебѣ изъ Орды княженіе великое, и ты самъ будешь князь Великій; если же не вынесутъ тебѣ княженія великаго изъ Орды, то пойти твоимъ намѣстникамъ изъ Новгородъ прочь, и изъ Новгородскихъ пригородовъ, и Новгороду въ томъ измѣны нѣтъ⁶¹.» Вслѣдствіе этого условія Новгородцы и признали Великимъ княземъ Дмитрія Московскаго, когда тотъ ипустилъ Михаила во Владимиръ и самъ вынесъ себѣ ярлыкъ изъ Орды. Мы упоминали уже о враждебномъ столкновеніи Новгѣ

ида съ Тверскимъ княземъ, о взятіи Торжка и странномъ его мустоюшеніи. Принужденный послѣ того къ миру съ Великимъ княземъ Московскимъ, Михаилъ долженъ былъ заключить миръ съ Новгородцами на всей ихъ волгѣ⁵¹³: Тверской князь обязался свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ володей Новгородскихъ, возвратитъ всѣхъ пленныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ безъ окупа, возвратитъ товары, пограбленные у Новгородскихъ и Новоторжскихъ купцовъ, тогда какъ Новгородцы не обязались вознаградить Тверскаго князя за убійства и грабежи, причиненные ихъ вольницею на Волгѣ; Михаилъ обязался также возвратитъ всѣ товары, захваченные у купцовъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ до взятія Торжка. — Московскіе князья исполняли свой договоръ съ Новгородцами: въ 1373 г., князь Владиміръ Андреевичъ опять былъ у нихъ, вѣроятно для оберегання отъ Твери; но потомъ, какъ видно, отношенія изменились, потому что въ 1380 году Новгородцы сказали своему архіепископу Алексію: «Чтобъ тебѣ, господинъ, поѣхать къ Великому князю Дмитрію Ивановичу?» Владыка принялъ хлопоты дѣтей своихъ всего Новгорода, и поѣхалъ въ Мовву вмѣстѣ со многими боярами и житыми мужами. Великій князь принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду цѣловалъ крестъ на всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ⁵¹⁴. Между тѣмъ разбой Новгородской вольницы не прекращались: въ 1369 году осенью шло Волгою 40 ушкуевъ (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камою, и били ихъ подъ Болгарами; въ слѣдующемъ году дважды ходили Новгородцы Волгою и много да надѣлали. Въ 1371 году ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 году разбойники въ 90 ушкуйахъ пограбили Вятку; потомъ взяли Болгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились 300 рублей, послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сарая, а 40 вверхъ, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Марквашъ, высадились на лѣвой берегъ Волги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ, и дорогою раззорили много селъ по берегамъ Ветлуги⁵¹⁵. Въ 1375 году, въ то время, когда Великій князь Дмитрій стоялъ подъ Тверью, Новгородскіе разбойники на 70 ушкуйахъ, подъ начальствомъ Прокопа и какогото Смоленянина, явились подъ Костромою: тамошній воевода Пше-

щевъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ 5,000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1,500 человекъ; но Прокопъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ Костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые вошли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя дома и забирая въ плѣнъ жителей; они забрали съ собою только то, что было подорожное и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнниковъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній Новгородъ, они повернули въ Каму, и помедливши здѣсь нѣкоторое время, вошли въ Волгу; въ городѣ Болгарахъ продали Бусурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣненныхъ въ Костромѣ и Нижнемѣ, и поплыли въ насадахъ по Волгѣ внизъ къ Сарая, грабя гостей христіанскихъ, а Бусурманъ побивая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь Астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ. Будучи занятъ отношеніями Ордынскими, Великій князь Дмитрій не могъ обратить большаго вниманія на подвиги Волжанъ, какъ называли ратниковъ Прокопа; но окончивши дѣла Рязанскія, покойный со стороны Тохтамыша и, для сохраненія этого спокойствія имѣя нужду въ деньгахъ, Дмитрій рѣшился раздѣлаться и съ Новгородцами. Въ 1385 году пріѣзжали отъ него въ Новгородъ бояре брать черной боръ по тамошнимъ волостямъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ ссоры: Новгородскіе бояре ѣздили на Городище тягаться съ Московскими боярами объ обидахъ, при чемъ дворникъ (чадь) главнаго Московскаго боярина, Федора Свибла, побѣждала прямо съ Городища въ Москву, не удовлетворивши Новгородцевъ за обиды; впрочемъ другіе Низовцы (Москвичи) остались въ городѣ добирать черной боръ; а въ слѣдующемъ году отправился къ Новгороду самъ Великій князь съ войскомъ, собраннымъ изъ 29 волостей, въ числѣ которыхъ упоминается Бѣжецкая и Новоторжская: причиною похода были выставлены разбой Волжанъ, взятіе ими Костромы и Нижняго, и еще то, что Новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ. Новгородцы отправили на встрѣчу къ Великому князю пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но Дмитрій отпустилъ ихъ безъ мира и оставился въ 15 верстахъ отъ Новгорода⁵¹⁶. Сюда пріѣхалъ къ

тому владыка Алексѣй и сказалъ: «Господиизъ князь Великій! я благословляю тебя, а Великій Новгородъ весь челомъ бьетъ, чтобы ты заключилъ миръ, а кровопролитія бы не было, за виноватыхъ же людей Великій Новгородъ доканчиваетъ и челомъ бьетъ тебѣ 8000 рублей.» Но Великій князь, сильно сердясь на Новгородъ, не послушалъ и владыки; тотъ поѣхалъ назадъ безъ мира, пославши напередъ себя сказать Новгородцамъ: «Великій князь мира не далъ, хочетъ идти къ Новгороду, берегитесь!» Тогда Новгородцы поставили острогъ и пожгли около города 24 монастыря великихъ и всякое строеніе внѣ города за рвомъ: много было убытку Новгородцамъ и монашескому чину, говоритъ летописецъ; кромѣ того великокняжескіе ратники много волостей повоевали, у купцовъ много товару пограбили, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей отослали въ Москву; Новоторжцы, большіе люди въѣжали въ Новгородъ и изъ иныхъ волостей много народу побѣжало туда же. Наконецъ Новгородцы отправили третье посольство къ Великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священниковъ и пять человекъ житыхъ, съ конца по человеку, которымъ и удалось уговорить Дмитрія къ миру по старинѣ: Новгородцы взяли съ полатей у св. Софїи 3000 рублей и послали къ Великому князю съ двумя посадниками, остальные же 5000 рублей обѣщали взять на Заволоцкихъ жителей, потому что они также грабили по Волгѣ.

Въ то время, когда рать Московская стояла подъ Новгородомъ, начальниками рати Новгородской были князья: Патрикій Наримантовичъ, Романъ Юрьевичъ и какіе-то Копорскіе князья. Не наученные примѣромъ Нариманта, Новгородцы продолжали принимать къ себѣ на кормленіе Литовскихъ князей: въ 1379 году прїѣхалъ въ Новгородъ Юрій Наримантовичъ, въ 1383 братъ его Патрикій, которому Новгородцы дали въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городъ, половину Копорья и Лузское село; новъ слѣдующемъ году Орѣховцы и Кореляне прїѣхали съ жалобою къ Новгороду на князя Патрикія, который прїѣхалъ также въ Новгородъ, поднялъ посуломъ Славянскій конецъ и смутилъ весь городъ. Славяне стали за князя и цѣлыя двѣ недѣли звонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а на другой сторонѣ три конца собрали свое вѣче у св. Софїи, тысяцкій Осипъ съ Плотничанами и добрыми людьми перешелъ къ Софійскому вѣ-

чу, за что Славянскій конецъ съ Ярославовскаго вѣча уда-
рилъ на его дворъ, но Плотничане не выдали Осипа, били Сла-
влянъ и ограбили ихъ. Тогда три конца: Перевскій, Загородскій
и Людннъ вооружились на Славянскій конецъ, и стояли у св.
Софїи навѣчь отъ обѣда до вечерни; съ ними сначала согласился
и Плотницкій конецъ, желая также идти на Славлянъ, но на дру-
гой день отказался, и только три конца написали три одинакія
грамоты обѣтныя — стоять за одно, а Славляне съ княземъ
Патрикіемъ все стояли на вѣчь на Ярославовомъ дворѣ. Нако-
нецъ всѣ пять концовъ уладились: отняли прежніе города у Па-
трикія, а вмѣсто нихъ дали ему Русу, Ладогу и Наровскій бе-
регъ; написали съ нимъ договорную грамоту и запечатали на
вѣчь на Ярославовомъ дворѣ. Подъ 1388 годомъ лѣтопись упо-
минаетъ о другой смутѣ: встали три конца Софїйской стороны
на посадника Осипа Захарыча, созвонили вѣче у св. Софїи и
пошли на дворъ Осиповъ какъ рать сильная, всѣ вооруженные,
взяли домъ его и хоромы развезли, а посадникъ Осипъ бѣжалъ
за рѣку въ Плотницкій конецъ; торговая сторона встала за него
вся: начали людей грабить, перевозчиковъ отбивать отъ берега,
лодки ихъ разсѣкать, и такъ продолжалось двѣ недѣли; наконецъ
сошлись въ любовь и дали посадничество Василю Ивановичу.
Послѣ того какъ лѣтописецъ пересталъ упоминать постоянно объ
избраніи и сверженіи посадниковъ, мы потеряли возможность
представлять непрерывный рядъ этихъ сановниковъ и отличать
посадниковъ степенныхъ отъ старыхъ. Подъ 1360 годомъ встрѣ-
чаемъ въ лѣтописи имя посадника Александра; подъ 1371 и
1375 годомъ упоминается посадникъ Юрій Ивановичъ; подъ
1386 посадникъ Ѳеодоръ Тимоѣевичъ; подъ 1388 Осипъ Захарь-
ичъ, смѣненный, какъ мы видѣли, Василюмъ Ивановичемъ, но
въ томъ же году упоминаются посадники (старые) Василій Ѳе-
одоровичъ и Михаилъ Даниловичъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ
Великимъ княземъ Димитріемъ Московскимъ и Михаиломъ Твер-
скихъ встрѣчаемъ имя посадника Юрія; въ наказѣ посланъ, от-
правленнымъ изъ Новгорода къ князю Михаилу, Тверскому чи-
таемъ имя посадника Михаила, на печатахъ, приложенныхъ къ
этому наказу, читаемъ имена посадниковъ: Якова, Андрїана,
Юрія Ивановича.

Псковъ по прежнему велъ войну съ Нѣмцами Ливонскими, въ которой принималъ участіе и Новгородъ. Въ 1362 году пригнали Нѣмцы, и перебили на Лудвѣ ⁵¹⁶ нѣсколько головъ на миру; на это Псковичи задержали Нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тогда много во Псковѣ ⁵¹⁷. Въ слѣдующемъ году пріѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться съ Псковичами; пріѣхали и Псковичи, наговорили много ⁵¹⁸, а поѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ Новгородскихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда Новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по боярину изъ каждаго конца, которымъ удалось помирить (сморвить въ любовь) Нѣмцевъ со Псковичами: Нѣмцы отпустили Новгородскихъ купцовъ, а Псковичи Нѣмецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непродолжителенъ; на этотъ разъ миротворцемъ хотѣлъ быть Великій князь Московскій, и въ 1367 году посоль его Никита пріѣхалъ въ Юрьевъ, жилъ здѣсь долго, но не сдѣлавши ничего добраго, возвратился во Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать Нѣмецкая и пожгла посадъ, но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время другая Нѣмецкая рать явилась у Велья ⁵¹⁹ и разбила Псковскую поговю: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ Псковичи съ какимъ-то княземъ Александромъ отправились къ Новому Городку (Нейгаузену) воевать Чудь, при чемъ небольшой отрядъ охочихъ людей подъ начальствомъ Селила Скертовскаго поѣхалъ въ разгонъ къ Киремпе ⁵²⁰, наткнулся на отрядъ Нѣмецкій и былъ разбитъ имъ: князь Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать Новгородцамъ: «Господа братья! Какъ вы заботитесь объ насъ, своей братьѣ младшей?» Новгородцы задержали пословъ Нѣмецкихъ, потому что Новгородскіе купцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ городахъ Ливонскихъ, и въ 1368 году отправили войска къ Изборску, осажденному Нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, слышавши о приближеніи Новгородцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять подъ Псковъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши; лѣтописецъ упоминаетъ только имена двухъ убитыхъ Псковичей и одного взятаго въ плѣнъ и затрав-

леннаго Нѣмцами. Въ 1370 году Новгородцы и Псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападенія, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ, а Псковскій жалуется на Новгородцевъ, зачемъ они отъ Городка не пошли въ Нѣмецкую землю, и возвратились назадъ, неспособивши ни мало Псковичамъ, которые одни сожгли Киремпе, и взяли множество добычи, Нѣмцы—одни были побиты, а другіе задохнулись отъ зноя въ погребехъ. Въ 1371 году Новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяцкимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ Нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ⁵²¹; но подъ 1377 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ Новгородскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку Нѣмецкому: они стояли долго подъ городомъ, посады весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли всѣ поздорову.

Во все это время во Псковѣ и въ пригородахъ мы видимъ разныхъ князей неизвѣстнаго намъ происхожденія. Такъ упоминается Изборскій князь Евстаѣй, умершій въ 1360 году вмѣстѣ съ двумя сыновьями; потомъ упоминается князь Александръ; въ 1375 году встрѣчаемъ князя Матѳея; но въ слѣдующемъ году прибѣжалъ во Псковъ бывшій уже прежде здѣсь княземъ Андрей Олгердовичъ; Псковичи посадили его къ себѣ на княженіе съ согласія Великаго князя Московскаго, и Андрей водилъ Псковскія полки на Куликовскую битву, куда братъ его, Великій князь Литовскій Ягайло, велъ войско для соединенія съ Мамаемъ. Дня или еще меньше опоздалъ Ягайло, и узнавши у Одоева о пораженіи своего союзника, возвратился назадъ. Послѣ онъ уже не могъ продолжать борьбы съ Димитріемъ Московскимъ, потому что внутреннія дѣла заняли все его вниманіе. Мы видѣли, что Витовтъ освободился изъ плѣна, слѣдовательно Ягайлу началъ грозить борьба съ опаснымъ врагомъ; но изгнанникъ не могъ дѣйствовать противъ двоюроднаго брата одними собственными средствами, и вошелъ въ сношенія съ Нѣмецкимъ Орденомъ, обязавшись въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратити отчину, объявить себя подручникомъ Ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: онъ достигалъ такимъ образомъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій Магистръ послалъ объявить

Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступить въ владѣніе отчиною Кейстutowичамъ, находящимся подъ высокою рукою Ордена. Ягайло не послушался, и война открылась. Самъ Великій Магистръ, Конрадъ Цольнеръ, вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ, но подлѣ хоругви Ордена развѣвалось знамя Литовско-Жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядами своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все юлье и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ овладѣлъ Троками, и какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы Литвы и Жмуди начали бѣгаться къ сыну Кейстutowу, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего Троцкаго княжества. Но едва только Великій Магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось многочисленное войско Ягайлово и принудило Нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобъ получить болѣе дѣятельную помощь отъ Ордена; онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ Ордена и уступилъ послѣдному въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріалами; положено было возобновить старое мѣсто, чтобъ изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла. Самъ Великій Магистръ опять предводилъ ополченіемъ; шесть недѣль безъ отдыха работало множество народа, стѣны двѣаго Ковна поднялись; но крѣпость уже носила новое чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ становилось ясно, что Литвѣ готовится участь Пруссій; но къ счастью для Литвы низья ея успѣшили вовремя прекратить усобицу: Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней ратской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два Орденскіе замка, перемѣнилъ католицизмъ на православіе, оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ Нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый Ковенскій замокъ — Риттерсвердеръ — ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали обывать съ необыкновенною дѣятельностію. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ Орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день про-

исходили кровавыя стычки: въ ловкости брали верхъ Нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ Литва и Русь; особенно Литовскія пушки плохѣйствовали въ сравненіи съ Нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехъ недѣльныхъ усилій, Литовцамъ и Русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду Нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ.

Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло Ордену большія потери; но эти потери были только предвѣстницами страшной опасности, которая начала грозить ему отъ соединенія Литвы съ Польшею вслѣдствіе брака Ягайла на Ядвигу, наслѣдницѣ Польскаго престола. Польскій король Казимиръ Великій, не имѣя дѣтей, назначилъ наслѣдникомъ по себѣ племянника своего, Людовика короля Венгерскаго; король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ на счетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казимира въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Людовика подтвержденія шляхетскихъ правъ⁵⁸². Двѣнадцатилѣтнее правленіе Людовика ознаменовано было безпрестанными смутами, потому что король жилъ въ Венгріи и не обращалъ большаго вниманія на Польшу, предоставленную такимъ образомъ самой себѣ⁵⁸³. Въ 1382 году умеръ Людовикъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ наслѣдникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфа Бранденбургскаго, сына Чешскаго короля и Нѣмецкаго императора Карла IV. Но Польскіе вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать ей въ мужа князя на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ Мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая внутренними волненіями и кровопролитіями. Наконецъ въ 1384 году Ядвига пріѣхала въ Краковъ и была принята съ большею радостію всѣмъ народомъ, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смутъ междуцарствія. Надобно было теперь думать о ея бракѣ; Семовитъ Мазовецкій уже успѣлъ пріобрѣсть нерасположеніе Поляковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признать его: кромѣ того, присоединеніе Мазовіи къ владѣніямъ Казимира Великаго

каго мало льстило вельможамъ; по той же причинѣ отвергнуть былъ и другой искатель — Владиславъ, князь Опольскій, также потомокъ Пяста. У Ядвиги былъ еще другой женихъ, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась, къ которому была привязана нѣжною страстью: то былъ Вильгельмъ, герцогъ Австрійскій. Но Вильгельмъ не нравился Польскимъ вельможамъ, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи⁵²⁴. Ихъ вниманіе обратилъ на себя болѣе выгодный женихъ: въ 1385 году явились къ Ядвигѣ послы литовскіе съ предложеніями, что князь Ягайло приметъ Римскую вѣру не только самъ, но и со всѣми родственниками, вельможами и народомъ, выдастъ безъ окупа Польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ на вѣки съ Польшею свои наслѣдственные и пріобрѣтенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возвратитъ потеряныя ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ сумму, должную Вильгельму Австрійскому за несдержаніе обѣщанія на счетъ руки королевича. Ядвигѣ не очень пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно вельможамъ Польскимъ; они представили королевѣ высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли поколебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является въ Краковѣ Вильгельмъ Австрійскій. Тщетно вельможи запретили ему входъ въ Краковскій замокъ: Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ Францисканскомъ монастырѣ, и злѣсь страсть ея къ прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ⁵²⁵, и слышать не хотѣла болѣе объ Ягайлѣ и обвѣнчалась съ Вильгельмомъ; но когда онъ хотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ Краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ оттуда изгнанъ вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; тогда Вильгельмъ, опасаясь чего-нибудь еще худшаго, поспѣшилъ скрыться изъ Кракова. Между тѣмъ Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и прелаты снова подступили къ Ядвигѣ съ просьбами не отказываться отъ брака съ Литовскимъ княземъ и заслужить названіе просвѣтительницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣскольکو отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно беспокоила молва, что Ягайло

былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ; чтобъ увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему на встрѣчу самаго преданнаго себѣ человека съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ вотвратившись къ Ядвигѣ донесъ ей, что Литовскій князь наружностію пріятель, красивъ и строенъ, роста средняго, длиннолицъ, во всемъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого порока, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя.

Въ 1386 году совершенъ былъ бракъ Ягайла съ Ядвигою, имѣвшій такое великое вліяніе на судьбы восточной Европы. Согласно съ условіями Ягайло отрекся отъ православія, причемъ прежнее имя Якова переимѣнилъ на имя Владислава; ему послѣдовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный Витовтъ, пріѣхавшій съ нимъ на свадьбу въ Краковъ. Ягайло спѣшилъ исполнить и обѣщаніе относительно распространенія католицизма въ Литвѣ: здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина Виленскихъ жителей исповѣдовала его; но такъ какъ православіе распространялось само собою, безъ особеннаго покровительства и пособій со стороны свѣтской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали дѣйствовать латинскіе проповѣдники, пріѣхавшіе теперь съ Ягайломъ въ Литву: они начали истребленіемъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго богослуженія, и народъ, котораго прежнія вѣрованія были ослаблены давнымъ знакомствомъ съ христіанскою религіею посредствомъ Русскихъ, безъ большаго труда согласился на принятіе новой вѣры. Впрочемъ латинскіе проповѣдники дѣйствовали успѣшно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя давно уже находились подъ Русскимъ вліяніемъ, въ Жмуди же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія къ новой религіи. Но если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться съ православіемъ, имѣвшимъ здѣсь издавна многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; наступательныя дѣйствія Латинства

противъ него начались немедленно: постановлено было, что Русскія, выходящія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, а мужья православной вѣры должны принимать исповѣданіе женъ: есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ⁵²⁶.

Вмѣстѣ съ новостями религіозными явились и политическія: князя племени Рюрика и Гедимина принуждены были присягать коронѣ Польской и королевѣ Ядвига: такъ въ 1386 году князь Ѳеодоръ Острожскій утвержденъ былъ на своей отчинѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наследники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ Польской, какъ прежде служилъ князь Ѳеодоръ князю Любарту Гедиминовичу Волинскому⁵²⁷. Но подобный порядокъ вещей не могъ безпрепятственно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиниться Польшѣ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, началась борьба: началась она подъ покровомъ личныхъ стремленій князей Литовскихъ,^f кончилась возстаніемъ Малой Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Андрей Вингольтъ Олгердовичъ, котораго мы видѣли во Псковѣ, въ Москвѣ и на Куликовомъ полѣ со Псковичами, успѣлъ овладѣть опять Полоцкомъ; извѣстно только то, что онъ вторично возсталъ на Ягайла подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній, принявши католицизмъ, не имѣетъ болѣе права владѣть православными областями. Андрей соединился съ Нѣмецкими рыцарями, которые опустошили Литовскія владѣнія больше, чѣмъ на 60 миль. Эта война кончилась тѣмъ, что другой братъ Ягайловъ, Скиргайло, взялъ Полоцкъ, захватилъ въ плѣнъ Андрея, а сына его убилъ⁵²⁸. Но опаснѣе для Ягайла была новая борьба съ Витовтомъ. Новый Польскій король назначилъ намѣстникомъ Литвы брата своего Скиргайла, съ титуломъ Великаго князя, но столица его была въ Трокахъ; въ Вильнѣ же сидѣлъ Полякъ, староста королевскій⁵²⁹. Характеръ Скиргайла Польскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому былъ нестерпимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи⁵³⁰. Иначе отзываются объ немъ православные лѣтописцы, называя

его княземъ чуднымъ и добрымъ⁵²¹; причина такого разнорѣчія ясна: Скиргайло оставался вѣренъ православію, и потому былъ любимъ Русскимъ народомъ⁵²². Между Троицкимъ княземъ Скиргайломъ и Гродненскимъ Витовтомъ скоро возникли несогласія: Витовту наговаривали, что Скиргайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ⁵²³, не желая имѣть соперника въ Литвѣ; въ нерасположеніи Ягайла Кейстутовичъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему грамотъ на уступленныя области, не согласился придать ему волости князя Любарта Волинскаго; потомъ это нерасположеніе обнаружилось еще сильнѣе, когда Ягайло заключилъ въ оковы посланца Витовтова и вымучивалъ у него показанія о сношеніяхъ его князя съ княземъ Московскимъ⁵²⁴. Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ было нечаянно овладѣть Вильною, но попытка не удалась и онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ пѣмецкимъ рыцарямъ.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, соединеніе которой съ Польшею грозило ему страшною опасностію въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ соединенныхъ силъ двухъ государствъ; съ другой стороны самое существованіе его стало теперь болѣе ненужнымъ, ибо онъ учрежденъ былъ для борьбы съ язычниками, для распространенія между ними христіанства по ученію Западной церкви; но теперь самъ Великій князь Литовскій, ставши Польскимъ королемъ и принявши католицизмъ, обязался утвердить послѣдній и въ своихъ наследственныхъ волостяхъ и усердно исполнялъ свое обязательство. Немудрено послѣ этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намѣреніяхъ Ягайла вступить въ бракъ съ Ядвигою: они стали разглашать, что это соединеніе Польши съ Литвою грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непременно обратитъ Польшу въ язычество; мы видѣли, что они поддерживали Андрея Полоцкаго противъ Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдалъ имъ Жмудъ и Гродно подъ залогъ. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобъ поправить дѣло, Орденъ въ 1390 году выслалъ въ Литву сильное войско, при которомъ въ числѣ заграничныхъ гостей находился графъ Дер-

би, послѣ ставшіи герцогомъ Ланкастерскимъ и наконецъ коро-
 лемъ Англійскимъ, подъ именемъ Генриха IV. Послѣ удачной
 битвы на берегахъ Виллы, крестоносцы осадили Вильну, взяли
 нижній замокъ измѣною пріятелей Витовтовыхъ, но верхняго
 взять не могли и принуждены были отступить по причинѣ хо-
 лодныхъ осеннихъ ночей, недостатка въ състныхъ припасахъ
 и болѣзней. Въ 1391 году, усиленный толпами новыхъ при-
 шельцевъ изъ Германіи, Франціи, Англіи и Шотландіи, Великій
 Магистръ, Конрадъ Валленродъ, въ челѣ 46-тысячнаго войска
 вступилъ въ Литву. Витовтъ съ своею Жмудью и Магистръ Ли-
 вовскаго Ордена соединились также съ нимъ, и всѣ двинулись
 опять на Вильну; но на дорогѣ получили вѣсть, что вся страна
 на пять миль въ окружности этой столицы опустошена въ ко-
 нецъ самими Литовцами. Великій Магистръ, потерявъ надежду
 прокормить свое войско въ опустошенной странѣ, не могъ бо-
 лѣ думать объ осадѣ Вильны и возвратился назадъ, удоволь-
 ствовавшись построеніемъ деревянныхъ острожковъ на берегахъ
 Нѣмана, охрана которыхъ поручена была Витовту. Послѣдній
 съ Нѣмецкимъ отрядомъ осадилъ Гродно, гдѣ королевскій гар-
 низонъ состоялъ большею частію изъ Русскихъ и Литвы, потомъ
 изъ Поляковъ. Сначала осажденные оказали сильное сопротив-
 леніе; Витовтъ уже терялъ надежду взять крѣпость, какъ вдругъ
 вспыхнулъ въ ней пожаръ, а вмѣстѣ съ пожаромъ ссора между
 Поляками и Литовцами, вѣроятно вслѣдствіе подозрѣнія, что
 пожаръ произведенъ послѣдними, расположенными къ Витовту.
 Литовцы пересилили Поляковъ, заперли ихъ, загасили пожаръ и
 сдали крѣпость Кейстутову сыну. Между тѣмъ члены коро-
 левскаго совѣта въ Краковѣ дѣйствовали благоразуміемъ Грод-
 ненскаго гарнизона: они старались всѣми силами оторвать опять
 Витовта отъ Ордена, и успѣли въ этомъ, потому что сыну Кей-
 стутову тяжело было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ
 рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ ко-
 роль выполнялъ всѣ его требованія, давалъ ему грамоту на Литву
 и Жмудь. И вотъ нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска,
 явился Витовтъ передъ Ковно, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ
 и вѣрный слуга Ордена, но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость,
 какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ важныя мѣста, перехват-
 талъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, приказалъ разломать мосты

на Неманъ и Вилия, потомъ также печально овладѣть Гродномъ и новыми острожками Ордена. Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1392 года миръ между Ягайломъ и Витовтомъ не прерывался болѣе. Скиргайло, принужденный отказаться отъ Литвы въ пользу Витовта, получилъ дипломъ на достоинство Великаго князя Русоваго и Кіевъ столицей; но въ Кіевѣ сидѣлъ другой Ольгердовичъ, Владиміръ, посаженный здѣсь отцомъ своимъ, который выгналъ изъ Кіева прежняго князя Федора⁴³³. Владиміръ не хотѣлъ уступить Руси брату, и Витовтъ долженъ былъ оружіемъ доставить Кіевскій столъ Скиргайлу.

Всѣ эти внутренніи происшествія не давали князьямъ Литовскимъ возможности думать о наступательныхъ движеніяхъ на сѣверовосточную Русь; но они со славою и выгодною успѣли уничтожить попытку Смоленскихъ князей къ наступательному движенію на Литву. Въ 1386 году Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ съ сыновьями Глѣбомъ и Юріемъ, и племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ, собралъ большое войско и пошелъ къ Мстиславлю, который прежде принадлежалъ Смоленскимъ князьямъ и потомъ былъ у нихъ отнятъ Литовцами. Идучи Литовскою землею, Смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили ихъ нещадно различными казнями, мужчинъ, женщинъ и дѣтей: ныхъ, заперши въ избахъ, сжигали, младенцевъ на колъ сажали. Жители Мстиславля затворились въ городѣ съ намѣстникомъ своимъ, княземъ Коригайломъ Ольгердовичемъ; десять дней стояли Смольняне подъ Мстиславлемъ, и ничего немогли сдѣлать ему, какъ въ одиннадцатый день поутру показался въ полѣ стягъ Литовскій: тошелъ Великій князь Скиргайло Ольгердовичъ; немного подальше выступалъ другой полкъ — велъ его князь Дмитрій-Корибутъ Ольгердовичъ, за полкомъ Корибутовымъ шелъ полкъ Симеона Лугвенія Ольгердовича, наконецъ показалась и рать Витовтова. Литовскія полки быстро приближались; Смольняне смутились, увидавши ихъ, начали скорѣе одѣваться въ броню, выступали на бой и сошлись съ Литовцами на рѣкѣ Вехрѣ подъ Мстиславлемъ, жители котораго смотрѣли на битву, стоя на городскихъ забралахъ. Битва была продолжительна, наконецъ Ольгердовичи одолѣли; самъ князь Святославъ Ивановичъ былъ убитъ однимъ Полякомъ въ дубравѣ; племянникъ его Иванъ былъ также убитъ, а двое сыновей попались въ плѣнъ. Литовскіе князья

въ слѣдъ за будущими пошелъ къ Смоленску, взяли съ него окупъ, и посадили княземъ изъ своей руки Юрій Святославича, а брата его Глѣба повели въ Литовскую землю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Востокъ и Западъ когда въ 1369 году умеръ Великій князь Московскій Димитрій, еще только 39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Димитрія въ тишинѣ приготовили богатые средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Димитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленные силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы не станемъ взвѣшивать заслугъ Димитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ; замѣтимъ только, что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовленія, и богатое событіями княженіе Димитрія, протекавшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмѣло бѣдными событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ Куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамай получилъ подлѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой северовосточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаваемого дѣятельности Димитрія современниками, служить существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Наружность Димитрія описывается такимъ образомъ: «Баше крѣпокъ и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ и плечистъ и чревать вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою жъ и власы чернъ, взоромъ же дивенъ зѣло²⁶». Въ житіи прославляется строгая жизнь Димитрія, отвращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, цѣломудріе до брака и послѣ брака; между прочимъ говорится: «аще и книгамъ неученъ бѣаше добръ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имаше²⁷». Кончина Димитрія описывается такимъ образомъ: «разболѣся и прискорбенъ бысть вельми, потомъ же легчае бысть ему; и пакы впаде въ боольшую болѣзнь и стenanіе приде къ сердцу его, яко торгати внутрънимъ его, и уже приближися къ смерти душа».

Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи²⁸; въ немъ встрѣчаемъ неслыхан-

ное прежде расторженіе: Московскій князь благославляетъ старшаго своего сына Василія Великимъ княземъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Кромѣ Василія, у Дмитрія оставалось еще пять сыновей: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ; но двое послѣднихъ были малолѣтны; Константинъ родился только за четыре дня до смерти отцовской, и Великій князь поручаетъ свою отчину, Москву, только четыремъ сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т. е. въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ: онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ Великій князь половину отдаетъ старшему сыну Василю, а старшій путь; другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями. Другіе города Московскаго княжества раздѣлены между четырьмя сыновьями: Коломна старшему Василю, Звенигородъ Юрію, Можайскъ Андрею, Дмитровъ Петру. Благословляя старшаго Василія областію Великаго княженія Владимірскаго, къ которому принадлежали области Костромская и Переяславская, Дмитрій отдаетъ остальнымъ тремъ сыновьямъ города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичъ, Андрею Белоозеро, Петру Угличъ. Предпослѣдній сынъ, Иванъ сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено изъ собственно Московской отчины, удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такому, по видимому, несправедливости объясняютъ слова завѣщателя: «Въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ». Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на потомство: вотъ почему Донской даетъ ему право распорядиться своимъ маленькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до него добръ; въ самомъ дѣлѣ Иванъ умеръ скоро по смерти отца¹¹¹. Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: «А дастъ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по доли у большихъ его братьевъ.» Книгиня своей Дмитрій завѣщалъ по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына съ тѣмъ, чтобъ

не смерти ее эти волости отошли къ тому князю, къ удѣлу котораго принадлежали; не тѣми волостями, которыя примыслилъ самъ Дмитрій и далъ жонѣ, или которыя она сама примыслила, Великая княгиня могла распорядиться по произволу: «сыну ли которому дастъ, во дунѣ ли дастъ». Великою княгиня уступлена также неограниченная власть при дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей между сыновьями въ слѣдующихъ случаяхъ: когда умретъ одинъ изъ князей, то удѣломъ его княгиня дѣлитъ остальныхъ сыновей; если у котораго-нибудь изъ князей будетъ отчины, то княгиня вознаграждаетъ его за потерю, отдѣливъ ему часть изъ удѣловъ остальныхъ братьевъ; если умретъ старшій сынъ⁴⁴⁰ князь Василій, то его удѣлъ переходитъ къ старшему по немъ брату; удѣлъ послѣдняго княгиня дѣлитъ между всеми сыновьями. Наконецъ завѣщатель выражаетъ надежду, что сыновья его перестанутъ давать выходъ въ Орду⁴⁴¹.

Говоря о важномъ значеніи княженія Дмитріева въ исторіи сѣверовосточной Руси, мы не должны забывать и дѣятельности бояръ Московскихъ: они, пользуясь обстоятельствами, отстаивали права своего малолѣтняго князя и своего княжества, которыми и управляли до возмужалости Дмитрія. Послѣдній не остался не благодаренъ людямъ, которые такъ сильно хотѣли ему добра; доказательствомъ служатъ слѣдующія мѣста житія его⁴⁴², обнаруживающія всю степень вліянія бояръ на событія Дмитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Дмитрій, по словамъ очевидителя житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: «Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте.» Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: «Вы знаете, каковъ мой обычай и нравъ, родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ низложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ Русской землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнял ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей.»

Кто же были эти бояре? Первое мѣсто между ними принадлежитъ Дмитрію Михайловичу Волинскому—Боброку, побѣдителю Рязанцевъ и рѣшителю Куликовской битвы; онъ выѣхалъ изъ Волни въ Москву при Донскомъ и женился на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ; между свидѣтелями, подписавшимися на второй духовной В. князя, имя Дмитрія Михайловича стоитъ на первомъ мѣстѣ. Послѣ Волинскаго слѣдуетъ Тимошей Васильевичъ окольникій, который называется также великимъ воеводою; по родословнымъ книгамъ онъ былъ братъ послѣдняго тысяцкаго, Василя Васильевича Вельяминова; въ первой духовной Донскаго онъ подписался свидѣтелемъ на первомъ мѣстѣ, во второй духовной на второмъ, уступивъ первое Дмитрію Михайловичу Волинскому; подпись эта доказываетъ, что онъ не былъ убитъ на Кулиновомъ сраженіи, какъ говорится въ сказаніяхъ. Послѣ Тимошей окольникаго на духовныхъ грамотахъ слѣдуетъ подпись Ивана Родіоновича Квашни, который въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ называется Костромскимъ воеводою: это былъ сынъ извѣстнаго Родіона Несторовича, боярина Калитина. Послѣ имени Ивана Родіоновича въ духовныхъ Великаго князя слѣдуютъ имена двоихъ Ѳедоровъ Андреевичей: первый былъ сынъ извѣстнаго уже въ предыдущее княженіе боярина Андрея Кобылы; но сынъ, Ѳедоръ Андреевичъ, носилъ уже другое прозваніе—Кошка; о знатности этого боярина свидѣтельствуется то, что Великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ женилъ своего сына на его дочери⁴⁴. Другой бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ Свиблъ былъ правнукъ знаменитаго Акинѳа чрезъ сына его, извѣстнаго уже намъ Ивана. Свиблъ, какъ мы видѣли, былъ начальникомъ рати, опустошившей землю Мордовскую; кто изъ обоихъ Ѳедоровъ Андреевичей былъ оставленъ въ Москвѣ воеводою во время Донскаго похода и кто изъ нихъ вытѣгалъ у Смольнянъ два мѣста, какъ значитса въ духовной Великаго князя — рѣшить нельзя, ибо прозваній въ обоихъ случаяхъ нѣтъ. Во второй духовной встрѣчаемъ имена двоихъ Ивановъ Ѳедоровичей: одинъ изъ нихъ долженъ быть сына боярина Ѳедора Кошки; что же касается до другаго, то въ родословныхъ книгахъ значитса, что у послѣдняго тысяцкаго Василя Васильевича, былъ братъ Ѳедоръ Воронежъ, у котораго былъ сынъ Иванъ, носившій боярское званіе. Но очень можетъ

бить также и Иванъ Федоровичъ Уда, происшедшій, по родословнымъ, отъ князей Фоминскихъ—Смоленскихъ; имя одного Ивана Федоровича встрѣчается и въ первой духовной и въ договорной грамотѣ съ Олгердомъ. Что касается до остальныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ подписяхъ на грамотахъ: Ивана Михайловича, Дмитрія Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видѣли прежде имена: Михаила, Александра, Василия и Андрей между боярами Московскими; Дмитрій Александровичъ можетъ быть или Дмитрій Александровичъ Всеволожь, сынъ выхода Смоленскаго, князя Александра Всеволодовича, который вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ упоминается въ сказаніяхъ о Донской битвѣ, или внукъ мурзы Чета, выѣхавшаго при Калитѣ, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ⁵⁴⁴. Относительно Александра Андреевича должно замѣтить, что по родословнымъ между боярами Великаго князя Дмитрія значится Андрей Одинецъ, у котораго былъ сынъ Александръ Белеуть; Александръ Белеуть вмѣстѣ съ Федоромъ Свибломъ и Иваномъ Федоровичемъ Удаю, былъ посланъ въ 1384 г. въ Новгородъ братъ черный боръ; но кромѣ того между братьями Федора Андреевича Свибла встрѣчаемъ имена — Александра и Ивана. Въ лѣтописи подъ 1367 годомъ встрѣчаемъ воеводу Дмитрія Минина, родоначальника Софоновскихъ и Проестевыхъ, посланнаго противъ Олгерда вмѣстѣ съ воеводою князя Владиміра Андреевича, Акинфомъ Федоровичемъ Шубою⁵⁴⁵. Посломъ въ Константинополь съ нареченнымъ митрополитомъ Митяемъ отправленъ былъ большой бояринъ Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешенскій⁵⁴⁶, сынъ известнаго намъ при Калитѣ Василия Кочевы. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается Владимирскій воевода Тимофей Валуевичъ, Переяславскій Андрей Серкизовичъ; по родословнымъ книгамъ къ Великому князю Дмитрію выѣхалъ изъ Орды царевичъ Серкизь, у котораго былъ сынъ Андрей; бояриномъ же Донскаго называется Владиміръ Даниловичъ Красный Снабда потомокъ князей Муромскихъ. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается бояринъ и крѣпкій воевода Семень Меликъ; въ родословныхъ значится: «Семень Меликъ да Василій; оба изъ Нѣмецъ пришли». Между убитыми на Дону упоминаются: Михайлъ Андреевичъ Бренко, любимецъ ве-

лннокнижескій, Семенъ Михайловичъ, Михайла и Иванъ Акин-
 оевичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Шуба, Валуй Огатье-
 вичъ, Левъ Мазыревъ⁴⁴⁷, Тарась Шетневъ⁴⁴⁸. Упомянется бо-
 яринъ Михаило Александровичъ, который сказалъ Великому
 князю, сколько осталось въ живыхъ послѣ Куликовской битвы.
 Подъ 1382 годомъ упоминаются бояре Симеонъ Тимошеевичъ
 (сынъ околичаго, по родословнымъ) и Михаилъ, быть можетъ,
 Михаилъ Андреевичъ Челядя, братъ Федора Свибла, вздвинув-
 за митрополитомъ Кипріяномъ. Подъ 1375 годомъ упоминается
 намѣстникъ Великаго князя въ Новгородѣ, Иванъ Прокшиничъ,
 посломъ отъ Великаго князя во Псковъ пріѣзжалъ Никита. Подъ
 1375 годомъ упоминается Костромской воевода Александръ
 Плещей: по родословнымъ, это былъ меньшей братъ св. митро-
 полита Алексѣя, сынъ боярина Федора Бяконты, вышедшаго изъ
 Чернигова⁴⁴⁹. — Дьякомъ при Великомъ князѣ Дмитріи былъ
 сначала прежній Несторъ, а потомъ Внукъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 119: рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову. — Тамъ же, III, 32: Изгони Всеволодъ Чьрмыныи внуку Ростиславѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есть 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ.

2) Особенное усердіе современнаго лѣтописца къ Рюрику Ростиславичу видно изъ похвалы этому князю при описаніи построенія стѣны у Выдубецкаго монастыря.

3) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 174.

4) Тамъ же, II, 15.

5) Тамъ же, I, 169; II, 125, 136.

6) Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 231.

7) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153.

8) Тамъ же, стр. 96.

9) Тамъ же, стр. 159. Володиславъ же вѣха въ Галичъ, и во-
княжися и сѣдѣ на столѣ.

10) Послѣ увидимъ, что считалось незаконнымъ вступленіе князя на столъ не по отчиму и дѣдичу: это, по нашему мнѣнію, прекращаетъ споръ объ изгойствѣ князей. — Представлено мнѣніе, что въ выраженіи: «аще князь осиротѣеть» нельзя видѣть первоначальное значеніе сиротства, но производное—именно лишеніе волости, ибо въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ сирота значить нищій. Но во 1) въ древнихъ памятникѣхъ сирота имѣетъ совсѣмъ другое производное; во 2) для насъ важно то, что при господствѣ родовыхъ отношеній въ обществѣ всякаго рода лишенія происходили вслѣдствіе сиротства, слѣд. если бы даже князь сирота и означалъ князя лишеннаго владѣнія, то главною причиною лишенія владѣнія остается сиротство, на что прямо указываетъ языкъ; 3) возраженіе, что если принимать здѣсь слово: осиротѣеть въ первоначальномъ смыслѣ, то выйдетъ, что всѣ князья будутъ изгони, ибо всѣ рано или поздно

осиротѣють — это возраженіе не имѣетъ смысла, ибо сиротами называются малолѣтныя, не имѣющіе самостоятельнаго существованія; сорокалѣтняго человѣка никто не назоветъ сиротою, если онъ и лишится отца.

11) Тамъ же, стр. 96.

12) Тамъ же, I, 153.

13) Тамъ же, II, 134: Володимеръ же Глѣбовичъ испросился у Святослава и во Рюрика вздти на переди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославу же не любо бышеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и инѣи вси улюбиша, зане бѣ мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати.

14) Тамъ же, стр. 63, Андрей поча радити полкъ отца своего, зане бѣ старѣи тогда въ братьѣ. — При войскѣ былъ и отецъ его, Юрій, но, подобно брату Вячеславу, онъ не принималъ личного участія въ битвѣ.

15) Тамъ же, I, 172.

16) Тамъ же, стр. 36: Быша же Родимичи отъ рода Лиховъ; пришедъ же ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне. Допол. къ Акт. Истор. I, № 4. Проф. Осокинъ (Внутр. тамож. пошл. въ Россіи, стр. 5) думаетъ, что передимръ — это помѣрное позднѣйшаго времени.

17) Объ этой дани см. во II-мъ томѣ, примѣч. 24. Въ Никои. «отъ Смоленска и отъ Дунайска.» Въ Псковской губ. Холмскаго уѣзда, на р. Ловати есть деревня Дунаева.

18) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

19) Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того св. Богородици десятина. Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 4.

20) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 107: Рюрикови же мдушо изъ Новагорода, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣи крещеньи дѣдне имя Михайло, а княже Ростиславъ дѣдне же имя.

21) Тамъ же, стр. 122: Родися у В. К. Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во св. крещеніи Полагья, а княже Сбыслава.

22) Тамъ же, стр. 107: И дастъ ему (Ростиславу) отецъ его Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь св. Михайла, ндѣ ся родилъ.

23) Крестнымъ отцемъ Мономахова сына Мстислава былъ Олегъ Святославичъ; княжну Сбыславу Всеволодовну (см. выше, прим. 21) крестила тетка ея Ольга, княгиня Галицкая; сказано: и крести тетка Олга, о крестномъ отцѣ не упомянуто.

24) См. родословную таблицу.

- 25) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 170, 180, 184, 193; II, 9, 19, 39, 92, 94, 121.
- 26) Тамъ же, II, 85: Изяславъ же съ княгинею поиде изъ Гомы въ Витичемъ, и взя городъ Княгининъ на щитъ Святославлей.
- 27) Тамъ же, стр. 101.
- 28) Тамъ же, стр. 95.
- 29) Неволнина—Исторія Росс. Гражд. Зак., т. I, стр. 197.
- 30) Не только князья женились на Половчанкахъ, но и княгини выходили за Половецкихъ хановъ: Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 84: Приде же Изяславу бошня помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Шшкордъ въ 20 тысячъ, отчияъ Святославъ Володимирича: бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь. — Эта княгиня, жена Владимира Давыдовича, была дочь Всеволода Городенскаго, внучка Мономахова.
- 31) Буткова — о бракахъ князей Русскихъ съ Грузинками и Ясминни въ XII вѣкѣ; Сѣвер. Архивъ 1825, № IV.
- 32) Въ приведенномъ выше извѣстїи о свадьбѣ Ростислана Рюриковича на дочери Всеволода III, говорится, что послѣднїй отправилъ къ невѣстою сестричича своего Якова и нынѣ боары: ясно, что этотъ Яковъ былъ сынъ простаго боарина, за которымъ была сестра Всеволодова.
- 33) См. выше т. II, стр. 77, 290. Упомянемъ также о слѣдующемъ любопытномъ извѣстїи: (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 136). Когда же приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною и створи свадьбу Игоръ сынови своему, вѣнча его и съ дѣтятемъ.
- 34) Такъ жена Всеволода III-го, будучи 8 лѣтъ больна, постриглась отъ живаго мужа въ монахини; подъ 1228 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстїе: Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, вскопѣвши ей въ монастырь, и дасть ей надѣлокъ много; иде въ Муромъ къ брати и пострижеса.—Здѣсь по свѣту значитъ: по совѣту, по взаимному согласїю.
- 35) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159: Заутра повха изъ Суждаля орзо, якоже и на зайцъ, друживъ постигающа его.—Воскр. I, 218: Всеволоду дѣющу ловы за Вышегородомъ, и меташа тетета на зайци.
- 36) Тамъ же, II, 20.
- 37) Тамъ же, стр. 122, 139, 133.
- 38) Тамъ же, I, 110.
- 39) Что обѣдали гораздо прежде полудня, см. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28.
- 40) Тамъ же, II, 95: А во ны дни въ среду и въ пятокъ утѣшваше братью Печерскую.

41) Тамъ же, стр. 128; см. также стр. 152. Обыкновенное у летописца выраженіе: пить вмѣсто пировать, показывается, въ чемъ преимущественно состояли пиры.

42) Житіе св. Θεодосія въ Патер. Печер. Однажды св. Θεодорій, вошедши къ В. К. Святославу, засталъ у него: «овыхъ гуслими гласи испущающихъ, иныхъ органими писки гласящихъ, иныхъ же иныи мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть предъ княземъ».

43) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81, 101, 73.

44) Тамъ же, стр. 75: И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его, и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеслави и тивуны и ключники, наза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро; и снесъ все, и нача роздавати по монастыремъ, и по церквамъ и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а собѣ ни прія ничто, толико крестъ честныйъ взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣдніи дни, чимъ свѣчу и просоуру его побдѣти.

45) См. Іоаннъ, ексархъ Болгорскій, стр. 216: Историч. Опис. одежды и вооруженія Росс. войскъ, т. I, стр. 7, Древности Россійск. Государства, отд. IV, стр. 7.

46) См. статью г. Погодина—о наследственности древнихъ сановъ въ Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачева кн. 1-я.—Этою статьею должно пользоваться съ осторожностію, во первыхъ потому, что въ ней есть лишніи имена, такъ причисленъ къ Русскимъ дружинникамъ Польскій князь Збигнѣвъ, призжавшій въ Кіевъ въ В. К. Святополку просить помощи противъ брата своего; потомъ въ число дружинниковъ включены также двое Полоцкихъ князей, пощъ Лихачъ, дьячекъ Имормыжъ и проч., а нѣкоторыи имена пропущены. Во-вторыхъ, выводы противорѣчатъ фактамъ; такъ, напр., выведено, что бояре служили большею частію у однихъ князей, т. е. послѣ отцевъ дѣтямъ.

47) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43, 87, 124; I, 213; 312. II, 43.

48) Тамъ же, III, 20, 31; I, 157. О меньшихъ дѣтскихъ см. II, 47.

49) Тамъ же, I, 162: а села болярская взяша, и кони, и скоть.

50) Тамъ же, II, 92: а дружина ти по городомъ далече.

51) Тамъ же, 147, I, 108: и роспусти дружину по селомъ.—Объ отрокахъ боарскихъ I, 131.

52) Тамъ же, стр. 117.

53) Тамъ же, I, 169; II, 133.

54) Тамъ же, I, 184, 194.

55) Тамъ же, II, 98: Братѣя же вси пожаловаша на Мѣстислава, еже утѣнѣся ихъ пусти на воропѣ сѣдельники свои и кощѣи.

56) Тамъ же, стр. 102: Глѣбъ шедше сташа за Васильевоу у сѣдельниковъ.... Половци же съвкупившеся съ сѣдельники бишася съ ними.

57) См. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 105: Андрей же посла сына Мѣстислава со всею дружиною и со всѣми полки Ростовскими и Суждальскими. — Замѣчательно тамъ же, стр. 55 выраженіе Изяслава Мѣстиславича: «А мы поведемъ въ свой Кіевъ, а въ сильный полкъ въ Кіевскій аже введемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти си за мя бѣуть».

58) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ: «И срѣтоша ны вѣзапу Половечскыи князи 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ».

59) Истор. Опис. од. и воор. Русск. войск. I, стр. 40, прим. 96.

60) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 182, 212.

61) Тамъ же, II, 137.

62) Самую продолжительную десятидневную осаду выдержали Туровцы отъ Изяслава Давыдовича въ 1158 году. Ср. статью Погодина о междоусобныхъ войнахъ во Временникѣ Моск. Истор. Общества.

63) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120.

64) Тамъ же, стр. 109.

65) Тамъ же, стр. 168.

66) См. мое изслѣдованіе: объ отношеніяхъ Новгорода къ В. князьямъ, стр. 3.

67) Татищ. III, стр. 407.

68) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 63.

69) Тамъ же, стр. 13: Нѣжата былъ посадникомъ въ Новгородѣ, потому видимъ его въ Ладогѣ.

70) Тамъ же, стр. 45: Отняша посадничество у Ивана у Дмитровица и даша Вѣнѣзду Водовику, а Иванку даша Тържькѣ; иде на Тържькѣ, и не пріиша его Новоторжьцѣи.

71) Соф. Врем. I, 252: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань. Никон. I, 133.—Въ родословной книгѣ сказано объ Ярославѣ: «Егожъ грамота пошлинная въ Новгородѣ» (Времен. Моск. Истор. Общ. № 10).—Степен. кн. I, 300: Древле убо люде Великаго Новгорода Словени зовоми бяху, имяху же у себя перваго Самодержца отъ Прусскаи земли князя Рюрика отъ рода Августа Кесаря, его же сами къ себѣ призваша по совѣту множества людей всея Русскіи земля, и той владыи надъ ними не яко они хотяху, но яко онъ хотяще, тако судя и управляя, враждебниковъ

безъ боязни смерти предая, а неповинныхъ снабждая и милуя, также послѣди покорни бяху и сыну его Игорю и внуку его Святославу, и правнуку его св. и равноапостольному Владимиру. Егда же Ярослав по отцѣ своемъ блаженномъ Владимірѣ побѣдивъ братоубійцу Святополка изыде отъ Новгорода въ Кіевъ державствовать, и тогда отъ святого князя Ярослава Владимировича за великое ихъ къ нему исправленіе получиша отъ него милость, да по волѣ ихъ, его же они возлюбятъ князя, и той господствуетъ имъ отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его въ роды и роды во вѣки. И тако оттогъ убо держажу себѣ князя, его же хотяху, отъ рода Ярославля.

72) Нейманъ справедливо заключаетъ: «Es ist unwahrscheinlich, dass sie (Новгородцы) sich nicht irgend ein Mal ausdrücklich auf sie (грамоту Яр.) bezogen hätten, wenn ihnen eine solche verliehen wäre» (Studien zur gründl. Kenntn. s. 269). Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 154: Не глаголемъ же: прави суть Новгородцы, яко издавна суть свобожени прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти?—Здѣсь выраженіе: «но аще бы тако было» показываетъ сомнѣніе.

73) Подъ 1196 годомъ лѣтописецъ Новгородскій, говоря о мирѣ между Всеволодомъ III и Черниговскими князьями, прибавляетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ слободу, гдѣ имъ любо туже собѣ князя понимаютъ.» Здѣсь трудно рѣшить, относятся ли эти слова къ условіямъ мира между Всеволодомъ и Черниговскими князьями, или относятся ко всѣмъ князьямъ вообще; но въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что выложеніе Новгорода въ слободу было дѣломъ цѣлыхъ поколѣній и особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣломъ одного Ярослава I-го, къ которому обыкновенно любили относить начатки разныхъ правъ, хотя съ явною несправедливостію, наприм., Мономаховичи говорили же, что Ярославъ раздѣлялъ ихъ Днѣпромъ съ Ольговичами. Какъ можно было выложить городъ въ свободу, это всего лучше видно изъ условія, предложеннаго Всеволодомъ III племяннику его, Мстиславу Ростиславичу: «Тебе Ростовъ привели и бояре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и Володимирци, а Суздаль буди намъ обче, да кого всхотять, то имъ будѣ князь.»

74) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 86; Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стреженій отъ врата, и отвориша градъ околній и пожгожа и, людемъ же вбѣгшимъ въ дѣтншій градъ.

75) Тамъ же, II, 70: Говорится о томъ же Черниговѣ: повелѣша людемъ всимъ бѣжати изъ острога въ дѣтинець.... множество Поло-

вещь пришла из городу битися, и отъемше острогъ замгоша передгородье все и пришедше всею силою сташа около города.

76) Тамъ же, I, 115: Единою поступиша къ граду подъ вежами, овъмъ же бьющихъ съ града, и стрѣлящимъ между собою, идуху стрѣлы аки дождь; Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ назуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею.— Кромѣ выражений: «срубить городъ», что означаетъ стѣны деревянныя, и «заложить городъ камань», встрѣчаемъ въ лѣтописи еще выраженіе: «облежить городъ» (III, 25).

77) См. мѣстоположеніе древняго Новгорода, соч. И. Красова, 1851.—Віона, по-Польски—оболочка.

78) На концы раздѣлялся не одинъ Новгородъ, но также и Кіевъ, въ которомъ лѣтопись упоминаетъ Копыревъ конецъ.

79) Относительно пространства древняго Новгорода г. Красовъ (стр. 137) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Древній Новгородъ занималъ на земляномъ валомъ очень незначительное пространство: На софійской сторонѣ, кромѣ небольшого пространства на концѣ Чудинцевыя горы, входило въ составъ города пространство, занимаемое нынѣ слободами Новою ямскою и Воскресенскою и заключающееся между землянымъ валомъ и рѣчкою Гаенью: на торговой же сторонѣ за валомъ было населенное пространство, принадлежащее городу, не далѣе Антоніева монастыря и старой Никольской слободы. Были конечно и близи города на той и другой сторонѣ монастыри; но они считались же загородными, не входившими въ составъ города. Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія даже ближайшіе къ городу монастыри Дуковъ и Антоніевъ считались загородными, какъ видно изъ перечисленія состроенныхъ за городомъ монастырей во время нашествія на Новгородъ В. К. Дмитрія Іоанновича».

80) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 22: Въ пятницу, въ торгъ, зарѣся и проч. Но вѣроятно были и другіе торговые дни, очень можетъ быть, что среда и воскресенье, какъ теперь.

81) Тамъ же, стр. 25.

82) Стенн. кн. I, 206.

83) Впрочемъ, по мнѣнію г. Красова (стр. 26) названіе Гончаркаго конца явилось позднѣе, древнѣйшее его названіе — Людннъ онецъ.

84) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 46: А добытъкъ Сменовъ и Водннковъ по стомъ раздѣлиша.

85) Объ Осменнѣ см. ниже, т. V, стр. 225. — Въ Новгород. лѣтописи встрѣчаемъ также слѣдующее извѣстіе подъ 1197 годомъ: Постави монастырь св. Еуѣнннн, въ Пльтнннннхъ, Полюжая городъ—

нишница Жирошкыа дъди».—Здѣсь женское городышница время лагаетъ мужское городышникъ.

86) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 154: Днесъ и множество върныхъ Кмянъ и населениа ихъ.

87) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 149: и да ей много нѣтъ, и свободн купленныа и съ даньми и села дѣшная.—Думаютъ, что въ описываемое время употреблялось также названіе: деревня, на основаніи слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1096 годовъ: «И възгоше Стефанечъ монастырь, и деревнѣ, и Германечъ». Но и по смыслу, и по вариантамъ видно, что здѣсь деревнѣ не значать деревни, а скорѣе епитетъ къ монастырю.

88) Тамъ же, III, 33: дѣти своя даяхуть одрень.

89) См. у Погодина IV-й т. Изслѣд. Запѣч. и Лекцій, гл. III. Авторъ пользовался только списками лѣтописей, изд. Археогр. Комиссіей; въ Никон. спискѣ упоминаются еще нѣкоторые города, существованіе которыхъ въ описываемое время нѣтъ основанія отвергать; такъ подъ 1146 г. упоминаются Тула, Дубокъ на Дону, Елецъ Ростиславль (1153); Дмитровъ (1155).

90) См. второй томъ.

91) Г. Погодинъ напрасно пропускаетъ бѣдствіе, причиненное Новгородской волости Ярославомъ Всеволодовичемъ, и потому у него выходитъ только 11 разъ.

92) Г. Погодинъ въ приведенной выше статьѣ.

93) См. въ текстѣ II-го тома обзоры борьбъ съ Половцами въ концѣ каждой главы.

94) Памятник. Рос. Слов. XII. в., стр. 223.

95) См. Сарториуса—Geschichte des Hanseat. Bund. I, 191.

96) Грам. касающ. до сношен. Россіи съ Ригею и проч.

97) Сарториуса—Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse.

101) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138; II, 34.

102) Voyages de Benjamin de Tudelle, et c. Paris, 1830; 23, 103.

103) Тамъ же, стр. 25. Въ житіи св. Антонія Римлянина говорится, что святой нашель въ Новгородѣ гости изъ Греческой земли, но послѣ этотъ гость наз. Готѣинъ и Гречинъ. Здѣсь же говорится, что купцы изъ Рима въ Новгородѣ приходили въ полгода.

104) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II. 115.

105) Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par la société de Geographie, t. IV, p. 772.

106) См. Изслѣдованіе Давиловича о Польскихъ городахъ въ Рус. Истор. Сборн. IV.

107) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 1; Карамзинъ III, прим. 248. Тобиаса: die ältesten Tractate Ruslands.—Русс. Достоп. ч. II.—Bulletin de la classe hist. et. s. t. V, № 99. О городѣ Орнасѣ см. статью Прохъ Леонтьева: Розысканія на мѣстѣ древняго Тананса; Пропплен, кн. IV.

108) Сажаніе въ дыбу или колоду употреблялось у Нѣмцевъ; въ тюрьму и желѣза—у Русскихъ.

109) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 6.

110) Тамъ же, стр. 20.

111) Тамъ же, стр. 25.

112) О найденныхъ недавно въ Кіевѣ серебряныхъ монетахъ съ именами князей—Владимира, Святополка, Ярослава, Георгія, см. Моквитян. 1852 года, № 16 и 17.

113) Статья Бвляева—Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, въ Читеніяхъ М. И. О. № 3; 1846 года.—Карамз. I, прим. 524. Подробности ниже, т. IV, гл. 3 Исторіи Россіи.

114) О банномъ строеніи было много толковъ. Карамзинъ (II, прим. 160), вѣдѣвъ съ Болтиннымъ, принимаетъ, что это Баптистгиронъ (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, по Дюканжу), и прибавляетъ: «Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани.»—Но такъ могутъ думать не одни невѣжды: Митрополитъ очень могъ построить зданіе первой необходимости, строилъ же онъ городскую стѣну? банное строеніе онъ могъ заложить съ цѣлю благотворительною, чтобъ дать бѣднымъ и странникамъ средство къ омовенію; Арцыбашевъ (I, прим. 221) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Кедрина, по Русскому переводу: «Императрица Феодора, имѣвшей обыкновеніе ходить во св. Вахерской храмъ Богородицы, ово ради моленія, овоже, для омовенія съ своими дщерями.

115) Татищ. III, примѣч. 483.—Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149;—Гр. С. Г. Строганова—Дмитріевскій соборъ.

116) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 123.

117) См. Патерикъ Печерскій.

118) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 72.

119) Тамъ же: и видѣ Ярослава сидяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, также и вси мужи его. Воскр. 1 205: И начаша пѣти св. литургію. И рече Святославъ ко Бръновинѣ что мя на главѣ бодеть, и сня клобукъ.

120) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138: И отторгоша на немъ крестъ и чеши въ гривну золота. Висѣлъ ли крестъ на этой золотой цѣпи, или здѣсь говорится о крестѣ натѣльномъ?

121) Тамъ же, II, 56: они же емлюче серебро нъ ушью и стшм.

122) См. договоръ съ Рнгою. Что касается, «орниці» (стр. 53), то въ Студійскомъ уставѣ (рукоп. XII вѣка) читается, что для змни у шноковъ должны быть: «толстые изъ чернаго орница учащены». Зап. Археол. Общества III, 120.

123) Полное Собр. Русск. Лѣт. II, 114: Ты выи въ оксамитѣ стояши, а князь нагъ лежитъ.

124) Тамъ же, I, 113: Аще и золотомъ шито облечеъ будетъ, убій.

125) Тамъ же, II, 127.

126) Тамъ же, I, 176.

127) Тамъ же, V, 87. Нѣкоторые относятъ эту приписку ко временамъ Монгольскимъ, основываясь на слѣдующемъ выраженіи: «за наше несутьство навелъ Богъ на ны поганья, а и скоти наши, и села наши, и имѣнія за тѣми суть; и мы злыхъ своихъ не останемъ. Но во 1) то же самое лѣтописецъ могъ сказать и о Половецкихъ нашествіяхъ; во 2) трудно предположить, чтобы при Монголахъ роскошь была сильнѣе, чѣмъ до нихъ.

138) См. нашей Исторіи т. I, стр. 254.

129) Житіе св. Авраамія, Прологъ 29 октября: Видѣвъ же предъ подобный Авраамій прелесть идольскую сушу во градѣ Ростовѣ, ииубо бѣша еще граждане пріяли св. крещеніе, по Чудьски живущіи и поклоняющеса идолу.» Тутъ же сказано, что святой былъ оклеветанъ бѣсомъ предъ Владимірскимъ княземъ. По другимъ извѣстіямъ Велесу поклонялись въ Чудскомъ концѣ города.

130) Прологъ мая 21: Константинъ Святославичъ пришелъ изъ Кіева съ сыновьями Михаиломъ и Θεодоромъ къ Мурому, гдѣ нашелъ язычниковъ. Еще прежде его св. Глѣбъ много покусився не возможе одолѣти его (Мурома) и обратити во св. крещеніе, но поживъ вдале его два поприща два лѣта и отъ Святполка позванъ лестію. Константинъ взялъ Муромъ съ большимъ впрочемъ трудомъ, при чемъ былъ убитъ сынъ его Михаилъ.—Соображая указаніе на св. Глѣба какъ на непосредственнаго предшественника, должно принять, что подъ именемъ Константина разумется здѣсь одинъ изъ первыхъ Святославичей, занявшихъ Муромъ.

131) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 6. Есть преданіе, что жители города Мценска окончательно приняли христіанство только въ XV вѣкѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича. Русск. Вивліюе. Полеваго стр. 361.

132) Словарь Историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Русс. Церквѣ

133) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 191.

134) Тамъ же, стр. 89: Бѣ бо преже въ Переяславлѣ митрополю.

135) Георгій, Іоаннъ II, Іоаннъ III, Ефремъ (?), Николай, Никифоръ, Никита, Михаилъ II, Климентъ Смолятичъ, Константинъ I-й, Феодоръ, Іоаннъ IV, Константинъ II, Никифоръ II, Матвей, Кириллъ I-й.

136) Очеркъ Исторіи Русской церкви въ періодъ до-татарскій, соч. Арх. Макарія, С. П., стр. 47.

137) Эти послѣднія слова любопытны: они показываютъ, что Михаилъ уѣхалъ по неудовольствію, и боясь отъ Русскаго правительства попытки къ отложенію, взялъ слово съ епископовъ не служить въ Софійскомъ соборѣ безъ митрополита, присланнаго изъ Византіи.

138) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 79.

139) Тамъ же III, 12: Шлъ бѣше (Нифонтъ) Киеву противу Митрополита, и нѣмъ же мнози глаголаху, яко получивъ св. Софію поиде къ Царюграду; и много глаголаху на нѣ. Никон. II, 154: Имѣнія много истоши и раздаде ово Патріарху Константино-градскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Киевскому и инымъ многимъ.

140) Эти слова находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева; но что отвѣтъ В. князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служить его изглаженіе или пропускъ въ нихъ: такъ Археогр. Комиссія свидѣлствуетъ, что послѣ словъ Императорскаго посла Ростиславу: «аще приидеши съ любовью благословеніе отъ св. Софїи», находится пропускъ во всѣхъ спискахъ, съ пробѣломъ въ однои (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92); Карамзинъ говоритъ также, что въ его экземплярахъ Киевской лѣтописи въ этомъ именно мѣстѣ пропускъ (II, прим. 414).

141) Никон. II, 179.

142) Тамъ же, стр. 296.

143) При внимательномъ изслѣдованіи этого мѣста лѣтописи, можно подумать, что это оффиціальныи современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи епископа Феодора, и замесенное въ лѣтопись ея составителемъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ немногихъ формъ: въ этомъ мѣстѣ утверждаетъ меня сравненіе приведеннаго мѣста съ извѣстными посланіями митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ.—Любопытно выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей о Феодорѣ: «бѣлый клубучекъ» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 12).

144) Новгородская, Ростовская, Владимирская — Волынская, Бѣлогородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Хелмская, По-

лоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимирская на Клязьмѣ.

145) Воскрес. (II, 108) прибавляетъ: зане поставилъ бѣ на мѣстѣ Николу Гречина.

146) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 21.

147) Тамъ же, II, 138, Ник. II, 363.

148) Памятн. Слав. XII вѣка, стр. 255.

149) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 149.

150) Тамъ же, II, 91.

151) Никон. I, 150, 151.

152) Тамъ же, II, 156.

153) Никон. II, 56.

154) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: зане умножилъ быше церкви, грабѣи попы.

155) Тамъ же, стр. 150.

156) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91.

157) Татищ. III, 160.

158) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 151.

159) Тамъ же, 88.

160) Тамъ же, II, 82.

161) По свидѣтельству Степенной книги (I, 157) св. Владимиръ опредѣлилъ давать десятину каждому князю главной соборной церкви въ его волости.

162) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 153.

163) Тамъ же, II, 117? I, 201.

164) Тамъ же, I, 160: да города.

165) Опис. Рукоп. Румянц. Муз., стр. 294.

166) Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастью до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какими искаженіями подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: «Се язъ князь Великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гаврилъ, самодержецъ сынъ Мстиславъ, внукъ Володимировъ Мономаха властвующа всею Русскою землею и властію Новгородскою.» А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: «вламчествующю ми всею Русскою землею и всею областью Новгородскою,» откуда выходятъ историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.

167) Русскія Достопамятн. I, стр. 82.

168) Дополн. къ акт. истор. I, N 4.

169) Обзоръ Кормчей книги, Барона Розеншцепа. Очеркъ Истор. Рус. Цар. Мак., стр. 127. Вообще о значеніи Кормчей—отъ Далачава въ Чтеніяхъ М. И. О. годъ III, N 3.

170) Исторія Русск. церк. I, 191, 192. Посланіе Патріарха Германа къ Митрополиту Кириллу 1228 г.: «нѣкоторые въ странѣ Русской покупаютъ людей, выучиваютъ ихъ и приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ отъ рабства. — Патріархъ требуетъ прекращенія этого. См. Опдс. Рум. Муз., стр. 304.

171) Пмяти. Слов. XII вѣка, стр. 127, 249.

172) Пола. Русск. Лѣт. I, 88.

173) Лѣтопись не знаетъ Георгія между сыновьями Всеслава, но вѣроятно это христіанское имя Ростислава Всеславича.

174) Степен. кн. I, 280.

175) Тамъ же, стр. 235.

176) Пола. Собр. Русск. Лѣт. II, 82.

177) Тамъ же, I, 108.

178) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 2. —Примѣчаніе на эту грамоту Митропол. Евгения въ Трудахъ Москов. Истор. Общ. ч. III.

179) Тамъ же, № 5.

180) Пмяти. Слов. XII в., стр. 108, 251.

181) Патерикъ Печер. Житіе св. Θεодосія, объ игуменѣ Стефанѣ.—Пола. Собр. Рус. Лѣт. т. II.—Зернина—объ отношеніи Константинопольскаго Патріарха къ Русской Іерархіи. — Преданіе о ставропигии очень вѣроятно; но акты, составленные для доказательства этого, подозрительны; противъ приписки возражаютъ, что писецъ, ее составившій, не зналъ даже тогдашняго порядка престолонаслія въ Ярославовомъ потомствѣ (П. Б. отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, стр. 7); на это впрочемъ могутъ сказать, что послѣ изгнанія Изяслава трудно было говорить объ обычномъ престолонасліи; мы не можемъ знать всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ отношеній Святослава къ Всеволоду.

182) См. Ист. Р. т. I, стр. 231 и слѣд.—Здѣсь рождается вопросъ: Когда Ярославичи сдѣлали такое опредѣленіе? Въ Правдѣ говорится только о троихъ старшихъ, слѣд. можно думать, что дѣло было по смерти двоихъ младшихъ; но съ другой стороны можно думать и то, что рѣшеніе старшихъ было обязательно для младшихъ. Нѣкоторое затрудненіе можно найти въ извѣстіи лѣтописца, помѣщенномъ подъ 1071 годомъ о распоряженіи Яна на Бѣлѣозерѣ съ волхвами: «И рече Янъ повозникомъ: цы кому васъ кто родияъ убьенъ отъ сею! Они же реща: мнѣ мати, другому сестра, тому роженъе. Онъ же рече имъ: мьстите своихъ. Они же поимше убивша я.»—Мы видѣли, (II,

примѣч. 29), что это событіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно отнести ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава, слѣд. послѣ опредѣленія объ отложеніи мести; но теперь Ягъ позволяетъ возозначить мести за родичей? — Но ясно, что это явленіе выходило изъ ряду обыкновенныхъ, убійства, совершенныхъ волхвами, не принадлежали къ разряду частныхъ убійствъ, за которыя можно было откупаться деньгами, это были преступленія противъ цѣлаго общества, противъ вѣры; Ягъ могъ казнить ихъ, какъ разбойниковъ, но почелъ за лучшее заставить самихъ оболъщенныхъ убить оболъстителей, придать ихъ казни характеръ общей мести.

183) О словѣ рядовичъ см. въ I-мъ томѣ моей Исторіи.

184) Розенкампфа, о Коричей книгѣ, стр. 217.

185) Нашей Исторіи т. II, стр. 199.

186) Тамъ же, стр. 160.

187) Тамъ же, стр. 79.

188) Тамъ же, стр. 140.

189) Тамъ же, стр. 187.

190) Тамъ же, стр. 316.

191) Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 145: Бѣ же тоглы день недѣльный, тѣмже не идоша къ городу.

192) Памяти. Слов. XII в., стр. 108, 251.

193) Русскія достопамят. I, стр. 91.

194) Тамъ же. — Памяти. Слов. XII в., стр. 176.

195) Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 73.

196) Особенно о Юріи Долгорукомъ.

197) Нашей Исторіи т. II, стр. 216. Примѣръ Ростислава Юрьевича, отступившаго отъ отца къ врагу послѣдняго, Изяславу Мстиславичу, мы не приводимъ, потому что, быть можетъ, онъ перешелъ на сторону Изяслава съ отцовскаго согласія; не приводимъ также примѣра Владиміра Ярославича Галицкаго, потому что тутъ были особенныя обстоятельства.

198) Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 178.

199) Памяти. Слов. XII в., стр. 196.

200) См. также Никонов. II, 121, рѣчь Изяслава Мстиславича.

201) См. Проф. Шевырева, Исторія Русской Словес. т. I, ч. 2, стр. 52. Его же повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, стр. 30. Оказывается, что первый сборникъ собранъ для Болгарскаго Царя Симеона.

202) Чтенія въ Москов. Истор. Общ. годъ III, № 7.

203) Татищ. III, стр. 177, 196.

204) Тамъ же, стр. 238.

205) Тамъ же, стр. 280, 280.

206) Полн. Собр. Русск. Лит. I, 188.

207) Татищ. кн. III, стр. 416.

208) Тамъ же, II, 181. О преподаваніи Греческаго языка см. также Никон. I, 132.

209) Памяти. Слов. XII-го вѣка, стр. 133.

210) Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 213 и сл. Русск. Достопамят. I, стр. 61.

211) Сиротинскій—рабскій и нищенскій, ибо сирота значитъ и рабъ и нищій. До сихъ поръ въ Архангел. губерніи сиротами называютъ нищихъ (Опытъ обл. Слов., стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе при чело-битьяхъ: «сироты твои государевы.»

212) Памят. Слов. XII в., стр. 157. Относительно современныхъ понятій любопытны третій и двадцатый. Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ Латинянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: «такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе въ ней служатъ на оплаткахъ и приняли латинское ученіе; то я извѣщаю тебѣ, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви». Здѣсь вмѣсто: «въ судахъ» не должно ли читать: «въ сусѣдѣхъ». Между прочимъ сочинитель упрекаетъ Латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ кромѣ Еврейскаго, Еллинскаго и Римскаго.

213) Тамъ же, стр. 209.

214) См. выше о значеніи монашества.

215) Памяти. Слов. XII в., стр. 249.

216) Русск. Достопамят. I, стр. 89. — Этому Іакову приписываютъ сочиненіе житія св. Владиміра, св. Бориса и Глѣба, посланіе къ В. князю Изяславу о воздержаніи отъ запойства и блуда; см. статью Погодина въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. I, листъ 21.

217) Памяти. Словес. XII в., стр. 173. См. въ IV-й части Трудовъ Московскаго Историч. Общества статью Митрополита Евгенія: Свѣдѣніе о Кирикѣ. Кирикъ въ 1134 году былъ дьякономъ и domesti-комъ въ Новгородскомъ Антоніевѣ монастырѣ онъ оставилъ еще сочиненіе: «Ученіе иже вѣдати челоувѣку числа всѣхъ лѣтъ».

218) Русскія Достопамят. I, стр. 7. Уч. Зап. II отд. Акад. кн. II, вып. II.

219) Памяти. Слов. XII в.

220) Москвит. 1851 г., № 6. — Думаемъ, что къ описываемому же времени надобно будетъ отнести и извѣстное «Слово нѣкоего

Христолюбца,» которымъ мы уже пользовались прежде, говоря языческихъ повѣрьяхъ; вооружаясь противъ послѣднихъ, авторъ говоритъ, что ихъ держатся «не токмо невѣжи но и вѣжи и поны книжници.»

221) Сахарова Сказ. Русск. Нар. т. II. Сохранилось также путешествіе Добрыни Ядрейковича въ Царьградъ, 1210 г.

222) Памяти. Слов. XII в., стр. 229.

223) Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, при упоминовеніи о Лачѣ озерѣ встрѣчаемъ прибавку: «идежъ бѣ Данило заточеникъ.» Въ какой славѣ было слово Данила, видно изъ того, что послѣ нѣкоторые приноравливали его къ своимъ обстоятельствамъ и посылали къ князьямъ. Смысловую редакцію слова въ Русск. Бесѣдѣ 1856, № 2. Здѣсь авторъ обращается не къ Юрію, но къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому.

224) См. нашей исторіи т. II, стр. 407 и слѣд. Прибавимъ отзывъ лѣтописца о Всеволодѣ Святославичѣ, братѣ Игоревѣ: Того же лѣта (1196) во Ольговичѣхъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, и тако спрятавше тѣло его вся братья съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: понеже бѣ во Ольговичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротю и мужественною доблестью, и любовью имѣяше ко всемъ.

225) См. статью кн. Вяземскаго во Временникѣ Моск. Истор. общ.

226) Что и здѣсь и прежде подъ именемъ стараго Владимира разумѣется Мономахъ, доказательствомъ служитъ связь выраженій: «Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а друзи Давидовы.» Здѣсь разумѣются Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи, представители Мономахова племени въ югозападной Руси. — Укажемъ здѣсь также кстаті нѣкоторыя мѣста Слова, которыя по нашему мнѣнію, неправильно переводятся: въ началѣ. «Не лѣно ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о плъку Игоревѣ.» Начати старыми словесы—нельзя переводить: «Начать прожнимъ складомъ важныхъ повѣстей,» ибо ясно изъ послѣдующаго, что сочинитель хотѣлъ начать свое слово старыми словами, сказаніями о старыхъ событіяхъ—отъ стараго Владимира.— «Спала князю умъ похоти» — нельзя переводить чрезъ: «залегла въ душе князя дума,» но чрезъ «затмѣло князю умъ сильное желаніе» уже по самому соответствію слѣдующаго предложенія: «и жалость ему знаменіе заступни;» здѣсь не нужно предполагать описки и читать спала; стоитъ только сравнить это выраженіе съ послѣдующимъ: «заря свѣтъ запала.» «Хочу копіе приломити конецъ поля Половецкаго» — должно переводить: хочу копье переломить на концѣ поля, а не объ поле. — Прекрасное выраженіе: «уже бѣда его пасеть

птицъ» совершенно терется въ отдаленномъ переводѣ: «уже птицѣмъ адцугъ его погибелю.» — «Ту кроваваго вина не достя: ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попошша, а сами полегоша за землю Рускую;» здѣсь: сваты нужно оставить безъ измѣненїя, а не переводить чрезъ: «гостей.» Въ выраженїи: «пустыни силу прикрыла» пустыни есть именительный падежъ, а не мѣстный. — «А мы дружина жадни веселїя» должно переводить: «мы лишени, чужды веселїя,» а не: «жаждемъ уже повеселиться на пиру свадебномъ.»—Въ выраженїи: «сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава» слово многовои не есть описка, но прекрасный эпитетъ Ярославу—многовои, князь, у котораго много воевъ. — «Нъ се зло княже ми непособїе» должно переводить: «зло мнѣ княжеское непособїе,» а не: «теперь же гибель князей мнѣ не помощь.»

227) Никон. II, 125: подъ 1171 г. Преставился въ Новгородѣ посадинь Васка Буславичъ.

228) Древнїа Росс. стихотвор., стр. 72.

229) Тамъ же, стр. 166.

230) Г. Погодинъ (Изсѣдов. т. IV, стр. 6 и слѣд.) говоритъ: «Есть ли въ лѣтописяхъ промежутки между годами, т. е. есть ли годы неописанные? Нѣтъ. Изъ этого явленїя мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ: слѣд. было возлагаемо всегда на извѣстное лице, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было некому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествїя такъ скоро. Слѣд. лѣтописи наши имѣли характеръ оффиціальнїй. Вотъ заключенїе, выводимое нами изъ разсматриванїя лѣтописей. Нѣтъ ли ему подтвержденїй положительныхъ? Есть, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но, безъ сомнѣнїя, могутъ быть отнесены и къ древности. Важнѣйшимъ, драгоцннѣйшимъ считаю я слѣдующее: лѣтописецъ, описавъ подъ 1409 годомъ нашествїе Едигеево на Москву, прибавляетъ: «И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже толико отъ случившихся въ нашей земли не сладостная неуласканная намъ изглаголавшимъ, но възустительная и къ вользѣ обрѣтающаяся, и возставающїя на благая и незабытная; мы бо не досажюще, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковыя вчинихомъ; яко же бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Киевскаго, иже вся временна бытства земская необвиняся показуетъ, но и первїи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочїи по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерь Мономарь онаго великаго Селиверста Выдобытскаго не украсая пишущаго, да аще хошеши прочти тамо

прилежно.... мы же сичѣ ушася таковоа вся прилежнѣшася во дѣлаща не пренинухомъ властодержецъ нашихъ доврѣшии сичѣ и прилежно внимающихъ, да таковыиъ вѣномъ разууженіе розеудно да разсуждають.» И такъ, продолжается г. Погодинъ, лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. Г. Погодинъ приводитъ также свидѣтельство изъ XIII вѣка о князѣ Мстиславѣ Васильковичѣ, который въ грамотѣ своей 1289 г. гсворить «А вопсалъ есмь въ лѣтописецѣ коромолу ихъ (жителей Берестя).»

На это замѣтимъ во 1) что изъ отсутствія промежутковъ между годами никакъ не слѣдуетъ непременно, что лѣтописное дѣло возлагаемо было всегда на извѣстное лицо, и во смерти его передавалось другому: списки лѣтописей, дошедшихъ до насъ, являются въ видѣ сборниковъ изъ разныхъ лѣтописей, писанныхъ разными лицами въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; одинъ лѣтописецъ кончилъ прежде, другой послѣ: понятно, почему въ сборникахъ до насъ дошедшихъ, нѣтъ годовъ неописанныхъ, а напротивъ, есть года, дважды описанные по неловкости (впрочемъ драгоценной для насъ) позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ. 2) Мнѣніе, что въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро, достаточно опровергается сказаннымъ нами въ текстѣ; прибавимъ слѣдующее: если первоначальная лѣтопись составлялась при дворѣ княжескомъ, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находилась она къ лѣтописи монастырской, до насъ дошедшей? если существованіе первоначальной лѣтописи г. Погодинъ предполагаетъ на томъ основаніи, что въ монастырѣ не могли знать подробности событій, то эту первоначальную лѣтопись необходимо предположить подробною: во въ такомъ случаѣ что же оставалось писать монаху? если же первоначальная лѣтопись была краткая, и въ монастырѣ распространяли ее подробностями, то значить въ монастырѣ подробности были извѣстны, и лѣтописцу-монаху не нужно было пользоваться краткимъ указаніемъ событій, когда онъ имѣлъ средство описать эти событія подробно; слѣд. предположеніе о существованіи какой-то первоначальной оффиціальной лѣтописи, кромѣ монастырской, до насъ дошедшей, вовсе не нужно. 3) Важнѣйшее, драгоценнѣйшее и положительное подтвержденіе, какое находитъ г. Погодинъ своему мнѣнію въ свидѣтельствѣ лѣтописца XV вѣка, служитъ не подтвержденіемъ, но полнымъ опроверженіемъ этому мнѣнію: лѣтописецъ XV вѣка говоритъ, что онъ хочетъ писать такъ, какъ писалъ начальный лѣтописецъ Кіевскій, которому первые властодержцы повелѣвали писать все доброе и недоброе: но какая же это начальная лѣтопись? та самая, которая дошла до насъ подъ именемъ Несторовой, и которую дописывалъ

ни передисывалъ. Сильвестръ Выдубицкій, слѣд. особенность, частіе князей, которыя г. Погодинъ хочетъ отнести къ первоначальной лѣтописи, относятся прямо къ монастырской до насъ дошедшей; что дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, ясно доказываютъ приведенныя слова лѣтописца этого времени, который говоритъ, что пишетъ и хочетъ писать лѣтопись, какъ писали ее въ старину, писать все сомытія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дьякъ, обязанный писать то, что ему велятъ. Лѣтопись монастырская, съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовой со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV вѣка указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость вслѣдствіе измѣненія историческихъ обстоятельствъ. — Нужно ли прибавлять, что лѣтопись, въ которую князь Мстиславъ Волинскій велѣлъ внести грамоту Берестыанъ есть не первоначальная дворцовая, но таже самая Волинская лѣтопись, которая дошла до насъ, и въ которой именно находится грамота Мстиславова.

231) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 97.—Любопытны лишнія подробности въ разсказѣ о мести Ольгиной, находящіяся въ лѣтописи Переслави Суздальскаго, наприм.: «Князю же веселіе творашу къ браку и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ Ольга дающе ему прѣты многоцѣнныя червеныя вси жемчугомъ иссажены и одѣяла чрѣмы съ зелеными узору и лодіи, въ нихъ же несенымъ быти, жолны.... И посла къ Деревлянномъ (Ольга) написавъ.... Она же (Ольга) рече (Деревлянамъ): мало у васъ прошю дати богомъ жрътву отъ васъ и ослабу вамъ подавати себе на лекарство главныя болѣзны. — Составъ очевидно позднѣйшій, но объ источникахъ нельзя сказать этого утвердительно, и во всякомъ случаѣ они любопытны.

232) Никон. I, 92, 95, 103.

233) Полянѣмъ же жившимъ особѣ по горамъ снѣмъ.—Надобно замѣтить, что съ Кіевомъ въ древности неразрывно было представленіе о горахъ, и въ языкѣ къ имени Кіева првсоединилось еще: на горахъ; такъ читаемъ подъ 1198 годомъ: «Тако воспитана бысть въ Кіевъ на Горахъ;»—въ словѣ о Полку Иг.: «Того стараго Владиміра не льзѣ бы пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.»

234) Подъ 983 годомъ читаемъ: «Сдѣже мнѣшеса океаніймъ: ако мѣ ми суть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учил, ни пророци проrekli. Не вѣдмъ Пророка глаголюща: я нареку ве люди моя люди

моа... Аще и гълъомъ аностолн не сугъ здѣ были, но ученья ихъ
ани трубы гласить по вселеннѣй въ церквахъ.»

235) Krug—Kritischer Versuch zur Ausklärung der Byzant. Chronolog, s. 108; Ewers—das älteste Recht der Russen, s. 118; Погодина—Несторъ, с. 113.

236) Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы; соч. П. Б.—Житіе, вставленное въ лѣтопись, кѣмъ бы не было написано, заслуживаетъ предпочтеніе по самой краткости своей по отсутствію противорѣчій, даже по отсутствію числовыхъ показаній, все обличаетъ въ немъ первоначальное составленіе. Противорѣчіе—признакъ позднѣйшаго составленія изъ разныхъ сказаній. Читателю украшеніе, многоглаголивѣе сказаніе, тѣмъ подозрительнѣе относительно своей древности. Авторъ житія св. Владиміра, помѣщенный въ Степенной книгѣ, говоритъ: «О немъ же (Владиміръ) и прежде сего обрѣтаемы сугъ многія повѣсти, глаголемыя и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но во многи части особъ кажда: ова въ лѣтописаніихъ, иная же индѣ. прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, многая же въ похвалѣ его. И отъ всѣхъ силъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтцѣ хотищу обратися во едину словесную пленицу.»—Но такъ поступалъ не одинъ авторъ житія Степенной книги. Отсюда и противорѣчія.

237) Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: Лѣтописецъ говоритъ: «свое вода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ.» Вѣрно, это писано тогда, когда жилъ сей не извѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI вѣка: сынъ современника Свѣнелдова (?) не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору: кѣму бы ему означать неизвѣстнаго Боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ почти онъ не говоритъ ни слова. — Но если самъ Мистиша не могъ жить позднѣе начала XI вѣка, то пѣсня, преданіе о немъ, его домъ, его улица могли существовать гораздо позднѣе естественно предположить, что лѣтописецъ позднѣйшій приводитъ въ родственную связь два лица, воспоминаніе о которыхъ начинаетъ слабѣть; неестественно предположить, чтобъ современникъ Мистиши почелъ нужнымъ напомнить, что этотъ Мистиша—Свѣнелдичъ.

238) II, прим. 1, 78.

239) Статья Бѣляева о Несторѣ въ Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ.

240) Написахъ можетъ значить переписалъ, но не должно означать этого непременно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ только переписчикомъ, ибо и о немъ сказано: «Несторъ иже написавъ лѣтописецъ.»

241) См. о противорѣчїяхъ между Несторовскими сочиненїями и лѣтописью въ статьѣ г. Казанскаго: «Еще вопросъ о Несторѣ» (Временникъ Московск. Истор. Общ. № 1); отнѣтъ его на возраж. П. Б. (Отеч. Зап. т. LXXIV, отд. VIII); статьѣ П. Б. въ разборѣ речей древнихъ напутниковъ.

242) Вотъ почему мы не можемъ принять выраженїя о лѣтописяхъ XII вѣка: «Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись; Кіевская, дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ;» и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и тоже содержаніе: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ собственно Кіевскія событія, рассказанныя такъ же подробно или еще подробнѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ, въ Ипатьевскомъ Суздальскія происшествїя рассказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; неправомерность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка такъ очевидна, что у насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащїя по содержанію одному городу или одной волости, таковы лѣтописи Новгородскія, Псковскія; но въ нихъ съ первой страницы всякій читатель увидитъ, что содержаніемъ однихъ служатъ событія Новгородскія, другихъ Псковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣтитъ онъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, содержащихъ въ себѣ общую или княжескую лѣтопись.—Вотъ почему, странно встрѣчать слѣдующіе выводы или выраженїя: «Какъ лѣтописатели Кіевскіе для Суздальскихъ происшествій сокращали лѣтопись Суздальскую, такъ точно лѣтописатели Суздальскіе сокращали обыкновенно Кіевскую лѣтопись, между тѣмъ сохраняли извѣстія о Кіевѣ и т. д.», какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи.» (Погодина—И. З. Л. IV, стр. 67).—Лѣтописатели Кіевскіе и Суздальскіе записывали одно и другое или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и прибавляли позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ чего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописи.

243) П. С. Р. Л. II, стр. 22 и слѣд.

244) Объ этомъ подробнѣе ниже, при оцѣнкѣ трудовъ Татищева.

245) Это слово: раздаяномъ также свидѣтельствуетъ о раздачѣ книгъ по церквамъ, а не о соединенїи ихъ въ одну школу.

246) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 72. См. выше о соч. св. Феофана.

247) Тамъ же, стр. 166, 168.

248) Тамъ же, стр. 139.

249) Исторія Россїи, т. II, стр. 367).

250) Поля. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 192; Татиш. III, 453.

251) У Карамзина читаемъ: «Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя: «аромствои». «Коварныя его внушенія» — говорили онъ — «возбудили противъ меня Новгородцевъ». Но въ текстъ Пушкинскаго списка, приведенномъ въ примѣч. 333 этихъ словъ нѣтъ; въ лѣтописи сказано только: «бы бо Михаилъ неправъ въ крестномъ целованьи при Ярославѣ». Поля. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 194.

252) Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 336.

253) Теперь село на рѣкѣ Серонѣ въ Калужской губерніи.

254) Если Ярославъ не женился въ третій разъ, то Юрій долженъ быть сынъ Мстислава Торопецкаго.

255) Вѣроятно измѣненное Ерза, одно изъ названій Мордвы.

256) Поля. Собр. Русск. Лѣт. III, 49

257) Что донесенія Нѣмецкихъ рыцарей относительно поведенія Меченосцевъ были справедливы, доказываютъ посланія папъ: въ 1238 году папа Григорій IX писалъ епископу Моденскому, своему легату въ Ливоніи, чтобъ обращенные въ христіанство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Munum I, XLVIII); въ томъ же году онъ писалъ, чтобъ рабамъ дали облегченіе и позволили ходить въ церковь. (Тамъ же, № XLIX). Въ 1245 г. Иннокентій IX писалъ къ рыцарямъ: «Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestris contenti stipendiis ab exactionibus indebitis manus vestros innoxias conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram». (Тамъ же, № LX). Въ 1318 г. папа Іоаннъ XXII писалъ къ нимъ же: «Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui praecipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fidei mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter deservitum, quod plerique, volentes, ad fidem converti, se a conversione hujus modi retraxerunt». (Тамъ же, № XCIX). О поведеніи завоевателей свидѣтельствуется также слѣдующая пѣсня:

Diss Land den Teutschen gegeben ist,
 Schier für Vierhundert Jahren
 Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ
 Die Heiden solten lehren:
 Sie aber gesucht vielmehr,
 Ihr eigen — Nutz, Lust und Ehr,
 Deiner wenig geachtet etc.

258) По Новгород. лѣт. въ 1237.

259) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 45: Придоша Литви и воеваша юбилъ и Мереву и Серегоръ.

260) Муравейки на Долоти, въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи.

261) Карамзинъ и Арцыбашевъ считаютъ этихъ князей Ольговичами; владѣнія ихъ по Ходяковскому, были въ нынѣшней Подольской губерніи, на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями или двоюродными Изяслава Владиміровича (см. ниже), которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года.

262) Впадаетъ въ Горынь близъ Острога.

263) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 172: Видѣвшу же ся Данилу о мѣху съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ ѹ любить.

264) Такъ думаютъ Карамзинъ и Арцыбашевъ; Густинская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337) называетъ его Мстиславичемъ (храбрымъ); Татищевъ сыномъ Мстислава Ростиславича Смоленскаго; Троицкая называетъ также Мстиславичемъ; Ростовская, Мскреспен. и Никон. лѣтописи подтверждаютъ показаніе Татищева.

265) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337: Князь же Михаилъ сотвори новую прелесть: изыде изъ града и побѣ многое множество Галичъ, Володимерь же видѣ сїю побѣду и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, поиде со Даниломъ Романовичемъ и сядѣ въ Кіевѣ.— Татищеву (III, 464) Михаилъ подкупилъ совѣтниковъ Даниловича уговаривать своего князя къ миру; Данилъ сталъ уговаривать миру Владиміра, и видѣ, что тотъ не соглашается, отступилъ отъ него, по совѣту подкупленныхъ бояръ своихъ; тогда Михаилъ, воспользовавшись разединеніемъ союзниковъ, ночью напалъ на Давыдовы полки и разбилъ ихъ.

266) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 174.

267) По словенію Волынской лѣтописи можно думать, что Владиміръ, побѣдившись изъ пѣвна, оставался у Торковъ, ибо сказано подъ 1225 годомъ: «Въ то же время послалъ быше Володиміръ Давидовичи Торгъ и Данила Нажировича». Но та же лѣтопись, подъ 1229 годомъ упоминаетъ еще о какомъ-то Владиміръ Ингваровичъ, союзникъ Данила; этотъ долженъ быть внукъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

268) Вотъ единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ.

269) Густинская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ выгналъ изъ пѣвна Изяслава, но самъ былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, вратившимся изъ пѣвна Половецкаго, а Владиміра Рюриковича

выгналъ Михаилъ. По Татищеву же (III, 464) Ярославъ, отиравшись на Сѣверъ, заключилъ договоръ съ Изяславомъ, чтобъ тотъ остался въ Кіевѣ, заплатилъ окупу за Владимира, который отиравился въ Смоленскъ. Въ Волын. лѣтописи: Приде Ярославъ Суждальскій и взя Кіевъ подъ Владимиромъ, не мога его держати иде немъ Суждалью, и взя подъ нимъ Михаилъ.—Трудно согласить удовлетворительно все эти извѣстія.—Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Карамзинъ говорить, что Ярославъ занялъ Кіевъ вслѣдствіе переговоровъ Данила съ В. Княземъ Георгіемъ.

270) См. нашей Исторіи т. II, стр. 311.

271) Потомокъ Владислава II; см. нашей Исторіи т. II, стр. 126.

272) См. Rogalskiego—Dzieje Krzyzaków, 1847.

273) Татищ. III. 465.

274) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 221: Сташа первое стаюмъ на Олузѣ; въ др. спискахъ: Нузлѣ, Овозѣ, Унузѣ, Турузѣ. Думаютъ слышать подобныя звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Низѣ, Ирсарѣ, Пензѣ.—См. о томъ же Русскій Временникъ, I, стр. 110 и слѣд.: здѣсь разсказывается что Рязанскій князь послалъ сначала къ Батюю сына своего Федора, у котораго ханъ сталъ просить жены красавицы; Федоръ отказалъ и былъ убитъ; жена его, услышавши объ этомъ, ринулась вмѣстѣ съ малюткою—сыномъ съ высокихъ хоромъ и убила до смерти и проч.

275) Село Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 25 верстахъ, отъ Колязина въ 38—40, при рѣкѣ Ширинѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

276) Татищ. III, 416. — Татары дошли до Игнача Креста; быть можетъ это мнѣшнее Крестцы.

277) Какимъ Ярославомъ? по веѣмъ вѣроятностямъ Ингваревичемъ Волынскимъ; въ Волын. лѣтоп. и въ Пушкин. сп. у Карамзина сказано просто Ярославъ; въ позднѣйшемъ Николовскомъ сборникѣ прибавлено Всеволодовичъ, но эта прибавка позднѣйшаго составителя объясняется естественно; въ разсказѣ Волынскаго лѣтописца ясно видно, что Ярославъ былъ ближайшій истинный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаиловыхъ: «Яко бѣжалъ естъ Михаилъ изъ Кіева въ Угры, Ярославъ вхавъ я княгиню его и бояръ его пойма».

278) Теперь мѣстечко Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда.

279) Roerpell's—Geschichte Polens, II, 466.

280) Iohannis de Plano-Carpini, Antivariensis Archiepiscopi historia Mongalorum.—Въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie, t. IV. In appendice: De itinere fratrum mino-

ad Tartares quae frater Benedictus Polonus viva voce retulit. Осточнихъ извѣстїяхъ см. Geschichte der golden. Horde, von Hammer-Purgstall, 2 und 5 Buch.

281) Et ille numerus vocatur tenebrae apud eos. Издатель за-
мечаетъ: «Le mot tartare auquel il est ici fait allusion est celui de
чуманъ signifiant dix mille, facile à confondre, par un étranger, avec
celui de тучмѣн, signifiant nuages, fumée, obscurité.—Но любо-
пытно, что у насъ 10000 также называется тьмою, и Татарскій ма-
льчинокъ этого числа воиновъ—Темникомъ, точно также какъ у Та-
таръ: Dehe, Sade, Hésare, Temnik.

282) Сравни это извѣстїе съ извѣстїемъ о Половчинѣ, который
стрѣлялъ живымъ огнемъ, т. II, стр. 406.

283) До сихъ поръ у насъ народъ называетъ Татаръ князьми, но
теперь уже больше дразнятъ ихъ этимъ именемъ; мальчишки, сдѣлавши
изъ полы свиное ухо, бѣгутъ за Татариномъ и кричатъ: «князь! князь!»

284) Объ ордынскомъ устройствѣ относительно Россїи см. ниже,
въ IV томѣ.

285) По книгѣ Большой Чертежъ, Стародубъ на Клязьмѣ, ниже
Владимира въ 60, выше устья Тезы въ 30 верстахъ; это соответ-
ствуетъ селенію: Клязьменскій городокъ въ 14 верстахъ отъ уздаго
города Коврова.—Отъ Ивана Стародубскаго происходятъ князья Пожа-
рскихъ изъ Малороссїи было утверждено въ нашей историч. литера-
турѣ. См. противное у Татищева кн. III, примѣч. 599 и въ моей
Истор. отнош. между Русск. князьми Рюр. дома, стр. 661.

286) Быть можетъ и некоторые упрекнутъ меня за это названіе,
которое ведетъ къ смѣшенію разноплеменныхъ народовъ, ибо народъ,
известный теперь у насъ подъ именемъ Татаръ, принадлежитъ къ
Турецкому племени; но въ 1-хъ смѣшеніе безвредно, потому что
различіе всѣмъ извѣстно; во 2) нельзя выкинуть изъ Русской Исторїи
слова, которымъ предки наши исключительно называли своихъ по-
работителей; и древніе и настоящіе Русскіе люди не знаютъ Монго-
ловъ, а знаютъ только Татаръ. Точно также странно, по моему мнѣ-
нію, писать Бату вмѣсто Батый, ибо это слово уже Русское. Никто
не требуетъ, чтобы писали Пари вмѣсто Парижъ, Рома вмѣсто
Римъ; почему же только въ Монгольскихъ именахъ мы должны по-
кинуть древнія Русскія формы?

287) Плато-Карпини, стр. 757: Nobis autem et duci Ieroslao semper
debant locum superiorem.

288) Старшій братъ Александра, Федоръ умеръ въ 1233 году.

289) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53; V, 178.

290) Нѣмецкіе анналисты сдѣлали изъ этого Гавриил Гориславича Герпольшта, потомъ князя Ярополка, заставили его жить послѣ битвы и сдавать имъ Псковъ.

291) Russow's livl. Chron. p. 17.

292) Озеро Жизцо Псков. губ. Торонец. уѣзда,

293) Здѣсь впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова.

294) По свидѣтельству лѣтописей Александръ былъ самый старшій Андрей слѣдовалъ за нимъ.

295) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 38. Рукоп. Москов. Истор. Общ. № 128.

296) Татищ. III, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михайловой.

297) Татищ. IV, 22.

298) Быть можетъ, есть связь между этими двумя событіями.

299) Татищ. IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается: во 1) словами Андрея: «Господи! что се есть, доколѣ намъ между собою браниться и наводити другъ на друга Татарь.» 2) Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хава: если бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умолилъ Сартака какъ умоливалъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радушный приемъ со стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андрѣ врага Александра. — Предположеніе Кн. Щербат., что всему виною былъ дядя Святославъ, не имѣетъ основанія, ибо Святославъ не получалъ отъ перемены никакой пользы; связь между событіями какую выставляетъ Степенная книга (I, 367), не держится: «В. князь Александръ памъ пришеде въ орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобрѣнъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обачное правленіе державы яко подѣліе вѣнчая, и на ловитвы животныхъ упражняся, и совѣтникомъ млодоумнымъ внимаа, отъ нихъ же бысть зло многое нестроеніе, и оскуденіе въ людехъ, и тщета вѣнчию. Егда же ради царь Сартакъ посла воеводу своего» и проч.

300) Это очень замѣчательно: по извѣстію Татищева, Переяславъ оставался за Александромъ (IV, 22); какимъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ заодно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго и послѣ увидимъ его непріязненныя отношенія къ старшему брату

301) Татищ. IV, 27.

302) Ему приписывается основаніе Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды или Джучиева улуса; основаніе города полагается между 1242 и 1254 годомъ; мѣстоположеніе его въ урочищѣ Царевы-Воды, около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева. См. Гривгорьева: о мѣстоположеніи столицы Золотой Орды.

303) Грамоту Иннокентія IV къ Александру см. въ *Historica Russiae Monum.* I, № LXXVIII; Иннокентій уговариваетъ Александра обратиться къ Римской церкви по примѣру отца Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Плато-Карпиня, обратился въ Латинство въ Орду: но у Плато-Карпиня нѣтъ ни слова объ этомъ. Еще въ 1207 г. папа Иннокентій III писалъ къ духовенству и мирянамъ въ Россіи о посылкѣ легата — *ut filiam educat ad matrem et membrum ad carum*. Потомъ Гривгорій IX писалъ о томъ же къ В. к. Юрію Всеволодовичу. См. тамъ же № III, XXXIII.

304) Карамзинъ (IV, прим. 102): Войщину (нынѣ Боево); Арцыбыш. (II, прим. 208): «мы не знаемъ Войщими, Боево мѣстечко Могилевской губерніи Оршанскаго повѣта.»

305) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 56: Придоша Свѣи и Емь, и Сумь и Дидманъ. Дидманъ, по вѣроятнѣйшей догадкѣ Арцыбашева (II, прим. 175), былъ извѣстный Датскій вассаль; сомнительно, были ли здѣсь Свѣи. — О посольствѣ Александра въ Норвегію, см. *Torfæi, Hist. Norveg, IV, 265.*

306) *Russof.* p. 20.

307) Татищ. IV, 32.

308) Переяславль Залѣвскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей переходитъ постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава — Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго Дмитрію, наконецъ сыну Дмитрія — Ивану, съ которыми пресѣклась старшая линія Ярославова рода. Что Невскій былъ княземъ Переяславля Залѣвскаго, см. Никон. III, 13: размоливша Новгородцы съ Александромъ Ярославичемъ, и отыде Александръ скоро къ отцу своему и мало пребывъ у отца и иде въ Переяславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ; стр. 14: Новгородцы послаша съ челобитьемъ къ В. князю просяще у него сына его князя Александра, иже въ Переяславлѣ на Клещинѣ озерѣ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53: Выиде князь Олександръ изъ Новгорода къ отцу въ Переяславль.

309) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58.

310) Тамъ же, стр. 62.

311) Собр. Гос. грам. и дог. т. I, № 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣти и отци.

312) Тамъ же. А что, княже, брать твой Александръ дѣялъ насиліе въ Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.

313) Полн. Собр. Руск. Лѣт. III, 58. Тогда възгоша въ Пльсковѣ 300 Литвы, съ женами и дѣтии, и крести я князь Святославъ.

314) Воскрес. II, 243.

315) И идоша въ Голино. Село Новгородскаго уѣзда на лѣвомъ берегу у устья Шелони. Архѣб.

316) По Никон. (III, 53) митрополитъ грозился въ случаѣ непослушанія наложить на Новгородъ запрещеніе.

317) Татищ. IV, 45.

318) Тамъ же, стр. 46.

319) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 179. Доброславъ же вокняжилъсь оъ и Судьичъ, поповъ внукъ, и грабаше всю землю, и въшедъ во Бакоту все понизье пріа.—Я считаю здѣсь и вставленнымъ ошибкою: Доброславъ Судьичъ былъ одно лице, ибо во всей послѣдующей рѣчи говорится только объ немъ да Григоръ Васильевичъ.

320) Бакота находилась на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина, Архѣб. II, прим. 15.

321) Городъ Коломыя находился близъ сѣвернаго берега рѣки Прута.

322) Въ Ипатьев. спискѣ назначекъ 1249 годъ для этого событія; въ другихъ спискахъ неопредѣленно сказано: «потомъ же;» что 1249 годъ означенъ неправильно, видно изъ извѣстія о помощи Конрада Мазовецкаго Данилу, а Конрадъ умеръ въ 1247 году.—О дальнѣйшей судьбѣ Ростислава Михайловича на чужбинѣ см. статью Палацкаго: о Русскомъ князѣ Ростиславѣ (Чтенія Москов. Истор. Общ. № 3, годъ 1846) и Палаузова: Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы (Журн. Мин. Нар. Прос. 1851 г. Августъ).

323) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 184: «Не дамъ полутчины своей, но ѣду къ Батмеви самъ.»—Что за смыслъ этихъ словъ? онъ можетъ объясниться только изъ смысла требованія Татарскаго: «дай Галичь.» Хотѣли ли Татары только дани съ Галича, или требовали себѣ всей земли въ полное, непосредственное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ Данилъ могъ сказать: «Не уступлю полъ отчины моеи, не уступлю Галича, не ограничусь одною Волынью, лучше поѣду къ Батмю, умолю его оставить за мною всѣ мои волости.»

324) Папскія посланія см. въ *Historica Russiae Monumenta*, t. I, LXII—XCV. Пляно-Карпини рассказываетъ, что на Волынѣ у князя Василька онъ читалъ Русскимъ епископамъ папскія грамоты, и увѣще-

валъ обратиться къ Римской церкви, но что они не могли дать рѣшительнаго отвѣта, ибо князя Данила не было тогда въ Руси.

325) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 194, 195.

326) Плато-Карвини, стр. 737: *Antequam in Kioviam veniremus, in Danilove usque ad mortem fuimus infirmati.*

327) Не тутъ ли, гдѣ Стожытскій монастырь, Дубненскаго повѣта? спрашиваетъ Арцыбаш. II, примѣч. 232.

328) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 188.

329) Впрочемъ есть извѣстiе, что Миндовгъ еще прежде принялъ православiе, Густин. лѣтоп., стр. 341. Подъ годомъ 1246: Въ сiе лѣто В. князь Литовскій Миндовгъ прiять вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры.

330) *Historica Russiae Monumenta*, I, N LXXXII.

331) Тамъ же, N LXXXIII.

332) Тамъ же, № LXXXIV.

333) Тамъ же, N LXXXV.

334) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 201: Тевтивилъ Полоцкiй братъ Трениаты, а послѣднiй называется сестричицемъ Миндовговымъ; тогда какъ прежнiй Тевтивилъ называется сыновцемъ его. Тамъ же, стр. 187. О Литовскихъ Полоцкихъ князьяхъ см. грамоты, касающ. до сношенiй съверозапади. Россiи съ Ригою, № 11.

335) Мѣстечко Нобель Пинскаго уѣзда Минской губернiи.

336) Арцыбашевъ (II, прим. 101) думаетъ, что это жители Растенбургскаго округа въ старой Пруссiи, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

337) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 192: И приде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ. Вислочь — Минской губернiи Игуменскаго уѣзда.

338) *Roerpell's Geschichte Polens*, t. I; zweites Buch, V стр.

339) Подъ 1251 годомъ читаемъ: И посемъ поиде Буранда вборзѣ къ Люблину, отъ Люблина же поиде къ Завихвосту. И придоша къ рѣцѣ къ Вислѣ и ту изнайдоша собѣ бродъ у Вислѣ, и поидоша на ону страну рѣкы и начаша воевати землю Лядскую. — Слѣд. Лядская земля начиналась за Вислою. — Подъ 1301 годомъ, въ Волынск. лѣтописи прямо сказано: Люблинъ Ляхи отшукали отъ Руси; былъ Люблинъ подъ Русью 57 лѣтъ. Но съ другой стороны, въ грамотахъ князей Краковскихъ и Сендомирскихъ встрѣчаемъ извѣстiя о Люблинскихъ Кастеллянахъ въ означенные 57 лѣтъ (Роерпел, стр. 524); въ Волынской лѣтописи также есть указанiя, что Люблинъ не былъ въ Русскихъ владѣнiяхъ, подъ годомъ 1282, 1287.

340) *Histor. Russiae. Monum.* II, № V.

341) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 196. — Зубрицкаго. — Исторія Галицкой Руси, въ перев. О. Бодянскаго, стр. 153 и слѣд.

342) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 204; Narbutt — Dzieje narodu Litewskiego, t. IV, p. 239. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Вошчелгъ назывался въ иночествѣ Давидомъ; Довмонтъ Псковской былъ родной ему братъ. См. Сборникъ Синодал. Библиот. № 850.

343) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181; V, 185. — Plano-Carpini p. 621.

344) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 198. Романъ Брянскій считается сыномъ Михайловымъ; другіе сыновья его указываются: Мстиславъ въ Корачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ.

345) Карамзинъ IV, примѣч. 62.

346) Стр. 623. Andreas dux de Cherneglove quod est in Russia, fuit apud Bati accusatus quod educeret equos Tartarorum de terra et venderet alias: et cum tamen non esset probatum, fuit occisus. Quod audiens junior frater ejus, venit cum uxore occisi ad ducem praedictum Bati, volentes supplicare ne terra tollèretur eisdem: qui dixit puero quod uxorem fratris carnalis praedicti duceret in uxorem, et mulieri praecipit ducere illum in virum secundum consuetudinem Tartarorum; qui respondit dicens quod prius vellet occidi quam facere contra legem; at ille nihilominus tradidit eam illi, quamvis ambo renuerent quantum possent, et duxerunt eos ambos in lecto, et posuerunt puerum super illam clamantem et plorantem, et coegerunt eos pariter commisceri.

347) Догадка Карамзина.

348) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 64. Иначе Никон. III, 73: Того же лѣта иде князь Дмитрей Александровичъ иззаморья къ Переяславлю; а въ Копорьѣ бяша бояре его и слуги и вся казна его и весь бытъ его, и изыде изъ Пскова зять его Дамантъ Псковскій и взя изъ Копорья всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ его изведе изъ Копорья, и отосла ихъ ко тестю своему къ В. К. Дмитрею Алекс. И шедъ взя Ладогу, въ ней бѣ многи людие В. К. Дм. Ал. Онъ же изведъ ихъ такожь отосла ко тестю своему.

349) Татищ. VI, 58.

350) Татищ. VI, 68.

351) Арцыбашевъ (II, прим. 496) упрекаетъ Карамзина въ голословіи; но мнѣніе Карамзина имѣетъ за себя всѣ вѣроятности, и основывается на мѣстѣ лѣтописи (Никон. III, 92). — Карамзина (IV, прим. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городцѣ, и будучи В. княземъ Владимирскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василий въ Костромѣ, Дмитрій въ Переяславѣ, Михаилъ въ Твери, Калита въ Москвѣ.

352) Странно, впрочемъ, что послѣ Переяславль считался не въ числѣ городовъ Московскихъ, но Владимирскихъ. См. духовныя кн. Московскихъ въ 1-мъ томѣ Собр. Гос. гр. и дог. также Никон. III, 219.

353) Карамз. IV, прилѣч. 191.

354) Никон. III, 98: Въ Воскресен. (II, 272) и Лавр. (209) прибавлено, что Юрій при осадѣ Рязани много Татаръ избилъ, почему и полагаютъ здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избить еще не значитъ побѣдить: Александръ Тверской также избилъ дружину Шевкала, однако никто не признаетъ это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Дмитрій Александровичъ заставлялъ бѣжать Татарскаго царевича, призваннаго Андреемъ.

355) Собр. Гос. грам. и дог. I, № 4 и 5.

356) Съ Польскими источниками, приводимыми Рёппелемъ (стр. 526) согласна и Волынская лѣтопись (стр. 208): бояре же Лядскіи избраша собѣ одного отъ нихъ, Лестька, и посадиша и Краковъ на столѣ Болеслави.

357) Каменецъ—мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда; на рѣкѣ Лсьнѣ; какой же Каменецъ упоминается выше, около котораго воевала Литва?

358) Любомль, мѣстечко при западномъ Бугѣ, почти между Хелмомъ и Ковлемъ.

359) Недалеко отъ Августова, въ царствѣ Польскомъ.

360) Мѣстечко при Бугѣ повыше Дрогичина.

361) Ср. Томъ II-й нашей Исторіи, стр. 335; значитъ для причитаній была одна общая форма.

362) Есть Бяла недалеко отъ Бреста на западъ; есть Бѣльскъ выше.

363) По Густин. лѣт. Русь воевала подъ начальствомъ Петра Галки, но была разбита подъ Люблиномъ.

364) Въ лѣтописи сохранилось еще слѣдующее извѣстіе объ участіи Русскихъ князей въ Польскихъ дѣлахъ: подъ годомъ 1289: пріѣхалъ бышеть Конратъ князь Сомовитовичъ къ Мьстиславу, прося себѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на княженіе Судимирское; Мьстиславъ же обѣща ему, а Кондрата одари и бояры его вси и отпусти, рекъ ему: ты поѣдь, а я по тоби пошлю рать свою. Кондратови же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю нарекъ Чюдина воеводу; и такожде Кондратъ князь въ Судимирѣ княземъ Мьстиславомъ и его помощю.

365) Степанъ мѣстечко на лѣвомъ берегу Горыни выше Домбровицы.

366) Ворголь, рѣка Орловской губерніи, впадающая въ Сосну; Ворголь (по Карамз.) село Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда.—

Ворголь Елецкій будетъ далеко отъ Рыльска; не Вольговскій ли (Льговъ-Вольговъ — естественно)? — Въсто Липецкій у Татищева поставлено сперва Ливецкій; быть можетъ и здѣсь надобно разумѣть Ливны Орловскіе вмѣсто Липецка Тамбовскаго.

367) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 207: Ему же по старѣйшинству дошелъ быше степень княженія великаго.

368) Чего всхочеша изъ отчины вашей, то ти дасть. — По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло шло о Переяславѣ.

369) Акифъ Ботричъ у Татищева (IV, 84).

370) Карамз. IV, примѣч. 325.

371) Татиш. IV, стр. 86.

372) Арцыбашевъ (II, 72) говоритъ: «можетъ быть чтобъ перхватить его (Юрія) на дорогѣ въ Орду.»—Но нѣтъ никакого повода думать, чтобъ Юрій вздѣлалъ въ это время въ Орду: объ этомъ происшествіи лѣтописецъ, по обычаю, сказалъ бы непременно. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «И не благослови его митрополитъ столбомъ въ Володимери, и стоялъ три недѣли и възвратися въ свояси.»

373) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 6.

374) Эти грамоты напечатаны въ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, подъ № 9, 10 и 11-мъ; они относятся во времени, слѣдующему тотчасъ послѣ перваго вступленія Михайлова на столъ Новгородскій, т. е. къ 1308 году, ибо къ нимъ привѣшаны печати архіепископа Θεоктиста, а Θεоктистъ отказался отъ архіепископства въ 1308 году. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 68). Посадникъ въ нихъ означенъ Гюрги, вѣроятно старый Юрій Мишиничъ, о новомъ избраніи котораго хотя и нѣтъ извѣстія въ лѣтописи, но на лѣтопись въ этомъ случаѣ положиться нельзя, ибо въ ней нѣтъ о смѣнѣ Юрія Мишинича въ 1293 году, нѣтъ о смѣнѣ послѣдняго Семеномъ, и есть только о смѣнѣ Семена Андреемъ въ 1303 году; въ 1309 году сказано: «Даша посадничество Михаилу Павшнннчу,» но не сказано: у кого оно было отнято, слѣд. имѣемъ право между Андреемъ и Михайломъ, помѣстить снова Юрія Мишинича.

375) Карамз. IV, прим. 219.

376) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III. 71: пять темъ гривень серебр.

377) Никон. III, 110.

378) Этотъ договоръ я читаю въ грамотѣ, напечатанной въ С. Г. Г. и Д. подъ № 12 и утверждаемой въ Новгородѣ и въ Твери.—Карамзинъ (IV, примѣч. 221) думалъ, что эта грамота утверждена въ Торжкѣ, и по ней поправлялъ противорѣчивыя показанія лѣтописей относительно суммы окупа; но онъ не обратилъ вниманія на окончаніе грамоты, имъ самимъ выписанное: здѣсь прямо говорится, что

Князь долженъ изрѣзать прежнюю грамоту, написанную въ Торжкѣ вмѣстѣ съ тою, которая написана была въ Городѣ на Волгѣ. — Князь Карамзинъ говоритъ: «Грамота же писанная въ Городѣ на Волгѣ (именно Городна близъ Твери) содержала въ себѣ, чяательно, договоръ архіепископа Давида, заключенный имъ съ В. княземъ въ 1312.» — Но въ летописи сказано, что владика ходилъ для заключенія этого договора въ Тверь. — Мы думаемъ, что эта грамота утверждена была Новгородцами съ княземъ Дмитриемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ, въ 1314 году.

379) Никон. III, 171; здѣсь же находимъ извѣстіе, что Новгородцы съ княземъ Афанасіемъ Даниловичемъ ходили въ Торжокъ и потеряли здѣсь пораженіе отъ Михаила.

380) «Ста въ Устьянѣхъ.» — Устьянскій погостъ Деревской пятины Щедковского стана, въ 50 верстахъ отъ Новгорода. — Архив. II, прим. 547. — У Татищева (IV, 96) вмѣсто на Устьянѣхъ — на Устьцнмъ. По Никонов. ратники заблудились ида къ Новгороду, зашли на р. Ловать, и тамъ начали терпѣть бѣдствія.

381) Татищ. IV, 96.

382) Никон. III, 112.

383) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 208.

384) Собр. Гос. гр. т. I, № 14.

385) Значить не всѣхъ отроковъ отогнали.

386) 22 ноября въ среду, въ седьмомъ часу дня.

387) Теперь городище на рѣкѣ Кумѣ, Кавказской губерніи, Георгіевскаго уѣзда.

388) Татищ. IV, III. — О Кавгадыѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, № 14: Смерть же грѣшниковъ люта, еже бысть незаконному и промѣтному Кавгодью и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже манный животъ свой.

389) Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда.

390) Никон. III, 43.

391) Никон. III, 67.

392) Никон. III, 105.

393) Тамъ же, IV, 8.

394) Карамзин. IV, примѣч. 209.

395) Собр. Гос. гр. и дог. II, № 141.

396) Никон. III, 127: и Ярославль взяша и сожгоша. Не Солигаличь ли?

397) Книга Больш. Черт.: на усть рѣки Узерамъ на острову городъ Корела.

398) Мѣста здѣсь означенныя спорныя: по однимъ Ванай бли Тавастгуса гдѣ теперь приходъ Ваная, Купецкая рѣка — Кумо, Ченая-Нокія; по другимъ Купецкая рѣка есть заливъ Пою, Черо Карись. — Рѣка Перло къ Кименегородской губерніи; Кавгалу принимаютъ за Борго, отдѣляющую Кименегородскую губернію отъ Тавастгусской. См. Карамз. IV, примѣч. 214; Арцибаш. II, примѣч. 528—533. Lehtberg—Untersuchungen, стр. 232.

399) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 72; Арциб. II, прим. 555—559. Буткова — Три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Д. 1837 г., ч. 23. — Неволлина — О пятинахъ Новгор., въ записк. Геогр. Общ. кн. VIII; Antiquité Russes, t. II.

400) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 183: бысть Пековичемъ великимъ со владыкою Феоктистомъ и съ Новгородцы.

401) Тамъ же, стр. 184.

402) См. изслѣдованіе г. Григорьева: о достоверности Ярмковъ данныхъ русскому духовенству, стр. 59.

403) Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Александръ говоритъ тѣмъ самыя слова, какія древній лѣтописецъ заставляетъ говорить Ярослава стараго передъ битвою съ Святополкомъ: «Не азъ почохъ избивати, но оны и да будетъ отместникъ Богъ крови отца моего Михаила брата моего Дмитрія, зане проляша кровь праведную, егда мнѣ сеже створить?» Если бы Александръ дѣйствительно говорилъ что-нибудь подобное, то этии указалъ бы намъ главную причину возстанія, въ вопросъ: «егда мнѣ сеже створить?» видѣли бы мы только опасеніе, и нисколько не убѣжденіе въ справедливости слуховъ о Татарскихъ замыслахъ.

404) Карамзинъ говоритъ при этомъ: «Вѣроятно, что Александръ бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился уду съ новыми любимцами, кони старыя вельможи завидовали.» — Догадка эта очень основательна: это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новыя бодрѣ Александровы захали старыхъ Тверскихъ.

405) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 79: Никон. III, 164; Татищ. IV, 136; по Никон. нѣцми клеветаша; по Татищ. оклеветали егъ Нѣмецкіе и Литовскіе вельможи, которымъ Александръ не могъ исполнить прежнихъ обязательствъ. Но извѣстіе кажется намъ позднѣйшимъ объясненіемъ дѣла.

406) Никон. III, 167.

407) Тамъ же, IV, 204.

408) Хотя въ Никонов. лѣтоп. подъ 1340 годомъ упоминается опять въ живыхъ умершій Константинъ Борисовичъ.

- 409) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 15.
- 410) Након. III, 160: что ему (Нарманту) река въ Литвѣ идуше къ Теокисту Митрованту, и слово право дали.
- 411) Толдожскій погостъ между Ямою и Копорьемъ, во 160 верстахъ отъ Новгорода. Арцмбаш. II, прилжч. 652. — О договоръ съ Норвежцами см. Бюшнингортъ Магазицъ, III, 177. Карамз. IV, прим. 310, 311.
- 412) Рясно или Рясна, мѣстечко Могилевской губерніи, Чаускаго уѣзда, Остичевъ находимъ подлѣ Рясны. Арцмб. II, прилжч. 642.
- 413) Након. III, 141.
- 414) Опис. Румянцев. Музея, № CCCLVIII.
- 415) Калитаю оны названъ потому, что носилъ жѣмчомъ (Калиту) съ деньгами, которые раздавалъ нищимъ.
- 416) Собр. Гос. гр. и дог. т. I. № 21 и 22.
- 417) Калита купилъ Угличъ, Белоозеро и Галичъ; но ни въ духовной самого Юанца, ни въ духовныхъ сыновей его эти прикуны не упоминаются, и только уже Димитрій Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣла своего. — Карамзинъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикуны принадлежали не къ Москвѣ, но къ Великому князю Владимірокому. Но какъ могъ Калита прикупить къ Великому князю, которое воево не принадлежало въ собственность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю Тверскому или Нижегородскому? Это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ некоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ князю Московскому, а при Димитрія Донского оны были лишены этихъ правъ.
- 418) Карамз. IV, прим. 268, 276.
- 419) *Sunt nostris Baronibus, nec non comitatibus, или: nos una cum dilectis et fidelibus, nostris Baronibus militibusque.*
- 420) *Annales Olivienses, Dlugosz, Miechovita, Bielski, Kromer.*
- 421) Храпица Быховца, Стрыжковскій.
- 422) Такъ какъ выгодно было примѣнить послѣ первое преданіе къ названу Гедимина и его сильнаго потомства, то мы соглашаемся стрѣчь фактъ второму преданію. Нарбутъ (*Dzieje narod. Litew. t. IV, p. 455*) старается подтвердить второе преданіе или мѣтне писемъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII: «Ista enim, pater reverende, verbis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt» — Нарбутъ находитъ здѣсь доказательство, что Гедиминъ происходитъ отъ Витенеса; но можно понимать *progenitores nostri* такъ, что Гедиминъ, отъ лица всѣхъ

Литовцевъ говорить о своихъ отцахъ. И въ этомъ же письмѣ находимъ такое доказательство противнаго: Гедиминъ называетъ Витовеса только предшественникомъ своимъ (*praedecessor*), а не отцемъ.

423) Nagbut. IV, p. 486; Густинъ лѣтоп., стр. 348.

424) Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

425) Но мы видѣли, что во Владимирѣ еще въ 1335 году былъ особый князь Юрій Андреевичъ.

426) Карамзинъ считаетъ этого Фодора княземъ Россійскимъ; но для этого нѣтъ никакого основанія. Стадницкій (*Synowie Gedyminy*, II, 25) старается такъ представить дѣло: «Гедиминъ началъ войну съ двумя князьями, господствовавшими на Руси Червонной и на Волыни. Занявши Брестъ и Пинскую область, двинулся дальше въ глубь Волыни и поразилъ обоихъ князей, при чемъ старшій Андрей (Владимиръ лѣтописи) лишился жизни. Но побѣда не была такъ рѣшительна, какъ ее представляетъ лѣтописецъ: это видно уже и изъ того, что Гедиминъ не занялъ Руси Червонной. Умершій Андрей имѣлъ сына Юрія, съ которымъ должно было войти въ договоры. Этотъ Юрій до смерти своей владѣлъ Русью Червонною и Владимирскимъ княжествомъ. Дядя его, Левъ, князь Лудскій имѣлъ только дочь, которую выдалъ за Любарта, сына Гедиминова. Кіево-Печерскія рукописи XVI вѣка говорятъ, что Гедиминъ въ 1339 году пошелъ на князя Кіевского Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени, и, выгнавшій Татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ. По Литовской лѣтописи, Левъ Лудскій, тесть Любарта, послышавъ на помощь Кіевскому собрату, и нашелъ смерть въ битвѣ.»

427) Лѣтописъ Даниловича, стр. 27. Стадницкій не безъ основанія думаетъ, что Монвидъ былъ князь Керновскій, а не Корачевскій.

428) Никон. III, 182.

429) *Dlugossi Histor. Polon lib, IX, p. 1163. Et cmethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut cmethones et coloni, sub militaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haerodes gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectualem oppositionem severe et rigide interponebat, ut nemo, quantumcumque magnus, potens et dives auderet in suos esse cmethones violentas, gravis et injurtus, rege Casimiro, unumquemque pro sua factione, excessu, aut demerito, digna mulcta coercente. Ob quam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practicatam, sugillationem vitare non potuit, quin Rusticorum Rex a Nobilibus et militaribus vocitaretur... Tantaе sane justitiae cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus,*

ut colonis propriis dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit ipsosque juxta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti, monens ut igni mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum iret, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum expulsum, aut illos graventium refrenavit.

430) Никон. списокъ считаетъ Василіа Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядою его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ княземъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юриемъ Московскимъ; Карамзинъ (IV, прим. 242) обвиняетъ (голословно) Никон. въ ошибкѣ разныхъ аялсѣй, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ прежде упомянутаго Брянскаго князя Романа. Дмитрій Брянский по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, сгд. братомъ Василія.

431) Татищ. IV, 346.

432) Никон. III, 193: князь Великій Семѣй Ивановичъ съ братьемъ се княземъ Иваномъ и Андреемъ, и прочими князи собравше силу многу ядоша ратью къ Смоленску. И дошедшимъ имъ Вышегорода на Перотви (между Вереєю и Боровскомъ, Арцб. II, 743), и ту придоша къ нему послы отъ В. князя Литовскаго Олгерда Гедиминовича со многими дари о миру; отъ же не оставя слова Олгердова миръ взя и послы отпусти съ миромъ, а самъ подвижесь еще ко Угри, хотя ити къ Смоленску, и ту придоша къ нему послы Смоленскія. Отъ же стоявъ на Угри осмь дней, и своя послы несла въ Смоленскъ, и взи миръ возвратися къ Москвѣ. — Нѣтъ никакого основанія соединять приходъ пословъ Олгердовыхъ съ Смоленскими дѣлами и думать, что Олгердъ присмьлялъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; Литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получили миръ, послѣ чего Симеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрь.

433) Татищ. IV, 147: князь же Великій рече имъ: аще хощуть милости и мира отъ меня, да приндуть предъ мя посадники и тысяцкій бои, просить при вѣсхъ князѣхъ на колѣняхъ и проч.

434) См. нашей исторіи т. I, примѣч. 317.

435) Годъ 1340 годомъ упоминается Матвій Вареломѣвичъ, посланный въ Торжокъ дѣйствовать тамъ противъ В. князя; отчество показывается, какъ будто бы отъ былъ дядя Онницѣору.

436) Никон. III, 184: И нача имати бояръ ихъ слуги въ серебрѣ заложеніи, чрезъ людскую силу.

437) Никон. III, 178: а князь Ярославъ Пронскій сяде во градъ Ратиславъ Рязанскомъ. — Погостъ Ратисловъ или Ратисловъ, см. Арц. II, прим. 705.

438) Никон. III, 174; у Татищева (IV, 165) въ запискѣ же въ-
раженіяхъ говорится и о Симеонѣ Московскомъ.

439) Никон. III, 174; тамъ же: Того же лѣта весна Лува Ты-
шиневъ и со многими полкомъ возвратишася во свояси.

440) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 84.

441) Въ лѣто 6849, мѣсяца сентября въ 9, убиша Нѣмци въ Ла-
тыгорѣ, на селѣ на Опочивъ, Псковскихъ пословъ пяти: мужъ Михаилъ
Люблиновича, Власія Колотилевича, Авонга Полутаравича, на ияру;
и Псковичи, взявше, повоеваше Латыгору о князѣ Александрѣ о Все-
володичѣ (неизвестномъ), мѣсяца декабря въ 21, тогда башеть ему
въ Псковѣ на княженіи. И князь Александръ учивши розратье съ
Нѣмци, разгнѣвался на Псковичъ и побѣже изъ Покова, и Псковичи
зѣхаше по немъ съ поклономъ до св. Пантелеймона и потомъ посла-
ша Псковичи послове съ поклономъ и до Новгородъ, и бѣша ему
челомъ много (князю), и неворотишася (т. е. не воротися) и отречеся
Псковичемъ. Поставиша новый городокъ (Нейгаузенъ) на рѣкѣ на
Пивжѣ (Пимжѣ), и Псковичи въ то же время, коли Нѣмцы городокъ
ставили, зѣхавше за Норову въ малѣ дружинѣ, взяли посады у Руго-
дина (Нарвы)... И тое весны побѣхавше въ лодьяхъ воевать, о Ильѣ
о посадникѣ, въ рѣку Омовжу, и повоеваше село Нѣмецкое на обе
стороны Омовжѣ до городка до Могилева. Полн. Собр. Русск. Лѣт.
IV, 186, 187. — Амосжа-Эмбахъ.

442) Село Порѣчье въ Псковскомъ уѣздѣ.

443) Городъ Островъ Псковской губерніи.

444) Никон. III, 177. Эти слова всомѣ очерчиваютъ характеръ
Литовскаго князя.

445) Подробности въ Псковск. лѣтописи: И Юрей князь подъявъ
Псковичъ, и пріѣхавше къ Изборску и недѣша Изборникъ съ собою,
и побѣхаша на сумежье изыма добывать, и срѣтошася съ великою
ратью съ Нѣмецкою на Мекужизкомъ полѣ, у Мекужизѣ у рѣчи...
оступиша городъ Изборскъ... А Олигердъ князь и братъ его Ке-
стунтъ повелѣ своиѣ Литвинномъ и Видошомъ и Цедошинецъ, бро-
дятся за Великую рѣку, не вѣдаючи подъ Изборскемъ ратю; и они
перобродившеся сташе огани на кони. А князь Олигердъ послѣ
своихъ людей 60 сторожу передъ полкомъ, и они зѣхавше: бѣхъши
за Холохолномъ и приведоша во князю Олигерду; и отъ повѣда ему
велику Нѣмциа ратю подъ городомъ Изборскимъ. И князь Оли-
гердъ и братъ его Кестунтъ оставшеся взади съ своими Литвинцами
и съ мужи Псковичи, въ малѣ дружинѣ, и побѣхаше въ Грамосе. Бо-
лото и нача перемитивати Нѣмецкіе рати. А Любо князь, сынъ Вол-
невъ Полоцкаго князя, самъ другъ отѣхаша отъ князя Олигерда и

свѣхаше въ сторожевой полкъ Намецкій, не вѣдающу ему сторожевого полка, и тако его убилъ самодруга. — Теперь въ Псковскомъ уѣздѣ есть деревня Халахальна.

446) Общимъ всѣмъ попечатавъ. Думаемъ, что здѣсь подъ именемъ община должно разумѣть все общественное, казенное: зданіе, архивъ, деньги.

447) Псковскаго уѣзда.

448) Полю. Собр. Русск. Лѣт. IV, 189: Повхаше военати земли Нѣмецкія о князѣ Ивайѣ, и о Изборскомъ князѣ Остафѣ о посадникѣ Володшѣ.... А Нѣмци, скопивше силу, надгониша Псковичи за 2 поприща не дохавши Новаго Городка Углецкаго, на Малоя Борку, на тѣсни.

449) Geijer-Geschichte Schwedens, I, 183.

450) Любопытны различія: въ Новгород. лѣтоп. «медливъ же князь долго;» въ Соф. вр. «медливъ же князь великій не много.»

451) Ситенскій погостъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

452) Полю. Собр. Русск. Лѣт. V, 226.

453) Никон. III, 189.

454) Полю. Собр. Лѣт. V, 227. Карамз. IV, пр. 348.

455) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23. Годъ здѣсь 1341 выставленъ издателями произвольно; нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобъ договоръ былъ написанъ тотчасъ по смерти Калиты.

456) Подробности см. ниже въ IV томѣ.

457) Кажется у Симеона остался малолѣтній сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: «Приказываю своей братии свою княгиню и своего.....;» если только это: своего, не относится къ дядѣ Василью, о которомъ сказано прежде: «даю рѣдъ своей княгини: велѣлъ есмь у нее быти моему дяди Василью.»

458) Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о изтолиси въ Сми. библиот. XV вѣка. (№ 349), гдѣ говорится, что Узбекъ подвизалъ между Александромъ Васильевичемъ Суздальскимъ и Калитою, при чемъ Владиміръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ въ Московскому князю. — Но это извѣстіе съ царемъ Албугомъ и съ историческимъ рассказомъ о колоколахъ, не заслуживаетъ большаго вниманія.

459) См. дуквину В. князя Ювана въ С. г. г. и д. I, 26: «А что онъ мнѣ досталъ мѣста Рязанская на сей сторонѣ Оки, и съ тѣхъ мѣстъ далъ есмь мнѣю Володимеру въ Дюнастни мѣста, новый городокъ на усть Поротли, а нѣца мѣста Рязаньская отъ мѣйна сына моему князю Дмитрію и Ивану подвизаю на полнъ безъ обиды.»

460) Призванъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Федоровичъ, прозвище ему было Половой, и былъ въ Твери бояринъ, у Бориса сынъ Федоръ и тамъ во Твери бояринъ же былъ, у Федора сынъ Михайло Шетень, а во Твери былъ Тысяцкой; у Михайла сынъ Константинъ Шетень, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетень, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г. № 1.)

461) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23; на тождество Алексѣя Петровича Тысяцкаго съ бояриномъ Гордаго указалъ еще князь Щербатовъ въ своей исторіи.

462) Никонов. III, 207, 209: Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо отъ кого же; точію обрѣтесе убіенъ лежа на площади егда заутредю благовѣстать. И нѣцимъ глаголють о немъ, яко совѣтъ сей сотворися, или отъ бояръ, или отъ иныхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, якоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ. Троицкая лѣтопись (у Карамз. IV, пр. 381): Нѣцимъ же рекоша, яко втаю свѣтъ створиша и ковы коваша нань и тако всѣхъ общею думою, да якоже Андрей Боголюбивый отъ Кучковичъ, тако и сій отъ своей дружины пострада.

463) Подъ слѣдующимъ 1360 годомъ: поведе Алексѣй на поставленіе въ Володимерь; а съ нимъ бояръ бѣ Новгородскихъ, Александръ посадникъ, Юрь Ивановъ. — Но быть можетъ здѣсь разумѣется старшій посадникъ, какимъ и былъ дѣйствительно Александръ, братъ Дворянина.

464) Никон. III, 207: Сижскаго сынъ Иванъ седе съ Литвою во Ржевъ (теперь городъ Тверской губерніи.)

465) Кто былъ этотъ Василій? По родословнымъ онъ могъ быть сыномъ Ивана Александровича Смоленскаго, братомъ Святослава; у этого Василя означенъ сынъ Иванъ. Но онъ могъ быть также и Василюемъ Александровичемъ, о которомъ см. выше, примѣч. 431.

466) Никон. III, 213. Не Бѣлую ли?

467) Поля. Собр. Русск. Лѣт. IV, 191. — Въ оба похода Псковичами предводительствовалъ князь Евстаѣй. Подъ 1357 годомъ: Приѣхаше князь Василей Будивола на княженіе во Псковъ.

468) Мы видимъ, что Семень отказалъ своей участокъ жемъ своей Марьѣ, которая еще была жива когда Іоаннъ писалъ свое завѣщаніе, и владѣла многими мѣстами въ участкѣ Дмитрія, почему и сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходить къ Дмитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскомъ и Коломною? Стало быть она уступила ихъ послѣ В. к. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какой-то книгѣ Ульянъ, послѣ

которой владѣнія раздѣляются между Дмитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т. е. Калита далъ кн. Ульянѣ волости съ тѣмъ, чтобы по ея смерти, они были раздѣлены между его сыновьями, а теперь они должны были дѣлиться между ихъ потомствомъ. Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распорядиться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

469) Татищ. IV, 188.

470 Тамъ же, стр. 195.

471) Никон. III, 103.

472) Точками означены слова, стершіяся въ подлинникѣ.

473) Который велъ усобицу съ редицами. Сбывшія подробности объ этой усобицѣ собраны у Арцыбаш. II, примѣч. 795, 797.

474) Можно думать, что это Старица, см. Арцыб. II, примѣч. 827.

475) Никон. IV, 19: князь же Михаило Ал. Твер. о томъ велии зжались, и не любезно бысть ему сіе, и негодоваше о семъ. И положи то въ изиѣну и въ ненависть подвижесь и размиріе про то нача имѣти къ в. князю Дм. Ив., гнѣвашежеса и жаловавшеса напаче на митрополита глаголя, колину любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ толико на посрами и поруга.

476) Никон. IV, 21. На стѣзчи уби. князя Сем. Дмитр. Стародуб., нарицаемаго Крапиву (сынъ Дмитрія Феодоровича, племянникъ Ивана), во власти глаголеми Холохалъ; и потомъ въ Обленскѣ уби князя Константина Юрьева сына, внука Михаила Черниговскаго. — Оболенскъ не далеко отъ устья Протвы въ Оку; рѣка Тросна въ Рузскомъ уѣздѣ Москов. губерніи. — Хольколь находился въ Можайской волости, см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34. Это должно быть ямшійная Хохлова въ Гжатскомъ уѣздѣ; см. л. XXIV Спец. Кар. Зап. Росс.

477 Тамъ же, стр. 27. Тогда жъ раненъ бысть князь Василей Ивановичъ Березуйскій у града у Волона; стоящу убо на мосту предъ градомъ, и се внезапно тайно изъ подмостья, сквозь мостъ, Литвинъ прободъ его копіемъ. Онъ же язвевъ зѣло изиѣможе, и въ той часъ пострижеса во иноческій чинъ, и преставися. — Въ родословной сказано только что, родъ князей Ѳоминскихъ и Березуйскихъ отъ князя Константина Березуйскаго.

478) Село Бѣжицы, Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда.

479) У Скорнищева.

480) Никон. IV, 32: Рязанцы убо махающесь вземни и ремнемъ и ужищи, и ничтоже успѣша, но падоша мертвыи аки снопы, аки свищи заклани быша. — Выходятъ, какъ будто Рязанцы въ самомъ дѣлѣ

вмѣсто оружія взяли ремни да веревки. — Быть можетъ, Рязанскіе ратники въ Скориншевской битвѣ впервые употребили арканы.

481) Рѣчка Кесма впадаетъ въ Мологу, верста около 10 ниже Вельегонска, Тверской губерніи; есть и село Кесма Бѣжецкаго уѣзда. Арцыб. II, примѣч. 852.

482) Село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

483) Олегъ, Романъ и Владиміръ Пронскіи.

484) И Карамзинъ, и Арцыбашевъ, каждый съ особой стороны, несправедливо заподозриваютъ здѣсь извѣстія Никоновской лѣтописи. Карамзинъ хочетъ положить освобожденіе Ивана гораздо прежде; но какъ могло это случиться, когда до сихъ поръ не было мира между Михаиломъ и Дмитріемъ? Арцыбашевъ же не хочетъ допустить извѣстіе о мирѣ, полагая, что миръ былъ заключенъ вмѣстѣ съ Олгердомъ; но въ самомъ договорѣ предположена возможность, что Михаилъ будетъ продолжать непріятельскія дѣйствія, при томъ же заключенъ былъ не миръ, а краткое перемиріе.

485) По словамъ Новгородскаго лѣтописца, Михаилъ Тверской сталъ просить мира, испугавшись приближенія Новгородской рати.

486) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 28.

487) Лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 40.

488) Narbutt, V, 277.

489) Лѣтоп. изд. Данилов., стр. 32.

490) Никон. IV, 10: Тогай князь Ординскій, аже по разрушеніи Ординскомъ прииде въ Норучай, и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручавцкой странѣ. И потомъ восхотѣ воевати Русь.... князь же Великій Олегъ.... Постигше его на мѣстѣ, нарицаемомъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Воинѣ. — Наровчатъ городъ Пензенской губерніи, Тагай — городъ Симбирской губерніи.

491) Рѣка Пьяна Нижегородской и Симбирской губерніи, впадающая въ Суру. Никон. III, 37: князь Великій Дмитр. Ив. Московск. собрався со всею силою своею и стоялъ у рѣка Оки на березе, и братъ его иже изъ двоюродныхъ князь Володимеръ Одр. прииде къ нему изъ Нижняго-Новгорода. — Карамзинъ (V, прим. 31) говоритъ: «Владиміръ Андреевичъ послѣ войны Литовской, жилъ одно лѣто въ Новгородѣ Великомъ до іюля мѣсяца, въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять все лѣто на берегахъ Оки?» — Но развѣ лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Андр. стоялъ все лѣто? Не прямо ли она говоритъ, что онъ пришелъ къ В. князю изъ Новгорода? Вся ошибка здѣсь только въ томъ, что вмѣсто Великаго Новгорода поставленъ Нижній.

492) Арцыбаш. II, прим. 872.

493) Никои. IV, 52: Утешаюшесь и веселяшесь піуще и нови
 фиуще, мнѣшесь дома суще, аки въ своихъ сиротахъ величаюшесь
 вознесшесѣ, забыша смиренныи мудрости, яко Богъ смиреннымъ
 метъ благодати, и яко вси есмѣ Адамовы внуци. — И доидоша на
 Шипару. (Поли. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73).

494) Тамъ же, стр. 54: И пришедше воеваше землю Мордовскую
 места и села и погосты и зимницы пограбѣша. Зимницы —
 можно быть зимнія жилища.

495) Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны въ Рязанскомъ
 вѣдѣ.

496) Извѣстіе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обѣ-
 ался помогать Дмитрію въ войнѣ съ Татарами. — Замѣчательно,
 что не упоминается о князьяхъ Нижегородскихъ.

497) Какъ видно, это движеніе въ сторону на западъ нарочно было
 предпринято для соединенія съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпу-
 товскимъ.

498) Рѣка Красивая Меча Тульской губерніи Ефремовскаго, Бого-
 родицкаго и Крапивнинскаго уѣздовъ.

499) Поли. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86. Объ
 крашенныхъ сказаніяхъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

500) Но по нѣкоторымъ извѣстіямъ вдвое меньше; см. Карамз. V,
 примѣч. 100.

501) Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Олеговымъ сыномъ Фе-
 доромъ говорѣтся о Московскихъ войнахъ, возвращавшихся съ Дону
 захваченныхъ въ землѣ Рязанской: Собр. Гос. гр. и дог. I, № 36.

502) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

503) Объ этихъ границахъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

504) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 27.

505) Тамъ же, № 29.

506) Извѣстіе это находится въ духовномъ завѣщаніи Донскаго:
 «А которы деревни отомалъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткинъ-
 скаго села.»

507) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 33.

508) Дополн. къ акт. историч. т. I, № 7.

509) Поли. Собр. Русск. Лѣт. IV, 65; И лѣзбиша Двинянь на Курьѣ.

510) Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 году на томъ ос-
 нованіи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и Тысящій Елисей
 упоминаются подъ 1371 годомъ; но они могли исправлять свои должно-
 сти и въ 1367 году. — «Въ слѣдствіе сего условія, говоритъ
 Карамзинъ, князь Владиміръ Андреевичъ въ 1373 году пріѣзжалъ на
 нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ.» Но князь Владиміръ пріѣхалъ въ

Новгородъ въ первый разъ въ 1368 году, что и заставляетъ насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 году, тѣмъ болѣе, что по этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира объ отправленіи пословъ Новгородскихъ въ Москву. См. договоръ въ Актахъ Арх. эксп. I, № 8.

511) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 8.

512) Тамъ же, № 17.—Послѣ Торжокскаго вѣятія Новгородцы отправили пословъ къ Михаилу съ требованіемъ отпустить безъ окупъ захваченныхъ имъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ и вывести наѣственниковъ Тверскихъ изъ Торжка. Наказъ посланъ см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 13. Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатахъ.

513) Въ некоторыхъ спискахъ сказано: «и пріѣхаша съ миромъ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75. Были ли Новгородцы на Куликовскомъ полѣ? Молчаніе Новгородскихъ лѣтописей объ этомъ заставляеть насъ отвергнуть извѣстіе украшенныхъ сказаній, что и Новгородцы участвовали въ битвѣ.

514) Въ Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда есть два селенія Маркваша; рѣка Ветлуга впадаетъ въ Волгу между Васильсурскимъ и Козмодемьянскимъ.

515) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 94: и стоя въ Ямнѣхъ.

516) Рѣка Лудва Псковской губерніи, Гдовскаго уѣзда.

517) Эта причина выставлена въ Псковской лѣтописи, въ Новгородской другая: Принимаша Плесковичи гость Нѣмецкій, поморскій и заморскій, а ркуче: отъимали Юрьевцы съ Вышевици у насъ землю и воду.

518) Такъ выражается Новгородскій лѣтописецъ, постоянно непріязненный къ Псковичамъ: «и повѣствовавше много придоша прочь». Впрочемъ здѣсь можетъ высказаться и не любовь Новгородцевъ вообще къ многословію.

519) Мѣстечко Псковской губерніи, Опочинскаго уѣзда.

520) Кирьпиуга—Киремпе, мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ.

521) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 193: То же бысть Псковичемъ Богомъ дарована война: а то розвратѣ бысть съ Нѣмци про Жолчи (Жалачко, V, 16) обидя много время, али по 5 лѣтъ.

522) Dlugossi—Histor. Polon. IX, p. 1101.

523) Ibid. X, p. 68.

524) Ibid. X, p. 98.

525) Ibid. p. 102. Fama insuper et plurimorum assertione proditum est.

526) Ibid. p. 118; Лѣтоп. Данил., стр. 204 и 205.

527) *Zrządła do dziejow polskich-Grabowak. t. I, p. 145.* Въ 1393 году эту грамоту князю Ѳеодору подтвердила уже одна Ядвига, которая называетъ себя: *Lithuaniae principis Sargema, Pomeraniae Russiaeque Regina et haeres.*—О присягѣ Симеона Лугвенія Ягайлу и Ядвигѣ см. также, въ IV томѣ.

528) Поля. Собр. Русск. Лѣт. V, 240.

529) Лѣтоп. Даниловича, стр. 44. Если бѣ Скиргайло владѣлъ въ Волыни, то Длугошъ (стр. 120) не называлъ бы его Трощкимъ княземъ.

530) *Dlugossi, I. X., p. 120.*

531) Лѣтоп. Данилов., стр. 47.

532) *Dlugossi, I. X, p. 120; Hunc (Skirgallonem) Vithaudus Grodzensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimescens etc.* Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиргайлу, а не къ Виговту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (*Исторія Галицкой Руси, стр. 221*).

533) *Ibid.*

534) *Narbutt, V. 433.*

535) Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 350.

536) *Никон. IV, 119.*

537) Поля. Собр. Русск. Лѣт. IV, 531. Хотя и есть вариантъ: на ученъ, одкако по связи обоихъ предложеній скорѣе можно принять: неученъ.

538) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34.

539) *Никон. IV, 191.*

540) Здѣсь должно предполагать смерть безпотомственную.

541) А перемѣнить Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, тому и есть.

542) Пусть эта рѣчь выдумана, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собственныя слова В. князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

543) *Никон. IV, 202.*

544) Родослов. Четъ, а во крещеніи имя ему Захарія, и у Захаріи сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Дмитрій Зерно.

545) Въ родосл. родъ Софроновскихъ да Провствъвухъ: Дмитрій Миничъ былъ бояринъ у В. князя Василья Дмитріевича

546) Показаніе родословныхъ о татаринахъ Кочевъ, предъ Полновыхъ, не подходитъ къ извѣстію летописи.

547) Т. е. какъ видно Морозовъ: «Иванъ Семеновичъ Морозовъ и братъ у него большой Федоръ, а подъ Федоромъ Левъ, а убили его на Дону.»

548) Въ родословной Тверскихъ бояръ Шетневыхъ итъ Тараса.

549) По родословнымъ между боярами В. К. Дмитрія значатся: Владиміръ Даниловичъ Красный, потомъ Окольнічій Маргосъ Погожъ, вывхавшій съ Олгердовичими изъ Литвы. — Ср. статью Погодина: о Русской Аристокр. Москв. 1847, № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>стр.</i>
ГЛАВА I-я. Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.	3
ГЛАВА II-я. Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами	151
ГЛАВА III-я. Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго	184
ГЛАВА IV-я. Борьба между сыновьями Александра Невскаго.	236
ГЛАВА V-я. Борьба между Москвою и Тверью, до кончины Великаго князя Іоанна Даниловича Калиты	266
ГЛАВА VI-я. Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты	306
ГЛАВА VII-я. Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго.	329
Примѣчанія.	I

въ томъ, № IV-й.)

РОСТОВСКАГО:

ий

Владимиръ Углицкій.
ум. 1249 г.

Андрей Романъ
ум. 1261 г. ум. 1279 г.

р. 1253
1276 го
1294-ый.

Александръ
ум. 1287

Юрій

б) ПЛЕМЯ ЮРІЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА:

Всеволодъ
жен. 1230 г. на
дочери Влади-
ра Рюриковича;
у. 1238 г.

Владимиръ
ум. 1238 г.

Мстиславъ
ум. 1238 г.

в) ПЛЕМЯ ИВАНА ВСЕВОЛОДОВИЧА:

Дими
ум. 12

Ярос

Ив
упом.

Михаилъ
ум. 1281 г.

Ивановичъ Стародубскій

Иванъ
ум. 1315 г.

Геодоръ
упом. 1329 г.

Дмитрій,
ум. 1354 г.

Иванъ,

Андрей ††

Семенъ Кропива.

* Саткины, Лобановы, Голубы.

**

*** Орломскіе, Ухтомскіе.

† Сковскіе, Щетнинны; отъ Романа: Морткины, Дъзвы, Вѣлошкины,

††

12

1899

132

134

135

Никлѣ
ум. 1239 г.

Михаилѣ
ум. 1248 г.

Василій
р. 1241 г.
жен. 1266 г.
ум. 1276 г.

Андрѣ
ум. 1309 г.

Аввасіѣ
ум. 1322 г.

Борисѣ
ум. 1320 г.

Внѣ
1326 г.
ж. 1345 г.
ум. 1359 г.

Андрей
р. 1327 г.
жен. 1245 г.
ум. 1353 г.

Іоаннѣ
ум. 1365 г.

Владимірѣ
р. 1353 г. жен.
1371 г. на кня-
жнѣ Еленѣ
Олгердовнѣ.

Симеонѣ
р. 1351 г.
ум. 1353 г.

Я РЯЗАНСКІЕ (См. Т. II, № 3, с):

Мо	Иггварь Игоревичъ		Юрій Игоревичъ ум. 1237 г.
Святъ	Олеъ 1258 г.	Романъ ум. 1237 г.	 Геодоръ ум. 1287 г.
ум.	 Романъ м. 1270 г.		

Геодоръ ум. 1294 г.	Ярославъ ум. 1299 г.
------------------------	-------------------------

|
Иванъ
ум. 1326 г.

|
Иванъ
Борогополь

—
Олеъ*

Ва
ум.

И
ум.

Александръ Михайловичъ Пронскій

Ярославъ 1344 г.	Василій ум. 1319 г.
---------------------	------------------------

|
Димитрій.

|
Иакинъ
м. 1372 г.

Рос

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ сынъ Ивана Александровича.

**

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^О.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 6-го Іюля 1857 года.

Цензоръ *В. Флеровъ*.

ГЛАВА I.

КНЯЖЕНІЯ ВАСИЛІА ДМИТРІЕВИЧА.

(1389 — 1425.)

Молодой сынъ Донскаго, въ самомъ началѣ княженія своего, оказалъ, что останется вѣренъ преданію отцовскому и дѣдовскому. Черезъ годъ послѣ того, какъ посолъ ханскій подалъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ, Василій отправился въ Орду и купилъ тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое не задолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ. Услыхавъ о замыслахъ Васильевыхъ, Борисъ созвалъ къ себѣ бояръ своихъ и сталъ говорить имъ со слезами: «Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное цѣлованіе, вспомните, какъ вы клялись мнѣ.» Старшимъ бояриномъ у него былъ Василій Румянецъ, который и отвѣчалъ князю: «Не печалься, господинъ князь! всѣ мы тебѣ вѣрны, и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить.» Такъ онъ говорилъ своему князю, а между тѣмъ пересылался съ Василіемъ Дмитриевичемъ, обѣщаясь выдать ему Бориса. Василій на возвратномъ пути изъ Орды, дохавши до Коломны, отправилъ оттуда въ Нижній Тохтамышъ посла съ своими боярами. Борисъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ въ городъ; но Румянецъ сталъ говорить ему: «Господинъ князь! посолъ ханскій и бояре Московіе идутъ сюда за тѣмъ, чтобъ миръ подкрѣпить и любовь утвердить вѣчную, а ты самъ хочешь поднять брань и рать; впусти ихъ въ городъ; что они мо-

гутъ тебѣ сдѣлать? мы всѣ съ тобою.» Но только что посолъ бояре въѣхали въ городъ, какъ велѣли звонить въ колоколъ собрали народъ и объявили ему, что Нижній принадлежитъ у князю Московскому. Борисъ, услыхавъ объ этой новости, послалъ за боярами и сталъ говорить имъ: «Господа мои и братья милая дружина! вспомните крестное цѣлованіе, не выдайте меня врагамъ моимъ.» На это отвѣчалъ ему тотъ же Румянецъ: «Господинъ князь! не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои и не съ тобою, а на тебя.» Борисъ былъ схваченъ. Немного спустя, пріѣхалъ въ Нижній Василій Дмитріевичъ, посадивъ здѣсь своихъ намѣстниковъ, а князя Бориса съ женою, дѣтьми и добротами велѣлъ развести въ оковахъ по разнымъ городамъ и держать за крѣпкою стражею. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій приобрѣталъ Городецъ, Муромъ, Мещеру и Тарусу².

Но у Бориса Нижегородскаго оставалось двое племянниковъ—Василій и Семень Дмитріевичи, родные дядья по матери Московскому князю; какъ видно, они оставались княжить въ Суздальской волости, обхваченной теперь со всѣхъ сторонъ Московскими владѣніями, или, по крайней мѣрѣ, оставались жить въ Суздаль; но, въ 1394 году, тотчасъ по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его, въ слѣдствіе притѣсненій отъ Московскаго князя, какъ шелъ слухъ, выбѣжали изъ Суздаля въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою—Нижній, Суздаль и Городецъ. Московскій князь послалъ за ними погоню, но имъ удалось избѣжать ея и благополучно достигнуть Орды. Въ 1396 году князь Семень Дмитріевичъ вмѣстѣ съ какимъ-то Татарскимъ царевичемъ Ейтякомъ, у котораго было 1000 человекъ войска, подступилъ къ Нижнему-Новгороду, гдѣ затворились трое Московскихъ воеводъ; три дня бились Татары подъ городомъ; много людей пало отъ стрѣлъ; наконецъ Нижегородцы сдали городъ, взявши съ Татаръ клятву, что они не будутъ ни грабить христіанъ, ни брать въ плѣнъ. Но Татары нарушили клятву, ограбили всѣхъ Русскихъ до-нага, а князь Семень говорилъ: «Не я обманулъ, а Татары; я въ нихъ не воленъ, я съ нимъ»

ничего не могу сдѣлать.» Двѣ недѣли пробыли Татары въ Казанѣ съ Семеномъ, но потомъ, услышавши, что Московскій князь собирается на нихъ съ войскомъ, убѣжали въ Орду. Василий Дмитріевичъ послалъ большую рать съ братомъ своимъ княземъ Юріемъ, воеводами и старшими боярами; они вошли въ Болгарію, взяли города: Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременгукъ, въ три мѣсяца повоевали всюземлю и возвратились домой съ большою добычею.

Послѣ этого Семень крѣпился все въ Татарскихъ мѣстахъ, не показываясь отъ надежды возвратитъ себѣ родовое владѣніе. Это оставило Московскаго князя въ 1401 году послать двоихъ воеводъ своихъ, Ивана Уду и Ѳедора Глѣбовича искать князя Семена, сына, дѣтей, бояръ его. Въ землѣ Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на мѣстѣ, называемомъ Цыбидца, у Св. Николы, гдѣ бусурманинъ Хазибаба поставилъ церковь³. Княгиню ограбили и привели вмѣстѣ съ дѣтьми въ Москву, гдѣ она сидѣла на дворѣ Белеутовѣ⁴ до тѣхъ поръ, пока князь ея не прислалъ къ в. князю съ челобитьемъ и покорился ему. Василий, быть можетъ по увѣщанію Св. Кирилла Бѣлозерскаго, далъ ему опасную грамоту, получивши которую, Семень уѣхалъ въ Москву, заключилъ миръ съ великимъ княземъ, взялъ семейство и больной отправился въ Вятку, издавна завывшую отъ Суздальскаго княжества: здѣсь онъ чрезъ пять мѣщевъ умеръ. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ Ордѣ и на Руси, все обиваясь своей отчины; восемь лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, все поднимая рать на великаго князя Московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя ногамъ своимъ — и все понапрасну. Братъ Семеновъ, Василий, какъ видно, также помирился съ великимъ княземъ Московскимъ, потому что подъ 1403 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти его, случившейся въ Городцѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ онъ называется прямо княземъ Городецкимъ; но Василий не могъ оставить Городца сыну своему Ивану, котораго мы видимъ послѣ въ изгнаніи, а Городецъ въ числѣ Московскихъ владѣній.

Неизвестно, какимъ образомъ освободились сыновья Бориса Константиновича — Иванъ и Данилъ. Имѣемъ впрочемъ отнестись къ Ивану Борисовичу слѣдующее мѣсто въ договорѣ грамотѣ Великаго Кнзя съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ: уступая дядѣ Городецъ съ волостями, великій князь говоритъ: «А чѣмъ я пожаловалъ князя Ивана Борисовича, то князю Владиміру и его дѣтямъ не вступаться.» Но въ 1411 году встрѣчаемъ уже извѣстіе о боѣ между сыновьями Борисовыми и княземъ Петромъ Дмитріевичемъ на Лысковѣ⁵; изгнавъ ники съ союзниками своими, князьями Болгарскими и Жукотскими, остались побѣдителями. Въ томъ же году князь Данилъ Борисовичъ, призвавши къ себѣ какого-то Татарскаго царевича Талыча, послалъ вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру тайно лѣсомъ боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Данилова подкрались къ городу въ полдень, когда всѣ жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли ихъ; людей побили множество. Въ соборной Богородичной церкви сотворился ключарь, священникъ, Патрикій, родомъ Грекъ; онъ забралъ сколько могъ сосудовъ церковныхъ и другихъ вещей, снесъ все это въ церковь, посадилъ тамъ нѣсколько людей, заперъ ихъ, сошелъ внизъ, отбросилъ лѣстницы, и сталъ молиться со слезами предъ образомъ Богородицы. И вотъ Татары приискакали къ церкви, кричатъ по-русски, чтобъ имъ ее отперли: — ключарь стоитъ неподвижно передъ образомъ и молится; Татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы и другого образа, ограбили всю церковь, а Патрикія схватили и стали пытать: гдѣ осталъная казна церковная и гдѣ люди, которые были съ нимъ вмѣстѣ? ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу — Патрикій не сказалъ ни слова; тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ послѣ того былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣнъ; всей добычи Татары не могли взять съ собою, такъ складывали въ копны и жгли, а деньги дѣлили мѣрками; колокола растопились отъ пожара, городъ и окрестности наполнились трупами. Въ 1412 году Борисовичъ

нѣмъ выхлопотать себѣ въ Ордѣ ярлыкѣ на отчину свою; но ярлыкъ давно уже потерялъ значеніе на Руси, и въ 1416 году пріѣхали въ Москву Нижегородскіе князья Иванъ Васильевичъ, внукъ Дмитрія, и Борисовичъ Иванъ, а сынъ послѣдняго Иванъ пріѣхалъ еще за два года передъ тѣмъ; въ слѣдующемъ году явился и князь Данилъ Борисовичъ, но въ 1418 году убѣжалъ отсюда опять вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ князей Суздальскихъ не встрѣчаемъ; но имѣемъ право заключать, что Суздальская власть оставалась за ними, потому что великій князь Василій въ завѣщаніи своемъ ни слова не говоритъ о Суздали, отказывая сыну только два примысла свои — Нижній и Муромъ.

Утвержденіе новаго порядка вещей не обошлось безъ сопротивленій и въ самомъ родѣ князей Московскимъ: въ первый же годъ княженія Василіева встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, который выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но въ началѣ слѣдующаго года находимъ уже извѣстіе о мирѣ между дядею и племянникомъ: Василій придалъ Владиміру къ его отцу два города — Волокъ и Ржеву. Договоръ дошелъ до насъ⁶: великій князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ ослушанія. Слѣдующее условіе показываетъ сильную недовѣрчивость между родственниками: «Если я, говоритъ великій князь дядѣ, самъ съяду въ осадѣ въ городѣ (Москвѣ), а тебя пошлю изъ города, то ты долженъ оставить при мнѣ свою княгиню, своихъ дѣтей и своихъ бояръ; если же я тебя оставлю въ городѣ, а самъ поѣду прочь, то я оставлю при тебѣ свою мать, своихъ братьевъ младшихъ и бояръ.» Предположеніе: «Если перемѣнитъ Богъ Орду» — находится въ договорѣ; видно также, что при заключеніи договора Василій уже имѣлъ намѣреніе примыслить Муромъ, Торусу и другія мѣста: «Найду я себѣ Муромъ или Торусу или другія мѣста, то ты (князь Владимір) не участвуешь въ издержкахъ, которыя я понесу при этомъ;

если же тебѣ Богъ дастъ какія другія мѣста, кромѣ Муромъ, Торусы, то мы великій князь съ братьями не участвуемъ въ твоихъ издержкахъ.» Потомъ заключенъ былъ второй договоръ съ Владиміромъ, по которому онъ уступилъ великому князю Волокъ и Ржеву, и взялъ вмѣсто нихъ Городецъ, Угличъ, Казельскъ и нѣкоторыя другія мѣста. Владиміръ обязался не вступаться въ примыслы великаго князя — Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія другія мѣста Татарскія и Мордовскія, которыя были за дѣдомъ Васи́левымъ, Дмитріемъ Константиновичемъ и за нимъ самимъ. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти великаго князя, признать старшимъ, отцомъ сына его, своего внука, Ивана; здѣсь впрочемъ выговорена небольшая перемена въ отношеніяхъ: Если, Господинъ! (говоритъ Владиміръ) будетъ сынъ твой на твоёмъ мѣстѣ, и сядетъ сынъ твой на коня, то и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ садиться на коня; если же сынъ твой самъ не сядетъ на коня, то и мнѣ не садиться, а пошлю дѣтей моихъ, то имъ сѣсть на коня безъ ослушанья.» Въ 141 году умеръ князь Владиміръ Андреевичъ. Въ завѣщаніи⁸ онъ раздѣлилъ свою волость на пять частей по числу сыновей своихъ, которыхъ, вмѣстѣ съ княгинею своею и боярами приказалъ великому князю Васи́лю, съ просьбою печаловаться объ нихъ; споры между сыновьями рѣшаетъ княгиня мать ихъ и великій князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ей при чемъ завѣщатель прибавляетъ: «а вотчинѣ бы ихъ и удѣламъ было безъ убытку.» Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей завѣщатель распорядился такъ: «Если не будетъ у него сына, останется дочь, то всѣ дѣти мои брата своего дочь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну.»

До насъ дошли также договорныя грамоты Васи́лія Дмитріевича съ родными его братьями⁹. Въ нихъ нѣтъ оти́нъ противъ прежнихъ подобнаго же рода грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій нужно замѣтить, что князья — Андрей и Петръ Дмитріевичи обязываются, въ случаѣ смерти Васи́лія, блюсти великое княженіе и подъ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Подобно Юрію, и

старший и младший братъ великокняжескій, Константинъ, не хотѣлъ сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу племянника. Мы видѣли, что Константинъ родился не задолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Донскаго не было назначено никакого удѣла, и Василій Дмитріевичъ въ первомъ завѣщаніи своемъ, распорядившись на счетъ роднаго сына, говоритъ: «А брата моего и сына, князя Константина благословляю, даю ему въ удѣлъ Топню да Устюжну, по душевной грамотѣ отца нашего, великаго князя. Но когда Василій въ 1419 году потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивление: «Этого отъ начала никогда не бывало, говорилъ молодой князь;» Василій разсердился, отнялъ у него удѣлъ, и Константинъ ушелъ въ Новгородъ, убѣжище всѣхъ недовольныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата и возвратился въ Москву.

Съ Новгородомъ Великимъ началась у Московскаго князя вражда въ 1393 году. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ великими князьями ставили, чтобъ не вѣзти ихъ къ суду въ Низовые города; въ 1385 году они вздумали приобрѣсть тоже право и въ отношеніи къ суду церковному: посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; написали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда въ 1391 году митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя вѣчи недѣли уговарива лггражданъ разодрать эту грамоту. Новгородцы отвѣчали одними устами: «цѣловали мы крестъ за одно, грамоты подписали и попечатали и души свои запечатали.» Митрополитъ говорилъ имъ на это: «цѣлованье крестнос съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю, только мнѣ судъ дайте, какъ было при прежнихъ митрополитахъ.» Новгородцы не послушались, и Кипріанъ поѣхалъ отъ нихъ съ большимъ гнѣвомъ. Московскій князь, хорошо знавъ, что зависѣтъ отъ митрополита значило зависѣтъ отъ

Москвы, не хотѣлъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда митрополичьяго: примысливши Нижній Новгородъ, онъ послалъ сказать гражданамъ Великаго, чтобъ дали ему черныи боръ, заплатили всѣ княжескія пошлыны (княжчины) и чтобъ отослали грамоту о судѣ къ митрополиту, который сниметь съ нихъ грѣхъ клятвопреступленія. Новгородцы не согласились; великій князь отправилъ дядю своего Владимира Андреевича брата Юрія съ войскомъ къ Торжку. Новоторжцы побѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ и другія мѣста, и много народъ изъ Новгородскихъ волостей сбѣжалось съ домочадцами своими въ Новгородъ. Князь Владимиръ и Юрій съѣли въ Торжкѣ, а рать распустили воевать Новгородскія волости; взяты были Вологъ Ламскій и Вологда. Остальные жители Торжка возмутились быи и умертвили великокняжескаго боярина Максима; но Василіи послалъ перехватать убійць, которые были привезены въ Москву и казнены различными муками. Между тѣмъ Новгородскіа охочая рать съ двумя князьями (Романомъ Литовскимъ и Константиномъ Бѣлозерскимъ) и пятью своими воеводами, начала воевать великокняжескія волости, взяла Кличень городокъ Устюжню, а изъ Заволочья Новгородцы съ Двинянами взяли Устюгъ. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, и Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не желая видѣть большаго кровопролитія между христіанами, отправили пословъ къ великому князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ митрополиту отослали грамоту цѣловальную; митрополитъ отвѣчалъ: «Я грамоту цѣловальную беру, грѣхъ съ васъ снимаю и благословляю васъ.» Великій князь также принялъ Новгородское челобитье и взялъ миръ по старинѣ. Новгородцы дали князю черныи боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись не утаивать ихъ⁹.

Три года прошло мирно: въ 1395 году митрополитъ Киприанъ пріѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ посломъ патріаршимъ; запросилъ суда; Новгородцы суда ему не дали и не смотри

то, при отъздѣ онъ благословилъ владыку Ивана и весь Великій Новгородъ. Но въ 1397 году великій князь вдругъ послалъ за Волокъ на Двину бояръ своихъ, приказавши объявить всей Двинской свободѣ (колоніи): «чтобъ вамъ задаться за великаго князя, а отъ Новгорода бы отняться? князь великій хочеть васъ отъ Новгорода оборонять, хочеть стоять за васъ.» Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ выставлена одна причина такого поступка великокняжескаго: Василій Дмитріевичъ вмѣстѣ съ Витовтомъ литовскимъ отправили пословъ своихъ къ Новгородцамъ съ требованіемъ розорвать миръ съ Нѣмцами; Новгородцы не послушались князей и дали такой отвѣтъ въ Москву: «князь Василій! Съ тобою у насъ миръ, съ Витовтомъ другой, съ Нѣмцами третій!» Но есть очень вѣроятное извѣстіе, что великій князь рѣшился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Витовтомъ Литовскимъ, который склонялъ ихъ поддаться ему¹⁰. Какъ бы то ни было, бояре Двинскіе и всѣ Двиняне задались за великаго князя и цѣловали ему крестъ; но Василій не удовольствовался этимъ, послалъ войско захватить Волокъ Ламскій, Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, Вологду, послѣ чего сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и крестную грамоту скинулъ. Новгородцы сдѣлали тоже самое, но хотѣли кончить дѣло миромъ, и когда митрополитъ прислалъ ко владыкѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву по святительскимъ дѣламъ, то вмѣстѣ съ архіепископомъ Новгородцы отправили къ великому князю пословъ своихъ: владыка подалъ великому князю благословеніе и доброе слово, а послы челобитье отъ Новгорода; владыка говорилъ Василію: «Чтобъ тебѣ, господинъ сынъ князь великій, мое благословеніе и доброе слово и Новгородское челобитье принять, отъ Новгорода, отъ своихъ мужей вольныхъ нелюбье отложить, принять ихъ въ старину; чтобы при твоёмъ, сынъ, княженіи другаго кровопролитія между христіанами не было; а что ты, сынъ князь великій, на крестномъ цѣлованіи отнял у Новгорода Заволочье, Торжокъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, того, князь великій, отступись, пусть пойдеть о къ Новгороду

по старинѣ, и общій судъ на порубежьн отложи, потому это не старина.» Но великій князь не принялъ ни благословенія, ни добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ Новгородскихъ, и мира не взялъ.

Тогда, на слѣдующій (1398) годъ, весною, Новгородцы послали своему господину владыкѣ, отцу Іоанну: «Не можемъ, господинъ отецъ, терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго, Василія Димитріевича, что отнялъ у насъ, у св. Софіи и Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, хотимъ поискать ихъ;» — и цѣловали крестъ всѣ за одного брата, что отыскивать имъ пригородовъ и волостей св. Софіи и Великаго Новгорода, сказали: «Или найдемъ свою отчину, или головы свои положимъ за св. Софію и за своего господина, за Великій Новгородъ.» Владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей — и Новгородцы съ тремя воеводами отправились за Волость, на Двину, къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Вельскій волостель владыкинъ, Исаія, и сказалъ: «Господа воеводы Новгородскіе! наѣхалъ князя великаго бояринъ Андрей съ Двинянами на Софійскую волость Вель, въ самый великій день, волость св. Софіи повоевали, а на головахъ окупъ взяли; отъ великаго князя пріѣхалъ въ засаду, на Двину, князь Ѳедоръ Ростовской городокъ беречь, судить и пошлины брать съ Новгородскихъ волостей, а Двинскіе воеводы, Иванъ да Кононъ, съ своими друзьями, волости Новгородскія и бояръ Новгородскихъ подѣлили себѣ на части.» Услыхавши объ этомъ, Новгородскіе воеводы сказали другъ другу: «братья! если такъ вздумалъ господинъ нашъ князь великій съ клятвопреступниками Двинскими воеводами, то лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ своего великаго князя;» — и пошли на великокняжескія волости, на Бѣлоозеро, взяли ихъ на щить, повоевали и пожгли; старый городокъ Бѣлозерскій пожгли, а изъ новаго вышли князья Бѣлозерскіе съ великокняжескими воеводами и добились челомъ воеводамъ Новгородскимъ и всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и Кубенскія волости, воевали около Вологды, взяли и

шли Устюгъ, гдѣ оставались 4 недѣли; отсюда двое воеводъ
 въ дѣтскихъ боярскихъ ходили къ Галичу и только одного дня не
 были до него. Добычу взяли Новгородцы огромную: плѣнни-
 цъ отпустили на окупъ, потому что уже лоды не поднимали,
 многое принуждены были бросить. Съ Устюга Двиною пошли
 Новгородцы къ городку Орлецу, стояли подъ нимъ четыре не-
 дѣли, но когда начали бить пороками, то Двиняне вышли изъ
 городка съ плачемъ, и воеводы, по Новгородскому слову, при-
 несли ихъ челобитье, схватили только воеводъ Заволоцкихъ, ко-
 торые водили Двинскую землю на зло, по словамъ летописца:
 плѣнныхъ казнили смертію, другихъ сковали, у князя Федора Ро-
 говскаго взяли присудъ и пошлины, которые онъ побралъ, а
 много съ товарищами оставили въ живыхъ; у гостей велико-
 княжескихъ взяли окуна 300 рублей; у Двинянь, за ихъ вину,
 взяли 2000 рублей, да 3000 лошадей. Съ торжествомъ возвра-
 тилось Новгородское войско домой, изъ 3000 человекъ поте-
 шивши только одного. Плѣнный воевода Заволоцкій, Иванъ Ни-
 жинъ, какъ главный перевѣтчикъ, скинутъ былъ съ моста; бра-
 тья его Герасимъ и Родіонъ выпросили себѣ у Великаго Новго-
 рода жизнь, съ условіемъ постричься въ монахи; четвертый Ан-
 фалъ убѣжалъ съ дороги; за нимъ погнался Яковъ Прокофьевъ
 съ 700 человекъ, и пригналъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ
 Ростовскій архіепископъ Григорій и князь Юрій Андреевичъ;
 Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ:
 «стоите ли за бѣглеца Новгородскаго Анфала?» Тѣ отвѣчали, что
 не стоятъ. Тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ
 его за Медвѣжьей горою, гдѣ бѣглецъ съ товарищами своими
 строилъ себѣ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами;
 Устюжане обманули Якова, и въ числѣ 2000 человекъ пришли
 на помощь къ Анфалу, и бились съ Новгородцами крѣпко на
 рѣкѣ Сухонѣ, у порога Стрѣльнаго: Яковъ побѣдилъ, убилъ 400
 человекъ Устюжанъ и дружины Анфаловой, перетопилъ другихъ
 въ Сухонѣ, но самъ Анфалъ убѣжалъ въ Устюгъ. Это было уже
 въ 1399 году; но еще въ предыдущемъ 1398 Новгородцы, не
 смотря на свои успѣхи, отправили къ великому князю архи-

ландрита, посадника, тысяцкаго и двоихъ житыхъ людей вторичною просьбою о мирѣ, и получили его на старинныхъ условіяхъ¹¹.

Но въ Москвѣ не могли забыть неудачи относительно Замосквоцкаго края, не могли забыть и того, что владыка Іоаннъ былъ гословилъ Новгородцевъ на войну съ великимъ княземъ. В 1401 году владыка былъ позванъ къ митрополиту Кириану въ Москву для святительскихъ дѣлъ, но былъ задержанъ тамъ, пробылъ въ наказаніи и смиреніи слишкомъ три года. В то же время на Двинѣ возобновлена была прежняя попытка: въ вѣстный намъ Анфалъ Никитинъ съ братомъ Герасимомъ, которому удалось выбѣжать изъ Новгородскаго монастыря¹², съ подкаки великокняжескими явились неожиданно въ Двинской землѣ и взяли ее всю на щитъ, жителей посѣкли и повѣшали, и ихъ забрали, захватили и посадниковъ Двинскихъ; но трое изъ нихъ, собравши Важанъ, нагнали Анфала и Герасима, бились с ними на Холмогорахъ, и отняли у нихъ бояръ Новгородскихъ. Въ то же время великій князь послалъ двоихъ бояръ своихъ съ 300 человекъ въ Торжокъ, гдѣ они захватили двоихъ бояръ Новгородскихъ и взяли имѣніе ихъ, хранившееся въ церкви. Какъ шли дѣла дальше, неизвѣстно; въ 1402 году в. князь отпустилъ бояръ Новгородскихъ, захваченныхъ въ Торжкѣ, а в 1404 отпущенъ былъ и владыка Іоаннъ¹³. Потомъ подъ 1400 годомъ встречаемъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Новгородъ князя Петра, брата великокняжескаго; въ 1408 году великій князь послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ брата своего Константина, чего уже давно не бывало. Анфалъ Никитичъ не безпокоилъ больше владѣній Новгородскихъ: въ 1409 году онъ пошелъ съ Вятчанами Камюю и Волгою на городъ Болгары, но былъ разбитъ Татарами и отведенъ въ Орду; избавившись отъ плѣна, отъ явился опять въ Вятку, но былъ здѣсь убитъ другимъ Новгородскимъ бѣглецомъ, Разсохинымъ въ 1418 году. Этотъ Разсохинъ шел по слѣдамъ Анфала относительно Новгорода; въ 1417 году изъ Вятки, изъ отчины великаго князя, какъ выражается Новгородскій летописецъ, бояринъ князя Юрія Дмитріевича, Глѣбъ Секе-

овичъ съ Новгородскими бѣглецами—Жадовскимъ и Разсохинымъ, въ Устюжанами и Вятчанами, наѣхали въ насадахъ, безъ вѣсти, на Заволоцкую землю, и повоевали волости Борокъ, Емцу¹⁴ и Колмогоры, захватили и двоихъ бояръ Новгородскихъ. Но четверо другихъ бояръ Новгородскихъ нагнали Глѣба Семеновича и отбили свою братью со всѣми другими плѣнниками и дочкою, послѣ чего четверо воеводъ Новгородскихъ пошли съ Заволочанами въ погоню за разбойниками и пограбили Устюгъ¹⁵. Это было послѣднее враждебное столкновение Москвы съ Новгородомъ въ княженіе Василя Дмитріевича, который первый ясно показалъ намѣреніе примыслить къ Москвѣ Заволоцкія владѣнія Новгорода. Овладевъши Нижнимъ Новгородомъ съ помощію тамошнихъ бояръ, великій князь попытался сдѣлать тоже самое и въ Двинской области; первая попытка была неудачна; но Московскій князь, вѣрный преданіямъ своего рода, не теряетъ надежды на успѣхъ, повторяетъ попытку, не упускаетъ изъ виду разъ намѣченной цѣли. Почетный приемъ, оказанный Новгородцами въ 1419 году князю Константину Дмитріевичу, посославшемуся съ старшимъ братомъ, какъ видно, не имѣлъ неприятныхъ слѣдствій для Новгорода¹⁶.

Слѣды внутренняго раздѣленія въ Новгородѣ, раздѣленія между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: въ 1418 году какой-то простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Данила Ивановича, и сталъ кричать прохожимъ: «Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ!» Прохожіе кинулись на Данила, поволокли его къ толпѣ, собравшейся на вѣчь, и стали бить; между прочимъ выскочила изъ толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его какъ неистовая, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Данила свели съ вѣча и сбросили съ мѣста; но одинъ рыбакъ, Личковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взялъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и разграбилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Данилъ хотѣлъ непременно отомстить Степану: онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разнеслась въ народъ вѣсть, что Степанъ схва-

ченъ, то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовъ, собрали множество народа, и нѣсколько дней сряду кричали: «Пойдемъ на этого Данила, разграбимъ его домъ!» Подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Даниловъ и много другихъ домовъ, а на Яковой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, что не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана, и пришедши къ архіепископу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло, и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и послалъ священника Кузьмодемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось: народъ всталъ какъ пьяный на другаго боярина, Ивана Іевлича, разграбилъ его домъ на Чудинцевой улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ, малото, разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житницы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгощѣ улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты; пришли было и на Прусскую улицу, но жители ея отбили отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большому смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и дома ихъ грабить, начали звонить по всему городу, — и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже и падать мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе отъ лошадей: въ то же самое время страшная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ напалъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣніе свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь св. Софій, облачился, велѣлъ взять крестъ и образъ Богородицы, и пошелъ на большой мостъ, за нимъ слѣдовали священники, причетъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: «да укротитъ Господь народъ, молитвами господина нашего святителя!» другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: «Иди, святитель, благослови народъ, да утишитъ Господь твои»

«Благословеніемъ усобную рать!» а иные прибавляли: «пусть все падеть на зачинщиковъ!» Между тѣмъ крестный ходъ, не выходя изъ тѣсноты отъ вооруженныхъ людей, достигъ большаго моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны: тогда одни, видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились; отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ Ѳеодоръ Тимофеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими, сталъ просить владыку, чтобъ установилъ миръ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама и протодьякона на дворъ Ярославовъ къ св. Николѣ, принести благословеніе степенному посаднику Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ разошлись по домамъ. Тѣ отвѣчали: «Пусть святитель прикажетъ всей сторонѣ разойтись, а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ тоже самое,» — и такимъ образомъ всѣ разошлись.

Мы видѣли, какъ дорого заплатились Новгородцы за своихъ ушкуйниковъ при Димитріи Донскомъ; это заставляло ихъ строго смотрѣть, чтобъ шайки людей, обремененныхъ долгами, колоней, рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и къ ссорѣ Новгорода со Псковомъ въ 1390 году: пошли Новгородцы съ войскомъ ко Пскову, подъ предводительствомъ князя Семена Ольгердовича и стали на Соцѣ¹⁸. Но тогда явились къ нимъ послы Псковскіе и заключили миръ съ обязательствомъ не вступаться за должниковъ, холопей и рабовъ, которые ходили на Волгу, но выдавать ихъ. Ушкуйничество впрочемъ не прекратилось: подъ слѣдующимъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались, и пошли въ насадахъ и ушкуяхъ рѣкою Вяткою и Камою, взяли Жукотинъ, Казань, vyplыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковомъ: въ 1394 году Новгородцы пошли съ войскомъ ко Пскову, и стояли подъ нимъ 8 дней; былъ у нихъ бой съ Псковичами, гдѣ они потерпѣли неудачу и принуждены были ночью бѣжать домой, по-

бросавши свои стѣнобитныя орудія; въ слѣдствіе этого то и удачнаго похода, свергнуть былъ, какъ видно, посадникъ Осипъ Захаровичъ. Не смотря однако на свое торжество, Псковичи хотѣли продолжать войны съ старшимъ братомъ и отправили пословъ въ Новгородъ: но на этотъ разъ послы возвратились безъ мира; черезъ два года явились въ Новгородъ новые знатные послы изъ Пскова и били челомъ владыкѣ Іоанну: «Что ты, господинъ, благословилъ дѣтей своихъ великій Новгородъ, чтобъ господинъ нашъ Великій Новгородъ нелюбье нашъ отдалъ, и принялъ бы насъ въ старину.» Владыка благословилъ дѣтей своихъ: «Вы бы, дѣти, мое благословеніе приняли, Псковичамъ нелюбье отдали, и свою братью младшую приняли въ старинѣ; потому что, дѣти, видите, уже послѣднее время приходитъ, надобно христіанамъ быть за одно.» Новгородцы послушались и заключили миръ по старинѣ.

Но если послѣ этого не было войны между Новгородомъ и Псковомъ, за то не было и единоплеменнаго союза между ними: никакого желалъ владыка; и послѣ Псковской лѣтописецъ постоянно жалуется, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ. Отношенія между старшимъ и младшимъ братомъ были таковы, что они не могли дѣйствовать за одно; но этотъ недостатокъ единства между ними пролагалъ Московскимъ князьямъ путь къ усилению своей власти, къ собранію Русской земли. Дѣйствительно, по словамъ Новгородскаго владыки, приходило теперь послѣднее время, но послѣднее время для особнаго существованія Новгорода, Пскова и другихъ Русскихъ волостей. Угрожаемый Нѣмцами и Литвою, оставляемый безъ помощи Новгородомъ, Псковъ необходимо долженъ былъ обратиться къ сильному князю Московскому, который теперь имѣлъ возможность заняться его дѣлами, оборонить отчину св. Ольги, и вотъ съ послѣдняго года XIV вѣка во Псковѣ происходитъ важная перемѣна: онъ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя Московскаго. Такимъ образомъ сынъ Донскаго принялъ богатыя волости на берегахъ Оки и Волги, утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, заставилъ Новгородцевъ держать свое кня-

ние честно и грозно, потому что грозилъ постоянно ихъ частымъ колоніямъ заволоцкимъ. Рязань и Тверь, слабыя, волжскія уособицами, не могли и думать о борьбѣ съ Москвою — все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію. Въ 1402 году великій князь Московскій Василій отъ имени всѣхъ родичей — отъ Владимира Андреевича и троихъ родныхъ братьевъ — Юрія, Андрея и Петра заключилъ договоръ съ великимъ княземъ Рязанскимъ, Феодоромъ Ольговичемъ. Въ этомъ договорѣ Московскій князь дѣлитъ своихъ родичей на два разряда — братьевъ младшихъ (князь Владимиръ Андреевичъ и князь Юрій Дмитріевичъ) и братьевъ меньшихъ (князь Андрей и Петръ Дмитріевичи). Великій князь Рязанскій обязывается держать великаго князя Московскаго старшимъ братомъ, младшихъ его братьевъ равными себѣ братьями, меньшихъ братьевъ младшими. Обязывается не приставать къ Татарамъ; выговариваетъ себѣ право отправлять посла (киличея) въ Орду съ подарками, право принять у себя Татарскаго посла съ честью для добра христіанскаго; но при этомъ обязывается давать знать въ Москву, если задумаетъ послать киличея, равно какъ передавать въ Москву все вѣсти ордынскія. «А отдалится отъ насъ Орда, тогда тебѣ съ нами учинить по думѣ,» прибавляетъ великій князь Московскій. Не разъ было упомянуто о наслѣдственной враждѣ между великими князьями — Рязанскимъ и Пронскимъ; Московскій князь ставитъ себя посредникомъ между ними и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: «Съ княземъ великимъ Иваномъ Владиміровичемъ (Пронскимъ) взять любовь по прежнимъ грамотамъ; а если учинится между васъ какая обида, то вамъ помять бояръ своихъ для рѣшенія спора, если же они не рѣшатъ, то третій (судья) имъ митрополитъ: кого митрополитъ обвинитъ, тотъ и долженъ отдать обидное; а не откажетъ, то я, великій князь Василій Дмитріевичъ, заставлю его исправиться.» Московскій князь обязываетъ Рязанскаго помириться съ князьями Новосильскимъ и Торусскимъ¹⁹ по прежнимъ грамотамъ, и жить съ ними безъ обиды, потому что тѣ князья одинъ человекъ съ Московскимъ. Если случится у этихъ

князей споръ съ княземъ Рязанскимъ о землѣ или о водѣ, рѣшаютъ его бояре, высланные съ обѣихъ сторонъ; если бояре не уладятся, то избираютъ третьяго судью, приговор котораго приводится въ исполненіе княземъ Московскимъ. Если князь Литовскій Витовтъ захочетъ любви съ княземъ Рязанскимъ, то послѣдній можетъ взять съ нимъ любовь, но только по думѣ съ княземъ Московскимъ, какъ будетъ годно. Но несмотря на посредничество Московскаго князя, вражда между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ не стихла: въ 1408 году князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій пришелъ нечаянно съ Татарами и выгналъ изъ Рязани князя Ѳедора Ольговича, который бѣжалъ за Оку. Московскій князь послалъ на помощь къ изгнанному воеводу Коломенскаго и Муромскаго съ тамошними полками; на рѣкѣ Смядвѣ²⁰ встрѣтились они съ Пронскимъ княземъ и были разбиты: Коломенскій воевода былъ убитъ, Муромскій взятъ въ плѣнъ. Не смотря однако на эту побѣду Пронскій князь уступилъ Рязань опять Ѳедору, вѣроятно въ слѣдствіе угрозъ князя Московскаго.

Въ 1399 году умеръ Тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ Московскаго князя. Договорная грамота его съ сыномъ Донскаго дошла до насъ²¹: въ ней отношенія князя Тверскаго къ Московскому и его братьямъ не опредѣлены родовыми счетами: Михаилъ называется просто братомъ Василія Тверскаго князя обязывается за себя, за дѣтей своихъ, за внучатъ и за племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни великаго Новгорода; обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ на Татаръ, на Литву, на Нѣмцевъ и Ляховъ. Если на Московскихъ князей нападутъ Татары, Литва, Нѣмцы или Поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же Татары, Литва или Нѣмцы нападутъ на Тверское княжество, то Московскій князь обязанъ самъ идти на помощь къ Михаилу съ своею братьею. Эта разница въ обязательствахъ объясняется старостію Михаила относительно

Василія. Тверской князь обязанъ объявить Витовту Литовскому, что онъ одинъ человекъ съ Московскимъ княземъ. Къ Орду Тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, внучатамъ и дядямъ. Въ первый разъ Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братя Богъ поручилъ: ни кто-нибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онъ остается за Московскимъ княземъ.

Распределение Тверскихъ волостей между сыновьями, сдѣланное княземъ Михаиломъ, замѣчательно: и здѣсь ясно обнаруживается намѣреніе завѣщателя увеличить волость старшаго сына предъ волостями младшихъ, чтобъ сдѣлать возстаніе послѣднихъ и усобицы невозможными: старшій сынъ Михаила, Иванъ получилъ Тверь съ семью городами, а двое другихъ сыновей, Василій и Федоръ, только по два города; при томъ можно думать, что въ Кашинскомъ же удѣлѣ втораго сына, Василія Михайловича, помѣщенъ былъ и внукъ Михайловъ Иванъ, сынъ умершаго при жизни отцовою Бориса Михайловича²². Мы видѣли упорную борьбу Михаила съ Дмитріемъ Московскимъ, которая обличила большую энергію въ Тверскомъ князѣ; мы видѣли также стремленіе Михаила подчинить себѣ Кашинское княжество; это стремленіе увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на сопротивленіе Москвы, ибо мы видимъ Кашинъ во власти Михаила, и онъ завѣщаетъ этотъ городъ второму сыну своему Василію. Миръ; господствовавшій въ Тверскихъ волостяхъ въ продолженіе 25 лѣтъ по окончаніи борьбы съ Москвою, далъ Михаилу досугъ обратить свою дѣятельность на устройство внутренняго наряда; и вотъ авторъ сказанія о его смерти говоритъ, что въ княженіе его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговля злымъ тамги истребились, о насиліяхъ и грабежахъ нигдѣ не было слышно; вообще о Михаилѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ такой отзывъ: былъ онъ крѣпокъ, сановитъ и смышленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный.

Новый Тверской князь, Иванъ Михайловичъ, по обычаю, не-

медленно же хотѣлъ воспользоваться полученными отъ отца средствами для приведенія съ своею волю младшихъ братьевъ. Тверскіе бояре великокняжескіе начали обижать удѣльныхъ князей. Василій Михайловичъ Кашинскій пришелъ къ своей матери, великой княгинѣ Евдокии и сталъ говорить ей: «Бояре брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, тогда какъ они казнить отцу нашему — хотѣтъ намъ добра.» Великая княгиня тотчасъ же отправила своихъ бояръ съ боярами младшихъ сыновей къ старшему, которому они должны были сказать: «Господинъ князь великій! вопреки грамотѣ отца нашего бояре твои сложили къ намъ крестное цѣлованіе, и ты бѣ, господинъ князь великій, пожаловалъ, велѣлъ своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотамъ отца нашего.» Но Иванъ велѣлъ имъ прямо сказать, что бояре Тверскіе сложили къ нему крестное цѣлованіе по его приказу, и началъ съ тѣхъ поръ сердиться на мать, братьевъ и племянника. Но мать послѣдняяго, вдова Бориса Михайловича, родомъ Смоленка, взяла сына, боярина Воронца и явилась въ Тверь къ великому князю съ оправданіемъ, что она не посылала своихъ бояръ виѣсть съ другими удѣльными. Эта лукавая лесть, по выраженію летописца, понравилась Ивану; онъ отнялъ у брата, Василя Кашинскаго, Луское озеро и отдалъ его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василій чрезъ владыку Тверскаго Арсенія просилъ у брата общаго суда: тотъ велѣлъ отвѣчать ему: «суда тебѣ не дамъ.» Скоро Иванъ успѣлъ примыслить новую волость въ своей отчинѣ: въ 1402 году умеръ двоюродный братъ его, Иванъ Всеволодовичъ Холмской, и мимо роднаго брата своего Юрій отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя Александрѣ²³; въ слѣдующемъ году этотъ Александръ выгналъ дядю Василя Михайловича изъ Кашина; тотъ убѣжалъ въ Москву, и великій князь успѣлъ на этотъ разъ помирить его съ старшимъ братомъ; но чрезъ годъ, когда Кашинскій князь пріѣхалъ за чѣмъ то въ Тверь къ старшему брату, то послѣдній велѣлъ схватить его виѣсть съ боярами; двоюродный братъ ихъ, Юрій Всеволодовичъ, боясь такой же участи, убѣжалъ въ Москву; не-

вѣстно, что заставило Ивана выпустить своего плѣнника и воевать съ нимъ крестъ; но черезъ мѣсяць Кашинскій князь уже въ Москвѣ, и Тверскіе намѣстники сидѣли въ Каши, угнетая его жителей продажами и грабежомъ. Дѣла Литвы мѣшали Московскому великому князю вступить въ союзъ Тверскихъ князей. Какъ видно, онъ далъ изгнанному Васю Михайловичу Переяславль въ кормленіе; но когда явился Литвы болѣе важный для Москвы выходець, князь Александръ Нелюбъ, то великій князь Василій отдалъ Переяславль; вѣроятно это самое обстоятельство заставило Кашинскаго вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, княземъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ Холмской все жилъ въ Москвѣ, и вдругъ въ 1407 году поѣхалъ въ Орду искать княженія Тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ. Последний, узнавъ объ этомъ, также отправился въ Орду судиться съ Юріемъ; но легко было предвидѣть, кто изъ нихъ будетъ оправданъ на этомъ судѣ—богатый ли Иванъ, или бѣдный Юрій? Всѣ князья Ордынскіе, говоритъ летописецъ, оправдали князя Ивана Михайловича и съ честію отпустили его въ Тверь, а Юрій остался въ Ордѣ. Въ 1408 году явилась вражда между княземъ Иваномъ Михайловичемъ и племянникомъ его Иваномъ Борисовичемъ, которому онъ до сихъ поръ покровительствовалъ: услыхавъ о приближеніи дяди съ войскомъ къ Кашину, Иванъ Борисовичъ бѣжалъ въ Москву; но его отвезена плѣнницею въ Тверь, и въ Кашинѣ съишли намѣстники великаго князя Тверскаго, т. е., какъ надобно полагать, въ той части Кашина, которою владѣлъ Иванъ Борисовичъ, ибо тутъ же сказано, что князь Иванъ Михайловичъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, Василіемъ Кашинскимъ. Миръ этотъ однако продолжался не болѣе трехъ лѣтъ: въ 1412 году встало опять между братьями нелюбие великое, по выраженію летописца: князь Иванъ Михайловичъ Тверской велѣлъ заточить брата своего, Василія Михайловича Кашинскаго, вмѣстѣ съ женою, боярами и слугами; княгиню велѣлъ отвезти въ

Тверь, а самого Василя Михайловича въ Старицу; но переправѣ черазъ рѣку Тмаку, когда всѣ провозатые сошлись лошадей, князь въ одноѣ терликѣ, безъ кивера, погналъ лошадь въ бродъ, переправился черезъ рѣку, и потомъ пошелъ по неѣзжалымъ дорогамъ; въ одноѣ селѣ посчастливилось ему найти преданнаго человѣка, который заботился объ немъ и укрывалъ въ лѣсу, перепиналъ вѣсти и, улучивъ наконецъ удобное время, убѣжалъ съ княземъ въ Москву.

Въ это самое время явился изъ Орды въ Тверь посолъ съ тѣмъ званіемъ князя Ивана къ хану; тотъ поѣхалъ; но еще прежде него отправился въ Орду изъ Москвы братъ его Василій, и возвратился, и, пользуясь отсутствіемъ старшаго брата, пытался было овладѣть Кашиномъ съ Татарами; но князь Иванъ Борисовичъ съ Тверскою заставою (гарнизонномъ) не пустил его въ городъ. Это показываетъ во первыхъ, что Василій пожелалъ склонить хана на свою сторону, ибо тотъ далъ ему помощь въ помощь, во вторыхъ видимъ, что князь Иванъ Борисовичъ помирился уже съ старшимъ дядею, и дѣйствовалъ противъ младшаго. Скоро переменя хана въ Орду и дѣла Тверскія: враждебный князю Ивану Михайловичу ханъ Зелени-Салтанъ былъ убитъ, и преемникъ его пустилъ Тверскаго князя съ честію и пожалованіемъ²⁴.

Этимъ оканчиваются извѣстія о Тверскихъ дѣлахъ въ продолженіе Василя Дмитріевича. Дѣла Ордынскія и Литовскія шли Московскому князю пользоваться Тверскими усобицами сначала князь Иванъ Михайловичъ былъ въ союзѣ съ Москвою и послалъ полки свои на помощь Василю Дмитріевичу противъ Витовта къ рѣкѣ Плавъ; но тутъ Московскій князь скрылъ переговоры съ Витовтомъ отъ князей и воеводъ Тверскихъ; кроме того, въ договорной грамотѣ съ Литовскимъ княземъ писалъ имя Тверскаго великаго князя ниже именовъ родныхъ братьевъ своихъ Дмитріевичей, въ слѣдствіе чего Тверскіе князья гнѣвомъ ушли домой, и князь ихъ съ тѣхъ поръ пересталъ помогать Москвѣ²⁵. Не смотря на то однако онъ не смѣлъ и думать объ открытой борьбѣ съ Москвою. Опасеніе Тверд

эти затронуть могущественную Москву видно изъ того, что князь Эдигей, во время осады Москвы, послалъ звать его къ себѣ на помощь съ войскомъ, то князь Иванъ показалъ видъ, что не послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился по старому пути. Современники считали этотъ поступокъ Тверскаго князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говоритъ летописецъ: «Тамъ ни коварствомъ перемудрова, ни Едигея разгнѣва, ни князю никому погуби, обонимъ обоего избѣжа; се же створи уменъ, паче же истински.»

Тверской князь боялся князя Московскаго наравнѣ съ ханомъ Татарскимъ; это всего лучше показываетъ значеніе Москвы при сынѣ Донскаго; не смотря на то, Василій Дмитриевичъ не могъ смотрѣть еще на хана, какъ только на равнаго владѣтеля, не могъ совершенно избавиться отъ зависимости ордынской. Мы видѣли, что въ началѣ своего княженія Московскій князь ѣздилъ въ Орду искать благосклонности Тохтамыша, съ ярлыкомъ котораго овладѣлъ Нижнимъ. Между тѣмъ летописи говорятъ о нападеніяхъ Татаръ на Рязань: два раза опустошили они это пограничное съ степью княжество безнаказанно, въ третій были побиты княземъ Олегомъ; въ 1391 году Тохтамышъ послалъ какого-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и поплѣнить ея жителей: какъ видно, этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлюю отомстить Вятчанъ за ихъ ушкуйничество. Болѣе важныхъ предпріятій не было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что къ сѣвернымъ внутреннимъ присоединялась еще борьба съ Тамерланомъ. Въ концѣ XIV вѣка для Азии повторились времена Чингисидовъ: сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ или Тамерланъ началъ въ половинѣ XIV вѣка поприще свое великое грабежомъ и разбоями, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манчуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Кипчакскимъ; но не хотѣлъ быть благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана. Въ 1395 году, на берегахъ Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ поражение и принуж-

день былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ Болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ Русскіе предѣлы, взявъ Елецъ, плѣнилъ князя, опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было чаянное и Василій Дмитріевичъ имѣлъ время приготовиться: собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней въ землѣ Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ Русскихъ предѣловъ, въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна Московскому князю; въ продолженіе 12 лѣтъ лѣтъ сецъ раза три упоминаетъ только о пограничныхъ сшибкахъ хищническихъ отрядовъ Татарскихъ съ Рязанцами; при чемъ успѣхъ большею частію оставался на сторонѣ послѣднихъ. Сколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а великій князь Московскій не думалъ не только самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого: на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выкупъ; тогда какъ Татарская дань съ двухъ сохъ по рублю шла въ казну великокняжескую. Наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось въ областяхъ Московскихъ: надъ послани и господоу ордынскими начали смѣяться и мстить имъ за прежнее разныя притѣсненіями ²⁶. Въ это время, какъ во время Мамаево, вслѣдствіемъ въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ отъ презрительное обращеніе Московскаго князя съ бывшими почитателями; наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками; только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха, далъ знать великому князю, что ханъ со всею Ордою идетъ на Витовта, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Василій Дмитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядоу Владиміра Андреевича, да братьевъ своихъ Андрея и Петра Дмитріевичей, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Коло

у. Жители Москвы смутились, отъ страха побѣжали въ раз-
 стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались
 бойники и воры и наполнили руки свои богатствомъ. По-
 были уже выжжены, когда явидись Татары Эдигеевы и со-
 стороны облегли городъ. Остановившись у Москвы, Эди-
 разослалъ въ разныя стороны отряды, которые опустошили
 Ярославль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Новго-
 Нижний, Городецъ, Клинъ; много народу погибло отъ
 моръ, много и отъ жестокаго холоду и вьюгъ. Тридцати-
 трехъ-тысячный отрядъ посланъ былъ въ погоню за вели-
 княземъ, но не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Эдигей
 спокойно подъ кремль; сберегая людей и помня не-
 Тохтамышеву, онъ не дѣлалъ приступовъ, а хотѣлъ за-
 и принудить къ сдачѣ голодомъ; уже мѣсяць стоялъ
 Эдигей подъ Москвою, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть изъ
 отъ хана, чтобъ шель немедленно домой, потому что ка-
 то царевичъ попалъ на хана. Осажденные ничего не знали
 этомъ, и когда Эдигей прислалъ къ нимъ съ мирными пред-
 еніями, то они съ радостію заплатили ему три тысячи руб-
 за отступленіе; Эдигей поспѣшно поднялся и вышелъ изъ
 русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань (1408 г.).

Но и послѣ нашествія Эдигеева Московскій князь три года
 ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственни-
 своихъ, ни бояръ большихъ; только въ 1412 году, когда
 ханъ Зелени-Салтанъ (Желаледдинъ Султанъ), сынъ
 Тохтамыша далъ изгнаннымъ Нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ
 ихъ отчину, Василій Дмитріевичъ поѣхалъ съ Орду съ боль-
 богатствомъ и со всѣми своими вельможами. Это послѣд-
 извѣстіе объ отношеніяхъ Москвы къ Ордѣ въ княженіе
 Василія Дмитріевича; послѣ встрѣчаемъ только извѣстіе о на-
 отношеніяхъ Татарскихъ на пограничныя съ степью Русскія об-
 ласты: въ 1410 году Татары напали нечаянно на Рязань, но
 отбиты и потеряли добычу; въ 1414 они воевали по За-
 падью, взяли Елецъ, и убили тамошняго князя; въ 1422 году
 отъ нихъ прогнаны были изъ области Одоевской; въ 1424 ханъ

Кундадатъ вошелъ въ Одоевскую область, простоялъ здѣсь недѣли, и отправился къ Рязани; но здѣсь встрѣченъ былъ Русскими войсками и пораженъ ²⁷.

Опаснѣе была Литва. Когда еще въ 1386 году Василій Дриевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Тохтамышша, то, зумѣется, не могъ бѣжать прямою дорогою, а направлялъ и къ западнымъ странамъ, свободнымъ отъ Татарскаго вліянія; сначала онъ укрылся въ Молдавіи, а оттуда пробирался въ Польшку черезъ Литовскія владѣнія; извѣстія разногласятъ на счетъ того, гдѣ именно Василій встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ тогда борьбу съ Ягайломъ; но согласны въ томъ, что молодой Московскій князь далъ или принужденъ былъ дать Кейстуту сыну слово жениться на его дочери Софін. Слово было сдано, какъ только Василій сталъ великимъ княземъ: въ 1387 году трое бояръ великокняжескихъ привезли невѣсту въ Польшку изъ-за моря, отъ Нѣмцевъ, по выраженію летописца, т. е. изъ владѣній Ордена, гдѣ жилъ тогда Витовтъ. Но эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы; когда Витовтъ, помирившись съ Ягайломъ сталъ великимъ княземъ Литовскимъ, и началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это увеличеніе единственно могло произойти чрезъ покореніе областей Руси восточной.

Сначала Орденъ не давалъ Витовту досуга обратить съ вниманіе на востокъ: Великій Магистръ Конрадъ-фонъ-Юнгингенъ хотѣлъ воспользоваться борьбою между Ягайломъ младшимъ братомъ его, Свидригайломъ Ольгердовичемъ Витебскимъ (который по обычаю, отдался подъ покровительство Ордена), и въ 1394 году осадилъ Вильну. Но, не смотря на численность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождя превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбили съ такимъ мужествомъ, что магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобъ только безпрепятственно выйти изъ Литвы ²⁸. Миръ съ Нѣмцами далъ Витовту возможность обратить вниманіе на востокъ и примыслить ва

волость Смоленскую. Въ Смоленскѣ происходила въ это
 время сильная усобица между княземъ Юріемъ Святославичемъ
 братьями его за удѣлы и за то, что ни одинъ братъ не хотѣлъ
 жить другому. Князь Юрій былъ принужденъ уѣхать изъ
 Смоленска къ тестю своему, князю Олегу Рязанскому, а Ви-
 товтъ спѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо
 решение Юрія не примирило остальныхъ Святославичей; Ли-
 товскій князь распустилъ слухъ, что идетъ на Татаръ — и вмѣ-
 стѣ того вдругъ явился подъ Смоленскомъ. Одинъ изъ князей,
 Бобъ Святославичъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ неболь-
 шою дружиною, былъ принятъ съ честью, отпущенъ съ миромъ,
 и чемъ Витовтъ велѣлъ сказать остальнымъ князьямъ: «Чтобъ
 вы всѣмъ князьямъ братьямъ выѣхать ко мнѣ съ любовью, по
 грамотѣ (по опасу); слышалъ я, что между вами нѣтъ
 дружества и вражда большая; такъ если будетъ между вами ка-
 кой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третяго, и я васъ
 разсужу справедливо.» Смоленскіе князья обрадовались, что на-
 шелся безпристрастный третій судья, который разсудитъ ихъ по
 справедливости и раздѣлитъ имъ вотчину по жребію; всѣ
 они собрались и поѣхали къ Витовту съ дарами; но Витовтъ,
 взявши дары, велѣлъ перехватать всѣхъ князей и отослалъ ихъ
 въ Литву; потомъ подступилъ къ городу, пожегъ посады, взялъ
 крепость, и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (1395 г.).
 Но старшій изъ Смоленскихъ князей Юрій оставался на сво-
 бодѣ, въ Рязани, и въ концѣ 1395 года тесть его Олегъ, вмѣ-
 стѣ съ нимъ и другими князьями опустошилъ Литовскія владѣ-
 нія; но еще не успѣлъ Олегъ возвратиться въ Рязань, какъ
 услышалъ, что Витовтъ пустошитъ его собственныя волости. То-
 гда, оставивъ свою добычу въ надежномъ мѣстѣ, Олегъ уда-
 рилъ врасплохъ на Литовцевъ, разсѣявшихся для грабежа и
 поразилъ ихъ: Витовтъ испугался и ушелъ домой. Великій князь
 Московскій при всѣхъ этихъ событіяхъ явно держалъ сторону
 геста: въ 1396 году онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смо-
 ленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху, и когда Рязанской князь
 снова вошелъ съ полками въ землю Литовскую и осадилъ Лю-

бутскъ, то Василій отправилъ къ нему посла и отвелъ его этого города. Потомъ, когда Витовтъ вошелъ въ Рязанскія дѣвня, и пролилъ здѣсь кровь какъ воду, по выраженію писей, и людей побивалъ сажая ихъ улицами, то изъ Москвы было ему никакого препятствія, напротивъ зять встрѣтилъ его въ Коломнѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Мы видѣли, что въ 1397 году оба князя, и Московскій и Литовскій за то не послали требовать отъ Новгородцевъ, чтобъ тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами; но тогда же Московскій князь могъ узнать какого союзника онъ имѣлъ въ своемъ тестѣ, ибо въ то же время Витовтъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ поддались ему; получивши отказъ, онъ послалъ въ 1399 году въ Новгородъ грамоту разметную (объявленіе войны), и велѣлъ сказать Новгородцамъ: «вы меня обезчестили: что было вамъ мнѣ дать, а мнѣ было вашимъ княземъ великимъ быть и васъ опротронять: но вы мнѣ не поддались.» Но не одинъ Витовтъ объявлялъ свои притязанія на Новгородъ: еще въ 1389 году въ Новгородъ ѣхалъ туда князь Симеонъ Лугвеній Ольгердовичъ, былъ принятъ Новгородцами съ честію, и за эту честь далъ брату своему королю Ягайлу слѣдующую записку: «Такъ какъ господинъ Владиславъ (Ягайло), король Польскій, Литовскій, Русскій и иныхъ земель многихъ господарь, поставилъ насъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода; то мы королю и Ядвигѣ королевѣ, вмѣстѣ съ Новгородцами, обѣщались и общаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опекѣ, быть при короле Польской и никогда не отступать отъ нея²⁹.»

Намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ обнаруживается въ договорѣ его съ Орденомъ въ 1398 году; здѣсь Витовтъ обѣщавъ Ордену помогать ему въ завоеваніи Пскова, за что Орденъ, съ своей стороны, обязался помогать Витовту въ завоеваніи Великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена, потому что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла Ордынскія, вмѣшательство въ которыя обѣщало ему выгоды болѣе важныя. По удаленіи Тамерлана на югъ, Тохтамышъ попытался было снова утвердиться въ Золотой Ордѣ, но былъ изгнанъ ханомъ

омъ Темиръ Кутлуемъ (Kotlogh-Timur) и отдался въ покрови-
 тельство Витовту, который обѣщалъ ему возвратить Кипчакъ съ
 Бмъ, чтобъ Тохтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою.
 въ 1399 году Витовтъ собралъ огромное войско; кромѣ Руси,
 Литвы, Жмуди и Татаръ Тохтамышевыхъ, здѣсь были полки
 Волошскіе, Польскіе и Нѣмецкіе, ибо и находившійся тогда въ
 ирѣ съ Витовтомъ великій магистръ Ордена прислалъ ему от-
 рядъ войска; однихъ князей, лѣтописцы насчитываютъ до пяти-
 есяти. Передъ выступленіемъ въ походъ, къ Витовту явился
 посолъ отъ Темира Кутлуя: «Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша, ве-
 гьбаль сказать ему ханъ: онъ мой врагъ, не могу оставаться въ
 покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ, потому что измѣн-
 чива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглець, нынче богатъ,
 а завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь
 своихъ, не только что чужихъ, а ханъ Тохтамышъ чужой
 мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что
 ни есть около его, то все тебѣ.» Витовтъ велѣлъ отвѣчать на
 это: «Хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ Кутлу-
 емъ хочу видѣться самъ.» На берегахъ Ворсклы произошло это
 свиданіе, въ полѣ чистомъ, въ землѣ Татарской. Но передъ бит-
 вою начались опять переговоры; Темиръ Кутлуй послалъ ска-
 зать Витовту: «За чѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей земли не
 бралъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ.» Витовтъ велѣлъ отвѣчать:
 «Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли, покорись и ты мнѣ, будь мнѣ
 сыномъ, а я тебѣ буду отцемъ, и давай мнѣ всякой годъ дани
 и оброки; если же не хочешь быть сыномъ, такъ будешь ра-
 бомъ, и вся орда твоя будетъ предана мечу.» Испуганный ханъ
 соглашался на всѣ требованія Витовта, который, видя такую у-
 ступчивость, началъ требовать, чтобъ на деньгахъ ордынскихъ
 чеканилось клеймо Литовскаго князя; ханъ просилъ три дня
 срока подумать. Но въ это время пришелъ къ нему Эдигей;
 старикъ, узнавши объ условіяхъ, сказалъ хану: «Лучше намъ
 умереть, чѣмъ согласиться на нихъ,» — и послалъ къ Витовту
 требовать личныхъ переговоровъ; Литовскій князь выѣхалъ на
 берегъ Ворсклы, и Эдигей сталъ ему говорить съ другаго

*
*

берега: «По праву взял ты нашего хана въ сыновья, потому что ты старъ, а онъ молодъ; но я старше еще тебя, такъ слѣдуетъ тебѣ быть моимъ сыномъ, дань давать каждый годъ, и клеймо мое чеканить на Литовскихъ деньгахъ.» Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ немедленно полкамъ своимъ сходиться въ битву. Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистоту полъ. Не смотря на то Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемагати князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлаевы, вступили въ битву, и одолѣли силу Литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много Литовской земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиною; Татары гнались за нимъ пятьсотъ верстъ до самаго Кіева: ствши подъ этимъ городомъ, Темиръ-Кутлуй распустилъ свою силу воевать Литовскую землю, и ходила Татарская рать до самаго Луцка, пустошивъ все на своемъ пути. Кіевъ откупился тремя тысячами рублей, при чемъ Печерскій монастырь заплатилъ отъ себя 30 рублей, и ханъ ушелъ въ степи, оставивъ Литовскую землю въ плачѣ и скудости: лѣтописецъ насчитываетъ между убитыми слишкомъ 20 князей ³⁰.

Битва Куликовская возвѣстила паденіе Татарскаго владычества въ восточной Европѣ; Мамай пришелъ на Донъ съ цѣлю напомнить Руси Батыя, восстановить порядокъ вещей, утвердившійся послѣ сраженія при Сити; Мамай былъ побѣжденъ и битва при Ворсклѣ показала ясно слѣдствія этой побѣды: Темиръ-Кутлуй пришелъ не нападать, но защищаться отъ замысловъ одного изъ государей восточной Европы: уничтожительныя условія, которыя онъ соглашался принять, показываютъ всего лучше перемѣну отношеній; Татары побѣдили, но какія же были слѣдствія этой побѣды? опустошеніе нѣкоторой части Литовскихъ владѣній — и только! Темиръ-Кутлуй дол-

онъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что освободился отъ страха предъ Тохтамышемъ. Важность битвы при Ворсклѣ для судьбы восточной Европы не подлежитъ сомнѣнію: конечно нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша надъ Темиръ-Кутлуемъ имѣло бы необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе Москвы и остальныхъ княженій восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москвѣ отъ этого торжества грозила большая.

Витовтъ пріутихъ и заключилъ съ Новгородцами миръ по старинѣ въ 1400 году. Въ то же время и Смольняне, которымъ гнѣзко было господство Литовское завели сношенія съ роднымъ княземъ своимъ, Юріемъ Святославичемъ, жившимъ по прежнему у тестя въ Рязани. Юрій пришелъ къ Олегу и сталъ говорить ему со слезами: «Пришли ко мнѣ послы изъ Смоленска отъ доброхотовъ моихъ, говорятъ, что многіе хотятъ меня видѣть на отчинѣ и дѣдинѣ моей; сотвори, господинъ, Христову любовь, помощи, посади меня на отчинѣ и дѣдинѣ моей, на великомъ княженіи Смоленскомъ.»—И вотъ въ 1401 году, Олегъ вмѣстѣ съ Юріемъ, князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ, отправился къ Смоленску: время онъ улучилъ удобное, говоритъ лѣтописецъ, потому что Витовтъ оскудѣлъ тогда до конца людьми послѣ побоища при Ворсклѣ, и въ Смоленскѣ была крамола: одни хотѣли здѣсь Витовта, а другіе многіе своего отчича, стариннаго князя Юрія. Пришедши подъ Смоленскъ, Олегъ велѣлъ повѣстить его жителямъ: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрія, то буду стоять здѣсь долго, и предамъ васъ мечу и огню; выбирайте между животомъ и смертію.» Смольняне сдались, и многіе изъ нихъ были рады князю своему Юрію, но другіе ненавидѣли его. Вошедши въ городъ, Юрій началъ тѣмъ, что убилъ Витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго съ его боярами, а потомъ перебилъ и Смоленскихъ бояръ, преданныхъ Витовту. Олегъ, возвративши зятю его отчину, не былъ этимъ доволенъ, но вошелъ со всѣмъ войскомъ въ Литовскія владѣнія, и возвратился оттуда съ большею добычею.

Въ Августъ мѣсяцъ утвердился въ Смоленскъ Юрій, а осенью того же года Витовтъ уже стоялъ съ полками подъ этимъ городомъ, гдѣ поднялась сторона ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ея приверженцевъ, и Витовтъ простоявши четыре недѣли понапрасну, заключилъ перемиріе и отступилъ отъ Смоленска. Слѣдующій 1402 годъ былъ счастливымъ для Витовта: сынъ Рязанскаго князя, Родославъ Ольговичъ пошелъ на Брянскъ, но у Любутска встрѣтили его два князей Гедиминовичей—Симеонъ—Лугвеній Ольгердовичъ и Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій, разбили его и взяли въ плѣнъ; три года просидѣлъ онъ въ тяжкомъ заключеніи у Витовта, наконецъ отпущенъ въ Рязань за 3000 рублей. Въ 1403 году побѣдитель Родослава, Лугвеній взялъ Вязьму, а въ 1404 самъ Витовтъ опять осадилъ Смоленскъ, и опять неудачно: три мѣсяца стоялъ онъ подъ городомъ, много трудился и билъ пушками, но взять не могъ, и, опустошивъ окрестности, ушелъ въ Литву. Смоленскій князь Юрій видѣлъ однако, что одинъ онъ не въ состояніи противиться Витовту, который показывалъ ясно намѣреніе овладѣть во что бы то ни стало Смоленскомъ, внутри котораго была у него сильная сторона: Олегъ Рязанскій умеръ (1402 г.), слѣдовательно отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только одинъ Русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ, то былъ князь Московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ; трудно было надѣяться и отсюда помощи безкорыстной; Юрій видѣлъ, что изъ двухъ подданствъ надобно выбрать менѣе тяжкое, и потому, взявши опасную грамоту, пріѣхалъ въ Москву, и сталъ умолять Василія Дмитріевича о помощи: «Тебѣ все возможно, говорилъ онъ: потому что онъ тебѣ тесть, и дружба между вами большая, помирись же со мною съ нимъ, чтобъ не обижалъ меня. Если же онъ ни слезъ моихъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ бѣдному, не отдавай меня на съѣденіе Витовту, если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя; владей лучше ты имъ, а не поганая Литва.» Василій обѣщался помочь

му, но медлил; въ нѣкоторыхъ источникахъ эта медленность объясняется доброжелательствомъ Московскаго князя къ тестю³¹, хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. Какъ бы то ни было, въ то время, когда медлили въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и Литвѣ не теряли времени: бояре Смоленскіе, доброжелательствовавшіе Витовту, послали сказать ему, чтобъ шелъ какъ можно скорѣе къ ихъ городу, прежде чѣмъ придетъ Юрій съ помощію Московскою. Витовтъ явился, и бояре сдали ему городъ, вмѣстѣ съ женою Юрьевою, дочерью Олега Рязанскаго. Витовтъ отослалъ княгиню въ Литву вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, другихъ бояръ, самыхъ сильныхъ себѣ противниковъ, казнилъ смертію, посадилъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ, а жителямъ далъ большія льготы, отводя ихъ тѣмъ отъ князя Юрія, чтобъ земля Смоленская не хотѣла послѣдняго и не любила. Въ Москвѣ сильно разсердились, или по крайней мѣрѣ, показали видъ, что разсердились, когда узнали о сдачѣ Смоленска; желая какъ видно, сложить всю вину на самого Юрія и поскорѣе освободиться отъ него, Василій сказалъ ему: «Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольянамъ сдаться Витовту³²,» — и Юрій, видя гнѣвъ Московскаго князя, уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители приняли его и дали тринадцать³³ городовъ; Юрій и Новгородцы цѣловали другъ другу крестъ — не разлучаться ни въ жизни, ни въ смерти; если пойдутъ какіе иноплеменники на Новгородъ ратью, то обороняться отъ нихъ князю Юрію съ Новгородцами за одно. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава!

Новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ противъ иноплеменниковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли въ виду самаго опаснаго изъ этихъ иноплеменниковъ, князя Литовскаго. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1405 году, Витовтъ, пославши объявленіе войны въ Новгородъ, самъ пошелъ съ войскомъ въ Псковскую волость, тогда какъ Псковской посольствъ еще въ Литвѣ, и Псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться: Витовтъ взялъ городъ Коложе и вывелъ 11,000 воиновъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не считая уже уби-

тыхъ; потомъ стоялъ два дня подъ другимъ городомъ, Вороначемъ, гдѣ Литовцы накидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей: такой гадости, говоритъ лѣтописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ. Между тѣмъ Псковичи послали въ Новгородъ просить помощи, и Новгородцы прислали къ нимъ полки съ тремя воеводами; но Витовтъ уже вышелъ изъ Русскихъ предѣловъ. Псковичи вздумали отомстить ему походомъ въ его владѣнія, и звали съ собою Новгородцевъ: «Пойдите къ господу, съ нами на Литву, мстить за кровь христіанскую;» — но воеводы Новгородскіе побоялись затрогивать страшнаго Литовскаго князя, и отвѣчали Псковичамъ: «Насъ владыка не благословилъ идти на Литву, и Новгородъ намъ не указалъ, идемъ съ вами на Нѣмцевъ.» Псковичи разсердились, отправили Новгородцевъ домой, а сами выступили въ походъ, повоевали Ржеву, въ великихъ Лукахъ взяли стягъ Коложскій, бывший въ плѣну у Литвы, и возвратились съ добычею³⁴. Мамъ этого: въ 1406 году Псковичи подняли всю свою область и пошли къ Полоцку, подъ которымъ стояли трое сутокъ.

Но ни Псковичи, ни Новгородцы не надѣялись одними собственными силами управиться съ Витовтомъ, и потому послали просить защиты у Московскаго князя. Мы не знаемъ, какіе были уговоры у Василя Дмитріевича съ Витовтомъ относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшаго Литовскому князю; нѣтъ ничего страннаго, что Москва дѣйствовала нерѣшительно въ Смоленскомъ дѣлѣ. Но нападеніе на Псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ примысломъ, и Московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода: Василій разорвалъ миръ съ тестемъ за Псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ; потомъ, сложивши, вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ, крестное цѣлованіе къ Витовту, собралъ полки и послалъ ихъ въ Литовскую землю: они приступали къ Вязьмѣ, Серпѣйску³⁵, и Козельску, но безуспѣшно. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ Москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ; но здѣсь

же отозвался разрывъ съ Московскимъ княземъ: до сихъ поръ въ изъ южныхъ Русиновъ и Литвиновъ, которые были недовольны новымъ порядкомъ вещей, начавшимъ утверждаться со времени соединенія Литвы съ Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствіе, ибо негдѣ было искать помощи, кромѣ новѣрнаго Ордена: сильный единовѣрный Московскій князь находился постоянно въ союзѣ съ Витовтомъ. Но когда этотъ союзъ перешелъ на вражду, то недовольнымъ Литовскимъ открылось убѣжище въ Москвѣ: первый пріѣхалъ изъ Литвы въ службу къ великому князю Московскому князь Александръ Бельюбъ, сынъ князя Ивана Ольгимантовича, и съ нимъ много Литвы и Поляковъ; Василій Дмитріевичъ принялъ его съ любовью, и далъ ему въ кормленіе Переяславль. Съ обѣихъ сторонъ, и въ Москвѣ и въ Литвѣ собирали большое войско; осенью 1406 года Московскій князь выступилъ въ походъ, и остановился на рѣкѣ Плавѣ, близъ Кропивны, куда пришли къ нему на помощь полки Тверскіе съ четырьмя князьями и Татарскіе съ хана Шадибека. Литовскій князь также вышелъ на встрѣчу къ зятю съ сильнымъ войскомъ, Поляками и Жмудью, но, по бычаю, битвы между ними не было: князья начали пересыпаться, заключили перемиріе до слѣдующаго года, и разошлись, при чемъ Татары, уходя, пограбили Русскія области.

Въ 1407 году Литовцы начали непріятельскія дѣйствія, взявъ Одоевъ. Московскій князь пошелъ опять съ большимъ войскомъ на Литовскую землю, взялъ и сжегъ городъ Дмитровецъ³⁶; по встрѣтившись съ тестемъ у Вязмы, опять заключилъ перемиріе, и оба князя разошлись по домамъ. Въ слѣдующемъ году отъѣхалъ изъ Литвы въ Москву родной братъ короля Ягайла, Сѣверскій князь Свидригайло Ольгердовичъ, постоянный соперникъ Витовта, и соперникъ опасный, потому что пользовался привязанностію православнаго народонаселенія въ южной Руси. Свидригайло пріѣхалъ не одинъ; съ нимъ пріѣхалъ владика Черниговскій, шесть князей югозападной Руси и множество бояръ Черниговскихъ и Сѣверскихъ. Московскій князь не напалъ, чѣмъ изъяснить свое радушіе знаменитому выходцу: онъ

далъ Свидригайлу въ кормленіе городъ Владимиръ, со всѣми волостями и пощинами, селами и хлѣбами земляными и сточными, также Переяславль (взятый слѣдовательно у князя Нелюба), Юрьевъ Польскій, Волокъ Ламскій, Ржевъ и половику Коломны. Въ Іюль пріѣхалъ Свидригайло, въ Сентябрѣ Василий съ полками своими и Татарскими уже стоялъ на границахъ, на берегу Угры, а на другомъ берегу этой рѣки стоялъ Витовтъ съ Литвою, Поляками, Нѣмцами и Жмудью. И тутъ битвы не было: постоявши много дней другъ противъ друга, князья заключили миръ, и разошлись.

Витовтъ былъ сдержанъ: послѣ мира на Угрѣ, во все оставшее время княженія Васиіева, онъ не обнаруживалъ большаго непріятельскихъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями Московскимъ и Литовскимъ Новгородцы, по обычаю, не хотѣли быть ни за того, ни за другаго: не отступали отъ Москвы и между тѣмъ держали у себя на пригородахъ князя Симеона-Лугвенія Олгердовича, присяжника Ягайлова. Напрасно послѣ того Ягайло и Витовтъ уговаривали Новгородцевъ заключить тѣсный союзъ съ Польшею и Литвою и воевать вмѣстѣ съ Нѣмцами; тѣ не соглашались, при чемъ высказалась уже главная причина, которая будетъ постоянно препятствовать тѣсному союзу Новгорода съ Гедиминовичами: послѣдніе уже были Латины, поганые. Въ 1411 году, Симеонъ-Лугвеній, видя, что мало пользы служить на пригородахъ Новгородскихъ, уѣхалъ въ Литву свель и намѣстниковъ своихъ, и въ началѣ слѣдующаго года Ягайло, Витовтъ и Лугвеній разорвалъ всякій союзъ съ Новгородцами, прислали имъ взметныя грамоты, и велѣли сказать: «Что было вамъ взятъся служить намъ, разорвать миръ съ Нѣмцами, съ нами стать за одно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ — хорошо; а не пригодился такъ ничего бы дурнаго не было; мы къ вамъ посылали братья своихъ: Немира и Зиновья Братошича спросить васъ, стоите ли въ прежнемъ договорѣ? и вы отвѣчали Немиру: «Не можетъ Новгородъ исполнить королевскаго требованія: какъ онъ

съ Литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ Нѣмцами миренъ.— Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ Нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ Венграми и со всѣми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ бранили и безчестили, погаными звали; кромѣ того принимали нашего врага, сына Смоленскаго князя.» Лугвеній велѣлъ прибавить: «Держали вы меня у себя хлѣбокормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, королю и Витовту, это не любо, и мнѣ не любо, потому что я съ ними одинъ человекъ, и съ меня крестное цѣлованіе долой.» Войны однако у Новгородѣ съ Литвою не было: въ 1414 году Новгородскіе послы ѣздили въ Литву и заключили съ Витовтомъ миръ по старинѣ; Псковичи же заключили миръ съ Литовскимъ княземъ еще въ 1409 году, по старинѣ, на Псковской волѣ, по доканчанію великаго князя Василя Дмитріевича; слѣдовательно при заключеніи мира на Угрѣ Московскій князь выговорилъ у Витовта и миръ со Псковомъ. Но въ 1418 году Витовтъ писалъ къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена, поднимая его противъ Псковичей; магистръ отговаривался тѣмъ, что у Ордена со Псковомъ заключенъ дѣсятилѣтній миръ; Витовтъ возражалъ, что Орденъ учрежденъ для постоянной борьбы съ невѣрными, и слѣдовательно долженъ помогать ему Витовту, какъ единовѣрному государю противъ невѣрныхъ Псковичей; представлялъ въ примѣръ собственное поведеніе: въ прошломъ году Московскій великій князь прислалъ звать его на Нѣмцевъ, но онъ не согласился³⁷. Неизвѣстно, потому ли Витовтъ хотѣлъ поднять Орденъ на Псковичей, что самъ не могъ напасть на нихъ безъ нарушенія договора съ Москвою; извѣстно только то, что войны со Псковомъ не было.

Витовтъ былъ сдержанъ: но на сѣверовостокѣ не умѣли понять необходимости войны съ Литовскимъ княземъ; видѣли вооруженія сильныя, но съ перваго взгляда бесполезныя, видѣли странную борьбу, кончившуюся, какъ будто, ничѣмъ; сильно досадовали, что иноплеменнику Свидригайлу дано такъ много богатыхъ волостей; всего больше боялись и ненавидѣли Татаръ;

отъ нихъ опасались вредныхъ замысловъ, и вотъ дѣйствительно Эдигей страшно опустошилъ Московскія владѣнія. «Эдигей по мнѣнію лѣтописца, ссорилъ тестя съ зятемъ, чтобъ они тратили свои силы въ борьбѣ, и тѣмъ легче стали бы добычею Татаръ; Эдигей посылалъ въ Москву къ великому князю Василию, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князь и бояре и всѣ думцы великокняжескіе и вся Москва радовались Эдигеевой любви къ Василию Дмитріевичу, и говорили: «вся Орда въ волѣ великаго князя, кого захочетъ воюеть.» Вотъ и начали воевать Литву, вода съ собою рать Татарскую, и Литва воевала Москвичей, крови лилось много, Татары обогащались добычею, а Московскіе бояре, воеводы и вельможи веселились. Но старикамъ старымъ это не нравилось: «не добра дума бояръ нашихъ, говорили они, что приводятъ на помощь къ себѣ Татаръ, нанимаютъ ихъ серебромъ и золотомъ; не оттого ли въ старину Кіеву и Чернигову приключились большія напасти и бѣды? и тамъ братья воевали другъ съ другомъ, поднимая Половцевъ на помощь; а Половцы, рассмотрѣвши весь нарядъ и всю крѣпость князей нашихъ, потомъ ихъ всѣхъ одолѣвали. Что если и теперь тоже случится? князь великій Василій Дмитріевичъ воевалъ съ тестемъ своимъ, великимъ княземъ Витовтомъ Кестутьевичемъ, утомились и заключили перемиріе; а вражда между ними умножилась, и оба понесли много убытковъ и томленія. Не было въ то время на Москвѣ бояръ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію, а между тѣмъ Эдигей безпрестанно ссорилъ князей, разсматривая весь Русскій нарядъ и все войско, дожидаясь удобнаго времени, когда бы напасть на Русь. Въ это время прислалъ въ Москву къ великому князю Свидригайло Ольгердовичъ, желая съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву. Свидригайло былъ върою Ляхъ, но устроенъ къ брани, мужъ храбрый и крѣпкій на ополченіе; обрадовался ему князь великій со всѣми боярами своими, дали ему городовъ много, чуть чуть не половину всего княженія Московскаго, и даже славный городъ Владимиръ, гдѣ соборная златоверхая церковь Пречистыя Богородицы: и это

все Ляху пришлецу дано было; отъ того и многія бѣды постигли насъ: храбрый князь Свидригайло Ольгердовичъ и храброе его воинство смутились и испугались, какъ дѣти малыя, во время Эдигеева нашествія, и обратились въ бѣгство.»

Такъ разсуждаетъ лѣтописецъ. Свидригайло дѣйствительно не оправдалъ надеждъ великаго князя, хотя, быть можетъ, союзъ этого Ольгердовича съ Московскимъ княземъ и заставилъ Витовта ускорить заключеніемъ мира съ послѣднимъ. Свидригайло не могъ быть доволенъ такимъ окончаніемъ войны, которое нѣсколько не измѣняло его положенія къ лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта съ Московскою помощію. Вотъ почему онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ великаго князя, Юріемъ, который уже тогда былъ въ размовкѣ съ Василиемъ, не желая уступать старшинства племяннику: этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который, во время Эдигеева нашествія, не оказалъ великому князю никакой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ въ Литву (1409 г.), обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ³⁸.

Неизвѣстно, чего надѣялся Свидригайло въ Литвѣ; извѣстно только то, что по прїездѣ своемъ сюда, онъ былъ схваченъ въ Кременцѣ, заключенъ въ темницу Ягайломъ и Витовтомъ, и пробылъ въ цѣпяхъ около девяти лѣтъ: только въ 1418 году онъ былъ освобожденъ Острожскимъ княземъ и убѣжалъ въ Венгрію. Но заключеніе Свидригайла не могло положить конца волненіямъ въ Литвѣ и Руси, ибо эти волненія зависѣли не отъ личности одного человѣка, но отъ взаимныхъ отношеній двухъ или трехъ народовъ, приведенныхъ въ неожиданную связь однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Слѣдя за отношеніями Московскаго князя къ Литовскому, мы видѣли обширные честолюбивые замыслы послѣдняго: примысливъ важную волость Смоленскую, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать тоже съ Новгородомъ и Псковомъ, хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакъ и съ его помощію подчинить себѣ Москву; но этотъ могущественный и честолюбивый князь былъ не иное что, какъ вассалъ двоярод-

наго брата своего, короля Польскаго: могъ ли Витовтъ терпѣливо сносить такое положеніе, могли ли терпѣливо сносить его Литва и Русь? Въ 1398 году, королева Ядвига прислала къ Витовту письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдастъ ей княжество Литовское и Русское въ вѣно, въ слѣдствіе чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ нихъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ, и предложилъ боярамъ Литовскимъ и Русскимъ вопросъ: «считаютъ ли они себя подданными короны Польской въ такой степени, что обязаны платить дань королевѣ?» Всѣ единогласно отвѣчали: «Мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки никогда Полякамъ дани не платили, не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности.» Послѣ этого Поляки больше уже не толковали о дани. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши, и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ подъ номинальнаго подчиненія. Однажды на обѣдѣ, данномъ по случаю заключенія мира съ Орденомъ, бояре провозгласили тостъ Витовта, короля Литовскаго и Русскаго, и просили его, чтобъ онъ позволилъ всегда такъ величать себя. Витовтъ на этотъ разъ притворился скромникомъ, и отвѣчалъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула. Королеву Литовскимъ и Русскимъ могли провозглашать его вельможи, потому что еще въ 1396 году древняя собственная Русь, или Кіевская область лишалась своего великаго князя Скиргайла-Ивана, и соединилась опять съ Литвою. Но если князь Литовско-Русскій съ своими боярами хотѣлъ независимости отъ Польши, то вельможи Польскіе старались всѣми силами соединить неразрывно Литву и Русь съ своимъ государствомъ: въ 1401 году, на Виленскомъ сеймѣ, въ присутствіи Ягайла и Витовта, было опредѣлено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ великаго князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ короля: оба народа имѣютъ общихъ враговъ и друзей. Ходили слухи еще объ

одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ Польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году связь съ Польшею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ Городельскомъ: дворянство Литовское сравнено въ правахъ съ дворянствомъ Польскимъ, за исключеніемъ однако православныхъ³⁹.

Послѣдній пунктъ показывалъ ясно, какъ мало прочности было для будущаго въ этой связи Литвы съ Польшею; но пока она еще не рушилась, и первымъ важнымъ слѣдствіемъ ея для восточной Европы было сокрушеніе Нѣмецкаго Ордена. Въ концѣ XIV вѣка Витовтъ, чтобы заняться дѣлами на востокъ, хотѣлъ жить въ мирѣ съ Нѣмцами, и даже отдалъ имъ на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Въ 1399 году, пользуясь прибытіемъ заграничныхъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ Карла, Герцога Лотарингскаго, великій магистръ выступилъ на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться Нѣмцамъ, и принуждены были принять подданство и крещеніе; нѣкоторые изъ нихъ, однако, по примѣру старыхъ Пруссовъ, убѣжали въ Литву. Когда Орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: «Вы, вѣрно, хотите, чтобъ я всѣмъ Жмудинамъ за разъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защититъ ее.» Угроза Витовта скоро исполнилась: возстаніе вспыхнуло во всей Жмуди, толпы вышли изъ лѣсовъ и ударили на новопостроенные замки Орденскіе, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю, послѣ чего отправлены были послы къ Витовту съ просьбою, чтобъ онъ взялъ Жмудь подъ свою власть. Витовтъ согласился; Жмудины разослали всюду грамоты съ жалобою на Орденъ: «Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ, выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ до того, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобъ было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя

братьями, какъ сибють крестить? Кто хочеть другихъ умиловать, долженъ быть самъ чистъ. Правда, что Пруссы покрещены; но они также ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже Турокъ, и чѣмъ злѣе свирѣпствуютъ, тѣмъ больше похвалъ получаютъ отъ Ордена. Всѣ плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у насъ забрали; не дають намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдами; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ Пруссию, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли — а еще крестъ святой на платьѣ носить! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе.... Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію.»

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствіемъ Витовта къ брату въ Краковъ, опустошили окрестности Гродно, за что Жмудь взяла Мемель; два раза потомъ сильное орденское войско опустошало Литву; Витовтъ оплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи; съ обѣихъ сторонъ впрочемъ не сдѣлали ничего важнаго и заключили перемиріе, а въ 1404 году вѣчный миръ. Витовтъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ мира съ Орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ сѣверовосточной Руси; онъ уступилъ опять Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія Жмудиновъ, помогать ордену при ихъ покореніи. Не смотря на это, Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда Орденскія и Витовтовы войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. «Не мало у насъ (говорили они) прелатовъ, ксензовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ насъ.» Между тѣмъ Витовтъ управившись на востокъ, началъ думать, какъ бы опять овладѣть Жмудью, сталъ поддерживать жиделей ея въ ихъ воз-

станіяхъ, слѣдствіемъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ Орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ Орденское войско подъ Грюнвальдомъ: у рыцарей было 83,000 войска, у Витовта и Ягайла 163,000, между которыми находились Русскіе полки: Смоленскій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій, Пинскій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ въ сторонѣ рыцарей; но отчаянное мужество Русскихъ Смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ Нѣмцевъ, дало возможность Витовту поправить дѣло: рыцали потерпѣли страшное пораженіе, потеряли великаго магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ. Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ: слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно, покорители разъединенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы, предъ которыми силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ Ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва: «Богородице, Дѣво, радуйся!» Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерянные силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войнъ съ невѣрными, слѣдовательно существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, не нужнымъ, и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляетъ только продолжительную агонію.

Въ то время, какъ Орденъ Тевтонскій въ Пруссіи оканчивалъ борьбу свою съ Литвою, другая половина его, Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи продолжалъ борьбу со Псковомъ и Новгородомъ. Въ 1406 году, по возвращеніи Псковичей съ войны Литовской, изъ водъ Полоцка, магистръ Ливонскій пришелъ со всею силою, и ходилъ двѣ недѣли по ихъ волости⁴⁰:

но извѣстно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья⁴¹ выѣхали въ числѣ 150 человекъ железной рати, помолились Богу и св. Михайлу и ударили на Нѣмцевъ; поганые не выдержали и обратились въ бѣгство, потерявши много людей и знамя; а изъ Вельянъ никто не былъ не только убитъ, но даже и раненъ; одного только Нѣмца взяли въ плѣнъ, но и тотъ убѣжалъ. Это было въ Августѣ мѣсяцѣ; въ Октябрѣ Псковичи подняли всю свою волость и пошли на Нѣмецкую землю, подстерегли Нѣмецкую рать, убили у нея 20 человекъ, да 7 взяли живыхъ; потомъ пошли за Новый Городокъ, встрѣтили другую Нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 Нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человекъ, и возвратились домой съ большою добычею. Въ слѣдующемъ году прѣѣхалъ во Псковъ братъ великаго князя Московскаго, Константинъ; первымъ дѣломъ его было послать слугу своего въ Новгородъ на добро Пскову, просить помощи на Нѣмцевъ; Новгородцы однако отказались, не помогли Псковичамъ ни словомъ, ни дѣломъ. Тогда князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенъ умомъ, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову; повоевали много погостовъ, взяли много добычи; со временемъ князей Довмонта и Давыда Псковичи не бывали еще такъ далеко въ Нѣмецкой землѣ. Благополучно возвратились Псковичи изъ похода; но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ, и дѣла пережѣнились; Магистръ пришелъ ко Пскову со всею Нѣмецкою силою; Псковичи вышли къ нему на встрѣчу, четыре дня стояли непріатели другъ противъ друга и бились объ рѣку; Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ Псковичи, ободренные этимъ отступленіемъ, перешли рѣку, и погналась за ними; тогда Нѣмцы оборотились и нанесли имъ сильное поражение на Логозовицкомъ полѣ⁴²; убили трехъ посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человекъ; Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Это побоище, по словамъ лѣтописца, было также сильно, какъ Ледовое и Рако-

арское. Въ то же самое время другая рать Псковская - потерпѣла неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и рѣчь отъ непріятеля. Псковской лѣтописецъ при этомъ промолгаетъ жаловаться на Новгородцевъ: они взяли князя изъ Литвы, говоритъ онъ, все Псковичамъ на перекоръ, вложилъ имъ дьяволъ злыя мысли въ сердце — водить дружбу съ Литвою и Нѣмцами, а Псковичамъ не помогать ни словомъ, ни деломъ. Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ пришелъ опять со всею своею силою на Псковскую волость, ходилъ по ней въ недѣли, но безуспѣшно осаждалъ Велье; потомъ встрѣтивъ извѣстіе о новомъ неудачномъ набѣгѣ Нѣмцевъ на Велье, о неудачномъ походѣ Псковичей на Нѣмецкую землю. Въ 1409 году новое нашествіе Нѣмцевъ, опять безъ важныхъ послѣдствій, кромѣ пораженія Псковскихъ охочихъ людей. Наконецъ въ 1410 году Псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Киремпе, и заключили миръ по старинѣ, на Псковской волѣ; въ 1417 въ Ригу пріѣхалъ посолъ велико княжескій съ двумя Псковскими сановниками, и заключили договоръ о свободной торговлѣ и непропускѣ враговъ Ордена презъ Псковскія, а Псковскихъ чрезъ Орденскія владѣнія; въ обидахъ положено искать управы судомъ, а не мечемъ; великій князь Василій въ этой грамотѣ называется великимъ королемъ Московскимъ, императоромъ Русскимъ⁴³. Въ 1420 году Нѣмецкіе послы съѣхались съ Новгородскими на рѣкѣ Наровѣ и заключили вѣчный миръ, по старинѣ, какъ было при Александрѣ Невскомъ.

Въ 1392 году приходили Шведскіе разбойники въ Неву, взяли села по обѣ стороны рѣки, не доходя 5 верстъ до города Орѣшка; но князь Семень (Лугвеній) Ольгердовичъ нагналъ ихъ и разбилъ; въ 1395 году новое безуспѣшное покушеніе Шведовъ на городъ Яму; въ слѣдующемъ году опять нападеніе Шведовъ на Корельскую землю, гдѣ они повоевали два погоста; въ 1397 году они взяли семь селъ у города Ямы. Въ 1411 году успѣхъ Шведовъ былъ значительнѣе: они овладѣли однимъ пригородомъ Новгородскимъ⁴⁴; тогда Новгородцы, съ

княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ, пошли сами въ Шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли въ плѣнъ, а у города Выборга взяли наружныя укрѣпленія. Въ томъ же году Двинскій воевода съ Заволочанами, по приказу изъ Новгорода, ходилъ на Норвежцевъ. Послѣдніе отступили въ 1419 году: пришло ихъ 500 человекъ, въ бусахъ и шнекахъ къ берегамъ Бѣлаго моря, повоевали одиннадцатимѣсть; Заволочанамъ удалось истребить у нихъ только двѣ шнеки⁴⁵.

Когда войны стихли на всѣхъ концахъ сѣверовосточной Руси, тогда явилось бѣдствіе физическое, началъ свирѣпствовать страшный моръ. Въ это время умеръ великій князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, 1425 года, 27 Февраля, послѣ тридцатишестилѣтняго правленія. До насъ дошли три его духовныя грамоты. Первая написана, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій еще не родился⁴⁶. Въ это время великій князь не былъ увѣренъ, достанется ли великое княженіе Владимірское, равно какъ богатые примыслы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говоритъ предположительно: «А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану княженъе великое держать.... А дастъ Богъ сыну моему держать Новгородъ Нижній да Муромъ.» Во второй духовной грамотѣ⁴⁷, великій князь благословляетъ сына Василія утвердительно своею отчиною, великимъ княженіемъ; о Новгородѣ же Нижнемъ говоритъ опять предположительно: «Если мнѣ дастъ Богъ Новгородъ Нижній то я благословляю имъ сына моего князя Василія:» въ третьей грамотѣ утвердительно благословляетъ сына примысломъ своимъ Новгородомъ Нижнимъ и Муромомъ⁴⁸; но о великомъ княженіи Владимірскомъ говоритъ опять предположительно: «А дастъ Богъ сыну моему великое княженъе.» Замѣчательнѣе всего въ этихъ духовныхъ то обстоятельство, что великій князь приказываетъ сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ троюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говоритъ ни слова о старшемъ изъ братьевъ Юріи Дмитріевичъ — знатѣ

Этот князь еще при жизни Василия Дмитриевича постоянно отказывался признать старшинство племянника, основываясь на древних родовых счетах, и на криво-толкуемом завѣщаніи Донскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что въ случаѣ смерти Василия удѣлъ его переходитъ къ старшему по немъ брату; здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется причина безпотомственная, ибо рѣчь идетъ о цѣломъ удѣлѣ Силіевомъ, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если великое княженіе Владимирское, должна была перейти къ сыновьямъ покойнаго⁴⁹; притязанія брата Юрія, какъ видно, и заставили Василия въ послѣдней своей духовной грамотѣ сказать предположительно о великомъ княженіи; въ третьей грамотѣ нѣтъ также имени Константина Дмитриевича въ числѣ наследниковъ, которымъ Василий поручалъ своего сына.

На первомъ планѣ въ княженіе Василия Дмитриевича стоятъ спорно отношенія Литовскія. Почти въ одно время со вступленіемъ на Московскій столъ Василия, въ Литвѣ окончательно утверждается власть его Витовтъ; оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатыми примыслами: Василий овладѣваетъ землями Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ Смоленскомъ. Примыслы эти достались имъ не легко, не вдругъ, и на берегахъ Волги, и на берегахъ Днѣпра не обошлись безъ борьбы, весьма продолжительной. Въ этой борьбѣ оба князя не только не враждуютъ другъ другу, но находятся по видимому въ тѣсномъ союзѣ, живутъ какъ добрые родственники, хотя Витовтъ выговариваетъ себѣ Москву у Тохтамыша. Но какъ скоро московскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ тѣснить Псковъ и Новгородъ, то Василий вооружается противъ Витовтъ. Кажется наступаетъ рѣшительная минута, въ которую долженъ рѣшиться вопросъ о судьбахъ восточной Европы, но и потомки Всеволода III, и потомки Гедиминова не любятъ средствъ рѣшительныхъ: тестъ и зять не разъ выходятъ съ силами другъ противъ друга — и расходятся безъ битвы; дѣло кончается тѣмъ, что Витовтъ отказывается отъ дальнѣйшихъ покушеній на независимость Пскова, куда Московскій князь

посылаетъ своихъ намѣстниковъ; съ другой стороны и Вася принужденъ отказаться на время отъ богатаго примысла — Дниской земли. Но мы видѣли, что порваніе мира между тесами и зятемъ возбудило сильное неудовольствіе въ Москвѣ; летописецъ жалуется, что не было больше въ думѣ княжеской старыхъ бояръ, и обо всѣхъ дѣлахъ начали совѣтовать молодые. Ктожь были эти старые бояре, державшіеся союза съ Литвою и осторожно поступавшіе относительно Татаръ, и кто были молодые, начавшіе дѣйствовать иначе? Это мы узнаемъ изъ письма Эдигея, которое онъ прислалъ великому князю, возвращаясь отъ Москвы въ степи⁵⁰. «Добрые нравы и добрая дѣла и добрыя дѣла въ Ордѣ были отъ боярина Федора Кошки: добрый былъ человекъ; которыя были добрыя дѣла ордынскія — онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время прошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любимецъ, старшина, изъ его слова и думы ты не выступаешь. А отъ его думы улусу твоему теперь раззореніе, и христіане изгнаны. Такъ ты впередъ поступай иначе, молодыхъ не слушай, а бери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ, и думай съ ними добрую думу.»

И такъ важнѣйшее вліяніе на дѣла оказывалъ сначала бояринъ Федоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ подлѣ которыхъ видимъ и родичей ихъ, младшихъ сыновъ Федора Кошки — Федора Федоровича и Михайла Федоровича и роднаго племянника его, Игнатія Семеновича Жеребцовъ, бывшего Коломенскимъ воеводою, и убитаго въ сраженіи съ Пронскимъ княземъ. Старшими боярами Эдигей называетъ Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, изъ которыхъ первый по родословнымъ оказывается сыномъ известнаго Ивана Родионовича Квашни. Этотъ Иванъ Родионовичъ умеръ въ 1390 году, и извѣстіе объ его смерти занесено въ летопись. Изъ Вельяминовыхъ, по соображеніи съ родословными книгами, можно указать только Федора Ивановича, сына казеннаго Ивана Васильевича⁵¹. Знаменитый бояринъ До

го, Федоръ Андреевичъ Свиблъ больше не упоминается: въ духовныхъ грамотахъ своихъ великій князь Василій говоритъ о селахъ Федора Свибла, которыя онъ взялъ за себя, о холопахъ, которыхъ онъ отнялъ у него: это выраженіе азываетъ на ояалу; но между боярами Василя упоминается одной братъ Свибла, Михаилъ Андреевичъ Челядня. Изъ извест-ныхъ намъ прежде родовъ и лицъ упоминаются также между боя-ми: Константинъ Дмитріевичъ Шея, сынъ Дмитрія Александровича Зерна, внука Четова; Иванъ Дмитріевичъ, сынъ Дми-рія Всеволожа; Владиміръ Даниловичъ Красный-Снабдя, быв-шій намѣстникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; Данилъ и Степанъ Софоновичи Плещеевы, родные племянники св. митрополита Іерексія; о Данилѣ сказано въ лѣтописи подъ 1393 годомъ: «преставился Данило Софановичъ⁵², который много служилъ великому князю въ Ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ.» Наконецъ упоминаются въ лѣтописи Иванъ Уда и Александръ Слеутъ. — Изъ неизвѣстныхъ упоминается: Дмитрій Афи-мовичъ, подписавшійся на первой духовной Василя на треть-емъ мѣстѣ, Андрей Албердовъ, занявшій Двинскую землю; Алек-сандръ Поле, Иванъ Маринъ (оба подъ 1401 годомъ); Сели-ванъ (или Селиванъ Борисовичъ, внукъ Дмитрія Михайловича Рязанскаго, или Селиванъ Глѣбовичъ Кутузовъ); Дмитрій Васильевичъ; Степанъ Васильевичъ; намѣстниками въ Нижнемъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Даниловичемъ Краснымъ, или Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихоръ; въ 1393 году Ювоторжцы убили великокняжескаго боярина Максима; въ битвѣ съ Пронскимъ княземъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Жереб-ковымъ погибли Михайла Лядинъ и Иванъ Брынка, тутъ же палъ въ плѣнъ Муромскій воевода Семенъ Жирославичъ; на-мѣстникомъ во Владимірѣ упоминается Юрій Васильевичъ Шека; подъ 1390 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Коломнѣ на-пали на гр ушкѣ былъ убитъ Осей, кормиличичъ великаго князя. — Какъ при Донскомъ новопріѣзжій бояринъ, Дмитрій Михайловичъ Во-инскій оттѣснилъ на нисшую степень или заѣхалъ, по тог-ашнему выраженію, нѣкоторыхъ старыхъ бояръ: такъ при

Василіи Дмитріевичъ Литовскій князь, Юрій Патрикѣевичъ внукъ Наримантовъ, вступивши въ службу къ Московскому князю, захалъ⁵³ также нѣкоторыхъ бояръ, и его имя встречаемъ на первомъ мѣстѣ въ духовныхъ великокняжескихъ. Братъ его, князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ былъ намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ въ 1420 году. — Дьяками великокняжескими были: Тимоеей Ачкасовъ и Алексѣй Строилю

ГЛАВА II.

КНЯЖЕНІЯ ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬКОВИЧА ТУШЕНАГО.

(1425—1462.)

Со смерти Василія Дмитріевича на столѣ Московскомъ и всея Руси явился опять малолѣтній, десятилѣтній князь, Василій Васильевичъ. Малолѣтствомъ дѣда его Дмитрія хотѣлъ воспользоваться Дмитрій Суздальскій, князь изъ старшей линіи отомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже такъ сильна, что не смотря и на малолѣтство ея князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханомъ, не могъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ. Теперь, при малолѣтномъ внуку Дмитріевомъ, никто изъ князей не осмѣливается спорить за Владимиръ съ отомками Калиты: Нижній, Суздаль принадлежатъ уже Москвѣ, Тверь давно уже отказалась отъ всякаго наступательнаго движенія. Но теперь, когда не можетъ быть болѣе борьбы у Московскаго князя за Владимиръ ни съ княземъ Нижегородскимъ, ни съ Тверскимъ, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями Московскими — за Москву и уже неразрывно соединенный съ нею Владимиръ. До сихъ поръ мы видѣли частыя и явныя нарушенія родовыхъ правъ старшинства въ потомствѣ Всеволода III, нарушенія постоянно увеличивавшіяся успѣхомъ: видѣли возстаніе Михаила Ярославича Московскаго противъ дяди Святослава, возстаніе Андрея Александровича Городецкаго противъ старшаго брата, Дмитрія Переяславскаго, возстаніе Юрія Московскаго противъ старшаго

въ родѣ Михаила Тверскаго: но все это были возстанія противъ порядка вещей, который хотя и видимо ослабѣвалъ (что именно доказывалось успѣхомъ явленій, противъ него направленныхъ), однако еще держался, признавался вообще всею какъ законно существующій, и явленія, ему враждебныя, были только исключеніями; не являлось еще ни одного князя, который рѣшился бы это исключеніе сдѣлать правиломъ. Дмитрій Донской первый завѣщалъ старшіе столы, и Московскій и Владимірскій, сыну своему мимо двоюроднаго брата, который самъ согласился на это распоряженіе, согласился признать племянника старшимъ братомъ; но этотъ братъ Донскаго былъ, и первыхъ, братъ двоюродный; во вторыхъ, не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ никогда великимъ княземъ Московскимъ и Владимірскимъ. Гораздо важнѣе, следовательно, и рѣшительнѣе было распоряженіе сына Дмитріева Василя, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ права, по старинѣ, были совершенно безспорны. И вотъ полноправный, по старинѣ, наследникъ старшинства, князь Юрій Дмитріевичъ Звенигорѣдскій отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность новаго порядка престолонаслѣдія. Должна была возгорѣться борьба, борьба послѣдняя и рѣшительная, которая ни сколько не похожа на прежнія усобицы между дядями и племянниками; припомнимъ древнюю борьбу Изяслава Мстиславича съ дядею, Юріемъ Долгорукимъ: Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ дяди, но никогда не смѣлъ отрицать этихъ правъ, говорилъ прямо, что Юрій старше его, но не умѣлъ жить съ родичами и проч.; припомнимъ также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельствомъ случайнымъ, слабостію, неспособностію полноправнаго дяди Вячеслава, предъ которымъ однако Изяславъ принужденъ былъ наконецъ покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая, старый и новый сталкиваются другъ съ другомъ во всей чистотѣ: князь Юрій полноправный наследникъ старшинства по старинѣ; племянникъ его, Василій Васильевичъ, получаетъ это старшинство по завѣ-

нью отцовскому, съ полнымъ отрицаніемъ правъ дяди, безъ какого пособія какого-либо случайнаго обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлогъ возстанію противъ нихъ. Въ этой новой борьбѣ дяди съ племянникомъ какъ бы нарочно племянникъ является малолѣтнимъ, и потому неспособнымъ дѣйствовать самъ по себѣ; до тѣхъ поръ, когда племянники возставали противъ дядей, то это было обыкновенно возстаніе болѣе даровитой, болѣе сильной личности; но теперь, какъ нарочно, слабый отрокъ вступаетъ въ борьбу противъ сильнаго своимъ правомъ стараго дяди, слѣдственно всѣ преимущества новидимому на сторонѣ послѣднѣго, а между тѣмъ побѣждаетъ малолѣтний племянникъ, и тѣмъ легче обнаруживается вся крѣпость новаго порядка вещей, который не зависитъ болѣе отъ личныхъ средствъ.

Могущественныя средства малолѣтнаго Василія обнаружись въ самомъ началѣ: въ ту самую ночь, какъ умеръ великій князь Василій Дмитріевичъ, митрополитъ Фотій послалъ своего боярина въ Звенигородъ къ Юрію, звать его въ Москву. Юрій не хотѣлъ признавать племянника старшимъ, боялся принужденія въ Москвѣ, боялся даже оставаться по близости въ Звенигородѣ, и уѣхалъ въ отдаленный Галичь, откуда прислалъ въ угрозы къ племяннику и съ требованіемъ перемирія нѣся на четыре. Въ Москвѣ согласились на перемиріе, которое было употреблено съ обѣихъ сторонъ для собранія войска. Бояре Московскіе съ малолѣтнымъ княземъ своимъ предупредили Юрія и пошли къ Костромѣ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находились и остальные дядья великаго князя, Дмитріевичи; это зануало Юрія, который побѣжалъ въ Нижній Новгородъ и съгладъ; противъ него отправленъ былъ братъ его Константинъ Дмитріевичъ, который прежде самъ вооружался за старшинство дядей; Юрій изъ Нижняго побѣжалъ за Суру, и сталъ на одрѣхъ ея берегу, а Константинъ на другомъ, и постоявши нѣсколько времени, возвратился въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя было перейти рѣку: но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ радѣлъ не племяннику, а

брату, и потому не хотѣлъ, какъ должно, преслѣдовать Юрія, который возвратился въ Галичь, и послалъ въ Москву просить опять перемирія на годъ. Но если для Юрія выгодно было заключать окончательнаго мирнаго договора, въ которомъ онъ принужденъ былъ бы отказаться отъ своихъ притязаній, елику ему выгодны были только перемирія, которыя позволяли ему собирать силы и выжидать удобнаго времени: то въ Москвѣ, съ оборотъ, желали чего-нибудь рѣшительнаго, и, по общему совѣту — митрополита, матери великокняжеской Софїи, дядей даже дѣда Витовта Литовскаго, митрополитъ Фотій отправилъ въ Галичь уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Юрій, узнавши, что митрополитъ ѣдетъ, встрѣтилъ его съ дѣтьми, боярами, лучшими людьми, собралъ и чернь всю изъ городовъ и деревень, поставилъ ее по горѣ такъ, чтобъ Фотій могъ видѣть большуя толпу народа при вѣздѣ въ городъ. Но Галицкій князь не достигъ своей цѣли, не испугалъ митрополита, который, взглянувъ на густыя толпы черни, сказалъ ему: «Сынъ князь Юрій не видывалъ я никогда столько народа въ овечьей шерсти,» дѣлая тѣмъ знать, что люди, одѣтые въ сермяги, плохіе ратники.

Начались переговоры: митрополитъ настаивалъ на вѣчномъ мирѣ: но Юрій не хотѣлъ объ немъ слышать, а требовалъ только перемирія. Фотій разсердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни городъ, и вдругъ послѣ его отъѣзда открылся моръ въ Галичь. Юрій испугался, поскакалъ самъ къ митрополитомъ, нагналъ его за озеромъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій прїѣхалъ опять въ Галичь, благословилъ народъ, и моръ сталъ прекращаться, а Юрій обещалъ митрополиту послать, и дѣствительно послалъ двухъ бояръ своихъ въ Москву, которые заключили миръ на томъ условїи, что Юрій не будетъ искать великаго княженія самъ собою, но ханомъ: кому ханъ дастъ великое княженіе, тотъ и будетъ великимъ княземъ. Но понятно, что и это была только обманная уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, потому что если и прежніе князья мало обращали вниманія на рѣшенія ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внуки

онскаго? Вотъ почему долго послѣ того ни дядя, ни племянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхъ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Василиемъ, которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался не искать великаго княженія подъ Василиемъ⁵⁵. Но въ 1431 году Юрій прислалъ означенный договоръ вмѣстѣ со взаимною грамотою⁵⁶, и оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду, къ хану Махмету. Обративъ вниманіе на время возобновленія вражды, мы не можемъ не придти къ мысли, что поводомъ къ нему была смерть Витовта: въ 1428 году Юрій призналъ вѣрничество племянника, потому что въ предыдущемъ году великая княгиня Софья Витовтовна ѣздила къ отцу и поручила ему сына и все Московское княжество; въ 1430 году Витовтъ умеръ, и на его мѣстѣ сталъ княжить Свидригайло, побратимъ, союзникъ Юрія; вотъ почему послѣдній, въ 1431 году, пользуясь неблагоприятною для себя переменною обстоятельствомъ, разрываетъ съ племянникомъ.

Въ числѣ Московскаго боярства стоялъ тогда извѣстный уже намъ бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, достойный преемникъ тѣхъ Московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда Юрій, по прибытіи въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегинемъ, который обѣщавъ ему великое княженіе, Иванъ Дмитріевичъ подольстился къ остальнымъ мурзамъ, возбудилъ ихъ самолюбіе и ревность къ могуществу Тегини: «Ваши просьбы, говорилъ онъ имъ, ничего не значатъ у хана, который не можетъ выступить изъ Тегинина слова: по его слову дается великое княженіе князю Юрію; если ханъ такъ сдѣлаетъ, послушавшись Тегини, то что будетъ съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Орду будетъ великимъ княземъ побратимъ его Свидригайло, а въ Орду будетъ сильнѣе всѣхъ васъ Тегиня.» Этими словами, говоритъ летописецъ, онъ уязвилъ сердца мурзъ какъ стрѣлою; всѣ они стали бить челомъ хану за князя Василія, и такъ настрои-

ли хана, что тотъ началъ грозить Тегинѣ смертію, если онъ не молвить хотя слово за Юрія. Весною 1432 года былъ судъ между дядею и племянникомъ: Юрій основывалъ свои права древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописями и наконецъ ссылался на криво толкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василіемъ говорилъ Иванъ Дмитріевичъ, онъ сказалъ хану: «Князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василій по твоей милости; ты далъ улусть свой отцу его Василию Дмитріевичу, и тотъ, основываясь на твоей милости, пердалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжить и не свергнутъ тобою, слѣдовательно княжить по твоей же милости». Эта лесть, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, произвела свое дѣйствіе: ханъ далъ ярлыкъ Василию, и даже хотѣлъ заставить Юрія вести коня подъ племянникомъ, но послѣдній самъ не захотѣлъ нанести такой позоръ дядѣ; Юрію уступленъ былъ также Дмитровъ, выморочный удѣлъ брата его Петра (умершаго въ 1428 году). Такъ кончился судъ въ Ордѣ: рязанецъ зумѣется, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забить неудачи, а въ Москвѣ не могли воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоями жила въблизи отъ Москвы, въ новопріобрѣтенномъ Дмитровѣ, уѣхалъ опять въ Галичь, а Василій тотчасъ же выгналъ его и мѣстниковъ изъ Дмитрова и захватилъ городъ; но вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благопріятный оборотъ для старшаго дяди.

Иванъ Дмитріевичъ, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василию въ Ордѣ, надѣялся, что великій князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали бояръ дочерей своихъ. Самъ же Иванъ Дмитріевичъ велъ свой родъ отъ князей Смоленскихъ и женатъ былъ на внукѣ великаго князя Нижегородскаго, почему и былъ уже въ родствѣ съ великимъ княземъ Московскимъ. Василій, будучи въ Ордѣ, далъ Ивану Дмитріевичу обѣщаніе жениться на его дочери.

ю, по прїѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать великаго князя Софья Витовтовна никакъ не согласилась на этотъ бракъ, и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославнѣ, внучкѣ Владиміра Андреевича. Тогда Иванъ Дмитріевичъ, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старины княжеской, вспомнилъ старину боярскую, и отъѣхалъ отъ Московскаго князя. Дня боялся прямо ѣхалъ къ Юрію, и потому кинулся сперва къ брату его Константину Дмитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, наследственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно посмѣялся въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться, могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію и былъ принятъ радушно. Но между тѣмъ какъ Иванъ Дмитріевичъ подговаривалъ Юрія возобновить старыя притязанія, въ Москвѣ сыновья Юрія, Василій Косой и Дмитрій Шемяка пировали ни свадьбы великокняжеской. Василій Косой прїѣхалъ въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорожными камешьями. Старый бояринъ, Петръ Константиновичъ рассказалъ исторію этого пояса матери великокняжеской, Софьѣ Витовтовнѣ, исторію любопытную: поясъ этотъ былъ данъ Суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокію, шедшею за мужъ за Дмитрія Донскога; послѣдній Тысяцкій, Василій Вельяминовъ, имѣвшій важное значеніе на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была другая дочь князя Дмитрія Суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Дмитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владиміра Андреевича, и по смерти Андреевой, обручивъ его дочь, а свою внуку за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу великаго князя⁵⁷. Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ былъ

на Косомъ, при всѣхъ силахъ его съ князя какъ собственное своего семейства, незаконно перешедшую въ чужое. Юрьевы оскорбленные такимъ позоромъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

Въ Москвѣ тогда только узнали о движенияхъ Юрія, когда онъ былъ въ Переяславлѣ съ большимъ войскомъ. Московскій князь, захваченный врасплохъ, послалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкомъ монастырѣ; но Иванъ Дмитриевичъ не далъ и слова молвить о мирѣ: «была, говорить летописецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя.» Тогда Василій, собравши наскоро, сколько могъ, ратныхъ людей и Московскихъ жителей, гостей и другихъ, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на голову сильными полками Юрьевыми на Клязьмѣ, за 20 верстъ отъ Москвы⁵⁸ (въ Апрѣлѣ 1433 года), и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ великимъ княземъ. Но какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юриемъ, была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи относительно побѣжденнаго. Сперва при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ старшаго или великаго князя, при жизни отца, имѣлъ свою волость, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго великаго князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучший, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни отца, не имѣлъ особаго удѣла, его удѣлъ была Москва и великое княженіе; вѣтвсивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помѣститъ его гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія, кто долженъ былъ занять его мѣсто? по старому порядку вещей, Константинъ Дмитриевичъ, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго (Андрей умеръ въ 1432 году), и послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Но Московскій бояринъ Иванъ Дмитриевичъ

мать и сыновья Юрія думали не такъ: они позабыли старину и мечь ее не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, добывши его въ свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ и то ни было; они хотѣли, по новому порядку, наследовать вошшу отцу точно такъ, какъ Василій наследовалъ своему; они хотѣли воспользоваться своею побѣдою. чтобъ тотчасъ избавиться отъ соперника.

Но Юрій былъ болѣе совѣстливъ, или по крайней мѣрѣ, не былъ столько твердости, чтобъ рѣшиться на мѣры насильственныя. Скоро Василій нашелъ за себя предъ нимъ ревностнаго ходатая: у Юрія былъ старинный любимый бояринъ Семенъ Морозовъ, который, вѣроятно изъ соперничества съ Иваномъ Дмитріевичемъ, отбивавшимъ у него первое мѣсто, заступился за плѣннаго Василія, и уговорилъ Юрія отдать послѣднему въ удѣлъ Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну Московскаго князя. Тщетно Иванъ Дмитріевичъ и сыновья Юрія сердились и возставали противъ этого рѣшенія: Юрій далъ роскошный пиръ племяннику, богато одарилъ его и отпустилъ въ Коломну со всѣми боярами его.

Но едва прибылъ Василій въ Коломну, какъ началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь въ Юрія, потому что, говорить лѣтописецъ, не привыкли они мужить Галицкииъ князьямъ; однимъ словомъ, около Василія собрались всѣ тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій началъ на племянника врасплохъ, и этому только былъ объясненъ своимъ торжествомъ. Тогда старшіе Юрьевичи, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, увидя исполненіе своихъ опасеній, обратили ярость свою на главнаго виновника отцовской ошибки, и убили Семена Морозова въ дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: «Ты злодѣй, крамольникъ! ты ввелъ отца нашего въ бѣду, и намъ издавна крамольникъ и лиходѣй.» Избѣгая отцов-

скаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы; тогда Юрій, себя оставленнымъ всѣми, послалъ къ Василю звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человекъми⁵⁹. Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удаляясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Василя Косаго и Дмитрія Шемяку, Юрій отдѣлилъ ихъ дѣло отъ своего, и заключилъ съ Василиемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына любимца своего, Дмитрія Краснаго, отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку, отказался отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій Верхъ съ разными другими волостями; призналъ племянника старшимъ братомъ, который одинъ имѣетъ право знать Орду; старый дядя выговорилъ только не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ свои полки, не ѣздить къ племяннику и не давать ему помощи на Литву, гдѣ по смерти Витовта, княжилъ побратимъ и своякъ Юрьевъ, Свидригайло. Что же касается до Ивана Дмитриевича, то есть извѣстнаго, что онъ былъ схваченъ великимъ княземъ Василиемъ и ослѣпленъ, села его были взяты въ казну великокняжескую за его вину, какъ сказано въ договорѣ Юрія съ Василиемъ⁶⁰. Понадѣявшись на обѣщаніе дяди, Василій отправилъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣвича къ Костромѣ на Косаго и Шемяку: но тѣ съ Вятчанами и Галичанами разбили Московское войско на рѣкѣ Куси и взяли въ плѣнъ воеводу. Василій узналъ, что дядя не сдержалъ своихъ обѣщаній, что полки его были въ войскѣ сыновей при Куси, и потому въ 1434 годъ пошелъ на Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ, и заставилъ дядю бѣжать на Белоозеро. Но когда Василій ушелъ домой, Юрій возвратился въ Галичъ, послалъ за сыновьями, за Вятчанами, и весною двинулся на Московскаго князя съ большою силою. Онъ встрѣтилъ двухъ племянниковъ — Василя Московскаго и Ивана Можайскаго (сына умершаго Андрея Дмитриевича) въ Ростовской области, у св. Николы на горѣ, и раз-

Мать ихъ: Василій убѣжалъ въ Новгородъ, Иванъ Можайскій въ Тверь, вмѣстѣ съ матерью; Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина съ просьбою не отступать отъ него въ бѣдѣ, но Можайскій отвѣчалъ: «Господинъ и государь! гдѣ ни буду, вездѣ твой человекъ, но теперъ нельзя же мнѣ потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой сторонѣ.» Показанный Юріемъ, Иванъ отправился къ нему въ Троицкій монастырь, и вмѣстѣ съ дядею приступилъ къ Москвѣ, которая пала по прошествіи недѣли, при чемъ мать и жена Васильевы попались въ плѣнъ и были отосланы въ Звенигородъ. Самъ Василій, не видя ни откуда помощи, перебрался изъ Новгорода великаго въ Нижній, и слыша о погонѣ за собою отъ Юрьичей, которые стояли во Владимірѣ, собрался въ Орду, какъ другъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія⁶¹, и о томъ, что старшій сынъ послѣдняго, Василій Косой занялъ столъ Московскій, по новому обычаю.

Но братья Косаго, два Дмитрія — Шемяка и Красный — пожелали сказать ему: «Если Богу не угодно, чтобъ княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ,» — и въ то же время послали къ Василю Васильевичу въ Нижній звать его на великое княженіе въ Москву: они знали, что брату ихъ не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василя получить расположеніе послѣдняго и прибавки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичъ дѣйствительно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Дмитриевича — Ржеву и Угличъ, Дмитрію Красному Бѣжецкій Верхъ, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра — Дмитровъ, и удѣлъ Косаго — Звенигородъ⁶²; кромѣ того выговорилъ, чтобъ Шемяка не вступался въ Вятку, воинственное народонаселеніе которой давало постоянно дѣятельную помощь Юрію. — Косой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла; ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣдовательно условливались его положеніемъ и притомъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, чтобъ уяснить себѣ характеръ Косаго и Шемяки, надобно войти въ ихъ положеніе: притязанія отца вовлекли ихъ во вражду съ

Василіемъ Московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Косой отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они требовали насильственныхъ мѣръ противъ Василія, понимая, что идетъ о томъ: кому быть Московскимъ княземъ, и кому быть слугою Московскаго князя; теперь, когда восторжествовалъ Василій, Юрьевичи чувствуютъ, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣже самыя средства, какія прежде они хотѣли употребить противъ него, и если они примирятся с нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствомъ ненадежно, и обѣ стороны пользуются имъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ борьба? Какое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачей, Юрьевичи повинуются своему инстинкту самосохраненія и не разбираютъ средствъ достижения цѣли; но средства, употребляемые Юрьевичами, вызываютъ подобныя же и со стороны ихъ соперника. Косой убѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ Великій; но скоро выѣхавъ оттуда, пограбивши по дорогѣ берега Мсты, Бѣженскъ, Верхъ и Заволочье. Въ 1435 году онъ успѣлъ собрать войско въ Костромѣ, и встрѣтился съ великимъ княземъ Московскимъ въ Ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминскимъ и Великимъ Селомъ: Богъ помогъ Василію Васильевичу, Косой убѣжалъ въ Кашинъ и, собравшись здѣсь всѣми силами, напалъ нечаянно на Вологду, гдѣ была застава (гарнизонъ) великокняжеская, захватилъ воеводу и дворянъ Московскихъ и послалъ за Вятчанами, которые не замедлили явиться къ нему. Московскій князь пошелъ опять за нимъ къ Костромѣ и сталъ у нынѣшняго монастыря Ипатьевского, на мысѣ между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой Рѣка помѣшала биться и двоюродные братья помирились: великій князь отдалъ Косому въ удѣлъ Дмитровъ; почему же не прежній удѣлъ его Звенигородъ? почему и прежде Василій отдалъ этого отцовскаго удѣла Шемякѣ, а уступилъ ему удѣлъ Константина Дмитріевича? Распоряженіе это объясняется послѣд-

вопцинь распоряженіи: и послѣ великіе князья стараются
 прѣхвнать владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, посто-
 янно живя въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить къ себѣ его
 втелей, пріобрѣсть ихъ любовь. Юрьевичъ призналъ Василя
 Васильевича старшимъ братомъ, обязался не брать великаго кня-
 зя, если Татары будутъ давать ему его, обязался также от-
 дать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну по-
 шинаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ
 слѣдующее условіе: «Которые гости суконники завели крамолу
 у меня, великаго князя, и на мою мать, великую княгиню, да
 шли изъ Москвы въ Тверь во время нашей войны, тѣхъ тебѣ
 въ принимать ⁶³.»

Но миръ былъ не долговъ: проживъ только мѣсяць въ Дмит-
 ровѣ, Косой отправился опять въ Кострому, отославши къ ве-
 ликоу князю разметныя грамоты. Проживши въ Костромѣ до
 шинаго пути, отправился къ брату въ Галичъ, отсюда къ Устю-
 гу, куда пришли къ нему и Вятчане; не могши взять крѣпо-
 сти Устюжской, Гледена, силою, взялъ его на условіяхъ, но,
 нарушивъ ихъ, убилъ Московскаго воеводу князя Оболенскаго,
 повѣсилъ десятильника владыки Ростовскаго, и многихъ Устю-
 ганъ перебилъ и перевѣшалъ ⁶⁴. И въ это самое время братъ
 Юсаго Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя къ
 себѣ на свадьбу; но Василій Васильевичъ велѣлъ задержать его
 и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его;
 третій же Юрьевичъ, Дмитрій Красный; по своему кроткому
 характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ
 великаго князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ Ростов-
 ской области, при селѣ Скорятинѣ. У Юрьевича, кромѣ Вят-
 ганъ, былъ дворъ брата его Шемяки; съ великимъ княземъ,
 кромѣ Дмитрія Краснаго, находился Иванъ Можайскій, и ново-
 прибывшій изъ Литвы князь Иванъ Баба Друцкой, который
 врядилъ свой полкъ съ копьями, по Литовскому обычаю. Косой
 не надвѣлся одолѣть соперника силою, и рѣшился употребить
 хитрость: заключилъ съ великимъ княземъ перемиріе до утра,
 и когда Василій, понадѣявшись на это, распустилъ свои полки

для сбора припасовъ, вдругъ прибѣжали къ нему сторожа и вѣстію, что непріятель наступаетъ. Великій князь тотчасъ разслалъ по всѣмъ сторонамъ приказъ собираться, самъ схватилъ трубу и началъ трубить; полки Московскіе успѣли собраться до прихода Косаго, который былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву, и когда союзники его, Вятчане, схватили воеводу великокняжескаго, князя Александра Брюхатаго, взяли съ него богатый окупъ, и не смотря на это, отвели къ себѣ въ плѣнъ, то великій князь велѣлъ ослѣпить Косаго⁶⁵. Ослѣпленная борьба, въ которой рѣшался вопросъ: кому стать сильнѣе всѣхъ и подчинить себѣ всѣхъ другихъ, давно ушла между князьями, борьба, по означенному характеру и могшая отличаться мягкостію средствъ: такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырехъ князей Тверскихъ. Московскіе князья погубили ихъ въ Ордѣ посредствомъ хана, но не менѣе того погубили; теперь же, въ борьбѣ между Московскими князьями, соперники были поставлены въ положеніи гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о великомъ княженіи Владимирскомъ, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному: онъ, его сыновья и внуки могли существовать, какъ владѣльцы почти независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ. Косаго обнаружилъ свой характеръ и свои цѣли, показалъ, что пока онъ живъ, имѣетъ средства вредить, до тѣхъ поръ Василій Васильевичъ не будетъ покоенъ; ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять орудіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣляться самимъ другъ съ другомъ.

По ослѣпленіи Косаго, великій князь выпустилъ брата его Шемаку изъ Коломны въ прежній удѣлъ, и заключилъ съ нимъ договоръ, совершенно одинаковый съ предыдущимъ⁶⁶. Въ 1440 году встрѣчаетъ новый договоръ съ Юрьевичемъ⁶⁷, гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: «также и теперь что вы взяли въ Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня, и у моей матери, и у моихъ князей, у бояръ моихъ и дѣтей боярскихъ, что будетъ

вась, то все вы должны отдать.» Это мѣсто ясно указываетъ на непріятельскій приходъ Юрьевичей къ Москвѣ. Лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемяки подъ 1440 годомъ, и поминаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ великаго князя на Юрьевича и бѣгство послѣдняго въ Новгородскую область⁶⁸; причиною вражды Василія къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юрьевичъ ослушался зову великокняжескаго и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году⁶⁹; соперники были примирены Троицкимъ архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны годъ, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ означенный договоръ, то дѣло можетъ объясниться легко: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву; Шемяка не явился на помощь, за что великій князь пошелъ на него и прогналъ въ Новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москвою и заключилъ миръ.

Такъ кончилась первая половина усобицы въ княженіе Василія Васильевича. За право дядей боролся одинъ Юрій, остальные три Дмитріевича были на сторонѣ племянника, хотя, какъ видно, и не желали окончательнаго низложенія брата. Всѣ они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петръ и Константинъ умерли бездѣтны, Андрей оставилъ двоихъ сыновей — Ивана Можайскаго и Михаила Верейскаго. Мы видимъ поведеніе Ивана Можайскаго въ борьбѣ Юрія съ Василіемъ: чтобъ не лишиться волости, чтобъ не заставить мать свою скитаться по чужимъ сторонамъ, онъ принимаетъ сторону побѣдителя, увѣряя въ вѣрности своей побѣжденнаго, — таково обыкновенно поведеніе слабыхъ въ борьбѣ двухъ сильныхъ. До насъ дошелъ договоръ обоихъ Андреевичей съ Василіемъ Васильевичемъ, заключенный, какъ видно, еще до поѣздки въ Орду, когда еще Василій не былъ увѣренъ, что получить великое княженіе, ибо Андреевичи говорятъ: «А дастъ тебѣ Богъ достать свою вотчину, великое княженіе, то ты насъ пожалуешь,

какъ обѣщался, изъ великаго княженія, по-пригожу.» Андреевичи обязываются считать себя младшими братьями ⁷⁰. После торжества дяди Юрія, они заключили и съ нимъ договоръ, въ которомъ обязываются почитать его отцемъ, не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ, и, по кончинѣ Юрія, признать великое княженіе за дѣтьми его — знакъ, что Юрій, подъ предлогомъ старшинства, велъ борьбу вовсе не за старый порядокъ вещей, и, добывши себѣ великое княженіе, передавалъ его своимъ дѣтямъ, мимо законнаго по старинѣ наслѣдника ⁷¹. Такимъ образомъ точно обязался не искать великаго княженія Московскаго подсыновьями Юрія и Рязанскій князь, Ивапъ Ѳеодоровичъ, по матери родной племянникъ Юрію, который обязывается имѣть его племянникомъ; Василій Косой обязывается имѣть Рязанскаго князя братомъ равнымъ, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный — братомъ старшимъ ⁷². До насъ дошелъ также договоръ князя Василія Ярославича, внука Владиміра Андреевича, съ зятемъ (мужемъ сестры) и четвероюроднымъ братомъ, Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ. Въ этомъ договорѣ замѣчаемъ другой тонъ, гораздо униженнѣе: Василій Ярославичъ называетъ Московскаго князя старшимъ братомъ и отцемъ, обязывается держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно ⁷³.

• Съ 1440 года по 1445 у великаго князя не было враждебныхъ столкновеній съ Шемякою; послѣдній дождался удобнаго случая для возобновленія борьбы, и этотъ случай наконецъ представился по поводу дѣлъ Татарскихъ. Прежде поѣздки Василія Васильевича съ дядею въ Орду, для суда предъ ханомъ, мы встрѣчаемъ извѣстія объ обычныхъ набѣгахъ Татаръ на украинскія мѣста: въ 1425 году они приходили на Рязанскую Украину, но были разбиты Рязанцами и потеряли всю добычу; въ концѣ 1428 года они напали нечаянно на Галицкую область и стояли здѣсь мѣсяць; потомъ взяли Кострому, Плесо, Духъ, и ушли Волгою внизъ. Великій князь Василій послалъ за ними въ погону дядей своихъ Андрея и Константина Дмитріевичей, и боярина Ивана Дмитріевича, съ полками Московскими; они

догнали Татаръ и возвратились; но князь Федоръ Стародуб-
 ской Пестрый съ Федоромъ Константиновичемъ Добрынскимъ,
 воеводою отъ Московскихъ князей, погнались за Татарами, до-
 брали задніе отряды и побили. Тотъ же князь Федоръ Давы-
 вичъ Пестрый, по приказанію князя Московскаго, ходилъ на
 Угаръ и подѣлилъ всю ихъ землю въ 1431 году. Въ 1437
 году Татары опустошили границы Рязанскія; но гораздо важ-
 нѣе были дѣла съ ними въ концѣ года, когда ханъ Улу-Мах-
 метъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ своимъ, явился,
 въ границахъ Русскихъ и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Великій князь
 направилъ противъ него сильныя полки подѣ начальствомъ
 воеводъ Юрьевичей — Шемяки и Краснаго, которые, по сви-
 дѣтельству летописца, грабили по дорогѣ своихъ Русскихъ,
 мучили людей, допытываясь у нихъ имѣнія, били скотъ и по-
 дѣляли себѣ всякаго рода неприличныя поступки⁷⁴. Когда они
 вышли къ Бѣлеву, то ханъ испугался, прислалъ просить ми-
 ровы, отдаваясь на всю волю князей Русскихъ, но тѣ не послу-
 шали его рѣчей, двинулись къ городу и нанесли Татарамъ
 полное пораженіе. На другой день Татарскіе мурзы прѣехали
 къ городу для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: ханъ
 предлагалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока
 живъ, стеречь Русскую землю и не требовать никакихъ выхо-
 довъ. Но воеводы не соглашались и на эти условія; тогда мурзы
 сказали имъ: «Не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!» — и
 воеводы увидѣли, что все Русское войско бѣжитъ передъ Та-
 тарами. Причиною этого бѣгства былъ Литовскій Мценскій во-
 воевода Григорій Протасьевъ, присланный своимъ княземъ на по-
 мощь Москвитинамъ; онъ передался на сторону хана и началъ
 говорить Московскимъ воеводамъ: «великій князь мой прислалъ
 къ вамъ приказъ, чтобъ я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ
 нимъ миръ и распустилъ полки.» Когда Московскіе воеводы
 узнали отъ этого объявленія, Протасьевъ послалъ ночью къ
 хану, чтобъ тотъ утромъ нападалъ на Московскую рать. Утро,
 какъ нарочно, было туманное, и Русскіе сторожа не видали
 Татаръ, вышли изъ города и напали на Московскіе полки;

Протасевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: «Бѣги! бѣги!» и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды, Улу-Махметъ пошелъ степью мимо Русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ острѣлой отъ Русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, и въ Іюль 1439 явился нечаянно подѣ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича; ханъ стоялъ 10 дней подѣ городомъ, взять его не могъ, но надѣлалъ много зла Русской землѣ, на возвратномъ пути сжегъ Коломенскъ и погубилъ множество людей. Въ 1444 году султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ Татаръ, повоевалъ волости и села Рязанскія, и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали Рязанцы. Когда плѣнники были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожаромъ, а зима была дѣлая, съ большими снѣгами и сильными вьюгами; отъ безконницы лошади у Татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ — князя Василя Оболенскаго и Андрея Голубяева, съ дворомъ своимъ, да Мордву на лыжахъ; Московскіе воеводы нашли Мустафу подѣ Передславлемъ на рѣчкѣ Листаѣ, потому что Рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные Татары, полузамершіе, безконные, не могшіе владѣть никакими по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать паденіе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ Московскихъ, отъ Мордвы и отъ казаковъ Рязанскихъ, которые упоминаются тутъ въ первый разъ. Не смотря на безпомощное состояніе своихъ Татары рѣзались крѣпко, но выраженію лѣтописца, живыя руки не давались, и были сломлены только превосходнымъ числомъ непріятелей, при чемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе Татары въ томъ же году оплатили за Мустафу нападѣ

и на Рязанскую Украйну, и на землю Мордовскую; а въ 1444 году ханъ Улу-Махметъ засѣлъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій князь вышлъ противъ него со всѣми своими силами, съ князьями — Шемякою, обоими Андреевичами и Василиемъ Ярославичемъ; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ Нижній-Новгородъ, только редовыиъ полкамъ великокняжескимъ удалось побить Татаръ въ Муромѣ, Гороховцѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Но иначе кончилось дѣло при второй встрѣчѣ Василя съ татарами Улу-Махметовыми. Весною того же года пришла въ Муромъ вѣсть, что двое сыновей Улу-Махметовыхъ опять появились въ Русскихъ границахъ, и великій князь, заговѣвшись съ Петровъ постъ, вышелъ противъ нихъ. Въ Юрьевѣ приехали къ нему Нижегородскіе воеводы — князь Ѳеодоръ Долгоруковъ и Юшка Дралица съ вѣстію, «что они выбѣжали ночью изъ города, зажегши его, потому что не могли долѣе перенести голода: что было хлѣбнаго запаса, все переѣли.» Тогда великій князь, проведши Петровъ день въ Юрьевѣ, пошелъ къ Мурому, и сталъ на рѣкѣ Каменкѣ, куда пришли къ нему вродные братья Андреевичи и Василій Ярославичъ. 6 Юля Муромское войско переполюшилось, надѣли доспѣхи, подняли знамена и выступили въ поле, но неприятель не показывался, великій князь, возвратившись въ станъ, сѣлъ ужинать съ князьями и боярами; долго пили ночью, встали на другой день рано послѣ солнечнаго восхода, и Василій, отслушавъ заутреню, всталъ — было опять лечь спать, какъ пришла вѣсть, что Татары переправляются чрезъ рѣку Нерль. Великій князь тотчасъ же послалъ съ этою вѣстію по всѣмъ станамъ, самъ надѣлъ доспѣхи, поднялъ знамена и выступилъ въ поле, — но войско у него мало, всего тысячи съ полторы, потому что полки дружныхъ князей не успѣли собраться, не успѣли придти и союзные стары, не пришелъ и Шемяка, не смотря на то, что къ нему много разъ посылали⁷⁵. Подлѣ Евѣиміева монастыря, по лѣвую сторону, сошлись Русскіе полки съ Татарами, и въ первой биткѣ рать великокняжеская уже обратила въ бѣгство Та-

тарь; но когда стала гнаться за ними въ безпорядкѣ, то во-
 пріятель оборотился и нанесъ Русскимъ совершенное пораже-
 ніе. Великій князь отбивался храбро, получилъ множество ранъ
 и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ бра-
 томъ, Михаиломъ Андреевичемъ; князь Иванъ Андреевичъ
 Можайскій былъ также раненъ и сбитъ съ коня, но успѣлъ
 пересѣсть на другаго и спасся бѣгствомъ. Побѣдители разош-
 лись по окрестностямъ для грабежа, а сыновья ханскіе, оста-
 новившись въ Евоніевѣ монастырѣ, сняли съ великаго князя
 крестъ-тѣльникъ, и отослали въ Москву къ матери и женѣ
 плѣнника.

Когда узнали въ Москвѣ объ участи великаго князя, то
 поднялся плачъ великій и рыданіе многое, говоритъ лѣтописецъ.
 Но за эту бѣдою для Москвичей по слѣдамъ шла другая.
 Ночью 14 Іюля загорѣлся ихъ городъ и выгорѣлъ весь; не
 осталось ни одного дерева, а каменные церкви распались и
 стѣны каменные попадали во многихъ мѣстахъ; людей много
 погорѣло, по нѣкоторымъ извѣстіямъ 700 человекъ⁷⁶, по дру-
 гимъ гораздо больше, духовныхъ и мірянъ, потому что съ
 одной стороны огонь, а съ другой боялись Татаръ; казны и
 всякаго товара сгорѣло множество, ибо изъ разныхъ городовъ
 собрались тогда жители въ Москву и сѣли въ осаду. Великія
 княгини — Софья и Марья съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Ро-
 стовъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ великая княгиня Софья
 отправилась—было сначала въ Тверь, но отъ рѣки Дубны была
 возвращена назадъ Шемякою. Между тѣмъ въ Москвѣ послѣ
 отъѣзда княгинь поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣ-
 жать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде
 всего начала строить городовые ворота, хотѣвшихъ бѣжать
 хватили, били, ковали, и тѣмъ прекратили волненіе: всѣ вмѣстѣ
 начали укрѣплять городъ и готовить лѣсъ для постройки домовъ.

Между тѣмъ побѣдители—Татары подошли—было къ Влади-
 миру, но не рѣшились на приступъ, и удалились сперва къ
 Мурому, потомъ къ Нижнему, откуда Улу-Махметъ со всею
 Ордою и плѣннымъ великимъ княземъ отступилъ къ Курмышу.

правивши посла своего Бегича къ Шемякъ, который могъ думать, что благопріятная судьба внезапною раз-
 жною даетъ ему неожиданное торжество. Онъ принялъ
 ма съ большею честію и отпустилъ его, по выраже-
 ѣ лѣтописца, «со всѣмъ лихомъ на великаго князя,» и вмѣ-
 съ Бегичемъ отправилъ къ хану своего посла, дьяка Ду-
 сьскаго хлопотать о томъ, чтобъ Василию не выйти на вели-
 в княженіе. Но ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно ско-
 е, какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды;
 мая, что посоль его, долго не возвращавшійся отъ Шемяки,
 итъ послѣднимъ, Махметъ вступилъ въ переговоры съ сво-
 ѣ плѣнникомъ, и согласился отпустить его въ Москву. Ка-
 гельно условій освобожденія свидѣтельства разногласятъ; въ
 льшей части лѣтописей сказано: «Царь Угу-Махметъ и сынъ
 ѣ утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать
 у съ себя окупъ, сколько можетъ;» но въ нѣкоторыхъ озна-
 на огромная сумма 200,000 рублей, намекается также и на
 угія какія-то условія: «а иное Богъ вѣсть, и они между
 бою»⁷⁷; во всякомъ случаѣ трудно согласиться, чтобъ окупъ
 ѣ умиренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ ве-
 кимъ княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья Татарскіе со
 югими людьми. И прежде Василій принималъ Татарскихъ кня-
 ѣ въ службу и давалъ имъ кормленіе — средство превосход-
 е противопоставлять варварамъ варваровъ же, средство, кото-
 ѣ Россія должна была употреблять въ слѣдствіе самаго своего
 графическаго положенія; но современники думали не такъ:
 ѣ видѣли, какъ они роптали, когда при отцѣ Василія дава-
 съ Литовскимъ князьямъ богатыя кормленія; еще болѣе воз-
 дили ихъ негодование подобныя поступки съ Татарами, по-
 му что въ нихъ не могла еще тогда погаснуть сильная не-
 висть къ этому народу, и когда къ тому еще были наложены
 жкія подати, чтобъ достать деньги для окупа, то неудоволь-
 віе обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы: имъ спѣшилъ
 пользоваться Шемяка. Теперь, больше чѣмъ когда-либо,
 ѣвичь долженъ былъ опасаться Василія, потому что посоль

его къ хану былъ перехваченъ, и великій князь зналъ о его замыслахъ; но, занятый дѣлами Татарскими, онъ не могъ еще думать о преслѣдованіи Димитрія. Послѣдній спѣшилъ предупредить его и началъ сноситься съ княземъ Борисомъ Тверскимъ и княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, у котораго хотя прежде и было неудовольствіе съ великимъ княземъ, однако потомъ заключенъ былъ миръ: Василій далъ ему Козельскъ съ волостями, и Можайскій князь вмѣстѣ съ братомъ, какъ мы видѣли, находились въ Суздальской битвѣ. Шемяка сообщилъ князьямъ слухъ, который носился тогда объ условіяхъ Василя съ ханомъ Махметомъ: шла молва будто великій князь обѣщалъ отдать хану все Московское княжество, а самъ удовольствоваться Тверью. Князья Тверскій и Можайскій повѣрили или сочли полезнымъ для себя повѣрить и согласились дѣйствовать за одно съ Шемякою и Московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и дачернецы⁷⁹, а главнымъ двигателемъ былъ Иванъ Старковъ; изъ бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками дѣтописецъ называетъ Константиновичей, изъ которыхъ послѣ на видномъ мѣстѣ является Никита Константиновичъ.

Въ 1446 году Московскіе недовольные дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій побѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; Шемяка и Можайскій, ночью 12 Февраля, овладѣли и расплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватили и пограбили, пограбили также многихъ гражданъ, и въ ту же ночь Можайскій отправился къ Троицѣ съ большою толпою своихъ и Шемякиныхъ людей. Великій князь слушалъ объѣдню, въ числа, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ церковь Рязанецъ Бунко и объявляетъ ему, что Шемяка и Можайскій идутъ на него ратью. Василій не повѣрилъ ему, потому что Бунко незадолго передъ тѣмъ отѣхалъ отъ него къ Шемякѣ: «Эти люди только смущаютъ насъ, сказалъ великій князь: можетъ ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?» — и велѣлъ выбить Бунка изъ монастыря, поворотить

назадъ. Не повѣривши Бунку, великій князь послалъ однако всякій случай сторожей къ Радонежу⁸⁰ (на гору), но ратные люди Можайскаго увидали ихъ прежде и сказали своему князю, который велѣлъ собрать много саней, инья съ рогожами, сугія съ полостями, и положить въ нихъ по два человекъ въ сани, а третьему велѣлъ идти сзади, какъ будто за возомъ. Въѣхавши на гору, ратники выскочили изъ возовъ и схватили сторожей, которымъ нельзя было убѣжать, потому что тогда снѣгъ лежалъ на девять пядей. Забравши сторожей, князь Можайскаго пошло тотчасъ же къ монастырю. Великій князь увидалъ неприятелей, какъ они скакали съ Радонежской горы къ селу Клементьевскому, и бросился—было на конюшенный дворъ, но здѣсь не было ни одной готовой лошади, потому что самъ онъ прежде не распорядился, понадѣявшись на случайное цѣлованіе, а люди всѣ оторопѣли отъ страха. Тогда князь Василій побѣжалъ въ монастырь, къ Троицкой церкви, куда конюшарь впустилъ его и заперъ за нимъ двери. Тотчасъ послѣ этого вскакали на монастырь и враги; прежде всѣхъ въѣхалъ князь Шемакинъ Никита Константиновичъ, который разлеза на конѣ даже на лѣстницу церковную, но какъ сталъ спускаться съ лошади, споткнулся объ камень, лежащій на дворе, и упалъ: когда его подняли, то онъ едва очнулся, и казался точно пьяный, и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Потомъ въѣхалъ на монастырь и самъ князь Иванъ, и сталъ спрашивать, гдѣ князь великій? Василій, услыжавъ его голосъ, закрылся ему изъ церкви: «Братья! помилуйте меня! позвольте мнѣ остаться здѣсь, смотрѣть на образъ Божій, Пречистой Богородицы, всѣхъ святыхъ; я не выйду изъ этого монастыря, пока не отстригусь здѣсь,» — и, взявши икону съ гроба Св. Сергія, пошелъ къ южнымъ дверямъ, самъ отперъ ихъ, и, встрѣтивъ князя Ивана съ иконою въ рукахъ, сказалъ ему: «Братъ! цѣловали мы животворящій крестъ и эту икону, въ этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева — что не мыслить намъ другъ на друга лиха, а теперъ не знаю, что надо мною дѣлается?» Иванъ отвѣчалъ: «Государь! если мы захотимъ сдѣ-

латъ тебѣ какое зло, то пусть это зло будетъ надъ нами, что теперь дѣлаемъ, такъ это мы дѣлаемъ для христіанства для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ это, облегчатъ окупъ.»

Василій, поставивъ икону на мѣсто, упалъ предъ чудотворцевымъ гробомъ, и сталъ молиться съ такими слезами, воплемъ и рыданіемъ, что прослезилъ самихъ враговъ своихъ. Князь Иванъ, помолвившись немного въ церкви, вышелъ вонъ, сказавши Никитѣ: «возьми его.» Великій князь, помолвившись, всталъ и, оглянувшись кругомъ, спросилъ: «гдѣ же братъ Иванъ?» вмѣсто отвѣта подошелъ къ нему Никита Константиновичъ, схватилъ его за плеча, и сказалъ: «Взять ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ.» Василій сказалъ это: «Да будетъ воля Божія!» Тогда Никита вывелъ его изъ церкви и изъ монастыря, послѣ чего посадили его на голубыя сани, съ чернецомъ напротивъ, и повезли въ Москву боярѣ великокняжескихъ также перехватили, но о сыновьяхъ Иванѣ и Юріи, бывшихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ монастырѣ даже и не спросили. Эти малолѣтныя князья днемъ спрятались вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ слугъ, а ночью убѣжали въ Юрьевъ, къ князю Ивану Рязанскому, въ село его Боярово; Рязанскій, взявши ихъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ братьями, Семеновъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими въ Муромъ и тамъ заперся.

Между тѣмъ великаго князя привезли въ Москву на ночь 14 Февраля, и посадили на дворѣ Шемякинѣ; 16 числа на ночь ослѣпили и сослали въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, а мать великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приведены причины, побудившія Шемяку ослѣпить Василія: «За чѣмъ привелъ Татаръ на Русскую землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе Татаръ и рѣчь ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ, наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?» — Услыхавши объ ослѣпленіи великаго князя, братъ жены его,

князь Василій Ярославичъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Оболенскимъ, убѣжали въ Литву. Мы видѣли Литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и великіе князья Литовскіе принимаютъ Московскихъ выходцевъ точно также, какъ Московскіе принимали Литовско-Русскихъ, — съ честію, даютъ имъ богатая кормленія: такъ Василю Ярославичу дали Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мстиславль и многія другія мѣста. Изъ бояръ и слугъ Василюевыхъ одни присягнули Шемякѣ, другіе убѣжали въ Тверь; всѣхъ отважнѣе попустилъ Ѳеодоръ Басенокъ, объявивши, что не хочетъ служить Шемякѣ, который за это велѣлъ заковать его въ желѣза; но Басенокъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ, и ушелъ въ Литву къ князю Василю Ярославичу, который отдалъ ему и князю Семену Оболенскому Брянскъ⁸¹.

Шемяка видѣлъ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока сыновья Василя находятся на свободѣ въ Муромѣ съ многочисленною дружиною, но не смѣлъ послать противъ нихъ войска, боясь всеобщаго негодованія противъ себя, и придумалъ слѣдующее средство: призвалъ къ себѣ въ Москву Рязанскаго епископа Іону, исталъ говорить ему: «Батюшка! побѣжай въ свою епископію, въ Муромъ, и возьми на свою епитрахиль дѣтей великаго князя Василя, а я съ радостію ихъ пожалую, отца ихъ выпущу и вотчину дамъ достаточную, чѣмъ будетъ имъ можно жить». Владыка отправился въ Муромъ, и передалъ Рязоловскимъ слова Шемяки. Тѣ начали думать: «Если мы теперь святителя не послушаемъ, не дойдемъ къ князю Димитрію съ дѣтьми великокняжескими, то онъ придетъ съ войскомъ и городъ возьметъ; тогда и дѣти, и отецъ ихъ, и мы всѣ будемъ въ его волѣ». Рѣшившись исполнить требованіе Шемяки, они сказали Іонѣ: «мы не отпустимъ съ тобою дѣтей великокняжескихъ такъ просто, но пойдѣмъ въ соборную церковь, и тамъ возьмемъ ихъ на свою епитрахиль». Іона согласился, пошелъ въ церковь, отслужилъ моле-

бень Богородицъ, взявъ дѣтей съ племени отъ Пречистой и свою епитрахиль, и поѣхалъ съ ними къ Шемякѣ въ Переславль, куда прибылъ 6 Мая. Шемяка принялъ малютокъ и скво, позвалъ на обѣдъ, одарилъ, но на третій день отослалъ къ отцу, въ Угличъ, въ заточеніе. Тогда Ряполовскіе, увидавъ, что Шемяка не сдержалъ своего слова, стали думать какъ бы освободить великаго князя изъ заточенія. Въ это думѣ были съ ними вмѣстѣ: князь Иванъ Васильевичъ Стригъ Оболенскій, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, котораго прежде мы видѣли воеводою Нижегородскимъ Семень Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многіе другіе дѣти боярскіе. Они сговорились сойтись къ Угличу въ Петровъ день, въ полдень. Семень Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Ряполовскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланными; они разбили этотъ отрядъ, но зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по Новгородской области въ Литву, гдѣ соединились съ прежними выходцами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ.

Шемяка испугался этихъ движеній въ пользу плѣннаго Василія, послалъ за владыками, и началъ думать съ ними, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ и боярами: выпускать ли плѣннаго Василія изъ заточенія, или нѣтъ? Сильнѣе всѣхъ въ пользу Василія говорилъ епископъ Іона, нареченный митрополитъ; онъ каждый день твердилъ Шемякѣ: «сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и въ срамъ; ты обещалъ и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей его съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь передъ ними смѣломъ. Выпусти его, снялъ грѣхъ съ своей души и съ моей! что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? если боишься, укрѣпи его еще крестомъ честнымъ, да и нашу братью, владыками.» Шемяка рѣшился наконецъ освободить Василія, дать ему отчину, и осенью 1446 года⁸² отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами, игуменами. Пріѣхавши туда, онъ выпустилъ Василія

дѣтей его изъ заключенія, каился и просилъ у него прощенія; Василій также, въ свою очередь, складывалъ всю вину на одного себя, говорилъ: «и не такъ еще мнѣ надобно было страдать за грѣхи мои и клятвопреступленіе передъ вами, старшими братьями моими, и передъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ я и еще изгубить хотѣлъ. Достоинъ былъ и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, и погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться». Когда онъ это говорилъ, слезы текли у него изъ глазъ какъ ручьи; всѣ присутствующіе дивились такому смиренію и умиленію и плакали сами, на него глядя. На радости умирненія Шемяка далъ Василю, женѣ его и дѣтямъ большой взвѣсъ, гдѣ были всѣ епископы, многіе бояре и дѣти боярскіе; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчину, давши впередъ Шемякѣ проклятыя грамоты не искать великаго мзденія. Но приверженцы Василя ждали только его освобожденія и толпами кинулись къ нему. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василю: Трифонъ, игумень Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, снялъ ихъ на себя, когда Василій пріѣхалъ изъ Вологды въ его монастырь подъ предлогомъ — накормить братію и раздать ей милостыню. Съ Бѣлаверы великій князь отправился къ Твери, которой князь, Бодибель Александровичъ обѣщалъ ему помощь, съ условіемъ, чтобъ онъ обручилъ своего старшаго сына и наследника Ивана на дочь дочери Марья; женихъ былъ тогда только семь лѣтъ. Василій согласился⁸³, и съ татарскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ.

Между тѣмъ князь Василій Ярославичъ и другіе Московскіе выходцы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи великаго князя, рѣшились, оставя семейства свои въ Литвѣ, идти къ Угличу и вывести оттуда Василя. Они уже назначили срокъ собираться всѣмъ въ Пацынѣ⁸⁴, какъ пришла вѣсть, что великій князь выпущенъ и дана ему Вологда. Тогда князь Василій Ярославичъ двинулся изъ Мстиславля, князь Семенъ Оболенскій съ Басенкомъ изъ Брянска, сошлись въ Пацынѣ,

и получивши здѣсь вѣсть, что великій князь уже пошелъ из Вологды на Белоозеро, и оттуда къ Твери, двинулись къ нему на помощь. Близъ Ельны встрѣтили они Татарскій отрядъ, и начали было уже съ нимъ стрѣляться, какъ Татары закричали «кто вы?» Они отвѣчали: «Москвичи; идемъ съ княземъ Василиемъ Ярославичемъ искать своего государя, великаго князя Василия Васильевича, сказываютъ, что онъ уже выпущенъ; вы кто?» — Татары отвѣчали: «мы пришли изъ страны Черкасской, съ двумя царевичами, дѣтьми Улу-Махметовыми, Касимомъ и Эгупомъ; слышали царевичи о великомъ князѣ, что онъ пострадалъ отъ братьевъ, и пошли искать его за прежнюю его добро и за хлѣбъ, потому что много его добра до насъ было.» Когда дѣло такимъ образомъ объяснилось, Москвичи и Татары съѣхались, дали другъ другу клятву и пошли вмѣстѣ искать великаго князя. Шемяка, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, выступилъ къ Волоку, на встрѣчу неприятелю, но въ его отсутствіе Москва также внезапно и легко была захвачена приверженцами Василия Васильевича, какъ прежде приверженцами Шемяки. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, управленный великимъ княземъ съ очень небольшимъ отрядомъ войска, пробрался мимо Шемякиной рати, и подъѣхалъ къ Москвѣ въ ночь наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню; Никольскіе ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василия Владиміровича (сына Владиміра Андреевича) этимъ воспользовался Плещеевъ: ворвался въ Кремль: Шемякинъ намѣстникъ, Федоръ Гамалій убѣжалъ отъ заутренней изъ собора; намѣстникъ князя Ивана Можайскаго, Василій Шига выѣхалъ—было изъ Кремля на лошади, но былъ схваченъ истопникомъ великой княгини, Ростовчею, и приведенъ къ воеводамъ, которые сковали его вмѣстѣ съ другими боярами Шемяки и Можайскаго, а съ гражданъ взяли присягу: и имя великаго князя Василия, и начали укрѣплять городъ.

Великій князь, узнавши, что Москва за нимъ, двинулся къ Волоку на Шемяку и Можайскаго, которые, видя, что изъ Твери идетъ великій князь, изъ Литвы Василій Ярославичъ

съ Татарами, Москва взята и люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, побѣжали къ Галичу, оттуда въ Чухлому, гдѣ взяли съ собою мать великаго князя, Софью Витовтовну, и отправились въ Каргополь. Василій, отпустивши жену въ Москву, пошелъ за ними, взявъ Угличъ, который сдался только тогда, когда Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ; въ Угличѣ соединился съ великимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ и всѣ вмѣстѣ пошли къ Ярославлю, гдѣ соединились съ Татарскими царевичами. Изъ Ярославля Василій послалъ сказать Шемякѣ: «братъ князь Дмитрій Юрьевичъ! какая тебѣ честь или хвала держать въ плѣну мою мать и свою тетку; неужели ты этимъ хочешь мнѣ отмстить? я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженіи!» Отпустивши съ этимъ посла къ Шемякѣ, великій князь отправился въ Москву, куда пріѣхалъ 17 Февраля 1448 года; а Шемяка, выслушавши посла Василюва, сталъ думать съ своими боярами: «Братья, говорилъ онъ имъ: что мнѣ томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? самъ я бѣгаю, люди надобны самому, они уже и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь, — лучше отпустить ее». Порѣшивши на этомъ, онъ отпустилъ Софью изъ Каргополя съ бояриномъ своимъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Сабуровымъ, и дѣтьми боярскими. Великій князь, услыхавъ, что мать отпущена, поѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда съ нею же вмѣстѣ въ Переяславль; бояринъ Шемякинъ, Сабуровъ, со всеми своими товарищами, добилъ челомъ великому князю, чтобъ принялъ ихъ къ себѣ въ службу..

Послѣ этого Шемяка съ Можайскими рѣшились просить мира, и обратились къ посредничеству князей, остававшихся вѣрными Василю — Михаила Андреевича Верейскаго и Василя Ярославича Серпуховскаго, заключили съ ними перемиріе, и въ перемирномъ договорѣ обѣщались бить челомъ своему господину, брату старшему, великому князю Василю Васильевичу, чтобъ принялъ ихъ въ любовь и миръ, пожаловалъ ихъ прежними ихъ отчинами, за что обязывались возвратитъ всю казну, захваченную ими у великаго князя, его матери, жены, женниной

бабушки⁸⁵, и бояръ; кромѣ того Шемяка отступался отъ пожалованія великаго князя — Углича, Ржевы и Бѣжецкой волости, а Можайскій отступался отъ Козельска, Алексина и Лисья. Они обѣщались отдать всё взятыя въ казнѣ великокняжеской договорныя грамоты, ярлыки и дефтери. Любопытно высказанное въ этомъ договорѣ недоувѣріе: Шемяка и Можайскій просили, чтобъ великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности. На основаніи этихъ статей заключенъ былъ миръ между Шемякою, Иваномъ Можайскимъ и великимъ княземъ. Но мы видѣли, что и Василій далъ Шемякѣ въ Угличѣ такія же проклятыя грамоты.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, и посмотрѣть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ. Положеніе его здѣсь было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ приобрести расположеніе другихъ князей. Обязанный своимъ успѣхомъ содѣйствию князя Ивана Андреевича Можайскаго, онъ отдалъ ему Суздальское княжество; и правнуки Дмитрія Константиновича были еще живы и, какъ видно, княжили въ Суздаль, неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ Московскимъ князьямъ. Когда Шемяка снова лишился Москвы, то заключилъ съ ними договоръ⁸⁶, призналъ старшаго брата, князя Василія Юрьевича сыномъ, младшаго, князя Федора Юрьевича, племянникомъ; но сынъ Шемяки, князь Иванъ Дмитріевичъ, долженъ былъ считать князя Василія Юрьевича братомъ равнымъ, слѣд. въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе Владимирское! Шемяка обязался не отдавать Суздаля князу Можайскому, какъ отдалъ прежде, не вступаться въ прадѣдину, дѣдину и отчину обоихъ братьевъ, Суздаля, Новгородъ-Нижній, Городецъ и Вятку. Здѣсь, какъ видно, нарочно прибавлено: прадѣдину,

объ показать давность права князей на эти области. Шемяка уступает Суздальскимъ одно изъ самыхъ важныхъ правъ — вѣдаться самимъ съ Ордою; обязывается не заключать никакихъ договоровъ съ великимъ княземъ Василиемъ безъ вѣдома князей Суздальскихъ. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равныя: если самъ Шемяка сведетъ войско, то и князь Суздальскій долженъ съѣсть на дня, если же пошлетъ сына, то и Суздальскій князь посылаетъ только сына или брата. Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ Суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его (въ ихъ неверіа), должны отступить отъ своихъ пріобрѣтеній; наконецъ читаемъ: «что мы, наши бояре и люди пограбили въ твоей отчинѣ, великомъ княженьи, то все оставить, пока дастъ тебѣ Богъ, велитъ достать своей отчины, великаго княженія».

Обязанный уступать требованіямъ князей — союзниковъ, въ ущербъ силѣ Московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ Московскихъ приверженцевъ; граждане къ нему нерасположенные или, по-крайней-мѣрѣ, равнодушные, не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ по любвицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго.

Но послѣ торжества Васи́ліева отношенія Московскаго князя къ другимъ князьямъ, союзнымъ и враждебнымъ, роднымъ и не роднымъ, принимаютъ прежній характеръ. Мы видѣли, на какихъ основаніяхъ заключенъ былъ миръ между Шемякою и Можайскимъ; до насъ дошла договорная грамота послѣдняго съ великимъ княземъ⁸⁷; Можайскій повторяетъ въ ней: «что ты, господинъ князь великій, отъ насъ потерпѣлъ, за то за все ни ты самъ, ни твоя мать, ни жена, ни дѣти не должны мстить ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердца держать». Когда дѣтямъ великокняжескимъ исполнится по 12 лѣтъ, то они должны сами цѣловать крестъ въ соблюденіи этого договора. Договаривающіеся

ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ великаго Святителя Николу, св. Петра Митрополита, свв. Монтія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, а цевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ; а поруками — князя Тверскаго его жену (сестру Можайскаго), князей Михаила Андреевича и Василя Ярославича; кто нарушитъ договоръ, на томъ и будетъ милости Божіей, Богородицы, молитвы означенныхъ святыхъ и родительской, а поруки будутъ съ правымъ на иноватаго.

Союзъ Можайскаго князя пока еще былъ нуженъ Василю и въ Сентябрь 1447 года заключенъ былъ съ нимъ новый договоръ⁸⁸, по которому великій князь пожаловалъ Ивана Андреевича Бѣжецкимъ Верхомъ, половиною Заозерья и Лисиннымъ Можайскій клянется держать великое княженіе честно и грозить безъ обиды, въ случаѣ смерти Василя обязуется признать его сына великимъ княземъ и быть съ нимъ за одно, ходить на войну по приказу великокняжескому безъ ослушанья, но выговариваетъ опять: «а къ тебѣ, великому князю, мнѣ не ѣздить, пока Богъ не дастъ отца нашего митрополита въ землѣ нашей». Князья, оставшіеся вѣрными Василю, были награждены: въ Июнь 1447 года заключенъ былъ договоръ⁸⁹ съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ, по которому тотъ получалъ освобожденіе отъ Татарской дани на два года, кромѣ того большую часть Заозерья во вотчину; Серпуховской князь Василя Ярославичъ получилъ за свои услуги Дмитровъ и еще нѣсколько волостей⁹⁰.

Всѣ эти князья были довольны; не могъ быть доволенъ одинъ Шемяка. Вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы, онъ заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василю: онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя великимъ княземъ и требуя помощи отъ гражданъ, повторяя старое обвиненіе Василю, что по его поблажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ, не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ Можайскимъ: послѣдній не скрывалъ этого союза отъ велика-

о князя, послы его прямо говорили Василю: «Если пожалуешь князя Дмитрія Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князя Івана, пожаловалъ; если же не пожалуешь князя Дмитрія, то то значить, что и меня ты не пожаловалъ»⁹¹. Изъ этого свидѣтельства видно, что Шемяка просилъ у великаго князя вологдей, потерянныхъ по договору 1447 года или другихъ какихъ-либо, и не получалъ просимаго. Отказавшись отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать безпокойное народонаселеніе на Москву; поклявшись не воевать съ Ордою, Шемяка держалъ у себя Казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ онъ съ ханомъ, ютому что послѣдній сковалъ посла великокняжескаго; когда же отъ хана Большой Орды пришли послы въ Москву, и великій князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что ханъ Большой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью. Поклявшись возвратить все захваченное имъ въ Москвѣ черезъ мѣсяцъ, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи шести мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени — что бояре, дѣти боярские и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву, и, вопреки клятвѣ, грабилъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его владѣніяхъ. Мы знаемъ, что младшимъ сыновьямъ великокняжескимъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ тиуна въ своей части: Шемяка, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего Юрія, посылалъ къ тиуну своему Ватазину грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ великаго князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василий отдалъ дѣло на судъ духовенству.

Если Русское духовенство въ лицѣ своего представителя митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы то одинаково могущественно содѣйствовало и утверженію единовластія; ибо въ это время духовенство сознательнѣе другихъ сословій могло смотрѣть на стремленіе великихъ князей Московскихъ, вполнѣ оцѣнить это стремленіе. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому само должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія они не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ митрополитъ Фотій, въ началѣ Василиева княженія, дѣйствовалъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ Кирилловскій игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы данной Шемякѣ; а теперь, когда Шемяка не соблюдъ своей клятвы и великій князь объявилъ объ этомъ духовенству, оно вооружилось противъ Юрьевича, и отправило къ нему грозное посланіе, замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ владыка Ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ прежнее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая сцена дѣ-

вѣя, есть древняя область Ростовская; за нѣю слѣдуетъ владѣнія Суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный метрополитъ Іона, владыка Рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки — Коломенскій и Пермскій. Второе, что остававшии вѣя здѣсь — это единство Русскаго духовенства: Іона, епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное правленіе Московскаго князя, и Московскій князь не медлитъ свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что Рязанскій владыка не принесетъ въ Москву частныхъ Рязанскихъ стремленій.

Въ первыхъ строкахъ посланія духовенство высказываетъ свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно обвиняетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ духовенство Шемякѣ: сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ дано, ни земскою изъ начала пошлюною. Послѣдними словами духовенство объявляетъ себя прямо на сторонѣ нѣго порядка престолонаслѣдія, называя его земскою изначала пошлюною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василя Косаго, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки; укоривъ его тѣмъ, что онъ не подавалъ никогда помощи великому князю въ борьбѣ его съ Татарами, переходитъ къ ослѣпленію Василя: «Когда великій князь пришелъ изъ Гѣна на свое государство, то дьяволъ вооружилъ тебя на него управленіемъ самоначалства: разбойнически, какъ ночной воръ, шалъ ты на него, будучи въ мирѣ, и поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступили древніе братоубійцы Каинъ и Свѣнолокъ окаанный. Но разсуди, какое добро сдѣлалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себѣ, много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишинѣ? постоянно ли жилъ ты въ заботахъ, въ переѣздахъ съ поста на мѣсто, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дур-

ными снами? Ища и желая большего, ты погубилъ и меньшее». Потомъ приводится послѣдняя договорная грамота Шемяки съ великимъ княземъ, и показывается, что Юрьевичъ не соблюлъ ни одного условія. Духовенство отстраняетъ упрекъ, дѣлаемый великому князю за то, что онъ держитъ службу своей Татаръ: «Если Татары живутъ въ землѣ христіанской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, слѣдовательно всѣ слезы христіанскія, проливаемыя отъ Татаръ, на тебѣ же. Но какъ скоро ты съ своимъ старшимъ братомъ, великимъ княземъ, управишься во всемъ чисто, и крестному цѣлованію, то мы ручаемся, что великій князь съ часъ же вышлетъ Татаръ вонъ изъ земли». Какъ видно, Шемяка сильно досадовалъ на духовенство за то, что оно держало сторону Василя, и выражалъ на словахъ свою досаду духовенству пишегъ: «Ты оскверняешь наши святыя епитрахили неподобными своими богомерзкими рѣчами: это дѣлаешь ты не какъ христіанинъ, но хуже и поганыхъ, ибо самъ знаешь, что святыя епитрахили изображаютъ страданіе Господа нашего Іисуса Христа: епитрахили наши твоими рѣчами могутъ никакъ оскверниться, но только ты самъ душу свою губишь.» Въ заключеніе духовенство говоритъ, что оно, своему долгу, било челомъ за Шемяку великому князю, и тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исполненія договора. Если же Шемяка и тутъ не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и предаетъ проклятію.

Шемяка не послушался увѣщаній духовенства, и въ 1447 году великій князь выступилъ въ походъ. Тогда Юрьевичъ, испугавшійся церковнаго проклятія, испугался полковъ Василя, и послалъ просить мира къ великому князю, который остановился въ Костромѣ. Миръ былъ заключенъ, какъ видно на прежнихъ условіяхъ, и Шемяка далъ на себя проклятіе грамоты. Іона, посвященный въ Декабрѣ 1448 года въ митро-

политы, увѣдомляя объ этомъ посвященіи своемъ князей, павъ, бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и все христоименитое господне людство, пишетъ: «Знаете, дѣти, какое зло и заустѣніе земля наша потерпѣла отъ князя Дмитрія Юрьевича, сколько крови христіанской пролилось; потомъ князь Дмитрій оббилъ челою старшему брату своему, великому князю, и честный крестъ цѣловалъ, и не однажды, но все измѣнялъ; наконецъ написалъ на себя грамоту, что если вооружится опять на великаго князя, то не будь на немъ милости Божіей, Пречистыя Богоматери, великаго чудотворца Николы, св. чудотворцевъ Петра и Леонтія, преподобныхъ Сергія и Кирилла, благословенія всѣхъ владыкъ, и всего духовенства, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; по этому, продолжаетъ Іона, пишу къ вамъ, чтобы вы пощадили себя, не только тѣлесно, но особенно духовно, послали бить челою къ своему государю великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положить на сердце. Если же не станете бить челою своему государю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окамененіе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего миренія, да и всего великаго священства Божіа благословенія не будетъ на васъ; въ землѣ вашей никто не будетъ больше называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божіи церкви затворятся отъ нашего миренія⁹².»

Въ концѣ 1448 года увѣдомлялъ митрополитъ о мирѣ великаго князя съ Шемякою, а весною слѣдующаго 1449 года Шемяка уже нарушилъ крестное цѣлованіе, свои проклятыя грамоты, и въ самое Свѣтлое Воскресенье осадилъ Кострому, бился долго подъ городомъ, но взять его не могъ, потому что въ немъ была сильная застава (гарнизонъ) великокняжеская, подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Федора Басенка. Скоро самъ великій князь выступилъ съ полками противъ Шемяки, въ которомъ опять заодно дѣйствовалъ Иванъ Можайскій, а съ великимъ княземъ шли вмѣстѣ также могущественные союзни-

ки — митрополитъ и епископы. На Волгѣ, въ селѣ Рудинѣ близъ Ярославля, встрѣтились непріатели, но битвы не было, потому что Можайскій оставилъ Шемяку и помирился съ Василиемъ, который придалъ ему Бѣжецкій Верхъ. Мы видимъ, что Бѣжецкій Верхъ былъ отданъ Ивану гораздо прежде, въ 1447 году, но это нисколько не можетъ заставить насъ заподозрить правдивеннаго лѣтописнаго извѣстія, потому что до насъ не дошли никакихъ извѣстій о причинахъ, которыя побуждали Шемяку и Можайскаго возставать на великаго князя; очень можетъ быть, что у Можайскаго почему-нибудь было отнято пожалованное въ 1447 года; мы знаемъ, что еще въ Февралѣ 1448 года Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Федора Вортынскаго, вошелъ въ сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія столомъ Московскимъ, за что обязывался писаться всегда Казимиру братомъ младшимъ, уступить Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступать въ Козельскъ, и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ⁹². Подъ 1450 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о походѣ великаго князя на Шемяку къ Галичу: 27 Января великокняжескій воевода, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, напалъ на Шемяку, который стоялъ подъ городомъ со всею своею силою; Шемяка потерпѣлъ страшное пораженіе, и едва могъ спастись бѣгствомъ; Галичъ сдался великому князю, который посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ.

Лишенный удѣла, Шемяка скрылся сначала въ Новгородъ, но потомъ собравшись съ силами, захватилъ Устюгъ; земля онъ не воевалъ, говоритъ лѣтописецъ, но привелъ добрыхъ людей къ присягѣ, кто же изъ нихъ не хотѣлъ измѣнить великому князю Василю, тѣхъ бросалъ въ рѣку Сухону, навязавши камень на шею; изъ Устюга ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами Татарскими, не могъ дѣйствовать противъ Шемяки въ 1451 году, и только въ началѣ 1452 выступилъ противъ него къ Устюгу; Шемяка испугался и убѣжалъ на рѣку Кокшенгу (впад. въ Вагу), где у него были городки; но преслѣдуемый и тамъ великокняжес-

ни полками, убѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 году правился туда изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый; онъ говорилъ боярина Шемякина, Ивана Котова, а тотъ подбодрилъ повара: Юрьевичъ умеръ, поѣвши курицы, напитанъ ядомъ. 23 Юня пригналъ къ великому князю изъ Новгорода подъячій, Василій Беда, съ вѣстію о смерти Шемякиной, былъ пожалованъ за это въ дьяки⁹⁴.

Сынъ Шемяки, Иванъ, ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде и отца его, нашелъ себѣ почетный приѣмъ и кормленіе. Кромѣ Шемяки въ Московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василию надобно было сдѣлаться; онъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ Ивана Можайскаго: въ 1454 году великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича, за его неисправленіе, говоритъ летописецъ. Князь Иванъ не сопротивлялся; онъ выѣхалъ изъ города съ женою, дѣтьми, со всеми своими, и поѣхалъ въ Литву; Можайскъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Такое было неисправленіе Ивана Можайскаго, узнаемъ изъ письма митрополита Іоны къ Смоленскому епископу⁹⁵: «Вы знаете, пишетъ митрополитъ, что и прежде этотъ князь Иванъ Андреевичъ сдѣлалъ съ нашимъ сыномъ, а своимъ братомъ считавшимъ, но не скажу: съ братомъ, съ своимъ господаремъ, своимъ княземъ.» Здѣсь глава Русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, а подданные! — Вина Ивана Можайскаго, по словамъ Іоны, состояла въ томъ, что, во время двукратнаго нашествія Татаръ, митрополитъ посылалъ къ нему съ просьбою о помощи великому князю; но Иванъ не явился. Цѣль письма — чрезъ посредство Смоленскаго владыки внушить Литовскому правительству, чтобъ оно, принявъ бѣглеца, удовольствовалося этимъ, не позволяло ему враждовать противъ Москвы, ибо это необходимо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны сына Васильевича.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ безпокойнѣе могъ

быть Василій Ярославичь Серпуховской, именно потому, что оказалъ большія услуги великому князю, и слѣдовательно иныя большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣднего. Мы видѣли, что въ благодарность за услугу, великій князь уступилъ Серпуховскому князю Дмитровъ; но послѣ, не известно въ какое именно время, Василій Ярославичь долженъ былъ отказаться отъ этого пожалованія⁹⁶, и только когда Иванъ Можайскій былъ изгнанъ изъ своего удѣла, великій князь уступилъ Василью Ярославичу Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ⁹⁷. Но въ 1456 году Серпуховской князь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличъ, откуда послѣ перевезенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; той же участи подверглись и меньшіе его дѣти, а старшій, Иванъ, вмѣстѣ съ матерью, убѣжалъ въ Литву. Лѣтописцы не объявляютъ вины Серпуховскаго князя, оди только Степенная Книга глухо говоритъ: «за нѣкую крамолу». Иванъ Васильевичъ Серпуховской встрѣтился въ Литвѣ съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; общее бѣдствіе соединило ихъ, и они уговорились дѣйствовать за одно; Иванъ Серпуховской говоритъ въ договорной грамотѣ князю Можайскому⁹⁸: «Такъ какъ великій князь Василій Васильевичъ отнял у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованіи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Василія Ярославича, великій князь схватилъ на крестномъ цѣлованіи безвинно, и меня выгналъ изъ моей отчины и дѣдины, то идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать своей отчины и дѣдины, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою за одно. Если великій князь станетъ звать тебя на твою отчину, станеть отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, моего отца не пожалуетъ, не выпуститъ, и отчины ему и старинѣ не отдастъ, или станеть жаловать отца моего какъ мнѣ нелобо: то тебѣ съ великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною за одно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ или умретъ своею смертію, то тебѣ съ великимъ княземъ также не мириться безъ моей воли, а

ить за обиду отца моего. На-оборотъ, если великій князь поочетъ помириться съ отцемъ моимъ, а съ тобою не захотѣть, то мнѣ отъ тебя не отставать. Если великій князь не слушается, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выгнать, и, дастъ Богъ, князя великаго побьемъ или сгонимъ, ты достанешь великое княженіе и отца моего освободишь, тебѣ принять отца моего въ любовь и докончаще, и въ его вину тебѣ не вступаться; а меня тебѣ принять въ братья идшіе; и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздаль; а ни кто станеть тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня не захватывать, но обослать сперва своими боярами и послать по крестному цѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрить.» Это условіе любопытно; оно могло указывать, что князь Василій Ярославичъ Серпуховской схваченъ по наговору, и сынъ его требуетъ отъ своего издателя, чтобъ впередъ не было подобнаго. Въ изгнаніи, лишены почти всякой надежды, князья — Можайскій и Серпуховской, мечтали, одинъ — о великомъ княженіи, другой — о Дмитровѣ и Суздаль. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ слугъ освободить стараго Серпуховскаго князя также не удалась: они были схвачены и казнены въ Москвѣ въ 1462 году. Такимъ образомъ изъ всѣхъ владѣній Московскаго княжества остался только одинъ — Велесскій, ибо князь его, Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, велъ себя такъ, что на него не могло быть никакого наговора. До насъ дошелъ договоръ великаго князя Василя съ Суздальскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, правнукомъ Дмитрія Константиновича, чрезъ втораго сына Семена⁹⁹: князь Иванъ отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращалъ Московскому князю всѣ ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и отдалъ брать отъ Василя, въ видѣ пожалованія, Городецъ да сколько селъ въ Суздальской области; съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ великаго князя или сыновей его, то отъ него отходитъ къ Москвѣ, а онъ, Иванъ, подвергается церковному проклятію. Какая была судьба князей — Василя и

Федора Юрьевичей — неизвестно; известно только то, что великий князь Московский завещал Суздаль старшему сыну своему.

Так кончилась знаменитая усобица между князьями Московскими, потомками Калиты. Сперва началась было она по предложению старого права дяди предъ племянникомъ; но скоро приняла сообразный со временемъ характеръ: сыновья Юрія, равно всѣхъ правъ, враждуютъ съ Василиемъ Васильевичемъ, и биваются великаго княженія, ибо чувствуютъ, что удѣльными князьями они больше оставаться не могутъ. Въ слѣдствіе суровости, краткости, отрывочности лѣтописныхъ извѣстій, у насъ нѣтъ средствъ съ точностію опредѣлить, восколько торжество старшей линіи въ потомствѣ Донскаго зависѣло отъ личности главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ; но изъ современныхъ и позднихъ источниковъ, при всей ихъ неполнотѣ, мы можемъ ясно усмотрѣть, какъ старыя права, старыя счеты родовые являются обветшалыми, являются чѣмъ-то дикимъ, страннымъ: Московскіе бояринѣ сибѣтся въ Ордѣ надъ правами, которыя основываются на старыхъ лѣтописяхъ, старыхъ бумагахъ; духовенство торжественно провозглашаетъ, что новый порядокъ престолонаследія отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату, есть земская изначала пошлина; старый дядя Юрій остается одинокъ въ Москвѣ съ своимъ старымъ правомъ; сынъ его, Шемяка, побиждается беззащитнымъ, слѣпымъ плѣнникомъ своимъ, который успѣваетъ уничтожить всѣ (кромѣ одного) удѣлы въ Московскомъ княжествѣ и удержать примыслы отцовскіе и дѣдовскіе.

Но въ то время, какъ въ Московскомъ княжествѣ происходила эта знаменитая усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новыхъ началахъ, не допускающихъ родовыхъ счетовъ и родовыхъ усобицъ между князьями, — в это время что же дѣлали великіе князья, давніе соперники Московскихъ, — князь Рязанскій и Тверской? отъ чего они не воспользовались усобицею, и не постарались усилиться на счетъ Москвы? — Какъ видно, они были такъ слабы, что не

приходило и на мысль подобное предпріятіе. Этимъ князь-давно уже оставалось на выборъ — подчиниться москов- или литовскимъ великимъ князьямъ, смотря потому, ко-ме изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго вѣства было пріостановлено усобицею между потомками Ка-лѣ, Рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ почелъ нужнымъ икнуть къ Литвѣ, и заключилъ съ Витовтомъ слѣдующій до-рѣ: «Я, князь великій Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій, до-рѣ челою Господину Господарю моему, великому князю витовту, отдался ему на службу: служить мнѣ ему вѣрно, и хитрости, и быть съ нимъ всегда за одно, а великому князю Витовту оборонять меня отъ всякаго. Если будетъ отъ притѣсненіе внуку его, великому князю Василию Васильевичу, или велитъ мнѣ великій князь Витовтъ, то по, его приказанію, я буду пособлять великому князю Василию на всякаго; и буду и съ нимъ по старинѣ. Но если начнется ссора между великимъ княземъ Витовтомъ и внукомъ его, великимъ княземъ, родственниками послѣдняго, то мнѣ помогать на нихъ великому князю Витовту безъ всякой хитрости. А великому князю Витовту не вступаться въ мою отчину, ни въ землю, ни въ судъ, и исправу давать ему мнѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто, и переводу: судьи его съѣзжаются съ моими судьями и судятъ, цѣловавъ крестъ, безо всякія хитрости; а если въ чемъ погласятся, то рѣшаетъ дѣла великій князь Витовтъ.» Вре-мя этого подданства и договора можно положить 1427 годъ: 15 Августа этого года Витовтъ писалъ къ великому ма-ру Ордена, что во время поѣздки его по Русскимъ обла-стямъ, явились къ нему князья Рязанскіе — Переяславскій и Псковскій, также князья — Новосильскій, Одоевскій и Воротын-скій, и всѣ поддались ему; что потомъ пріѣхала къ нему дочь, княгиня Московская, которая съ сыномъ и Великимъ княземъ своимъ, съ землями и людьми, отдалась въ его службу и обереганіе¹⁰⁰. Такимъ образомъ, чего съ одной сто-роны не успѣвали сдѣлать князья Московскіе, то съ другой достигали Литовскіе, отнимая независимость и у князей во-

сточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. одно время съ Рязанскимъ княземъ и великій князь Провъ заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ — «слу ему вѣрно, безо всякія хитрости ¹⁰¹.» Но когда Витовтъ уже и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Сильевичъ взялъ явный верхъ, тогда тотъ же Рязанскій князь Иванъ Ѳеодоровичъ примкнулъ къ Москвѣ, и умирая, въ 1417 году, отдалъ осмилѣтнаго сына своего на руки великому князю Василію: послѣдній перевезъ малютку Василія вмѣстѣ съ строю къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города к жества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Твери, въ 1426 году, умеръ великій князь Иванъ Михайловичъ, во время сильнаго мороваго повѣтрія; Ивану слѣдовалъ сынъ его Александръ, но и этотъ умеръ въ т же году; старшій сынъ и наслѣдникъ его, Юрій, княжилъ только четыре недѣли и умеръ; мѣсто Юрія занялъ братъ его Борисъ Александровичъ, тогда какъ оставался еще въ живыхъ дядя родной дѣдъ его, князь Василій Михайловичъ Кашинскій. Юрій, какъ видно, не хотѣлъ уступать своего старшинства Борису въ борьбѣ, и Борисъ спѣшилъ предупредить его: по 6 тѣмъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Борисъ Александровичъ схватилъ дѣда своего Василія Михайловича Кашинскаго. Если старый порядокъ вещей явнѣ вездѣ рушился, то новый установился еще окончательно: Борисъ занялъ главный старшинство старыхъ правъ двоюроднаго дѣда и мимо новыя пріемлемыя племянника отъ старшаго брата, ибо у князя Юрія Александровича остался сынъ Иванъ, который не наслѣдовалъ отцу въ Твери и долженъ былъ удовольствоваться удѣломъ Зубцовскимъ. Во время малолѣтства Васиіева и смуть Московскихъ, и Борисъ Тверской, подобно Рязанскому князю, примкнулъ къ Москвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ: въ 1427 году заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому обязался бороться съ Литовскими князьями за одно, при его сторонѣ, и помогать на всякаго безъ исключенія; Витовтъ, съ своей стороны, обязался оборонять Бориса отъ всякаго, дуною и

ощию. Въ этомъ договорѣ всего любопытнѣе то, что Тверской великій князь не позволяетъ Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ Тверскимъ князьямъ, — знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными. Борисъ говоритъ въ договорѣ: «Дядьямъ моимъ, братьямъ племени моему — князьямъ быть у меня въ послушаніи: я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого изню, и моему господину дѣду, великому князю Витовту не ступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу моему господину дѣду вмѣстѣ съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ битву, тотъ отчины лишится: въ отчинѣ его воленъ я, князь великій Борисъ Александровичъ.» Въ слѣдствіе этого договора Тверскіе князья находились въ войскѣ Витовта, когда послѣдній, въ 1428 году, воевалъ Новгородскую землю¹⁰². Но по смерти Витовта начинается безпрестанное колебаніе Тверскаго князя между князьями Литовскимъ и Московскимъ; при чемъ Борисъ Александровичъ сохраняетъ передъ ними равенство положенія, пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами, т. е. тѣмъ, что оба сильнѣйшіе князья были заняты внутренними смутами и не имели возможности дѣйствовать наступательно на Тверь. Такъ вышелъ до насъ договоръ Тверскаго князя съ великимъ княземъ Василюмъ Васильевичемъ и двоюродными братьями его — Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ¹⁰³. Борисъ Александровичъ выговариваетъ, чтобъ Московскій князь не принималъ Тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ. Оба князя клянутся быть за одно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Сигизмунду Литовскому, объявивъ ему, что Тверь въ союзѣ съ Москвою, и безъ князя Московскаго не заключать договоровъ ни съ какою княземъ Литовскимъ. Мы видѣли, что Тверской князь, соединившійся въ близкомъ свойствѣ съ княземъ Можайскимъ, соединился съ послѣднимъ и Шемякою противъ Василя, но

тотчасъ же и принялъ сторону его, увидавши, что все Московское княжество противъ Шемяки; мы видѣли также, что Борисъ, въ награду за помощь, выговорилъ у Василя согласіе на бракъ его старшаго сына и наследника, Ивана, на своей дочери Маріи. Между тѣмъ у Тверскаго князя была война съ Литовскимъ, и войска послѣдняго взяли Ржеву. Это, какъ видно, заставило Бориса заключить миръ съ Казимиромъ Литовскимъ, который возвратилъ Ржеву, но за это Борисъ обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ Литовскимъ княземъ помогать ему на всѣхъ, ни кого не исключая ¹⁰⁴. И Московскій великій князь, заключая въ томъ же году договоръ съ Казимиромъ, объявляетъ Тверскаго князя на сторонѣ Литовской, о своихъ и отношеніяхъ къ нему говорить, что онъ съ нимъ въ любви докончаніи ¹⁰⁵. Но послѣ 1454 года опять встречаемъ договоръ Тверскаго князя съ Московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть за одно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Ныцевъ ¹⁰⁶. Въ этомъ договорѣ замѣчательно слѣдующее условіе: «Что отступилъ отъ тебя князь Иванъ Можайскій да сынъ Дмитрія Шемяки, князь Иванъ, или который другой братъ твой сгрубить: и мнѣ, великому князю Борису, и моимъ дѣтямъ, братьямъ моимъ младшимъ къ себѣ ихъ не принимать; а бы намъ съ тобою на нихъ за одно и съ твоими дѣтьми. Такъ если кто изъ моихъ братьевъ младшихъ или меньшихъ, или великому князю Борису, сгрубить, или моему сыну, князю Михаилу, и меньшимъ моимъ дѣтямъ: то тебѣ, великому князю Василю и твоимъ дѣтямъ, великому князю Ивану и князю Юрію и меньшимъ твоимъ дѣтямъ къ себѣ ихъ не принимать, а бы вамъ со мною и съ моими дѣтьми на нихъ за одно.» Оба свѣдѣнія обязываются въ заключеніи, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершаго. — И въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому епископу о томъ, чтобъ тотъ уведомилъ своего князя подать помощь великому князю Василю противъ Татаръ. «Благославляю тебя, пишетъ митрополитъ съ

копу: чтобъ ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу говорилъ, и билъ челомъ и докучалътв ердо, по моему святительскому долгу, чтобъ онъ послалъ своихъ воеводъ къ великому князю Василию Васильевичу на безбожныхъ, бо самъ ты знаешь, что если великій князь Василій Васильевичъ получитъ надъ ними верхъ, то это будетъ общее добро боихъ великихъ государей и всего нашего православнаго христіанства ¹⁰⁷.» Такъ духовенство старалось тогда поддержать ознаніе общихъ Русскихъ выгодъ.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Ливою; Новгородъ—Великій хотѣлъ быть самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе, что теперь онъ былъ порадованъ возобновленіемъ усобицъ между самими князьями Московскими. Во время этихъ усобицъ Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, но между тѣмъ давать у себя убѣжище и поубѣжденному; такъ въ 1434 году нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичъ ¹⁰⁸, и въ томъ же году видимъ тамъ и противника его, Василя Юрьевича Косаго. Но послѣдній, формъ почетнаго приѣма, не могъ ничего получить отъ Новгородцевъ, и уѣзжая отъ нихъ, пограбилъ ихъ волости. Угрожаемый Косымъ, Василій Васильевичъ заключилъ въ 1435 году договоръ съ Новгородцами, по которому обѣщавъ отступить отъ всѣхъ Новгородскихъ земель, захваченныхъ его предшественниками, Бѣжецкаго Верха, волостей на Ламскомъ Волокѣ и Вологдѣ, а Новгородцы обѣщали также отступить отъ всего сѣдующаго великому князю, и для этого обязались съ обѣихъ сторонъ выслать своихъ бояръ на разводъ земли. Новгородцы выслали своихъ бояръ въ назначенный срокъ, но Московскіе бояре не явились. Не смотря однако на это, открытой вражды не было; когда въ 1437 году отъ великаго князя изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ князь Юрій Патрикѣвичъ просить Чернаго бору, то Новгородцы Черный боръ дали ¹⁰⁹; съ другой стороны Московскій князь былъ занятъ борьбою съ Косымъ и Татарями. Но въ 1441 году, когда со всѣхъ сторонъ было спокойно, Василій прислалъ въ Новгородъ складную грамоту,

и повоевалъ волостей Новгородскихъ много, вмѣстѣ со Псковитянами, которые опустошили Новгородскія владѣнія на 30 верстѣ въ длину и 50 въ ширину; двое Тверскихъ воеводъ были также въ полкахъ Василювыхъ. Новгородскіе воеводы, съ своей стороны, много воевали за Волокомъ по землѣ великокняжеской; тѣмъ не менѣе Новгородцы послали въ городъ Демонъ къ великому князю владыку, боярѣ и житыхъ людей, которые купили у него миръ на старинныхъ условіяхъ, за 8000 рублей¹¹⁰. Если мы, основываясь на договорѣ великаго князя съ Шемякою 1440 года, предположимъ смѣшеніе годовъ въ летописяхъ, и отнесемъ войну Василя Васильевича съ Шемякою къ 1439 и 1440 году вмѣсто 1442, то будемъ въ состояніи объяснить себѣ причину разрыва великаго князя съ Новгородомъ въ 1441 году: во время войны своей съ Василюмъ Шемяка убѣждалъ въ Новгородскія владѣнія на Бѣжецкомъ Верху и оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: «Примите меня въ своей волѣ.» Тѣ отвѣчали: «Хочешь, князь, пріѣзжай къ намъ а не хочешь, то какъ тебѣ любо.»

1444 годъ былъ тяжекъ для Новгорода: съ одной стороны напали Нѣмцы, съ другой стороны Тверичи, неизвѣстно по какому поводу, опустошили много пограничныхъ волостей Новгородскихъ; тогда великій князь Литовскій Казимиръ прислалъ сказать Новгородцамъ: «Возьмите моихъ намѣстниковъ на Геродище, и я васъ обороню, я для васъ не заключилъ мира съ великимъ княземъ Московскимъ.» Новгородцы не приняли этого предложенія, и не было имъ обороны ни отъ Литвы, ни отъ Москвы, противъ князя Тверскаго, который опять взялъ у нихъ 50 волостей вмѣстѣ съ Торжкомъ. Плѣнъ великаго князя Василя у Татаръ придавъ Тверскому князю еще больше смѣлости онъ прислалъ своихъ людей и воеводъ на Торжокъ, разогналъ ограбилъ остальныхъ его жителей¹¹¹, иныхъ погубилъ, и другихъ взялъ окупъ, свезъ въ Тверь 40 возовъ товару Московскаго, Новгородскаго и Торжокскаго, изъ нихъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ. Притѣсняемые Тверью, Новгородцы, по крайней-мѣрѣ, могли надѣяться спокойствія со стороны Москвы

опять начались усобицы; Шемяка восторжествовалъ надъ
 ялѣмъ, но былъ слабъ, и потому прислалъ поклонщиковъ
 Новгородъ; и заключилъ съ нимъ миръ на всѣхъ старинахъ.
 Шемяка недолго накняжилъ въ Москвѣ; въ новой войнѣ его
 Василиемъ, Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не вступи-
 лись ни за одного, и тѣмъ самымъ уже возбуждали неудо-
 вольствіе побѣдителя; еще болѣе раздражали они его тѣмъ, что,
 по обычаю, приняли къ себѣ Шемяку. Митрополитъ Іона и
 самъ вступился въ дѣло; нѣсколько разъ писалъ онъ къ Нов-
 годскому архіепископу Евѣимію и къ Новгородцамъ, чтобъ
 себя поберегли душевнаго ради спасенія и временнаго ради
 покоенія и тишины. Новгородцы, съ своей стороны, присылали къ
 митрополиту съ просьбою, чтобъ былъ челомъ за нихъ вели-
 кому князю и далъ для ихъ пословъ опасныя грамоты. Опасныя
 грамоты были даны, съ тѣмъ, чтобъ Новгородцы отправили въ
 Москву своихъ пословъ, людей большихъ, по своимъ дѣламъ,
 чтобъ Шемяка прислалъ своего посла, съ чистымъ покая-
 ниемъ, бить челомъ своему господину и старшему брату, ве-
 ликому князю, и жалованья у него просить. Новгородцы при-
 няли своихъ пословъ, людей великихъ, но прислали ни съ чѣмъ;
 Шемяка прислалъ также своего боярина, но съ такими усло-
 вями, на которыя въ Москвѣ никакъ не хотѣли согласиться.
 Митрополитъ жаловался на это Новгородскому владыкѣ, зачѣмъ
 Шемяка посылаетъ свои грамоты съ великою высостію, о
 своемъ преступленіи и о своей винѣ ни одного слова пригод-
 ного не приказываетъ¹¹². Между тѣмъ Новгородцы продолжали
 держать Шемяку, и владыка въ письмахъ къ митрополиту оправ-
 дывалъ ихъ стариннымъ обычаемъ, по которому каждый князь,
 рѣзжавшій къ Св. Софіи, принимался съ честію, указывалъ,
 то и самъ митрополитъ называетъ Шемяку сыномъ. Іона от-
 вѣчалъ на это: «Прочти хорошенько всѣ мои грамоты, какія
 только я къ тебѣ писалъ, и вразумись, могъ ли я называть
 мною того князя, съ которымъ не вѣлю ни тебѣ, ни дѣтямъ
 своимъ Новгородцамъ ни пить, ни вѣсть, потому что онъ самъ
 себя отъ христіанства отлучилъ. Ты самъ видѣлъ грамоту, ко-

торую онъ написалъ на себя, и послѣ сколько зла надѣла, сколько крови христіанской пролилъ! Послѣ того можно ли къ Дмитрія называть сыномъ церкви Божіей и нашего смиреннаго? Я тебѣ писалъ и теперъ пишу, что я и вмѣстѣ со мною всѣ владыки и все священство Русской земли — считаемъ князя Дмитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Божіей церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе князья пріѣзжали въ домъ! Св. Софій, въ Великій-Новгородъ, и Новгородцы честь имъ воздавали по силѣ, а прежніе митрополиты такихъ грамотъ съ тягостями не посылавали; но скажи мнѣ, сынъ, какіе это прежніе князья пріѣзжали къ вамъ, сдѣлавши такое зло надъ своимъ старшимъ братомъ, и, оставя у васъ княгиню свою, дѣтей и весь кошелекъ ходили отъ васъ въ великое княженіе христіанство губить кровь проливать? Какъ прежде не бывало въ нашей землѣ братоубійства и къ вамъ съ такимъ лихомъ ни одинъ князь не пріѣзжалъ, такъ и прежніе митрополиты въ Великій-Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылавали ^{113.}»

Новгородцы все не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждаты мести изъ Москвы, и вотъ управившись съ княземъ Можайскимъ и Татарами, Василій, въ 1456 году, выступилъ въ походъ противъ Новгорода за его неисправление. Въ Волокъ собрались къ нему всѣ князья воеводы со множествомъ войска; изъ Новгорода также явился туда посадникъ съ челобитьемъ, чтобъ великій князь пожаловалъ — на Новгородъ не шель и гнѣвъ свой отложилъ. Но Василій не принялъ челобитья, и продолжалъ походъ, отправивши напередъ на Русу двоихъ воеводъ, князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Ѳедора Басенка, а самъ остановился въ Яжелбицахъ ^{114.} Стрига и Басенокъ вошли въ Русу и захватили здѣсь много богатства, потому что жители, застигнуты врасплохъ, не успѣли убѣжать и спрятать свое имѣніе. Московскіе воеводы отпустили главную рать свою назадъ съ добычею, а сами съ немногими дѣтьми боярскими поотстали отъ нея, какъ вдругъ показалось пятитысячное Новгородское войско Москвичи, которыхъ не было и двухъ сотъ, сначала испуга-

сь, но потомъ начали говорить: «Если не пойдешь противъ хъ биться, то погибнешъ отъ своего государя великаго князя; чше помереть.» Схватиться имъ въ рукопашный бой съ Новгородцами было нельзя: жѣшали плѣтви и снѣжные сугробы; гда воеводы придумали средство: видя на Новгородцахъ крѣп- доспѣхи, они велѣли стрѣлять по лошадямъ, которые на- ли отъ ранъ бѣситься и сбивать всадниковъ. Новгородцы, когда и прежде не любившіе и не умѣвшіе биться верхомъ, какъ не могли сладить съ лошадьми, не умѣли дѣйствовать длинными копьями и валились подъ коней своихъ точно мерт- е. Московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду, много ребили непріятелей, взяли въ плѣнъ посадника Михаила Тучу, другихъ плѣнниковъ было мало; потому что некому было ать ихъ. Когда бѣглецы принесли въ Новгородъ вѣсть о сво- гъ поражениі, то поднялся сильный плачь, потомъ зазвонили вѣчевой колоколъ; сошелся весь городъ на вѣче, и стали ть челомъ владыкѣ Евонію, чтобъ ѣхалъ вмѣстѣ съ посад- жами, тысяцкими и житыми людьми къ великому князю про- ть о мирѣ, Владыка пріѣхалъ въ Яжелбицы, сталъ бить че- шь сперва князьямъ и боярамъ, а потомъ уже самому вели- му князю, который принялъ челобитье, далъ миръ, но взялъ него 10,000 рублей, кромѣ того, что получили князья и яре. Договоръ, заключенный въ Яжелбицахъ, дошелъ до сь¹¹⁵: здѣсь, кромѣ обычныхъ старинныхъ условій, встрѣ- емъ слѣдующія новыя: 1) Вѣчевыиъ грамотамъ не быть; 2) чати быть князей великихъ; 3) Великій-Новгородъ не будетъ инимать къ себѣ князя Можайскаго и его дѣтей, князя Ивана итриевича Шемякина и его дѣтей, его матери и зятьевъ; и слѣ, если какой-нибудь лиходѣй великихъ князьямъ пріѣдетъ . Новгородъ, то Новгороду его не принимать, пріѣдетъ ли гь прямо изъ Московской земли, или побѣжитъ сперва въ итву или къ Нѣщанъ и оттуда пріѣдетъ въ Новгородъ. Что тавалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздаль- ой землѣ, какъ они продолжали называть новую Русь, теперъ инъ великій князь, ибо великіе князья — Тверской и Рязан-

скій, по своему относительному безсилію, готовы стать его на ручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; Татары уже вступаютъ въ дѣла князей, ихъ ярлыки недѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ силами Московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты уабицами; при томъ же Новгородцы поклялись не вѣшивать въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, предчувствовали приближающееся паденіе своего бытія и это произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому князю, отнявшему у вѣча печать и грамоты. Въ 1460 году Василій съ младшими сыновьями—Юріемъ и Андреемъ — поѣхалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться, какъ бы убить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ Іоаннъ представилъ всю его бесполезность: съ Василіемъ не былъ старшаго сына, Іоанна; смерть стараго князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть сына Василіева; нѣкоторые хотѣли убить лучшаго и вѣрнѣйшаго воеводу великокняжескаго, Ѳедора Бясенка, но и этотъ замыселъ не удался ¹¹⁶.

Новгородъ былъ наказанъ за то, что давалъ у себя убежище лиходѣямъ великокняжескимъ; но колонія Новгородская Вятка, оказывала этимъ лиходѣямъ болѣе дѣятельную помощь и потому не могла быть забыта Московскимъ княземъ, когда онъ восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами. Въ 1461 году великій князь отправилъ на Вятчанъ воеводу своего князя Ивана Васильевича Горбатаго Суздальскаго, князя Симеона Ряполовскаго и Григорія Перхушкова; но этотъ походъ не удался, потому что Перхушковъ за подарки благопріимствовалъ Вятчанамъ. Въ слѣдующемъ году были посланы другіе воеводы, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Иванъ Ивановичъ и князь Димитрій Ряполовскій: они взяли два города Орловъ и Котельничъ, и долго держали въ осадѣ главный го

дѣлѣ Хлыновѣ; наконецъ Вятчане добились челомъ на всей волѣ великаго князя, какъ ему было надобно.

Другимъ, не насильственнымъ, путемъ утверждалась власть Московскаго великаго князя во Псковѣ. Не смотря на то, что внутреннія смуты, происходившія въ первую половину княженія Василюва, не позволили Московскому князю постоянно надзирать за Псковомъ, жители послѣдняго долго не прерывали связи съ Москвою, прося утвержденія князьямъ своимъ отъ Великаго князя Московскаго. Такъ въ 1429 году Псковичи пригласили къ Василю Василювичу въ Москву просить себя князя, онъ отпустилъ къ нимъ князя Александра Федоровича Ростовскаго; потомъ съ 1434 года видимъ во Псковѣ княземъ за княземъ Александра, Владиміра Даниловича, пріѣхавшаго изъ Литвы; во время его княженія, въ 1436 году явился изъ Москвы, къ великаго князя, князь Борисъ; Псковичи приняли его, посадили на княжескомъ дворѣ, но отправили стараго своего князя Владиміра въ Москву; великій князь далъ ему опять княженіе, а Борисъ началъ выѣзжать изъ Пскова, потому что послѣдній прогналъ его, по выраженію лѣтописца, т. е. вѣроятно Борисъ, просясь у Василя на Псковской столъ, представилъ тамошнія дѣла не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Мы видимъ, что Псковичи усердно помогли великому князю въ войнѣ его съ Новгородомъ. Въ 1443 году сталъ княжить во Псковѣ князь Александръ Василювичъ Чарторыйскій: посолъ Московскій поручилъ ему княженіе по великаго князя слову, Псковичи посадили Александра на столъ у Св. Троицы, и онъ ѣздилъ крестъ къ великому князю Василю Василювичу и ко всему Пскову на всей Псковской пошлинѣ. Бѣдствіе Великаго князя Василя и борьба его съ Шемякою прервали на время связь Пскова съ Москвою; Псковичи тѣснѣе соединились съ Новгородцами; отпустивши князя своего Александра въ Новгородъ въ 1447 году, они взяли отсюда князя Василя Василювича Шуйскаго-Гребенку, правнука Дмитрія Константиновича Нижегородскаго, чрезъ сына Семѣна. Когда въ 1454 году, сынъ Шемяки, Иванъ, убѣгая изъ Новгорода въ Литву, пріѣхалъ

во Псковъ, то на встрѣчу къ нему вышло все священство съ крестами, посадники и весь Псковъ приняли его съ великою честію, угощали три недѣли, и при отъѣздѣ подарили ему и вѣчь 20 рублей. Когда въ 1456 году, великій князь Василій Васильевичъ началъ войну съ Новгородомъ, то оттуда явился гонецъ въ Псковъ и сталъ говорить на вѣчь: «Братья младшіе, мужи Псковичи! братъ Великій-Новгородъ вамъ кланяется; что бы вы намъ помогли противъ великаго князя и крестное цѣлованіе исправили?» Псковичи говорятъ лѣтописецъ, взирая на Бога и на домъ Св. Троицы, и старыхъ временъ не поминая, что Новгородцы Псковичамъ никогда не помогали ни словомъ, ни дѣломъ, ни на какую землю, послали воеводъ своихъ на помощь Новгороду. Между тѣмъ начались у Новгородъ мирные переговоры съ великимъ княземъ, и Псковичамъ оставалось только отправить вмѣстѣ съ Новгородскими посланцами своихъ — добывать челомъ послѣднему. Но приведеніе Новгорода въ волю Московскаго князя необходимо утверждало власти его и во Псковѣ. Здѣсь снова княжилъ теперь Александръ Чарторыйскій, смѣнившій Василя Шуйскаго, уѣхавшаго въ Новгородъ. Когда, въ 1460 году, великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, то Псковичи отправили къ нему знатныхъ пословъ съ 50 рублями дару и съ челобитьемъ, чтобъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми; «обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи,» — говорили послы, послѣ чего били челомъ великому князю о князѣ своемъ Александрѣ Васильевичѣ, чтобъ быть ему намѣстникомъ великокняжескимъ, и во Псковѣ княземъ. Василю отвѣчалъ: «я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлавали отцы наши и дѣды князья великіе; а что мнѣ говорите о князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, то и этимъ васъ, свою отчину, жалуя: если князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, что ему за насъ не хотѣть, ни мыслить, то пусть будетъ вамъ княземъ»

а отъ меня намѣстникомъ.» Услыхавши этотъ отвѣтъ, князь Александръ не захотѣлъ цѣловать креста и сказалъ Псковичамъ: «не слуга я великому князю, и не будь вашего цѣлованія на мнѣ и моего на васъ; когда стануть Псковичи соколомъ воронъ ювить ¹¹⁷, тогда и меня, Чарторыйскаго, вспомнить.» Онъ попросился на вѣчѣ, сказалъ: «я вамъ не князь,» — и уѣхалъ въ Литву съ дворомъ своимъ, 300 человекъ боевыхъ людей кованой рати, кромѣ кошовыхъ: Псковичи много били ему челомъ, чтобъ остался, но онъ не послушалъ Псковскаго челобитья. Когда великій князь услышалъ, что Александра нѣтъ больше во Псковѣ, то послалъ туда сына своего, князя Юрія. Посадники и бояре Псковскіе встрѣтили его за рубежемъ, съ великою честью, духовенство со крестами встрѣтило его за городомъ, пѣли многолѣтіе и посадили на столѣ отцовскомъ, знаменовавши крестомъ, а посадники и весь Псковъ приняли его честно въ княжій дворъ. Потомъ посадники и весь Псковъ били ему челомъ: «Чтобъ господишь, пожаловалъ, далъ бы намъ отъ великаго князя и отъ себя намѣстника во Псковъ, князя Ивана Васильевича (Оболенскаго—Стригу),» и князь Юрій пожаловалъ свою отчину, по приказу отца своего и старшаго брата, далъ Псковичамъ въ намѣстники князя Оболенскаго; Юрій пробылъ во Псковѣ три недѣли и два дни; Псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верстъ за рубежъ.

Такимъ образомъ въ концѣ княженія Васильева обозначилось ясно, куда должны примкнуть эти спорныя между Москвою и Литвою области — Рязань, Новгородъ, Псковъ: всѣ онѣ находились уже почти въ волѣ великаго князя Московскаго. Но какъ же должны были смотрѣть на это князья Литовскіе? что заставило ихъ выпустить изъ рукъ добычу безъ борьбы, что помѣшало имъ воспользоваться усобицами князей Московскихъ, для окончательнаго усиленія себя на счетъ полагднихъ? Они не имѣли для этого средствъ, ибо если прежде сдерживались они на западѣ борьбою съ Нѣмецкимъ орденомъ, то теперь сдерживались они еще болѣе союзомъ съ Польшею и потому окончательною борьбою съ тѣмъ же Орденомъ. Мы ви-

дѣли, что если Поляки сильно хлопотали о вѣчномъ соединеніи своего государства съ Литвою, то въ Литвѣ хлопотали также о независимости своего княжества отъ Польши. На Ленчицкомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1426 году, опять толковали о средствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о которомъ сталъ снова замышлять Витовтъ. Но Витовтъ, замышляя о независимости Литвы отъ Польши, замышлялъ также и о зависимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ Польскій могъ перейти къ нему, но Ягайло отъ втораго брака имѣлъ уже двоихъ сыновей и королева Софья была беременна третьимъ; Витовтъ придумалъ средство — ославивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ; въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности Ягайлу; пыткой вынудили показанія у нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, перехватили указанныхъ виновниковъ преступленія; но королева успѣла очистить себя присягою, и Ягайло успокоился ¹¹⁸. Тогда Витовтъ сталъ думать о другомъ средствѣ достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ императору Сигизмунду. Сигизмундъ, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Гусситами и Турками, требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ Витовтомъ; вотъ почему императору очень хотѣлось сблизиться съ Витовтомъ: «Вижу, говорилъ онъ, что король Владиславъ челоувѣкъ прѣстовать и во всемъ подчиняется вліянію Витовта, такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ, прежде всего, Литовскаго князя, чтобъ посредствомъ его овладѣть и Ягайломъ ¹¹⁹.» Начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ, наконецъ положили свидѣться въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 году былъ этотъ знаменитый съѣздъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ Польскихъ, Литовскихъ и Русскихъ. Послѣ празднествъ начались совѣщанія, и на одномъ изъ нихъ императоръ сказалъ слѣдующи

слова: «Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ Гусситами и для преобразованія церкви; отпра-влюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственною моею властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому что они исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого, однако, не должно ставить имъ въ порокъ, потому что Греческіе священники довольствуются одною женою, а Латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше.» Эти слова императора скоро были въ устахъ всѣхъ Русскихъ, которые превозносили его похвалами, къ великой досадѣ католиковъ и Поляковъ¹²⁰. Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ — признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ лѣгко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе, но сильное сопротивленіе, какъ слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ Польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча: Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, бывшій вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ, въ полномъ собраніи обратился къ Витовту съ рѣзкими словами, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами. Палатинъ Краковскій, Янъ Тарновскій, и всѣ другіе шумно выразили свое согласіе съ рѣчью Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ, гнѣвныхъ восклицаніяхъ: «Пусть такъ!» сказалъ онъ, выходя изъ собранія: «а я все-таки найду средства сдѣлать по-моему.» Поляки тогда обратились съ упреками къ своему королю: «Развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобъ быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?» (Слѣдовательно

Литва и Русь не были еще въ-конецъ опустошены и разобраны сосѣдними государями!!) Ягайло заливался слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ согласія Сигизмунду и Витовту на отдѣленіе Литвы, что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначаютъ. И точно прелаты и паны Польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако крутыя, рѣшительныя мѣры были не въ характерѣ Витовта; зная Польское корыстолюбіе¹²¹, онъ началъ обдаривать пановъ, чтобъ какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

На слѣдующемъ сеймѣ, у Поляковъ было положено — кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву все тотъ же Збигнѣвъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе: «Знай, говорилъ онъ Витовту: что корона королевская скорѣе уменьшитъ твое величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлыя народы окружить ужасами кровопролитныхъ войнъ?» Но въ Литовскомъ князѣ Збигнѣвъ встрѣтилъ достойнаго противника: «Никогда, отвѣчалъ ему Витовтъ, у меня и въ головѣ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, но я не соглашался. Теперь же самъ король Владиславъ потребовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуюсь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было бы для меня отречься отъ своего слова.» Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между тѣмъ приближенные Витовта не переставали убѣждать своего князя привести какъ можно скорѣе къ концу начатое предпріятіе. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя его за то, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и за то, что хочетъ сдѣлать народъ Литовскій и князя его вассалами Польши;

исалъ и къ императору съ тѣми же жалобами¹²². Поляки были въ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигнѣвъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, папатиномъ Краковскимъ. Послы удивили Витовта предложеніемъ—принять корону Польскую, которую уступаетъ ему Ягайло, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію. Витовтъ отвѣчалъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять Польскую корону, отнявъ ее у брата, и прибавилъ, что самъ не станетъ болѣе добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между тѣмъ Поляки дѣйствовали противъ намѣреній Витовта съ другой стороны: они представили папѣ всю опасность, которую грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому что тогда издревле господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавить только-что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ праведность опасенія, немедленно отправилъ къ императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту запретъ принимать ее. Получивъ папскую грамоту, Витовтъ въ 1430 году написалъ прелатамъ и вельможамъ Польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его передъ папою и другими владѣтелями католическими. Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что Литовскій князь взялъ съ своихъ братьевъ присягу служить ему противъ короля и королевства Польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить Витовта на счетъ папскаго посланія и укорить въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердилъ крѣпости вовсе не съ цѣлю начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достовѣрно извѣстно, что Гусситы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между тѣмъ,

днемъ Витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ—Рождества Богородицы, и приглашены были уже къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и внукъ Витовта, князь Московскій. Поляки знали объ этихъ приготовленияхъ, и потому разставили сторожевые отряды по границамъ, чтобъ не пропускать Сигизмундовыхъ пословъ въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи схвачены были двое пословъ — Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ Витовту съ известіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этихъ послами слѣдовали другіе, знатнѣйшіе и многочисленнѣйшіе, везшіе корону. Чобъ перехватить ихъ, отправилось трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, поклявшись помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самые отдаленные предѣлы. Послы узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду ¹²³.

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно разстроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайлу и самому очень хотѣлось ѣхать въ Литву, не потому, чтобъ онъ питалъ сильную привязанность къ родной странѣ, а потому что въ ней все лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но Польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что Сигизмундовы послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣнчаніи корону, сдѣланную въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ, — потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, а прислаивали къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполнѣ полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата

мъшннѣ торжествонѣ; но самъ со дня на день становился все слабѣе и слабѣе, не переставая однако требовать отъ Ягайла, чтобъ тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да чтожъ ему думать, когда Пóляки приставили къ нему Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего нельзя сдѣлать; что прежде всего нужно къ-нибудь размягчить этотъ камень ¹²⁴. Витовтъ принялся размягчать и просьбами и дарами, какихъ ни кто до сихъ поръ не получалъ еще въ Литвѣ, но Збигнѣвъ остался непреклоненъ. Тогда Витовтъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, давая знать, что употребить все средства, рассыплетъ повсюду то самое золото, раздастъ тѣ самые дары, которые были приготовлены для Збигнѣва, чтобъ лишить его Краковской епископіи. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить всякую надежду склонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и въ другія надежды. Витовтъ умеръ 27 Октября 1430 года: главнымъ причиною смерти полагаютъ тяжкую скорбь о несбывшихся намѣреніяхъ.

Не имѣя сыновей, Витовтъ сосредоточилъ все свои желанія въ удовлетвореніи личнаго честолюбія, для чего такъ усильно бивался вѣнца королевскаго, и не могъ, повидимому, въ позднѣе пятнадцатилѣтіе жизни заботиться о расширеніи своихъ владѣній, которыхъ некому было оставить. Не смотря на то, еще въ 1425 году Витовтъ посылалъ къ великому магистру Ордена требовать помощи противъ Пскова; магистръ отказалъ, и Витовтъ почему-то отложилъ походъ; въ 1426 году, онъ опять посылалъ за тѣмъ же къ магистру; тотъ опять отвѣчалъ, что не можетъ нарушить крестнаго цѣлованія къ Псковичамъ ¹²⁵; на этотъ разъ Витовтъ не сталъ дожидаться союзниковъ, объявилъ войну Псковичамъ, и по прошествіи четырехъ недѣль и четырехъ дней послѣ объявленія, въ Августѣ мѣсяцѣ, начался съ полками Литовскими, Польскими, Русскими и Татарскими подъ Опочкою, жители которой устроили мостъ на канавѣ, подъ мостомъ набили кольевъ, а сами спрятались въ крѣ-

пости, чтобъ непріятелю показалась она пустою. Татарская конница, не видя никого на стѣнахъ, бросилась на мостъ; тогда граждане подрѣзали канаты, и мостъ вѣсть съ Татаръ упалъ на колья, почти всѣ непріатели лишились жизни, а которые попались въ плѣнъ, тѣхъ жестоко и позорно изувѣчили въ городѣ, и въ такомъ видѣ показали осаждающимъ. Витовтъ отошелъ отъ Опочки, и осадилъ другой городъ Вороначь, въ которомъ стоялъ три недѣли, разбивая пороками стѣны. Литовчанамъ стало очень тяжело, и они послали сказать Псковъ: «Господа Псковичи! помогайте намъ, думайте о насъ, намъ теперь очень тяжело!» Псковичи послали въ Литовскій станъ своего посадника бить челомъ Витовту; но тотъ не принялъ Псковскаго челобитья. Другой Псковскій посадникъ съ 400 человекъ хотѣлъ пробраться въ городъ Котельну, застѣвъ тамъ, но былъ перенятъ на дорогѣ 7000 Литовцевъ и Татаръ, и успѣлъ убѣжать въ Котельну, потерявши 30 человекъ; въ двухъ другихъ стычкахъ съ Татарами жители Псковскихъ пригородовъ были счастливыѣе. Между тѣмъ въ одну ночь случилось чудо страшное, говоритъ лѣтописецъ: внезапно нашла туча грозная, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнии сверкала безпрестанно, и всѣ думали, что или отъ дождя и молнии тонуть, или отъ молніи сгорятъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля трясалась, и Витовтъ, ухватясь за шатерный столпъ, кричалъ въ ужасѣ: «Господи помилуй!» — Псковской лѣтописецъ этой грозѣ приписываетъ смиреніе Витовта, который далъ перемиріе Литовчанамъ; но лѣтописецъ Московскій приводитъ другое обстоятельство: къ Витовту пріѣхалъ посолъ изъ Москвы, князь Даниилъ Козьминъ, и сказалъ отъ имени великаго князя Василя: «зачѣмъ это ты такъ дѣлаешь вопреки договору? вѣсто того, что ты обѣщалъ быть тебѣ со мною за одно, ты мою отчину воюешь и разрушаешь!» Витовтъ, послушавшись внука своего, заключилъ миръ съ Псковичами; вѣсто трехъ тысячъ рублей взялъ съ нихъ только одну тысячу и плѣнниковъ ихъ отдалъ на-порѣки, на условіемъ, чтобъ въ извѣстный срокъ они явились къ нему.

Вильну. Псковской летописецъ не говоритъ ничего о послѣ псковскомъ и жалуется, по обычаю, на Новгородцевъ, которые не помогли пскову ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя послъ былъ все это время въ станѣ у Витовта, и подъ дочкою, и подъ Вороначемъ. Когда срокъ ѣхать въ Вильну деньгами и плѣнными сталъ приближаться, Псковичи поехали въ Москву просить великаго князя, чтобъ отправилъ къ нему своихъ бояръ бить челомъ за Псковичей. Московскій послъ поѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ съ Псковскими, повезли деньги, 1000 рублей, и плѣнниковъ; Витовтъ деньги взялъ, но плѣнниковъ оставилъ у себя, и послъ Московскій не помогъ ничего своимъ посольствомъ, говоритъ Псковской летописецъ: Псковичи принуждены были опять послать посадника въ Вильну выкупить плѣнныхъ деньгами.

Въ 1428 году пришелъ чередъ и Новгородцамъ: Витовтъ объявилъ имъ войну за то, что они называли его измѣнникомъ и пльницею; Новгородцы послали просить помощи у Псковичей, но тѣ отвѣчали: «Какъ вы намъ не помогли, такъ и мы вамъ не поможемъ, да еще мы и договоръ заключили съ Витовтомъ, что не помогать вамъ.» Великій князь Московскій также цѣловалъ крестъ Витовту, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову, а Тверской князь отправилъ даже свои полки на помощь Витовту. И вотъ Витовтъ пришелъ сначала къ Вышгороду ¹²⁶, а потомъ къ Порхову съ пушками; была у него одна огромная пушка, по имени Галка, которая надѣлала много вреда и Порхову и Литвѣ, потому что разорвавшись, убила самого мастера, воеводу Полоцкаго и много ратныхъ людей и лошадей. Не смотря на то, Порховъ не могъ долѣе держаться, и заплатилъ за себя Витовту 4000 рублей; потомъ пріѣхалъ изъ Новгорода владыка съ боярами и заплатили еще 5000, да тысячу за плѣнныхъ; собирали это серебро по всѣмъ волостямъ Новгородскимъ и за Полокомъ, брали съ 10 человекъ по рублю. «Вотъ вамъ за то, что называли меня измѣнникомъ и бражникомъ,» сказалъ Витовтъ Новгородцамъ, принимая у нихъ деньги.

Смерть Витовта обрадовала многих и въ Польшѣ, и въ сѣверовосточной Руси; ей радовались и въ югозападной Русѣ, которымъ дорого было свое, и которые видѣли ясно, что Витовтъ, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, руководимъ одними личными корыстными цѣлями¹²⁷. Ихъ надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Олгедовича, который оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Польскіе писатели изображаютъ Свидригайла человѣкомъ, преданнымъ вину и праздности, непостояннымъ, вспыльчивымъ, безразсуднымъ, склоннымъ на всѣ стороны, куда вѣтеръ подуетъ, и находятъ въ немъ одно только доброе качество — щедрость. Но должно замѣтить, что почти всѣхъ Гедиминовичей можно упрекать въ непостоянствѣ, видя, съ какою легкостію измѣняютъ они одной вѣрѣ народности въ пользу другой, лишь бы только эта измѣна велась къ скорѣйшему достиженію извѣстной цѣли. Эта фамильная черта Гедиминовичей равно поражаетъ насъ какъ въ Ягайла Свидригайла и Витовта, такъ и въ послѣднемъ изъ Гедиминовичей, Сигизмундѣ Августѣ, который точно также былъ равнодушенъ, точно также колебался между католицизмомъ, протестантизмомъ, какъ предки его колебались между католицизмомъ и православіемъ. Быть можетъ, причина такому явленію заключалась въ самомъ положеніи Литовскаго народа, который, не успѣвъ выработать для себя крѣпкихъ основъ народнаго характера, пришелъ въ столкновеніе съ различными чуждыми и высшими его народностями: къ одной изъ нихъ изъ нихъ онъ долженъ былъ приравняться, не насильственно, однако, а съ правомъ выбора.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: Русскіе и Литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его великимъ княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ Литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайлова, и тѣмъ обнаружилъ намереніе отложиться отъ Польши. Кипя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ слѣ-

нахъ укорялъ короля и его Польскихъ совѣтниковъ, грозилъ местию. Ягайло находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстіи, что Поляки, услыхавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолю, вытѣснивъ оттуда Литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою, и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолю Литвѣ. Когда совѣтники королевскіе рѣшились умертвить Свидригайла, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія коронаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру, и почелъ за лучшее возвратить брату Подолю. Свидригайло, обрадованный уступчивостію короля, утихъ, и началъ ласкаться къ брату; но вельможи Польскіе были въ отчаяніи, что Подоля отходитъ отъ нихъ, стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ нашли: тайнымъ образомъ дали знать Польскому коменданту Каменца, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ городъ Литвѣ и заключилъ бы въ оковы Ягайловыхъ и Свидригайловыхъ посланныхъ; комендантъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году Ягайло возвратился въ Польшу; на Сендомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды отъ Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоля, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ Литовскаго князя вооруженною силою, зная сильную приверженность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату¹²⁸, и потому рѣшились попытаться сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подоля и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; при второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину. Въ томъ же году (1431) Бржескій опять пріѣхалъ посломъ отъ Ягайла, опять говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину, но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а

заключенъ въ тюрьму. Ягайло выступилъ съ войскомъ на Литву, хотя, какъ выражается Польскій историкъ¹²⁹, горьче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и роднаго брата. Борьба между народностями, изъ которыхъ одна посягала на права другой, ведена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощады плѣнникамъ, при чемъ Русскіе особенно изливали свою месть на Латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска; не смотря на то, по увѣренію Польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться, и война кончилась бы съ выгодой и честію для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшала самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ, съ которыми успѣшилъ заключить перемиріе, при чемъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, и Русскіе торжествовали отступленіе непріятеля тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ Луцкой землѣ.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ; но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ Литовскимъ княземъ открытою силою, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался Русскаго народонаселенія. Это возбуждало неудовольствіе собственно Литовскихъ вельможъ, особенно тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались ихъ неудовольствіемъ, и послали Лаврентія Зоронбу въ Литву, съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его — склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ — уговаривать Литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію къ себѣ въ князья Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя Стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ нельзя лучше выполнить свое порученіе; составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ Стародубскій напалъ нечаянно на Свидригайла

выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т. е. Малороссія), рденскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу.

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король сомъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой раны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился Збигнѣвъ Олесцкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство, и поднилъ себя и свое княжество коронѣ Польской. Такой поупокъ понятенъ: Сигизмундъ собственными средствами не гь держаться противъ Свидригайла: ему нужна была поощъ Польши, авторитетъ ея короля. Но понятно также, что дчиненіе Литвы Польшѣ не могло доставить Сигизмунду расдоженія многихъ Литовцевъ, которые не хотѣли этого подденія; вотъ почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окрунъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться; хотя Польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только ожденное непостоянство Литовцевъ, но мы имѣемъ право дѣть еще что-нибудь другое, тѣмъ болѣе, что тотъ же саяй лѣтописецъ, въ одинъ голосъ съ лѣтописцемъ Русскимъ, прекаетъ Сигизмунда въ страшной жестокости и безнравственсти¹³⁰. Открытъ былъ заговоръ на жизнь Сигизмунда, и глами заговора были двое знаменитѣйшихъ вельможъ: Янутъ, латинъ Троцкій, и Румбольдъ, гетманъ Литовскій. Янутъ Румбольдъ вмѣстѣ съ другими соучастниками, погибли подъ моромъ; но ожесточеніе противъ Сигизмунда не уменьши; онъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайломъ въ открыла . полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находились Литва и югозападная Русь, гда въ 1434 году умеръ король Ягайло. Поляки возвели на местоъ сына его Владислава, не безъ смуть впрочемъ и соотивленія нѣкоторыхъ вельможъ. Но пережѣна, совершиваяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси: тьсь по прежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свиригайломъ, по прежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться гь правъ своихъ на Литву, и по прежнему былъ несчаст-

Исторія Россіи. Т. IV.

ливъ на войнѣ: войска его потерпѣли сильное поражение въ Вилькомироу. Но Сигизмундъ не долго наслаждался своимъ торжествомъ: двое братьевъ, Русскихъ князей — Иванъ Александръ Чарторыйскіе¹³¹, составили новый заговоръ, слѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни.

По убіеніи Сигизмунда, Литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайлова, короля Польскаго; другіе, возвеличенные Сигизмундомъ, желали сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидгайла. Король Владиславъ былъ въ это время въ большомъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія, и въ противномъ случаѣ грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ Польскими вельможами рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ и спѣшилъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя роднаго брата своего, молодого Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя Литовскаго, а въ качествѣ намѣстника Польскаго. Литовскіе вѣкоторые изъ Русскихъ вельможъ, вмѣстѣ съ Александромъ или Огелкомъ Владиміровичемъ, княземъ Кіевскимъ, внукомъ Ольгердовымъ, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника Владиславова, и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ; Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе и тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира великимъ княземъ. Видя это, король Владиславъ и его польскіе совѣтники придумали средство обезсилить Литву, отнявъ у нея князей возможность къ сопротивленію Польскому владѣтельству: это средство было — раздѣленіе Литовскихъ областей между Казимиромъ Ягеллоновичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ, и Болеславомъ Мазовецкимъ; назначенъ былъ и этого уже и съѣздъ въ Парчевѣ, но сопротивленіе Литовскихъ вельможъ помѣшало и этому намѣренію.

Въ 1444 году, Владиславъ, король Польскій и Венгерскій

мъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, и это событіе имѣло важное значеніе въ судьбахъ Литвы и Руси; оно снова за-
 гивало связь ихъ съ Польшею, потому что бездѣтному Вла-
 славу долженъ былъ наследовать братъ его, осмнадцати-
 лѣтній Казимиръ Литовскій. Поляки, по мысли Збигнѣва Оле-
 ницкаго, прислали звать Казимира къ себѣ на престолъ; тотъ,
 въ внушеніямъ Литовцевъ, долго не соглашался: на Пётрков-
 номъ сеймѣ, въ 1446 году, послы Казимировы, Русскіе князя
 Василій Красный и Юрій Семеновичъ, объявили панамъ пря-
 мой отказъ своего князя наследовать брату на престолъ Поль-
 юмъ; второе посольство Поляковъ также не имѣло успѣха;
 наконецъ Казимиръ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ,
 когда узналъ, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ король
 влесава, князя Мазовецкаго, тестя и покровителя сопер-
 ника его, Михаила Сигизмундовича. Затруднительно было поло-
 женіе Казимира между притязаніями Поляковъ на Литовскія
 владѣнія и стремленіями Литовцевъ удержать свою самостоя-
 тельность относительно Польши; иногда дѣло доходило до явнаго
 взрыва, и большихъ усилій стоило Казимиру отвратить кро-
 впролитіе. Но этого мало: Орденъ является опять на сцену,
 чтобъ отвлечь вниманіе государей Польско-Литовскихъ отъ
 востока къ западу. Грюнвальдская битва, нанесшая рѣшитель-
 ны ударъ Ордену, служила знакомъ ко внутреннимъ безпо-
 койствамъ въ его владѣніяхъ: ослабленные рыцари стали нуж-
 даться теперь въ помощи дворянства и городовъ; послѣдніе
 пользовались обстоятельствами, и начали требовать участія
 въ правленіи, начали требовать, чтобъ при великомъ магистрѣ
 входился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ Ордена,
 дворянства и главныхъ городовъ, и чтобъ, на этомъ совѣтѣ
 впаались всѣ важнѣйшія дѣла. Въ слѣдствіе этихъ стремленій,
 между Орденомъ съ одной стороны, дворянствомъ и городами
 съ другой, начались неудовольствія, кончившіяся тѣмъ, что въ
 1454 году послы отъ дворянъ и городовъ Прусскихъ явились
 къ королю Казимиру съ просьбою принять ихъ въ свое под-
 данство. Казимиръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война

съ Орденомъ, война продолжительная, ведшаяся съ перманентнымъ счастьемъ и поглотившая все вниманіе короля и сейма.

Такое затруднительное положеніе великаго князя Литовскаго съ одной стороны, и не менѣе затруднительное положеніе великаго князя Московскаго съ другой — сдерживали обомъ и вѣшали значительнымъ столкновеніямъ Руси югозападной съ сѣверовостокою во все описываемое время. Но если не могла быть между Литвою и Москвою войны значительной, богатѣйшими послѣдствіями, то самыя усобицы однако, происходившія одновременно и здѣсь и тамъ, не могли допустить и постоянного мира между обѣими державами, потому что враждующія стороны на сѣверовостокъ искали себѣ пособія и убійца на югозападѣ и наоборотъ. Свидригайло былъ побратимъ князю Юрію Дмитриевичу, слѣдовательно Василій Московскій долженъ былъ находиться въ союзѣ съ врагомъ Свидригайловичемъ, Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и сыномъ его Михаиломъ, а убійца Сигизмунда, князь Чарторыйскій, жилъ у Шейяки и вѣстѣ съ нимъ приходилъ воевать на Москву. Василій держалъ сторону Михаила и въ борьбѣ его съ Казимиромъ мы видѣли, что въ 1444 году, находясь въ войнѣ съ Михаиломъ и Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиръ предлагалъ Новгородцамъ помощь подъ условіемъ подданства. Новгородцы согласились на это предложеніе, и въ 1445 году великій князь Василій послалъ нечаянно двухъ татарскихъ царевичей на Литовскіе города — Вязьму, Брянскъ и другіе; Татары много воювали, много народу побили и въ плѣнъ повели, пожгли Литовскую землю почти до самаго Смоленска, и возвратились домой съ большимъ богатствомъ. Казимиръ спѣшилъ отомстить и отправилъ подъ Калугу 7000 войска подъ начальствомъ сѣверныхъ пановъ своихъ. Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою, но не могли здѣсь сдѣлать ничего, и отошли къ Суходрову¹³²; тутъ встрѣтили ихъ сто человекъ Можайцевъ, сто Верейцевъ, и шестьдесятъ Боровцевъ, и сразились: Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы также потеряли двѣсти человекъ убитыми и возвратились домой¹³³. Это впрочемъ

дло единственное ратное дѣло съ Литвою въ княженіе Василя; въ 1448 году былъ въ Москвѣ посоль Литовскій¹³⁴, а въ 1449 году заключенъ былъ договоръ между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Василюмъ и его братьями, Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и Василюмъ Ярославичемъ¹³⁵: Василюмъ обязался жить съ Казимиромъ въ любви и быть съ нимъ вездѣ за одно, хотѣть добра ему и его землѣ вездѣ, гдѣ бы ни было; тѣ же обязательства взялъ на себя и Казимиръ. Договаривающіеся клянутся имѣть однихъ враговъ и друзей; Казимиръ обязывается не принимать къ себѣ Дмитрія Шемяки, а Василюмъ Михаила Сигизмундовича. Если пойдутъ Татары на украинскія мѣста, то князьямъ и воеводамъ, литовскимъ и Московскимъ, переславшись другъ съ другомъ, бороняться заодно. Казимиръ и Василюмъ общаются не вступаться во владѣнія другъ друга, и, въ случаѣ смерти одного въ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Обязываются помогать другъ другу войскомъ въ случаѣ нападенія непріятельскаго; но это обязательство можетъ быть не исполнено, если союзникъ будетъ занятъ самъ у себя ома войною. Орду великій князь Московскій знаетъ по старинѣ, ему самому и посламъ его путь чистъ въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія. — Съ перваго взгляда послѣднее условіе кажется страннымъ: для чего было Московскому князю или посламъ его ѣздить въ Орду, чрезъ Литовскія владѣнія? но мы не должны забывать что при усобицахъ княжескихъ побѣдители захватывалъ пути въ Орду чтобъ не пропускать туда соперника, и для послѣдняго въ такомъ случаѣ было очень важно проѣхать безпрепятственно окольными путями. — Далѣе, договаривающіеся обязываются не трогать служилыхъ князей. Василюмъ Московскій называетъ себя въ договорѣ княземъ Новгородскимъ, и требуетъ отъ Казимира, чтобъ тотъ не вступался въ Новгородъ Великій и во Псковъ и во всѣ Новгородскія и Псковскія мѣста, и если Новгородцы или Псковичи предложатъ ему принять ихъ въ подданство, то король не долженъ соглашаться на это. Если Новгородцы или Псковичи

нагрубятъ королю, то послѣдній долженъ увѣдомить объ этомъ великаго князя Московскаго, и потомъ можетъ перемирие даваться съ Новгородцами и Псковичами, и Василій не вступится за нихъ, не будетъ сердиться на Казимира, если только послѣдній не захватитъ ихъ земли и воды. Казимиръ обязывается держать съ Нѣмцами вѣчный миръ, съ Новгородцами особенный миръ, съ Псковичами особенный, и если станутъ они воевать другъ съ другомъ, то король не вмешивается въ ихъ дѣло. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ великому князю Московскому, и тотъ захочетъ ихъ показнить, то Казимиру за нихъ не вступаться. Великій князь Иванъ Ѳеодоровичъ Рязанскій въ любви съ великимъ княземъ Московскимъ, старшимъ своимъ братомъ, и потому король не долженъ обижать его, и если Рязанскій князь нагрубитъ Казимиру, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ Василію; тотъ удержитъ Рязанскаго князя, заставитъ исправиться; если же Рязанскій князь не исправится, то король велитъ его показнить, и Московскій князь не будетъ за него вступаться; если же Рязанскій князь захочетъ служить королю, то Василій не будетъ за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было послѣ этого между Москвою и Литвою, и договоръ не былъ соблюдаетъ: Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1452 году, и одно время съ знаменитымъ Свидригайломъ; съ своей стороны Казимиръ принялъ сына Шемяки, и потомъ Ивана Андреевича Можайскаго и Ивана Васильевича Серпуховскаго: Шемякинъ получилъ во владѣніе Рыльскъ и Новгородъ Съверскій; Можайскій получилъ сперва Брянскъ, потомъ Стародубъ и Гомель¹³⁷. Видимъ новые переговоры между великими князьями — Московскимъ и Литовскимъ, при чѣмъ митрополитъ Іона являетъ посредникомъ¹³⁷. Рязанцы опустошали Литовскія владѣнія, входили за промыслами туда, куда имъ издавна входивъ не бывало; Казимиръ жаловался на это великому князю Рязанскому Ивану Ѳеодоровичу¹³⁸, но получилъ ли удовлетвореніе — неизвѣстно.

Московскіе удѣльные князья бѣжали въ Литву въ слѣдствіе
 смеленій своего старшаго, великаго князя къ единовластію;
 чего они не хотѣли въ Москвѣ, тому самому должны были
 свергнуться въ Литвѣ: они не могли быть здѣсь князьями
 самостоятельными, и, принимая водости отъ внука Олгердова,
 смѣлись быть его подручниками, слугами, данниками ¹³⁹. Въ
 къ же самыхъ отношеніяхъ къ Литовскому великому князю
 и уже давно всѣ князья Рюриковичи югозападной Руси ¹⁴⁰.
 Литва не мѣшала Московскому князю утверждать единовла-
 стіе на сѣверовостокѣ, по смерти Шемякиной; мѣшала тому Та-
 тарамъ: въ 1449 году отрядъ ихъ внезапно явился на берегахъ
 реки Похры, и много зла надѣлалъ христіанамъ, сѣкъ и въ
 донѣхъ вель. Великаго князя обвиняли въ томъ, что онъ любитъ
 татаръ, кормитъ ихъ, принимаетъ въ службу; въ настоящемъ
 случаѣ поведеніе Василія получило полное оправданіе, потому
 что противъ грабителей выступилъ Татарскій же царевичъ Ка-
 симъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ, отнялъ добычу, прогналъ
 изъ степь. И въ слѣдующемъ году Касимъ оказалъ такую же
 услугу Москвѣ, разбивши Татаръ вмѣстѣ съ Коломенскимъ вое-
 воедою Беззубцевымъ, на рѣкѣ Битюгѣ. Но въ 1451 году дѣло
 было значительнѣе: великому князю дали вѣсть, что идетъ на
 него изъ-за Волги царевичъ Мазовша; Василій, не собравшись
 своими силами, вышелъ было къ Коломенѣ, но услыхавъ ¹⁴¹, что Та-
 тары уже подлѣ берега, возвратился въ Москву, а всѣхъ людей
 своихъ отпустилъ къ Окѣ съ воеводою, княземъ Иваномъ Зве-
 нигородскимъ, чтобъ препятствовать, сколько можно долѣе, пе-
 ридравъ Татаръ черезъ рѣку; но Звенигородскій испугался и
 отступилъ также назадъ, только другимъ путемъ, а не прямо за
 Москвою княземъ. Между тѣмъ Василій, пробывъ Петровъ день
 въ Москвѣ, укрѣпилъ (осадилъ) городъ, оставилъ въ немъ свою
 вѣсть княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрія, множество
 бояръ и дѣтей боярскихъ, митрополита Іону, жену съ други-
 ми дѣтьми отпустилъ въ Угличъ, а самъ съ старшимъ сыномъ
 Иваномъ отправился къ Волгѣ. Татары подошли къ Окѣ, ду-
 мая, что на берегу стоитъ Русская рать, и не видя никого,

послали сторожей на другую сторону рѣки, посмотрѣть, не сарлись ли Русскіе гдѣ въ засадѣ. Сторожа обыскали всюду, возвратились къ своимъ съ вѣстію, что нѣтъ нигдѣ никого. Тогда Татары переправились черезъ Оку, и безъ остановки устремились къ Москвѣ, и подошли къ ней 2-го Юля. Въ одну часть зажжены были всѣ посады, время было сухое, и пламя обняло городъ со всѣхъ сторонъ, церкви загорались, а от дыма нельзя было ничего видѣть: не смотря на то, осажденные отбили приступъ у всѣхъ воротъ. Когда посады сгорѣли, то Москвичамъ стало легче отъ огня и дыма, и они начали выходить изъ города и биться съ Татарами; въ сумерки неприятель отступилъ, а граждане стали готовить пушки и всякое оружіе, чтобъ отбивать на другой день приступы; но при солнечномъ восходѣ ни одного Татарина уже не было подъ городомъ: ночью всѣ убѣжали, покинувши тяжелые товары, мѣдъ, желѣзо. Великая княгиня Софья тотчасъ же послала сказать объ этомъ сыну, который въ то самое время перевозился черезъ Волгу при устьѣ Дубны; Василій немедленно возвратился въ Москву и утѣшалъ народъ, говоря ему: «эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ имѣніямъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать.» Черезъ три года Татары попытались было опять тѣмъ же путемъ пробраться къ Москвѣ, но были разбиты полками великокняжескими Коломны. Въ 1459 году новый приходъ Татаръ къ берегамъ Оки: на этотъ разъ отбилъ ихъ старшій сынъ великаго князя Иоаннъ Васильевичъ. На слѣдующій годъ ханъ Большой Орды Ахматъ приходилъ со всею силою подъ Переяславль Рязанскій въ Августъ мѣсяцъ, стоялъ шесть дней подъ городомъ, и принужденъ былъ отступить съ урономъ и стыдомъ. Это было послѣднее нападеніе изъ Большой Орды въ княженіе Василія; Казанью нарушенъ былъ миръ въ 1461 году; великій князь собрался идти на нее войною, но во Владимирѣ явились къ нему послы Казанскіе и заключили миръ.

Новгородцы, или, лучше сказать, Новгородскіе подданные воевали со Шведами и Норвежцами не на берегахъ Невы

ожскаго озера, но въ отдаленномъ Заволочъ, на берегахъ
 аго моря: въ 1445 года Кореляне Заволоцкіе напали на
 рвежскія владѣнія, перебили и поплѣнили жителей, и воз-
 тились по здорову домой. Какъ видно, чтобъ отомстить за
 нападеніе, въ слѣдующемъ году Шведы и Норвежцы при-
 нечаянно въ Двинскую губу на посадъ Неноксу, повое-
 и, пожгли, людей перебили и въ плѣнъ повели; услыхавши
 этомъ, Двиняне собрались скоро, напали на непріятеля,
 ми у него трюихъ воеводъ, взяли въ плѣнъ сорокъ человекъ
 прислали ихъ въ Новгородъ; только немногимъ удалось по-
 таться въ корабли и уйти въ море. Собственныя волости
 вгородскія не терпѣли отъ Шведовъ; въ 1443 году Шведскій
 изъ изъ Выборга пріѣхалъ ратью на миру и крестномъ цѣло-
 ѣи на рѣку Нарову, и схватилъ Псковскаго сына посадни-
 го, Максима Ларіонова, вмѣстѣ съ 27 человекъ, а дру-
 съ перебилъ; только на слѣдующій годъ Псковичи выкупили
 ксима съ товарищи за 120 рублей, а всѣхъ проторей потер-
 ли они 150 рублей. Вреднѣе была для Новгородскихъ воло-
 ѣй война съ Ливонскими Нѣмцами: въ 1444 году Нѣмцы по-
 ли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, а въ Новгородъ
 ислали сказать: «не мы васъ воюемъ, а воюетъ васъ изъ-за
 ря князь Клевскій, мститъ вамъ за своего проводника и тол-
 ча.» Князь Клевскій дѣйствительно ѣздилъ черезъ Россію въ
 цестину, и претерпѣлъ непріятности, потому что его именемъ
 мцы грабили Новгородскую землю¹⁴². Зимю Новгородцы
 шли въ Нѣмецкую землю за Нарову, пожгли и поплѣнили
 е около Ругодива (Нарвы), по берегамъ Наровы до Чудскаго
 ера. За это магистръ Ордена приходилъ со всѣми своими си-
 ми подъ городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять дней,
 жегъ и поплѣнилъ по Вотской землѣ, по Ижорѣ и по Невѣ,
 города взять не могъ и съ урономъ долженъ былъ возвра-
 титься домой. Новгородцы собрались отомстить ему за это, идти
 сть за Нарову, но конскій падежъ помѣшалъ походу. Въ
 1446 году съѣхались было Новгородцы съ Нѣмцами для за-
 юченія мира, но магистръ захотѣлъ Острова, и потому разъ-

* *

ѣхались безъ мира. Между тѣмъ у Псковичей происходили Нѣмцами мелкія столкновенія; 1427 году Нѣмцы убили человека Опочанъ бортниковъ, убили на Русской землѣ; тѣ подошли къ Опочкѣ, посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи; иные въ то же время косили сѣно на Псковской землѣ; Псковичи за это поѣхали на нихъ въ двухъ нѣдѣляхъ, сѣно пожгли, схватили 7 человекъ Чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій годъ впрочемъ заключенъ былъ миръ съ магистромъ, жителями Юрьева и со всею землею Нѣмцевъ по старому крестному цѣлованію, только безъ Новгорода, потому что Новгородцы не помогли ничѣмъ, по словамъ Псковской лѣтописца. Семь лѣтъ продолжался этотъ миръ: но 1436 году Псковичи захватили гостей Нѣмецкихъ съ товарами, всего 10 человекъ, и посадили ихъ въ тюрьму, за то, что Нѣмцы, во время мира, стали захватывать Псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ; но тотчасъ же послѣ этого Псковичи съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ поѣхали подъ Новый Городокъ Нѣмцкій, истребили все жито, и повѣсили 7 Чухновъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 годомъ Псковской лѣтописецъ говоритъ о походѣ Новгородцевъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей и короля Шведскаго: Новгородцы стали на Наровѣ, перешли черезъ рѣку съ Нѣмцами; Богъ помогъ Новгородцамъ, они побили много враговъ, иныхъ побили много на морѣ въ нѣдѣляхъ (бусахъ), другіи потонули въ морѣ, 84 человекъ попали въ плѣнъ и съ ними два князя; добычи было взято много Русскими; въ то же время отрядъ Нѣмецкій потерпѣлъ поражение въ Ямою отъ Новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, какъ видно, поставила Нѣмцевъ быть сговорчивѣе; въ слѣдующемъ году Псковичи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на рѣку Наровѣ вмѣстѣ съ послами Новгородскими¹⁴⁴, и заключенъ былъ выгодный для Русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ Орденъ епископомъ Юрьевскимъ: Нѣмцы возвратили со стыдомъ и сра-

мъ, по выраженію летописца, всё старинны Псковскія; которыя ежде отняты были Юрьевцами. Восемь тѣтъ соблюдали этотъ рѣ; но въ 1458 году началась опять ссора за границы: князь Александръ Чарторыйскій съ посадниками Псковскими поѣхали спорную землю¹⁴⁵, сѣно покосили и велѣли своимъ рыбологъ рыбу ловить по старинѣ, жерковъ поставили и Чудь перешали. Но въ слѣдующемъ году¹⁴⁶ поганые Латины, не вѣруя крестное цѣлованіе, напали нечаянно на это спорное мѣсто, жгли церковь и девять человекъ. Псковичи съ княземъ Александромъ немедленно поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ Нѣмецкую землю, и также много людей, мужчинъ и женщинъ погли, мстя за тѣ головы неповинныя. Нѣмцы спѣшили отомстить за своихъ: вѣхали въ шнекахъ и въ лодьяхъ въ Нарову, взяли у Псковскихъ рыболововъ насаду съ пушками¹⁴⁷ и въсѣмъ запасомъ ратнымъ, а въ Березской волости выжгли 42 двора, людей же Богъ сохранилъ. Но скоро потомъ пріѣхалъ съездъ изъ Новгорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ дружиною, и объявилъ, что Нѣмцы бьютъ челомъ и назначили срокъ для мирнаго съезда. Князь Александръ, вмѣстѣ съ посадникомъ Новгородскимъ и Псковскими и боярами изъ всѣхъ нцовъ отправились на спорное (обидное) мѣсто, обыскали и шили, что земля и вода принадлежитъ Св. Троицѣ; Нѣмцы же, видя свою неправду, не явились на спорное мѣсто въ назначенный срокъ. Послѣ этого Псковичи съ своимъ княземъ Александромъ поѣхали въ Нѣмецкую землю, и много вреда надѣлали, воевали землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и три ночи въ нечевали: много добра пограбили и погостовъ много пожгли, жницу великую выжгли, сняли съ нея крестъ и четыре колоды; со множествомъ другихъ плѣнниковъ привели во Псковъ нопа Нѣмецкаго.

Это былъ послѣдній походъ на Нѣмцевъ въ княженіе Темго. Удачный ли походъ Псковичей, или вѣсть о томъ, что мощественный князь Московскій принялъ дѣла Псковскія въ свое завѣдываніе, заставили Нѣмцевъ желать мира, — только въ 1460 же году пріѣхали во Псковъ Нѣмецкіе послы быть че

ломъ находившемуся тогда здѣсь сыну великокняжескому Юрѣ Васильевичу о перемиріи; князь Юрій принялъ ихъ челобити и въ слѣдующемъ году большіе послы Нѣмецкіе пріѣхали въ Новгородъ бить челомъ о перемиріи съ Псковичами на пятнадцать лѣтъ. Посолъ великаго князя и Новгородъ, спросившись о Псковичахъ, послали въ Москву гонцевъ доложить великому князю о просьбѣ Нѣмцевъ: гонцы говорили Василию, что Новгородъ и Псковъ полагаютъ на него упованіе. Великій князь согласился на пятнадцатилѣтнее перемиріе, и оно было заключено по тѣмъ условіямъ относительно спорнаго мѣста, что Псковичи будутъ ловить рыбу на своемъ берегу, а Юрьевцы и епископъ ихъ на своемъ; кромѣ того Нѣмцы возвратили иконы и вещи, пограбленныя ими въ прежнюю войну. Въ столкновеніи своихъ съ Финскими племенами при-Уральскими Новгородцы были счастливы въ это время: въ 1446 году двое воеводъ ихъ Василій Шенкурскій и Михайлъ Яковлевъ, пошли съ трехтысячною Заволоцкою ратію на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, чѣмъ воспользовались Югорцы, обманули ихъ, говоря: «мы хотимъ вамъ дань давать, хоти перечислить, сколько всѣхъ насъ, указать вамъ станы, острова и урѣчища;» а между тѣмъ собрались и ударили на острогъ Василя Шенкурскаго, гдѣ перебили 80 человекъ дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей; воевода Василій успѣлъ състисъ съ сыномъ и небольшою дружиною, другіе разбѣжали по лѣсу. Товарищъ Шенкурскаго, Михайла Яковлевъ былъ въ это время на другой рѣкѣ; пріѣхавши къ Васильеву острогу и вида, что оный раззоренъ, и люди побиты, сталъ искать бѣглецовъ по рѣкѣ, и когда всѣ они собрались къ нему, то пошли назадъ въ свою землю. А между тѣмъ на дорогѣ Новгородцевъ къ Ураду, стоялъ городъ, который не только не признавалъ надъ собою власти Великаго Новгорода, но и не оди разъ рѣшался враждовать съ нимъ: то былъ Устюгъ Великій въ 1425 году Устюжане повоевали землю Заволоцкую, Новгородцы пошли за это ратью къ Устюгу, и взяли съ него окупъ 8000 бѣлокъ да шесть сороковъ соболей.

Съ Устюгомъ легко было справиться Новгородцамъ въ 1425 году; то было для нихъ благоприятное время: начало княженія Василія Васильевича; начало смутъ въ Московскомъ княжествѣ; но тяжекъ былъ для Новгорода конецъ княженія Темного, когда всѣ смуты прекратились, и великій князь сталъ жаловаться, что Новгородцы чтутъ его не такъ, какъ слѣдуетъ, его, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей Русскихъ. Въ Новгородѣ знали о жалобахъ великаго князя, — вотъ владыка Иона, не смотря на свою старость, отправился въ Москву, гдѣ своими увѣщаніями и успѣлъ на время отклонить отъ Новгорода послѣдній ударъ: Иона убѣдилъ Василія отказаться отъ похода на Новгородъ и обратить все свое вниманіе на Татаръ¹⁴⁸, враговъ христіанства; но скоро смерть положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ великаго князя. Въ 1462 году Василій разболѣлся сухотною болѣзнію, и велѣлъ пользоваться себя обыкновеннымъ тогда въ этой болѣзни лѣкарствомъ, зажигать на разныхъ частяхъ тѣла трутъ по нѣсколькѣ разъ; но лѣкарство не помогло; вмѣсто того раны загнили, и больному стало очень тяжело; онъ захотѣлъ постричься въ монахи, но другіе не согласились на это, и 27 Марта, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, Василій скончался.

Желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдія и отнять у враждебныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, Василій еще при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна великимъ княземъ, объявилъ его соправителемъ; всѣ грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей. — Дмитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго своего сына великимъ княженіемъ Владимирскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго; Василій Дмитріевичъ не рѣшился благословить сына своего утвердительно великимъ княженіемъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчужденною, великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе Владимирское неразрывно соединеннымъ съ Московскимъ, въ слѣдствіе чего Владимиръ и другіе города этого княжества смѣши-

васть съ городами Московскими. До сихъ поръ въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распорядились отчинными своими Московскими волостями, и потомъ уже благословляли старшаго сына великимъ княженіемъ Владимирскимъ утвердительно и предположительно; но Василій Темный начинаетъ съ того, что благословляетъ старшаго сына отчиною своею, великимъ княженіемъ, потомъ даетъ ему треть въ Москвѣ, Коломну, и за Коломною слѣдуетъ Владимиръ — отдѣльно отъ великаго княженія, за нимъ города, принадлежавшіе прежде къ Владимирской области — Переяславль и Кострома; за Костромою слѣдуетъ Галичь, за Галичемъ Устюгъ, который до сихъ поръ не упоминался въ завѣщаніяхъ княжескихъ, равно какъ Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, великому князю, вмѣстѣ съ Новгородомъ Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевымъ, Великою Солью, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ — огромныя владѣнія въ сравненіи съ тѣми, которые были отказаны самому Василю отцомъ его. Второй сынъ Юрій получилъ Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ и Хатунь; третій сынъ, Андрей Большой, получилъ Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; четвертый, Борисъ — Ржеву, Волокъ и Рузу, пятый, Андрей Меньшой — Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ и нѣкоторыми Костромскими волостями. Женѣ своей великій князь отказалъ Московскую часть Ростова съ тѣмъ, чтобъ по смерти своей она отдала ее второму сыну Юрію. Такимъ образомъ старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величинѣ областей; замѣчательно, что всѣ удѣлы младшихъ братьевъ назначены на сѣверъ и западъ, отчасти югъ, тогда какъ весь востокъ сплошь составляетъ участокъ старшаго, великаго князя; замѣчательно также, что въ удѣлы младшимъ отданы тѣ волости, которые и прежде были удѣлами, область же великаго княженія Владимирскаго и примыслы — Нижний, Суздаль и Муромъ безъ раздѣла переходятъ къ старшему брату, которому даны были всѣ матеріальныя средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Въ княженіе Темнаго чаще, нежели прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей, бояръ и воеводъ Московскихъ. Еще въ княженіе Василя Димитріевича мы видѣли, какъ Литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевичъ отгѣснилъ (забхалъ) нѣкоторыхъ бояръ и занялъ первое мѣсто между ними. И въ княженіе Темнаго князь Юрій Питрикѣевичъ водилъ въ походъ полки Московскіе, но не удачно: онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Косымъ и Шемякою; но послѣ, подъ 1437 годомъ, мы видимъ его опять въ Новгородѣ, въ качествѣ посла великокняжескаго. Сыпъ его Иванъ Юрьевичъ наследовалъ отцовское мѣсто: подъ духовною Темнаго онъ подписался прежде всѣхъ; этотъ Иванъ Юрьевичъ замѣчательнъ тѣмъ, что участвовалъ въ покореніи Вятки¹⁴⁹. Изъ князей Рюриковичей на службѣ Московскаго князя виднѣ другихъ являются князья Рязоловскіе и Палецкій, потомки Ивана Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки св. Михаила Черниговскаго. Мы видѣли, какую важную услугу оказали Рязоловскіе семейству великаго князя: изъ четверыхъ братьевъ — Ивана, Семена, Димитрія и Андрея Лобана Ивановичей, Семень извѣстенъ неудачнымъ походомъ подъ Вятку, Димитрій удачнымъ, Андрей Лобанъ убитъ въ сраженіи съ Татарами подъ Бѣльмишъ¹⁵⁰; двоюродный братъ ихъ, князь Ѳеодоръ Давидовичъ Палецкій-Пестрый извѣстенъ побѣдою надъ Татарами въ 1428 году. Изъ шести сыновей князя Ивана Константиновича Оболенскаго трое внесли свои имена въ лѣтопись: Василій, Семень и Глѣбъ; Василій разбилъ Татаръ подъ Переяславлемъ Рязанскимъ въ 1444 году; Семень явился ревностнымъ приверженцемъ Темнаго, по осдѣпленіи котораго бѣжалъ въ Литву вѣсть съ княземъ Василюемъ Ярославичемъ; Глѣбъ былъ убитъ Косымъ; сынъ Василя Ивановича Оболенскаго, князь Иванъ Васильевичъ Стрига, подобно отцу, извѣстенъ побѣдами: онъ отбилъ Шемяку отъ Костромы въ 1449 году, потомъ разбилъ Новгородцевъ подъ Русою. Изъ потомковъ св. Михаила Черниговскаго упоминается также князь Ѳеодоръ Тарусскій; по родословнымъ это долженъ быть одинъ изъ князей Мезец-

кихъ; упоминается и нѣсколько другихъ князей сѣвернаго происхожденія. Изъ старыхъ Московскихъ знатныхъ фамилій прежнее значеніе удерживаетъ фамилія Кобылиныхъ—Кошкиныхъ, которой представителями въ княженіе Темнаго являются—Андрей Ѳедоровичъ Голтѣевъ, внукъ стараго главнаго совѣтника при Василии Дмитріевичѣ—Ѳедора Кошки, чрезъ втораго сына его Ѳедора Голтяя, и другой внукъ тогоже, Ѳедора Кошки, чрезъ третьяго его сына, Александра Беззубца, Константинъ Александровичъ Беззубцевъ. Андрей Ѳедоровичъ Голтѣевъ уговариваетъ князя Ивана Можайскаго не отставать отъ Василия Васильевича при торжествѣ дяди Юрія¹⁵¹; въ 1435 году онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Косому въ Вологдѣ; въ 1438 ведетъ переговоры съ ханомъ Улу—Махметомъ у Бѣлева: въ 1444 году, вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, разбиваетъ Татаръ у Переяславля Рязанскаго; Константинъ Александровичъ Беззубцевъ разбиваетъ Татаръ въ 1450 году. Что касается до старшаго ихъ двоюроднаго брата Ивана Ивановича, сына того знаменитаго совѣтника при великомъ князѣ Василиѣ Дмитріевичѣ, на котораго такъ жаловался Эдигей, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это тотъ самый бояринъ Иванъ Ивановичъ, который подписался подъ завѣщаніемъ Темнаго на второмъ мѣстѣ послѣ князя Юрія Патрикѣевича, и который, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, покорилъ Вятку¹⁵². Изъ знаменитой фамиліи Акинфовыхъ упоминается Ѳедоръ Михайловичъ Челднинъ. Вѣрными слугами Темнаго являются члены другой древней фамиліи—Плещеевы: Михаилъ Борисовичъ и двоюродный братъ его Андрей Ѳедоровичъ, правнуки Александра Плещеева, младшаго брата св. Алексія Митрополита: Михаилъ былъ отправленъ захватить Москву подъ Шемякою, Андрей—объявить въ Москвѣ объ освобожденіи великаго князя изъ Татарскаго плѣна. Одного рода съ извѣстною намъ прежде фамиліею Бѣлеутовыхъ было двое братьевъ Сорокоумовыхъ—Иванъ Ощера и Димитрій Бобръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Басенкомъ отличившіе себя вѣрностію къ Темному; дѣйствовавшій съ ними за одно Семень Филимоновъ принадлежалъ къ

уду Морозовыхъ, былъ родной племянникъ извѣстнаго Семена Морозова, любимца князя Юрія Дмитриевича; Юрій или Юшка раница, Литовскій выходецъ, былъ вторымъ воеводою въ Нижнемъ, потомъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ поименованными лицами въ пользу Василія Темнаго, и былъ убитъ подъ Угличемъ: летопись называетъ его храбрымъ человекомъ; Василій Федоровичъ Кутузовъ, потомокъ слуги Александра Невскаго, былъ посланъ Темнымъ къ Шемякѣ требовать возвращенія изъ плѣна великой княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темнаго; врагомъ его оказался Иванъ Старковъ, который былъ намѣстникомъ въ Коломнѣ и приставомъ при Шемякѣ, когда послѣдняго отослали въ Коломну подѣ стражу; готъ Старковъ, по родословнымъ, причитается внукомъ Татарскаго царевича Серкиза, выѣхавшаго изъ Большой Орды при Дмитріи Донскомъ. Изъ бояръ Шемякиныхъ главными овѣтниками своего князя выставленъ Никита Константиновичъ братьями; Михаилъ Федоровичъ Сабуровъ, потомокъ мурзы Бѣта, перешелъ отъ Шемяки къ Темному. Дьяками у послѣдняго были Федоръ, и потомъ Василій Беда.

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННИЙ СОСТОЯНІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ОТЪ КОНЧИНЫ КНЯЗЯ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА ТРОПОЕЦКАГО ДО КОНЧИНЫ КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТЕМНАГО

(1228—1462).

Мы обозрѣли событія болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода времени, отъ смерти Мстислава Тропоецкаго до смерти Василя Темнаго. Мы остановились на смерти Удалаго, потому что онъ былъ послѣдній князь, который связывалъ еще судьбы обѣихъ половинъ Руси, сѣверной и южной, который, будучи предствителемъ послѣдней, оказалъ между тѣмъ сильное вліяніе и на судьбу первой, тогда какъ прежде, при Андрѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, наоборотъ, южная Русь подчинялась вліянію сѣверной, князь послѣдней считался старшимъ, главнымъ княземъ, безъ котораго князья южные не могли обойтись, по собственному ихъ признанію. Слѣдя за внутреннею связью явленій, наблюдая за переходомъ отъ стараго быта Руси, къ новому, отъ родовыхъ княжескихъ отношеній къ единовластію¹³⁴ мы замѣтили въ сѣверной Руси внутреннія условія, благопріятствующія этому переходу, замѣтили несостоятельность южной въ этомъ отношеніи. Еще прежде Мстислава, при Романѣ Великомъ, можно замѣтить, что и въ южной Руси главная сфера дѣйствія готова уже оставить Приднѣпровье, славныя горы Кіевскія, и перенестись въ богатую область Галицкую, издавна служившею посредницею между Русью и міромъ западнымъ.

Мстиславъ умираетъ въ Галичѣ, и тамъ же является достойный
 у преемникъ въ сынѣ Романовомъ Даниилъ. Не менѣе Мсти-
 слава доблестный, но не странствующій герой, подобный ему,
 Даниилъ отчинными преданіями привязанъ къ одной известной
 части; онъ съ ранней молодости не-знаетъ покоя, чтобъ до-
 стать отцовское наслѣдіе; добывши его, заботится объ немъ,
 гоня навсѣмъ нарядъ внутренній, старается защитить отъ
 татаръ, Ятвяговъ и Литвы, старается распространить свое
 вліяніе на сѣверъ и западъ. Будущность южной Руси въ ру-
 къ Даниила и его потомства, въ которомъ историкъ надѣется
 видать собирателей Русской земли на югъ; но надежды эти
 называются обманчивыми. Южная Русь не собирается въ одно
 самостоятельное цѣлое; большая часть ея подчиняется князьямъ
 Литовскимъ, меньшая отходитъ къ Польшѣ. Литва и Русь
 соединяется съ Польшею подъ одною династією; но соединеніе
 это оказывается внѣшнимъ, не прочнымъ, сліяніи внутренняго
 государственнаго и народнаго нѣтъ, и причина этого заклю-
 чается въ томъ, что большую часть владѣній князей Литов-
 скихъ составляютъ Русскія области, большую часть ихъ под-
 чинныхъ составляетъ Русское православное народонаселеніе,
 которое съ самаго начала будучи затронуто въ самомъ су-
 щественномъ своемъ интересѣ, должно было вступить въ борьбу
 съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и преемниковъ ихъ.
 Историкъ долженъ со вниманіемъ и участіемъ слѣдить за этою
 борьбою по тому великому значенію, какое имѣла она, и осо-
 бенно исходъ ея, на судьбы Россіи, на судьбы восточной Ев-
 ропы; но, при этомъ вниманіи и участіи, онъ не можетъ дать
 исторіи югозападной Руси равнаго мѣста, равнаго значенія съ
 исторією Руси сѣверовосточной, гдѣ, въ слѣдствіе внутреннихъ
 измѣненій, образовалось самостоятельное Русское государство,
 важность югозападной Руси, важность исхода борьбы ея съ
 большею для судебъ восточной Европы условливается само-
 стоятельнымъ существованіемъ Московскаго государства на
 сѣверѣ; довольно сказать, что исторія югозападной Руси послѣ
 Владимира и Казимира Великаго не мыслима одна, сама по себѣ,

но только въ связи съ исторією Литвы и Польши. И такъ е несправедливо, въ научномъ отношеніи не вѣрно и однос ронше, упускать изъ виду югозападную Русь послѣ отдѣл ея отъ сѣверовосточной, поверхностно только касаться соби ея исторіи, ея быта и отношеній къ Литвѣ и Польшѣ, тѣ болѣе, что ея бытъ представляетъ постоянно народныя Русе особности и самая видная сторона ея отношеній къ Литв Польшѣ есть борьба для поддержанія основъ Русской народн сти, — то съ другой стороны также несправедливо, также и вѣрно исторію югозападной Руси ставить на ряду съ исторі сѣверовосточной: значеніе югозападной Руси остается все важнымъ, но всегда второстепеннымъ; главное вниманіе ист рика должно быть постоянно обращено на сѣверъ.

Здѣсь благодаря Мстиславу Торопецкому и Липецкой и бѣдѣ, старшій сынъ Всеволода III, Константинъ, усиливается въ примѣръ передъ братьями, которые, какъ побѣжденные должны были удовольствоваться ничтожными волостями, да нынѣ изъ милости побѣдителемъ. Но преждевременная сней Константина помѣшала ему воспользоваться своимъ выгоднм положеніемъ и упрочить могущество сыновей своихъ, ко рые должны были удовольствоваться одною Ростовскою волостю. Очередь усиливаться перешла къ Юрію; но этотъ Всеволод вичъ погибъ отъ Татаръ со всѣмъ семействомъ своимъ и дву племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Все лодовичей и старшимъ между ними былъ Ярославъ. Этотъ кнз уже давно изъ всѣхъ сыновей Всеволодовыхъ отличался прѣ примчивымъ духомъ, охотою къ примысламъ; будучи е только княземъ Переяславскимъ, онъ не отставалъ отъ Новг рода, все старался привести его въ свою волю, не смотря урокъ, заданный ему Мстиславомъ на Липицѣ. По отношенія Новгородскимъ онъ завелъ ссору съ Чернигомъ, и не над ясь получить скоро старшинства на сѣверѣ, бросился на н и овладѣлъ Кіевомъ. Татары, истребленіемъ семейства Юріа очистили Ярославу великое княженіе и обширныя волости д раздачи сыновьямъ своимъ. Онъ отдалъ Суздаль брату Свят

аву, Стародубъ другому брату Ивану; свою отчину, Переяславль, передалъ не раздѣльною старшему сыну Александру, гальныхъ же пятерыхъ сыновей подѣлилъ волостями изъ великаго княженія, не давши ничего изъ него потомкамъ Константиновымъ. Не извѣстно, что онъ далъ второму сыну своему Андрею, вѣроятно Юрьевъ, который уступилъ ему Святославъ Всеволодовичъ за Суздаля; третій сынъ, Константинъ, получилъ Галичь, четвертый Ярославъ, Тверь, пятый, Михайль, Пскову, шестой, Василий, Кострому. Такимъ образомъ вся южная Владимірская область явилась въ рукахъ сыновей Ярославовыхъ: что могли предпринять противъ этихъ шестерыхъ сыновей дядя ихъ — князь суздальскій и Стародубскій? Ясно, что при ослабленіи родовыхъ понятій, по смерти Ярослава, власть его Святославъ не могъ долго держаться на старшемъ сынѣ, былъ изгнанъ Михайломъ Ярославичемъ Московскимъ, а самъ даже лишился и Суздаля, который перешелъ къ Ярославичамъ же, а Святославъ и его потомство должны были довольствоваться опять однимъ Юрьевомъ. При этомъ надобно имѣть въ виду, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были въ уровень своему положенію, могли только расчлѣнить и укрѣпить отцовское наслѣдство, а не растратить его: Александръ получилъ названіе Невскаго, въ отвагѣ Англичанъ нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ; Михайль прозывается Хоробритомъ, Ярославъ идетъ постоянно по слѣдамъ отцовскимъ, постоянно хлопочетъ примыслахъ, хочетъ привести Новгородъ въ свою волю, но не можетъ этого сдѣлать, потому что Василий Костромской уже не хочетъ спокойно смотрѣть на дѣятельность старшихъ братьевъ. Кратковременная вражда между Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ не могла принести вреда семье Ярославовой; важное значеніе Невскаго не ограничивается только подвигами его противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно Татаръ: въ немъ съ перваго же раза видѣнъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; для него страшнѣе Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ

княжескіи распоряжается по-отцовски; Переяславскую отъ безъ раздѣла отдаеть старшему сыну Дмитрію, остальные сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отъ Городецъ съ Нижнимъ, Данилу Москву, выморочный удъ Михаила Хоробрита. По смерти Невскаго Ярославу Тверске помѣшалъ усилиться Василій Костромской, но самъ умеръ си и безпотомственно, очистивъ такимъ образомъ старшіи ст для сыновей Невскаго; здѣсь повторяется тоже явленіе: Дмитрію Переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей Городекій; начинается продолжительная усобица, во время котор старшіе Александровичи истощаютъ свои силы, не могутъ сд лать ничего для своего потомства, при томъ же сынъ Дмитрія умираеть бездѣтнымъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей Переяславскаго и Городецкаго, въ типъ усиливаются два княжества: Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ, и Московское при младшемъ сынѣ Невскаго Даниилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

До сихъ поръ при стремленіи сѣверныхъ князей къ присламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріальнымъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою во Новгородъ-Великій, утвердиться здѣсь прочнѣе прежнихъ князей; но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики, средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, осеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, принимаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же при мысли на ихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣствія. Даниилъ Александровичъ вооружается противъ Рязань беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коложну, важный пунктъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оц

Юрій Даниловичъ обращается на другую сторону, беретъ
 Южайскъ у Смоленскаго княжества, также важный пунктъ при
 вѣнцахъ Москвы рѣки. Гораздо замѣтныя, крупнѣе по тогдаш-
 нимъ отношеніямъ, было приобрѣтеніе Переяславля Залѣскаго,
 оставшагося Даниилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника
 вана Дмитріевича: Андрей Городецкій не хотѣлъ уступить
 Переяславля Московскому князю; не хотѣлъ уступить ему его
 Михаилъ Тверской, когда сталъ великимъ княземъ Влади-
 мирскимъ, но Москва крѣпко держалась за свой примысль, не
 смотря на то, что и ея князья, до самаго Василія Темнаго,
 признавали Переяславль волостію великаго княженія. Уже одно
 держаніе Переяславля могло повести къ усобицѣ между Мос-
 кою и Тверью, кромѣ явнаго намѣренія Юрія спорить съ
 Михаиломъ и о самомъ Владимирѣ. Борьба сначала рѣшилась
 въ пользу Твери; не мы уже видѣли, что всѣ великіе
 князья стремятся примыслить къ своей отчинѣ Новгородъ: не
 могъ не послѣдовать отцовскому примѣру и Михаилъ Твер-
 кой, ближайшій сосѣдъ Новгорода. Но мы замѣтили также,
 что предпріятіе противъ богатаго Новгорода было для князя
 довольно затруднительно: и теперь, стѣсненные Михаиломъ,
 новгородцы обращаются къ Юрію Московскому, и нѣтъ сомнѣ-
 нія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣдному успѣть
 въ Орду и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ,
 что и было причиною гибели Михайловой. Но Тверь не пала
 вмѣстѣ съ Михаиломъ; Юрій, хлопотавшій такъ много для при-
 мысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведеншій всю
 жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался
 годами своихъ тяжкихъ и не привлекательныхъ трудовъ, по-
 нѣбъ безпотомственно въ Орду отъ руки сына Михайлова. Но
 ему наследовалъ братъ его Іоаннъ Калита, и если Александръ
 Михайловичъ Тверской получилъ отъ хана великое княженіе
 Владимирское, то Калита перезвалъ къ себѣ въ Москву нитро-
 полита, что было важнѣе всякихъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба
 продолжительно не кончилась; Калита ждалъ удобнаго случая, и
 вотъ въ Твери вспыхнуло возстаніе, вырзали Татаръ; Калита

съ Татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсиллъ въ концѣ Тверское княжество, и погубилъ потомъ Александра въ Орду. Москва восторжествовала, и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю.

Изложивши ходъ событій, въ слѣдствіе котораго княжество Московское усилилось на счетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ и собрало около себя Русскую землю на сѣверѣ, мы должны еще обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, благоприятствовавшія усилению Москвы. Здѣсь, разумеется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на географическое положеніе Москвы и ея области. Уже прежде, въ своемъ мѣстѣ было замѣчено¹⁵⁴ о важномъ значеніи Москвы, какъ средняго, пограничнаго мѣста между старою, южною, и новою сѣвѣрною Русью. Когда южная Русь потеряла свое значеніе княжества обезсиляли отъ усобицъ, размельченія волостей, особенно отъ погрому Татарскаго, послѣ котораго не было здѣсь болѣе безопасности, то необходимо должно было усиливаться переселеніе народа съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе безопасныя, и первымъ пограничнымъ княжествомъ было Московское: бояринъ Родіонъ Несторовичъ пришелъ изъ Кіева въ Москву на службу къ ея князьямъ и привелъ съ собою 1,700 человекъ дружины; Черниговскій бояринъ Плещеевъ, въ слѣдствіе Татарскихъ опустошеній, также перешелъ въ Москву¹⁵⁵. Но если переселялись дружинники, то нѣтъ основаній отвергать, что не переселялись и люди другихъ сословій. При томъ же, кромѣ южной Руси въ Московское княжество должно было стекаться народонаселеніе и изъ ближайшихъ областей: Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менѣе безопасныхъ, чѣмъ область Московская; пограничная съ степью, Рязанская волость часто терпѣла отъ Татарскихъ нападений: тогда какъ Москва послѣ 1293 года до самаго Тохтамышскаго нашествія не слыхала о нихъ. Тверское княжество было страшно опустошено Татарами и Калитою, потомъ здѣсь начинаются усобицы княжескія, заставлявшія жителей, по прямому свидѣтельству лѣтописи, переселяться въ другія области; въ Рязань

скомъ княжествѣ насиліа Москвичей при Калитѣ заставили
 ихъ жителей изъ городовъ и селъ перейти въ Москов-
 владѣнія¹⁵⁶. Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ вѣ-
 сь его продолжительною безопасностію увеличивало доходы
 кескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ
 богатъ, что могъ покупать цѣлыя княжества, какъ Бело-
 ю, Угличъ и Галичъ; но что же заставило князей Бело-
 ю и Галицкаго продать свои волости Калитѣ? По всѣмъ
 вѣроятностямъ — невозможность платить выходы Ордынскіе.
 Не въ деньгахъ не только позволяло Московскимъ князьямъ
 увеличивать свои владѣнія внутри и удерживать за собою ве-
 щекняжеское достоинство, задаривая хана и вельможъ его;
 давало имъ еще новое средство увеличивать народонаселе-
 ния своихъ волостей, скупая плѣнныхъ въ Ордѣ и поселяя ихъ
 въ свои волости: такъ произошелъ особенный классъ народонаселенія —
 плѣнники, о которыхъ часто упоминается въ завѣщаніяхъ и
 повѣяхъ княжескихъ; не говоримъ уже о томъ, что обиліе
 деньгахъ позволяло Московскимъ князьямъ давать переселен-
 цамъ большія льготы, чѣмъ какія они могли получить въ
 другихъ областяхъ, отъ другихъ, менѣе богатыхъ князей.
 Известно, что древніе путешественники, хваля плодородіе
 Владимирской и Нижегородской областей, называютъ область
 собственно Московскаго княжества мало плодородною. Мы зна-
 емъ, что относительно плодородія почвы Владимирская область
 имѣетъ преимущества предъ Московскою, и потому извѣ-
 стіе путешественниковъ можетъ быть объяснено только болѣе
 быстрымъ истощеніемъ Московской почвы въ слѣдствіе болѣе
 густого и болѣе густаго населенія.

Кромѣ увеличенія доходовъ, зависѣвшаго отъ умноженія
 народонаселенія, казна Московскихъ князей должна была обога-
 щаться также въ слѣдствіе выгоднаго торговаго положенія ихъ
 области, которая не только была посредствующею областію
 между сѣверомъ и югомъ, но также, посредствомъ своей рѣки,
 посредствовала въ торговомъ отношеніи между сѣверозападомъ
 и восточнымъ. Въ послѣдствіи мы видимъ большой торговый
 оборотъ. *Исторія Россіи* Т. IV.

путь, изъ Азіи въ Европу и обратно, по Волгѣ, Окѣ и Невѣ; видимъ указанія путешественниковъ на важное торговое положеніе Московской области въ слѣдствіе участія рѣчной системы; нѣтъ сомнѣній, что этотъ торговый путь существовалъ и въ описываемое время, и прежде: этимъ объясняется, почему торговые Новгородцы утвердили свое вліяніе на Волокъ Ламскою, важномъ торговомъ пунктѣ на рѣкою Москвою, притокомъ Оки, Ламою, притокомъ Волги, озерною ихъ областію. Но кромя Волжскаго торговаго пути Москва рѣка имѣла важное торговое значеніе для Новгорода какъ путь въ Рязанскую область, богатѣйшую естественными произведеніями изъ всѣхъ областей сѣверовосточной Руси, и въ увѣренію путешественниковъ, и особенно изобилующую медью и воскомъ, а этими товарами, какъ извѣстно, Россія, чрезъ Новгородъ и Псковъ, снабжала всю Европу.

Важно было положеніе Москвы въ срединѣ, на границѣ между сѣвѣрною и южною Русью, въ политическомъ отношеніи важно было посредничество ея рѣчной области между юговостокомъ и сѣверозападомъ въ отношеніи торговомъ; думается, что срединность положенія ея между сѣвѣрною и южною Русью имѣла не малое значеніе и въ отношеніи церковномъ. Въ Россійскіе митрополиты, пребывавшіе на югѣ, въ Кіевѣ, послѣ того какъ этотъ городъ потерялъ значеніе, перешедшее на сѣверъ, и послѣ погрома Татарскаго, должны были обратить особенное вниманіе на Русь сѣверовосточную, куда видимо перенеслась главная сцена дѣйствія Русскаго православнаго митрополиты начинаютъ часто путешествовать съ юга на сѣверъ, и наконецъ утверждаютъ свое пребываніе во Владимірѣ Клязменскомъ; но въ то же время, блюдя единство Русской церкви, не переставая называться митрополитами Кіевскими всей Руси, они не могли оставить безъ вниманія и Русь юговосточную; въ этомъ отношеніи Владиміръ не могъ быть для нихъ удобнымъ мѣстопребываніемъ, находясь слишкомъ далеко отъ сѣверовостока, тогда какъ Москва, пограничный городъ между старою и новою Русью, вполне удовлетворяла потребности

ероссійскаго митрополита, долженствовавшаго одинаково за-
яться и о сѣверѣ и о югѣ.

Таковы были обстоятельства, содѣйствовавшія усиленію Мо-
овскаго княжества; обратимся теперь къ разсмотрѣнію воло-
ей этого княжества и ихъ постепеннаго увеличенія.

Вотъ Московскія волости, какъ онѣ, подробно исчисленныя,
мяются въ первый разъ въ завѣщаніи Іоанна Калиты: «При-
зываю сыновьямъ моимъ, пишетъ Калита, отчину свою Мо-
сву, а вотъ какъ я раздѣлилъ имъ волости.» Изъ этихъ словъ
димъ, что городъ Москва находится въ общемъ владѣніи сы-
вей завѣщателя; въ такомъ же общемъ владѣніи Москва про-
ажается находиться у всего потомства Калиты¹⁵⁷. Общее вла-
ніе Москвою противопоставляется частному, отдѣльному вла-
нію cadaго князя извѣстными волостями, удѣлу. Эти удѣлы
иной Калиты были слѣдующіе: удѣлъ старшаго сына Си-
еона: Можайскъ, Коломна со всѣми Коломенскими волостями,
ороденка¹⁵⁸, Мѣзыня, Песочна¹⁵⁹, Середокорытна, Похряне,
стьмерска¹⁶⁰, Брошевая, Гвоздна, Ивановы деревни, Маковецъ,
ивичинъ, Скулневъ, Кацевъ, Гжель, Горѣтова, Горки¹⁶¹, село
стафьевское, село на Сѣверьцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ,
ело Константиновское, село Орининское, село Островское,
ело Копотенское, сельце Микульское, село Малаховское, село
апрудское у города¹⁶². Удѣлъ втораго сына, Іоанна: Звени-
ородъ, Кремична, Руза, Юминское, Суходоль, Великая сво-
ода, Замошская свобода, Угожь, Ростовци, Окатьева свобода,
жирминовское, Тростна, Нѣгуча; села: Рюховское, Каменич-
кое, Рузское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вя-
емское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, село Сем-
инское. Удѣлъ князя Андрея Іоанновича: Лопастна, Сѣверска,
арунижское, Серпоховъ, Нивна, Темна, Голичичи, Щитовъ,
еремышь, Раствоецъ, Тухачевъ; села: Талезское, Серпухо-
ское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское, Битяговское,
Груфоновское, Ясиновское, Коломинское, Ногатинское¹⁶³.
Княгинѣ съ меньшими дѣтьми завѣщаны: Сурожикъ, Мушкина
ора, Радонѣжское, Бѣли, Вори, Черноголовъ, на Вори сво-

бодка Софроньевская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилино свободка, Машевъ, Селна, Гуслицы, Раменье; села: Михайловское, Луцинское, село у озера, село Радонѣжское, Дѣйгуинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопатенское, Михайловское на Яузѣ, два села Коломенскихъ. Въ духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское въ Новгородѣ, на Улалѣ, Борисовское во Владимирѣ, и которые оба отданы князю Симеону, четыре села на Масѣ, Петровское, Олексинское, Вседобричь и Павловское; половина ихъ была куплена, и половина вымѣнена у митрополита; всѣ они отданы князю Ивану. Два села: Варварское и Мѣловское Юрьева — князю Андрею. Новое сельце, купленное на Костромѣ, вмѣстѣ съ покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невскаго, селомъ Павловскимъ, завѣщатель отказалъ женѣ своей. Купленное въ Ростовѣ село Богородицкое отдано и помѣстье Борису Воркову. Три сельца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шарাপовское, отданы св. Александру на поминанье. Но въ духовныхъ Калиты умолчано важныхъ прикупяхъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донскаго — о Галичѣ, Бѣльозерѣ и Угличѣ, оставшихся, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ; умолчано также и о другомъ прикупѣ — Кистиѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василя Димитріевича¹⁶⁴.

Въ договорѣ великаго князя Симеона съ братьями, встречаемъ уже новыя села: Новое село на Купавнѣ и Вышневоко означены во владѣніи великаго князя; села: Михалевское¹⁶⁵ Микульское на Пруженкѣ, Микифоровское и Парфеньевское и владѣніяхъ младшихъ братьевъ — Ивана и Андрея.

Изъ шестерыхъ сыновей Симеона Гордаго ни одинъ не остался въ живыхъ; Симеонъ завѣщалъ весь свой удѣлъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе женѣ, Маріи, не означивъ въ духовной, кому все это имущество должно принадлежать въ ея смерти. Но добровольно, или нѣтъ, Марія еще при жизни передала свои волости великому князю Іоанну, оставивъ за

обой только два примысла мужа своего, да и тѣ обязалась передать по своей смерти великой княгинѣ Александрѣ, женѣ оанновой, при чемъ у великаго князя не были никакого дѣла съ племянникомъ Владимиромъ Андреевичемъ. Такимъ образомъ при Іоаннѣ II-мъ двѣ части Московскаго княжества, Коломенско-Можайская и Звенигородская), какъ онѣ были при Калитѣ, соединились опять въ одинъ участокъ. Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминаются слѣдующія новыя волости, ему принадлежавшія: Заячковъ, которымъ благословила его тетка, княгиня Анна, и Гордошевичи; потомъ села: Ивашевское, село на Клязьмѣ Хвостовское, Дейгуинское, село на Булешнѣ погостъ; купли въ Переяславль: село Самарское, Романовское на Кержачѣ, Ортаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское во Владимирской волости, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ и Заберегъ¹⁶⁶.

Іоаннъ II-й, умирая, раздѣлил¹⁶⁷ свой участокъ двоимъ сыновьямъ — Дмитрію и Іоанну, и такимъ образомъ Московское княжество опять раздѣлилось на три части, какъ по смерти Калиты: Коломенско-Можайскій удѣлъ Симеоновъ отданъ былъ старшему сыну Дмитрію; здѣсь, при исчисленіи Коломенскихъ волостей, между Каневымъ и Гзелею, встрѣчаемъ Каширу; примысловъ Симеоновыхъ — Заячкова и Заберега нѣтъ, потому что они оставались при вдовѣ Симеоновой, Маріи; но неизвѣстно, почему нѣтъ другихъ примысловъ Симеоновыхъ, равно села Астафьевскаго; зато встрѣчаемъ названія новыхъ волостей: село Малино, село Холмы, Мещерка у Коломны. Младшій сынъ Іоаннъ получилъ прежній отцовскій удѣлъ Звенигородскій; здѣсь вмѣсто Великая свобода встрѣчаемъ названіе Истерва свобода; нѣтъ Угожа, Окатьевой свободки и Кириновскаго; изъ сель, нѣтъ Рузскаго, Бѣлжинскаго, Вяжскаго, Семинскаго, вмѣсто которыхъ встрѣчаемъ: Михайевское, село на Рѣпнѣ въ Боровецѣ, Милцинское, Выславское, Кузинское, Каринское и Козловское. Изъ мѣстъ Рязанскихъ ю-ю-сторону Оки данъ Владимиру Андреевичу Новый Годокъ на устьѣ Поротли, а другія Рязанскія мѣста князьмъ

Димитрію и Іоанну; Димитрію же село на Рокшѣ Романовскѣ и Івану село Афинеевское, да сельце у Павловскаго село само же село Павловское св. Александру въ прокъ на память Женѣ своей Александрѣ Іоаннѣ завѣщалъ село Семцинское, котораго потому и недостаетъ между волостями Ивановыми; въ томъ изъ удѣловъ обоихъ сыновей выдѣлилъ ей волости пожизненное владѣніе, а послѣ смерти ея онѣ отходили изъ удѣлу того князя, у котораго были взяты; изъ Коломенскихъ волостей были ей выдѣлены: село Лыцевское вмѣстѣ съ Пѣхрянскими, Пѣсочною и Середокорытною; изъ Звенигородскихъ Угожь, Великая свобода Юрьева, село Кляповское и Бѣльцкое съ Новымъ сельцемъ¹⁶⁸. Въ завѣщаніи Іоанна II встрѣчается также распоряженіе относительно волостей начихи его жены Калиты, княгини Ульяны: волости ея — Сурожижскія и Личинское послѣ ея смерти поступаютъ къ ея дочери, остальные же волости и пошлина въ Москвѣ, называемая осмичимъ, по ея смерти переходили къ князьямъ Димитрію, Івану и двоюродному брату ихъ Владиміру Андрѣевичу¹⁶⁹.

Князь Іванъ скоро умеръ, и опять двѣ части Московскаго княжества соединились въ однихъ рукахъ Димитрія, какъ были они въ рукахъ отца его Іоанна; при томъ же Димитрій успѣлъ увеличить свои владѣнія примыслами, которые дѣлали такъ чувствительнымъ раздробленіе волостей на пять или даже на шесть участковъ по числу сыновей его. Важнѣе всѣхъ примысловъ было то, что старшій сынъ Донскаго Василій получилъ Владимирскую великокняжескую область безспорно, по завѣщанію отцовскому, что утѣшало его въ лишеніи Можайской волости, которая вмѣстѣ съ Коломною доставалась имъ сихъ поръ постоянно старшему. Относительно Москвы (въ которой Димитрій владѣлъ только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его Владиміру Андрѣевичу) завѣщатель увеличилъ долю старшаго, которому дана половина, а другимъ братьямъ части остальной половины; встрѣчается первый разъ выраженіе: старшій путь: «Сына своего князя Василя, говоритъ Донской, благословляю на старшій путь».

городъ и въ станахъ моего удѣла — двухъ жребіевъ половина, а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлакъ городскихъ половина.» Кроме того на старшій путь великому князю Василию отказано Васильцево сто и Добрянская борть съ селомъ Добрятинскимъ. Между Коломенскими волостями первое мѣсто занимаетъ Менцерка, встрѣчающаяся въ первый разъ въ завѣщаніи отца Димитріева, гомъ Раменка, которой не встрѣчаемъ прежде, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ; изъ прежде извѣстныхъ Коломенскихъ волостей нѣтъ Мѣзныи, Середокорытны, Горѣтовой. Горокъ; за то встрѣчаются новыя волости: Кочема и Комаревъ съ регомъ. Изъ сель, принадлежавшихъ прежде къ удѣлу старшаго сына, нѣтъ Астафьевскаго, села на Северьскѣ, Микудыго и Напрудскаго; вмѣсто ихъ встрѣчаемъ Митинъ починокъ, Прошкины деревни, Хвостовское на Клязьмѣ, встрѣчающееся въ первый разъ въ завѣщаніи Симеона Гордаго. Надобно заметить также, что изъ Коломенскихъ волостей Ливчинъ, Кулевъ и слѣдующія за ними, въ завѣщаніи Донскаго названы деревнями. Подлѣ Москвы великому князю Василию отъданъ лугъ великій за рѣкою.

Второму сыну Юрію отъданъ удѣлъ Звенигородскій; здѣсь между прежними волостями встрѣчаемъ новыя: Сурожицкъ и Бѣли, бывшія за княгинею Ульяною, потомъ Вышегородъ, Плѣснь и Дитріева слободка. Изъ Московскихъ сель Юрій получилъ только Михалевское и Домантовское съ Ходынскимъ лугомъ¹⁷⁰.

Для третьяго сына, Андрея, уже надобно было выдѣлить въ прежняго удѣла Коломенско-Можайскаго Можайскъ съ его волостями, которыя теперь впервые перечисляются: Исмея, Ислювъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышее Глинско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ; къ Можайскому же удѣлу приданы были волости: Коржанъ и Моишинъ Колиъ, равно какъ отъѣздныя волости: Верея, Рудъ, Горюшевичи (примыслъ Симеона Гордаго), Гремичи, Заберега (примыслъ Симеона Гордаго), Сушовъ, село Репнинское, принадлежавшее прежде къ удѣлу Звенигородскому. Изъ Москов-

скихъ сель Напрудское, принадлежавшее прежде къ волости старшаго брата, Луцинское на Яузѣ съ мельницею и Дѣуинское (оба изъ волостей княгини Ульяны), Хвостовское въ Премышлѣ, лугъ Боровскій и другой противъ Воскресенья; Юрьевскихъ сель село Алексинское на Пѣкшѣ ¹⁷¹.

Такъ были раздѣлены на три удѣла два участка Московскаго княжества, въ буквальныйъ смыслѣ отчина и дѣдина Дмитріева; но у Дмитрія остались еще другіе сыновья, которымъ также надобно было назначить удѣлы, и для этого послужили примыслы. — Лѣтописи не говорятъ, какимъ образомъ былъ примышленъ Дмитровъ; мы знаемъ только, что этотъ городъ, вмѣстѣ съ Галичешъ, находился во владѣніи вѣтковъ Константина Ярославича; Галичь былъ купленъ Калитою, но князь его окончательно изгнанъ изъ своей волости Дмитріемъ Донскимъ; вѣроятно въ то же время приобрѣтенъ былъ и Дмитровъ. Умирая, Донской отдаетъ этотъ примыселъ четвертому сыну Петру; волости Дмитровскія означены слѣдующія: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъздцемъ, Инобашъ; но къ этой небольшой волости приделаны были еще старыя мѣста Московскія, большею частію волости княгини Ульяны: Мушкова гора, Ижва, Раменка, слобода князя Иванова ¹⁷², Вори, Корзенева, Рогожъ или Ротожъ, Загарье, Вохна, Селна, Гуслица, Шерна-Городокъ. Изъ Московскихъ сель Новое и Сулишинъ погостъ (приобрѣтенъ Симеономъ Гордаго). Пятому сыну, князю Ивану, отдѣлена была маленькая волость: Рамейнице съ бортниками, село Звѣрковское съ Сохонскимъ починкомъ¹, что отошло отъ князя Владиміра Андреевича, и Сохна.

Кромѣ Дмитрова были окончательно примышлены при Досскомъ Галичь, Бѣлоозеро и Угличь: Галичь отданъ князю Юрію со всѣми волостями и съ тѣми селами, которыя тянули къ Костромѣ — Никольскимъ и Борисовскимъ. Бѣлоозеро отданъ князю Андрею со всѣми волостями, и Вольскимъ съ Шаготью и съ Милолюбскимъ вѣзомъ, и съ слободами. Угличь отданъ князю Петру вмѣстѣ съ Тошною и Сямою. Потомъ прикупленъ

были села: Красное, Елизаровское и Проватово въ Юрьевѣ, Васильевское въ Ростовѣ; всѣ они отданы были старшему сыну Василию. Село Козмодемьянское въ Юрьевѣ съ починкомъ Краснаго села за Везнею, и село Богородицкое въ Ростовѣ отданы были сыну Юрію. Примышлены были волости измѣнника Ивана Вельяминова, и одна изъ нихъ — село въ Гремичахъ отдано было князю Андрею. Въроятно при Донскомъ же присоединены были къ Московскому княжеству Калуга и Роцца; вытяганы были у Смольнянъ Товъ (?) и Медынь, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру былъ отданъ примысль: село Богородицкое на Богонѣ въ Юрьевѣ. Великой княгинѣ Евдокии завѣщаны примыслы: Скирменевская слободка съ Шепновымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ Вышегородскими бортниками, Кропивна съ бортниками Кропивенскими, Исменскими, Гордошевскими, Рудскими, Желѣзна слободка съ бортью и селомъ Ивана Хоробрѣва, Исконская слободка, Кузовская слободка; на Коломнѣ примысль — Самойловцовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; изъ Юрьевскихъ покупокъ — Петровское село, Фроловское, Елохъ. Княгиня Феодосья (должно быть дочь Калиты отъ второй жены) отдала великому князю Суду на Бѣлѣозерѣ, да Калашку и Слободку, а великую княгиню благословила Городкомъ и Волочкомъ; этими волостями впрочемъ она пользовалась во все продолженіе жизни своей, послѣ же смерти ея онѣ отходили къ великой княгинѣ. Сама великая княгиня прикупила себѣ Лохно; кромѣ того ей выдѣлено было въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей изъ удѣла каждаго сына; изъ великокняжеской Владимірской области она получила въ Переяславскомъ уѣздѣ Юлку, въ Костромскомъ Иледашъ съ Кололюю; изъ Галича — Соль; изъ Бѣлаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзъ; изъ Владимірскихъ селъ Андреевское, изъ Переяславскихъ Доброе село; изъ Коломенскаго удѣла — Каневъ, Песочну, а изъ селъ: Малинское, Лысцево; изъ Звенигородскаго удѣла: Юрьеву слободу, Суходоль съ

Истею Истервою, села — Андреевское и Каменское; изъ Можайскаго удѣла: Верею, Числовъ, село Лучинское; изъ Дмитровскаго удѣла: Ижво да Сяму. Потомъ ей принадлежало село Репенское и Московскія села: Семцинское съ Ходынской мельницею, Остафьевское, Илмовское; наконецъ Холхоль и Заячковъ ¹⁷³.

Василій Димитріевичъ примыслилъ къ своимъ владѣніямъ богатая волости Нижегородскія, Муромскія и Торусскія, и все эти примыслы со всеми волостями, полученными отъ отца, могъ оставить въ нераздѣльности единственному сыну своему Василию, которому суждено было собрать княжество Московское, какъ оно было при Калитѣ, вмѣстѣ съ примыслами всехъ преемниковъ послѣдняго. Но до насъ дошло еще завѣщаніе Василя Димитріевича въ пользу сына Ивана, умершаго до рожденія Василя: въ этомъ завѣщаніи ¹⁷⁴, между Коломенскими волостями, мы находимъ новыя названія мѣстъ: Радокинъ съ берегомъ, Крутинки. Изъ волостей, завѣщанныхъ великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, встрѣчаемъ новыя названія: Оглоблино со всеми деревнями и съ Ольхомъ, Колычевское съ Зиѣвскимъ, село въ Львичинѣ, принадлежавшее Ивану Вельяминову. съ землею Чухистова и со всеми прикупамъ. Изъ Московскихъ селъ, отказанныхъ великому князю Василию Васильевичу, встрѣчаемъ село Григорьевское Фаустова: но изъ селъ самый богатый примыслъ Василя Димитріевича составляли владѣнія знаменитаго боярина Ѳедора Свибла: эти села находились на Устюгѣ, и въ Отводномъ, и на Сямѣ, и въ Ростовѣ, и въ Бѣжецкомъ Верхѣ (Максимовское съ деревнями), въ Переяславѣ (Весьское съ Радивоновскимъ), на Москвѣ Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, да села — Тимошеевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ — Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, въ Новгородѣ — Непейцино. Кроме того великій князь купилъ Ухтюшку и приобрѣлъ Ѳоминскія села дяконовы: все эти примыслы отданы были въ пожизненное владѣніе великой княгинѣ, вмѣстѣ съ Юрьевскими селами — Фроловскимъ (съ Ольхомъ), Петровскимъ, Богородицкимъ и Алексянскимъ, которыя Ва-

Василій Дмитріевичъ вымѣнилъ у матери своей. Изъ новаго припсыла, княжества Нижегородскаго, великая княгиня получила Алачинскія села, Монгачь, Курмышъ со всѣми селами и поштинами и Алгашъ, изъ Муромской области селце. Въ опричинну (владѣніе отдѣльное, которымъ можно было располагать по произволу) даны были ей два села Юрьевскія — Богородицкое и Алексинское. Василій Дмитріевичъ долженъ былъ также надѣлить и младшаго брата своего Константина: ему даны были Тошна и Устюжна ¹⁷⁵.

Во второмъ завѣщаніи, написанномъ въ пользу сына Василя, находимъ нѣкоторыя перемѣны и новизны: сыну великій князь отказываетъ въ городѣ на Москвѣ: дворъ Ѳомы Ивановича у Боровицкихъ воротъ, да другой дворъ, что былъ за Дихайломъ за Вяжемъ, да новый дворъ за городомъ у св. Владиміра, да примысель въ Юрьевѣ — села Петровское и Алексинское; мы видѣли, что эти села отданы были по прежнему завѣщанію великой княгини, которой теперь изъ Коломенскихъ волостей отданы Песочна, Брашева съ селцемъ и съ Гвозднею и съ Ивановомъ, Устьмерска и Гжеля съ путями и селами (изъ Коломенскихъ сель не встрѣчаемъ противъ прежняго Оглоблина, Колычевскаго и Змѣевского); село Васильевское въ Ростовѣ примысль Донскаго), по прежнему всѣ села Свибловскія, подмосковныя села — Митинъ починокъ и Семцинское съ Самсоновымъ лугомъ; примысль Донскаго — слободку на Гуси, хотя это названіе и встрѣчается здѣсь въ первый разъ; въ Юрьевѣ примыслы Донскаго — село Красное съ Проватовымъ и Елизаветинскимъ, прежніе примыслы завѣщателя — Фроловское, Едохъ и Богородицкое, Устюшка на Вологдѣ. Изъ великокняжескихъ волостей — изъ Костромы получала — Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, борювниками и Княгининскимъ селомъ; изъ Переяславля Юлку и Доброе село; изъ Владиміра Андреевское село и Тошну, если великій князь вымѣняетъ ее у дѣтей князя Владиміра Андреевича; изъ Нижняго Соколское село и Киржанецъ; изъ

Мурома селце и Шатурь. Изъ всѣхъ этихъ волостей Гжель Семчинское село были даны въ опричнину.

Изъ новыхъ примысловъ, которыхъ нѣтъ въ прежнемъ завѣщаніи, упоминаются между Коломенскими селами — Окуловское и Захаровское; въ Бѣжецкомъ Верхъ-Кистна и села Антоновскія, хотя и названныя куплею Калиты, но встрѣчающіяся въ первый разъ; Троицкая слободка на Волгѣ, Белеутовскія (боярина Белеута) села на Волокѣ и въ Юрьевѣ слободѣ; под Москвою село Крилатское ¹⁷⁶; на Бѣльозерѣ слободка ¹⁷⁷; и Устюгѣ села Ивана Головина и Тутолмина: всѣ эти примыслы были отказаны великой княгинѣ.

Если два жребія или участка Московскаго княжества, соединенные при Дмитріи Донскомъ, по смерти его раздѣлились на пять частей; то и третій участокъ князя Владиміра Андреевича раздѣлился также на пять частей по числу его сыновей. Владиміръ Андреевичъ отказалъ вотчину свою Москву, свою треть, сыновьямъ — Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василию, которые должны вѣдать ее по годамъ. Подобно Донскому онъ благословилъ старшаго сына Ивана на старѣйшій путь въ Москвѣ и станахъ, далъ ему конюшій путь, бортниковъ, садениковъ, псарей, бобровниковъ, барашей и дѣлюевъ. Далъ ему Серпуховъ съ волостями: Городецъ, Нарское, Нивна, Темнино, Синилица, Гомонинъ, Ярославля слободка, Мокрая слободка, Дягилева слободка, Львова, Верхъ Москвицъ слободка, Крутицкая и Остапкова слободка; изъ Московскихъ селъ: Микулинское, Губкино, Нѣмцово, Поповское и Коломенка съ мельницею, Туловское со всѣми деревнями; село Сесипетрово и Струпиково; князю же Ивану: Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и купля Лисинъ.

Князю Семену: Боровскъ съ волостями: Голчицы, Хопинскія слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щелкова; изъ Московскихъ селъ: Выпряжково на Студенцѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной; въ Юрьевѣ Подльскомъ 4 села: Варварское, Богоявленское, Поповское, Федоровское.

Князю Ярославу: Ярославль съ Хотунью, Вихорну, Полянку, Ступову слободку, Мошневскую слободку; изъ Московскихъ сель: Сармевское да Кирьясово съ лугами, да на устьѣ Мстица мельница. — Семену и Ярославу вѣсть: Городецъ на Волгѣ, мѣсть мыта и тамги, которыми будетъ пользоваться княгиня ихъ мѣсть; городъ же и станы князя раздѣлять пополамъ со всѣми мѣлинами: Семену станы по-сю-сторону Волги, пониже Городца, да Бѣлогородье; Ярославу станы по-ту-сторону Волги, выше Городца, да Юрьевецъ; если же Бѣлогородье окажется выше Юрьевца и Черняковой, то князь Семенъ придастъ князю Ярославу Корякову; если же Юрьевецъ и Чернякова окажутся больше Бѣлогородья, то оставить по прежнему, а Корякову раздѣлить пополамъ вѣсть съ слободами. Въ рыбныя ловли) оба князя устроятъ подъ Городцемъ вѣсть, подвѣлять себѣ добычу пополамъ. Но кромѣ этого раздѣла князю Семену одному дана на Городцѣ Порозна.

Князю Андрею: Радонежъ, Бѣли, Черноголовъ съ численными людьми на Кержачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка, Ухачевъ; изъ Московскихъ сель: Михайловское съ мельницею, Алиткиново, на Учи Поповское, да Илья Святый, селце Дмитрія Воронина, Четрековское и Мосейково на Любосивли, Якова деревня.

Князю Василию: Перемышль, Ростовецъ, половина Щитова, реть Добрятинская; изъ Московскихъ сель: Ясиновское съ деревнями, да Паншина гарь. — Князьямъ Андрею и Василию вѣсть — городъ Угличъ.

Княгинѣ Еленѣ Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣву слободку; слободы и волости Лужевскія: Ловышина, Ярцева слободка, Мосновецъ, Турья горы, Буболь, Вепрьяка, Якимова слободка, Баковецъ, Стунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Жомантова, Гриди Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Федотова Лукина. Изъ Московскихъ сель: Коломенское со всѣми лугами и деревнями, Ногатинское, Танинское съ Корьевымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьѣ Яузы; Косино, Обухово и мельница даны въ

опричинну. Изъ сыновнихъ удѣловъ въ пожизненное владѣніе княгиня получила: изъ удѣла князя Ивана: Восточное съ лѣсами, Тетково озеро; изъ удѣла князя Семена: Омутское съ лѣсами и лугами; изъ удѣла князя Ярослава: Бовыкинское Долгое озеро на устьѣ Лопастны; изъ удѣла князя Андрея: Вороновское, Ковѣзинское, Радонѣжскихъ бортниковъ съ лѣсами и бортью; изъ удѣла князя Василья: Битягово, Демодьдово; на Угличѣ — село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти къ старшему сыну, князю Ивану, Ногатинское къ Семену, Танинское съ Курьевымъ къ Василью; Козловъ бродъ пополамъ князю Ивану съ братомъ Ярославомъ, равно какъ и Бадѣва слободка. Лужу со всѣми волостями должны подѣлить на три части князья Семень, Андрей и Василій, кромѣ сель — Бубольскаго, Бѣнитскаго, Мѣдкина и Дьяковского, въ которыхъ княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завѣщатель отказалъ въ Москвѣ дворы, — Зворыкинъ, Игнатьевъ и Бутовъ садъ; Семену и Ярославу пополамъ дворъ великой княгини Маріи (жены Симеона Гордаго); Семену за Неглинною Тереховъ садъ; княгинѣ съ Андреемъ и Васильемъ большой дворъ Московскій пополамъ; Ярославу, Андрею и Василью Чичаковъ садъ на трое. Соль на Городцѣ князья Семень и Ярославъ вѣдуютъ за-одно, и добычу дѣлятъ пополамъ, кромѣ Федоровской варницы ¹⁷⁸.

Сравнивая волости, исчисленныя въ завѣщаніи Владиміра Андреевича, съ волостями, которыя получилъ отецъ его по завѣщанію Калиты, мы видимъ, что князь Владиміръ успѣлъ значительно увеличить свой удѣлъ. Изъ этого удѣла еще при великомъ князѣ Іоаннѣ II-мъ была потеряна Лопастна, отошедшая къ Рязани, но она замѣнена была Новымъ Городкомъ на устьѣ Поротли. Потомъ Владиміръ Андреевичъ, въ слѣдствіе завѣщанія Калиты, получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны; великій князь Дмитрій Донской далъ ему Лужу и Боровскъ ¹⁷⁹; племянникъ Василій Дмитріевичъ далъ ему Вологду

Ржеву съ волостями ¹⁸⁰; но потомъ произошла у нихъ мѣна: въ можетъ Василию не хотѣлось, чтобъ волости Серпуховго князя простирались такъ далеко на западъ, по границѣ Новгородскимъ и Тверскимъ; онъ взялъ назадъ у Волокъ и Ржеву, и вмѣсто перваго уступилъ ему часть ихъ примысловъ на востокъ, именно Городецъ съ волостями: городешъ, Юрьевщъ, Коряковою и Черняковою слободою и Унжинскою тамгою, а вмѣсто Ржевы — Угличъ съ селъ Золоторусскимъ ¹⁸¹; наконецъ на югъ даны были Владиміру Андреевичу въ удѣлъ и отчину: Козельскъ, Гоголь, Алехинъ и Лисинъ съ куплею Пересвѣтовою. Но умноженіе сельскихъ, слободъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, сель Юрьевъ, нельзя приписать ничему иному, какъ покупкамъ стороны Владиміра Андреевича; въ завѣщаніи своемъ онъ упоминаетъ объ одной покупкѣ сына своего, князя Ивана — владѣтельство, что князя еще при жизни отцевъ своихъ имѣлъ въ дѣтствѣ покупать себѣ волости ¹⁸².

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ его съ другими князьями Василиемъ Димитріевичемъ останавливается еще одно обстоятельство: онъ получаетъ отъ великаго князя Угличъ; но мы видѣли, что этотъ городъ, по завѣщаніи Донскаго, отказанъ былъ не Василию, а Петру Димитріевичу, князю Дмитровскому. Эта мѣна волостей произошла въ дѣствіе составленія удѣла для меньшаго брата, Константина Димитріевича. Мы видѣли, что въ первомъ завѣщаніи своемъ великій князь Димитріевичъ отказываетъ на долю Константина Топюжну; но этого было мало: всѣ князья должны были участвовать въ составленіи удѣла, и вотъ бездѣтный князь Петръ Димитріевичъ уступаетъ младшему брату Угличъ, въ замѣнъ участвуетъ отъ Юрія Шачебалъ и Ликургы, но и эти двѣ волости уступаетъ также Константину ¹⁸³; кромѣ того Юрій отдалъ Константину еще нѣсколько своихъ Звенигородскихъ земель. За это, а можетъ быть и за что-нибудь другое, великій князь получаетъ отъ великаго князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую къ Суздальско-Нижегородскому княжеству ¹⁸⁴.

Но великій князь взялъ у Константина Угличъ и прои́тъ его у Влади́мира Андреевича на Ржеву для Константина, которому придалъ еще великокняжескія владѣнія въ Бѣжскомъ Верхѣ; Волокъ, вытѣненный на Городецъ, остался великимъ княземъ. Но такое распределе́ніе волостей существовало не долго по смерти князя Влади́мира Андреевича: великій князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю (республику) и Лисинъ¹⁸⁵, изъ которыхъ Угличъ отдалъ брату Константину, вѣроятно, чтобъ заставить его отказаться отъ своихъ притязаній на старшинство. Влади́мировичи не имѣли средствъ противиться великому князю и должны были отказаться отъ примысловъ отцовскихъ, и одинъ изъ нихъ Ярославъ, принужденъ былъ отѣхать въ Литву. Впрочемъ великій князь далъ имъ нѣкоторое вознагражденіе: отдавая Константину, онъ взялъ у него Тошню и отдалъ Влади́мировичамъ, наказавши однако сыну своему, въ завѣщаніи, не мѣшать се у нихъ.

Такъ были распределены волости въ сѣверовосточной Руси, когда малолѣтній Васи́лій Васи́льевичъ сѣлъ на столъ отца его и начались знаменитыя усобицы, поведшія къ собранію почти всѣхъ волостей Московскихъ въ одно цѣлое. Прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о Дмитровѣ, вѣчномъ удѣлѣ князя Петра Дми́тріевича; сначала онъ былъ какъ видно, присоединенъ къ волостямъ Васи́лія Васи́льевича, но потомъ, послѣ суда въ Ордѣ, Дмитровъ былъ отданъ Юрію въ вознагражденіе за потерю старшинства. Заключая договоръ съ племянникомъ послѣ смерти Морозова и бѣгства его изъ Москвы, Юрій уступилъ ему опять Дмитровъ, но тотъ взялъ Сурожи́къ, село Лучинское, Шепкову, Шачево, Ликурги¹⁸⁶, Костромскія волости: Андому, Корегу, Боръ, Березовецъ съ Залѣсьемъ и Шыленгу, наконецъ остались великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ Верху, кромѣ волостей, уступленныхъ прежде князю Константину, и кромѣ

мирна Ивана Дмитриевича, которыхъ Василій оставлялъ за собою, ибо «взялъ въ своей винѣ.»

Оба брата, и Юрій, и Константинъ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, умерли почти въ одно время; выморочный удѣлъ вѣдѣтнаго Константина взялъ себѣ великій князь Василій; у Юрія оставалось трое сыновей. До насъ дошло его завѣщаніе, но написанное гораздо прежде смерти, когда еще онъ надѣлъ Дмитровомъ, слѣдовательно до перваго завладѣнія Москвою. Въ этомъ завѣщаніи особенно замѣчательно то, что сдѣлано никакого различія между старшимъ и младшими ратями, участокъ Московскій отказанъ всѣмъ тремъ сыновьямъ поровну, старшаго пути нѣтъ; быть можетъ холодность къ старшему сыну, Василю Косому, и особенная привязанность къ младшему, Дмитрію Красному, были тому причиною. Василій Косой получилъ Звенигородъ съ волостями: Угожею, Лѣсьною, Дмитриевою слободкою, Тростною, Нѣгучею, Андреевскимъ; изъ Московскихъ сель Домантовское да луга Таманискіе въ Перервѣ; Дмитрій Шемяка получилъ городъ Рузю съ ея волостями: Юрьевою слободою, Замошьемъ, Кремичною, Жириновымъ, Бѣдами, Ростовцами, Оминскимъ, селомъ Михайловскимъ и Никифоровскимъ со всѣми деревнями; изъ подмосковныхъ волостей получилъ онъ бортниковъ на той сторонѣ Москвы рѣки да лугъ противъ города. Дмитрій Красный получилъ Вышгородъ съ Коситскимъ селомъ, Суходоль съ Истьею и съ Истервою, Уборичною слободкою, Воровковою, Слюдиною: изъ подмосковныхъ волостей село Михалевское, селце Рущевское у города, Доблинскихъ сокольниковъ, бортниковъ, царей да лугъ Ходынской. Дмитровъ городъ завѣщанъ тремъ сыновьямъ вмѣстѣ, а изъ волостей Дмитровскихъ Василю Косому: Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь Куней; Шемякѣ: городокъ Шорна, Корзенево, Воря, Вышегородъ, Днобажъ; Красному: Ижво, Мушкова, Раменка, Берендѣево съ слободкою Кузюдемьянскою, Лутосна, Куликова. Вятка отказана всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ; но Галичь со всѣми волостями и доходами одному Дмитрію Красному. Троицъ сыновь-

ямъ вѣсть Юрій отказываетъ дворъ свой, садъ за городомъ на посадѣ и другой садикъ поменьше. Изъ этого завѣщанія видимъ, что кромя Вятки и Дмитрова, уступленные братомъ и племянникомъ, Юрій не успѣлъ прикупить ниче къ своему удѣлу, а потерялъ Сурожику (отданный, какъ видно брату Константину); не упомянуты также въ его завѣщаніи село Юрьевское и Ростовское¹⁸⁷.

Иначе, какъ видно, распорядился Юрій передъ смертію Вышгородъ и Галичь, волости Краснаго по прежнему завѣщанію, теперь видимъ у Шемяки; за Краснымъ видимъ волости Бѣжецкія и Костромскія, недавно приобретенныя Юріемъ, кромя однако Шачебалы, Ликурги и Андомы. Но смерть Юрія, вражда Косаго съ Василиемъ Васильевичемъ послужили для послѣдняго первымъ поводомъ къ примышенію насчетъ живыхъ князей: онъ отобралъ у Косаго его Звенигородскую волость Шемяка, заключая договоръ съ великимъ княземъ, отказался отъ Звенигорода, и отъ Дмитрова, и отъ Вятки, а взялъ удѣлы дяди Константина — Ржеву и Угличь, да подмосковныя волости Зарыдале, Сохну, Раменейцо, Осташевскія деревни, Щукинское, Сурожику, Шопкову, Лучинское. Послѣ встрѣчи и Костромъ Косому отданъ былъ Дмитровъ вѣсто Звенигорода, но, какъ мы видѣли, не надолго¹⁸⁹.

Такимъ образомъ удѣлъ Петра Дмитриевича и половина удѣла Юрія Дмитриевича были присоединены къ Коломенскому и Ликокняжескому удѣлу. Но удѣлы Серпуховской и Можайскія оставались еще не тронутыми: первый, въ слѣдствіе безпечной смерти четырехъ сыновей Владиміра Андреевича сосредоточился въ рукахъ единственнаго внука его Василія Ярославича; удѣлъ Можайскій, по смерти Андрея Дмитриевича раздѣлился на два удѣла: Можайскій доставшійся старшему сыну Андрееву — Ивану, и Верейскій — младшему, Михаилу Шуринъ великаго князя, Василій Ярославичъ, отказался отъ всѣхъ пожалованій, полученныхъ дѣдомъ его отъ отца Василія; но часть этихъ пожалованій именно Козельскъ, съ волостями — Серенскомъ, Людимскомъ, Коронками, Вырномъ

ресвѣтovou куплею, Алексинимъ, Лисынымъ и Свибловымъ, Москвѣ сочли нужнымъ отдать Ивану Андреевичу Московскому. Союзъ Ивана Андреевича съ Шемякою, имѣвшій въ дѣствіи взятіе и ослѣпленіе великаго князя, имѣлъ также въ дѣствіи и присоединеніе Можайскаго удѣла къ волостямъ исьлевымъ: въ то время, когда Шемяка принужденъ былъ казаться отъ Углича, Ржевы и Бѣжецка, Можайскій князь женъ былъ уступить Козельскъ, Алексинъ и Лисинъ¹⁹⁰. Потомъ, отказавшись отъ союза съ Шемякою, Иванъ Андреевичъ получилъ—было за это снова Лисинъ, и кромѣ того владѣнія въ Бѣжецкомъ Верхѣ, какъ они были за Дмитріемъ Краснымъ (умершимъ въ 1440 году и передавшимъ свои волости Шемякѣ), и половину Заозерья — волости Кубенскихъ князей; но скоро послѣ, въ слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, Иванъ Андреевичъ лишился не только этихъ новыхъ приростовъ, но и своего удѣла Можайскаго. Всѣ волости Шемяки не прежде были присоединены къ владѣніямъ великокняжескимъ.

Оставались удѣлы Серпуховской и Верейскій. Послѣ услугъ, казанныхъ Василиемъ Ярославичемъ великому князю, послѣдній вспомнилъ, что Серпуховскому князю не додана была его вѣдина, Угличъ, Городецъ, Козельскъ, и въ вознагражденіе это отдалъ ему Дмитровъ, кромѣ того, изъ отобранныхъ у Шемяки волостей, Суходолъ съ Краснымъ селомъ¹⁹¹. По изнаніи Ивана Андреевича Можайскаго между шуриномъ и зятемъ произошла жѣна волостями: Василій Ярославичъ отдалъ Дмитровъ назадъ великому князю, и за то получилъ Звенигородъ съ тѣми волостями, которыя были за Косымъ, кромѣ дѣсьни и села Ершовскаго, потомъ Бѣжецкій Верхъ со всѣмъ, съ селами тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые пошли въ изгнаніе съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, кромѣ сель, роданныхъ уже Московскимъ бояремъ — Толстикова и Базарова, и вотчинныхъ деревень — дѣтей Сопрычинныхъ¹⁹². Но Василій Ярославичъ не долго пользовался этими волостями: сначала былъ принужденъ отдать назадъ Звенигородъ

и Бѣжецкій Верхъ ¹⁹³, а потомъ лишился и воѣхъ волостей своихъ.

Уцѣлѣлъ одинъ удѣлъ Верейскій; князь Михаилъ Андреевичъ не только сохранилъ свою отчину, но еще успѣлъ и обрѣсть нѣкоторые примыслы: сначала Верейскій князь 'начилъ отъ Василя Васильевича въ отчину и удѣлъ полоумъ Заозерья, отчины Заозерскихъ князей; кромѣ того къ этой половинѣ прибавлено было еще 100 деревень изъ полоумъ великокняжеской, да за половину Кубены Михаилъ Андреевичъ получилъ изъ великокняжескихъ Заозерскихъ волостей по-погожу, на той сторонѣ, которая приходилась къ его отчинѣ Бѣлуозеру ¹⁹⁴. Потомъ изъ Шемякиныхъ волостей великій князь далъ Михаилу Андреевичу Вышгородъ съ волостями, пущами и селами, да изъ Звенигородскихъ волостей Пльсьнь, кромѣ Пльсенскаго села, кромѣ того Смоляны, Сохну, Зарыданъ, Зеремъ и Тарусицкихъ бортниковъ. Цѣнность пожалованія была увеличена еще тѣмъ, что Вышгородъ освобождался отъ похода на пять лѣтъ, и вся Верейская волость три года платила только полъ-выхода.

Относительно распредѣленія волостей въ княженіе Василя Васильевича любопытны духовныя завѣщанія двухъ княгинь: Елены, жены Владиміра Андреевича, и великой княгини, Софьи Витовтовны, матери Василя Темнаго. Елена сочла нужнымъ благословить своего господина великаго князя Василя Васильевича селомъ Коломенскимъ; внука своего, Василя Ярославича, она благословила селами: Омутскимъ, Выходскимъ, въ Луцкѣ селами: Юрьевскимъ, Деготскимъ, Осеневскимъ, Аврамовскимъ, Михалковымъ, Миседскимъ, Сосновскимъ, въ стану Московскомъ селомъ Туловскимъ; сноху свою, жену князя Семена, Василю, благословила селомъ Ногатинскимъ съ лугами и городками Ногатинцами, въ Лужѣ селомъ Бубольскимъ и Бѣнитскимъ; другую сноху, жену князя Василя, Ульяну, благословила селами Битяговымъ и Домодѣдовымъ, а въ стану (Московскомъ) селомъ Танинскимъ да селомъ Богородскимъ; внука, князя Василя Ярославича; благословила также селомъ Ковѣзинскимъ

Радонѣжъ; внуку, княгиню Марью Ивановну, селомъ Во-
 овскимъ въ Дмитровѣ, въ городѣ (Москвѣ) мѣстомъ подь
 ромъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были владычни хоромы, а
 смерти княгини Марьи село и мѣсто князю Василю Яро-
 мичу¹⁹⁵. — Въ этомъ завѣщаніи мы видимъ не всѣ волости,
 рыя получила Елена по духовной мужа своего, и между
 чимъ не видимъ тѣхъ волостей, которыя были даны ей въ
 ичину, какъ Обухово, Косино. Съ другой стороны мы
 имъ, что княгини имѣли право располагать только тѣми во-
 ями, которыя были назначены имъ въ опричнину, или сво-
 собственными примыслами; какимъ же образомъ княгиня
 на располагаетъ всѣми своими волостями? Это явленіе можно
 яснить только тѣмъ, что Елена пережила всѣхъ своихъ
 овей, которымъ должны были достаться ея волости, взятыя
 ихъ удѣловъ, а правила, по которому единственный внукъ
 Василий Ярославичъ, долженъ былъ считаться необходи-
 мъ наследникомъ всѣхъ своихъ бездѣтныхъ дядей, — не было.
 [уховное завѣщаніе великой княгини Софьи Витовтовны за-
 ательно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ по большому
 ичеству прикуновъ, что показываетъ большія средства, ко-
 ими обладала завѣщательница; во-вторыхъ замѣчательно
 ѣ, что большая часть этихъ прикуновъ отказана одному
 имому внуку, князю Юрію Васильевичу. Княгини, по за-
 даніямъ мужей своихъ, получали большія и богатая воло-
 , — нѣкоторыя изъ нихъ въ опричнину, большую часть въ
 иженное владѣніе; но доходы, со всѣхъ волостей, равно
 ѣ нѣкоторые другіе доходы, оставляемые умирающими
 ями въ пользу женъ своихъ, давали послѣднимъ средства
 купать волости, которыми уже онѣ могли располагать по
 изволу, и, смотря по привязанности, увеличивать ими удѣлъ
 о или другаго внука. Въ завѣщаніи княгини Софьи встрѣча-
 ѣ изъ 52 волостей не болѣе шести, которыя не были ея
 купами: именно села: Бабышевское, Лыцево, Ослебятев-
 е, прикуны Дмитрія Донскаго, завѣщанные имъ женѣ своей
 юкин и, неизвѣстно по какому случаю, перешедшіе въ пол-

ную собственность княгини Софьи, и потомъ опричинна слѣдней — село Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ и Гз. Первые три села она отказала снохѣ своей, великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, а послѣднія любимому внуку Юрію. Теперь слѣдуютъ прикупы: Коломенскія села: Колычевское, колцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское, и Рѣпнико. Юрьевскія: Курчевское, Елецкое, Варварское; за Волгомъ Шекснѣ волость Устьугла, станъ Веретейка со всеми деревнями — отказаны сыну, великому князю Василию. Коломенскія прикупы: на Сѣверьсцѣ село Григорья Наумова, да у Малого село Ивана Бункова — отказаны великой княгинѣ Маріи. Владимірскій прикупъ — села Толба, Вижекша и Головино — внуку Іоанну, Московскій прикупъ — село Поповское Воробьево съ Семеновскимъ и деревнями; на Похрѣ село Мячково Фавустовскимъ, Ладыгинскимъ, Левонтьевскимъ, Тяжинскимъ рыболовными деревнями; Коломенскія села: Велино, Кривцово, Бронниче, Чевырево, Марчуково, Рожокъ, починокъ у Щелковомъ озера; Юрьевскіе прикупы — Турабьевскія села, потомъ: Кучино, Деревенька, Шадрино; Костромскіе прикупы: Качаловское, Ушаковское, Святое; Вологодскія: Масленскія села, Янгасинскія, Говоровскія — отказаны внуку Юрію, кромѣ трехъ съ Юрьевскихъ, Турабьевскихъ—Березниковъ, Ратькова и Алексина: Алексино княгинѣ Евфросиніи, Березники и Ратьково — великой княгинѣ Маріи, но по смерти ихъ князю же Юрію. Съ Вологодскія: Вышелѣсъ внуку Андрею; прикупъ на Волокъ — Белеутовское село и Окораковскія — внуку Борису¹⁹⁶.

Наконецъ всѣ удѣлы Московскаго княжества (кромѣ однихъ Верейскаго), вмѣстѣ со всеми примыслами въ другихъ областяхъ, собраны были Василиемъ Темнымъ, который, сдѣлавъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ великокняжескою областью Владимірскою, раздѣлилъ между пятью сыновьями: старшаго, Іоанна Васильевича, благословилъ великимъ княженіемъ, третью въ Москвѣ чѣмъ его самого благословилъ отецъ, Коломною, Владимірскою, Переяславлею, Костромою, Галичемъ, Устюгомъ, Вяткою, Суздалью, Новгородомъ—Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевомъ съ

кою Солюю, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинимъ; изъ Московскимъ сель: Островскимъ, Орнинскимъ, Константиновскимъ, Молаховскимъ, Краснымъ надъ великимъ рудомъ, и лугомъ большимъ у города по рѣкѣ Москвѣ. Второго сына, Юрія, благословилъ въ Москвѣ третью, которая шла за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; но Юрій долженъ былъ раздѣлить эту треть съ братомъ Андреемъ Большимъ и вѣдать ее по годамъ. Кромѣ половины Московской трети Юрій влучилъ въ Москвѣ же годъ князя Константина Дмитріевича, втомъ волости: Дмитровъ, Юлку, Серебожь, Бускутово, Роественное, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунь, всѣ волости, завѣщанныя ему бабкою Софьею Витовтовною, съ ридачею Шипиловскаго села къ Турабьевскимъ. — Мы замѣаемъ желаніе князей округлить свои удѣлы, не имѣть въ нихъ олостей, принадлежащихъ другимъ князьямъ; такъ, наприхѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ требовалъ отъ своего сына, Ивана, тобъ тотъ отказался отъ прикупа своего, приходившагося въ дѣлѣ другаго сына, Ярослава¹⁹⁷; теперъ, по завѣщанію Софьи Витовтовны, села князя Юрія приходились въ Коломенскомъ дѣлѣ великаго князя Іоанна, въ слѣдствіе чего Василій Темный ваетъ послѣднему право вымѣнить ихъ у младшаго брата безъ биды. — Третій сынъ, князь Андрей Большой, получалъ Угличъ, Стюжну, Рожалово, Кистму, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ, Москвы село Сущевское. Четвертый сынъ, князь Борисъ; олучилъ въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича Можайскаго, Жеву, Волокъ, Рузу; если князь Юрій Васильевичъ, благодаря особенной любви бабки своей съ отцовой стороны, получилъ большую часть ея многочисленныхъ прикуповъ, то князь Борисъ былъ любимцемъ прабабки съ материнской стороны, нягини Марьи Федоровны Голтяевой, и получилъ отъ нея также много волостей, безъ сомнѣнія доставшихся ей послѣ тца, боярина Федора Федоровича Голтяя Кошкина, и бѣздѣтнхъ братьевъ; эти волости были: у Коломны села Проскурниковскія да Введенскія, на Городнѣ деревня, на Москвѣ за Юхрю Разсудовскія села, — Звѣревское и Бирановское, во

Владимиръ Симишинскія села, Лазарское, Котязино, у Владимира Евпутьевское село, на Костромѣ, на Волгѣ Нижняя слобода, Базѣевское, Мапуиловское, на Вологдѣ Турандаевское Понизовное, Ковылинскія села, Горка, на Шомѣ деревни, а у Москвы село Шарапово, Лошаково, дугъ на Москвѣ рѣкѣ подѣ Крутицею, въ Берендеевѣ село Ростовцовское, въ Кинѣ Суровцово, Тимоѣевское, Микульское, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ¹⁹⁸. Пятый сынъ, Андрей Меньшой получилъ въ Москвѣ годъ князя Петра Дмитриевича, у Москвы село Танинское, Ясеновское, Раменейце, потомъ Вологду съ Кубею и Заозерьемъ, Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волоцкомъ, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму Отводное съ Перѣушковскими селами, Тошну, Янгосаръ. — Великая княгиня Марія получила въ пожизненное владѣнiе Ростовъ, т. е. ту часть города, которая была за Василиемъ Темнымъ, въ остальной же части еще владѣли князья Ростовскіе; по смерти великой княгини, ея часть Ростова переходила къ князю Юрію. Потомъ утверждались за нею купля ея Романовъ¹⁹⁹ и устье Шексны; далѣе великая княгиня получала волости по Волгѣ и Шекснѣ, которыя были за княземъ Иваномъ Можайскимъ, вмѣстѣ съ селами, отобранными у измѣнишаго боярина Петра Константиновича; Усть-Углы, Нерехту, у Москвы село Напрудское, мельницу Ходынскую съ лугомъ Ходынскимъ, Ногатинское, Новинки, Озерецкія села, Михалево, Олешню, Лужскія села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истрѣ. Изъ удѣловъ: изъ Коломенскаго городокъ Брашову, съ селцемъ, съ Гвозднею и съ Иваномъ, Устьмерску, Песочну, Малинскія села, село Серкизовское съ Мѣзынкою, Высокое, Шкинъ, селце Федора Степанова, Сверѣевское, Лыцевское, Бабышево у Коломны, Чухистово; въ Переяславлѣ: Рюмпское, Маринину слободу, село Доброе; въ Юрьевѣ село Фроловское съ Елохомъ, Красное, Курчево, Елцы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогошино, села Петра Константиновича: Матвѣицovo и Ворогово; въ Суздалѣ: Шокшовъ,

авыдовское; на Костромѣ села Михайлы Данилова, села Коломнскихъ, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ; на Устюгѣ, въ придачу къ ея куплѣ Леонтьевскому, Пятницкому и Вондоурью, село Мошешское и Дымкову сторону; изъ удѣла Андрея Большаго: Елду, Кадку, Васильково; изъ удѣла князя Бориса: Издѣтмялю, Гудину слободу, Ядрово, село Андреевское во Ржевѣ; изъ удѣла Андрея Меньшаго Иледаи съ Коломою и Обнорою; изъ Нижняго-Новгорода села, которыя были великою княгиней Софьею Витовтною съ Сокольскимъ мцежъ и Кърженцежъ, изъ Мурома — селце Муромское и Патурь. — Послѣ составлена была еще приписная духовная грамота, по которой великой княгинѣ отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, лугъ князя Юрія Дмитевича противъ великокняжескаго двора, Юрьевскій лугъ Казмеевъ, два стана къ Марининѣ слободѣ; въ Переяславлѣ продище съ деревнями Волнинскими, да Бармазово съ деревнями; въ Муромѣ Почапъ, Заколпье, Черсово; на Коломнѣ село Оксинское съ деревнями, также Мячково, купленное у встасыи, жены Федора Андреевича, села на рѣкѣ Москвѣ, купленные у ея дочери. Въ Можайскѣ село Чертаковское, Блєвицы, Исмейское село, мельницу подъ городомъ; села уромскія и села въ Вотскомъ Стародубѣ, данныя Анною, женою Василия Ивановича; села Долмата Юрьева въ Хотунскомъ, Растуновѣ и Перемышлѣ — въ опричнину. — Дворъ князя Ивана Можайскаго въ Москвѣ отданъ старшему сыну Ивану; дворъ Серпуховскихъ князей за Архангельскимъ соборомъ — сыну Юрію, а дворъ, данный ему бабкою у церкви Иоанна Предтечи, отданъ великой княгинѣ; дворъ Шемяки — Андрею Большому; опальные же дворы бояръ Константиновичей — Петра, Ивана и Никиты, также за городомъ дворы — мчины и купля, примысль и сады — отдаются въ распоряженіе великой княгинѣ — кому изъ сыновей что дастъ. Села Куловское и Рѣпинское, — которыя великая княгиня дала Федору Басенку, а въ духовной своей отдала въ распоряженіе великому князю, — эти села будутъ находиться у Басенка въ

пожизненномъ владѣніи, и послѣ смерти его отходятъ къ великой княгинѣ Маріи²⁰⁰.

Изъ этого обзора постепеннаго распространенія, раздѣленія и собиранія Московскихъ волостей, мы видимъ, что въ распространеніи Московскаго княжества завоезанія играютъ весьма малую роль; первоначальное распространеніе насчетъ сосѣднихъ княжествъ — Смоленскаго и Рязанскаго, присоединенія Можайска и Коломны съ Вереєю, Боровскомъ, Лужею, произошло силою оружія; но со временъ Калиты распространеніе происходило преимущественно прикупали и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало. Московскій князь скупаетъ (отсюда названіе окупныхъ князьковъ) отдаленныя сѣверозападные и сѣверовосточныя княжества, волости какъ видно, пустынные, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи удовлетворять Ордынскимъ требованіямъ, а съ другой стороны не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича; Калитою куплены были Белоозеро, Галичь, Угличъ; летописцы не говорятъ, какъ приобрѣтенъ Дмитровъ; они говорятъ объ изгнаніи изъ волости князей Галицкаго и Стародубскаго при Донскомъ; но волости Стародубскихъ князей не упоминаются среди волостей Донскаго и наследниковъ его; слѣдовательно они оставались за князьями, отчичами, вошедшими въ служебныя отношенія къ Московскимъ князьямъ. Княжество Нижегородско-Суздальское Муромское были заняты не силою оружія; только послѣ нужды было, въ продолженіе извѣстнаго времени, защищать этотъ предметъ отъ притязаній прежнихъ его князей; на югѣ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ раздробленныхъ областей Черниговско-Сѣверскихъ, на юго-востокъ насчетъ князей Мещерскихъ. Но въ то время, когда волости присоединяются путемъ мирнымъ, куплею, или хотя насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній, продолжатъ

ельныя войны Московскихъ князей съ сосѣдными княжествами, отъ и окончившіяся благополучно, не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ приобрѣтеній: такъ ничего не было приобрѣтено отъ вери послѣ счастливыхъ войнъ съ нею при Донскомъ, ниго не было приобрѣтено отъ Рязани, послѣ опредѣленія границъ при Іоаннѣ II-мъ; попытка приобрѣсть волости Новгородскія за Двиною при Василии Дмитріевичѣ не удалась. — ромѣ приобрѣтенія цѣлыхъ княжествъ Московскіе князья обогатились приобрѣтеніемъ многихъ сель и мѣсть. Мы знаемъ, что князья постоянно вносили въ свои договоры условіе — не приобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего московскіе князья, не смотря на свои денежныя средства, не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской масти; но имъ открыта была для прикуповъ великокняжеская масть Владимирская, которою они постоянно владѣли, и мы видѣли изъ ихъ завѣщаній, какъ они воспользовались этимъ, какъ преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева Польскаго; вотъ также одна изъ причинъ усиленія Московскихъ князей. Двоимъ путемъ князья Московскіе приобрѣтали села: куплею и отобраніемъ у опальныхъ бояръ; такъ приобрѣтены были села Вельяминовскія, Свибловскія, Всеволожскія (внана Дмитріевича), братьевъ Константиновичей. Границы Московскаго княжества при кончинѣ Іоанна Калиты не совпадали же съ границами нынѣшней Московской губерніи, ибо для него недоставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Дамскаго; пошъ захватывали нѣкоторую часть Тульской и Калужской губерній; но при кончинѣ праправнука Калитина, Василия Темнаго, московскія владѣнія послѣдняго не только обнимаютъ всю нынѣшнюю Московскую губернію (кромя Клина), но простираются на губерніямъ: Калужской, Тульской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московскаго княжества на юговостокъ, на Рязанскою областію, опредѣлены въ договорахъ Рязанскихъ князей съ Московскими: граница шла по рѣкѣ Окѣ и Цнѣ;

прежнія мѣста Рязанскія отъ Коломны вверхъ по Окѣ, на сторонѣ Московской: Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, всѣ другія мѣста на лѣвой сторонѣ рѣки принадлежатъ Москвѣ, а внизъ по Окѣ отъ Коломны по рѣку Цну и отъ устья Цна вверхъ всѣ мѣста на Рязанской сторонѣ къ Рязани, а на Московской къ Москвѣ. Въ слѣдствіе этого раздѣла Окою старыя Рязанскія мѣста на правомъ берегу, бывшія до времени Іоанна II-го за Москвою, отошли къ Рязани, именно: Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничъ и мѣстами. Мѣста: Талица, Выползовъ, Такасовъ отошли къ Москвѣ, равно какъ Мещера, купля Донскаго. Иначе, думать нельзя понимать этого мѣста: «А межѣ насъ раздѣлъ землѣ по реку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на Московской сторонѣ почень, Новый Городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ и иная мѣста Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну и отъ устья Тцны въ верхъ по Тцнѣ, что на Московской сторонѣ Тцсны, то къ Москвѣ; а что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, почень, Лопастна и проч., мѣста къ Рязани.» Но спрашивается: какимъ образомъ Лопастна могла быть на Рязанской сторонѣ за Окою? Относительно Тулы новая трудность: «А что мѣсто князя великаго Дмитрія Ивановича на Рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царѣ при Тайдулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали; въ то ся Князю Великому Олгу не вступатся, и князю великому Дмитрію ²⁰ Тула называется мѣстомъ великаго князя Дмитрія на Рязанской сторонѣ, онъ отъ нея отступается — это понятно, и въ то же время отступается отъ нея и великій князь Олегъ. Въ чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку в договорѣ Донскаго, и основываясь на позднѣйшихъ договорахъ Рязанскихъ князей съ Василиемъ и Юріемъ Дмитріевичами, принимать, что великіе князья Московскіе отступили отъ Тулы въ пользу князей Рязанскихъ, ибо въ этихъ позднѣйшихъ договорахъ Московскіе князья обязываются не вступаться въ Тулу; но здѣсь опять затрудняетъ дѣло договоръ

язанскаго князя Ивана Ѳеодоровича съ Витовтомъ, гдѣ встрѣ-
емъ слѣдующее условіе: «великому князю Витовту въ вотч-
ину мою не вступатися Ивана Ѳеодоровича, въ землю ни въ
ду, поколѣ рубежъ Рязаньскіе Переяславьскіе моее вотчины
и немши Туду, Берестей, Ретань съ Паши, Дорожень, Заколо-
жь Гордѣвской.»²⁰²

Любопытно, что въ договорахъ Московскихъ князей съ Ря-
нскими не только Лопастна, но также Верея и Боровскъ
зываются старыми мѣстами Рязанскими, тогда какъ, по сви-
детельству лѣтописца подъ 1176 годомъ, Лопастна была воло-
гю Черниговскою; но уже изъ этого самаго свидѣтельства
можно замѣтить, что Рязанскіе князья начинаютъ захватывать
ближайшія къ нимъ волости Черниговскія, какъ наприм. упо-
минаемый тутъ же Свирѣльскъ. По всѣмъ вѣроятностямъ Ря-
нцы захватили и Лопастну, и Верею, и Боровскъ, и Лужу
скорѣ послѣ Батыева нашествія, когда Черниговско-Сѣверское
княжество опустѣло, раздробилось и обезсильно.

Изъ Новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что
Юлокъ, Вологда и Бѣжецкій Верхъ считаются до послѣдняго
ремени владѣніями Новгородскими; но въ то же самое время въ
договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы ви-
димъ, какъ великіе князья распоряжаются и Волокомъ, и Бѣ-
ецкимъ Верхомъ, и Вологдою — знакъ, что здѣсь волости
Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокня-
жескими; и дѣйствительно великій князь Василій Васильевичъ,
твердая Бѣжецкій Верхъ за Шемякою и братомъ его, Ди-
митріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобы онп
держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-Городомъ²⁰³. Мы
видѣли, что Новгородцы хотѣли здѣсь размежеваться съ ве-
ликимъ княземъ; но Василій Васильевичъ Темный почему-то
не хотѣлъ этого размежеванія. На основаніи извѣстія подъ
1220 годомъ, что великій князь Юрій Всеволодовичъ велѣлъ
землянику, Васильку Константиновичу Ростовскому, выслать
противъ Болгаръ полки изъ Ростова и изъ Устюга мы заключили,
что Устюгъ зависѣлъ отъ Ростовскихъ князей: не знаемъ,

удержали ли они Устюгъ во время своей слабости и зависимости отъ великихъ князей, или Устюгъ отошелъ къ Владимирской области; знаемъ только, что Устюгъ является какъ городъ, принадлежащій князьямъ Московскимъ, впервые только въ завѣщаніи Василя Темнаго, когда въ первый разъ городъ Владимирскаго княжества были перемѣшаны съ Московскимъ, и когда въ первый же разъ Ростовъ былъ отказанъ великимъ княземъ женѣ. — Что касается до общиѣхъ Русскихъ границъ на юговостокъ, то съ большою вѣроятностію можно предположить, что онѣ совпадали съ границами епархіи Рязанской и Сарайской, ибо послѣдняя находилась уже въ собственныхъ владѣніяхъ Татарскихъ. Этою границею въ митрополичьихъ грамотахъ опредѣляется рѣка Великая Ворона²⁰⁴; изъ тѣхъ же грамотъ узнаемъ, что христіане находились въ предѣлѣ Черленаго Яру (рѣки) и по карауламъ возлѣ Хопра до Дону. На восточномъ берегу Дона, тамъ, гдѣ эта рѣка имѣетъ ширину одинакую съ шириною Сены въ Парижѣ, Рубруквисъ нашелъ Русскую слободу, построенную Батыемъ и Сартакомъ; жители ея обязаны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и пословъ. Относительно этихъ границъ важно для насъ извѣстіе о путешествіи Пимена митрополита въ Константинополь. Митрополитъ отправился изъ Рязани сухимъ путемъ, взявши три струпа и насадъ на колесахъ. Достигши Дона, путешественники спустили суда на рѣку и поплыли внизъ. Вотъ какъ описывается плаваніе по Дону: «Путешествіе это было печально и уныло, потому-что по обѣимъ сторонамъ рѣки пустыня: не видно ни города, ни села, виднѣются одни только мѣста прежде бывшихъ здѣсь городовъ, красивыхъ и обширныхъ; нигдѣ не видишь человека, но звѣрей множество; козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, множество: и птицъ — орловъ, гусей, лебедей, журавлей и разныхъ другихъ.» Миновавши рѣку Медвѣдицу, Высокія Горы и Бѣлый Яръ, также мѣсто древняго Козарскаго Саркела, путешественники начали встрѣчать Татарскія кочевья. Видно, что на Донской системѣ въ концѣ XIV вѣка крайнимъ Русскимъ княжествомъ было Елецкое.

точевья же Татарскія начинались въ нынѣшней землѣ войска Донскаго, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ Волги.

Касательно югозападныхъ границъ съ Литовскими владѣніями, мы знаемъ, что при Василии Дмитріевичѣ Московскомъ и Витовтѣ Литовскомъ границею была назначена рѣка Угра; но это опредѣленіе односторонне. Мы видѣли также, какъ рязанскій князь опредѣлилъ свои границы съ Литвою; но изъ этого опредѣленія ничего понять нельзя. Изъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній мы знаемъ, что Перемышль, Лихвинъ (Лисинь), Козельскъ, Тростна — считались въ числѣ Московскихъ волостей. Что же касается до земель присяжныхъ князей: Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, то здѣсь границъ опредѣлить нельзя, потому что, по собственнымъ словамъ Іоанна III, эти князья служили и его предкамъ и предкамъ Казимира Литовскаго, на обѣ стороны, съ-обща; мы знаемъ также, что городъ Одоевъ, напримѣръ, раздѣлялся на двѣ половины: одна принадлежала линіи князей, зависѣвшихъ отъ Москвы, а другая — линіи князей, зависѣвшихъ отъ Литвы. Изъ переговоровъ между Московскими боярами и Литовскими послами при Іоаннѣ III мы знаемъ также, что договоры, заключенные съ Литвою при Василии Дмитріевичѣ и сынѣ его, Василии Темномъ, были невыгодны для Москвы, которая должна была тутъ уступить волости, принадлежавшія ей по прежнимъ договорамъ, заключеннымъ при Симеонѣ Гордомъ и братѣ его, Іоаннѣ II. При Олгердѣ половина Серенска принадлежала Москвѣ, а другая половина Литвѣ; въ договорѣ Василия Темнаго съ Казимиромъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т. е. по заключеніи договора должно было обыскать, кому этотъ городъ принадлежалъ прежде; но обыска не было, и Козельскъ остался за Москвою. Со стороны Смоленской или Верхнеднепровской области границею между Московскими и Литовскими владѣніями была сначала Угра; потомъ далѣе на сѣверъ границъ Москвы и Твери съ Литвою должно искать по водораздѣлу между рѣчными областями Днѣпра и Волги.

Границы между Литвою и Новгородскими (съ Псковскими) владѣніями должны были оставаться тѣ же самыя, какія были между Смоленскими и Полоцкими княжествами и Новгородомъ. Какъ на востокъ были волости, находившіяся въ смѣсной владѣніи у Новгородцевъ и великихъ князей Владимірскихъ наприим. Торжокъ, Волокъ, Бѣжичи: такъ и на югъ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и великихъ князей Литовскихъ; таковы были Великія Луки, Ржева (Новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ: всѣ эти земли принадлежали къ Новгородскимъ владѣніямъ, и дань и другіе нѣкоторыя доходы шли съ нихъ великому князю Литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тиуна — Новгородскій и Московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два же тиуна — Новгородскій и Литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ, Литовскіе князья наследовали отъ князей Смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. Такое явленіе, что волость принадлежала одному государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однихъ Новгородскихъ областяхъ: въ договорахъ великихъ князей Тверскихъ съ Литовскими читаемъ: «Порубежныя мѣста, которыя тянутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать даютъ къ Твери, должны и теперь тянуть по-старому, равно какъ тѣ мѣста, которыя тянули къ Твери, а подать давали къ Литвѣ или къ Смоленску, тѣмъ и нынче тянуть по-прежнему и подать давать по-прежнему же.»

Западные границы, границы Псковскихъ волостей съ Ливонскимъ Орденомъ совпадали съ нынѣшними границами Псковской губерніи съ Остзейскимъ краемъ. Что касается границъ Новгородской области со стороны Шведскихъ владѣній въ Финляндіи, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ до 1323 года, къ которому относится дошедшій до насъ договоръ великаго князя Юрія Даниловича съ Шведскимъ королемъ Магнусомъ. Въ этомъ договорѣ сказано, что Юрій съ Новгородцами уступилъ Шведамъ три Корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепя.

Дошла до насъ перечень и Новгородскихъ Двинскихъ володей: Орлець, Матигоры, Колмогоры, Курь-Островъ, Чюх-мема, Ухтьостровъ, Кургія, Княжь островъ, Лисичь островъ, речные дворы, Ненокса, Уна, Кривой, Ракуда, Наволокъ, рлиахта, Емецъ, Калея, Кирія горы, Нижняя Тойма. Потомъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ упоминаются: Вельскъ, Кубена, ухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенга и ага. Изъ Вятскихъ городовъ упоминаются Орловъ и Котель-ичь. — На востокъ опредѣлить границу трудно: знаемъ мько, что на Сурь былъ уже Русскій Нижегородскій городъ урмышь ²⁰⁵.

Мы обозрѣли исторически распространеніе Московскаго княства, усиленіе владѣльцевъ его волостями насчетъ другихъ князей; но рядомъ съ этимъ усиленіемъ Московскихъ и великихъ князей, разумѣется должно было идти измѣненіе въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями. Разсмотримъ также и это измѣненіе исторически; сперва обратимъ вниманіе на отношенія князя Московскаго и вмѣстѣ великаго князя Владимирскаго къ ближайшимъ родичамъ своимъ, удѣльнымъ князьямъ, а потомъ на отношенія его къ дальнимъ родичамъ, которые, благодаря ослабленію родовой связи, назвались, каждый въ своей волости — великими князьями и пользовались динакиими правами съ великимъ княземъ Владимирскимъ, хотя ослѣдній при удобномъ случаѣ и старался приравнять ихъ къ своимъ удѣльнымъ; таковы были князья — Тверской, Рязанскій, Нижегородскій.

Въ завѣщаніяхъ своихъ великіе князья опредѣляютъ отношенія между старшими и младшими сыновьями по старинѣ: Салита говоритъ: «Приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братьевъ твоихъ младшихъ и княгиню свою съ меньшими дѣтьми: по Богѣ ты имъ будешь печальникъ ²⁰⁶.» Донской завѣщаетъ дѣтямъ: «Дѣти мои, младшіе братья князя Василя, пите и слушайте своего брата старшаго, князя Василя, вмѣсто меня, своего отца; а сынъ мой князь Василій держитъ своего брата князя Юрія и своихъ братьевъ младшихъ въ

*
*

братствѣ безъ обиды²⁰⁷.» Противъ духовной Калиты въ завѣщаніи Донскаго встрѣчаемъ ту новость, что онъ придаетъ волостей старшему сыну на старшій путь. Однакоже наслѣдственное дѣляше насчетъ отношеній младшихъ къ старшему поборилъ и великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи²⁰⁸. Но описываемое время было переходнымъ между родовыми и государственными отношеніями: первыя ослабли, вторыя еще не утвердились; вотъ почему неудивительно встрѣтить намъ такія завѣщанія княжескія, гдѣ завѣщатель вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ младшихъ сыновей своихъ къ старшему: таковы завѣщанія Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича²⁰⁹. Можно было бы подумать, что такъ какъ въ завѣщаніяхъ писаны младшими, удѣльными князьями, то они не упомянули объ отношеніяхъ между сыновьями, которые и были одинаково младшіе братья относительно великаго князя, но въ такомъ случаѣ они упомянули бы объ обязанностяхъ своихъ сыновей къ этому великому князю, чего мы не находимъ; притомъ, напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ дѣлаетъ различіе между старшимъ своимъ сыномъ и младшими, называетъ первому особыя волости на старшій путь, наконецъ опредѣляетъ обязанности сыновей къ ихъ матери, своей жемчужинѣ, говорить, чтобъ они читали ее и слушались, говорить, чтобъ они жили согласно, за-одно, и однако не прибавляетъ старшій обычной формы — чтобъ они читали и слушались старшаго брата какъ отца.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялись обязанности удѣльныхъ князей къ великому въ ихъ договорахъ другъ съ другомъ. Въ договорѣ сыновей Калиты, младшіе братья называютъ старшаго господиномъ княземъ великимъ; клянутся быть за-одно до смерти; брата старшаго имѣть и чтить вѣсто отца. Кто будетъ, говорятъ они, брату нашему старшему недругъ, тотъ и намъ недругъ, а кто будетъ ему другъ, тотъ и намъ другъ. Ни старшій безъ младшихъ, ни младшіе безъ старшаго не заключаютъ ни съ кѣмъ договора. Если кто станетъ ихъ ссорить, то они должны изслѣдовать дѣло (исправу учинитъ

и новатаго казнить послѣ этого изслѣдованія, а вражды не имѣть другъ къ другу. Старшій обязанъ не отнимать у младшихъ волостей, полученныхъ ими отъ отца: «того подѣ ними люости, а не обидѣти.» Когда кто-нибудь изъ младшихъ умретъ, то старшій обязанъ заботиться (печаловаться) объ оставшемся послѣ умершаго семействѣ, не обижать его, не отнимать волостей, полученныхъ въ наслѣдство отъ отца; не отнимать также примысловъ и прикуповъ. Если старшій сядетъ на коня (выступить въ походъ), то и младшіе обязаны также садиться на коней; если старшій самъ не сядетъ на коня, а пошлетъ въ походъ однихъ младшихъ, то они должны идти безъ ослушанья. Если случится какая-нибудь оплошность (просторожа) отъ великаго князя, или отъ младшихъ князей, или отъ тысяцкаго, или отъ намѣстниковъ ихъ, то князья обязаны изслѣдовать дѣло, а не сердиться другъ на друга²¹⁰.

Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаемъ уже важныя дополненія: младшій братъ обязывается держать подѣ старшимъ княженеъ великое честно и грозно, добра хотѣть ему во всемъ; великій князь обязывается держать удѣльнаго въ братствѣ, безъ обиды: «Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ знать свою». Заслышавши отъ христіанина, или отъ поганина что-нибудь доброе или дурное о великомъ князѣ, о его отчинѣ, или о всѣхъ христіанахъ, младшій обязанъ объявить ему въ правду, безъ примышленія, по крестному цѣлованію, равно какъ и старшій младшему. Оба князя обязываются не покупать сель въ удѣлахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не держать закладней и оброчниковъ, не давать жалованныхъ грамотъ; если случится искъ одному князю на подданныхъ другаго, давать исправу. Младшій обязанъ посылать своихъ воеводъ съ воеводами великокняжескими вмѣстѣ, безъ ослушанья; если кто-нибудь изъ воеводъ ослушается, то великій князь имѣетъ право казнить его вмѣстѣ съ удѣльнымъ. Если во время похода удѣльный князь захочетъ оставить кого-нибудь изъ своихъ бояръ у себя, то онъ обязанъ доложить

объ этомъ великому князю, и оба распорядятся виѣсть, обоюдному согласію (по згадцѣ): кому будетъ прилично остаться тотъ останется, кому ѣхать, тотъ поѣдетъ. Младшій долженъ служить старшему безъ ослушанья, по згадцѣ, какъ будетъ прилично тому и другому, а великій князь обязанъ кормить удѣльнаго князя, смотря по его службѣ. Когда оба сядутъ на коня, то бояре и слуги удѣльнаго князя, кто гдѣ ни живетъ, должны быть подъ его знаменемъ ²¹¹. Если случится какое-нибудь дѣло между обоими князьями, то они отсылаютъ для рѣшенія спора (для учиненія исправы) своихъ бояръ: если бояре будутъ не въ состояніи покончить дѣла, то ѣдутъ къ митрополиту, а не будетъ митрополита въ Русской землѣ, ѣдутъ къ кому-нибудь на третейскій судъ (на третей), кто сами себя выберутъ: и если который князь проиграетъ свое дѣло, то бояре его не виноваты въ томъ ²¹².

Владиміръ Андреевичъ отказался отъ старшинства въ пользу племянника, обязался признавать послѣдняго старшимъ братомъ, но все же онъ былъ дядею Василю Димитріевичу, и потомъ договоръ, заключенный между ними, написанъ въ болѣе легкихъ для Серпуховскаго князя выраженіяхъ. Послѣдній обязывается держать своего племянника, брата старѣйшаго, честно, а слова: грозно нѣтъ; великій князь обязывается держать дядю и виѣсть брата младшаго въ братствѣ и въ чести безъ обиды ²¹³. Во-второмъ договорѣ старикъ-дядя выговариваетъ даже себѣ право не садиться на коня, когда племянникъ самъ не сядетъ: этотъ второй договоръ замѣчательнѣе тѣмъ, что договаривающіеся уже хотятъ продѣлать и упрочить свои отношенія: здѣсь въ первый разъ князья клянутся исполнять условія договора за себя и за дѣтей своихъ ²¹⁴. Въ завѣщаніи своемъ Владимиръ Андреевичъ приказываетъ жену, дѣтей и бояръ своихъ брату старшему, великому князю: если между дѣтьми его случится какой-нибудь споръ, то они для его рѣшенія посылаютъ своихъ бояръ: если и эти не согласятся между собою, то идутъ передъ старую княгиню — вдову; котораго сына княгиня обвинитъ, на томъ великій князь долженъ

родавить, такъ однако, чтобъ вотчинѣ ихъ и удѣламъ было въ убытка. Относительно пользованія удѣлами, Владиміръ Андреевичъ опредѣляетъ, чтобъ сыновья его не въѣзжали въ удѣлы другъ ко другу на свою утѣху, т. е. на охоту, ловню и въ удѣлъ матери своей, развѣ получаютъ позволеніе; и должны присылать въ удѣлъ другъ къ другу приставовъ и е судить судовъ ²¹⁵.

Димитрій Донской имѣлъ всю возможность привести въ свою долю двоюроднаго брата, который не имѣлъ средствъ бороться съ владѣльцемъ двухъ частей Московскаго княжества и цѣлаго Владимірскаго: притомъ же Серпуховской князь не имѣлъ права старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Димитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобъ заставить ѣхаться сдѣлать первый тяжкій шагъ — отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ оговорахъ Василія Димитріевича съ братьями мы не находимъ ѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ прямыхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя къ великому, какія встрѣчаемъ въ оговорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Младшіе братья обязываются держать Василія только вмѣсто отца ²¹⁶; Орій Димитріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ съ старшимъ братомъ ²¹⁷, обязывается держать его въ старшинствѣ — только; нѣтъ выраженія: честно и грозно, нѣтъ обязательства служить старшему брату.

Василію Димитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ ступкѣ старшинства племяннику; отсюда усобица въ княженіе Василія Васильевича. Эта усобица кончилась торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но въ продолженіе великій князь иногда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Дядя Юрій Димитріевичъ, принуждаемый отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры какъ союзникъ равноправный, безо всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ

держатъ старшаго брата ; Юрій освобождаетъ себя отъ обязанности садиться на коня даже и тогда , когда самъ великій князь выступитъ въ походъ ; относительно этого обстоятельства въ первомъ договорѣ ²¹⁸ встрѣчаемъ слѣдующее условіе : если Василій Васильевичъ сядетъ на коня , то Юрій посылаетъ нимъ своихъ дѣтей , бояръ и слугъ ; если великій князь пошлетъ въ походъ младшихъ дядей своихъ или дѣтей Юрія , послѣдній обязанъ выслать дѣтей съ боярами и слугами ; если же великій князь посылаетъ своихъ воеводъ , то и Юрій обязанъ выслать только своего воеводу съ своими людьми . Въ второмъ договорѣ : когда Василій самъ сядетъ на коня , и пошлетъ въ походъ дядю Константина , то Юрій высылаетъ сына ; если же великій князь пошлетъ двоюродныхъ братья или воеводъ , то Юрій высылаетъ только воеводъ своихъ , если же великій князь пошлетъ одного сына Юріева на службу , послѣдній долженъ идти безъ послушанья ²¹⁹ . Выраженія чести и грозно въ началѣ княженія Василя Васильевича не найдимъ въ договорныхъ грамотахъ этого великаго князя даже съ двоюродными братьями Андреевичами , встрѣчаемъ только договоръ съ княземъ Василюемъ Ярославичемъ , внукомъ Владимира Андреевича ²²⁰ ; нѣтъ этого выраженія и въ договорѣ Андреевичей съ Юріемъ ²²¹ ; но послѣ смерти Юрія оно является постоянно въ договорахъ Василя Васильевича съ удѣльными князьями .

Договоры великихъ князей Московскихъ съ великими же князьями Тверскими и Рязанскими сходны съ упомянутымъ выше договоромъ великаго князя Василя Васильевича съ дядею Юріемъ съ тою только разницею , что Юрій , какъ удѣльный князь , не можетъ самъ собою , непосредственно , сноситься съ Ордою , посылаетъ дань чрезъ великаго князя , тогда какъ великіе князья Тверской и Рязанскій сохраняютъ относительно Татаръ въ полномъ независимое отъ Московскаго князя положеніе , сами знаютъ Орду , по тогдашнему выраженію . Если Тверской князь и называется иногда считать Московскаго старшимъ братомъ , то это опредѣленіе отношеній остается безъ дальнѣйшаго объ

ненія. Относительно выступления въ походъ въ договорахъ между великими князьями — Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ встрѣчаемъ обыкновенно условіе, что если великій князь Московскій сядетъ на коня, то и другой договаривающійся великій князь обязанъ садиться на коня; если Московскій пошлетъ воеводу, то и другой обязанъ сдѣлать тоже; только въ договорахъ Дмитрія Донскаго и сына его Василя Михайломъ Тверскимъ встрѣчаемъ особенности: въ первомъ тверской великій князь обязанъ садиться на коня и въ томъ случаѣ, когда выйдетъ на рать двоюродный братъ Московскаго князя, Владиміръ Андреевичъ²²². Въ договорѣ Василя Дмитріевича читаемъ²²³: «Пойдетъ на насъ царь (ханъ) ратию, или рать Татарская, и сяду я на коня самъ съ своею братьею, и ты и тебѣ, братъ, послать ко мнѣ на помощь двухъ своихъ сыновей, да двухъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же пойдутъ на насъ или Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, то тебѣ послать дѣтей своихъ и племянниковъ на помощь; орды они возьмутъ, но инымъ ничѣмъ корыстоваться не должны. Также, если пойдутъ на васъ Татары, Литва или Нѣмцы, то мнѣ идти самому къ вамъ на помощь съ братьями, а нужно будетъ мнѣ котораго брата оставить у себя на сторожу, и я ставлю. А къ Орду, тебѣ, и къ царю, путь чистъ, и твоимъ вѣстямъ, и твоимъ внучатамъ, и вашимъ людямъ». Этотъ договоръ заключенъ совершенно на равныхъ правахъ, даже у Тверскаго князя болѣе правъ, чѣмъ у Московскаго, безъ сомнѣнія въ вѣдствіе возраста Михаила Александровича: такъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не обязывается самъ выступать въ походъ.

Что касается до формы договорныхъ грамотъ, то до времени великаго князя Василя Дмитріевича онѣ обыкновенно начинались словами: «По благословенію отца нашего митрополита;» первая дошедшая до насъ договорная грамота, начинающаяся словами: «Божіею милостію и Пречистыя Богоматери,» есть договорная грамота Василя Дмитріевича съ Тверскимъ княземъ Михайломъ; постоянно же эта форма начинаетъ встрѣчаться въ договорныхъ грамотахъ со временъ Василя

Васильевича Темнаго, именно начиная съ договора его съ княземъ Василюемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Послѣ этихъ словъ слѣдуютъ слова: «На семь на всемъ (имярекъ), цѣлю ко мнѣ крестъ (имярекъ).» Оканчиваются грамоты такими словами: «А на семь на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ хитрости.» Когда, въ слѣдствіе извѣстныхъ стремлений, вражда между родичами, между великимъ княземъ и удѣльными, дошла до крайности, когда мирились только въ нуждѣ, съ враждою въ сердцѣ, съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ, то начали употреблять болѣе сильныя нравственныя средства, для того чтобъ побудить къ сохраненію договора: явились такъ называемыя проклятыя грамоты. — Но эти проклятыя грамоты, это усиленіе нравственныхъ принужденій, не достигало цѣли, и служить для насъ только признакомъ крайняго усиленія борьбы, при которой враждующіе дѣйствовали по инстинкту самосохраненія, разбирая средствъ, не сдерживаясь никакими нравственными препятствіями. — Что касается формы духовныхъ завѣщаній княжескихъ, то они начинались слѣдующими словами: «Имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ грѣшный худый раба Божій (имярекъ) пишу душевную грамоту, ни кѣмъ не поженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи.»

При обзорѣ распредѣленія волостей княжескихъ, мы видѣли какую важную долю изъ нихъ князья давали обыкновенно своимъ женамъ. Этому богатому надѣленію соответствовало и сильное нравственное и политическое вліяніе, какое уступало имъ по духовнымъ завѣщаніямъ мужей. Калита въ своемъ завѣщаніи приказываетъ княгиню свою съ меньшими дѣтьми старшему сыну Семену, который долженъ быть по Богѣ ея мачальникомъ. Здѣсь завѣщатель не предписываетъ сыновьямъ кромѣ попеченія, никакихъ обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была имъ мачиха. До какой степени мачиха и ея дѣти были чужды тогда дѣтямъ отъ первой жены, доказательствомъ служить то, что сынъ Калиты, Иоаннъ II, не иначе называетъ свою мачиху

В княгинею Ульяною только, дочь ея не называетъ сею²²⁴; это объясняетъ намъ старинныя отношенія сыновей Гюковъ Мстислава Великаго къ сыну его отъ другой жены, диміру Мстиславичу, мачешичу. — Иначе опредѣляются отношенія сыновей къ роднымъ матерямъ по духовнымъ завѣщаніямъ княжескимъ: Донской приказываетъ дѣтей своихъ князь: «а вы, дѣти мои, говоритъ онъ, живите за одно, а матери своей слушайтесь во всемъ; если кто изъ сыновей моихъ не слушается, то княгиня моя подѣлитъ его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои не слушаясь воли не выйдутъ. Дастъ мнѣ Богъ сына, то княгиня подѣлитъ его, взявши по части у большихъ его братьевъ. Если кто изъ сыновей моихъ убудетъ отчины, чѣмъ Богъ благословилъ, то княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ по удѣловъ: а вы, дѣти мои, матери слушайтесь. Если дастъ Богъ сына моего, князя Василья, то удѣлъ его идетъ къ сыну моему, который будетъ подъ нимъ, а удѣломъ подданнаго княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери: что кому дастъ, то того и есть. Приказалъ я своихъ дѣтей своей княгини: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте въ чемъ. А который сынъ мой не станетъ слушаться своей матери, на томъ не будетъ моего благословенія.»

Договоръ великаго князя Василія Димитріевича съ братьями начинается такъ: «По слову и благословенію матери нашей почитать.» Въ договоръ свой съ братомъ Юріемъ Василій вноситъ слѣдующее условіе: «А мать свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести.» Сыну своему Василій Димитріевичъ наказываетъ держать свою мать въ чести и въ матерствѣ, какъ Богъ наказываетъ; въ другомъ завѣщаніи обязываетъ сына почитать мать не только такъ, какъ почиталъ отца. Князь Владиміръ Андреевичъ Рюриковской даетъ своей женѣ право судить окончательно споры между сыновьями, приказываетъ послѣднихъ чтить и слушаться матери. То же самое приказываетъ сыновьямъ и Василій Димитріевичъ. — Относительно княгини вдовъ и дочерей ихъ въ

завѣщаніи Владиміра Андреевича находимъ слѣдующее распоряженіе: «Если Богъ отниметь котораго-нибудь изъ моихъ новей, и останется у него жена, которая не пойдетъ замужъ, то пусть она съ своими дѣтьми сидитъ въ удѣлѣ мужа своего; когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку; если же останется дочь, то дѣти мои всѣ брата своего дочь выдаютъ замужъ, и брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну. Если же не будетъ у нея вовсе дѣтей, то и тогда пусть сама сидитъ въ удѣлѣ мужа своего до смерти и поминаетъ за душу, а дѣти мои до ея смерти въ брата своего удѣлъ не вступаютъ никакимъ образомъ.»

Мы видѣли, что волости, оставляемыя княгинямъ, раздѣлялись на такія, которыми онѣ не имѣли права располагать въ своихъ завѣщаніяхъ, и на такія, которыми могли распорядиться свободно; послѣднія назывались опричиннами. Но кромѣ того Московскомъ княжествѣ были такія волости, которыя постоянно находились во владѣніи княгинь, назначались на ихъ содержание; эти волости назывались княгининскими пошлами. Относительно ихъ великій князь Василій Димитріевичъ въ своемъ завѣщаніи сдѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: «Что касается селъ княгининскихъ пошлыхъ, то они принадлежатъ княгинѣ; когда умретъ она, то она ихъ вѣдаетъ до тѣхъ поръ, пока женится сынъ мой, во что же она должна отдать ихъ княгинѣ сына моего, своей сестрѣ тѣхъ селъ, которыя были издавна за княгинями.»

Во всѣхъ этихъ волостяхъ княгиня была полною владѣтельницей. Димитрій Донской на этотъ счетъ распоряжается такъ: «До какихъ мѣстъ слободскіе волостели судили тѣ слободы мои, до тѣхъ же мѣстъ судятъ и волостели княгини моей. Если въ тѣхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ, которыя я взялъ въ удѣловъ сыновей моихъ и далъ княгинѣ моей, кому-нибудь сиротѣ (крестьянѣ) случится пожаловаться на волостеля, то пусть разберетъ княгиня моя (учинитъ исправу), а дѣти мои въ нее не вступаютъ.» — Владиміръ Андреевичъ распорядился такъ: «На мытниковъ и тамошниковъ Городецкихъ дѣти мои преем-

своихъ не даютъ и не судятъ ихъ: судить ихъ, своихъниковъ и тамошниковъ, княгиня моя.»

Уховенство, во имя религiи, поддерживало всѣ эти отноше-
сыновой къ матерямъ, какъ они опредѣлялись въ духов-
завѣщанiяхъ княжескихъ. Митрополитъ Iона писалъ князь-
которые отнимали у матери своей волости, принадлежа-
ей по завѣщанiю отца ²²³: «Дѣти! Была мнѣ челомъ на васъ
ваша, а моя дочь, жалуется на васъ, что вы поотнимали
ея волости, которыя отецъ вашъ далъ ей въ опричнину,
было ей чѣмъ прожить, а вамъ далъ особые удѣлы. И
вы, дѣти, дѣлаете богопротивное дѣло, на свою душевную
ибель, и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ.... Благословляю васъ,
вы своей матери челомъ добились, прощенье у ней выпро-
и, честь бы ей обычную воздавали, слушались бы ея во-
шь, а не обижали, пусть она вѣдаетъ свое, а вы свое, по
гословенiю отцовскому. Отпишите къ намъ, какъ вы съ
ею матерью управитесь: и мы за васъ будемъ Бога мо-
ть, по своему святительскому долгу, и по вашему чистому
каянiю. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою
ть, то, дѣлать нечего, самъ, боясь Бога и по своему свя-
гельскому долгу, пошлю за своимъ сыномъ, за вашимъ вла-
кою и за другими многими священниками, да взглянувши
естъ съ ними въ божественныя правила, обговоривъ и раз-
дивъ, возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое
прочихъ священниковъ неблагословенiе.»

Таковы были между-княжескiя отношенiя въ сѣверовосточ-
й Руси. Мы видимъ, что переходъ родовыхъ отношенiй въ
сударственные, переходъ удѣльныхъ князей изъ родичей въ
ужебниковъ, по скольку онъ выражается въ договорныхъ
княжескихъ грамотахъ, совершается очень медленно, благо-
ря именно долгому господству родовыхъ княжескихъ отно-
нiй и въ слѣдствiе того, что великiй князь долженъ здѣсь
силывать свою власть насчетъ ближайшихъ родственниковъ,
годы которыхъ требуютъ поддержанiя старыхъ родовыхъ
рми при опредѣленiи отношенiй въ договорахъ. Разумѣется, что

при переѣвѣ отношеній на дѣль, при новыхъ стремленіяхъ и нятіяхъ, и самыя родовыя формы измѣняются и показывают ясно разрушеніе старыхъ отношеній: такъ, напримѣръ, выженія, встрѣчающіяся въ договорахъ описываемаго времени, держать дядею, держать племянникомъ, держать братомъ равнымъ — не имѣютъ смысла при родовыхъ отношеніяхъ, существуютъ только отношенія отца къ дѣтямъ, гдѣ дядя есть отецъ, старшій братъ — отецъ, племянникъ, младшій братъ — сыновья. Обязательство удѣльнаго князя — служить великому и обязательство послѣдняго кормить удѣльнаго, смотра служба, являются разъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, и потомъ исчезаютъ въ слѣдствіе того, что Василій Дмитріевичъ и Василій Васильевичъ находятся въ менѣе выгодномъ положеніи относительно родичей. Даже довольно неопредѣленное выраженіе: «держать великое княженіе честно и грозно» — утверждается не вдругъ въ договорныхъ грамотахъ. Договоровъ служебныхъ князей съ тѣми князьями, къ которымъ они вступали въ службу съ отчинами, изъ сѣверовосточной Руси къ намъ не дошло; но мы имѣемъ довольно число такихъ договоровъ изъ Руси югозападной. Въ 1448 году князь Федоръ Львовичъ Воротынскій, взявши городъ Козельскъ въ наше вѣдѣніе изъ руки Казимира, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, записался своему господарю служить безъ чести и безъ хитрости²²⁶. Король Казимиръ въ 1455 году пишетъ, что далъ вотчину князю Воротынскому, узрѣвши вѣрную его службу²²⁷. Договорная грамота князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ Казимиромъ начинается тѣмъ, что означенные князья били челомъ господарю великому князю, чтобъ принялъ ихъ въ службу. Тотъ пожаловалъ, принялъ ихъ въ службу и они обязываются служить ему вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и быть во всемъ послушными, давать ему ежегодно дань (полѣтное), быть въ его волѣ, имѣть однихъ друзей и враговъ. Казимиръ, съ своей стороны, обязывается держать ихъ въ чести и въ жалованьи, оборонять отъ всякаго; обязу-

тся и за наследниковъ своихъ не нарушать договора, не ругаться въ ихъ отчину; въ противномъ случаѣ крестное цѣлѣніе съ нихъ долой и они становятся вольными; обязывается и исправу давать имъ во всякихъ дѣлахъ чистые, безъ ревода: судьи королевскіе съѣзжаются съ ихъ судьями и дѣти, поцѣловавши крестъ, безъ всякой хитрости; если возкметъ у судей споръ, то дѣло переносится на рѣшеніе великаго князя; споры самихъ князей между собою отдаются также рѣшеніе Казимира²²⁸. Любопытно сравнить дошедшую до насъ духовную грамоту Олгердова внука, князя Андрея Владимировича, съ духовными грамотами Московскихъ князей: и въ этихъ письменныхъ памятникахъ, какъ во всякихъ другихъ, замѣчается различіе въ характерѣ странъ, гдѣ они писаны. Московскія и южно-Русское завѣщаніе начинаются словами: «Во имя Отца, и Сына, и Св. духа», послѣ чего въ Московскихъ, какъ мы видѣли, означаетъ, что завѣщатель находился въ добромъ здоровьѣ, душевномъ и тѣлесномъ, — замѣчаніе, необходимое для того, чтобъ духовная имѣла полную силу, — потомъ, безъ всякихъ околичностей, излагаются распоряженія завѣщателя. Въ духовной же Гедиминовича нѣтъ замѣчанія о душевномъ и тѣлесномъ здравіи: вмѣсто того завѣщатель расстрогается, какъ онъ съ женою и дѣтьми пріѣхалъ въ Кіевъ и угу молиться, поклонился всѣмъ святинямъ, благословился у схимандрита Николая, поклонился гробамъ родственниковъ и цѣлъ святыхъ старцевъ, и сталъ размышлять въ своемъ сердцѣ: только тутъ гробовъ, а вѣдь всѣ эти жертвцы жили на семь цѣтъ и пошли всѣ къ Богу! пораздумавъ, что скоро и ему да придется идти, гдѣ отцы и братья, князь почелъ причиннымъ написать духовное завѣщаніе²²⁹.

Мы видѣли, что прежде князь было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всѣхъ членовъ Рюрикова рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался великимъ, при чемъ мы видѣли, что названіе великій князь придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время на сѣверѣ, при ослабленіи

родовой связи, родоваго единства, при стремленіи князей личности, независимости, мы должны ожидать, что яви́ много князей, которые въ одно и тоже время будутъ велич себя названіемъ великихъ и не обманываемся въ своихъ ода́ніяхъ: князья Московскіе носятъ это названіе по праву обладая постоянно старшимъ столомъ Владимирскимъ; но тоже самое время называютъ себя великими князьями Твери и Рязанскіе, въ родѣ князей Рязанскихъ — князья Провансы стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя такъ великими; наконецъ видимъ, что по-прежнему, и тѣ младшіе удѣльные князья, которые въ официальныхъ памятникахъ и когда не смѣютъ называть себя великими, въ памятникахъ неофициальныхъ, изъ учтивости величаются этимъ названіемъ такъ св. Кириллъ Бѣлозерскій въ духовной своей называетъ великимъ княземъ удѣльнаго Можайскаго, Андрея Дмитріевича²³⁰. Прежде, когда все вниманіе обращалось на родо-отношенія князей, а не на владѣнія, старшему великому князю противопоставлялись младшіе; но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимость начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность великому князю для младшихъ являются названія удѣльныхъ, помѣстныхъ князей²³¹. Мы видѣли, что и прежде нѣкоторые князья назывались великими князьями всея Руси, какъ, напримеръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, въ официальныхъ памятникахъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется великимъ княземъ всея Руси²³² и потомъ всѣ ея преемники. Изъ прежнихъ названій княжескихъ встрѣчаемъ Господинъ; вновь являются: Господарь и Государь. Что касается происхожденія перваго слова, то оно одинаково съ происхожденіемъ слова князь: оспода означаетъ семью осподарь — начальника семьи, отца семейства²³³; должно замѣтить также, что первое названіе употребительнѣе на югѣ второе на сѣверѣ. Господинъ и Господарь встрѣчаются въ соединеніи, напр. «Занеже, Господине князь великій, на твоимъ нищимъ нѣчимъ борониться противу обидящихъ насъ»

только, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и имъ, господине, жалованіемъ нашего господина и Господя²³⁴.» Что значеніе слова Господарь или Государь было издо важнѣе значенія прежняго Господинъ, свидѣлуетъ упорное сопротивленіе Новгородцевъ ввести его въ употребленіе вмѣсто Господинъ. Господарь противопоставляется жацимъ: «Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ господамъ и ѣдетъ²³⁵.» Для великихъ князей встрѣчаемъ названія: никаго Государя Земскаго²³⁶, Великаго Государя Русскаго²³⁷, никаго Государя, Самодержца²³⁸. Самый полный титулъ великаго князя Московскаго для внѣшнихъ сношеній встрѣчаемъ договорной грамотѣ его съ Казимиромъ, королемъ Польскимъ: о Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се язъ изъ великій Василій Васильевичъ, Московскій и Новгородскій Ростовскій и Пермскій и иныхъ²³⁹. — По прежнему подданные, все остальное народонаселеніе, противопоставляются зьямъ подъ названіемъ черныхъ людей²⁴⁰.

При подлинныхъ грамотахъ княжескихъ, дошедшихъ до насъ въ описываемаго времени, находятся печати князей съ различными изображеніями и надписями. На печати Іоанна Даниловича Калиты съ одной стороны находится изображеніе Иисуса Христа, на другой св. Іоанна; вокругъ надпись: «Печать великаго князя Ивана.» У Симеона Гордаго на одной сторонѣ печати изображеніе святаго Симеона, на другой надпись: «Печать князя великаго Семенова всея Руси.» У брата его Іоанна на одной сторонѣ печати изображеніе святаго Іоанна съ письмою: «Агіосъ Іоаннъ», на другой надпись: «Печать князя никаго Ивана Ивановича.» У Дмитрія Донскаго на одной сторонѣ печати изображеніе св. Дмитрія, на другой надпись: «Печать князя великаго Дмитрія»; но на другой печати того князя встрѣчаемъ надпись съ прибавленіемъ всея Русси. Василя Дмитріевича нѣсколько печатей; на одной изображеніе св. Василя Кесарійскаго и надпись: «печать князя великаго Василева Дмитріевича всея Руси»; на другой изображеніе адника съ копьемъ, обращеннымъ остриемъ книзу; третья пе-

чать имѣеть изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ, разныя другія. На печати Василия Темнаго видѣнъ всадникъ копьемъ, находящимся въ покойномъ положеніи, остриемъ вверхъ. На печати Тверскаго князя Бориса Александровича встрѣчается также изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ.

И въ описываемое время вступленіе князя на столъ сопровождалось обрядомъ посаженія. Вотъ какъ описывается посаженіе Александра Невскаго во Владимиръ: преосвященный Кирилъ митрополитъ встрѣтилъ его со крестами, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей, и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимирѣ, на столъ отца его, съ пожалованіемъ царевымъ (ханскимъ)²⁴¹. Великій князь Василий Дмитриевичъ былъ посаженъ на столъ посломъ Тохтамышевымъ. Василия Васильевича посадилъ на столъ посолъ ханскій у Пречистыя, у золотыхъ дверей²⁴³. Такимъ образомъ въ этомъ самомъ обрядѣ обозначалась ясно зависимость Русскихъ князей отъ хановъ Татарскихъ; теперь, слѣдовательно, для удовлетворительнѣйшаго рѣшенія вопроса о значеніи князя на Руси въ описываемое время мы должны постараться опредѣлить степень зависимости его отъ хана; зависимость эта выражалась ли толи въ необходимости требовать ханскаго утвержденія, ханскаго ярлыка и въ обязанности платить дань, или она имѣла вліяніе на внутреннюю дѣятельность князя, стѣсняла его? Здѣсь, разумеется, прежде всего должно рѣшить вопросъ о томъ, какъ ханъ могъ наблюдать за дѣятельностію князя, имѣлъ ли онъ при немъ постоянного представителя своего, намѣстника? Въ известномъ разсказѣ объ Ахматѣ, баскакѣ Курскомъ, лѣтописецъ говоритъ, что Ахматъ держалъ баскачество Курскаго княженія, другіе же Татары держали баскачество по инымъ городамъ, во всей Русской землѣ, и были велики²⁴⁴. Въ повѣсти о мученіи св. Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ намѣстниковъ и властелей своихъ по всемъ городамъ Русскимъ²⁴⁵. Въ известіи о перечисленіи говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и урядивши все, возвратились въ Орду²⁴⁶. Подъ 1262 годомъ

лѣтописецъ говорятъ, что по всѣмъ городамъ Русскимъ былъ разбѣгъ на Татаръ, которыхъ Батый и потомъ сынъ его Сартакъ разжали властелины по всѣмъ городамъ Русскимъ. Князья соглаголись между собою, выгнали Татаръ, потому что было отъ нихъ великое зло: богатые люди откупали у Татаръ дани и корыстовались въ томъ сами, а многіе бѣдные работали въ ротахъ. Тогда же, въ изгнаніи и убіеніи Татаръ, въ Ярославѣ убили отступника Зосиму или Изосима, который, съ позволенія посла ханскаго, дѣлалъ много зла христіанамъ²⁴⁷. Въ 1269 году великій князь Ярославъ Ярославичъ, собираясь идти на Нѣмцевъ, пришелъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Апраганомъ, великимъ баскакомъ Владимирскимъ²⁴⁸. Потомъ великій князь Василій Ярославичъ съ тѣмъ же самымъ Апраганомъ воевалъ волости Новгородскія²⁴⁹. Подъ 1275 годомъ упоминается о второмъ перечисленіи²⁵⁰; подъ 1290 о возстаніи жителей Ростовскихъ отъ Татаръ, которые были ограблены²⁵¹. Послѣ извѣстія объ Апраганѣ мы не встрѣчаемъ на сѣверѣ извѣстій о баскакахъ, встрѣчаемъ баскака только разъ на югѣ, въ Курской области, въ 1284 году — ясный знакъ, что на сѣверѣ баскаковъ больше не было, иначе лѣтописцы не могли бы умолчать о нихъ въ своемъ разсказѣ о событіяхъ, въ которыхъ Татары принимали такое участіе, какъ наприимѣръ въ борьбѣ между сыновьями Всеволода; упоминаются только одни послы, временно являвшиеся въ Русскихъ городахъ. Послѣ 1275 года не упоминается уже о перечисленіи — ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность князьямъ, и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду; но еще въ 1266 годомъ лѣтописецъ говоритъ объ ослабѣ отъ насилія татарскаго по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александровичъ Городецкій взводилъ въ Орду обвиненіе на старшаго сына Дмитрія Переяславскаго, будто тотъ не хочетъ платить дань хану: конечно, еслибы въ это время находился въ Русской землѣ баскакъ или главный сборщикъ податей, дорога, то не одному брату пришлось бы доносить на Дмитрія и ханъ не могъ бы основываться на однихъ Андреевыхъ доносахъ: если

Исторія Россіи. Т. IV.

же въ этихъ дѣлахъ были замѣшаны и баскаки, и дороги, какимъ образомъ лѣтописецъ умолчалъ о нихъ? неумогъ же онъ о Кавгадыѣ. Такимъ образомъ чрезъ удаление баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани князь освобождал совершенно отъ Татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предполагать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія.

На югозападѣ самое подробное описаніе вступленія князя на столъ читаемъ въ разсказѣ Волинскаго лѣтописца вступленія Мстислава Даниловича на столъ Владимірскаго оставленный ему по распоряженію двоюроднаго брата Владиміра Васильковича; Мстиславъ пріѣхалъ въ соборную церковь созвалъ бояръ и гражданъ, Русскихъ и Нѣицевъ, которые прочли Владимірово завѣщаніе, и слышали всѣ отъ мала велика, послѣ чего епископъ благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе. Здѣсь, на югѣ, жители Бреста хотѣли признавать Мстислава своимъ княземъ, не хотѣли исполнять завѣщанія Владимірова; на сѣверѣ не видимъ ничъ подобнаго, не встрѣчаемъ также извѣстій о рядахъ или уюгахъ гражданъ съ князьями; не встрѣчаемъ извѣстій и о томъ чтобъ князья созывали вѣча и объявляли народу о походѣ. Князья, по-прежнему, чаще сами предводительствуютъ войскомъ, чѣмъ посылаютъ воеводъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ такой охоты къ бою, какую видѣли въ князьяхъ старой, южной Руси.

Законодательная дѣятельность князей выразилась въ описанное время на сѣверѣ въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича на Двину²⁵², въ судной грамотѣ великаго князя Александра Михайловича, данной Пскову, и въ уставной грамотѣ князя Константина Дмитріевича, данной тому же городу²⁵³. Въ 1395 году митрополитъ Кипріянь писалъ Псковичамъ: «Слышалъ я, что Суздальскій владыка Діонисій, будучи во Псковѣ, составилъ грамоту и присоединилъ ее къ грамотѣ великаго князя Александра — по чему ходитъ, какъ суди

какъ казнить, да написалъ и проклятіе на того, кто не захотѣлъ поступать иначе. Діонисій владыка сдѣлалъ это не по закону и не по правиламъ. Если великій князь Александръ написалъ грамоту, по чему ходить: то онъ въ томъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженіи — всякія дѣла рѣшитъ грамоты записывать; такъ и великій князь Александръ захотѣлъ написать грамоту, по чему ходить, на христіанъ добро, а Діонисій владыка вплеся не въ свое дело, написалъ грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Какъ же, дѣти мои Псковичи, какъ прежде ходили по грамотѣ великаго Александра, какъ была это у васъ старина: такъ и теперь по той старинѣ ходите; а грамоту Діонисіеву не шлите ко мнѣ, я самъ ее раздеру; та грамота не въ графу, а что написалъ онъ тамъ проклятіе и неблагословеніе рѣдшее, то я это проклятіе снимаю и благословляю васъ. Помните, дѣти, по своему обычаю (по своей пошлѣнѣ) и по приговору суды судите: кого виноватаго пожалуете, вольны, возмите ли за какую вину, также вольны; дѣлайте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіе христіане дѣлаютъ.»

Дѣятельности князя относительно суда и расправы такъ описанъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ: великій князь говоритъ двоюродному брату: «Судовъ тебѣ Московскихъ безъ моихъ наместниковъ не судить, а стану я судить Московскіе суды, то я иду этимъ съ тобою дѣлиться. Если случится мнѣ не быть въ сквѣ, и ударить мнѣ челомъ Москвитинъ на Москвитина, то я самъ пристава и пошлю къ своимъ наместникамъ, чтобы они рассмотрѣли дѣло, вмѣстѣ съ твоими наместниками. Если же ударить мнѣ челомъ кто изъ великаго княженія на Москвитина, твоего боярина, то я пошлю за нимъ пристава, а ты пошлешь за своимъ своего боярина. Если же ударить мнѣ челомъ кто на твоего, кто живетъ въ твоёмъ удѣлѣ, то я пошлю къ пристава, а ты рѣшишь дѣло; а ударить тебѣ челомъ твой на твоего, кто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженіи, то

ты поплещь ко мнѣ, и я рѣшу дѣло, а послать намъ за своихъ³⁵⁴ бояръ.

Мы видѣли, что по прошествіи извѣстаго времени Русь освободилась отъ Татарскихъ численниковъ, и сами князья стали собирать дань со своихъ волостей и доставлять въ Орду. О томъ, какъ собиралась дань въ волостяхъ, составлявшихъ общее владѣніе Калитина потомства, можно найти извѣстія въ условіяхъ договора между Димитріемъ Донскимъ и Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ: «если мнѣ, говоритъ великій князь, придется послать своихъ данщиковъ въ горы на перевозки и въ волости княгини Ульяны, то тебѣ свои данщики слать съ моими данщиками вмѣстѣ, а въ твои удѣлы мнѣ своихъ данщиковъ не вслать;» слѣдовательно каждый удѣльный князь собиралъ въ своемъ удѣлѣ дань независимо, и потомъ отдавалъ ее великому князю для доставки въ Орду. Въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится: «Что наши данщики сберутъ въ городѣ (Москвѣ), въ станахъ и въ варяхъ, тому идти въ мою (в. князя) казну, а не давать въ выходъ.» Послѣ того, какъ поголовное перечисленіе не возобновлялось болѣе, то количество выхода, разумѣется, стало зависѣть отъ соглашеній великихъ князей съ ханами. Безъ сомнѣнія съ самаго начала великіе князья предлагали ханамъ болшую сумму денегъ, чѣмъ ту, которую доставляли Татарскіе численники и откупщики; потомъ эта сумма должна была измѣняться въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ: такъ напр. мы видѣли, что иногда князья, соперничествуя изъ ярлыковъ надбавляли количество выхода²⁵⁵. Мамай требовалъ отъ Димитрія Донскаго дани, какую предки послѣдняго платили ханамъ Узбеку и Чанибеку, а Димитрій соглашался только на ту дань, какая въ послѣднее время была условлена между нимъ самимъ и Мамаемъ; нашествіе Тохтамыша и задержание Орды сына великокняжескаго Василія заставили потомъ Димитрія Донскаго заплатить огромный выходъ: была дань великая по величинѣ княженію Московскому, говоритъ лѣтописецъ, брали по три копейки съ деревни, давали и золотомъ въ Орду. Въ завѣщаніи

рмъ Дмитрій Донской упоминаетъ о выходѣ въ 1,000
 лей со всѣхъ волостей, принадлежавшихъ его сыновьямъ;
 доля каждаго изъ пяти удѣловъ опредѣляется слѣдую-
 щимъ образомъ: Коломенскаго — 342 рубля, Звенигородскаго
 1, Можайскаго съ отъѣздными мѣстами 235, Дмитровскаго
 1 рублей, удѣла князя Ивана 10 рублей. Доля выхода,
 авшая на княжество Серпуховское, удѣлъ Владиміра Андре-
 ча, не могла быть здѣсь означена, и такимъ образомъ мы
 ины средства сравнить Серпуховской удѣлъ съ другими
 мами Московскаго княжества относительно количества выхода,
 слѣдовательно относительно матеріальныхъ средствъ. Доля
 рпуховскаго удѣла опредѣлена въ договорѣ великаго князя
 снлія Дмитріевича съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ и
 завѣщаніи послѣдняго: эта доля состояла изъ 320 рублей;
 количество всего выхода въ обоихъ случаяхъ означено
 угое, именно 5,000 рублей; наконецъ во второмъ договорѣ
 снлія Дмитріевича съ княземъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ
 гѣстіе о выходѣ въ 7,000 рублей; изъ тѣхъ же источниковъ
 наемъ, что Нижегородское княжество платило выходу 1,500
 блей. Извѣстна также доля каждаго изъ пяти удѣловъ, на
 горы раздробилось Серпуховское княжество по смерти Вла-
 діра Андреевича: княгиня съ своего участка платила 88
 блей, князь Серпуховской 48 рублей съ половиною, князь
 ровскій 33 рубля, князь Ярославскій 76, князь Радонежскій
 ; князь Перемышльскій 41; съ Городца князь Семень и
 ославъ платили 160 рублей въ Нижегородскій выходъ (1,500
 блей); съ Углича 105 руб. Здѣсь останавливаетъ насъ
 мость доли князя Семена Боровскаго — 33 рубля; любопытно
 же, что средства одного Городца превышали средства двухъ
 ѣловъ князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярослава.
 ь эти уроки, въ эту опредѣленную сумму, которую дол-
 жь былъ вносить каждый удѣлъ для выхода, не входила
 езвычайная дань, которую князья брали съ своихъ бояръ
 длинныхъ и путныхъ, по кормленію и путямъ²³⁶. Это выра-
 ніе; брать дань по кормленію и путямъ, также: брать дань

на Московскихъ станахъ и на городѣ на Москвѣ, съ противоположеніемъ дани, взятой на численныхъ людяхъ; выражено положить дань на волости по людямъ по силѣ; наконецъ выраженіе: потануть данью по землѣ и по водѣ — всѣ выраженія уже показываютъ, что дань бралась не поголовно. Великій князь Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ записаніи: «Какъ начнутъ дѣти мои жить по своимъ удѣламъ, княгиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опишутъ и удѣлы по крестному цѣлованію, обложатъ данью по сохатъ по людямъ, и по этому окладу княгиня и дѣти мои стану давать въ выходъ сыну моему Ивану.» Едигей въ письмѣ великому князю Василю Димитріевичу говоритъ, что послѣдній во всѣхъ своихъ владѣніяхъ бралъ дань по рублю съ двухъ сохъ, но серебра этого не присылалъ въ Орду. Измѣнчивость выхода выражается обычнымъ въ княжескихъ договорахъ условіемъ: «А прибудеть дани больше или меньше, взять ея по тому же разсчету» и т. п. Со временъ Донскаго обычнаго условіемъ въ договорахъ и завѣщаніяхъ княжескихъ является то условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, то удѣльные князья берутъ дань, собранную съ ихъ удѣловъ, себѣ, ничего изъ нея не даютъ великому князю: такъ продолжали сохранять они родовое равенство въ противоположность и данству, всего рѣзче обозначаемому данью, которую князья западной Руси уже платятъ великому князю Литовскому.

Кромѣ выхода или дани были еще другаго рода издержки на Татаръ, Ордынскія тягости и проторы. Таковъ былъ и обычай обязанности доставлять подводы Татарскимъ чиновникамъ и содержаніе посла Татарскаго и его многочисленной хищной свиты²⁵⁸; наконецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ людей; не удивительно, что у князей иновѣрцевъ не доставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ Орду у тамошнихъ бесерменскихъ купцовъ, а чтобъ заплатить потомъ послѣднимъ, занимать у своихъ Русскихъ купцовъ отсюда долги княжескіе раздѣляются въ ихъ договорахъ

дгъ Бесерменскій и Русскій: князь Звенигородскій Юрій Дмитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ Василиемъ Васильемъ говоритъ: « что я занялъ у гостей и у суконниковъ 100 рублей, и заплатилъ твой ордынской долгъ Резень-Хозъ Абипу въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, ты сними съ меня этотъ долгъ 600 рублей, а съ тѣми кустями вѣдайся самъ безъ меня; я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я занялъ деньги ». Какъ средства великаго князя превосходили средства удѣльныхъ, видно изъ того, что князь не рѣдко имѣлъ возможность жаловать послѣднихъ, позволяя имъ извѣстное время не платить выхода съ цѣлаго удѣла ни съ части его.

Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было вопросовъ изъ Орды, то есть, когда считали возможнымъ не доветворять этимъ запросамъ: постоянные же доходы княжескіе состояли по-прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, судебныхъ и доходовъ съ земельной частной собственности. Торговля юшлины въ княжескихъ договорахъ опредѣляются такимъ образомъ: князья требуютъ обыкновенно другъ отъ друга, чтобъ новыхъ мытовъ не замышлять, старые же, обычные мыты, состоятъ въ слѣдующихъ сборахъ: съ воза пошлина деньга, съ челоуѣка костоуъ деньга, если кто поѣдетъ безъ воза, веркомъ на лошади, но для торговли, платитъ деньгу же; кто утаится отъ мытника, промытиса, тотъ платитъ съ воза промыты 6 алтынъ, да заповѣди столько же, сколько бы возовъ ни было; промыта состоятъ въ томъ, когда кто объѣдетъ мытъ; если же кто проѣдетъ мытъ, а мытника у заставы (завора) не будетъ, то промыты нѣтъ; если мытникъ догонитъ купца, то промытъ возьметъ свой мытъ, но промыты и заповѣди здѣсь нѣтъ. Съ лоды пошлина: съ доски два алтына, со струга алтынъ. Тамги и осмичагѣ беретса отъ рубля алтынъ; но тамга и осмичагѣ беретса только тогда, когда кто начнетъ торговать; если же поѣдетъ только мимо, то знаетъ свой мытъ да костоу, а другихъ пошлинъ нѣтъ; если же кто поѣдетъ безъ торгу, то съ того ни мыта нѣтъ²³⁹, ни пошлинъ.

Кромѣ означенныхъ пошлинъ въ источникахъ упоминаютъ еще : гостиное , вѣснее , пудовое , пошлина съ серебрянн литья ²⁶⁰, рѣзанка, шестьдесятъ, побережное ²⁶¹, пятно (пошлина съ положенія клейма на лошадей) ²⁶²; пошлины съ соляныхъ варницъ (противень , ошитки , плошки) ²⁶³, сторожевое медовое ²⁶⁴, ѣзовое (пошлина съ рыбныхъ промысловъ) ²⁶⁵, зако или закосная пошлина ²⁶⁶, поватажное ²⁶⁷, портное ²⁶⁸.

Изъ судебныхъ пошлинъ упоминаются : вина , поличное ²⁶⁹ безадщина ²⁷⁰, татинъ рубль ²⁷¹, пересудъ ²⁷² и проч. Наконецъ упоминается пошлина съ браковъ, или такъ называемая новояженная куница ²⁷³. Въ описываемое время не встрѣчаемъ упоминаенія о двухъ отрасляхъ княжескихъ доходовъ , которыя подъ именемъ полюдья и погородья упоминаются въ известной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго. Обычай князь вздѣть на полюдье , т. е. объѣзжать свою волость , верши дѣла судныя и брать дары , упоминается еще въ извѣстїяхъ Константина Багрянороднаго, потомъ встрѣчаемъ упоминаенїе о немъ въ лѣтописи въ концѣ XII вѣка, потомъ это названїе исчезаетъ ; но исчезъ ли обычай, и когда именно исчезъ ? этихъ вопросовъ рѣшить не можемъ.

Мы видѣли, какую богатою земельною собственностїю владѣли князья ; произведенїя этихъ земель не только служили для продовольствїя двора, но шли также въ торговлю ; на послѣднее указываетъ условїе въ договорѣ съ Рязанскимъ княземъ, чтобъ съ торговыхъ людей великокняжескихъ не брали мыта ²⁷⁴. Въ описываемое время встрѣчаются извѣстїя объ оброкѣ, который должны были платить поселенные на земляхъ люди двѣ раза въ годъ, весною и осенью ²⁷⁵, на весенній и осенній Юрьевъ день ²⁷⁶. Одною изъ важнѣйшихъ статей дохода было пчеловодство и варка меду ; объ этой статьѣ князья постоянно упоминаютъ въ своихъ договорахъ и завѣщанїяхъ ²⁷⁷. Потомъ упоминаются княжескія соляныя варницы : въ области Галицкой такъ называемая Соль ²⁷⁸ ; въ Нерехтѣ ; подлѣ Юрьева упоминается Великая Соль ²⁷⁹ ; въ Ростовѣ Ростовская соль ; въ Городцѣ Волжскомъ князья имѣли также соляныя варницы ²⁸⁰.

важности рыбной ловли для князей свидетельствует завѣщаніе Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича о рыбной ловлѣ подъ Городцемъ: онъ приказываетъ двоимъ сыновьямъ, чтобы они устроили себѣ общій ѣзъ и дѣлили добычу поровну. Этою изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства была ловля бровъ, для которой у князей былъ особый разрядъ служивой (бобровники); что бобры водились тогда по близости Москвы даже, свидетельствуетъ завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, который отказываетъ старшему сыну бобровниковъ станахъ Московскихъ. Выгоды отъ звѣроловства и страсть охотѣ придавали въ глазахъ князей большую важность лову и сокольному пути; Симеонъ Гордый потребовалъ отъ дѣтей, чтобы они уступили ему на старѣйшинство оба пути въ станахъ Московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ владѣніи; по завѣщанію Владиміра Андреевича ни одинъ изъ его сыновей не смѣлъ охотиться въ ѣздѣ другаго безъ позволенія послѣдняго. Что охота была важная, свидетельствуетъ названіе ловчихъ — псарями; для ловли птицъ употреблялись также и перевѣсы²⁸¹. Князья полагали толпы своихъ промышленниковъ, ватаги къ Бѣлому морю и Сѣверному океану, въ страну Терскую и Печерскую за рыбою, звѣремъ и птицею: изъ грамоты великаго князя Андрея Александровича узнаемъ, что уже тогда три ватаги цинкокняжескія ходили на море, со своимъ ватаманомъ (атагаманомъ, атаманомъ); Калита даетъ жалованную грамоту печерскимъ сокольникамъ²⁸². Въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ упоминается о конюшемъ пути; Иоаннъ Калита завѣщалъ одно свое стадо сыну Семену, другое Ивану, а третьими приказалъ подѣлиться сыновьямъ и женѣ поровну. Симеонъ Гордый завѣщалъ своей женѣ 50 коней ѣздовыхъ и два стада. Иоаннъ II-й отказалъ двоимъ сыновьямъ пополамъ стада свои коневыя, жеребцовъ и кобылицъ; Донской раздѣлилъ стада между сыновьями и женою. Владиміръ Андреевичъ Серпуховской отказалъ свое стадо сѣдельное — коней, лошадей и жеребцовъ, также кобылье стадо — женѣ своей. Нако-

нець доходной статьею для князей являются сады, къ которымъ причислено было известное число садовниковъ.

Мы видѣли, что князья пользовались остатками своихъ доходовъ для пріобрѣтенія имуществъ недвижимыхъ; о движимыхъ ихъ можно имѣть довольно полное понятіе изъ духовныхъ записаній. Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать паръ золотыхъ, три пояса золотыхъ, поясъ большой съ жемчугомъ и съ каменьемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердоичный окованъ золотомъ, поясъ золотой Фряжскій съ жемчугомъ и съ каменьемъ, поясъ золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелку, поясъ золотой царевскій; двѣ чаши золотыя съ жемчугомъ, два оуба золотыхъ, двѣ чашки круглыя золотыя, двѣ чары золотыя: одна золотая съ жемчугомъ и каменьемъ, десять блюдъ серебряныя, два чума золотыхъ большихъ, два чумка золотыхъ поменьше, коробочку золотую; послѣ первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто кожаное, чело, гривна. Кромѣ того Калита упоминаетъ еще о золотомъ, которое онъ прідобылъ, и о серебряныхъ сосудахъ. Изъ драгоценнаго платья Калита оставилъ дѣтямъ: козуху черленую заморскую, козуху желтую обьяринную съ жемчугомъ, два козухи съ аламами и съ жемчугомъ, коць великую съ бармами, бунтубу соболий съ наплечками, съ жемчугомъ и каменьемъ, скорлупу портище, саженое, съ бармами, шапку золотую.

Все это движимое имущество раздѣлено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ея дочери. Дочь князя Андрея Ивановича Серпуховскаго досталась сыну ея Владиміру: Симеонъ Гордый завѣщалъ все женѣ своей, отъ которой только нѣкоторыя вещи перешли къ великому князю Іоанну II-му; послѣдній оставилъ послѣ себя три иконы²⁸³, пять паръ золотыхъ, изъ которыхъ три съ крестами²⁸⁴, одну шапку заморскую, однѣ бармы, четыре пояса, изъ которыхъ два съ жемчугомъ и каменьемъ²⁸⁵, двѣ сабли золотыя, двѣ обязи золотыя, двѣ серги съ жемчугомъ, два чечака золотыхъ съ каменьемъ и жемчугомъ, три овкача золотыхъ, два ковша большихъ золотыхъ, одну тарелку сердоичную, золотомъ окованную, одну бадью сереб-

ую съ наливкою серебряною, одинъ опашень скорлатный, саженный, алашь жемчужный, наплечки золотыя съ кругами, съ каменьемъ и жемчугами, алашь малый съ жемчугами, чашку золотую и стаканъ Цареградскій, кованный золотомъ²⁸⁶, блюдо серебряное съ кольцами. Будущимъ зятьямъ своимъ великій князь оставилъ по цѣпи золотой и поясу золотому.

Димитрій Донской оставилъ послѣ себя одну икону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шапку золотую, вотолу саженую, князь золотую, наплечки, алашь, два ковша золотыхъ²⁸⁷.

Василій Димитріевичъ оставилъ своему сыну: страсти большія, крестъ патріарха Филовея, икону Парамшина дѣла, цѣпь кремчатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковшъ золотой князя Симеона Гордаго, сосудъ окованный золотомъ, каменный сосудъ, присланный въ подарокъ отъ Витовта, кубокъ хрустальный, присланный въ подарокъ отъ Польскаго короля. Удѣльный князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій оставилъ послѣ себя три иконы, окованныя золотомъ, три пояса и блюдо большое двуколечное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящикъ съ мощами, икону окованную на мусіи, икону Пречистыя Богородицы съ пеленою, большую икону Богородицы стѣнную съ пелешою и съ убрусцами, икону свв. Козьмы и Даміана, икону св. Федора Стратилата, выбитую на серебрѣ. Кромѣ того оставила два дубовыхъ ларчика, большой и малый, большой ящикъ и коробью съ крестами, иконами и мощами.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный оставилъ пять крестовъ золотыхъ: одинъ изъ нихъ Петра Чудотворца, другой Парамшинскій, третій патріарха Филовея; икону золотую и на изумрудѣ, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что движимое имущество великихъ князей Московскихъ вовсе не увеличивается послѣ Калиты, напротивъ уменьшается; бѣдность завѣщанныхъ вещей особенно поражаетъ насъ въ духовной Димитрія Донскаго, сына и внука его. Такое оскудѣніе мы должны приписать во-первыхъ раздѣленію между сыновьями и передачѣ вещей дочерямъ;

потомъ желанію князей увеличивать болѣе недвижимую собственность, чѣмъ движимую; Тохтамышеву нашествію и большія издержки въ Ордѣ послѣ этого нашествія; большіи издержки въ Ордѣ при Василии Дмитріевичѣ для пріобрѣтенія ярковъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, наконецъ смутное княженію Василія Васильевича и тому, что Василій Косой-Шемьяка грабили въ Москвѣ казну великокняжескую. Золотая шапка завѣщается постоянно старшему сыну, начиная съ завѣщанія Калиты; бармъ Калита не отказываетъ старшему сыну Семену, отказываетъ одежды съ бармами младшимъ сыновьямъ; но съ завѣщанія Іоанна II мы видимъ бармы постоянно въ числѣ вещей, завѣщаемыхъ старшему сыну; также, начиная съ завѣщанія Іоанна II, къ старшему сыну постоянно переходитъ коробка сердоичная или сердоликовая, золотая окованная; впрочемъ и Калита упоминаетъ о золотой коробкѣ, которую онъ завѣщалъ княгинѣ съ дочерьюми. Благодаря словенію иконами встрѣчаемъ впервые въ завѣщаніи Іоанна II замѣчательно, что оружіе, именно двѣ золотыя сабли, встрѣчаемъ только между вещами этого князя, равно какъ и серьги, завѣщанныя сыновьямъ. Въ духовной Дмитрія Донскаго встрѣчаемъ очень мало платья: въ духовныхъ Василія Дмитріевича и Василія Темнаго вовсе не встрѣчаемъ его. Движимое богатство князей югозападной Руси состояло, какъ видно въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, какъ и на сѣверовостокѣ; тамъ мы видѣли, что князь Владиміръ Васильевичъ Волинскій предъ смертію роздалъ бѣднымъ все свое имѣніе: золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса, отцовскіе и свои серебряныя блюда большіе и кубки золотые и серебряные по дилъ въ гривны, также поступилъ съ золотыми монетами бабки и матери своей²⁸⁸.

Жизнь Русскаго князя на сѣверѣ и югѣ, въ описываемое время, мало чѣмъ разнилась отъ жизни прежнихъ Русскихъ князей. Замѣчаемъ, что княжія имена выходятъ изъ употребленія; князья обыкновенно называются иконами, взятыми изъ Греческихъ святцевъ; изъ старыхъ Славянскихъ именъ упол-

облиются такія, которыя принадлежали святымъ прославленнымъ князьямъ, каковы: Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ, Всеволодъ. Въ потомствѣ Константина Всеволодовича встрѣчаемъ только одного Мстислава; въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича на-
ходимъ одного Ярослава и одного Святослава; чаще встрѣча-
емъ княжія имена въ областяхъ, принадлежавшихъ къ старой
Руси, въ области Смоленской, Рязанской, Черниговской. Но
если вышло изъ обычая давать князьямъ Славянскія языческія
имена, то сохранялся обычай давать по два имени, хотя оба
имена взяты изъ Греческихъ святцевъ; такъ извѣстно, что сынъ
Василія Темнаго имѣлъ два имени — Іоаннъ и Тимофей, изъ
которыхъ употреблялось только одно первое. Восприемниками
при крещеніи князей встрѣчаемъ духовныя лица: такъ владыка
Новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Ми-
хила) у князя Александра Михайловича Тверскаго; Митро-
политъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегород-
скаго; у Димитрія Донскаго сына Юрія крестилъ св. Сергій
Владимірскій²⁸⁹; у князя Василія Михайловича Кашинскаго кре-
стилъ сына Димитрія Троицкій игуменъ Никонъ, преемникъ
св. Сергія, вмѣстѣ съ бабкою новорожденнаго, великою кня-
жною Евдокією²⁹⁰; у Василія Васильевича Темнаго крестилъ
сына (Іоанна) Троицкій же игуменъ Зиновій²⁹¹. На княжескіе
праздники бывали большіе сѣзды, пріѣзжали князья родствен-
ники съ женами, братьями, дѣтьми и боярами²⁹². Обрядъ по-
стрига сохранялся²⁹³. Касательно воспитанія князей встрѣ-
чаемъ одно извѣстіе, что князь Михаилъ Александровичъ Твер-
ской ѣздилъ въ Новгородъ къ крестному отцу своему, вла-
дыкѣ Василію, учиться у него грамотѣ²⁹⁴; молодому князю
было тогда семь лѣтъ. Между боярами княжескими упоми-
наются дядьки²⁹⁵. Женились князья въ первый разъ отъ че-
тырнадцати до двадцатилѣтняго возраста²⁹⁶; какъ и прежде,
свадьбы сопровождались богатыми пирами; какъ видно, вънача-
нъ князья въ томъ городѣ, гдѣ княжилъ отецъ невѣсты, у
котораго былъ первый пиръ, а потомъ всѣ родные и гости
пировали у женихова отца; такъ Глѣбъ Васильевичъ, князь

Ростовскій, женилъ сына Михаила на дочери Ярославля князя Федора Ростиславича, и вѣчаніе происходило у послѣдняго въ Ярославлѣ, куда пріѣхалъ отецъ жениховъ и нѣкоторые другихъ князей и бояръ; потомъ жениховъ отецъ задалъ большой пиръ въ Ярославлѣ же, почтилъ свата своего, князя Федора Ростиславича и всѣхъ гостей — князей, бояръ и слугъ; брачные пиры назывались кашею²⁹⁸. Отъ обычая женити въ городѣ отца невѣстина происходитъ выраженіе, что такъ то князь женился у такого-то князя. Но понятно, что подобный обычай могъ соблюдаться только тогда, когда женихъ бы еще князь молодой, ниже или равный по достоинству съ отцомъ невѣсты, и когда послѣдній былъ живъ; но если женился кто не молодой уже, или даже если молодой, но важнѣе тесно или бралъ сироту, то женихъ не ѣздилъ самъ въ городъ и вѣстинъ, а посылалъ за нею бояръ своихъ: такъ Свѣславъ Гордый, великій князь Московскій, послалъ двухъ бояръ цѣловать себя невѣсту изъ Твери, сироту, дочь князя Александра Михайловича. Дмитрій Донской женился на дочери Нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, но свадьба была въ Москвѣ и не въ Нижнемѣ, а въ Коломнѣ, на половинѣ дороги, ибо изъ Москвы въ Нижній путь шелъ Московскою рѣкою и Окою мимо Коломны; выборъ Коломны здѣсь объясняется тѣмъ, что оба великіе князя не хотѣли нарушить своего достоинства: Московскій не хотѣлъ ѣхать жениться въ Нижній, а Нижегородскій не хотѣлъ ѣхать на свадьбу къ дочери въ Москву къ шестнадцатилѣтнему зятю. Такъ и Александръ Невскій, взявши дочь у Полоцкаго князя, вѣнчался нею въ Торопцѣ, гдѣ былъ первый пиръ, и потомъ въ Новгородѣ, другой²⁹⁹. Вѣнчали князей епископы; если въ городѣ женился князь, не было епископскаго стола, то приглашался для вѣчанія тотъ епископъ, къ епархіи котораго принадлежало княжество: такъ вѣнчать князя Василя Ярославля въ Костромѣ пріѣзжалъ епископъ изъ Ростова³⁰⁰. Изъ замѣчанія великаго князя Юанна II мы видимъ, что было въ обычай тестю дарить зятьевъ: великій князь назначаетъ будущи

итьямъ въ завѣщаніи по золотой цѣпи и по золотому поясу. Мы видѣли, что обычаи давать приданое былъ уже и прежде ³⁰¹; ю теперь встрѣчаемъ въ источникахъ и самое это слово: Димитрій Шемяка, въ договоръ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, упоминаетъ о своемъ приданомъ, которое было назначено въ духовной грамотѣ его тестя и которое захватилъ братъ его Василій Косой ³⁰². Женились князья и въ описываемое время, какъ мы уже могли усмотрѣть, въ своемъ родѣ, поюмъ, часто женились на княжнахъ Литовскихъ и выдавали дочерей своихъ замужъ въ Литву; иногда женились въ Ордѣ на княжнахъ Татарскихъ; великій князь Василій Димитріевичъ отдалъ дочь свою Анну за Греческаго царевича Іоанна, сына Іануилова ³⁰³; наконецъ князья женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали дочерей своихъ за бояръ: дочь великаго князя Нижегородскаго Димитрія Константиновича была замужемъ за Московскимъ бояриномъ Николаемъ Васильевичемъ, мною тысяцкаго Вельяминова; дочери Московскаго боярина Івана Димитріевича были — одна за сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, Андреемъ, другая за однимъ изъ князей Тверскихъ ³⁰⁴; сынъ Донскаго, князь Петръ Дмитровскій, женился на дочери Московскаго боярина Поліевкта Васильевича ³⁰⁵; одинъ изъ сыновей Тверскаго великаго князя Михаила Александровича женатъ былъ на дочери Московскаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки ³⁰⁶, а внука послѣдняго была и княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго ³⁰⁷. Изъ примѣра Симеона Гордаго видимъ, что князья ступали въ бракъ иногда до трехъ разъ; тотъ же великій князь Симеонъ развелся со второю женою своею Евпраксією и отомалъ ее къ отцу, одному изъ князей Смоленскихъ ³⁰⁸; князь Всеволодъ Александровичъ Холиской также отослалъ княгинювою къ роднымъ въ Рязань ³⁰⁹.

О занятіяхъ княжескихъ въ описываемое время, по характеру источниковъ, мы имѣемъ меньше извѣстій, чѣмъ въ періодъ предшествовавшій. Противъ прежняго для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность — это по-

ѣздки въ Орду; Іоаннъ Калита ѣздилъ туда девять разъ, сынъ его Симеонъ Гордый въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ пять разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду съ женами³¹⁰ и съ дѣтьми³¹¹, иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ³¹²; о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ³¹³; иногда князья должны были отправляться съ ханомъ въ походъ³¹⁴.

Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Данилъ Галичскій, поѣхавши однажды провожать свое войско, убилъ на дорогѣ самъ рогатиною три вепря, да отрокъ его трехъ же³¹⁵. О племянникѣ Данииловомъ, князѣ Владимірѣ Васильевичѣ Волынскомъ говорится, что онъ былъ ловецъ добрый и храбрый; завидитъ вепря или медвѣдя, не станеть дожидаться слугъ, а самъ сейчасъ убьетъ всякаго звѣря³¹⁶. Не знаемъ, въ тѣхъ ли степеняхъ сѣверные князья раздѣляли эту страсть къ охотѣ съ своими южными соплеменниками: мы видѣли, что князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской запретилъ сыновьямъ въ дукховномъ завѣщаніи охотиться безъ позволенія въ чужихъ удѣлахъ; видѣли, что у князей были ловчіе, псаря и сокольникъ, которыми они дорожили; но съ другой стороны мы знаемъ, что для князей охота составляла также промыселъ, что они посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу. Такъ въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ говорится, что когда сокольникъ удѣльнаго князя Можайскаго Андрея Дмитріевича выѣзжали по княжескому приказу съ ястребами и соколами на ловлю, то Лука билъ и грабилъ сокольниковъ, ястребовъ и соколовъ себѣ бралъ, и случалось это много разъ. Князь Андрей Дмитріевичъ терпѣлъ, иногда и посылалъ къ Лукѣ, и тотъ приказывалъ отвѣчать ему жестоко и сурово, и самъ и переставалъ бить и грабить не только сокольниковъ, но и ловчихъ княжескихъ, отнимая у нихъ медвѣдей³¹⁷. Одинъ изъ ловчихъ рѣшился отомстить Лукѣ и нашелъ удобный случай: поймавши однажды медвѣдя лютаго, онъ приказалъ вести ег-

по Лукина двора; Лука, увидавши медвѣдя, вышелъ самъ
 нему съ служкою и приказалъ княжескому ловчему пустить
 зря на дворъ; тотъ воспользовался случаемъ и выпустилъ
 вѣдя прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты: звѣрь
 бросился на него и истерзалъ такъ, что слуги отняли его едва
 ваго³¹⁸. Изъ этого разсказа видно, что ловили большихъ мед-
 вей живыми и употребляли ихъ потомъ на утѣху.

Какъ сѣверные князья проводили свой день, видно отчасти
 изъ одного извѣстiя, именно изъ извѣстiя о Суздальской битвѣ:
 въ немъ сказано, что великій князь Василій Васильевичъ ужиналъ
 себя со всѣми князьями и боярами, и пиръ продолжался до
 глубокой ночи. На другой день, по восшествiи солнца (7 Юля)
 великій князь приказалъ служить заутреню, послѣ которой по-
 шелъ опять уснуть. Видимъ, что по утрамъ ко князю являлись
 новья его, бояре и другiе люди съ разными дѣлами по управ-
 ленiю. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно постри-
 женiе въ иноки и въ схиму; о кончинѣ князя Димитрiя Свя-
 славича Юрьевского разсказывается, что когда Ростовскiй
 епископъ постригъ его въ иноки и схиму, то онъ внезапно
 началъ употребленiя языка, потомъ опять сталъ говорить, и,
 взглянувши на епископа радостными глазами, сказалъ ему:
 «Господинъ отецъ, владыка Игнатiй! исполни Господь Богъ
 мой трудъ, что приготовилъ меня на долгiй путь, на вѣчное
 покои, снарядилъ меня воиномъ истинному Царю Христу, Богу
 нашему»³²⁰. Вотъ подробное описанiе кончины великаго князя
 Тверскаго Михаила Александровича: уже два года прошло,
 какъ Михаилъ отправилъ въ Царьградъ пословъ съ милосты-
 ной къ соборной церкви Св. Софiи и къ патриарху, по сво-
 ему обычаю; императоръ и патриархъ приняли и отпустили
 пословъ Тверскихъ съ большею честiю, и патриархъ отправилъ
 Михаилу своего посла съ иконою страшнаго суда, съ мо-
 литвенными святахъ, съ честнымъ муромъ. Когда великій князь
 узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ
 идти въ городъ къ вечеру: пришла ему мысль — встрѣтитьъ
 пословъ отъ святаго мѣста и принявъ благословенiе отъ патри-

арха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утро когда сыновья, другіе князья, бояре и разные люди ждали е съ дѣлами по обычному городскому управленію, Михайль велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного е ескопа Арсенія, которому объявилъ о намѣреніи своемъ постричься, прося его, чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ никому другомъ. Не смотря на то уже по всему городу разнесся слухъ, ч Михайль хочеть оставить княженіе и постричься въ монахъ. Народъ изумился, иные не вѣрили, но всѣ собирались, кн на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ друг, продивали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но въ пр сутствіи Михаила никто не смѣлъ сказать ни слова, поти что всѣ боялись его: былъ онъ человекъ страшный, и серд у него точно львиное. Между тѣмъ послы изъ Царяграда и шли въ городъ, неся священные подарки; епископъ, все дум венство и множество народа вышли къ нимъ на встрѣчу (свѣчами и кадилами, вышелъ и самъ великій князь, съ тр домъ вставши съ постели, и встрѣтилъ пословъ на своемъ дво у церкви Святаго Михаила. Поклонившись иконѣ, Михаи приказалъ отнести ее въ соборную церковь Св. Спаса, см ее проводилъ туда, и когда икону поставили на приготовам ное для нея мѣсто, вышелъ изъ церкви къ народу, сталъ (высокую ступень, и поклоняясь на всѣ стороны, сказалъ: «Пр стите меня братія и дружина, добрые сыны Тверскіе! остави вамъ любимаго и старшаго сына Ивана, пусть будетъ ва княземъ вмѣсто меня, любите его, какъ и меня любили, а о пусть соблюдаетъ васъ, какъ я соблюдалъ.» Народъ отвѣч горькими слезами и похвалами своему старому князю, котом смиренно всѣмъ опять поклонился и пошелъ на постриженіе! Аванасьевскій монастырь, гдѣ, за извѣстную плату, выпр сился жить у одного монаха, именовъ Григорія. На четверт день онъ принялъ постриженіе подъ именовъ Матвѣя, и черч восемь дней послѣ этого обряда умеръ³²¹. — Въ разсказѣ кончинѣ князя Дмитрія Юрьевича Краснаго говорится, ч его не хоронили семь дней до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ бри

го Димитрій Шемяка; тогда отпѣли, положили въ колоду, всмодили ее и повезли въ Москву для погребенія въ церкви архангела Михаила, общемъ мѣстѣ погребенія всѣхъ потомковъ Іаалиты, какъ великихъ князей, такъ и удѣльных³²². Великій князь Василій Васильевичъ Темный, по словамъ лѣтописца, хотѣлъ редъ смертію постричься въ монахи, но ему не дали воли; умеръ онъ въ субботу, въ третьемъ часу ночи, а на другой день въ воскресенье, схоронили его, — слѣдовательно, безъ особенныхъ обгоятельствъ, хоронили на другой день³²³. На югозападѣ погребеніе Волинскаго князя Владиміра описывается такъ: княгиня съ лугами дворными омыли тѣло, обвили его аксамитомъ съ кружевомъ, положили на сани и повезли во Владимиръ, гдѣ поставили въ богородичной церкви на сѣняхъ, потому что было уже поздно; а другой день совершено было погребеніе съ обычными приитаніями³²⁴. Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало рознится отъ прежней, но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ; о великомъ князѣ Василии Ярославичѣ Костромскомъ говорится, что онъ былъ очень добродѣтеленъ, любилъ Бога отъ всего сердца безъ лукавства, былъ милостивъ, ко святымъ церквамъ прилеженъ, чтилъ много епископовъ, какъ начальниковъ и пастырей, любилъ и чтилъ и весь священнической и монашеской чинъ; былъ незлобивъ и легко прощалъ согрѣшающихъ предъ нимъ³²⁵. О князѣ Глебѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ пищи и питья не щадилъ и подавалъ требующимъ, много церквей построилъ и украсилъ иконами и книгами, священнической и монашеской чинъ очень почиталъ, ко всѣмъ былъ любовенъ и милостивъ, гордости ненавидѣлъ и отвращался отъ нея какъ отъ змія: когда умеръ, то не малую жалость и плачь оставилъ во себѣ всѣмъ знающимъ его³²⁶.

Объ одеждѣ княжеской мы уже могли составить понятіе при исчисленіи вещей, остававшихся послѣ князей Московскихъ; въ лѣтописи при описаніи бѣгства князя Василя Михайловича Кашинскаго сказано, что онъ убѣжалъ въ одномъ терликѣ и безъ кивера³²⁷. При описаніи наружности Волинскаго князя

Владимира Васильковича говорится, что онъ стригъ бороду³²⁸.

Измѣненія, происшедшія въ между-княжескихъ отношеніяхъ должны были непременно отразиться и на положеніи дружины. Осѣдность князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдности дружины, которая могла теперь приобрести важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наследственнымъ правительственнымъ должностямн. Потомки Давида Александровича не трогаютъ изъ Москвы; начиная съ Іоанна Калиты всѣ Московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую Владимірскую область; князья не позволяютъ чужимъ боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только Московскіе бояре имѣютъ постоянную возможность покупать села въ области Владимірской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ, и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно слѣдовательно, удерживать Владимірскую область и вѣсть главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Какъ, вѣсть съ увеличеніемъ могущества князей Московскихъ, усилилось значеніе бояръ ихъ, видно изъ того, что великіе князья Нижегородскій, Тверской ищутъ родственныхъ союзовъ с ними. Не смотря на скудость источниковъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, въ нихъ можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе бояръ³²⁹. У насъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, какъ переселеніе бояръ с юга въ Московское княжество помогло усиленію послѣдняго, это самое усиленіе въ свою очередь должно было привлекать къ Московскимъ князьямъ отовсюду богатыхъ, знатныхъ даровитыхъ бояръ; мы видѣли, какую службу отслужилъ Москѣ пришлецъ съ юга — бояринъ Волинскій Боброкъ. Здѣсь мы видимъ, какъ извѣстное положеніе дружины на Руси способствовало усиленію одного княжества насчетъ другихъ, собранію земли Русской: въ слѣдствіе единства рода княжескаго и

древней Руси, земля сохранила свое единство; дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Это право свободнаго перехода дружинники держали и на сѣверѣ: отсюда, какъ скоро они замѣчали невыгоду службы у слабого князя, и выгоду у сильнаго, то свободно переходили къ послѣднему, ибо здѣсь не было измѣны прежнему князю, а только пользованіе своимъ правомъ, признаннымъ всѣми князьями: такъ мы видѣли, что великій князь Василий Димитріевичъ, склонивши на свою сторону дружину Нижегородскаго князя, овладѣлъ безпрепятственно его княжествомъ.

По родословнымъ книгамъ еще съ княземъ Даниломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву вельможа Протасій, пріокъ знаменитыхъ Вельяминовыхъ; вѣрнѣе извѣстіе, что Протасій былъ тысяцкимъ при Калитѣ³³⁰, послѣ чего мы видимъ тотъ санъ наслѣдственнымъ и для потомковъ Протасія. При одинаковой осѣлости князей и бояръ ихъ въ другихъ княжествахъ, подобныя явленія найдемъ не въ одной Москвѣ: такъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвищемъ Половой, и былъ въ Твери бояриномъ, сынъ его также былъ здѣсь бояриномъ, внукъ, правнукъ и праправнукъ были тысяцкими³³¹. Кромѣ Вельяминовыхъ мы видѣли цѣлый рядъ знатныхъ семей, который продолжается отъ Калиты до праправнука его. Но подлѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ Московскихъ бояръ мы видимъ постоянно приплывъ пришлецовъ: пріѣзжаютъ служить Московскимъ князьямъ не только знатные люди изъ югозападной Руси и изъ странъ чуждыхъ, но вступаютъ къ нимъ въ службу князя Рюрикoviчи съ юга и сѣвера, Гедининовичи изъ Литвы. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ иногда подавалъ поводъ пріѣздъ новаго знатнаго выходца, который хотѣлъ вступить въ службу къ князю только при условіи высокаго мѣста; но чтобъ дать ему это мѣсто, нужно было взять его у другаго стариннаго боярина, понизить послѣдняго и вѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ бояръ, занимавшихъ

мѣста подъ нимъ: это называлось на тогдашнемъ языкѣ заѣдомъ: новый выходецъ заѣзжалъ старыхъ бояръ, которые обзаны были подвинуться, чтобъ дать ему высшее мѣсто. Такъ при Калитѣ, выходецъ съ юга Родіонъ Несторовичъ заѣхалъ боярина Акинеа съ товарищами. Тогда Москва не взяла ея явнаго перевѣса надъ другими княжествами, Акинеу можно бы пренебречь ею, и, раздосадованный заѣдомъ, онъ отѣхалъ въ Тверь; но послѣ, когда Москва усилилась окончательно боярскіе роды обжились въ ней, тогда имъ невыгодно стало отѣзжать отсюда; они, въ случаѣ заѣзда, скорѣе соглашались уступать высшее мѣсто пришлецу. Такъ, въ княженіе Донскаго, выходецъ съ юга, Волинскій Боброкъ заѣхалъ Тимоѣя Васильевича Вельяминова съ товарищами, и тотъ уступилъ ей первое мѣсто; при Василии Дмитріевичѣ Литовскій выходецъ князь Юрій Патрикѣвичъ, заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ именно Константита Шею, Ивана Дмитріевича, Владиміра Даниловича, Дмитрія Васильевича, Ѳедора Кошкина Голтяя. Отъ носителю этого заѣзда дошло до насъ любопытное извѣстіе князю Юрію Патрикѣвичу князь великій мѣсто упросилъ, когда за него далъ сестру свою великую княжну Анну (по лѣтописямъ дочь Марью). А братъ былъ большой у князя Юрія Патрикѣвича Хованскій; и Ѳедоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣвича брата большого посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: «посадъ брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣвича.» И Ѳедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: «У того Богъ въ кикѣ, а у тебѣ Бога въ кикѣ нѣтъ», да сѣлъ Хованскаго выше.³³² «У того Богъ въ кикѣ» значитъ: у того счастье, судьба въ кичкѣ, кичи вмѣсто: женщина, жена: князь Юрій получилъ высшее мѣсто по женѣ.

Кромѣ завѣщанія Дмитрія Донскаго, и изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что бояре по прежнему были думцами князя князь думалъ, совѣтовался съ ними о дѣлахъ³³³). Начиная съ Симеона Гордаго, бояре являются свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Рязанскій великій князь Олегъ Иванъ

чь въ одной своей жалованной грамотѣ говорить: «Посовѣ-
вавшись (сгадавъ) съ отцемъ своимъ, владыкою Василиемъ и
съ своими боярами (слѣдуютъ имена ихъ), далъ³³⁴ я» и проч.;
мы должны замѣтить, что въ грамотахъ Московскихъ кня-
зей этого выраженія не находимъ. Видимъ бояръ, которые поль-
зуются особенною довѣренностью нѣкоторыхъ князей, и чрезъ
это обнаруживаютъ большое вліяніе на дѣла: таковъ былъ Се-
менъ Тонилевичъ при князѣ Андрѣе Александровичѣ, бояре
Еддоръ Андреевичъ и сынъ его Иванъ Федоровичъ Кошка при
всипии Дмитріевичѣ, Морозовъ при князѣ Юріи Дмитріевичѣ;
и видѣли, какъ вліяніе, переданное старикомъ Кошкою моло-
дому (относительно) сыну своему, возбудило негодованіе стар-
шихъ, отразившееся и въ лѣтописи.

Раздѣленіе дружины на старшую и младшую сохраняется и
въ описываемое время, только съ перемѣною нѣкоторыхъ на-
званій. Старшая дружина по-прежнему носитъ названіе бо-
яръ или бояръ. Право бояръ на свободный отъѣздъ отъ од-
ного князя къ другому, отъ великаго къ удѣльному, и наобо-
ротъ, также отъ великаго къ великому же, отъ Московскаго
князя къ Тверскому или Рязанскому и наоборотъ, под-
держивается во всѣхъ договорахъ княжескихъ. Князья обяза-
лись въ договорахъ своихъ не сердиться на отъѣхавшихъ
отъ нихъ бояръ, не захватывать ихъ селъ и домовъ, остав-
шихся во владѣніяхъ прежняго князя. Въ слѣдствіе этого права
бояръ сохранять свои недвижимыя имущества послѣ отъѣзда,
въ княжескихъ удѣлахъ постоянно могли находиться волости
бояръ, не смотря на то, что князья не позволяли чуж-
имъ боярамъ покупать селъ въ своихъ удѣлахъ; волости чуж-
имъ бояръ могли находиться въ княжескихъ удѣлахъ еще по-
тому, что извѣстное княжество, напримѣръ Серпуховское, при-
надлежало сначала одному князю, Владиміру Андреевичу, и
дворе его могли свободно покупать села по всему княжеству,
и по смерти Владиміра Андреевича его владѣнія раздѣлились
между сыновьями его на нѣсколько особыхъ удѣловъ, бояре
его также разошлись по сыновьямъ, при чемъ легко могло

случиться, что бояринъ остался служить старшему брату, Сипуховскому князю, а село его, по новому раздѣлу, очутилось въ удѣлѣ князя Боровскаго. Это обстоятельство заставило князей вносить въ свои договоры условіе, что бояре относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, во владѣніяхъ котораго живутъ, гдѣ у нихъ недвижимая собственность: князья обязываются вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ съ нихъ³³⁵; но въ военное время бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, которому служили, въ случаѣ же осады города, въ которомъ или близъ котораго они жили, они должны были оставаться и защищать этотъ городъ³³⁶. Въ случаѣ спорнаго дѣла между однимъ княземъ и бояриномъ другаго, князья отсылали отъ себя по боярину для рѣшенія этого дѣла; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третьяго судью; но всякое дѣло боярина съ своимъ княземъ судить послѣдній³³⁷. За службу свою бояре получали отъ князей извѣстныя волости и села въ кормленіе: Юанъ Калита въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о селѣ Богородицкомъ, которое онъ купилъ и отдалъ Борису Воркову: «се этотъ Ворковъ, говоритъ великій князь, будетъ служить кому-нибудь изъ моихъ сыновей, то село останется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимутъ». Касательно пользованія доходами съ кормленій, Симеонъ Голубый распоряжается такъ въ своемъ завѣщаніи: «Если кто-нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ, и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину дохода (прибытка)». Димитрій Донской съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиширомъ Андреевичемъ уговорился такъ относительно боярскихъ кормленій: «Если бояринъ побѣдетъ въ кормленья, отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, отслуживъ службы, то дать ему кормленье по исправѣ, т. е. за то только время, какое онъ находился въ службѣ, или онъ обязанъ отслужить службу.» До насъ дошли ввозныя или вслухныя грамоты, дававшіяся при пожалованіи кормленій: въ нихъ приказывалось жителямъ отдаваемой въ кормленіе вол-

и чтить и слушаться посланнаго къ нимъ на кормленіе; побдній вѣдаетъ ихъ и судить, и тиунамъ своимъ ходить у жъ велить, а доходъ долженъ брать по наказному списку; кости жаловались въ кормленіе съ мытами, перевозами, со бми намѣстничьими доходами и съ пошлиною ³³⁸.

Между самими старшими членами дружины, между боярами, встрѣчаемъ различіе: встрѣчаемъ названіе большихъ бояръ. Стописецъ говоритъ, что послѣ убійства тысяцкаго Алексѣя Хвоста большіе Московскіе бояре отѣхали въ зань ³³⁹. Димитрій Донской требуетъ отъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, что въ случаѣ, если онъ, великій князь, возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ, и отдать великому князю ³⁴⁰. Великій князь Василій Васильевичъ дозривается съ Шемякою, что если общіе судьи ихъ не соглася, то берутъ себѣ третьяго судью, для чего берутъ сперва бояръ великокняжескихъ двоихъ, да изъ бояръ Шемякина бо́льшаго ³⁴¹. Кромѣ упомянутаго условія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, мы не встрѣчаемъ больше названія большихъ бояръ вмѣстѣ съ путными; но вмѣстѣ съ путными боярами или путниками встрѣчаемъ, на первомъ мѣстѣ бояръ введенныхъ. Относительно этихъ введенныхъ и путныхъ бояръ мы постоянно встрѣчаемъ условіе, что когда, въ случаѣ городской осады, бояре обязаны садиться въ осаду или защищать тотъ городъ, въ которомъ живутъ, бояре введенные путники избавляются отъ этой обязанности ³¹². Кромѣ того, въ путныхъ боярахъ въ договорѣ великаго князя Василія Димитриевича съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ условіе: «Если намъ взять (дань) на своихъ боярахъ на путныхъ, то тебѣ взять на своихъ боярахъ на десяти.» Въ упомянутой грамотѣ великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, въ 1453 году, читаемъ: «Если кто придетъ чего искать на игуменскомъ приказчикѣ, то сужу его князь великій, или мой бояринъ введенный ³⁴³. Въ родо-
Исторія Россіи. Т. IV.

словной Кикиныхъ говорится, что Логгинъ Михайловичъ Кики былъ у великаго князя Дмитрія Іоанновича бояринъ введенный и и городадержавецъ, держалъ города Волокъ и Торжъ безъ отнимки; сынъ Логгина, Тимошей, называется также бояриномъ введеннымъ ³⁴⁴.

Мы видѣли, что въ одной грамотѣ на мѣстѣ бояръ введенныхъ находятся большіе. изъ чего имѣемъ основаніе заключать, что оба эти названія были равнозначущи. Послѣ встречаемъ названіе дяковъ введенныхъ: Что же касается различія между боярами введенными или большими и путными его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «если великій князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ. Значитъ большой бояринъ или введенный былъ именно городадержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получалъ содержаніе съ извѣстныхъ доходовъ статей княжескихъ или такъ называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть поэтому какую-нибудь придворную должность: конюшій бояринъ наприм. пользовался доходами волостей, опредѣленныхъ на конюшій путь. Старинное слово путь и настоящее наше доходъ (отъ доходить) выражаютъ одно и тоже представленіе» ³⁴⁵.

Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе окольничаго. Такъ оно находится въ договорной грамотѣ Симеона Гордого съ братьями Серпуховской князь Владиміръ Андреевичъ сделалъ намѣстникомъ въ Серпуховѣ окольничаго своего, Якова Юрьевича Носильца ³⁴⁶; въ разсказѣ о битвѣ съ Бегичемъ упоминается Московскій окольничій Тимошей (Вельяминовъ). Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича Олгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми совѣтовалъ при этомъ князь, упоминается Юрій окольничій. Этотъ Юрій занимаетъ здѣсь шестое мѣсто, изъ чего можемъ заключить, что окольничіе и въ описываемое время, какъ послѣ, хотѣ

исчислялись къ старшей дружинѣ, составляли вмѣстѣ съ большими боярами (послѣ просто съ боярами) думу княжескую, такъ занимали второстепенное мѣсто. Въ числѣ бояръ въ наченной Ольговой грамотѣ упоминается Манасія дядька, имавшій мѣсто выше окольниковичаго, и Юрій чашникъ, слѣдующій за окольниковичимъ. Въ другой Рязанской грамотѣ выше чашника встрѣчаемъ названіе стольника, которое встрѣчается въ Московскихъ грамотахъ³⁴⁷. Эти оба званія опредѣляются ко изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должность; что была за должность окольниковичаго? На нее мы встрѣчаемъ названіе въ позднѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ видимъ, что окольниковичій употреблялся въ походахъ царскихъ, ѣздилъ редъ государемъ по станамъ, и при этомъ случаѣ иногда въ окольниковичіе назначались дворяне — ясный знакъ, что здѣсь окольниковичій представлялъ уже не чинъ только, а должность³⁴⁸. Старшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ, носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ большей части вятниковъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ дѣти боярскіе, — названіе, показывающее ясно, изъ кого составляется этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскіе бѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права ѣзда и волостей.

Второй отдѣлъ младшей дружины составляютъ собственно къ называемые слуги, слуги вольные, люди дворные³⁴⁹, которые, по тогдашнему выраженію, бывали въ кормленьи и въ водѣ, и которые, относительно свободнаго отъѣзда, имѣли иное право съ боярами и дѣтьми боярскими³⁵⁰, отличаясь въ послѣднихъ происхожденіемъ. Отъ этихъ слугъ вольныхъ различались слуги другаго рода, промышленники и ремесленники, какъ то: бортники, садовники, псары, бобровники, раши, дѣлюи, которые пользовались княжескими землями. Московскіе князья обязываются не принимать ихъ въ службу, а вѣности за одно, земель ихъ не покупать. Если кто изъ нихъ слугъ не захочетъ жить на своей землѣ, то самъ мо-

жетъ уйти прочь, но земли лишается, она отходить къ кн
 Такого рода слуги обыкновенно называются въ грамотахъ сл
 подъ дворскимъ, ибо находились подъ вѣдомствомъ дв
 скаго; этимъ названіемъ отличаются они отъ вольныхъ сл
 перваго разряда, которые бывали въ кормленіи и въ доводѣ
 Наконецъ у князей встрѣчаемъ невольныхъ слугъ, холоп
 которые могли употребляться въ тѣже самыя должности, въ
 кихъ находились и слуги подъ дворскимъ³⁵², равно и въ вы
 шія должности, по домовому и волостному управленію, на
 въ тѣны, поселскіе, ключники, старосты, казначен, дѣл
 всѣ эти должностныя лица назывались большими людьми въ
 личіе отъ простыхъ холопей, меньшихъ людей. Назван
 гриди, гридѣба, исчезаетъ, но встрѣчается еще иногда
 званіе мужа³⁵³.

На югозападѣ встрѣчаемъ также бояръ и слугъ, слугъ дв
 ныхъ; между боярами встрѣчаемъ лучшихъ бояръ; между сл
 гами дворными дѣтей боярскихъ³⁵⁴. Со времени Литовск
 владычества названіе бояръ для старшихъ членовъ дружи
 остается въ областяхъ Русскихъ, но при дворѣ великокня
 скомъ оно исчезаетъ, замѣняется названіемъ паны, пан
 рада. До насъ дошли жалованныя грамоты великихъ княз
 Литовскихъ, вступавшимъ къ нимъ въ службу Русскимъ д
 жинникамъ. Если кто-нибудь изъ вельможъ Литовскихъ сл
 дѣтельствовавъ предъ великимъ княземъ о знатности выход
 то послѣдняго принимали и при дворѣ Литовскомъ соотвѣ
 ственно его прежнему значенію, какъ чловѣка родовитаго
 рыцарскаго, равняли его въ правахъ съ князьями, панами
 и шляхтою хоругвенною. Новый слуга обязывался бы
 вѣрнымъ великому князю: съ кѣмъ послѣдній будетъ мирен
 съ тѣмъ и онъ долженъ быть миренъ, и наоборотъ, и отпра
 влять военную службу вмѣстѣ съ прочею шляхтою, князья
 панами и землянами. Изъ этого мы видимъ, какъ раздѣ
 лись и назывались служилые люди (шляхта) при дворѣ вел
 кихъ князей Литовскихъ. Дошли до насъ присяжныя грамо
 и тѣхъ вельможъ, которымъ великіе князья Литовскіе дава

взять города: новый державецъ обязывался держать городъ лично, не передавать его никакому другому государству, кромѣ никакаго княжества Литовскаго; въ случаѣ смерти великаго князя городъ сдать его преемнику³⁵⁵. О богатствѣ южно-Русскихъ, именно Галицкихъ, бояръ можно имѣть понятіе изъ вѣстія о взятіи двора боярина Судислава, гдѣ найдено было много вина, овощей, корма, копій, стрѣлъ³⁵⁶. Что бояре на себѣ получали отъ князей волости, объ этомъ источники описываемаго времени говорятъ ясно: Даниилъ Романовичъ не велѣлъ принимать Черниговскихъ бояръ, а раздавать волости Галицкимъ только; и въ слѣдъ за тѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе, что караваны съ Коломыйской соли шли на раздачу оружникамъ³⁵⁷. Великому Волинскому князю Владиміру донесли, что братъ его Стиславъ, еще не вступивъ въ управленіе княжествомъ, уже отдаетъ боярамъ города и села³⁵⁸. Отъ временъ Литовскихъ пошли до насъ извѣстія о жалованіи слугъ землями въ вѣчное владѣніе³⁵⁹; при этихъ пожалованіяхъ опредѣляется обязанность пожалованнаго являться на службу съ извѣстнымъ количествомъ оруженыхъ слугъ³⁶⁰. Имѣнія даются въ вѣчное владѣніе съ правомъ передать ихъ по смерти дѣтямъ и ближнимъ, съ правомъ продать, подарить, распорядиться имъ, какъ сочтутъ для себя полезнѣе; впрочемъ Олгердовъ внукъ, князь Андрей Владиміровичъ, пишетъ въ своей духовной, что бояре, которымъ даны были земли, должны съ этихъ имѣній служить женѣ его³⁶¹. Боярскія вотчины въ югозападной Руси издавна были свободны отъ дани, не были тяглыми; въ Смоленскѣ дань (посощина) давалась только съ тѣхъ имѣній боярскихъ, которыя были пожалованы великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками.

По привилегіи Казимира Ягелловича, данной Литовскимъ землямъ въ 1457 году, князья, паны и бояре могли выѣзжать на чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, для приращенія своего состоянія и для подвиговъ воинскихъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская съ ихъ имѣній нисколько не страдала. Имуществомъ отчинными или пожалованными отъ Витовта, они имѣютъ

право владѣть такъ, какъ князья, паны и бояре Польскіе владѣютъ своими имуществами, имѣютъ право ихъ продать, прикупить, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить. Подданные ихъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей, поборовъ и серебщицны, отъ мѣръ, которыя называются дяклами, отъ подводовъ, отъ обязанности возить камень, бревна, дрова для обжиганія кирпичей или извести, отъ конщины сѣна и проч., исключая работъ, необходимыхъ для построения новыхъ крѣпостей и поправки старыхъ; остаются такъ въ силѣ старыя повинности: постои, поборы, постройки новыхъ мостовъ, поправки старыхъ, исправленіе дорогъ. Ихъ люди зависимые и невольные не могутъ быть принимаемы ни великимъ княземъ, ни его чиновниками. Если будетъ жалоба на кого-нибудь изъ людей ихъ, то великій князь не посылаетъ своего дѣцкаго, но прежде будетъ потребована управа у его подина, которому виноватый принадлежитъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ назначенный срокъ управа не будетъ учинена, дѣцкій посылается, но виноватый платитъ за вину только своему господину, а не кому-либо другому³⁶².

Мы видѣли на сѣверѣ, въ числѣ бояръ, окольныхкихъ, столбниковъ, чашниковъ. Встрѣчаемъ также должность конюшаго дворскаго. Въ современныхъ источникахъ указана только одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ — и стеровыхъ и промышленныхъ, но конечно дѣятельность съ этимъ не ограничивалась. Встрѣчаемъ казначеевъ, ключниковъ, тиуновъ: всѣ эти должностныя лица могли быть изъ свободныхъ и изъ холопей. Относительно ключниковъ свободныхъ въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго находимъ слѣдующее распоряженіе: «Что мои ключники некупленные, а купили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ ненадобны, а деревни ихъ дѣтямъ моимъ». Въ рассказѣ о Мамаевомъ побоищѣ встрѣчаемъ рынду, которая имѣетъ обязанность возить великокняжеское знамя. Изъ лицъ правительственныхъ находимъ древній санъ тысяцкого и видимъ его уничтоженіе въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ.

встрѣчаемъ болѣе посадниковъ, вмѣсто ихъ находимъ на-
стниковъ, волостелей, становщиковъ и околичниковъ, которые
сличались другъ отъ друга обширностію и важностію управ-
ляемыхъ участковъ. Въ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно
говорится, что наместники и волостели не въѣзжаютъ въ извѣст-
ныя волости, не судятъ тамошнихъ людей и не посылаютъ
къ нимъ ни за чѣмъ. Великій князь Василій Димитріевичъ тре-
буетъ отъ дяди своего Владиміра Андреевича, чтобъ тотъ не
велъ судовъ Московскихъ безъ великокняжескихъ намест-
никовъ; если въ отсутствіе великаго князя изъ Москвы, подастъ
у просьбу Москвичъ на Москвича, то онъ даетъ пристава
посылаетъ къ своимъ наместникамъ, которые должны разо-
рять дѣло вмѣстѣ съ наместниками удѣльнаго князя. Тіуны
имѣются съ прежнимъ значеніемъ. Селами управляли посель-
е, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что они могли быть
и несвободныхъ слугъ княжескихъ. При разбирательствѣ
дѣлъ употреблялись чиновники: приставы, доводчики; для пись-
менныхъ дѣлъ употреблялись дьяки и подъячіе³⁶⁴; дьяки упо-
блялись также и для дѣлъ посольскихъ: такъ Шемяка послалъ
Казань дьяка своего Ѳедора Дубенскаго стараться о томъ,
чтобъ великаго князя Василя Васильевича не выпускали изъ
Казани. Описи земель производились писцами. Для сбора раз-
ного рода податей существовалъ рядъ чиновниковъ подъ на-
званіемъ данщиковъ, боровщиковъ (отъ бора), бѣлщиковъ (отъ
бѣлки), ямщиковъ (отъ яма), бобровниковъ, закосниковъ, борт-
никовъ³⁶⁵.

На югозападѣ до Литовскаго владычества встрѣчаемъ званія:
польскаго, который имѣетъ здѣсь важное значеніе и въ мирѣ,
на войнѣ: дворскій Григорій въ Галичѣ вмѣстѣ съ еписко-
помъ Артеміемъ является на первомъ планѣ: оба противятся
изю Данилу Романовичу, и потомъ оба являются къ нему
предложеніемъ принять городъ³⁶⁶. Знаменитый Андрей, двор-
скій Данила, является на первомъ планѣ въ походахъ; по всему
видно, что въ слѣдствіе вліянія сосѣднихъ государствъ, Поль-
скаго и Венгерскаго, дворскій въ Галичѣ имѣлъ важное значеніе

палатина. Важнымъ сановникомъ является на югѣ печатникъ (канцлеръ): печатникъ Кирилъ посланъ былъ князьями Данииломъ и Василькомъ въ Бакоту исписать грабительскаго боярь и утишитъ землю; печатника встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ въ концѣ XIII вѣка³⁶⁷. Видимъ и въ Москвѣ печатника, которымъ при Димитріи Донскомъ былъ знаменитый священникъ Митяй. Встрѣчаемъ и на югѣ стольниковъ³⁶⁸. Встрѣчаемъ сельничаго, но въ другомъ, высшемъ значеніи, чѣмъ прежде находимъ новое названіе снужниковъ, подлѣ боярь³⁷⁰: подсецъ на югѣ употребляется въ томъ же значеніи, въ кагда дьякъ на сѣверѣ³⁷¹.

Таковъ былъ составъ дружины и собственно двора княжескаго на сѣверѣ и югѣ. Но кромѣ означенныхъ званій и раздѣленій, и здѣсь, и тамъ, въ описываемое время входятъ въ число княжескихъ слугъ князья племени Рюрика и Рюричины, лишеныя своихъ владѣній, или, по-крайней-мѣрѣ, лишеныя правъ независимыхъ владѣльцевъ. Въ началѣ, въ описываемое время, эти князья не входятъ еще въ общій служебный распорядокъ, составляютъ особый отдѣлъ дружины, чѣмъ становятся выше боярь. Князья условливаются другъ съ другомъ, что въ случаѣ отъѣзда князья служебные лишаютъ своихъ вотчинъ³⁷². Что же касается происхожденія остальныхъ членовъ дружины, то на сѣверѣ она наполнялась выходцами изъ южной Руси, изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Галицкіи. На югѣ, во Владимірѣ Волинскомъ видимъ Нѣнца Микольты съ важнымъ значеніемъ³⁷³; тамъ же въ службѣ князя Владиміра Васильковича видимъ Кафилата, выходца изъ Силезіи³⁷⁴, потомъ Пруса³⁷⁵.—Въ смутное время въ Галицкіи важнаго значенія достигъ бояринъ Григорій, внукъ священника, вмѣстѣ съ нимъ упоминаются Лазарь Доможиричъ и Иванъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (племени смерды), но было ли это явленіе слѣдствіемъ смутнаго времени, или могло случиться и при обыкновенномъ порядкѣ вещей — этого сказать нельзя³⁷⁶. Мы видимъ, что люди знатнаго происхожденія не достигли еще званія члене старшей дружины, обра-

отъ особый отдѣлъ въ младшей дружинѣ, подъ именемъ дѣ-
тей боярскихъ.

Кромѣ дружины, войско, по-прежнему, составлялось и изъ
эродовыхъ полковъ; полки, составленные изъ Московскихъ
ителей упоминаются въ княжескихъ договорахъ обыкновенно
одъ именемъ Московской рати: Василій Васильевичъ Темный вы-
велъ противъ дяди Юрія Московскихъ гостей и другихъ жи-
телей. Въ жалованной грамотѣ Василя Темнаго Троицкому
Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ бе-
еговой службой³⁷⁷. На югъ Ростиславъ Михайловичъ Черни-
овскій собралъ въ Перемышль многихъ смердовъ для войны
съ Даниломъ Галицкимъ³⁷⁸, при чемъ лѣтописецъ говоритъ,
то эти смерды составляли пѣхоту, которая дала побѣду Ро-
тиславу; но въ знаменитомъ Ярославскомъ сраженіи, тотъ же
Ростиславъ вступилъ въ битву съ одною конницею, оставилъ
пѣхоту у города, и былъ побѣжденъ Даниломъ, у котораго
была и конница и пѣхота.—На сѣверѣ, слышавъ о прибли-
женіи непріятеля, князья разсылали грамоты по всѣмъ воло-
стямъ своимъ для сбора войска; но мы видѣли, какъ эти сборы
были медленны, когда надобно было имѣть дѣло съ непріателемъ,
подобнымъ Олгерду или Тохтамышу. Когда непріятель былъ
уже близко, то изъ первыхъ собравшихся ратниковъ состав-
ляли сторожевой полкъ и отправляли въ заставу, чтобъ за-
держать по возможности врага³⁷⁹. Выступивъ въ походъ, по-
ылали напередъ стороѣжи развѣдать о движеніяхъ непріятеля,
добыть плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы узнать все
подробно; добыть плѣнника значило, по тогдашнему выраже-
нію, добыть языка. Въ походѣ войско кормилось на счетъ
областей, чрезъ которыя проходило: такъ говорится, что ве-
ликій князь Василій Васильевичъ, заключивъ перемиріе съ Ва-
силіемъ Косымъ, распустилъ свои полки, которые разѣхались
къ сѣ для собранія кормовъ. Предъ вступленіемъ въ битву войско
располагалось по-прежнему: въ срединѣ становился великій
полкъ, по обѣ стороны его двѣ руки — правая и лѣвая, напе-
реди передовой полкъ; видимъ употребленіе съ большою поль-

* *

зою засадъ, или западныхъ полковъ: засада рѣшила Куликовскую битву въ пользу Русскихъ: благодаря засадѣ, начальникъ ушкуйниковъ, Прокопій, съ двумя тысячами войска разбилъ пять тысячъ Костромичей. По-прежнему предъ началомъ битвы князья говорили рѣчи. По-прежнему, видя бѣгство и пріятеля, ратники бросались обдирать мертвыхъ, иногда преждевременно, какъ напримѣръ на Суздальскомъ бою; на югѣ и сѣверѣ видимъ старый обычай браниться съ непріятелемъ. Въ южной лѣтописи упоминается о Русскомъ боѣ³⁸¹, какъ отличавшемся своими особенностями. Сѣверный лѣтописецъ, въ случаю битвы Василя Васильевича Темнаго съ Василюмъ Бозымъ, говоритъ, что Литовскій выходецъ, князь Иванъ Баба Друцкой изрядилъ свой полкъ съ копьями по литовски, и этотъ Литовскій обычай противопоставляетъ Русскому. Выраженіе о копьями—не можетъ намъ дать понятія объ особенностяхъ Литовскаго боя, ибо и Русскіе одинаково употребляли это оружіе такъ напримѣръ при описаніи Куликовской битвы говорится, что задній рядъ закладывалъ копья на плеча переднимъ, при чемъ у переднихъ копья были короче, а у заднихъ длиннѣе. Везгерскій полководецъ отзывался о Южно-Русскихъ ратникахъ что они охочи до бою, стремительны на первый ударъ, но долгу не выдерживаютъ. —Южно-Русскіе полки любили биться въ чистомъ полѣ, на открытыхъ мѣстахъ; Даниилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, говоритъ своему войску: «развѣ не знаешь что христіанамъ пространство есть крѣпость, а поганымъ гнѣснота»³⁸². Въ сѣверномъ лѣтописцѣ находимъ извѣстіе, что когда великій князь Василій Васильевичъ послалъ полки свои противъ Татаръ къ Окѣ подъ начальствомъ князя Звенигородскаго, и этотъ воевода испугался и возвратился назадъ; иначе поступили другіе воеводы, князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій, Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ, въ войнѣ Новгородской: встрѣтившись въ числѣ двухъ сотъ человекъ, съ непріятелемъ, у котораго было 5000 человекъ, они сказали: «если не вступишь въ бой, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя» — сразились и одержали побѣду. На югѣ сохранялся обычай, и

оторому князь долженъ ѣхать впереди войска, потому что онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ и его болѣе вѣхъ слушались; такъ князья Русскіе и Польскіе говорили Данилу Романовичу: «Ты король, голова всѣмъ полкамъ; если пошлешь кого-нибудь изъ насъ напередъ, то войско не будетъ слушаться; ты знаешь воинскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай, и всякій тебя постыдится и побоится; ступай самъ напередъ». И Данилъ, урядивши полки, самъ поѣхалъ напередъ, съ однимъ дворскимъ и небольшимъ числомъ отроковъ. На сѣверѣ, по свидѣтельству сказаній о Мамаевомъ побоищѣ, великій князь Димитрій, поѣздивъ немного впереди въ сторожевыхъ полкахъ, возвратился въ великій полкъ.

Вооруженіе на сѣверѣ состояло изъ щитовъ, шлемовъ, рогагинъ, сулицъ, копій³⁸³, сабель³⁸⁴, ослоповъ, топоровъ. Южный гѣтописецъ такъ описываетъ вооруженіе полковъ Данила Галицкаго: «щиты ихъ были какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, конья дрожали въ рукахъ ихъ какъ трости многія, вѣртыцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ рожанцы свои, наложивши на нихъ стрѣлы.» Въ другой разъ, вышедши на помощь къ королю Венгерскому, Данилъ вооружилъ свое войско по-татарски: лошади были въ личинахъ и коярахъ кожаныхъ, а люди въ ярыкахъ; самъ же Данилъ одѣтъ по обычаю Русскому: сѣдло на конѣ его было изъ жженого золота, стрѣлы и сабля украшены золотомъ и разными хитростями, кожухъ изъ Греческаго оловира, обшить кружевами золотыми плоскими, сапоги изъ зеленого сафьяна (хза) шиты золотомъ; когда король попросился у него въ станъ, то Данилъ ввелъ его въ свою палату³⁸⁵ (палатку). И на югѣ между оружіемъ попадаетъ названіе рогтичи или рогатицы, также мечи и сулицы. Въ духовной Волинскаго князя Владиміра упоминается³⁸⁶ броня дощатая³⁸⁷. Изъ отнятыхъ у непріятеля коней и оружія составляли сайгаты³⁸⁸. По-прежнему на югѣ употребляются стяги или хоругви, на сѣверѣ они уже начинаютъ называться знаменами: такъ въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ упоминается черное знамя, которое возили надъ великимъ княземъ. Для со-

званія войска на бой употреблялись трубы: Василій Васильичъ Темный самъ началъ трубить войску, слышавъ о приближеніи Косаго.

Относительно характера войнъ должно замѣтить, что на сѣверѣ (включая сюда область Сѣверскую, Рязанскую и Смоленскую), изъ девяноста извѣстій о войнахъ внутреннихъ или междоусобныхъ, мы встрѣчаемъ не болѣе двадцати извѣстій о битвахъ, слѣдовательно семьдесятъ походовъ совершенно было безбитвъ. Раздѣливъ описываемый періодъ времени въ 234 года на двѣ равныя половины, увидимъ, что въ первую половину до 1345 года, который придется въ началъ княженія Синека Гордаго, было только пять битвъ, остальные же пятнадцать относятся ко второй половинѣ, и изъ этихъ пятнадцати почти половина, именно семь битвъ приходится на усобицу, происходившую въ княженіе Василя Темнаго между этимъ княземъ его дядею и двоюродными братьями—доказательство усиленнаго ожесточенія къ концу борьбы. На югѣ же въ продолженіе семнадцати лѣтъ, отъ 1227 года до Ярославской битвы, встрѣчаемъ двѣнадцать извѣстій о походахъ, и между ними четыре извѣстія о битвахъ, между которыми двѣ были лютыя—Звенигородская и Ярославская. О внѣшнихъ войнахъ въ описываемое время на сѣверѣ встрѣчаемъ около 160 извѣстій, и въ томъ числѣ около пятидесяти только извѣстій о битвахъ; изъ этого числа битвъ болѣе тридцати было выиграно Русскими. Изъ общаго числа извѣстій о войнахъ сорокъ пять относятся къ войнамъ съ Татарами, сорокъ одно къ войнѣ съ Литовцами, тридцать съ Нѣмцами Ливонскими; остальные относятся къ войнамъ со Шведами, Болгарами и проч. На югѣ до Литовскаго владычества встрѣчаемъ сорокъ съ чѣмъ—нибудь извѣстій о войнахъ внѣшнихъ, въ томъ числѣ одиннадцать извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ восемь были выиграны Русскими! Во время междоусобныхъ войнъ на сѣверѣ встрѣчаемъ разъ тридцать пять извѣстій о взятіи городовъ, причемъ разъ пять попадаются осады неудачныя; во внѣшнихъ войнахъ разъ пятнадцать упоминается о взятіи городовъ Русскими, разъ семь неудачныя осады; разъ

надцать Русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, въ около семидесяти упоминается о взятіи Русскихъ городовъ, преимущественно Татарами, во время нашествія Батыева, Хтамышева, Едигеева. На югъ во внѣшнихъ войнахъ разъ упоминается о взятіи городовъ Русскими, раза три-избавіе Русскихъ городовъ отъ осады, разъ неудачная осада Русии, разъ одиннадцать взятіе городовъ Русскихъ непріа-лемъ.

Касательно осадъ городовъ, въ самомъ началѣ описываемаго рюда мы уже встрѣчаемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ, рокахъ, таранахъ, турахъ. Во время осады Чернигова Дамомъ Романовичемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ евскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камень на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ черемъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Михайловичъ Черговскій, во время осады Ярославля Галицкаго, употреблялъ роки или праки. Вотъ какъ описывается взятіе приступомъ рюда Гостинаго Волынскими войсками, отправленными на пощъ къ Польскому князю Кондрату: «Когда полки пришли къ рюду и стали около него, то начали пристроиваться на взягорода; князь Кондратъ ѣздилъ и говорилъ Русскимъ: «Братья и милая Русь! потяните за одно сердце!» и ратники полѣзли гъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобъ цыки не подкрались внезапно. Когда ратники прилѣзли подъ брала, то Поляки стали пускать на нихъ камни, точно градъ ьный, но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденнымъ выникъ изъ забралъ; потомъ начали колотъся копьями; много было ьнныхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мертвые ьать изъ забралъ какъ снопы; такимъ образомъ взять былъ ьодъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ»³⁸⁹. ь сѣверъ, Новгородцы, собираясь въ походъ подъ Раковоръ, ьскали мастеровъ, которые стали чинить пороки на владычнь дворѣ. Во время осады Твери Димитріемъ Донскимъ, ьждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и ьметали приметъ около всего города; эта осада продолжалась

четыре недели, городъ не былъ взятъ, потому что Тверской князь успѣшилъ заключить миръ съ Московскимъ. Первымъ деломъ осаждающихъ было пожечь посады и всѣ строенія около осажденной крѣпости или города; но иногда это дѣлали и на осажденные, приготовляясь къ осадѣ. Въ разсказѣ объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ въ первый разъ упоминаются пушечные ядра, употребленные осажденными; тутъ же упоминаются самострѣлы; осажденные, кромѣ того, что бросали камни и стрѣлы, лили на осаждающихъ также горячую воду. Московскій кремль ниразу не былъ взятъ силою, ибо Тохтамышемъ овладѣлъ имъ хитростію; Смоленскъ оба раза былъ взятъ Тохтамышемъ также хитростію; Тверь, послѣ Татарскаго нашествия съ Калитою, ни разу не была взята; Новгородъ не былъ взятъ никогда; Псковъ выдержалъ шесть осадъ отъ Нѣмцевъ.

Относительно числа войскъ въ описываемое время у насъ еще менѣе точныхъ извѣстій, чѣмъ даже въ періодъ предшествовавшій. Правда, мы имѣемъ извѣстіе о числѣ Русскаго войска, сражавшагося на Кудиковомъ полѣ, но это извѣстіе почерпнуто изъ украшенныхъ сказаній, и есть еще другія причины сомнѣваться въ его вѣрности. Когда великій князь Дмитрій перевезся черезъ Оку и сосчиталъ своихъ ратниковъ, то нашелъ, что ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ, причемъ великій князь жалѣлъ, что у него мало пѣхоты, и оставилъ у себя на правую руку великаго воеводу своего Тимофея Васильевича, чтобы онъ провожалъ по Рязанской землѣ тѣ пѣшіе и конные отряды, которые будутъ приходить послѣ. И дѣйствительно потомъ сказано, что пришло къ нему много пѣхоты, много житскихъ людей и купцовъ изъ всѣхъ земель и городовъ, такъ что послѣ ихъ прихода насчиталось уже болѣе 400,000 воиновъ. Но если мы примемъ въ соображеніе, что Дмитрій долженъ былъ ограничиться силами одного Московскаго и Великаго Княжества съ подручными князьями и отрядомъ двухъ Олгердовичей, что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно, что на извѣстіе о Тверской помощи также недѣльно много настаивать, что о полкахъ Нижегородскихъ и Суздальскихъ

ихъ нѣтъ и помину, то извѣстіе о 400,000 войска не можетъ не показаться преувеличеннымъ. Въ Суздальскомъ бою

Василіемъ Темнымъ было только полторы тысячи войска, а съ нимъ были тутъ князья Можайскій, Верейскій и Серховской, недоставало одного Шемяки, чтобъ всѣ силы Московскаго княжества были въ сборѣ. Новгородцы выставили отивъ Василія Темнаго 5,000 войска, и эту рать лѣтописецъ зываетъ великою вельми. Разумѣется, мы не можемъ сравнить похода Василія Темнаго на Казанскаго хана съ походомъ дѣда его Димитрія на Мамай: самыя жалобы лѣтописца на измѣрное истощеніе областей Московскихъ послѣ Куликовой битвы показываютъ напряженіе чрезвычайное.

Таково является, по источникамъ, состояніе дружины и войска вообще. Что касается до остальнаго народонаселенія, городского и сельскаго, то города сѣверовосточной Руси въ описываемое время представляются намъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ какое видѣли мы у городовъ древней, югозападной Руси. Соборы между князьями продолжаютъ по-прежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ голоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія родовому народонаселенію о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не уряживается ни о чемъ съ горожанами. За Владимиръ и его область борются князья — Переяславскій и Городецкой, Московскій и Тверской, но расположеніе Владимирцевъ къ тому или другому сопернику никогда не кладется на вѣсы для рѣшенія спора, какъ некогда расположеніе Кіевлянъ; цѣля важность Владимира и его области, борясь за нихъ, князья однако перестаютъ жить въ стольномъ городѣ отцевъ, остаются въ своихъ опричныхъ; это обстоятельство должно было бы дать Владимирцамъ мышую независимость при обнаруженіи своего расположенія въ пользу того или другаго соперника: но ничего подобнаго не видимъ. Начинается усобица въ Московскомъ княжествѣ между дадею и племянникомъ; одинъ изгоняетъ другаго изъ Москвы, какъ некогда изъ Кіева, но о голоса Москвичей ни слова,

ни слова о томъ, чтобъ князья соперники прислушивались этому голосу, спрашивали его; говорится о заговорѣ многихъ Москвичей, бояръ, гостей и чернецовъ въ пользу Шемяки противъ Василія Темнаго, но ни слова о вѣчѣ, о гласномъ и раженіи народнаго мнѣнія, о распрѣ сторонъ между гражданами, какъ это мы видѣли въ старину на югѣ; упоминаются вѣча только въ смыслѣ возстаній: два раза вѣча простыхъ людей на бояръ — въ Костромѣ, Нижнемѣ, Торжкѣ, одинъ разъ вѣче въ Ростовѣ на Татаръ; упоминаются и прежде союзы на Татаръ въ городахъ, при чемъ видимъ и участіе князей въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Тохтамышевомъ нашествіи говорится, что и въ Москвѣ, по отъѣздѣ великаго князя «созвониша вѣче, позвониша во все колоколы, и сташа суйти народы мятежныи, крамольницы.» Но въ старыхъ городахъ Смоленскѣ, Муромѣ, Брянскѣ, жители вмѣшиваются въ княжескія усобицы: Смольяне не хотѣли имѣть своихъ князей Святослава Мстиславича, и послѣдній долженъ былъ силою сѣсть у нихъ на столъ; Брянцы сходятся вѣчемъ на князя своего Глѣба Святославича; въ Муромѣ обнаруживаются двѣ стороны изъ которыхъ одна стоитъ за князя Федора Глѣбовича, а другая за Юрія Ярославича.

Но и въ описываемое время существовалъ на сѣверѣ городъ который, не смотря на усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила сохранилъ прежнее значеніе старшихъ городовъ въ области значеніе власти, сохранилъ прежній обычай, какъ на думу, вѣче сходятся: то былъ Новгородъ Великій. Мы видѣли, какъ въ слѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній и усобицъ, явились ряды, какъ великіе князья рядились съ Кіевлянами, какъ послѣ Всеволода Ольговича тиунъ въ Кіевѣ становился выборнымъ отъ города; мы видѣли, что въ слѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, но еще болѣе усиленныхъ, явились ряды и въ Новгородѣ, и здѣсь посадники и тысяцкіе стали выборными. Мы видѣли, что начало рядовъ Новгородскихъ должно отнестись ко временамъ Всеволода Мстиславича; но дошедшая

съ самая древняя изъ договорныхъ грамотъ Новгородскихъ великими князьями относится ко временамъ Ярослава Ярославича; послѣ этого князя мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ съ малыми измѣненіями одна противъ другой, ибо Новгородцы держались старины: новыя отношенія, явившіяся на верѣ, не могли дать имъ новыхъ льготъ; все стараніе ихъ женствовало быть направлено къ тому только, чтобъ удержать прежнее.

Такъ въ началѣ грамотъ Новгородцы обыкновенно говорятъ, объ князь цѣловалъ крестъ на томъ, на чемъ цѣловали дѣды отцы, держать Новгородъ въ старинѣ, по пошинѣ безъ иды; послѣ исчисленія всѣхъ условій говорится, что такъ шло отъ дѣдовъ и отцевъ. Въ грамотахъ Ярослава Ярославича говорится только о крестоцѣлованіи княжескомъ; но въ грамотахъ сына его Михаила является уже и клятва Новгородцевъ — держать княженіе честно, по пошинѣ, безъ обиды; наконецъ съ того времени, какъ младшіе, удѣльные князья осковскіе начали присягать — держать княженіе старшихъ честно и грозно, Новгородцы также должны были внести въ свои грамоты: грозно. Договоръ заключался отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, соцкихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ, отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода. Владыка посылалъ князю благословеніе, остальные сановники и жители полонь.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ правителя, князь держалъ всѣ волости Новгородскія не своими мужами, но мужами Новгородскими. Мы не должны забывать, что подъ именемъ волостей разумѣлось тогда не только то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ названіемъ, но также должности, доходы. Князь безъ посадника не раздавалъ волостей, не давалъ грамотъ. Князь ридилъ Новгородъ и раздавалъ волости, находясь въ Новгородѣ, но не могъ дѣлать этого, находясь въ Суздальской землѣ; безъ вины не лишалъ никого волости. На Нѣмецкомъ дворѣ князь торговалъ посредствомъ купцовъ Новгородскихъ, не могъ затворять двора, приставлять къ нему при-

ставовъ, нарушать договоровъ, заключенныхъ съ городами Немскими, долженъ былъ, по выраженію грамотъ, блюсти Новгородскую душу, т. е. не дѣлать Новгородцевъ клятвopеступниками передъ Нѣмцами. — Изъ этихъ условій видимъ, что давать грамоты, скрѣплять ими извѣстныя права — принадлежалъ князю, только при участіи посадника; но потомъ Новгородъ въ этомъ отношеніи, забылъ старину, и грамоты стали даваться на вѣчъ безъ участія князя; такъ дана была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю въ слѣдующей формѣ: «По благословенію господина преосвященнаго архіепископа божіею спасаемаго Великаго Новгорода владыки Евѣимія, по старинѣ грамотѣ жалованной, пожаловали посадникъ Великаго Новгорода Дмитрій Васильевичъ и всѣ старыя посадники, тысящикъ Михайла Андреевичъ и всѣ старыя тысящіе, и бояре, и жити люди, и купцы, и весь Господинъ Великій Новгородъ на вѣчъ на Ярославль дворѣ». ³⁹¹ Великій князь Василій Васильевичъ уничтожилъ эту новизну; въ его договорѣ съ Новгородцами читаемъ условіе: «вѣчнымъ грамотамъ не быть,» вмѣстѣ съ другимъ условіемъ: «А печати быть князей великихъ.» Понятно, что, присвоивши себѣ право давать грамоты отъ вѣчъ безъ князя, Новгородцы привѣщивали къ этимъ грамотамъ и свою городовую печать.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ судьи, князь не судилъ суда безъ посадника; Новгородцы обязывались не отнимать суда у великокняжескихъ намѣстниковъ, исключая двухъ случаевъ: во-первыхъ, когда придетъ вѣсть о вторженіи нечестителя; во-вторыхъ, когда жители будутъ заняты укрѣпленіемъ города, и обвиненные или тяжущіеся не будутъ имѣть времени отвѣчать передъ судомъ. Соцкіе и рядовичи безъ великокняжескаго намѣстника и безъ посадника не судятъ нигдѣ. Зовъ къ суду по волости производится посредствомъ позванниковъ великокняжескихъ и Новгородскихъ, въ городѣ посредствомъ подвойскаго великокняжескаго и Новгородскаго. Если князю донесутъ на кого бы то ни было, то онъ не даетъ вѣры доносу, прежде нежели изслѣдуется дѣло; князь

посуживаетъ грамотъ, т. е. не перемѣняетъ грамотъ, даныхъ прежними князьями; не посужаетъ ряду вольнаго, т. е. когда соперники полюбовно уладятъ дѣло между собою; не вѣтъ вѣры навѣтамъ холопа или рабы на господина; не судятъ ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господаря ихъ; яряне княжескіе изъ Новгородской волости за рубежъ суда выводятъ и не судятъ, вязчей пошрины не берутъ. Если считается судъ великокняжескому человѣку съ Новгородцемъ, судятъ отъ великаго князя бояринъ, и отъ великаго Новгородца бояринъ, судятъ право, по крестному цѣлованію. Если заспорятъ, не смогутъ рѣшить дѣла, то когда великій князь и его братъ, или сынъ пріѣдутъ въ Новгородъ, тогда рѣшится это дѣло. Судей своихъ по волости князь шлетъ на тридцать день.

По условіямъ, опредѣлявшимъ доходы княжескіе, князь получалъ даръ отъ всѣхъ Новгородскихъ волостей; въ Торжкѣ Волокъ держалъ тиуна въ той части этихъ городовъ, которая у принадлежала, а въ Вологдѣ тиуна не держалъ; на двухъ гостахъ, Имоволожскомъ и Важанскомъ бралъ куну; когда ѣхалъ въ Новгородъ, то бралъ даръ по станціямъ (помянутымъ), а когда ѣхалъ изъ Новгорода, тогда дара не бралъ. Мѣстныхъ пошринъ Новгородцы обязываются не утаивать, равно какъ всякихъ доходовъ и оброковъ княжескихъ. Пошрины великимъ князьямъ и митрополиту отъ владыки брать по старинѣ. Мокъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ. Князь пользовался въ назначенныхъ мѣстахъ правомъ косить сѣно, ловить звѣрей, рыбу, варить медъ³⁹². Князь собиралъ дань въ волоцкихъ владѣніяхъ Новгорода; но онъ или продавалъ (отдавалъ на откупъ) эту дань Новгороду, или могъ посылать и своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, и какъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвратиться опять въ Новгородъ, а не прямо къ великому князю; отдавать даней на Низу князь не могъ. Въ Вотскую землю князь посылалъ ежегодовъ. Дворяне княжескіе и тиуны его имѣютъ право брать прогону³⁹³; но дворяне не имѣютъ права

по селамъ брать подводы у купцовъ, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно дать вѣсть о приближеніи неприятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне ихъ не могли въ Новгородской волости держать сель, покупать ихъ, принимать въ даръ, также ставить слободъ и мытовъ.

Изъ всѣхъ этихъ условій видно, что Новгородъ не платилъ великому князю дани, исключая даней Заволоцкихъ, о которыхъ упоминается еще подъ 1133 годомъ. Но мы видѣли, что въ 1259 году наложена была на Новгородъ дань Татарскія число; лѣтописецъ говоритъ, что Татары переписали дохристіанскіе, и что богатымъ было легко, а бѣднымъ тяжело³⁹⁴; изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что количество платимой суммы было одинаковое для всѣхъ жителей, дань была наложена безъ соображенія съ средствами плательщика. Но мы видѣли также, что Татары скоро перестаютъ сами собирать дань и поручаютъ это князьямъ, которые такимъ образомъ получаютъ возможность распорядиться сборомъ дани по-своему; тогда самое дѣлаютъ и Новгородцы: они платятъ великому князю такъ называемый черный боръ для хана, и вносятъ въ свои договоры условіе: «Если приведется князьямъ великимъ взятъ черный боръ, и намъ черный боръ дать по старинѣ.» Такъ когда Димитрій Донской, послѣ Тохтамышева нашествія, дѣлалъ женѣ дань въ Орду большой выходъ, то послалъ и въ Новгородъ брать черный боръ³⁹⁵. Какъ брался этотъ черный боръ мы знаемъ изъ данной Новгородской грамоты великому князю Василью Васильевичу на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ³⁹⁶: «Брать князя великаго черноборцамъ на Новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохою по гривнѣ новой, да писцу княжему мортка съ сохи; а за соху два коня да третье припряжь, да тишанъ кожевничій; за соху (идеть), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за соху, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, ладья за соху, цѣпъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгородецъ заѣхалъ лодьею, или тамъ гуеть лавкою, или староста, на томъ не взять; и кто буде

ерноватый, беретъ мѣсячину, на томъ также не брать. Кто, кинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ боярскій, или кто вѣтитъ соху и будетъ изобличенъ, тотъ платитъ за вину свою вое за соху.» Такимъ образомъ мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ, и опредѣлялась величиною средствъ промышленника, при чемъ всѣ промыслы приравнивались къ сохѣ, которая выражала опредѣленную величину средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли.

Мы видѣли, что опредѣленіе однихъ только финансовыхъ ношеній Новгородѣ къ великимъ князьямъ можно отнести къ временамъ Ярослава I-го, что опредѣленіе остальныхъ отношеній, какъ мы встрѣчаемъ его въ договорныхъ грамотахъ, должно быть отнесено ко временамъ позднѣйшимъ, началось не нѣе княженія Ярополка Владиміровича въ Кіевѣ. Начавшіяся въ этихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линіями Мономахова потомства, частыя сдѣланы великихъ князей отразились въ Новгородѣ, который постоянно признавалъ свою зависимость отъ великаго князя, а въ себѣ князя изъ его руки: и здѣсь начались волненія и усобицы, смѣны, изгнаніе князей, образовались партіи, приверженныя то къ тому, то къ другому изъ нихъ; если сначала князья смѣнялись въ слѣдствіе смѣнъ въ Кіевѣ, то потомъ начали смѣняться въ слѣдствіе торжества той или другой стороны въ самомъ Новгородѣ; чиновники княжескіе, посадники, ісацкіе стали выборными, начали смѣняться въ слѣдствіе торжества той или другой стороны, въ слѣдствіе смѣнъ князей, которыми стали заключаться договоры, ряды. Князья южные, считая своими родовыми счетами и усобицами, смотрѣли равнодушно на утвержденіе такого порядка вещей въ Новгородѣ; или Ольговичи уступали Кіевлянамъ выборъ тиуна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что другіе южные князья легко соглашались и на Новгородскія условія; Изяславъ Мстиславичъ односторонне ведетъ себя какъ на Кіевскомъ, такъ и на Новгородскомъ вѣчѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ приняли первенствующее положеніе князья сѣверные, мы видимъ постоянное враждебное

столкновеніе ихъ съ бытомъ Новгорода, развившимся, по всѣмъ вѣроятностямъ, полнѣе, и опредѣлившимся точнѣе, нежели въ другихъ старыхъ городахъ. Всеволодъ III привелъ—было у Новгородъ совершенно въ свою волю, сынъ его Ярославъ хотѣлъ сдѣлать тоже самое, хотѣлъ управлять Новгородомъ изъ пригорода Торжка: обоимъ помѣшалъ южный князь Мстиславъ; Александръ Невскій шелъ по слѣдамъ предковъ; братъ его Ярославъ хотѣлъ привести Новгородъ въ свою волю помощью Татарскою, но былъ остановленъ братомъ Василиемъ Дмитріемъ Александровичъ былъ остановленъ въ подобныхъ намѣреніяхъ братомъ Андреемъ, Михаилъ Тверской Юріемъ Московскимъ. Но Московскіе князья, получивши первенствъ, измѣняютъ поведеніе предшествовавшихъ князей относительно Новгорода: они оставляютъ въ покоѣ его быть, не допускаютъ только дальнѣйшаго распространенія Новгородскихъ правъ, напримѣръ освобожденія отъ митрополичьяго суда, и все вниманіе обращаютъ только на то, чтобъ получить съ Новгорода какъ можно больше денегъ, овладѣть его главными доходами, получаемыми съ Заволочья. Калита сталкивается враждебно съ Новгородомъ и всякій разъ за деньги, за то, что хочетъ взять съ него больше положеннаго; онъ дѣлаетъ также первую попытку овладѣть Заволочьемъ; сынъ его Симеонъ Гордый начинаетъ княженіе походомъ на Новгородъ — за деньги, за то, что Новгородцы не хотятъ позволить ему собирать дань на Торжокскихъ волостяхъ. Дмитрій Донской идетъ на Новгородъ, когда, въ слѣдствіе Тохтамышева нашествія, онъ чувствуетъ большую надобность въ деньгахъ; Василій Дмитріевичъ возобновляетъ попытку Калиты, хочетъ овладѣть Заволочьемъ; Темный беретъ съ Новгорода богатые окупы; но Темный уступаетъ сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ освободилъ отъ родичей, собралъ ихъ удѣлы, у него нѣтъ соперниковъ ни въ Твери, ни въ Нижнемъ, онъ не боится ни Литвы, ни Орды — и потому можетъ думать уже о послѣднемъ ударѣ по Новгороду, объ уничтоженіи его стараго быта; онъ дѣлаетъ только то, что дѣлалъ и прежде, т. е. только думаетъ объ этомъ, но смерть мѣшаетъ исполненію думъ.

Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ, во второй четверти II вѣка посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ и занялъ сто подлѣ князя при судѣ и раздачѣ волостей, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не шился права требовать его смѣны, объявивши только вину: такъ мы видимъ, что въ 1171 году князь Рюрикъ Ростивичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ рода; князь Святославъ Мстиславичъ не могъ сдѣлать того съ посадникомъ Твердиславомъ, потому что, вопреки условію, хотѣлъ лишить его должности безъ вины; въ описываемое время Александръ Невскій настоялъ на то, чтобъ посадникъ Іанія лишень былъ должности; братъ Невскаго Ярославъ вбывалъ, чтобъ трое бояръ были лишены должности; Новгородцы упросили его простить людямъ, и удовольствоваться тѣмъ, что должность тысяцкаго отдана была, по его волѣ, человеку, ему преданному. Отъ начала XV вѣка дошло до насъ остраниное извѣстіе (Ланноа), что посадники и тысяцкіе мѣлись ежегодно. Мы видимъ, что великіе князья посылаютъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ; какое же было значеніе ихъ лицъ? Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ указываетъ намъ намѣстника великокняжескаго Бориса, который, вмѣстѣ съ владыкою Василиемъ примирилъ враждующія стороны; подъ 1375 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе о намѣстникѣ: Новгородцы, желая упросить владыку Алексѣя, чтобъ онъ не оставлялъ епископій, стали вѣчемъ на дворѣ Ярослава, и послали съ челобитьемъ къ владыкѣ съ вѣча намѣстника великокняжескаго вана Прокшинича, посадника, тысяцкаго, и другихъ многихъ старей и добрыхъ мужей: здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, намѣстникъ занимаетъ мѣсто выше городскихъ сановниковъ. Въ описываемое время, когда попадаютъ извѣстія о довольно значительныхъ войнахъ Новгородцевъ съ Шведами, Ливонцами, Нѣмцами, Литвою, войнахъ, которыя объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотрѣть степень участія князя или намѣстника его во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира. Подъ 1242

годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что, послѣ Ледоваго побоища, Нѣмцы прислали въ Новгородъ за миромъ съ поклономъ князя (Александра), и миръ былъ заключенъ. Подъ 1256 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, что Александръ Невскій ступилъ въ походъ съ своими полками и Новгородскими, чѣмъ Новгородцы не знали: куда, на какой народъ и куда идти — знакъ, что Александръ не объявлялъ на вѣчь о походѣ, не спрашивалъ согласія гражданъ на него. Орѣховъ договоръ со Шведами, заключенный въ 1323 году, начинался такъ: «Я князь великій Юрій, съ посадникомъ Варооломеемъ тысяцкимъ Авраомъ и со всѣмъ Новгородомъ, докончалъ братомъ моимъ, Свейскимъ королемъ³⁹⁷. Во времена Московскихъ князей, предоставившихъ Новгородъ самому себѣ, вавшихъ Литовскимъ князьямъ право казнить Новгородцевъ, если они сгрубятъ имъ, въ это время, разумѣется, вѣще получила большую свободу въ опредѣленіи своихъ вѣнскихъ отъшеній: такъ видимъ, что когда Шведскій король Магнусъ прислалъ въ Новгородъ съ требованіемъ принять католицизмъ, грозя въ противномъ случаѣ войною, то въ совѣщаніи по этому случаю видимъ владыку, посадника, тысяцкаго, и всѣхъ Новгородцевъ — о намѣстникѣ великокняжескомъ не упомянуто при заключеніи договора съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ Новгородцы вносятъ условіе, чтобъ великій князь безъ Новгородскаго слова не замышлялъ войны. Но въ этомъ князь не терялъ своего участія во вѣнскихъ сношеніяхъ: въ 1420 году Орденъ прислалъ пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ назначить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ. въ это время въ Новгородѣ жилъ князь Константинъ Дмитріевичъ, разсорившійся съ братомъ, великимъ княземъ Василиемъ; Новгородцы приняли его въ честь, дали ему пригороды, бывшіе прежде за Литовскими князьями, кромѣ того по всей волости Новгородской сборъ пошрины, называемой коробейщиною, но въ то же время въ Новгородѣ находился и намѣстникъ великаго князя Василія, князь Федоръ Патрикѣевичъ, и вотъ, словамъ летописца, Нѣмецкіе послы условились съ княземъ Ко

нтиномъ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, что быть на съѣздъ самому магистру, а князю Константину и Новгородъ послать своихъ бояръ; въ слѣдствіе чего были посланы съѣздъ намѣстникъ великокняжескій князь Федоръ Патри- вичъ, бояринъ князя Константина — Андрей Константино- вичъ, двое посадниковъ и трое бояръ Новгородскихъ³⁹⁸. На- лецъ изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новго- рощевъ съ Любекомъ и Готскимъ берегомъ — одна, относя- щаяся къ концу XIII или началу XIV вѣка, написана отъ имени великаго князя Андрея, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ ней сказано, что гости будутъ на Божіихъ ру- гъ, княжескихъ и всего Новгорода; другая грамота, отно- щаяся ко второй половинѣ XIV вѣка, половинѣ Московской намѣстнической, написана отъ имени архіепископа, поса- дика, тысяцкаго и всего Новгорода.

Изъ двѣнадцати смутъ въ Новгородѣ, о которыхъ упоми- наетъ лѣтописецъ въ періодъ отъ 1054 до 1228 года только три не были въ связи къ княжескими перемѣнами: возстаніе щевъ въ слѣдствіе бѣгства Матея Душилчевича въ 1218 году, и возстаніе на владыку Арсенія въ 1228 году. Въ пе- редъ времени отъ 1228 до 1462 года лѣтописецъ упоминаетъ разъ о смутахъ, изъ которыхъ только четыре были въ связи съ княжескими отношеніями. Большею частію Новгородцы стають на своихъ сановниковъ, при чемъ нельзя не усмот- рѣть борьбы двухъ сторонъ, стороны лучшихъ и стороны худшихъ людей. Мы видѣли, что и въ періодъ отъ 1054 до 1228 года посадники избирались обыкновенно изъ одного извѣст- нора круга знатныхъ фамилій; если при избраніи въ другія должности слѣдовали тому же обычаю, то легко понять, какое значеніе должны были получить знатныя фамиліи, какія общія обязанности должны были онѣ преслѣдовать, и какія волненія въ го- родѣ должна была производить вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ съ другомъ. Мы видѣли, къ какиимъ явленіямъ повела борьба Степана Твердиславича съ Водовикомъ въ 1230 году; въ 1255 г. лучшие люди составляютъ совѣтъ — побить мень- *Исторія Россіи. Т. IV.*

шихъ и ввести князя на своей волѣ; на раздѣленіе интересовъ сторонъ лѣтописецъ указываетъ также въ извѣстномъ наложеніи дани Татарской; тоже самое видимъ и въ слѣдствіи 1418 года. Но здѣсь рождается вопросъ о происхожденіи боярскихъ фамилій: было ли это названіе наследственнымъ въ которыхъ фамилій, или нѣтъ? Извѣстно, что въ нашей древней исторіи никогда и нигдѣ боярское званіе не было наследственнымъ; боярами назывались старшіе члены дружины, совѣтники князя, который возводилъ въ это званіе давалъ это значеніе или сыновьямъ своихъ старыхъ боярскихъ дружинниковъ вообще, смотря по мѣрѣ ихъ достоинства. Людямъ, вновь вступающимъ въ дружину, смотря опять по достоинству и по разнымъ другимъ условіямъ: разумѣется происхожденіе отъ знаменитаго и любимаго княземъ боярина давало его сыну большее право и легкость къ достиженію того званія; но въ случаѣ нужды и дѣтскіе могли стать боярами какъ обещалъ сдѣлать князь Владиміръ Мстиславичъ при извѣстномъ случаѣ³⁹⁹. Но мы должны строго различать въ источникахъ названіе боярина въ значеніи старшаго члена дружины названіе, употребляющееся въ противоположность съ названіями другихъ младшихъ членовъ дружины, и тоже самое названіе, употребленное въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ знатныхъ большихъ людей, въ смыслѣ дружины вообще, съ противоположеніемъ ей всего остальнаго народонаселенія, людей простыхъ, черныхъ. Такъ и въ Новгородской лѣтописи названіе боярь употребляется въ общемъ смыслѣ знатныхъ людей, вѣнчаныхъ, въ противоположность меньшимъ, простымъ. Именемъ боярь или большихъ, вѣнчаныхъ людей въ Новгородѣ разумѣются всѣ правительственныя лица, какъ отправляющія свою должность, такъ и старья, члены всѣхъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственныя должности. Сынъ посадника имѣлъ важное значеніе, какъ сынъ посадника, какъ сынъ при этомъ знаменитого, могущественнаго по своему вліянію человека, и въ составѣ этого принадлежалъ къ числу большихъ, знатныхъ лю-

дръ, назывался боярномъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, остаго челоуька, а не потому онъ назывался такъ, что имѣлъ збыи санъ боярина, или принадлежалъ къ сословію бояръ. тары, боясь волненія народнаго въ Новгородѣ, просятъ князя Александра, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ сторожай, и князь ить стеречь ихъ сыну посадничьему и всемъ дѣтямъ бояр-имъ; потомъ, по смерти Александра Невскаго, Новгородцы рдали за братомъ его Ярославомъ сына посадничьяго и луч-ихъ бояръ.

Слово: бояре въ общемъ значеніи лучиныхъ, знатныхъ лю-й, противопологаемыхъ простымъ людамъ, употребляется не одной Новгородской, но и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ; итно, что въ другихъ княжествахъ подъ именемъ бояръ мновенно члены дружины противопологаются всему осталь-му народонаселенію. Такъ подъ 1315 годомъ лѣтописецъ врить, что князь Аванасій Даниловичъ дошелъ изъ Новго-да въ Торжокъ съ Новгородскими боярами безъ черныхъ дей⁴⁰⁰; при описаніи усобицъ въ Твери, говорится, что жко было боярамъ и слугамъ, тяжко было и чернымъ лю-цъ⁴⁰¹. О Дмитріи Донскомъ сказано, что онъ, желая пре-редить Михаила Тверскаго, привелъ по всѣмъ городамъ къ всагъ бояръ и черныхъ людей⁴⁰². При описаніи Раковор-ой битвы Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что много пало брыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа⁴⁰³. Встре-ется и старинное названіе люди, въ значеніи простыхъ, чер-ихъ людей и въ противоположность знатымъ, боярамъ, дружинѣ обще; такъ говорится, что Тверской князь Михаилъ Але-андровичъ, пожегши Дмитровскіе посады, волости и села, ирь и людей привелъ плѣнными въ Тверь⁴⁰⁴; а въ Волян-юй лѣтописи встречаемъ названіе простыхъ людей, въ проти-положность боярамъ⁴⁰⁵. Наконецъ, въ противоположность дру-инѣ, все остальное народонаселеніе носитъ названіе земскихъ людей⁴⁰⁶. Такимъ образомъ, въ противоположность князьямъ, ѣ не князья были смерды, черные люди; въ противоположность драмъ и дружинѣ вообще все остальное народонаселеніе также

носило названіе простыхъ, черныхъ людей; изъ этого народнаго населенія будутъ выдѣляться новые высшіе разряды или сословія, и всѣ остальные низшіе, въ отношеніи къ этимъ высшимъ разрядамъ, будутъ называться также черными людьми. Такъ въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи сословнаго родоваго народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ житыхъ людей, значительныхъ по своему богатству, людей, которые не принадлежатъ къ городской аристократіи, къ лицамъ и семействамъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не занимались торговлею. За житыми людьми и купцами⁴⁰⁷ слѣдуютъ купцы, и наконецъ черные люди; въ 1398 году летописецъ говоритъ, что ко Владимиру Новгородскому пришли бити челоуки посадники, бояре, дѣти боярскія житые люди и купеческія дѣти; иногда житые люди помѣщались послѣ купцовъ⁴⁰⁸. Тѣ же самыя части городского населенія кромѣ житыхъ людей, видимъ и во всѣхъ другихъ городахъ сѣверовосточной Руси: когда князь Юрій Ярославичъ обновилъ запустѣлый Муромъ, и поставилъ въ немъ свой дворъ, то и въ Муромѣ подражали въ этомъ бояре, вельможи, купцы и черные люди⁴⁰⁹. Въ Москвѣ купцы уже раздѣляются на гостей и суконниковъ. Московскіе князья въ договорахъ своихъ условливаются обидно — гостей, суконниковъ и городскихъ людей брать въ вѣсть, и въ службу ихъ не принимать. Последнее условіе объясняется тѣмъ, что гости, суконники и вообще городскіе люди были данные или тяглые, и позволеніе переходить въ дружину лишало бы князей главнаго источника доходовъ и лишало бы ихъ средствъ платить выходъ въ Орду. Послѣ XVII вѣка мы увидимъ, какой страшный ущербъ въ Московскихъ финансахъ былъ произведенъ стремленіемъ тяглыхъ городскихъ людей выйдти изъ податнаго состоянія вступленіемъ въ службу или зависимость отъ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, и какія сильныя мѣры употребляло правительство для воспрепятствованія этому выходу. То же самое побуждало заставляло князей и въ описываемое время условливаться и принимать въ службу данныхъ людей⁴¹⁰, ни купцовъ, и

ныхъ людей, ни численныхъ или числяковъ, и земель ихъ покупать; если же кто купилъ подобныя земли, то прежніе дѣльцы должны выкупить ихъ, если могутъ; если же не могутъ въ состояніи выкупить, то покушники должны потянуть къ чернымъ людямъ; если же не захотятъ тянуть, то тянутся своихъ земель, которыя даромъ переходятъ къ чернымъ людямъ — распоряженіе, тождественное съ позднѣйшими ипоряженіями, по которымъ бѣломѣстцамъ, людямъ нетягнать, запрещалось покупать земли тяглыхъ людей. Тоже самое бужденіе заставляло Московскихъ князей условливаться не брать въ Москвѣ закладней и не покупать человека съ дворянъ; князья обязываются также не покупать земель ордынскихъ и дѣлюевъ, которые должны знать свою службу, какъ до прежде, при отцахъ. Подъ именемъ дѣлюевъ разумѣются какаго рода ремесленные и промышленные люди, поселенные княжескихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, купленные князьями въ Орду и поселенные также на княжескихъ земляхъ⁴¹¹.

Городское тяглое населеніе по прежнему раздѣлялось на сотни: вгородцы говорятъ въ своихъ грамотахъ, что купецъ долженъ тянуть въ свое сто, а смердь въ свой погостъ; здѣсь же смердомъ разумѣется сельскій житель. Московскіе князья въ своихъ договорахъ говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ сотникамъ; иногда же говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ становщику: и здѣсь надобно, думать, понимать такъ, что въ первомъ случаѣ говорится о городскихъ людяхъ, а во второмъ о сельскихъ. Сотникъ или соцкій удерживаетъ прежнее значительное положеніе свое въ Новгородѣ: началъ договорныхъ грамотъ съ князьями говорится, что берется князю благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадка, тысяцкаго и всѣхъ соцкихъ. Но если купцы и вообще рожане тянули къ своимъ соцкимъ, то соцкіе должны были тянуть къ тысяцкому; великій князь, въ договорахъ съ удѣльщиками, выговариваетъ, чтобъ Московская рать по прежнему ступала въ походъ подъ его воеводою, и чтобъ князья не

принимали къ себѣ никого изъ этой рати; послѣднее условіе показываетъ намъ, что эта рать состояла изъ горожанъ: и знаемъ также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кромѣ собственныхъ горожанъ, тянувшихъ городскія сотни, могли жить въ городѣ на своихъ дворахъ холопы и сельчане княжескіе: такъ Дмитрій Донской услуживается съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ вѣдать въ городъ (Москву) своихъ наместниковъ, которые должны очистить холопей ихъ и сельчанъ; отъ этого происходитъ, что въ Москвѣ находились дворы, которые тянули къ селамъ.

На Вятское устройство могутъ указать намъ только перестроики посланія митрополита Іоны, который обращается къ тремъ воеводамъ земскимъ, ко всемъ ватаманамъ, подвойскимъ боярамъ, кунцамъ, житымъ людямъ и ко всему христіанству.

Въ городскомъ быту югозападной Руси до Литовскаго владычества самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ приплывъ чуждаго населенія — Нѣмцевъ, Жидовъ, Ариянъ. По 1259 году Волынскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о построеніи и населеніи города Холма: однажды князь Данилъ Романовичъ, охотясь, увидалъ красивое и удобное мѣсто на горѣ, окруженной равниною (полемъ): мѣсто ему понравилось, и онъ построилъ сперва на немъ маленькую крепость, а потомъ другую, большую, и началъ призывать отовсюду Нѣмцевъ и Рускихъ, иноязычниковъ и Поляковъ, и набралъ много всякихъ ремесленниковъ отъ Татаръ: сѣдельники, лугники, тульники, кузнецы, мѣдники, серебряники, закипъ жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крѣпости) поле и села. Князь Мстиславъ Даниловичъ, для выслушанія завѣщанія брата своего Владиміра Васильевича, созываетъ Владиміръ Волынскомъ горожанъ (мѣстичей) — Рускихъ и Нѣмцевъ; на похоронахъ Владиміровыхъ плакали Нѣмцы, Сурожъ и Жиды. Во время Литовскаго владычества Жиды получали большія льготы; города Русскіе стали получать право Нѣмецкое, Магдебургское. По грамотѣ Витовтовой, данной въ 1514 году⁴¹⁴, за убійство, нанесеніе раны, побоевъ Жиду виноватъ

вбѣчаетъ также, какъ за убійство, раны, побои, нанесенныя
 яхтичу; если христіанинъ разгонитъ Жидовское собраніе,
 наказывается по обычаю земскому и все его имущество
 бирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное школь
 жидовской, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ
 на фунта перцу. Жида можно заставить присягнуть на Десяти
 повѣдахъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не
 больше какъ о 50 гривнахъ литаго серебра; въ другихъ же
 случаяхъ Жидъ присягаетъ передъ школою, у дверей. Жида
 недоавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если
 христіанинъ обвинитъ Жида въ убійствѣ христіанскаго мла-
 щенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя
 христіанами и тремя Жидами добрыми; если же свидѣтели объ-
 ятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть тоже
 наказаніе, какое предстояло обвиненному. — Ставши королемъ
 польскимъ, Ягайло немедленно, въ 1387 году, далъ Вильнѣ
 магдебургское право; великій князь Сигизмундъ Кейстutowичъ
 въ 1432 году подтвердилъ это пожалованіе грамотою на Рус-
 скомъ языкѣ: въ слѣдствіе этого жители Вильны, какъ Ри-
 кой, такъ и Русской вѣры, высвобождались изъ-подъ вѣдом-
 ства воеводъ, судей и всякихъ чиновниковъ великокняжескихъ,
 во всѣхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ войтомъ. Отъ
 того же Сигизмунда жители Вильны, какъ Ляхи, такъ и Русь,
 получили право безмытной торговли по всему княжеству Ли-
 товскому, вѣсчую и другія пошліны въ своемъ городѣ, а ве-
 щій князь Казимиръ Ягайловичъ освободилъ ихъ отъ обязан-
 ности доставлять подводы. Въ привилегіи короля Казимира,
 данной Литовскимъ землямъ въ 1457 году, городскіе жители
 равнены въ правахъ съ князьями, панами и боярами, кромѣ
 права выѣзжать за границу и кромѣ управы надъ подвластными
 подданными. — Старый Полоцкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Нов-
 городомъ-Великимъ, сохраняетъ этотъ бытъ, или, по-крайней-
 мерѣ, очень замѣтные слѣды его, и при князьяхъ Литовскихъ.
 Какъ видимъ, что онъ заключаетъ договоры съ Ригею, съ ма-
 гистромъ Ливонскимъ, и привѣщиваетъ къ этимъ договорамъ

свою печать. Король Казиниръ въ своей уставной грамотѣ Полоцку, говоритъ: «Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все посольство жили въ согласіи, и дѣла наши городскія дѣлали всѣ вмѣстѣ согласно, по старинѣ, и сиделись бы всѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились, а безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собираться.» Для сбора денегъ на короля устроенъ былъ въ Полоцкѣ ящикъ за четырьмя ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ посольскій; для хранения ключей избирались изъ всѣхъ этихъ сословій по два человека добрыхъ, годныхъ и вѣрныхъ, которые одинъ безъ друга ящика не отпирали. — Кто были эти дворяне? безъ сомнѣнія служивъ прежнихъ полоцкихъ князей⁴¹⁵.

Внѣшній видъ Русскаго города не разнился отъ внѣшняго вида его въ прежде-описанное время. Въ Москвѣ явилась каменная крѣпость (кремль) только въ княженіе Дмитрія Донскаго; мы видѣли, какъ во время Тохтамышева нашествія Москвичи хвалились, что у нихъ городъ каменный, твердый и ворота желѣзныя. Въ 1394 году задумали въ Москвѣ копать ровъ отъ Кучкова поля въ Москву рѣку; много было людей убытка, говоритъ лѣтописецъ, много хоромъ разметали, много трудились, — и ничего не сдѣлали. Черезъ пять лѣтъ послѣ заложения Московскаго кремля заложень былъ и каменный кремль Нижегородскій. Заложеніе обширной крѣпости въ Твери лѣтописецъ приписываетъ еще св. Михаилу Ярославичу; но въ 1368 годоужъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михаилъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостнаго ваду выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тмаки, а въ 1394 году тотъ же князь велѣлъ рушить обетшалаю стѣну и тутъ же рубить брусемъ⁴¹⁶. Какъ видно, кремль Донскаго былъ единственною каменною крѣпостью во всемъ Московскомъ княжествѣ; Серпуховъ князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость дубовую⁴¹⁷. Гораздо болѣе извѣстій о городскихъ постройкахъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ: въ 1368

ду заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость; въ 1331 владыка Василій заложилъ городъ каменный отъ Владимирской рѣки до Богородицкой, и отъ Богородицкой до Борисоглѣб-ной, и въ два года строеніе было окончено; а Юрьевскій кимандритъ Лаврентій поставилъ стѣны около своего мона-ря, въ сорокъ сажень, съ заборами; въ 1334 году вла-ка покрылъ свой каменный городъ, а въ слѣдующемъ году южилъ острогъ каменный отъ Ильинской церкви къ Павлов-ной. Въ 1372 году выкопали ровъ около Людина конца, За-юдья и Неревского конца; въ 1383 выкопали ровъ около Софій-ной стороны, къ старому валу; въ 1387 сдѣлали валъ около рговой стороны. Въ 1400 владыка Іоаннъ заложилъ камен-нй дѣтинецъ. Иностранному путешественнику Ланноа (въ на-ѣ XV вѣка) Новгородъ показался удивительно огромнымъ, дурно укрѣпленнымъ, Псковъ, по его отзыву, укрѣпленъ къ гораздо лучше¹⁸. Дѣйствительно, мы часто встрѣчаемъ вѣстия о городскихъ постройкахъ въ Псковѣ: въ 1309 году съ заложена была стѣна плитаная отъ Петропавловской церкви Великой рѣкѣ; въ 1374 году Псковичи заложили четвер-ю стѣну плитаную, отъ рѣки Псковы до Великой, подлѣ рой стѣнки, которая была съ дубомъ немного выше чело-вѣскаго роста, а чрезъ годъ поставили два костра каменныхъ торгу; въ 1387 году поставили три каменныхъ костра у юй стѣны на приступъ; въ 1394 выстроили перши или рси; въ 1397 четыре костра каменныхъ; въ 1399 заложена яя стѣна съ тремя кострами; въ слѣдующемъ году постав-ы два новыхъ костра, а въ 1401 году пристроили новую стѣну старой подлѣ рѣки Великой; въ 1304 заложили новую стѣну юнную подлѣ рѣки Псковы и старой стѣны, толще и выше мѣдней, и покрыли ее; въ 1407 выстроили стѣну противъ сей отъ гребли сторожевой избы толще и выше; въ 1417 или мастеровъ, выстроили стѣну и поставили костерь: въ ровъ постъ кончили строеніе, а въ Успенскій оно упало; 1420 поставили новый костерь, и выстроены были новые ши: строили ихъ 200 человекъ, которые взяли у Пскова за

работу 1000 рублей, да тѣмъ, которые плиту обжигали. и 200 рублей: но черезъ три года строеніе расналось. Въ 11 году урядили новую стѣну у першей и въ ней 5 погребовъ въ 1458 надѣлали надъ старою стѣною новую, и дали за мастерамъ полтораста рублей. — Кромѣ санихъ Новгород Пскова, въ ихъ волости видимъ и нѣсколько другихъ каменныхъ городовъ: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій городъ, Порховъ, Борскъ, Гдовъ; какъ легко и скоро строили деревянныя и пости, видно изъ извѣстія подъ 1414 годомъ, что Псков поставили городъ Коложе въ двѣ недѣли; деревянную Московскую крѣпость Калиты начали рубить (строить) въ Новгород и кончили въ началѣ весны слѣдующаго 1338 года.

Въ Новгородѣ отъ 1228 до 1462 года было выстроено менше 150 церквей, включая монастырскія и исключая построенныя на мѣстѣ старыхъ, обветшалыхъ; изъ этого числа менше 100 каменныхъ; въ періодъ предшествовавшій, какъ мы видимъ, было построено около 70 церквей, и такъ какъ церквей, построенныхъ при св. Владимірѣ и Ярославѣ I, не простиратъ далеко за 20, то число всѣхъ церквей Новгородскихъ въ половинѣ XV вѣка можно полагать около 230; допытнo, что въ продолженіе первыхъ 42 лѣтъ — отъ 1228 до 1270 года — лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только двѣ церквей въ Новгородѣ. Во Псковѣ, въ описываемое время построено было 35 церквей, изъ нихъ 23 каменныхъ, и деревянныхъ и о десяти неизвѣстно. Въ Москвѣ лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только пятнадцати каменныхъ церквей изъ этого видно, какъ отсталъ главный городъ сѣверовосточной Руси отъ Новгорода и даже отъ Пскова; о количествѣ церквей Московскихъ въ половинѣ XIV вѣка можно судить изъ извѣстію о пожарѣ 1342 года: сказано, что погорѣлъ городъ Москва весь и церквей сгорѣло 18. Въ Нижнемъ Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка было 32 церкви⁴¹⁹. — Упоминаются и мосты во Псковѣ: напримѣръ въ 1308 году посадникъ Борисъ заманилъ помостить торговнище, и помостили, и было всѣмъ людямъ хорошо, заключаетъ лѣтописецъ; въ 1397 году снова помости

рговище; но мы видимъ, что отъ Пскова или Новгорода какъ нельзя заключать къ другимъ городамъ, да и во Псковѣ были только торговую площадь, гдѣ было непрерывное стѣненіе народа, для котораго, разумѣется, было хорошо, когда бы не былъ принужденъ стоять по колѣна въ грязи. Эта шовная была, разумѣется, деревянная, ибо каменной не было въ Псковѣ и въ XVII вѣкѣ. Въ Новгородской и Псковской лѣтописи находимъ извѣстіе о построеніи мостовъ съ нѣкоторыми подробностями: напримѣръ въ 1435 году наняли Псковичи наймитовъ сорокъ человекъ строить новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; камни должны были доставить наймиты сами, а рѣшники, годни и дубья были Псковскія; наймитамъ заплачено было 70 рублей; въ 1456 году намостили мостъ большой черезъ рѣку Пскову, и дали мастерамъ ⁴²⁰ 60 рублей, да потомъ еще прибавили 20. Изъ городскихъ частей упоминаются въ Новгородѣ концы, улицы, полуулицы, улки ⁴²¹.

Что касается до внѣшняго вида югозападныхъ Русскихъ городовъ, то мы знаемъ отзывъ Венгерскаго короля о Владимирѣ Олыинскомъ, что такого города не находилъ онъ и въ Нѣмецкихъ земляхъ; городскія стѣны и на югѣ, какъ на сѣверѣ, гверждались пороками и самострѣлами. Въ Холмѣ, при Данилѣ Романовичѣ, среди города была построена башня высокая, въ которой можно было стрѣлять по окрестностямъ, основаніе ея было каменное, вышиною 15 лактей, а сама была построена изъ тесакаго дерева, и выбѣлена, какъ сыръ, свѣтилась на всѣ стороны; подлѣ нея находился колодезь, глубиною въ 35 сажень. Въ поприщѣ отъ города находился столпъ каменный, а на немъ орелъ каменный изваянъ, высота камня 10 лактей, съ ловами же и подножками 12. О князѣ Владимирѣ Васильковичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ много городовъ срубилъ; между прочимъ въ Каменцѣ поставилъ столпъ каменный, вышиною въ 17 сажень, такъ что всѣ удивлялись, смотря на него. Столица великаго княжества Литовскаго, Вильна, въ началѣ XV вѣка состояла изъ дурныхъ деревянныхъ домовъ, имѣла деревянную крѣпость и нѣсколько кирпичныхъ церквей ⁴²².

Такъ какъ и въ описываемое время, кромѣ стѣнъ и церкви
остальное строеніе въ Русскихъ городахъ было почти исклю-
чительно деревянное, то и теперь пожары должны были съ-
рѣшительствовать по-прежнему. О Московскихъ пожарахъ лѣтописи
упоминаетъ въ первый разъ подъ 1330 годомъ; въ 1335 г.
Москва погорѣла вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами; въ
1337 былъ новый большой пожаръ, при чемъ сгорѣло 18 цер-
вей; послѣ пожара пошелъ сильный дождь, и что было вы-
несено въ погреба и на площади, то все потонуло. Въ 1342 г.
подобный же пожаръ; въ 1357 Москва сгорѣла вся съ 13 цер-
квами; въ 1364 году загорѣлась Москва во время сильной жа-
ры и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду; этотъ
пожаръ, начавшійся отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, смылъ бол-
шимъ; въ 1388 сгорѣла почти вся Москва; въ 1389 сгорѣла
въ Москвѣ нѣсколько тысячъ дворовъ; подобный же пожаръ
въ 1395 году; потомъ упоминается о пожарѣ въ Москвѣ въ 1411,
1414, 1415, въ 1422, 1441; въ 1445 знаменитый пожаръ
послѣ Суздальскаго бою; въ 1453 выгорѣлъ весь кремль; въ
1458 сгорѣло около трети города. Такимъ образомъ во 13
лѣтъ 17 большихъ пожаровъ, по одному на 7 лѣтъ. — Въ
Новгородѣ въ 1231 году сгорѣлъ весь Славинскій конецъ; по-
жаръ былъ такъ лютъ, говоритъ лѣтописецъ, что огонь ходилъ
по водѣ черезъ Волховъ; въ 1252 году опять погорѣло Слав-
ино; въ 1261 сгорѣло 80 дворовъ; въ 1267 сгорѣлъ конецъ
Неревскій, при чемъ много товара погорѣло на Волховѣ и
ладьяхъ, все сгорѣло въ одинъ часъ, и многіе отъ того раз-
богатѣли, а другіе многіе обнищали; въ 1275 погорѣлъ тор-
окъ съ семью деревянными церквами, четыре каменныхъ огорѣ-
ла да пятая Нѣмецкая; въ 1299 году ночью загорѣлось на Ва-
ряжской улицѣ, поднялась буря, изъ Нѣмецкаго двора пер-
кинуло на Неревскій конецъ, занялся большой мостъ и былъ
великая пагуба: на торговой сторонѣ сгорѣло 12 церквей, и
Неревскомъ концѣ 10. Въ 1311 году было три сильныхъ по-
жара: сгорѣло 9 церквей деревянныхъ, 46 обгорѣло; потомъ
упоминается сильный пожаръ подъ 1326 годомъ; такой же

въ 1329, 1339; въ 1340 году упоминается объ одномъ изъ
 лютыхъ пожаровъ: между прочимъ погорѣлъ владычній
 ръ и церковь Св. Софїи, изъ которой не успѣли вынести
 иконъ, большой мостъ сгорѣлъ весь по самую воду;
 церквей сгорѣло 43, по другимъ извѣстіямъ 50, а лю-
 дей погибло 70 человекъ; по инымъ извѣстіямъ, сгорѣло 48
 церквей деревянныхъ и упало три каменныхъ. Въ 1342 году,
 время большаго пожара, сгорѣло три церкви и много за-
 гибло: люди не смѣли жить въ городѣ, перебрались на
 берега, а иные жили по берегу въ судахъ, весь городъ былъ
 опустошенъ, бѣжали больше недѣли, наконецъ владыка съ ду-
 шевникомъ замыслили постъ, и ходили со крестами по мона-
 шамъ и церквамъ. Въ 1347 году погорѣло шесть улицъ;
 въ 1348 два пожара: во второй сгорѣло на пяти улицахъ, сго-
 рѣло 4 деревянныхъ церкви; въ 1360 погорѣлъ Подоль съ
 пчарскимъ концемъ, при чемъ сгорѣло семь деревянныхъ
 церквей; въ 1368 году былъ пожаръ злой, по выраженію лѣ-
 тписца: погорѣлъ весь дѣтинецъ, владычній дворъ, церковь
 Св. Софїи огорѣла, часть Неревского конца и Плотницкій ко-
 нецъ весь, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ конецъ Славин-
 ской; черезъ годъ новый пожаръ: погорѣлъ весь Подоль и нѣ-
 которыя другія части города; въ 1377 году сгорѣло семь цер-
 квей деревянныхъ и огорѣло три каменныхъ; въ 1379 сгорѣло
 пять улицъ и 12 церквей; въ 1384 былъ пожаръ въ Неревскомъ
 концѣ, сгорѣло двѣ церкви; въ слѣдующемъ году сгорѣло два
 конца — Плотницкій и Славинскій, весь торгъ; каменныхъ
 церквей сгорѣло 26, деревянныхъ 6; начался пожаръ въ се-
 редину утра, горѣло весь день и ночь и въ четвергъ все утро,
 людей сгорѣло 70 человекъ. Въ 1386 году сгорѣлъ конецъ
 житиной улицы; въ 1388 году погорѣла торговая сторона:
 сгорѣло 24 церкви и погибло 75 человекъ. Въ 1391 сгорѣло
 15 церквей деревянныхъ, по другимъ извѣстіямъ 15, огорѣло 3
 каменныхъ, по другимъ извѣстіямъ семь, людей погибло 14
 человекъ; въ томъ же мѣсяцѣ погорѣлъ весь Людскій конецъ
 съ семью деревянными церквами и четырьмя каменными; въ

1394 погорѣлъ владычній дворъ съ околоткомъ, сгорѣла церква деревянныхъ и 8 каменныхъ огорѣло; въ 1397 погорѣлъ берегъ; въ 1399 былъ пожаръ въ Плотницкомъ концѣ Славинскій сгорѣлъ весь, огорѣло 22 каменныхъ церкви, была одна деревянная; въ 1403 году опять погорѣла Плотницкаго конца, а Славинскій сгорѣлъ весь, при чемъ сгорѣло 15 каменныхъ церквей; по другимъ извѣстіямъ, каменныхъ 7, а деревянныхъ двѣ; въ 1405 два пожара: на Ямницкѣ сгорѣло 15 дворовъ, потомъ погорѣлъ Людннъ конецъ Прусской улицы, часть дѣтинца, сгорѣло 5 деревянныхъ церквей и одна каменная, огорѣло каменныхъ 12, при чемъ погибло 30 человекъ; въ 1406 погорѣлъ княжой дворъ, а въ следующемъ году погорѣлъ Неревскій конецъ, огорѣло 12 каменныхъ церквей, и въ томъ числѣ Св. Софін, сгорѣло 6 деревянныхъ; въ 1414 погорѣлъ Неревскій конецъ, пять деревянныхъ церквей сгорѣло, 8 каменныхъ огорѣло; въ 1419 погорѣло два конца — Славинскій и Плотницкій съ 24 церквами; въ 1424 погорѣла Торговая сторона и Людннъ конецъ; въ 1434 погорѣли два конца; въ 1442 было три сильныхъ пожара въ одномъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ въ Новгородѣ въ описываемое время приходилось по одному сильному пожару на 5 лѣтъ. Подъ 1391 годомъ встрѣчается въ летописи извѣстіе о средствѣ, которое придумали Новгородцы для предупрежденія пожаровъ: послѣ большаго пожара, бывшаго въ этомъ году, они взяли у Св. Софін съ полатей десять тысячъ серебра, скопленныхъ владыкою Алексеемъ, и раздали по 1000 рублей на каждый конецъ: на эти деньги поставили костры каменные по обѣ стороны острога у всякой улицы. Въ Псковѣ упоминается десять большихъ пожаровъ, въ Твери семь, два въ Смоленскѣ, два въ Торжкѣ и по одному въ Ямницкѣ, Старицѣ, Ростовѣ, Колошицѣ, Муромѣ, Корельскомъ городкѣ, Орѣшкѣ, Молвотницахъ. Что касается до народонаселенія городовъ, то подъ 1230 годомъ говорится, что въ Смоленскѣ погибло отъ мору 32,000 человекъ; въ Новгородѣ въ 1390 году, по одному иностранному извѣстію (Кранца), и

мо отъ моря 80,000 человекъ; въ Москвѣ, во время Тох-
тышева взятія, по однимъ извѣстіямъ погибло 24,000 чело-
въкъ, по другимъ — вдвое меньше.

Земельные участки, принадлежащіе къ городу, назывались
волостями, а совокупность всѣхъ этихъ участковъ назы-
валась уѣздомъ; названіе уѣзда происходитъ отъ способа
и обряда раздѣланія, который назывался разъѣздомъ, ме-
шникъ разъѣзжикомъ или заѣздникомъ, нежевать —
зѣзжать, слѣдовательно, все что было приписано, при-
кевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему у-ѣхано, или
ѣхано, составляло его уѣздъ; что было отписано, не при-
лежало къ нему, было отъѣхано, составляло волости отъ-
дныя. Но уѣздомъ называлась не одна совокупность мѣстъ,
достей, принадлежавшихъ городу: такое же названіе могла
имѣть и совокупность мѣстъ или земель, принадлежавшихъ
извѣстному селу, и дѣствительно мы встрѣчаемъ село съ
уѣздомъ⁴²³. Въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣ-
лся на волости, волости на станы, станы на околицы; насе-
ленные мѣста въ уѣздѣ носили различныя названія: встрѣчаемъ
родки, слободы, слободки, села, селца, деревни, починки
и т. д., новоселки, встрѣчаемъ села, принадлежащія къ слобо-
дамъ, села въ слободахъ, деревни, принадлежащія къ селамъ,
минкамъ. Извѣстно, какъ обширна была волость Новгородца-
Великаго; но давно утвердившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію,
овгородскія волости изстари дѣлились на пять большихъ ча-
стей или пятинъ, которыя соответствовали раздѣленію Новго-
рода на пять концовъ такъ, что жители каждой пятинны вѣда-
лись у старосты того городского конца, къ которому ихъ пя-
тина принадлежала. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ Гер-
арштейнъ; изъ Русскихъ источниковъ, въ житіи св. Саввы
Вишерскаго читаемъ, что прендобный, имѣя нужду въ землѣ
для построенія монастыря, посылалъ для испрошенія этой земли
Славинскій конецъ. Сохранились даже въ спискахъ
грамоты, данныя правленіемъ конца Вишерскому монастырю
въ земли, концу принадлежавшія. Здѣсь могутъ возразить,

что въ означенныхъ грамотахъ дѣло идетъ не о пятинныхъ отношеніяхъ къ концу, а просто о земляхъ, находившихся далеко отъ Новгорода (въ 7 верстахъ) и принадлежавшихъ Славинскому концу. Но извѣстно, что области пятинъ, ка напримѣръ, Обонѣжской (въ которой находились Вишерскія земли), начинались непосредственно отъ Новгорода, что Обонѣжской пятинѣ были погосты, находившіеся еще близъ Новгорода, чѣмъ Вишерскія земли, напр. Деревяницъ Волотовскій ⁴²⁴.

И въ описываемое время видимъ, что князья и вообще землевладѣльцы стараются увеличивать народонаселеніе льготами которыя они даютъ пришлымъ людямъ: въ княженіе Дмитрія Донскаго какой-то Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и великій князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по куницѣ на годъ; кромѣ того приказалъ его блюсти дядѣ своему Василю Тисяцкому ⁴²⁵. При уступкѣ земельного участка монастырю или какому-нибудь частному лицу, князья обыкновенно помѣщаютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ то условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, поселенцы освобождаются на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, при чемъ различаются два случая: если землевладѣлецъ перезоветъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, старожилцевъ, или перезоветъ выходцевъ изъ другихъ княжествъ, инокняженцевъ: для послѣднихъ льготъ было больше, давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ въ сравненіи съ первыми, обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти; въ случаѣ успѣшнаго заселенія данного участка, землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды; такъ напримѣръ монахи Кириллова монастыря за то что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, селца и деревни нарядили, получили отъ великаго князя Василія Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно бѣздить на это селце и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы, проводниковъ, подводы ⁴²⁶. Условія, на которыхъ прип-

люди поселялись на пустыхъ участкахъ, разумѣется, забыли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами: они ни обрабатывать землю за известную плату отъ владѣльца, найму и назывались наймитами; могли пользоваться землей, уплачивая владѣльцу ея половину собираемыхъ произведений, и потому назывались половниками, треть произведенія — почему назывались третниками; наконецъ встрѣчаемъ вѣданіе рядовыхъ людей, отъ какого-нибудь, найма неизвѣстнаго, ряда или договора. Крестьянинъ, занявшій при повоинѣ, деньги у землевладѣльца, назывался серебряникомъ.

видимъ изъ княжескихъ грамотъ, что эти люди переходили одной земли на другую, изъ одного княжества въ другое, вѣдывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ: ибо, живя на одномъ мѣстѣ, по истеченіи известнаго срока, на примѣръ, десяти лѣтъ, они лишались льготъ, и имъ было одно только перейти на другое мѣсто, заселивъ которое, они получали опять льготы. Впрочемъ видимъ уже ограниченіе провознаго перехода сиротъ или крестьянъ (такъ называлось тогда сельское народонаселеніе) опредѣленіемъ срока для перехода: сирота могла оставлять землю, отказываться, только въ случаѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, именно за двѣ недѣли Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго, а крестьяне должны были заплатить свое серебро ⁴²⁷. Такимъ образомъ видимъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ и видъ льготъ для известнаго землевладѣльца: такъ на примѣръ великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена иицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожилцамъ изъ монастырскаго села Присѣкъ и Бевень, къ нему принадлежащихъ ⁴²⁸. Дальнѣйшимъ ограниченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, которыхъ земли были освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, принимать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ судъ и пошлинами къ князю, землевладѣльцы должны были довольствоваться только перезывомъ инокняженцевъ: такъ Іоаннъ

Калита запретилъ Юрьевскому архимандриту принимать на своей земли тяглыхъ Волоцкихъ людей и выходцевъ изъ Московскаго княжества; такъ великій князь Василій Димитріевичъ установилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ волости Талшѣ⁴²⁹. Наконецъ иногда князь не только позволялъ извѣстному землевладѣльцу не отпустить отъ себя крестьянъ, но давалъ право возвращать и тѣхъ, которые прежде вышли: такъ великій князь Василій Василевичъ далъ это право игумену Троицкаго Сергіева монастыря относительно людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ сель Углицкомъ уѣздѣ⁴³⁰. Что же касается до отношеній переходнаго сельскаго народонаселенія къ землевладѣльцамъ, мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловалось право суда надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми, крѣпостными и суда смѣснаго: въ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцы эти судили вмѣстѣ съ намѣстниками и волостелями жестокими или ихъ тиунами; иногда жаловалось право суда, крѣпостного, разбоя и татбы съ поличнымъ⁴³¹.

Но подлѣ этого переходнаго сельскаго народонаселенія видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого перезовутъ, или старожилицы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ⁴³²; князья въ своихъ договорахъ отличаютъ людей своихъ отъ сельчанъ⁴³², говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ, которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ грамотныхъ (отдавшихъ добровольно въ холопство по какому нибудь грамотамъ). Изъ зависящихъ людей упоминаются тѣ, кто заложился или закладники, которые, на извѣстныхъ условіяхъ заложились за другаго; такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежащихъ на свободномъ и самостоятельномъ человѣкѣ, князья и условливаются не держать закладней въ городѣ (

1). Такимъ образомъ мы должны отличать, въ описываемое время, людей свободныхъ и самостоятельныхъ, людей несамостоятельныхъ (каковы были закладни), и наконецъ людей недвудныхъ, которые могли быть вѣчно или временно несвободными, смотря по тому, родились ли они въ несвободномъ состояніи, были куплены, попались въ плѣнъ, или отдались добровольно въ холодство на ограниченное число лѣтъ. Для перваго встрѣчаемъ названіе людей полныхъ, челяди державной; выраженіе: послать на отхожую значило освободить подобныхъ людей; замѣчательно, что вѣсто: человекъ бѣдный говорилось: человекъ великаго князя⁴³⁴. Что касая положенія холопа, то Новгородцы въ своихъ договорахъ требуютъ, чтобъ доносъ холопа или рабы на господина имѣлъ силы, и чтобъ судьи не судили холопа и половника въ господаря.

Говоря о разныхъ слояхъ народонаселенія въ древней Руси, не можемъ обойти вопроса о томъ: кто и какъ могъ владѣть земельною собственностию? Кромѣ людей служилыхъ и дворянства, въ числѣ землевладѣльцевъ видимъ и гостей: подъ 1141 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Нижнемъ Новгородѣ былъ князь Тарасъ Петровъ, который выкупилъ изъ плѣна своею казною множество всякихъ чиновъ людей, и купилъ себѣ вотчины у великаго князя, шесть селъ за рѣкою Кудьюю. Но значеніе гостя въ лѣтописи неопредѣленно: иногда гости употребляются вообще въ смыслѣ торговыхъ людей, купцовъ, иногда въ значеніи лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ; въ Новгородскихъ памятникахъ гости не составляютъ особаго разряда, вездѣ видимъ только купцовъ. Но естественно, что только богатѣйшіе купцы, могли приобрести земельную собственность, ибо они одни только, по своимъ средствамъ, могли, не оставяя торговли, заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ купцы незнательные не были въ состояніи въ одно время и торговать въ селѣ и жить въ селѣ. Кромѣ того, столкновеніе государственныхъ интересовъ должно было уже въ описываемое время вести къ тому, что купцамъ нельзя было владѣть земельною соб-

ственностию; ибо всякій землевладелецъ долженъ былъ служить государству, а купецъ былъ человекъ данный, платившій въ казну деньги съ своего промысла; если купецъ ставился землевладельцемъ, то онъ, относительно государственныхъ требованій, долженъ былъ совмѣщать въ себѣ два характера: человека служилаго и человека даннаго; но понятно, что онъ не могъ удовлетворить вмѣстѣ этимъ двумъ требованіямъ; изъ этого, мы видѣли, что, по финансовымъ требованіямъ, онъ не могъ бросить торга и перейти въ служилые люди, ибо князья и бояре не принимали къ себѣ въ службу торговцевъ и купцовъ. Всѣ землевладельцы необходимо должны были перейти въ служилые люди, ибо государство не хотѣло считать за служилыми и промышленными людьми признавать никакого другого разряда: такъ послѣ, по Уложенію, дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившіе вотчины, должны были записаться въ царскую службу; въ противномъ случаѣ вотчины отбирались отъ нихъ въ казну. Класса земледѣльцевъ, живущихъ на своихъ земляхъ, не могло образоваться въ описываемое время, ибо теперь, какъ прежде, продолжалась постоянная колонизація сѣверовосточныхъ пространствъ, постоянное переселеніе, бродячіе; земледѣльцу невыгодно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ по самому качеству почвы на сѣверовостокѣ, которая нигдѣ не обѣщала продолжительнаго плодородія, чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго занятія, послѣ выжиги лѣса, требовались уже большихъ трудовъ, и земледѣльцу выгодно было оставить ее и переходить на новую почву. Кромя того, во продолженіе древней Русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладывать за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ имѣть облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это видимъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка; оно естественно въ новорожденныхъ обществахъ, въ отсутствіи безопасности, когда правительство, законы — не такъ сильны, чтобъ дать покровительство, безопасность всѣмъ

намъ общества. Такимъ образомъ выгодно было земледѣльцѣ переходить на земли богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, архіереевъ, монастырей, вельможъ, ибо, кромѣ выше упомянутыхъ льготъ при первомъ поселеніи, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися въ разныхъ правахъ, юрью имѣли тѣ или другіе землевладѣльцы, а главное — пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. При обращеніи вниманія на отличительную черту нашей древней исторіи, колонизацію страны, легко рѣшается вопросъ о томъ, какъ извошла поземельная собственность и различные ея виды. Только сѣверовосточная Русь выступаетъ на историческую сцену, такъ мы видимъ въ ней сильную колонизацію, исходящую подъ покровительствомъ князей; если бы мы не имѣли опредѣлительныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо исторія застаётъ сѣверовосточную Русь Финскою страной, а не Славянскою; слѣдовательно, допустивъ даже, что Финское народонаселеніе не исчезало, но ославянивалось, должны допустить сильную Славянскую колонизацію. Но эта колонизація происходила не въ до-историческія времена, а въ живахъ каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ; эта колонизація происходила на памяти исторіи, когда сѣверовосточная Русь составляла уже опредѣленную область, княжество, гдѣ была известная линія княжеская; слѣд. колонизація не могла происходить безъ вѣдома и вліянія известнаго правительства. Это государство существовало до призванія князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но опредѣленная область. Въ потомковъ первыхъ насельниковъ, городскихъ и сельскихъ, земля находится въ общемъ владѣніи; на это указываетъ обычный способъ владѣнія землями, принадлежавшими общинамъ городскимъ и сельскимъ. Но остаются обширныя ненаселенныя пространства, никому не принадлежація, т. е. принадлежатъ городу, Ростову, а въ Ростовѣ находится высшее правительственное лице, князь, который управляетъ всею областію посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей, слѣд. никакая

дальнѣйшая перемѣна, никакія новыя права и отношенія могутъ прозойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескимъ положимъ, что сначала князь распоряжается въ области безъ вѣдома и участія старшаго города, но конечно мы имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею имъ владѣя, отдавая ее въ полное владѣніе членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или господамъ подобнымъ вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые въ возможность населить купленную землю: — вотъ разные происхожденія частной земельной собственности, вотчинныя. Съ одной стороны, мы видѣли, что для жителей городовъ и селъ существовала неконная привычка смотрѣть на землю, принадлежавшія имъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе; земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ; когда же община потеряла свое самостоятельное значеніе передъ княземъ, то земля естественно стала государственною; съ другой стороны, землямъ оставалось все еще много; какъ чуждые люди, землевладѣльцы старались населить принадлежащія имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду земледѣльцевъ: такъ точно старалось и правительство о населеніи оставшихся отъ него пустыхъ земель. Являлись насельники, земледѣльцы, принимались съ радостію; но какими же образомъ они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, во-первыхъ, у нихъ не было средствъ для покупки, во-вторыхъ имъ не было никакой выгоды покупать, когда они могли позвать землю безъ покупки, и потомъ, найдя землю неудобною, переселиться на новыя мѣста. Если подобные поселенія оставались долго на занятыхъ ими участкахъ, то, разумѣется, эти участки переходили къ ихъ дѣтямъ, безо всякихъ новыхъ формъ и сдѣлокъ; но ясно, что какъ у правительства, такъ

населенниковъ сохранялось вполне сознание, что занятая по-
дданныи земли не составляютъ ихъ полной собственности, не
въ нихъ вотчины, не пожалованы имъ за службу, не куплены
и, но уступлены только въ пользованіе, хотя правительству
выгодно, чтобъ это пользованіе продолжалось какъ можно
дѣльнее, переходило изъ рода въ родъ. Вотъ происхожденіе такъ
называемыхъ черныхъ или государственныхъ земель. Что
касано о селахъ, то должно быть приравнено и къ городамъ,
и города населялись точно также, какъ села. Известный про-
изводитель селится въ городъ, на отведенной ему отъ пра-
вительства земель, ставилъ дворъ, оставилъ эту землю и дворъ
наслѣдство дѣтямъ, передавалъ ихъ за деньги, продавалъ
тому подобному себѣ лицу — правительство не вступалось,
въ бы только эта черная земля не сдѣлалась бѣлою, не пе-
шла бы къ кому-нибудь въ видѣ полной частной собствен-
ности: отсюда всѣ известныя распоряженія о непекуннѣ земель-
ныхъ людей, т. е. о переводѣ собственности государст-
венной въ частную.

Кромѣ повинностей, означенныхъ выше въ статьѣ о дохо-
дѣ княжескихъ, въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстія
другихъ обязанностей сельскаго народонаселенія, напри-
мѣръ обязанностяхъ городъ дѣлать, дворъ княжой и волосте-
въ ставить, коня княжяго кормить, сѣно носить, на охоту
идти по приказанію ловчихъ княжескихъ (на медвѣда и на
бѣса), давать кормъ, подводы и проводниковъ князю, воево-
дѣ, наместникамъ, волостелямъ, тиунамъ и всякаго рода чи-
новникамъ и посланцамъ княжескимъ.

Кромѣ означенныхъ словъ народонаселенія, въ первый разъ,
въ описываемое время, именно въ концѣ первой половины XV
вѣка, встрѣчаемъ названіе козаковъ Рязанскихъ, которые при-
шли на помощь къ Рязанцамъ и Москвичамъ противъ Татар-
скаго царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами,
батынами и саблями⁴³⁵.

Мы видѣли стараніе князей умножать народонаселеніе въ
своихъ княжествахъ; теперь обратимъ вниманіе на обстоятель-

ства, препятствовавшія этому умноженію, на бѣдствія — политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (пожары, моръ и другія). Мы видѣли на сѣверѣ въ описываемое время 90 усобицъ, въ продолженіе которыхъ Владимирская область (съ Переяславлемъ, Костромою и Галичемъ) терпѣла 16 разъ, Новгородская 15, Московская 14, Тверская 13, Смоленская, Рязанская, и Двинская по 9 разъ, Сѣверская и Сѣверско-Нижегородская по 4, Ярославско-Ростовская 3, Вятская 2, Псковская 1; такимъ образомъ Владимирская область болѣе другихъ терпѣвшая отъ усобицъ, подвергалась опустошеніямъ по одному разу почти въ 15 лѣтъ, относительно всей сѣверной Россіи придется по одной войнѣ слишкомъ два года. Опустошеніямъ отъ внѣшнихъ враговъ Новгородская область подвергалась 29 разъ, Псковская 24, Рязанская 17, Московская 14, Владимирская и Нижегородская по 13, Сѣверская 8, Смоленская и Тверская по 7-ми, Ярославско-Ростовская 4, Вятская 1; слѣдовательно Новгородская область болѣе другихъ, по-видимому, терпѣвшая отъ внѣшнихъ войнъ подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ по одному разу въ 8 лѣтъ. Круглое число непріятельскихъ нашествій будетъ 132, изъ этого числа на долю Татарскихъ опустошеній приходится 48, считая всѣ извѣстія о тиранствахъ баскаковъ въ разныя времена въ городахъ; приложивъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, получимъ 232, слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ. Изъ этого понятно, что на этихъ однихъ цифрахъ нельзя основывать никакихъ выводовъ; такъ напримѣръ, Новгородская и Псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествій внѣшнихъ враговъ, и не смотря на то, Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большого вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій Нѣмецкихъ, Шведскихъ и Литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ

аничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не
 утъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Батыя, съ двукрат-
 гь Татарскимъ опустошеніемъ во время усобиць между сы-
 ьями Невскаго, съ опустошеніемъ Тверской области Тата-
 и и Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Также
 анчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ об-
 гей; такъ напримѣръ, цифры показываютъ, что Московское
 жество подвергалось ббльшимъ опустошеніямъ, чѣмъ кня-
 тво Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ; и
 нно — когда и какого рода опустошеніямъ подвергались оба
 рничествующія княжества, совершенно измѣняетъ дѣло:
 рское княжество подверглось страшному опустошенію въ-
 ецъ отъ Татаръ и Калиты при князѣ Александрѣ Михай-
 ичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія,
 инаются усобицы княжескія, заставляющія народъ выселяться
 родныхъ предѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва
 терпитъ опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ отъ Калиты
 Донскаго, а усобицы начинаются въ ней только въ княже-
 Василія Васильевича, когда она уже воспользовалась вре-
 емъ отдыха и взяла окончательно верхъ надъ всѣми дру-
 ии княжествами. Цифры показываютъ, что болѣе частымъ
 аденіямъ отъ внѣшнихъ враговъ подвергались области на юго-
 токѣ и сѣверозападѣ — Рязанская, Новгородская и Псков-
 я, Рязанская отъ Татаръ, Новгородская и Псковская отъ
 едовъ, Нѣмцевъ и Литвы, — и числовое большинство остается
 сторонѣ сѣверозападныхъ границъ. Но мы замѣтили, что
 нествій Шведскихъ и Нѣмецкихъ нельзя сравнить съ Та-
 скими; съ другой стороны, не должно преувеличивать и
 да, который Россія претерпѣвала отъ Татаръ; не должно
 ывать, что иго тяготѣло особенно только въ продолженіе
 выхъ 25 лѣтъ, что уже въ 1266 году лѣтописецъ извѣ-
 етъ объ его ослабленіи, что уже въ концѣ XIII вѣка исче-
 гутъ баскаки, и князья сами распоряжаются относительно вы-
 да; что послѣ Татарскихъ опустошеній, которыя были слѣд-
 иемъ усобицы между сыновьями Невскаго, до опустошенія
Исторія Россіи. Т. IV.

Тверской области Татарами съ Калитою, и послѣ этого видѣ до Тохтамышева нашествія, въ продолженіе, слѣдовательно слишкомъ 50 лѣтъ, за исключеніемъ пограничныхъ князей Рязанскаго и Нижегородскаго, сѣверовосточная Россія не съ хала о Татарскихъ нашествіяхъ, а потомъ, кромѣ Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махметова нашествія, набѣги касались только границъ, и по-прежнему терпѣло отъ нихъ преимущественно княжество Рязанское. Вообще съ цыфрами въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся къ физическимъ бѣдствіямъ. Подъ 1230 годѣ летописецъ говоритъ о голодѣ, свирѣпствовавшемъ во всей Руси, кромѣ Кіева: въ половинѣ Сентября морозъ побилъ и хлѣбъ въ Новгородской области, и отсюда началось горе болѣе, говоритъ летописецъ, начали покупать хлѣбъ по 8 кукадь ржи по 20 гривенъ, пшеницы по 40 гривенъ, пшеница 50, овса по 13; разошелся весь городъ нашъ и вся волость и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и странами; оставшіеся начали мереть: трупы лежали по улицамъ младенцевъ грызли псы; ѣли мохъ, сосну, кору липовую, и различный; нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ, кошекъ; преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но встало другое зло: начали зажигать дома людей добрыхъ, у которыхъ чуяли рожь, и грабили имѣніе ихъ; между родными было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба отцы и матери отдавали дѣтей своихъ изъ хлѣба въ раба купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ лежащихъ безъ погребенія, дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ по хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду; цѣны возвысились наконецъ до того, что четвертую часть кади ржи начали покупать по гривнѣ серебра. Архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу, и приставилъ человѣка добраго и смирнаго, именемъ Станила, возить въ нее мертвецовъ на лошади со всего города; Станилъ возилъ цѣлый день безпрестанно, и навозилъ 3030 труповъ; скудельница наполнилась

ставили еще другую, и наклали 3500 труповъ. Псковской тописецъ разказываетъ объ этомъ голодѣ у себя въ тѣхъ же ртахъ; его особенно поразило то, что въ великій постъ люди и конину: «написалъ бы и еще кой о чемъ похуже, да и къ уже горько», оканчиваетъ онъ свой разказъ. Въ Смоленскѣ выстроено было четыре скудельницы, въ которыхъ было дожено 32,000 труповъ. Въ 1251 году пошли дожди въ южгородской области, подмочили хлѣбъ и сѣно, осенью морозъ побилъ хлѣбъ; въ 1291 году тоже самое; въ 1303 году тоже же зима была теплая, не было снѣгу черезъ всю зиму, люди хлѣба не добыли. Въ 1309 году былъ голодъ сильный всей Русской землѣ, потому что мышь поѣла всякій хлѣбъ. Въ 1331 году была большая дороговизна въ Русской землѣ: о голодное время слыло подъ названіемъ рослой ржи. Въ 1364 году съ половины лѣта стояла мгла, зной былъ страшный, лѣса, болота и земля горѣли, рѣки высохли; въ слѣдующемъ году тоже самое, и отсюда сильный голодъ. Осенью 1370 года было снѣгу много, и хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ; зима была теплая, весь снѣгъ сошелъ въ самомъ началѣ никакаго поста, и хлѣбъ былъ сжатъ въ великій постъ; лѣтомъ солницѣ показались мѣста черныя, какъ гвозди, мгла была такая, что на сажени нельзя было ничего передъ собою видеть, люди сталкивались лбами, птицы падали съ воздуха люшъ на головы, звѣри смѣшивались съ людьми, медвѣди и рыси бродили по селамъ, рѣки, болота, озера высохли, лѣса горѣли, голодъ былъ сильный по всей землѣ. Въ 1373 году зной сильно зной не было ни капли дождя во все лѣто. Лѣтомъ 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь вѣлъ отъ востока на западъ, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ; въ 1409 году множество людей померло отъ голоду; въ 1412 дороговизна въ Нижнемъ Новгородѣ; въ 1419 году снѣгъ выпалъ 15 Сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ землю на 4 сажени, пошли морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей Русской землѣ. Въ 1421 году свирѣпствовалъ голодъ въ Нов-

городѣ и по всей Русской землѣ, много людей померло съ лоду, другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, и тому что зима была очень холодна; въ Москвѣ оковѣ покупали по полтора рубли, въ Костромѣ по два рубли, Нижнемѣ по шести; во Псковѣ тогда клѣтѣ были полны хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ, и вотъ пошли ко Пскову Новгородъ, Корела, Чудь, Вожане, Тверичи, Москвичи, просто скази пошелъ народъ со всей Русской земли, и нашло его множество, стали покупать рожь во Псковѣ, по волостямъ и приходамъ, и возить за рубежъ, цѣны поднялись, зобница и начала продаваться по 70 ногать, жита по 50, овса по 3 въ слѣдствіе чего Псковичи запретили вывозить хлѣбъ за рубежъ, а находихъ людей стали выгонять изъ Пскова и всѣхъ волостей; иные разошлись, а которые остались во Псковѣ, тѣхъ множество перемерло, и наклали ихъ въ однихъ Псковѣ четыре скудельницы, а сколько погубло по пригородамъ и волостямъ — тѣмъ и числа нѣтъ. Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ стался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирали рыба и птица, рыба послѣ того пахла дымомъ два года; слѣдствіе такой погоды былъ голодъ сильный по всей землѣ Русской въ 1436 году морозъ побилъ хлѣбъ въ жатвенную пору, была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людямъ и животнымъ; въ 1444 году опять лютая зима и дороговизна сѣна; подъ 1446 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ его области хлѣбъ былъ дорогъ не только этого году, но въ продолженіе 10 лѣтъ, и коробы по полтинѣ, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негдѣ купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плачь да рыданіе по улицамъ и по торгу, много отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями, отцы матери передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву, къ Немецкамъ, бусурманамъ и Жидамъ, изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

О морѣ долго не встрѣчаемъ извѣстій: подъ 1284 годомъ

ный летописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на животныхъ Руси, Польшѣ и у Татаръ: лошади, рогатый скоть, овцы перли безъ остатка; сѣверный летописецъ упоминаетъ о морѣ скоть подь 1298 годомъ; потомъ подь 1308 о морѣ на дей; подь 1318 о морѣ въ Твери: подь 1341 о морѣ на гатый скоть въ Новгородѣ; во Псковѣ же въ этомъ году лѣ морѣ сильный на людей: негдѣ стало погребать, гдѣ выпають могилу мужу или женѣ, тамъ же положить и дѣтей лыхъ, головъ семь или восемь въ одномъ гробѣ. Но это дствіе было только предвѣстникомъ ужаснѣйшаго: наступила рашная вторая половина XIV вѣка. Еще подь 1348 годомъ тописецъ упоминаетъ о морѣ въ Полоцкѣ; въ 1350 году слышали о морѣ въ дальнихъ странахъ; въ 1351 году начался рѣ въ Псковѣ съ такимъ признакомъ: харкнетъ человекъ овью, и на четвертый день умираетъ; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, по-ригшись; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботи о душахъ своихъ, отдавая имѣніе свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отцамъ и нищимъ; священники неугѣвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, но приказывали свозить всѣхъ на церковный дворъ, и на ночь къ утру биралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣшительную читали каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ; такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать, начали погребать подальше отъ церквей, наконецъ отведены были подь кладбище пустыя мѣста совершенно вдалекѣ отъ церквей. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ, потому что если морѣ войдетъ въ какой либо родъ или семью, то рѣдко кто оставался въ живыхъ; сли умиравшіе отдавали кому дѣтей своихъ или имѣніе, то принимавшіе скоро заболѣвали и умирали, въ слѣдствіе чего стали бояться принимать что-либо отъ умирающихъ и родные начали бѣгать родныхъ; за то нѣкоторые великодушные, отбросивши всякій страхъ, и чужихъ мертвецовъ погребали, для

спасенія душъ своихъ. Псковичи послали въ Новгородъ за владыку Василя, чтобъ пріѣхалъ благословить ихъ; владыка пріѣхалъ, обошелъ весь городъ съ духовенствомъ со крестами и мощами святыхъ, весь народъ провожалъ кресты, возглаголюще: «Господи помилуй!» Пробывъ немного дней во Псковѣ, владыка поѣхалъ назадъ здоровымъ, но на дорогѣ, на рѣкѣ Узѣ⁴³⁶, занемогъ и умеръ. Въ слѣдъ за владыкою моръ изъ Пскова въ Новгородъ; во Псковѣ свирѣпствовалъ онъ весны до зимы, въ Новгородѣ отъ Успеньева дня до весны слѣдующаго года; единовременно съ Новгородомъ моръ свирѣпствовалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздаль, Глуховѣ и Бѣлоозерскѣ не осталось ни одного человѣка: видѣли, что въ 1353 году моръ свирѣпствовалъ въ Москвѣ. Въ 1360 году свирѣпствовалъ второй моръ во Псковѣ съ явнымъ признакомъ: у кого выложатся желѣза, тотъ умираетъ; опять Псковичи послали въ Новгородъ звать къ владыку Алексѣя: тотъ пріѣхалъ, благословилъ всѣхъ великаго до убогаго, обошелъ весь городъ со крестами, отслужилъ три литургіи, и моръ началъ переставать. Въ 1363 появился моръ съ низовьевъ Волги, началъ свирѣпствовать въ Нижнемъ Новгородѣ, потомъ въ Рязани, Коломнѣ, Переяславѣ, Москвѣ, Твери, Владимирѣ, Суздаль, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлоозерѣ; передъ началомъ болѣзни человѣка морогатиною ударить за лопатку, или подъ груди противъ сердца или между крыльцами, потомъ больной начинаетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдуетъ обильный потъ, за потомъ дрожь — и это послѣднее; болѣзнь продолжалась день, два, рѣдко три; показывались и желѣза, и одинаково: у иного на шеѣ, у другаго на стегнѣ, подъ пазухою, подъ скулою, за лопаткою; умирали въ день человѣкъ и пятидесяти, по сту и больше; бѣдствіе продолжалось не одинъ годъ, обходя разные города. Подъ 1373 годомъ летописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на людей и скотскомъ падежѣ въ слѣдствіе жаровъ и бездождія. Въ 1375 упоминается о морѣ въ Кіевѣ; въ 1387 былъ сильный моръ въ Смоленской областѣ.

самого Смоленска вышли только пять человекъ живыхъ и ворили городъ; подъ 1389 годомъ упоминается сильный моръ Псковъ, подъ слѣдующимъ годомъ въ Новгородъ. Подъ 1402 омъ упоминается моръ въ Смоленскъ, подъ 1403 во Псковъ — гѣзою, моръ пришелъ изъ Дерпта; въ 1406 году это бѣдствие обновилось во Псковѣ; въ 1409 году моръ съ кровяною харгою свирѣпствовалъ въ волостяхъ Ржевскихъ, Можайскихъ, итровскихъ, Звенигородскихъ, Переяславскихъ, Владимирхъ, Юрьевскихъ, Рязанскихъ и Торусскихъ, показывался и нѣкоторыхъ Московскихъ волостяхъ: первый признакъ — больнаго руки и ноги прикорчить, шею скривить, зубы скрещутъ, кости хрустятъ, всѣ составы трещать, кричить, вопить; иныхъ и мысль измѣнится, умъ отнимется; иные, одинъ день болѣвши, умирали, другіе полтора дня, нѣкоторые два дня, иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали; въ 1414 была болѣзнь тяжкая по всей Русской землѣ — костоломъ; въ 1417 моръ съ кровохарканіемъ и желѣзою опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ Тверь; въ Новгородѣ владыка Симеонъ, съ духовенствомъ съѣхъ семи соборовъ и всѣми жителями, обошелъ крестнымъ одомъ около всего города, послѣ чего Новгородцы, одни на ошадяхъ, другіе пѣшкомъ, отправились въ лѣсъ, привезли ревенъ и поставили церковь св. Анастасіи, которую въ тотъ же день освятили и отслужили въ ней литургію, а изъ остальнаго лѣсу поставили церковь св. Иліи; въ Торжкѣ также въ одно утро построили церковь св. Аванасія; подъ 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ югозападныхъ странахъ, въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверовосточную полосу — Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владимиръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Плесо, Ростовъ: хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было некому; потомъ моръ вѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году моръ съ желѣзою и кровохарканіемъ въ Новгородъ, Корель и по всей Русской землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ, продолжался и въ слѣдую-

щихъ годахъ; явился новый признакъ — прыщъ; если будетъ прыщъ синій, то человекъ на третій день умираетъ, если красный, то выгнивалъ и больной выздоравливалъ; въ Декабрѣ 1441 года начался сильный моръ желѣзою во Псковѣ, и продолжался все лѣто 1442 года, а по пригородамъ и волостямъ до Января 1443 г. Последнее извѣстіе о морѣ подъ 1448 годомъ былъ моръ на лошадей и на всякій скотъ, былъ и на людяхъ, но не сильный. — Такииъ образомъ, въ продолженіи всего описываемаго времени, встрѣчаемъ не менѣе 23 извѣстій о морѣ въ разныхъ мѣстахъ; но если мы обратимъ вниманіе, что во второй половины XIV вѣка о морѣ упоминается не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всѣ остальные извѣстія относятся къ этой несчастной половинѣ вѣка, то здѣсь придется по извѣстію на каждыя пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить, что послѣ успокоенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, которыми наслаждалось княжество Московское, Владимирское и Нижегородское во времена Калиты и Симеона Гордаго, съ первыхъ годовъ второй половины XIV вѣка начинается свирѣпствовавшая моровая язва и скоро потомъ опять начинаются сильныя внутреннія и внѣшнія войны; возобновляется борьба Москвы съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ, видимъ опустошительныя нашествія Татарскія и Литовскія. Не смотря однако на это, Дмитрій Донской нашелъ средства вывести на Куликовомъ поле войско, достаточное для побѣды надъ Мамаевыми толпами; при этомъ нельзя забывать того явленія, что послѣ физическихъ бѣдствій, пагубныхъ для народонаселенія, послѣднее стремится къ увеличенію съ большею силою; такииъ образомъ на Куликовскую битву явилось молодое поколѣніе, которое родилось уже послѣ страшной язвы, опустошившей Русь въ концѣ княженія Симеона Гордаго. Изъ другихъ разрушительныхъ явленій природы, лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніи подъ 1230 годомъ, и потомъ не ранѣе, какъ подъ 1446 годомъ; о первомъ упоминаютъ лѣтописцы Суздальскій и Новгородскій, о второмъ Московскій; Суздальскому рассказывали самовидцы, какъ въ Кіевѣ, во время землетрясенія 1236

а, разступилась въ Печерскомъ монастырѣ Богородничная каменная церковь на четыре части, въ трапезницѣ снесло со стѣнъ все кушанье и питье; въ Переяславѣ Русскомъ церковь Михаила разсѣлась на-двое; земля тряслась вездѣ въ одинъ мѣсяцъ и часъ, 3 Мая, во время литургіи. Того же мѣсяца 10 числа солнце при своемъ восхожденіи было на три угла, какъ тризубъ, по выраженію лѣтописца, потомъ сдѣлалось мало, какъ звѣзда, и погибло; 14 числа солнце опять начало погнѣваться и три дня являлось въ видѣ мѣсяца; того же 14 числа, какъ солнце стояло мѣсяцемъ, по обѣ его стороны явились дымы красные, зеленые, и синіе, и сошелъ огонь съ небеси, какъ облако большое, надъ ручьемъ Лыбедью; всѣмъ людямъ извѣсталося, что уже пришелъ послѣдній часъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошелъ черезъ весь городъ безъ вреда, палъ въ бѣрегъ и тутъ погнѣвъ. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ свѣдѣнія о сильныхъ наводненіяхъ: напримѣръ въ 1421 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, вода въ Волховѣ поднялась, снесла великій мѣстѣ и два другихъ, въ одномъ мѣстѣ снесла церковь, во многихъ церквахъ могли служить только на хорахъ (полатахъ), потому что внизу была вода. Подъ 1399 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о необыкновенно ранней веснѣ, о страшныхъ грозахъ, отъ которыхъ погнѣбло много людей; такія же грозы были въ 1406 году, — между прочимъ подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: послѣ Петрова дня въ Новгородской области была такая буря, что вѣтеръ поднялъ воздухъ человека вмѣстѣ съ телѣгою и лошадыю; на другой день нашли телѣгу висящею на верху высокаго дерева, и на другой сторонѣ Волги, лошадь мертвою на землѣ, а человека нигдѣ не нашли; о лютыхъ морозахъ зимою, о страшныхъ грозахъ и буряхъ лѣтомъ упоминается еще подъ 1442 годомъ; въ Іюнь 1460 года, въ Москвѣ, съ запада явилась буря страшная и темная, и поднялась такая буря, что отъ пыли никому нельзя было смотрѣть, люди были въ отчаяніи; на этотъ разъ мракъ и вѣтеръ скоро прекратились, но на другой день

къ вечеру взошла туча съ юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многія и каменныя церкви поколебались, забрала Кремлевскихъ стѣнахъ были сорваны и разнесены, крыши церквей и верхи сметаны, по селамъ многія церкви изъ осванія вырваны и отнесены далеко въ сторону, лѣса старыя, березы и дубы съ корнемъ вырваны.

Изъ обычаевъ, вредно дѣйствовавшихъ на народное здравіе, видимъ обычай хоронить мертвыхъ внутри городовъ около церквей; не знаемъ, какія, наоборотъ, принимались мѣры предосторожности во время моровыхъ извъ; что же касается вообще до врачебныхъ средствъ, то объ нихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; узнаемъ только, что великій князь Василь Васильевичъ, какъ средство отъ сухотной болѣзни, приказывалъ зажигать у себя на тѣлѣ трутъ, во многихъ мѣстахъ часто; раны разгноились и болѣзнь кончилась смертію.

Мы видѣли обстоятельства, долженствовавшія содѣйствовать умноженію народонаселенія въ нѣкоторыхъ областяхъ преимущественно передъ другими, напримѣръ въ княжествѣ Московскомъ. Изъ областей, и прежде имѣвшихъ, относительно, густѣйшее народонаселеніе, въ слѣдствіе выгодъ положенія, близко гопріятнаго для торговли, область Новгородская и Псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значеніе Новгорода, для восточной Европы, въ описываемое время, не могло нисколько уменьшиться,—по-прежнему онъ былъ посредникомъ торговыхъ сношеній между Азією, восточною и сѣверною Европою: отсюда понятно накопленіе богатствъ въ Новгородѣ, увеличеніе его народонаселенія, расширение, украшеніе самого города который, послѣ упадка Кіева, безспорно оставался самымъ богатымъ, самымъ значительнымъ городомъ во всей Россіи. Новгородскихъ купцовъ видимъ на отдаленномъ югозападѣ, во Владимірѣ Волинскомъ ⁴³⁷; вездѣ Великій Новгородъ выговариваетъ путь чистый безъ рубежа и новыхъ мытовъ для купцовъ своихъ, Торжокскихъ и пригородныхъ, для чего куплена была и Орда и ханская грамота ⁴³⁸; выговариваетъ, чтобъ князья и нарушали договоры, заключенныхъ имъ съ городами Нѣмец-

жи, не затворяли двора Нѣмецкаго, не приставляли къ нему ставовъ и торговали на этомъ дворѣ только посредствомъ новгородцевъ. Какъ Нѣмцы дорожили Новгородомъ, видно изъ го, что когда въ 1231 году свирѣпствовалъ здѣсь голодъ, нѣмецкіе купцы пріѣхали съ хлѣбомъ изъ-за моря, и сдѣлали ого добра, по словамъ лѣтописца, значить продали товаръ ой дешевою цѣною. Съ 1383 до 1391 года не было крѣпкаго ра у Новгорода съ Нѣмцами, и вотъ въ 1391 году съѣхася въ Изборскъ Новгородскіе послы съ Нѣмецкими; въ числѣ слѣднихъ были не только послы изъ Риги, Юрьева и Ревеля, также заморскіе, изъ Любека и Готскаго берега. Встрѣчаемъ въ лѣтописи особый отдѣлъ Новгородскихъ купцовъ, производившихъ торгъ солью (прасоловъ)⁴³⁹; встрѣчаемъ упоминаніе о торговыхъ дворахъ — Готскомъ, Псковскомъ⁴⁴⁰. Намѣнецъ отъ описываемаго времени до насъ дошли три договора новгородцевъ съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ и Ригю: первый относится къ 1270 году и немногимъ отличается отъ приведеннаго прежде договора первой половины XIII вѣка, измѣненія сдѣланы не въ пользу Нѣмцевъ; второй относится къ концу XIII или началу XIV вѣка, ко времени княженія Андрея Александровича: въ немъ Новгородцы даютъ купцамъ Латинскаго (Нѣмецкаго) языка три сухихъ (горныхъ) пути по своей области, и четвертый водяной (въ рѣчкахъ), съ условіемъ, что если путь сдѣлается нечистъ (опасенъ), то князь подастъ объ томъ вѣсть иностраннымъ купцамъ, и велитъ своимъ мужамъ проводить ихъ. Въ другой грамотѣ, относящейся ко второй половинѣ XIV вѣка, Новгородцы обязываются не поминать передъ вреда, причиненнаго ихъ купцамъ Нѣмецкими разбойниками передъ Невю; изъ этого договора узнаемъ, что Новгородцы ѣздили торговать въ Любекъ, на Готскій берегъ и въ Стокгольмъ⁴⁴¹. Любопытны нѣкоторыя подробности о Нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ, заключающіяся въ Любскихъ постановленіяхъ, или такъ называемыхъ скрахъ: напр. запрещалось брать у Русскихъ товаръ въ кредитъ, вступать съ ними въ торговую компанію и перевозить ихъ товары; запрещалось вывозить

поддѣльный воскъ, ввозить поддѣльные сукна; запрещаютъ продавать товары по мелочамъ; — различная продажа, съ ограниченіями, дозволялась только такъ называемымъ *Kindern*. Нѣкому не позволялось ввозить товаровъ на сумму, превышавшую 1000 марокъ серебра. Право избирать оддермановъ было въ слѣдствіи предоставлено только депутатамъ Любека и Висби, притомъ изъ ихъ же гражданъ; тоже самое соблюдалось и при выборѣ священниковъ. Запрещалось испрашивать привилегій для личныхъ выгодъ или дѣлать новыя постановленія безъ согласія Любека и Висби. Запрещалось привозить купцовъ иностранныхъ, не принадлежавшихъ къ Нѣмецкому обществу, преимущественно Ломбардскихъ. Главный путь иностранныхъ купцовъ шелъ, по-прежнему, Невною, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ черезъ Старую Ладугу, къ Волховскимъ порогамъ, по которымъ, за извѣстную плату, проводили ихъ суда особенныя лоцмана, далѣе къ *Taberna piscatorum* (Рыбачья слобода и 33 верстѣ отъ Ладож. озера), потомъ къ *Gestevelt* (Гостиница польская пристань на 34 верстѣ отъ Ладож. озера), гдѣ платили пошлину, наконецъ пріѣзжали въ Новгородскую пристань.

Смоленскъ продолжаетъ торговые связи съ Ригю, которые были такъ выгодны, что правительства обоихъ городовъ условились, въ 1284 году, не препятствовать взаимной торговлѣ хотя бы между Смоленскимъ княземъ и епископомъ, или магистромъ, и произошли какія-нибудь непріятности⁴⁴²; кроме пословъ отъ магистра и горожанъ Рижскихъ, заключили этотъ договоръ двое купцовъ — одинъ изъ Брауншвейга, другой изъ Мюнстера. Отъ половины XIV вѣка до насъ дошелъ такой договоръ между Смоленскомъ и Ригю, заключенный по договоренію дѣдовскому и по старымъ грамотамъ⁴⁴³; Смоленскій князь называетъ магистра братомъ, общается блюсти Нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ своихъ Смольнянъ, а правительство Рижское обязывается поступать точно также у себя со Смольнянами. Полоцкъ продолжаетъ свои торговые связи съ Ригю и подъ Литовскою зависимоію: въ 1407 году Полоцк

не заключили договоръ съ Рижанами о свободной торговлѣ между обоими городами; постановлено, чтобъ Полочане въ Ригѣ, а Рижане въ Полоцкѣ не торговали малою торговлею, въ розницу зовутъ; Полочане могутъ мимо Риги ѣздить какую угодно землю сухимъ путемъ и водою, тоже право вѣютъ и Рижане относительно Полоцка; если Полочанинъ совершитъ какое-нибудь преступленіе въ Ригѣ, то его отсылаютъ для суда въ Полоцкѣ, и наоборотъ: если въ Полоцкѣ должно случиться тѣмъ же вѣсомъ, какимъ вѣсятъ воскъ, тѣмъ же колодами; вѣсъ Полоцкій будетъ больше Рижскаго полупудома; прежде Рижане посылаютъ свои колокола и скавы въ Полоцкѣ на свой счетъ, а потомъ, когда эти колокола сотрутся, или изломаются, или пропадутъ, то уже Полочане на свой счетъ посылаютъ въ Ригу для исправленія этихъ колоколовъ; серебряные вѣсы держатъ въ Ригѣ полузолотникомъ больше одного рубля; вѣсовщикамъ платятъ крестъ, что будутъ вѣсить справедливо; какъ одному, такъ и другому вѣсовщику при взвѣшиваніи отойти прочь отъ вѣсъ, и рукою не принимать, а вѣсчую пошину брать въ Ригѣ на Полочаныхъ такую же, какую берутъ въ Полоцкѣ на Рижаныхъ. Если случится тяжба между Полочаниномъ и Рижаниномъ, то истцу знать истца, а другому никому въ ихъ дело не вмешиваться, и за это препятствій торговлѣ не дѣлать; купцамъ будетъ путь свободный и во время усобицы между магистромъ Ордена (мештеромъ Задвинскимъ) и земными людьми. Привозимые Нѣмецкими купцами товары были: мѣль, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотно, пряжа, гавицы, жемчугъ, сердоликъ, золото, серебро, мѣдь, олово, шнecъ, сѣра, иголки, четки, пергамень, вино, пиво. Вывозимые: мѣха, кожи, волосъ, щетина, сало, воскъ, мѣль, скотъ произведенія востока: жемчугъ, шелкъ, драгоценныя одежды, оружіе. — Во Псковъ изъ Нѣмецкой земли приходили вино, мѣль, овощи. Изъ вещей, носившихъ названіе Русскихъ, встрѣчаемъ: Русскія перчатки, Русскія постели, Русскія чашки. Мы видѣли возвышеніе цѣнъ на сѣстные припасы; о цѣнахъ же обыкновенныхъ, на сѣверѣ, можно имѣть понятія изъ одной

жалованной грамоты великаго князя Василя Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю: «Волостелю дають съ двумъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ а недлюбъ полоть, то два алтына, не любъ овесъ — алтынъ не любъ возъ сѣна — алтынъ, не любы хлѣбы — за коврягъ по деньгѣ⁴⁴⁴.»

Если Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, старинныя Русскія торжища, богатели по-прежнему торговлю, благодаря выгодному положенію своему, то древнее средоточіе южной, Греческой торговли на Руси, Кіевъ, опустошенный усобицами (Татарами, переставшій быть главнымъ городомъ Руси, презрѣнный сильнѣйшими князьями, Суздальскими, Галицкими, Литовскими, представлялъ во второй половинѣ XIII вѣка жалкое зрѣлище: Пляно-Карпини насчитываетъ въ немъ не болѣе 20 домовъ. Но природныя выгоды оставались прежнія, и купцы изъ разныхъ странъ, по старой привычкѣ, продолжали пріѣзжать въ Кіевъ: такъ вмѣстѣ съ Пляно-Карпини пріѣхали туда купцы изъ Бреславля; потомъ приходило туда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя: послѣдніе были Итальянцы: Генуезцы, Венеціане, Пизане. Купцы изъ Торна пріѣзжали на Волынь и въ Галичь: въ 1320 году здѣшній князь Андрей Юрьевичъ, который называетъ себя *Dux Ladomorigae et dominus Russiae*, далъ Торнскимъ купцамъ грамоту, въ силѣ которой никто изъ его мытниковъ или служителей не смѣлъ требовать отъ нихъ суконъ или другихъ товаровъ; князь уступаетъ имъ всѣ права, которыми они пользовались при отъѣздѣ его; обѣщаетъ, что если кто-нибудь изъ нихъ потерпитъ обиду то за каждый денарій, несправедливо отнятый, получить вдвое. Послѣ, Гедиминовичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи черезъ свою землю на востокъ (Heidenland), дабы утвердить складку товаровъ и Владимирѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ бывало изстари. О торговлѣ Галичанъ и Подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Венгріи, получаемъ извѣстіе изъ уставной грамоты, данной Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ господаремъ Молдавскимъ въ 1407 году⁴⁴⁵

русскіе купцы покупали въ Молдавскихъ владѣніяхъ Татарскій варъ: шелкъ, перецъ, камки, тебенки, ладанъ, Греческій асъ, потомъ покупали скоть: свиней, овецъ, лошадей, мѣхачи и лисьи, овчины, кожи, рыбу, воскъ; продавали сукно, которое складывалось въ Сочавѣ, шапки, ногавицы, пояса, мечи, ребро жженое Венгерское, куницъ Венгерскихъ. Черноморья торговля производилась черезъ городъ Солдайю или Сукъ, въ Тавридѣ: сюда приставали всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, сюда же сходились купцы, идущіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ въ Турцію: первые привозили ткани важныя, шелковыя и пряные коренья, послѣдніе преимущественно дорогіе мѣхачи; что подѣ этими мѣховыми торговцами можно разумѣть именно Русскихъ купцовъ, доказываетъ разсказъ Рубруквиса о крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, которыхъ Русскіе купцы возятъ свои мѣхачи; по словамъ того же Рубруквиса, купцы изъ всей Россіи пріѣзжали въ Крымъ за мѣхачи, и съ каждой нагруженной телеги давали Татарамъ двѣ важныя ткани пошлины. Знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что въ XIV вѣкѣ Русскихъ купцовъ можно было найти въ Каѣ, Оцѣ, Греціи⁴⁴⁶.

Встрѣчаемъ извѣстія и о торговлѣ при-Волжской, съ Татарскими: такъ летописецъ говоритъ, что Татарскій царевичъ Арапъ перебилъ много Русскихъ купцовъ и богатство ихъ пограбилъ⁴⁴⁷; Тохтамышъ послалъ слугъ своихъ въ Болгарію захватить Русскихъ купцовъ съ судами ихъ и товарами⁴⁴⁸. Нижній Новгородъ, благодаря положенію своему, уже и въ описываемое время производилъ значительную торговлю: такъ говорится, что новгородскіе ушкуйники пограбили въ Нижнемъ множество купцовъ, Татаръ и Ариянъ, равно и купцовъ Нижегородскихъ; пограбили товару ихъ множество, а суда ихъ разсѣкли; здѣсь перечисляются и разныя названія этихъ судовъ: паузки, карбасы, дѣи, учаны, мишаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали въ городахъ Русскихъ подѣ покровительствомъ Татаръ: перичи, во время возстанія своего на Татаръ, истребили и купцовъ Ордынскихъ, старыхъ и пришедшихъ вновь съ Шевка-

ложь; подъ 1355 годомъ упоминается о приходѣ въ Москву тарскаго посла и съ нимъ гостей Сурожанъ; подъ 1389 годъ встрѣчаемъ извѣстіе объ Авраамѣ Армянинѣ, жившемъ въ Сквѣ; наконецъ видимъ, что въ Москву приходили и купцы запада, именно изъ Литвы⁴⁴⁹.

Мы видѣли заботы Новгородцевъ о томъ, чтобъ купцамъ былъ путь чистъ по Русскимъ княжествамъ; великіе князья веровосточной Руси въ договорахъ между собою и въ договорахъ съ великимъ княземъ Литовскимъ выговариваютъ то же самое. Видимъ, что монастыри получаютъ право беспошлинной торговли: Новгородцы, въ половинѣ XV вѣка, дали на Троицкому Сергіеву монастырю грамоту, въ которой запрещено Двинскимъ посадникамъ, Холмогорскимъ и Вологодскимъ приказчикамъ и пошлинникамъ брать пошлины и судить людей Троицкаго монастыря, старцевъ или мирянъ, которые идутъ посланы монастыремъ на Двину, зимою на возахъ, а тожъ на одиннадцати лодьяхъ: «А кто эту грамоту Новгородскую нарушитъ, обидитъ купчину Сергіева монастыря, или кормицкихъ (кормчихъ) или осначевъ (оснащиковъ), тотъ да заплатитъ посаднику и тысяцкому и всему господину великому Новгороду пятьдесятъ рублей въ стѣну⁴⁵⁰. А вы, бояре Двинскіе, и купцы, и люди, и купцы! обороняйте купчину Сергіева монастыря, да и тогда, когда Новгородъ великій будетъ немирень съ нѣкоторыми сторонами⁴⁵¹; блюдите монастырскаго купчину и людей ея какъ своихъ, потому что весь господинъ великій Новгородъ держитъ Сергіевъ монастырь, держитъ его своимъ, и вы, посадники, бояре, приказчики ихъ и пошлинники, сей грамоты Новгородской не ослушайтесь.» Митрополитъ изъ Москвы посылаетъ своихъ слугъ въ Казань съ рухлядью для торговли⁴⁵². Великіе князья Литовскіе, для поднятія своего главнаго города Вильны дають ея купцамъ право беспошлинной и безпрепятственной торговли во всѣхъ Литовскихъ и Русскихъ областяхъ⁴⁵³. Въ Вильнѣ видимъ ярмарки два раза въ годъ⁴⁵⁴; въ городахъ восточной Россіи видимъ торги по воскресеньямъ⁴⁵⁵.

Относительно монеты должно замѣтить, что въ первой полѣ

В XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, чемъ не трудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и май рубль одно и тоже ⁴⁵⁶; слово: куны, въ значеніи день вообщѣ, начинаетъ сифняться теперъ употребительнымъ арскимъ словомъ: деньги. Такъ какъ отъ описываемаго времени дошли до насъ прямыя извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, то обязаны здѣсь подробнѣе разсмотрѣть этотъ давній, важный апутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. съ должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращающихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ тры извѣстнаго животнаго, не имѣющихъ никакой цѣнности и по себѣ, и обращающихся въ видѣ денегъ условно. Отнозительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей ннія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи влиической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣи ⁴⁵⁷; другіе, наоборотъ, подлѣ металлической монеты не докаютъ вовсе мѣховъ ⁴⁵⁸. Противъ перваго мнѣнія мы уже зали неопровержимыя свидѣтельства источниковъ ⁴⁵⁹; провъ втораго существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя, напр. въ уставной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго: се погородіе отъ Мьстислава 6 гривень урока, а почестья вна и три лисицы: а се отъ Крупля гривна урока, а пять втъ за лисицу.» Или: «Се заложилъ Власей св. Николѣ полва въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки.» Здѣсь мы о видимъ, что вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались уплату мѣха, и это самое показываетъ, что, безъ всякаго нѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплатъ ваго рода, употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господующимъ; Смоленскій князь или его пошлянникъ, вмѣстѣ, рублемъ бралъ три лисицы; частное лице, какой-то Вла, вмѣстѣ съ 10 рублями занялъ и три сорока бѣлки, и обяся уплатить тоже самое; также точно первые князья брали въ съ подчиненныхъ племенъ одними черными кунницами и ками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять не-

гдѣ; такъ точно въ это время и частные люди совершали уплаты одними мѣхами. Явилась металлическая монета, но не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: «а пять ногать за сицу» — показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами уплатъ деньгами. Если и князья, и простые люди, прини въ уплату мѣха вмѣсто денегъ, то нѣтъ намъ нужды разгадать о томъ, что цѣнность пушнаго товара не могла оставаться всегда одинаковою, по различію лицъ, имѣющихъ и не имѣющихъ въ немъ нужду, по различію мѣстъ; болѣе менѣе богатыхъ этимъ товаромъ, что шкуры звѣрей — товаръ подверженный порчѣ, что онъ теряетъ достоинство даже частаго перехода изъ рукъ въ руки: ни пошлинникъ Смоленскаго князя не взялъ бы въ казну трехъ истертыхъ лисъ мѣховъ, ни упомянутый Власій не занялъ бы трехъ сорочъ истертыхъ бѣлокъ, и ясно также, что если въ Смоленской области лисица стоила пять ногать, то въ Черниговской могла стоить больше или меньше. Труднѣе объясненіе другаго явленія — именно собственныхъ кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ явленій, которыхъ объяснить теперъ не можемъ, и которыхъ однако отвергать имѣемъ права, если объ нихъ существуютъ ясныя, не поддающія сомнѣнію, извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ — Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа ¹⁶⁰; названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе новѣйшихъ изслѣдователей, могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна за сто лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки локъ и другихъ звѣрей; но какъ же отвергать свидѣтельство Рубруквиса и Ланноа — очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдователь, отвергавшій кожаные деньги, смѣлся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднѣйшій изслѣдователь, находитъ это извѣстіе замѣчательнымъ: по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ

серебряную монету, для сохранности, укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться у странцевъ мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куньи дски или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но нынѣ для храненія монетъ. — Исслѣдователи могутъ успѣться на счетъ кожаныхъ лоскутковъ съ гвоздиками, ибо та-кая была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ: 1241 году Императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе лангскія деньги въ Италіи; онѣ состояли изъ кожаного лоскута, одной сторонѣ котораго находился небольшой серебряный здикъ, а на другой изображеніе государя; каждый лоскутъ имѣлъ цѣнность золотого августала. Знаемъ, что такого же рода монеты ходили во Франціи въ XIV вѣкѣ. Неужели же мы должны предположить, что Ладога въ Новгородѣ, Рубрукъ въ степяхъ при-Волжскихъ, Итальянскіе, Французскіе купцы и орики на западѣ Европы — всѣ согласились выдумать кожаные деньги и дать имъ обращеніе — въ своихъ извѣстіяхъ о нихъ! Наконецъ знаемъ, что у Татаръ, въ описываемое время, были бумажныя и кожаныя деньги по образцу Китайскому ⁴⁶¹.

Въ перемѣнахъ монеты въ Новгородѣ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: подъ 1410 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Новгородцы начали употреблять во внутренней торговлѣ лобки и шили Литовскіе и артуги Нѣмецкіе, а куны отложили; подъ 1410 годомъ говорится, что Новгородцы стали торговать деньгами серебряными, артуги же, которыми торговали 9 лѣтъ, променяли на Нѣмцамъ. Псковской лѣтописецъ, въ соотвѣтствіе Новгородскому извѣстію подъ 1410, говоритъ подъ 1409, что во Псковѣ отложили куны, и стали торговать пѣнзями, а подъ 1412 годомъ говоритъ, что Псковичи стали торговать чистымъ серебромъ; Новгородскій же лѣтописецъ говоритъ, что въ это время во Псковѣ деньги сковали, и начали торговать деньгами по всей Русской землѣ ⁴⁶². Но эти перемѣны не могли обойтись безъ смутъ въ Новгородѣ: подъ 1447 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что начали Новгородцы хулить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія, между прочимъ посад-

никъ Сокира или Съкира, наполнивша ливца и вѣсца сереб-
наго, Федора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допыт-
ваться, на кого онъ лилъ рубли? Жеребець оговорилъ 18
ловѣкъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣско-
рыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ дома разграбили, и до-
вытащили имѣніе ихъ изъ церквей, чего прежде не быва-
ло замѣчаетъ лѣтописецъ. Несправедливые бояре научили того
Федора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію; и
когда Жеребець протрезвился, то сталъ говорить: «Я лилъ
всѣхъ, на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею, съ м-
цами.» Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни то-
годовники, ябедники и посульники радовались; Жеребца ка-
знили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграби-
ли. Чтобъ помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ ус-
ловились пять денежниковъ, и начали переливать старыя ден-
га новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ грѣ-
шника по полуденьгѣ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ
въ городъ и по волостямъ.

Главные торговые города древней Руси—Новгородъ, Киевъ,
Смоленскъ, Полоцкъ—обязаны были своею торговлею и сла-
вою имъ богатствомъ природному положенію, удобству водныхъ
путей сообщенія. Въ описываемое время города сѣверовостока
Руси, Москва, Нижній, Вологда были обязаны своимъ отно-
сительнымъ процвѣтаніемъ тому же самому. И долго послѣ сѣ-
верныхъ путей по Россіи можно было только ѣздить зимою; и
тогда же оставался одинъ водный путь, который потому имѣлъ
такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга з-
имою, и рѣки лѣтомъ, нельзя не включить въ число важнѣшихъ
дѣятелей въ исторіи Русской цивилизаціи. Князья ѣздили
в Орду водою; такъ извѣстно, что сынъ Дмитрія Донскаго, В-
силь, отправился къ Тохтамышу въ судахъ изъ Владиміра
Клязьмою въ Оку, а изъ Оки внизъ по Волгѣ; Юрій Дани-
ловичъ Московскій поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Орду изъ З-
волочья по Камѣ и Волгѣ. Изъ Москвы въ города при-Ока
и при-Волжскіе отправлялись водою: такъ отправился и

сквы въ Муромъ на судахъ нареченный митрополитъ Иона для переговоровъ съ князьями Рязюловскими на счетъ дѣтей Великаго Князя Василя Темнаго. Епифаній, въ житіи св. Степана Пермскаго, говоритъ: «всякому хотящему шествовати въ римскую землю, удобственъ путь есть отъ града Уствымаюю Вычегодою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь.» Три удобствѣ путей сообщенія водою, лѣтомъ, и саннымъ ѣздомъ, зимою, перечисленныя прежде благоприятныя обстоятельства для торговли ⁴⁶⁶ имѣли силу и теперь. Касательно же препятствій для торговли мы прежде всего должны упомянуть, умѣется, о Татарскихъ опустошеніяхъ, послѣ которыхъ Кіевъ, напримѣръ, не могъ уже болѣе оправиться. Но здѣсь мы должны замѣтить, что Кіевъ упалъ не въ слѣдствіе одного Татарскаго разгрома: упадокъ его начался гораздо прежде Татарскаго, въ слѣдствіе отлива жизненныхъ силъ, съ одной стороны, съ сѣверовостока, съ другой—на западъ. Другихъ главныхъ центровъ—Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка не коснулось Татарскія опустошенія. Послѣ утверженія Татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны и благоприятствовать торговлѣ Русской; въ Орду можно было ѣхать, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечившая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго пятидесятилѣтія тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и по видимъ значительное развитіе восточной торговли и Волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностію можно положить, утвержденіе Татарскаго владычества въ Средней Азій, также низовьяхъ Волги и Дона, и вступленіе Россіи въ число защищенныхъ отъ Орды владѣній, очень много способствовало развою восточной торговли; время отъ Калиты до Димитрія Донскаго должно считать самымъ благоприятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовали, и между тѣмъ Татары, успокоиваемые покорностію князей, данью и дарами, не пустошили Русскихъ владѣній, не заживали путей. Послѣ попытокъ порвать Татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или нѣсколько ранѣе, обстоя-

тельства становятся не такъ благопріятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская — преимущественно жившая восточною Волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Русіи, прежде всего бросаются на Русскихъ купцовъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою. Подъ 1371 годомъ встречаемъ любопытное извѣстіе, изъ котораго, съ одной стороны можно видѣть богатство купцовъ Нижегородскихъ, а съ другой стороны гибельное вліяніе Татарскихъ опустошеній на граничныя Русскія области: былъ, говорится, въ Нижнемъ городѣ Тарасъ Петровъ, первый богачъ во всемъ городѣ; откупилъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчину у князя, шесть селъ за Кудьмою; а какъ запустилъ отъ Татаръ этотъ уѣздъ, тогда и онъ переѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Но не всегда же Россія послѣ Мамаю находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Орду, и давно протоптанный путь не могъ быть вдругъ изъкинута.

Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ видимъ условіе о взаимной свободной торговлѣ; но этимъ договоромъ кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не слѣдовать отъ нея и торговля. Впрочемъ открытая вражда между Московскими и Литовскими князьями не была постоянною, и въ томъ же во время ссоръ съ Москвою, Литва находилась въ мирѣ съ Рязанью, Тверью, Новгородомъ и Псковомъ. Псковъ часто враждовалъ съ Нѣмцами, и не смотря на то, торговля заграничная дѣлала его однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ городовъ Русскихъ — знакъ, что частая вражда съ Нѣмцами не могла много вредить этой торговлѣ. И Новгородъ не всегда былъ въ мирѣ съ Нѣмцами: мы видѣли, что съ 1280 до 1391 года не было между ними крѣпкаго мира, и когда въ послѣднемъ году миръ былъ заключенъ, то Нѣмецкіе купцы пріѣхали въ Новгородъ, товары свои взяли, крестъ цѣлуютъ, и начали дворъ свой ставить снова: значитъ, при началѣ се-

ары были захвачены Новгородцами и дворъ Нѣмецкій раз-
енъ. Изъ приведенной выше грамоты узнаемъ, что Новго-
скіе купцы терпѣли иногда отъ Нѣмецкихъ разбойниковъ
едъ самою Невою. Шведы не благопріятно смотрѣли на тор-
ню Новгородцевъ съ Нѣмцами: король Биргеръ писалъ
1295 году Любчанамъ, что Шведы не будутъ тревожить
ецкихъ купцовъ, ѣдущихъ въ Новгородъ съ товарами,
ько въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера, эта
говля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Нов-
одцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Нов-
одъ, но подь условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія,
ѣза, стали и пр. Волжская торговля терпѣла отъ Новгород-
хъ ушкуйниковъ; но и это бѣдствіе не было продолжи-
ьно. Относительно ушкуйничества должно замѣтить, что это
еніе служить также доказательствомъ развитія Волжской
говли въ XIV вѣкѣ: значить, было что грабить, когда обра-
вались такія многочисленныя разбойничьи шайки.

Торговля должна была содѣйствовать распространенію ре-
ль, искусствъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ она наибо-
процвѣтала: самые богатые торговые города, Новгородъ,
ювъ, отличаются прочностію своихъ укрѣпленій, много-
денностію своихъ церквей. Церкви и каменные, по-преж-
у, строились скоро: церковь Архангела Михаила въ Москвѣ
а заложена, окончена и освящена въ одинъ годъ ⁴⁶⁴; то же
орится и о монастырской церкви Чуда Архангела Миха-
⁴⁶⁵; нѣкоторыя деревянныя церкви, такъ называемыя обы-
нныя, начинали строить, оканчивали и освящали въ одинъ
ь; но соборная церковь Св. Троицы во Псковѣ строилась
года: сперва Псковичи дали наймитамъ 200 рублей, чтобъ
рушить стѣны старой церкви; старый матеріалъ былъ сва-
тъ въ рѣку Великую, ибо считалось неприличнымъ употре-
тъ его на какое-нибудь другое дѣло; на другой годъ зало-
ди новую церковь, дали мастерамъ 400 рублей и много ихъ
чивали ⁴⁶⁶. Въ Твери, во время стройки соборной церкви Св.
аса, поставили внутри ея маленькую деревянную церковь и

служили въ ней, пока мастера оканчивали большую⁴⁶⁷. И описываемое время иногда складывали церкви очень нескучно въ Коложнѣ только что окончили каменную церковь, какъ упала⁴⁶⁸; въ Новгородѣ едва успѣли мастера, окончивши работы, сойти съ церкви св. Іоанна Златоуста, какъ она упала. Лѣтописцы употребляютъ въ извѣстіяхъ о построеніи церквей иностранное слово: мастера, но ни гдѣ не видно, чтобы зываемы были иностранцы для этихъ построекъ. Въ книгѣ Василя Димитріевича въ Новгородѣ извѣстны были, какъ истинные строители, три мастера: Иванъ⁴⁷⁰, Климентъ и Алексѣй. Кромѣ церквей и колоколенъ, подъ 1409 годомъ упоминается о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ теремца каменнаго, гдѣ святили воду каждый мѣсяцъ. Упоминается по-прежнему о покрытіи церковей оловомъ; въ 1420 году Псковляне наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его обивать церковь Троицы свинцомъ; но не могли отыскать ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ такого мастера, который бы могъ лить свинчатый свинецъ; послали и къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ, но поганые, какъ извѣщается лѣтописецъ, не дали мастера; наконецъ пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы, отъ Фотія митрополита, и научилъ Ѳедора лить доски; мастера получили 44 рубли. Новгородскій владыка Евфимій покрылъ чешуею церковь св. Георгія въ Ладогѣ. Упоминается по-прежнему о золоченіи главъ или маковицъ⁴⁷²; упоминается о позлащеніи гроба князя Владиміра Ярославича матери его Анны въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Говорится, что Тверской епископъ Ѳеодоръ сдѣлалъ у церкви св. Спаса двери мѣдныя⁴⁷³; въ Нижегородской церкви св. Спаса были двери дивныя, устроенныя мѣдью золоченою. Ростовской епископъ Игнатій помостилъ краснымъ мраморомъ (поль) Богородичной церкви⁴⁷⁵; тоже сдѣлалъ Тверской владыка Ѳеодоръ у себя въ церкви св. Спаса⁴⁷⁶. Встрѣчаются извѣстія объ украшеніи церквей живописью: въ 1343 году Греческіе мастера подписали (росписали) соборную церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о росписаніи монастырской церкви св. Спаса въ М

въ; мастера были родомъ Русскіе, ученики Грековъ⁴⁷⁷ — Итанъ, Семенъ и Иванъ, съ учениками своими и дружиною. Въ 1395 годоу упоминается о росписаніи церкви Рождества Богородицы и придѣла св. Лазаря въ Кремль: мастера были — Ѳофанъ Грекъ и Семенъ Черный; тотъ же Ѳофанъ Грекъ списалъ церковь св. Архистратига Михаила въ 1399 году; въ 1405 году росписывали церковь Благовѣщенія на княжомъ дворѣ Ѳофанъ иконникъ Грекъ, Прохоръ старецъ изъ Городца, чернецъ Андрей Рублевъ. Подъ 1409 годоу говорится о росписаніи церкви Богородицы Владимирской мастерами: Данилъ иконникомъ и Андреемъ Рублевымъ; они же росписали церковь Троицкую надъ гробомъ св. Сергія, церковь въ Московскомъ Андрониковѣ монастырѣ. Въ Новгородѣ церковною живописью занимались также Греки: подъ 1338 годоу упоминается Исаія Гречинъ. Упомянутый мастеръ, Грекъ Ѳофанъ, списалъ въ 1378 году въ Новгородѣ церковь Христа Спасаителя на Ильинѣ улицѣ; подъ 1385 годоу, при описаніи большого пожара въ Новгородѣ, говорится, что вмѣстѣ съ дружиною сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ Ивашъ, церковный росписникъ, какъ видно, Русскій. Подъ 1345 годоу находимъ въ свѣдѣніи, что въ Москвѣ слиты были три колокола большихъ, два меньшихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ; но еще прежде, въ 1342 году, какъ видно, этотъ же самый Борисъ вызванъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ и слилъ тамъ большой колоколъ къ Св. Софїи. Въ 1403 году слить былъ колоколъ въ Твери къ соборной церкви Преображенія, но не сказано, какимъ мастеромъ. Изъ построекъ нецерковныхъ упоминается подъ 1409 годоу о построеніи въ Новгородѣ владыкою Иоанномъ пекленицы (поварни?) каменной; подъ 1433 годоу о построеніи Новгородскимъ владыкою Евфиміемъ у себя на дворѣ палаты каменной съ 30 дверями: строили мастера немецкіе изъ-за моря (т. е. не Ливонскіе) вмѣстѣ съ Новгородскими; въ 1439 году тотъ же владыка поставилъ ключицу хлѣбную⁴⁷⁸; въ слѣдующемъ году поставилъ комнату вменную меньшую; въ 1441 году большая палата владыкина

и сѣни прежнія были росписаны; въ 1442 году тотъ же владыка поставилъ на своемъ дворѣ поварни каменные и конюшенную, а въ 1444 духовницу и сторожню каменные. Въ Москвѣ только въ 1450 году митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную. — Наконецъ находимъ извѣстія о устройствѣ часовъ: подъ 1404 годомъ говорится, что поставлены были часы въ Москвѣ на дворѣ великаго князя, за церковію Благовѣщенія, устроилъ ихъ монахъ Лазарь, пришедшій изъ Сербіи. Вотъ какъ описываются эти часы: «Сій же частникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколь, размѣряя и расчитая часы ночныя и дневныя; не бо челоуѣкъ ударяше, но челоуѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолюбно нѣкако створено есть челоуѣческою хитростію преимечтано и преухищрено.» Въ Новгородѣ въ 1436 году владыка Евѣмій устроилъ у себя надъ полатою часы звонящіе, а подъ 1449 годомъ говорится, что тотъ же владыка поставилъ часозвоню.

О построеніи и украшеніи церквей въ югозападной Русіи можемъ имѣть понятіе изъ разсказа Волинскаго лѣтописца о построеніи церквей въ Холмѣ Даниломъ Романовичемъ, подъ 1259 годомъ: построена была церковь св. Іоанна, красивая и великолѣпная; построена она была такъ: четверо комаръ, съ каждаго угла переводъ, а стояли они на четырехъ головахъ челоуѣческихъ, изваянныхъ нѣкоторымъ хитрецомъ; три оковы украшены были стеклами Римскими; при входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня, и на нихъ комара; потолокъ былъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; внутренній помостъ былъ слитъ изъ мѣди и олова чистаго, и блестялъ какъ зеркало; двое дверей украшены камнемъ Галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, тесанымъ, сработаны нѣкоторымъ хитрецомъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ изъ золота, напереді ихъ изваянь Св. Спасъ, а на полуокопныхъ св. Іоаннь, на удивленіе всѣмъ смотрящимъ; иконы принесенныя изъ Кіева, украшены были драгоценными камнями, жемчугомъ и золотомъ⁴⁸⁰; колокола привезены были также

Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ. Другая церковь была
 троена въ честь свв. безмездниковъ Кузьмы и Даміана:
 ихъ ея поддерживали четыре столпа изъ цѣльнаго камня
 песаного. Построена была и церковь Св. Богородицы, вели-
 кою и красотою не хуже первыхъ, и украшена пречудными
 иконами: князь Даниилъ принесъ изъ Венгріи чашу мрамор-
 ю багряную, изваянную чудесно, съ змѣиными головами во-
 угъ, и поставилъ ее передъ дверями церковными, называе-
 ми царскими: въ этой чашѣ святили воду на Богоявленье ⁴⁸¹.
 князь Владиміръ Васильковичъ построилъ въ Каменцѣ церковь
 яговѣщенія, украсилъ ее иконами золотыми, сковалъ сосуды
 удебные серебряные, евангеліе далъ также окованное сере-
 бромъ, положилъ и крестъ воздвизальный. Во Владимірѣ рос-
 салъ всю церковь св. Димитрія, сосуды служебные серебря-
 е сковалъ, икону Св. Богородицы оковалъ серебромъ и доро-
 ги камнями, завѣсы у иконы были золотомъ шитыя, а дру-
 аксамитныя съ дробницею; въ кафедральномъ соборѣ Св.
 городицы образъ Спасителя большой оковалъ серебромъ,
 ангеліе также оковалъ серебромъ, сосуды служебные устроилъ
 въ жженого золота съ дорогими камнями, и образъ Спасовъ
 оковалъ золотомъ съ дорогими камнями и поставилъ на память
 бѣ. Въ Перемышльскій соборъ далъ евангеліе, окованное се-
 бромъ съ жемчугомъ; въ Черниговскій соборъ послалъ еван-
 геліе, золотомъ писанное, окованное серебромъ и жемчугомъ
 среди его Спасъ съ финифтью; въ Луцкій соборъ далъ крестъ
 льшой, серебряный позолоченный, съ честнымъ деревомъ. Въ
 обимлѣ поставилъ церковь каменную св. Георгія, украсилъ
 иконами коваными, сосудами серебряными, платцы далъ
 самитныя, шитыя золотомъ съ жемчугомъ, херувимъ и сера-
 шъ, индитью, золотомъ шитую всю, а другую изъ бѣлчатой
 волоки, а въ малыхъ алтаряхъ обѣ индити изъ бѣлчатой
 волоки, евангеліе, окованное все золотомъ съ дорогими кам-
 ни и жемчугомъ, деисусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты
 мѣшія съ финифтью, другое евангеліе волочено оловиромъ;
 ка кадила — одно серебряное, другое мѣдное; икона мѣст-

ная св. Георгія была написана на золотѣ; на эту икону положили гривну золотую съ жемчугомъ, другая икона Божьей Родители написана была также на золотѣ, и на ней было много золотое съ дорогими камнями; двери въ церкви были изъ дерева; князь началъ росписывать эту церковь, и росписавъ уже всё три алтаря, начали было росписывать и шею, но не окончили по причинѣ княжеской болѣзни; колокола были съ такими удивительными на слухъ, что подобныхъ не было во всей землѣ.

Что касается до ремеслъ вообще, то изъ разсказа летописца о населеніи Холма Галицкаго, мы видимъ, какія были главныя самыя нужныя изъ нихъ — это мастерство оружейное и ювелирское: начали, сказано, собираться въ Холмъ съделники, лучники, тутьники и кузнецы желѣза, мѣди и серебра въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника⁴⁸². О удобствахъ домашней жизни, расположеніи и украшеніи жилищъ, мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій и можемъ заключить, что домашній бытъ отличался по-прежнему простою. Богатый Волинскій князь Владиміръ Васильковичъ, который построилъ столько городовъ, церквей, такъ ихъ богато украсилъ, лежалъ, во время болѣзни своей, на соломѣ. О богатствѣ Московскихъ князей можемъ имѣть понятіе по ихъ завѣщаніямъ, гдѣ упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣнныхъ рѣдко о дорогихъ оружіи, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть спрятано, собрано, унесено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны ожидать у простыхъ людей? у послѣднихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо что получше и подороже, хранилось въ церквахъ, какъ мы знаемъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Жилища располагались, какъ видно, по-прежнему; вотъ описаніе пожара, бывшаго въ домѣ Тверскаго Великаго князя Михаила Ярославича: загорѣлись сѣни и сгорѣлъ дворъ князя весь; но Божіею милостію проснулся самъ князь Михаилъ и вы

осился въ окно съ княгинею, а сѣни полны были княжатъ и
ирченковъ, которые тутъ спали, и сторожей было много,
никто не слыхалъ⁴⁸³. О княжескихъ одеждахъ упомянуто
до выше; относительно платья простыхъ людей встрѣчаемъ
вванія: охабни, опашни, шубы, вотолы⁴⁸⁴, сарафаны, чупруны,
тыги; изъ украшеній: перстни, колтки, цѣпочки (золотыя
анныя)⁴⁸⁵. О пищѣ нѣтъ подробностей; узнаемъ только, что
дные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы⁴⁸⁶. — Обратимся
состоянію нравственному.

Начавши описывать состояніе религіи и церкви въ предше-
вующій періодъ, мы должны были упомянуть о противодѣйстви,
торое христіанство встрѣтило на Финскомъ сѣверѣ отъ
ычества, отъ волхвовъ; въ описываемое время мы не видимъ
мѣ подобныхъ явленій; замѣчаемъ, напротивъ, успешное
испространеніе христіанства въ Финскихъ предѣлахъ. Еще
мѣ 1227 годомъ лѣтописецъ говоритъ о крещеніи Корель;
земля послѣднихъ скоро стала спорною между Новгородцами
Шведами; этотъ споръ давалъ Корель возможность мѣнять
зисимость отъ одного народа на зависимость отъ другаго,
и чѣмъ мѣнялась и вѣра. Безъ соперничества распростра-
лось православіе на сѣверовостокъ: здѣсь апостоломъ Зырянъ
и Перяковъ явился св. Стефанъ, сынъ Устюжскаго при-
тника и постриженникъ Ростовскій; вѣроятно знакомый еще
Устюгъ съ языкомъ Зырянскимъ, Стефанъ приготовился къ
юему апостольскому подвигу тѣмъ, что изобрѣлъ азбуку и
ревелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ Зырянскій.
в смотра на всѣ препятствія со стороны ревнителѣ языче-
ва, дѣло Стефана увѣнчалось успѣхомъ: на мѣстѣ разру-
енныхъ требищъ языческихъ онъ основалъ церкви, при
ррвахъ училища для дѣтей. Стефанъ былъ поставленъ епи-
попомъ въ Пермь; о характерѣ его дѣятельности въ этомъ
раніи можно заключить изъ слѣдующихъ словъ «Плача
или Пермской на смерть Стефана,» помѣщеннаго въ житіи
го: «Теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая,
кторый Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю

доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, нашей пользѣ; передъ боярами и всякими властями былъ нашъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насильственной работы и тиунской продажи, облегчалъ отъ тяжелой дани. Смые Новгородцы, ушкуйники, разбойники словъ его слушали и не воевали насъ⁴⁶⁷. » Двое изъ преемниковъ св. Стефана были умерщвлены Вогуличами. Если въ слѣдствіе Татарскаго и мы видѣли одинъ примѣръ отступничества въ Зосимѣ или Исидорѣ, то за то встрѣчаемъ извѣстія о крещеніи Татаръ: такъ напримѣръ подъ 1390 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что въ челоу великому князю Василию Дмитріевичу въ службу Татарина, ханскіе постельники, желая принять христіанство митрополитъ Кипріанъ самъ крестилъ ихъ, нарекиши именъ Ананія, Азарія, Мисаилъ.

Во главѣ Русской церкви по-прежнему находятся митрополиты; но дѣятельность ихъ въ описываемое время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде; тому двѣ главнѣйшія причины: періодъ предшествовавшій характеризуется господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній и происходившихъ отсюда усобицъ, духовенство могло противодѣйствовать этимъ усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господствующаго обычая; мы видимъ, какъ лѣтописецъ, лице безспорно духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ Русскомъ народѣ, въ цѣломъ Русскомъ духовенствѣ; еслибы митрополиты, приходившіе изъ Византіи, и вѣжливо смотрѣли на такое представленіе, то ихъ мнѣніе, какъ чужеземцевъ, не могло имѣть большаго авторитета, и здѣсь именно въ этой чуженародности митрополитовъ, заключающагося вторая главная причина ихъ не очень замѣтной дѣятельности. Другаго рода явленіями характеризуется описываемое время: оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ рядомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ: при этой борьбѣ духовенство не могло ост

гься равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того или другаго порядка вещей, и объявило себя въ пользу того изъ нихъ, который обѣщалъ землѣ успокоеніе въ усобицѣ, установленіе мира и порядка. Но, кромѣ этой аменитой борьбы, вниманіе духовенства, митрополитовъ должны были обратить на себя другія, новыя, важныя отношенія, именно: отношенія Татарскія, Литовскія и отношенія къ изнемогающей Византіи, которыя должны были принять новый характеръ. Такимъ образомъ важность событій описываемаго времени, гнѣвившихъ однообразіе и односторонность явленій періода предшествовавшаго, событій, имѣвшихъ тѣсную связь съ интересами церкви, должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинаютъ являться Русскіе родомъ; дѣйствительно нельзя не замѣтить, что самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ ремъ митрополитамъ изъ Русскихъ: Петру, Алексѣю, Іонѣ.

Мы видѣли, что въ Константинополь не согласились на раздѣленіе Русской митрополіи, на поставленіе особаго митрополита для сѣверной Руси во Владимиръ Клязменскій; но важное наченіе, съ каимъ явилась сѣверная Русь при Андрѣѣ Юголюбскомъ и Всеволодѣ III, заставило Киевскихъ митрополитовъ обратить на нее особенное вниманіе и отправляться во Владимиръ для умнренія тамошнихъ князей съ князьями южными, для поддержанія согласія между двумя половинами Руси, согласія, необходимаго для поддержанія единства и въ церковномъ управленіи. Послѣ 1228 года и послѣ Татарскаго разгрома, когда значеніе Кіева и южной при-Днѣпровской Руси пало окончательно, митрополиты Киевскіе и всея Руси должны были обратить еще большее вниманіе на сѣверную Русь, и вотъ подъ 1250 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла II (родомъ Русскаго) изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань, землю Суздальскую и наконецъ въ Новгородъ Великій. Но потомъ опять мы видимъ Кирилла во Владимирѣ въ 1255 и при похоронахъ Александра Невскаго

въ 1263 году; послѣ этого онъ ѣздилъ въ Кіевъ; о воз-
 шеніи его оттуда лѣтописецъ говоритъ подъ 1274 годомъ
 томъ же году Кирилль созывалъ соборъ во Владимірѣ
 исправленія церковнаго; наконецъ передъ кончиною Кирилль
 является опять изъ Кіева въ Суздальской землѣ и умираетъ
 въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ 1280 году, въ княженіе
 митрія Александровича, но погребенъ въ Кіевѣ. Если же
 основаніи этихъ извѣстій, и не имѣемъ еще права сказать,
 Кирилль перенесъ кафедру изъ Кіева во Владиміръ¹²⁸³
 по крайней мѣрѣ видимъ, что онъ нѣсколько разъ является
 съверъ, и очень вѣроятно, что онъ жилъ здѣсь если не до
 то столько же, сколько и на югѣ; и если Кирилль II не о-
 ладъ того, что обыкновенно приписывается митрополиту
 Максиму, не перенесъ пребыванія съ юга на съверъ.
 по крайней мѣрѣ, приготовилъ явленіе, необходимое по всѣмъ
 обстоятельствамъ; любопытно также извѣстіе о кончинѣ Кирилля
 въ Переяславлѣ Залѣсскомъ: здѣсь мы можемъ видѣть то
 необходимый, по обстоятельствамъ, шагъ со стороны митро-
 полита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ
 которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу, главному тогда
 по имени.

Кирилль не дожиль до важнаго для съверной Руси событія
 открытія борьбы между сыновьями Невскаго — старшимъ, Дми-
 тріемъ, и младшимъ, Андреемъ; но онъ оказалъ участіе въ
 одномъ, также значительномъ событіи, именно — въ борьбѣ
 великаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ: въ
 слѣдствіе его посредничества Новгородцы помирились съ княземъ.
 Съ другой стороны, при Кириллѣ опредѣлились отношенія
 Ордынскія; всѣ Русскіе были обложены данью, исключая ду-
 ховенство; другимъ слѣдствіемъ терпимости Татаръ было то
 что въ самомъ Сарай, столицѣ хановъ, учреждается прав-
 славная епископская кафедра въ зависимости отъ Русскаго
 митрополита; въ 1261 году Кирилль поставилъ въ Сарай еписко-
 помъ Митрофана; подъ 1279 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе
 сарайскій епископъ Θεогностъ въ третій разъ возвра-

ся изъ Царяграда, куда посылалъ его митрополитъ Кириллъ санъ Менгутемиръ къ патриарху и императору съ письмами и грамотами, извѣстiе любопытное, показывающее значенiе Русскаго Сарайскаго епископа для христіанскаго востока.

Преемникомъ Кирилла былъ Максимъ, родомъ Грекъ; нѣтъ вѣстiй, чтобъ Кириллъ ѣздилъ въ Орду, но Максимъ отпра- ся туда немедленно по пріѣздѣ въ Кіевъ изъ Константино- поля. Сначала Максимъ показалъ, что столицею метрополіи Русской долженъ остаться Кіевъ: сюда въ 1284 году должны и явиться къ нему всѣ епископы Русскіе. Въ слѣдующемъ году видимъ его на сѣверѣ, даже въ Новгородѣ и Псковѣ; во время знаменитой усобицы на сѣверѣ между Алексан- вичами, мы не слышимъ о митрополитѣ: онъ остается въ Кіевѣ; быть можетъ, эта усобица и удерживала его на югѣ, ому что, какъ скоро она пріутихла, Максимъ переселился ершенно изъ Кіева во Владиміръ, пришелъ съ клиросомъ и всѣмъ житьемъ своимъ, по выраженію лѣтописца; послед- нее приводитъ и причину переселенія: митрополитъ не хотѣлъ по- нѣтъ насилія отъ Татаръ въ Кіевѣ; но трудно предполо- жить, чтобъ насилія Татарскія въ это время именно усилились противъ прежняго. Такимъ образомъ Максимъ сдѣлалъ рѣши- тельный, окончательный шагъ, которымъ ясно засвидѣтельство- вано, что жизненные силы совершенно отлили съ юга на сѣ- веръ, и дѣйствительно до сихъ поръ, если Кіевъ потерялъ свое прежнее значеніе и благосостояніе, то значеніе и благососто- яніе поддерживалось еще на югозападѣ, въ Галиціи, на Во- лынѣ; но по смерти Даніила, Василька и Владиміра Василь- вича и здѣсь оставалось мало надежды на что-нибудь силь- ное и прочное.

Максимъ не долго прожилъ на сѣверѣ: не оказавши нрав- ственнаго вліянiя, посредничества въ усобицѣ между сыновьями Всеволодскаго, онъ хотѣлъ воспрепятствовать усобицѣ между князь- ми Московскимъ и Тверскимъ, но старанія его остались безуспѣшны; онъ умеръ въ 1305 году и преемникомъ ему поста- вленъ былъ Петръ, родомъ Русскій, изъ Волыни. Послѣ по-

ставленія своего, Петръ только прѣздомъ остановился въ Кіевѣ, и спѣшилъ на сѣверъ; но и здѣсь пробылъ не долго, и отправился опять на югъ. Въ Брянскѣ онъ уговаривалъ князя Святослава, чтобъ тотъ подѣлился волостями съ племянникомъ или даже оставилъ бы ему все, бѣжалъ бы изъ города, а не бился. Неизвѣстно, шель ли Петръ далѣе Брянска на югъ, было ли прекращеніе Брянской усобицы главною цѣлю побѣдки туда; всего вѣроятнѣе, что святитель возвратился въ Брянска на сѣверъ, во Владимиръ, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ не пустилъ Тверскаго княжича Димитрія Михайловича идти войною на Новгородъ Нижній; впрочемъ за правильность порядка годовъ въ лѣтописныхъ сборникахъ ручаться нельзя: очень можетъ быть, что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамъ князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владимиръ; послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о побѣдкахъ Петра на югъ. Митрополитъ Кириллъ колебался между сѣверомъ и югомъ; Максимъ переѣхалъ съ клиросомъ и со семействомъ своимъ на сѣверъ; Петръ сдѣлалъ новый шагъ: во Владимиръ, гдѣ поселился Максимъ, былъ столицею старшаго князя только по имени; каждый князь, получавшій старшинство великое княженіе Владимірское, оставался жить въ своемъ прежнемъ наслѣдственномъ городѣ, и шла борьба за то, кому изъ этихъ городовъ усилятся окончательно. соборъ Русскую землю, и вотъ Петръ назнаменуетъ это окончательное торжество Москвы, оставаясь здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и выбравши Москву мѣстомъ упокоенія своего на старости и мѣстомъ погребенія своего. Любопытно видѣть, какъ во все это время митрополиты, тогдашніе представители духовнаго единства Руси, не имѣютъ постоянного пребыванія, странствуютъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ, на сѣверѣ не пребываютъ постоянно во Владимирѣ: св. Пётръ по словамъ автора житія его, проходилъ мѣста и города, и любивши Московскаго князя Іоанна Даниловича, сталъ жить въ Москвѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это движеніе

трополитовъ всего лучше выражаетъ то броженіе, то переднее состояніе, въ которомъ находилась тогда Русь, состояніе, прекратившееся съ тѣхъ поръ, какъ средоточіе государственной жизни утвердилось въ Москвѣ, чему, какъ мы видимъ, много содѣйствовало расположеніе св. Петра къ этому роду, или его князю. Во сколько этому расположенію къ исквѣ способствовали непріязненные отношенія Твери и ея епископа Андрея къ св. Петру, мы опредѣлить не можемъ; мы не должны упускать этого обстоятельства изъ вниманія. Подобно Максиму, и Петръ долженъ былъ отправиться въ Ордъ: это случилось по смерти хана Тохты, когда, со вступленіемъ на престолъ Узбека, все обновилось, по выраженію гописца, когда всѣ приходили въ Ордъ и брали новые ярлыки, и князья и епископы. Петръ былъ принятъ въ Ордъ съ большою честью и скоро отпущенъ въ Русь. Еще въ самомъ началѣ, когда опредѣлились Татарскія отношенія, наложена на дань на всѣхъ, за исключеніемъ духовенства: послѣдугу даѣтъ былъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ этомъ освобожденіи. Въ дошедшемъ до насъ ярлыкѣ Менгу-Тимура⁴⁸⁹ ясно говорится о жалованныхъ грамотахъ духовенству персидскихъ хановъ, которыхъ грамотъ Менгу-Тимуръ не хочетъ брать; слѣдовательно ярлыкъ Менгу-Тимуровъ мы имѣемъ право считать одинаковымъ со всеми прежними ярлыками; въ немъ ханъ обращается къ баскакамъ, князьямъ, данкамъ и всякаго рода чиновникамъ Татарскимъ съ объявленіемъ, что онъ далъ жалованныя грамоты Русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, чтобъ они своимъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за его племя и благословляли ихъ: не надобна съ нихъ ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; не надобна съ нихъ никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги (сборщка каравановъ), ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ никакіе доходы; кто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтвищъ; ни-

кто не смѣетъ брать на работу или на сторожу церковнымъ людей: мастеровъ, сокольниковъ, пардусниковъ; никто не смѣетъ взять, изодрать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобъ духовные не проклина хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія и ретъ злою смертію. Братья и сыновья священниковъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, на одномъ хлѣбѣ, освобождаются отъ всякихъ даней и пошрины; но если отдѣлятся, изъ дома выйдутъ, то дають пошрины и дани. А кто изъ баскаковъ или другихъ чиновниковъ возьметъ какую либо дань или пошину съ духовенства, тотъ безъ всякаго извиненія будетъ казненъ смертію. — Но съ воцареніемъ Узбека, какъ было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т. е. съ платить за нихъ, и митрополиту Петру дань былъ новый ярлыкъ на его имя⁴⁹⁰. Этотъ ярлыкъ одинаковъ съ Менгу-Тимуровымъ, только многословнѣе; прибавлено то, что митрополитъ Петръ управляетъ своими людьми и судить ихъ во всякихъ дѣлахъ, не исключая и уголовныхъ, что всѣ церковныя люди должны повиноваться ему.

Преемникъ Петра, Грекъ Θεογность, пріѣхалъ на сѣверъ, когда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, и Тверская область была страшно опустошена, князь ея въ изгнаніи, и Московскій князь первенствовалъ безъ соперника. Новому митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру своего святаго предшественника, и Θεογность по словамъ лѣтописца, съѣзъ на мѣстѣ св. Петра, сталъ жить на его дворѣ въ Москвѣ, что другимъ князьямъ было не очень сладостно. Мы видѣли, какого важнаго союзника имѣлъ Псковичей отказаться отъ покровительства Александру Тимуровскому. Но покончивши дѣла на сѣверѣ, Θεογность долженъ былъ спѣшить на югъ, гдѣ въ послѣднее время произошли важная перемѣна; вмѣсто многихъ отдѣльных, мелкихъ, слабыхъ князей, потомковъ Рюрика, здѣсь господствовалъ одинъ

ный князь Литовскій Гедиминъ, язычникъ, но не гонитель истаиства. Въ слѣдствіе этого событія отношенія всероссійскаго митрополита къ югозападной Руси должны были пріять новый характеръ: прежде можно было оставить югъ для вера, пренебрегая неудовольствіемъ многихъ, слабыхъ, разденныхъ князей, если бы они рѣшились выразить неудовольвіе на отсутствіе митрополита; но теперь могущественными язьями Литовскими пренебрегать было нельзя, и Феогностъ до живеть на Волини, потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о поѣздкѣ его туда же въ другой разъ ⁴⁹¹, и это извѣстіе нельзя привести въ связь съ другимъ одновременнымъ извѣстіемъ насиліяхъ Поляковъ на Волини, о гоненіяхъ на православіе; притомъ удаленіе Кіевскаго митрополита на сѣверъ уже ставляло думать на югъ объ избраніи особаго митрополита, который, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, долженъ былъ бывать пребываніе въ Галицкой Руси, а не Днѣпровской. До насъ дошли письма Константинопольскаго императора къ митрополиту Феогносту, къ великому князю Симеону Московскому, волынскому князю Любарту, объ уничтоженіи Галицкой митрополіи, установленной прежнимъ патріархомъ ⁴⁹². Въ Орду Феогностъ долженъ былъ ѣздить два раза; во второй разъ его ждали тамъ большія непріятности: какіе-то Русскіе люди наговорили хану Чанибеку, что митрополитъ Русскій получаетъ громадный доходъ, что у него множество золота, серебра и всякаго богатства, и что ему ничего не стоитъ платить ежедневную дань въ Орду. Ханъ потребовалъ этой дани отъ Феогноста, но тотъ вытерпѣлъ тѣсное заключеніе, раздарилъ хану, ханшѣ и князьямъ много денегъ и остался при прежнихъ льготахъ.

Мы видѣли, что, начиная съ Кирилла II до сихъ поръ, митрополиты изъ Русскихъ и изъ Грековъ такъ сказать чередуются: послѣ Русскаго Кирилла видимъ Грека Максима, потомъ опять Русскаго Петра, и потомъ опять Грека Феогноста. Какъ избирались всѣ эти митрополиты, Русскіе и Греки, по предложенію или по согласію какихъ Русскихъ князей ста-

вились они — мы знаемъ мало. Но мы знаемъ подробности выборъ преемника Θεогноста. При князѣ Юріи Даниломъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Феодоръ Плевъ; сынъ его, Елевверій—Симеонъ, крестникъ Іоанна Калсъ двѣнадцатилѣтняго возраста началъ вести себя монахи и на двадцатомъ году постригся въ Московскомъ Богооямскомъ монастырѣ подъ именемъ Алексія. Прославившись и ховною жизнію, Алексій былъ взятъ митрополитомъ Θεостомъ въ намѣстники, должность котораго состояла въ судѣ надъ церковными людьми; послѣ двѣнадцатилѣтняго исправнія этой должности, Θεогностъ поставилъ Алексія епископомъ во Владимиръ, и еще при жизни своей благословилъ его се въ преемники на столѣ митрополичьемъ, и отправлены уже бы отъ великаго князя и митрополита послы въ Царьградъ къ тріарху, чтобъ тотъ имѣлъ въ виду Алексія и не ставилъ никого другаго въ митрополиты Русскіе. Когда Θεогностъ умеръ Алексій отправился въ Царьградъ на поставленіе; но тамъ, дожидаясь извѣстія изъ Москвы, уже поставили въ митрополиты Романа, и, не рѣшаясь отказать Московскому князю, и ставили потомъ и Алексія, и обоихъ отпустили въ Русь: а творился мятежъ во святительствѣ, чего прежде никогда бывало на Руси, говоритъ лѣтописецъ; отъ обоихъ митрополитовъ начали являться послы къ областнымъ владыкамъ: была вездѣ тяжесть большая священническому чину. Такимъ образомъ теперь въ самомъ Константинополѣ указано было на то, что прежде здѣсь же было отвергнуто, именно раздѣленіе Русскіи митрополіи; надобно было испомѣстить двухъ митрополитовъ. Когда Алексій пришелъ въ Москву, Романъ отправился на Литовскую и Волынскую землю. Алексій, посвященный въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси, не могъ отказать отъ Кіева онъ поѣхалъ туда въ 1358 году; но когда чрезъ годъ возвратился въ Москву, Романъ явился въ Твери; здѣшній владыка Феодоръ не захотѣлъ съ нимъ видѣться и не оказалъ ему никакого почета; но князья, бояре и нѣкоторые другіе по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно *быв-*

ю честь оказалъ и богатые дары далъ ему князь Всево-
 гь Александровичъ Холмской. Такое поведеніе Всеволода
 ъясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ
 хайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ Московскій князь
 митрополитъ Алексій, Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ
 ятя своего Олгерда, посредничеству котораго, безъ сомнѣ-
 , Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему
 ть отчины; Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь
 то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Ро-
 гь; очень вѣроятно, слѣдовательно, что послѣдній пріѣзжалъ
 Олгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Все-
 оду волость; но если бы и не такъ было, то понятно, что
 володъ, родственникъ и союзникъ Олгерда, долженъ былъ
 ыывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ
 илѣ Литовской.

Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могу-
 ственномъ содѣйствіи св. Алексія Московскаго князьямъ въ
 верженіи ихъ власти надъ другими князьями. Не даромъ
 икій князь Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ не слу-
 ься лихихъ людей, но слушаться владыки Алексѣя да ста-
 хъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли: и Тверь
 Нижній испытали, какъ св. Алексій хотѣлъ добра сыновь-
 ѣ и внукамъ своего крестнаго отца, Іоанна Калиты. Не
 дучи Грекомъ, Алексій умѣлъ поддержать постоянное рас-
 оженіе къ себѣ и къ Москвѣ двора и патріарха Констан-
 нопольскаго. Патріархъ писалъ къ Донскому объ особен-
 нѣмъ расположеніи своемъ къ нему и брату его Владимиру, о
 ѣвѣ своемъ на другихъ князей Русскихъ, имъ непріязнен-
 ихъ. Въ другой грамотѣ патріархъ писалъ, что онъ не сня-
 ьтъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ Алексіемъ на
 вкоторыхъ князей Русскихъ, до тѣхъ поръ, пока они не
 сполнятъ всѣхъ условій, и пока митрополитъ не напишетъ,
 го они раскаялись, ибо эти князья дали великому князю страш-
 ю клятву выступить вмѣстѣ противъ враговъ вѣры. Смолен-
 кій князь Святославъ жаловался, что митрополитъ предалъ его

проклятію; патріархъ отвѣчалъ, что поступокъ митрополита справедливъ, ибо Святославъ помогаль Олгерду противъ Ісквы. Князь Тверской жаловался также на митрополита, и требоваль суда съ нимъ: патріархъ отвѣчалъ, что считаетъ приличнымъ князю судиться съ митрополитомъ предъ послепатріаршимъ. — Слава благочестивой жизни Русскаго митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, болѣвши глазами, прислала въ Москву просить Алексія, что посылить ее; св. Алексій поѣхаль въ Орду, и ханша получила исцѣленіе; когда въ другой разъ, по смерти Чанибека, бѣда грозила Москвѣ изъ Орды, Алексій отправился опять и отвратилъ бѣду⁴⁹³.

Алексій хотѣлъ видѣть и преемникомъ своимъ мужа, сына своего святостию, Сергія, игумена-основателя Троицкаго монастыря, но смиренный инокъ отказался отъ власти; а ижду тѣмъ въ Константинополь не хотѣли дожидаться Москаго избранника: туда съ разныхъ сторонъ приходили жалбы на то, что митрополитъ покинулъ югъ для сѣвера: Польскій король Казимиръ, владѣя Галицкою Русью, требоваль отъ нея особаго митрополита, грозя въ противномъ случаѣ обращать Русскихъ въ Латинскую вѣру. Угроза подѣйствовала, въ Константинополь поставили особаго митрополита для Плища, подчинивъ ему епархіи — Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую на Волыни. Съ другой стороны Олгердъ Литовскій писалъ жалобы къ патріарху, что Москва обидѣла шурина его, Михаила Тверскаго, зятя, Бориса Нязгородскаго, другаго зятя, Ивана Новосильскаго, побрала чингородовъ; жаловался, что митрополитъ благословляетъ Москаго князя на такіе поступки по благословенію патріарша не прѣзжаетъ ни въ Литву, ни въ Кіевъ, снимаетъ крестинцѣлованіе съ перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Олгердъ требоваль другаго митрополита Кіевскаго на Смоленскъ, Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ. И вотъ, по просьбамъ югозападныхъ Русскихъ князей, въ Константинополь поставили имъ митрополита Кипріана, родомъ

ба, съ условіемъ, чтобъ, по смерти митрополита Алексія, былъ митрополитомъ всея Россіи. Но понятно, что если Литвъ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли те своего. Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ признали Кипріана, и онъ принужденъ былъ отправиться итье въ Кіевъ: опять повторилось, слѣдовательно, прежнее ніе, опять указывалась возможность раздѣленія Русской юполіи, ибо въ Москвѣ не хотѣли принимать Кипріана и мерти Алексія; здѣсь былъ свой избранныкъ. Былъ въ го- Коломнѣ священникъ Михайль-Митяй, человекъ необы- енно видной, красивой наружности, грамотный, съ рѣчью ою и чистою, голосомъ громкимъ и пріятнымъ, превосхо- , всѣхъ умѣншемъ толковать силу книжную; память имѣлъ ыкновенную, зналъ всѣ старинныя повѣсти, книги и прит- во всякихъ дѣлахъ и судахъ разсуждалъ краснорѣчиво и). Такія достоинства обратили на него вниманіе великаго я Димитрія, который и взялъ Митяя къ себѣ въ духовники рчатники. Митяй годъ отъ году пріобрѣталъ все болѣе ы и значенія: никто, по словамъ лѣтописца, не былъ въ й чести и славѣ, какъ Митяй; отъ великаго князя не было ни въ чемъ отказу, всѣ почитали его, какъ царя какого, то еще важнѣе, любили его всѣ.

ь Спасскомъ монастырѣ (внутри Кремля) очистилось ар- андричье мѣсто; великому князю и боярамъ непремѣнно ьлось, чтобъ на этомъ мѣстѣ былъ Митяй; но самъ Митяй ьотѣлъ; великій князь сталъ его уговаривать: «Видишь: ксій митрополитъ уже старъ, и ты будешь послѣ него ьополитомъ всея Руси; постригись только теперь въ монахи, ьдешь архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ и моимъ ьмъ духовнымъ, по-прежнему.» Митяй согласился; до обѣда ьригли его въ монахи, а послѣ обѣда назначили архимандри- ь. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтобъ ьгословилъ Митяя себѣ въ преемники; но св. Алексій не ьащался на это: «Митяй еще недавно въ монахахъ, гово- ь онъ: надобно ему еще поискуситься, облечься благими

дѣлами и нравами.» Великій князь долго его упрасивалъ. самъ приходилъ къ нему, то посылалъ брата двоюроднаго Владиміра Андреевича, то бояръ — все напрасно: «Кому да Господь Богъ, Пречистая Богородица, патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословлю,» — былъ отъ него отвѣтъ. Не смотря на то, когда св. Алексій преставился, Митяй пошелъ на митрополичій дворъ, сталъ ходить въ митрополичьи одѣяніи и началъ обращаться съ духовенствомъ и властными какъ митрополитъ. Сперва онъ собирався ѣхать въ Константинополь на поставленіе къ патріарху, но потомъ раздумавъ, началъ говорить великому князю: «Въ правилахъ писано, два или три епископа поставляютъ епископа; такъ пусть теперь сойдутся епископы Русскіе, пять или шесть, и поставятъ меня въ митрополиты.» Великій князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но, что случилось въ вѣкъ при поставленіи митрополита Клима однимъ соборомъ Русскихъ епископовъ, тоже самое случилось и теперь: изъ тогда Нифонтъ Новгородскій возсталъ противъ неправильнаго по его мнѣнію, поставленія Климова, такъ теперь противъ поставленія Митяева вооружился Діонисій, епископъ Суздальскій. Сопротивленіе Діонисія заставило Митяя опять думать о путешествіи въ Царьградъ; туда же началъ собираться и Діонисій, желая самъ получить митрополию. Узнавши объ этомъ Митяй сталъ совѣтовать великому князю удержать Діонисія, который можетъ помѣшать ему въ Константинополѣ, и великій князь велѣлъ держать Суздальскаго епископа подъ крѣпкою стражею. Діонисій, чтобъ избавиться изъ заключенія, далъ великому князю обѣщаніе не ѣздить въ Царьградъ безъ позволенія, и поставилъ поручителемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, но не сдержалъ слова: изъ Суздаля поѣхалъ въ Нижній, отсюда Волгою въ Сарай, а изъ Сарая въ Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобожденіе Діонисія; ему казалось, что св. Алексій не хотѣлъ благословить его, Митяя, по совѣту преподобнаго Сергія, который теперь дѣйствуетъ противъ него заодно съ Діонисіемъ; к

онъ узналъ о бѣгствѣ Діонисія въ Константинополь, то одованіе его достигло высшей степени, и св. Сергій говоритъ: «Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не пуститъ Митяю исполнить свою угрозу — раззорить мѣсто святое и изгнать насъ безъ вины.»

Юступокъ Діонисія долженъ былъ ускорить поѣздку Митяя Константинополь, и онъ отправился наконецъ съ уполномочіемъ отъ великаго князя дѣйствовать какъ заблагоразсудитъ, и три по обстоятельствамъ, для чего взялъ съ собою прозачья бѣлыя хартіи съ привѣщенной къ нимъ великокняжескою печатью, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было написать на нихъ кабалу (вексель): Дмитрій позволилъ ему занять тысячу рублей серебра и даже больше на великокняжеское имя. Митяй отправился въ сопровожденіи трехъ архимандритовъ и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, также большаго сына великокняжескаго, Юрія Кочевина, и митрополичьихъ сыновъ. Въ степи Митяй былъ захваченъ Мамаемъ, но не на долго задержанъ; перецѣлыто было уже благополучно и Черное море, какъ вдругъ, въ виду Константинополя, Митяй разболѣлся и умеръ. Между провожавшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятеніе: одни хотѣли поставить митрополиты Іоанна, архимандрита Петровскаго, изъ Москвы, и другие Пимена, архимандрита Горицкаго, изъ Переяславля; но бояре, хотѣвшіе Пимена, пересилили, и едва не утѣрили Іоанна, который не соглашался съ ними. На одной бѣлой хартіи написали отъ имени великаго князя грамоту къ императору и патриарху съ просьбою о постановленіи Пимена въ митрополиты. Сперва дѣло пошло было дурно: императоръ и патриархъ отвѣчали, что уже давно посвященъ и управленъ въ Россію митрополитъ Кипріанъ, и другаго не смѣетъ ставить; тогда Русскіе заняли у Итальянскихъ и другихъ купцевъ денегъ въ ростъ, написавши кабалу на другой бѣлой хартіи, роздали повсюду богатые подарки и долги своей цѣли въ Константинополь; но не достигли ея въ Константинополь. Когда сюда пришла вѣсть, что Митяй умеръ на морѣ,

и вмѣсто его поставлень Пимень, и когда въ то же время, обыкновенно бываетъ, стали носиться слухи, что Митрій ушелъ не своею смертію, то, сильно опечаленный, великій князь сказалъ: «Я не посылалъ Пимена въ митрополиты, послалъ его какъ слугу при Митяѣ; что сдѣлалось съ Митяемъ, я не знаю, одинъ Богъ знаетъ, одинъ Богъ и судить, только Пимень не приму и видѣть его не хочу.» Еще Пимень медля въ Константинополѣ, какъ великій князь отправилъ духовника своего въ Кіевъ, звать на митрополичій столъ Кипріана, и Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву; когда же узнали о приходѣ Пимена, остановили его въ Коломнѣ, сняли бѣлый клобукъ, и отправили въ заточеніе.

Но Кипріанъ не долго на этотъ разъ пробылъ въ Москвѣ, и Пимень не долго дожидался своей очереди; какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ князей, предъявляющихъ права свои старшинство, давало возможность выбора между ними: теперь присутствіе двухъ митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ выборъ и между ними. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Тверь; отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь медленно послѣ Тохтамышева отступленія отправился въ Орду искать ярлыка, или, наконецъ, какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія великаго князя Дмитрія къ Кипріану, — только встрѣчаемъ извѣстіе, что Дмитрій не захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сѣлъ на свое митрополичье мѣсто, и принявъ былъ отъ всѣхъ съ честію и радостію, и сталъ здѣсь, управляя, по обычаю, дѣлами церковными, а въ Москвѣ былъ вызванъ изъ заточенія Пимень, который былъ также вселенъ здѣсь съ честію, и вступилъ въ церковное управленіе. Такимъ образомъ опять для юга и сѣвера, для Кіева и Москвы явились два отдѣльныхъ митрополита; этого мало: въ Кіевѣ явился изъ Византіи еще третій митрополитъ, извѣстный у насъ епископъ Суздальскій Діонисій; но Кіевскій князь Вла-

іръ Олгердовичъ велѣлъ схватить Діонисія и посадить въ ячюченіе, гдѣ этотъ соперникъ Митяевъ и умеръ черезъ годъ; сколько лѣтъ спустя умеръ и Пименъ въ Халкидонѣ, на огнѣ въ Константинополь. Смерть Пимена соединяла снова юскую церковь подъ однимъ митрополитомъ — Кипріаномъ, котораго не было болѣе препятствій и въ Москвѣ: здѣсь юской умеръ, и сынъ его Василій встрѣтилъ съ честью кіріана.

Угласіе Московскаго князя съ митрополитомъ не прерывалось послѣ этого ни разу: мы видѣли, какъ оба они дружно дѣйствовали въ дѣлахъ Новгородскихъ. Союзъ Василя Димитвича съ тестемъ, Витовтомъ Литовскимъ, удерживалъ и церковную связь между Русью Литовскою и Московскою: такъ, когда Московскій князь ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ, то въ то же время ѣздилъ туда и митрополитъ Кипріанъ, который изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, и жилъ тамъ нѣсколько года; потомъ, подъ 1404 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о новой поѣздкѣ Кипріана въ Литву къ Витовту и въ Кіевъ: Витовта и отъ Ягайла получилъ онъ большую честь и много даровъ, большую честь видѣлъ отъ всѣхъ князей, папъ и отъ всей земли; въ Кіевѣ онъ велѣлъ схватить намѣстника своего, архимандрита Тимофея, и слугъ своихъ тамошнихъ, и отвезти ихъ въ Москву; въ это же путешествіе Кипріанъ долженъ былъ снятъ санъ съ Антонія, епископа Туровскаго, по настоянію Витовта, предъ которымъ Антоній былъ неветанъ въ сношеніяхъ съ Татарами; главною же причиною зависти Литовскихъ властей къ Антонію полагають ревность его епископа къ православію.

Но вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ разрывъ между князьями Московскимъ и Литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожидъ до этого событія. Когда по его смерти Московскій великій князь, не имѣя своего избранника, послалъ въ Константинополь съ просьбою выдать оттуда митрополита на Русь, Витовтъ отправилъ туда Полоцкаго епископа Феодосія; Литовскій князь просилъ

императора и патриарха: «Поставьте Θεодосіа намъ въ митрополиты, чтобъ сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь Божію по-прежнему, какъ намъ потому что, по волѣ Божіей, мы обладаемъ тѣмъ городомъ Кіевомъ⁴⁹⁴.» Но въ Константинополѣ не исполнили желанія Витовтова, а прислали на всероссійскую митрополію Ферадонъ Грека, изъ Мореи. Нѣтъ основанія думать, чтобы Витовтъ, желая поставленія Θεодосіа Полоцкаго въ митрополиты, имѣлъ въ виду именно раздѣленіе митрополіи, чтобъ хотѣлъ поставленія особаго митрополита въ Литву⁴⁹⁵: хотѣлъ только, чтобъ митрополитъ всероссійскій жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ, въ областяхъ Литовскихъ, и былъ бы такъ образомъ его митрополитомъ, хотѣлъ перезвать митрополитомъ изъ враждебной Москвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ угодовалъ съ своимъ избранникомъ, Θεодосіемъ; положеніе Витовтова было совершенно иное, чѣмъ положеніе Олгерда: послѣдній, желаясь патриарху на митрополита Алексія, поборовшаго за Москвою, не смѣлъ думать, чтобъ патриархъ, по этой жалобѣ, снялъ санъ съ Алексія, и чтобъ въ Москвѣ согласились на это, а потомъ и просилъ для Литвы особаго митрополита; тогда какъ тогда общаго для юга и сѣвера митрополита не стало, и Витовтъ смѣшилъ предложить въ этотъ санъ своего избранника, который бы, по старинѣ, остался жить въ Кіевѣ. Почему въ Константинополѣ не посвятили Θεодосіа, неизвѣстно; очень вероятно, что не хотѣли, въ угоду князю иновѣрному, сдѣлать неприятность государю Московскому, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1398 году, отправилъ къ императору Мануилу богатое денежное вспоможеніе; о тогдашнихъ дружескихъ сношеніяхъ между Московскимъ и Константинопольскимъ митрополитами можно судить потому, что въ 1414 году Мануилъ женился сына своего Іоанна на дочери Василя Дмитріевича, Авраамія, если Московскій князь оказывалъ такую учтивость, предостерегая императора и патриарха, по старинѣ, выборъ митрополита то странно было бы на эту учтивость отвѣтить поставленіемъ чуждаго человѣка, присланнаго княземъ, враждебнымъ Москвѣ; наконецъ

ь можетъ быть, что Фотій былъ посвященъ прежде при-
 Феодосіева ⁴⁹⁶. Какъ бы то ни было, когда Фотій пріѣхалъ
 Кіевъ, то Витовтъ сначала не хотѣлъ-было принимать его,
 ютомъ принялъ, взявши съ него обѣщаніе жить въ Кіевѣ.
 Фотій, пробывши въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ, отпра-
 я въ Москву и занялся здѣсь устройствомъ хозяйствен-
 ь дѣлъ митрополіи. «Послѣ Татаръ, говоритъ лѣтописецъ ⁴⁹⁷,
 слѣ частыхъ моровыхъ повѣтрій, начало умножаться на-
 население въ Русской землѣ, послѣ чего и Фотій митро-
 ить сталъ обновлять владѣнія и доходы церковные, оты-
 ать, что гдѣ пропало, что забрано князьями, боярами или
 имъ кѣмъ-нибудь — доходы, пошрины, земли, воды, селя
 мости; иное что и присовокупилъ ⁴⁹⁸.» Эти отысканія
 аченнаго у церкви вооружили противъ Фотія сильныхъ
 ий, которые стали наговаривать на него великому князю
 ялію Дмитріевичу, и успѣли поссорить послѣдняго съ ми-
 юлитомъ. Фотій писалъ сначала великому князю, прося
 рдить грамотою принесенное въ даръ церкви и устроить
 ея пошрины; потомъ, въ другомъ посланіи, просилъ ве-
 го князя не уничтожать церкви, обратиться къ ней съ ра-
 ніемъ, возстановить ея права, возвратить данное и утвер-
 шное прародителями ⁴⁹⁹.

ѣмъ кончились непріятности Фотія съ Московскимъ княземъ,
 вѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что клеветники, быв-
 въ числѣ людей, близкихъ къ митрополиту, принуждены были
 гть отъ него изъ Москвы къ Черниговскому владыкѣ, и
 да въ Литву къ Витовту; это извѣстіе можетъ показывать
 , что Василій Дмитріевичъ взялъ наконецъ сторону ми-
 юлита, почему клеветники и принуждены были бѣжать изъ
 квы ⁵⁰⁰. Но они бѣжали къ Витовту, сердитому уже на Фо-
 а предпочтеніе Москвы Кіеву; теперь враги Фотія стали
 нать Литовскому князю, что митрополитъ переноситъ изъ
 в въ Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошить
 ь и весь югъ тяжкими пошринами и данями. Эти обвине-
 были для Витовта желаннымъ предлогомъ покончить дѣло

съ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и поставитъ се въ Кіевъ; онъ собралъ подручныхъ себѣ князей Русскихъ рѣшилъ съ ними свергнуть Фотія со стола Кіевской митрополіи, послѣ чего послали въ Константинополь съ жалобою на Фотія, и съ просьбою поставить на Кіевъ особаго митрополита Григорія Цамблака, родомъ Булгара. Но тѣ же самыя причины препятствовавшія прежде исполнить желаніе Витовтово, существовали и теперь въ Константинополѣ: по-прежнему существовала тѣсная связь съ единовѣрнымъ дворомъ Московскимъ, уже скрѣпленная родственными союзами; по-прежнему здѣсь не любили чужихъ избранниковъ и, при бѣдственномъ состояніи имперіи, надѣялись получить большую помощь отъ своего Фотія, чѣмъ отъ Витовтова Григорія, Болгара. Просьба Литовскаго князя была отвергнута. Тогда Витовтъ приписывая этотъ отвѣтъ корыстолюбію Константинопольскаго двора и патріарха, которые хотятъ ставить своего митрополита по накупу, кто имъ больше дастъ и будетъ въ ихъ волѣ, велѣлъ отсылать къ нимъ Русскія деньги, — созвалъ владимирскихъ архимандритовъ, и объявилъ имъ о необходимости поставить своего митрополита. «Жаль мнѣ смотрѣть на все это, говорилъ Витовтъ; чужіе люди стануть толковать: «вотъ государь и той вѣрѣ, такъ и церковь оскудѣла;» такъ чтобъ этихъ церквей не было, а дѣло явное, что все нестроеніе и запущеніе церкви отъ митрополита, а не отъ меня.» Епископы отвѣтили: «Мы и сами не въ первый разъ слышимъ и видимъ, что церковь скудѣетъ, а императоръ и патріархъ строителя денегъ къ нашей церкви не даютъ.» Но по другимъ известіямъ епископы, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые, только по принужденію рѣшились разорвать связь съ Фотіемъ, и потомъ, изъ той Витовтой грамоты видно, что разрывая съ Фотіемъ, они хотѣли разрывать съ Константинополемъ, и подумавъ, отвѣтилъ своему князю: «Пошлемъ еще разъ въ Царьградъ, къ императору и патріарху.» Витовтъ отправилъ пословъ въ Константинополь въ Мартъ Мѣсяцъ 1415 года, съ угрозою, что тамъ не исполнять его желаніе, то въ Кіевѣ будетъ поставленъ

рополитъ своими Русскими епископами; срокъ посламъ назначенъ былъ Ильинъ день, послѣдній срокъ — Успеніе; но потомъ императорскій и патриаршій послы, возвращавшіеся изъ Москвы въ Литовскія владѣнія, упросили отложить до Филиппова . Но когда и этотъ срокъ прошелъ, то Григорій и былъ ященъ соборомъ Русскихъ епископовъ. Фотій, узнавши о мыслахъ Витовтовыхъ, поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, въ тамъ помириться съ Литовскимъ княземъ, если же это удастся, ѣхать въ Царьградъ и тамъ препятствовать исполненію намѣренія Витовтова; но на границахъ Литовскихъ владѣній митрополитъ былъ схваченъ, ограбленъ и принужденъ вернуться въ Москву.

Чтобъ оправдать свой поступокъ, южно-Русскіе епископы равняли къ Фотию посланіе, въ которомъ вообще упрекаютъ въ какихъ-то неправильныхъ поступкахъ, замѣченныхъ ими самомъ началѣ его управленія, потомъ упоминаютъ о какой-то важной винѣ, признать которую предоставляютъ соборной совѣсти Фотія, сами же объявить ее не хотятъ, не боясь опозорить его ⁵⁰². Въ соборной грамотѣ объ избраніи и ященіи Григорія, написанной отъ имени 8 епископовъ ⁵⁰³, говорится, что епископы, видя церковь Кіевскую въ пренебреженіи отъ митрополита, который, собирая доходы съ нея, отводитъ ихъ въ другое мѣсто, гдѣ живетъ, — по совѣту великаго князя, всѣхъ другихъ князей, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ, поставили въ митрополиты Григорія, руководствуясь уставомъ апостольскимъ, и примѣромъ Русскихъ епископовъ, которые, при великомъ князѣ Изяславѣ, сами поставили митрополита Климъ, примѣромъ единоплеменныхъ Болгаръ и Сербовъ. «Этимъ гупкомъ, говорятъ епископы, мы не отдѣляемся отъ восточной церкви, продолжаемъ почитать патриарховъ восточныхъ, митрополитовъ и епископовъ отцами и братьями, согласно съ нами держимъ исповѣданіе вѣры, хотимъ избѣгать только нападѣній и вмѣшательства мірскаго челоуѣка, симоніи и тѣхъ беззаконій, которые происходили недавно, когда Кипріянь, Писидійскій, епископъ, былъ избранъ въ константинопольскій митрополитъ». *Исторія Россіи. Т. IV.*

менъ и Діонисій спорили о митрополіи.» — Епископы хотѣли избѣжать симоніи, въ которой упрекають Константиновскій дворъ; но въ 1398 году Луцкій епископъ Іоаннъ озадакъ дасть королю Ягайлу двѣсти гривенъ и тридцать копѣекъ, если тотъ поможетъ ему получить Галицкую митрополію.⁵⁰⁵ Витовтъ, съ своей стороны, выдалъ окружную грамоту о поставленіи Григорія⁵⁰⁵, въ которой выставляеть тѣже самыя причины событія, и описавши подробно ходъ дѣла, заключаетъ такъ: «Пишемъ вамъ, чтобъ вы знали и вѣдали, какъ дѣло было. Кто хочеть по старинѣ держаться подѣ властію митрополита Кіевскаго — хорошо, а кто не хочеть, то какъ хочеть, знайте одно: мы не вашей вѣры, и еслибъ мы хотѣли, чтобъ въ нашихъ владѣніяхъ вѣра ваша истреблялась и церкви не стояли безъ устройства, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но когда митрополита нѣтъ, или епископъ который иррегуляръ, то мы бы намѣстника своего держали, а доходъ и церковный, митрополитій и епископскій, себѣ бы брали. Но желая, чтобъ ваша вѣра не истреблялась, и церкви бы ширше было бы строеніе, поставили соборомъ митрополита Кіевскую митрополію, чтобъ Русская честь вся стояла на своей землѣ.»

Фотій, съ своей стороны, издалъ также окружное посланіе къ православному южно-Русскому народонаселенію⁵⁰⁶. Не упоминая о Витовтѣ, митрополитъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицаеть поступокъ Григорія Цамблака и епископовъ его поставившихъ. Изъ посланія узнаемъ, что Григорій ѣздилъ сперва въ Константинополь на поставленіе, но былъ тамъ лишенъ священническаго сана патриархомъ Евоніемъ и едва спасся бѣгствомъ отъ казни. Этотъ случай Фотій приводитъ въ доказательство безкорыстія Константинопольскаго двора, и какъ самъ Григорій, такъ и прежде его Θεодосій Полоцкий общали много золота и серебра за свое поставленіе, но не получили желаемого. Фотій требуетъ отъ православныхъ, чтобъ они не сообщались съ епископами, замыслившими раздѣлить митрополіи.

Цамблакъ, славившійся между современниками краснорѣчіемъ, остался вѣренъ правилу, выраженному въ посланіи поившихъ его епископовъ, т. е. остался вѣренъ православію. Въ нашихъ лѣтописяхъ⁵⁰⁷ сохранилось извѣстіе, будто онъ задалъ вопросъ Витовту: зачѣмъ тотъ не въ правобудіи? и будто бы Витовтъ отвѣчалъ, что если Григорій поѣдетъ въ Римъ и оспоритъ тамъ папу и всѣхъ мудрецовъ, то онъ со всѣми своими подданными обратится въ православіе. Это извѣстіе можетъ указывать только на побужденія, которыя заставили Григорія отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ вѣтовымъ на Констанцскій соборъ. Литовское посольство было въ Констанць уже къ концу засѣданій собора, на который оно явилось 18 Февраля 1418 года вмѣстѣ съ попомъ Греческаго императора Мануила, имѣвшими порученіе вести переговоры съ папою о соединеніи церквей. Посольство польское и Литовское были приняты торжественно, получили позволеніе отправлять богослуженіе по своему обряду, но уѣхали не съ чѣмъ, потому что соборъ разошелся, не начавши совѣщаній о соединеніи церквей⁵⁰⁸. Григорій жилъ недолго по возращеніи изъ Констанца; онъ умеръ въ 1419 году. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ, и все вниманіе было поглощено отношеніями Польскими; вотъ почему, по смерти Цамблака, онъ не старался объ избраніи особаго митрополита для Кіева, и Фотій снова получилъ въ управленіе церковь южно-Русскую. Извѣщая объ этомъ событіи правителей, онъ пишетъ: » Христось, устроющій всю вселенную, снова древннхъ благолѣпнхъ и широмъ свою церковь расилъ, и смиреніе мое въ церковь свою ввелъ, совѣтовавъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)⁵⁰⁹.» Въ 1421 году мы видимъ Фотія на югозападѣ, въ Волѣ, Владимирѣ, Вильнѣ; а въ 1430 году онъ былъ въ окрѣгахъ и въ Вильнѣ у Витовта вмѣстѣ съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, при чемъ Литовскій князь оказалъ большую честь митрополиту; такую же честь оказалъ ему и преемникъ Витовта, Свидригайло.

Мы видѣли, какимъ важнымъ шагомъ ознаменовалъ свою политическую дѣятельность Фотій на сѣверѣ, въ Москвѣ, явивши себя торжественно на сторонѣ племянника протѣи; при жизни Фотія открытой вражды не было, и Юрїй признавалъ старшинство племянника, но тотчасъ по смерти митрополита князь снова заспорилъ и стали собираться Орду⁵¹⁰. Усобицы между Василиемъ и Юрїемъ происходили тогда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностью можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы имъ характеръ событіямъ, ибо мы видѣли, какъ митрополитъ Іоаннъ сильно дѣйствовалъ въ пользу Василя Темнаго; мы видѣли, какъ побѣжденные князь требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву въ то время, когда тамъ не будетъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности.

Московскія смуты долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ Рязанскій епископъ Іона, первый митрополитъ, не только Русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ сѣверной Руси, именно изъ Солигалицкой области⁵¹¹. Но когда медлили въ Москвѣ, спѣшили въ Литвѣ, прежде чѣмъ Іона успѣлъ собраться ѣхать въ Константинополь, оттуда уже явился митрополитъ, Смоленскій епископъ Герасимъ, который остановился въ Смоленскѣ, пережидая здѣсь, пока въ Москвѣ прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ, митрополитъ былъ схваченъ имъ и сожженъ. На этотъ разъ Іона отправился въ Константинополь, но онъ былъ предупрежденъ: здѣсь уже поставили Исидора, посланнаго Русскаго митрополита изъ Грековъ и поставленнаго въ Греціи, потому что Флорентійскій соборъ, смуты и паденіе Византіи должны были повести необходимо къ независимости Русской митрополіи отъ Константинопольскаго патріарха.

Исидоръ, прїѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италиі для соединенія церквей. Самое уже начало собора, въ странѣ неправославной, должно было возбуждѣть

дозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю не хотѣлось, чтобъ Исидоръ вѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: «Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ изродителя нашего Владиміра, а новаго, чужаго не приноси, ни же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примемъ.» Исидоръ обѣщался крѣпко стоять въ православіи, но когда на дорогѣ православные спутники стали замѣчать въ немъ склонность къ латинству: такъ въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), когда Русское народонаселеніе города вышло къ нему на встрѣчу съ священниками и крестами, и въ то же время вышли на встрѣчу и мѣщане съ своими крестами, то онъ подошелъ сначала къ поповцамъ. На соборѣ Исидоръ принялъ соединеніе: между другими побужденіями, Исидоръ могъ имѣть въ виду и большія удобства къ поддержанію единства митрополіи, большія удобства къ положенію Русскаго митрополита, когда князья — Московскій и Литовскій не будутъ разниться въ вѣрѣ. Но въ Москвѣ не хотѣли имѣть въ виду ничего, кромѣ поддержанія древняго благочестія, и когда Исидоръ, возвратясь въ Москву, принесъ новое и чужое, когда началъ называться легатомъ папскимъ, и велѣлъ носить предъ собою крестъ Латинскій и три иконы серебряныя, когда на литургіи велѣлъ поминать папу вместо патріарховъ вселенскихъ, а послѣ литургіи велѣлъ на вонѣ читать грамоту о соединеніи церквей, когда услышали, что Святой Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасной можетъ одинаково претворяться въ Тѣло Христово, и прочія новизны, — то великій князь назвалъ Исидора латинскимъ ереснымъ прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополичьяго двора и посадить въ Чудовъ монастырь подъ стражу, а самъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, и велѣлъ имъ рассмотреть дѣло. Тамъ нашли, что это папско дѣло, несогласное съ божественными правилами и преданіями; а между тѣмъ Исидоръ успѣлъ бѣжать изъ заключенія. Великій князь не велѣлъ догонять его.

Флорентійскій соборъ заставилъ наконецъ рѣшиться на то,

что хотѣлъ сдѣлать Митѣй на сѣверѣ, что сдѣлали потомъ югѣ епископы, поставившіе Цамблака. Великій князь отправилъ въ Константинополь грамоту къ патриарху⁵¹³: «Промлю услишкомъ 450 лѣтъ, пишетъ Василій, какъ Россія держитъ древнее благочестіе, принятое отъ Византіи при св. Владимирѣ. По смерти митрополита Фотія, мы понудили идти къ вамъ епископа Рязанскаго Іону, мужа духовнаго, отъ младенчества живущаго въ добродѣтельномъ житіи; но не знаемъ, почему вы нашего прошенія не приняли, грамотамъ и послушанію не вняли, и вмѣсто Іоны прислали Исидора, за котораго мы не послали, котораго не просили и не требовали; молю ператорскаго посла, благословеніе патриарха, сокрушеніе, рыданіе, кореніе, челобитье самого Исидора, едва едва могли заставить насъ принять его. Намъ тогда и въ мысль не приходило, что со временемъ отъ него станется! Онъ принесъ намъ новизны, пріѣхалъ легатомъ, съ латински-извѣяннымъ рясениемъ, и злочестиво двоеженствовалъ, называя себя учителемъ и настоятелемъ двухъ церквей, православной и латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всѣмъ Исидорово поведеніе показалось чуждымъ, страннымъ и противозаконнымъ. Въ слѣдствіе всего этого просимъ твое святѣйшее владычество послать къ намъ честнѣйшую твою грамоту, чтобы наши епископы могли избирать и поставять митрополита въ Русь, тому что и прежде, по нуждѣ, такъ бывало; а теперь у насъ шествіе безбожныхъ Агарянъ, въ окрестныхъ странахъ неурядица и мятежи; притомъ же намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, а когда митрополитъ Греческій то мы должны разговаривать съ нимъ черезъ переводчиковъ людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде дѣланныхъ будутъ знать важныя тайны.»

Эта грамота не достигла Константинополя: въ Москву привѣсть, будто императоръ Греческій принялъ латинство и переселился въ Римъ; тогда великій князь велѣлъ возвратитъ слово съ дороги⁵¹⁴. Скоро послѣ того въ Москвѣ началъ новыя бѣдствія и смуты: планъ великаго князя Василя, слѣд-

Татарь, потомъ у Шемяки, не далъ возможности думать о ставленіи митрополита, и здѣсь мы должны также замѣтить, что это обстоятельство — отсутствіе митрополита — имѣло важное вліяніе на ходъ событій: едва ли Шемяка и Можайскій могли привести въ исполненіе свой замыселъ при митрополитѣ. Когда Василій утвердился опять на столѣ великокняжескомъ, успѣли поставленіемъ митрополита: поставленъ былъ римскими епископами давно нареченный на митрополию Іона Рязанскій, уже успѣвшій оказать важныя услуги великому князю его семейству.

Услуги, оказанныя Іоною Московскому правительству послѣ ставленія его въ митрополиты, мы видѣли прежде, въ своей мѣстѣ, здѣсь же должны обратить вниманіе на отношенія Византіи и Литовской Руси. Послѣ Іонина поставленія великій князь отправилъ къ императору Константину Палеологу грамоту⁵¹⁵, въ которой писалъ: «Послѣ кончины Фотія митрополита, мы, посовѣтовавшись съ своею матерью, великою князьею, и съ нашею братьею, Русскими князьями, великими и мѣстными, также и съ государемъ Литовской земли, съ святыми отцами и со всѣмъ духовенствомъ, съ боярами и со всею землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избрали и отправили съ нашимъ посломъ Рязанскаго епископа Іону къ вамъ въ Константинополь для поставленія; но прежде чѣмъ прихода туда императоръ и патріархъ поставили на Кіевъ, всю Русь, митрополитомъ Исидора, Іонъ же сказали: «ступай на свой столъ — Рязанскую епископію; если же Исидоръ умретъ или что-нибудь другое съ нимъ случится, то ты будь провозглашенъ на митрополичій престолъ всея Руси.» Какъ какъ въ вашихъ благословенныхъ державахъ произошло расколъ въ церкви Божіей, путешественники въ Константинополь претерпѣваютъ на дорогѣ всякаго рода затрудненія, въ нашихъ странахъ неустройство всякое, наше шествіе безбожныхъ Агарянъ, междоусобныя войны, мы сами не отъ чужихъ, а отъ братьевъ своихъ претерпѣли страшное бѣдствіе, — то мы такой великой нуждѣ, собравши своихъ Русскихъ святы-

телей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомяну Іону на митрополию Русскую, на Кіевъ и на всю Русь. поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или злости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданной православіи; наша церковь всегда будетъ искать благословія церкви Цареградской и во всемъ по древнему благочестію повиноваться; и отецъ нашъ, Іона митрополитъ, также и ситъ благословія и соединенія, кромѣ нынѣшнихъ новыхъ разногласій, и молимъ твое святое царство, будь благосклонъ къ отцу нашему Іонѣ митрополиту. Мы хотѣли обо всѣхъ эпдѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху православному, требовать его благословія и молитвы: но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ, и нѣтъ? Если же, Богъ дастъ, будетъ у васъ патріархъ древнему благочестію, то мы будемъ извѣщать его о всѣхъ нашихъ положеніяхъ и просить благословія.» Въ 1453 г. Константинополь былъ взятъ Турками: въ Москвѣ узнавъ о этомъ событіи отъ бѣжавшаго изъ плѣна Грека Димитрія митрополитъ Іона окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ православныхъ о паденіи Константинограда, о страшныхъ бѣдствіяхъ Грекаго народа, и просилъ помочь означенному Димитрію выпитъ семейство изъ Турецкаго плѣна⁵¹⁶. Къ патріарху Гемдію Іона писалъ, что просить его благословія и послать дары, какіе нашлись у него: «Не погнѣвайся, пришеть Іона за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля отъ поганства и междоусобныхъ войнъ очень истощилась. И покажи къ намъ, господинъ, духовную любовь, пришли къ намъ сыну, великому князю, честную свою грамоту къ душевной пользѣ великому нашему православію; сколько у насъ было грамотъ отъ прежнихъ патріарховъ, мы всѣ ихъ держали за земскую честь, къ своей душевной пользѣ; но всѣ эти грамоты погибли отъ пожаровъ во время земскихъ нестроеній⁵¹⁷. Быть можетъ, грамота отъ патріарха нужна была въ Москвѣ какъ доказательство, что поставленіе Русскаго митрополита независимо отъ Константинополя, не уничтожило единенія

слѣднимъ, что тамъ не сердятся за эту переѣну отно-
еній.

Если Московскій князь и митрополитъ обязывались оста-
ться въ единеніи съ Византіею только подъ условіемъ, чтобъ
мъ сохранялось древнее благочестіе, если новизны Флорен-
тскаго собора, принесенныя Исидоромъ, нашли себѣ такой
льный отпоръ въ Москвѣ, и прежде всего со стороны са-
го правительства, то понятно, что иначе встрѣчена была
а новизна отъ католическихъ правителей Руси Литовской:
1443 году Польскій король Владиславъ Ягелловичъ далъ
лованную грамоту Русскому духовенству, въ которой объ-
лялъ, что церковь восточная — Греческая и Русская — при-
дены въ давно жданное соединеніе съ Римскою, въ слѣд-
віе чего Русское духовенство, терпѣвшее до сихъ поръ
которое утѣсненіе, какъ выражается король, жалуется всеми
ми правами и вольностями, которыми пользуется духовенство
толическое⁵¹⁸. Но Исидоръ, принужденный бѣжать изъ Мо-
вы, не остался нигдѣ на Руси; король Владиславъ въ слѣ-
ющемъ же 1444 году палъ подъ Варною; преемникъ его
азимиръ находился въ затруднительномъ положеніи между
ебованиями Польши и Литвы, что заставляло его прекратить
пріязнь съ Москвою, а миръ могъ быть всего скорѣе за-
юченъ подъ вліяніемъ митрополита Іоны: Литовскій князь,
мая мира съ Москвою, долженъ былъ для этого приобрѣсть
исположеніе Іоны подчиненіемъ ему церкви Литовско-Русской;
на съ своей стороны, долженъ былъ всеми силами стараться
миръ между Казимиромъ и Василиемъ, потому что только
дъ условіемъ этого мира могло сохраниться единство цер-
вное. Такъ мы видимъ, что когда, по заключеніи мира,
трѣтились вновь какія-то недоразумѣнія, то Казимиръ,
правляя своего посла въ Москву; приказалъ ему попросить
итрополита постараться, чтобъ миръ не былъ нарушенъ. Іона,
зывая себя общимъ богомольцемъ, отвѣчаетъ Казимиру,
о онъ говорилъ великому князю Василию о мирѣ съ благо-
ювеніемъ и мольбою и что Василій хочетъ съ королемъ

братства и любви. «Благодарю твое господство, пишетъ Іона за доброе расположеніе, и благословляю тебя на любовь братомъ твоимъ, великимъ княземъ Васиіемъ Васильевичемъ, который желаетъ того же; я же, вашъ общій богомолецъ, своему святительскому долгу, радъ Бога молить и стараться о мирѣ между вами; за великое ваше жалованье и пошлю благодарю и благословляю⁵¹⁹.» Мы знаемъ, въ чемъ состояло это великое жалованье, за которое Іона благодарилъ Казимира: послѣдній обѣщалъ возстановить единство Русской церкви и старинъ и прислать Іонѣ рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Польши въ Литву⁵²⁰. Король сдержалъ слово, подчинилъ югозападную Русскую церковь Іонѣ⁵²¹, которую видимъ въ Литвѣ въ 1451 году⁵²².

Но опасныя слѣдствія Флорентійскаго собора не могли ограничиться для югозападной Руси одною попыткою Исидора: насъ не любили отказываться отъ того, что разъ какимъ бы то ни было образомъ попадало въ ихъ руки, а Литовскій князь, хотя и толику, не могъ препятствовать намѣреніямъ главы католическаго цизма. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ Константинопольскій патриархъ, Григорій Мамма, поставилъ Григорія, ученика Исидорова, въ митрополиты на Русь. Въ Москву дали знать объ этомъ немедленно, и еще до прихода Григорія въ Литву великій князь Василій послалъ сказать королю Казимиру, что тотъ не принималъ митрополита изъ Рима, на общаго отъ Іону, не вводилъ новизны, не нарушалъ старины: «Старина же наша (писалъ Василій), которая ведется со времени прапродителя нашего Владиміра, крестившаго Русскую землю, состоитъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежитъ всегда нашимъ прапродителямъ, великимъ князьямъ Русскимъ, и теперь принадлежитъ намъ, а не великимъ князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на волю Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не бывать, такой митрополитъ не надобенъ; и ты, братъ, ни подъ какимъ видомъ не принимай его, если же примешь, то ты церковь Божию раздѣлишь, а не мы⁵²³.» Іона, не могшій самъ отправиться въ Литву и

чинѣ старости и болѣзней, отправилъ туда двухъ архимандритовъ съ посланіемъ къ православнымъ епископамъ, князьямъ, намъ и боярамъ, чтобъ стояли за православную вѣру твердо, тѣмъ древнее законоположеніе, установленное на седмиѣ соборахъ⁵²⁴. Въ Москвѣ созванъ былъ соборъ изъ владыкъ сѣверной Руси, рукоположенныхъ митрополитомъ Іоною: владыки ни здѣсь обѣщаніе — отъ святой церкви соборной Московской и отъ господина и отца своего Іоны митрополита всея Руси быть неотступными и повиноваться во всемъ ему и пренику его, кто будетъ поставленъ по избранію Св. Духа, правиламъ Апостоловъ и св. отцевъ, по повелѣнію господина великаго князя Василія Васильевича, Русскаго самозвѣща, въ соборной церкви Св. Богородицы, на Москвѣ, у юга св. Петра митрополита, Русскаго Чудотворца; къ самозвѣщанцу же Григорію, ученику Исидорову, отъ котораго произошло раздѣленіе Московской соборной церкви съ Кіевскою церковію, не приступать, грамотъ отъ него никакихъ не принимать, и совѣта съ нимъ ни о чемъ не имѣть⁵²⁵. Это обѣщаніе, обнародованное въ соборной грамотѣ, важно для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые указано на Москву, какъ на престольный городъ Руской митрополіи: владыки клянутся не отступать отъ Московской соборной церкви Св. Богородицы; до сихъ поръ митрополитъ назывался Кіевскимъ всея Руси, въ этой же грамотѣ онъ называется просто митрополитомъ всея Руси или Русскимъ; потомъ въ этой грамотѣ опредѣленъ и на будущее время образъ постановленія митрополита Русскаго: законный митрополитъ Русскій отнынѣ будетъ тотъ, который будетъ поставленъ, безъ всякаго отношенія къ Византіи, въ Москвѣ, по повелѣнію Московскаго князя. Владыки сѣверные, бывшіе на соборѣ — Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарайскій, Перисскій, отправили также грамоту къ Литовскимъ—Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому, — съ увѣщаніемъ не принимать митрополита отъ Латинъ⁵²⁶; Іона послалъ отъ своего имени кружное посланіе къ Литовскимъ епископамъ въ томъ же смыслѣ,

писалъ отдѣльно епископамъ—Черниговскому, Смоленскому и увѣщевая не принимать Григорія, въ случаѣ принужденія приглашалъ ихъ въ Москву, какъ въ безопасное убѣжище отъ Латинскихъ насилій; въ противномъ случаѣ грозилъ великою тѣснотой церковною; наконецъ писалъ и всему остальному православному народонаселенію Литовско-Русскихъ областей; обѣщавъ посѣтить свою Литовскую паству, какъ только получитъ облегченіе отъ болѣзни, увѣщевалъ не принимать Григорія, и слушать его ученія, которое подобно Македоніеву, страдалъ за православіе даже и до смерти, потому что такимъ страдальцамъ готовъ вѣнецъ мученическій⁵²⁸. Но всѣ эти усилія остались тщетными: Казимиръ не могъ не принять митрополита изъ Рима; онъ даже присылалъ уговаривать и великаго князя Василя признать Григорія общимъ митрополитомъ и той причинъ, что Іона уже устарѣлъ⁵²⁹. Московскій князь разумѣется, не согласился, и митрополія Русская раздѣлилась окончательно. Іона не долго пережилъ это печальное для него событіе: онъ умеръ въ 1461 году, назначивъ себѣ преемникомъ Θεодосія, архіепископа Ростовскаго, который и былъ поставленъ, по новому обычаю, въ Москвѣ, соборомъ съѣзжихъ Русскихъ владыкъ⁵³⁰.

Таковы были главныя явленія исторіи Русской церковной іерархіи въ описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбскій задумалъ дать северной Руси отдѣльное, самостоятельное существованіе и даже господство надъ южною Русью, — эта мысль осуществилась, когда обѣ половины Руси раздѣлились подъ двѣ равно могущественныя и враждебныя одна другой династіи: въ слѣдствіе этого раздѣленія раздѣлилась и митрополія, причемъ посредствующими явленіями, опять въ слѣдствіе явленій политическихъ, было образованіе отдѣльной Галицкой митрополіи и перенесеніе Кіевскаго митрополичьяго стола на сѣверъ. За переселеніе, бѣдствія Византіи, смуты, Флорентійскій соборъ, наконецъ паденіе имперіи высвободили Московскую митрополію изъ непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго

риархата. Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверо-восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться на счетъ единенія съ Римомъ; понятно, что рѣшительность Московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго чючестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви, — принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы точной Европы. Въ поведеніи Русскихъ митрополитовъ при ихъ этихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіе описаннаго періода, всего лучше можно замѣтить великое вліяніе Византійскихъ отношеній, характера восточной церкви. Митрополиты Русскіе не стараются гучить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти цествованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится Русскимъ Римомъ: митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ гущества гражданскаго; и на сѣверѣ не долго остаются во адмирѣ, который, будучи покинутъ сильнѣйшими князьями, бы имѣть для митрополитовъ значеніе Кіева, но переселится въ столичный городъ одного изъ сильнѣйшихъ князей, всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе. Борьбами, сопровождавшими утвержденіе, значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, него господства надъ князьями, за свою помощь не выговариваютъ себѣ особыхъ правъ, и для упроченія этихъ правъ стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются князя сильнѣйшаго, опаснѣйшаго для ихъ правъ, возбуждать соперниковъ, и усиливать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ дѣлывалось на западѣ; напротивъ стараются какъ можно рѣе усилить одного князя на счетъ всѣхъ другихъ, въ дствіе чего власть церковная и гражданская должны были

стать въ тѣже отношенія, въ какихъ онѣ были въ Византии все, слѣдовательно, показываетъ, откуда идетъ предание примѣръ.

Относительно опредѣленія отношеній власти митрополита ко власти великокняжеской, мы получаемъ извѣстія изъ грамоты, составленной по взаимному согласію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріяна; изъ этой грамоты видимъ, что всѣ лица, принадлежащія къ церкви, подчиняются суду митрополитъскому; если человекъ великокняжеской удари великому князю челомъ на игумена, священника или чернаго то судъ общій, т. е. судить великій князь вмѣстѣ съ митрополитомъ; если же митрополитъ будетъ въ отлучкѣ, то судитъ одинъ великій князь, а прибыткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; если кто ударитъ челомъ великому князю на митрополитъша намѣстника, десятинника или волостеля, то великій князь судитъ самъ. Въ случаѣ войны, когда самъ великій князь сядетъ на коня, тогда и митрополитъши бояре и слуги выступаютъ въ походъ подъ митрополитъшимъ воеводою, и подъ стягомъ великокняжескимъ; которые изъ бояръ и слуги не служили Алексію митрополиту, вступили въ митрополитъшу службу недавно (приказались ново), тѣ пойдутъ съ воеводою великокняжескимъ, смотря по мѣсту, гдѣ кто живетъ. Слуги великокняжескихъ и людей тяглыхъ, платящихъ дань въ великокняжескую казну (данныхъ людей), митрополитъ не имѣетъ права ставить въ священники или дьяконы, ибо этии нанесли ущербъ службѣ и казнѣ великокняжеской. Здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди того же званія. Но сынъ священника, хотя записанный въ службу великокняжескую, если захочетъ, можетъ быть поставленъ въ священники или въ дьяконы. Сынъ священника, который живетъ у отца, ѣстъ хлѣбъ отцовскій, принадлежитъ въ ведомству митрополитъскому, а который отдѣленъ, живетъ вмѣстѣ съ отцемъ, хлѣбъ ѣстъ свой, тотъ принадлежитъ великому князю⁵³¹. Изъ этой грамоты мы уже видимъ, что митрополита былъ свой дворъ, свои бояре и слуги, домъ ея

ивается дворцомъ. Встрѣчаемъ и въ лѣтописи извѣстія о рополичьихъ боярахъ⁵³², отрокахъ⁵³³: о Митяѣ говорится, бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда вѣтся, и тѣ и другіе шли передъ нимъ. Митрополитъ имѣлъ ихъ стольниковъ: такъ митрополитъ Кипріянь посылалъ его стольника Феодора Тимошеева звать Новгородскаго владѣу въ Москву⁵³⁴; имѣлъ своего печатника⁵³⁵, своего коняго⁵³⁶. Изъ этихъ придворныхъ слугъ своихъ митрополъ посылалъ для управленія волостями (въ волостели), для а церковнаго (въ десятичники), и проч. Мы видѣли, какое жое значеніе имѣлъ митрополитъ въ отношеніяхъ княжескихъ, и потому встрѣчаемъ подписи митрополичьи и печати грамотахъ княжескихъ, на договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, договорная Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Аневичемъ — первая, въ началѣ которой встрѣчаемъ слова: «По словенію отца нашего Олексѣя митрополита всея Руси.» — концъ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго читаемъ: «сю грамоту писалъ есмь себѣ душевную, и явилъ есмь ю своему Олексѣю митрополиту всея Руси, и отецъ мой Олексѣй митрополитъ всея Руси и печать свою привѣсилъ къ грамотѣ.» Печать митрополичья имѣетъ на одной сторонѣ браженіе Богородицы съ Младенцемъ Исусомъ, а на другой пись: «Божіею милостію печать (имя) митрополита всея Руси.» На духовномъ завѣщаніи Василія Дмитріевича встрѣчаемъ пись митрополита Фотія по-гречески; ту же подпись видимъ а договорной грамотѣ Василія Васильевича съ дядею Юріемъ. Съ 1450 года грамоты пишутся по благословенію митрополита Іоны и утверждаются его подписью: «Смиранный Іона, епископъ Кіевскій и всея Руси.» Такова же подпись и ютника Іонина, Феодосія.

Въ настоящихъ грамотахъ патріаршихъ новопоставленному митрополиту говорилось, что великій князь долженъ воздавать ю честь, показывать духовную любовь съ благоговѣніемъ и послушаніемъ и благимъ повиновеніемъ, равно какъ всѣ дру-

гіе Русскіе князья, сановники, духовенство и весь христіанскій народъ, и что митрополитъ долженъ во всемъ предъ своимъ ставить архіепископовъ, священниковъ, монаховъ, дьяконовъ, подьяконовъ и чтецовъ, освящать церкви и управленіе всѣми церковными дѣлами⁵³⁷. Избраніе епископовъ, какъ и производилось также, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ, такъ подѣ 1289 годовъ читаемъ въ лѣтописи, что великий князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, вмѣстѣ съ матерью своею послалъ игумена Андрея въ Кіевъ, къ митрополиту Магарию, и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь; этотъ Андрей былъ сынъ Литовскаго князя. Впрочемъ отъ конца описываемаго времени дошелъ до насъ уставъ какъ должно избирать епископа⁵³⁸; здѣсь говорится, что по случаю избранія митрополитъ созываетъ всѣхъ епископовъ, ему подчиненныхъ; тотъ изъ нихъ не могъ пріѣхать, присылалъ грамоту, будетъ согласенъ на рѣшеніе остальныхъ; собиравшіеся епископы избираютъ три лица, имена которыхъ въ запечатанномъ свиткѣ отсылаютъ митрополиту, и тотъ изъ троицы выбираетъ уже одного. Такой порядокъ дѣйствительно могъ быть введенъ въ концѣ описываемаго времени, когда значеніе области князей поникло. Избранный предъ посвященіемъ давалъ обѣдѣ исповѣдывать православіе, повиноваться митрополиту, не мѣшкать и не препятствовать въ своей епархіи сбору митрополичьихъ пошлинъ, не исполнять обязанностей своего званія въ чужихъ епархіяхъ, не пріѣзжать къ митрополиту безпрекословно по первому званію, не позволять въ своей епархіи православнымъ вступать въ браки, кумиться и брататься съ Армянами и Латинами; тотъ же новопоставляемый объявлялъ, что не далъ ничего за послѣднее, не обѣщался дать и не дастъ; запись эту онъ писалъ собственною рукою и подписывалъ⁵³⁹. Настольныя грамоты митрополичьи епископамъ писались по приведенному образцу, а настольной патріаршей митрополиту⁵⁴⁰. Архіепископы и епископы не могли называть митрополита братомъ, но только оцемъ; въ противномъ случаѣ подвергались выговору⁵⁴¹.

Митрополитъ имѣлъ право отлучать епископовъ отъ служебныхъ

1280 году митрополитъ Кириллъ, обозрѣвая подвѣдомствен-
 ному ему епархіи, пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ, что здѣш-
 ный епископъ Игнатій велѣлъ въ полночь выкинуть изъ собор-
 ной церкви тѣло князя Глѣба Васильковича и за-просто зако-
 пилъ его въ монастырѣ. Митрополитъ немедленно отлучилъ за
 епископа отъ службы, и простилъ его только по усерд-
 нымъ просьбамъ князя Димитрія Борисовича, при чемъ даль-
 кое наставленіе Игнатію: » Не возносятся, и недумай, что ты
 изъ грѣха, больше освобождай и прощай, чѣмъ запрещай и
 гучай. Плачь и кайся до самой смерти въ этой дерзости,
 гому что осудилъ ты прежде суда Божія уже мертвого че-
 лвѣка, а живаго боялся, дары отъ него принималъ, ѣлъ съ
 нимъ, пилъ и веселился, и когда было можно исправить его,
 исправлялъ, а теперъ уже мертваго хочешь исправить та-
 кимъ жестокииъ отлученіемъ. Если хочешь помочь ему на томъ
 свѣтѣ, то помогай милостынями и молитвами ⁵⁴². » Митропо-
 литъ Петръ снялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила ⁵⁴³;
 митрополитъ Теофноность отлучилъ и потомъ простилъ Суздаль-
 ского епископа Данила ⁵⁴⁴. Князь, недовольный своимъ епи-
 скопомъ, ѣздилъ жаловаться на него митрополиту ⁵⁴⁵. Твер-
 ской епископъ Евѣимій возбудилъ на себя сильное негодованіе
 своего князя Михаила Александровича, который въ 1390 году
 послалъ звать въ Тверь митрополита Кипріяна. Тотъ отпра-
 вился съ двумя владыками Греческими и нѣсколькими Рус-
 скими. За 30 верстъ отъ Твери его встрѣтилъ внукъ вели-
 кого князя, за 20 старшій сынъ, за 5 самъ великій князь.
 Стрѣченный передъ городскими воротами духовенствомъ со
 слезами, Кипріянь отслужилъ обѣдню въ соборной церкви,
 послѣ чего обѣдалъ у великаго князя, получилъ дары и честь
 мѣшную. Три дня князь Михаилъ угощалъ такимъ образомъ
 митрополита; на четвертый собралось на великокняжескомъ
 дворѣ духовенство и бояре, и когда пріѣхалъ туда Кипріянь,
 онъ всѣ начали жаловаться ему на епископа Евѣимія; митро-
 политъ, вмѣстѣ съ другими владыками, сталъ судить: по однимъ
 свѣдѣніямъ обвиняемый не могъ оправдаться, не обрѣлась правда

въ устахъ его ⁵⁴⁶; по другимъ ⁵⁴⁷, обвиненія были клеветы. Но какъ бы то ни было, извѣстія согласны въ одномъ, неудовольствіе на Евѳимія было страшное, и митрополитъ, успѣвши помирить князя съ епископомъ, отослалъ послѣднѣго въ Москву, а на его мѣсто поставилъ въ Тверь протодіакона своего Арсенія, который едва согласился быть здѣсь епископомъ, видя такія вражды и смуты. Въ началѣ описаннаго времени, именно подъ 1229 годомъ, находимъ любопытное извѣстіе о судѣ мѣстнаго князя надъ епископомъ какъ владѣльцемъ частной собственности. «Пришло, говоритъ летописецъ, искушеніе на Ростовскаго епископа Кирилла: одинъ день все богатство отнялось отъ него въ слѣдствіе проигрыша тяжбы, а рѣшилъ дѣло въ пользу соперниковъ Кирилловыхъ князь Ярославъ; Кириллъ былъ очень богатъ, дѣлами и селами, всякимъ товаромъ и книгами, однимъ словомъ, такого богатаго епископа еще не бывало въ Суздальской землѣ.»

Встрѣчаемъ извѣстіе о жалобѣ епископа на митрополита Константинопольскому патріарху. Такъ жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде Тверской епископъ Андрей, родомъ Литвинъ. Патріархъ для разобранія дѣла отпустилъ въ Россію своего посланнаго, который когда пріѣхалъ, то созванъ былъ соборъ въ Переяславлѣ: явился обвиненный, явился и обвинитель, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Твери двое князей — Дмитрій и Александръ Михайловичи, другіе князья, много вельможъ и духовныхъ. Обвинитель былъ уличенъ во лжи; но Петръ простилъ его, и поучивъ присутствующихъ, распустилъ соборъ. Если по приведенному выше извѣстію долженъ былъ созываться соборъ для избранія епископа, то встрѣчаемъ извѣстіе о созваніи собора для отрѣшенія отъ сана такъ въ 1401 году митрополитъ Кипріанъ созвалъ въ Московскомъ соборѣ, на которомъ отписались отъ своихъ епископій Іоаннъ Новгородскій и Савва Луцкій. Митрополитъ Кириллъ въ 1274 году воспользовался соборомъ, созваннымъ для поставленія Владимирскаго епископа Серапіона, чтобъ предложить пре

о для установленія церковнаго и народнаго благочинія: ить видѣль я и отъ другихъ слышалъ о сильномъ церков-
 ѣхъ неустройствѣ, говорить Кириллъ въ своемъ правилѣ ⁵⁴⁸:
 «одною мѣсто держатся такого обычая, въ другомъ иномъ,
 го несогласій и грубости... Какую пользу получили мы отъ
 о, что оставили правила божественныя? не разсѣялъ ли насъ
 ѣ по лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали
 сильные князья наши отъ острія меча? не отведены ли были
 плѣнъ дѣти наши? не запусѣли ли святыя Божіи церкви?
 томятъ ли насъ каждый день безбожныя и нечестивыя по-
 ны?» Прежде всего митрополитъ вооружается противъ по-
 явления въ духовный санъ на мздѣ, и преподаетъ правила
 юсительно этого постановленія ⁵⁴⁹. Въ народѣ по-прежнему
 должалась страсть къ кулачнымъ и дрекольнымъ боямъ, ко-
 мые мы видѣли въ такой силѣ въ предыдущемъ періодѣ; Ки-
 рилъ пишетъ: «Узналъ я, что еще держатся бѣсовскаго обы-
 треклятыхъ Еллинъ: въ божественные праздники со сви-
 нѣ, клечемъ и воплемъ скаредныя пьяницы сзываютъ другъ
 уга, бьются дреколіемъ до смерти и берутъ платье убитыхъ;
 укоризну совершается это Божіимъ праздникамъ и на досаж-
 ніе Божіемъ церквамъ.» Кириллъ вооружается также противъ
 инства, препятствующаго совершать божественную службу отъ
 рбной недѣли до дня Всѣхъ Святыхъ.—На соборахъ рѣшались
 огда и другія дѣла, какъ напримѣръ споры относительно границъ
 архій: митрополитъ Алексій въ грамотѣ къ Красноярскимъ
 телямъ пишетъ, что предѣлъ Рязанской и Сарайской епархій
 азанъ на Костромскомъ соборѣ ⁵⁵⁰; на еоборѣ Ростовскій архіепи-
 опъ Феодосій былъ убѣжденъ въ неправильности своего мнѣ-
 и относительно рода пищи, какую должно употреблять въ
 явленское навечеріе, если оно придется въ день воскрес-
 ный ⁵⁵¹; на соборѣ было опредѣлено о неправильности по-
 упка Исидорова; на соборѣ владыки сѣверовосточной Руси
 ишли держаться Московскаго митрополита Іоны, и не сооб-
 аться съ Киевскимъ Григоріемъ ⁵⁵². Кромѣ общихъ соборовъ,

созывавшихся митрополитомъ всея Руси изъ подвѣдомственныхъ ему владыкъ, могли быть еще частные, созывавшіе владыкою какой-нибудь области изъ подвѣдомственнаго духовенства: такъ въ 1458 году Ростовскій архіепископъ одосій созвалъ соборъ въ Бѣлозерскѣ для отвращенія нѣкоторыхъ злоупотребленій, напр. позволенія вступать въ четвертый бракъ⁵⁵³.

Кромѣ соборовъ, митрополиты старались уничтожать нравственные безпорядки посланіями къ духовенству и мирянамъ; таково поученіе Фотія митрополита священникамъ и монахамъ о важности ихъ сана, «каковымиъ подобаетъ имъ быти, хотяемъ, посылаемыхъ къ Царю царствующихъ о душахъ вѣческихъ⁵⁵⁴»; митрополитъ обращаетъ особое вниманіе священниковъ на то, чтобъ они блюди за чистотою браковъ у своихъ прихожанъ: не позволяли бы имъ бросать законныхъ жёнъ и жить съ незаконными, какъ то дѣлывалось, также, чтобъ не позволяли отнюдь четвертаго брака. Сохранился и предъшлющій обычай, по которому духовныя лица обращались къ митрополиту съ разными вопросами, которыхъ сами рѣшить были не въ состояніи; такъ дошли до насъ отвѣты митрополита Григорія на вопросы игумена Аѳанасія⁵⁵⁵, отвѣты того же митрополита на вопросы неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ⁵⁵⁶.

Особенныя отношенія Новгорода, Пскова, Вятки, требуютъ особенной дѣятельности митрополитовъ относительно этихъ городовъ. Что касается до избранія владыки Новгородскаго, то въ описываемое время, то обыкновенно на вѣчѣ избирались духовныя лица, имена которыхъ или жребіи клались на престолъ въ церкви Св. Софіи, послѣ чего духовенство соборомъ служило объдню, а народъ стоялъ вѣчемъ у церкви, по окончаніи службы протопопъ Софіискій выносилъ народу по порядку жребіи, и владыкою провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣдній. Если и вездѣ владыки имѣли важное значеніе, то оно еще болѣе усиливалось въ Новгородѣ, при извѣстныхъ отношеніяхъ его жителей къ князю, при частыхъ распряхъ между послѣднимъ, при частомъ между князьями и внутренними смутами.

епископъ въ Новгородѣ безъ князя былъ первымъ правительственнымъ лицомъ; его имя читается прежде всѣхъ другихъ въ грамотахъ; онъ былъ посредникомъ города въ распрахъ съ великими князьями, укротителемъ внутреннихъ волненій, въ его благословеніи не предпринималось ничего важнаго. Но владыка Новгородскій принималъ посвященіе отъ митрополита, забывая отъ него, отъ суда владычнаго былъ переносъ дѣлъ на судъ митрополита, и когда послѣдній, утвердивъ свое пребываніе въ жвѣ, началъ стараться всѣми завистѣвшими отъ него средствами содѣйствовать Московскому великому князю въ приобращеніи могущества, въ утвержденіи единовластія, при чемъ и Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ своего особнаго и вѣчнаго быта, — то положеніе Новгородскаго владыки стало затруднительно: владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ воевать съ великимъ княземъ для возвращенія Двинской области, и заплатилъ за это трехлѣтнимъ заключеніемъ Москвѣ. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о неприятной пережкѣ митрополита Іоны съ Новгородскимъ владыкою по поводу мяки. Митрополитъ Іона счелъ также своею обязанностию въ наставленіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ на счетъ держанія отъ вѣчевыхъ буйствъ: «Я слышалъ, дѣти! питъ митрополитъ, что по навѣтамъ дьявольскимъ творится ненавистное дѣло у васъ, въ отчинѣ сына моего, великаго князя, въ Великомъ Новгородѣ, не только между простыми людьми, но между честными, великими: за всякое, важное и пустое дѣло, начинается гнѣвъ, отъ гнѣва ярость, свары, раскловія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многолюдное собраніе, нанимають сбродней, пьянчивыхъ и кровопитныхъ людей, замышляютъ бой и души христіанскія брать.»⁵⁵⁷ Предшественникъ Іоны, митрополитъ Фотій также сылалъ поученіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ⁵⁵⁸: митрополитъ увѣщаетъ Новгородцевъ удерживаться отъ привычки сквернословить (за которую лѣтописецъ осуждаетъ еще Рюриковскія Славянскія племена); Фотій говоритъ, что такой привычки нѣтъ нигдѣ между христіанами. Далѣе митрополитъ

увѣщаетъ Новгородцевъ басней не слушать, лихихъ не принимать, узловъ, приколвленья, зелья, ворожбы и ш подобнаго не употреблять; при крещеніи приказываетъ вожать въ сосудъ, а не обливать водою, по обычаю латинскіи запрещаетъ вѣнчать дѣвочекъ ранѣе тринадцатаго года; запрещаетъ духовенству бѣлому и черному торговать или да деньги въ ростъ; если кто предъ выходомъ на поле (судный поединокъ) придетъ къ священнику за св. причастіи тому причастіа нѣтъ; который изъ соперниковъ убьетъ даго, тотъ отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитаго хоронить.

Политическія и находившіяся въ тѣсной связи съ ними и коვნыя отношенія Новгорода ко Пскову также требовали и манія митрополита. Мы видѣли, что Псковъ, разбогатѣвшій торговли, давно уже началъ стремиться къ независимости и Новгорода, въ слѣдствіе чего послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе ко Пскову, высказывавшееся иногда открыто войною. Понятно, какъ затруднительно было при такихъ отношеніяхъ положеніе Пскова, зависѣвшаго въ церковныхъ дѣлахъ отъ владыки Новгородскаго; отсюда — естественное желаніе Псковитянъ избавиться отъ этой зависимости, получить особаго владыку. Но мы видѣли, какъ ихъ стараніе объ этомъ оказалось тщетнымъ, ибо митрополитъ Феогностъ не согласился и ставить имъ особаго епископа. Дѣйствительно Псковичи выбрали дурное время: митрополитъ Феогностъ, подобно своему предшественнику, утвердилъ пребываніе въ Москвѣ, и Псковъ болѣе другихъ городовъ испыталъ на себѣ слѣдствія этого утвержденія: еще недавно Феогностъ грозилъ ему проклятіемъ въ случаѣ, если онъ не откажется отъ союза съ Александромъ Тверскимъ; теперь же этотъ самый Александръ опять княжилъ у нихъ и подъ покровительствомъ Литовскимъ, тогда же Новгородъ еще не ссорился съ Москвою. О прямой враждѣ Псковичей съ Новгородскимъ владыкою не разъ упоминаетъ лѣтописецъ; такъ онъ говоритъ о ссорѣ ихъ съ владыкою Феогностомъ въ 1307 году; въ 1337 году владыка Василій

ль въ Псковъ на подѣздъ, но Псковичи не дали ему суда, владыка уѣхалъ изъ города, проклявши жителей; когда въ 1 году владыка Юаннъ прислалъ протопона во Псковъ про подѣзда на тамошнемъ духовенствѣ, то Псковичи не били давать и отослали протопона съ такимъ отвѣтомъ: «Если, ты дасть, будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подѣздъ чистъ, какъ пошло изначала, по старинѣ.» Въ 1435 году уѣхалъ во Псковъ владыка Евѣимій, не въ свой подѣздъ, въ свою череду; Псковичи однако приняли его и били ему о соборованьи⁵⁸⁹; но онъ созвать соборъ не обѣщался, талъ просить суда, да на священникахъ своего подѣзда. Псковичи ему этого не посудили, но стали за соборованія и свою старину, стали говорить владыкѣ, зачѣмъ онъ сажать намѣстника и печатника изъ своей руки — Новгородъ, а не Псковичей? владыка за это разсердился и уѣхалъ, бывши только одну недѣлю во Псковѣ. Князь Владиміръ, поники и бояре поѣхали за нимъ, нагнали и упросили возтиться: Псковичи дали ему судъ на мѣсяць, подѣздъ на священникахъ, о соборѣ же владыка сказалъ, что отлагаетъ до митрополита. Но владычній намѣстникъ началъ судить по Псковской пошлинѣ, началъ уничтожать разныя уговоры грамоты (посужать рукописанья и рядницы), сталъ сажать коновъ въ гридницу, все по-новому, покинувши старину; Псковичи были правы, говорить ихъ лѣтописецъ, священники подѣздъ и оброкъ не стояли, но, по грѣхамъ и дьявольскому навожденію, случился бой между Псковичами и владычными жилими людьми (Софьянами). Тогда владыка опять разсердился, и уѣхалъ, не взявши Псковскаго подарка, а игуменъ и священникамъ надѣлалъ много убытка, не бывало такъ эжде никогда, съ тѣхъ поръ какъ началъ Псковъ стоять. — Слѣдъ того какъ Псковичи, вмѣстѣ съ Московскимъ войскомъ, устошили Новгородскія владѣнія и заключили миръ, оба года жили дружно, и дружба эта отразилась на отношеніяхъ владѣтельныхъ: въ 1449 году владыка Евѣимій пріѣхалъ во Псковъ; духовенство съ крестами, князь, посадники, бояре

вышли къ нему на встрѣчу и приняли съ великою честью самый день приѣзда владыка служилъ обѣдню у Св. Троицы, а на третій день соборовалъ въ той же церкви, и читалъ синодикъ: проклинали злыхъ, которые хотятъ зла Великому Новгороду и Пскову, а благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ Св. Софїи и Св. Троицы пѣли вѣчную память, также и другимъ добрымъ людямъ, которые сложили головы и кровь пролили за Божїи и за православное христіанство, живымъ же Новгородцамъ и Псковичамъ пѣли многая лѣта. Князь, посадивъ во всѣхъ концахъ господина владыку много чтили и дары проводили его изъ своей земли до границы съ великою честью. Съ такою же честью былъ принятъ и провоженъ владыка въ 1453 году, потому что онъ дѣлалъ все точно также, какъ прежніе братья его — архіепископы.

Не всегда мирныя отношенія Пскова къ Новгороду и владыкъ были причиною церковнаго неустройства и заставили Псковичей обращаться прямо къ митрополиту за управленіемъ и наставленіемъ, а не всегда мирныя отношенія Новгорода къ митрополиту благопріятствовали этимъ непосредственнымъ общеніямъ. Такъ Псковичи послали въ Москву къ митрополиту Кипріану нѣсколько священниковъ для поставленія и для вѣщенія о своихъ нуждахъ, что нѣтъ у нихъ церковнаго правила настоящаго ⁵⁶⁰. Митрополитъ посвятилъ священниковъ, послалъ съ ними уставъ службы и синодикъ правый, какой читаютъ въ Константинополѣ у Св. Софїи, приложилъ къ этому правилу, какъ поминать православныхъ царей и князей Великихъ, какъ совершать крещеніе и бракъ: велѣлъ вывести древній обычай — держать дѣтей при крещеніи на рукахъ и свѣцъ поливать водою; послалъ также 60 антиминовъ съ запрещеніемъ рѣзать ихъ, по примѣру Новгородскаго епископа ⁵⁶¹. Разрывъ Псковичей съ владыкою Новгородскимъ и проистекшее отъ того церковное безначаліе вело къ тому, что въ Псковское присвоило себѣ право судить и наказывать священниковъ: митрополитъ Кипріанъ въ 1395 году писалъ Псковичамъ, что это противно христіанскому закону, что священники

и наказывает святитель, который его поставил; при митрополитъ запрещалъ также Псковичамъ вступаться въ и села церковныя ⁵⁶². Близость Пскова къ Литовскимъ шамъ, частыя и давнія сношенія его съ Литвою и князьями ставляли митрополитовъ беспокоиться о Псковѣ при раз- ии митрополи: митрополитъ Фотій въ 1416 году писалъ вичамъ, чтобъ они удалились отъ неправедныхъ предѣловъ, гающихся Божія закона и святыхъ правилъ; также чтобъ адушіемъ принимали православныхъ, которые, въ слѣдствіе іознаго гоненія, будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ ⁵⁶³. рругой разъ писалъ Фотій къ Псковскому духовенству съ азаніемъ не употреблять при крещеніи мвра Латинскаго, олько Цареградское, и не обливать младенцевъ, но погру- ; митрополитъ требуетъ, чтобъ Псковичи прислали къ нему го изъ своихъ священниковъ, челоѵка искуснаго, и онъ ить его всѣмъ церковнымъ правиламъ и мвро святое съ , пришлетъ. Въ другомъ посланіи Фотій пишетъ, чтобы вичи не позволяли людямъ, играющимъ клятвою, быть цер- ыми старостами и вообще занимать правительственныя и су- ыя должности; также, чтобъ не позволяли старостить въ вахъ людямъ, которые, разведясь съ законными женами, пили въ новые браки ⁵⁶⁴. Митрополитъ Іона, стараясь вездѣ рждать власть великаго князя Московскаго, писалъ и во ѵвъ, называя его отчиною великаго государя Русскаго, ко- ий дѣдичъ и отчичъ во Псковѣ, по родству, по изначаль- прежныхъ великихъ господарей великихъ князей Русскихъ, праотцевъ. Митрополитъ увѣщаетъ Псковичей жить по му христіанству, по той доброй старинѣ, которая пошла великаго князя Александра; увѣщаетъ ихъ стоять въ , чтò общали великому князю ⁵⁶⁵. Увѣщаніе Іоны не могло ться безъ вліянія во Псковѣ, ибо мы знаемъ, какое важ- значеніе имѣлъ здѣсь митрополитъ: такъ, будучи недо- ны новою уставною грамотою, которую далъ имъ князь стантинъ Дмитріевичъ, и которую они поклялись соблюдать, овичи обратились къ митрополиту Фотию съ просьбою раз-

Исторія Россіи. Т. IV. 15

рѣшить ихъ отъ этой клятвы и благословить жить по старому митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу ⁵⁶⁶. Наконецъ дошли два посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ, чуждыя по отношенію къ особенностямъ ихъ положенія. Въ одномъ посланіи, написанномъ по случаю мороваго холеры, митрополитъ обращается къ нарочитымъ гражданамъ и уговариваетъ ихъ, чтобъ они были довольны своими уроками, купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдая. Въ другой разъ Псковичи обратились къ митрополиту съ рѣшеніемъ недоумѣнія ихъ — пользоваться ли имъ хлѣбомъ, рыбою и овощами, приходящими изъ Нѣмецкой земли? Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, очистивъ молитвою и покаяніемъ совѣсть ⁵⁶⁸.

Но кромѣ означенныхъ отношеній, еще одно явленіе могло обратить вниманіе не только митрополитовъ Русскихъ и патріарховъ Константинопольскихъ на Псковъ и Новгородъ преимущественно на первый. Враждебныя отношенія Пскова и Новгорода отзывались въ отношеніяхъ Пскова къ владыкамъ Новгородскому и вѣдѣтъ Псковскому; не разъ поведеніе митрополитовъ возбуждало сильное негодованіе Псковичей; раздраженіе въ слѣдствіе не сбывшагося желанія независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи, возбудило въ нѣкоторыхъ митрополитахъ желаніе освободиться совершенно отъ всякой іерархіи; споры о вѣдѣтахъ, судахъ, жалобы на убытки дали поводъ — явилась ересь Стригольниковъ въ семидесятихъ годахъ вѣка ⁵⁶⁹. Начальниками ереси летописи называютъ дьяконъ Карпу и Карпа простаго человѣка; но въ такъ называемомъ посланіи Антонія патріарха ⁵⁷⁰ и въ «Просвѣтителѣ» Юсима Лозцакаго начало ереси приписывается одному Карпу, при этомъ въ первомъ источникѣ Карпъ называется дьякономъ, отлученнымъ отъ службы, стригольникомъ, во второмъ говорится, что онъ былъ художествомъ стригольникъ. Разнорѣчія эти можно согласить тѣмъ, что Карпъ, дѣйствительно бывший прежде дьякономъ, какъ отлученный отъ службы могъ называться и стригольникомъ. Ученіе, какъ излагаютъ его исто-

говяло въ томъ, что духовные недостойны своего сана, по-
у что поставляются на мздѣ; стараются приобрѣтать имѣніе
непринично ведутъ себя; что недолжно принимать отъ нихъ
нствъ; что міряне могутъ учить народъ вѣрѣ; что должно
тѣся, обращаясь къ землѣ; что не должно ни отпѣвать умер-
жъ, ни поминать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ,
приносовъ приносить, ни пировъ учреждать, ни милостыни
давать по душѣ умершаго; ходили даже слухи, что стри-
льники отвергали будущую жизнь. Ересь началась и распро-
янилась во Псковѣ; неизвѣстно, волею или неволею ере-
рхи явились въ Новгородѣ; извѣстно только то, что здѣсь
1375 году Карпа, Никиту и еще третьяго какого-то ихъ
зарища сбросили съ мосту въ Волховъ. Но гибель ересіар-
въ не искоренила ереси; стригольники прельщали народъ сво-
ъ безкорыстіемъ, своею примѣрною нравственностію, умѣн-
ъ говорить отъ Писанія; указывая на нихъ, говорили: «вотъ
и не грабятъ имѣнія, не собираютъ.» Въ обличительныхъ по-
аніяхъ читаемъ объ нихъ: «Таковы были и всѣ еретники: пост-
ки, богомольцы, книжники, лицемѣры, передъ людьми люди
стые; если бы видѣли, что они неблагочестиво живутъ, то
кто бы имъ и не повѣрилъ; и если бы они говорили не отъ
исанія, то никто бы ихъ и слушать не сталъ.» Изъ XIV вѣка
ресь перешла въ XV; до насъ дошло три посланія митропо-
ита Фотія къ Псковичамъ относительно стригольниковъ ⁵⁷¹.
митрополитъ запрещаетъ духовенству Псковскому принимать
риношенія отъ стригольниковъ, мірскимъ людямъ сообщаться
ъ ними въ ѣдѣ или питьѣ. Псковичи отвѣчали, что, исполняя
риказаніе митрополита, они обыскали и показали еретиковъ,
то нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, но что другіе упорствуютъ
ъ своихъ имѣніяхъ и, устремляя глаза на небо, говорятъ, что
амъ ихъ Отецъ. Митрополитъ писалъ на это, чтобъ Псковичи
родолжали удаляться отъ еретиковъ, могутъ и наказывать ихъ,
олько не смертію, а тѣлесными наказаніями и заточеніемъ.
Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія,
мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о стригольникахъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, никами для содержанія митрополита и епископовъ служили первыхъ сборы съ церквей; эти сборы въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кирилля опредѣлены такъ: «Сборнаго митрополиту брать съ насъ шесть алтынъ, а заѣзда три деньги; десятинику, на деса наѣдши, брать за вѣздное, и за рождественское, и за рождское, пошрины шесть алтынъ; сборное брать о Рождѣ Христовѣ, а десятинику брать свои пошрины о Петровѣ, которыя же соборныя церкви по городамъ не давали сборы при прежнихъ митрополитахъ, тѣмъ и нынче не давать.» Другой епископъ Ростовскій Θεодосій, освобождая двѣ церкви Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, пишетъ въ своей грамотѣ: «У тѣхъ церквей будутъ священники или игумены, не надать имъ моей дани, ни данничьихъ пошринъ, ни десятиничьей пошрины, ни доводчичьей, ни другой какой-либо, десятиники мои ихъ не судятъ, и пристава на нихъ не дава.» О Митяѣ говорится, что онъ, вступивъ во всѣ права митрополита, началъ со всѣхъ церквей въ митрополіи дань сборы Петровскіе и Рождественскіе, доходы, уроки и оброки митрополичьи. По-прежнему источниками дохода для митрополита и епископовъ служили пошрины ставленныя и судныя; суда церковнаго посылалися архіереємъ особый чиновникъ, зывавшійся десятиникомъ; вмѣсто того, чтобъ сказать: какой-то городъ былъ подвѣдомственъ такому-то владыкѣ, говорили: такой-то городъ былъ его десятиною ⁵⁷². Одинъ изъ десятиниковъ митрополита Іоны, Юрій конюшій, пріѣхавши въ Вышгородъ, волость князя Михаила Андреевича Верейскаго, остановился на подворьѣ у священника, который вмѣстѣ съ другими рожанами началъ бить десятиника и дворянъ митрополичьихъ, прибилъ въ улогъ, и двоихъ, троихъ изувѣчилъ. Митрополитъ, извѣщая объ этомъ происшествіи князя Михаила, пишетъ: «Ты самъ, сынъ, великій государь: такъ посмотри старыхъ своихъ бояръ спроси, бывала ли при твоихъ предѣлахъ и родителяхъ такая нечестъ церкви Божіей и свя-

ишь? Тебѣ извѣстно, что князь великій Витовтъ былъ не
 ей вѣры, да и теперешній король тоже, и всѣ ихъ кня-
 а и паны; но спроси, какъ они оберегаютъ церковь и ка-
 честь ей воздаютъ? а эти, будучи православными хрести-
 ми, ругаются и безчестятъ церковь Божию и насъ. Я за
 ценниками своего пристава послалъ; а тебя благословляю и
 ю, чтобъ ты, какъ истинный великій православный госпо-
 ь, церковь Божию и меня, своего отца и пастыря, отъ сво-
 горожанъ оборонилъ, чтобъ впередъ не было ничего по-
 наго; а не оборонишь меня, то поберегись воздаянья отъ
 а, а я буду отъ нихъ обороняться закономъ Божиимъ. Если
 мой десятинникъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то ты бы,
 гь, обыскалъ дѣло чисто, да ко мнѣ отписалъ; и я бы тебѣ
 ь суда выдалъ его головою, какъ и прежде сдѣлалъ ⁵⁷³.»
 видѣли, что Новгородскій архіепископъ получалъ подѣ-
 дъ съ Псковскаго духовенства. Какъ Псковское духовен-
 о давало содержаніе Новгородскому владыкѣ и дары, когда
 ь пріѣзжалъ во Псковъ, такъ точно и митрополитъ получалъ
 держаніе и дары, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ или какую-
 ь другую область: подѣ 1341 годомъ лѣтописецъ гово-
 ь, что митрополитъ Феогностъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ
 провожденіи большаго числа людей, и отъ того было тяжело
 ыкѣ и монастырямъ, обязаннымъ давать кормъ и дары. Подѣ
 52 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскій архіепи-
 ь Моисей отправлялъ пословъ къ Византійскому патриарху
 жалобой на обиды людей, приходившихъ въ Новгородъ отъ
 трополита. Наконецъ важный доходъ доставляли недвижимыя
 ущества. Подѣ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Ли-
 цы воевали церковную волость Тверскаго владыки; городъ
 ьксинъ называется городомъ Петра митрополита ⁵⁷⁴; въ Нов-
 ьдской области упоминается городокъ Молвотичи, принад-
 ьавшій владыкѣ ⁵⁷⁵; князья завѣщевали села свои митропо-
 ьгамъ ⁵⁷⁶; встрѣчаемъ извѣстіе о мѣнѣ селъ между княземъ и
 трополитомъ ⁵⁷⁷. Касательно этихъ волостей отношенія вели-
 го князя и митрополита были опредѣлены такъ: даньщину и

бѣльщику великокняжескому на митрополичьихъ селахъ не бы дань брать съ нихъ въ выходъ по оброку, по оброчной грамотѣ великокняжеской; явѣ по старинѣ шестой день, и дань его митрополичьи села тогда, когда дають великокняжескія: подахъ митрополичьихъ, которые живутъ въ городѣ, а такъ ко дворцу, положенъ оброкъ, какъ на дворчанахъ великокняжескихъ. Митрополичьи церковные люди тамги не дають и продажѣ своихъ домашнихъ произведеній, но дають тамгу когда стануть торговать прикупомъ; оброкъ дають церковные люди тогда только, когда придется платить дань Татарамъ. Касательно содержанія низшаго духовенства мы видимъ, что князья въ завѣщаніяхъ своихъ назначаютъ доходы въ пользу духовенства нѣкоторыхъ церквей, въ ругу: такъ великій князь Іоаннъ II отказалъ четвертую часть Коломенской тамги въ церковь Св. Богородицы на Крутицахъ, костки Московскія Успенскій и Архангельскій соборы, въ память по отцу, братьямъ и себѣ: то и явѣ руга, говоритъ завѣщатель⁵⁷⁹. Князья Елена, жена Владиміра Андреевича, и Софья, жена Василія Дмитриевича, отказали села Московскому Архангельскому собору⁵⁸⁰; видимъ, что князья, въ своихъ завѣщаніяхъ призываютъ раздавать пояса свои и платья по священникамъ, деньги по церквамъ⁵⁸¹. Должно замѣтить, что во Псковѣ, в описываемое время, священники распредѣлялись не по приходамъ, а по соборамъ, и вѣдались поповскими старостами. Объ употребленіи митрополитами своихъ доходовъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Фотій закрѣплялъ за собою доходъ пошлинны, земли, воды, села и волости на прокормленіе убогихъ и нищихъ, потому что церковное богатство—нищихъ богатство⁵⁸²; въ житіи Іоны митрополита находимъ извѣстіе, что одна вдова приходила на митрополичій погребъ пить медъ и облегченія въ болѣзни⁵⁸⁴.

Касательно южной Россіи до насъ дошла записъ о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, получавшихся съ Кіевской Сѣвѣрской митрополичьей отчины⁵⁸⁵; видимъ село у епископа

эмышльскаго ⁵⁸⁶; видишь, что князья дают села цер-
ть ⁵⁸⁷.

въ новой сѣверовосточной Руси монастырь не теряет
того прежняго важнаго значенія: чѣмъ былъ Печерскій мо-
настырь Антонія и Θεодосія для древняго средоточія Русской
земли — Кіева, тѣмъ былъ Троицкій монастырь Сергіевъ для
того ея средоточія — Москвы. Мы видѣли, какъ сюда, въ
новое средоточіе, стекались выходцы изъ разныхъ странъ,
и простые люди, отыскивая убѣжище отъ смутъ вну-
тряннихъ, отъ непокоевъ Татарскихъ и наконецъ отъ насилій
той Москвы, и принося на службу послѣдней, на службу
тому порядку вещей, ея представляемому, и силы матері-
альныя, и силы духовныя. Въ княженіе перваго собирателя
русской земли, Иоанна Калиты, явились въ Московскую область
выходца съ концевъ противоположныхъ: изъ южной Руси,
Чернигова, бояринъ Феодоръ Плещеевъ, убѣгая отъ раз-
рушеній Татарскихъ; съ сѣвера, изъ самаго древняго и знаме-
нитаго здѣсь города, Ростова, бояринъ Кирилль, раззорив-
шійся и принужденный оставить свой родной городъ въ слѣд-
ствіе насилій Московскихъ. Сыновья этихъ пришлецовъ,
одинъ — въ санѣ митрополита всея Руси, другой — въ званіи
зрѣннаго инока, но отвергнувшаго санъ митрополитій, за-
ключили тѣсный союзъ для того, чтобъ соединенными нрав-
ственными силами содѣйствовать возвеличенію своего новаго
чинства. Ростовскій выходецъ Кирилль поселился въ Радок-
къ; средній сынъ его, Варѣоломей, съ малолѣтства обнару-
жилъ стремленіе къ иночеству, и какъ только похоронилъ сво-
ихъ родителей, такъ немедленно удалился въ пустыню — лѣсъ
дикій, и долго жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣче-
скаго; одинъ медвѣдь приходилъ къ пустыннику дѣлить съ
нимъ его скудную пищу. Но какъ въ старину Антоній не
могъ скрыть своихъ подвиговъ въ пещерѣ, такъ теперь Вар-
ѣоломей, принявшій при постриженіи имя Сергія, не могъ ута-
иться въ дремучемъ лѣсу; иноки стали собираться къ нему, не
ютя на суровый привѣтъ, которымъ встрѣчалъ ихъ пустыни-

никъ: «знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ кою и веселію, но къ трудамъ, поту, печалямъ, напастямъ». Явилось нѣсколько бѣдныхъ келій, огороженныхъ тыномъ; самъ Сергій своими руками построилъ три или четыре келіи; самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи, самъ готовилъ пищу; самъ шилъ шапку на всю братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ служилъ всѣмъ какъ рабъ купленный. И это—то смиренное житіе прославило Сергія по всѣмъ областямъ Русскимъ и дало ему ту великую нравственную силу, то значеніе, съ которыми уже встрѣчали его въ политическихъ событіяхъ князя Дмитрія Донскаго; здѣсь мы видѣли Сергія грознымъ посланцемъ для Нижняго Новгорода, не повинующагося волѣ Московскаго князя, тихимъ примирителемъ послѣдняго съ озлобленнымъ Богомъ Рязанскимъ, твердымъ увѣщателемъ къ битвѣ съ полкомъ Мамаевыми. Изъ монастыря Сергіева, прославленнаго святого своего основателя, выведено было много колоній, много другихъ монастырей въ разныя стороны, сподвижниками, и учениками учениковъ Сергіевыхъ⁵⁸⁸. Изъ этихъ монастырей выдѣлились другія значенія въ гражданской исторіи нашей: изъ монастыря Бѣлозерскій, основанный св. Кирилломъ, построилъ иеромонахомъ Симоновскаго архимандрита Феодора, ученика и преемника св. Сергія. Мы видѣли, что въ свѣдѣтели клятвъ и историческихъ въ послѣднія усобицы, вѣстѣ съ св. Сергіемъ, упоминался и св. Кириллъ, какъ одинъ изъ покровителей сѣверо-восточной Руси. Отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, о памяти о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и утишалъ озлобленныхъ князей; отъ Кирилла дошли до насъ посланія къ князьямъ; такъ дошло его посланіе къ великому князю Василю Дмитріевичу⁵⁸⁹: «Чѣмъ болѣе святыя приближаются къ Богу любовію, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, пишетъ Кириллъ: ты, господишь, приобрѣдешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную этимъ смиреніемъ своимъ, что посылаешь ко мнѣ грѣшному, нищѣ

стному и недостойному съ просьбою о молитвахъ... Я, цнй, съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, мо- . Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ Бога ради, ѣ внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если корабль гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ пла- щимъ, если же ошибется кормчій, то всему кораблю при- нетъ пагубу: такъ если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повре- ь этимъ одному себѣ, если же самъ князь, то причиняетъ цѣ всѣмъ людямъ. Возненавидь, господинъ, все что влє- ь тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя, и будешь женъ. Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая та, между тобою и сродниками твоими, князьями Суздаль- ми. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они свою, ристіянѣмъ чрезъ это кровопролитіе великое происходитъ. къ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ь правда передъ тобою, и по своему смиренію уступи имъ, чемъ же будетъ твоя правда передъ ними, такъ ты за себя й по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, га ради, пожалуй ихъ, по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что и до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и отъ того на- ии враждовать. Такъ, Бога ради, господинъ, покажи къ нимъ ю любовь и жалованье, чтобъ не погибли, скитаясь въ Та- рскихъ странахъ ⁵⁹⁰.» Кириллъ переписывался и съ братьями лико княжескими — Андреемъ, въ удѣлѣ котораго, находился о монастырь, и Юріемъ. Къ Андрею св. Кириллъ писалъ: Ты властелинъ въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленный уни- ть людей своихъ отъ лихаго обычая: пусть судятъ судъ раведный, поклеповъ, подметовъ бы не было, судьи посу- вѣ бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобъ рчны въ твоей отчинѣ не было, ибо это великая пагуба ушамъ: христіане пропиваются, а души гибнутъ; чтобъ ны- вѣвъ не было, ибо это деньги неправедныя, а гдѣ перевозъ, ишъ надобно дать за трудъ; чтобъ разбоя и воровства въ твоей отчинѣ не было, и если не уймутся отъ злаго дѣла, то вели казывать; также, господинъ, уишай отъ скверныхъ словъ и

брани ⁵⁹¹. Князю Юрію Дмитріевичу св. Кирилъ писалъ слание утѣшительное, по случаю болѣзни жены его ⁵⁹²: любопытны слѣдующія слова: «А что, господи́нь князь Юр, писалъ ты, что давно желаешь видѣться со мною, то, ради Бже не прѣзжай ко мнѣ: если поѣдешь ко мнѣ, то на меня и деть искушеніе. и покинувь монастырь, уйду, куда Богъ и жеть. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ ходитъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господи́нь князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, божественное писаніе самъ въ-конецъ разумѣешь. читаешь знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы челоѣской, особенно намъ страстныѣ. Да и то, господи́нь, и суди: твоей вотчины отъ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты и ѣдешь сюда, то всѣ стануть говорить: «только для Кири поѣхалъ.» Былъ здѣсь братъ твой, князь Андрей, но зде его вотчина, и намъ нельзя было ему, нашему господину, чломъ не ударить.»

Князь Юрій Дмитріевичъ и сынъ его Дмитрій Шемяка и шли болѣе строгаго увѣщателя въ другомъ свитомъ игумен Григоріи Вологодскомъ (на Пелшнѣ). Когда Юрій, вытѣсни племянника Василя, утвердился въ Москвѣ, Григорій ямакъ нему сюда съ увѣщаніями удалиться съ неправедно пріобрѣтеннаго стола: потомъ, когда Шемяка овладѣлъ Вологдою, надѣлалъ мно зла жителямъ, Григорій немедленно явился и нему съ обличеніями, угрожая гибелью за злодѣйства и христіанами: Шемяка, на терпя обличеній, велѣлъ сринуть съ ииосту святаго старца, такъ что тотъ едва живой возвратилъ въ монастырь свой ⁵⁹³.

Монастыри имѣють еще другое значеніе въ исторіи Русси гражданственности: по разнымъ направленіямъ въ дремущи дѣсахъ и болотахъ сѣвера пробирались пустышники, нища уединенія и безмолвія, но между тѣмъ приносили съ собою нача новой жизни. Сперва поселится пустышникъ въ дуплѣ большаго дерева ⁵⁹⁴, но потомъ скоро собирается братія, и являются отъ нея послы въ Москву къ великому князю, съ прося

В, чтобъ пожаловать, велѣлъ богомолье свое, монастырь, оишь, на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, братію собирать іашню пахать. Св. Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель ю на многихъ путяхъ, которые шли отъ Вологды до Сѣ-наго Океана, всѣхъ странниковъ принимали въ монастырь кормили; однажды пришелъ къ преподобному обнищавшій ку-къ просить благословенія идти торговать съ погаными на-рами, которые слывуть Югрою и Печорою; въ другой разъ той-то богатый человекъ принесъ преподобному въ подарокъ вѣстные припасы, но святой велѣлъ ему отнести эти припасы задъ домой и раздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у го голодали. Клопскій монастырь кормилъ странниковъ и лю-и, стекавшихся въ него за пищею во время голода. Кроиъ впятствій со стороны дикой природы, иноки, основатели мо-стырей терпѣли много и отъ язвъ юнаго, неустроеннаго об-ства, много терпѣли отъ разбойниковъ, и отъ сосѣднихъ шлевладѣльцевъ, которые не боялись самоуправствовать. Обы-и отдавать ближайшія земли новопостроеннымъ монастырямъ въ иногда къ тому; что окрестные жители старались раз-рить новую обитель изъ страха, чтобъ монахи не овладѣли ѣ землями ⁵⁹⁵.

Преподобный Сергій, говорится въ житіи его, принималъ какаго къ себѣ въ монастырь, и старыхъ и молодыхъ, и бо-гыхъ и бѣдныхъ, и всѣхъ постригалъ съ радостію; племян-ка своего Юнна (Теодора) преподобный постригъ, когда тому ю 12 лѣтъ. Сначала въ монастыряхъ каждый инокъ имѣлъ де особое хозяйство; но съ конца XIV вѣка замѣчаемъ ста-шія ввести общее житіе; такъ оно было введено въ Троиц-ѣ Сергіевъ монастырь еще при жизни самого основателя; рас-юдѣлили братію по службамъ: одного назначили келаремъ, дру-го подкеларникомъ, иного казначеемъ, уставщикомъ, нѣко-иорыхъ назначили трапезниками, поварами, хлѣбниками, боль-иными служителями, все богатство и имущество монастыр-юе сдѣлали общимъ, запретили инокамъ имѣть отдѣльную юбственность; нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна и

они ушли тайно изъ монастыря Сергіева,⁵⁹⁶ Основателящаго житія въ собственно Московскихъ монастыряхъ является Іоаннъ, архимандритъ Петровскій, сопровождавшій Ми въ Константинополь⁵⁹⁷; въ женскихъ монастыряхъ — игуменъ Алексѣевского монастыря Ульяна⁵⁹⁸; въ уставъ общаго жиданномъ Свѣтогорскому монастырю, читаемъ: ни игуменъ, и братія не должны имѣть ничего своего; не могутъ ни ѣсти ни пить у себя по кельямъ, ѣсть и пить должны въ трапезѣ всѣ вмѣстѣ: одежду необходимую должно брать у игумена изъ обыкновенныхъ, а не изъ Нѣмецкихъ суконъ, шубы и сараи носить безъ пуху, обувь, даже онучи брать у игумена и лишняго платья не держать⁵⁹⁹. Изъ посланій митрополита Фотія въ Киевопечерскій монастырь видна забота его о приведеніи въ лучший порядокъ монастырской жизни⁶⁰⁰. Тотъ же митрополитъ писалъ въ Новгородъ, чтобъ игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денегъ въ ростъ, чтобъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ не жили монахи и монахини вмѣстѣ, чтобъ при женскихъ монастыряхъ были священники бѣлые, не вдовы⁶⁰¹. Эти же заботы наследовалъ Фотія и митрополитъ Іона⁶⁰². Объ избраніи игуменовъ до насъ дошли слѣдующія извѣстія: въ 1433 году братія Нижегородскаго Печерскаго монастыря прислали къ великому князю Васильевичу и матери его съ просьбою о назначеніи имъ въ архимандриты избраннаго ими старца. Великій князь и княгиня исполнили просьбу, велѣли митрополиту поставить избраннаго иноками старца въ архимандриты⁶⁰³; въ 1448 году иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, выбравши себѣ игумены старца Кассіана, послали просить о поставленіи его къ Ростовскому архіепископу, и тотъ, для ихъ прошенія и моленія, благословилъ Кассіана, съ тѣмъ однако, чтобъ онъ слѣдній пріѣхалъ къ нему для духовной бесѣды⁶⁰⁴. — Новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ Свѣтогорскій монастырь: «Велѣлъ я игумену и всѣмъ старцамъ крѣпость монастырскую держать: чернецамъ быть у игумена и у старцевъ и послушаніи и духовнаго отца держать, а кто будетъ противити

нихъ изъ обители отстроивать, при чемъ вклада ихъ не возмещать имъ. Если чернецъ умретъ, то все оставшееся послѣ него имущество составляетъ собственность обители и братскую, мірскіе люди къ нему не должны прикасаться. Если чернецъ, шедши изъ монастыря, станетъ поднимать на игумена и на арцевъ мірскихъ людей или судей, такой будетъ подъ тягостію церковною, равно какъ и тѣ міряне, которые вступятся монастырскія дѣла. Если же произойдетъ ссора между брадами, то судить ихъ игумень съ старцами, причетниками и простами Св. Богородицы, а міряне не вступаются⁶⁰⁶. Но знаемъ, что монастыри, основанные иждивеніемъ князей и другихъ лицъ, находились въ завѣдываніи этихъ лицъ и слѣдниковъ ихъ: такъ Волинскій князь Владиміръ Васильвичъ завѣщалъ основанный имъ монастырь Апостольскій имъ своей⁶⁰⁶; этимъ объясняется, почему братія Печерскаго ижегородскаго монастыря прислали въ Москву къ великому князю испрашивать утвержденія избранному ими игумену.

Монастыри владѣютъ большою недвижимою собственностію: изья продаютъ имъ свои села, покупаютъ села у игуменовъ, изволяютъ покупать земли у частныхъ лицъ, дарятъ, завѣщаютъ по душѣ, монастыри берутъ села въ закладъ, частныя лица даютъ монастырямъ села по душѣ. Отъ описываемаго времени дошло до насъ множество грамотъ княжескихъ монастырямъ съ пожалованіемъ разныхъ льготъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ: давались селища монастырю, и люди, оторыхъ игумень перезоветъ сюда, освобождались ото всѣхъ повинностей на извѣстное число лѣтъ; давались населенныя земли съ освобожденіемъ старожилцевъ и новопризываемыхъ крестьянъ отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена, съ тѣмъ однако, что когда придетъ Татарская янь, то игумень за монастырскихъ людей платитъ по силѣ; крестьяне освобождались отъ даней, пошлинъ и повинностей, но если придетъ изъ Орды посолъ сильный, и нельзя будетъ его опровергнуть, то архимандритъ съ крестьянъ своихъ поюгаетъ въ ту тягость, однако и тутъ князь не посылаетъ къ

монастырскихъ людей ни за чѣмъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлннъ, съ условіемъ платежа денежнаго оброка казну княжескую одинъ разъ въ годъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлннъ съ тѣмъ, чтобъ давали сотнику оброка Юрьевъ день вешній и осенній по три четверти; наконецъ освобождались отъ всякихъ даней, пошлннъ и повинностей вѣчныя времена безо всякихъ условій: иногда игумень получалъ право держать въ монастырѣ свое пятно: монастырскіе крестьяниннъ, купившій или вымѣнившій лошадь, платилъ въ монастырѣ, за что платилъ игумену извѣстную пошлну; монастырскій крестьяниннъ, продавшій что-нибудь на торгу на селѣ, платилъ тамгу также игумену въ монастырѣ: если онъ пропаянится или протажится (утаитъ пятно или тамгу) то за вину платилъ опять въ монастырѣ; наместничьимъ, боярскимъ и всякимъ другимъ людямъ запрещалось ѣздить и званымъ на пиры къ монастырскимъ людямъ: послѣдніе освобождались отъ обязанности ставить у себя ѣздоковъ, или гонцовъ, посылаемыхъ для правительственныхъ нуждъ, давали имъ кормы, подводы и проводниковъ, кромѣ того случая. Если гонцы ѣхали съ военнымъ извѣстіемъ; монастырскіе люди освобождались отъ мыта даже и въ чужихъ областяхъ княжескихъ или послѣднихъ; торговой монастырской лодѣ позволялось ходить со всякими товарами во всякое время, будетъ ли тина въ землѣ, или нѣтъ; дозволялось возить монастырское сѣно и рѣвкѣ, когда другимъ заповѣдано было ѣздить по ней; монастырскіе люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались отъ поватажной и отъ всякихъ другихъ пошлннъ; монастыри освобождались отъ военного постоя; посланнымъ княжескимъ запрещалось даже ставиться по извѣстнымъ монастыремъ, дѣлать себѣ тутъ перевозъ, и брать себѣ на перевозъ людей и суда монастырскіе. Крестьяне монастырскіе освобождались отъ суда наместниковъ, волостельскихъ княжескихъ и тіуновъ ихъ: игумень вѣдалъ самъ своихъ людей во всѣхъ дѣлахъ и судилъ ихъ самъ или тотъ, кому приказывалъ; иногда право суда давалось вполнѣ, во всѣхъ дѣ-

съ, гражданскихъ и уголовныхъ, иногда съ ограниченіями: иногда исключалось душегубство, иногда виѣсть съ душегубомъ и разбой, иногда, виѣсть съ душегубствомъ и разбой, татьба съ поличнымъ; въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьянскіе монастырскіе освобождаются отъ княжескаго суда съ тѣмъ условіемъ, чтобъ давали волостелю два корма на годъ: на Крестово и на Петровъ день; кормы эти опредѣляются такъ: на Рождество Христово съ двухъ плуговъ по пяди мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; не любятъ, такъ виѣсто его два алтына, не любятъ мѣхъ овса — виѣсто его алтынъ, не любятъ возъ сѣна — алтынъ, не любятъ бобы — за ковригу по деньгѣ; — на Петровъ день съ двухъ плуговъ барана и 10 хлѣбовъ, не любятъ баранъ — десять деньгъ. Когда игумень имѣлъ право суда, то въ случаѣ суда волостнаго, т. е. при тяжбѣ монастырскихъ людей съ городскими и волостными, намѣстникъ или тиунъ его судилъ виѣсть игуменомъ или его приказчикомъ. Иногда игумену давалось право назначать срокъ для смѣсныхъ судовъ; когда игумень имѣлъ права уголовного суда, то встрѣчаемъ въ грамотахъ распоряженіе, что намѣстникъ или тиунъ долженъ отдать плуговца на поруку и за тою порукою поставить передъ яземъ; встрѣчается также распоряженіе, что намѣстникъ и тиунъ не беретъ съ монастырскихъ крестьянъ за мертвое тѣло, ни человѣкъ съ дерева убьется или на водѣ утонетъ; слуги монастырскіе освобождаются отъ обязанности цѣловать крестъ: роты ихъ стоятъ у креста. Въ случаѣ иска на игуменовъ или приказчикъ судить его самъ князь или бояринъ введенный; если пріѣдетъ приставъ княжескій по людей монастырскихъ, то даетъ имъ извѣстное число сроковъ для явки къ суду — два, три, иногда позволяется монастырскимъ людямъ самимъ договариваться между собою сроки вольные. Встрѣчаемъ грамоты, которыми даются монастырямъ села со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, кромя людей страдныхъ и кромя суда. Иногда даются монастырю села, съ условіемъ, чтобъ его не продать и не мѣнять; крестьяне освобождаются отъ даней и по-

пашинъ, съ условіемъ, чтобъ не принимать на монастырскія земли тяглыхъ людей княжескихъ. Встрѣчаемъ извѣстія, что монастырей во владѣніи находились соляныя варницы, относительно которыхъ давались также особенныя льготы; князья приказывали посельскимъ или управителямъ своимъ давать извѣстные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, сало, рыбу; встрѣчаемъ жалованныя грамоты монастырямъ на рѣчные ловли и бобровые гоны; Соловецкій монастырь, по Новгородской вѣчевой грамотѣ, получалъ десятину отъ всѣхъ промысловъ, производимыхъ на принадлежащихъ ему островахъ; и которые монастыри получали десятину съ извѣстныхъ сель. Что касается до женскихъ монастырей, то имъ давались такія льготы, какъ и мужескимъ; иногда игуменья получала право только гражданскаго, но и уголовного суда надъ крестьянами своего монастыря; встрѣчаемъ впрочемъ распоряженія, по которымъ управленіе селами поручалось священникамъ, доходы дѣлились пополамъ между священниками и игуменьею съ чернецами. Частныя лица давали села въ монастырь съ условіемъ, чтобъ игумень держалъ общее житіе, чтобъ чернецовъ держалъ какъ его силы позволяютъ, и держалъ такихъ, которые ему любъ; чтобъ игумень и чернецы собишь (отдѣльной собственности) имѣли; если игумень пойдетъ прочь изъ монастыря, то игумень дастъ отчетъ (уцетъ) чернецамъ; выговаривалось условіе, что игумень не принималъ на монастырскія земли половниковъ и охотныхъ людей съ земель отчинника, давшего села въ монастырь.

Что монастырскіе крестьяне обязаны были давать монастырю и дѣлать для него въ описываемое время, объ этомъ можно получить свѣдѣнія изъ уставной грамоты митрополита Кириана Константиновскому монастырю: большіе люди изъ монастырскихъ сель, т. е. имѣвшіе лошадей, церковь наряжалъ монастырь и дворъ обводили тыномъ (тынили), хоромы ставили игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и сжигали, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, въ бѣшеній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали; на Ве-

ъ день и на Петровъ день приходили къ игумену съ приами (приходили — что у кого въ рукахъ); пѣшеходцы имѣвшіе лошадей) изъ селъ къ празднику рожь молотили, жбъ пекли, солодъ молотили, пиво варили, на семя рожь молои, ленъ дастъ игумень въ село — и они прядутъ, сѣжи и дѣли юдныя наряжаютъ; на праздникъ даютъ всѣ люди яловицу; къ которое село пріѣдетъ игумень на братчину, даютъ овесъ іамъ его⁶⁰⁷.

Не смотря однако на богатое надѣленіе монастырей недвижимымъ имуществомъ, въ описываемое время существовало инѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами? Митропигтъ Кипріанъ писалъ къ игумену Аванасію: «Святыми отци не предано, чтобъ инокамъ держать села и людей. Какъ жно человѣку, разъ отрешемуся отъ міра и всего мірскаго, изываться опять дѣлами мірскими, и снова созидать раззозное? Древніе отцы селъ не пріобрѣтали и богатства не пили. Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое тебѣ князь въ настырь далъ, что съ нимъ дѣлать? Вотъ мой отвѣтъ и согъ: если уповаешь съ братією на Бога, что до сихъ поръ опиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаеть, то зачѣмъ изываться мірскими попеченіями, и вмѣсто того, чтобъ патовать о Богѣ и Ему единому служить, памятовать о селлахъ мірскихъ заботахъ? Подумай и о томъ, что когда чернецъ заботится ни о чемъ мірскомъ, то отъ всѣхъ людей любимъ почитаемъ; когда же начнетъ хлопотать о селлахъ, тогда жно ему и къ князьямъ ходить, и къ властелямъ, суда истъ, защищать обиженныхъ, ссориться, мириться, поднимать льшой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ стаетъ селами владѣть, мужчинъ и женщинъ судить, часто ходить с нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ рянина? а съ женщинами сообщаться и разговаривать съ ими — чернецу хуже всего. Если бы можно было такъ сдѣить: пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобъ чернецъ нкогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому-нибудь рянину богобоязненному, который бы хлопоталъ объ немъ,

а въ монастырь привозилъ готовое жито и другіи припасы: потому что пагуба черноцамъ селами владѣть и тутъ часто ходить⁶⁰⁸.»

Въ Руси югозападной продолжался также обычай надѣлять монастыри недвижимиими имуществами и селами: князь Волинскій Владиміръ Васильковичъ купилъ село и далъ его въ Амстольскій монастырь⁶⁰⁹. Тому же обычаю слѣдовали и прамславные потомки Гедиминовы⁶¹⁰. Здѣсь, на югозападѣ, встречаемъ жалованныя грамоты княжескія монастырямъ, по которымъ люди послѣднихъ освобождались отъ суда намістничьяго тіунскаго и отъ всѣхъ даней и повинностей; если митрополитъ поѣдетъ мимо монастыря, то архимандрита не судить, и мѣждовъ у монастырскихъ людей не беретъ, равно какъ мѣстный епископъ: судить архимандрита самъ князь; если и владыкъ будетъ до архимандрита дѣло духовное, то судитъ князь съ владыкою; владычніе десятники и городскіе люди монастырскихъ также не судятъ⁶¹¹.

Таково было состояніе церкви. Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ также можно получить понятіе о нравственномъ состояніи общества. Такъ дошла до насъ уставная Двинская грамота великаго князя Василья Дмитріевича, данная во время непродолжительнаго присоединенія Двинской области къ Москвѣ. Эта уставная грамота раздѣляется на двѣ половины: въ первой заключаются правила, какъ должны поступать намістники великокняжескіе относительно суда, во второй торгово-льготы Двинянамъ. Въ первой, судной половинѣ грамоты, излагаются правила, какъ поступать въ случаѣ душегубства, нанесенія ранъ, побоевъ и брани боярину и слугѣ, драки и пиру, переоранія или перекошенія межи, въ случаѣ воровства, самосуда, неявленія обвиненнаго къ суду, убійства холопа господиномъ. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе: если же не найдутъ, то должны заплатить известную сумму денегъ намістникамъ. Если кто выбрантъ или пріятель

ина или слугу, то намѣстники присуждаютъ плату за естество, смотря по отечеству обезчещеннаго; но, къ со- знанію, мы не знаемъ здѣсь самаго любопытнаго, и именно — руководились намѣстники при опредѣленіи этого отечества. Почему очень важно уже, что въ Двинской грамотѣ полагается взисканія за обиды словесныя, тогда какъ въ «Русской вѣдѣ» о нихъ не упоминается. Случится драка на пиру, и сорившіеся помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстники юряне не берутъ за это съ нихъ ничего, если же поми- ря, вышедши съ пиру, то должны дать намѣстникамъ по ищѣ. При переораніи или перекошеніи межи различается, ушена ли межа на одномъ полѣ, или между селами, или онецъ нарушена будетъ межа княжая. Если кто у кого вѣтъ покраденную вещь, то владѣлецъ ея сводитъ съ себя виненіе до десяти изводовъ: съ уличеннаго вора въ первый берется столько же, сколько стоитъ украденная вещь, во второй разъ берутъ съ него безъ милости, въ третій вѣшаютъ; всякій разъ его пятнаютъ. За самосудъ платится четыре дни: самосудомъ называется тотъ случай, когда кто-нибудь, имавъ вора съ поличнымъ, отпустить его, а себя посулъ вѣдетъ. Обвиненнаго куютъ только тогда, когда нѣтъ по- сти. Обвиненный, не явившійся къ суду, тѣмъ самымъ про- сываетъ свое дѣло: намѣстники даютъ на него грамоту вѣную безсудную. Если господинъ, ударивши холопа или вѣ, ненарокомъ причинитъ смерть (огрѣшится — а случится ерть), то намѣстники не судятъ, и за вину ничего не вѣдутъ⁶¹².

Уже выше упомянуто было о судныхъ грамотахъ, данныхъ кову князьями Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ и константиномъ Дмитріевичемъ Московскимъ: до насъ дошелъ орникъ судныхъ правилъ, составленный изъ этихъ двухъ вѣмотъ, равно какъ изъ приписковъ къ нимъ всѣхъ другихъ жовскихъ судныхъ обычаевъ (пошлинь)⁶¹³. Здѣсь относи- тельно убійства встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: Гдѣ вѣинится головщина, и уличать головника, то князь на

головникахъ возьметъ рубль продажи; убьетъ сынъ или братъ брата, то князю продажа. Относительно воровства встрѣчаемъ постановленіе, сходное съ постановленіемъ, заключающимся въ Двинской грамотѣ: дважды отпускается, берется съ него только денежная пеня, рублинъ украденнаго, но въ третій разъ онъ казнится смертью; это правило имѣетъ силу впрочемъ тогда только, когда покровитель произойдетъ на посадѣ; воръ же, покрывшій въ Кромнои родѣ, также воръ коневый, виѣсть съ перевѣтникомъ и за гальщикомъ подвергаются смертной казни за первое преступленіе⁶¹⁴. Касательно споровъ о землевладѣніи четырехъ и пятилѣтняя давность рѣшаетъ дѣло. Довольно подробно говорится о займахъ, о дачѣ денегъ или вещей на сохраненіе; заемныя записи, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ зывались досками; чтобъ эти доски имѣли силу, нужно, чтобъ копія съ нихъ хранилась въ ларѣ, находившемся въ соборной церкви Св. Троицы; позволялось давать займы безъ заклада и безъ записи только до рубля; ручаться позволялось также въ суммѣ не болѣе рубля. Касательно семейныхъ отношеній встрѣчаемъ постановленіе, что если сынъ откажется кормить отца или мать до смерти, и пойдетъ изъ дому, онъ лишается своей части въ наслѣдствѣ. Относительно наслѣдства говорится, что если умретъ жена безъ завѣщанія (рукописанія), оставивъ отчину, то мужъ ея владѣетъ этою отчиною до своей смерти, если только не женится въ другой разъ; то же самое и относительно жены; встрѣчаемъ указъ на случай, когда старшій братъ съ младшимъ живутъ на одномъ хлѣбѣ. Довольно подробно говорится о спорахъ между домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ (государями) и ихъ наемниками, насельниками ихъ земель, между мастерами и учениками: эти подробности впрочемъ касаются преимущественно случаевъ неисполненія обязательствъ и назначенія срока, когда одинъ могъ отказывать, а другой отказываться: срокъ этотъ былъ Филипово заговѣнье, т. е. 14 Ноября; при поселеніи насельникъ получалъ отъ хозяина *покругу*, т. е. подмогу и

ду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ
 егъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ,
 боловныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго. Судебныя дока-
 ельства: свидѣтельство, или послушничество, клятва и поле,
 судебный поединокъ; въ случаѣ, если одно изъ тяжу-
 хся лицъ будетъ женщина, ребенокъ, старикъ, больной,
 чный или монахъ, то ему дозволялось нанимать вмѣсто себя
 ца для поля, и тогда соперникъ его могъ или самъ выхо-
 ь противъ наемника, или также выставить своего наемника;
 если будутъ тягаться двѣ женщины, то онѣ должны сами
 кодить на поединокъ, а не могутъ выставить наймитовъ.
 стомъ суда назначены сѣни княжескія, и именно сказано,
 бь князь и посадникъ на вѣчѣ суда не судили. Когда на
 о дойдетъ жалоба, то позовникъ отправлялся на мѣсто
 гельства позываемаго и требовалъ, чтобъ онъ шелъ къ цер-
 1 слушать позывную грамоту (позывницу); если же онъ не
 ьдетъ, то позовникъ читалъ грамоту на погостѣ, предъ
 шенникомъ, и если тогда, не прося отсрочки, позываемый
 являлся на судъ, то сопернику его давалась грамота, по
 горой онъ могъ схватить его, при чемъ тотъ, кто имѣлъ
 кую грамоту (ограмоцій), схвативши противника, не могъ
 бить его, ни мучить, но только поставить предъ судьей; а
 гъ, на кого дана была грамота (ограмочный), не могъ ни
 ться, ни колотья противъ своего противника. Тяжущіеся
 (тяжники) могли входить въ судную комнату (судебницу)
 лько вдвоемъ, а не могли брать помощниковъ; помощникъ
 пускался только тогда, когда одно изъ тяжущихся лицъ была
 нщина, ребенокъ, монахъ, монахиня, старикъ или глухой;
 ли же въ обыкновенномъ случаѣ кто вздумаетъ помогать
 жущимся, или силою взойдетъ въ судебницу, или ударить
 идверника (подверника), то посадить его въ дыбу и взять
 ню въ пользу князя и подверниковъ, которыхъ было двое:
 инъ отъ князя, а другой отъ Пскова. Посадникъ и всякое
 ругое правительственное лице (властель) не могъ тягаться за
 руга, могъ тягаться только по своему собственному дѣлу

или за церковь, когда былъ церковнымъ старостою. Въ случаѣ тяжбы за церковную землю на судъ ходили одни старсты, сосѣди не могли идти на помощь.

Какъ въ Двинской, такъ и въ Псковской грамотѣ называется прямо смертная казнь за извѣстные преступленія, и примѣръ, за троекратное воровство, зажигательство и пр. но въ обѣихъ грамотахъ умалчивается о душегубствѣ; казнили въ описываемое время за смертоубійство смертію, или отдавали уставу сыновей Ярославовыхъ? — этого вопроса мы можемъ рѣшить; въ жалованной грамотѣ Кириллову монастырю князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій говоритъ, что въ случаѣ душегубства въ селахъ монастырскихъ должно отдавать душегубца на поруку, и за тою порукою поставить его переманить, княземъ, а онъ самъ исправу учинить; если убійцы не будетъ на-лицо, то брать виры за голову рубить Новгородскій; но какъ чинилъ исправу князь, мы не знаемъ, знаемъ только, что по-прежнему люди, уличенные въ извѣстныхъ преступленіяхъ становились собственностію князя: мы знаемъ, что князья упоминають о людяхъ, которые имъ въ руки достались. Что князья предавали смерти лицъ себѣ противныхъ и въ описываемое время, и прежде, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; если Мономахъ и совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не убивать ни правого, ни виноватаго, то это уже самое показываетъ, что убіеніе случалось; при томъ же число князей ограничивалось дѣтьми Мономаха; Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича, Всеволодъ III предалъ смерти враждебнаго Новгородскаго боярина; говорятъ, что казнь Ивана Великого, по приказанію Дмитрія Донскаго совершенная, была первою публичною смертною казнію; но мы не знаемъ, какому преданъ былъ смерти Кучковичъ при Андрѣе Боголюбскомъ, форма здѣсь не главное.

Въ Новгородѣ-Великомъ въ 1385 году установлено следующее: посадникъ и тысяцкій судятъ свои суды по Русскому обычаю, по цѣлованью крестному, при чемъ обѣ стороны берутъ на судъ по два боярина и по два пр

итейскихъ. Судъ иногда отдавался на откупъ: такъ въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Дмитрій въ Новгородѣ отдалъ судъ Бѣжичанамъ и Обонѣжанамъ на три года; въ 1434 году великокняжескій намѣстникъ въ Новгородѣ продалъ Обонѣжскій судъ двумъ лицамъ — Якиму Губеву и Матвѣю Петрову. — Мы видѣли, что въ Псковской удной грамотѣ, при спорахъ о землевладѣніи, четырехъ- или шестилѣтняя давность рѣшала дѣло; но въ одной грамотѣ Іоанна II, 1438 года, есть указаніе на законъ великаго князя Вasilia Дмитріевича, которымъ давность опредѣлена въ 15 лѣтъ⁶¹⁶.

Вотъ картина гражданскаго суда, какъ онъ производился въ писываемое время: предъ судью являются двое тяжущихся — динь монахъ, Игнатій, митрополичій посельскій, другой міряинъ, Семень Терпиловъ. Игнатій началъ: «Жалоба мнѣ, господинъ, на этого Сеньку Терпилова: косить онъ у насъ сию другой годъ лугъ митрополичій, а на лугу ставится 200 опень сѣна, и лугъ тотъ митрополичій изстарины, Сласскаго села.» Судья сказалъ Сенькѣ Терпилову: «отвѣчай!» Сенька началъ говорить: «Тотъ лугъ, господинъ, на рѣкѣ на Шекснѣ — земля великаго князя, а тянетъ изстари къ моей деревнѣ Дорошеевской, а кошу тотъ лугъ я, и сѣно вожу.» Судья спросилъ старца Игнатія: «Почему ты называешь этотъ лугъ митрополичьимъ изстари, Сласскаго села?» Игнатій отвѣчалъ: «Лугъ митрополичій изстари: однажды перекошилъ его у насъ Леонтій Васильевъ, и нашъ посельскій съ нимъ судился и вышелъ правъ; грамота правая у насъ на тотъ лугъ есть, а вотъ, господинъ, съ нею списокъ передъ тобою, подлинная же въ казнѣ митрополичьей, и я положу ее передъ великимъ княземъ.» Судья велѣлъ читать списокъ съ правой грамоты, и читали слѣдующее: Судилъ судъ судья великой княгини Марѣы, Васильевъ Ушаковъ, по грамотѣ своей государыни, великой княгини. Ставши на землѣ, на лугу на рѣкѣ Шекснѣ, передъ Васильемъ Ушаковымъ, митрополичій посельскій Данило такъ

сказалъ: «Жалоба мнѣ, господинъ, на Леонтія Васильева сынъ перекошилъ онъ пожню митрополичью, ту, на которой стоишь. Судья сказалъ Леонтію: «отвѣчай!» Леонтій началъ: «Я, господинъ, эту пожню косилъ, а межи не вѣдаю; эту пожню заложилъ мнѣ въ деньгахъ Сысой Савеловъ: а вотъ, господинъ, тотъ Сысой передъ тобою.» Сысой сталъ говорить: «Эта пожня, господинъ, моя; заложилъ ее Леонтію я, и указалъ я ей косить по тѣмъ мѣстамъ, которыя Данило называетъ своими; по сихъ поръ моей пожнѣ была межа по эти мѣста. А теперь, господинъ, вели Даниловымъ знахарямъ указать межу; если укажутъ, такъ и будетъ, душа ихъ подниметь, а у меня и по пожнѣ разводныхъ знахарей нѣтъ.» Судья спросилъ митрополичьяго поселскаго Данила: «Кто у тебя знахари на этой пожню, на разводныя межи?» Данило отвѣчалъ: «Есть у меня, господинъ, старожилцы, люди добрые, Уваръ, да Гавшукъ, да Игнатъ; а вотъ, господинъ, эти знахари стоятъ передъ тобою.» Судья обратился къ Увару, да къ Гавшуку, да къ Игнату: «Скажите, братцы, по правдѣ, знаете ли, гдѣ митрополичья по жня съ Сысоевою межа? поведите насъ по межѣ.» Уваръ, Гавшукъ и Игнатъ отвѣчали: «Знаемъ, господинъ; ступай за нами, мы тебя по межѣ поведемъ.» И повели они ихъ подлѣсья отъ березы да насередъ пожни къ тремъ дубамъ да на берегъ по ветлу по виловатую, по самыя разохи, и тутъ сказали: «По сихъ поръ знаемъ: это межа митрополичья по жня съ Сысоевою.» Судья спросилъ Сысою: «А у тебя есть ли знахари?» Сысой отвѣчалъ: «Знахарей у меня нѣтъ: ихъ душа подниметь.» Тогда обоимъ истцамъ назначенъ былъ срокъ стоять передъ великою княгинею у доклада; поселскій Данило стоялъ на срокъ, но Сысой не явился, въ слѣдствіе чего Данило оправдалъ и пожню присудилъ къ митрополичьей землѣ; а судьи были мужи: староста Арбужевскій Костя, Левъ Софронъ, Костя Савинъ Дарына, Лева Якимовъ, Сенька Терпиловъ.

Когда прочли правую грамоту, судья спросилъ у Сеньки Терпилова: «Ты написанъ въ этой грамотѣ суднымъ мужемъ, былъ ли такой судъ Леонтію Васильеву съ митрополичьей

ельскимъ Данилкою объ этомъ лугу, и ты былъ ли на судѣ?»
 нька отвѣчалъ: «Былъ такой судъ и я былъ на немъ въ
 кахъ, а все же изстари этотъ лугъ—земля великаго князя
 и деревни Дороевской.» Судья спросилъ у старца Игна-
 : «Кромѣ вашей правой грамоты есть ли у тебя на этотъ
 ѣ иной доводъ? Кто знаетъ, что этотъ лугъ митрополичій
 тарины, и Сенька Терпиловъ косилъ его два года?» Игна-
 отвѣчалъ: «Вѣдомо это людямъ добрымъ, старожильцамъ:
 ану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Франику,
 Лукъ Давидову, а вотъ эти старожильцы, господинъ, пе-
 цѣ тобою.» На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили по-
 наніе Игнатія, и сказали: «Поѣзжай, господинъ судья, за
 ни, и мы отведемъ между этому лугу съ великокняжеской
 ледю.» И повели Игнатъевы старожильцы съ верхняго конца,
 ивоваго куста изъ подлѣся на голенастый дубъ, на вислый
 къ, къ рѣкѣ Шекснѣ на берегъ, и сказали: «съ правой сто-
 ны земля великокняжеская, а съ лѣвой лугъ митрополичій...»
 гда судья спросилъ у Сеньки Терпилова: «А ты почему зо-
 пь этотъ лугъ великокняжескимъ, кому это у тебя вѣдомо?»
 нька отвѣчалъ: «Вѣдомо добрымъ людямъ, старожильцамъ
 вхъ волостей, и вотъ, господинъ, эти старожильцы передъ
 бою.» На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показа-
 : Сеньки, и повели судью также показывать настоящія межи.
) Игнатъевы старожильцы сказали судѣ: «Эти Сенькины ста-
 жильцы свидѣтельствуютъ живо, и отводятъ лугъ митропо-
 чій безмежно. Дай намъ, господинъ, съ ними цѣлованье: мы
 луемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ изстари
 трополичій.» Сенькины старожильцы также сказали: «цѣлу-
 ь животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ великкня-
 скій изстари.» Тогда судья сказалъ, что доложить государя,
 дикаго князя всея Русіи, передъ которымъ велѣлъ старцу
 натию положить свою правую грамоту⁶¹⁷.

Отъ описываемаго же времени дошли до насъ разнаго рода
 иридическіе акты: записи купчія, мѣновныя, данныя, отводныя,
 вныя, заемныя и закладныя, раздѣльныя, духовныя. Въ куп-

чихъ означается прежде всего лице покупающее и лице продающее: «Се купи» такой-то у такого-то. Иногда покупка производится цѣлымъ племенемъ, нѣсколькими братьями, цѣлаго же племени, которое владѣть землею нераздѣльно; такіе братья-совладѣльцы называются братениками, сябрани. Иногда покупали землю двое, какъ видно, чужихъ другъ другу людей, и вносили въ купчую условіе, что если одинъ изъ покупателей или дѣти его захотятъ отказаться отъ своей покупки, то не должны продавать своего участка никому и другому покупателю и дѣтей его. Между покупателями видны лица духовныя, священниковъ, монаховъ; игумены покупали землю для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встрѣчаемъ женщинъ замужнихъ, которыя продаютъ землю полученную ими въ приданое, но къ ихъ имени присоединяется и мужнее имя: «Се купи такой-то у такой-то и у ея мужа». Иногда мужъ покупалъ землю у своей жены, у ея зятя и у его жещи. После имени покупателя и продающаго подробно означается предметъ купли и цѣна, за него заплаченная, при чемъ обыкновенно къ суммѣ денегъ прибавляется пополнокъ, большею частію какое-нибудь животное, напримѣръ: «И далъ за ту землю три рубля, а свинью пополнка.» Далѣе означается, произведена ли купля на извѣстное число лѣтъ, или на вѣки; послѣнее условіе выражается словомъ: одерень: «А купи со одерень и своей братьи,» или: «и своимъ дѣтемъ.» Означается что земля продана вмѣстѣ съ грамотами на нее, или означается у кого эти грамоты находятся. Если покупаютъ нѣсколькими братьевъ, то означается, какому брату владѣть сколько частями купленной земли. При покупкѣ земли означаются межи, или говорится просто: «по старымъ межамъ.» Вносится условіе, что если кто-нибудь станетъ предъавлять свои права на купленную землю, то очищать ее обязанъ продавецъ и его дѣти, въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, чтобъ покупатель не продавалъ земли никому кромя земли каждой грамотѣ видимъ имена нѣсколькихъ свидѣтелей или слуховъ, которые иногда называются просто людьми, бывши

заводи, т. е. при опредѣленіи границъ продаваемой земли. говорится обыкновенно, что у печати стоялъ и землю завелъ гь продавецъ; но иногда встрѣчаются и другія лица при обо- въ дѣйствіяхъ. Означается также имя писавшаго грамоту — щенника, дьякона, дьяка, церковнаго дьяка ⁶¹⁸. Въ началѣ ічей Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что она совершена съ юма тіуна княжескаго ⁶¹⁹. — Въ приданныхъ записяхъ озна- нись имена обоихъ родителей, равно какъ имена зятя и до- ни; въ концѣ грамоты писались также имена послуховъ и икладывалась печать, при которой стоялъ отецъ ⁶²⁰. Въ раз- ьныхъ грамотахъ дѣлившіеся родственники, напримѣръ дядя племянникомъ, уговаривались, что если у одного изъ нихъ будетъ дѣтей (отрода), или захочетъ онъ свой участокъ ъмвнять, продать, приказать кому-нибудь, то онъ не дол- нъ этого дѣлать мимо другаго отдѣливагося родственника и раздѣлъ, свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ были люди доб- е; за нарушеніе условій нарушитель въ Новгородѣ обязанъ лъ дать князю и владыкѣ известную сумму денегъ ⁶²¹. Въ ковныхъ грамотахъ завѣщатели, имѣя женъ, приказываютъ ущество матери своей и сыновьямъ, отчину и дѣдину, землю зоду, по отцовской грамотѣ и по владѣнью; распоряжаются ядью дерноватою; въ другихъ завѣщаніяхъ имѣніе прика- вается женѣ и сыновьямъ; жена, если, оставшись вдовою, нетъ сидѣть въ имѣніи мужа, то будетъ господарынею въ ъмъ имѣніи; если же выйдетъ замужъ, то беретъ въ надѣ- къ известную сумму денегъ; также беретъ назадъ все свое даное; въ нѣкоторыхъ же завѣщаніяхъ говорится, что въ комъ случаѣ нѣтъ ей участка ни въ чемъ. Если по смерти вѣщателя родится у него сынъ, то ему равная доля съ стар- ни братьями, если дочь, то братья выдаютъ ее замужъ по лѣ; при распоряженіи имуществомъ, иныя земли завѣщатель дить между сыновьями, другія оставляетъ имъ въ обще адвнѣ. Если завѣщатель оставляетъ малолѣтнихъ сыновей, до ихъ возраста родственникъ, напримѣръ братъ, ѣздитъ по мамъ и владѣетъ людьми, а хлѣбъ, деньги и дары идутъ ма-

тери и сыновьямъ. Въ случаѣ смерти сыновей, завѣщатель даетъ половину своего имѣнія брату, а другую половину лить продать и вырученное роздать по церквамъ на похвене, челядь дерноватую отпустить на волю. Въ законѣ завѣщатель поручаетъ оставляемую семью извѣстнымъ лицамъ, иногда цѣлой улицѣ въ Новгородѣ⁶²². Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно наслѣдства обращались къ помощи церковной: такъ одна вдова обратилась къ митрополиту Киприану съ вопросомъ: что ей дѣлать? мужъ ея умеръ естественною смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, есть пріемышь (пріимачекъ). Митрополитъ рѣшилъ, что она имеетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ своего, поминать душу послѣдняго, дѣтя свое пріемное кормить и распорядиться мужниимъ имѣніемъ въ завѣщаніи какъ хочетъ. Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ законы мировыя⁶²⁴.

Что касается до юридическихъ понятій въ югозападной Русской Руси, то земскою привилегіею великаго князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто изъ князей, пановъ и мѣщанъ, не казнится смертію и не наказывается чѣмъ-либо доносомъ, явному или тайному, или по подозрѣнію прежде нежели будетъ уличенъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиненнаго. За чужое преступленіе никто другой кромѣ преступника не наказывается, ни жена за преступленіе мужа, ни отецъ за преступленіе сына, и на обоихъ также никакой другой родственникъ, ни слуга. Иностранцы могутъ получать должности и земель въ Литвѣ. — Относительно положенія жены по смерти мужа находимъ такое распоряженіе, какое мы видѣли въ Псковской судной грамотѣ и въ Новгородскихъ духовныхъ: вдова остается въ вѣдовствѣ мужа, пока не выйдетъ замужъ; въ этомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; если послѣдній назначилъ женѣ изъ своего имѣнія какое-нибудь вѣно, то оно остается при ней и въ томъ случаѣ, когда она вступитъ во второй бракъ⁶²⁵.

Мы видимъ въ сѣверовосточной Россіи, что имущество жены было отдѣльно отъ имущества мужа; жена не могла продать этого приданого безъ согласія мужа, продавали они его вмѣстѣ, и чѣмъ имя жены стоитъ прежде имени мужа. Видимъ, что она продаетъ свое имѣніе мужу. По «Русской Правдѣ» за частныя преступленія преступникъ выдавался князю на пошль со всѣмъ семействомъ; безъ сомнѣнія это правило имѣло силу и въ описываемое время. Но отвѣчала ли жена за долги мужа, за нарушеніе имъ частныхъ правъ? Въ первомъ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами положено было, что должникъ-земельщикъ отдается заимодавцу въ рабство со всѣмъ семействомъ; во второмъ договорѣ эта статья измѣнена такъ: если жена поручалась за мужа, то въ случаѣ неплатежа отдается въ рабство, если же не поручалась, то оставалась своною. Но изъ этой статьи договора съ Нѣмцами слѣдуетъ заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри Россіи? Не имѣя другихъ доказательствъ, мы считаемъ себя правъ сомнѣваться, ибо въ договорѣ съ Нѣмцами затрогивались особаго рода интересы: важно было ограничить выводъ людей изъ Новгородской области въ чужую сторону, правившихъ къ иновѣрцамъ. Въ «Русской Правдѣ» наприм. было положено, что жена и дѣти холопа не выдаются за преступленіе мужа и отца, если они не участвовали въ этомъ преступленіи, но здѣсь дѣло не въ томъ, что они не отвѣчаютъ за преступленіе, ибо въ переходѣ отъ одного господина къ другому для нихъ нѣтъ еще наказанія; здѣсь дѣло въ томъ, что господинъ за преступленіе одного изъ своихъ холопей не долженъ лишаться нѣсколькихъ, слѣд. здѣсь правило устанавливается въ слѣдствіе вліянія особаго интереса.

Изъ правыхъ грамотъ видимъ, что и на югозападѣ споры о границахъ владѣній рѣшались также, какъ и на сѣверовостокѣ: свидѣтельство старцевъ общихъ въ Литовской Руси имѣетъ такое же значеніе, какъ свидѣтельство знахарей, старожильцевъ, въ Руси Московской ⁶²⁶. Галицкая купчая 1351 года по формѣ сходна съ купчими въ сѣверовосточной Руси ⁶²⁷.

Относительно народного права мы видимъ, что война ведеться такимъ же характеромъ, какъ и прежде, если еще не съ большею жестокостію. Нижегородцы, взявши плѣнныхъ у Морзатравили ихъ собаками ⁶²⁸. Смоленяне, во время похода своего на Литву, младенцевъ сажали на копья, другихъ въ стремглавъ на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами проч. ⁶²⁹; ругательства Псковичей надъ плѣнными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщить нашимъ читателямъ во время похода Московскихъ войскъ на Улу-Махмета, ратники по дорогѣ грабили и мучили своихъ ⁶³¹, Русскихъ; иеремія полить Юна говоритъ о Витчанахъ, что они, во время походовъ своихъ съ Шемякою, много православныхъ нерожили, переморили, иныхъ въ воду пометали, другихъ въ избытокъ пожгли, инымъ глаза выжигали, младенцевъ на колъ сажали, взяли плѣнныхъ болѣе полуторы тысячи, и продавали Тирамъ. Военныя жестокости слѣдовательно могли доходить до ужасныхъ крайностей; но всегда ли доходили — это вопросъ, можно думать, что приведенные случаи были исключенія, которыя условливались особенными обстоятельствами, особенно ожесточеніемъ, и потому заслужили быть упомянуты въ источникахъ, хотя, съ другой стороны, не имѣемъ права предполагать вообще мягкости въ поступкахъ ратныхъ людей въ землѣ непріятельской.

При заключеніи мира, князья сѣверовосточной Руси договариваются возвратитъ всѣхъ плѣнныхъ и все пограбленное во время войны, съ поручителей свести поруку, съ дати присягу свести крестное цѣлованіе, все пограбленное отдать по исправъ; если же не будетъ исправы, то требующіе могутъ по крестному цѣлованью; не возвращается съестное, то, что взято у непріятеля во время боя. Если, въ продолженіе войны, въ отнятой у непріятеля землѣ отнявшій князь самъ своихъ волостелей, то по заключеніи мира обязывался исправовать ихъ поведеніе — и что взято право, то взять, а что криво, то по исправъ отдать. Иногда встрѣчаемъ условіе, князья обязываются отыскать, выкупить и возвратитъ даже

ѣнныхъ, которые были запроданы за границу; иногда князья овариваются не требовать другъ съ друга ничего взятаго во время войны, кромѣ людей, и тѣхъ безъ взятаго у нихъ имущества: «что взято въ наше размирѣе, тому всему погребѣ,» и «тому всему дерть на обѣ стороны.» Въ случаяхъ столкновѣнія между подданными двухъ княжествъ былъ общій судъ: между нами судить судъ общій людямъ старѣйшимъ;» если шіе судьи не смогутъ рѣшить дѣла, то должны передать его рѣшеніе третьяго: на кого третій помолвилъ, виноватый предъ правымъ поклонится и взятое отдастъ; чьи же судьи третій не поѣдутъ, или обвиненный третьимъ не захочетъ полнить приговора, то правый можетъ силою отнять свое, и о не должно считаться нарушеніемъ мира; обѣ общемъ и етейскомъ судѣ обычное выраженіе: «обидному судѣ безъ перевода, а судьямъ нашимъ третій вольный; въ судѣ общій (князьямъ) не вступаться; судьямъ садиться судить, помолвавши крестъ, что имъ судить въ правду, по присягѣ.» Иногда впрочемъ третій обозначается именно на лице; иногда довливаются: «Кто хочеть, тотъ назоветъ три князя христіанскихъ, и изъ этихъ одного выбираетъ тотъ, на комъ ищуть;» или: «Если судьи наши не смогутъ рѣшить дѣла, то вутся на третій; берутъ себѣ третьяго изъ моихъ бояръ лико княжескихъ, двухъ бояръ, и изъ твоихъ большаго боярина одного; третьяго назоветъ тотъ, кто ищеть, а тотъ реть, на комъ ищуть; если же не выберутъ себѣ третьяго изъ этихъ троихъ бояръ, то я имъ третій, князь великій: пусть идутъ передъ меня, я имъ велю выбирать изъ тѣхъ же оныхъ бояръ, и если не захочетъ тотъ, на комъ ищуть, то его обвиню.» Относительно суда встрѣчаемъ еще слѣдующій оборотъ: «Если случится разбой, или наѣздъ, или воровство въ твоей отчины на моихъ людей великокняжескихъ, то суда щаго не ждаты, отослать намъ своихъ судей и велѣтъ дать праву безъ перевода; если же ты не дашь имъ управы, или судьи твои судошь переведутъ, то я свое отниму, и это не сдѣтъ считаться нарушеніемъ мира.» Понятно, что условія

измѣнялись въ слѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ заключался договоръ, въ слѣдствіе того, между какими князьями заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а замыслить рубежъ, то рубежника выдавать по изслѣдованію дѣла: выдавать также по изслѣдованіи дѣла холопа, рабу, и ручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто придетъ изъ одного княжества въ другое за холопомъ или должникомъ поймаешь его самъ безъ пристава, но поставитъ передъ земь, намѣстникомъ или волостелемъ, тотъ не виноватъ; если выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ, будетъ виноватъ; если холопъ станетъ съ кѣмъ тягаться по поруки по себѣ не представитъ, то холопа обвинить и выдать господарю, при чемъ обыкновенно опредѣляется, сколько платитъ пошрины за одного холопа и за цѣлую семью; опредѣляются также и всѣ другія судныя издержки, которыя обвиняющій платитъ истецъ; если же холопъ или раба не станутъ тягаться, то пошринъ нѣтъ. Если по должникъ не будетъ поруки то его обвинить. Вора, разбойника, грабежника, душегубца судить тамъ, гдѣ поймаютъ, если же станетъ проситься изводъ, то пускать. Новгородцы договорились съ Тверью, что если изъ Новгородскихъ волостей явится обвиненіе на Тверскаго вора или разбойника, и Тверичи скажутъ, что такого вора нѣтъ, то пусть его не будетъ и послѣ въ Тверскихъ волостяхъ; если же явится въ нихъ, то выдать его безъ суда ⁶³³.

На сѣверовостокъ мы встрѣчаемъ извѣстіе объ убіеніи посланнаго отъ одного князя къ другому ⁶³⁴; встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ Татарскихъ пословъ въ Нижнемъ: въ 1414 году, Нѣмцы убили Псковскаго посла въ Нейгаузѣ, а Псковичи убили Дерптскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на руки.

На югозападѣ, подъ 1229 годомъ встрѣчаемъ замѣчательное извѣстіе объ условіи, заключенномъ между Кондратомъ М...

цкииъ и Даниломъ Галицкииъ: если когда-нибудь начнется между ними война, то Полякамъ не воевать Русской челяди, Русскимъ Польской. Потомъ и здѣсь встрѣчаемъ также извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ послѣ войны⁶³⁵. Въ договорѣ силія Темнаго съ королемъ Казимиромъ находимъ условіе: «которые люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно, ино шь людямъ вольнымъ воля, гдѣ хотять, тутъ живутъ.» Въ говорахъ великихъ князей Литовскихъ съ Новгородомъ и жовомъ встрѣчаемъ условіе: если великій князь захочетъ чать войну съ Новгородомъ или Псковомъ, то обязанъ приять разметныя грамоты, и можетъ начать войну только спустя мѣсяць послѣ этой присылки. Витовтъ, котораго по справедвости Русскій лѣтописецъ называетъ невѣрникомъ правдѣ, обѣ напасть врасплохъ на Псковичей, послалъ въ 1406 году вметную грамоту не во Псковъ, а въ Новгородъ, подъ едлогомъ старой зависимости перваго отъ послѣдняго, а самъ гупилъ въ Псковскую область. Для предотвращенія впредь добнаго коварства, Псковичи, заключая договоръ съ Казимиромъ, обязали его, въ случаѣ разрыва, отсылать разметную амоту не въ Москву и не въ Новгородъ, но положить ее во жовѣ. Новгородцы, заключая договоръ съ тѣмъ же Казимиромъ, условились, чтобъ Литовскіе послы по Новгородской юсти подвождъ не брали, а Новгородскіе по Литовской⁶³⁶. », какъ видно, между Москвою и Литвою не было условій носительно подданныхъ одного государства, находившихся областяхъ другаго во время разрыва между ними, ибо подъ 06 годоиъ находимъ извѣстіе, что при разрывѣ Витовта съ силіемъ Дмитриевичемъ въ Литвѣ перебили Москвичей.

Что касается до нравственнаго состоянія вообще на Руси въ нысваемое время, то мы уже замѣтили и въ предыдущемъ рюдѣ, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ нравы становятся стче. Понятно, что удаленіе Славянскихъ переселенцевъ въ стыни сѣверовосточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинакой степени ижданственности, и вступленіе въ постоянное сообщество

*
**

только съ народами, стоявшими на нисшей степени, не могли дѣйствовать благопріятно на нравы этихъ переселенцевъ, и нѣтъ, если послѣдніе не только остановились въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ; не забудемъ здѣсь и влияние самой природы, о которомъ была уже рѣчь прежде. Но въ этихъ, собственно географическихъ причинъ, были еще другія историческія, которыя не могли способствовать смягченію нравовъ. Одна географическая отдаленность главной сцены дѣянія не могла на-долго отнять у Русскихъ людей возможность сообщенія съ другими христіанскими народами: мы видимъ, когда сѣверовосточная Русь образовалась въ одно сильное государство, то, начиная со второй половины XV вѣка, является стремленіе къ сообщенію съ другими христіанскими державами; въ продолженіе XVI и XVII вѣка, не смотря на всѣ препятствія, это стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ въ XVIII вѣкѣ видимъ вступленіе Россіи въ систему Европейскихъ государствъ. Слѣдовательно полное усвоеніе Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ условливалось не географическимъ только отдаленіемъ, но преимущественно тѣмъ, что все вниманіе ея было поглощено внутреннимъ, также болѣзненнымъ переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Этотъ-то болѣзненный переходъ и дѣйствовалъ неблагоприятно на нравы. На югѣ мы видимъ сильныя усобицы; усобицы эти шли въ слѣдствіе споровъ за родовыя права: или другой князь становился старшимъ, занималъ Кіевъ въ слѣдствіе своего торжества — отношенія къ нему владѣній оставались прежнія; но и тутъ мы замѣчаемъ большую жестокость, большую неразборчивость средствъ у тѣхъ князей, которые, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, были доведены до крайности, лишались волостей, которыя принуждены были потомъ приобрѣтать и сохранять нечестно. На сѣверѣ же, какъ мы видимъ, измѣнилась цѣль усобицъ, долженъ былъ измѣниться и характеръ ихъ: князья показали ясно, что они борются за старшинство, какъ прежде, но за силу; хотятъ увеличить свои волости, приобрѣсть могущество, и, въ слѣдствіе этого

гущества, подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишить ихъ владѣній. При такомъ характерѣ борьбы нѣтъ рѣчи о правдѣ и обязанностяхъ, каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, а гдѣ человекъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ не можетъ быть выбора средствъ; сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу, слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное зрѣе рушится; сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ нравственнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются недѣйствительными: наши проклятыя грамоты нарушаются также легко, какъ быкновенные договоры; хитрость, двоедушіе слабого получить похвалу, какъ дѣло мудрости: летописецъ хвалитъ князя ярскаго, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ вѣрныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни князя Московскаго, ни Эдигея. Борьба доведенная до крайности, условная и средства крайнія: сперва губили соперниковъ въ Ордѣ; здѣсь могли видѣть еще только слѣдствія судебного приговора, произнесеннаго высшею властію; когда же князья стали являться другъ съ другомъ независимо отъ всякаго чуждаго мнѣнія, и когда борьба, приходя къ концу, достигла крайняго истощенія, является сперва ослѣпленіе, а потомъ и смерть нравственная. Обычай, по которому дружинники свободно уходили отъ одного князя къ другому, обычай, много обидчившій объединеніе сѣверовосточной Руси, съ другой стороны, вредилъ нравственности; поступокъ Румянца и товарищей его въ Нижнемъ-Новгородѣ конечно не можетъ быть приравненъ къ поступкамъ нравственнымъ. Насилія со стороны вѣрныхъ, своихъ и чужихъ (Татарь), хитрость, коварство со стороны слабыхъ, недověрчивость, ослабленіе общественныхъ среди всѣхъ — вотъ необходимыя слѣдствія такого поведенія вещей. Нравы грубыли, привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода материальныхъ побужденій надъ нравственными; грубость нравовъ была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ.

нѣхъ человѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, и не всегда, безопасныхъ; сокровища нравственные имѣли не только въ безопасныхъ убѣжищахъ — въ пустыняхъ, монастыряхъ, теремахъ; женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобъ волею или неволею удержать въ чистотѣ нравственность, чистоту семейную; въ слѣдствіе Византійскаго, или Татарскаго, или какого-нибудь другого вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но въ слѣдствіе извѣстной нравственной эволюціи въ народномъ тѣлѣ; подтвержденіе здѣсь сказанному нами идею мы послѣ въ прѣдѣлахъ извѣстій современниковъ-свидѣтцѣвъ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что случилось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаленіе женщины, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само, въ свою очередь, могло изводить еще болѣе огрубѣніе.

Но хотя это болѣе огрубѣніе въ нравахъ очень замѣтно въ описываемое время, однако историкъ не имѣетъ права сказать уже слишкомъ рѣзкаго различія между нравами описываемого времени и нравами предшествовавшей эпохи въ послѣдней. Мы уже имѣли случай замѣтить, что увѣщаніе Исаакиемъ Мономахомъ дѣтямъ — не убивать ни правого, ни виноватаго, и сколько не служить доказательствомъ, чтобъ подобныхъ убійствъ не было въ его время; мы сомнѣваемся, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ, и не знаемъ, какъ Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Вѣроятно, что отъ временъ Василия Ярославича до Іоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ улицѣ, ни дома; татѣба сдѣлалась общею язвою собственности. Доказательство этихъ словъ приводятъ одно извѣстіе о томъ, что Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойничества и воровъ. Хотя въ источникахъ можно отыскать и болѣе

ий относительно разбоевъ; однако, съ одной стороны, мы скажемъ, чтобъ въ приведенной картинѣ краски не были слишкомъ ярки, а съ другой стороны, нѣтъ основанія предпо- гать, чтобъ прежде было много лучше, и чтобъ въ другихъ сѣднихъ христіанскихъ странахъ въ описываемое время было кже много лучше; въ послѣднемъ усумнится всякій, кто на- имѣръ сравнитъ извѣстія о разбояхъ въ Польскихъ владѣ- ихъ во время Казимира Ягайловича. Говорятъ: легкія денеж- я пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ ровства; но въ XIV вѣкѣ воровъ клеймили и вѣшали, при шь спрашиваютъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій шь, гдѣ человекъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? ъ мы, въ свою очередь, спросимъ: былъ ли дѣйствителенъ ыдъ гражданскій тамъ, гдѣ воръ, отдѣлавшись легкою пе- ю, безъ клейма оставался въ обществѣ? Къ описываемому ъ времени относятъ появленіе тѣлесныхъ наказаній; но мы ке въ «Русской Правдѣ» встрѣтили извѣстіе о мукахъ или десныхъ истязаніяхъ, которымъ виновный подвергался по иказанію княжескому; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ , средніе вѣка, но были, ограничены извѣстными отношеніями словными: у насъ же, въ слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, та- я сословныя отношенія не выработались, откуда и произо- до безразличіе касательно тѣлесныхъ наказаній. Но⁶ если мы ъ можемъ допустить излишней яркости нѣкоторыхъ красокъ ъ картинѣ нравовъ и рѣзкости въ противоположеніи нравовъ исываемаго времени нравамъ предшествовавшей эпохи, то, ъ другой стороны, мы видѣли въ описываемое время причины, торыя должны были вредно дѣйствовать на нравственность родную, измѣнять ее не къ лучшему.

Въ приѣрахъ жестокости наказаній нѣтъ недостатка въ источникахъ; совѣтники молодого князя Василя Александро- ача подверглись жестокииъ наказаніямъ: у однихъ носъ и уши брѣзали, у другихъ глаза выкололи, руки отсѣкли⁶³⁷. Ново- оржцы при Василю Дмитріевичѣ подверглись жестокииъ казняиъ. [одъ 1442 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ, что какихъ-то

Колударова и Режскаго кнутаомъ били; это извѣстіе встало въ разсказъ о войнѣ великаго князя Василія съ Шемякою, потому можно думать, что преступленіе этихъ людей состоитъ въ доброжелательствѣ послѣдному. Подъ 1444 годомъ говорится, что князь Иванъ Андреевичъ Можайскій схватилъ Дмитрія Дмитріевича Мамона и вѣсть съ женою сжегъ въ Можайскѣ; послѣ мы узнаемъ, что эти люди были обвинены въ еретичествѣ. Старое суевѣріе, привычка обвинять вѣдьмъ общественныхъ бѣдствіяхъ сохранялась: Псковичи во время войны сожгли 12 вѣдьмъ. Когда, въ 1462 году, схвачены были дружинники Серпуховскаго князя Василія Ярославича, задуманіе—было освободить своего господаря, то Василій Темный велѣлъ ихъ казнить — бить кнутаомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣчь головы. — Относительно нравственныхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Вятка не была взята вѣнь воеводы Перѣушкова, который благопріятствовалъ Вятчанамъ за посулы⁶³⁸. — Соблазнительная исторія о пояскѣ, который былъ подмѣненъ на княжеской свадьбѣ первымъ великимъ женою, не можетъ дать выгоднаго понятія о тогдашней нравственности. — Вспомнимъ и о страшномъ поступкѣ послѣднѣго Смоленскаго князя Юрія. Лишенный волости, онъ жилъ въ Торжкѣ въ качествѣ намѣстника великокняжескаго. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ изгнанный съ нимъ вѣсть князь Семень Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну, и не находя въ ней взаимности, убилъ ее мужа, чтобы воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены; но Ульяна схватила ножъ; не попавши въ горло насильнику, ранила его въ руку, и бросилась бѣжать; Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечемъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но къ чести тогдашняго общества, мы должны привести слова летописца: «И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того не бѣжъ къ Ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срамъ и безчестія.» Юрій умеръ въ Рязанской землѣ, гдѣ жилъ у купца-статника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ. — Мы видимъ, что митрополиты обратили вниманіе на нравственную кор-

Новгородъ и Псковъ, вооружались противъ буйства, скверно-
вѣя, разводовъ, суевѣрія, клятвопреступленій. Лѣтописецъ
городскій особенно упрекаетъ своихъ согражданъ за гра-
нѣ на пожарахъ: отъ лютаго пожара, бывшаго въ 1267 году,
гдѣ разбогатѣли; описывая пожаръ 1293 года, лѣтописецъ
зритъ: «злые люди пали на грабежъ; что было въ церквахъ,
разграбили, у св. Іоанна сторожа ѹбили надъ имѣніемъ;»
обное же извѣстіе встрѣчаемъ подъ 1311 годомъ, потомъ
въ 1340 и 1342. Лѣтописецъ сильно жалуется также на
нѣкое состояніе правосудія въ Новгородѣ подъ 1446 годомъ:
въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды
равнаго суда, встали ябедники, изнарядили чѣты, обѣты и
стныя цѣлованія на неправды, начали грабить по селамъ,
дѣстамъ и по городу, и были мы въ поруганіе сосѣдямъ на-
гъ, сущимъ окрестъ насъ; были по волости извѣзды вели-
ки бѣды частыя, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ
ей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что
было въ насъ милости и суда праваго.»

Урасть къ вину въ сильной степени выказывается въ нѣкото-
рыхъ извѣстіяхъ, какъ напримѣръ, въ извѣстіи объ осадѣ Мо-
мы Тохтамышемъ; въ описаніи похода Василія Темнаго про-
въ дяди Юрія сказано, что великій князь взялъ съ собою изъ
сквы кунцовъ и другихъ людей, которые были пьяны и везли
собою медъ, чтобъ еще пить. Ссоры, драки, убійства и вся-
каго рода преступленія, по-прежнему, всего чаще происходили
пьяныхъ пирахъ; въ 1453 году великій князь Василій Ва-
сильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и прикащикамъ: «Гово-
рь мнѣ отецъ мой Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ
митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ,
пьяные, и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воров-
ства и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ ми-
трополиту грамоту, что въ его села по праздникамъ, пирамъ и
братчинамъ никому незванымъ не ѣздить.» Чѣмъ далѣе къ сѣ-
веро-востоку, тѣмъ нравы были грубѣе: изъ посланія митропо-
лита Іоны къ Вятскому духовенству узнаемъ, что въ Вяткѣ нѣ-

которые брали по пяти, шести, семи и даже до десяти жён; священники ихъ благословляли и приношенія отъ нихъ приносили въ церковь; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ чанія, иные постригшись въ монахи, разстригались и жились⁶³⁹.

Мы видѣли, что митрополитъ уговаривалъ Новгородцевъ держиваться отъ суетврій; въ 1357 году они утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобъ игранія брата ского не любить, и бочекъ не бить. Но борьбы, кончавшіяся иногда убійствомъ, продолжались повсюду: такъ въ 1390 году въ Коломнѣ на игрушкѣ убитъ былъ Осей, сынъ коринѣ или дядьки великаго князя Василя Димитріевича.

Невыгодное мнѣніе о безопасности общественной мы почерпаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій объ ушкуйничествѣ; извѣстия о разбояхъ, производимыхъ не въ столь обширныхъ размахъ, мы не находимъ въ лѣтописяхъ, но находимъ въ житіяхъ святыхъ. Относительно состоянія общества любоприведенныя нами выше извѣстія — о судьбѣ митрополита десятильника, погибшаго въ Вышгородѣ, и о Лукѣ Московскомъ, который, разбогатѣвъ, не сдерживался уже ничѣмъ въ удовлетвореніи своихъ желаній.

Грубость нравовъ и приведенныя причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитіе. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ; о Димитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василя Темномъ говорится, что онъ былъ не книженъ, ни грамотенъ⁶⁴⁰; учились по-прежнему у лицъ духовнаго званія; такъ въ житіи св. Іоны Новгородскаго говорится, что онъ учился у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей. Но хотя Исидоръ и отзывался о Рускихъ епископахъ, что они некнижны, однако мы должны принимать этотъ отзывъ относительно: грамотность сохранялась въ сословіи духовномъ; книги не могли утратить своего значенія, какъ вмѣстелища религіозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлю для лучшихъ

дей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, жившее средства къ религиозному совершенствованію. Книга и до вѣдательнаго продолжала считаться сокровищемъ; во время штамышевой осады, въ Москву со всѣхъ сторонъ снесено много множество книгъ; книги усердно переписывались иноками, переводились съ Греческаго, составлялись сборники; вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія переписывались и лѣтописи; не одно врожденное челоуѣку любопытство и уваженіе къ дѣламъ предковъ давали значеніе лѣтописямъ; они употреблялись какъ доказательства въ княжескихъ спорахъ; мы знаемъ, что князь Юрій Дмитріевичъ доказывалъ права свои старшинство лѣтописями. Обычай записывать современныя бытія также не прекратился; извѣстія о событіяхъ важныхъ, возбуждавшихъ особенное вниманіе и сочувствіе, записывались съ разными прибавками молвы, стоустой, украшались по рѣчь силъ и знаній.

Епископы продолжали говорить поученія народу въ церкви: Кириллъ, епископъ Ростовскомъ, говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его ученіе отъ св. мѣстъ, и авторъ этого извѣстія говоритъ о себѣ, что онъ, стоя въ церкви въ нѣкоторомъ узкомъ и уединенномъ мѣстѣ, записывалъ слова проповѣдника. О Владимирскомъ епископѣ Сепіонѣ и Тверскомъ Симеонѣ говорится, что они были учеными и сильны въ книгахъ Божественнаго Писанія⁶⁴¹. Подъ 182 годомъ лѣтописецъ говоритъ о кончинѣ Нижегородскаго митрополита Павла Высокаго, который былъ очень книженъ и большой философъ, слово его было солью божественною растворяемо. До насъ дошло нѣсколько словъ или поученій отъ описываемаго времени. Дошло слово на Соборъ Архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу: «Если вы сохраните всѣ эти завѣщанія, говорить проповѣдникъ, то Бога извеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша услышана будетъ у Бога, земля наша облегчится отъ иновѣрнаго ига бесеренскаго, милость Божія на всѣ страны Русской земли умножится, пагубы и порчи плодамъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ

Божій утолится, народы всей Русской земли въ тишинѣ и въ молвіи поживутъ, и милость Божию получать въ нынѣшнихъ вѣкахъ, особливо же въ будущемъ.» Въ концѣ поученія замечательны для насъ слѣдующія слова: «Уже видимо кончина приближилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сощаются, сбылось уже все сказанное Господомъ: возстанетъ языкъ на языкъ.... Говорятъ, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христово будетъ⁶⁴².» Современникомъ Кирилла былъ Серапіонъ, епископъ Владимирскій, отзывъ о которомъ привели уже выше. Серапіонъ былъ поставленъ въ епископъ митрополитомъ Кирилломъ изъ архимандритовъ Кіевскаго Черскаго монастыря, слѣдовательно происходилъ изъ южной Руси. Серапіонъ въ своихъ словахъ также призываетъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготящія Русью и возвѣщающія послѣднее время. Особенно замечательно изъ словъ его то, гдѣ онъ вооружается противъ упомянутой выше привычки приписывать общественныя бѣды вѣдманъ и губить ихъ за это: «Я было короткое время радовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей вѣрности; я сталъ—было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете Божественное писаніе. Но вы все еще держите поганскаго обычая, волхованію вѣруете, и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ соннѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца, ибо если кто могъ помочь, да не помогъ, все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхованія, и наоборотъ, волхованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы вѣрите, то зачѣмъ же вы пожигаете волхвовъ: умоляйте, читайте ихъ, дары имъ приносите, чтобъ устраивали и дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодотворною. Тенерь вотъ уже три года хлѣбъ не родится, только на Руси, но и въ Латинскихъ земляхъ: чтожь? все волхвы надѣлали! Чародви и чародѣйки дѣйствуютъ съ ильбсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердѣетъ»

жить къ Богу, надъ тѣмъ они не имѣютъ власти. Скорблю
внѣшъ безуміи; умоляю васъ: отступите отъ дѣлъ поганскихъ.
и хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, то очи-
тите какъ царь Давидъ очищалъ Іерусалимъ: онъ страхомъ
гнѣмъ судилъ, Духомъ Святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ
ждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей? — одинъ
битъ по враждѣ, другой хочетъ прибытка, а иному безум-
гу хочется только побить да пограбить, а за что бьетъ и
убить, того самъ не знаетъ. Правила божественныя пове-
наютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ
свидѣтелей; а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если
плеть тонуть, невинна, если же поплыветъ, то вѣдьма. Но
и въ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее,
и въ не тонула, и тѣмъ ввести васъ въ душегубство? Свидѣ-
тельство человѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству,
воду, за свидѣтельствомъ!»

Митрополитъ Петръ, въ поученіи игуменамъ, священникамъ
и дяконамъ, увѣщевалъ ихъ служить примѣромъ для мирянъ⁶⁴³.
Дошло до насъ поученіе Алексѣя митрополита; дошло также
слово митрополита Фотія, произнесенное въ югозападной Руси
въ день Благовѣщенія, по случаю освященія походной церкви
въ движеніи св. Креста, устроенной Витовтомъ для правосла-
внаго войска. Въ началѣ слова проповѣдникъ прославляетъ
сздникъ Благовѣщенія: «Днесъ ангельскаго полка пѣснопѣнія
семь празднищъ умасняются и свѣтъ Христова пришествія
рныя просвѣтляетъ; днесъ тихаа намъ весна — Христось,
аведное солнце, свѣтлимъ свѣтомъ насъ осіяя, и вѣрныхъ
юди просвѣщаетъ, и о семъ празднищъ днесъ Адамъ обно-
юя и ликуеть со ангелы, на небеса возлетая... И сего жъ
иди къ нынѣшнему сему честному и царьскому свѣтлому тор-
рству страны, колѣна, языци, и всяко достояніе, и все праздни-
бное множество людіе пресущественіи стекшеса, нынѣ раду-
щеса, душею и духовно да торжествуемъ сего пришедшаго
несъ праздника пѣсми богокрасными; днесъ бо» и проч. Далѣе
роповѣдникъ переходитъ къ другому торжеству — обновленію

и освященія храма Воздвиженія, и сначала говоритъ о томъ съ какииъ душевными расположеніемъ должно входить во храмъ, а потомъ о значеніи креста⁶⁴⁴.

Дошло до насъ и поученіе Новгородскаго владыки Свѣтослава Псковича, которое носитъ другой характеръ по вышеизъясненнымъ отношеніямъ владыкъ Новгородскихъ къ ихъ Псковской паствѣ. «Благородные и христоролюбивые честные Псковичи! сами знаете, что кто честь воздаетъ своему святому отцу, то честь эта самому Христу приходитъ и воздавать принимаетъ отъ него изду сторицею. И вы, дѣти, честь отдавайте своему святому отцу и отцамъ своимъ духовнымъ, всякимъ покореніемъ и любовію, не пытая отъ нихъ ничего, не говоря вопреки ничего; но смотрите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьтесь о грѣхахъ своихъ, не вѣшайте чужаго, не радуйтесь бѣдамъ братіи своей; не вступайте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь отцамъ своимъ духовнымъ. Церковь Божию не обижайте, дѣла церковныя не вступайтесь, не вступайтесь въ земныя воды, въ суды и печать, и во всѣ пошлѣныя церковныя, потому что всякому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его просить, о грѣхахъ своихъ плакаться и чужаго не брать. Какъ видно, и въ описываемое время Новгородскіе владыки сохраняли въ поученіяхъ своихъ характеръ поученій старца Луки Жидаты.

Отъ митрополитовъ Кипріана и Фотія дошли до насъ пріказныя грамоты. За четыре дня до преставленія своего митрополитъ Кипріанъ написалъ грамоту, по выраженію лица, незнаему и страннолюбно, въ которой всѣмъ прощалъ и благословлялъ, и самъ требовалъ отъ всѣхъ покаянія и благословенія, съ приказаніемъ прочесть эту грамоту во всеуслышаніе, когда тѣло его будутъ класть во гробъ, и было исполнено⁶⁴⁶. Фотіева грамота подобна Кипріановой, только болѣе распространена въ началѣ, тамъ, гдѣ митрополитъ говоритъ о своихъ трудахъ и печаляхъ, и въ концѣ, гдѣ говорится о церковныхъ имуществвахъ⁶⁴⁷.

митрополитъ Кипріанъ написалъ житіе предшественника сво-
 , св. Петра⁶⁴⁸. Вотъ образецъ слога Кипріанова: «Праве-
 цы во вѣки живутъ, и отъ Господа изда ихъ, и строеніе
 , отъ Вышняго, и праведникъ аще постигнетъ скончатися,
 , покоѣ будетъ, и похваляему праведнику возвеселятся людіе
 еже праведнымъ подобаеъ похвала. Отъ сихъ убо единъ
 ъ, иже и нынѣ нами похваляемый священноначальникъ, и
) убо никтоже доволенъ нынѣ естъ похвалити достойно его
 достоинству, но паки неправедно разсудихъ, таковаго свя-
 еля вѣнецъ не украшенъ нѣкако оставити, аще и прежде
 ъ бывше и самохотіемъ преминуша, смотрѣніе и се нѣкое
 кія мню и святаго дарованія, яко да и мы малу изду приимемъ,
 же вдовица она, принесшая двѣ мѣдницы, тако и азъ убо
 гими деньми томимъ и привлачимъ любовію ко истинному
 туху, и хотящи ми убо малое нѣкое похваленіе святителю
 нести, но свою немощь смотряющу недостижну ко онаго
 ичествію и удерживахся, паки же до конца оставити и
 енитись тяжчайше вмѣннхъ.» Митрополитъ Θεодосій описалъ
 о, бывшее у гроба св. Алексія; онъ начинаетъ свой трудъ
 ъ: «Свѣтло намъ днесъ позорище и чудно торжество, и
 свѣщено и собрано, днесъ радостенъ праздникъ и чудеси
 олненъ, праздникъ душевному спасенію потреба естъ, иже
 каго ума и слова превосходитъ.... Како ли кто можетъ по
 гоанію доблести твоя похвалити и многа чудеса, ими же ты
 ъ прославилъ? слышана же бысть чудесъ твоихъ пучина,
 всюду къ тебѣ различныхъ родовъ чловѣци вѣроу влекоми
 аху, якоже елени на источники водныя во время распале-
 , насладитися твоихъ дарованій; ты бо душевныя и тѣле-
 я чувствѣ свѣтло просвѣщаеши, имѣють бо въ душахъ
 ихъ слово, отъ сущія къ тебѣ благодати даемое любезнѣ.
 ъ смиренный, видя таковая, велии удивихся, надѣющу же
 ся помощи святаго, и еже ми къ нему вѣры и любви и
 зни, дерзнухъ простерти смиреного ми тѣлесе руку и омо-
 :тъ мою трость въ свѣтѣющееся смиреніе, и дерзнулъ поло-
 и начало, еже написати великое и преславное чудо.»—

Встрѣчается слово похвальное св. верховнымъ амості Петру и Павлу — твореніе Θεодосія архієпископа всея Руси.

Изъ другихъ писателей житій святыхъ извѣстны Три монахи Епифаній Премудрый, написавшій службу, житіе и деса св. Сергія и Никона Радонежскихъ, также житіе Св. Пермскаго. При Новгородскомъ архієпископѣ Іонѣ жалъ и ценникъ Пахомій, родомъ Сербъ, пришлецъ отъ Св. и искусный въ книжномъ сложеніи; этотъ Пахомій, по порученію Іоны, описалъ чудо преподобнаго Варлаама Хутынскаго, и съ похвальнымъ словомъ и канонъ, также житіа и слѣды Великому Онуфрію, св. Ольгѣ, св. Саввѣ Вишерскому, Сергію Радонежскому, Евѣимію, владыкѣ Новгородскому, митрополиту, св. Михаилу Черниговскому; за эти труды и утѣшалъ Пахомія деньгами и соболами⁶⁵⁰. Искусствомъ книжномъ сложеніи славился также митрополитчій дякъ Родіонъ Кожухъ, изъ сочиненій котораго дошли до насъ сказанія о чудѣ св. Варлаама, и сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ Иерусалимѣ въ 1070 году⁶⁵¹. Вотъ образецъ Родіонова искусства: «Прежде нежели поиде туча на облацѣхъ и всѣмъ зрѣти, яко обидѣ шествовавшие воздухи носимо, и тако поиде отъ юга сошедши и плясая облакы по аеру воздуха парящаго, по пророческимъ словеси: собирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагаая въ кровещихъ бездны; и тако поиде къ востоку солнечному облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнени водоточнаго естества, и такъ распространися надо мною мѣсты, и бысть видѣниемъ туча грозна и велика величавая. Литовско-Русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изучивъ по словамъ лѣтописей, всякой книжной мудрости, много тавилъ писаній.

И въ описываемое время сохранился обычай странствованія ко св. мѣстамъ Цареградскимъ, Аѳонскимъ, Палестинскимъ. Такъ дошло до насъ описаніе Цареграда, сочиненное Стефаномъ Новгородцемъ въ половинѣ XIV вѣка⁶⁵². Вотъ часть описанія Стефанова, какъ онъ самъ опредѣляетъ ее въ началѣ своего описанія: «Азъ грѣшныи Стефанъ изъ Великаго

города съ своими други осмью прїидохомъ въ Царьградъ юнитися святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и иловани быхомъ отъ Св. Софїи Премудрости Божїей.» Любопытно видѣть, какъ чудеса искусства и прочность камня ажали Русскихъ людей, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и рочнымъ зданїямъ: статуя Юстинїанова показалаь нашему городцу вельми чудна, «аки живъ, грозно видѣти его....» Иже много и инїихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камня мрамора, много же на нихъ писанїя отъ верха и до долу, ано рытїю великою. Много бо есть дивитися и умъ сказати можеть: како бо только лѣтъ камня того ничто не иметь?» Иимъ, что Русскїе путешественники пользовались въ Константинополь особеннымъ вниманїемъ со стороны правительства, жданскаго и церковнаго: такъ царевъ бояринъ, видя, что городцы стиснуты въ толпѣ и не могутъ пробраться къ настямъ Господнимъ, очистилъ имъ дорогу; патріархъ, увидиши Русскихъ странниковъ, подозвалъ ихъ къ себѣ, благовилъ и разговаривалъ съ ними, «понеже бо вельми любитъ сь. О великое чудо! Сколько смиренїе бысть ему, ижъ бесѣдова страники ны грѣшнїи; не нашъ бо обычай имѣеть.» Описывая настырь Студїйскїй, Стефанъ говоритъ, что изъ этого монастыря въ Русь посылали много книгъ, уставы, трїоди. Обходя тїе монастыри, Стефанъ встрѣтилъ двоихъ своихъ Новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ Константинополѣ, занимаясь списыванїемъ церковныхъ книгъ въ Студїйскомъ монастырь.

Гронецкїй монахъ Зосима, странствовавшїй по святымъ мѣстамъ въ 1420 году, такъ говоритъ о побужденїяхъ, заставшихъ его описать свое хожденїе: «Понеже глаголетъ пїсїе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божїя провѣдати преславно есть: да еже бо не хранити царевы тайны праведно и блажено есть, а еже бо молчати дѣла Божїя, о бѣду наноситъ душѣ своей. Убо и азъ боюся дѣла Божїя вѣдати, воспоминаая муку раба онаго, иже прїимше талантъ Господень и въ землѣ скрывый.... Буди же и написанїе всѣмъ

нагъ причащающиса благословеніе отъ Бога и святаго грѣшника отъ святыхъ мѣстъ сихъ; изду бо много равну приимутъ ходящии до св. града Іерусалима и видѣвшии свѣтъ мѣста. Блаженн бо видѣвши и вѣровавши; треблаженнн бже видѣвши и вѣровавши.... Но Бога ради, братіе и отцы и сподіе мои, сынове Рустин! Не зазрите моему худоумію и глупости моей; да nebudeтъ ми въ похуленіе написаніе се. Меня для, грѣшнаго челоуѣка, но святыхъ для мѣстъ притайте съ любовію и вѣроу, да изду приимете отъ Бога и Іисуса Христа.»

Стефанъ Новгородецъ говоритъ, что войдешь въ Царьградъ какъ въ дуброву какую, и безъ добраго провожатаго ходить нельзя. Наши странники записывали безъ разбора все, что имъ говорили эти провожатые, записывали и о жабѣ, которая по улицамъ ходя, смертію людей пожирала, а метлы сами встанутъ люди рано — улицы чисты, и многое тому подобно.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію. И здѣсь любопытны впечатлѣнія, испытанныя на Русскаго челоуѣка западными городами и замками природоу: «Городъ Юрьевъ (Дерптъ) великъ, какъ и такіе нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такіе видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, и сады вокругъ великія, сады прекрасныя, палаты чудныя съ позолочеными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды пруды въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а и изъ столповъ, студены и сладки.» Въ монастырѣ Любека путешественники видѣли мудрость недоумѣнную и несказанную, какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на руцѣхъ зазвенитъ колокольчикъ — слетаетъ ангелъ сверху и сподобитъ вѣнецъ, кладетъ его на Пречистую; потомъ пойдетъ златый какъ по небу, и, глядя на нее, идутъ три волхва, первыми челоуѣкъ съ мечемъ, за ними другой съ дарами. — Любекъ же нашъ путешественникъ видѣлъ колесо на рѣкѣ, воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во всѣ стороны, другое колесо тутъ же, небольшое, мелетъ и сукна тчетъ. Въ Любеку

азилъ его фонтанъ: среди города столпы устроены изъ мѣди олоченной, чудесныя! у каждаго столпа люди приряжены тоже ные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя — у го изо рту, у другаго изъ уха, а у третьяго изъ глаза, текутъ ко, точно изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и гъ, проведенье водъ этихъ очень хитро и стеканіе несказанное. Брауншвейгъ удивили его крыши домовъ: крыты дома досками, камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. Нюбергъ показался хитрѣе всѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: зать нельзя и недомысленно. Но Флоренція лучше еще ренберга: въ ней дѣлають камки и аксамиты съ золотомъ, на scarlatныя, товару всякаго множество и садовъ маслич-къ, гдѣ дѣлають деревянное масло; о колокольницѣ Флорен-ской недоумѣваетъ умъ. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ воды здятъ въ баркахъ; церковь св. Марка каменная, столпы въ чудные, Гречинъ писалъ мусіею. О Хорватахъ путеше-энникъ замѣтилъ, что языкъ у нихъ съ Руси, а вѣра Латин-а. Другой спутникъ Исидора, инокъ Симеонъ Суздалецъ, гавилъ описаніе Флорентійскаго собора: «Повѣсть, инока леона іерея Суздальца, како Римскій папа Евгеній состав-ь осьмый соборъ съ своими единомышленники.» Симеонъ не ъ доволенъ поведеніемъ Исидора во Флоренціи; вотъ что онъ орить о своемъ сопротивленіи митрополиту и гоненіяхъ, ко-ья онъ за то потерпѣлъ отъ послѣдняго: «Исидоръ митропо-ь остался въ Венеціи и пересылался съ папою, да ходя по иницамъ, приклякалъ (присѣдалъ) по-фряжски, и намъ казалъ тоже дѣлать; но я много разъ съ нимъ за это спо-ь, и онъ меня держалъ въ большой крѣпости. Тогда я, види-ую неправду и великую ересь, побѣжалъ изъ Венеціи съ ѣрскимъ посломъ Оомою, прибѣжалъ въ Новгородъ, изъ вгорода въ Смоленскъ.» — Смоленской князь выдалъ Симе-ю Исидору, который посадилъ его въ темницу, въ желѣза, идѣлъ онъ всю зиму въ одной свиткѣ, на босу ногу, по-ь повезли его изъ Смоленска въ Москву⁶⁸³.

Продолжали переводить съ Греческаго: митрополитъ Кипрі-
Исторія Россіи.

анъ перевелъ «Лѣтвицу» св. Іоанна и толкованіе на нее; переводили Андрея Критскаго, Златоуста, преп. Нила, св. Иака Сирина, преп. Максима. Впрочемъ большая часть переводовъ совершена была не въ Россіи, а на Аѳонѣ, въ Русскіи Пантелеймоновомъ и Сербскомъ Хиландарскомъ монастыряхъ переводились и сочиненія позднѣйшія, иногда ничтожныя по содержанію⁶⁵⁴. Подъ 1384 годомъ читаемъ въ лѣтописи: То же году переведено было слово святаго и премудраго Георгіа Писиды — Похвала Богу о сотвореніи всякой твари. Это во «Міротвореніе» Георгіа Писиды, митрополита Никонскаго, писателя VII вѣка; переводчикомъ былъ Дмитрій Зюграфъ⁶⁵⁵. Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ списокъ Пчелы сборника или антологіи, составленной по извѣстнымъ Грекимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелита (Пчелы); антологіи эти обыкновенно начинаются выписками изъ Евангелія, Апостола, твореній св. отцевъ, и въ слѣдъ за ними идутъ выдержки изъ писателей языческихъ — Исократы, Демокрита, Аристотеля, Ксенофонта, Платона и др.⁶⁵⁶ Изъ Болгаріи и Сербіи перешли въ Русь и сочиненія апокрифическія, разнаго рода повѣсти, особенно привлекательныя для людей, стоящихъ въ той степени образованія, на какой стояли Русскіе люди въ означенное время⁶⁵⁷. Разказы Новгородскихъ путешественниковъ подали поводъ и къ Русскому оригинальному сочиненію подобнаго рода; многіе Новгородцы рассказывали, что видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубный, видѣли рѣку молненную Моргъ, видѣли, какъ входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ море. Судно Новгородца Моислава прибило бурей къ высокимъ горамъ, и вотъ путешественники увидали на горѣ деисусъ, писанъ лазоремъ чуднымъ, и свѣтъ былъ на томъ мѣстѣ сіянный, такой, что человѣку и рассказать нельзя, солнца не видать, а между тѣмъ свѣтло, свѣтлѣе солнца, на горахъ слышались ликованія, веселые голоса; одинъ Новгородецъ взошелъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и скрылся съ товарищей, тоже сдѣлалъ и другой; третьему привязали

ку къ ногѣ, и когда стащили его насильно съ горы, то онъ зался мертвъ. Эти рассказы, вмѣстѣ съ извѣстіями, опунутыми изъ другихъ, также мутныхъ источниковъ, застаи Новгородскаго архіепископа Василя писать къ Тверю епископу Θεодору посланіе о раѣ ⁶⁵⁸.

Указанія о Китоврасѣ и т. п. переписывались, а въ богожебныхъ книгахъ ощущался недостатокъ; во Псковѣ не о настоящаго церковнаго правила. Митрополитъ Кипріанъ ылакъ туда уставъ службы Златоустаго и Василя, чинъ щенія и вѣнчанія; въ списки вкрадывались разности, искаія: тотъ же митрополитъ Кипріанъ писалъ, что въ толстыхъ скихъ сборникахъ много ложнаго, посяннаго еретиками соблазнъ невѣждамъ, наприм. молитвы о трясавицахъ. Въ ии св. Дмитрія Прилуцкаго говорится, что братія жаловаь ему на недостатокъ книгъ ⁶⁵⁹.

Ито касается до литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ сываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтони. Изъ первыхъ дошла пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, вчательная по взгляду на Татаръ, и на поведеніе ханскихъ каковъ въ Руси. Ханъ Узбекъ, творящій судъ и расправу, бражается такъ: «Сидитъ тутъ Азвякъ — суды разсужигъ, и ряды разряживаеъ, костьюемъ размахиваеъ по бригъ тѣмъ усамъ, по Татарскимъ тѣмъ головамъ.» Узбекъ уеъ своихъ родственниковъ Русскими городами, не жатъ одного Щелкана, потому что тотъ находится въ отствіи, въ землѣ Литовской, гдѣ «бралъ онъ дани, невыы, царскія невыплаты, съ князей бралъ по сту рублевъ, бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ, — у ораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьмеъ, у котораго дитя нѣтъ, юго жену возьмеъ, у котораго жены-то нѣтъ, того самого овой возьмеъ.» Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Бека пожаловать его Тверью старою, Тверью богатою; Узбекъ машаеъ, но съ условіемъ, чтобъ Щелканъ прежде закоъ любимаго своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови и иилъ бы ее. Щелканъ исполняеъ условіе, и пріѣзжаеъ въ

Тверь судьбою: «А немного онъ судьбою сидѣлъ: и вѣдомъ безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наружнѣ надъ домами насмѣхатися.» Тверичи принесли жалобу съ князьямъ, которые называются братьями Борисовичами, и томъ пошли съ поклономъ и подарками къ Щелкану, и загордился, повздорилъ съ Тверичами, которые и растерзали его ⁶⁶⁰.

Содержаніе украшенныхъ сказаній составляютъ подвиги мыхъ знаменитыхъ князей, самыя важныя событія въ жизни народной, счастливыя или бѣдственныя, наконецъ событія, особенно поразившія воображеніе современниковъ какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержаніе историческихъ пѣсенъ и словъ служили подвиги князей и гатьерей противъ Печенѣговъ и Половцевъ, то мы должны сказать, что въ описываемое время это содержаніе будетъ состоять изъ борьбы съ Татарами, смѣнившими Половцевъ. На западъ, для Новгорода и Пскова, шла также опасная борьба со Шведами, Ливонскими Нѣмцами и Литвою; въ этой борьбѣ прославились два князя — Александръ Новгородскій и Довмондъ Псковской, и вотъ мы видимъ, что подвиги ихъ служатъ предметомъ особенныхъ украшенныхъ сказаній.

Сочинитель сказанія о великомъ князѣ Александрѣ былъ современникъ и приближенный человекъ къ своему герою: Александръ рассказывалъ ему о подробностяхъ Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведемъ начало сказанія въ образецъ слога: «О великомъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, теизоменитомъ царя Александра Македонскаго, подобникъ царю Алевхысу (Ахиллему) и кроткому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ. О Господи Боже нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленый во шуюся написати житіе святаго и великаго князя Александра Ярославича, внука великаго князя Всеволода. Понеже слышавъ хомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь возраста его, радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славною»

якоже Приточникъ рече: въ злохитру душу не ввидеть
рость... Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богоро-
е и поспѣшеніемъ св. великаго князя Александра начатокъ
ожю. Сей бѣ князь великій Александръ Богомъ роженъ
отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, вели-
о князя Ярослава Всеволодича и отъ матери святыя великіе
гини Θεодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: тако глаголетъ
лподо: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ вожу я
истину; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его. И въ-
отъ его паче инѣхъ челоувѣкъ, гласъ его яко труба въ
одѣ, лице же его бѣ яко Іосифа Прекраснаго, сила же его
вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ пре-
дрость Соломоноу, храбрость же яко царя Римскаго Еус-
ъяна.» — Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Домонтѣ и о храб-
ти его отличается бѣльшею простотою.

Къ борьбѣ Новгородца со Шведами относится также любо-
тный литературный памятникъ — Рукописаніе Магнуша,
роля Свѣйскаго. Мы видѣли, что Шведскій король, Ма-
гсъ Ерихсонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ
вгорода; походъ этотъ, грозившій сначала большою опасно-
ю Новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ, Магнуса ждали
дствія: сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными
новьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами,
горые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры,
брехта Мекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ,
зободился только черезъ пять лѣтъ, и кончилъ жизнь въ
рвегії въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ ко-
ля, который грозилъ такою опасностію православію, были
ичиною появленія въ Новгородѣ «Магнушева рукописанія»,
торое начинается обычною формою Русскихъ завѣщаній: «Я,
агнусъ, король Шведскій, нареченный во св. крещеніи Гри-
рій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ
вотѣ, и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей
млѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣло-
внїи, потому что намъ не удается.» Слѣдуетъ исчисленіе не-

удачныхъ Шведскихъ походовъ на Русь, отъ Биргерона Магнусова: «Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, шла на нашу землю Шведскую погибель, потопъ, морь, гонимыя и междоусобная брань. У меня самого отнял Богъ утробу, сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ палатѣ, прикованъ на стѣнѣ, потому пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) земли, вынулъ меня изъ палаты и повезъ въ свою землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подѣ монастырь св. Спаса въ Полную. Здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи: а все это меня Богъ казилъ за мое высокомеріе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ пошлетъ огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ Богъ къ моему спасенію⁶⁶¹.

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарами, начинаются Рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ о походѣ безбожнаго царя Батыева, великій князь Рязанскій Игорьевичъ послалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давыдомъ Игоревичемъ Муромскимъ, за сыномъ своимъ, княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями и боярами, боярами и воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Ѳеодора Юрьевича съ дарами къ Батыеву, чтобъ не воевать за Рязанской земли. Князь Ѳеодоръ отправился и былъ принятъ радушно Батыевомъ; но тутъ одинъ вельможа Рязанскій шедъ къ хану, что у Ѳеодора жена красавица; Татаринъ сталъ говорить, чтобъ Ѳеодоръ показалъ ему жену свою; но тотъ началъ: «когда насъ одолѣешь, то и женами нашими будешь.» Батый велѣлъ убить Ѳеодора; жена его Евпраксія стояла вѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на превысокихъ хоромахъ; когда одинъ изъ дядекъ Ѳеодоровыхъ явился къ ней съ вѣстью,

гибели мужа; услыхавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросились съ хоромъ на землю, и убились до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьею противъ Татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, а онъ со тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: «Братія моя дая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе Рязанское! жайтесь и крѣпитесь!» Удальцы и рѣзвцы Рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала, наконецъ полки Татарскіе одолѣли, князья были всѣ перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, а плѣннику отвѣчалъ на убѣжденія Батыя отатариться, и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся земля Рязанская опустошена. Тогда является вельможа Рязанскій, Евпатій Коловратъ, бывший все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань великаго князя Рязанскаго (?). Евпатій собралъ 1700 человекъ дружины и нечаянно ударилъ на Татаръ, которыхъ напалъ съчъ безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: «Какой вы веры, изъ какой земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?» Плѣнники отвѣчали: «Мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почитать и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чашъ наливать на великую силу Татарскую.» Батый подивился отвѣту ихъ мудрому, и послалъ шурина своего Таврула на Евпатія съ полками сильными. Таврулъ похвалился, что приведетъ Евпатія живаго, но вмѣсто этого самъ былъ разсѣченъ пополамъ Евпатіемъ. Тогда Татары навели на этого крѣпкаго исполина множество саней съ ярядомъ (?), и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Евпатія привесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: «Ну, братъ Евпатій! гораздо ты меня потчивалъ, съ малой дружиною многихъ богатырей побилъ; если бы ты у меня такую службу служилъ, то вѣржалъ бы я тебя противъ своего сердца.» Князь Игорь Иго-

ревичь былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго м
 Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную землю,
 началъ хоронить трупы, и такъ плакалъ надъ побитою бр
 ею: «Возопи горкимъ гласомъ, велики ревыи, слезы отъ
 испущающи яко струю силу, утробою располающи, въ
 рукаха бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающи
 яко органъ сладко вѣщающе. И рече сице: почто не про
 выте ко мнѣ цвѣте мои, и прекрасніи виногради мои и
 плодніи уже не подасте сладость души моея; кому при
 ваете мя, солнце мое драгое рано заходящія, мѣсяць
 красной скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано за
 есте, и проч. ⁶⁶².»

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый вошелъ
 Венгрію, и осадилъ городъ Варадинъ, стоящій среди зе
 Венгерской; около этого города мало простыхъ деревьевъ.
 все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высо
 каменный, на столпѣ укрывался король Влаславъ или Вла
 славъ, король Венграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему
 морью. Были Венгры прежде въ православіи, потому что
 нали крещеніе отъ Грековъ; но не успѣли на своемъ
 грамоты сложить. и сосѣдніе Римляне присоединили ихъ
 своей ереси. И король Владиславъ повиновался Римской цер
 до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему св. Савва, архі
 скопъ Сербскій, который обратилъ его къ Греческому за
 но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь
 станія отъ Венгровъ. И вотъ когда Батый осадилъ Вара
 Владиславъ не пилъ, не ѣлъ, все молилъ Христа Бога,
 предложить гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со
 па, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была
 хвачена Татарами и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ
 диславъ началъ еще усерднѣе молиться: слезы текли изъ
 его какъ быстрыны рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, про
 дили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на
 рахъ. И вотъ является къ нему какой-то человекъ, свѣтъ
 и страшный, и говоритъ ему: «ради слезъ твоихъ дасть

тъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него.» Вѣстѣ исчезъ; но у башни стоялъ конь осѣдланый, ни кѣмъ держимый, и на конѣ сѣкира. Владиславъ немедленно сѣлъ коня, взялъ сѣкиру въ руки, и повелъ дружину свою на нѣтъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что

Татары его разошлись въ загоны. Находившіеся въ станѣ ары побѣжали предъ Владиславомъ; побѣжалъ и самый съ сестрою королевскою; но былъ настигнутъ Владимомъ, который самъ сразился съ нимъ. Королева стала помогать Батыю; тогда Владиславъ возопилъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя, и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою сво-

Венгры расположились въ станѣ Батыевомъ и хватали ары, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, ихъ предавали смерти, но кто хотѣлъ креститься, тѣхъ авляли въ-живыхъ. И на память послѣдному роду возгнута было на городомъ столпъ изваяніе: сидитъ конь Владиславъ на конѣ, въ рукѣ держитъ сѣкиру, которую убилъ Батыя и сестру свою ⁶⁶³. Въ основѣ сказанія итъ истинное происшествіе — пораженіе Татаръ при осадѣ мюца Чешскимъ воеводою, Ярославомъ Штернбергскимъ; по Чешскому поэтическому преданію отъ руки Ярослава итъ въ битвѣ сынъ хана Кублая. Нѣтъ сомнѣнія, что званіе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на ерь извѣстнымъ Сербомъ, Пахоміемъ Логоветомъ ⁶⁶⁴.

Зелікое событіе, которымъ началось освобожденіе сѣвероточной Руси отъ Татаръ, — Кудиковская битва не могла осѣться безъ особеннаго описанія. И дѣйствительно состави-ь первоначальное сказаніе, вполне сходное по характеру ему съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое игіознымъ чувствомъ, въ слѣдствіе чего приводятся въ пол-тъ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лице, ищены благочестивыя разсужденія и восклицанія самого пи-ея; при описаніи самого дѣла нѣтъ подозрительныхъ по-бностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено нѣкоторыя лѣтописи ⁶⁶⁵; оно начинается такъ: «Приде Ор-

*
*
*

дынскій князь Мамай съ единомысленники своими, и съ прочими князми Ордынскими, и съ всею силою Татарскою Половецкою, и еще къ тому рати понаишовавъ, Бесерменныя Армены, и Фразы, Черкасы, и Ясы, и Буртасы; также съ нами въкупѣ въ единомыслии въ единой думѣ и Литовскій Ягайло со всею силою Литовскою и Лятскою, съ нами въ единичествѣ Олегъ Ивановичъ, князь Рязанскій, съ всеми святыми поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича брата его Володимера Андреевича. Но хотя человекомъ Богъ спасти и свободити родъ крестьянскій, молитвами чистыя Его Матере, отъ работы Измаилтескя, отъ поганя Мамай, и отъ сонна нечестиваго Ягайла, и отъ велеречиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшаго своего крестства; и придетъ ему день великий Господень въ судъ. Окаянный же Мамай разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, и злымъ свѣтъ творити, темныя своя князи поганыя звающе рече имъ: поидемъ на Рускаго князя и на всю силу Рускую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряемъ, и церкви ихъ попадимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ сего ради нечестивый люте гнѣванесея о своихъ друзьяхъ и любовницѣхъ о князѣхъ избѣеныхъ на рѣцѣ на Вожѣ. Описание самой битвы: «Съступишася обоя силы великия долгъ часъ вмѣстѣ, и покрыша поле полкы, яко на двѣ версты отъ множества вой: и бысть съча велика и брань кровяная и трусь великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала стѣна кова великымъ княземъ Русьскимъ. Блющимъ же ся и въ шестомъ часа до девятого, и проліяся кровь аки дождевалъ отъ обояхъ, и крестяныи и Татаръ, и множество много безчисла падоша трупя мертвыхъ обояхъ... И рече къ себѣ Мамай власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ силъ испущати, языци наши связуются, гортани пересыхаютъ, семя раставаеть, и чресла ми протерзаются» и проч.

Но событіе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ заняло, что однимъ сразаніемъ не могли ограничиться. О подобныи событіяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разнаго

подробностей, вѣрныхъ и невѣрныхъ; подробности вѣрныя, теченіемъ времени, переходя изъ устъ въ уста, искажаются, умѣшляются имена лицъ, порядокъ событій; но такъ какъ краткость событія не уменьшается, то является потребность соотвѣтъ всѣ эти подробности и составить изъ нихъ новое украинное сказаніе; при переписываніи его вносятся новыя подробности. Это втораго рода сказаніе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подлинными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третій видъ сказанія о Куликовской битвѣ: Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимѣрѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамаѣя ⁶⁶⁶, написанное явно по подражанію древнему южно-Русскому произведенію, Слово о Полку Игоревѣ ⁶⁶⁷. Авторъ этого «Слова о Дмитріѣ» говоритъ, что онъ написалъ жалость и похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его, чѣмъ выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представляющуюся имъ съ одной стороны событіемъ славнымъ, съ другой бѣдственнымъ, въ слѣдствіе страшнаго урона убитыми Русской стороны. Въ краткомъ сказаніи вовсе не говорится о пораженіи Русскихъ полковъ въ началѣ; по его словамъ, битва происходила съ одинакимъ успѣхомъ для той и другой стороны: «Много Руси біено отъ Татаръ, и отъ Руси Татаръ, паде трупъ на трупъ, а иждѣ видѣти Русинъ за Татарини не видѣти, а Татаринъ Русина състигаше. Мнози же небывальцы осквичи устрашишася и живота отчашиши, а иныя сыны Агачны на побѣгъ возвратишася отъ клыча великаго и зря злаго дѣяства.» Послѣ этого авторъ извѣщаетъ о пораженіи Татаръ, не приводя никакой земной причины, склонившей побѣду на сторону Русскихъ, указывая только на одну небесную помощь: «По сихъ же въ 9 часъ дни, призрѣ Госнодь милостию очима на великаго князя Дмитрія Ивановича и на всѣхъ князи Русьскихъ, и на крѣпкія воеводы и на вся христіяны, и въ устрашишася христіяне, дерзнуша яко великія ратници. Вышла вѣрніи, яко въ 9 часъ біющеся, ангели помогающе хри-

стіяномъ, и свв. мученикъ полкъ, и воина великаго Христо
 Георгія, и славнаго Дмитрія, и великихъ князей тезоимен
 ныхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершени
 полка небесныхъ силъ великій Архистратигъ Михайлъ: видѣ
 поганіи полци двои воеводы, тресолнечныя полки и пламени
 ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ; безбожніи же Татарове
 страха Божія и отъ оружія христіанскаго падаху: Взв
 Богъ десницею великаго князя Дмитрія Ивановича на поб
 иноплеменникъ. Безбожный же Мамай со страхомъ встр
 тавъ» и проч. Въ пространномъ сказаніи говорится, что Та
 тары вездѣ одолѣли; но что тутъ внезапный ударъ изъ зас
 свѣжихъ силъ, подъ начальствомъ князя Владиміра Андрее
 и воеводы Волынскаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. В
 конецъ въ третьемъ, по преимуществу поэтическомъ словѣ,
 говорится также о пораженіи Русскихъ въ началѣ, почему и пер
 вая часть сочиненія является какъ жалость: «На томъ
 сильные тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молнии
 загремѣли громы велицыи; то ти ступишася Русскіе уда
 съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ
 сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи Русскіе меч
 булатными о шеломы хиновскіе. А билися изъ утра до
 лудни въ субботу на Рожество Св. Богородицы. Не турн
 гремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не турн
 бѣждены у Дунаю великаго; но посѣчени князи Рускіе и бо
 и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича, побѣждены кня
 Бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ, Феодоръ Семеновичъ, да Се
 менъ Михайловичъ, да Тимошей Валуевичъ, да Андрей Серки
 вичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина. Переск
 черница, Брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. Восп
 кашася всѣ княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіан
 ныхъ....» Послѣ этого плача женъ авторъ переходитъ къ по
 хвалѣ, къ побѣдѣ, и здѣсь, полусогласно съ пространнымъ
 заніемъ, выставляетъ князя Владиміра Андреевича, который
 щевааетъ брата, великаго князя, наступить на Татаръ, тотъ
 гается — и побѣда одержана: «Того же дни въ субботу на Рож

во Св. Богородицы исѣкъша христіана поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкнувъ князь великій Владимиръ Андреевичъ гораздо, и скакаше въ полцѣхъ поганыхъ въ татарскихъ, а злаченыи тымъ шелономъ посвѣчиваетъ, а скаше со всѣмъ своимъ войскимъ, и загремѣли мечи булатными шелоны хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя питрея Ивановича: свои полки понужай.... уже бо поганые Татры поля поступають, а храбрую дружину у насъ истеряли, въ трупи человекъ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови колѣна бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь естьянская. И кн. вел. Дмитрей Ивановичъ рече своимъ боямъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе! то ти ваши Моховскіе сладкіе меды и великіе мѣста⁶⁶⁸, туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто брате, стару помолодѣтъ, а молодому чести добыть. И рече кн. вел. Дмитрей Ивановичъ: Господи Боже мой! на тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, ни посмѣютсися враги моя; и помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослезися горько, и утеръезы. И тогда аки соколы борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь вел. Дмитрей Ивановичъ» и проч.

Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы. Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ; на одномъ спискѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено Рязанцемъ, іереемъ Софоніемъ⁶⁶⁹; въ одной лѣтописи⁶⁷⁰ онъ названъ Софоніемъ рязанцемъ, Брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтического слова упоминаетъ Рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ великаго князя Дмитрія.

Нашествіе Тохтамышево на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: «О Московскомъ взятіи отъ царя Тохтамыша и о плѣненіи земля Русьскыя⁶⁷¹.» Это сказаніе носитъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и обстоятельностью разсказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ «Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Пречистыя Бо-

городицы, еже нарицается Владимирская⁶⁷².» Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между Заяицкими Татарами, Самаркандской странѣ, былъ простой, бѣдный человекъ, ремесло кузнецъ, нравомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяинъ которой переломилъ ему это ногу и бедру; но Тамерланъ оковалъ себѣ ногу желѣзомъ отъ чего и былъ прозванъ Желѣзнымъ Хромцемъ, Темур-Аксакомъ. Къ выходу изъ Русскихъ владѣній побудилъ его сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрещавшая ему идти далѣе на Русскую землю. Особо сказаніе о битвѣ Русскихъ подъ Рязанью съ Татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ⁶⁷³. Битва на Ворсклѣ послужила предметомъ также особаго сказанія⁶⁷³.

Если столкновенія съ Татарами вообще, и битва Куликовская въ особенности, возбуждали сильное вниманіе народа, то слѣдствіе чего являлись разнаго рода сказанія объ нихъ, то удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ Русскіе полки противъ Татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи О житіи и представленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, Царя Русьскаго⁶⁷⁴, мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донскаго; сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ молодости, когда принялъ правленіе: «Въ юности же младъ сый возрастомъ, и о духовныхъ прилежаніи дѣлестви, и пустошныхъ бесѣдъ не творяще, и сражныхъ глаголъ не любяще, злонравныхъ человекъ отвращашеся, а съ благими все время бесѣдоваше, божественныхъ писаній всегда со умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ велики печашеся, а стражу земли Русьския мужествомъ своимъ держаше, злобою отрока обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, ратнымъ же всегда въ бранехъ страшенъ бываше, и многи враги, встающаи на

и, победы, и славный градъ свой Москву стѣнами чудными ради, и во всѣмъ мѣрѣ славенъ бысть, яко кедръ въ Ливанѣ инокися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте.»—Далѣе говорится о женитьбѣ Димитрія, послѣ чего слѣдуютъ извѣстія двухъ побѣдахъ надъ Татарами, при Вождѣ и на Куликовѣ мѣ. Походъ Мамай авторъ приписываетъ зависти людей, гдѣ живущихъ, къ Димитрію, говорить, что лукавые советники, которые христіанскую вѣру держатъ, а поганскія дѣла юрятъ, начали внушать Мамаю: «великій князь Дмитрій Московскій называетъ себя царемъ Русской земли, онъ честию себя славою, и противится твоему царству.» Мамай объявилъ юимъ вельможамъ, что идетъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ ввести гдѣ магометанскую вѣру вмѣсто христіанской. Куликовская битва описывается кратко въ общихъ выраженіяхъ. Упомявши о побѣдахъ Вождской и Куликовской, авторъ обращается къ нравственнымъ достоинствамъ Димитрія, которыя представляетъ съ тою цѣлю, чтобъ цари и князья научились подражать ему. Описавши цѣломудріе, воздержаніе, благочестіе Димитрія, авторъ переходитъ къ описанію его кончины, говорить объ увѣщаніяхъ его сыновъ и мѣ, боярамъ, о распредѣленіи волостей между сыновьями. Описывается плачь великой княгини Евдокии, которая такъ причитала: «Почто не промолвиши ко мнѣ, цвѣте мой прекрасный? что рано увядаеши, виноградѣ многоплодный? уже не подаеши плода сердцу моему сладости души моею; солнце мое, рано заходяши! мѣсяцъ мой прекрасный, рано погыбаеши! звѣздо восточная, почто къ упаду грядеши?» и проч. Описавши погребеніе великаго князя, авторъ продолжаетъ: «О страшно чудо, братіе, и дива исполнено! о трепетное видѣніе и ужасъ обдержаше! Слыши небо и гуши земле! Како въспишу или како възглаголю о преставленіи сего великаго князя? отъ горести души языкъ связается, уста загражаются, гортань премолакаетъ, смыслъ измѣняется, ракъ опустѣваетъ; крѣпость изнемогаетъ; аще ли премолачить мя языкъ яснѣ рещи.» Слово оканчивается обычнымъ рославленіемъ героя, въ видѣ уподобленія его другимъ зна-

менитымъ лицамъ священной и гражданской исторіи; это прославленіе оканчивается также извѣстнымъ образомъ: «Помилуй бо царя Константина Гречская земля, Володимера Русская со окрестными грады; тебе же, великий князь Димитрий Ивановичъ, вся Русская земля.»—Надобно замѣтить, что похвальное слово есть самое блестящее литературное произведеніе изъ дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени.

По образцу похвальнаго слова Димитрію Донскому составлена повѣсть о житіи соперника его, Михаила Александровича Тверскаго, только написана эта повѣсть гораздо проще. В одной лѣтописи сказано, что она составлена по приказанію Бориса Тверскаго ⁶⁷⁵.

Уже выше было сказано о характерѣ лѣтописи сѣверной и собственно сѣверовосточной, о различіи ея отъ лѣтописи южной. Тяжель становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкѣ, когда онъ остается съ одною сѣвѣрною лѣтописью. Появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не исполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣ связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣвѣрной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ и мирятся: но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, въ слѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ, ничего не слышно, все тамъ всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяютъ двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчи, которыхъ онъ не слышалъ; но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности де-

ытнаго явленія, и однако записалъ только, что «много нѣчто утроеніе бысть.»

До сихъ поръ, называя сѣверную лѣтопись общимъ именемъ здальской, мы разсматривали ее въ противоположности съ ной лѣтописью вообще. Но разсматривая южную лѣтопись, замѣтили, что, въ позднѣйшихъ сборникахъ, она слагается изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей — Кіевской, Волинской, Черговской или Сѣверской. Теперь, приступая къ подробнѣйшему изсмотрѣнію сѣверной лѣтописи, мы должны рѣшить вопросъ: повторяется ли и здѣсь тоже самое явленіе? Взглянемъ на изстія о сѣверныхъ событіяхъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Мы уже видѣли, что въ разсказѣ о убіеніи Андрея голюбскаго находится ясное свидѣтельство, что разсказъ этотъ писанъ при Всеволодѣ III и въ его владѣніяхъ; въ разсказѣ событіяхъ по смерти Боголюбскаго, въ словахъ: «не хотѣлихъ намъ добра, завистью граду сему», обозначается лѣтосецъ именно Владимірскій; подъ 1180 и 1185 годами находимъ тѣже признаки. Потому мы замѣчаемъ особенную привязанность лѣтописца къ старшему сыну Всеволода III, Константину; эта особенная привязанность видна изъ разсказа о томъ, къ этотъ князь отправлялся въ Новгородъ, о томъ какъ онъ возвратился изъ Новгорода, о встрѣчѣ его съ отцемъ въ Мовѣ; видна изъ умолчанія о поведеніи Константина передъ вѣртію отцовскою. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ изумляетъ сперва умолчаніе о подробностяхъ вражды между Всеволодовичами, о липецкой битвѣ; но если предположить, что лѣтопись составлена приверженцемъ Константина, но послѣ его смерти, когда, въ слѣдствіе новыхъ отношеній, въ интересахъ самихъ дѣтей константиновыхъ не нужно было напоминать дядѣ ихъ Юрію Липецкой битвѣ, то мы поймемъ смыслъ этого краткаго изстія о враждѣ Всеволодовичей, этого старанія указать преимущественно на великую любовь, которая послѣ того намъ господствовать между братьями. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, поминовеніе, что въ 1221 году погорѣлъ городъ Ярославль,

но дворъ княжій остался цѣль молитвою добраго Константина—утверждаютъ насъ именно въ томъ предположеніи, летопись продолжала писаться и по смерти Константина приверженцемъ, который поселился теперь въ Ростовѣ, у сшаго сына Константинова; самое выраженіе, подъ 1227 домъ, въ разсказѣ о посвященіи епископа Владимirsкаго Іоанна: «приключися мнѣ грѣшному ту быти»—это иже, указывающее на случайное въ то время пребываніе летописца во Владимірѣ, заставляетъ насъ также думать, что постоянно онъ жилъ въ Ростовѣ. Описаніе посвященія Ростовскаго епископа Кирилла, встрѣча ему въ Ростовѣ, похвала наконецъ свидѣтельство, что авторъ разсказа самъ записи проповѣди Кирилловы, убѣждаютъ насъ окончательно въ то, что мы имѣемъ дѣло съ Ростовскимъ летописцемъ, г. е. в. жившимъ въ Ростовѣ. Въ извѣстіи о нашествіи Батю, Ростовскаго же летописца обличаютъ подробности о кончинѣ Ростовскаго князя Василька Константиновича, похвала этому князю особенно же слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: «онъ былъ добръ до своихъ слугъ! Признакъ Ростовскаго летописца можно видѣть и подъ 1260 годомъ, въ извѣстіи о вздѣ Александра Невскаго въ Ростовѣ; также подъ 1261 домъ, въ извѣстіи объ епископѣ Кириллѣ и объ архидіаконѣ Игнатіи. Какъ извѣстія этого летописца относятся къ указаннымъ прежде извѣстіямъ Владимirsкаго летописца, опредѣлить съ точностію нельзя; очень быть можетъ, что одинъ и тотъ же летописецъ, который жилъ сперва во Владимірѣ при Василькѣ III, былъ въ числѣ приближенныхъ людей къ старшему сыну его Константину, и переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Ростовѣ.

Но въ тоже самое время, какъ мы замѣчаемъ слѣды этого Ростовскаго, или Владимirsко-Ростовскаго летописца, приверженца Константинова, въ летописномъ сборникѣ, носящемъ названіе Лаврентьевской летописи, — въ другомъ сборникѣ, въ описаніи тѣхъ же самыхъ событій, замѣчаемъ явные слѣды

ереяславскаго лѣтописца⁶⁷⁶. Въ сказаніи о смерти Андрея Бюлюбскаго, тамъ, гдѣ упомянутый выше лѣтописецъ проситъ Андрея, чтобъ тотъ молился за брата своего Всеволода, лѣтописецъ Переяславскій говоритъ: «Молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго ановца и даи же ему на противныя (побѣду), и многа лѣта съ киягинею, и прижитіе дѣтій благородныхъ.» Последнія слова оныхъ повели къ правильному заключенію, что они написаны въ время, когда Ярославъ Всеволодовичъ былъ еще молодъ и кияжилъ въ Переяславлѣ. Потомъ, при описаніи событій, послѣдовавшихъ на сѣверѣ за смертью Андрея, вездѣ тамъ, гдѣ Владимирскій лѣтописецъ говоритъ объ однихъ Владимирцахъ, Переяславскій прибавляетъ Переяславцевъ. Важное значеніе получаютъ для насъ извѣстія Переяславскаго лѣтописца съ 1213 года, когда онъ начинаетъ излагать подробности борьбы между Константиномъ Ростовскимъ и его младшими братьями, подробности, намѣренно умолчанныя лѣтописцемъ Владимірско-Ростовскимъ. Къ сожалѣнію, мы не долго пользуемся этими подробными извѣстіями, ибо они прекращаются на 1214 годъ. Какимъ образомъ мы лишены описанія Липецкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всеволодовича, и лѣдовательно, союзника его Юрія; мы видѣли, что приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе Липецкой битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, называется Новгородскимъ составленіемъ.

Мы видѣли важнѣйшія прибавки, которыя находятся у Переяславскаго лѣтописца противъ Владимірско-Ростовскаго въ Лаврентьевскомъ сборникѣ. Большая часть извѣстій буквально сходны; но есть разности и даже противорѣчія. Рѣзкое противорѣчіе находится въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ: въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ Рязанскихъ князей; а у Переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскъ Давида, Муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году

Олеги, Глебъ, Изяславъ Владиміровичи, и князь Михаилъ Володочичъ, Рязанскіе, приходили къ Пронску на Давида вора: «Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?» Давидъ по нимъ сказать: «Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ, и дилъ меня въ немъ Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я ил свою волость.» Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году⁶⁷⁷. Изъ двѣхъ противорѣчивыхъ извѣстій едвали не справедливѣе будетъ и почеть извѣстіе Переяславскаго лѣтописца, ибо трудно предположить, чтобъ извѣстіе о приходѣ Рязанскихъ князей къ Пронску на Давида было выдуманно. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здѣмъ къ Серенску, и городъ былъ поженъ. Посылка это очень роятна, какъ мѣсть Всеволода Черниговскимъ князьямъ за гнаніе сына его Ярослава изъ Переяслава южнаго.

Мы сказали, что въ большей части извѣстій лѣтописцы Владимірско-Ростовскій и Переяславскій буквально сходны. И трудно предположить, чтобъ они не были современными, чтобъ не составляли своихъ лѣтописей одновременно, и въ тому трудно предположить, чтобъ одинъ списывалъ у друга прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что такъ называемая Переяславская лѣтопись, по самому составу своему, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго носителенно событій конца XII и начала XIII вѣка пользовался обѣими лѣтописями, и Переяславскою, и Владимірско-Ростовскою, написанными первоначально безо всякаго отношенія другъ къ другу. Можно даже найти слѣдъ, какъ позднѣйшій составитель, черпая извѣстія изъ двухъ различныхъ лѣтописей, пользовался иногда ихъ показаніями: такъ послѣ описанія торжествъ князя Михаила Юрьевича и Владимірцевъ надъ Ростиславичами и Ростовцами, лѣтописецъ Владимірскій говоритъ: «Бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ, видяще у себя великаго князя всея Ростовскыя земли.» Въ лѣтописи Переяславской безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ мѣстѣ говоритъ

посажениі Михаила брата Всеволода въ Переяславѣ и о юсти Переяславцевъ по этому случаю, и вотъ позднѣйшій тавитель, смѣшавшись въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, захотѣлъ извѣстію Владимирскаго лѣтописца прибавить собственное а князя, находившееся въ Переяславской лѣтописи, и на- самъ: «Бысть радость велика въ градѣ Володимири, видяще себе великаго Всеволода всея Ростовския земля.» И такъ думаешь, что въ «Лѣтописецѣ Русскихъ Царей», который печати названъ «Лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго», ходятся извѣстія, взятая изъ Переяславской лѣтописи XIII ка; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ весь этотъ орникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, былъ ставленъ Переяславскимъ лѣтописцемъ, жившимъ въ XIII къ:

Съ 1285 года, по Лаврентьевскому списку, нельзя не за- тить слѣдовъ Тверскаго лѣтописца: Тверскія событія на рвомъ планѣ, о Тверскомъ князѣ Михаилѣ рассказываются дробности. 1305 годомъ оканчивается Лаврентьевскій спи- къ, такъ важный для насъ по своей относительной древности; бопытенъ онъ и по точному указанію — когда, кѣмъ и для го онъ написанъ. Указанія эти находятся въ слѣдующей иписи: «Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ ише приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; коже радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ, коже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Бо- й Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаго- мый Лѣтописецъ, мѣсяца Генваря въ 14, на память святыхъ ещъ нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избъеныхъ, кня-) великому Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенью ащеннаго епископа Діонисья, и кончалъ есмъ мѣсяца Марта , 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри ятаго Савы избъеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885 (1377), и благовѣрнемъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитріи оstantиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивомъ свя- енномъ Діонисѣ Суздальскомъ и Новгородскомъ и Городь-

скомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже си гдѣ буду ес
салъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправлен
Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а утѣ
лодь не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не к
ните, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христо
Богъ нашъ. Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и че
и поклонянье со Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ и нынѣ
присно въ вѣки, аминь.» Такимъ образомъ Лаврентій, состав
ляя лѣтопись свою въ 1377 году, долженъ былъ окончить
1305 годомъ: значить, при всѣхъ средствахъ своихъ, онъ
для князя, не нашелъ описанія любопытныхъ событій отъ на
чала борьбы между Москвою и Тверью.

Въ Никоновскомъ сборникѣ и во второй половинѣ XIII вѣка
видны слѣды Ростовскаго лѣтописца, который подробнѣе всего
разсказываетъ о князьяхъ Ростовскихъ, ихъ поѣздкахъ въ
Орду, женитьбахъ, характерахъ, усобицахъ. Съ девяносто
годовъ XIII вѣка замѣтны и здѣсь слѣды Тверскаго лѣтописца.
Въ извѣстияхъ о первой борьбѣ между Москвою и Тверью
трудно распознать, какому мѣстному лѣтописцу принадлежатъ
они; но съ 1345 года, подлѣ Московскаго лѣтописца мы
видимъ опять явственные слѣды Тверскаго въ подробностяхъ
усобицъ между потомками Михаила Ярославича, и эти подро
бности продолжаются до двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Но
когда подробныя извѣстия о Тверскихъ событiяхъ прекращаются
въ Никоновскомъ сборникѣ, любопытныя извѣстия объ отъ
шенихъ Тверскихъ князей къ Московскимъ, въ княженіе Ивана
Михайловича, находимъ въ такъ называемой Тверской лѣто
писи, еще не изданной и хранящейся теперь въ Император
ской Публичной Библиотекѣ. Этотъ чрезвычайно любопытный
лѣтописный сборникъ, составленный какимъ-то Ростовцемъ въ
второй четверти XVI вѣка⁶⁷⁸, конечно не можетъ быть на
званъ Тверскою лѣтописью потому только, что его состави
тель для нѣкотораго времени пользовался Тверскою лѣтописью.

Что существовало нѣсколько лѣтописей, въ которыхъ описывались
событiя конца первой половины XV вѣка, видно ясно

Никоновскаго сборника подъ 1445 годомъ: приведши краткое извѣстіе о приходѣ Литовцевъ на Калугу, составитель въ-тъ за этимъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ из-ія о томъ же самомъ событіи, прямо говоря: «Отъ инаго писца о томъ же.»

то касается до современныхъ понятій, религіозныхъ, нрав-ныхъ, политическихъ и научныхъ, высказываемыхъ въ описи, то въ описываемое время съ сѣверовосточной лѣто-и голосъ лѣтописца слышится гораздо рѣже чѣмъ прежде. сказавши мученическую кончину князя Романа Рязанскаго въ ѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ такимъ наста-пемъ: «Возлюбенныя князья Рускіе! не прельщайтесь гною и маловременною прелестною славою свѣта сего, ко-ая хуже паутины, какъ тѣнь проходить, какъ дымъ исче-тъ; не привесли вы на этотъ свѣтъ съ собою ничего, ни-о и не отнесете; не обижайте другъ друга, не лукавствуйте ду собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ ственниковъ своихъ.» Тверской лѣтописецъ, сказавши о миреніи своихъ князей, прибавляетъ: «И радовахусь бояре , и вси вельможи ихъ, тако же гости и купцы и вси ра-ники, людіе роды и племя Адамова; вси бо сіи единъ родъ лемя Адамово, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и ти, и купцы, и ремесвенницы, и работніи людіе, единъ ѣ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враж-тъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстоящи отъ овѣдей Божихъ, еже любити искренняго своего яко самъ е⁶⁷⁹.» Особенно сильно раздается голосъ Московскаго лѣ-исца при описаніи Едигеева нашествія, бѣдствія котораго : приписываетъ неблагоразумной политикѣ молодыхъ бо- : «Подобаетъ намъ разумѣть, говоритъ онъ, въ слѣдствіе о Агаряне такъ возстали на насъ; не явно ли, что за наши ххи наводитъ ихъ Господь Богъ, да обратится и покаемся?.. ть можетъ, иѣноторымъ покажется неприятно написанное ни, быть можетъ, найдутъ неприличнымъ, что мы рассказали бытія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами

клонится къ тому, чтобъ удержать отъ зла, направить к добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношение; либо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по мѣру начальнаго лѣтословца Кіевскаго, который всѣмъ земскія необинуясь показываетъ; да и первые наши вѣдущіе держцы безъ гнѣва повелѣвали описывать все, что ни случится добраго или недобраго въ землѣ; хочешь, прочти прѣдъ того великаго Сильвестра Выдубицкаго, безъ украшеній савшаго при Владимірѣ Мономахѣ. Блага временныя и вѣчныя пріобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простотою, умиреніемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвны, простотою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и не предали; мы же, поучаясь ихъ примѣромъ, не преминули и сать все приключившееся во дни наши, да властодержцы не внимають, избирая лучшее; юноши да почитаютъ старцевъ, сами они безъ опытныхъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земскомъ правленіи.» Сѣверный, теперь, какъ видно, Псковскій, лѣтописецъ продолжаетъ непріязненно смотрѣть на Новгородъ и его бытъ, очень неблагоклонно отзывается о Новгородцахъ, называя ихъ людьми суровыми, непокорными, упрямыми и вмѣстѣ непостоянными, вѣчниками, крамольниками. Изъ научныхъ понятій лѣтописца можемъ привести только слѣдующее объясненіе случаевъ, когда молнія убиваетъ, и говорить: «если молнія происходитъ только отъ столкновенія облаковъ, то не вредитъ, проходитъ мимо и угасаетъ, если же при столкновеніи облаковъ, къ нимъ сойдетъ небесный свѣтъ огненный, пламевидный, соединится съ молніею, то послѣдняя спускается внизъ къ землѣ и сожигаетъ все, къ чему прикоснется»⁶⁸¹.

Новгородская лѣтопись отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ и прежде. Примѣту лѣтописца находимъ въ ней подъ 1230 годомъ: сказавши о смерти Юрьевскаго игумена Саввы, лѣтописецъ прибавляетъ: «А иже Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѣею понамарю;» въ другихъ же спискахъ вмѣсто эти

они читаемъ: «и мнѣ грѣшному Іоанну попови.» Подъ 1399 годомъ выказывается лѣтописецъ-современникъ, принимавшій свое участие въ церкви Покрова на Звѣрицѣ. Въ такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1384 годомъ, въ описаніи вѣчевой смуты въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ: «И стояху Славяни по князѣ, и звониша вѣча на Яровли дворѣ по двѣ недѣли, а здѣсе, на сей сторонѣ, а князи другое вѣче ставиша.» Подъ 1418 годомъ опять гвнъ лѣтописецъ-современникъ описаннаго событія. — При описаніи событія 1255 года лѣтописецъ прямо даетъ знать, что онъ принадлежитъ къ сторонѣ меньшихъ: «И побѣжа Милко изъ города къ св. Георгію, како было ему своимъ лкомъ уразити нашу сторону.» Если Московскій лѣтописецъ неблагоклонно отзывается о Новгородцахъ, то и Новгородскій пользуется случаемъ сказать дурное о Москвичахъ, рекнуть ихъ въ трусости; такъ при описаніи Батыева шествія читаемъ: «Москвичи же побѣгоша, ничего же не дѣвше.»

Мы упомянули о такъ называемой Новгородской четвертой тописи. Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть вольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ Новгородской; но конечно онъ не можетъ получить названіе отъ одной только составной части своей. Здѣсь, подъ 1352 домъ, встрѣчаемъ мы лѣтописца Псковскаго, распространяющагося о моровой язвѣ въ его городѣ; подъ 1371 годомъ грѣчаемъ лѣтописца Московскаго, который, рассказывая о аженіи Москвичей съ Рязанцами, называетъ первыхъ нами; видимъ явныя сшивки изъ разныхъ лѣтописей; такъ намиръ подъ 1386 годомъ два раза разеказано объ одномъ и томъ же событіи, именно о походѣ Смоленскихъ князей подъ стиславль, сначала короче, а потомъ пространнѣе; а поды 1404 годомъ два раза разеказано о взятіи Смоленска Витовтомъ.

Мы видѣли, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распро-
Исторія Россіи.

странилось мнѣніе о близкомъ концѣ міра; мы видѣли, что Новгородскій владыка Іоаннъ въ 1397 году уговаривалъ Новгородцевъ помириться съ Псковичами, представляя имъ, что у нихъ приходитъ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи замѣчательное слѣдующее мѣсто въ сборникѣ, послѣженъ названіе Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1402 годомъ: «Въ великой послѣдъ въ Мартѣ мѣсяцѣ являлось знаменіе на небеси: въ вечернемъ зарю, на западѣ, звѣзда не малая въ видѣ коня, а на верху нея какъ лучъ сіялъ. Это является ради нашихъ грѣховъ: прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покаяться; снѣго съ зать, сбывается слово Евангельское: знаменія на небеси являютъ; встали и языки другъ на друга: Татары, Турки, Францы, Лахи, Нѣшцы, Литва. Но что мнѣ говорить о Татарахъ и Туркахъ, и прочихъ языкахъ невѣрныхъ и некрещенныхъ? Мы сами, называемые христіане, правовѣрные и православные, идемъ между собою брани и рати. Случается такъ: встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, на брата своего роднаго или на дядю, и отъ вражды, непокоренія и гнѣва доидеть дѣло до кровопролитія. Войны, съ обѣихъ сторонъ православные христіане, ратуютъ, каждый по своему князю, волею и волею; въ схваткѣ съкутся безъ милости: поднимаетъ руку христіанинъ на христіанина, куется копье братъ на брата, остритъ мечъ пріятель на пріятеля, стрѣлами стрѣляетъ ближній ближняго, сулицею прободаетъ сродникъ сродника, племянникъ своего племянника низлагаетъ, и правовѣрный единовѣрнаго разсѣкаетъ, юноша сѣдинъ старческихъ не стыдится, и рабъ Божій раба Божіаго не пощадитъ⁶⁸².»

Начало Псковскихъ лѣтописей можно отнести ко второй четверти XIII вѣка. Относительно состава списковъ ихъ, до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе въ такъ называемой второй Псковской лѣтописи, подъ 1352 годомъ: «Бысть моръ золь въ Псковѣ, и по селамъ, и по всей волости, христовъ котный: о семъ пространнѣ обрященіи написано въ Русской лѣтописци.» Это пространное извѣстіе о морѣ, написанное, какъ по всему видно, Псковичемъ и современникомъ, находится въ

сковской первой и въ Новгородской четвертой лѣтописи; но каѣ лѣтопись разумѣется здѣсь подъ именемъ Русскаго лѣтописца? Мы думаемъ только, что здѣсь не можетъ разумѣться истинная Псковская. Что касается характера Псковскихъ лѣтописей, то разсказъ ихъ отличается особеннымъ простодушіемъ; и этотъ замѣчаемъ въ Псковскихъ лѣтописцахъ сильную привязанность къ однимъ и тѣмъ же обычнымъ выраженіямъ при писаніи извѣстныхъ событій. Легко замѣтить, на какихъ отношеніяхъ сосредочивается преимущественно участіе лѣтописца — отношеніяхъ къ Нѣмцамъ Ливонскимъ и къ Новгороду; мы забыли, что жалоба на неспособность отъ Новгородцевъ служить постояннымъ приѣздомъ Псковскаго лѣтописца.

Въ сѣверовосточной лѣтописи вообще въ описываемое время, именно съ конца XIV вѣка, замѣчаемъ важную перемену: годы розданія перестаютъ считаться съ Марта и начинаютъ считаться съ Сентября. Замѣтимъ и перемену въ веществѣ рукоисей: съ XIV вѣка вмѣсто пергамена стали употреблять бумагу, глянную изъ хлопчатой и тряпичную.

На югозападѣ во второй четверти XIII вѣка славился пѣнцъ Митуса, котораго лѣтописецъ называетъ словутнымъ, и говоритъ, что онъ по гордости не хотѣлъ служить князю Давиду; Митуса находился, какъ видно, въ службѣ владыки Пеммышльскаго, ибо взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами Ясладняго⁶⁸³. До Литовскаго владычества, югозападные Русіе князья — Рюриковичи въ любви къ книгамъ подражали, какъ видно, своимъ предшественникамъ: о Владимірѣ Васильевичѣ Волинскимъ читаемъ, что онъ говорилъ ясно отъ книгъ, потому что былъ философъ великій⁶⁸⁴. Этотъ князь самъ трудился надъ переписываніемъ книгъ: такъ говорится, что онъ самъ списалъ Евангеліе и Апостолъ, другія священныя и боголюбивыя книги велѣлъ переписывать и раздавалъ по церквамъ⁶⁸⁵; молитвенникъ купилъ за 8 гривенъ кунъ.

Что касается доюгозападной, т. е. Волинской лѣтописи, то въ сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта лѣтопись любопытна отсутствіемъ хронологіи, ибо годы, выстав-

ленные въ дошедшихъ до насъ спискахъ, выставлены позднѣйшими переписчиками ⁶⁸⁶; первоначально же лѣтопись составлена сплошной разсказъ, какъ это на примѣръ ясно видно между годами 1259 и 1269. Для объясненія этого служитъ слѣдующее мѣсто лѣтописи, находящееся подъ 1254 годомъ: «Въ та лѣта, времени минувшу, хронографу же нужа есть писати и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возстupati въ задняя: чытый мудрый разумѣть; число же лѣтъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ по Антивохыйскимъ о роумъ алумпіадамъ, Грыцкими же численицами, Римьскы же в сокоостомъ, якоже Евсевій и Памфиль, инии хронографы списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ росчеты во задняя.» Здѣсь слова: «овогда же (нужа) писати въ передняя, овогда же возстupati въ задняя» — показываютъ намъ, что лѣтописецъ тяготился хронологическимъ порядкомъ, который заставляетъ прерывать нить однородныхъ извѣстій, помня, что иногда нужно вести разсказъ сплошь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и потомъ опять возвращаться назадъ къ другому рода событіямъ. Должно прибавить также, что разсказъ о кончинѣ князя Владиміра Васильковича обличаетъ современника, очевидца, писавшаго въ княженіе преемника Владиміра Мстислава Даниловича; на это указываютъ слѣдующія слова въ обращеніи къ Владиміру: «Возстани, видь брата твоего, крѣпящаго столъ земли твоея; ксему же вижь и благовѣрнью сѣмъ княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему.» Къ счастью образованности Волынскаго лѣтописца мы должны замѣтить, что онъ знаетъ Гомера; такъ подъ 1232 годомъ читаемъ: «О леть зла есть! якоже Омиръ пишеть, до обличена сладка есть, обличена же зла есть.» Русскій языкъ оставался господствующимъ, письменнымъ и правительственнымъ, и въ подтвержденія власти князей Литовскихъ въ западной Руси. Въ Русскомъ же языкѣ продолжались писаться и лѣтописи, слѣды которыхъ можно отыскать въ XIV вѣкѣ: до насъ дошла лѣтопись отъ первой половины XV вѣка, въ которой говорится

то она есть сокращеніе древнѣйшихъ; разсказъ ея отличается собенно наивностію ⁶⁸⁷.

Мы окончили тотъ отдѣлъ Русской исторіи, который по преимуществу носить названіе древней исторіи: мы не можемъ возстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши отношеній его къ слѣдующему отдѣлу, тѣмъ болѣе, что теперь каждое слово наше будетъ находить подтвержденіе въ преждеказанномъ, читателю уже извѣстномъ.

На великой сѣверовосточной равнинѣ, на перекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азіею и между сѣвѣрною Европою и Южною, т. е. между новою Европою и старою, на пути изъ Варягъ въ Греки, основалось государство Русское. «Земля наша велика и обильна» — сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная, дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя Русская исторія есть исторія страны, которая колонизируется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: дѣса горятъ, готовится богатая почва, но поселенцъ не долго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населеніи. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отовсюду людей на пустыя мѣста, приманить всякаго рода льготами; уйти на новыя, лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны удержать населеніе, возвратитъ, заставить другихъ не принимать его — вотъ важныя вопросы колонизирующей страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней Русской исторіи. Народонаселеніе движется; Славянскій колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косою и плугомъ, идетъ впередъ все къ сѣверовостоку, сквозь

Финскихъ звѣролововъ. Отъ такой расходчивости, расплывчести, привычки уходить при первомъ неудобствѣ, — произошла полуосѣдность, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, приучало къ исканію легкаго труда, къ безразсчетливости, къ какой-то мелкумочной жизни, къ жизни день за день. Но разсматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ метрополіа: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались, государственныя отправления осложнялись все болѣе и болѣе, а кѣмъ тѣмъ страна не лишилась характера страны колонизирующей. Легко понять, какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ, легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земель.

Если колонизація имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка и управленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ выстъ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ летописца, который говоритъ о движеніи Славянскихъ племенъ съ югозапада къ сѣверовостоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ два племени, которымъ принадлежитъ новая исторія Европы, Славянское и Германское, при раздѣленіи между собою Европейской сцены, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: Германское отъ сѣверовостока къ югозападу, Славянское, наоборотъ, отъ югозапада къ сѣверовостоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлилась означеннымъ движеніемъ, опредѣлилась природою странъ, занятыхъ въ слѣдствіе движенія, прежнимъ бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго Славянскаго государства, представителя Славянскихъ государствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверовостокъ? Если Герман-

ія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили Западную Римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльныя государства; то почему же Славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили Восточной Римской имперіи и не основали на ея развалинахъ новыхъ государствъ? Почему, вмѣсто юговосточнаго направленія, они приняли сѣверовосточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юговостоку Славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ Азіятскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота, по нынѣшней южной Россіи къ западу. Известны движенія Гунновъ, Аваровъ, и судьба народовъ, которые поддавали ихъ натиску. Отъ средняго Днѣпра Славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юго-востоку; оставалось только направленіе сѣверо-восточное, и мы видимъ, что племена отъ средняго Днѣпра движутся въ этомъ направленіи къ Деснѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они не безопасны отъ Азіятцевъ — и здѣсь они принуждены были платить дань Козарамъ. — Съ другой стороны однако мы видимъ Славянскія племена на Нижнемъ Дунаѣ, видимъ Славянское народонаселеніе и гораздо южнѣе на Балканскомъ полуостровѣ; но Славяне здѣсь не господствуютъ, Восточная имперія держится, на что есть также свои причины: во-первыхъ здѣсь имперія была еще крѣпка, здѣсь были собраны всѣ остальные жизненныя силы ея, благодаря которымъ она и просуществовала до половины XV вѣка; раньше этого времени ее не могли разрушить ни Готы, ни Аравитяне; Славяне были ближе, но у нихъ не было достаточныхъ силъ. Азіятскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно раздѣзывали Славянъ; мы видѣли, какъ Азіятцы оттолкнули Русскихъ Славянъ отъ юга, и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверовосточное направленіе; западныхъ Славянъ задерживали Нѣмцы; такимъ образомъ къ Нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ не приходили постоянно новыя массы Славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили одни другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это

было на западъ у Германскихъ племенъ. Мы видѣли, и Мадьяры окончательно разрѣзали Чехо-Моравскихъ Славянъ отъ Иллирійскихъ Нижнедунайскихъ, порвали связь между ними, начинавшуюся—было посредствомъ народной Славянской церкви. Основаніе Русскаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе въ одну властію Славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло повидимому, переимѣнить дѣла на Востокѣ. Лодки Олега являются подѣ Константинополемъ, Святославъ поселяется на Дунаѣ. Но судьба Святослава показала, что первые Русскіе князья не могли имѣть для Восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловисы имѣли для Западной: Славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверовосточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверовостока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную и отправляться искать новыхъ земель, какъ-то дѣлавали Германскія племена на западѣ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительныя движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ: онъ оставилъ назадъ громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди нихъ и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: «Ты, князь, чужой земли ищешь; а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги», говорятъ Кіевляне въ преданіи, — знакъ, что у Кіевлянъ была своя земля, а чужой искать они не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только не большой дружины, которая, не смотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цинцоемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ: знакъ, что съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны, степные варвары по-прежнему отрѣзывали сѣверовосточныхъ Славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно

мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями въ началѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византією въ слѣдствіе того, что Печенѣги, Половцы, Татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновения первыхъ Русскихъ князей съ Византією было не разрушеніе имперіи, но принятіе христіанства Русью изъ Византіи: мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преустройство, заимствованное изъ Византіи.

Такимъ образомъ и послѣ основанія Русскаго государства, т. е. послѣ соединенія восточныхъ Славянскихъ племенъ, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т. е. съ югозапада на сѣверовостокъ, потому что юговосточная часть великой равнины по-прежнему занята кочевыми Азіятскими ордами, а которыя новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, въ началѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ Днѣпровской области, мы замѣчаемъ въ князьяхъ стремленіе перевозить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять людьми сѣвера южные украинскіе города, долженствовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствующія обстоятельства взяли свое: степная украинна, область Днѣпровская, подвергается постояннымъ, сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ея города пусты: въ нихъ живутъ псаря да Поювцы, по отзыву самихъ князей; куда же было удалиться Рускимъ людямъ отъ плѣна и раззоренія? Конечно не на юговостокъ, прямо въ руки къ Половцамъ; конечно не на западъ, къ иновѣрнымъ Ляхамъ и Венграмъ; свободный путь оставался одинъ — на сѣверовостокъ: такъ Ростовская, изначала Финская область, получила свое Славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приплывомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ Русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершившаяся въ историческое же время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князей.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ

*
*
*

побужденія, заставлявшія народонаселеніе двигаться отъ юга запада къ сѣверовостоку, становятся еще сильнѣе: съ юго-востока Татары, съ запада Литва; крайній сѣверовостокъ, съ не подвластный Русскимъ князьямъ, населенный Зырянми, Вогуличами, не привлекателенъ и опасенъ для поселенія невоинственныхъ, идущихъ небольшими массами; такимъ образомъ теперь съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказки, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ Московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее насельниковъ, какъ Москва собрала около себя сѣвер-восточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней Русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься Русскою исторіею съ научною цѣлію, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на Московскій престолъ Іоаннія Калиты, на смерти Василя Темнаго и вступленія на престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Петра Великаго, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать нѣболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя: такъ явилось дѣленіе Русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю — отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ; нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ, и объявили, что въ Русской исторіи можетъ быть только два большихъ отдѣла — исторія древняя до Петра Великаго и новая послѣ него. Обыкновенно какъ

ый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что послѣ того событія, при которомъ предшествующій писатель положилъ свою грань, продолжался прежній порядокъ вещей, то, на оборотъ, передъ этою гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ и т. д. Споры безконечны! ибо въ исторіи ничто не оканчивается вдругъ и ничто не начинается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается.

Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета, и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другаго изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіею: тутъ необходимо, чтобъ легче осмотрѣться, поскорѣе раздѣлить предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимъ сначала виѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающими вдругъ все старое и начинающими новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаеть, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать, какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненные части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физиологическимъ.

Впервые обыкновенно останавливаются на половинѣ XI вѣка, на смерти Ярослава I здѣсь полагаютъ грань между первымъ и вторымъ періодомъ Русской исторіи. Грань поставлена совершенно правильно; но какая же непосредственная

связь между первымъ и вторымъ періодомъ, какъ второй произошелъ изъ перваго? Въ XVIII вѣкѣ, въ первомъ періодѣ, видѣли Русь рождающуюся, во второмъ раздѣленную, связь между періодами не было показано, но удачныя названія, въ крайней-мѣрѣ, указывали на естественную связь между рожденіемъ и раздѣленіемъ. Позднѣйшіе писатели однако не пользовались этими удачными названіями: они старались уклонить всякую мысль о связи, естественномъ переходѣ, и случайно выразившуюся въ названіяхъ, опровергая послѣднія какъ неправильныя: «Вѣкъ св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія,» объявили они. — Государство (въ первый періодъ), шагнувъ, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ (во второй періодъ).» Читая эти слова, мы невольно начинаемъ думать, что имѣемъ дѣло съ Ассирією, Вавилонією, Мидією, тѣми восточными государствами, которыя, шагнувъ внезапно отъ колыбели до величія, начинали потомъ разрушаться; и каково же должно быть наше удивленіе, когда послѣ узнаемъ, что государство, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ трехъ столѣтняго разрушенія вдругъ оиять обновилось и явилось могущественнѣе прежняго! — Потомъ первому періоду дали названіе Норманскаго, второму Удѣльнаго; въ первомъ выступили на главный планъ Норманновъ, всѣ явленія приписали ихъ дѣятельности; во второмъ раздѣленіе Россіи на часты, борьбу между князьями, владѣльцами этихъ частей. Но спросимъ: какая же связь между Норманскимъ и Удѣльнымъ періодами? какъ второй произошелъ изъ перваго? Нѣкоторые писатели попытались—было указать на связь между норманизмомъ и удѣлизмомъ, объявивъ, что удѣльная система, тѣ княжескія отношенія, какія мы видимъ во время ея господства, были заимствованы отъ Норманновъ: — попытка похвальная, въ плнѣ неудачная, потому что ни у Скандинавовъ, ни вообще у всѣхъ Германскихъ племенъ не найдемъ господства такихъ отношеній, какія видимъ между Русскими князьями. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ случилось, что въ продол-

зіе цѣлаго перваго періода, до самой смерти Ярославовой, і первоиъ планѣ дѣйствуютъ Норманны, дѣйствуютъ по-нор-мански, отсюда все Норманское, и вдругъ, при переходѣ въ ѣдующій періодъ, встрѣчаемъ господствующее явленіе — отно-шенія между князьями, потомками Норманновъ, и это явленіе ть Славянское? ищемъ Норманновъ всюду, и нигдѣ не на-димъ.

Это самое отсутствіе связи между первымъ и вторымъ пе-риодамъ, если первый обозначимъ именовъ Норманскаго, всего чше показываетъ намъ невѣрность послѣдняго названія. орманны основали государство, Норманны дѣйствуютъ пре-гущественно, даже исключительно въ продолженіе двухъ сотъ ть, — и вдругъ исчезаютъ, и вдругъ государство является авянскимъ! Дѣло въ томъ, что основалось государство Сла-анское; въ основаніи его участвуютъ и Финны, и Норман-; но потомъ сцена дѣйствія немедленно же переносится на ть, въ область Днѣпровскую, въ сторону Славянъ исключи-льно, утверждается здѣсь, и потому Славянское начало гос-дствуетъ вполне; въ первыхъ князьяхъ мы не должны ви-ть Варяговъ, предводителей Варяжскихъ дружинъ, морскихъ ролей; мы должны видѣть въ нихъ князей извѣстнаго вла-нія, имѣющаго свои особенности, свои условія, которыя и редѣляютъ характеръ дѣятельности историческихъ лицъ. а раза является по нѣскольку князей въ новомъ владѣніи, немедленно исчезаютъ въ пользу одного; въ третій разъ является опять нѣсколько князей, которые начинаютъ владѣть разныхъ областяхъ, и такой порядокъ вещей утверждается долго; говорятъ, Россія раздѣлилась. Посмотришь же теперь, ъ это за явленіе, какое отношеніе его къ явленіямъ преды-щимъ, къ первому, начальному періоду?

Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или сударство, начавшись незамѣтною точкою, въ короткое время стигаетъ громаднхъ размѣровъ, въ короткое время поко-етъ себѣ многіе различные народы; къ одной небольшой іласти, въ короткое время, силою завоеванія, привязываются

многія другія государства, связь между которыми не усматривается природою. Обыкновенно въ такихъ государствахъ: слѣдъ быстро возрастанія начинается паденіе, или распада такова, наприѣръ, судьба Азіатскихъ громаднхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство находится на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, въ слѣдъ постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, продолженіе довольно долгаго времени, распространяеть о глады на счетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, въ слѣдствіе самой громадности своей и въ слѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства Римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древнихъ громаднхъ государствъ, и кова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно состоятъ изъ нарастаніемъ извнѣ, внѣшнимъ соединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ, Европейскихъ христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, въ слѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать въ послѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тихій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство обрѣтается. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Громадность Русской государственной области можетъ ввести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія — колоссальное государство въ родѣ древнихъ — Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательнѣе

вглядѣться въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ видѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ древніе историки обозначали древнюю Русскую исторію. «Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ вѣковъ.» Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшнемъ взглядѣ; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значить: «государство шагнуло одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія?» Это значить, государство при самомъ рожденіи своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры обуславливаются природою: для области новаго государства была определена обширная восточная Европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо должна была быть областію единого государства. Страна была громадна, но пустынна; племена, разошедшіяся на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область по своему оставалась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большую частію не было ничего, нужно было все населить; все создать: «земля была велика и обильна, но на ней въ ней не было,» — и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго разстройства, окрѣпленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ будто бы раздѣлилась на части, находящаяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всмотриваясь внимательно однако, мы видимъ, что, при этомъ наружномъ раздѣленіи, государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного главнаго изъ

нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго, и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимость всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только то время, въ которое господствуютъ, но и на долго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній въ Европейскія государства раздѣляются на двѣ группы, группу государствъ Германскихъ и на группу государствъ Славянскихъ: въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большей чистотѣ Славянской характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на Западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго (вассала отъ сюзерена), зависимость, равная изъ первоначальной зависимости членовъ дружины отъ вождя; здѣсь, на Востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особомъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго: этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высшей степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на Западѣ, родовыя княжескія отношенія на Востокѣ: единство государства по-видимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя интересы презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на Западѣ, родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и не смотря на то, благодаря извѣстной экономіи человеческихъ обществъ, эти

нественныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, въ состояніи охранить государственное единство; не смотря частныя нарушенія обязанностей — феодальныхъ на Западѣ, родовыхъ на Востокѣ, вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ основы своего единства; феодализму на Западѣ и родовымъ жесткимъ отношеніямъ на Востокѣ безспорно принадлежала надъ новорожденными Европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно называться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видимъ, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе; какъ нанесенъ былъ первый ударъ подвѣвающимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей.

видѣли, какъ первоначальная сцена Русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненные силы, слѣдуя изначала естественному направленію, отливаются отъ югозапада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи и истѣ съ нимъ идетъ исторія. Область верхней Волги колонизируется; мы видѣли, подъ вліяніемъ какого начала произошла колонизація, какой характеръ въ слѣдствіе этого приняли съ отношенія новаго народонаселенія ко власти, его приращенія, новыхъ городовъ къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе, какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей съ старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ вторыми, въ слѣдствіе чего сѣверовосточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ Московскіе князья пользуются

выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатвѣтъ, усиленно подчиняють себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и Татаръ Литву.

Препятствій имъ при этомъ мало, пособій много. Служило имъ отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверовосточной Руси, слѣдствіе чего гѣлоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при вѣдѣ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося разсудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе чѣмъ какому-либо другому должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія, — народонаселеніе должно было скорѣе другаго понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовѣдственное подчиненіе всѣхъ князей одному сильнѣйшему, при чемъ, очевидно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей самостоятельности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ сосуществовавшее могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ слово духовное изначала дѣйствовало въ пользу единовѣдственнаго подчиненія.

Извнѣ, Литва не могла имѣть Москвѣ усиливаться, и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества; сначала Литовскій орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе Литовскихъ князей на западъ, потомъ, послѣ Ягайлова на Ядвига, вниманіе ихъ было поглощено отъ

и къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія падающему и распадающемуся Ордену, къ Богеміи, Венгрии, Нидерландскій Швеціи и Ордена Ливонскаго были таковы, что мѣстныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для гивоборства ихъ. Продаваемая за деньги помощь Татарская постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя. Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія: если съверь отъ Чернаго моря владычеству Азіятцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго Московскаго государства; Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго государства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ въ иствіе начавшагося здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно антиа пала предъ Турками. Европейскіе христіанскіе народы поддержали Греческой имперіи: подобныхъ государствъ не поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; мѣ того Европейскіе народы въ описываемое время были заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда Европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, емидлись къ окончательному сосредоточенію, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ единовременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ Русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши, образованіе Литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси югозападной. Польша соединяется съ Литвою подъ одною династіей, но соединяется не полнымъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разнородность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ вѣнганъ, устроиваетъ дѣло соединенія церквей; Исидоръ, въ качествѣ митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнуть, здѣсь не могли остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое

время Гуссомъ, опредѣлила на долго судьбы западной Европы; то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, вѣдущая отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ 1418 году, опредѣлила судьбы Европы восточной: вѣрность древней чести, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Сильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверовосточной Руси; въ 1612 году, сбѣжала невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ Польскаго королевича, повела къ побѣдѣ въ вѣру въ Польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могла спасти Россію и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балтійскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось Московское сударство. Формы, въ которыхъ оно образовалось, условивались отношеніями къ духовенству, дружинѣ и остальной народонаселенію: отношенія духовенства условивались церковными преданіями; дружина не была дружиною завоевателя сначала, на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ князей, при отношеніяхъ, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ званія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, въ области князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатыхъ и могущественныхъ фамилій; но съ начала уже замѣчаемъ, что и у богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ богатство и могущество не остаются долго; Алексѣй Петровичъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вѣстовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Дмитріи Донскомъ; при Василіи Дмитріевичѣ поднимаются Кошки, но не сохраняютъ своего первенствующаго положенія при Василіи Темномъ; Всеволожекій, поднявшійся—было въ малолѣтство послѣднимъ, скоро падаетъ, имѣніе его также переходитъ къ великому князю, равно какъ имѣніе Свибловыхъ и Константиновыхъ.

ричество фамилій безспорно много помогло и при уни-
 жении сана тысяцкаго и вообще помогало князьямъ управ-
 я съ отдѣльными членами дружины, опасными и почему
 ни было неугодными, тѣмъ болѣе, что общее, очень
 же значеніе дружины не затрогивалось. Съ другой стороны
 ніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приплывомъ
 ыхъ выходцевъ, искавшихъ службы при дворѣ сильныхъ
 й Московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаютъ
 э князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые, въ
 ываемый періодъ, сохраняютъ свое первенствующее поло-
 э, именуются прежде боярѣ; пришлецы заѣзжаютъ, от-
 нюютъ членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ
 ожеть вести ни къ чему: безъ нихъ обойдутся, другихъ
 ь много; не выгодно промѣнять службу въ сильной,
 кой Москвѣ, на службу въ другомъ княжествѣ; если
 едовольный и отѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать
 ицы, то всѣ эти усобицы оканчивались торжествомъ князя
 ковскаго, при чемъ извѣстна участь Вельяминова, Всево-
 жкаго, Константиновичей. При постоянномъ движеніи,
 здѣ отовсюду новыхъ слугъ трудно было образоваться ка-
 ь-нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому
 имъ смѣны, перемѣщенія; въ концѣ описываемаго времени
 имъ на первомъ планѣ или князей или членовъ такихъ ро-
 ь, которыхъ не видимъ прежде на первомъ мѣстѣ. — Каса-
 но отношеній остальнаго народонаселенія нашъ не нужно
 его прибавлять къ тому, что было прежде сказано о зна-
 им городовъ сѣверовосточной Руси.
 Какъ образовалось Московское государство.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Никон. IV, 239 : И умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались мѣ царю Тахтамышу. Они же взяша многое золото и серебро и ве- дары, такоже и царь Тахтамышъ взя многое золото и серебро и же дары.

Мещера была куплена еще Донскимъ ; Таруса имѣла особыхъ ей. См. Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 32.

Арцыбашевъ догадывается, что Цыбирца можетъ быть испорчен- Симбирскъ ; но въ такомъ случаѣ не скорѣ ли Цывильскъ. — См. л истор. I, № 12.

Село Нижегородской губерніи Макарьевского уѣзда.

) Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 35.

) Тамъ же, № 38.

) Тамъ же, № 40.

) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 37 ; Акты Арх. Эксп. I, № 10.

) По Никонов. лѣтоп. (IV, 253) Новгородцы заплатили 350 рублей рополчѣму послу за то, что привезъ имъ благословіе, а потомъ дали митрополиту еще 600 рублей. Въ Новгор. IV (П. С. Р. Л. 100) подъ 1394 г.: «а отъ митрополита Кипріана бояринъ Дмитръ пріѣхалъ просать сребра ,получетвертаста рублевъ , что ѣздилъ уъ Созоновъ да Василей Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху посъ отъ Новагорода о благословіи, и скопилъ долгу, и Новгородцы да Дмитроку то сребро.» Архангел. стр. 114: «и послаша Новго- ци и владыка Іоаннъ въ Ростовъ къ Ѳедору архіепископу Ростов- му, чтобъ ѣхалъ къ Москвѣ да билъ челомъ В. К. Вас. Дм. о миру. митрополиту послаша грамоту цѣлованую. . . и арх. Ѳедоръ В. К. ѣ челомъ. И даша Новгородцы В. Князю 10,000 рублей, а владыка ѣ В. Князю 1000 рублей.»

0) Татищ. IV, 388. Что подобныя сношенія съ Витовтомъ дѣй-

ствительно были, о томъ прямо говоритъ Новгородская лѣтопись. ниже.

11) Любопытенъ разсказъ Архангел. лѣтописи (стр. 116): «Ишедше на Устюгъ (Новгородцы) въ соймахъ, и повоеваша, и пожегоша, и волости многія повоеваша, а города Гледъна не могъ взяти, и стояша подъ городомъ три недѣли. . . а у Устюжанъ города и съ церковей копейщины просиша и они имъ не дали. И воды Новгородскія на Устюжанъ разгнѣвашася, да церковь соборную Пречистыя пограбиша, а иконы чудотворныя Одигитріе взяша въ лонъ, а иные иконы многи, и несше въ насадъ поставиша, и изъ отъ берегу не поиде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и съ икону убрусомъ, и глагола тако: Никой полонянинъ не связанъ на чуждую землю нейдетъ. И поидоша прочь, а церковь соборную зажгоша. И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и Пречистые Его Матери, и бысть имъ на пути коркота, начало имъ корчити руки и ноги, и зрѣ имъ ломати, и мало ихъ придоша здоровыхъ въ Новгородъ, и на нихъ слѣпота бысть. . . Владыка же повелѣ имъ, обѣщався поставити церковь соборную на Устюзѣ, и чудотворныя иконы отвезти всею крутою и съ полономъ назадъ. И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во св. Софїи, и пѣвше молебны. И бысть имъ милость Бога. Въ лѣто 6907, владыка Иванъ и Новгородцы послаша мастеровъ церковныхъ на Устюгъ, и съ ними гостей своихъ, людей добрыхъ проводи владыка и весь Новгородъ иконы чудотворныя до Ладвы, а гости многія проводиша до Устюга. И поставиша церковь на Устюгѣ древану велику одинаго лѣта, соборную Успеніе Пречистыя Божьей Родины.»

12) И потому онъ называется въ лѣтописи разстригою.

13) Никон. IV, 300: «Иванъ владыка архіепискупъ Новгородъ приде изъ Новгорода на Москву къ Кипріану митрополиту, похвалою о святительскихъ дѣлахъ, и пребысть у Кипріана митрополита въ казаніи и смиреніи. Тогоже лѣта бысть соборъ на Москвѣ. . . отискаша архіепискупъ Иванъ Новгородскій свое спискупы.» — Архангел. лѣтопись. «Приѣха владыка Иванъ Новгородскій на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Кипріанъ, по В. Князя слову, владыку поймалъ, да поиди въ Чудоскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дѣла.» Татищ. IV, 404: В. князь Василій, увѣдавъ, яко Новгородцевъ владыку Иоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости Заволоцкой ропта возста, рекъ митрополиту Кипріану: «отче! не добрѣ творить владыка Иоаннъ съ Новгородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отъ моего нужають и сольцають къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любви учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися. И митрополитъ»

юрѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повеле ему извѣдати добрѣ и владыку звати о святительскихъ дѣлахъ.»

14) Ниже устья рѣки Ямцы 50 верстѣ градъ Колмогоры; есть и село мецкое — Арцыб. II, прим. 699.

15) Архангел. лѣтоп. прямо говоритъ, что В. князь велѣлъ брату своему Юрію воевать Двинскую землю.

16) Мы видѣли, что въ 1388 году свергнуть былъ посадникъ Осипъ Харовичъ, и на его мѣсто возведенъ Василій Ивановичъ; подъ 1391 домъ, встрѣчаемъ имена старыхъ посадниковъ — Василя Федоровича, Богдана Обакумовича, Федора Тимоеевича; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о смерти двоихъ посадниковъ — Василя Федоровича и Ахана Даниловича; но не извѣстно, какъ лишился своей должности Василій Ивановичъ, и когда возведенъ опять въ степенные посадники свергнутый прежде Осипъ Захаровичъ, и въ 1394 году прямо говорится о вторичномъ сверженіи Осипа Захаровича и возведеніи на его мѣсто одного изъ старыхъ посадниковъ, Богдана Обакумовича. Подъ 1397 годомъ видимъ въ посадникахъ уже Тимоея Юрьевича, вѣроятно сына прежняго посадника Юрія Ивановича. Этотъ-то Тимоей Юрьевичъ, вмѣстѣ съ старымъ посадникомъ Юріемъ Дмитріевичемъ, и другимъ бояриномъ, Василемъ Борисовичемъ, возвратилъ Новгороду Завоцкія его владѣнія, захваченныя Московскимъ княземъ, посломъ къ нему, для заключенія мира, отправлялся старый посадникъ Осипъ Харовичъ. Въ 1404 году степеннымъ посадникомъ былъ Александръ Юмичъ. Подъ 1405 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти посадника Василя Ивановича, возведеннаго, какъ мы видѣли, въ 1388 году; но не знаемъ ли онъ снова степеннымъ посадникомъ, или только старымъ — извѣстно. Въ 1409 г. умерли двое извѣстныхъ намъ посадниковъ — Тимоей Юрьевичъ и Осипъ Захаровичъ; въ слѣдующемъ году умеръ извѣстный намъ посадникъ Кириллъ Адриановичъ, степеннымъ же въ то время былъ Григорій Богдановичъ, какъ видно, сынъ стараго, Богдана Обакумовича. Подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ имена посадниковъ: Юрія Онцифоровича, Юмы Есиповича (вѣроятно сына Юрия Захаровича) и Александра Юмича. Подъ 1414 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго намъ посадника Кирилла Дмитріевича (который былъ тысяцкимъ въ 1404 году), подъ слѣдующимъ годомъ — Феодосія Обакумовича, какъ видно, брата Богдана Обакумовича. Въ 1416 году степеннымъ посадникомъ является Иванъ Богдановичъ, какъ видно, другой сынъ Богдана Обакумовича; въ 1417 году умеръ Васильевичъ; въ томъ же году умерли посадники: Юрій Онцифоровичъ, Иванъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ; въ 1418 году степеннымъ былъ Василій Осиповичъ, быть можетъ, сынъ Осипа Заха-

ровича. Иванъ Богдановичъ умеръ въ 1419 году. Подъ 1420 встрѣча
 имя стараго посадника Аванасія Фѣдоровича; въ слѣдующій годъ ум
 двое посадниковъ — Фѣдоръ Тимошеевичъ и Александръ Фомин
 Степеннымъ посадникомъ въ этомъ году былъ Андрей Ивановичъ;
 конца — Неревскій и Славенскій встали на этого Андрея за э
 какого-то Клементія Артемьина: жители ихъ вооружились, пограб
 дворъ посадника и другихъ бояръ, убили 20 человекъ помощни
 Андреевыхъ, и, потерявши съ своей стороны двухъ человекъ, ути

17) Такъ въ Новгород. перв., въ четвертой же Оеонаса Есифовичъ

18) Посадъ селца при р. Шелонѣ, въ Порховскомъ уѣздѣ.

19) С. Г. Г. и Д. I, № 36. Но еще въ 1392 году Василій взял
 хана ярлыкъ на Торусу: значитъ онъ оставилъ тамъ прежнихъ кн
 въ качествѣ подручниковъ.

20) Рѣка Смедва, впад. съ Тульской стороны въ Оку.

21) Акты арх. эксп. I, № 14.

22) П. С. Р. А. V, 232.

23) Объ этомъ Иванѣ Всеволодовичѣ подъ 1397 годомъ встрѣча
 слѣдующія извѣстія: «Князь Иванъ Всеволодичь отѣха со Твери
 Москву къ В. К. Василью Дмитріевичу, а дядѣ своему В. К. Мих. Ал
 Тверскому пославъ цѣлованіе крестное сложи.... Женися князь
 Всеволодичь Тверскій на Москвѣ, у Вел. Княгини Евдокѣи поятъ дн
 В. Кн. Дмитрія Ивановича Настасію. — Московскій князь далъ Ива
 въ кормленіе Торжокъ.» — Въ Псков. лѣтоп. подъ 1399 годомъ: «Псков
 послаша ко Кн. Вел. Василью Дмитреевичу, и испросиша себѣ к
 Ивана Всеволодича, Александрова внука Тверскаго, и пріѣха Ива
 Всеволодичъ во Псковъ. Того же лѣта, въ осень, преставися князь
 хаилъ Тверскій. Той же осени выѣха изъ Пскова князь Иванъ.»

24) У Карамз., прим. 213, вставлено неизвѣстно къ какому
 относящееся извѣстіе изъ Троицкой лѣтописи: Князь Юрьи Всев. пр
 изъ Орды, добываяся Кашина, да третьей части Твери.

25) Такъ наз. Тверская лѣтопись, рукоп. въ Импер. Публич. Библ.

26) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 15.

27) Витовтъ въ письмѣ къ в. магистру Ордена наз. хана Chudandak
 Моск. Арх. Мин. Ин. Д. копии съ Кѣнигсбергскихъ актовъ, Lief. V
 № 147.

28) Кромѣ Нѣмцевъ и Свидригайла, Витовтъ, ставши В. Княземъ
 Литовскимъ, долженъ былъ вести войну съ Дмитріемъ Корибутови
 княземъ Сѣверскимъ, и Фѣдоромъ Коріатовичемъ, княземъ Подольскимъ.
 Во время владычества Рюриковичей надъ южною Русью, Подолия был
 мало заселена. Послѣ Батые утвердились здѣсь Татары. Олгердъ р
 былъ трехъ братьевъ, князей Татарскихъ — князя Хочебоя, Куллуби

Дмитрія, которые были, по выраженію лѣтописца (Данилов. стр. 49), чичи и дѣдичи Подольской земли. Олегъ отдалъ эту землю четыремъ сыновьямъ, сыновьямъ князя Коріата — Юрію, Александру, Константину Ѳедору, которые населили страну и построили въ ней городовъ. Три старшіе Коріатовича умерли безъ наследниковъ; младшій, Ѳедоръ, сталъ одинъ господиномъ Подоли и не хотѣлъ признавать власти вѣтовта; тогда послѣдній выгналъ Ѳедора изъ Подоли и взялъ ее себѣ; потомъ продалъ половину Польшѣ, опять выкупилъ и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгнули ее отъ Литвы. — Отъ Александра Коріатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смотрицкому Доминиканскому монастырю на мельницу. Въ ней упоминается о дани Татарамъ; слѣд. Подоля еще не совсѣмъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящ. къ исторіи вѣтовт. Россіи, т. I, № 4.

29) Акты, относящ. къ Истор. западн. Россіи, т. I, № 10.

30) Этыхъ 20 слишкомъ князей лѣтописецъ высчитываетъ по имени; а потомъ говоритъ, что всѣхъ князей убито 74; но откуда же взялось 74, когда всѣхъ князей было 50? Касательно окупа съ Кіева въ однихъ лѣтописяхъ находимъ 3000, въ другихъ только 500 рублей.

31) Супрасльская рукопись, стр. 136: Князь же Василій обѣща ему дати силу свою и удержитъ его на тые сроки, а норовя тѣсти своему вѣтовту».

32) Лѣтоп. содерж. Русс. ист. отъ 852 — 1598 г., стр. 123, 124.

33) Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверьскій, Корѣльскій, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламьскій, Порховъ, Вышегородъ, Высокое, Кошкинъ, Городецъ. П. С. Р. Л. IV, 107.

34) Съ перваго раза кажется, что Псковичи повоевали волости Лютовскія, и слѣд. Ржева (село Подржевка, къ югу отъ города Новгорода Псковской губерніи; см. Сѣвер. Арх. 1822, № 23) и Великія Луки принадлежали уже Витовту. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано слѣдующее: «Псковичи же отъслали ихъ (полки Новгородскіе) къ Лютовгороду, а сами ѣхавше на крестномъ цѣлованіи повоеваша села Новгородская, Луки и Ржеву (П. С. Р. Л. V, стр. 254). Псковичи дѣйствительно воевали и Литовскія и Новгородскія волости вмѣстѣ, ибо Ржева съ Великими Луками принадлежали Литвѣ и Новгороду пополамъ, какъ принадлежали прежде Новгороду и Смоленскимъ князьямъ пополамъ, когда же Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то съ этимъ приобрѣлъ право и на всю Смоленскую волость.

35) Серпейскъ, заштатный городъ Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда.

36) Плава впадаетъ въ Упу близъ Кропивны, Тульской губерн. Дмитровецъ теперь деревня въ Калужской губернии на рѣкѣ Протвѣ.

37) Моск. Арх. Мин. Ин. Д.; копии съ Кёнигсберг. актовъ, Л. VI, № 144. За возможность пользоваться этими любопытными актами изъявляютъ глубочайшую благодарность князю Михаилу Андреевичу Виленскому.

38) Никон. V, 109. Касательно другаго выходца, Нелюба, въ Кёнигсберг. тайномъ архивѣ находится донесеніе в. магистру Ордену, что Витовтъ помирился съ Свидригайломъ, намѣренъ помириться и съ Московскимъ княземъ, если тотъ выдастъ ему князя Александра Ивановича и Юрія Смоленскаго. — Моск. Арх. Мин. Иностр. Д. Копии съ актовъ Кёнигсберг. архива, Lieferung II, № 26.

39) Шла молва, будто Скиргайло былъ отравленъ, и подозрѣванъ въ преступленіи Оому, митрополичьяго намѣстника, послѣ обѣда у котораго великій князь заболѣлъ и на седьмой день умеръ. Витовтъ узнавъ о смерти Скиргайла, прислалъ въ Кіевъ князя Ивана Ольгимантовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Этотъ князь палъ въ битвѣ при Ворсклѣ. Преемникомъ его былъ, какъ видно, сынъ преемника князя Владиміра Олгердовича, Александръ или Омелько Владимировичъ. отъ него имѣемъ мы двѣ грамоты: одну, данную въ 1411 г. Кіевскому Доминиканскому монастырю — въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (описаніе Кіево-Соборйскаго Собора, стр. 99); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврешевскому монастырю на десятину (Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, т. I, № 28); въ этой грамотѣ говорится: «Се язъ князь Олександро Владимировичъ, и съ своею княгинею Московъкою и своими дѣтми, даемъ десятину Св. Богородицѣ и проч.» Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь Московскаго Вел. Князя Василя Дмитріевича. Преемникомъ Александра въ Кіевѣ былъ сынъ его Семень. Кромѣ преемниковъ князей, лѣтописи упоминаютъ еще объ опустошеніи Кіева и всей Русской земли Татарами подъ предводительствомъ Эдигея въ 1416 годъ (Густин. лѣтоп. стр. 354). — Постановленіе сеймовъ — Виленскаго Городельскаго см. въ Zbiór praw Litewskich Działynskiego, стр. 3, 7, 8.

40) Пол. Собр. Рус. Лѣтоп. IV, 197: «Приде мѣстеръ Рижскій всюю силою своею, и Юрьевичи, и изъ Курска (и Курци, т. е. жители Курляндіи), и подъ Островомъ, и подъ Котелномъ были, а на устьи Сини стояли по обѣ стороны рѣки.» Рѣка Синя впадаетъ въ Опочкинскомъ уѣздѣ въ рѣку Великую.

41) Мѣстечко Велья, при рѣкѣ того же имени, Псковск. губерн. Опочкинскаго уѣзда.

42) Село Логозовичи, Псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборску.

- 3) Карамз. V, прим. 202. — Приводимая Карамз. грамота въ примѣч. 3 не можетъ относиться къ 1420 году, по сличеніи именъ пословъ съ знами, какъ они читаются въ лѣтописи.
- 4) П. С. Р. Л. III, 104 : «И взяша пригородъ Тиверскій»; въ другихъ яскахъ — Корѣльскій.
- 5) И повоеваша въ Варзугѣ (рѣка Варзуха Кольскаго уѣзда Архангел. губер.) погость Корѣльскый, и въ землѣ Заволочской погосты: Неноксъ (Архангел. уѣзда), въ Козѣльскомъ монастырѣ св. Николы, вечный погость, Яковлю, Курью, Ондриановъ берегъ, Кигъ островъ, рь островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонимъ, Хѣчинима.
- 46) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 39.
- 47) Тамъ же, № 41.
- 48) Тамъ же, № 42.
- 49) Что же касается извѣстія, сообщаемого Герберштейномъ (Regum scovit. Auctores varii, Francof. p. 6), будто Василій Дмитріевичъ, дозрѣвая жену свою Анастасію (Софью) въ невѣрности, отказалъ эликое Княженіе не сыну Василю, но брату Юрію, то это сказка, придуманная и рассказанная Герберштейну людьми, озлобленными на вѣсто Василія Темнаго.
- 50) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 15.
- 51) Ѳеодоръ Ив. подписался подъ 2-ю и 3-ю духовною Вас. Дмитр.
- 52) Никон. IV, 251; здѣсь ошибкою — Ѳеодоровичъ вм. Ѳеофановичъ.
- 53) Москов. Сборн. 1847 года, стр. 280.
- 54) Карамз. V, примѣч. 257.
- 55) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 43 и 44.
- 56) Тамъ же на оборотѣ написано : «А сю грамоту Кн. Великому прислалъ съкладною вмѣстѣ князь Юрьи, къ Ордѣ ида.»
- 57) Никон. V, 112 ; иначе говорится въ другихъ лѣтописяхъ, напр. П. С. Р. Л. V, 264 : «И на той свадбѣ Захарья Ивановичъ Кошкынъ имался за поясъ у князя Василя Юрьевичя у Косого.» Въ Архангел. стр. 138) прибавлено : «и ркучи тотъ поясъ пропалъ у меня, коли раи казну мою.» По родословнымъ, у Ивана Ѳеодоровича Кошки дѣйствительно значится сынъ Захарія.
- 58) Никон. V, 114 : А отъ Москвычъ не бысь никоея же помощи, явози бо отъ нихъ пьяни бяху, а и съ собою медъ везяху, чтобъ ити еще.
- 59) Акты Истор. I, № 40.
- 60) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 49 и 50. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот.
- 61) Оставленная Юріемъ духовная написана прежде, а именно тот-

часть по приходѣ изъ Орды, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ.
С. Г. Г. и Д. т. I, № 51.

62) С. Г. Г. и Д. т. I, № 52 и слѣд.

63) Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

64) Никон. V, 120; Акты Истор. I, № 40.

65) Арханг. стр. 147.

66) С. Г. Г. и Д. I, № 56 и 57.

67) Тамъ же, № 60.

68) Никон. V, 157.

69) См. посланіе духовенства къ Шемякѣ — Акты Истор. I, № 40.
«Егда приходилъ къ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и Кн. Великій Вас. колько пословъ своихъ по тебѣ посылае, также и грамоты зовучи тебе къ собѣ на помощь? и ты къ нему не пошелъ.

70) С. Г. Г. и Д. I, № 46.

71) Тамъ же, № 47.

72) Тамъ же, № 48.

73) Тамъ же, № 45.

74) Неподобная и скверная дѣяку.

75) Акты Истор. I, № 40.

76) П. С. Р. Л. IV, 125; тамъ же, стр. 213, показано 2700 сѣдѣвшихъ.

77) Тамъ же, стр. 125; стр. 213: «Посуливъ на собѣ (В. Кн. Вас.) отъ золота и серебра и отъ портища всякого и отъ коней, и отъ дозѣховъ пол-30 тысящъ, а съ нимъ придоша 500 татаръ.»

78) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 61. Эта договорная грамота В. Кн. Вас. съ Андреевичами написана 17 Июля 445 года, слѣд. когда В. Кн. Вас. и Михаиломъ Андреевичемъ находились въ плѣну Татарскомъ, и Михаилъ дѣйствовалъ именованнаго отсутствующаго старшаго брата.

79) Троицкіе — П. С. Р. Л. V, 268.

80) Городокъ Радонежъ близу Троицы упоминается Никон. IV, 26; VI, 130, Село Радонежское С. Г. Г. и Д. I, №№ 21, 22.

81) П. С. Р. Л. IV, 125; такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот.

82) Арханг. лѣт. стр. 153: здѣсь сказано, что Шемяка выпустилъ Василія 15 Сентября.

83) Неволею, какъ сказано въ Львовской лѣтописи, III, 342. Въ одной лѣтописи (рукоп. Импер. Публ. Библи. XVII вѣка) читаемъ: «Князь Великій поиде ко Твери, и обручалъ тогда Князь Великій за большаго сына своего за князя Ивана Горбатзго, тако бо зва его отецъ». Въ такъ наз. Тверской лѣтописи сказано, что Василій отдалъ Тверскому князю Ржеву; но Ржевичи сдались Борису Александровичу тогда

, когда онъ пришелъ на нихъ съ пушками. Но въ договорѣ съ иромъ и въ завѣщаніи Василя Темнаго Ржева въ Московской гдѣ; развѣ предположить, что Василій взялъ себѣ назадъ этотъ въ при болѣе благоприятныхъ для себя обстоятельствахъ.

Духовная Іоанна III (С. Г. Г. и Д. I, № 144): «Да симу же своему даю городъ Брянскъ съ волостями и погосты, и зъ селы и со всѣми знами, со всѣми, что къ Брянску потягло; да волости Соловьевичи, іадки, Пацынъ.

С. Г. Г. и Д. I, № 67: «Да что есмя взяли казну Князя Вел., и е его Вел. Княгини, и его Вел. Княгини, и бояръ его и Марьяну евы». — Родосл.: «А у пятаго сына Андреева у Кобылина у Ѳедора лки четыре сына; большой Иванъ, другой Ѳедоръ Голтяй; а у да у Голтяя дѣти: Иванъ да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь ыла за княземъ Ярославомъ Володимеровичемъ Боровскимъ».

Тамъ же, № 62.

) С. Г. Г. и Д. I, № 63.

) Тамъ же, № 66.

) Тамъ же, № 64.

) Тамъ же № 71 и слѣд.

) Акты Истор. I, № 40.

) Тамъ же, № 43.

) Акты, относящ. къ исторіи западн. Россіи, т. I, № 49.

) Въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (соч. Вассіаномъ Рыло, въ рьев. мин.) находится слѣдующее мѣсто: «Нѣкій человекъ именемъ ть, съ быше по наученію нѣкоихъ въ великомъ Новгородѣ, служа у его князя благочестива, и господина своего отравою умори, посже зазрѣвъ себѣ облечеса въ иноческій образъ и приде въ обитель го; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли гѣка сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ крови?... ѣди же повѣда блаженный единому ученику: съ человекъ князя Ди- іія Шемяку отравою уби».

) Акты Истор. I, № 56.

) С. Р. Г. и Д. I, №№ 84 и 85. Я ставлю этотъ договоръ прежде, му что въ немъ не упоминается еще объ изгнаніи Ивана Можай-)

) Тамъ же, №№ 78 и 79.

) Акты арх. эксп. I, № 70.

) С. Г. Г. и Д. I, № 80.

0) Акты арх. эксп. I, № 25. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Кѣнигсбер. Lief. VII, № 161: in unser Vormundschaft vorwesunge und be- zungung genzlich hat befulen (В. К. Московская).

101) Тамъ же, № 26.

102) Акты относящ. къ истор. запад. Россіи, I, № 33. Тамъ Тверская лѣтопись въ Импер. Публ. Библ. Здѣсь сказано, что Т. полки были съ воеводою Захаріею Ивановичемъ.

103) Акты арх. эксп. I, № 33. Съ Тверской стороны договорились отъ имени В. Князя Бориса и удѣльныхъ: Ѳедора Ѳедоровича, Ивана Юрьевича и Андрея Ивановича.

104) Акты, относящ. къ исторіи запад. Росс. I, № 51.

105) Тамъ же, № 50. Здѣсь мы видимъ даже, что относительно наго суда между Тверскими и Новгородскими подданными дѣло непосредственно между В. Князьями Московскимъ и Литовскимъ, будто бы Новгородъ принадлежалъ совершенно Москвѣ, а Тверь «А съ Новгородцы В. К. Борысу жити по старынѣ; а всимъ общи дѣломъ давати имъ межи собою судъ и исправа, на обѣ стороны, перевода; а о чемъ ся сопруть, и они сложать на митрополита, къ детъ обѣима нама любь; и митрополитъ на кого помолвить, помолвить на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ В. К. Василію и мнѣ то справити; а помолвить ли на Тферытина, а не исправитца, ему послати до тебе, короля и В. К. Казимира, и тобѣ то исправити».

106) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 76.

107) Акты Истор. I, № 51.

108) П. С. Р. Л. III, 111: «Пріѣха Кн. Вел. Василя. Василя. въ Новгородъ, на Святой недѣли, апрѣля въ 1. Тогда же на Святой недѣли апрѣля въ 5, выѣха весь Великій Новъгородъ ратию на поле, на Зарискую сторону, къ Жилотогу, а князь Василей былъ тогда на Городищѣ и не бысть Новгородцемъ ничтоже». — Значить Новгородцы хотѣли защищаться отъ Василя.

109) П. С. Р. Л. III, 112; Акты арх. эксп. I. № 32.

110) Акты Истор. I, № 250. — О Тверской помощи см. такъ же въ Тверскую лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот., гдѣ названы воеводою Александръ Романовичъ и Карпъ Ѳедоровичъ.

111) Останокъ людей. Должно быть, здѣсь разумѣются жители Торжка въ Московской великокняжеской сторонѣ, ибо Новгородскую сторону Тверичи взяли еще прежде.

112) Акты Истор. I, № 53.

113) Акты арх. эксп. I, № 372.

114) Яжолбицкій ямъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

115) Акты арх. эксп. I, № 58.

116) Соф. Врем. II, 66. П. С. П. Л. IV, 127: «Пріѣха въ Новгородъ К. В. Московскій Василей Васильевичъ, на миру, къ св. Софїи поклонъ; а Новгородцы въ сторожѣ жиша».

Васильевичъ Лугвица Суздальскихъ князей; также слышавше, и бр его князя Михаила Андреевича люди, и собрася ихъ сто же, а ш Михаила Андрѣевича у себя тогда въ Вереѣ не было, а воевода у ш Судогъ; также слышавше и княжа Васильевы Ярославича люди, собрася ихъ 60 человекъ, а князя Василья Ярославича тогда уби Боровцѣ не было, а воевода у нихъ Жиневъ; и сретошася съ Лити въ Суходровѣ, и бысть имъ бой, и убиша ту воеводу князя Ив. Анд Можайск., князя Андрея Вас. Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ ч тыре человекъ, а Яропка да Семена Ржевскаго поймали княжа Пя выхъ Андр. Можайскаго воеводъ, а брата его поймали воеводъ Суд да Филипа Щокина до Конинскаго да пять человекъ молодыхъ».

134) Никон. V, 215: «пань Семенъ Едигодовъ».

135) Акты, относящ. къ истор. зап. Росс. I, № 50.

136) Тамъ же, № 52, 139.

137) Акты арх. эксп. I, № 49.

138) Акты относ. къ истор. запад. Росс. № 58.

139) Тамъ же, № 52.

140) Тамъ же, № 41, 48, 57, 63.

141) Никон. V, 218: «Бывшу же ему близъ Брашевы, и прии вѣсть ему.

142) Карам. V, пр. 316.

143) П. С. Р. Л. IV, 213: «князь Александръ Васил. съ мужи Новг родци поиде противу князя Ризскаго местера, и противъ короля Пру ского, и противъ короля Свейскаго Карла».

144) Здѣсь вариантъ: въ однихъ спискахъ: «Послаша Псковск своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ Новгородскихъ пословъ»; — а въ другихъ: «подлѣ Новый городецъ».

145) На Озолу и на Желачкѣ.

146) Въ Псковской лѣтоп. сказано: «Того же лѣта (1459), въ вели кій постъ»; но ясно, что Псковичи не могли косить сѣно, и потому Нѣмцы придти въ великій постъ въ одномъ и томъ же году.

147) Съ пущичами; въ др. сп. съ пушками.

148) Житіе св. Іоны, архіепископа Новгородскаго; рукоп. Румян Муз. № 154.

149) Никон. V, 285.

150) Тамъ же, 127.

151) Тамъ же, 117.

152) Тамъ же, 285.

153) Отъ единородія къ единоличію, еслибъ позволено была такъ выразиться.

154) Исторія Россіи, т. I, гл. 1.

- 55) Никон. IV, 55.
- 56) Тамъ же, 205.
- 157) С. Г. Г. и Д. I, №№ 21, 22. Въ Твери тоже самое явленіе, см. рам. V, прим. 213.
- 158) Городна, такъ С. Г. Г. и Д. № 25. Теперь Городня, село въ ломен. уѣздѣ, въ 22 верстахъ отъ Коломны.
- 159) Песочна, сельце, въ 35 верстахъ отъ Коломны.
- 160) Похряны въ Бронниц. уѣздѣ на гран. съ Коломенск. — Усть-рская, теперь Усмерскій погостъ, Бронницкаго уѣзда, въ 30 вер. отъ здн. города.
- 161) Боршева въ Бронниц. уѣзд. на Колом. дор. Погостъ Иванъ тамъ же. Есть деревня Левычено, въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 28 вер. отъ изднаго города. — Въ томъ же уѣздѣ село Гжель, въ 25 вер. отъ уѣзд-го города — Есть село Горы въ Коломенск. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ издн. гор. Коневъ боръ тамъ же.
- 162) Астафьевское на Клязьмѣ, С. Г. Г. и Д. I, № 24. Село Сѣверское въ Коломенск. уѣздѣ, въ 8 верст. отъ уѣздн. города. Въ Бронницкомъ уѣздѣ село Константиновское. Въ томъ же уѣздѣ есть сельце Островцы деревня Островецъ. Въ томъ же уѣздѣ есть два села Малахова. Мильское въ Коломен. уѣз. Арининское въ Подол. уѣздѣ.
- 163) Кремиченскій погостъ, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ изднаго города. Въ томъ же уѣздѣ есть деревня Оумкино, въ 16 вер. отъ уѣздн. гор. Деревня Ростовцева въ Звенигород. уѣздѣ, въ 39 вер. отъ уѣздн. гор. Деревня Акатово Рузскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ гор. отъ томъ же уѣздѣ деревня Скирманово, въ 28 вер. отъ уѣзд. гор. Въ Рузскомъ уѣздѣ есть село Каменки, въ 24 вер. Въ Звенигородск. уѣздѣ есть деревня Рузина, въ 30 вер. Въ томъ же уѣздѣ Деревня Максимова, въ 26 вер. Андреевскихъ два села и три деревни въ Звенигородск. уѣздѣ. Тамъ же село Вяземское, въ 15 вер. Село Рюховское Золоколам. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор. Село Лопасня Серпухов. уѣзда, въ 24 вер. Деревня Северова въ Подольск. уѣздѣ, въ 4 вер. Въ томъ же уѣздѣ сельцо Голичино, въ 26 вер. Деревня Растовка Серпух. уѣзда, въ 32 вер. Тамъ же село Талижи, въ 29 вер. Село Битягово въ Подол. уѣздѣ, въ 18 вер. Деревня Нагатино, Москов. уѣзда, въ 5 вер. Суходолъ въ Боровскомъ уѣздѣ. Тросна въ Калуж. губ.
- 164) Село Лучинское въ Подол. уѣздѣ, въ 15 вер. отъ гор.
- 165) Михалево или Михеево на берегу Москвы рѣки, ниже Бронницъ.
- 166) С. Г. Г. и Д. I, № 24. Самарово въ Переясл. уѣз. къ югу отъ Переясл., недалеко отъ границъ Алекс. уѣзда; Романовское въ Алек-

сандр. уѣз. Мы видѣли, что Дейгуниинское входило въ участокъ владѣн Калитиной.

167) Тамъ же, № 25.

168) Въ Звенигород. уѣздѣ есть три деревни Михайловскія и село Михайловское, есть деревня Михайловка; есть селце Мельтихи, въ 25 вер. отъ уѣзд. гор. Пславское въ 11 вер. Каринское въ 11. Козьмина деревня въ 7. Деревня Юрьева въ 15. Деревня Клавина въ 4 вер.

169) Мы видѣли (Т. III, примѣч. 468), что эта княгиня Ульяна могла быть невѣсткою Калиты, какъ думалъ Карамзинъ; теперь же распоряженія о волостяхъ видимъ ясно, что она была жена Калиты, мачиха Симеона и Иоанна.

170) Село Камарево въ Колом. уѣздѣ, въ 33 вер. отъ гор. Въ Илоколам. уѣздѣ есть село Бѣли, въ 16 вер. отъ города *. Дмитровск. уѣздѣ въ 20 вер. отъ Звенигорода. Добрятинское въ Подол. уѣзд. Угожск. волость на границахъ между Звенигородскими и Вышгородскими (Дмитровскими) землями, у рѣки Локонки; тамъ же рѣка Плясьнь, отъ которой получила названіе и волость. См. С. Г. Г. и Дог. I, № 139. Село Домитовское и волость Сурожикъ на границахъ между Московскимъ и Звенигородскимъ уѣздами. См. тамъ же, № 140.

171) Деревня Тушково, въ Можайск. уѣздѣ, въ 25 вер. отъ гор. Въ Верейскомъ уѣздѣ есть деревни: Глинки и Глинницы. Тамъ же село Руднино, въ 57 вер. Деревня Гремячево, Моск. уѣзда, въ 16 в. Село Дегунино, тамъ же, въ 9 вер.

172) Т. е. слобода, заведенная княземъ Иваномъ, братомъ Дмитріевымъ. Волость Инобашъ или Инобашъ получила свое названіе отъ рѣки. Волость Иква граничила съ Сурожикомъ; ея положеніе и граници опредѣляются рѣками Малоощею, Пestroю и Каменкою (С. Г. Г. и Дог. I, № 140).

173) Красное теперь къ СЗ. отъ Юрьева; Васильевское къ СВ. отъ Ростова; Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева; Богородское къ Ю. отъ Ростова; Богородское на ЮВ. отъ Юрьева; къ З. отъ нихъ Фроловское, Елохъ, къ ЮЗ. Петровское. Роца въ Тарусскомъ уѣздѣ, къ С. отъ гор. Переяславская волость Юлка между верховьями рѣкъ Дуби и Нерли (С. Г. Г. и Дог. I, № 138).

174) С. Г. Г. и Д. I, № 39.

175) Фаустово или Хаустово на берегу Москвы рѣки, ниже Бронницъ. Весково къ З. отъ Переяславля. Алексино къ С. отъ Юрьева.

* Воря, рѣка, вытекаетъ изъ Дмитровск. уѣзда и впад. въ Клязьму.

176) «Крылатское, што было за Татаромъ, а княгини моя дастъ съ го села черницъ Софья 50 руб. долгу ее». Село Крылатское, въ ук. уѣздѣ, въ 12 вер. отъ гор.; тутъ же и Татарово. — Захарово Колом. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ гор.

177) «Што была княжа Васильева Семеновича».

178) Есть два села Косина въ Моск. уѣздѣ, оба въ 12 вер. отъ го- да. Лисинь, быть можетъ, нынѣшній Лихвинь. И теперъ къ югу отъ рѣва Польскаго есть село Богоявленское, къ ЮВ. Варварино и Фе- ровское. Въ Серпухов. уѣздѣ Хотунь на СВ. отъ гор. Въ Подольск. изд. Гастунова. Рѣка Лужа впад. въ Угру.

179) С. Г. Г. и Д. I, № 33.

180) Тамъ же, № 35: «Волоокъ съ волостями, а волости Издѣтме, Воиничи».

181) И теперъ къ С. отъ Углича есть село Золоторучье.

182) «А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Ростуновѣ ободѣ, въ удѣлѣ брата своего, князя Ярослава, и то село сыну кня-) Ярославу, а на то мѣсто далъ есмь сыну Ивану Сесипетрово село «Струпиково».

183) С. Г. Г. и Д. I, №№ 43 и 44. Верстахъ въ 25 отъ города Буя- стромской губернии, на востокъ два села называются Ликургами — ликурги Трица и Ликурги Рождество (Труды Общ. Истор. и Древ. исс. ч. VI).

184) Тамъ же, № 62.

185) Тамъ же, № 71.

186) Неизвѣстно, тутъ ли князь Константинъ Дмитриевичъ, заключав- ий договоръ за одно съ племянникомъ, уступилъ опять брату эти- гь волости, или еще прежде уступилъ ихъ племяннику. С. Г. Г. и Д. № 49.

187) Замощье, дер. Волоколам. уѣзда, въ 31 вер. отъ гор. — Селино- мце Дмитр. уѣз. въ 26 вер. отъ гор. Тамъ же есть деревня Рогова въ 9 вер. отъ гор. Тамъ же деревня Кунишникова въ 4 вер. Тамъ же мо Раменье въ 35 вер. Деревня Лотосова въ 21 вер. Село Куликово въ 25 вер.

188) С. Г. Г. и Д. I, №№ 52, 60. Село Осташково Моск. уѣзд. въ 24 вр. Деревня Щукина тамъ же, въ 8 вер.

189) Акты арх. эксп. т. I, № 29.

190) С. Г. Г. и Д. I, № 67.

191) Тамъ же № 71.

192) Тамъ же, № 78. — Соло Ершово въ Звенигород. уѣздѣ, въ 3 вер. гь города.

193) Тамъ же, № 84.

194) Тамъ же, № 64.

195) Тамъ же, № 82. Село Вороново Дмитр. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор.

196) Тамъ же, № 83. — Колычева, село Колом. уѣзда, въ 7 вер. отъ гор. Никульское, тамъ же, въ 8 вер. Липатино, въ 22 вер. Машево, въ 35 вер. Велино—село Бронницкаго уѣзда, въ 3 вер. отъ гор. Кричино, въ 6 вер. Марчюги въ 17 вер. Головина во Владимірскомъ уѣздѣ, въ 3. отъ города. Турабьева къ СВ. отъ Юрьева; Кучки къ Ю. Девянька къ СЗ. Качалово, Ушаково въ Костром. уѣздѣ, къ ЮВ. отъ города.

197) Тамъ же, № 40.

198) См. примѣч. 85.

199) С. Г. Г. и Д. I, № 86: «Романовъ княжо Михайлово Дѣво и княжихъ Лвовыхъ дѣтей, и княже Давыдово Застѣкина».

200) Мячково, село Колом. уѣзда, въ 12 вер. отъ г. Чертаново, дера Можайскаго уѣзда, въ полверстѣ отъ города. Черкизово въ Коломен. уѣздѣ къ С. отъ города; Дысково къ ЮЗ. Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева Польскаго; Добрыньское, Волстиново къ СЗ.; Матвѣйцево и Вороговова къ СЗ. отъ послѣднихъ. Ельцы къ ЮВ. отъ Юрьева Польскаго. Симикино къ ЮЗ. отъ Владимира на границахъ Владимірскаго и Юрьевскаго уѣздовъ. Сарогужино къ СЗ. отъ Юрьева. Шокшова и Давыдовское къ СЗ. отъ Суздаля, недалеко отъ границъ Юрьевскаго уѣзда. Городище къ С. отъ Переяславля.

201) С. Г. Г. и Д. I, № 31; въ договорѣ съ Васиіемъ Дмитріевичемъ «А въ Тулицѣ и въ Берести не вступатися мнѣ В. Князю Вас. Дм. (№ 36)»; въ договорѣ съ В. К. Юріемъ Дмитріевичемъ: «въ Тулу и въ Берести (№ 48)».

202) Акты арх. эксп. I, № 25.

203) С. Г. Г. и Д. I, № 60.

204) Акты Истор. I, № 1 и 3.

205) Сахарова — Сказ. Русск. Нар. т. II, кн. VIII, стр. 97. — Мосты Арх. Мин. Ин. Дѣл. Дѣла Польскія № 1. — Буткова — три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Дѣл. 1837 г. ч. 23. — Неволина: О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII. — Antiquités Russes, t. II. — О Двинскихъ волостяхъ см. Акты арх. эксп. I, № 13. Ср. Книгу Большой Чертежи стр. 195, 197, 201, 284. — Границы между Ржевою (Московскою) и Литовскими владѣніями означены такъ въ договорѣ Васиіа Темнаго съ Казимиромъ (Акты зап. Рос. № 50): «По озеро по Орлинце на пом по озеро по Плотинце, по Красный борокъ, по Баранью рѣчку на веру

и, по Бѣлейкѣ на Поникль, съ Поникля на верхъ Сижьки, съ бѣ-
а мохъ, со мху на верхъ Осухи».

С. Г. Г. и Д. I, № 21.

Тамъ же, № 34.

Тамъ же, № 86.

Тамъ же, № 40, 51.

Тамъ же, № 23.

Тамъ же, № 27.

Тамъ же № 33: «А которые боярѣ умоляютъ, то пододыметъ князь,
о умолятъ, а бояромъ вины нѣтъ».

Тамъ же, № 35.

Тамъ же, № 38.

Тамъ же, № 40.

Тамъ же, № 37.

Акты арх. эксп. I, № 10.

С. Г. Г. и Д. I, №№ 43 и 44

Тамъ же, №№ 49 и 55.

Тамъ же, №№ 45 и 46.

Тамъ же, № 47.

Тамъ же, №№ 28, 48, 65.

Акты арх. эксп. I, № 14.

С. г. г. и д. I, № 25: «А что волости за княгинью за Ульяною,
хъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадутъ дчери ее Сурожикъ,
гчиньское».

Дополн. къ акт. истор. I, № 11.

Акты, относящ. къ истор. западной Россіи, I, № 48.

Тамъ же, № 57.

Тамъ же, № 63.

Тамъ же, № 46.

Акты истор. I, № 32: «Предаю монастырь, трудъ свой и свое
, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, и господину Князю Великому,
воему Андрею Дмитриевичю».

Тамъ же, № 39: «И благодатию Божіею, земля наша и сущихъ
ь насъ братій нашихъ, Великихъ Князей дръжавы и помѣстныхъ
и начяльниковъ, елико кто подъ собою имѣеть, вси суть въ благо-
».

Акты арх. эксп. I, № 3.

Пол. собр. рус. лѣт. IV, 61: «Егда бо видяше (болѣзнь) гдѣ
урый родъ, или въ осподу». — Вариантъ къ осподу: въ семью.

Акты истор. I, № 32.

С. Г. Г. и Д. I, № 52.

- 236) Акты истор. I, № 57.
 237) Тамъ же, № 60.
 238) Тамъ же, № 65; тамъ же, стр. 109.
 239) Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I, № 50.
 240) Никон. III, 78: «И тѣми даньми многу тяжесть творяше князи и чернымъ людемъ».
 241) Тамъ же, стр. 34.
 242) Тамъ же, т. IV, стр. 192.
 243) Тамъ же, т. V, стр. 111.
 244) Тамъ же, т. III, стр. 78: «И сіи велицы бяху».
 245) Тамъ же, стр. 20.
 246) Тамъ же, стр. 37.
 247) Тамъ же, стр. 41.
 248) П. С. Р. Л. III, 61.
 249) Никон. III, 57.
 250) Тамъ же, стр. 59.
 251) П. С. Р. Л. I, 227.
 252) Акты арх. эксп. I, № 13.
 253) Акты историч. I, № 10 и 23.
 254) С. Г. Г. и Д. I, № 33.
 255) Исторія Россіи, т. III, стр. 270.
 256) С. Г. Г. и Д. I, № 33: «А хто иметь жити мнѣхъ бояръ въ твои удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ. А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на болшихъ и на путныхъ тогда ти взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да и на твоихъ мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и двадцати».
 257) А коли придетъ дань или ямъ. — С. Г. Г. и Д. I, № 39. Въ казенныхъ грамотахъ говорится: «тѣмъ ихъ людемъ не подобѣ ямъ, опроче Татарьсково яму». Акты отн. до юрид. быта, I, стр. 107.
 258) Тамъ же, № 35, догов. Василя Дм. съ Владим. Андр.: «А выдѣли Юрьи съ посломъ, и намъ то подняти по розачту».
 259) С. Г. Г. и Д. I, № 76, договоръ съ Тверью. — Въ другомъ договорѣ съ Тверью (Акты арх. эксп. I, № 14): «Съ воза по морткѣ обутьной, а кости съ человекѣ морткѣ; поѣдетъ на версѣ съ торговлею морткаже, промыта съ воза по штидесять, а заповѣди штидесять одна». — Въ договорѣ съ Рязанью (С. Г. Г. и Д. I, № 36): «Съ воза съ доски по алтыну, а съ струга съ набой два алтына, а безъ набоя деньга; а Князей Великихъ ладьи пошлннѣ нѣтъ».
 260) С. Г. Г. и Д. I, № 40.
 261) Акты истор. I, № 2. Штидесять должно быть тоже самое, что промытъ, см. прим. 259.

Тамъ же, № 15.

Тамъ же, № 49. Акты арх. эксп. I, № 52; Акты отн. до юрид. стр. 107.

Акты арх. эксп. I, № 5.

Тамъ же, № 18.

Тамъ же, № 39.

Тамъ же.: «А куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую старцевъ своихъ или бѣщцовъ на ватагу или на иную службу, инники мои и поватажники, поватажнаго у нихъ не емлють».

Тамъ же, №№ 46 и 53.

Акты истор. I, № 2.

Тамъ же, № 14: «Съ виною и съ поличнымъ и съ безатши-Срав. Акты арх. эксп. I, № 4: «А коли розмирье Князю Вестъ Новымгородомъ, а тогда ихъ (людей Юрьева монастыря на) въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но, оприснь въ брезѣ Князя Великого».

Акты истор. I, № 36.

С. Г. Г. и Д. I, № 40.

Акты арх. эксп. I, № 15.

С. Г. Г. и Д. I, № 36.

Акты истор. I, № 25.

Акты арх. эксп. I №, 19.

С. Г. Г. и Д. I, № 21: «А оброкомъ медовымъ городскимъ Васильданыя подѣлятся сынове мои» № 23. «все на трое: и борти Добрятинская борть». № 25: «И что медъ оброчный Васильгану, и что отца моего купленные бортици подъ вѣчные варяхъ, все на трое». № 40: «А благословилъ есмь сына князя Ивана, смь ему Серпоховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы изъ ю и со всѣми пошлинами».

С. Г. Г. и Д. № 34: Димитрій Довской отказываетъ княгинѣ изъ Галича — Соль. Князь Юрій Дмитриевичъ отказываетъ сыну лю Красному — Галичъ съ солью, съ варницами. Тамъ же, № 51.

С. Г. Г. и Д. I, № 86. Акты, отн. до юрид. быта, I, стр. 98.

Тамъ же, № 40. — Подробности о солевареньѣ находимъ въ вной грамотѣ Великой Книгини Маріи Ярославовны Чухломскому эскому монастырю (Акты истор. I, № 49): «Что ихъ варница ырская у Соли съ Суплепскою варницею, и кто у нихъ будетъ цикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варить на монастырь, и на меня на Великую Княгиню варять въ моей варницѣ, безъ у и безъ стоялицъ. Да что тутожъ у нихъ у Соли монастырке ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и въ иныхъ вар-

ницахъ три четвертины, ино не надобѣ съ нихъ ни противекъ
площъкы, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ некоторые пося
не надобѣ, ни явленное; а волости мои Усольскіе, и ихъ тиунн и д
чики, у игуменовыхъ варницъ дровъ не емлють. См. Также Акты
эксп. I, № 52; Акты, отн. до юрид. быта, I, стр. 445.

281) Акты истор. I, № 2.

282) Акты арх. эксп. I, №№ 1, 2, 3. «Отъ Великаго Кнзя
Ондreja къ посадникомъ и къ скотникомъ, (т. е. сотникомъ) и къ
ростамъ. Како есмь докончилъ съ Новымгородомъ ходити тремъ
гамъ моимъ на море; а ватаманъ Ондрей Критцкій, отдаю
погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ».

283) «Икона св. Александръ, икона золотомъ кована Парамшина д
икона Благовѣщенье.»

284) «Чѣпъ золоту врану съ крестомъ золотымъ; чѣпъ золоту ка
чѣпъ огнивчату.»

285) Между прочимъ: «поясъ золотъ сточный».

286) Между названіемъ вещей одно полустерто: «ца золо
каменьемъ».

287) Между прочимъ: «поясъ золотъ съ калятою, да съ тул
поясъ золотъ татауръ».

288) П. Р. С. Л. II, 219.

289) Никон. IV, 40. П. С. Р. Л. VI, 66.

290) Тамъ же, стр. 299.

291) Тамъ же, V, 153.

292) Тамъ же, IV, 40.

293) Тамъ же, III, 99: «Бысть постригъ у князя Михаила Ярославича
Тверскаго сыну его Дмитрею».

294) Никон. III, 175.

295) Акты истор. I, № 2.

296) См. Родословныя таблицы.

297) Ник. III, 65.

298) П. С. Р. Л. III, 52: «Оженися князь Олександръ, сынъ Я
лавъ, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотъскѣ у Брючъслава дчерь, и
въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую».

299) См. выше прим. 298.

300) Никон. III, 45.

301) Исторія Россіи, III, 9.

302) С. Г. Г. и Д. I, № 56.

303) Никон. V, 41.

304) Тамъ же, стр. 79 и 112.

305) Тамъ же, стр. 8.

Тамъ же, IV, 202.

См. примѣч. 85.

Никон. III, 183.

Тамъ же, стр. 198.

Тамъ же, стр. 88, 93.

Тамъ же, стр. 61.

Тамъ же, стр. 63.

Тамъ же, стр. 66.

Тамъ же.

П. С. Р. Л. II, 192.

Тамъ же.

Ник. V, 50 : «И медвѣди и съ ларми взимаша къ себѣ».

Это сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ замѣчательно во многихъ зніяхъ : Лука былъ простой поселянинъ, жившій въ 15 верстахъ ожайска, на рѣкѣ Колочѣ ; онъ нашелъ на деревѣ икону Бого-л, отъ которой начали твориться чудеса ; Лука понесъ икону въ скъ, въ Москву ; повсюду появленіе ея сопровождалось чудесами, собралъ отъ приносовъ большое богатство ; разбогатѣвши, онъ илъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ будто князь набралъ отроковъ, вкусно пилъ, ѣлъ, ѣздилъ на охоту съ ястре-соколами и кречетами, держалъ множество псовъ и медвѣдей и лся ими. Мы видѣли, до какой дерзости дошелъ Лука относи-своего князя. Когда медвѣдь оставилъ его чуть живымъ, то Андрей Дмитриевичъ пріѣхалъ къ нему немедленно, и сталъ го-ему : «Зачѣмъ ты полюбилъ бѣсовское позорище и пляску и іся пьянству? Богъ тебя прославилъ чудотворнымъ образомъ Своей и, а ты низошелъ къ бесполезному мірскому житію ; по дѣломъ акъ и приключилось!» Лука съ плачемъ сталъ умолять князя рас-гаться его богатствомъ на дѣло богоугодное, и князь построилъ ырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи.

) «И пиша долго ноци». Никон. V, 198.

) Никон. III, 48.

) Тамъ же, IV, 294.

) Тамъ же, V, 152 : «Положиша его въ колоду, и осмоливше съ и повезоша его на Москву на носилехъ». — Стр. 154, въ разсказѣ инѣ : «Много же тогда крикъ и вопль бысь, и плачь неутешимъ. омъ мало испивше меду, и легоша въ тойже горницѣ мнози у него снуша, единъ только діаконь его не испилъ тогда, но легъ противу на другой лавицѣ зряше на-нь.»

) Тамъ же, стр. 290.

) П. С. Р. Л. II, 220.

325) Никон. III, 60.

326) Тамъ же, стр. 66. Ср. также стр. 99.

327) Тамъ же, V, 43.

328) П. С. Р. Л. II, 220.

329) Исторія Россіи, т. III, стр. 325, 388 ; стр. 280 ; примѣч. 48

330) Никон. III, 136 : « Яко убо позна (св. митрополитъ Петръ) ; еже изъ міра изхоженіе и часть увиде, призываетъ нѣкоего нис Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ, князь тогда не прилучшуся во градъ. Бѣ же Протасей онъ мужъ чести вѣренъ и всякими добрыми дѣлы украшенъ. »

331) Москов. сбор. 1847 года, стр. 273.

332) Извѣст. Акад. Наукъ по II-му отд. т. V, стр. 351.

333) Никон. V, 214 : « Князь же Дмитрей (Пемьяка), обдумавъ бояры своими, рече. »

334) Акты Истор. I, № 2.

335) С. Г. Г. Д. I, № 27 : « А коли ми будетъ и дань взяти на сѣмъ боярехъ въ великомъ княженъи, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ великомъ княженъи. . . ми дань взяти, какъ и на своихъ. » Тамъ же № 28 : « А кто служить намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ великомъ княженъи, или въ твоей вотчинѣ въ Теери, и на тыхъ не взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости ». — Тамъ же № 76 : « А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля ; а домы и свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью по твоему по землѣ и по водѣ ; а которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ. »

336) С. Г. Г. и Д. I, № 35 : « А которые бояре твои живутъ въ нашей удѣлѣхъ и въ в. княженъи, а ти бояре съ тобою ; а коли ми послать своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ ; а хто живетъ и шихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ вудѣлѣ, а тымъ потому же. — № 36. А хто которому князю служить, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ твоемъ княземъ, которому служить ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, по твоему стѣсти ». №№ 43 и 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52. Въ видѣ исключенія является слѣдующее условіе въ третьемъ договорѣ Донскаго съ Васильемъ Андреевичемъ : « А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, и твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А коли ми будетъ самому всѣсти на конь, а тоби мною ; или ты куды пошлю, и твои бояре съ тобою. » Тамъ же, № 33.

337) Тамъ же, № 27 : « А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ, или чего исвати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе »

у, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собѣ ся, ѣхати имъ на третій, кого себѣ изберуть, тамо ѣхавъ переля.» Тамъ же, № 28: «А кто будеть служа намъ княземъ, а вшолъ во дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ не судити.»

Акты юридич. стр. 177.

Никон. III, 208.

С. Г. Г. и Д. I, № 33.

Тамъ же, № 52.

С. Г. Г. и Д. I, № 37: «А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому эсти опричѣ путныхъ бояръ». № 43: «опричѣ путныхъ бояръ»; «опричѣ бояръ введенныхъ и путниковъ»; № 46: «опроче бояръниковъ»; № 47: «опроче путныхъ бояръ»; № 49 тоже; № 52: «е бояръ введенныхъ и путниковъ».

Акты Арх. Эксп. I, № 51.

Симбир. сборникъ, введение къ бумаг. Кикиныхъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ вездѣ, гдѣ въ памятникахъ бляются слова: *путь*, *ходить*, должно было разумѣть собраніе коходовъ. Никон. VI, 151. О Литовск. путникахъ въ акт. запад. III, № 19.

Никон. IV, 38.

Акты истор. I, № 36; Акты арх. эксп. I, № 21.

Дворцовые разряды, т. I, стр. 491: «Передъ государемъ посланъ номъ окольниковъ Федоръ Васильевичъ Головинъ» Стр. 615: «А иничихъ, передъ государемъ, были дворяне». Что окольниковы при-звали къ старшей дружинѣ, были боярами, видно ясно изъ нѣсколь-ко йшихъ свидѣтельствъ, наприм.: «отъ великого государя бояромъ — окольникову (Морозову) да дворецкому (Бутурлину).» Москов. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскаго двора, № II, стр. 254. Или: къ Кн. Велики къ Менглигирею царю, чтобы Менглигирей царь на его и окольниковаго Костянтина Заболоцкаго къ нему отпустилъ». се, Дѣла Крымск. № III, стр. 24.

С. Г. Г. и Д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ насъ вольнымъ воля». № 83: «А что которые мои бояре и дѣти ии и слуги мои». — Акты истор. I, № 71: «Князи мои и бояре и боярскіе, и люди дворные». — С. Г. Г. и Д. I, № 1: «А изъ Бѣ-Княже, людей не выводити ни княгынни твоей, ни бояромъ твоимъ, рьяномъ твоимъ»; № 3: «ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ».) С. Г. Г. и Д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ насъ вольнымъ воля»; № 76: «А бояромъ и слугамъ межи насъ въ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати.

А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ, а которыхъ бы слугъ села, а имуть жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ и судъ, какъ и на своихъ. № 23.

351) С. Г. Г. и Д. I, № 27: «А которыхъ слуги потягли къ дворянъ тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ съ одного». И «А земль ихъ не купити». № 40: «А тѣхъ бортниковъ, или садован или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не вьси жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, поиди прочь, а сами князю Ивану не надобъ, на которого грамоты полные не будетъ, а ихъ сыну князю Ивану. А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не поддскимъ, воднымъ воля. А кто будетъ подъ дворянскимъ слугъ тѣмъ мои промежи себе не приимають.

352) С. Г. Г. и Д. I, № 21: «А что моихъ бортниковъ и оброчн купленыхъ, которыхъ въ которой росписи, то того (сына). — А что люди купленни въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове и № 24: «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди прикупил кто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни; и посельск ключники, и старосты, или кто ся будетъ у тыхъ людей жениль, и тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо». № 25: «А кто буди казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ или кто будетъ моихъ дѣл что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или кто буди тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, далъ есмь имъ и Также кто будетъ моихъ людей полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, я есмь имъ свободу». № 83: «А что у мене у в. княгини колькое мои моихъ ни есть и большихъ и меньшихъ, и язъ ихъ всѣхъ позамы ослободила».

353) Акты истор. I, № 2: «Коли оставили прадѣди наши Св. Б. родицю, Князь Великий Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрь, а съи бояръ 300, а мужій 600».

354) П. С. Р. Л. II, 207, 210: «Другій бѣшетъ дворный его сл любимый сынъ боярскій».

355) Акты, относ. къ истор. зап. Россіи, I, № 37, 53.

356) П. С. Р. Л. II, стр. 169.

357) Тамъ же, стр. 179.

358) Тамъ же, стр. 214.

359) Акты, относящ. къ истор. зап. Рос. I, № 6; 1383 годъ: «И лостію Божею, мы Велики Князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому брому, кто коли на сесь листь позрить, аже есмо допустили садити на Княжую Луку, на сырмъ корени, у Подолской земли, у Каменецк повѣтъ, Василеви Карачовскому, слузѣ нашему; а дали есмо етѣ всими лѣсы и зъ дубровами, и съ полями и зъ сѣножатми и зъ лугами

ими пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ, на вѣки
»». — Иногда волости давались съ правомъ выкупа за извѣстную
, напр. № 22 : Дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што дер-
ть насъ двѣ селищи, на тыи двѣ селищи записали есмо ему сею
грамотою шестьдесятъ копъ — Подольскими полугрошники; коли
хомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому
или быхомъ выкупити, и и тогда имѣемъ дати ему за тыи двѣ
и шестьдесятъ коп. № 32.

) Тамъ же, № 36 : «А панъ Петръ съ того имѣнья имаеть служити
двѣма копыи». № 45 : «А съ того намъ имають служити и нашимъ
никомъ двумя стрѣльцема на заволаную войну, яко инии земляне
тъ.»

) Тамъ же, № 46.

) Тамъ же, № 59 : «Тое имѣнье изъ вѣка боярьское, а не тяг-
— № 55 : «То старина за Витовта была, повѣдають стары старцы
ики старые : зъ отчинъ боярьскихъ не давана посощина, и тожь
ли, хто што купитъ отчину боярьскую, и съ того тожь не давана
ина; а што приданы Великого Князя Витовта, или иныхъ В. Кня-
съ того давана посощина. А такожь кому даетъ Великий Князь
щину, селище посощинное, а служба будетъ одна была съ того
а, и сядеть самъ бояринъ на томъ селищи, и людей што за собою
тъ на томъ селищи : съ того господарю конемъ служить и на
ъ конь даетъ, а посощины и съ тыхъ людей не даетъ. А при-
и другое селище, съ которого посощина хаживала, и посадить
ка : съ того дають посощину; а што будетъ лѣсъ тогожь селища
не пахыванъ, и тотъ лѣсъ распашеть и посадить людей; и съ
людей нѣтъ посощины. Такожь которому коли боярину далъ бу-
селища посощныи В. К. Витовтъ, или инии В. Князи, и тотъ
тъ посадить слугы своя на тыхъ селищахъ, которымъ же слу-
тпустилъ будетъ В. Князь не давалъ посощины, а будутъ на то
имѣти, а любо добрый договоръ : тыи не имають давати посо-
; а которымъ слугамъ не отпустилъ будетъ В. Князь посощины,
ають давати посощину. Такожь о бобровыи гоны повѣдали тыижь
и : гдѣ берегъ Великого Князя сумежный съ боярьскими, туто
и бобры бобровникомъ и Великого Князя и боярьскимъ, и подѣ-
бобры по старому; а сѣтей, и рожковъ, и осокъ, и собакъ боя-
не держать, и поколодовъ, и кошовъ не ставити. А гдѣ князскимъ
оярскимъ береги ихъ особныи, а В. Князя берегъ не пришлоъ
къ которымъ берегомъ і туто имъ ставити поколодвы и коши,
акы держать и сѣти; какъ мога, такъ имъ бобра ловити. — При-
гн 1457 года см. у Дзялынскаго — Zbior praw Litewskich, p. 28.

- 363) Никон. IV, III.
- 364) Тамъ же, V, 200, 278.
- 365) Акты истор. I, № 13, 36; Акты арх. эксп. I, № 9.
- 366) П. С. Р. Л. II, 175.
- 367) Тамъ же стр. 179; С. Г. Г. и Д. II, № 3.
- 368) П. С. Р. Л. II, 179.
- 369) Тамъ же, стр. 170; Ср. Исторія Россіи, т. III, стр. 17.
- 370) Тамъ же, стр. 165: «Приде вѣсть Данилу, яко Ростиславъ шелъ есть на Литву со всѣми бояры и съ вузники.» Стр. 195: «судомъ же сразившимся не стерпѣша.»
- 371) Тамъ же, стр. 215.
- 372) С. Г. Г. и Д. I, № 43: «А князей же моихъ служебныхъ вотчиною себѣ въ службу не примати; а которыя имуть тебѣ ажити, и имъ въ вотчину свою не вступатися.» Тамъ же, № 56: «Князи служебные, бояре, дѣти боярскіе и земскіе люди. Акты истор. I, № 7: Князи мои и бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные.
- 373) П. С. Р. Л. II, 204.
- 374) Тамъ же, стр. 208.
- 375) Тамъ же, стр. 210.
- 376) Тамъ же, стр. 179.
- 377) С. Г. Г. и Д. I, № 33: А Московская рать хтс ходилъ воеводами тѣ и конѣча съ воеводами, а намъ ихъ не примати № 71. Акты арх. эксп. I, № 64.
- 378) П. С. Р. Л. II, стр. 181. — Тамъ же, IV, стр. 123; А Новгородцы послаша селниковъ Лускихъ и Воцкихъ, и Ижирьскихъ бояръ напередъ. — Но что значать здѣсь селники? жители или владѣльцы селъ?
- 379) Никон. IV, 21.
- 380) П. С. Р. Л. II, 184; Никон. IV, 134.
- 381) П. С. Р. Л. II, 168: Кондрату же любящу русскый бой и посягающе Ляхы свои.
- 382) Тамъ же, стр. 183: Русь тциви суть на брань, да стерпимъ устремленіе ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчи. Тамъ же, стр. 186.
- 383) Никон. IV, 52.
- 384) Тамъ же, V, 192.
- 385) П. С. Р. Л. I, 187.
- 386) Тамъ же, стр. 193: Одинъ же воинъ управи десьяницу свою изъемъ рогатицю изъ пояса своего далече вергъ, срази князя литовскаго съ коня своего. Вар.: Рогатицю.
- 387) Тамъ же, стр. 205.

) Тамъ же, стр. 200: «Борись же пріѣха и приведе сайгать кони, кони и въ сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломи.»

) Тамъ же, стр. 210.

) Никон. III, 41: Совѣтъ бысть на Татарове по всѣмъ градомъ имъ; и посемъ иніи князижъ Русіи, согласившеся межъ собою, ше Татаръ изъ градовъ своихъ. См. т. V, стр. 219.

) Акты арх. эксп. I, № 42. См. также акты истор. I, № 17.

) «А въ Русу ти, княже, ездити осень, а лѣто не ездити, ездити адъ (Възводъ или Озвадо — урочище) звѣря гонить. А въ Лаи, княже, слати осетръникъ и медовара. Или: ехати ти въ Русу тию зиму, а въ Ладугу ехати на третие лѣто, на въздавъ. А княже, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое. А свиныи и за 60 версть отъ города, а дале куда кому годно. Или: А ти, княже, гонити за шестьдесятъ версть около города, а въ эстидесятъ Новгородьцо гонити, князя докладая князя, а дале кому годно. — См. любопытную грамоту в. к. Василя Темнаго имъ тонникамъ, въ Древ. Вивл. ч. II, стр. 406.

«Дворяномъ твоимъ и тивуномъ погонь имати, какъ то пошло.» А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонь имати отъ князя по 5 а отъ тивуна по двѣ куны. Или: а отъ тиуна по двѣ долги.

П. С. Р. Л. III, 57: «И злыхъ съвѣтомъ яшася почисло, творяху ре собѣ легко, а меншимъ зло.»

Никон. IV, 145.

Акты арх. эксп. I, № 32.

Antiquités russes. T. II, p. 490.

П. С. Р. Л. IV, 119.

См. нашей Исторія, т. II, стр. 225.

Никон. III, 110.

Тамъ же, стр. 211.

Тамъ же, IV, 28.

П. С. Р. Л. III, 60.

Никон. IV, 83.

П. С. Р. Л. II, 205, 213.

С. Г. Г. и Д. I, № 55.

П. С. Р. Л. III, 91.

Акты Истор. I, № 60.

Никон. III, 194.

С. Г. Г. и Д. I, № 60.

Тамъ же, № № 21, 27, 33, 34, 35, 40, 45, 60, 71.

Тамъ же, № 86: «А изъ Московскихъ сель даю своей княгинѣ дское у города и зъ двory зъ городскими, что къ нему потягло.»
исторія Россіи. Т. IV.

413) Акты истор. I, № 261.

414) Акты относ. къ истор. запад. Рос. I, № 6. Ср. Временн. Ист. Общ. кн. 16.

415) Собр. древ. грам. и акт. городовъ: Вильна, Ковно и др. № 1 — 10. Акты запад. Россіи, I, № 60.

416) Никон. IV, 23, 37, 255.

417) Тамъ же, стр. 38.

418) Voyages et ambassad. de Guilleber. de Lannoу, p. 19, 22.

419) Никон. IV, 53.

420) Это слово употреблено въ лѣтописи.

421) П. С. Р. Л. IV, 72, 91.

422) Тамъ же, II, 19, 86, 198, 222. Lannoу, p. 24.

423) Акты истор. I, 36: Далъ есми село свое Филиповичи съ домъ, по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ и моеи госпожи великой гини Софьи; а она возьметъ по той ищѣ, съ нивами и съ покосомъ со всею пашнею. См. также Рязанскія грамоты, изд. Пискаревыхъ.

424) Житіе Саввы Вишерскаго, написанное извѣстнымъ Пахомомъ Логоетомъ, рукописное въ библиот. Ундольскаго. Грамоты см. въ Ист. Росс. Іерар. III, стр. 559. Существуетъ и противное мнѣніе, что дѣленіе Новгородской области на пятины принадлежитъ позднему Московскому времени (Ходаковскій въ Русск. истор. Сбор. т. I, стр. 100; Неволинъ — въ Записк. Русск. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 100 и слѣд. Это мнѣніе основывается на томъ, что въ источникахъ Новгородской исторіи о пятинахъ не упоминается раньше Московскаго вѣка. Но мы прежде всего спросимъ: въ позднѣйшихъ одинокихъ источникахъ упоминаются ли пятины? При подобающаго рода вопросахъ первое дѣло смотрѣть на однородность источниковъ, не смѣшивать извѣстій лѣтописныхъ съ извѣстіями, находящимися въ писцовыхъ книгахъ; никакъ нельзя при рѣшеніи историческаго вопроса для одной эпохи приводить только лѣтописныя извѣстія, а для другой писцовыя книги и акты, на нихъ ссылающіеся. Извѣстно, что чѣмъ древнѣе лѣтопись или актъ, тѣмъ замѣтнѣе въ нихъ сохранилась любовь употреблять имена народныхъ вмѣсто именъ государственныхъ, имена жителей областей вмѣсто названія самихъ областей. Лѣтописи не знаетъ ни Польши, ни Богеміи, ни Швеціи, знаетъ только Лужицъ, Чеховъ, Свеевъ: какъ же отъ него требовать, чтобъ вмѣсто Волжскаго онъ говорилъ: Вотская пятина? Въ другихъ же приводимыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы не въ правѣ ожидать названія пятины, ибо названія заключали бы въ себѣ большую неопредѣленность, напр. «Совкупися въ Новгородъ вся волость Новгородская: Пльскія, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане». Наконецъ замѣтимъ, что славянскіе

пятина, Водская земля не есть Водская пятина, слѣд. тамъ, отребляются эти названія, не должно было быть упомянуто слово: . Что Герберштейнъ разумѣлъ пятинны, которыя тянуть къ конто ясно: *Civitas latissimam ditionem in quinque partes distributam t: quaquam quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat:* торыхъ каждая часть тянула къ начальству своей части! — вский и Кеппенъ указали, что пятинны попадаютъ и въ другѣхъ. (Зап. Геогр. Общ. VIII, 43); въ одномъ актѣ 1738 года Моск. Истор. Общ. кн. 17, стр. 17 Смѣси) указываются пятинны еродской епархіи.

Дополн. къ акт. историч. I, № 8.

Акты истор. I, № 13, 36, 25, 28; Дополн. къ акт. истор. I, ; Акты арх. эксп. I, № 18, 39, 44, 37.

Акты арх. эксп. I, № 48.

Акты истор. I, № 59: «Также есьмь игумена съ братьею поль: котораго ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто въ откажетъ, а ихъ старожица, и язъ князь велики тѣхъ хрестьянъ ристѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому».

Акты арх. эксп. I, № 4 и 20.

Тамъ же, № 64: «Которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ сельг села в. князя или въ мои села в. княгини, и въ боярскіе села, вта, не хотя вхати на мою службу, в. князя къ берегу, и язъ в. пожаловалъ игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ есми тѣ вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и е, и язъ в. тѣхъ людей не велѣлъ пушати прочь; а надобѣ въ приставъ посельскому монастырьскому, и онъ емлетъ пристава у намѣстника Углецаго на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли».

Тамъ же, № 44, 46.

Акты истор. I, № 28; Акты арх. эксп. I, № 374.

С. Г. Г. и Д. I, № 33.

Тамъ же, № 21, 24, 25. Акты истор. I, № 255; Акты юрид. стр. 134. Акты, отн. до юрид. быта, I, стр. 548.

Никон. V, 192.

Усть Узы рѣки на Шелони.

П. С. Р. Л. II, 220.

А гостю нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа вревѣ грамотѣ. См. Новгородскія грам. въ I, т. С. Г. Г. и Д.; тамъ № 28.

П. С. Р. Л. III, 102.

Тамъ же, стр. 103.

Допол. къ акт. истор. I, № 6 и 7. Herrmann's Beiträge zur Ge-

schichte des Russischen Reiches, p. 28; Славянскаго — Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Ляббе 1847. Андреевскаго — О договорѣ Новаг. съ Нѣмец. город.

442) С. Г. Г. и Д. II, № 3.

443) Тамъ же, № 8. Этотъ договоръ замѣчательнъ еще тѣмъ, изъ него видна зависимость Смоленска отъ Литвы еще при Гедиминѣ, ибо Смоленскій князь называетъ Гедимина старшимъ братомъ и разуется съ его внѣшними отношеніями.

444) Акты арх. эксп. I, № 16; С. Г. Г. и Д. II, № 14, 16; истор. I, № 22, 58. Lappou, p. 35, 37.

445) Акты относ. къ истор. зап. Рос. I, № 21. Supplementum historiae Russiae monumenta, № XXXVIII, XLI, XLII.

446) Акты истор. I, № 252. Замѣчательно, что еще въ началѣ вѣка Качи-бей или Хаджи-бей, нынѣшняя Одесса, была извѣстна какъ гаванью, принадлежавшею къ Литовско-Русскимъ владѣніямъ; въ 1415 году Ягайло отправилъ Подольскую пшеницу въ Констанцъ. Warowski — Dz. Kog. pol. I, 376.

447) Никон. IV, 54.

448) Тамъ же, IV, 132.

449) Тамъ же, V, 54.

450) Вѣроятно для постройки стѣнъ.

451) Понятно, что здѣсь подъ этими сторонами разумѣется Москва.

452) А. А. Э. I, № 42. Сборникъ библ. гр. А. С. Уварова, № 412.

453) Виленск. акты, I, № 6 и 8.

454) Тамъ же, № 7.

455) Никон. IV, 264: «Загорѣся (Зубцевъ) въ недѣлю порану нача торгъ сниматись».

456) См. статью Казанскаго: Исслѣдованіе о древней Русской монетной системѣ, въ Запискахъ Археолог. Общ. т. III.

457) Г. Егуновъ въ статьѣ своей о древней Русской торговлѣ, изд. в. чат. въ Современ.

458) Г. Казанскій въ означенной выше статьѣ.

459) Исторія Россіи, т. III, стр. 53.

460) Географ. извѣс. 1850 г.

461) Villani — Istog. Fior., I. 6, c. 22, ap. Murat. T. XIII, p. 304; Каченовскій, о кож. деньгахъ, стр. 22; Hammer, стр. 222.

462) При этомъ не должно смѣшивать куны, какъ монетной единицы, съ словомъ: куны въ общемъ значеніи денегъ, всякихъ, какъ металлическихъ, такъ и кожаныхъ.

463) Исторія Россіи, т. III, стр. 51,

464) Никон. III, 160.

-) Тамъ же, IV, 8.
-) П. С. Р. Л. IV, 192.
-) Ник. III, 86.
-) Тамъ же, IV, 85.
-) П. С. Р. Л. III, 112.
-) Житіе св. Михаила Клопскаго, по рукоп. библ. г. Ундольскаго
-).
-) П. С. Р. Л. IV, 110, 123.
-) Тамъ же, III, 239.
-) Никон. III, 211.
-) Тамъ же, IV, 79.
-) Тамъ же, III, 69.
-) Тамъ же, стр. 213.
-) Такъ понимаю я это извѣстіе: «А мастера, старѣшины и на-
ицы быша Русіи родомъ, а Грѣчестіи ученицы». Никон. III, 181.
-) Въ другихъ спискахъ: «Ключницу и хлѣбную каменну».
-) Здѣсь варианты: «узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдѣемъ» и:
иты нѣкимъ хытрецемъ».
-) Здѣсь два чтенія: «бисеромъ и златомъ» и: «бисеромъ зла-
».
- 1) Жаль, что пропущено существительное въ слѣдующемъ извѣ-
: «створи же въ ней (въ церкви св. Богородицы) блаженный пис-
Иванъ отъ древа красна точень и позлащенъ днѣ и внѣ, дивленію
бенъ». Не иконостасъ ли это?
- 2) П. С. Р. Л. III, 50.
- 3) Никон. III, 95.
- 4) Акты истор. I, № 8.
- 5) Акты юридич. стр. 144, 432. Опис. кончины Мих. Яросл. Твер.
Юф. лѣтоп. — Вотъ что говоритъ Ланноа (стр. 20) о головномъ
въ Новгородцевъ: *Ont les dames deux trèches de leurs cheveulz*
ans derrière leurs dos et les hommes une trèche. О Псковичахъ
(. 22): *Et ont les Russes d'icelle ville leurs cheveulz longs espars*
leurs espaulles, et les femmes ont ung ront dèadème derrière leur
es commes les sains.
- 16) Никон. V, 48.
- 17) Твор. св. отцевъ, годъ 3, кн. 3.
- 18) Какъ то сдѣлалъ митрополитъ Евгенийъ въ Словарѣ духовныхъ
ителей, I, 333.
- 19) С. Г. Г. и Д. II, № 2. Григорьева — о достовѣрн. ханскихъ
лковъ.

- 490) Тамъ же, № 7.
- 491) Никон. III, 192.
- 492) Тамъ же, стр. 191. Протоколы Константинопол. патриарха Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 г.
- 493) Тамъ же, Степен. кн. I, 456.
- 494) Акты относ. къ истор. зап. Росс. I, № 25.
- 495) Слово: «на мѣ» вовсе не должно означать здѣсь непремѣнно »въ Литву, въ западную Русь», а просто означаетъ мѣстность значенія.
- 496) Въ настольной грамотѣ Фотія (Акты Истор. I, № 254) въ немъ посвященія Фотіева выставленъ 1393 годъ; это показаніе отвергають 1) актомъ, который никакъ не можетъ быть предпочтенъ означенному акту; во 2) предположеніемъ, что Фотія не стали держать такъ долго въ Константинополь; но причинъ неотправленія его въ Русь могли найти много; въ 3) предположеніемъ, что Литовскіе епископы поставили бы это обстоятельство въ вину Фотію; но какъ стали обвинять Фотія въ томъ, въ чемъ не обвиняли Кипріяна? въ томъ нужно еще предположить, что Литовскіе епископы знали объ этомъ обстоятельствѣ. — Показаній настольной грамоты нельзя опровергать, не показавши прежде, какъ могла произойти такая странность.
- 497) Никон. V, 33.
- 498) Говорятъ: «Виновныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому Фотій нашель нужнымъ обратиться къ совѣсти хитителей. Онъ издалъ увѣщательную грамоту» — и приводитъ грамоту, напечатанную въ Актахъ Истор. I, № 256. Но въ этой грамотѣ говорится не о расхищеніяхъ казны церковной, а объ одномъ случаѣ покражи имущества, принадлежавшаго частному лицу, и положеніи въ церкви на сбереженіе: «Церкви Божіей скровенное взять... да будетъ тое съкровище въсхититъ, да не презреть слезящаго о немъ. дондеже татекрадственное приобрѣтенъе повержетъ рыдающему о немъ и възвратитъ погубившему».
- 499) См. статью: «Фотій, митр. Кіев.» въ прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. XI, 1852 г.
- 500) Въ лѣтописи сохранились имена двоихъ клеветниковъ: Самуила Авраміева, и купца Литовскаго, или торговавшаго въ Литвѣ, Фомы Лазарева. Никон. V, 53, 54.
- 501) Никон. V, 54.
- 502) Акты запад. Рос. I, № 23.
- 503) Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимирскаго, Перемышлянскаго, Смоленскаго, Холмскаго, Туровскаго. Акты зап. Росс. I, № 24.

- 1) Акты зап. Рос. I, № 12.
- 2) Тамъ же, № 25.
- 3) Акты истор. I, № 19.
- 4) Никон. V, 70.
- 5) См. вышепривед. статью: Фотій, М. К. стр. 42.
- 6) Дополн. къ акт. истор. I, № 183.
- 7) Правда, что въ Никон. подъ 1431 годомъ читаемъ: «Тоеже кн. Юрьи Дм. разверже миръ»; но въ 1) на правильность разнїя событїй въ Ник. списокѣ нельзя полагаться; во 2) если князья пришли еще зимою, то за чѣмъ не ѣхали въ Орду ранѣе, а дошли осени?
- 8) Св. Алексїй хотя и родился въ Москвѣ, однако по отцѣ былъ русскаго происхожденїя.
- 9) П. С. Р. Л. IV, 208 и 209.
- 10) Акты истор. I, № 39. — П. С. Р. Л. VI, 162.
- 11) П. С. Р. Л. VI, 167.
- 12) Акты истор. I, № 41, 262.
- 13) Акты истор. I, № 264.
- 14) Тамъ же, № 263.
- 15) Акты запад. Росс. I, № 42.
- 16) Акты арх. эксп. I, № 49.
- 17) Акты истор. I, № 47.
- 18) Тамъ же, № 42.
- 19) Тамъ же, № 48.
- 20) Акты арх. эксп. I, № 80.
- 21) Акты истор. I, № 45.
- 22) Тамъ же, № 61.
- 23) Тамъ же, № 272. Какъ видно на соборѣ были только епископы гей, находившихся въ тѣснѣйшей зависимости отъ Москвы; не ни Новгородскаго, ни Тверскаго, ни Рязанскаго.
- 24) Акты истор. I, № № 62, 63, 273.
- 25) Тамъ же, № 66.
- 26) П. С. Р. Л. VI, 169.
- 27) Акты истор. I, № 69.
- 28) Акты арх. эксп. I, № 9.
- 29) Никон. V, 82.
- 30) Тамъ же, IV, 67.
- 31) Тамъ же, № 266.
- 32) Тамъ же, 73.

- 536) Акты истор. I, № 50.
 537) Тамъ же, № 254.
 538) Акты арх. эксп. I, № 375.
 539) Тамъ же, № 370. Новопоставляемый мѣнялъ свое иноческое на другое.
- 540) Акты истор. I, № 18 ; ср. № 7.
 541) Тамъ же, № 268.
 542) Никон. III, 69.
 543) Тамъ же, стр. 108.
 544) Тамъ же, стр. 193.
 545) Тамъ же, IV, 24.
 546) Церков. уставъ Синодал. библиот. у Карам. V, пр. 232.
 547) Никон. IV, 196. — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Евѣмій обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствованъ о Христѣ, какъ Арій, о Богородицѣ какъ Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакого другаго суда, кромѣ вселенскаго собора. См. Христиан. Чтен. 1852, Апрель.
- 548) Русскія Достопамят. ч. I, стр. 106.
 549) Между прочимъ : « Ни раба на священничество привести, и не прежде господинъ его отпустить предо многими послухи съ помотою и пустить аможе хощеть ; и по поставленіи да не присвоитъ собѣ. . . . Отъ поставляемаго требуется между прочимъ, чтобъ онъ былъ « или резovníкъ, или челяде друча голодомъ и наготою, страданіемъ насилье творя, или дани бѣгая, или чародѣецъ ».
- 550) Акты истор. I, № 57.
 551) Тамъ же, № 57.
 552) Тамъ же, № 61.
 553) Тамъ же, № 64.
 554) Дополн. къ акт. истор. I, № 181.
 555) Акты истор. I, № 253.
 556) Тамъ же, № 11.
 557) Тамъ же, № 44.
 558) Акты арх. эксп. I, № 369.
 559) П. С. Р. Л. IV, 209: « И биша ему челомъ о сборованіи ».
 560) Акты истор. I, № 8.
 561) Между прочимъ: « Какъ измолвить дьяконъ : « со страхомъ Божіимъ и съ вѣрою приступите », тогда бы приходили къ царскимъ дверемъ да причащались, а руки положе къ перьсемъ крестообразно. къ судари бы не прикасались ; такъ же и женкамъ давайте причащенья обѣдни не кончавъ, а причащали бы ся у другихъ дверей, что проти

ертвенника ; а мужи бы къ св. причастью въ вотолахъ не приходили,
 > снимая вотолы ; а на комъ пригодится опашень или шуба, ини бы
 > ипопоясывали.

- 562) Акты истор. I, № 9.
 563) Тамъ же, № 20.
 564) Тамъ же, № 35, № 34.
 565) Тамъ же, № 60.
 566) Тамъ же, № 23.
 567) Тамъ же, № 30.
 568) Тамъ же, № 22.
 569) См. Куницына: Историч. изображ. древ. судопроизвод. стр. 53;
 > торъ неосновательно полагаетъ начало ереси въ Новгородѣ.
 570) Акты истор. I, № 6. П. С. Р. Л. V, 235.
 571) Тамъ же, № 21, 33, 34.
 572) Никон. IV, 70, 277 ; Акты арх. эксп. I. № 9, № 54.
 573) Акты истор. I, № 50.
 574) Тамъ же, III, 190.
 575) П. С. Р. Л. III, 101.
 576) Никон. V, 35.
 577) С. Г. Г. и Д. I, № 22.
 578) Акты арх. эксп. I, № 9.
 579) С. Г. Г. и Д. № 25.
 580) Тамъ же, № 82 и 83.
 581) С. Г. Г. и Д. I, № 21, 39.
 582) П. С. Р. Л. IV, 191, 215 ; V, 22.
 583) Никон. V, 33.
 584) Рукоп. Румянц. Муз. № 155.
 585) Акты относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 26.
 586) Тамъ же, № 29.
 587) Тамъ же, № 62, 65.
 588) См. объ этихъ монастыряхъ Истор. Русск. цер. пер. II, изд. 2,
 > стр. 159 и слѣд.
 589) Акты истор. 12.
 590) Проф. Шевыревъ (Поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон. ч. I, стр. 151)
 > относить дѣйствіе посланія Кириллова къ слишкомъ позднему явленію,
 > именно къ браку князя Александра Ивановича Суздальскаго на дочери
 > великаго князя Василія, и думаетъ, что Суздальскіе князья, Симеонъ и
 > Василій, умерли въ изгнаніи ; но мы видѣли, что одинъ изъ нихъ умеръ
 > въ Вяткѣ, а другой въ Городцѣ, помирившись съ великимъ княземъ Мос-

ковскимъ , и въ этомъ примиреніи именно можетъ допустить ихъ совѣтовъ Кирилловыхъ.

591) Акты Истор. I, № 16.

592) Тамъ же, № 27.

593) Прологъ, 30-го Сентября; рукопис. житіе въ библиот. Ундольскаго, № 146.

594) Какъ напр. св. Павелъ Комельскій.

595) Это случилось съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ, съ Св. Стефаномъ Махрицкимъ, рукопис. житіе перваго въ библиот. гр. Уварова, и второе въ библиот. Ундольскаго, № 178, а. — Были и другаго рода притѣвленія напр. въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ. «Бысть же нужа ииже належащи монастырю отъ архіепископа Евсемя (перваго) овогда ииже съильствиемъ среброиманія, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ. Здѣсь считаю пріятною обязанностію изъявить глубочайшую благодарность графу Алексію Сергѣевичу Уварову и Вуколу Михайловичу Ундольскому за возможность, которую они мнѣ доставили пользоваться прекрасными библиотеками.

596) Никон. IV, 225.

597) Тамъ же, стр. 73.

598) Карамз. V, прим. 254.

599) Акты истор. I, № 5.

600) Допол. къ акт. истор. I, № 180.

601) Акты арх. эксп. I, № 369.

602) Акты истор. I. № 265, 276.

603) Тамъ же, № 37.

604) Акты арх. эксп. I, № 40.

605) Акты истор. I, № 24.

606) П. С. Р. Л. II, 215.

607) Жалованныя монастырямъ грамоты см. въ Собр. Гос. Гр. и Док. № 22, 25, 34, 51, 62, 82, 82. — Акты Истор. I, № 3, 13, 14, 15, 25, 29, 36, 38, 49, 50, 54, 55, 58, 59, 67, 70, 71, 266, 275. — Допол. къ акт. истор. I, № 10, 184 — 197. — Акты арх. эксп. I, № 3, 5, 7, 11, 12, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 373. — Опис. Государ. Арх. стар. дѣлъ, стр. 208. Акты Юрид. стр. 145.

608) Акты Истор. I, № 253.

609) П. С. Р. Л. II, 215.

610) Акты относ. къ истор. зап. Россіи, I, № 7, 13, 14, 28.

611) Тамъ же, № 43.

Акты арх. эксп. I, № 13.

Псковская Судная грамота, Одесса, 1847 г.

) «А Кримскому (читай: Кромскому) татю, и коневому и перевѣт-
я зажиталнику, тѣмъ живота не дати. Чтобъ и на посадѣ покра-
ино дважды е пожаловати, а излицивъ, казнити по его винѣ, и въ
рядъ излицивъ, живота ему не дати, Крим Кромъскому татю. —
гѣсь татьба на посадѣ противополгается татьбѣ на Крому, въ
омъ городѣ, это ясно; но почему такое различіе? Не употреблено
сь слово: Кромскій въ значеніи торговаго, если торгъ нахо-
на Крому, въ Кромномъ городѣ.

) Дополн. къ акт. истор. I, № 189.

) Акты арх. эксп. I, № 28. — Москвитянинъ, 1848, № 2.

) Описаніе Государствъ. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

) Акты юридич. № 71. Не должно забывать, что всѣ означенныя
принадлежать купчимъ Новгородскимъ.

) Тамъ же, № 72.

) Тамъ же, № 110.

) Тамъ же, № 260.

) Тамъ же, № 409. Всѣ эти завѣщанія Новгородскія.

) Акты истор. I, № 255.

) Акты юридич. № 257; Записки археологич. общ. т. III, стр. 250;
тательно Наперсковской грамоты можно успокоиться на объясненіи
ина.

) Dzialynskiego — Zbiór praw Litewskich, 28.

) Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, I, № 30, 31.

) Тамъ же, № 3. Временникъ Москов. истор. общ. кн. 16.

) Никон. IV, 55.

) Тамъ же, стр. 153.

) Тамъ же, V, стр. 93.

) Тамъ же, стр. 125.

) Акты, истор. I № 261.

) С. Г. Г. и Д. т. I, № 18, 28, 31, 35, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52,
3, 80. — Акты арх. эксп. I, № 14.

) Никон. III, 115.

) П. С. Р. Л. II, 208.

) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 39, 40.

) Никон. III, 39.

) П. С. Р. Л. V, 272.

) Акты истор. I, № 261, 267. Акты арх. эксп. I, № 50.

- 640) Лѣтопись XVII вѣка, хранящ. въ Император. Публич. Библ.
- 641) П. С. Р. Л. I, 195: Любовному ученью же и тщанью дн сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послр въ уацѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ (я читаю: не входятъ) нашр (я читаю: написанье) себѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтемъ сати. Никон. III, 59, 86.
- 642) Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847, № 8.
- 643) Твор. Св. Отцевъ, годъ первый, кн. 1, 2, 3. Тамъ же, годъ рой, кн. 1. О Серапionѣ ср. Шевырева — Поѣздка въ Кирилл. монастырѣ II, стр. 36.
- 644) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 182.
- 645) Никон. V, 72.
- 646) П. С. Р. Л. V, 254.
- 647) Тамъ же, VI, 147.
- 648) Степен. кн. I, 410.
- 649) П. С. Р. Л. VI, 325. — Рукоп. библиот. Ундольск. № 297.
- 650) Житіе Св. Іоны Новгород. по рукописи Рум. муз. № 154. Перчисленіе трудовъ Пахомія см. въ Обзорѣ Русской духовной литературы пр. Филарета, въ Уч. Зап. II отд. Акад. Наукъ, кн. III.
- 651) П. С. Р. Л. VI, стр. 182, 320.
- 652) Сахарова — Сказ. Русск. нар. т. II.
- 653) Сборникъ библ. гр. Уварова, № 408.
- 654) Истор. Русск. Церк. пер. II, стр. 62.
- 655) Словарь духов. писат. I, стр. 113.
- 656) Извѣс. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. т. II, л. 14, стлб Сухомлинова о Пчелахъ.
- 657) Исторія Русск. церк. пер. II, стр. 63.
- 658) П. С. Р. Л. VI, 87.
- 659) Истор. Русск. церк. пер. II, стр. 98. Макар. Минен, Февраль.
- 660) Древ. росс. стихотвор. стр. 31.
- 661) П. С. Р. Л. V, 227. — На островѣ Валаамѣ, въ Преображенскомъ монастырѣ показываютъ могилу Магнуса. Карам. IV, прим. 348.
- 662) Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 15, 1852.
- 663) Никон. III, 27.
- 664) Краледвор. рукоп. Ярославъ. — Догадка моя относительно Пахомія основывается во-первыхъ на томъ, что сказаніе о смерти Пахомія находится въ житіи св. Михайла Черниговскаго, написаннаго Пахоміемъ (житіе это указалъ мнѣ г. Ундольскій въ своей библиотекѣ: «Твореніе ермонаха Пахомія св. горы». Начало: «Что реку или что возлагаетъ № 300). Во-вторыхъ преданіе о Саввѣ Сербскомъ указываетъ на Сербію

Сербію. Въ житіи Ярославскихъ князей Василя и Константина бысть сложена многогрѣшнымъ рабомъ Пахоміемъ, рукопис. библ. ол. № 144, а) говорится, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ 2 и 6 мѣсяцевъ, ища отца своего: «баше бо той окаанный царьый родомъ града Ярославля, отъ веси Черемоужскія и дошедь отца его, въ лѣто 6745 взять бысть градъ Ярославль». Изъ Россіи Батый шелъ въ Болгарскую землю, и Богъ охрабрилъ на него короля Владимира, въ сраженіи съ которымъ Батый былъ убитъ.

665) П. С. Р. Л. IV, 75; VI, 90.

666) Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 14.

667) Въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго сказанія видно знакомую съ этимъ третьимъ сказаніемъ или словомъ.

668) Любопытное указаніе на мѣстничество.

669) Карамз. V, прим. 65.

670) Въ такъ наз. Тверской.

671) П. С. Р. Л. VI, 98.

672) Никон. VI, 258.

673) Тамъ же, V, 192. П. С. Р. Л. IV, 103.

674) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 104.

675) Никон. IV, 285; такъ наз. Тверская, стр. 167.

676) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изданъ К. М. Оболенскимъ, Москва, 1851.

677) Т. II, стр. 329.

678) «Отъ начала Русскія земли до княженія великаго князя Ивана Васильевича Московскаго. . . сѣдшу ему княжити послѣ отца своего . к. Василія Ивановича. . . Еще же молю ваше братіе преподобіе и лагородіе чтущихъ и послушающихъ книги сія, еже аще обряцеть то много недостаточное или неисполненное, да не позазритъ ми, не о бѣхъ Кіяннѣхъ родомъ, ни Новагорода, ни Владимира, но отъ вѣси юстовскихъ областей.» — Этотъ лѣтописный сборникъ находился сначала въ рукахъ г. Строева и рассмотрѣнъ имъ подробно; потомъ перелезь въ бібліотеку г. Погодина, и отсюда уже въ Императорскую Публичную. За возможность пользоваться имъ, равно какъ и другими рукописями Императорской Публичной Библиотеки приношу благодарность его превосходительству, барону Модесту Андреевичу Корфу.

679) Никон. IV, 16.

680) Троицкая лѣтоп. у Карамз. V, прим. 148.

681) П. С. Р. Л. IV, 118. — Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ обьисненіи: «глаголетъ бо писаніе». По вѣсѣмъ вѣроятностямъ, это обьисненіе взято изъ того же источника, откуда взято «разсужденіе о

Исторія Россіи. Т. IV.

21

громъ и молніи», находящееся въ книгахъ преподобнаго чюд. Кирилла, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. См. поѣздку туд. Шевырева, ч. II, стр. 24.

682) Одного характера съ Новгородскою четвертою сборни- сяще названіе Софійскихъ лѣтописей.

683) П. С. Р. Л. II, 180.

684) Тамъ же, стр. 220.

685) Тамъ же, 222, 223. Здѣсь я различаю выраженія: «самъ салъ», и просто «списа».

686) Это замѣчено Карамзинымъ, т. III, прим. 113.

687) Лѣтописецъ Литвы и хроника Русская, стараніемъ и пр. Игнатія Даниловича, Вильна, 1827 г. — Даниловича — О Литовскихъ лѣтописяхъ, Жур. Мин. Нар. Просв. 1840, Ноябрь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ЧАВА I-я. Княженіе Василя Димитріевича.	5
ЧАВА II-я. Княженіе Василя Васильевича Темнаго.	55
ЧАВА III-я. Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ кон- чины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василя Васильевича Темнаго.	138
Гримѣчанія.	

М. Дмитрій Еремѣвичъ
ум. 1406 г.

Іоаннъ ж. 1) на се-
стрѣ Витовга Ли-
товскаго; 2) на до-
чери Дмитрія Ере-
мѣвичя; у. 1426 г.

Александръ ж. 1393 Ю
г. на дочери Кн. Мо- на
ложскаго; ум. 1426 г. Дми

Юрій ум. Ворись ум.
1426 г. 1461 г.

Іоаннъ Михаилъ.
упом. 1449 г.

КНЯЗЬЯ

а) Дмит

Данилъ

Василій род.
1371 г. жен.
1390 г. на Со-
ѣи Витовт.
ум. 1425 г.

Юрій р 1373
жен. 1400 г.
АнастасіюЮр-
евнѣ, Кн См-
ленской; ум
1434 г.

Юрій

Іоаннъ

Василій

Семень

род. 1395 г.
ум. 1400 г.

р. 1396 г.
ум. 1417 г.

р. 1415 г. ж.
1433 г. на Ма-
рин, доч. Кн.
Ярослава
Владим. ум.
1462 г.

р. 1405 г.
ум. 1405 г.

Василій ж. на
доч. Кн. Ан-
дрея Влади-
мировича ум.
1448 г.

Димитрій ж.
1436 г. н.
Княжнѣ За-
озерской ум
1453 г.

Іоаннъ

Юрій

Юрій

Андрей

Борисъ

Андрей.

Іоаннъ.

род. 1440
г. ж. 1452
г. на Кн.
Маріи Бо-
рисовнѣ
Тверской.

р. 1437 г.
у. 1441 г.

р. 1441 г.

р. 1446 г.

р. 1449 г.

Іоаннъ

р. 1458 г.

а) Владиміръ

Иванъ род. 1381 г.
ж. 1401 г. на Вас-
съ доч. Кн. Феодо-
ра Ольговича Ря-
занскаго.

Семень ж. 1404 г.
на дочери Кн. Но-
восильскаго; ум.
1426 г.

Андрей ж. на д
Ив. Дм. Всевол-
скаго ум. 1426

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 руб. 50 коп. сер.

7412 086

Digitized by Google